



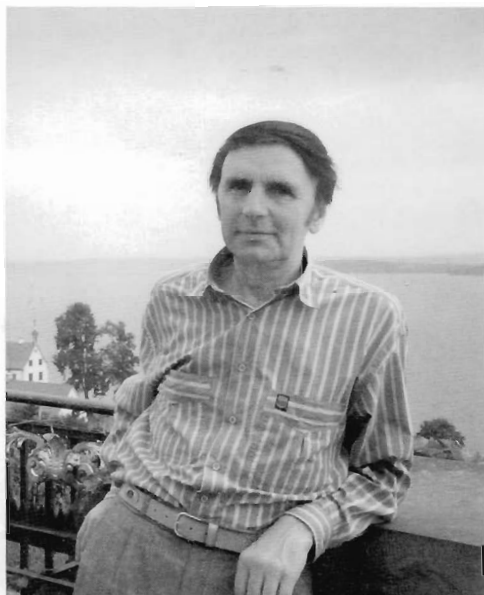
А. А. Зализняк



«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

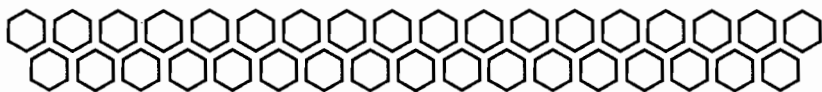
Андрей Анатольевич Зализняк родился в 1935 г. Лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН. Параллельно с работой в Академии наук более двух десятилетий пре-



подавал на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии. С 1982 г. участвует в работе Новгородской археологической экспедиции и посвящает основное внимание изучению новгородских берестяных грамот.

Основные книги: Русское именное словоизменение (1967), Грамматический словарь русского языка (1-е изд. 1977), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной, 1-е изд. 1978), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995), Новгородские грамоты на бересте (в соавторстве с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000).

STUDIA PHILOLOGICA



А. А. Зализняк



«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

*С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ*



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16106

Зализняк А. А.

З 22

«Русское именное словоизменение» с приложением
избранных работ по современному русскому языку и
общему языкознанию. — М.: Языки славянской куль-
туры, 2002. — I–VIII, 752 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-94457-066-0

Сборник представляет собой переиздание книги «Русское
именное словоизменение», дополненное значительным количе-
ством менее крупных работ по современной русской грамматике
и общему языкознанию, написанных в течение последних деся-
тилетий.

81.2Рус-2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-066-0



9 785944 570666 >

© А. А. Зализняк, 2002

© С. А. Крылов. Статья, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	VII
Русское именное словоизменение	I
Введение	3
Часть первая. Грамматические противопоставления в русских именных парадигмах	19
Часть вторая. Внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах	103
<i>Приложение. Перечень элементарных классов и элементарных</i> <i>подклассов русских именных парадигм</i>	300
<i>Предметный указатель</i>	323
<i>Указатель слов</i>	327
<i>Избранная библиография</i>	363
<i>Список сокращений и условных обозначений</i>	365
<i>Оглавление</i>	367
Статья	371
Акцентная система современного русского литературного языка	373
Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода	478
О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных	527
О показателях множественного числа в русском склонении	545
Правило отпадения конечных гласных в русском языке	550
О понятии графемы	559
Древнерусская графика со смещением <i>ъ-о</i> и <i>ь-е</i>	577
О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях	613
К типологии относительного предложения	648
<i>С. А. Крылов. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка</i> <i>30 лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций</i> <i>неоструктуралистской морфологии</i>	699
<i>Библиографическая справка</i>	749

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Со времени выхода в свет «Русского именного словоизменения» прошло 35 лет. При такой временной дистанции становится нереальной (и едва ли оправданной) задача нового редактирования текста в свете того, что произошло за это время в лингвистике. Поэтому мы предпочли ограничиться в настоящем издании лишь исправлением замеченных опечаток. Определенное представление о том, что сохранилось за это время в сфере рассматриваемых в книге проблем и что изменилось, даст читателю публикуемая в этом же томе статья С. А. Крылова.

К «Русскому именному словоизменению» примыкает по тематике ряд других работ, посвященных морфологии и акцентологии современного русского языка, которые тоже переиздаются в составе настоящего тома. Кроме того, в том включены работы разных лет по общелингвистической проблематике.

Май 2002 г.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

РУССКОЕ
ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Книга содержит исчерпывающую классификацию типов склонения имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) в современном русском литературном языке и правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова. Содержащееся в монографии описание системы русского именного словоизменения имеет большое значение, с одной стороны, для таких практических задач, как обучение русскому языку и разработка автоматического синтеза русского текста, с другой стороны, для общей теории словоизменения и для типологического изучения славянских языков.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. ТОПОРОВ

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Термин «словоизменение» может употребляться в двух смыслах — частном и общем. В частном смысле словоизменением данного слова называется его парадигма, т. е. совокупность всех его словоформ¹. В общем смысле словоизменением данного языка называется соответствие, при котором каждому слову отвечает его парадигма (т. е. его частное словоизменение).

Настоящая книга представляет собой описание именного словоизменения современного русского литературного языка. Под именовым словоизменением понимается та часть словоизменения, которая охватывает так называемые имена, т. е. слова, традиционно относимые к числу имен существительных, имен прилагательных (сюда же включаются причастия), имен числительных и местоимений². Описание сведено здесь к решению следующей практической задачи: произвести классификацию некоторой точно определенной (при том достаточно большой) совокупности русских именных парадигм и дать основанные на этой классификации правила синтеза именных парадигм, т. е. правила, позволяющие

¹ Более точно о парадигме см. § 1.8. Относительно наиболее общих лингвистических терминов (слово, словоформа, существительное, прилагательное, глагол, словосочетание, синтаксическая связь и т. п.) укажем следующее. Здесь и во всех других случаях, где наша цель состоит лишь в том, чтобы по возможности понятно указать, что именно имеется в виду, мы будем употреблять эти термины без каких-либо пояснений, опираясь непосредственно на лингвистическую традицию. В дальнейшем изложении некоторые из этих терминов будут уточнены. Без пояснений в книге используется также несколько математических терминов: алгоритм, множество, теоретико-множественная сумма, разбиение на классы, матрица. Их определения можно найти, например, в следующих работах: определение термина «алгоритм» — в статье В. А. Успенского «Алгоритм» (см.: «Философская энциклопедия», т. I. М., 1960); определения остальных терминов — в приложении к книге П. С. Александрова «Введение в теорию групп» (М., 1954) или в книге Дж. Кемени, Дж. Снелла, Дж. Томпсона «Введение в конечную математику» (М., 1963).

² Именное словоизменение (как в общем, так и в частном смысле) называют также склонением (так же, как глагольное словоизменение — спряжением). Однако «склонение» часто понимают и в более узком смысле — только как изменение имен по падежам.

построить, в соответствии с существующей литературной нормой, парадигму любого русского имени (из взятой совокупности). Этот раздел русской морфологии изучается уже давно; ему посвящена обширная научная литература. Тем не менее сформулированная выше практическая задача в полном объеме не разрешена.

Непосредственным объектом исследования являются парадигмы всех имен, содержащихся хотя бы в одном из следующих двух словарей: Бильф., АО. Таких имен около 55 000; в дальнейшем мы называем эту совокупность слов «исходным материалом»³. Объем исходного материала достаточно велик для того, чтобы выявились все или почти все возможные типы русских именных парадигм, а также для того, чтобы построенные на его основе правила были практически полезны (т. е. давали лишь незначительный процент ошибок) и за его пределами. В то же время строгое ограничение исследуемого материала дает возможность точно проверить полноту классификации и эффективность любого предлагаемого правила. При изучении отдельных проблем могут быть рассмотрены также те или иные группы слов, не входящие в исходный материал; однако в классификации и правилах синтеза этот дополнительный материал не учитывается.

Всякое описание давно изучаемого объекта, если оно претендует на полноту, неизбежно должно включать значительное количество уже известных фактов, уже встречавшихся трактовок и т. д. Вообще говоря, в таких случаях были бы желательны исторические справки. Однако здесь «история вопроса» так велика, что она должна составить предмет отдельного исследования, едва ли не большего объема, чем само описание. В задачи настоящей работы такое исследование не входило. Имеющиеся в тексте библиографические указания не являются исчерпывающими⁴.

Синтез и классификация

§ 0.2. Описание некоторой совокупности языковых объектов с помощью правил, позволяющих синтезировать (или «породить») эту совокупность из некоторых более простых объектов, уже давно успешно применяется в языкознании; поэтому нет необходимости специально обосновывать законность и эффективность

³ Объем исходного материала определен здесь несколько огрубленно; подробнее см. § 4.1.

⁴ Специально отметим несколько работ, посвященных русскому именному словоизменению, влияние которых наиболее сильно сказалось в настоящей книге: N. Д у г н о в о. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», t. II. Paris, 1922; Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Р. О. Я к о б с о н. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the IV-th International congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958.

такого приема описания⁵. Более сложный вопрос представляет собой соотношение между синтезом и классификацией. Рассмотрим его несколько подробнее.

Приступая к решению задачи синтеза, исследователь непременно уже каким-то образом знает всю описываемую совокупность объектов, т. е. будущий результат процедуры синтеза. Например, он умеет построить парадигму любого слова (если речь идет о синтезе парадигм), грамматически правильную фразу с любым заданным смыслом (если речь идет о синтезе фраз) и т. д. Это знание может быть несколько неопределенным, не сформулированным строго, но оно непременно есть; в противном случае исследователь не мог бы построить никакой практически полезной процедуры синтеза. На основе этого знания исследователь прежде всего выделяет существенные признаки, по которым один объект из описываемой совокупности отличается от другого, т. е. производит некоторую классификацию этой совокупности объектов. Выделенные таким образом признаки включаются в состав исходных сведений для синтеза. Если признаки выделены достаточно удачно, сама процедура синтеза оказывается легко осуществимой.

Таким образом, классификация является необходимой предварительной ступенью для синтеза. Она может выступать в неявной форме, но без нее сколько-нибудь разумный синтез невозможен. Так, например, при синтезе парадигм у русских существительных на *ь* обычно используется дополнительная информация о роде существительного; эта особенность синтеза в действительности определяется тем, что на одном из этапов предшествующей классификации парадигм было обнаружено существование двух типов парадигм с *И. ед. на ь* (соответственно *день* и *тьнь*).

⁵ Отметим лишь, что задача синтеза некоторой совокупности языковых объектов (назовем ее *A*), вообще говоря, может пониматься двояко: 1) требуется построить правила, которые порождают все члены совокупности *A* и не порождают объектов, не принадлежащих *A*; 2) требуется построить правила, позволяющие для любого члена некоторой другой совокупности *B* найти (в частности, построить) соответствующий ей объект из *A*. Разница, таким образом, здесь в том, что в первом случае объекты из совокупности *A* рассматриваются сами по себе, а во втором случае — как функция от некоторых других единиц. Примеры задач первого рода: дать правила порождения полного списка морфем, полного списка словоформ, полного списка словосочетаний, полного списка грамматически правильных фраз данного языка. Примеры задач второго рода: дать правила, позволяющие каждому заданному значению (или комбинации значений) сопоставить выражающую это значение морфему или морфемы (соответственно — словоформу, словосочетание, фразу). Наиболее естественным средством решения задач первого рода являются исчисления, задач второго рода — алгоритмы. Заметим также, что термины «порождение» и «синтез», по-видимому, было бы естественно разграничить, закрепив первый за решением задач первого рода, второй — за решением задач второго рода. Как видно из § 0.1, в настоящей работе под синтезом именных парадигм понимается задача второго рода: дать правила, которые позволяют для каждого имени построить его парадигму.

Возможна, правда, точка зрения, согласно которой классификацию, лежащую в основе синтеза, не нужно формулировать явно и рассматривать как самостоятельную часть описания: при необходимости она может быть усмотрена из самих правил синтеза. Однако такая точка зрения, обычно применяемая, например, при составлении алгоритмов машинной обработки текстов (т. е. при так называемом общении человека с машиной), оказывается неприемлемой, когда речь идет о лингвистическом описании, предназначенном для людей. Дело прежде всего в том, что извлечение классификации из правил синтеза представляет собой весьма нелегкую операцию, которая может к тому же давать неоднозначный результат. Между тем классификация несомненно представляет собой более удобную форму передачи информации о языке от одного человека к другому, чем правила синтеза, по крайней мере когда речь идет о морфологии (именно поэтому традиционные описания морфологии по своей логической структуре обычно приближаются к классификации). Кроме того, в алгоритмах синтеза, которые опираются лишь на неявную классификацию, всегда возможны ошибки, связанные с неполнотой этой предварительной классификации. Наконец, существенно то, что классификация необходима не только для синтеза, но и для ряда других задач; в частности, классификация парадигм необходима для построения различных аналитических процедур, для составления учебников, словарей, справочных пособий и т. д. По указанным причинам классификация именных парадигм дана в настоящем описании в явной форме и при этом отделена от правил синтеза.

Различительные признаки и их значения. Типы классификации

§ 0.3. Сравнивая между собой какие-либо объекты, мы можем установить, например, что они различаются по цвету, по форме и т. д. Цвет (вообще), форму (вообще) и т. п. абстрактные характеристики мы можем назвать в этом случае **р а з л и ч и т е л ь н ы м и п р и з н а к а м и** сравниваемых объектов, а конкретные цвета (например, белый, зеленый и т. д.) или конкретные формы (например, кубическую, шаровую и т. д.), свойственные данным объектам, — **з н а ч е н и я м и** этих различительных признаков. Мы будем говорить, например, что некоторый предмет имеет значение «белый» различительного признака «цвет» (или, что то же самое, различительный признак «цвет» принимает у данного предмета значение «белый»). Другие примеры: различительный признак «род» принимает у слова *дом* значение «мужской»; различительный признак «глухость—звонкость» принимает у фонемы /б/ значение «звонкость». Следует учитывать, что в обиходной, а также и в научной практике слово «признак» (и даже «различительный признак») часто применяется также к тому, что выше на-

звано значением различительного признака (например, говорят: «признак белизны», «фонема /б/ имеет признак звонкости» и т. п.). Во избежание возникающей при этом двусмысленности мы будем в дальнейшем строго придерживаться описанного выше словопотребления, четко разграничивая различительный признак и его значения.

Всякая классификация некоторой совокупности объектов построена на учете тех или иных различительных признаков этих объектов. При этом возможны следующие два случая: 1) каждый различительный признак, используемый в классификации, принимает какое-то из своих значений у каждого классифицируемого объекта; 2) имеется хотя бы один различительный признак, по которому характеризуются не все объекты, а только их часть. Условимся называть классификацию в первом случае у н и в е р с а л ь н о й, во втором — д р е в о в и д н о й. Универсальная классификация позволяет при необходимости получать разбиение всей рассматриваемой совокупности объектов на классы по любому различительному признаку или по любой группе признаков. Древовидная классификация такой возможности не дает. Она образуется чаще всего в результате последовательных делений следующего типа: вся рассматриваемая совокупность объектов делится по некоторому признаку A , например на классы a_1 и a_2 (для простоты здесь можно считать, что все признаки бинарны, что в действительности необязательно); далее класс a_1 делится по признаку B на подклассы b_1 и b_2 , а класс a_2 делится по признаку C на подклассы c_1 и c_2 , и т. д. (Отсюда выбор самого термина «древовидный»). Примером древовидной классификации может служить традиционное деление звуковых единиц на гласные и согласные, с последующим делением гласных, например, по степеням подъема, а согласных по месту образования и т. д. Примером универсальной классификации может служить классификация фонем с помощью различительных признаков, предложенных Р. Якобсоном (при условии, что значение «ни плюс ни минус» признается особым, третьим значением всякого признака).

С чисто технической точки зрения универсальный тип классификации имеет определенные преимущества перед древовидным. Прежде всего он позволяет представить результаты классификации в более обозримом и компактном виде. В частности, можно непосредственно установить степень и существо различия между любыми двумя классифицируемыми объектами: это видно из того, сколько и какие именно различительные признаки принимают у этих объектов разные значения. Универсальный тип классификации позволяет также упростить и унифицировать формулировку самых разнообразных правил (в особенности правил синтета); например, без каких-либо ограничений могут применяться стандартные формулы типа: «проверить, какое значение принимает у рассматриваемого объекта такой-то различительный

признак»; «если рассматриваемый объект имеет такое-то значение определенного различительного признака, то . . .» и т. п.

Более существенна, однако, другая особенность универсальных классификаций, а именно то, что во многих случаях такая классификация позволяет глубже проникнуть в природу рассматриваемой совокупности объектов. В самом деле, первоначальное наблюдение как правило приводит к древовидной классификации наблюдаемых объектов: разделив объекты на классы по самому важному признаку (или признакам), наблюдатель обычно не сразу обнаруживает черты сходства во внутренней организации этих классов (поскольку это сходство замаскировано слишком большим материальным различием между объектами разных классов). Такие черты сходства, если они действительно имеются, открываются при последующем более глубоком изучении; соответственно первоначальная древовидная классификация в той или иной степени изменяется в сторону универсального типа. Так, например, универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные.

Разумеется, далеко не всякая универсальная классификация обладает такого рода внутренними преимуществами перед древовидной. Дело в том, что любую древовидную классификацию можно превратить в универсальную одними лишь внешними, чисто механическими приемами, никак не меняя конечного разбиения объектов на классы. Для этого достаточно ввести для каждого признака, встречающегося во взятой древовидной классификации, некоторое дополнительное значение (назвав его, например, «нулевым») и приписать его всем объектам, которые ранее вообще не характеризовались по данному признаку. (С формальной точки зрения, можно воспользоваться для этой цели даже одним из уже имеющихся значений данного признака.) Кроме того, можно объявить единым признаком любые два признака, выступающие в разных ветвях исходной древовидной классификации (не заботясь о том, есть ли между этими признаками реальное сходство)⁶. Таким образом, переход от древовидной классификации к универсальной может включать в себя как операции, позволяющие адекватнее отобразить природу изучаемого объекта, так и чисто внешние изменения формулировок, способствующие лишь стандартизации описания. Первые можно назвать «содержательной универсализацией», вторые — «механической универсализацией».

В существующих описаниях русской морфологии встречается только древовидный тип классификации. В настоящей работе

⁶ Существуют столь же механические способы превращения любой универсальной классификации в древовидную (здесь нет необходимости их рассматривать).

ввиду описанных выше преимуществ принята классификация универсального типа. Некоторые из ее отличий от существующих древовидных классификаций достигнуты за счет «содержательной универсализации». Там, где другой возможности не представлялось, применена «механическая универсализация».

Описываемая форма языка

§ 0.4. В настоящей работе предполагается, что внешняя сторона любой словоформы представлена в письменной форме ⁷, а именно, записана по правилам действующей орфографии (за исключением случаев, где специально оговорено применение какой-то иной записи). При этом из разных вариантов орфографической записи выбран тот, в котором: 1) обозначается место ударения; 2) буква ё нигде не заменяется буквой е. Этот вариант записи мы будем ниже называть *а к ц е н т у и р о в а н н о й о р ф о г р а ф и ч е с к о й з а п и с ь ю*. В частности, в акцентуированной орфографической записи внешняя сторона словоформ предстает в начальный момент классификации парадигм; эта же запись является конечным результатом работы правил синтеза.

Наряду с акцентуированной орфографической записью, в некоторых разделах книги используется особая вспомогательная запись. Она является производной от акцентуированной орфографической записи (т. е. получается из последней по определенным правилам преобразования) и рассматривается лишь как технический прием, упрощающий некоторые разделы классификации и некоторые этапы синтеза. (Подробнее о роли вспомогательной записи см. § 6.35—6.36.)

Орфографическая запись отличается от прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята. Именно она является нормальной формой фиксации уже созданных и создаваемых ныне русских текстов. Она же (обычно в своем акцентуированном варианте) применяется и в подавляющем большинстве существующих описаний русского языка, в частности во всех словарях. Все прочие виды записи — в частности, фонетическая, фонологическая, морфонологическая транскрипции — существуют не столько в реализованном виде (т. е. в виде записанных соответствующим образом русских текстов), сколько в виде правил,

⁷ Подчеркнем специально, что под противопоставлением письменной и устной форм языка здесь подразумевается только различие между записанным и звучащим текстом, а отнюдь не совокупность различий стилистического характера, отличающих тексты, существующие преимущественно в письменной форме (художественная литература, в особенности проза, научная литература, деловые бумаги и т. д.), от текстов, существующих преимущественно в устной форме (разговорных). Это второе различие иногда также называют противопоставлением письменной и устной форм языка.

позволяющих производить такие тексты. Нет и словарей, построенных на какой-либо из этих транскрипций. Правила записи языковых единиц с помощью фонетической, фонологической или морфонологической транскрипции теоретически могут быть независимы от орфографии, т. е. исходить непосредственно из звучания. Однако во всяком практическом изложении этих правил явно или неявно предполагается, что известен также орфографический вид рассматриваемых единиц; тем самым эти правила хотя бы частично предстают в виде «пересчета» от орфографической записи.

Существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно четкую и общеобязательную регламентацию. Что же касается транскрипций разного рода, то здесь, как известно, нет полного единства; поэтому лингвист, пользующийся транскрипцией, обычно вынужден уточнять те или иные особенности используемой им системы транскрипции или даже полностью излагать эту систему.

В настоящей работе в качестве основного источника сведений о том, каковы словоформы рассматриваемых слов, используются словари (подробнее об этом см. § 4.2). Иначе говоря, классификации подвергается не результат собственных наблюдений автора, а материал, собранный усилиями многих лексикографов и грамматистов. Ввиду сказанного выше очевидно, что необходимо либо рассматривать этот материал непосредственно в той записи, которая применяется в словарях (т. е. в акцентуированной орфографической), либо, если предпочтительна какая-то иная запись, дать строгие правила перехода к этой новой записи от акцентуированной орфографической. Понятно, однако, что даже и в последнем случае в качестве исходной, первичной записи словоформ фактически выступает акцентуированная орфографическая, а переход к другой записи естественно рассматривать уже как начальный этап описания (ср. выше о вспомогательной записи). Таким образом, выбор акцентуированной орфографической записи обусловлен прежде всего существующей лексикографической и грамматической традицией.

Сама эта традиция, однако, имеет под собой глубокие основания. Дело в том, что для практики непосредственную ценность представляют только две формы существования языковых единиц: устная и обычная (т. е. неакцентуированная) орфографическая. В самом деле, всякую словоформу или иную языковую единицу необходимо, во-первых, уметь правильно произнести, во-вторых, уметь общепринятым образом записать. В русском языке ни одна из указанных форм не может быть выведена из другой непосредственно, без привлечения значительного количества дополнительной информации. В то же время из акцентуированной орфографической записи языковых единиц можно с помощью сравнительно простых правил получить как обычную

орфографическую запись, так и устную форму этих единиц⁸. Таким образом, акцентуированная орфографическая запись удовлетворяет сразу обеим указанным выше практическим потребностям. Именно это и делает целесообразным использование ее в словарях и грамматиках.

Вспомогательные указания

§ 0.5. В работе используется следующая классификация букв русского алфавита: 1) гласные буквы (сокращенно просто «гласные»): *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 2) согласные буквы (сокращенно просто «согласные»): *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* (четыре из них: *ж, ш, ч, щ* — называются «шипящими»⁹); 3) *ь*; 4) *ъ*. Как особая буква русского алфавита (помещающаяся в самом его конце) рассматривается также дефис¹⁰.

В последующем изложении может быть использован термин «слог». Ему придается следующее значение: слог — это часть словоформы, содержащая ровно одну гласную и произвольное количество других букв. Для целей настоящей работы такого определения достаточно, поскольку во всех случаях, где будет применяться понятие слога, будет существенно лишь то, сколько слогов со-

⁸ Для перехода от акцентуированной орфографической записи к неакцентуированной достаточно снять знаки ударения. Переход к устной форме совершается по правилам, которые в практике преподавания называются «правилами чтения». Наиболее полным сводом таких правил для современного русского языка является работа Р. И. Аванесова «Сведения о произношении и ударении», включенная в АО (стр. 664—708).

⁹ Мы используем для единиц графического уровня названия «гласные», «согласные», также «шипящие» и т. д., относящиеся по своей природе к единицам фонетического уровня. В работе, где единицы фонетического уровня не рассматриваются, это не приведет ни к каким недоразумениям. Единственное неудобство состоит в том, что такое словоупотребление внешне перекликается с донаучным неразличением буквы и звука; мы полагаем, однако, что на современном уровне развития языкознания это уже не опасно.

¹⁰ Исключение составляет случай, когда дефис ставится, в соответствии с традицией, перед отдельно выписанным окончанием, например: «окончание *-ами*» (с формальной точки зрения этот случай опознается по тому, что дефис стоит в начале выписанной буквенной цепочки). Здесь дефис не считается самостоятельной буквой и, следовательно, не входит в состав цепочки, образующей окончание.

Отметим, кроме того, что особой буквой русского алфавита должен считаться также апостроф: он содержится в некоторых иностранных собственных именах, например *Жанна д'Арк, д'Обинье, О'Киттор*. Однако в наш исходный материал ни одно слово, содержащее апостроф, не входит. Это обстоятельство существенно для § 6.26 и 6.39, где апостроф использован как вспомогательный символ с иной функцией. (Для того, чтобы правила этих параграфов давали верный результат также для слов с апострофом, необходимо либо использовать там в качестве вспомогательного какой-нибудь другой символ, либо дополнить эти параграфы правилами, предусматривающими какое-то преобразование обычного, «орфографического», апострофа.)

ставляет заданная буквенная цепочка, а этот вопрос на основании данного определения решается однозначно. В частности, мы будем различать «слоговые» (т. е. образующие хотя бы один слог) и «неслоговые» (т. е. не образующие самостоятельного слога, иначе говоря, не содержащие гласной) буквенные цепочки; так, например, словоформа *ка́мень* имеет слоговую (а именно, двусложную) основу *камен* и неслоговое окончание *ь*.

В соответствии с § 0.4 предполагается, что в каждой словоформе, рассматриваемой в настоящей работе, над одной из гласных стоит знак главного ударения (´)¹¹. (В дальнейшем главное ударение называется просто ударением.) Мы будем говорить об этой гласной, что на нее падает ударение; то же самое может быть сказано и о слоге, содержащем эту гласную. Таким образом, формулировка «ударение падает на такой-то по счету слог» равносильна формулировке «ударение падает на такую-то по счету гласную».

Практически, однако, приводя словоформы или фразы в тексте книги, мы будем как правило опускать знаки ударения в следующих случаях: 1) если приводится целая фраза или словосочетание (т. е. любой связный текст, состоящий из двух или более словоформ), например: *вижу этого юношу, белая стена* (вместо *ви́жу этого юношу, бе́лая стена́*); 2) в словоформах, где ударение падает на *ё* и во всех односложных словоформах (даже если они приводятся изолированно)¹², например: *тётя, трёхрублёвый, дом, нуль* (вместо *те́тя, трё́хрубле́вый, до́м, ну́ль*)¹³. Таким образом, следует различать, с одной стороны, тот вид словоформ, который является объектом нашего изучения (т. е. акцентуированную орфографическую запись), с другой — способ цитирования этих словоформ в тексте книги.

Необходимо специально подчеркнуть, что буква со знаком ударения не рассматривается как особая буква; так, например, считается, что словоформы *за́мок* и *замо́к* имеют одинаковый буквенный состав. В дальнейшем везде, где специально не оговорено обратное, под одинаковостью двух морфологических элементов (основ, окончаний и т. п.) будет пониматься именно одинаковость их буквенного состава; поэтому допустима, например, такая формулировка: «основы словоформ *гло́вы* и *го́лва* одинаковы, но имеют равное место ударения».

¹¹ Следует учитывать, что в наше рассмотрение не входят словоформы служебных слов (например, *е, и, на, для*). В работе не рассматриваются также случаи полной утраты ударения некоторыми именными словоформами в связи с переходом ударения на предлог (например, *в́а голо́ву, пб́д но́ги, пб́ полу, н́а пять*); см. § 4.2.

¹² В словоформах, содержащих более одного *ё*, ударение всегда падает на последнее из них. Таким образом, знаки ударения, опущенные в соответствии с пунктом 2, восстанавливаются однозначно.

¹³ Разумеется, везде, где это почему-либо существенно, знак ударения может быть сохранен, например: *не знаю́ числа́* (ср. *не знаю́ числа*).

Как известно, помимо главного ударения, в русском языке существует также второстепенное ударение (обозначается знаком ^ˊ); оно характеризует начальный компонент (или начальные компоненты) многих составных слов, например: *радиопереда́ча*, *электрoприбо́р*, *электромашинoстро́ение*. Однако в отличие от главного ударения оно не является средством словозменения, т. е. средством, способным противопоставить одни словоформы какой-либо парадигмы другим. Поэтому второстепенное ударение в настоящем описании вообще не учитывается¹⁴ и его знак в словоформах не ставится.

Мы будем называть исходной ту словоформу слова, которой это слово представлено в словарях (некоторые уточнения см. в § 3.2 и 3.4). Исходная словоформа обычно выступает в качестве названия самого слова, например: *дом*, *бе́лый*, *я*.

Выражение «слова на *x*» (где *x* — некоторая буквенная цепочка) ниже везде означает: «слова, исходная словоформа которых оканчивается на *x*». Точно так же выражение «слова с основой на *x*» означает: «слова, у которых основа исходной словоформы оканчивается на *x*». Цепочка *x* может иметь на одной из своих букв знак ударения. Это значит, что имеются в виду только исходные словоформы с указанным положением ударения; например, «слова на *ня*» — это *лыжнѝя*, *ступнѝя*, *пятернѝя* и т. д. (но не *пѝсня*, *ба́рышня*). Если при цепочке *x* дано уточнение «безударное», имеются в виду только исходные словоформы, где ударение за пределами конечного *x*; например, «слова на безударное *ня*» — это *пѝсня*, *ба́рышня* и т. д. Если же цепочка *x* не имеет ни знака ударения, ни указания «безударное», это значит, что положение ударения в исходной словоформе безразлично; так, например, «слова на *ня*» — это *лыжнѝя*, *ступнѝя*, *пятернѝя*, *пѝсня*, *ба́рышня* и т. д.

Списки слов как правило даются либо в обычном алфавитном порядке, либо в том порядке (не имеющем общепринятого названия), который используется в так называемых обратных словарях, например в Бильф. Второй из этих порядков мы будем ниже называть «обратным алфавитным» (это несколько неопределенное название следует считать просто условным; оно выбрано потому, что более корректные названия слишком громоздки). Только в обратном алфавитном порядке даются списки слов, представленные в виде нескольких столбцов.

Строение книги

§ 0.6. В настоящей книге автор исходит из вполне определенного представления о том, какова парадигма каждого из 55 000 русских имен, образующих исходный материал (т. е. каковы

¹⁴ Косвенным образом оно учитывается, правда, в некоторых особых случаях, рассматриваемых в § 6.26.

встречающиеся в данной парадигме грамматические значения и каковы отвечающие им словоформы). С точки зрения автора, это представление в некотором точно не определяемом смысле соответствует реальным фактам русского языка. Несколько упрощая истинное положение вещей, можно сказать, что единственная обязательная задача книги — строго изложить это представление, а любые другие задачи носят лишь попутный и факультативный характер. Специально подчеркнем, что в книге ни в какой мере не ставится задача (к тому же невыполнимая) доказать, что данное представление о парадигмах русских имен является единственно возможным или даже наилучшим. Любые разделы книги, которые могут быть истолкованы как попытки такого рода, следует рассматривать лишь как изложение мотивов, которыми руководствовался автор.

На способ решения указанной задачи накладываются, однако, некоторые дополнительные требования, которые признаются естественными для любой лингвистической работы, хотя и с трудом поддаются формулировке. Так, указанную задачу, вообще говоря, можно было бы решить «прямолинейно» — просто составить таблицу следующего вида (содержащую 55 000 строк):

С л о в о	П а р а д и г м а
«три»	И. <i>три</i> , Р. <i>трѣх</i> , Д. <i>трѣм</i> , ...
«город»	И. ед. <i>гѣрод</i> , Р. ед. <i>гѣрода</i> , ...
«новый»	И. ед. муж. <i>нѣвый</i> , И. ед. жен. <i>нѣвая</i> , ...
и т. д.	

Однако такое решение, даже если не принимать во внимание его чрезмерную громоздкость, явно неудовлетворительно для лингвиста, поскольку оно не вскрывает никаких закономерностей, управляющих строением парадигм, или, как говорят, не имеет никакой «объяснительной силы»¹⁵. Чтобы удовлетворить содержательным требованиям такого рода, указанная основная задача решается построением более сложных, но в то же время более общих правил синтеза (т. е. таких, которые обрабатывают целые классы слов, а не индивидуальные слова). Эти правила позволяют построить парадигму любого имени на основании его исходной словоформы и некоторого ограниченного количества дополнительных сведений. Правила синтеза вырабатываются на основе предварительной классификации парадигм (иначе говоря, клас-

¹⁵ Внешним признаком неудовлетворительности такого решения можно считать, в частности, то, что оно совершенно не позволяет «предсказать» парадигмы слов, не входящих в исходный материал (не говоря уже о вновь образуемых словах). Недостатком по существу является то, что оно, по-видимому, решительно не соответствует той форме, в которой информация о парадигмах слов содержится в сознании носителей языка.

сификации строк описанной выше воображаемой таблицы). В соответствии с § 0.2, в книге излагаются как сами эти правила, так и лежащая в их основе классификация парадигм.

Все изложение мыслится как подчиненное решению указанной основной задачи и развивается следующим образом. В гл. 1 формулируется система исходных понятий, важнейшими из которых являются понятия словоформы, грамматической категории и парадигмы. В гл. 2 приводятся содержательные мотивы для признания у русских имен тех или иных грамматических категорий. В гл. 3 парадигмы классифицируются с точки зрения того, по каким грамматическим категориям противопоставляются принадлежащие этим парадигмам словоформы. Гл. 4 носит вспомогательный характер: в ней уточняется объем исходного материала и принципы его обработки. Изложение этих принципов опирается на гл. 3; в свою очередь на гл. 4 опираются гл. 5 и 6. В гл. 5 вводится понятие эквивалентности парадигм, служащее формальным аналогом расплывчатого понятия «склоняться так же, как». В гл. 6 вводится система различительных признаков парадигм, позволяющая завершить классификацию парадигм, начатую еще в гл. 3. Парадигмы классифицируются здесь по их внешней стороне (т. е. по внешней стороне принадлежащих им словоформ). Наконец, в гл. 7 изложение завершается формулировкой правил синтеза.

Содержание книги естественным образом распадается на две части — первую, посвященную грамматическим противопоставлениям в именных парадигмах (гл. 1—3), и вторую, посвященную внешнему выражению этих противопоставлений (гл. 4—7).

Текст работы может быть разделен на основной и дополнительный: к основному тексту относится все то, что с формальной точки зрения необходимо для полноты классификации или эффективности правил синтеза; дополнительный текст включает содержательные пояснения и прочие факультативные сведения. К дополнительному тексту относится гл. 2 (целиком), а в остальных главах — рубрики, обозначенные как *з а м е ч а н и я*, *п о я с н е н и я* или *к о м м е н т а р и и*; остальной текст является основным. Специально отметим, что к основному тексту относятся рубрики, обозначенные как *п р и м е ч а н и я*: содержащиеся в них сведения являются обязательной составной частью соответствующих правил (или иных текстов); без них правила неполны.

Независимо от предыдущего деления текст членится на две части, набранные соответственно крупным и мелким шрифтом. В первую из них входят разделы, посвященные проблемам принципиального характера; во вторую — более конкретные разделы (в частности, тексты большинства правил, списки слов, описание формальных процедур и т. п.), а также описание различных второстепенных деталей. Такое разделение позволяет хотя бы отчасти

воспрепятствовать тому слишком тесному объединению содержательных идей с алгоритмической техникой, которое часто затрудняет чтение формальных описаний языка.

Работая над этой книгой, автор пользовался советами и непосредственной помощью И. А. Мельчука, Е. В. Падучевой и В. А. Успенского. В книге учтены критические замечания Р. И. Аванесова, Ю. Д. Апресяна, В. В. Виноградова, Н. А. Еськовой и П. С. Кузнецова. Указатель слов составлен А. К. Поливановой. Названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ
В РУССКИХ
ИМЕННЫХ
ПАРАДИГМАХ**

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Всякий языковой текст есть двусторонний объект: он имеет внешнюю сторону («выражение») и внутреннюю сторону («содержание»). В соответствии с § 0. 4 мы исходим ниже из того, что внешняя сторона любого рассматриваемого русского текста представлена в письменной (а именно, акцентуированной орфографической) форме, т. е. в виде последовательности букв и пробелов.

Различные смыслы слова «слово»: сегмент, словоформа, лексема

§ 1.2. Едва ли не в любой лингвистической работе встречается слово «слово». К сожалению, оно неоднозначно. В обычном, неспециальном языке оно может употребляться по меньшей мере в пяти различных смыслах:

1—2. Слово как единица внешней стороны текста. Пример такого словоупотребления: *Во фразе «три его три минуты» слово «три» встречается дважды.* В этом значении мы будем употреблять термин с е г м е н т. Поскольку мы исходим из письменной формы текста, под сегментом будет пониматься любая цепочка букв от пробела до пробела с проставленным знаком ударения.

Следует различать к о н к р е т н ы й сегмент — элемент внешней стороны некоторого конкретного текста (занимающий в ней определенное место) и а б с т р а к т н ы й сегмент — понятие, возникающее в силу так называемой абстракции отождествления (т. е. абстракции, позволяющей нам говорить о двух одинаковых объектах как об одном и том же объекте)¹. Так, в приведенном выше примере слово «слово» означает абстрактный сегмент (поскольку первая и третья единица внешней стороны текста рассматриваются как одна и та же единица). Ср. другой пример: *Во фразе «три его три минуты» первые три слова трехбуквенные, а последнее — шестибуквенное.* Здесь «слово» означает конкретный сегмент. При этом можно сказать, что первый и третий конкретные

¹ См. об этом: А. А. М а р к о в. Теория алгорифмов. М.—Л., 1954 (или то же: «Труды Математич. ин-та им. В. А. Стеклова АН СССР», т. 42), стр. 7—9, 12—15.

сегменты во фразе *три его три минуты* одинаковы и являются представителями одного и того же абстрактного сегмента², а первый и второй конкретные сегменты в этой фразе неодинаковы и являются представителями разных абстрактных сегментов.

3—4. Слово как двусторонняя единица текста (т. е. как единица, обладающая и выражением и содержанием). В этом значении мы будем употреблять термин *с л о в о ф о р м а*. Как и в случае сегментов, следует различать конкретные и абстрактные словоформы. Вот пример, когда «слово» означает конкретную словоформу: *Во фразе «мчатся тучи, вьются тучи» четыре слова, из которых первое и третье — глаголы в настоящем времени, а второе и четвертое — существительные во множественном числе*. Вторая и четвертая конкретные словоформы во фразе *мчатся тучи, вьются тучи* одинаковы³ и служат представителями одной и той же абстрактной словоформы, а первая и третья словоформы фразы *три его три минуты* неодинаковы (поскольку имеют — при одинаковой внешней стороне — различные внутренние стороны) и потому суть представители разных абстрактных словоформ. Приведем пример, в котором «слово» означает абстрактную словоформу: *Слово «бра» и слово «брали» переводятся на английский язык одним и тем же словом «took»*. Словоформы (абстрактные и конкретные) мы будем называть иначе *с и н т а г м а т и ч е с к и м и* *с л о в а м и* (абстрактными и конкретными).

5. Слово как единица словаря, т. е. как двусторонняя внетекстовая единица языка, возникающая на основе анализа всех текстов данного языка. Ср. следующий пример: *«Бра» и «брали» — одно и то же слово русского языка*. Такое понимание слова «слово» воплощается в термине *л е к с е м а*. Вместо этого термина мы будем употреблять также — в качестве равнозначного — термин *п а р а д и г м а т и ч е с к о е* *с л о в о*.

Внешней стороной абстрактной словоформы служит некоторый абстрактный сегмент (за исключением особых случаев, см. сноски 30 и 61 в гл. 2). Две абстрактные словоформы, у которых совпадают как внешние, так и внутренние стороны, являются в действительности одной и той же словоформой. Две абстрактные словоформы, имеющие одну и ту же внешнюю, но различные внутренние стороны, называются *о м о н и м н ч н ы м и* *д р у г* *д р у г у*. Таковы словоформы *три* (глагол) и *три* (числительное) в приведенном выше примере или словоформы

² Конкретные сегменты считаются одинаковыми, если они состоят из одинаковых и одинаково расположенных букв и имеют одинаково расположенный знак ударения.

³ Внешней стороной конкретной словоформы служит конкретный сегмент (в исключительных случаях — комбинация конкретных сегментов или часть конкретного сегмента; см. сноски 30 и 61 в гл. 2). Две конкретные словоформы считаются одинаковыми, если они имеют одну и ту же внутреннюю сторону и одинаковые внешние стороны.

шоссé (И. ед.) и *шоссé* (Р. мн.) во фразах *вот наше шоссе* и *построили много хороших шоссе*.

Так же, как внешняя сторона текста распадается на следующие друг за другом сегменты, так сам текст как двусторонний объект распадается на следующие друг за другом словоформы. При этом конкретный текст распадается на конкретные словоформы, а абстрактный — на абстрактные.

В отличие от сегментов и словоформ, лексемы не разделяются на конкретные и абстрактные. Все они суть абстрактные объекты. При помощи понятия «собственно номинативное значение», о котором см. ниже (§ 1.5), лексему можно определить как результат отождествления (на основе абстракции отождествления) всех абстрактных словоформ, связанных друг с другом отношением «иметь одно и то же собственно номинативное значение» (все эти словоформы объявляются таким образом в некотором новом смысле «одинаковыми» и представителями той лексемы, которая получается путем их отождествления).

Примечание. При современном состоянии наших знаний о языке только внешняя сторона текста поддается достаточно строгому описанию. Поэтому все, что сказано выше о двусторонних единицах, может претендовать не более чем на роль пояснений, имеющих целью создать у читателя, насколько это возможно, единое с автором понимание некоторых основных терминов.

После того, как понятия разграничены и снабжены соответствующими терминами, можно позволить себе, в целях сокращения, некоторые терминологические вольности. Разумеется, такие вольности допустимы лишь в тех случаях, когда первоначальная «полная» терминология может быть легко восстановлена. Перечислим основные случаи «терминологических сокращений».

1. Прежде всего мы будем как правило опускать прилагательное «абстрактный»⁴ в словосочетаниях «абстрактный сегмент», «абстрактная словоформа» и т. п.

2. Точно так же мы почти всегда будем опускать прилагательное «парадигматический» в словосочетании «парадигматическое слово». Таким образом «слово» (без уточнений) будет означать лексему.

3. Когда говорят, например: а) «словоформа *корбву*», б) «лексема *нбвий*» (=«слово *нбвий*»), — то имеются в виду, конечно, не сами сегменты *корбву* или *нбвий*, а определенные словоформа и лексема. Точный смысл этих словосочетаний таков: а) словоформа, внешней стороной которой является сегмент *корбву*; б) лексема, одним из представителей которой (а именно, так называемой исходной словоформой, см. § 0.5) является словоформа, внешней стороной которой является сегмент *нбвий*. Ясно, однако, что такая «полная» терминология непригодна для прак-

⁴ Ср.: А. А. Марков. Указ. соч., стр. 9.

тического использования из-за своей громоздкости. Поэтому приходится прибегать к метонимии и употреблять для обозначения словоформ и лексем соответствующие им сегменты⁵.

4. Точно так же, метонимическим является следующее весьма распространенное словоупотребление: «словоформа *водá* делится на основу *вод* и окончание *á*»; «в словоформе *водá* ударение стоит на окончании»; «словоформа *водá* состоит из четырех букв» и т. п. Очевидно, что в подобных случаях под словоформой понимается фактически лишь ее внешняя сторона (а в последнем примере даже внешняя сторона минус знак ударения). Такое словоупотребление весьма удобно и практически никогда не ведет к реальной двусмысленности. Поэтому оно широко применяется и в настоящей книге (особенно во второй ее части).

Элементы значения

§ 1.3. Внутренняя часть каждой словоформы может быть разделена на отдельные части — элементы значения. Формального определения термину «элемент значения» не дается. Поясним на примере, что имеется здесь в виду. Рассмотрим словоформу *домиком*. Ее внутреннюю сторону можно расчленить на ряд элементов значения. А именно, эта словоформа:

1) означает вообще предмет;
 2) означает нечто неодушевленное;
 3) означает предмет определенного вида;
 4) означает нечто маленькое;
 5) информирует о том, что имеется в виду один предмет (а не несколько);

6) допускает, например, словосочетания *белым домиком*, *любуюсь домиком*, *перед домиком* и не допускает *хорошо домиком* (иначе говоря, принадлежит к классу словоформ с синтаксическими функциями существительного);

7) допускает, например, словосочетания *белым домиком* или *домиком, который стоит на горе*, и не допускает *белой домиком* или *домиком, которое стоит на горе* (т. е. относится к мужскому роду);

8) допускает, например, словосочетание *домиком, который я построил*, и не допускает *домиком, которого я построил* (этот элемент значения можно назвать «синтаксической неодушевленностью»);

9) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белыми домиком* (этот элемент значения можно назвать «синтаксическим ед. числом»);

⁵ Разумеется, если сегмент еще не определяет словоформу или лексему однозначно, в их обозначение должны входить какие-то дополнительные указания, например: «словоформа *пбчи* (Д. ед.)», «лексема *лук* (оружье)».

10) допускает, например, словосочетания *любуюсь домиком*, *доволен домиком*, *стою перед домиком* и не допускает *стою в домиком*, *лишился домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиненным Т. падежом»);

11) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белому домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиняющим Т. падежом»).

Важно подчеркнуть, однако, что выделение тех или иных элементов значения существенно зависит от выбранного способа описания и поэтому не полностью избавлено от произвола. Так, выделение элементов значения в приведенном примере соответствует принятому в настоящей книге способу описания русского именного словоизменения. Для других целей может потребоваться и несколько иное выделение; в частности, некоторые из выделенных элементов значения (например, элемент 3) можно расчленивать; самостоятельными элементами значения могут быть признаны также некоторые более тонкие синтаксические свойства данной словоформы.

Всякий элемент значения входит в некоторый ряд о д н о р о д н ы х с ним (и противопоставленных ему) элементов. Так, элемент значения «единичность» (№ 5) входит в ряд «единичность — множественность», элемент значения «мужской род» (№ 7) — в ряд, состоящий из родов, и т. п. Формального определения понятию однородности не дается.

Для всякой словоформы должно соблюдаться следующее основное требование: ее внутренняя сторона не может содержать двух или более однородных элементов значения.

Номинативные и синтаксические элементы значения

§ 1.4. Элементы значения всякой словоформы могут быть отнесены к одному из двух классов — классу н о м и н а т и в н ы х элементов или классу с и н т а к с и ч е с к и х элементов. Номинативные элементы образуют в своей совокупности н о м и н а т и в н о е значение словоформы, а синтаксические элементы — е е с и н т а к с и ч е с к о е з н а ч е н и е. Так, в приведенном выше анализе словоформы *домиком* номинативными являются элементы 1—5, а синтаксическими — элементы 6—11.

Формального определения номинативных и синтаксических элементов не дается. На неформальном уровне укажем, что здесь имеется в виду то противопоставление, которое называют также противопоставлением несинтаксического и синтаксического или противопоставлением лексического и синтаксического⁶. Разли-

⁶ См.: И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева,

чие между этими двумя типами значений можно в наиболее общей форме передать так: номинативное значение непосредственно отражает («называет») внеязыковую действительность (предметы, события, признаки, отношения и т. д.); синтаксическое значение отражает лишь способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ⁷.

Грамматические и неграмматические элементы значения

§ 1.5. Независимо от предшествующего деления элементов значения на номинативные и синтаксические, их можно разделить по другому основанию на следующие два класса: грамматические элементы и неграмматические элементы. Грамматические элементы значения словоформы образуют в своей совокупности грамматическое значение этой словоформы, а неграмматические — ее неграмматическое значение. В примере, приведенном в § 1.3, грамматическими являются элементы 5—11, а неграмматическими — элементы 1—4.

Формального определения грамматических и неграмматических элементов не дается. На неформальном уровне укажем, что практически мы исходим в этом вопросе из следующих представлений. Грамматическими могут быть как синтаксические, так и номинативные элементы значения. Чтобы элемент значения был признан грамматическим, он должен прежде всего удовлетворять

Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., Изд-во МГУ, 1961.

⁷ Неверно было бы считать, что синтаксические элементы значения словоформ вообще не участвуют в отражении внеязыковой действительности. Так, например, атрибутивная синтаксическая связь между словоформами *белый* и *дом* в словосочетании *белый дом* отражает внеязыковое отношение между домом и белизной (а именно то, что свойство белизны принадлежит дому). Однако здесь означающим для внеязыкового отношения принадлежности является нечто, что существует именно в словосочетании *белый дом* и не может быть просто разложено на две части, принадлежащие соответственно словоформам *белый* и *дом*. Таким образом, синтаксические элементы значения словоформ участвуют в отражении действительности лишь в качестве средства построения означающих другого уровня (ср. фонемы как средство построения морфем). В связи с этим следует признать обоснованным взгляд, согласно которому сам термин «значение» не должен применяться к синтаксическим элементам внутренней стороны словоформ (поскольку эти элементы сами по себе ничего не обозначают); см.: Е. В. Падучева. Об алгоритме анализа английского языка (для перевода через язык-посредник). «Лингвистические исследования по машинному переводу». М., Изд-во ВИНТИ, 1961, стр. 213. — Однако такой подход создает терминологические неудобства; поэтому мы в дальнейшем будем использовать традиционный термин «синтаксическое значение», несмотря на его неточность.

требованию обязательности⁸, которое состоит в следующем. Ряд однородных элементов значения считается обязательным для некоторого класса словоформ, если в любой словоформе этого класса содержится какой-нибудь из членов данного ряда. Элемент значения считается обязательным для некоторой словоформы, если его ряд обязателен для класса словоформ, в который она входит. Поскольку, однако, одна и та же словоформа может входить в разные классы словоформ, обязательность или необязательность некоторого элемента значения для одной и той же словоформы, вообще говоря, зависит от того, какой класс словоформ рассматривается нами как выделенный. Если принять в качестве выделенного класса совокупность всех словоформ русских существительных, то, например, для словоформы *волчийца* обязательными следует признать, в частности, синтаксический элемент «женский род» и номинативный элемент «множественность» (поскольку всякая словоформа русского существительного относится к какому-то роду⁹ и имеет значение либо одного предмета, либо нескольких); напротив, номинативный элемент «женский пол» для этой словоформы не обязателен (не всякое русское существительное означает либо самца, либо самку).

З а м е ч а н и е. Когда речь идет о номинативных элементах значения, вопрос об их обязательности часто бывает нелегко решить. Прежде всего, трудно отличить так называемый немаркированный член противопоставления от отсутствия самого противопоставления (например, единичность от отсутствия такого вопроса связывается с характером внешнего выражения рассматриваемых элементарных значений — прежде всего с наличием или отсутствием соответствующих морфологических показателей (морфем), а также с тем, насколько последовательно эти показатели используются. Правда, указанная выше трудность может сохраниться и на морфологическом уровне, где она предстает как проблема различия между так называемым нулевым показателем и отсутствием какого бы то ни было показателя. Здесь, однако, мы эти вопросы не рассматриваем, поскольку предполагается, что все элементы значения всех словоформ уже каким-то образом выделены.

Соблюдение требования обязательности достаточно для признания грамматическим синтаксическим элементом значения. Для номинативного элемента значения, кроме того, необходимо соблюдение требования **р е г у л я р н о с т и**, которое состоит в следующем. Ряд однородных номинативных элементов значения считается регулярным для некоторого класса словоформ, если все словоформы этого класса (или по крайней мере подавляющее их большинство) можно разбить на группы, такие что в каждую

⁸ О грамматическом как обязательном см.: П. А. М е л ь ч у к. Указ. соч., стр. 34; R. J a k o b s o n. Boas' view of grammatical meaning. «American anthropologist», 1959, v. 61, № 5, p. 2 (Memoir № 89).

⁹ Это, а также некоторые другие утверждения настоящего и следующего параграфов, представляются на первый взгляд неверными из-за существования так называемых *pluralia tantum* (*цифры, саги* и т. п.). Однако это лишь кажущиеся исключения, как будет видно из анализа, данного в гл. 2.

входит столько словоформ, сколько номинативных элементов содержит данный ряд, и внутренняя сторона этих словоформ различается только номинативными элементами из данного ряда. Номинативный элемент значения считается регулярным для словоформы, если его ряд регулярен для класса словоформ, в который она входит. Разумеется, регулярность, как и обязательность, зависит от принятого выделения класса словоформ. Если рассматривать, как и выше, класс, состоящий из всех словоформ русских существительных, то, например, номинативный элемент «множественность» будет признан регулярным для словоформы *волчицам* (поскольку практически для любой словоформы существительного можно построить словоформу противоположного числа); напротив, номинативный элемент «одушевленность» нерегулярен для этой словоформы (поскольку для словоформы существительного обычно нельзя построить словоформу, отличающуюся от нее только по признаку одушевленности—неодушевленности).

Неграмматические номинативные элементы значения словоформ мы будем называть собственно номинативными. В примере, приведенном в § 1.3, это элементы 1—4. Совокупность собственно номинативных элементов значения словоформ образует ее собственно номинативное значение. Заметим, что для дальнейшего нам не потребуется членение собственно номинативного значения на отдельные элементы: нас будет интересовать лишь вопрос о том, совпадают ли собственно номинативные значения двух словоформ или нет (практическое решение этого вопроса указано в § 1.7).

Графемы и грамматические категории

§ 1.6. Два элемента значения могут оказаться связанными таким образом, что в любой словоформе они либо оба присутствуют, либо оба отсутствуют. Такие элементы будем называть сопряженными друг с другом. Так, для широкого класса словоформ сопряжены между собой элементы 1 и 6, 2 и 8, 5 и 9, 10 и 11 из примера, приведенного в § 1.3.

Некоторые ряды однородных элементов находятся друг с другом во взаимно-однозначном соответствии, так что каждый элемент одного ряда сопряжен с соответствующим элементом другого ряда. В таком соответствии находятся, например, такие ряды:

- 1) ряд «семантическая одушевленность—семантическая неодушевленность» и ряд «синтаксическая одушевленность—синтаксическая неодушевленность»;
- 2) ряд «единичность—множественность» и ряд «синтаксическое ед. число—синтаксическое мн. число»;
- 3) ряд «подчиненных» падежей и ряд «подчиняющих» падежей.

Особый интерес для нас будут представлять параллельные ряды однородных грамматических элементов (таковы, например, ряд «единичность—множественность» и ряд «синтаксическое ед. число—синтаксическое мн. число»). Члены каждого из этих рядов естественно объединяются с сопряженными с ними членами параллельного ряда в пары сопряженных элементов. Эти пары оказываются однородными друг другу в том смысле, что будут порознь однородны их составные части.

Введем теперь важное для дальнейшего понятие граммемы¹⁰. Г р а м м е м о й мы будем называть всякий отдельный грамматический элемент значения, для которого не нашлось сопряженного с ним грамматического же элемента, а также всякую пару сопряженных между собой грамматических элементов.

Совокупность всех однородных между собой граммем называется г р а м м а т и ч е с к о й к а т е г о р и е й. Примеры грамматических категорий: число (как обозначение совокупности граммем «ед. число» и «мн. число»), падеж, род и т. д.

З а м е ч а н и е. Как известно, термину «грамматическая категория» в разных лингвистических работах придается разный смысл. Основное расхождение состоит в том, что в одних работах грамматическими категориями называются лингвистические объекты типа «мужской род», «ед. число» и т. д., т. е. то, что мы назвали выше граммемами, а в других — лингвистические объекты типа «род», «число» и т. д. (В некоторых работах этот термин применяется к объектам обоего рода.) В данной работе допускается только словупотребление второго типа.

Основная зависимость, связывающая грамматические значения словоформ и грамматические категории, состоит в том, что грамматическое значение словоформы может содержать не более одной граммемы одной и той же грамматической категории. (Это — следствие из сформулированного в конце § 1.3 требования о невозможности двух однородных элементов в одной словоформе.) Так, например, в грамматическое значение словоформы не могут одновременно входить граммемы «Д. падеж» и «П. падеж», «ед. число» и «мн. число» и т. п.

Лексема

§ 1.7. Как уже указано в § 1.2, понятие лексемы образуется путем применения абстракции отождествления к списку всех словоформ с одним и тем же собственно номинативным значением.

Практически мы будем решать вопрос о границах лексемы (или, что то же самое, вопрос о тождестве или нетождестве соб-

¹⁰ Относительно термина «граммема» см.: К. Р i k e. Grammatical theory. — General linguistics, 1957, v. 2, стр. 2; Он же. On tagmèmes néés grammemes. — IJAL, 1958, v. 24, p. 4; Вяч. Вс. П в а н о в, В. Н. Т о н о р о в. Саяскрит. М., 1960; З. М. В о л о д ц к а я и Т. Н. М о л о ш н а я. О некоторых понятиях морфологии. Исследования по структурной типологии. М., 1963.

ственно номинативных значений двух произвольных словоформ) в соответствии с лексикографической традицией, а именно, мы будем считать, что каждая словарная статья словаря-источника отражает самостоятельную лексему и притом ровно одну¹¹. Иначе говоря, собственно номинативные значения двух словоформ признаются тождественными в том и только в том случае, когда эти словоформы относятся к одной и той же словарной статье словаря-источника (предполагается, что мы умеем опознавать, скажем, словоформу *волчицам* как относящуюся к словарной статье «волчица»). Поэтому, например, мы считаем, что словоформы *лайка* (собака) и *лайка* (сорт кожи) имеют различные собственно номинативные значения (и уже потому сами различны), тогда как сегменту *пионер* соответствует только одна словоформа (собственно номинативное значение которой включает одновременно и смысл 'первооткрыватель' и смысл 'член пионерской организации').

Общее для всех словоформ данной лексемы собственно номинативное значение называется **з н а ч е н и е м л е к с е м ы**.

П р и м е ч а н и е. Поскольку «слово» (без уточнения) означает у нас лексему, словосочетание «значение слова» должно пониматься как значение лексемы. Однако традиционное понимание этого словосочетания несколько иное: значением слова называют каждый из допускаемых им не тождественных, хотя и близких смыслов (и поэтому слово, имеющее много смыслов, называется многозначным); так, одним значением слова *пионер* является 'первооткрыватель', другим — 'член пионерской организации' и т. д. К сожалению, избежать этого традиционного словоупотребления во многих случаях почти невозможно. Таким образом, в настоящей книге словосочетание «значение слова» может быть употреблено как в первом, так и во втором смысле; нужный смысл должен устанавливаться из контекста.

Две различные лексемы называются **о м о н и м и ч н ы м и** друг другу, если их словоформы соответственно (т. е. при совпадающих грамматических значениях) **о м о н и м и ч н ы**. Омонимичными будут, например, лексемы *проказа* (шалость) и *проказа* (болезнь), *фбкус* (трюк) и *фбкус* (в оптике).

Для наглядности лексему можно представлять себе просто в виде списка ее словоформ. В недвусмысленных случаях (а именно, когда отсутствует омонимия лексем) можно представлять себе лексему еще более наглядно — в виде списка сегментов, выражающих словоформы этой лексемы. В таком списке можно не повторять совпадающие сегменты. Тогда, например, лексеме «мысль» будет соответствовать список: *мысль, мысли, мыслью, мыслей, мыслям, мыслями, мыслях*. Каждый сегмент, встречающийся в подобном списке (т. е. являющийся внешней стороной одной из словоформ рассматриваемой лексемы) мы будем называть **сегментом данной лексемы**.

¹¹ О словарях-источниках см. § 4.2. Некоторые поправки к сформулированному здесь общему принципу вытекают из § 4.1 (см., в частности, стр. 105, пункт 1 и примеч. к нему).

Две словоформы, принадлежащие к одной лексеме и имеющие одинаковое грамматическое значение, называются вариантами и друг друга. Например, вариантами друг друга являются словоформы *кárтой* и *кárтою*, *мбста* и *мостá*, *тра́кторы* и *тракторá*. При построении текста наличие словоформ-вариантов может быть использовано, например, в метрических целях; нередко за словоформами-вариантами закрепляются разные стилистические оттенки (ср., например, *тб́кари* и *токаря́*). Специально отметим, что в соответствии с изложенным выше практическим решением о границах лексемы вариантами друг друга формально признаются также словоформы *ли́стья* и *листьí*, *зубы* и *зубья*, *тормо́зá* и *тбрмозы* и т. п. (где внешние различия соответствуют различию смыслов, ср. *ли́стья дерева* и *листья бумаги*, *зубы волка* и *зубья бороны*, *тормоза автомобиля* и *тормозы экономического развития*).

Мы будем говорить про грамматическое значение любой словоформы некоторой лексемы, что оно представлено у этой лексемы. Набор всех представленных у некоторой лексемы грамматических значений никогда не включает всех вообще возможных грамматических значений. Однако отсутствие какого-либо из них в этом наборе может носить различный характер. Так, например, у лексемы *стенá* не представлено грамматического значения «И. ед. муж. рода», и его отсутствие рассматривается как нормальное. Напротив, то, что у лексемы *не́кого* не представлено грамматического значения «И. падеж», естественно считать отклонением от нормы, своего рода лакуной. Таким образом, положение таково, как если бы для каждой лексемы существовал свой «ожидаемый» набор грамматических значений, который может совпадать или не совпадать с представленным у нее набором. Набор представленных у некоторой лексемы грамматических значений, который не совпадает с «ожидаемым» набором грамматических значений, мы будем называть *дефектным*; про грамматические значения, входящие в «ожидаемый» набор грамматических значений, но не входящие в представленный у данной лексемы набор, мы будем говорить, что они дополнительно *приписаны* этой лексеме. Формального определения дефектности не дается.

В настоящей работе принимается следующее допущение: предполагается, что про всякую лексему известно, является ли набор представленных у нее грамматических значений дефектным, и если да, то какие именно грамматические значения дополнительно приписываются данной лексеме. У каких именно лексем набор представленных грамматических значений признается в настоящей работе дефектным, указано в § 3.4.

Парадигма

§ 1.8. Совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы или дополнительно приписанных ей, с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой лексемы имеет данное грамматическое значение, называется п а р а д и г м о й данной лексемы. Таким образом, парадигма ставит в соответствие друг другу грамматические значения и словоформы. При этом обычно грамматическому значению соответствует ровно одна словоформа. Несколько словоформ соответствуют одному грамматическому значению, только если они являются вариантами друг друга. Наконец, некоторым грамматическим значениям (а именно, всем дополнительно приписанным) не соответствует никакой словоформы. В дальнейшем мы будем часто пользоваться следующим образным представлением парадигмы: парадигма есть набор клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое грамматическое значение и содержит одну словоформу (нормальный случай) или несколько словоформ (являющихся вариантами друг друга) или ничего не содержит (так называемая пустая клетка). (В § 1.10 будет дано некоторое уточнение к этому способу представления парадигмы.) Кроме того, используя равнозначность терминов «лексема» и «(парадигматическое) слово», мы будем в дальнейшем говорить: «парадигма данного слова», «парадигма слова *волк*» и т. п., а также сокращенно — «парадигма *волк*» и т. п. Сокращение последнего типа позволяет также вообще пользоваться термином «парадигма» без уточнения в родительном падеже (т. е. в значении «парадигма некоторого слова») ¹².

Мы будем говорить как о грамматических значениях, представленных у некоторой лексемы, так и о грамматических значениях, приписанных ей, что они п р е д с т а в л е н ы в парадигме этой лексемы. Парадигму, имеющую хотя бы одну пустую клетку, мы будем называть д е ф е к т н о й. (Поятно, что дефектными являются парадигмы лексем с дефектным набором представленных грамматических значений.)

З а м е ч а н и е. В лингвистической практике допускается выделение собственно номинативного и грамматического значения не только у отдельных словоформ, но и у словосочетаний. При этом может быть признано, что собственно номинативное значение некоторого словосочетания совпадает с собственно номинативным значением одной из словоформ, входящих в это словосочетание. Такие словосочетания обычно называются «аналитическими формами» той лексемы, которая характеризуется данным собственно номинативным значением. Если прибавить к парадигме такой лексемы дополнительные клетки, содержащие все аналитические формы этой лексемы и имеющие в качестве названий грамматические значения этих аналитических форм, мы

¹² Заметим, что в связи с этим в некоторых контекстах термины «парадигма» и «слово» («лексема») оказываются практически равнозначными.

получим так называемую расширенную парадигму этой лексемы. При изучении русского словоизменения понятие расширенной парадигмы необходимо прежде всего для описания глагола. При описании имени (в тех пределах, которые выбраны в настоящей работе) это понятие не используется.

Словоизменительные и классифицирующие грамматические категории

§ 1.9. Мы будем говорить, что грамматическая категория является словоизменительной для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается не менее двух разных граммем этой грамматической категории. Мы будем говорить, что грамматическая категория является классифицирующей¹³ для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммаема этой грамматической категории¹⁴.

Примеры словоизменительных грамматических категорий: падеж и число у слова *волк*; род, число и падеж у слова *нбый*. Пример классифицирующей грамматической категории: род у слова *волк*.

Из данных выше определений вытекает, в частности, следующее. Любые две словоформы одной парадигмы, не являющиеся вариантами друг друга, противопоставлены по одной или нескольким словоизменительным грамматическим категориям. В то же время никакие две словоформы одной парадигмы не противопоставлены по классифицирующей грамматической категории. Таким образом, граммема словоизменительных грамматических категорий характеризуют отдельные словоформы парадигмы,

¹³ Термин «классифицирующая» следует рассматривать как сокращение от «словоклассифицирующая»; именно противопоставление «словоизменительная — словоклассифицирующая» ясно показывает идею, определившую такой, а не иной выбор терминов.

¹⁴ Такое разделение грамматических категорий восходит к Ф. Ф. Фортунатову (Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в. Сравнительное языковедение. — Избр. труды, т. 1. М., 1956, стр. 155) и в той или иной форме фигурирует в большинстве трудов по русской грамматике. Наиболее последовательно вопрос о типах грамматических категорий разработан А. И. Смирницким (см.: А. И. С м и р н и ц к и й. К вопросу о слове (проблема тождества слова). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. 4; О н ж е. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955; О н ж е. Морфология английского языка. М., 1959). Он обычно называет первый тип категорий грамматическими (или собственно грамматическими) категориями, а второй тип — лексико-грамматическими. Такое употребление терминов, однако, неудобно, потому что не остается обобщающего термина для категорий обоого типа. В настоящей работе взяты (с незначительным изменением) более удобные, с нашей точки зрения, варианты этих терминов, использованные А. И. Смирницким в книге «Древнеанглийский язык» (М., 1955, стр. 213).

противопоставляя их другим словоформам той же парадигмы. Граммема классифицирующей грамматической категории, напротив, характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам.

Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма)

§ 1.10. Во многих случаях приходится рассматривать отдельно ту часть грамматического значения словоформы, которая состоит только из граммем словоизменительных грамматических категорий. Мы будем называть ее словоизменительным грамматическим значением словоформы. Например, словоизменительное грамматическое значение словоформы *волкám* — «Д. мн.». Словоизменительное грамматическое значение может быть названо также грамматической формой; в таком использовании этого не всегда одинаково понимаемого термина¹⁵ мы следуем за А. И. Смирницким¹⁶. Следует учитывать, однако, что этот термин предполагает несколько иное словоупотребление: так, можно сказать, что словоформа *волкám* имеет словоизменительное грамматическое значение «Д. мн.» или что слово *волк* стоит в данном случае в грамматической форме «Д. мн.». В более общей форме: словоформа слова *A*, имеющая словоизменительное грамматическое значение *x*, — это то же самое, что слово *A* в грамматической форме *x*.

Обратимся теперь вновь к представлению парадигмы в виде набора клеток, предложенному в § 1.8. В качестве названий клеток выступают грамматические значения словоформ. Как видно из сказанного выше, эти грамматические значения различаются между собой только граммемами словоизменительных грамматических категорий; граммема классифицирующей грамматической категории, если она вообще есть, — одна и та же в каждом грамматическом значении. Отсюда следует, что в названии отдельной клетки

¹⁵ Шире распространено понимание грамматической формы как выражения грамматического значения (не только словоизменительного) внешними средствами; иногда грамматической формой называют само грамматическое значение. Очень часто грамматическими формами называют словоформы. Для целей настоящей работы нет необходимости специально рассматривать все эти расхождения; см. по этому вопросу, в частности: Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 155—159; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956 (изд. 1 — 1914 г.); Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924, статья «Форма (грамматическая)»; Г. О. Винюков. Форма слова и части речи в русском языке. — Избр. работы по русскому языку. М., 1959; В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1; М. В. Панов. О грамматической форме. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Потемкина», 1959, т. 73, вып. 6; П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

¹⁶ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове, стр. 18.

парадигмы незачем сохранять грамлемы классифицирующих грамматических категорий: их нужно «вынести за скобки» и признать характеристикой парадигмы в целом. Таким образом, в дальнейшем, пользуясь представлением парадигмы в виде набора клеток, мы будем считать, что названием отдельной клетки служит только словоизменительное грамматическое значение (=грамматическая форма), а грамлемы классифицирующих грамматических категорий приписаны парадигме в целом.

З а м е ч а н и е. Очевидно, что часть внутренней стороны, остающаяся после вычета грамматической формы, у всех словоформ парадигмы совпадает. Поэтому ее можно тоже «вынести за скобки» из всех клеток парадигмы. Поскольку, однако, грамматическая форма образует название клетки, отпадает необходимость помещать в клетках двусторонние объекты (словоформы): достаточно считать, что в клетках находятся просто сегменты. Такое представление парадигмы наиболее наглядно; оно не используется в дальнейшем лишь по терминологическим соображениям (а именно, потому, что мы стремимся не употреблять без крайней необходимости непривычный термин «сегмент»).

Грамматический разряд слов

§ 1.11. Набор словоизменительных грамматических значений (=грамматических форм), представленных в парадигме некоторого слова, называется *парадигматической схемой* этого слова¹⁷. Парадигматическая схема слова в точности совпадает с совокупностью названий всех клеток его парадигмы. Парадигматическая схема может мыслиться и как самостоятельный объект, в отвлечении от конкретных парадигм.

Совокупность всех слов, имеющих одинаковую парадигматическую схему, называется *грамматическим разрядом слов*¹⁸. Очевидно, что грамматическая категория, являющаяся словоизменительной для некоторого слова, является таковою и для всего грамматического разряда слов, в который это слово входит.

Вообще говоря, в каждом грамматическом разряде слов могли бы быть представлены свои грамматические категории, не совпадающие с грамматическими категориями других разрядов слов. Обычно, однако, грамматические категории русских имен описываются иначе: например, грамматическая категория падежа признается у всех разрядов имен. В связи с этим мы будем различать так называемые частные и обобщенные грамматические категории. *Частная грамматическая категория* — это грамматическая категория в определенном грамматическом разряде

¹⁷ Термин А. И. Смирницкого (А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 32).

¹⁸ См.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 83; А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 32.

слов. **Обобщенная** грамматическая категория — это совокупность частных грамматических категорий, имеющих в определенном описании одинаковое название. Такое терминологическое разграничение необходимо прежде всего потому, что, как мы увидим далее (§ 2.21), совпадение названий у разных частных грамматических категорий не есть нечто, с необходимостью вытекающее из фактов языка, а должно рассматриваться (по крайней мере, в части случаев) как результат применения определенных принципов описания. Иначе говоря, одноименные (в существующих описаниях) частные грамматические категории могли бы рассматриваться и как разные категории.

Отметим также следующее. Выделение словоизменительных и классификационных грамматических категорий не есть классификация обобщенных грамматических категорий (поскольку деление каждый раз производится с точки зрения отдельной парадигмы, или, что в данном случае равносильно, отдельного грамматического разряда слов). Для частных же грамматических категорий это разделение является классификацией.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКИХ ИМЕН

§ 2. 1. Как вытекает из § 0.6, при классификации именных парадигм предполагаются известными, в частности, все встречающиеся у русских имен грамматические категории, состав граммем каждой грамматической категории, грамматический разряд каждого слова и набор граммем каждой отдельной словоформы. Практически это значит, что в последующем конкретном описании мы исходим из некоторого вполне определенного решения каждого из этих вопросов, например из определенного числа и состава падежей и т. д.

Мы вынуждены считать все эти решения с формальной точки зрения известными заранее лишь потому, что нам неизвестен (по крайней мере в общем случае) способ их формального обоснования. В действительности выбор решений, конечно, не является произвольным: по неформальным мотивам именно эти решения представляются автору наиболее естественными.

Разумеется, само заявление о том, что приняты те или иные допущения, еще не дает читателю никаких сведений о характере конкретных решений, которые стоят за этими допущениями. Поэтому необходимо в какой-то форме эти решения изложить. Этому и посвящена настоящая глава. Последовательно рассматривая в этой главе грамматические категории, представленные в русских именных парадигмах, мы ставим своей целью прежде всего указать принимаемый нами состав граммем каждой грамматической категории, а также дать читателю представление о том, каким образом мы соотносим эти граммемы с сегментами русских лексем. Всякий дополнительный разбор является, вообще говоря, факультативным. Он проводится преимущественно в тех случаях, когда в качестве обоснования принятого решения предлагается некоторая процедура, обладающая большей или меньшей степенью формальной строгости. Дополнительные комментарии даются также в случае существенных отступлений от традиционных решений. Из сказанного понятно, что одним грамматическим категориям в нашем разборе может быть уделено значительно больше внимания, чем другим. Таким образом, настоящая глава не претендует на всесторонний и систематический анализ каждой грамматической категории; напомним также, что в соот-

ветствии с § 0.6¹ вся она формально является факультативной частью книги.

В настоящей главе мы будем делить все имена на: 1) предметные слова, которые в свою очередь делятся на существительные и местоимения - существительные¹; 2) слова-атрибуты, которые делятся на прилагательные и (непорядковые) числительные. Предполагается, что мы умеем выделять среди всех слов имена и относить любое имя к одному из указанных четырех классов. Практически мы будем иметь здесь в виду именно те классы слов, которые традиционно обозначаются указанными названиями (при этом, однако, причастия и порядковые числительные относятся к прилагательным, и, таким образом, класс числительных не включает у нас слов *первый*, *десятый* и т. д.).

Здесь имеется, однако, серьезная логическая трудность. Принимая указанное разделение имен как заранее известное, мы занимаемся ниже выделением грамматических категорий внутри каждого класса. Между тем, как хорошо известно, само это разделение фактически опирается сразу на несколько признаков слова (семантических, морфологических и синтаксических), т. е., в частности, уже как-то учитывает наличие определенных грамматических категорий в каждом из классов. Иначе говоря, изображая это разделение как первичное, а выделение грамматических категорий как вторичное, мы идем на сознательное упрощение. В действительности в процессе познания поиск наиболее адекватного разделения слов на классы и наиболее адекватного набора грамматических категорий внутри классов идет одновременно, причем критерием успеха служит только адекватность полученной общей картины. Поскольку, однако, построить таким же способом и само изложение крайне трудно, принимается указанное выше упрощение. При этом, чтобы избежать формальных противоречий, мы будем условно считать, что все указанное выше разделение имен является чисто семантическим: так, предметные слова — это те, которые обозначают «предмет» (в широком понимании, включающем также понятия типа *сон*, *работность*, *белизна* и т. п.), слова-атрибуты — те, которые обозначают «признак» и т. д.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНЫХ СЛОВ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

§ 2.2. Грамматическая категория падежа является важнейшей грамматической категорией склонения. Она представлена во всех именных парадигмах. Сам термин «склонение» в узком

¹ Мы предпочли не использовать более привычного термина «местоименные существительные», поскольку при указанном разделении эта группа не включается в число существительных.

понимании означает именно изменение по падежам. Грамматическая категория падежа является словоизменительной для всех именных парадигм².

Граммемы падежа у предметных слов представляют собой пары синтаксических элементов значения. Один из членов каждой такой пары («подчиненный» падеж) отражает способность соответствующей словоформы выступать в качестве подчиненной при определенном классе глаголов или иных слов³. Другой член пары («подчиняющий» падеж) отражает определенное синтаксическое требование, налагаемое на форму подчиненного слова-атрибута. Ниже рассматриваются только «подчиненные» падежи; относительно «подчиняющих» падежей см. § 2.14.

В современных описаниях русского языка наиболее распространена 6-падежная система: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. В то же время давно и достаточно широко известна также 8-падежная схема, включающая, кроме перечисленных выше падежей, еще так называемый 2-й родительный (или количественно-отделительный, или партитив) и так называемый 2-й предложный (или местный). Ввиду этого расхождения рассмотрим несколько подробнее вопрос о выделении падежей.

Попытаемся выявить логические основания для выделения общепризнанных падежей и затем установить, требуют ли выявленные критерии признания дополнительных падежей. Ограничимся вначале вопросом о падежах имен существительных. Мы будем предполагать, что среди всех сегментов каким-то образом выделены сегменты существительных (иначе — с у б с т а н т и в н ы е сегменты). Условимся считать допустимым выражение «значение сегмента», понимая под ним совокупность значений всех словоформ, внешней стороной которых является данный сегмент. Соответственно, выражение «сегмент *x* может означать предмет *N*» понимается так: существует словоформа с внешней стороной *x*, которая означает предмет *N*. Так, любой субстантивный сегмент, например *стенá*, *дóмом*, *стóлбв*, может означать некоторый предмет⁴.

² Это верно даже для парадигм, где реально представлена словоформа только одного падежа (например, *нéкто*), поскольку в силу § 3.4 любая такая парадигма признается дефектной, т. е. имеющей пустые клетки для всех остальных падежей.

³ Представление о «подчиненном» падеже естественно распространить и на именительный падеж, хотя соответствующие словоформы обычно считаются ничему не подчиненными (заметим, впрочем, что в современных синтаксических описаниях широко распространен взгляд, согласно которому подлежащее подчинено сказуемому).

⁴ Слово «может» необходимо потому, что некоторые субстантивные сегменты, например *раздéл*, *раздéла*, *бúры*, допускают в то же время и иные, непредметные значения.

Описываемая ниже (в § 2.3—2.4) процедура представляет собой по существу лишь некоторое видоизменение логической конструкции, предложенной В. А. Успенским⁵.

§ 2.3. Для описываемой процедуры требуется прежде всего допущение, согласно которому про любую последовательность сегментов считается известным, составляет ли она грамматически правильную фразу (т. е. является ли она внешней стороной некоторого русского текста).

Как известно, границы грамматической правильности могут пониматься различно. Так, например, возможны разные мнения в оценке грамматической правильности таких фраз, как *отдыхал книгу* (ср. *отдыхал неделю*), *кричит окном* (ср. *кричит петухом*) и т. п. С одной стороны, возможен «широкий» взгляд на грамматическую правильность, который на неформальном уровне можно охарактеризовать примерно так: считается, что если какой-либо предмет может находиться в определенном отношении к некоторому действию (или другому предмету), то и всякий другой предмет может находиться в том же отношении к этому действию (или предмету). При таком взгляде фразы *отдыхал книгу*, *кричит окном* грамматически правильны именно в силу аналогии с заведомо правильными фразами типа *отдыхал неделю*, *кричит петухом*⁶. С другой стороны, возможен более «узкий» взгляд, при котором грамматическая правильность ставится в более тесную зависимость от значений слов, например, признается грамматически существенным деление существительных на могущие и не могущие выражать отрезок времени (ср. соответственно *неделя* и *книга*) и т. п. Описываемая здесь процедура допускает любой из этих взглядов; ниже будут учитываться оба.

Назовем контекст A совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расположенных в определенном порядке⁷. Фразу, полученную из контекста A подстановкой сегмента m на место многоточия, будем обозначать Am . Будем говорить, что контекст A допускает сегмент m , если Am — грамматически правильная фраза.

Далее, как и в процедуре В. А. Успенского, потребуются неопределяемые понятия «предмет» и «состояние» (некоторого предмета). Мы будем говорить, что субстантивный сегмент n , выступая в контексте A (который его допускает), может обозначать предмет N . Например, сегмент *палку* в контексте «*я рисую . . .*» (т. е. во фразе *я рисую палку*) может обозначать предмет «палка». Может показаться излишним употребление в таких формулировках слова «может». Однако это не так: например, сегмент *супругу* в контексте «*я рисую . . .*» может обозначать предмет «супруга», но это не единственная возможность, поскольку при другом понимании фразы *я рисую супругу* этот же сегмент будет обозначать предмет «супруг».

В соответствии с реальным смыслом противопоставления чисел у существительных, разные числа считаются обозначениями разных предметов; так, сегмент *сады* обозначает иной предмет, нежели сегмент *сад* (а именно совокупность нескольких садов). В вопросе о том, тождественны ли значения таких сегментов, как *бегемот* и *гиппопотам*, *вертолёт* и *геликоптер*, *поскогорье* и *плато* и т. п., могут быть разные мнения; однако конечный результат излага-

⁵ В. А. Успенский. К определению надежа по А. П. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М., 1957 (работа развивает некоторые устные высказывания А. Н. Колмогорова).

⁶ Ср.: Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Резни. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8.

⁷ В указанной работе В. А. Успенского это понятие называется «набором слов с пропуском», в работе Р. Л. Добрушина «Математические методы в лингвистике» («Математическое просвещение», вып. 6. М., 1961) — «фразой с многоточием».

емого построения от решения этого вопроса не зависит. Практически мы будем исходить ниже из того, что один и тот же предмет могут обозначать только такие сегменты, которые являются внешней стороной словоформ одного и того же существительного, относящихся к одному и тому же числу.

Мы будем использовать также такие формулировки: фраза *Ал* может выражать тот факт, что предмет *N* находится в состоянии *S*. Например, фраза *я рисую палку* может выражать тот факт, что предмет «палка» находится в состоянии рисуемого объекта. Фраза *я рисую палкой* может выражать тот факт, что предмет «палка» находится в состоянии орудия рисования. Здесь, как и в предшествующем случае, слово «может» необходимо, поскольку, например, фраза *я рисую пенсне* может выражать как то, что предмет «пенсне» находится в состоянии рисуемого объекта, так и то, что он находится в состоянии орудия рисования.

Таким образом, с помощью каждого контекста может быть выражен некоторый набор разных состояний предметов (в частном случае — одно состояние). Состояние, выражаемое с помощью некоторого контекста, можно назвать состоянием в узком смысле слова. Например, контекст «*я рисую . . .*» позволяет выразить следующие состояния в узком смысле: 1) состояние рисуемого объекта, 2) состояние орудия рисования, 3) состояние предмета, для которого происходит рисование. Вообще говоря, два состояния в узком смысле, выражаемые с помощью разных контекстов, могут, по-видимому, оказаться одинаковыми. Так, например, два состояния в узком смысле, выражаемые соответственно с помощью контекстов «*. . . строится рабочими*» (во фразе *дом строится рабочими*) и «*рабочие строят . . .*» (во фразе *рабочие строят дом*), по-видимому, следует признать одинаковыми. Совокупность всех одинаковых состояний в узком смысле слова можно назвать состоянием в широком смысле слова⁸. В нашей процедуре, однако, нигде не потребуются отождествлять состояния в узком смысле слова, выражаемые с помощью разных контекстов; иначе говоря, вообще не потребуются само понятие состояния в широком смысле слова. Таким образом, ниже слово «состояние» без уточнения будет обозначать состояние в узком смысле слова.

В некоторых случаях оказывается затруднительно определить, имеем ли мы дело с одинаковыми состояниями или с различными; ср., например, фразы: *я не брал книгу* и *я не брал книги*, *я бросил в него камень* и *я бросил в него камнем*, *такова цена слов* и *такова цена словам* и т. п. Конечный результат описываемой процедуры не зависит от того, какое решение принять в этих случаях. Для того, чтобы процедура носила максимально общий характер, мы будем исходить далее из того, что в приведенных примерах выражаемые состояния соответственно одинаковы.

Сказанное выше можно кратко сформулировать, таким образом, в виде следующего суммарного допущения: предполагается, что про любой субстантивный сегмент нам известно, может ли он в контексте *A* обозначать предмет *N*, находящийся в состоянии *S*. Так, например, сегмент *супругу* в контексте «*я рисую . . .*» может обозначать предмет «супруга» в состоянии рисуемого объекта или предмет «супруг» в состоянии предмета, для которого рисуют; однако он не может обозначать, например, предмет «супруг» в состоянии рисуемого объекта.

Примем также следующее вспомогательное допущение: варианты предлога (*о*, *об* и *обо*, *к* и *ко*, *в* и *во* и т. п.) условно признаются одним и тем же сегментом.

§ 2.4. Построим таблицу следующего устройства. Выпишем сверху по горизонтали полный список предметов. Выпишем слева по вертикали полный список всех возможных контекстов⁹, а для каждого контекста, в свою

⁸ В указанной работе В. А. Успенского понятию состояния в широком смысле соответствует термин «состояние», понятию состояния в узком смысле слова — термин «согласованная пара» (контекст — состояние).

⁹ Чтобы число контекстов было конечным, можно условиться брать только контексты, не превышающие определенной длины.

очередь — полный список всех состояний в узком смысле слова, выражаемых с помощью этого контекста. Таким образом, каждый столбец таблицы соответствует определенному предмету, каждая строка — определенному состоянию в узком смысле слова¹⁰.

Возьмем некоторую клетку таблицы; эта клетка соответствует, во-первых, некоторому предмету N , во-вторых, некоторому контексту A и более узко — некоторому состоянию (в узком смысле слова) S . Впишем в эту клетку все сегменты, которые в контексте A могут обозначать предмет N , находящийся в состоянии S . Обрабатываем таким способом последовательно все клетки таблицы. В результате в большинстве клеток таблицы окажется по одному сегменту; однако часть клеток может остаться пустой; с другой стороны, в некоторых клетках может оказаться более одного сегмента. Полученная таблица будет иметь, таким образом, общий вид, показанный на стр. 41.

Над построенной таким способом таблицей производятся следующие операции:

1. Все одинаковые между собой строки «склеиваются» в одну строку (или, что то же самое, во всякой совокупности одинаковых строк вычеркиваются все строки, кроме одной).

2. Вычеркивается всякая неполная (т. е. имеющая хотя бы одну пустую клетку) строка, совпадающая с некоторой другой строкой таблицы в своей непустой части.

3. Вычеркивается всякая строка x , для которой найдутся некоторые другие строки таблицы y, z, \dots, w , такие, что всякая клетка из строки x содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток того же столбца из строк y, z, \dots, w .

Назовем всякую строку, оставшуюся в таблице после всех этих операций, **о д н о п а д е ж н ы м р я д о м**. Как показывает проверка с помощью мысленного эксперимента, каждый однопадежный ряд представляет собой не что иное, как совокупность всех сегментов, которые выражают словоформы, имеющие общую (одну и ту же для всех словоформ) грамему некоторого конкретного падежа. Этому однопадежному ряду сегментов однозначно соответствует ряд словоформ, имеющих эту общую грамему падежа. Каждый однопадежный ряд однозначно соответствует некоторому падежу и наоборот.

Рассмотрим в качестве примера приведенный фрагмент таблицы. Указанные выше операции дали бы в применении к нему следующий результат: 1) 2-я и 6-я строки «склеиваются»; 2) 4-я строка вычеркивается, поскольку она «вкладывается» в 1-ю; 3) 7-я строка вычеркивается, поскольку она разложима на сумму 1-й и 5-й. Остаются, таким образом, строки 1-я, 2-я, 3-я и 5-я, которые очевидным образом соответствуют винительному, творительному, дательному и родительному (точнее, как мы увидим ниже, 2-му родительному) падежам.

Припишем теперь каждому сегменту столько разных надежных значений, во сколько однопадежных рядов он входит. Это значит, что каждый сегмент служит внешней стороной по крайней мере столькоих словоформ, во сколько однопадежных рядов он входит (если обнаруживается, кроме того, омонимия лексем или омонимия разных чисел, таких словоформ оказывается больше).

Чтобы определить падежное значение, которое должно быть приписано некоторому сегменту n в конкретном контексте A (иначе говоря, чтобы узнать, какую словоформу выражает сегмент n в этом контексте), нужно: 1) найти строку таблицы, соответствующую контексту A и состоянию, которое может выражаться с помощью сегмента n в данном контексте; если таких состояний несколько, нужно найти все соответствующие строки; 2) установить для каждой найденной строки, с какими однопадежными рядами она совпадает

¹⁰ Разумеется, практически построить такую таблицу немыслимо, поскольку она слишком велика. Для нас существенно здесь лишь то, что эта задача в принципе осуществима и что конечные результаты обработки такой таблицы можно предсказать с большой вероятностью на основании мысленного эксперимента.

Общий вид таблицы, используемой для установления однопадежных рядов

Контекст	Состояние	Предмет					
		«палка»	«палки»	«супруг»	«супруга»	«пенсне» (одно)	и т. д.
«я рисую . . .»	рисуемый предмет	<i>пáлку</i>	<i>пáлки</i>	<i>супрýга</i>	<i>супрýгу</i>	<i>пенсне́</i>	. . .
	орудие рисования	<i>пáлкой</i> <i>пáлкою</i>	<i>пáлками</i>	<i>супрýгом</i>	<i>супрýгой</i> <i>супрýгою</i>	<i>пенсне́</i>	. . .
	«адресат» рисования	<i>пáлке</i>	<i>пáлкам</i>	<i>супрýгу</i>	<i>супрýге</i>	<i>пенсне́</i>	. . .
«я рисую свою . . .»	рисуемый предмет	<i>пáлку</i>	—	—	<i>супрýгу</i>	—	. . .
«у меня нет . . .»	отсутствующий предмет	<i>пáлки</i>	<i>пáлок</i>	<i>супрýга</i>	<i>супрýги</i>	<i>пенсне́</i>	. . .
«я доволен . . .»	предмет, вызывающий удовольствие	<i>пáлкой</i> <i>пáлкою</i>	<i>пáлками</i>	<i>супрýгом</i>	<i>супрýгой</i> <i>супрýгою</i>	<i>пенсне́</i>	. . .
«я не узнал . . .»	объект неузнавания	<i>пáлку</i> <i>пáлки</i>	<i>пáлки</i> <i>пáлок</i>	<i>супрýга</i>	<i>супрýгу</i> <i>супрýги</i>	<i>пенсне́</i>	. . .
и т. д.	

в своей непустой части. Сегменту *n* в контексте *A* приписываются падежные значения, соответствующие каждому однопадежному ряду, в который «включается» хотя бы одна из надежных строк ¹¹.

Нетрудно обнаружить, что предложенная процедура опирается на следующее существенное свойство всех восьми признаваемых в русской грамматике падежей: для любого из них найдется контекст, который допускает (даже при «узком» взгляде на грамматическую правильность) все словоформы, содержащиеся граммеме этого падежа. Например, для именительного падежа в качестве такого контекста может выступать контекст «*у меня есть . . .*», для винительного — «*я говорю про . . .*» и т. д. Действительно, если бы какой-нибудь традиционно выделяемый падеж не обладал этим свойством, в результате нашей процедуры он обязательно распался бы на два или несколько падежей. Из сказанного вытекает, в частности, то, что разница между «широким» и «узким» взглядами на грамматическую правильность (если она не выходит за пределы действительных разногласий между лингвистами) не повлияет на результат предложенной процедуры.

Колебания в оценке одинаковости или неодинаковости состояний, выражаемых разными словоформами в одном и том же контексте, сами по себе также не могут изменить конечного результата. Правда, теоретически мыслим случай, когда очень «широкое» понимание одинаковости состояний, выражаемых разными словоформами, в соединении с очень «узким» пониманием грамматической правильности может привести к выделению «паразитических» падежей; однако в пределах реально мыслимых разногласий по обоим этим вопросам такого примера построить не удастся ¹².

Шесть основных падежей

§ 2.5. В результате описанной процедуры выделяются прежде всего все шесть общепризнанных падежей. Им соответствуют следующие однопадежные ряды (для каждого ряда указан некоторый контекст, допускающий весь этот ряд; для удобства взяты контексты, могущие выражать только одно состояние, поэтому состояние не указывается):

Падеж	Контекст	Однопадежный ряд
И.	« <i>у меня есть . . .</i> »	<i>шкаф, чай, бык, жена, печь, ведро, пальто, быки, едра</i> и т. д.
Р.	« <i>у . . . есть недостаток</i> »	<i>шкафа, чая, быка, жены, печи, ведра, пальто, быков, едер</i> и т. д.

¹¹ Таким образом, в принципе определение падежного значения сегмента в конкретном контексте может дать неоднозначный результат. Это произойдет в случае действительной двусмысленности, например: *он объявил это решение коллегии* (сегмент *коллегии* здесь двусмыслен).

¹² Отметим отличия предложенной процедуры выделения падежей от процедуры В. А. Успенского. Расхождение по существу состоит, по-видимому, только в том, что настоящая процедура не допускает однопадежных рядов, разложимых на теоретико-множественную сумму других однопадежных рядов. Благодаря этому не выделяется особого падежа после переходного глагола с отрицанием («*не вижу . . .*») и других подобных «составных» падежей, которые должны появиться в результате процедуры В. А. Успенского. Отличается также строение собственно формальной части процедуры; предлагаемая выше процедура не требует того, чтобы особым допущением устранялись прилагательные и прочие слова-атрибуты; не используются также понятия непосредственной и абсолютной эквивалентности.

Падеж	Контекст	Однопадежный ряд
Д.	«обращаюсь к . . .»	шкафу, чаю, быкú, женé, пéчи, еед-ру́, пальто́, быка́м, ве́драм и т. д.
В.	«говорю про . . .»	шкаф, чай, быка́, жену́, печь, ведро́, пальто́, быкóв, ве́дра и т. д.
Т.	«я доволен . . .»	шкафс.м, чаём, быкóм, жено́й и же-но́ю, пéчью, ведрóм, пальто́, быка́ми и т. д.
П.	«я говорю о . . .»	шкафе́, чае́, быкé, женé, пéчи, ведрé, пальто́, быка́х, ве́драх и т. д.

2-й предложный (местный) падеж

§ 2.6. Рассмотрим теперь оставшиеся падежи из 8-падежной схемы. В результате описанной процедуры наряду с другими однопадежными рядами выделяется также однопадежный ряд, соответствующий 2-му предложному (местному) падежу:

П ₂	«они находятся в . . .»	шкафу́, чаю́ и чае́, быкé, женé, пéчи, ведрé, пальто́, быка́х, ве́драх и т. д.
----------------	-------------------------	--

В самом деле, эта строка не «вкладывается» ни в какую отличную от нее строку и не разлагается на сумму каких-либо других строк, не «вкладываемых» в нее (хотя бы потому, что сегменты *шкафу́, чаю́, пéчи* и т. п. в других однопадежных рядах не встречаются).

2-й предложный падеж выступает только после предлогов *в* и *на*, в словосочетаниях, имеющих местное (локативное) значение.

З а м е ч а н и е. Для некоторых слов АО указывает разные сегменты в соединении с предлогами *в* и *на*, например: *в свете*, но *на свету́*; *в смотре*, но *на смотре́*; *в ме́ду* и *в ме́де*, но *на ме́ду*; *в клею́* и *в кле́е*, но *на клею́*; *в спиртú* и *в спи́рте*, но *на спиртú*; *в дверí*, но *на дверí* и *на двéри*. Если считать, что эти указания имеют грамматическую силу (т. е. что их нарушение ведет к потере фразой грамматической правильности), то необходимо признать на основании этих фактов существование не одного, а двух местных падежей: 1) инессива — (*в*) *столе́*, (*в*) *бокú*, (*в*) *се́те*; 2) суперессива — (*на*) *столе́*, (*на*) *бокú*, (*на*) *свету́*. В действительности, однако, эти указания АО явно не имеют требуемой грамматической силы. Более того, по крайней мере в части случаев они просто являются результатом смещения значений предложного и местного падежей. Дело в том, что сегменты на *-е*, приводимые наряду с сегментами на *-у*, в ряде случаев относятся не к местному падежу (контексты «*нахожусь в . . .*», «*сижу на . . .*» и т. п.), а к предложному, который тоже может сочетаться с предлогами *в* и *на* (ср. контексты «*я заинтересован в . . .*», «*я знаю толк в . . .*», «*остаиваю на . . .*», «*останавливаю свой выбор на . . .*» и т. п.¹³). Поскольку большинство слов приведенного выше списка обычно

¹³ См., в частности: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American contributions to the IV-th International congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958.

сочетается либо только с предлогом *в*, либо только с предлогом *на* (ср., например, *в адю*, *в бою*, *в тиши* и *на берегу*, *на смотрю*, *на мелю*), попытки соединить то же слово с другим предлогом из этой пары часто приводят к сегментам на *-е* (*в бэреге*, *в смотре*, *на аде*), которые в действительности могут встретиться только в контекстах предложного, а не местного падежа. Заметим, что специальный анализ отмечаемых в АО колебаний между сегментами на *-е* и сегментами на *-у*, вероятно, показал бы, что часть этих колебаний является мнимой (т. е. что в некоторых случаях эти сегменты относятся к разным падежам).

2-й родительный (количественно-отделительный) падеж

§ 2.7. Сложнее положение со 2-м родительным (количественно-отделительным) падежом¹⁴. Дело в том, что во фразах типа *дай мне чай* и *дай мне чаю*, быть может, речь идет о разных предметах¹⁵. Здесь возможны, таким образом, две точки зрения: 1) сегменты *чай* и *чаю* обозначают в приведенных фразах один и тот же предмет, находящийся в разных отношениях к действию передачи: в первом случае это действие распространяется на весь предмет, а во втором только на его часть (иначе говоря, мы имеем здесь дело с разными состояниями одного и того же предмета); 2) сегменты *чай* и *чаю* обозначают здесь разные предметы, находящиеся в одинаковом состоянии (сегмент *чай* обозначает чай вообще или определенную его порцию, например стакан или пачку, сегмент *чаю* обозначает неопределенное количество чаю, некоторую часть имеющегося чая). В зависимости от выбора точки зрения конечный результат процедуры выделения падежей оказывается здесь различным.

Рассмотрим следствия из первой точки зрения (заметим, что именно эта точка зрения практически использовалась в предшествующем изложении). При этой точке зрения необходимо признать существование особого 2-го родительного падежа, которому соответствует следующий однападежный ряд:

R_2 «у меня нет . . .» *шкáфа, чаю и чая, сáхару и сáхара, быкá, женй, пéчи, ведрá, пальтó, быкóв, вéдер* и т. д.

Нетрудно проверить, что эта строка действительно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к однападежному ряду. В самом деле, ее можно представить как сумму двух членов строки, соответствующей родительному падежу, и некоторого остатка, состоящего из сегментов типа *чаю, сáхару, мёду, свéту, шóму* и т. д.; однако этот остаток не встречается в виде самостоятельной строки (кроме строк типа «у меня нет . . .» он встречается только в строках, соответствующих дательному падежу; но сумма строк дательного и родительного падежей больше, чем строка 2-го родительного).

Заметим, что 2-й родительный, в отличие от других падежей 1) не имеет сегментов, относящихся только к нему одному (всякая словоформа 2-го родительного омонимична либо словоформе родительного, либо словоформе да-

¹⁴ См. также: N. D u r n o v o. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», 1924, v. IV; N. S. T r u b e t z k o y. Das morphonologische System der russischen Sprache. — TCLP, 1934, v. 5, № 2; B. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М., 1947; P. О. Я к о б с о н. Морфологические наблюдения над славянским склонением.

¹⁵ См.: В. А. У с п е я с к и й. Указ. соч., стр. 17.

тельного падежа); 2) 2-й родительный находится в таком отношении с родительным, что вместо любой словоформы Р₂, не омонимичной словоформе Р., всегда можно употребить, без изменения смысла, словоформу, омонимичную словоформе Р. (так, вместо *у меня нет чаю* всегда можно сказать *у меня нет чая*). Таким образом, с точки зрения внешнего выражения 2-й родительный менее самостоятелен, чем остальные падежи.

Рассмотрим следствия из второй точки зрения. Поскольку «чай вообще» и «некоторое количество чаю» и тому подобные пары рассматриваются как разные предметы, им должны соответствовать разные столбцы. Можно ожидать, что 2-й родительный в этом случае вообще исчезнет; в самом деле, например, во фразах *даю чай* и *даю чаю* мы имеем теперь дело с названиями разных предметов, стоящими в одном и том же падеже (винительном); точно так же в словосочетаниях типа *недостаток чая* (качественный) и *недостаток чаю* (количественный)¹⁶ мы имеем дело с одним и тем же падежом (родительным) от названий разных предметов. Оказывается, однако, что в действительности число падежей в этом случае не уменьшится, а даже увеличится. Дело в том, что не всякий контекст, допускающий словоформы винительного падежа, и не всякий контекст, допускающий словоформы родительного падежа, допускает в то же время сегменты типа *чаю*, *сахару*, *воды*, *молока*, *пирогов*. Примерами контекстов, не допускающих указанный ряд сегментов, могут служить: для винительного — «*я говорю про . . .*», для родительного — «*у . . . есть недостаток*». Из сказанного следует, что вторая точка зрения приводит к признанию не только 2-го родительного, но еще и 2-го винительного падежа. Это легко видеть из приводимой ниже таблицы (указанные в таблице контексты выражают только одно состояние предмета, поэтому названия состояний опущены):

Контекст	Предмет				
	«чай вообще»	«часть чаю»	«вода вообще»	«часть воды»	и т. д.
« <i>у меня есть . . .</i> »	<i>чай</i>	<i>чай</i>	<i>водá</i>	<i>водá</i>	. . .
« <i>у меня нет . . .</i> »	<i>чáя</i>	<i>чáю</i> <i>чáя</i>	<i>воды́</i>	<i>воды́</i>	. . .
« <i>у . . . есть недостаток</i> »	<i>чáя</i>	<i>чáя</i>	<i>воды́</i>	<i>воды́</i>	. . .
« <i>дай мне . . .</i> »	<i>чай</i>	<i>чáю</i> <i>чáя</i>	<i>вóду</i>	<i>воды́</i>	. . .
« <i>говорю про . . .</i> »	<i>чай</i>	<i>чай</i>	<i>вóду</i>	<i>вóду</i>	. . .
« <i>я доволен . . .</i> »	<i>чáем</i>	<i>чáем</i>	<i>водбý</i> <i>водбю́</i>	<i>водбý</i> <i>водбю́</i>	. . .
и т. д.

¹⁶ Пример взят из работы: Р. О. Я к о б с о н. Морфологические наблюдения над славянским склонением, стр. 22.

Нетрудно убедиться, что предложенная выше процедура приведет здесь к признанию каждой из выписанных шести строк особым однопадежным рядом.

Какую из двух изложенных точек зрения следует предпочесть? Вторая точка зрения, по-видимому, точнее отражает рассматриваемые смысловые соотношения; в самом деле, различие между предметом вообще и некоторой его частью в принципе сходно с различием чисел и потому могло бы трактоваться аналогично числу. Однако эта точка зрения приводит к весьма неэкономному строению парадигмы: приходится признать омонимию между обозначением всего предмета и его части во всех падежах, кроме 2-го родительного и 2-го винительного; в то же время общее число падежей от этого не уменьшается, а возрастает. Первая точка зрения, напротив, приводит к более простому строению парадигмы. Заметим, что в грамматиках языков с развитым партитивом (например, финского, эстонского) фактически применяется именно первая точка зрения. В настоящей работе также принимается первая точка зрения; соответственно выделяется один дополнительный падеж, связанный с выражением частичности, — 2-й родительный.

Счетная форма

§ 2.8. Проверка показывает, что список однопадежных рядов, получаемых описанной выше процедурой, не ограничивается указанными 8 рядами. Рассмотрим, например, контекст «*вот три . . .*». Он допускает следующий ряд сегментов *рядá, следá, часá, шагá, шарá, сада, солдатá, женý, нóчи, окнá, пальтб, часовýх, сказýемых, столбóвых и столбóвые, мастерскýх и мастерскýе* и т. д. При помещении этих сегментов в таблицу возникает некоторая трудность: неясно, какой предмет обозначают субстантивные сегменты в словосочетаниях типа *три солдата, три часовых, три ресторана, три столовых* — «солдат» или «солдаты», «часовой» или «часовые» и т. д. Решать этот вопрос можно по-разному¹⁷; по-видимому, однако, естественно требовать, чтобы во всех приведенных примерах он был решен в одном и том же смысле. В самом деле, трудно допустить, что, например, в словосочетаниях *три*

¹⁷ По-видимому, проще считать, что в каждом из этих случаев субстантивный сегмент обозначает совокупность нескольких соответствующих предметов (т. е. выражает словоформу с граммемой «множественное число»). С типологической точки зрения такое решение поддерживается, в частности, фактами большого числа индоевропейских языков, где при сочетании с числительным существительное стоит во мн. числе (ср. лат. *tres milites*, англ. *three soldiers* и т. д.). Однако допустимо и иное истолкование, согласно которому значение множественности заключено в этих случаях только в числительном, а существительное лишь называет вид считаемых предметов. С типологической точки зрения такое решение находит поддержку в фактах, например, финно-угорских или тюркских языков: ср. венг. *három katona* 'три солдата' (*katona* — И. ед.), эст. *kolm soldatit* (*soldatit* — партитив ед. ч.).

ресторана и *три столовых* сегмент *ресторáна* обозначает один ресторан, а сегмент *столбóвых* — несколько столовых¹⁸. При любом однозначном решении данного вопроса строка, соответствующая контексту «*вот три . . .*», окажется неполной: в половине столбцов останутся пустые клетки. Несмотря на это, полученная строка не «вкладывается» ни в какую строку, отличную от нее (хотя бы потому, что она содержит сегменты *рядá, следá, часá, шагá, шарá*, не входящие в другие однопадежные ряды); она не разлагается также на сумму каких-либо других строк, не «вкладываемых» в нее, и, следовательно, составляет особый однопадежный ряд.

З а м е ч а н и е. Представляет особый интерес вопрос о том, насколько изменилось бы положение, если бы вместо уникальных сегментов *рядá, следá, часá, шагá, шарá* в контексте «*вот три . . .*» выступали сегменты с ударением на основе. Оказывается, что особый однопадежный ряд выделится даже и в этом случае. В самом деле, рассматриваемая строка содержит, помимо сегментов, входящих в однопадежный ряд родительного падежа (например, *солдáта, женý, часовóых, столбóвых*), также и некоторые другие (например, *столбóвые, мастерскóе*). Более того, даже если бы сегментов типа *столбóвые, мастерскóе* в этой строке не было, все равно она «вкладывалась» бы в строку родительного падежа только при согласении (уже отвергнутом выше), что в подобных контекстах сегменты типа *солдáта, ресторáна* обозначают один предмет, а сегменты типа *часовóых, столбóвых* — несколько. Таким образом, выделение особого однопадежного ряда не лишит в данном случае от существования пяти перечисленных выше сегментов форм с особым ударением. Этот вывод важен потому, что в противном случае, возможно, оказалось бы целесообразнее отнести словосочетание *два (три, четыре) рядá (следá, часá, шагá, шарá)* к ограниченному списку словосочетаний, которые характеризуются аномальным (т. е. не представленным нигде более) ударением и потому не учитываются в грамматическом описании (см. § 4.2).

Принятая выше процедура выделения падежей обязывает нас признать, таким образом, существование 9-го падежа¹⁹. Этот падеж выступает в соединении с сегментами *два, две, оба, обе, полторá, полторý, три, четýре*.

Этот падеж отличается, однако, от остальных восьми той существенной особенностью, что он возможен лишь для половины названий предметов. Если рассматривать целые лексемы (включающие словоформы обоих чисел), то эта уникальная особенность 9-го падежа выглядит как отсутствие внутри него противопоставления по числу (тогда как в каждом из первых 8 падежей различаются словоформы разных чисел, ср. *солдáт и солдáты, солдáтом и солдáтами* и т. д.). Из-за этой особенности мы будем далее рассматривать 9-й падеж не совсем так, как остальные; в частности, связанное с ним словоупотребление будет отличаться от обычного.

¹⁸ Отметим, кстати, что определение стоит в подобных случаях в одной и той же форме: ср. *три больших ресторана* и *три больших столовых* (см. также: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 295).

¹⁹ Отметим, что В. В. Виноградов, который вообще называет рассматриваемую грамматическую форму счетной формой, в одном месте называет ее счетным падежом (указ. соч., стр. 304).

Граммему «9-й падеж» мы будем называть в дальнейшем счетной формой²⁰, а всякую словоформу с такой граммемой — счетной словоформой. Так, например, грамматическую форму «9-й падеж муж. рода» мы будем называть счетной формой муж. рода и т. д. Вопрос о том, следует ли отнести счетные словоформы к какому-либо грамматическому числу, и если да, то к какому именно, носит по существу лишь формальный характер. Условимся считать, что все счетные словоформы относятся к множественному числу. Для краткости, однако, мы не будем упоминать граммему числа в грамматическом значении счетных словоформ; например, словоформу *рядá* мы будем называть просто счетной словоформой (а не счетной словоформой множ. числа), а ее словоизменительное грамматическое значение — просто счетной формой.

З а м е ч а н и е. В принципе можно предложить и другую интерпретацию счетной формы, а именно: в И. мн. (а также в В. мн., если он совпадает с И. мн.) противопоставляются две формы: «свободная» и «связанная»; «связанная» форма употребляется с числительными *два, оба, три, четыре, полтора*, «свободная» — во всех остальных случаях. «Связанная» форма И. мн. — это и есть счетная форма. Такая трактовка позволит считать, что сочетания перечисленных числительных с существительным с синтаксической точки зрения устроены одинаково и в именительном и в косвенных падежах, а именно, существительное всегда является подчиняющим членом словосочетания, а числительное согласуется с ним в падеже (*два стола* — И. падеж, *двум столам* — Д. падеж), роде (ср. *два стола* и *две стены*) и одушевленности (ср. *вижу два стола* и *вижу двух врачей*). С типологической точки зрения это положение сходно с противопоставлением так называемых состояний (или «статусов») имени в семитских языках: «свободную» форму И. мн. можно сопоставить с так называемым независимым состоянием, «связанную» — с сопряженным состоянием. Аналогия усиливается в данном случае наличием так называемого взаимного (или двойного) управления. Так, например, в арабском словосочетании *kitābu lmuḍarrisi* «книга учителя» родительный падеж второго слова определяется его связью с первым словом, а сопряженное состояние первого слова — его связью со вторым. Сходным образом, например, в сочетаниях *два стола, обе стены, полтора ведра́* род числительного определяется родом существительного, а падеж существительного (или, в соответствии с предложенной здесь новой трактовкой, — выбор «связанной» формы И. мн. у существительного) определяется его связью с данным числительным.

Заметим, наконец, что мыслимо и еще одно истолкование рассматриваемых фактов, а именно: помимо ед. и мн. чисел признается существование особого «ограниченного» числа, обозначающего ограниченную множественность (от полутора до четырех). Субстантивным сегментам в словосочетаниях типа *три рядá (солдата, стены, ведра́, часовых, столбых)* приписывается грамматическое значение «И. падеж ограниченного числа». В косвенных падежах (кроме В. у неодушевленных) признается омонимия ограниченного и множественного чисел. При таком истолковании, как и при предыдущем, синтаксическая структура словосочетаний *два стола* и *двум столам* оказывается одинаковой. В типологическом плане «ограниченное число» можно было бы сопоставить с такими явлениями, как так называемое множественное число малого количества (*plurale paucitatis*) в арабском языке, обозначающее от трех до десяти предметов (ср., например, 'ašūrun 'несколько месяцев' и šuhūrun 'много месяцев' от šahun 'месяц').

²⁰ См.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 302.

Вопрос о существовании других падежей

§ 2.9. По-видимому, и некоторые другие строки нашей таблицы могут оказаться при определенных условиях однопадежными рядами. Рассмотрим контекст «я жду . . .». По данным существующих грамматик и словарей глагол *ждать* допускает дополнение как в винительном, так и в родительном падеже. Хронологически более ранняя ситуация состояла в том, что эти два падежа выражали здесь разные отношения между глаголом и существительным: В. падеж обозначал определенный предмет, а Р. падеж — неопределенный; ср. *я жду письмо* (определенное) и *я жду письма* (какого-нибудь). Однако в современном языке заметна эволюция в следующих двух направлениях: 1) смысловое различие между Р. и В. падежами при этом глаголе стирается, так, например, между *я жду самолёта* и *я жду самолёт*, по-видимому, уже не чувствуется различия по определенности—неопределенности; 2) из двух падежных форм, возможных при этом глаголе, предпочитается одна, но у разных групп существительных разная (у одушевленных обычно винительный, у неодушевленных обычно родительный; у некоторых неодушевленных употребляются оба). Так, обычно говорят: *жду мать, сестру, девочку, старосту; начала, конца, результата, ночи, следующего месяца, развязки, ответа; поезда и поезд, трамвая и трамвай, книгу и книги, письмо и письмо* и т. д. Фразы типа *я жду результат, я жду конец* воспринимаются по меньшей мере как стилистически неряшливые, а такие фразы, как *я жду матери, я жду учительницы*, находятся, по-видимому, за гранью грамматической правильности. Такое же управление, как *ждать*, имеют производные глаголы *прождать, подождать, поджидать, ожидать*; в разговорной речи к этому типу управления тяготеют также глаголы *бояться, слушаться* (ср. разг. *он боится свою мать*²¹, *слушайся учительницу*), в меньшей степени — глаголы *остерегаться, опасаться*.

Если признать описанную эволюцию завершившейся, мы получим особый однопадежный ряд: *я жду мать, сестру, брата, поезд и поезда, конца, результата* и т. д. (ср. ряд для винительного падежа: *я говорю про мать, сестру, поезд, результат* и ряд для родительного падежа: *таково свойство матери, сестры, поезда, результата*). Соответствующий падеж можно было бы назвать «ждательным». Есть все основания полагать, что со временем «ждательный» падеж полностью оформится и укрепитя в системе русских падежей (вероятно, к управлению «ждательным» падежом перейдут, помимо названных выше, также такие глаголы, как *избегать, чуждаться, ослушаться* и т. п.). Поскольку, однако,

²¹ Ср. также у М. Цветаевой: *Я . . . не люблю свиных . . . Я — боюсь свиной!*. . . (слова Андрея Белого детям).

в настоящее время его формирование еще не закончено (в частности, не полностью стерто смысловое различие между Р. и В. падежами при этих глаголах), мы не будем рассматривать его в последующем описании как самостоятельный падеж.

Другой не вполне ясный случай представляют собой словосочетания типа *выбрать в депутаты, принять в члены, пойти в лётчики* и т. д. Этот тип словосочетаний в современном языке никак нельзя отнести к фразеологизмам. В самом деле, в качестве второго члена такого словосочетания может выступать любое одушевленное существительное в форме множ. числа (чаще всего это название лица по профессии или социальному положению), а в качестве первого члена — любой глагол, обозначающий переход или перевод в новое качество (чаще всего — в новое социальное состояние). Перечислим основные из этих глаголов: 1) *пойти, пройти, перейти, войти, пролётеть, пробраться, проскочить, вылезть, избраться, выскочить, выдвинуться, записаться, завербоваться, перекалфицироваться, проситься, метить, готовиться*; 2) *взять, принять, забрать, выбрать, избрать, выдвинуть, провестить, протащить, вывести, вытащить, перевести, произвести, записать, завербовать, заманить, разжаловать, пустить, отпустить, звать, готовить, прочить*; 3) *идти, пойти, прийти, ходить* (в гости); 4) *играть* (в солдаты, в казаки-разбойники и т. д.).

Эти словосочетания можно трактовать одним из следующих четырех способов.

1. Субстантивная словоформа, выступающая в таких словосочетаниях, например словоформа *солдаты* в словосочетании *пошёл в солдаты*, признается обозначающей тот же предмет, что, например, в словосочетании *идут солдаты*; соответственно, эта словоформа признается принадлежащей лексеме «солдат».

Вариант 1а. Признаются тождественными смысловые отношения между глаголом и существительным в таких словосочетаниях, как *пошёл в солдаты* и *пошёл в армию*, *записался в казаки* и *записался в казачество*, *вышел в начальники* и *вышел в начальство* (иначе говоря, признается одинаковое состояние соответствующих предметов). Это отношение можно назвать отношением включения в некоторый коллектив. Из двух посылок, принимаемых в варианте 1а, с необходимостью вытекает признание особого падежа — «включительного», поскольку контексту «он пошёл в . . .» соответствует в этом случае особый однопадежный ряд: *армию, казачество, начальство, солдаты, лётчики, инженеры* и т. д. (ср. ряд для винительного падежа: *я говорю про армию, казачество, солдат, лётчиков* и т. д.)²².

²² Фактически такова точка зрения В. А. Богородицкого (В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 115).

Вариант 1б. Тождество смысловых отношений в словосочетаниях *пошёл в солдаты* и *пошёл в армию* отрицается. Отношение между глаголом и существительным в словосочетании *пошёл в солдаты* рассматривается как отношение превращения (=стал солдатом, превратился в солдата). Из таких посылок вытекает, что в словосочетаниях типа *пошёл в солдаты* существительное стоит в именительном падеже. В самом деле, строка, соответствующая в этом случае контексту «*пошёл в . . .*» (а именно: *солдаты, лётчики, инженеры* и т. д.), «вкладывается» только в однопадежный ряд именительного падежа. Мы приходим, таким образом, в этом случае к выводу о том, что именительный падеж может употребляться в русском языке и после предлога (а именно, после предлога *в*)²³.

2. Субстантивные словоформы в сочетаниях *пошёл в солдаты* и *идут солдаты* не признаются обозначающими один и тот же предмет; соответственно, признаются две разные лексемы: 1) «солдат» (множ. число *солдаты* — в значении расчлененной совокупности солдат); 2) «солдаты», т. е. нерасчлененная совокупность солдат (по своему морфологическому типу это слово группы *pluralia tantum*²⁴; как и прочие обозначения нерасчлененных коллективов, например *толпа, отряд, армия*, оно должно быть отнесено к числу неодушевленных)²⁵.

Вариант 2а. Признается «включительное» значение рассматриваемых словосочетаний (см. выше). В этом случае никаких новых падежей не выделится; будет признано, что существительное в этих словосочетаниях стоит просто в винительном падеже.

Вариант 2б. Признается «превратительное» значение рассматриваемых словосочетаний (см. выше). В этом случае новых падежей также не выделится, но падеж существительного в этих словосочетаниях останется неопределенным: винительный или именительный (ср. выше § 2.4).

Неудобство решений типа 2 состоит в том, что выделяемая при этом лексема «солдаты» имеет весьма ограниченную сочетаемость. Так, можно сказать, имея в виду указанное выше лексическое значение: *служит в солдатах, вернулся из солдат* и т. п., однако весьма сомнительны словосочетания вроде *говорю про сол-*

²³ Другой случай употребления И. падежа после предлога составляют, по-видимому, сочетания типа *по шесть рублей, по два человека, по шестеро человек*; ср. *вижу двух человек, шестерых человек* (см.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 53).

²⁴ Ср.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 162 (где существительные в словосочетаниях *играть в кошки-мышки, в дурачки, в Акулины* и т. п. рассматриваются как *pluralia tantum*).

²⁵ Именно эту точку зрения фактически принимает В. Н. Сидоров (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945, стр. 121): «. . . в этих оборотах названия лиц употреблены в отвлеченном значении должности или звания, и потому они, как и другие отвлеченные существительные, образуют вин. пад. по образцу неодушевленных существительных».

даты. Не принимая окончательного решения по данному вопросу, мы не будем тем не менее рассматривать «включительный» падеж в последующем описании.

Вполне возможно, что внимательный анализ фактов позволит обнаружить и другие подобные явления в системе русского склонения, могущие привести к формированию новых падежей²⁶.

Падежи у местоимений-существительных. Увеличение числа падежей

§ 2.10. Включим теперь в рассмотрение также так называемые местоимения-существительные (см. § 2.1). В принципе с ними можно поступать так же, как с обычными существительными; так, соответствующие сегменты можно просто включить в однопадежные ряды, уже выделенные для обычных существительных, и соответственным образом приписать им падежные значения. С большей частью местоименных существительных эту операцию удастся провести без затруднений, например: я — *И*. падеж, кем — *Т*. падеж, нас — *Р*., *Р*₂, *П*. и *П*₂ падежи. Отличие от существительных состоит здесь только в отсутствии счетной формы: в литературном языке ни одна из словоформ этих слов не сочетается с словоформами слов *два*, *оба*, *три*, *четыре*²⁷.

Лишь для одной группы таких слов результат оказывается неожиданным. Речь идет прежде всего о местоимениях *он*, *она*, *оно*, *они*. В отличие от других склоняемых слов, они обнаруживают во всех падежах, кроме именительного и обоих предложных, по два сегмента, которые нельзя заменить друг на друга без утраты грамматической правильности. Так, например, родительному падежу существительных соответствуют здесь сегменты *его* и *него*, *ей* и *неё*, *их* и *них*. Как известно, сегменты с начальным *н* употребляются в словосочетаниях с предлогом, сегменты без *н* — в прочих случаях²⁸. Назовем сегменты первой группы *припредложными*, сегменты второй группы — *самостоятельными*. Противопоставление этих двух сегментов представлено также (правда, с более своеобразным внешним выражением) у местоимений-существительных *некого*, *нечего*, *никто*, *ничто*²⁹. Припредложные сегменты в отличие от самостоятельных

²⁶ См., в частности, § 4.2, вопрос о словосочетаниях типа *по пятисот*.

²⁷ Сочетания типа *два меня*, *три себя*, допустимые в разговорной речи, по-видимому, следует считать нелитературными (см.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 303). Сочетания типа *двое нас* не означают удвоенного содержания понятия «мы».

²⁸ Правило распределения сформулировано несколько упрощенно; подробнее см.: Б. И. Блажевич. К вопросу об употреблении личного местоимения 3-го лица с начальным *н*. «Русский язык в школе», 1962, № 2.

²⁹ Заметим, что, кроме того, оно представлено также у трех прилагательных аналогичного строения, а именно, *никакой*, *никотрый*, *ничей*.

являются здесь «разорванными»: ср., например, *не завидую никому и не обращаюсь ни к кому* ³⁰.

Из сказанного следует, что если рассматривать всю совокупность существительных и местоимений-существительных, то в результате описанной выше процедуры выделяется не девять, а значительно большее число однопадежных рядов. Так, например, с одной стороны, выделяется однопадежный ряд, соответствующий контексту «он завидует . . .», а именно: *врачú, женé, шкафáм, . . ., мне, вам, емú, ей, им*; с другой стороны — однопадежный ряд, соответствующий контексту «он обращается к . . .», а именно: *врачú, женé, шкафáм, . . ., мне, вам, немú, ней, ним*. Первый из них можно назвать однопадежным рядом дательного самостоятельного, а второй — однопадежным рядом дательного припредложного.

Перечислим выделенные таким образом падежи:

- | | |
|------------------------------------|--------------------------------------|
| 1) И. (самостоятельный), | 8) В. самостоятельный, |
| 2) Р. самостоятельный, | 9) В. припредложный, |
| 3) Р. припредложный, | 10) Т. самостоятельный, |
| 4) Р ₂ самостоятельный, | 11) Т. припредложный, |
| 5) Р ₂ припредложный, | 12) П. (припредложный), |
| 6) Д. самостоятельный, | 13) П ₂ (припредложный), |
| 7) Д. припредложный, | 14) счетная форма (самостоятельная). |

Как можно видеть из этого списка, нерасщепленными остались только И., П. и П₂ падежи и счетная форма. Причины этого вполне понятны: И. падеж и счетная форма не употребляются с предлогами ³¹, а предложные падежи не употребляются без предлогов.

Вообще говоря, этот список из 14 падежей можно было бы представить как результат взаимного наложения двух отдельных категорий: категории падежа и категории самостоятельности — припредложности. В этом случае запись типа «Р. припредложный» нужно было бы рассматривать как совокупность двух разных граммем. Такой подход в принципе правомерен; однако по формальным соображениям (а именно потому, что это привело бы к признанию ряда пустых клеток, например для именительного

³⁰ Признавая в качестве особых словоформ «разорванные» единицы типа *ни . . . кому*, мы следуем русской грамматической традиции (ср. АГ, § 659). Мы будем записывать такие единицы, вставляя в место разрыва двойной знак пробела, например: *ни # # кому, не # # чем*. Здесь же отметим, что по аналогии со словами *никто́, ничто́* и т. п. в настоящей книге в качестве особого слова рассматривается также *друг дру́га*. В самом деле, первая морфема ведет себя здесь точно так же, как, например, *ни* в *никто́*, ср. *не видят никого и видят друг друга, ни у кого и друг у друга, ни с кем и друг с другом* и т. д. Разница здесь лишь в том, что для *друг друга* орфография требует раздельного написания даже при отсутствии предлога. Учитывая это различие, мы будем считать, что все словоформы данного слова имеют основу *друг # # друг*.

³¹ Мы отвлекаемся здесь от возможности отнести к И. падежу substantive сегменты в сочетаниях типа *пошёл в солдаты* (см. § 2.9, вопрос об этих сочетаниях, вариант 1б).

припредложного) все же предпочтительно считать, что мы имеем здесь дело с единой категорией падежа. Тем не менее, для практических целей удобно такое словоупотребление, при котором падежи имеют двучленное обозначение и все припредложные падежи объединяются под названием припредложных форм. Таким образом, например, вместо выражения «Д. припредложный ед. числа» в дальнейшем может употребляться также выражение «припредложная форма Д. ед.», а словоформа с таким грамматическим значением может быть названа припредложной словоформой Д. ед.

Условимся, кроме того, в последующем изложении опускать в названии любого падежа уточнение «самостоятельный», а в названии предложных падежей — уточнение «припредложный». Таким образом, обозначения И., Р., Р₂, Д., В., Т., П., П₂ понимаются соответственно, как И. самостоятельный, Р. самостоятельный, Р₂ самостоятельный, Д. самостоятельный, В. самостоятельный, Т. самостоятельный, П. припредложный, П₂ припредложный.

В связи с выделением перечисленных 14 однопадежных рядов возникает вопрос о том, следует ли приписывать 14 падежей всем именам или только именам, имеющим противопоставление самостоятельных и припредложных словоформ. В принципе следует считать желательным установление единой системы падежей для всех склоняемых частей речи. Тем не менее, практика лингвистического описания знает немало случаев, когда во избежание неоправданно громоздких конструкций местоимениям приписывается иная падежная система, нежели существительным; так делается обычно, например, в английской, французской, испанской, итальянской грамматиках. Однако в русском языке положение несколько сложнее, чем, например, в английском языке, где противопоставлена, с одной стороны, падежная система всех существительных, с другой — падежная система местоимений. В рассматриваемом случае линия раздела проходит более своеобразно: особые припредложные словоформы имеются лишь у части местоимений-существительных и, кроме того, у трех прилагательных (*никакбй, никотбый, ничей*); поэтому здесь признание особой падежной системы у слов с противопоставлением самостоятельных и припредложных словоформ привело бы к весьма неестественному разделению имен на грамматические разряды; например, перечисленные три прилагательных образовали бы самостоятельный разряд. В разные грамматические разряды попали бы также местоимения *я* и *он*.

Ввиду указанных формальных трудностей мы принимаем следующее практическое решение. Формально все имена признаются имеющими единую 14-падежную систему. Однако при последующем описании внешнего строения словоформ (во второй части книги) используется следующий прием. В основном разделе описания от каждой парадигмы рассматривается лишь часть падежей (а именно, И., Р., Д., В., Т., П.); все прочие падежи рассматри-

ваются в небольшом дополнительном разделе. Для подавляющего большинства имен описание словоформ оставшихся падежей сводится к указаниям о том, словоформам каких основных падежей они омонимичны. Лишь для небольшого числа имен (например, *он*, *никто*, *никакой*) эти указания носят более сложный характер. Таким образом, принятое здесь формальное решение не ведет к появлению громоздких парадигм в практической части описания.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Число у существительных (кроме singularia и pluralia tantum)

§ 2.11. Рассмотрим вначале вопрос о числе у существительных. При этом временно исключим из рассмотрения так называемые существительные без мн. числа (*singularia tantum*) и существительные без ед. числа (*pluralia tantum*). Для словоформ остающейся после этого совокупности существительных номинативные элементы «единичность» и «множественность» очевидным образом являются обязательными и регулярными³² (ср. § 1.5) и, следовательно, должны быть признаны грамматическими. Таким образом, для данного класса слов признается существование грамматической категории числа, граммемами которой являются ед. число и мн. число. В принципе каждая из этих граммем может состоять либо только из номинативного элемента, либо включать в себя также и другой грамматический элемент. Как мы увидим ниже (§ 2.14), имеет место именно последний случай, поскольку у грамматической категории числа есть и синтаксическая сторона. Здесь, однако, мы будем рассматривать только номинативную ее сторону.

Из признания числа грамматической категорией (для рассматриваемого класса словоформ) вытекает, что словоформы, различающиеся только граммемами числа (например, *волк* и *волки*, *стенá* и *стены*, *окно* и *окна*, *столбáя* и *столбвы*), имеют одинаковое собственно номинативное значение, т. е. входят в одну лексему. Иначе говоря, грамматическая категория числа является для соответствующих лексем (*волк*, *стенá*, *окно*, *столбáя*) словоизменяемой. Поскольку *singularia* и *pluralia tantum* (т. е. существительные, представленные, с традиционной точки зрения, словоформами только одного числа) из рассмотрения исключены, очевидно, что грамматическая категория числа является словоизменяемой не только для лексем, приведенных выше в ка-

³² Не соответствуют требованию регулярности только счетные словоформы: они не входят в противопоставление по числу (см. § 2.8). Это не мешает, однако, сделанного вывода, поскольку в соответствии с § 1.5 критерий регулярности в принципе допускает наличие некоторого числа отклонений

честве примеров, но для всех лексем рассматриваемой здесь совокупности.

Принимаемый здесь взгляд, согласно которому у существительных словоформы разных чисел входят в одну лексему, является наиболее распространенным. Существует, однако, и другая точка зрения на число существительных, при которой оно рассматривается как классифицирующая грамматическая категория (или, в иных терминах — как категория словообразования)³³. В основе такой точки зрения лежит другой взгляд на границу словоизменения и словообразования: словоизменительными признаются только синтаксические грамматические категории³⁴ (т. е. такие, у которых граммы состоят исключительно из синтаксических элементов); к словоформам одной лексемы предъявляется требование полного тождества номинативных значений. (Заметим, кстати, что именно такое тождество играло существенную роль выше в процедуре выделения падежей.) Эта точка зрения привлекательна своей простотой. Однако при последовательном осуществлении она приводит к такому выделению лексем, которое существенно расходится с практикой лингвистического описания и с языковой интуицией. При таком взгляде необходимо, по-видимому, признавать разными лексемами не только разные числа существительных, но и разные времена глаголов³⁵.

Этот вопрос сходен с вопросом об определении многих других лингвистических понятий, например (синтагматического) слова или предложения. Так, ценность того или иного определения слова зависит от того, насколько оно соответствует существующей практике словоделения (например, при письме), основанной на каких-то неформальных, интуитивных представлениях. Если это соответствие оказывается слишком приблизительным, определение отвергается как практически бесполезное (в лучшем случае оно может сохраниться в качестве определения объекта, отличного от слова, но тоже полезного для практики), а конкретные описания языка опираются, как и раньше, на неформальное представление о слове. Существует также некоторое неформальное представление о том, что такое отдельное парадигматическое слово (хотя оно и менее интуитивно очевидно, чем представление о синтагматическом слове). Попытки лингвистов дать определение лексемы следует рассматривать именно как стремление раскрыть сущность этого неформального представления. Гипотеза о том, что граница парадигматического слова (лексемы) совпадает с границей между синтаксическими и несинтаксическими (номинативными) значениями, является своего рода первым приближением к решению этого вопроса. Это приближение обладает значительными достоинствами, однако в части случаев (время глагола, число существительных) оно явно расходится с нашими интуитивными представлениями о границах лексемы, отраженными в многочисленных конкретных описаниях³⁶. В этих условиях за данной гипотезой можно признать самостоятель-

³³ Это взгляд восходит к Ф. Ф. Фортунатову; он проводится также его последователями Д. Н. Ушаковым, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсоном; из более поздних работ см., в частности: Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Указ. соч., стр. 70; П. С. К у з н е ц о в. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 45.

³⁴ См.: А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 31.

³⁵ Ср. классификации Д. Н. Ушакова (Д. Н. У ш а к о в. Краткое введение в науку о языке. М., 1929) и М. Н. Петерсона (М. Н. П е т е р с о н. Русский язык. М.—Л., 1925).

³⁶ По существу как констатацию такого расхождения можно рассматривать следующие слова В. Н. Сидорова (Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Указ. соч., стр. 70): «Также в качестве форм словообразования и, сле-

ную ценность, однако, как и в прочих подобных случаях, нельзя требовать, чтобы наше интуитивное представление о границах лексемы изменилось в соответствии с нею. Иначе говоря, естественно продолжать поиски лучшего приближения к такому определению; в качестве попытки такого рода и следует рассматривать примененную выше логическую схему, использующую критерии обязательности и регулярности³⁷.

Число у *singularia* и *pluralia tantum*

§ 2.12. Обратимся теперь к тем существительным, которые были временно исключены из рассмотрения, — к так называемым *singularia tantum* и *pluralia tantum*. В большинстве существующих описаний эти две группы слов трактуются как вполне аналогичные друг другу, а именно, как группы существительных, «употребляющихся только в одном числе». Однако несложный анализ показывает, что между этими двумя группами слов в действительности нет параллелизма. В этом вопросе необходимо лишь четко различать внутреннюю (смысловую) и внешнюю стороны словоформ; прежде всего следует различать: а) значение единичности (соответственно множественности) или, как мы будем ниже говорить, единственного (множественного) числа; б) внешние признаки единственного (множественного) числа, т. е. такие же окончания, такая же акцентуация и т. д., что у единственного (множественного) числа существительных, имеющих оба числа.

У *singularia tantum* обычно употребляются только словоформы со значением и внешними признаками ед. числа. Эта особенность непосредственно связана с основным значением этих слов: в человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай», или «гордость», или «медь» и т. п. Однако, если такая потребность все же возникнет (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками мн. числа без труда³⁸ будут построены: *лаи*, *гбрдости*, *мэди*

довательно, особых слов следует рассматривать и формы числа существительных (*стол—столаи*), поскольку различия между ними заключаются в реальных значениях, а не в выражаемых ими отношениях. Однако, благодаря смысловой близости этих слов, их обычно помещают среди форм словоизменения».

³⁷ Некоторые дополнительные аргументы в пользу объединения словоформ разных чисел в одну лексему см. в § 2.16.

³⁸ Затруднения возникают лишь в тех немногих случаях, когда в языке оказывается слишком мало слов, которые могли бы послужить образцами для образования мн. числа по аналогии, или когда наиболее естественная словоформа мн. числа уже «занята» другим значением. Так, например, неясно, как образовать мн. число от слова *молоко* (*молока?*, *молоки?*, *молока?*, *молоки?*), поскольку трудно найти подходящий готовый образец. Использованию словоформы *молоки* (которая по своему строению, по-видимому, может считаться предпочтительной) отчасти препятствует, кроме того, существование особой лексемы «молоки». Отметим, что в картотеке словарного сектора Ленинградского отделения Ин-та языкознания зафиксированы словоформы *молоки*, *молока* и *молоки*; в работе А. И. Сумкиной «Деривационная корреляция существительных в формах множественного числа» («Развитие грам-

и т. д.³⁹ Таким образом, отсутствие у *singularia tantum* словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие словоформы встретятся очень редко или вообще не встретятся. Иначе говоря, *singularia tantum* — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ⁴⁰.

Совсем иначе обстоит дело с *pluralia tantum*. Рассмотрим вначале наиболее важную группу *pluralia tantum* — слова, которые обозначают неодушевленные предметы, поддающиеся счету, например: *сани, нбжницы, ворота, сѹтки* (далее сокращенно: «слова типа *сани*»). Как известно, эти слова могут обозначать «слово типа *сани*»), и несколько соответствующих предметов: ср. *одни сани* и *многие сани, ворота нашего дома* и *ворота всех домов* и т. д. Таким образом, слова типа *сани* имеют только словоформы с внешними признаками мн. числа, но каждая из этих словоформ имеет не только значение мн. числа, но также и значение ед. числа. Именно поэтому словоформы типа **нбжница*, **ворото* не встречаются никогда (в отличие от словоформ типа *лаи, мѣди*); в самом деле, значения, для передачи которых эти словоформы могли бы быть построены, уже передаются в языке словоформами типа *нбжницы, ворота*. Различие между двумя возможными значениями словоформ с внешней стороной *сани, нбжницы, ворота* и т. д. точно такое же, как между значениями словоформ *стол* и *столь, окно* и *окна* и т. д. На фоне подавляющего большинства русских существительных, у которых это различие значений выражается внешне, отсутствие такого выражения у словоформ

матики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 231) приведен также пример из М. А. Шолохова: *Нету времени молока распивать*.

³⁹ Обычно мн. число таких существительных обозначает разные виды (сорта, варианты) соответствующего объекта. Это связано с особенностями основного значения таких слов. Значение слов типа *дом, стол, воля* и т. п. включает не только качественную, но и количественную характеристику объекта; напротив, для слов, обозначающих вещество, качество, деятельность, состояние и т. д., существенна только качественная определенность, а количественная мера безразлична. Так, *стол* в одной комнате и *стол* в другой комнате — это уже «столы», а не «стол», а *чай* в одном стакане и *чай* в другом стакане — это все равно «чай», ср. также: *лай многих собак, храбрость этих людей* и т. д. Множественное число в русском языке может обозначать совокупность как одинаковых, так и различных объектов; например, словоформа *домá* может обозначать как несколько одинаковых, так и несколько различных домов. Для слов же типа *чай, храбрость, лай* и т. п. первая возможность отпадает и остается только вторая: обозначение нескольких разных объектов, каждый из которых в отдельности называется «чай», «храбрость», «лай» и т. п. Таким образом, значение, которое имеет мн. число в словоформах *чай, мѣди* и т. п., есть лишь обусловленный вариант его «обычного» значения (выступающего в словоформах *столь, вѣли* и т. д.). См. также: А. П. Сумкина. Указ. соч., стр. 231.

⁴⁰ Этот взгляд последовательно проведен, в частности, в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики современного русского языка» (см. стр. 90—91).

типа *сáни*, в соответствии с обычной лингвистической практикой, должно быть признано омонимией чисел⁴¹. Иначе говоря, например, сегмент *сáни* является внешней стороной двух словоформ: *сáни* (ед. число) и *сáни* (мн. число)⁴².

Итак, и *singularia tantum*, и *pluralia tantum* типа *сáни* представляют собой существительные с парадигмой, включающей оба числа. При этом, однако, они отличаются от «обычных» существительных (типа *стол*) по совершенно разным признакам. Слово типа *лай* отличается от слова *стол* только тем, что у него крайне редко употребляются словоформы мн. числа. Напротив, у слова *сáни* достаточно часто употребляются как словоформы ед. числа, так и словоформы мн. числа; отличие от слова *стол* здесь только в том, что в каждом падеже эти две словоформы омонимичны.

Из сказанного следует, в частности, что оба использованных выше традиционных термина (*singulare tantum*, буквально «только единственное», и *pluralia tantum*, буквально «только множественное») по меньшей мере неточны; они нехороши также тем, что создают иллюзию параллелизма там, где его в действительности нет. Тем не менее, они, как и многие другие традиционные термины, обладают тем достоинством, что сразу ассоциируются с вполне определенными группами слов (для которых нелегко найти новые названия, одновременно краткие и точные). Поэтому условимся «забыть» о буквальном смысле этих латинских терминов и будем употреблять их далее, приписав им следующий смысл: *singularia tantum* — существительные, у которых словоформы мн. числа обычно не употребляются; *pluralia tantum* — существительные, у которых в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны.

Нам осталось теперь рассмотреть слова, традиционно называемые *pluralia tantum*, но не входящие в число слов типа *сáни*.

У небольшой группы слов, обозначающих лиц, например *девчáта*, *ребя́та*, *де́тки*, *детя́шки*, действительно отсутствуют словоформы ед. числа (т. е. все наличные словоформы всегда имеют значение мн. числа)⁴³. Эти слова признаются словами с дефектной парадигмой⁴⁴. Несколько обособленно стоят слова

⁴¹ Косвенным доводом в пользу такой трактовки являются также факты других языков. Как известно, *pluralia tantum* есть во многих языках, однако по своему составу *pluralia tantum* разных языков не соответствуют друг другу: ср. *сáни* и англ. *sledge*, франц. *traîneau*; *часы* и англ. *watch*, *clock*, франц. *montre*, *horloge* и т. д. При установлении межъязыковых соответствий мы получим, таким образом, типичную картину омонимии: *table* — *стол*, *tables* — *стола́й*; *sledge* — *сáни*, *sledges* — *сáни*.

⁴² От омонимии падежей мы здесь для упрощения отвлекаемся.

⁴³ Список таких слов см. в § 3.4, пункт 6. К этой группе примыкает также существительное со словоформами *сот*, *ста́м*, *ста́ми*, *ста́х*, выступающее, например, в сочетаниях *несколько сот человек*, *с несколькими ста́ми рублей* и т. п.

⁴⁴ Заметим, что в соответствии со сказанным выше, термин *pluralia tantum* не будет в дальнейшем применяться к этим словам (хотя парадоксальным образом только они и соответствуют буквальному смыслу этого термина).

белые и *чёрные* (как названия сторон, например, в шахматах); см. о них в § 2.18.

Остальные слова рассматриваемой группы (назовем их условно «слова типа *чернила*») представляют собой обозначения веществ (например, *чернила*, *сливки*, *щи*, *помои*), действий или состояний (например, *сборы*, *хлопоты*, *нелады*, *побой*) или собирательные обозначения (например, *всёбды*, *финансы*, *джунгли*). Легко заметить, что это как раз те семантические группы, к которым относятся *singularia tantum* (ср. например: *хворост*, *сено*, *мыло*, *медь*, *баранина*; *лай*, *смех*, *беготня*, *тоска*, *мытё*, *хвостовство*; *листвá*, *мошкарá*, *тряпё*, *зверё*). Иначе говоря, по своему значению слова типа *чернила* так же отличаются от слов типа *сани*, как *singularia tantum* (например, *лай*, *медь*) от «обычных» существительных (например, *стол*). Аналогичны также различия в сочетаемости с другими словами; так, например, и «обычные» существительные, и слова типа *сани* легко сочетаются с числительными (например, *два стола*, *десять столов*, *двое саней*, *десять саней*); напротив, слова типа *чернила*, как и *singularia tantum* типа *лай*, *медь*, обычно не сочетаются с числительными. Все сказанное приводит к следующему естественному выводу: слова типа *чернила* обладают одновременно свойствами *pluralia tantum* и *singularia tantum* (в указанном выше новом смысле этих терминов)⁴⁵; иначе говоря, это существительные с двучисловой парадигмой, у которых: 1) в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны; 2) обычно употребляются только словоформы ед. числа. Заметим, что, как и прочие *singularia tantum*, слова типа *чернила* могут при особой необходимости выступать во мн. числе (по смыслу); например, словоформа *чернила* может обозначать и несколько сортов чернил (ср. *мыла*, *масла*, *нефти* и т. п.).

З а м е ч а н и я

Существует также довольно большая группа слов, не относящихся к числу *pluralia tantum*, но внешне сходных с ними, в частности, в том, что они представлены в словарях словоформами с внешними признаками мн. числа (некоторые из таких слов одними словарями трактуются как обычные существительные, другими — как *pluralia tantum*). Это слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе, например: *гренки*, *инициáлы*, *медикаменты*, *живоки*, *букли*, *катакбмбы*, *мирибды*, *шпáлы*; *стропила*, *жвáла*; сюда относятся также некоторые названия лиц, например: *близнецы*, *хамиты*, *гоаáры*. Заметим, что именно эти слова (а не слова типа *сани*) являются истинными аналогами *singularia tantum*.

Во многих случаях словоформы *pluralia tantum* оказываются омонимичными словоформам мн. числа других существительных; ср., например, *часы* (*plurale tantum*) и *часы* (мн. число слова *час*). Эту омонимию удобно показать, например, с помощью английских переводов:

ед. число	<i>час</i> «hour»	<i>часы₂</i> «watch»
мн. число	<i>часы₁</i> «hours»	<i>часы₃</i> «watches»

⁴⁵ Таким образом, можно сказать, что слова типа *чернила* — это *singularia tantum* среди *pluralia tantum* (или наоборот).

Ср. также *очки—очкб, счёты—счет, сборы—сбор, черви—червь, грязь—грязь* и мн. др. Такие слова обычно составляют в словарях разные статьи. Однако случаев подобной омонимии на самом деле много больше, чем отмечено в словарях. Совершенно такое же соотношение следует признать, например, между словами *сапог* и *сапоги*, *чулок* и *чулки*, *рука* и *руки* и во многих других случаях, когда два предмета (реже несколько предметов) образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно. В самом деле, например, «сапоги» (в значении «пара сапог») — это уже особый предмет, а не просто два сапога (два наугад взятых сапога могут оказаться, например, разного размера или на одну ногу, и тогда они уже не образуют пары сапог, т. е. одного экземпляра определенного вида обуви). Таким образом, имеются:

	лексема «сапог»	лексема «сапоги»
ед. число	<i>сапог</i>	<i>сапоги</i> ₂ (пара сапог)
мн. число	<i>сапоги</i> ₁ (разрозненные, например, одни левые)	<i>сапоги</i> ₃ (несколько пар сапог) ⁴⁶ .

В некоторых случаях из тройки омонимичных словоформ типа *сапоги* реально почти всегда встречается только одна — ед. число слова группы *pluralia tantum*, таковы, например, словоформы *небеса*, *кружева*.

В последующем морфологическом описании, однако, во избежание неопределенности в числе и составе рассматриваемых лексем, мы вводим в рассмотрение лишь минимальное число таких «дополнительных» *pluralia tantum*, а именно: *брыльи*, *войска*, *вблосы*, *кружева*, *небеса*, *потроха*. В прочих случаях в качестве *pluralia tantum* рассматриваются только слова, которые признаются таковыми в словарях.

Вопрос о числе у местоимений-существительных

§ 2.13. Часть словоформ, принадлежащих местоимениям-существительным, образуют подобно субстантивным словоформам смысловые пары, противопоставленные по признаку единичности — множественности; ср. *он—онй, она—онй, онб—онй*. Сходное (хотя далеко не тождественное) отношение выступает в парах *я—мы, ты—вы*. Другая часть словоформ не образует таких пар; таковы, в частности, *что, кто* (и производные от них), *себя*. В смысловом отношении словоформы последней группы неоднородны. Так, например, словоформа *некто* определенно имеет значение единичности; ряд других имеет не вполне определенное числовое значение, хотя тяготеет к значению единичности (*что, всё, ничто, некто*); наконец, словоформа *себя* явно может иметь как значение единичности (ср. *самого себя*), так и значение множественности (ср. *самих себя*); в несколько меньшей степени такая двойственность свойственна также слову *кто*⁴⁷.

⁴⁶ Обычным средством избежать подобной омонимии, когда она становится нежелательной, является использование слова *пара: две пары туфель, сапог, рук*. При этом слово *пара* утрачивает свое основное значение и выступает в качестве полувспомогательного счетного слова с обобщенным значением «единица счета» (подобно словам *штука, человек* и т. п.); это видно из сочетаний типа *пять пар часов*, значащих то же самое, что, например, *пять штук часов*.

⁴⁷ На эту двойственность значения слов *себя* и *кто* автору указал В. В. Виноградов.

Рассмотрим свойства номинативных элементов «единичность» и «множественность» у словоформ рассматриваемого класса (т. е. класса, состоящего из всех словоформ местоимений-существительных). Эти элементы очевидным образом не регуляры и, возможно, даже не обязательны (если считать, что у словоформ типа *кто*, *все*, *ничто*, *нечто* не представлен ни один из них); следовательно, они не являются грамматическими. Отсюда ясно, что либо у местоимений-существительных вообще нет грамматической категории числа, либо, если она есть, ее граммемы имеют иную природу, чем граммемы числа у существительных, а именно, они не содержат номинативных элементов. (О том, как решается этот вопрос, см. § 2.20.)

Из вывода о неграмматическом характере номинативных элементов «единичность» и «множественность» у местоимений-существительных следует, что, например, словоформы *я* и *мы*, *ты* и *вы*, *он* и *они* имеют разные собственно номинативные значения, т. е. относятся к разным лексемам. Таким образом, лексемы местоимений-существительных не имеют противопоставления по числу внутри парадигмы ⁴⁸.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СОГЛАСОВАТЕЛЬНОГО КЛАССА (=КАТЕГОРИЯ РОДА+КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ— НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ)

Понятие согласования

§ 2.14. Для дальнейшего изложения необходимо принять одно дополнительное допущение. Как известно, один из общепринятых способов отображения внутренней структуры грамматически правильной фразы состоит в том, что входящие в эту фразу синтагматические слова (= словоформы, см. § 1.2) признаются связанными между собой так называемыми синтаксическими связями. Синтаксическая связь между двумя синтагматическими словами может быть непосредственной, т. е. связывать эти два слова без участия какого-либо третьего слова, или опосредствованной, т. е. такой, которая проходит через одно или более слово-посредник (причем любые два соседних члена образовавшейся цепочки синтагматических слов связаны непосредственной синтаксической связью). На изображение структуры грамматически правильной фразы накладывается ряд обязательных требований. То из них, которое существенно для последующего изложения, можно сформулировать так: во всякой грамматически правильной фразе любые два синтагмати-

⁴⁸ Относительно числа у слов *себя* и *кто* см. § 2.20.

ческих слова могут быть связаны только одной синтаксической связью (непосредственной или опосредствованной)⁴⁹.

П р и м е ч а н и е. Вообще говоря, одна и та же грамматически правильная фраза может допускать несколько разных способов расстановки синтаксических связей, удовлетворяющих налагаемым требованиям. (Это бывает в случае реальной двусмысленности фразы.) Поэтому практически необходимо иметь дело не с фразой как таковой, а с парой «фраза+определённая расстановка в ней синтаксических связей». Так, сформулированное выше требование относится именно к такой паре (в применении к фразе как таковой оно может и не соблюдаться). В дальнейшем, если не оговорено обратное, мы будем, говоря о синтаксических связях в грамматически правильной фразе, подразумевать под грамматически правильной фразой именно такую пару («сама фраза+определённая расстановка синтаксических связей»).

Другая существенная особенность отображения структуры фразы с помощью синтаксических связей состоит в следующем: считается, что непосредственные синтаксические связи могут быть качественно различными. Иначе говоря, про два синтагматических слова можно сказать не только то, что они связаны непосредственной синтаксической связью, но и то, что это связь определённого типа.

Теперь мы можем сформулировать требуемое допущение: предполагается, что про любые две пары синтагматических слов некоторых грамматически правильных фраз (в частности, одной и той же фразы) можно сказать, связаны ли члены этих пар одинаковой синтаксической связью.

Способ практического использования этого допущения можно показать, к сожалению, только с помощью примеров. Так, мы будем практически исходить из того, что, например, в каждой из приводимых ниже серий грамматически правильных фраз выделенные пары синтагматических слов связаны одинаковой синтаксической связью: а) *вот мой дом; вот удобные стулья; стоит хорошая погода; вижу чёрную собаку; говорю со своими приятелями*; б) *этот дом мой; эти стулья — удобные; эта река — быстрая*; в) *вот один из моих стульев; вот одна из тех книг; вот лучшее из его сочинений*. Напротив, например, во фразах *вот мой дом* и *вот дом моего друга* выделенные пары слов признаются связанными разными синтаксическими связями. Этот пример показывает, в частности, что мы будем исходить в настоящей работе из «узкого» понимания тождества синтаксических связей, включающего не только тож-

⁴⁹ Считается, что во фразе могут быть синтагматические слова, наличие или отсутствие которых не влияет на ее внутреннюю структуру; это обращения, вводные слова и т. п. Если предположить, что все такие синтагматические слова каким-то способом удалены из фразы, то указанные выше требования можно усилить, а именно: после удаления всех вводных слов в любой грамматически правильной фразе любые два синтагматических слова должны быть связаны некоторой синтаксической связью (непосредственной или опосредствованной) и притом только одной.

дество соответствующих семантических отношений, но и интуитивную одинаковость внешнего выражения рассматриваемой синтаксической связи.

Всякую синтаксическую связь, тождественную связи между синтагматическими словами *мой* и *дом* во фразе *вот мой дом*, мы будем называть а т р и б у т и в н о й. Пользуясь традиционными грамматическими терминами, можно сказать, что атрибутивная связь — это связь между существительным и прилагательным, выступающим в качестве определения к этому существительному.

Практически нам придется иметь дело только с такими синтаксическими связями, которые связывают предметное слово и слово-атрибут (см. § 2.1). Поэтому дальнейшие определения рассчитаны только на этот класс синтаксических связей⁶⁰.

Мы будем говорить, что словоформа *n* предметного слова *N* т р е б у е т при определенной синтаксической связи словоформу *a* слова-атрибута *A*, если возможна грамматически правильная фраза, в которой *n* и *a* связаны данной синтаксической связью. Так, например, словоформа И. ед. *дом* требует при атрибутивной связи словоформу И. ед. муж. *белый* слова-атрибута *белый*. Практически возможна также такая ситуация, где известен сегмент, выражающий требуемую словоформу слова *A*, но еще неизвестно грамматическое значение этой словоформы. Поэтому мы будем прилагать понятие «требования» не только к словоформам слов-атрибутов, но и к выражающим их сегментам, т. е. будем говорить: «словоформа *n* требует сегмент *a*». Например, словоформа И. ед. *дом* требует при атрибутивной связи сегмент *белый* слова *белый*; словоформа И. ед. *стенá* требует сегмент *белая* (того же слова), словоформа В. ед. *стѣну* — сегмент *белую*; словоформа Т. ед. *вѣщью* требует одновременно два сегмента слова *белый*: *белой* и *бѣлою*.

Мы будем говорить, что в языке имеется с о г л а с о в а н и е (вообще), если найдутся две словоформы некоторых предметных слов (в частности, одного и того же предметного слова), которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов⁶¹ хотя бы одного слова-атрибута. Так, в русском языке есть согласование, поскольку, например, словоформы *дом*, *стенá*, *стѣну*, *вѣщью* требуют при атрибутивной связи разных сегментов прилагательного *белый* (см. выше).

Введем еще несколько определений:

1) в языке есть с л о в о и з м е н и т е л ь н о е с о г л а с о в а н и е, если найдутся две словоформы одного и того же предметного слова, которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута;

⁶⁰ Это обстоятельство дает возможность, в частности, не использовать понятие направления синтаксической связи (иначе говоря, понятие подчинения).

⁶¹ Обычно каждая такая совокупность состоит всего из одного сегмента.

2) в языке есть **внесловоизменительное согласование**, если найдутся два предметных слова, которые, будучи взяты в одной и той же грамматической форме, требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута;

3) в языке есть **согласование по некоторой частной грамматической категории**, если найдутся две словоформы некоторых предметных слов (в частности, одного и того же предметного слова), грамматическое значение которых различается только граммемами данной грамматической категории и которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута.

В русском языке имеется как словоизменительное, так и внесловоизменительное согласование, ср.: 1) *белый дом* и *белыми домами*; 2) *белый дом* и *белая стена*. В русском языке есть также согласование по всем рассмотренным выше грамматическим категориям — падежу (у существительных) и местоимений-существительных) и числу (у существительных): ср., например, *белому дому* и *белым домом*, *ему самому* и *его самою* (различие только в падеже), *белому дому* и *белым домам* (различие только в числе).

Наличие согласования по некоторой частной грамматической категории означает, что при построении фразы эта категория должна учитываться в числе факторов, определяющих выбор нужной словоформы подчиненного слова, т. е. в числе синтаксических факторов. Таким образом, независимо от того, какова первоначальная природа данной частной грамматической категории, в силу согласования эта категория получает также синтаксическую сторону. «Приказ» о выборе определенной словоформы подчиненного слова образует синтаксический элемент значения соответствующей словоформы предметного слова. В случае числа (у существительных) этот элемент оказывается сопряженным с номинативным элементом («единичность» или «множественность»), в случае падежа (у всех предметных слов) — с другим синтаксическим элементом (а именно, с одним из «подчиненных» падежей, т. е. падежей, определяемых связью данной предметной словоформы с глаголом или иным подчиняющим словом, ср. § 1.3). Рассматриваемый синтаксический элемент обязателен (поскольку каждая словоформа предметного слова требует вполне определенного падежа и числа подчиненного слова-атрибута) и, следовательно, является грамматическим. Таким образом, каждая граммама числа (у существительных) оказывается состоящей из номинативного и синтаксического элементов, а каждая граммама падежа (у любого предметного слова) — из двух синтаксических элементов («подчиненного» падежа и «подчиняющего» падежа).

В особом положении оказываются элементы «синтаксическое ед. число» и «синтаксическое мн. число» у местоимений-существительных: они здесь не сопряжены ни с какими другими грам-

матическими элементами (поскольку соответствующие номинативные элементы здесь не являются грамматическими, см. § 2.13). Этот вопрос рассматривается в § 2.20.

З а м е ч а н и е. Следует учитывать, что возможность объединить рассматриваемые пары элементов в единые грамемы, вообще говоря, зависит от принятого способа описания. В самом деле, например, два разных «подчиненных» падежа — Π_1 и Π_2 — всегда требуют одной и той же словоформы слова-атрибута. Если признать, что этим двум «подчиненным» падежам соответствует лишь один «подчиняющий» падеж (что вполне допустимо), то мы бы уже не получили единой грамматической категории падежа. Точно так же, если признать, что в словоформах *сáни* (с номинативным элементом «единичность») и *сáни* (с номинативным элементом «множественность») разным номинативным элементам соответствует один и тот же синтаксический элемент («синтаксическое мн. число»), то уже не было бы единой грамматической категории числа.

Согласовательные классы

§ 2.15. Рассмотрим вопрос о внесловоизменительном согласовании у существительных. При этом, как и в § 2.11, временно исключим из рассмотрения *singularia* и *pluralia tantum*.

Представим себе ряд, который включает все сегменты всех имеющихся в языке слов-атрибутов, требуемые некоторой словоформой некоторого существительного при атрибутивной связи. Так, например, словоформе *И. ед. вещь* соответствует ряд сегментов: *нбвая, ésta, моя, . . .*; словоформе *Т. ед. вѣщью* — ряд сегментов: *нбвой и нбвою, ётой и ётою, моёй и моёю, . . .* Таким образом, если парадигматическая схема существительных состоит из *m* грамматических форм, то каждому существительному будет соответствовать набор из *m* таких рядов. Очевидно, что если в языке имеется внесловоизменительное согласование, то не все такие наборы окажутся одинаковыми, т. е. найдется по крайней мере два набора, различных между собой. Все существительные делятся на классы в зависимости от того, какой из этих наборов им соответствует. Эти классы можно назвать «классами по согласованию» или «согласовательными классами».

Таким образом, можно предложить следующее определение (I): **согласовательным классом** называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), при атрибутивной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута.

В большинстве языков, имеющих роды, например в латыни, немецком, литовском и т. д., согласовательные классы соответствуют родам, т. е. каждый согласовательный класс равен совокупности существительных определенного рода. На первый взгляд такое же положение и в русском языке. Например, в таблицах склонения прилагательных обычно различается три набора форм — соответственно числу родов. Однако простейшее наблюдение над выбором словоформы слова-атрибута при винительном падеже

существительного показывает, что в действительности число согласовательных классов в русском языке по крайней мере вдвое больше, чем число родов, поскольку каждый род содержит «одушевленный» и «неодушевленный» согласовательные классы⁵². Чтобы убедиться в существовании шести различных согласовательных классов существительных, достаточно рассмотреть выбор словоформ какого-нибудь прилагательного (например, *белый*) при И. ед. и В. мн. разных существительных:

	Согласовательные классы					
	1 (<i>дом</i>)	2 (<i>слои</i>)	3 (<i>стенá</i>)	4 (<i>козá</i>)	5 (<i>око́нó</i>)	6 (<i>чудó-гиги́е</i>)
И. ед.	<i>бе́лый</i>	<i>бе́лый</i>	<i>бе́лая</i>	<i>бе́лая</i>	<i>бе́лое</i>	<i>бе́лое</i>
В. мн.	<i>бе́лые</i>	<i>бе́лых</i>	<i>бе́лые</i>	<i>бе́лых</i>	<i>бе́лые</i>	<i>бе́лых</i>

Особый вопрос составляют так называемые существительные общего рода (*сирота́, кале́ка* и т. п.). Они совмещают синтаксические свойства слов согласовательных классов 2 и 4, ср. *этот сирота* и *эта сирота* и т. п. Разумеется, если, следуя лексикографической традиции, рассматривать каждое из таких существительных как единую лексему (собственно номинативное значение которой вообще не содержит элемента, уточняющего пол), то они выделятся в особый согласовательный класс. Согласовательный класс такого типа мы будем условно называть «скрещенным»⁵³. Можно, однако, трактовать такие существительные и иначе, а именно, представлять каждое из них как пару омонимичных лексем, например: *сирота́*₁ (лексема согласовательного класса 2, содержащая номинативный элемент «мужской пол») и *сирота́*₂ (лексема согласовательного класса 4, содержащая номинативный элемент «женский пол»). При такой трактовке новых согласовательных классов не появится.

Различие между этими двумя трактовками проявляется в основном при синтезе текста, описывающего заданную ситуацию (=при

⁵² Значение этого факта для родовой системы русского существительного было показано уже в 1924 г. в работе Н. Н. Дурново (*N. Durново. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, IV*), которая, к сожалению, почти не оставила следа в академической и школьной традиции. Н. Н. Дурново различает четыре рода в ед. числе: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний, и два рода во мн. числе: одушевленный и неодушевленный. Этот взгляд основан на предпосылке, что, например, *волк* и *волки* — это разные слова (т. е. на предпосылке, противоположной той, которая принята в настоящей работе). Подробнее об этом см. § 2.16.

⁵³ Существуют, по-видимому, и другие «скрещенные» согласовательные классы: например, слово *шимпанзе́* совмещает свойства согласовательных классов 2, 4 и 6.

синтезе текста с заданным смыслом). Пусть требуется, например, построить некоторое сообщение о девочке-сироте. При первой из указанных трактовок словосочетание типа *эта сирота* возникает так: а) исходя из описываемой ситуации, выбирается нужное существительное — *сиротá* («скрещенного» согласовательного класса), а также нужное слово-атрибут — *этот*; ввиду особенности слова *сиротá* пол описываемого лица на данном уровне никак не отражается (далее по правилам, от которых мы здесь для простоты отвлекаемся, выбираются нужные число и падеж взятого существительного, скажем, И. ед.); б) по синтаксическим правилам получаем две допустимых словоформы слова-атрибута — *этот* и *эта*; в) для разрешения неоднозначности вновь обращаемся к описываемой ситуации, а именно, учитываем пол рассматриваемого лица и осуществляем так называемое «семантическое согласование» — выбираем нужную из двух словоформ (*эта*). При второй из указанных трактовок эта процедура выглядит проще: а) в соответствии с ситуацией выбирается существительное *сиротá*₂ (4-го согласовательного класса), а также слово-атрибут *этот*; б) по обычным синтаксическим правилам выбирается нужная словоформа слова-атрибута — *эта*. Иначе говоря, процедура здесь такая же, как для словосочетаний типа *эта учительница*.

В то же время для морфологического описания между двумя трактовками слов типа *сиротá* нет существенного различия. В самом деле, для предметных слов разница сводится лишь к формальному вопросу о числе лексем (одна лексема *сиротá* или несколько омонимичных лексем *сиротá*₁, *сиротá*₂ и т. д.); очевидно, однако, что с собственно морфологической точки зрения совокупность омонимичных лексем равносильна единой лексеме. Правда, различия в числе согласовательных классов предметных слов, вообще говоря, могут сказаться на парадигматической схеме слов-атрибутов и тем самым повлиять на морфологическое описание; однако, как мы увидим ниже (§ 2.21), «скрещенные» согласовательные классы, в отличие от обычных, в парадигматической схеме слов-атрибутов самостоятельного отражения не находят.

Практически мы исходим во второй части книги (т. е. в собственно морфологическом описании) из традиционной трактовки; в частности, при различных подсчетах каждое слово типа *сиротá* учитывается только один раз. В то же время мы можем позволить себе в настоящей главе ради простоты исходить из второй трактовки и, следовательно, игнорировать существование скрещенных согласовательных классов (поскольку, как мы видели, различие между двумя трактовками существенно только для синтаксического, но не для морфологического описания).

З а м е ч а н и е. В современной разговорной речи проявляется отчетливая тенденция к употреблению глагола (реже прилагательного) в женском роде при словах типа *врач*, *дирéктор*, *инженéр*, если они обозначают жен-

щину. На косвенные надежи, однако, эта тенденция почти не распространяется. Если признать это явление уже узаконенным для современного языка, мы столкнемся здесь с аналогичной проблемой: либо 1) мы признаем существование единой лексемы *врач* — тогда подобные слова выделяются в особый согласовательный класс, отличный даже от согласовательного класса слов общего рода (поскольку можно сказать *этого сироту* и *эту сироту*, но нельзя сказать *эту врача*), либо 2) мы признаем омонимию между *врач*₁ (слово согласовательного класса 2) и *врач*₂ (слово согласовательного класса 4, не имеющее косвенных падежей ед. числа). Поскольку, однако, речь здесь идет о явлении, которое еще не узаконено окончательно в литературном языке, мы вообще не будем его далее учитывать.

Установленное расхождение между согласовательными классами и родами ставит перед нами проблему терминологического характера: оно обязывает либо 1) назвать и в русском языке, подобно латыни, немецкому и т. д., согласовательные классы родами (как это делает, например, Н. Н. Дурново⁵⁴), т. е. признать существование шести родов, либо 2) сохранить для русского языка традиционное употребление слова «род», но при этом признать, что русский род с типологической точки зрения отличен, например, от латинского. Мы выбираем второе — прежде всего для того, чтобы не вступать в противоречие с устойчивой традицией. Таким образом, на данном этапе изложения можно понимать под родами пары согласовательных классов (1 и 2 — мужской род, 3 и 4 — женский род, 5 и 6 — средний род). С другой стороны, мы будем различать «неодушевленные» (1, 3, 5) и «одушевленные» (2, 4, 6) согласовательные классы.

§ 2.16. Назовем согласовательной связью любую синтаксическую связь (непосредственную или опосредствованную другими словами) между существительным и словом-атрибутом, при которой выбор сегмента слова-атрибута зависит от выбора существительного и (или) от грамматической формы, в которой оно стоит. Типичным примером согласовательной связи является, конечно, атрибутивная связь; сюда же относится большинство вариантов так называемой предикативной связи. Существует, однако, и ряд других, менее распространенных типов согласовательной связи, в частности: 1) связь через предлог *из*: ср. *один из домов* и *одна из стен*; 2) связь через глагол определенного типа: ср. *это дело считают безнадежным* и *эту затею считают безнадежной*; 3) связь (обычно опосредствованная) со словом *который* в придаточном предложении: ср. *дом, в котором . . .* и *книга, в которой . . .*; 4) связь с некоторыми числительными (*два, оба, полтора; две, три* и т. д.): ср. *два дома* и *две стены*.

Уже из приведенных примеров ясно, что данное выше определение согласовательного класса слишком узко, поскольку оно

⁵⁴ См.: Н. Дурново. La catégorie du genre en russe moderne; Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924 (статья «Род».)

опирается только на атрибутивную связь, т. е. лишь на один (самый распространенный) тип согласовательной связи, тогда как в действительности объективное деление существительных на согласовательные классы проявляется не только в этом, но и в других типах согласовательной связи. Теперь мы можем предложить следующее более общее определение (II): **с о г л а с о в а т е л ь н ы м к л а с с о м** называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), при согласовательной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута.

Таким образом, теперь для одного и того же термина («согласовательный класс существительных») предложено два разных определения, которые, вообще говоря, не равносильны. Чтобы различить объекты, называемые этим термином при определении I и при определении II, можно говорить соответственно о «согласовательных классах, выделяемых по атрибутивной связи» и о «согласовательных классах, выделяемых по согласовательной связи». В дальнейшем под согласовательными классами (без уточнения) понимаются согласовательные классы, выделяемые по согласовательной связи (т. е. в соответствии с определением II) ⁵⁵.

Обобщение первоначального определения согласовательного класса в принципе может привести к увеличению числа согласовательных классов. С этой точки зрения представляют особый интерес сочетания существительных с так называемыми собирательными числительными *двое, трое, четверо* и т. д. Как указывает АГ (§ 720), эти числительные употребляются (наряду с обычными *два, три, четыре* и т. д.) со словами мужского и общего рода, обозначающими лиц, и со словом среднего рода *лицо*; так, можно сказать *два врача и двое врачей, два лица и двое лиц*, но нельзя сказать *двое волков, двое животных*. Если признать это указание строгим грамматическим правилом, то согласовательный класс 2, выделенный по атрибутивной связи (равно как и согласовательный класс 6), должен быть разбит на два согласовательных класса, выделяемых по согласовательной связи — так называемый *личный* и так называемый *неличный* ⁵⁶ (2а — *врач*, 2б — *волк*, 6а — *лицо*, 6б — *животное*). Трудность здесь, однако, в том, что строгость указанного ограничения в действительности весьма невелика: степень неправильности («неграмматичности»)

⁵⁵ Такое словопотребление, между прочим, отражает наш взгляд, согласно которому определения I и II неравноценны, т. е. должны рассматриваться не как проявления двух разных, но равно допустимых подходов, а как два последовательных приближения к некоторому объективному членению существительных (причем второе точнее, чем первое).

⁵⁶ Ср.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 309; R. Jakobson. The gender pattern of Russian. «Studii și cercetări lingvistice. Omagiu lui Al. Graur», 1960, № 3, стр. 542.

словосочетания *двое волков* несравненно меньше, чем, например, у словосочетания *моя дом*. Даже академическая грамматика допускает в качестве «разговорных» такого рода сочетания с названиями детенышей, например *двое котят*; кроме того, сами предостережения против словосочетаний типа *двое волков* говорят об их распространенности. Если же признать грамматически допустимыми сочетания числительных *две, три* и т. д. с любыми существительными классов 2 и 6, то вопрос о разделении этих классов, разумеется, отпадает. Таким образом, вопрос о существовании в современном русском языке «личных» и «неличных» согласовательных классов непосредственно зависит от признания грамматически правильными или грамматически неправильными словосочетаний типа *двое волков*. Не вынося решительного суждения по этому вопросу, мы будем практически рассматривать ниже только систему из шести согласовательных классов.

Других фактов подобного рода в русском языке, по-видимому, нет; таким образом, мы можем считать, что переход от определения I к определению II не изменяет числа и состава согласовательных классов. Однако новое определение позволяет расширить наши знания о согласовательных классах.

Принято считать, что в современном русском языке роды во мн. числе не различаются⁵⁷. Этой несколько неопределенной формулировке можно придать лишь следующий точный смысл: в любой грамматически правильной русской фразе, содержащей существительное во мн. числе, можно заменить это существительное любым существительным другого рода (поставив его в том же числе и падеже) и полученная фраза будет также грамматически правильной; иначе говоря, например, словоформы *домами, стенами* и *окнами* взаимозаменяемы без потери грамматической правильности в любой фразе. Эта точка зрения основана, однако, только на данных обычной атрибутивной связи. Учет всех типов согласовательной связи позволяет легко ее опровергнуть. Ср., например, следующие фразы:

Я доволен этими домами, каждый из которых по-своему хорош.

Я доволен этими стенами, каждая из которых по-своему хороша.

Я доволен этими окнами, каждое из которых по-своему хорошо.

Легко убедиться, что в этих фразах словоформы *домами, стенами, окнами* заменять друг друга нельзя. Разумеется, подобные фразы можно построить не только для Т., но и для любого другого падежа; вместо слова *каждый* можно взять слова *один, первый, лучший* и т. д.

Аналогичным образом опровергается столь же распространенное представление о том, что противопоставление по одуше-

⁵⁷ Постепенно выходящие из употребления словоформы *обеих, обѣим, обѣими* в данном случае в расчет не принимаются.

ленности—неодушевленности ограничено только В. падежом. Ср., например, такие фразы:

Я подошел к тому дому, который я увидел.

Я подошел к тому мальчику, которого я увидел.

Здесь слова *дом* и *мальчик*, различающиеся только по признаку одушевленности, стоят не в В., а в Д. падеже; тем не менее заметить *дому* на *мальчику* или наоборот нельзя. Понятно, что подобные фразы можно построить и для других падежей.

Рассмотрим теперь контекст словоформы *мальчику* в последней из приведенных фраз, т. е. контекст «я подошел к тому . . . , которого я увидел». Попробуемся выяснить, какие словоформы допускает этот контекст. Мысленный эксперимент показывает, что этот контекст допускает все существительные согласовательного класса 2, взятые в форме Д. ед., и только их. Иначе говоря, данный контекст может служить так называемым диагностическим контекстом для существительных согласовательного класса 2, т. е. контекстом, с помощью которого можно по одной словоформе (в данном случае — Д. ед.) определить, относится ли рассматриваемое существительное к согласовательному классу 2. Оказывается, что, опираясь на разные типы согласовательной связи, можно построить диагностические контексты, позволяющие опознать существительное любого из шести согласовательных классов в любой грамматической форме (т. е. в любом числе и падеже). Приведем в качестве примеров диагностические контексты, позволяющие определить класс существительного а) по словоформе И. ед., б) по словоформе Р. мн.

- а) Класс 1. *Вот тот . . . , который вы видели.*
 Класс 2. *Вот тот . . . , которого вы видели.*
 Класс 3. *Эта . . . была из тех, которые вы видели.*
 Класс 4. *Эта . . . была из тех, которых вы видели.*
 Класс 5. *Это . . . было из тех, которые вы видели.*
 Класс 6. *Это . . . было из тех, которых вы видели.*
- б) Класс 1. *Я видел один из этих . . .*
 Класс 2. *Я видел одного из этих . . .*
 Класс 3. *Вот одна из тех . . . , которые вы видели.*
 Класс 4. *Вот одна из тех . . . , которых вы видели.*
 Класс 5. *Вот одно из тех . . . , которые вы видели.*
 Класс 6. *Вот одно из тех . . . , которых вы видели.*

Можно построить также диагностические контексты для существительных каждого рода, например: «*вот мой . . .*», «*вот моя . . .*», «*вот моё . . .*» (берется И. ед.)⁵⁸, «*вот один из этих . . .*», «*вот одна из этих . . .*», «*вот одно из этих . . .*» (берется Р. мн.). Можно построить, наконец, диагностические контексты для всех «оду-

⁵⁸ Ср. традиционный школьный прием определения рода.

шевленных» и для всех «неодушевленных» существительных, например: *«вот те . . . , которых (соответственно которые) вы видели»*.

Рассмотренные факты дают дополнительный аргумент в пользу объединения разных чисел в одну лексему (см. § 2.11). Примем временно противоположную точку зрения, согласно которой разные числа образуют разные лексемы, и рассмотрим вновь вопрос о согласовательных классах. На первый взгляд мы должны получить картину, описанную Н. Н. Дурново, а именно: имеются четыре согласовательных класса лексем ед. числа (1 — *дом*, 2 — *слон*, 3 — *стены*, *коз*, 4 — *окна*, *чудовище*) и два согласовательных класса лексем мн. числа (5 — *дома*, *стены*, *окна*, 6 — *слоны*, *козы*, *чудовища*). Однако, как только мы примем во внимание факты, указанные выше в настоящем параграфе, становится ясно, что в действительности такие «одвочисловые» лексемы распадутся по крайней мере на 12 согласовательных классов, а именно: 1 — *дом*, 2 — *слон*, 3а — *стена*, 3б — *коза*, 4а — *окно*, 4б — *чудовище* (для проверки достаточно «испытать» эти слова на контекстах группы а); 5а — *дома*, 5б — *стены*, 5в — *окна*, 6а — *слоны*, 6б — *козы*, 6в — *чудовища* (для проверки достаточно использовать контексты группы б). Уже сам по себе этот факт служит хорошим аргументом против признания «одночисловых» лексем. Но, кроме того, он показывает следующее: даже если мы объявим, например, «дом» отдельной лексемой, мы будем вынуждены сохранить за этой лексемой синтаксическую характеристику (мужской род), свойственную соответствующей лексеме ед. числа «дом». Иначе говоря, мн. число не свободно от синтаксических свойств соответствующего ед. числа и наоборот — они образуют пару, характеризующуюся одними и теми же значениями синтаксических признаков «род» и «одушевленность—неодушевленность». Это — важный аргумент в пользу того, чтобы объединить их в одну лексему и приписать эти синтаксические характеристики лексеме в целом.

Грамматическая категория «согласовательный класс» как соединение грамматических категорий рода и одушевленности—неодушевленности

§ 2.17. Принадлежность существительного к определенному согласовательному классу образует синтаксический элемент значения его словоформ. Из § 2.16 ясно, что один из шести таких элементов присутствует в любой словоформе рассматриваемой совокупности существительных (независимо от того, к какому числу и падежу относится эта словоформа). Иначе говоря, эти синтаксические элементы являются обязательными и, следовательно, грамматическими. Они не сопряжены ни с какими другими грамматическими элементами. В самом деле, ни номинативные значения «одушевленность» и «неодушевленность», ни номинативные значения пола не являются грамматическими (первые не удовлетворяют требованию регулярности, вторые — ни требованию регулярности, ни требованию обязательности, ср. § 1.5).

Таким образом, однородный ряд синтаксических элементов: «согласовательный класс 1», «согласовательный класс 2» и т. д. — сам по себе образует грамматическую категорию «согласовательный класс» (граммемами которой являются эти синтаксические элементы). В соответствии с определением, данным в § 1.9, эта

частная грамматическая категория существительных является классифицирующей.

Как мы видели выше, синтаксический элемент, отражающий необходимость согласовывать подчиненное слово-атрибут, содержится также в граммах числа и падежа. Однако у этих категорий данный синтаксический элемент выступает лишь как дополнение к некоторому другому элементу (номинативному или тоже синтаксическому). В грамматической категории согласовательного класса этот элемент сам по себе образует грамму. Таким образом, существование числа (у существительных) и падежа как грамматических категорий в принципе не зависит от согласования: эти грамматические категории сохранились бы и в случае исчезновения правил согласования. Напротив, грамматическая категория согласовательного класса в подобном случае сразу же исчезла бы: она не имеет никакой иной природы, кроме отражения правил согласования.

Список граммем грамматической категории «согласовательный класс» (т. е. список согласовательных классов) можно представить не только в виде единого ряда, но и в виде системы, построенной по двум или нескольким различительным признакам. Соответственно каждый согласовательный класс получит двучленное или многочленное обозначение. Если при этом окажется, что для каждого различительного признака найдется синтаксическая задача, для которой требуется только он один (а остальные признаки безразличны), такие признаки могут быть объявлены самостоятельными классифицирующими грамматическими категориями. Иначе говоря, мы можем представить классифицирующую грамматическую категорию как совокупность двух или нескольких таких категорий, «накладывающихся» друг на друга. Понятно, что такое разложение, вообще говоря, может быть произведено по-разному, в зависимости от выбора различительных признаков.

Очевидно, что для грамматической категории «согласовательный класс» наиболее естественным является то разложение, которое указано в § 2.15. В самом деле, противопоставление «синтаксической одушевленности» (согласовательные классы 2, 4, 6) и «синтаксической неодушевленности» (согласовательные классы 1, 3, 5) обладает заметной самостоятельностью. Прежде всего оно единообразно выражается: В. мн. совпадает (как в самой парадигме существительного, так и в наборе форм подчиненного слова-атрибута) с Р. мн. у «одушевленных» классов и с И. мн. у «неодушевленных» классов (в согласовательных классах 2 и 1, кроме того, В. ед. подчиненного слова совпадает соответственно с Р. ед. или И. ед.). При этом существенно, что при атрибутивной связи в В. мн. имеется только это противопоставление, а противопоставление родов нейтрализовано. В то же время данное противопоставление очевидным образом соотнесено

с семантическим противопоставлением «одушевленного» и «неодушевленного».

Второе противопоставление (а именно, противопоставление родов), вообще говоря, можно рассматривать просто как остаток после вычленения первого (поскольку оно выражено менее единообразно и соотносено с семантическим различием лишь в части случаев). Отметим все же, что во многих формах, например в И. ед., представлено (при атрибутивной связи) только противопоставление родов, тогда как противопоставление по одушевленности — неодушевленности нейтрализовано.

Таким образом, противопоставление согласовательных классов существительных допустимо представлять в виде двух самостоятельных классифицирующих грамматических категорий: одушевленности — неодушевленности и рода. Из сказанного ясно, однако, что в отличие от выявления согласовательных классов, отражающих некоторое объективное членение русских существительных, признание самостоятельных категорий рода и одушевленности не вытекает с необходимостью из фактов, а является лишь одним из способов описания выявленных согласовательных классов.

Существование 7-го согласовательного класса

§ 2.18. Рассмотрим теперь *singularia* и *pluralia tantum*, которые временно были оставлены в стороне. К каким согласовательным классам они относятся? Для *singularia tantum* ответ на этот вопрос прост: все они распределяются по шести согласовательным классам, выделенным ранее. В самом деле, любое из них допускается каким-нибудь из диагностических контекстов, приведенных в § 2.16. Заметим, что почти все они относятся к «неодушевленным» классам, например *хвост*, *лай* — к классу 1, *медь*, *возня* — к классу 3, *золото*, *мытьё* — к классу 5.

С *pluralia tantum* дело обстоит сложнее. Как известно, в грамматиках, отражающих язык после реформы орфографии 1918 г., *pluralia tantum* всегда признаются словами, не имеющими определенного рода. Обоснование такого решения сводится к следующему: род существительного определяется по форме согласованного с ним слова; во множественном числе согласуемые слова рода не различают; *pluralia tantum* имеют только мн. число, следовательно, их род определить нельзя. Более точно эту точку зрения можно сформулировать так: любое слово из числа *pluralia tantum* можно отнести к любому из трех родов и это не приведет ни к каким ошибкам; поскольку, однако, нет оснований для предпочтения одного рода другим, мы не относим эти слова ни к какому определенному роду.

Разумеется, эта точка зрения целиком основана на положении о том, что *pluralia tantum* не имеют единственного числа. Оказы-

ваётся, однако, что она неудовлетворительна даже при этой исходной посылке. Как показано в § 2.16, род существительного можно определить не только по словоформам единственного числа, но и по любой словоформе множественного числа; для этого достаточно взять диагностические контексты типа «*вот один* (соответственно *одна, одно*) *из этих . . .*». Если изложенная точка зрения верна, то следует ожидать, что, например, слово *сáни*, будучи взято в форме родительного падежа, будет допускаться диагностическим контекстом любого из трех родов. Проверка показывает, однако, что в действительности словоформа *саней* не допускается ни одним из этих контекстов. (Чтобы получить грамматически правильную фразу с аналогичным смыслом, нужно сказать: *вот одни из этих саней*.) Таким образом, даже при традиционной точке зрения на устройство парадигмы слов типа *сáни* оказывается невозможно отнести эти слова ни к одному из трех родов (и, следовательно, ни к одному из шести согласовательных классов).

Выше было показано, однако, что более правомерна иная точка зрения, согласно которой слова типа *сáни* имеют полную парадигму, включающую не только множественное, но и единственное число. При этой точке зрения непринадлежность слов типа *сáни* ни к одному из «обычных» согласовательных классов оказывается непосредственно очевидной, поскольку этим словам соответствует набор сегментов слов-атрибутов, отличный от всех «обычных» наборов; ср., например:

И. ед.	<i>новый дом</i>	<i>новая стена</i>	<i>новое окно</i>	<i>новые сани</i>
И. мн.	<i>новые дома́</i>	<i>новые стéны</i>	<i>новые óкна</i>	<i>новые сани</i>

Как видно из приведенных выше примеров обычной атрибутивной связи, особенность согласования со словами типа *сáни* состоит в том, что при разных числах существительного выступают одни и те же сегменты слов-атрибутов. Эта особенность распространяется и на другие типы согласовательной связи, ср.: *ворота были открыты; эти часы считаются очень ценными; ножницы, за которыми я пришёл; лучшие из этих часов* и т. д. В одном случае, однако, а именно при соединении слов типа *сáни* с числительными, правила согласования не выводятся из этой общей особенности. Ниже указан способ соединения слов типа *сáни* с теми числительными, у которых выбор сегмента зависит от согласовательного класса связанного с ними существительного.

Числительное *один* подчиняется правилам обычной атрибутивной связи: *одни сутки*, ср. *один дом, одно окно* и т. д.

Числительные 2—4. И. падеж: *двое, трое, четверо суток*. Слова типа *сáни* являются единственной группой слов, для которых возможны только эти словоформы. Наряду с обычными *два, три, четыре* эти словоформы могут выступать также при существительных классов 2 и 6, например: *два врача и двое врачей* (см. также выше, § 2.16). В прочих случаях выступают только

словоформы *два, две, три, четыре*. В косвенных падежах⁵⁹ различие между согласовательными классами почти полностью снимается: *двумя сутками, домами, врачами, неделями* и т. д. (при классах 2 и 6 возможны также словоформы типа *двойми*, например, *двоими врачами*; при словах типа *сани* эти словоформы теоретически также допустимы, но неупотребительны).

Числительные 5—10. В И. падеже слова типа *сани* вместе со словами классов 2 и 6 отличаются от остальных тем, что наряду с обычными сочетаниями типа *пять суток* (ср. *пять домов, врачей, недель* и т. д.) здесь возможны также сочетания типа *пятеро суток* (ср. *пятеро врачей*). В косвенных падежах действуют те же правила, что для числительных 2—4: *пятью сутками, домами, врачами, неделями* и т. д. (допустимо *пятерыми врачами; пятерыми сутками* неупотребительно).

Числительное *полтора*. Словоформы И. падежа для существительных типа *сани* в литературном языке нет; в просторечии, однако, эта пустая клетка может заполняться словоформой *поблтора*⁶⁰ (например, *поблтора суток*), которая явно построена по пропорции *четыре : четверо = полтора : x*. В косвенных падежах выступает единая для всех классов словоформа: *полтора сутками, днями, неделями, ведрами* и т. д.

Числительное *оба*. Словоформы И. падежа для существительных типа *сани* в литературном языке нет; в просторечии встречается словоформа *обби*. В косвенных падежах с этими словами употребляются те же словоформы, что со словами мужского и среднего родов (например, *обими ножницами, санями, воротами*, ср. *обими домами, окнами*), в отличие от слов женского рода (*обеими руками*). Характерно, что среди слов типа *сани* в этом отношении не обнаруживается никаких различий между словами с морфологическими признаками мужского и среднего родов (*часы, воробья*) и словами с морфологическими признаками женского рода (*ножницы, брюки*). Следует подчеркнуть, однако, что в разговорном языке словоформы *обеих, обём, обёми* исчезают и, таким образом, в этом пункте различие между согласовательными классами вообще снимается.

Рассмотрев все основные типы согласовательной связи, мы убеждаемся, во-первых, в том, что слова типа *сани* не принадлежат ни к одному из шести выделенных ранее согласовательных классов, во-вторых, в том, что внутри самой этой группы не обнаруживается никаких различий в правилах согласования, т. е. что все они должны быть отнесены к одному и тому же согласовательному классу. Иначе говоря, все слова типа *сани* принадлежат к особому, седьмому согласовательному классу.

Что касается слов типа *чернила*, то они, как показано в § 2.12, представляют собой *singularia tantum* среди *pluralia tantum*. Очевидно, что они попадают в тот же согласовательный класс, что и слова типа *сани* (т. е. в седьмой) — подобно тому, как *звобро́ст* попадает в тот же согласовательный класс, что *дом; возня́* — в тот же, что *стенá; зблото́* — в тот же, что *болбто́*.

Слова с дефектной парадигмой типа *девчята* (которые мы не относим к числу *pluralia tantum*, ср. § 2.12) принадлежат к «обычным» согласовательным классам, например: *девчята* — согласовательный класс 4 (ср. *одна из*

⁵⁹ Здесь и ниже, где речь идет о косвенных падежах, имеется в виду: кроме винительного. В падеж совпадает: при существительных классов 1, 3, 5 и при существительных типа *сани* с И., при существительных классов 2, 4, 6 — с Р. падежом.

⁶⁰ В Уш. эта словоформа записана как *поблтора* (с пометой «с таким ударением!»); ср. также АГ, § 622.

этих девчат), ребята — согласовательный класс 2 (ср. один из этих ребят) и т. д.

Особый случай составляют слова *белые* и *чёрные* (как названия сторон, например в шахматах). В отличие от слов типа *девчата*, они ведут себя как *pluralia tantum*: имея в виду указанное значение, нельзя сказать *один из белых* или *одна из белых*, но можно (хотя и с некоторой натяжкой) сказать *одни из белых*, *каждые из белых*. Однако от остальных *pluralia tantum* эти слова отличаются тем, что В. падеж обычно совпадает здесь (как в самой парадигме существительного, так и в наборе форм подчиненного слова-атрибута) с Р., а не с И.; ср., например: *он вынудил белых сдаться*. Мы имеем здесь дело, таким образом, с зачатками 8-го согласовательного класса. Разумеется, эти факты носят слишком изолированный характер; к тому же они не вполне четки (ср. фразу *бери себе белые, а я возьму чёрные*, где В.=И.). Поэтому в дальнейшем мы никак не будем учитывать эти два слова (несмотря на заманчивую симметричность в строении системы согласовательных классов, которую дал бы согласовательный класс 8).

Место 7-го согласовательного класса среди остальных

§ 2.19. Если устранить все «скрещенные» согласовательные классы с помощью «расщепления» соответствующих слов на омонимы (см. § 2.15), отбросить слова *белые* и *чёрные* (см. § 2.18) и принять некоторое дополнительное соглашение относительно морфемы *пол* (половина)⁶¹, то окажется, что выявленные выше семь согласовательных классов охватывают все русские существительные; иначе говоря, они образуют действительную классификацию существительных, в отличие от традиционной системы родов.

Внутренние отношения между первыми шестью классами выявлены выше. Каково же отношение 7-го согласовательного класса к первым шести? Легко обнаружить, что как по значению, так и по внешним особенностям (совпадение В. падежа с И. в наборе форм подчиненного слова-атрибута, а также в самой парадигме существительного) 7-й класс объединяется с «неодушевленными» классами (1, 3, 5). Что же касается деления классов по родам, то здесь 7-й класс не обнаруживает большей близости ни к одному из трех родов. От всех трех родов сразу он отличается омонимией словоформ разных чисел. Таким образом, отно-

⁶¹ Это соглашение, из которого мы исходим также и в собственно морфологическом описании, состоит в следующем: вопреки написанию единицы с начальной морфемой *пол* типа *полметра*, *полчасá*, *полведра́*, *полверсты́* должны рассматриваться не как единые словоформы, а как словосочетания, аналогичные, например, словосочетаниям *два часа́*, *три ведрá* и т. д. (а такие словоформы, как *получáса*, *полуведрбм*, *полуверсты* и т. д., должны считаться принадлежащими лексемам *получáс*, *полуведрб*, *полуверстá*). В академической грамматике принято другое решение: в соответствии с написанием, *полчасá*, *полведра́* и т. д. считаются едиными словоформами; признаются парадигмы следующего вида: И. В. ед. *полчасá*, Р. ед. *получáса*, Д. ед. *получáсу* и т. д. Из этого решения с необходимостью вытекает признание еще трех согласовательных классов, которым соответствуют следующие наборы форм согласуемого слова: 1) *эти полчасá*, *этого получáса*, . . . , *один из получáсб*; 2) *эти полведра́*, *этого полуведра́*, . . . , *одно из полуведер*; 3) *эти полверсты́*, . . .

нения между семью согласовательными классами можно представить в виде системы противопоставлений по трем признакам:

Одушевленность— неодушевленность		Род		
		Мужской	Женский	Средний
Неодушевленность	ед. и мн. ч. различаются *	класс 1 (дом)	класс 3 (стенá)	класс 5 (окно́)
	ед. и мн. ч. омонимичны *	класс 7 (са́ни)		
Одушевленность	ед. и мн. ч. различаются *	класс 2 (врач)	класс 4 (ноза́)	класс 6 (чудóвище)
	ед. и мн. ч. омонимичны *	— **		

* Имеется в виду: в наборе форм подчиненного слова-атрибута, а также (по крайней мере, в большинстве случаев) в самой парадигме существительного.

** Относительно слов *белые* и *черные* см. § 2.18.

Характерной чертой этой системы является то, что омонимия чисел нейтрализует признак рода. Эта черта является специфической особенностью современного русского языка, отличающей его от многих других языков, имеющих грамматический род. Так, например, в латыни, французском, испанском, сербско-хорватском, чешском омонимия чисел не исключает различия родов (ср., например, франц. *grands ciseaux* и *grandes jumelles*). Разумеется, в таких языках признаки «род» и «совпадение или несовпадение словоформ разных чисел подчиненного слова-атрибута» должны строго разделяться. Но для русского языка построенная таким образом система оказывается весьма неэкономной. Гораздо более «компактную» систему дает объединение этих двух признаков в единый признак, принимающий четыре значения (за ним естественно сохранить название «род»). Система согласовательных классов получает в этом случае следующий вид:

Одушевленность— неодушевленность		Род			
		Мужской	Женский	Средний	4-й
Неодушевленность		класс 1 (дом)	класс 3 (стенá)	класс 5 (окно́)	класс 7 (са́ни)
Одушевленность		класс 2 (врач)	класс 4 (ноза́)	класс 6 (чудóвище)	—

Таким образом, для экономного представления системы согласовательных классов следует признать существование в современном русском языке не трех, а четырех родов. Мы предлагаем назвать 4-й род русских существительных «парным». (Разумеется, далеко не всякое слово парного рода содержит в своем значении элемент парности, но в этом отношении термин «парный» вполне сходен с терминами «мужской» и «женский», которые тоже опираются на признак, характерный только для наиболее важной группы слов соответствующего рода.)

Итак, существительные современного русского языка объективно распадаются на семь согласовательных классов; внутренние отношения между этими классами удобнее всего представить в виде противопоставления четырех родов, на которое накладывается противопоставление по одушевленности — неодушевленности.

В последующем описании могут быть использованы оба способа изображения системы согласовательных классов. Иначе говоря, мы оставляем за собой право рассматривать грамматическую категорию «согласовательный класс» в зависимости от практического удобства либо как единую категорию, либо как результат объединения двух самостоятельных грамматических категорий — категории рода (включающей противопоставление мужского, женского, среднего и парного родов) и одушевленности — неодушевленности.

Вопрос о согласовательных классах у местоимений-существительных

§ 2. 20. Понятие согласовательного класса, предложенное выше для существительных, можно применить также к местоимениям-существительным: достаточно, например, заменить в определении II (§ 2.16) слово «существительное» на «местоимение-существительное». При этом следует учитывать, что у местоимений-существительных грамматическая форма включает только падеж (поскольку словоизменяющей грамматической категории числа здесь нет).

Правда, при практическом применении этого определения мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Во-первых, местоимения-существительные обычно лишь с трудом допускают определения (особенно редко встречаются необособленные препозитивные определения); поэтому не всегда легко установить, какой сегмент слова-атрибута требует та или иная словоформа местоимения-существительного. Во-вторых, многие местоимения-существительные (например, *себя, некто, нечего*) имеют дефектную парадигму. В-третьих, большинство местоимений-существительных допускает одновременно несколько типов согласования (ср. *я пришёл, я пришла, я пришло* и т. п.), т. е. выделяющиеся здесь

согласовательные классы носят преимущественно «скрещенный» характер (см. § 2. 15). Все же, несмотря на эти трудности, достаточно ясно устанавливается следующая общая картина. Для местоимений-существительных в принципе возможны 14 «нескрещенных» согласовательных классов. Каждый из них сходен в отношении правил согласования с совокупностью словоформ одного числа существительных одного из семи согласовательных классов. Например, согласовательный класс, представленный словом *ничтб*, характеризуется такими же правилами согласования, как словоформы ед. числа существительных согласовательного класса 5 (*окнб*, *болто* и т. д.). Эти потенциальные согласовательные классы можно условно обозначить, таким образом, как «1 ед.», «1 мн.», «2 ед.», «2 мн.» и т. д. до «7 мн.». Однако лишь немногие из этих 14 классов представлены «в чистом виде» (как, например, класс «5 ед.», куда входит, в частности, слово *ничтб*): большинство местоимений-существительных относится к «скрещенным» согласовательным классам, совмещающим свойства двух или более из 14 потенциальных классов. Так, например, слово *он* относится к «скрещенному» согласовательному классу «1 ед.+2 ед.» (ср. *вижу его весь* и *вижу его всего*); слова *я* и *ты* — «2 ед.+4 ед.+6 ед.»; слово *онй* — «7 ед.+1—7 мн.». Наконец, слово *себя* относится к «скрещенному» согласовательному классу, совмещающему свойства всех 14 потенциальных классов. Все эти «скрещенные» согласовательные классы трактуются так же, как у существительных: в морфологическом описании соответствующие слова (например, *он*, *я*, *ты*, *онй*, *себя*) считаются единичными лексемами, но в синтаксических операциях каждое из них может при необходимости рассматриваться как совокупность нескольких омонимов.

Таким образом, имеется классифицирующая частная грамматическая категория «согласовательный класс у местоимений-существительных». Как и в случае с существительными (§ 2. 17), эту грамматическую категорию можно представить в виде объединения нескольких классифицирующих грамматических категорий. Способ «расщепления» здесь достаточно очевиден — такими грамматическими категориями являются: а) род; б) одушевленность—неодушевленность; в) число (синтаксическое). Например, слово *ничтб* может быть охарактеризовано как слово среднего рода, неодушевленное, единственного синтаксического числа.

Если принять указанное «расщепление» грамматической категории согласовательного класса (что, вообще говоря, необязательно, ср. § 2. 17), то тем самым решается поставленный в § 2. 13 вопрос о грамматической категории числа у местоимений-существительных. Такая грамматическая категория есть, но, в отличие от числа у существительных, она: 1) носит чисто синтаксический характер, т. е. ее граммы состоят только из синтаксических элементов — так же, как, например, граммы рода;

2) является классифицирующей. Что касается таких слов, как *себя* или *кто*, которые допускают как единственное, так и множественное синтаксическое число (в соответствии с описываемой ситуацией, ср. *самого себя и самих себя, кто такой и кто такие*), то положение здесь вполне аналогично двойственности рода у слов типа *сиротá* (см. § 2. 15).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЛОВ-АТТРИБУТОВ

Грамматические категории надежда, числа и согласовательного класса

§ 2. 21. При грамматическом анализе слов-атттрибутов прежде всего необходимо учитывать, что признание у таких слов большего или меньшего числа грамматических категорий, участвующих в согласовании, не вытекает однозначно из фактов, а отражает определенные принципы описания. Рассматривая этот вопрос, ограничимся вначале наиболее типичным частным случаем соотношения между предметными словами и словами-атттрибутами, а именно, соотношением между существительными и прилагательными.

У любого русского прилагательного имеется не более 13 разных сегментов, способных выступать в атрибутивной функции, например: *нов-ый, -ая, -ое, -ого, -ой, -ому, -ую, -ым, -ою, -ом, -ые, -ых, -ыми*. Поэтому вполне допустимо следующее описание. Существует всего одна грамматическая категория прилагательных, участвующая в согласовании. Она принимает 13 значений, т. е. прилагательные имеют в атрибутивной функции всего 13 грамматических форм⁶². Правила выбора формы при атрибутивной связи задаются в виде таблицы, где каждому из возможных грамматических значений существительного сопоставлен номер формы прилагательного, например: В. ед. муж. одуш. — № 4 (*-ого*). Такое описание дает максимально простую парадигматическую схему прилагательного, но в то же время более сложные правила построения фразы (в число которых входит правило о форме подчиненного прилагательного).

Общепринятым является другое описание, а именно: для каждой частной грамматической категории существительных, по которой происходит согласование (в смысле § 2. 14), признается существование одноименной частной грамматической категории прилагательных. Соответственно, 13 сегментов различаются по значительно большему числу клеток, т. е. признается

⁶² То, что форм будет всего 13, вообще говоря, не вытекает из сказанного выше, поскольку могло бы найтись прилагательное, у которого одному и тому же сегменту слова *новый* соответствует два или несколько разных сегментов. Однако в действительности таких прилагательных в русском языке нет.

много словоформ-омонимов. Парадигматическая схема прилагательных усложняется, но зато достигается максимально простое правило выбора формы при атрибутивной связи: «грамматическое значение прилагательного повторяет грамматическое значение подчиняющего существительного» (откуда и сам термин «согласование») ⁶³. Именно так решается этот вопрос и в настоящей книге.

В русском языке имеется согласование (в смысле § 2. 14) по следующим частным грамматическим категориям существительных: падеж, число, согласовательный класс. Для падежа и числа это показано уже в § 2. 14; для согласовательного класса это ясно из § 2. 15: ср., например, *этот дом* и *эта стена* ⁶⁴. При этом, если согласовательный класс представлен как две самостоятельные грамматические категории (род и одушевленность—неодушевленность, см. § 2.17), то имеется согласование по каждой из этих категорий. В самом деле, наличие согласования по роду видно из приведенного выше примера; наличие согласования по одушевленности—неодушевленности устанавливается из сравнения, например, таких фраз, как *вижу высокий дом* и *вижу высокого юношу* ⁶⁵. В соответствии с описанным выше принципом, прилагательным приписываются одноименные частные грамматические категории: падеж, число, согласовательный класс. При этом, как и у существительных, согласовательный класс при необходимости может быть представлен в виде двух грамматических категорий: рода и одушевленности—неодушевленности. Все эти частные грамматические категории прилагательных являются словоизменительными. Каждая граммема любой из этих категорий представляет собой синтаксический элемент значения (по своей функции этот элемент сходен с «подчиненными» падежами существительных, ср. § 2.2). Граммемный состав каждой из этих категорий в точности копируется с соответствующих частных грамматических категорий существительных. Таким об-

⁶³ Как указал (устно) И. А. Мельчук, выбор именно такого решения в значительной мере определен также тем, что при субстантивации грамматические характеристики, приписываемые прилагательному в соответствии с этим решением, автоматически превращаются в одноименные характеристики существительного.

⁶⁴ Как легко убедиться, согласование по грамматической категории «согласовательный класс» — это то же, что внесловоизменительное согласование (тогда как словоизменительное согласование складывается из согласования по падежу и числу). Внешняя тавтологичность выражения «согласование по согласовательному классу» лишь подчеркивает тот факт, что грамматическая категория согласовательного класса не имеет никакой другой природы, кроме отражения правил согласования.

⁶⁵ Из сравнения этих фраз, между прочим, видно, что традиционная формула «прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже» недостаточна для объяснения всех случаев согласования: в приведенных фразах род, число и падеж прилагательного одинаковы, однако сегменты прилагательного различны и не могут заменяться один другим.

разом, например, словоформа *высо́кий*, выступающая во фразе *вижу высокий дом*, содержит, в частности, следующие граммы: В. падеж, ед. число, согласоват. класс 1 (= муж. род и неодушевленность); словоформа *высокого* (во фразе *вижу высокого юношу*) — В. падеж, ед. число, согласоват. класс 2 (= муж. род и одушевленность); словоформа *густом* (в словосочетании *в густом лесу*) — П₂ падеж, ед. число, согласоват. класс 1; словоформа *настольные* (во фразе *в доме всего одни настольные часы*) — И. падеж, ед. число, согласоват. класс 7.

Очевидно, что такое копирование грамматических характеристик подчиняющего существительного является обязательным условием для достижения указанного выше «идеального» правила о выборе формы подчиненного прилагательного. Даже частичное отклонение от такого копирования (например, признание только одного предложного падежа в формах прилагательных или отнесение словоформы *настольные* в данном выше примере к мн. числу) привело бы к значительному усложнению этого правила и тем самым практически обесценило бы принятую схему описания.

Интересно отметить, что в некоторых случаях такой способ приписывания грамматических значений (вызванный, как уже показано, определенными формальными требованиями) оказывается оправданным также с содержательной точки зрения. В самом деле, он позволяет объяснить наличие словоформ с внешними признаками мн. числа у тех слов, собственно номинативное значение которых исключает возможность их присоединения к словоформе существительного, содержащей номинативный элемент «множественность». Таково слово *один* в его основном (количественном) значении⁶⁶ и слово *каждый*. Например, нельзя сказать *одни столы (стены, окна)*, имея в виду количественное значение слова *один*⁶⁷; нельзя также сказать *каждые столы (стены, окна)*. Однако вполне правильны словосочетания: *одни сани, одни сутки* (в количественном значении); *каждые сани, каждые сутки*. Как легко видеть, словоформы *одни* и *каждые* возможны только в тех случаях, где по предлагаемому решению они должны получить грамму ед. числа. Таким образом только при этом решении становится формально правильным то интуитивно очевидное положение, что слова *один* и *каждый* не имеют словоформ мн. числа.

З а м е ч а н и е. Словоформы слова *каждый*, имеющие внешние признаки мн. числа, выступают также в сочетаниях типа *каждые пять минут, каждые две недели, каждые три часа, каждые трое суток*, а также *каждые*

⁶⁶ Ср.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 90.

⁶⁷ Другие значения слова *один* вполне допускают присоединение его к существительному во мн. числе, ср.: *я знаю одного человека, который . . . и я знаю одних людей, которые . . . ; один стул стоит, другой лежит и один стулья стоят, другие лежат; остался один мусор и остались одни огурки и т. д.*

полчаса, каждые полкилометра и т. п. Отсюда, по-видимому, следует заключить, что словосочетания типа *пять минут, три часа* (а также типа *полчасá*, ср. сноску 61) синтаксически эквивалентны ед. числу существительных 7-го согласовательного класса. Заметим, что и с семантической точки зрения *пять минут, две недели* и т. п. — это некоторые единства (ср. *сапоги, руки, глаза* и т. п., § 2.12); особенно ясно это выступает в сочетаниях с *пол*: например, словосочетание *полчасá* означает то же, что редко употребляющаяся словоформа ед. числа *полчас* (ср. мн. число *полчасы*).

Особый вопрос составляют «скрещенные» согласовательные классы. Представляется очевидным, что, даже если у существительных такие согласовательные классы признаются, вводить соответствующие клетки в парадигмы прилагательных (т. е. вводить, например, особую клетку для пары словоформ *этот* и *эта*, наряду с клетками для *этот* и для *эта*) бессмысленно. Вместо этого при построении фразы существительному «скрещенного» согласовательного класса, например *сиротá*, ставятся в соответствие одновременно два ряда клеток в парадигмах прилагательных, а именно клетка согласовательного класса 2 и согласовательного класса 4. В самом деле, в словосочетаниях *этот сирота* и *эта сирота* двойственность согласования совершенно иная, чем, например, в *этой вещью* и *этой вещью*. Она объясняется здесь не наличием словоформ-вариантов у самого прилагательного (как в случае *этой—этойю*), а так называемым семантическим согласованием, т. е. выбором нужной словоформы подчиненного прилагательного в прямой зависимости от значения подчиняющего существительного в конкретном тексте (ср. § 2.15). Таким образом, в той схеме описания, при которой признаются «скрещенные» согласовательные классы существительных, основное правило согласования, сформулированное выше, должно быть дополнено правилом о том, что при существительном «скрещенного» согласовательного класса осуществляется, кроме того, «семантическое согласование». Что же касается парадигматической схемы прилагательных, то здесь «скрещенные» согласовательные классы самостоятельного отражения не получают.

Точно так же очевидно, что нет необходимости как-либо изменять парадигматическую схему прилагательных для отражения согласовательных классов местоимений-существительных. Вместо этого в парадигмах прилагательных каждому местоимению-существительному ставится в соответствие половина клеток определенного согласовательного класса. Например, слову *ничтб* в парадигмах прилагательных соответствуют клетки ед. числа согласоват. класса 5. Разумеется, «скрещенные» согласовательные классы местоимений-существительных трактуются так же, как в случае с существительными. Например, слову *себя* в парадигмах прилагательных соответствуют клетки обоих чисел и всех согласовательных классов; выбор нужной клетки осуществляется на основе «семантического согласования». Таким образом, переход от существительных ко всей совокупности предметных слов ни-

как не отражается на парадигматической схеме прилагательных.

Обратимся теперь к словам-атрибутам, временно исключенным из рассмотрения, а именно, к числительным. (Отметим, что сюда попадает также несколько слов, которые в традиционных классификациях не рассматриваются как числительные; относительно порядковых числительных см. § 2.1.) Различаются две основные группы числительных.

Числительные первой группы связываются с подчиняющим существительным обычной атрибутивной связью. Они отличаются от прилагательных тем, что одни из них могут соединяться только с существительными в ед. числе, другие — только с существительными во мн. числе. Таким образом, в их парадигмах нет противопоставления по числу (ед. или мн. синтаксическое число, характеризующее все словоформы такого слова-атрибута, выступает здесь, следовательно, как граммема классифицирующей грамматической категории). К этой группе принадлежат следующие слова-атрибуты: а) *один* (в количественном значении), *каждый*; они соединяются только с ед. числом существительных (см. об этом выше); б) *много*, *немного*, *все* (в значении 'каждый', например: *все люди, все точки*), *некоторые* (в значении 'не все', 'часть', например: *некоторые люди думают, некоторые деревья засохли*); они соединяются только с мн. числом существительных⁶⁸.

Числительные второй группы связываются с существительным более сложным образом: 1) если сочетание существительного с числительным выступает в функции И. падежа, члены этого сочетания связаны особой синтаксической связью (допускающей различные истолкования, ср. § 2.8), например: *два дома, пять домов*; такая же связь выступает в В. падеже, если существительное неодушевленное, а также в Д. падеже после предлога *по* с распределительным значением (*по пяти рублей*); 2) в прочих случаях синтаксическая связь между существительным и числительным может быть приравнена к обычной атрибутивной, например: *двух домов, пятью домами*. Однако, в соответствии с традицией, мы исходим далее из того, что эти синтаксические разли-

⁶⁸ От последних двух слов следует отличать обычные прилагательные *весь* и *некоторый*. Прилагательное *весь* имеет значение 'в полном объеме (протяжении, поверхности и т. п.)', например: *весь день, всю дорогу, весь народ, всё молоко, все сливки*. Как видно из этих примеров, оно сочетается обычно с ед. числом существительных; однако это необязательно, ср.: *у них все руки исцарапаны* (т. е. 'исцарапана вся поверхность рук'; заметим, что эта фраза допускает также и другое, правда, менее естественное понимание: 'исцарапана (неизвестно, в какой степени) каждая из имеющихся у них рук'; в последнем случае мы имеем дело с числительным *все*). Можно сказать, таким образом, что числительное *все* имеет дискретное, а прилагательное *весь* — недискретное значение. Прилагательное *некоторый* имеет значение 'какой-то, точно не определенный'; в научном тексте оно часто играет роль неопределенного артикля; ср.: *в некотором царстве, некоторая часть, пусть даны некоторые точки А и В*.

чия между именительным и косвенными падежами числительных не должны отражаться на строении их парадигм. Иначе говоря, предполагается, что, например, словоформа *пятью* отличается по своему грамматическому значению от словоформы *пять* не более, чем *этими* от *эти*.

Числительные второй группы (так же, как и первой) не имеют противопоставления по числу внутри парадигмы (и, следовательно, не имеют словоизменительной грамматической категории числа). Для строения парадигмы числительного существенно, может ли оно участвовать во внесловоизменительном согласовании, т. е. имеется ли у него хотя бы в одном падеже два или более разных сегмента, соотносенных с разными согласовательными классами существительных. По этому признаку рассматриваемые числительные делятся на две подгруппы.

Числительные первой подгруппы так или иначе отражают противопоставление согласовательных классов существительных. Таковы, например, числительные: *оба* (ср. *вижу оба дома, обоих слонов, обе стены, обеих девочек*); *два* (ср. *вижу два дома, двух слонов, две стены, двое саней*); *три*, *четыре* (ср. *вижу три дома, трёх слонов, трое саней*); *полтора* (ср. *полтора дня и полторы минуты*). В парадигмах таких числительных, естественно, имеется противопоставление по согласовательному классу. Например, парадигма слова *оба* имеет в В. падеже следующие клетки: согласовательный класс 1 — *оба*, 2 — *обих*, 3 — *обе*, 4 — *обеих*, 5 — *оба*, 6 — *обих*, 7 — пустая клетка.

У числительных второй подгруппы имеется ровно один сегмент для каждого падежа. Таковы, например, числительные *одиннадцать*, *двадцать*, *сорок*, *сто*, *пятьсот*. Поскольку признавать для таких слов омонимию всех согласовательных классов во всех падежах бессмысленно, они рассматриваются как имеющие только одну словоизменительную грамматическую категорию — падеж. Таким образом, их парадигматическая схема такая же, как у местоимений-существительных.

Некоторые трудности возникают в связи с сегментами так называемого собирательного типа (*двое*, *двоих*, *пятеро*, *пятерых* и т. д.). Очевидно, что, например, сегмент *двое* в словосочетании *двое саней* должен рассматриваться как сегмент лексемы *два*. Не следует ли по во всех остальных случаях рассматривать сегменты собирательного типа как принадлежащие соответствующим количественным числительным? По-видимому, такое решение было бы поспешным, поскольку в ряде случаев противопоставление типа *два*—*двое* отражает не только различие согласовательных классов; ср. *трое вышли из лесу* (нельзя сказать *три лежат на столе*), *нас двое* (это может быть сказано и о двух женщинах) и т. п. Таким образом, следует признать существование самостоятельных лексем *два* и *двое*, *пять* и *пятеро* и т. д. Отдельный вопрос состоит в том, как распределить между этими лексемами сегменты собирательного типа. Чтобы облегчить собственно морфологическое описание, этот вопрос решается в настоящей работе несколько упрощенно: всякий сегмент собирательного типа считается принадлежащим соответствующему собирательному числительному; однако в тех словосочетаниях, которые нельзя заменить словосочетанием с участием сегмента

количественного типа (*два, двух* и т. д.), сегмент собирательного типа считается принадлежащим, кроме того, также к соответствующему количественному числительному (практически таковы только сегменты *две, трое, четверо* в словосочетаниях типа *двое саней*). В результате получаются, в частности, такие лексемы: *два* (сегменты *два, две, двух, двум, двумя, две*, причем последний — только для И. и В. падежей согласовательного класса 7); *две* (сегменты *две, двоих, двойм, двойми*); *пять* (сегменты *пять, пяти, пятью*); *пятеро* (сегменты *пятеро, пятерых, пятерым, пятерыми*). При этом лексемы *два, две, пятеро* попадают в первую из указанных выше подгрупп (т. е. в их парадигмах имеется противопоставление согласовательных классов, ср. *вижу двоих мужчин*, но *вижу двое саней*), а лексема *пять* — во вторую (т. е. в ее парадигме имеется противопоставление только по падежу). Лексемы типа *две, пятеро* могут соединиться только с существительными согласовательных классов 2, 6 и 7; иначе говоря, их парадигмы признаются дефектными: они не имеют словоформ согласовательных классов 1, 3, 4, 5.

Числительные *столько, сколько, несколько* допускают колебания в В. падеже при одушевленных существительных: можно сказать *вижу нескольких студентов* и *вижу столько студентов*. Соответственно у каждого из них различаются два варианта парадигмы, один из которых имеет противопоставление согласовательных классов (В. неод. *несколько*, В. одуш. *нескоких*), а другой не имеет (В. падеж всегда *несколько*).

Грамматическая категория атрибутивности — неатрибутивности

§ 2.22. Грамматической категорией атрибутивности — неатрибутивности мы будем ниже называть грамматическую категорию (не имеющую в русской лингвистической традиции удобного названия), которая внешне выражается в противопоставлении так называемых полных и кратких форм прилагательных, например *тбчный* и *тбчен, узкая* и *узкá, суровые* и *суровы* (под формами в этих традиционных названиях фактически понимаются словоформы). Предложенное название отражает способность полных (атрибутивных) словоформ выступать в атрибутивной связи с существительными (например, *точный прибор, узкая дорога, суровые люди*) и отсутствие такой способности у кратких (неатрибутивных) словоформ. Последние почти всегда выступают во фразе в предикативной функции, например: *эта дорога узка, эти люди суровы*. Однако в этой функции могут выступать и атрибутивные словоформы, например: *эта дорога — узкая* (поэтому называть неатрибутивные словоформы предикативными было бы не вполне точно).

Способность или неспособность словоформы прилагательного выступать в атрибутивной функции образует синтаксический элемент ее значения. Этот элемент обязателен (поскольку для каждой словоформы прилагательного известно, может ли она выступать в атрибутивной функции) и, следовательно, является грамматическим. Вопрос о том, сопряжены ли с синтаксическими элементами «атрибутивность» и «неатрибутивность» какие-либо номинативные элементы, является спорным. Основной факт, заставляющий искать такие номинативные элементы, — это про-

тивопоставления типа *этот мальчик здоров* и *этот мальчик здоровый*; *он весел* и *он весёлый* ⁶⁹. Как известно однако, попытки выявить единое семантическое основание во всех таких противопоставлениях, наталкиваются на значительные трудности ⁷⁰. В связи с этим представляется убедительной трактовка, предложенная А. В. Исаченко ⁷¹, согласно которой такие противопоставления сводятся к различию в структурной схеме фразы, а именно: фразы типа *этот мальчик здоровый*, *он весёлый* синтаксически равносильны фразам типа *этот мальчик шалун*, *он учитель*, тогда как фразы *этот мальчик здоров*, *он весел* представляют самостоятельную структурную схему. При такой трактовке противопоставление атрибутивных и неатрибутивных словоформ должно рассматриваться как чисто синтаксическое. Таким образом, мы будем считать, что граммы рассматриваемой грамматической категории представляют собой синтаксические элементы. Отсюда следует, в частности, что, например, словоформы *здоровый* и *здоров* представляют одну и ту же лексему ⁷².

Особый вопрос состоит в том, как рассматривать фразы типа *этот журнал мой* (где участвует прилагательное, не допускающее противопоставления типа *здоровый—здоров*). Следует ли приравнивать эту фразу только к фразе *этот мальчик здоровый* (ср. атрибутивные сочетания: *мой журнал*, *здоровый мальчик*) или, кроме того, также к фразе *этот мальчик здоров*? Ниже мы исходим из первого решения, поскольку оно существенно упрощает морфологическое описание прилагательных и в то же время допустимо (а может быть, даже предпочтительно) с синтаксической и семантической точек зрения. Иначе говоря, мы не признаем омонимии атрибутивных и неатрибутивных словоформ; грамма «неатрибутивность» приписывается только таким сегментам, которые не могут выступать в атрибутивных сочетаниях, например: *весел*, *узкая*, *рад*; соответственно, например, сегменты *мой*, *дядина*, *волчье*, *морские* получают грамму «атрибутивность».

Таким образом, одни прилагательные (например, *здоровый*) имеют как атрибутивные, так и неатрибутивные словоформы; другие (например, *мой*) имеют только атрибутивные словоформы. Кроме того, существует небольшая группа прилагательных, имеющих только неатрибутивные словоформы (например, *рад*,

⁶⁹ См., в частности: Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке. «Уч. зап. МГУ», 1952, № 150.

⁷⁰ Критику таких попыток см. в работе: А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 72—75.

⁷¹ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 71—85.

⁷² В соответствии с лексикографической традицией в изолированных случаях типа *добрый—добра* признается существование двух отдельных лексем.

горáзд). Очевидно, что для прилагательных типа *здоровый* грамматическая категория атрибутивности — неатрибутивности является словоизменительной, а для прилагательных типа *мой* — классифицирующей. Прилагательные типа *рад* (образующие своего рода отклонение от нормы) трактуются особо, а именно, как слова с дефектной парадигмой: им приписывается та же парадигматическая схема, что прилагательным типа *здоровый*, но клетки для атрибутивных словоформ здесь пустые.

К сожалению, на практике крайне трудно провести границу между прилагательными, имеющими и не имеющими неатрибутивные словоформы. Дело в том, что наряду с прилагательными, заведомо образующими неатрибутивные словоформы (*здоровый, весёлый, узкий* и т. д.), и прилагательными, заведомо их не образующими (*мой, дядин, волчий, этот, который* и т. д.), имеется большое количество прилагательных, для которых ответ на этот вопрос неочевиден, например: *сиреневый, шелковый, информационный, внешний*. Традиционная формула гласит, что неатрибутивные словоформы образуются от так называемых качественных и не образуются от так называемых относительных прилагательных. Однако в действительности практически любое относительное прилагательное может приобрести в соответствующем контексте «качественный» оттенок (позволяющий при прочих благоприятных условиях образовать неатрибутивные словоформы); поэтому приведенная формула оказывается неэффективной. Гораздо более реальным препятствием для образования неатрибутивных словоформ служит определенная морфологическая структура прилагательного. Например, независимо от значения, не образуют неатрибутивных словоформ прилагательные, у которых атрибутивная словоформа И. мн. оканчивается на *-ы, -и* (ср. *мой, дядины, волчьи, эти*), прилагательные с суффиксом *-ск-* и т. д. Некоторые морфологические факторы лишь затрудняют образование неатрибутивных словоформ, хотя и не исключают его полностью (таково, например, положение с прилагательными на *нбй* или *ншй*).

В настоящей книге для целей морфологического описания принято некоторое рабочее разграничение прилагательных, образующих и не образующих неатрибутивные словоформы (оно указано в § 3.3). Поскольку в самом языке здесь нет четкой границы, это разграничение вынужденным образом носит несколько условный характер. Оно основано прежде всего на морфологических факторах. Степень употребительности неатрибутивных словоформ при этом не принимается во внимание; иначе говоря, прилагательные, у которых неатрибутивные словоформы фактически являются лишь потенциальными, трактуются так же, как прилагательные с регулярно употребляемыми неатрибутивными словоформами (ср. в этом отношении вопрос о мн. числе у *singularia tantum*, § 2.12).

Неатрибутивные словоформы, в отличие от атрибутивных, не различают падежей. С формальной точки зрения их можно отнести к II. падежу или считать беспадажными. По существу важно лишь то, что наличие грамемы «неатрибутивность» снижает необходимость в указании падежа.

Вопрос о степенях сравнения

§ 2.23. Вопрос о том, следует ли относить образование степеней сравнения к именному словоизменению, представляет значительные сложности. Прежде всего, по-видимому, необходимо различать два противопоставления (положительная—сравнительная степень и положительная—превосходная степень), каждое из которых должно быть оценено с этой точки зрения отдельно. Дополнительную проблему составляет соотношение простых (синтетических) степеней сравнения с аналитическими формами, признаваемыми, впрочем, далеко не во всех описаниях.

Отношение между положительной и (синтетической) превосходной степенью, по-видимому, правильнее оценивать как словообразовательное, а не как словоизменительное⁷³. Некоторые исследователи таким же образом оценивают и отношение между положительной и (синтетической) сравнительной степенью⁷⁴.

С морфологической точки зрения образование степеней сравнения представляет собой процедуру, существенно отличную от тех, которые встречаются в основной части системы именного словоизменения. Иначе говоря, независимо от решения поставленных выше вопросов, эта процедура требует отдельного, обособленного описания (по своей структуре, по-видимому, сходного с описанием словообразовательных отношений). В связи с этим мы не стремились в настоящей работе найти теоретическое решение спорного вопроса о вхождении или невхождении сравнительной и превосходной степеней в число форм словоизменения прилагательного. Практически же парадигмы прилагательных рассматриваются как состоящие только из словоформ положительной степени. Превосходные степени рассматриваются при этом как самостоятельные прилагательные; сравнительные степени вообще не входят в рассмотрение.

⁷³ См., в частности: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 135; Н. А. Еськова. Образование синтетических форм степеней сравнения прилагательных в современном русском литературном языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

⁷⁴ См.: Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5. М., 1929, стр. 90; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с славяками. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 226; И. И. Ревин. К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. «Исследования по структурной типологии», стр. 35.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫРАЖЕННЫХ В НИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

§ 3.1. Любую парадигму, вообще говоря, можно рассматривать со многих точек зрения. Очевидно, что при изучении словоизменения, в соответствии с самим внутренним смыслом этого термина, парадигма любого слова должна рассматриваться прежде всего с точки зрения того, как это слово может и з м е н я т ь с я, не теряя тождественности самому себе, иначе говоря, каковы р а з л и ч и я (как внешние, так и внутренние) между словоформами данного слова. Напротив, общая для всех словоформ парадигмы часть их внешней стороны, равно как и общая часть их значения, в этом отношении не представляет интереса. Так, например, та особенность парадигмы слова *мужчина*, что общей частью всех ее словоформ является именно цепочка *мужчин*, а не какая-либо иная, несущественна с точки зрения словоизменения (или, как мы будем говорить, не является ее словоизменительной характеристикой). Точно так же несущественно, какое именно номинативное значение имеют все словоформы этой парадигмы. Иначе говоря, с точки зрения словоизменения, например, парадигмы слов *мужчина* и *воевбда* равноценны, одинаковы: ничто из того, что их различает, не относится к числу словоизменительных характеристик.

В настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные только с внутренней стороной словоформ. (Внешняя сторона словоформ изучается во II части книги; в частности, вопросу о существенных и несущественных внешних различиях между словоформами посвящена глава 5.) Как ясно из § 1.10, внутренние различия между двумя словоформами одного и того же слова всегда состоят (если отвлечься от стилистических оттенков) только в различии их словоизменительных грамматических значений (=грамматических форм). Это значит, что в соответствии с указанным выше общим принципом из всей внутренней стороны словоформ для словоизменения существенны только грамматические формы. Таким образом, при изучении словоизменения для характеристики внутренней стороны парадигмы необходимо указать только набор представленных в ней грамматических форм, а также наличие или отсутствие пустых клеток; тем самым определяется совокуп-

ность всех возможных грамматических противопоставлений между ее словоформами. Особо отметим, что в число словоизменительных характеристик слова не входят, таким образом, граммемы классифицирующих грамматических категорий. В самом деле, с точки зрения словоизменения равноценны, например, парадигмы слов *мужчина* (муж. род) и *акѹла* (жен. род); грамматический род (различный у этих слов) является их синтаксической характеристикой, но не является словоизменительной характеристикой.

З а м е ч а н и е. Исключение грамматического рода существительных из числа словоизменительных характеристик на первый взгляд может показаться непонятным. В самом деле, общеизвестно, что в русском языке существует определенная зависимость (нарушаемая лишь у незначительного меньшинства существительных) между родом существительного и, например, набором его окончаний (см. также § 6.12—6.13). В связи с этим существует устойчивая традиция учитывать род существительных при описании их склонения. В действительности дело здесь в том, что в традиционных описаниях не разграничивается два разных типа сведений о языке, а именно: 1) словоизменительная классификация существительных как таковая; 2) сведения о том, каким образом на основании характеристик существительного, относящихся к другим уровням (например, словообразовательных, синтаксических, семантических), могут быть предсказаны (полностью или частично) его словоизменительные характеристики. К сведениям второго рода относятся, например, такие правила: 1) русские мужские фамилии (семантическая и этимологическая характеристика) на *ов, ин* имеют в Т. ед. окончание *-ым*; 2) существительные с суффиксом *тель* (словообразовательная характеристика, кроме слова *учитель*, имеют ударение на основе во всех словоформах парадигмы; 3) существительные женского рода (синтаксическая характеристика) на *-ь* имеют при склонении следующие окончания: Р. ед., Д. ед., П. ед. *-и*, Т. ед. *-ью*, . . . (= относятся к так называемому III склонению). Очевидно, что из существования указанных зависимостей отнюдь не следует, что принадлежность к числу русских фамилий, наличие суффикса *тель* или грамматический род сами по себе являются словоизменительными характеристиками слова; они лишь обуславливают выбор таких характеристик (определенные окончания, подвижность или неподвижность ударения при склонении). В настоящей работе эти два рода вопросов четко разделены: основное содержание работы составляет анализ словоизменения как такового; вопросы второго рода рассматриваются только в дополнительных разделах.

Мы будем говорить, что две парадигмы имеют одинаковое внутреннее устройство, если 1) они состоят из одинакового числа клеток с соответственно одинаковыми названиями (= словоизменительными грамматическими значениями) и 2) всякие две одноименные клетки этих парадигм либо обе пустые, либо обе непустые. Например, одинаковое внутреннее устройство имеют парадигмы слов *стол* и *армия*, *тот* и *котбрый*, *новый* и *сильный*, *кто* и *что*.

Очевидно, что внутреннее устройство любой парадигмы полностью определено, если указано: 1) к какому грамматическому разряду (см. § 1.11) эта парадигма относится; 2) есть ли в ней пустые клетки («дефекты»), и если да, то какие именно. Соответственно, для классификации парадигм по внутреннему устройству вводится два различительных признака: «грамматический разряд» и «дефекты парадигмы».

Различительный признак «грамматический разряд»

§ 3.2. Различительный признак «грамматический разряд» может принимать следующие пять значений:

Расширенный адъективный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа, числа, согласовательного класса и атрибутивности — неатрибутивности. Парадигматическая схема этого разряда состоит из следующих грамматических форм:

А. Атрибутивные формы:

1) все возможные грамматические формы следующего строения: а) граммема «атрибутивность»; б) одна из 13 граммем падежа¹; в) одна из двух граммем числа; г) одна из семи граммем согласовательного класса;

2) семь грамматических форм следующего строения: а) граммема «атрибутивность»; б) граммема «счетная форма»; в) одна из семи граммем согласовательного класса².

Б. Неатрибутивные формы: 14 грамматических форм следующего строения: а) граммема «неатрибутивность»; б) одна из двух граммем числа; в) одна из семи граммем согласовательного класса.

Простой адъективный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса. Парадигматическая схема этого разряда равна части А парадигматической схемы расширенного адъективного разряда, с тем отличием, однако, что здесь в грамматических формах отсутствует граммема «атрибутивность».

Субстантивный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа и числа. Парадигматическая схема этого разряда состоит из следующих грамматических форм:

1) 26 грамматических форм следующего строения: а) одна из 13 граммем падежа; б) одна из двух граммем числа;

2) счетная форма.

Согласуемо-бесчисловой разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа и согласовательного класса. Парадигматическая схема этого разряда состоит из всех возможных грамматических форм следующего строения: а) одна из 13 граммем падежа; б) одна из семи граммем согласовательного класса.

Несогласуемо-бесчисловой разряд. Словоизменительной для этого разряда является только грамматическая категория падежа. Соответственно его парадигматическая

¹ Здесь и ниже под 13 падежами понимаются падежи, перечисленные в § 2.10, за вычетом счетной формы.

² Относительно граммемы числа в счетных формах см. § 2.8.

схема состоит всего из 13 грамматических форм, каждая из которых содержит только граммему падежа.

В качестве исходной словоформы (см. § 0.5) у слов расширенного адъективного разряда выступает атрибутивная словоформа И. ед. 1-го согласоват. класса; у слов простого адъективного разряда — словоформа И. ед. 1-го согласоват. класса; у слов субстантивного разряда — словоформа И. ед.; у слов согласуемо-бесчислового разряда — словоформа И. падежа 1-го согласоват. класса; у слов несогласуемо-бесчислового разряда — словоформа И. падежа. Лишь у нескольких слов с дефектной парадигмой выбор исходной словоформы не подчиняется этому правилу; они указаны в § 3.4.

Слова субстантивного разряда мы будем называть также существительными, а слова обоих адъективных разрядов — прилагательными. Поскольку оба этих термина уже использовались выше (без определения или в значении, указанном в § 2.1), специально условимся о том, что во всем последующем тексте книги они будут употребляться только в указанном здесь значении.

З а м е ч а н и е. Как можно понять из предшествующего изложения, новые значения, приписанные здесь терминам «существительное» и «прилагательное», меняют (по сравнению с § 2.1) только содержание, но не объем соответствующих попятий (т. е. этим терминам практически соответствуют те же самые совокупности слов, что и раньше).

В последующем изложении может быть использован также термин «причастие». Формального определения ему не дается. На неформальном уровне укажем следующее. Предполагается, что существуют определенные морфологические правила, позволяющие от любого глагола образовать серию слов простого или расширенного адъективного разряда, в значение которых входит все собственно номинативное значение данного глагола; эти слова и называются причастиями. Заметим, что вопрос о том, являются ли причастия отдельными словами (как они для простоты названы выше) или лишь частью парадигмы соответствующего глагола, довольно сложен. Здесь мы этот вопрос не рассматриваем. Очевидно, однако, что как бы он ни решался, в морфологическом описании русского языка словоизменение причастий должно рассматриваться вместе со словоизменением обычных прилагательных. Таким образом, с точки зрения настоящей работы, посвященной только именам, причастия суть просто прилагательные.

Как известно, причастия легко могут утрачивать непосредственную связь с глаголом и приобретать значение постоянного признака (характерное для обычных прилагательных), а также иные дополнительные значения. В этом случае возникает (по крайней мере с формальной точки зрения) новое слово — тоже прилагательное, но уже не причастие; его можно назвать о т-

причастным прилагательным³. Ср., например: *знающий своё дело, воспитанный в религиозном духе, определённый специальным прибором* (причастия от *знать, воспитать, определить*) и *очень знающий человек, очень воспитанный мальчик, совершенно определённый ответ* (отпричастные прилагательные).

В последующем описании в некоторых случаях (а именно в § 6.17 и 6.32) нам потребуется отличать причастия от всех прочих прилагательных (в том числе и отпричастных). По внешним признакам исходной словоформы этого сделать невозможно — прежде всего потому, что практически для каждого причастия имеется (или может быть образовано) отпричастное прилагательное с омонимичной исходной словоформой (ср. примеры выше). В самом деле, различие, например, между причастием *знающий* и отпричастным прилагательным *знающий* определяется исключительно их значением. В связи с этим для указанных двух параграфов принимается допущение, что нам известно, какие слова являются причастиями.

§ 3.3. Пытаясь построить правила определения грамматического разряда произвольного слова по внешнему виду его исходной словоформы, мы сталкиваемся с существенной трудностью, связанной с так называемой субстантивацией прилагательных. Как известно, практически всякое прилагательное может при необходимости субстантивироваться, т. е. от него может быть образовано одно или несколько существительных, у каждого из которых словоформы омонимичны атрибутивным словоформам данного прилагательного, относящимся к одному из семи согласительных классов. Мы будем называть такие существительные *отадъективными*⁴. Ср., например, прилагательные *больной, заливной, подъёмный* и отадъективные существительные *больной, больная, заливнойе, подъёмные* и т. п. С интересующей нас точки зрения трудность составляют пары типа *больной* (прилагательное) — *больной* (отадъективное существительное мужского рода), где омонимичны исходные словоформы. Очевидно, что в любых правилах, которые должны давать разный результат для членов подобной пары, необходимо использовать, помимо исходной словоформы, какие-то дополнительные сведения, позволяющие различить эти слова. Простейшими и наиболее естественными являются здесь дополнительные указания типа: *больной* (прилагательное) — *больной* (существительное). Они непосредственно отражают основное существо рассматриваемого различия. Любые другие указания отражают лишь следствие названного

³ Более распространен термин «адъективированное причастие»; но он неудачен, поскольку, вопреки его внутренней структуре, называемые им слова не являются каким-либо подклассом класса причастий. Заметим, что точно такой же недостаток имеет термин «субстантивированное прилагательное» и поэтому мы замечаем его термином «отадъективное существительное».

⁴ Относительно термина см. предыдущую сноску.

рианте, где В. = И.: *вижу несколько студентов*); *мнбго, немнбго, ма́ло, нема́ло*; 3) *я, ты, он, она́, онб, мы, вы, оный, себя́, друг друга́, кто, что, никто́, ничто́*⁷, *некто́, нечто́, некого́, нечего́*; 4) *все, некоторые́, мнбгие, немнбгие, ка́ждый, люб́й, всё, мнбгое, немнбгое, вся́кое, прб́чее, оста́льные* (в качестве предметных слов).

Прочие слова являются прилагательными или существительными. Они распределяются следующим образом.

А. Слова на *ый, ий, ой, ийся, ов, ёв, ев, ин, ын*.

В силу сформулированного выше допущения для всех таких слов принадлежность к числу прилагательных или существительных считается заранее известной⁸. Примеры: прилагательные — *бога́тый, ру́сский, больно́й, выдаю́щийся, че́ртов, царёв, дя́дин, ку́рицын*; существительные — *бога́тый, ру́сский, больно́й, у́дичийся, Попов, Царёв, Ворони́н; вожа́тый, ле́ший, по́нято́й, во́льноопределя́ющийся; алю́миний, герб́й, же́рнов, те́терев, фи́лин*.

Б. Слова, оканчивающиеся иначе.

1. Следующие исходные словоформы представляют по два слова, одно из которых является прилагательным, а другое существительным (в силу допущения, сформулированного выше, считается известным, какой именно из членов пары рассматривается): а) *наш, ваш*; б) *иору́ба, му́нда, ха́уса, хинди, бенга́ли, па́ли, суахи́ли, кбми, ма́ри, ма́нси, урду́, банту́, пушту́, ма́йя; анту́ка́, негли́же, траветси́, маре́нго, бордо́, мо́кко, баро́кко, роко́к, сло́; моде́рн, тет-а-тет, ци́рлих-манье́рих, апа́и*.

2. Следующие слова являются прилагательными: а) *э́тот, то́т, сам, весь, сей, чей, ничей́, а также госпо́бденъ*; б) *гора́д, дблжен, люб, рад, велико́ват, малова́т, оди́нэтонек, оди́нэшенек, радё́зонек, радё́ишенек, а также слова на енек, онек, например: бли́зэнек, стро́гонек*; в) *его, её, их* (притяжательные прилагательные); г) *мо́рае, аплика́, фантази́, ха́ки, либерти́, не́тто, бру́тто, комильфо́; массака́; беж, электр́йк*.

3. Остальные слова являются существительными, например: *аво́д, роль, ли́ния, окно́, ра́дио, запя́тия, насе́бное, поэмы́не*.

11. Правила определения грамматического разряда у прилагательных

Красширенному адъективному разряду относятся:

А. Из прилагательных на *ый* — все, кроме: а) *пе́рвый, четве́ртый, пя́тый, девя́тый, девя́нбстый, ты́сячный* и прилагательных на *дцатый, деся́тый и сотый* (например, *двена́дцатый, деся́тый, тре́хсо́тый*); б) *кото́рый, не́который, никото́рый, бный, са́мый*.

Б. Из прилагательных на *ий*:

1. Все прилагательные на *гий, хий, щий*⁹ и на гласную + *ий*, например: *упру́гий, ве́тхий, цвето́щий, общи́й, длмношо́и́й*.

2. Из прилагательных на *кий*: а) прилагательные не на *ский, цкий, нький* (кроме *эдакий, э́такий, не́кий, э́кий, вся́кий*), например: *мя́жий, сто́йкий, оди́нбкий, жа́ркий*; б) *е́ский, па́бский, нбский, я́йценбский, брб́ский, тра́ский, хра́ский*; в) прилагательные на *эшонький, ёшенький* и на *к, г* или *х + ошонький, бшенький*, например: *смирне́шенький, полне́шонький, ле́бэшонький*; кроме того, *ма́ленький*.

3. Из прилагательных на *жий, чий, ший*: а) прилагательные на *у́чий, ю́чий* (кроме *пау́чий, све́у́чий, вну́чий, су́чий, барсу́чий, шу́чий, гадо́чий, би-*

⁷ В обычном значении; о существительном *ничто́* см. § 3.4, пункт 11.

⁸ Следует специально указать, что слова *како́в* и *такко́в* в настоящей работе считаются прилагательными.

⁹ Причастия на *щий* (не превратившиеся в обычные прилагательные) относятся к простому адъективному разряду: так, можно сказать *он знаю́щ*, но нельзя сказать *он знаю́щ своё́ дело* (в исходный материал причастия на *щий* не входят).

рбчий); на гбжий, кбжий, рбжий, хбжий, плёчий, например: могучий, колючий, пригбжий, вхбжий, широкоплёчий; б) рбжий, свежий, досужий, рыйжий, бестыжий, дьюжий, уклюжий, неуклюжий; лежачий, рабчий, охчий, сидячий, бродячий, ходячий, стоячий, спячий, зрячий, горячий, висячий; пёший, хорбший.

4. Из прочих прилагательных на ий: а) прилагательные на сторонний (например, сторбнный, многосторбнный), а также двбнный, стародвбнный, дрёбный, срёбный, пвздный, прёбный, порбжный, пустопорбжный, сйнный, крайний, бескрайний, ранний, искренний, въспренний, внўтренний, совершеннотённый, домбшнный, внёшний, лйшнный, излйшнный, дбльный; б) кбрий, тугосйсий.

В. Из прилагательных на ой:

1. Из прилагательных с односложной исходной словоформой — злой.

2. Из прилагательных с двусложной исходной словоформой: а) прилагательные не на кой, лой, ной, той (кроме люббй, драббй, друббй, рудббй, чужббй, борзббй, вторббй, старшббй, меньшббй), например: ряббй, тугббй, прямббй, сырббй; б) гнилббй, роднббй, чуднббй, блажнббй, сквознббй, срамнббй, земнббй, драйнббй, дурнббй, цветнббй, ручнббй, смешнббй, шальнббй, хмельнббй, больнббй; простббй, густббй, пустббй, крутббй, святббй.

3. Из прилагательных с более чем двусложной исходной словоформой: голуббй, ходовббй, деловббй, дорогббй, молодббй, удалббй, озорнббй, развитббй, волатббй, холостббй.

Г. Из прочих прилагательных:

горбзд, дблжен, люб, рад, великовбт, маловбт, какбв, такбв, одинёхонек, одинёшенек, радёхонек, радёшенек, а также все слова на енек, онек, например: близёнек, стробнек.

Остальные прилагательные относятся к простому адъективному разряду, например: котбрый, вёрхний, русский, нулевбй, свой, влчий, дядин, чёртов, выдающийся, бннту.

Всего в исходный материал входит около 34 700 существительных, около 20 100 прилагательных (в том числе около 16 100 расширенного адъективного разряда и около 4000 простого адъективного разряда), 23 слова согласуемо-бесчислового разряда и 72 слова несогласуемо-бесчислового разряда.

Различительный признак «дефекты парадигмы»

§ 3.4. Различительный признак «дефекты парадигмы» отражает наличие или отсутствие в парадигме пустых клеток («дефектов»), а также то, какие именно клетки являются пустыми. Ниже перечислены возможные значения этого различительного признака. Для каждого ненулевого значения указано, какие слова его имеют.

Значения различительного признака «дефекты парадигмы»:

0. Пустых клеток в парадигме нет (нулевое значение; см. § 6.2, пункт 1). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Нет словоформы И. падежа. Слова: *себя, нёкого, друг друга*.

2. Нет словоформ И. падежа и В. самостоят. падежа. Слово *нёчего*.

3. Нет словоформ никаких падежей, кроме И. Слово *нёкто*.

4. Нет словоформ никаких падежей, кроме И. и В. Слова: *нёчто, пол (половина), мбло, нембло*.

5. Нет словоформ никаких падежей, кроме Р. и Р₂. Слова: *дровёц, щец*.

6. Нет словоформ ед. числа. Слова: а) *внўчата, двечата, ребята; молодожёны, родители*; б) *дётки, детйики, дётушки, зверятки, людйшки*,

ребятки, ребятйшки, ребяташки, солдатушки, телятки¹⁰; в) древние, домашние, молодые, родные, новобранцы, бривающиеся.

7. Нет словоформ ед. числа и словоформы И. мн. Слово *сот* (сотен)¹¹.

8. Нет словоформы И. мн. Слово *человек* (вариант с основой мн. числа *человек*).

9. Нет словоформ Р. мн. и Р₂ мн. Слова: а) *мга*, *мгла* (также *полумгла*), *мзда*, *тъма* (мрак) (также *полутъма*), *хна*; устар. *скло* (*сткло*)¹²; б) слова на согласную (или *ь*) + *ца*, кроме *крепостца* (а именно: *гнильца*, *грязца*, *грязотца*, *краснотца*, *ленца*, *пыльца*, *рысца*, *сольца*, *сырца*, *трусца*, *хрипотца*), а также слова *казна*, *камка*, *пенька*, *тоска*¹³.

10. Нет словоформ Р. мн., Р₂ мн. и В. мн. Слово *треска*.

11. Нет словоформ, кроме И. ед. и В. ед. Слова: а) *огнь*, *пáмень*¹⁴; б) *порося*¹⁵; в) *ничтб* (существительное)¹⁶.

12. Нет словоформ, кроме И. ед., В. ед. и Т. ед. Слово *пóльмя*.

13. Нет неатрибутивной словоформы муж. рода ед. числа. Слова: а) *срédний*, *пóздний*, *прéжний*, *порбжний*, *пустопорбжний*, *крáйний*, *бескрáйний*, *рáнный*, *внúтренний*, *сторбнный*, *посторбнный*, *совершеннолétний*, *домáшний*, *внéшний*, *лáнный*, *дáльный*; б) *сулгный*, *гротéский*; в) *родной*, *блажнбй*, *сквоанбй*, *срмнбй*, *земнбй*, *цветнбй*, *рунбй*, *шалньбй*, *голуббй*, *ходовбй*, *деловбй*, *озорнбй*, *золотбй*.

14. Нет атрибутивных словоформ. Слова — те, которые указаны в § 3.3, раздел II, пункт Г, например: *рад*, *радёзонек*, *близёнек*.

15. Нет словоформ согласоват. классов 1, 3, 4 и 5. Слова: *дóбе*, *трбе*, *чётверо*, *пáтеро*, *шéстеро*, *сéмеро*, *вóсьмеро*, *двéцццтеро*, *дéсятццтеро* (см. также § 2.21).

16. Нет словоформ И. и В. падежей согласовательного класса 7. Слова: *полторá*, *бба*.

17. Нет словоформ И. ед. и В. ед. женского рода. Слово *кой* (устар.).

Слова с некоторыми дефектами не подчиняются правилу об исходной словоформе, данному в § 3.2, а именно: при дефекте 1 и 2 исходной является словоформа Р. падежа; при дефекте 5 — словоформа Р. мн.; при дефекте 6 — словоформа И. мн.; при дефекте 14 — словоформа неатрибут. муж. ед.; при дефекте 15 — словоформа И. падежа 2-го согласовательного класса.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 140.

¹⁰ Список составлен строго в пределах исходного материала; за пределами этого материала имеется много других уменьшительных данного типа, например: *котятки*, *мышятки*, *поросятки*.

¹¹ Словоформы *сто*, *ста* выступают только в роли числительных и, таким образом, не могут считаться ед. числом к словоформам *сот*, *стам*, *стами*, *стаж*, образующим данную парадигму (равным по своему значению словоформам *сóтен*, *сóтням*, *сóтнями*, *сóтнях*).

¹² Сюда же примыкают топонимы: *Льва*, *Мда*, *Мста*, *Пра*, *Цна* (реки); *Мга* (река и город).

¹³ Как можно видеть, дефект 9 признается в настоящей работе только у слов, для которых само построение словоформ Р. мн. вызывает затруднения; напротив, он не признается, например, у слов *мечтá*, *мольбá*, *баишкá*, у которых Р. мн. хотя и неупотребителен, но при необходимости легко может быть построен.

¹⁴ Приводимые в словарях словоформы косвенных падежей этих слов (например, Р. ед. *огня*, *пáмени*) в действительности не равны исходной словоформе по стилистической окраске, поскольку в тексте они неизбежно воспринимаются как принадлежащие словам нейтрального стиля *огнь*, *пáмя*.

¹⁵ Принято вопреки Уш., где этому слову приписывается полная парадигма; в АО нет.

¹⁶ Т. е. слово, выступающее, например, во фразах: *он совершенное ничтб*, *он превратился в ничтб* (ср. фразу *он не превратился ни во чтб*, где выступает слово несогласуемо-бесчислового разряда *ничтб*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ГРАММАТИЧЕСКИХ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ
В РУССКИХ
ИМЕННЫХ
ПАРАДИГМАХ**

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСХОДНОМ МАТЕРИАЛЕ

Уточнение объема исходного материала

§ 4.1. Как указано в § 0.1, в настоящей работе из общей массы русских слов выделена некоторая строго ограниченная совокупность, называемая «исходным материалом». Состав этой совокупности слов определяется так. Назовем слово «именем из основного списка», если хотя бы одним из словарей: АО, Орф., Уш., ССРЛЯ — оно квалифицируется как существительное, прилагательное, причастие, числительное или местоимение¹. Исходный материал включает: 1) совокупность всех имен из основного списка, содержащихся в Бильф. или в АО², за исключением тех, которые указаны ниже в настоящем параграфе; 2) некоторую дополнительную совокупность слов, также указываемую ниже в настоящем параграфе. Иными словами, исходный материал — это теоретико-множественная сумма имен, содержащихся в Бильф. и АО, с некоторыми специально оговариваемыми вычетами и дополнениями.

В исходный материал не включаются следующие группы имен из основного списка, содержащихся в Бильф. или АО:

1. Слова, содержащие дефис (кроме неизменяемых), например: *баба-яга, хлеб-соль, перекати-поле, северо-восток, водно-полевый, где-то, кто-то, что-либо, какой-нибудь*.

2. Слова, у которых исходная словоформа состоит из *пол*+Р. ед. некоторого слова (начинающегося с согласной), например: *полкруга, полметра, полдня, полслва, полбчи, полминуты, полценя*; кроме того, слова *полчася, полшага*.

¹ Неопределенной в этом отношении является помета «неизм(еняемое)», используемая в АО и Орф. (она стоит как при неизменяемых прилагательных, например *банту*, так и при словах совершенно иной синтаксической природы, например *мяу, чур-чурá*). Все слова, рассматриваемые в настоящей работе как неизменяемые прилагательные, перечислены в § 3.3, I Б.

² Под словом, содержащимся в словаре Бильф. (который представляет собой просто список исходных словоформ), понимается всякое слово, исходная словоформа которого в нем содержится. Исключения составляют причастия: считается, что Бильф. причастий не содержит (т. е. что, например, словоформы *оживлённый, открытый, любимый, цветущий, бывший*, содержащиеся в Бильф., являются представителями только обычных прилагательных, но не причастий). Таким образом, из причастий в исходный материал входят только те, которые содержатся в АО (их около 4800).

3. Слова, у которых исходная словоформа состоит из безударного *полу* плюс исходная словоформа некоторого слова, входящего в исходный материал, например: *полубог*, *полукольцб*, *полудайт*, *полутбн*, *полубольнбй*, *полумёртвый*. В качестве исключения в исходный материал входят, однако, слова *полузабытьё*, *полумья*, *полукруг*, *полумгла*, *полубостров*, *полутённ*, *полутымб*.

4. Прилагательные, у которых исходная словоформа состоит из безударного *не* + исходная словоформа некоторого прилагательного, входящего в исходный материал, например: *недурнбй*, *неразвитбй*, *неслабжный*, *неудобннй*; кроме того, следующие прилагательные: *превеликий*, *превыспренний*, *предлннный*, *предббрый*, *предблгий*, *предорогбй*, *премнбгий*, *пречистый*, *развесёлый*. В качестве исключения в исходный материал входят, однако, слова *невинный*, *нембй*, *ненаглядный*, *непреклонный*, *несметный*, *неуклонный* (которые в действительности не образованы от соответствующих более простых слов с помощью *не*), а также *незабвенный*, *неприкосновенный*, *неуклюжий*.

5. Слова, у которых исходная словоформа оканчивается на *пбезд*, *прбвод*, *фураж*, *знак*, *сани*, *части*, *пблк*, *узел*, *хозяин*, *волоknб*, *зернб*, *редактор*, *инспектор*, *инструктор*, *час*, *центральный*, *магистраль*, *огонь*, *лагерь*, *сеть*, *часть*, *помощь* или *семя* (с именно таким ударением), однако не равна ни одной из этих цепочек; например: *бронепбезд*, *аэросани*, *радиозузел*, *домохозяин*, *льноволокнб*, *автоинспектор*, *теплоцентральный*, *артогонь*, *пионерлагерь*, *авиачасть*, *взаимопомощь*. Кроме того, следующие слова: *стереотруба*, *сорвиголова*, *шумоголова*, *кинозвезда*, *радиоволна*, *предлюсная*, *медсестра*, *лесопоса*, *детсад*, *киногород*, *нарсуд*, *цветобжже*, *фотомонтаж*, *литмонтаж*, *партстаж*, *паракачук*, *кинопрюк*, *исправбм*, *комбихбм*, *наименьшинствб*, *макромир*, *микромир*, *военслец*, *радиоэляц*, *электросталь*, *цитрованиль*, *сверхприбыль*, *трудодённ*, *человекодённ*, *политдённ*, *партдённ*, *фельдъегерь*, *совбарышня*.

6. Устаревшие слова: *всяк*, *змиа*, *сребрб*, *хбдя*, *чухна*; *ураний*, *селений*, *хрбмий*; *сам-друг*, *сам-третей*, *сам-четверт*, *сам-пят*, *сам-шест*, *сам-сем*, *сам-осмбй*, *сам-девят*, *сам-десят*; областные слова *дитё*, *жевалб*, *пүто*. Кроме того, слова: *бвоиць*, *плодобоиць* (жен. рода); *комполка*, *помбух*, *помнбч*; *Плюшкин*, *Топтыгин*; *бёлые*, *чёрные* (в шахматах; см. § 2.18).

7. Слова, встречающиеся только в устойчивых выражениях (формальная примета — указание «только в выражениях» в словаре Уш.), причем в таких, где падеж данного слова фиксирован, например: *прекословие* (без *прекословия*), *умолк* (без *умолку*), *слад* (нет *сладу*), *плав* (на *плаву*), *баклуши* (бить *баклуши*), *дыббй* (*встать на дыббй*), *тартарарбй* (*провалиться в тартарарбй*), *тормашки* (*сверх тормашками*), **зга* (или *зги*) (*не видно ни зги*), **никбй* (*никбим образом, ни в кбем случае*)³. Сюда относятся также следующие слова, иначе оформленные или отсутствующие в словаре Уш.: *скак*; *капүт*, *карачүн*, *каюк*, *лафб*; *нелюди*; *потягушки*, *потягушеньки*, *ничегошеньки*. В качестве исключения в исходный материал входит слово *ладбши*.

П о я с н е н и я. Указанные группы слов исключены из рассмотрения для того, чтобы избежать некоторых формальных трудностей в последующем описании. Основная из них связана с производными словами, полученными из других слов путем добавления некоторой начальной части, например: *недорогбй* (ср. *дорогбй*), *медсестра* (ср. *сестра*), *аэросани* (ср. *сани*), *севверо-востбж* (ср. *востбж*). Фактически склонение подавляющего большинства таких слов определяется следующим простым правилом: каждая словоформа такого слова отличается от соответствующей словоформы производящего слова только добавленной спереди буквенной цепочкой (одной и той же для всей парадигмы), ср. *медсестры* и *сестры*, *аэросаней* и *саней* и т. п. Чтобы непосредственно

³ Отметим также отсутствующее в Бильф., Уш. и АО слово **оббй* (*оббега пола, оббега рода*).

отразить эту закономерность в формальном описании, необходимо считать известным, какие именно пары слов связаны указанным отношением производности. Однако принимать столь сильное допущение крайне нежелательно, поскольку на практике это неизбежно привело бы к неоднозначности описания. Если же не делать этого допущения, то слова типа *медсестра́*, *азросáни* и т. п. не удастся отличить формальными способами от слов типа *сестра́*, *сáни*; поэтому, например, список pluralia tantum с подвижным ударением должен выглядеть так: *бтруби*, *сáни*, *автосáни*, *азросáни*, *сéни*, . . . С неформальной точки зрения такой список явно неудовлетворителен, поскольку слова из замкнутого ряда (*бтруби*, *сáни*, *сéни*, . . .) смешаны в нем со словами из незамкнутого ряда (*автосáни*, *азросáни*, . . .). Чтобы обойтись без указанного выше допущения и в то же время избежать описанных отрицательных последствий слишком прямолинейного формализма, определенные группы производных слов просто исключаются из исходного материала (см. выше, пункты 3, 4, 5, отчасти также 1 и 2). Сюда попадают, в частности, почти все производные типа *азросáни*, т. е. такие, которые в противном случае были бы индивидуально упомянуты в тех или иных правилах.

Мотивы исключения других слов в той или иной мере сходны с описанными. В частности, исключение слов типа *баба-ягá* (пункт 1) позволяет избежать неоправданных формальных трудностей, связанных с «двойным склонением» (в самом деле, с точки зрения словоизменения нет оснований трактовать такие единицы, как *баба-ягá*, *сорбка-ворбка*, *завбд-гигáнт* и т. п., как-либо принципиально иначе, чем словосочетания типа *граждáнин Петрбé*). Относительно слов пункта 2 см. § 2.19, сн. 61. Пункт 6 охватывает различные слова периферийного характера, учет которых затруднил бы формулировки тех или иных правил; пункт 7 особых комментариев не требует.

Следующие слова, не содержащиеся ни в Бильф., ни в АО, в к л ю ч а ю т с я в исходный материал:

1. Существительные, образованные путем субстантивации прилагательных, входящих в исходный материал (кроме прилагательных *один*, *тот*, *этот*), при условии, что субстантивация зафиксирована в Уш. (помета «в значении существительного»), например: *полицéйский*, *несчáстная*, *трéтье*.

П р и м е ч а н и е. Особый случай составляют следующие статьи словаря Уш.: *один*, *весь*, *некоторый*, *мнбгий*, *немнбгий*, *каждый*, *люббй*, *всáкий*, *прбчий*, *сам*, *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чужбй*.

Этим статьям Уш. в исходном материале соответствуют следующие слова: 1) прилагательные с указанными исходными словформами, кроме *мнбгий*, *немнбгий*, *каждый*; 2) существительные *всáкий*, *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чужбй*; 3) слова согласуемо-бесчислового разряда: *один* (числительное), *все*, *некоторые*, *мнбгие*, *немнбгие*, *каждый*; 4) слова несогласуемо-бесчислового разряда: *все*, *некоторые*, *мнбгие*, *немнбгие*, *каждый*, *люббй*, *всё*, *мнбгое*, *немнбгое*, *всáкое*, *прбчее*, *остальнбге*.

2. Неизменяемые притяжательные прилагательные *его*, *её* (слово *их* есть в Бильф.); слово *друг друга* (см. § 2.10, сн. 30).

3. Слова *войска́*, *вблосы*, *небесá* (см. § 2.12, замеч.); также *молодожéны*.

4. Названия элементов таблицы Менделеева, отсутствующие в Бильф. и в АО; названия нот; следующие названия букв: *ер*, *ерý*, *ерь*, *твёрдо*, *рфы*.

5. Следующие слова: а) *иоруба*, *мýнда*, *хауса*, *спагй*, *бенгáли*, *пáли*, *суахíли*, *жиришй*, *бахий*, *превб*, *гуанáко*, *каско*, *альфрэско*, *галб*, *áльма-мáтер*, *мáйя* (народность); б) *кайк*, *лужнб*, *шурп*, *кныр*, *пéняз*, *антиклинáль*, *синклинáль*, *прббель*, *гель*, *гидрогéль*, *спаниэль*, *винкель*, *сель*, *мускатéль*, *мотéль*, *волостéль*, *золь*, *кромль*, *вакубль*, *юáнь*, *прбзелень*, *прбзелень*, *раме́нь*, *йзгарь*, *секвбйя*; в) *бура́ёский*, *Ильи́н* (прилагательное, выступающее в выражении *Ильин день*).

П о я с н е н и я. Пункт 1 вызван тем, что в Бильф. отадъективные существительные даны неполно и недостаточно последовательно. Пункты 2 и 3 даны для исправления некоторых более частных недостатков лексикографической практики. Пункты 4 и 5 охватывают отдельные слова, учет которых позволяет усовершенствовать те или иные правила (например, пополнить некоторые замкнутые списки слов).

В последующем описании любые утверждения (в частности, правила, перечни, подсчеты), если специально не оговорено обратное, относятся к исходному материалу.

Практически, однако, правила составлялись по возможности таким образом, чтобы они были верны не только для исходного материала, но и вообще для любых русских имен. В большинстве случаев эта цель действительно достигнута (что свидетельствует, между прочим, о достаточной представительности выбранного исходного материала). Все же в некоторых случаях представляет интерес непосредственно рассмотреть особенности каких-либо групп слов, не входящих в исходный материал (прежде всего особенности имен собственных). Сведения такого рода даются в замечаниях или в сносках.

Источники сведений о внешнем виде словоформ

§ 4.2. В последующей классификации именных парадигм мы исходим из того, что нам известно, как именно выглядит каждая словоформа каждого слова, входящего в исходный материал. С формальной точки зрения, чтобы узнать о некотором слове (из исходного материала), какой конкретный вид его словоформ принят в настоящей работе, нужно построить по правилам главы 7 всю его парадигму.

Фактическим источником сведений о том, каковы именно словоформы русских имен, являются в большинстве случаев словари русского языка: АО, Орф., Уш., ССРЛЯ, Ож., Был. Следует учитывать, однако, что извлечение таких сведений из этих словарей связано с рядом трудностей.

Во-первых, только один из этих словарей — словарь под ред. Д. Н. Ушакова — содержит явно сформулированные правила построения всех словоформ слова по информации, данной в соответствующей словарной статье. Все прочие словари требуют от читателя неформальных операций⁴; практически это означает, что нередко приходится прибегать к догадкам. В некоторых случаях из-за этого недостатка вообще невозможно установить (даже с помощью неформальных соображений) вид нужной словоформы; например, нельзя установить, каков Р. мн. слова *раджа* —

⁴ Так, например, во введении к ССРЛЯ (т. 1, стр. XIII) сказано, что при начальной форме слова «приводятся дополнительные формы, определяющие грамматическую категорию слова и тип его изменения и ударения на основе общей грамматической системы русского языка».

радж или *раджей*⁵. В настоящей работе вид таких словоформ устанавливался на основании литературных источников (так, например, словоформа Р. мн. *раджей* засвидетельствована в работах об Индии), а если это не удалось — по принципу, описанному ниже для потенциальных словоформ.

Во-вторых, указания разных словарей нередко противоречат друг другу (в частности, из-за различия во времени составления словарей или в нормализаторских установках авторов). В связи с этим в настоящей работе принят следующий принцип: шесть словарей-источников выстраиваются в том порядке, в котором они перечислены выше; для всякого слова принимаются указания первого по порядку из тех словарей, в которых оно содержится.

В-третьих, словари не дают сведений о том, как должны выглядеть потенциальные словоформы слова, например словоформы мн. числа от *singularia tantum*. Между тем в настоящей работе парадигмы таких слов не считаются дефектными и, следовательно, предполагается, что все их словоформы имеют вполне определенный внешний вид. Основной принцип «реконструкции» потенциальных словоформ, использованный в настоящей работе, состоит в следующем: вид потенциальных словоформ должен быть таков, чтобы данное слово не оказалось исключением ни из каких правил, составленных применительно к реально употребляемым словоформам. Например, в силу этого принципа слову *целина́* должно быть приписано мн. число *целины́, целин, целинам* (а не *целины́, целин, целина́м* или какое-то иное), поскольку в противном случае это слово было бы исключением из правила (верного для всех нарицательных имен, употребляющихся в обоих числах) о том, что у слов на *ина́* ударение во мн. числе сдвигается на один слог влево (ср. *величина́*—*величины́, старшина́*—*старшины́* и т. п.)⁶.

В состав парадигмы в настоящей работе не включаются словоформы, выступающие только в устойчивых словосочетаниях, например: *в кои ве́ки, во ве́ки веков, на ве́ки вечные* (ср. обычный И. мн. *века́*); *принимать на до́му* (ср. обычный П₂ ед. *на до́ме, в до́ле*) ср. также: *бодливой корове бог рог не дает; лечь косты́ми; говорить по ду́шам; двенадцать язы́ков; бей в до́ску, разгоняй тоску; губа не дура; по ко́ням!* (команда); *ни черта́; ни хрена́; какого шу́та; не ро́вен час* и т. п. Сюда же относятся так называемые краткие формы прилагательных в косвенных падежах (например, *на бб́сју ногу, от ма́ла до вели́ка, средь бе́ла дня*), так называемые усеченные формы прилагательных (например, *куро́чка ря́ба, сы́р*

⁵ В Уш. при этом слове Р. мн. не указан; формально это должно значить, что Р. мн. здесь *радж*. Однако эту информацию нельзя считать надежной, поскольку так же оформлены, например, статьи *бахя́, ступня́* (где Р. мн. заведомо *бахя́й, ступня́й*, а не **бахя, *ступня*).

⁶ Заметим, что описанный принцип хорошо согласуется с показаниями так называемой «непосредственной лингвистической интуиции» (поскольку в основе последней, по-видимому, лежит именно аналогия).

бор, красна девица, сине море), а также реликты звательного падежа (*ббже, гбсподи, бтче*).

Не учитываются также следующие аномалии ударения: 1) ударение на предлоге при отсутствии ударения на именной словоформе, например: *на голову, по полу, за морем* (возможно только при непосредственном контакте предлога с именной словоформой, ср. *на свою голову, за синим морем*, и как правило наряду с обычным ударением, например *на голову, за морем*)⁷; 2) ударение на окончании в сочетаниях с предлогами (кроме *в, на*) в словоформах слов *грудь, печь, степь, цепь, ось*, а также *утро*, например: *по груди, к груди, около груди, по степи, по цепи; до утра, с утра, от утра, к утра, по утрам* (см. также § 6.16, замеч.; 3) ударение на окончании в словоформах *часы, шаг*, выступающих в словосочетаниях (см. § 2.19, сн. 61) *полчасы, полшага*.

Для нескольких слов приняты индивидуальные поправки к данным, полученным в соответствии с указанными выше принципами: 1) у слов *столько, сколько, несколько, много, немного, мало, немало, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот* не учитываются словоформы на *у* (типа *стольку*) и словоформы типа *пятисот*, которые возможны после предлога *по* наряду со словоформами, равными *И*. (ср. *по столько и по столько, по пятисот и по пятисот*)⁸; 2) у слова *ребёнок* мн. число *дети*⁹; 3) у слова *год* Р. мн. *годв* и *лет*; 4) у слова *тюрк* два варианта парадигмы — вариант с *И*. ед. *тюрк* и Р. мн. *тюрков* и вариант с *И*. ед. *тйрок* и Р. мн. *тйрок*; 5) у слова *лес* (удочки) два варианта парадигмы — вариант с *И*. ед. *лес* и *И*. мн. *леса* и вариант с *И*. ед. *леса* и *И*. мн. *леса*; 6) у слова *трепак* при среднем роде *И*. мн. *трепка*, при муж. роде — *трепак*; 7) у слова *дол* мн. число *долы, долбе, долам, долами, долам*; 8) у слов *большой* и *маленький* неатрибут. словоформы соответственно *велик, велика, великб, великий* и *мал, малл, малб, маль*; 9) у слова *благый* неатрибут. словоформы *благ, блага, благо, благи*; 10) у слова *некий* не учитываются словоформы *некихиз, неким, некими*; 11) для слов *камень, остьк, сарацин, тавлея* приняты указания Орф. для слов *борть, великий, ветер, волоконец, гуслёр, кровь, ровня, слюда* — указания Уш. (хотя все эти слова содержатся в АО). Некоторые другие поправки к указаниям словарей оговорены в соответствующих разделах книги.

Трактовка словоформ-вариантов

§ 4.3. Особый вопрос составляет трактовка словоформ-вариантов (см. § 1.7). Парадигму, содержащую словоформы-варианты, мы будем называть также «парадигмой с колебаниями» (в отличие от «парадигмы без колебаний», где каждому граммати-

⁷ Перечни таких случаев см. в работах: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 182, 194, 208, 215; Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 81.

⁸ В противном случае необходимо либо признать существование двух дательных падежей (ср. *столько* и *стльким, пятисот* и *пятисам*), либо полностью изменить взгляд на парадигмы всех этих слов, а именно: а) признать, в частности, *стлько* (*стльку*) и *стльких* (*стльким, стлькими*) разными словами; б) признать слова типа *пятьсот* словосочетаниями.

⁹ Кроме того, имеется парадигма: *дитя* — мн. число *дети*. Слово *ребята* ед. числа не имеет.

ческому значению соответствует не более одной словоформы). Условимся различать два типа колебаний.

I. Типовые колебания (т. е. такие, которые характеризуют не отдельное слово или группу слов, а саму грамматическую форму или определенный аффикс, выражающий эту форму). Сюда мы относим следующие случаи:

1. В словоформе Т. ед. наряду с окончанием *-ой*, *-ёй* или *-ей* всегда допустимо также окончание *-ою*, *-ёю* или *-ею* (например, *водбй* и *водбю*, *свёжней* и *свёжеею*, также *мной* и *мнёю*).

2. В словоформе Р₂ ед. наряду с окончанием *-у* или *-ю* всегда допустимо также окончание *-а* или *-я* (например, *мало чаю* и *мало чая*).

3. Счетная словоформа в некоторых случаях (указанных в § 6.55) имеет два варианта, омонимичных соответственно словоформам Р. мн. и И. мн. (например, *две булочных* и *две булочные*) или словоформам Р. мн. и Р. ед. (например, *два Кунцевых* и *два Кунцева*).

II. Индивидуальные колебания. Сюда относятся все остальные случаи существования словоформ-вариантов, например И. мн. *тра́кторы* и *тракторá*; Р. ед. *мбста* и *моста́*; Р. ед. *мбха* и *мха* и т. п. Практически в настоящей работе индивидуальные колебания учитываются только в тех случаях, когда в использованном нормативном источнике (см. § 4.2) оба варианта словоформы признаются равноправными или второй вариант имеет помету «допустимо», «разговорное» или «в письменной речи». Словоформы-варианты, квалифицируемые иначе (в частности, как устаревшие, просторечные, областные, профессиональные, поэтические, народно-поэтические, старинные), за немногими исключениями не учитываются.

Словоформы-варианты сильно затрудняют задачу классификации, поскольку при делении парадигм по некоторому признаку, принимающему нормально значения 1, 2, 3, . . ., приходится учитывать, кроме того, возможность появления таких значений, как «1 и 2», «2 и 3» и т. п. Для преодоления этой трудности вводятся некоторые дополнительные соглашения и вспомогательные операции.

При типовых колебаниях одна из словоформ-вариантов (а именно та, которая указана выше первой) признается главной. Так, в приведенных примерах главными являются словоформы: *водбй*, *свёжней*, *мной*, *чаю*, *булочных*, *Кунцевых*. Принимается следующее соглашение: всякое определение или правило, которое с формальной точки зрения неприменимо к некоторой парадигме из-за того, что одна из клеток содержит одновременно две словоформы (связанных отношением типового колебания), должно быть применено к этой парадигме так, как если бы такая клетка содержала только главную словоформу. Практически это дает возможность учитывать в формальной части описания только

главные словоформы, а сведения о вторых вариантах приводить лишь в качестве дополнительных.

При индивидуальных колебаниях производится следующая вспомогательная операция. Всякая парадигма P , имеющая индивидуальные колебания, представляется как совокупность двух или нескольких парадигм (P_1, P_2, \dots), не имеющих индивидуальных колебаний. Парадигмы P_1, P_2, \dots , полученные в результате такого «расщепления» парадигмы P , можно назвать ее в а р и а н т а м и. Между парадигмой P и ее вариантами должны быть следующие отношения: 1) парадигмы P_1, P_2, \dots относятся к тому же грамматическому разряду, что и P ; 2) каждая словоформа парадигмы P содержится в соответствующей клетке хотя бы одной из парадигм P_1, P_2, \dots , а каждая словоформа любой из этих парадигм содержится в соответствующей клетке парадигмы P .

Рассмотрим пример такого «расщепления» парадигмы. Слово *мост* имеет во всех падежах ед. числа, кроме И., В. и П₂, как словоформы с ударением на основе, так и словоформы с ударением на окончании: *мбста* и *мостá*, *мбсту* и *мосту́* и т. д. Эту парадигму с колебаниями мы представляем в виде следующих двух парадигм-вариантов, не имеющих колебаний: 1) *мост*₁ — *мост*, *мбста*, *мбсту*, *мбстом*, *мбсте*, мн. *мосты́*, *мостбв* и т. д.; 2) *мост*₂ — *мост*, *мостá*, *мосту́*, *мостбм*, *мостé*, мн. *мосты́*, *мостбв* и т. д. Как легко проверить, сформулированные выше условия здесь соблюдены.

В дальнейшем никакая парадигма с индивидуальными колебаниями уже не рассматривается как единый объект классификации: вместо нее в качестве самостоятельных объектов классификации выступают ее варианты. Иначе говоря, все происходит так, как если бы одна и та же лексема могла иметь несколько парадигм, причем для классификации несущественно, является ли некоторая парадигма единственной для соответствующей лексемы или нет. Так, в общую совокупность классифицируемых парадигм на равных правах входят, например, парадигмы: *стол*, *сад*, *мост*₁, *мост*₂ (а парадигма с колебаниями *мост* вообще не входит).

Понятно, однако, что сформулированные выше условия далеко не всегда определяют способ расщепления однозначно. Например, парадигму *мост* можно было бы расщепить также многими другими способами. В случае неоднозначности расщепление производится по следующим правилам. Если, в соответствии с указаниями используемых нормативных источников, различие словоформ-вариантов связано с различием значения или стилистической окраски, то расщепление производится в соответствии со значением (стилистической окраской). Например, парадигма слова *тбрмоз* (И. мн. *тормозá* и *тбрмозы*, Р. мн. *тормозбв* и *тбрмозов* и т. д.) расщепляется в соответствии с различием значений на 1) *тбрмоз* (в прямом значении) — *тбрмоз*, *тбрмоза* и т. д., мн. *тормозá*, *тормозбв* и т. д. и 2) *тбрмоз* (в переносном значении) —

тбрмоз, тбрмоза, и т. д., мн. *тбрмозы, тбрмозов* и т. д. Когда такое слово фигурирует в каком-либо списке, при нем дается уточнение, показывающее, какой смысловой или стилистический вариант имеется в виду — так же, как это делается с омонимами. (Отсутствие уточнения при таком слове означает, что имеются в виду все варианты его парадигмы.)

З а м е ч а н и е. Таким образом, случай типа *тбрмоз*, где различию значений соответствуют определенные внешние различия, трактуются в настоящей работе так же, как случай омонимии вроде *пол* (настил) (мн. *полю, полбе*) — *пол* (биологич.) (мн. *полю, полбе*). Тем самым описание оказывается независимым от столь сложной проблемы лексикологии, как разграничение омонимии и многозначности.

Более сложен тот случай, когда различие словформ-вариантов не связано ни с какими внутренними различиями. Способ расщепления такой парадигмы определяется следующими требованиями: 1) число парадигм-вариантов должно быть минимальным; 2) число парадигм-вариантов, не эквивалентных¹⁰ ни одной парадигме, не являющейся результатом расщепления, должно быть минимальным (в «хорошем» случае оно должно быть равно нулю). Как показывает опыт, этим двум требованиям в громадном большинстве случаев удовлетворяет ровно один способ расщепления. Так, например, указанный способ расщепления парадигмы *мост* удовлетворяет обоим этим требованиям (число парадигм-вариантов равно двум; *мост*₁ склоняется так же, как *сад, мост*₂ — так же, как *горб*); но никакого другого расщепления, удовлетворяющего этим требованиям, не существует. Для тех немногих слов, где данные требования не обеспечивают однозначности, принятый способ расщепления уточняется с помощью дополнительных указаний в соответствующем разделе описания.

Чтобы различить парадигмы-варианты, при исходной словоформе даются дополнительные указания (характер которых зависит от конкретного случая), например: *мост* (с таким-то распределением ударения) или *мост* (с Р. ед. *мбста*) и т. п. При перечислении парадигм, обладающих некоторым свойством, дополнительное указание такого рода может состоять всего лишь из пометы //, которая в этом случае означает: «в одном из своих вариантов» (= «наряду с некоторым другим вариантом парадигмы, который рассматриваемым свойством не обладает»). Например, список существительных муж. рода с И. мн. на *-á* может выглядеть так: *дом, лес, цех* (//), *злев*, . . . Это значит, что слово *цех*, в отличие от остальных, имеет И. мн. на *-á* только в одном из вариантов парадигмы (который и имеется в виду в данном списке). При необходимости после пометы // может быть указано, каков именно

¹⁰ Определение эквивалентности двух парадигм дается позже (§ 5.6); здесь достаточно указать, что отношение эквивалентности есть некоторый формальный аналог отношения «склоняться так же, как».

противоположный вариант парадигмы. Так, в приведенном примере допустима также запись *цех* (/ / мн. *цѣхи*), т. е. «наряду с другим вариантом парадигмы, где мн. число *цѣхи* (а не *цехá*)».

Особый случай составляют такие варианты парадигмы, у которых различны исходные словоформы, например: *бух* (вариант с неподвижным ударением на первом слоге: *буха*, *буху* и т. д.) и *бу́х* (вариант с ударением на окончаниях или на последнем слоге основы: *буха́*, *буху́* и т. д.). В этом случае дополнительные указания могут отсутствовать, поскольку сама исходная словоформа показывает, какой вариант имеется в виду.

Вопрос об основе и окончании

§ 4. 4. В последующем описании мы исходим из того, что каждая словоформа каждого слова разделена на основу и окончание. Как известно, разделение словоформ на основу и окончание содержит элемент условности и может производиться различно в зависимости от целей и характера описания. Наиболее простой и точный способ указать, как именно проведено это разделение в конкретной работе, состоит в том, чтобы дать алгоритм разделения произвольной словоформы (из именной парадигмы) на основу и окончание. Такой алгоритм приводится ниже. Алгоритм предполагает знание всей парадигмы слова; используется также данная в § 3. 2 классификация именных парадигм по грамматическим разрядам. Предполагается, что алгоритм будет применяться для того, чтобы определить способ разделения сразу для всех словоформ парадигмы; но, разумеется, он пригоден и для того, чтобы определить основу и окончание в отдельной словоформе.

Используются следующие условные обозначения. В качестве разделительного знака, отделяющего основу от окончания, здесь и в дальнейшем изложении выступает вертикальная черта (|). Нулевое окончание или нулевая основа¹¹ обозначается обычно знаком Ø; однако в случае, когда словоформа выписана целиком и содержит разделительный знак, знак Ø может быть опущен (таким образом, здесь и далее, например, записи *стол|* и *стол|Ø* считаются равнозначными).

Алгоритм разделения словоформ произвольной именной парадигмы на основу и окончание

1. Проверить, входит ли рассматриваемое слово в приводимый ниже список. Если да — разделение словоформ производится в соответствии с данными при этих словах указаниями (для простоты омонимичные словоформы приводятся в виде одной словоформы, т. е. фактически дается список сегментов). Если нет — перейти к 2.

¹¹ Нулевая основа (на графическом уровне) — это уникальный случай; она представлена только у некоторых словоформ слов *он*, *она́*, *онб*, *онй*.

Список: я — я|, *мен|я*, *ми|е*, *ми|ой* (*ми|ю*); ты — ты|, *теб|я*, *теб|е*, *тоб|ой* (*тоб|ю*); себя — *себ|я*, *себ|е*, *соб|ой* (*соб|ю*); мы — *мы*, *нас*, *нам*, *нами*; вы — основа везде *в*; он, она, оно, они — в И. основа *он*, в косвенных падежах основа припредложных словоформ *н* (*н|его*, *н|ей* и т. д.), основа самостоятельных словоформ вулевая (*ѳ|его*, *ѳ|ей* и т. д.); кто, что и производные никто, ничто, некто, не́что, некого, не́чего — *к|то*, *к|то*, основы прочих словоформ *к*, *ч* (основы производных соответственно длиннее); тот, э́тот — *т|от*, *э|тот*, основы прочих словоформ *т*, *эт*; сей — *се|й*, *си|я*, *си|ю*, *си|ю*, основа прочих словоформ *с*; некий, э́кий — основа словоформ, начинающихся на *неко*, *эко* (кроме словоформ косвенных падежей жен. рода *некой*, *экой*), — *неко*, *эко*; основа прочих словоформ (а также словоформ *некой*, *экой*) — *нек*, *эк*; один — *один*, основа прочих словоформ *один*; два, три, четы́ре — *дв|е*, *тр|е*, *чет|вер|о* (в И. падеже 7-го согласоват. класса), основы прочих словоформ *дв*, *тр*, *четыре*; оба — *об|а*, *дв|е*, основы прочих словоформ соответственно *обо* и *обе*.

2. Проверить, одинаковы ли все словоформы парадигмы. Если да, то: а) для слов *поросё*, *огнь*, *пламень*, *мáло*, *немáло* — перейти к 5; б) у прочих слов — все словоформы имеют нулевое окончание. Если нет — перейти к 3.

3. Заменить в парадигме все *ё* на *е*, запомнив, где были замены. Если все словоформы парадигмы оканчиваются на *ся*, отбросить везде это *ся*, запомнив, где оно было. Перейти к 4.

4. Поставить разделительный знак в словоформах парадигмы по следующим правилам.

У прилагательных

Поставить в словоформе Т. ед. муж. рода разделительный знак перед последними двумя буквами. Цепочку букв, стоящую в этой словоформе левее разделительного знака, назовем О (от слова «основа»). Найти все словоформы парадигмы, начинающиеся с О, и поставить в них разделительный знак после О. Если в парадигме есть припредложные словоформы, поставить в каждой из них разделительный знак за столько же букв от конца, как в соответствующей самостоятельной словоформе. Перейти к 5.

Если словоформы Т. ед. муж. рода в парадигме нет — перейти к 5.

У существительных

а) Поставить в словоформе Т. мн. разделительный знак перед последними тремя буквами. Цепочку букв, стоящую левее разделительного знака, назовем ОМ («основа множественного числа»). Найти в парадигме все словоформы мн. числа, начинающиеся с ОМ, и поставить в них разделительный знак после ОМ. Перейти к б).

б) Если словоформа ед. числа совпадает в каждом падеже со словоформой мн. числа (слово относится к *pluralia tantum*) — поставить в каждой словоформе ед. числа разделительный знак так же, как в омонимичной ей словоформе мн. числа. Перейти к в).

Если это не так — перейти к в).

в) Поставить в словоформе Т. ед. разделительный знак перед последними двумя буквами. Цепочку букв, стоящую в этой словоформе левее разделительного знака, назовем ОЕ («основа ед. числа»). Найти в парадигме все словоформы ед. числа, начинающиеся с ОЕ, и поставить в них разделительный знак после ОЕ. Перейти к 5.

У слов бесчисловых разрядов

а) Для слов *полтора* и *полтора́ста* — перейти к 5.

б) Для слова *всемь* и слов на *деся́т* — поставить в словоформе Т. падежа разделительный знак перед цепочкой *-ью* и перейти к 5.

в) Для слов *двё́сти*, *три́ста*, *четы́реста* и слов на *сот* — поставить в словоформах Д., Т. и П. падежей разделительный знак соответственно перед цепочками *ам*, *ами*, *ах* и перейти к 5.

г) Для прочих слов — поставить во всех словоформах разделительный знак после наибольшего общего начала всех словоформ и перейти к б.

5. Поставить разделительный знак во всех словоформах парадигмы, еще не имеющих его, по следующему правилу: если словоформа оканчивается на гласную, *й* или *ь* — разделительный знак ставится перед последней буквой словоформы; в прочих случаях он ставится в конце словоформы (окончание нулевое). Перейти к б.

Если таких словоформ в парадигме нет — перейти к б.

6. Восстановить все *е* и все *ся*, если таковые заменялись или отбрасывались в соответствии с пунктом 3. Теперь в каждой словоформе слева от разделительного знака находится основа, справа — окончание.

Примеры разделения словоформ с помощью данного алгоритма: стол|, стол|а, стол|ы; бо|й, бо|я, бо|и; мыш|ь, мыш|и, мыш|ью, мыш|ей; пъл|я, пъл|и, пъл|ь; здани|е, здани|я, здани|и; ручь|й, ручь|я, ручь|и; сть|я, сть|и, сть|е; друг|, друг|а, друг|я, друг|е; дерев|о, дерев|ья, дерев|ев; хозяйн|а, хозяйн|я, хозяй|ев, хозяй|е; и|м|я, и|м|ен|и, и|м|ен|а, и|м|ён|; жив|ой, жив|ы; мо|й, мо|я, мо|его; волчн|и, волчн|ья, волчн|и; пятер|о, пятер|ых; пятьдесят|, пятьдесят|и, пятьдесят|ью.

Как можно видеть из примеров, приведенный алгоритм дает в целом наиболее обычное для письменной формы языка разделение словоформ на основу и окончание ¹².

¹² Ср. прежде всего Уш., вводная статья «Как пользоваться словарем», § 40, 48, 50. Один из наиболее спорных вопросов — выбор между разделениями типа *друг|ья* и типа *друг|ья*. Оба решения практически почти равноценны: каждое имеет определенные преимущества и недостатки. В настоящей работе принято разделение типа *друг|ья*, *муж|ья*, уменьшающее общее число различных окончаний склонения. Другое разделение (*друг|ья*, *муж|ья*) было использовано нами в работах: А. А. З а л и з и н к. Ударение в современном русском склонении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 2; О н же. Беглые гласные в современном русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5; О н же. «Условное ударение» в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1.

ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРАДИГМ

§ 5. 1. Всякая классификация некоторой совокупности объектов может быть разделена на два этапа.

Первый этап можно назвать *этапом отождествления*. На этом этапе устанавливается, какие объекты классификации признаются одинаковыми с точки зрения данной классификации. (Вместо слова «одинаковые» можно взять также слова «однотипные», «равноценные», «эквивалентные».) Тем самым устанавливается, какие реальные различия между объектами признаются несущественными для данной классификации: таковы все различия между одинаковыми (эквивалентными) объектами. Вводимое таким образом отношение одинаковости (эквивалентности) двух объектов определяет¹ разбиение всего множества объектов на непересекающиеся классы одинаковых (эквивалентных) между собой объектов. Эти классы можно назвать элементарными классами (для данной классификации). На первом этапе классификации элементарные классы еще никак не упорядочены; их можно лишь занумеровать в произвольном порядке. Отсутствует понятие характера и степени различия между двумя элементарными классами: ни про какие четыре элементарных класса A , B , C , D еще нельзя сказать, что A отличается от B тем же, чем C от D , или что A более сходен с B , чем с C .

Второй этап можно назвать *этапом выделения различительных признаков*. На этом этапе выявляются признаки, посредством которых различаются элементарные классы объектов; иначе говоря, изучаются различия, существенные для данной классификации. Тем самым выявляется характер внутренних отношений между элементарными классами; в частности, устанавливается тождество отношений между некоторыми классами («класс A отличается от B тем же, чем C от D »). В результате этого этапа классификации каждый элементарный класс

¹ При условии, что это отношение обладает свойствами рефлексивности (всякий объект эквивалентен самому себе), симметричности (если объект a эквивалентен объекту b , то объект b эквивалентен объекту a) и транзитивности (если объект a эквивалентен объекту b , а объект b эквивалентен объекту c , то объект a эквивалентен объекту c).

характеризуется уже не просто номером, а теми значениями, которые принимают у данного класса выявленные при классификации различительные признаки.

При классификации именных парадигм задача этапа отождествления состоит в том, чтобы строго установить, какие парадигмы признаются эквивалентными. Иначе говоря, необходимо, исходя из того, что парадигма любого русского имени полностью известна, построить формальные правила, позволяющие про любые две парадигмы сказать, являются ли они эквивалентными. Именно эта задача решается в настоящей главе (второй этап классификации производится в следующей главе).

Разумеется, вопрос о том, какие различия между парадигмами следует признать существенными и какие несущественными для классификации, можно решать по-разному. Соответственно будет меняться содержание понятия эквивалентности и, следовательно, степень детальности самой классификации. Так, можно считать существенными лишь самые грубые различия, например только различия в наборе окончаний; в этом случае, например, парадигмы слов *бугбр* и *забр*, *кърта* и *головѧ* и т. п. будут признаны эквивалентными. Детальность такой классификации будет невелика. Можно, напротив, считать существенными даже весьма тонкие различия, например различие в месте ударения в словах *анблиз* и *паровѧз*. Тогда даже эти два слова будут признаны неэквивалентными. Такая классификация будет чрезвычайно детальной.

Выбор решения должен определяться здесь конкретными задачами описания. Так, например, для краткого практического описания естественна малая детальность. Отсюда не следует, однако, что максимально полная классификация (какой является по замыслу осуществляемая здесь классификация) должна обладать максимальной возможной детальностью. В самом деле, максимальная детальность возникает в том случае, когда все вообще различия признаются существенными и, следовательно, каждая парадигма признается эквивалентной только самой себе (или омонимичной ей парадигме). Но это значит, что на втором этапе классификации обязательно возникнет признак «буквенный состав исходной словоформы», принимающий столько значений, сколько учтено слов (или его заместители вроде признака «начальная буква исходной словоформы» и т. п.), что явно бессмысленно и дискредитирует саму идею классификации.

При решении этого вопроса мы опираемся на следующее наблюдение. В лингвистических описаниях можно часто встретить утверждения типа: «слово *А* склоняется так же, как слово *В*»; при этом никаких пояснений о том, что именно это значит, не дается. В неявной форме такие утверждения выступают во всех тех случаях, когда в учебнике приводится полная парадигма некоторого слова и далее список слов, про которые сказано,

что они «склоняются по этому образцу» или «принадлежат к этому типу склонения». Из практики известно, однако, что по крайней мере в большинстве случаев для читателя таких указаний оказывается достаточно: он действительно может правильно просклонять приводимые в списке слова, несмотря на отсутствие разъяснений. Это значит, что у людей существует относительно единообразное представление о смысле выражения «склоняться так же, как»; на это представление по существу и опираются составители учебников.

По-видимому, именно на это интуитивное представление естественно ориентироваться (в максимально полной классификации) при решении вопроса о существенных и несущественных различиях между парадигмами. Иначе говоря, понятие эквивалентности двух парадигм должно служить формальным аналогом неформального интуитивного представления об одинаковости склонения двух слов. Это значит, что, как и всякий формальный аналог, оно должно: 1) иметь строго формальное определение, 2) при практическом применении к парадигмам давать те же или почти те же результаты, что и заменяемое им интуитивное представление.

Разумеется, интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов, как и всякое интуитивное представление, не обладает полной определенностью: во-первых, оно не вполне одинаково у разных людей, во-вторых, в сложных случаях оно оказывается неясным или неустойчивым даже у одного и того же человека. Поэтому выполнение второго из указанных выше требований (в отличие от первого) невозможно точно проверить и, таким образом, субъективный элемент здесь неустраним.

З а м е ч а н и е 1. Можно было бы предложить следующий эксперимент для получения более объективного ответа на вопрос: «Склоняются ли слова *A* и *B* одинаково с интуитивной точки зрения?» Группе людей, не знающих русского языка (но имеющих представление о склонении), дается полная парадигма слова *A*, исходная словоформа слова *B* и следующее указание: «Слово *B* склоняется так же, как слово *A*. Просклоняйте слово *B*». Другой группе людей дается обратная задача — построение *A* по *B*. Ответ на поставленный выше вопрос считается положительным, если (при достаточно большом числе испытуемых) в обеих группах все или почти все испытуемые просклоняли заданное слово правильно. Поскольку, однако, такой эксперимент сложно осуществить, мы были вынуждены везде ограничиваться соответствующим мысленным экспериментом. Таким образом, все дальнейшие утверждения типа: «слова *A* и *B* интуитивно воспринимаются как однотипные» отражают субъективную точку зрения автора, а именно — передают результат соответствующего мысленного эксперимента.

З а м е ч а н и е 2. Интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов, по-видимому, является производным от гораздо более общего и фундаментального интуитивного представления об одинаковости различий в двух парах языковых объектов (его можно назвать также представлением о «лингвистической пропорциональности») ². Именно это пред-

² Ср. идеи А. Д. Вентцеля, изложенные в работе «Аффинная геометрия и некоторые лингвистические задачи».

ставление позволяет нам делать утверждения типа: «словоформа *топбр* так же отличается от словоформы *топорбм*, как словоформа *карандшш* от словоформы *карандашбм*» и т. п. Именно оно позволяет нам решать в ходе практической деятельности множество лингвистических задач «на отыскание 4-го члена пропорции» типа: x относится к *коллимáтор*, как *заббры* к *заббр* (откуда $x = \text{коллимáторы}$); это так называемое построение по аналогии. Интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов A и B (имеющих соответственно словоформы $a_1, a_2 \dots a_k$ и $b_1, b_2 \dots b_k$)³, по-видимому, возникает тогда и только тогда, когда для любых четырех словоформ a_m, a_n, b_m, b_n соблюдается интуитивная пропорция: $a_m : a_n = b_m : b_n$ (т. е. a_m отличается от a_n так же, как b_m от b_n).

Интуитивное представление об одинаковости склонения двух русских слов, по-видимому, складывается из нескольких независимых интуитивных представлений, касающихся: 1) внутреннего устройства сравниваемых парадигм, 2) набора окончаний, 3) устройства основ, 4) акцентуации. Соответственно, строящееся ниже определение эквивалентности включает выполнение определенных требований, касающихся каждой из указанных четырех характеристик парадигмы.

Требования к внутреннему устройству сравниваемых парадигм

§ 5. 2. Представляется очевидным, что интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы одинакового внутреннего устройства (см. § 3. 1). С другой стороны, две парадигмы одинакового внутреннего устройства при прочих равных условиях, по-видимому, должны восприниматься как однотипные.

Дальнейшие требования, касающиеся окончаний, основы или акцентуации, применяются уже только к парадигмам одинакового внутреннего устройства.

Требования к наборам окончаний сравниваемых парадигм

§ 5. 3. По-видимому, интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы, имеющие в точности одинаковые окончания. С другой стороны, две парадигмы, имеющие одинаковые окончания, при прочих равных условиях должны восприниматься как однотипные.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковый набор окончаний, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одинаковое окон-

³ Индексы при словоформах соответствуют определенным грамматическим формам.

чание. Например, одинаковый набор окончаний имеют парадигмы слов *тигр* и *осёл*, *дорба* и *кишка*, *простой* и *крутой*, *мой* и *чей*, *пять* и *двенадцать*.

Требования к основам сравниваемых парадигм

§ 5. 4. Основы разных словоформ одной парадигмы могут совпадать или различаться. Таким образом, подобно набору окончаний, можно выделять «набор основ» некоторой парадигмы; правда, в большинстве случаев он будет состоять из многократно повторенной одной и той же основы. Однако, в отличие от набора окончаний, определенный набор основ как правило представлен всего в одной парадигме. Поэтому естественно, что сам по себе набор основ интуитивно воспринимается как нечто не входящее в понятие определенного образца склонения. Например, различие наборов основ у слов *стол*, *блин*, *топёр*, *валун*, *живёт* и т. д. не мешает тому, чтобы эти слова воспринимались как склоняющиеся одинаково. Вообще, если основы двух сравниваемых слов неизменны (одинаковы для всей парадигмы), то при прочих равных условиях такие два слова обязательно будут восприниматься как однотипные.

Если, однако, основа слова не остается неизменной в ходе склонения (набор основ состоит из разных основ), то характер изменения основы оказывается уже существенным для интуитивного отнесения слова к определенному образцу склонения. Два слова с изменяющимися основами воспринимаются как однотипные, только если характер изменения основы у этих слов в некотором (пока еще строго не определяемом) смысле одинаков. Так, например, слова *славянин* и *армянин*, *козлёнок* и *гусёнок*, *песок* и *кусок*, *чайка* и *индейка* и т. п. воспринимаются как соответственно однотипные, а, например, слова *сумерки* (Р. *сумерек*) и *жмурки* (Р. *жмуток*) — как неоднотипные. Два слова, из которых одно имеет изменяющуюся основу, а другое неизменяющую, всегда воспринимаются как разнотипные: ср. *песок* и *чеснок*, *чудо* и *место* и т. п.

Таким образом, основу любой словоформы можно представить как состоящую из двух частей: *н е и з м е н я е м о й*, т. е. общей для всех основ данной парадигмы, и *и з м е н я е м о й*, т. е. такой, которой хотя бы в одной из прочих словоформ парадигмы соответствует некоторая иная цепочка букв (или ничего не соответствует). Так, например, в основе словоформы *гусёнок* можно выделить неизменяемую часть *гус* и изменяемую часть *ёнок* (ср. *гусята*). Любая из двух частей основы может быть пустой, т. е. не содержать ни одной буквы. Условное обозначение пустой цепочки здесь и далее — Ø (ср. § 4. 4); но может быть использовано также словесное обозначение: «нуль». Так, например, в словоформе *стол* неизменяемая часть основы — *стол*, а изменяе-

мая — Ø. Две части основы могут вклиниваться друг в друга: так, в основе словоформы *ведрѡ* неизменяемая часть *в—д—р*, а изменяемая *е—Ø* (ср. *вѣдер*). По-видимому, только изменяемые части основ воспринимаются как имеющие отношение к определенному образцу склонения. Таким образом, чтобы приблизиться к интуитивному представлению об однотипности, мы должны при сравнении двух парадигм отбросить в каждой парадигме неизменяемую часть ее основ и сравнивать только наборы изменяемых частей основы. Мы исходим далее из предположения, что, во-первых, интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы, имеющие в точности одинаковые наборы изменяемых частей основы, во-вторых, парадигмы, имеющие одинаковые наборы изменяемых частей основы, при совпадении окончаний и интуитивной однотипности ударения воспринимаются как склоняющиеся одинаково.

Разумеется, приведенное схематическое описание отнюдь не может само служить правилом выделения изменяемой и неизменяемой частей основы; так, например, основу словоформы *южѣнин* можно в соответствии с этим описанием разделить на части двояко: 1) *южан* и *ин*, 2) *южа—н* и *ин*. Для однозначного выделения изменяемой части в произвольной словоформе служит приводимый ниже алгоритм. Поскольку изменяемая часть основы некоторой словоформы выделяется только на основании сравнения со всеми остальными словоформами той же парадигмы, этот алгоритм построен так, что он выделяет изменяемую часть основы одновременно во всех словоформах парадигмы. Всякая основа рассматривается при этом просто как некоторая цепочка русских букв (причем без знаков ударения — см. § 0. 5).

*Алгоритм выделения изменяемых частей основы
в словоформах произвольной,
полностью известной парадигмы*

1. Проверить, одинаковы ли основы всех словоформ рассматриваемой парадигмы.

Если да — изменяемая часть каждой основы пустая («нуль»).

Если нет — взять по одной основе из каждой совокупности одинаковых между собой основ и перейти к 2.

2. Найти у взятых основ наибольшее общее начало; отбросить его во всех этих основах. Найти у оставшихся конечных частей наибольший общий конец; отбросить его во всех этих конечных частях. Проверить, имеют ли полученные остатки хотя бы одну общую для них всех букв.

Если нет — изменяемая часть каждой основы равна выделенному из нее таким путем остатку.

Если да — перейти к 3.

3. Записать остатки друг под другом, расположив их сверху вниз в порядке русского алфавита. Далее мы будем называть первый по порядку остаток верхним, а остальные нижними. Пометить каким-либо образом⁴ в верх-

⁴ В приводимых ниже примерах в качестве пометы используется звездочка (*).

нем остатке все вхождения всех букв, общих для всех остатков. Перейти к 4.

Предварительное пояснение к пунктам 4—8. Чтобы облегчить понимание последующих пунктов алгоритма, укажем следующее. Алгоритм работает циклически: пункты 4—8 могут проходиться при обработке одной парадигмы по нескольку раз. Поэтому в этих пунктах упоминаются элементы записи, которые при первом прохождении цикла в записи отсутствуют. Такими элементами записи являются так называемые соединительные линии. Соединительная линия — это линия, проходящая через всю запись сверху вниз и пересекающая в каждом остатке одну букву; все буквы, пересекаемые одной соединительной линией, одинаковы⁵. Разные соединительные линии между собой не пересекаются; ни в одном остатке никакая буква не пересекается более чем одной соединительной линией. Поэтому всегда можно указать, например, самую правую соединительную линию. Мы будем говорить, что некоторая буква остатка стоит правее некоторой соединительной линии, если она стоит правее той буквы данного остатка, через которую проходит эта соединительная линия. (В таком же смысле мы будем говорить, что буква стоит левее соединительной линии, между соединительными линиями.)

4. Найти в верхнем остатке первую по порядку отмеченную букву, стоящую правее всех соединительных линий (если соединительных линий еще нет — просто первую по порядку).

Если эта буква есть *o*, *e* или \bar{e} — снять с нее помету (т. е. перевести ее в ранг неотмеченных) и перейти к 8.

Если это не так — взять в верхнем остатке максимальную цепочку следующих непосредственно друг за другом отмеченных букв, начинающуюся с найденной буквы (разумеется, эта цепочка может оказаться состоящей из одной буквы), и перейти к 5.

5. Проверить, верно ли для всех нижних остатков следующее: взятая цепочка входит целиком в часть нижнего остатка, стоящую правее всех соединительных линий (если соединительных линий еще нет — просто в нижний остаток).

Если да — выбрать в каждом нижнем остатке самое левое (т. е. первое по порядку) из вхождений взятой цепочки, удовлетворяющих указанному выше требованию, и перейти к 6.

Если нет — а) в случае, если цепочка содержит более одной буквы — перейти к 7; б) в случае, если цепочка содержит только одну букву — снять в верхнем остатке с этой буквы помету (перевести ее в ранг неотмеченных) и перейти к 8.

6. Провести через каждую букву взятой цепочки отмеченных букв верхнего остатка соединительную линию, пересекающую по одной букве в каждом нижнем остатке. Пересекаемая буква нижнего остатка должна принадлежать выбранному в пункте 5 вхождению рассматриваемой цепочки и стоять внутри цепочки на том же по счету месте, что и буква верхнего остатка, от которой идет данная соединительная линия. Перейти к 8.

7. Взять в верхнем остатке новую цепочку отмеченных букв, равную только что рассмотренной без ее последней буквы, и перейти к 5.

8. Проверить, имеется ли в верхнем остатке хотя бы одна отмеченная буква, стоящая правее всех соединительных линий (если этих линий нет — просто в верхнем остатке).

Если да — перейти к 4.

Если нет — перейти к 9.

9. Назовем *интервалом* часть остатка, находящуюся между соседними соединительными линиями или между соединительной линией и гра-

⁵ В примерах для удобства буквы не подчеркиваются соединительной линией, а вместо этого делаются разрывы.

ницей остатка. (Очевидно, что интервал может быть и пустым.) Будем говорить, что интервалы разных остатков, заключенные между одними и теми же соединительными линиями (или между одними и теми же соединительной линией и границей остатков) соответствуют друг другу. Назовем пустой интервал *з* и *а ч а щ и м*, если ему соответствует хотя бы один непустой интервал. Выписав из каждого остатка все непустые и значащие пустые интервалы (по порядку слева направо, через тире). Полученная запись и является изменяемой частью той основы, из которой был выделен соответствующий остаток ⁶.

П р и м е ч а н и е. Для упрощения последующих операций изменяемая часть основы некоторой словоформы представлена здесь просто как некоторый ряд буквенных цепочек, соотношенный с этой словоформой. Разумеется, она может рассматриваться и буквально как часть основы этой словоформы, т. е. как один или несколько отрезков ⁷ этой основы, отмеченных каким-либо образом непосредственно внутри нее. Примечательно, что в изменяемую часть основы могут входить и пустые отрезки ⁸. С формальной точки зрения, для разделения основы на изменяемую и неизменяемую части нужно обработать ее приведенным алгоритмом, но при этом: 1) не отбрасывать никаких ее частей, а вместо этого применять какой-либо «знак отбрасывания»; 2) не выписывать отдельно непустые и значащие пустые интервалы, образующие изменяемую часть основы, а лишь как-то пометать их.

П р и м е р ы (в примерах изменяемая часть основы показана как в самостоятельном виде, так и внутри самой основы; в последнем случае она выделена жирным шрифтом; из пустых отрезков основы обозначены только те, которые принадлежат изменяемой части; знак | разделяет основу и окончание):

1) Словоформа *тобѣр|*. Изменяемая часть основы — нуль (пункт 1) (см. также сн. 8).

2) Словоформы *южѣнин|*, *южѣн|е*. Изменяемые части основы соответственно *ин*, *ѣ* (пункт 2). Основы делятся на части так: *южанин*, *южанѣ*.

⁶ Смысл первых двух пунктов алгоритма непосредственно очевиден. Заметим, что обработка подавляющего большинства парадигм ограничивается именно этими двумя пунктами. Смысл дальнейших пунктов, предназначенных для обработки более редких и сложных случаев, в значительной мере замаскирован алгоритмической техникой. К сожалению, содержательное обоснование каждого пункта заняло бы слишком много места. Поэтому укажем лишь, что в своей совокупности требования алгоритма направлены на то, чтобы выделение изменяемых частей основы как можно более приближалось (по своим результатам) к выделению чередующихся последовательностей внутри основы, практикуемому в лингвистических работах. Некоторое представление о характере работы алгоритма дают приводимые ниже примеры.

⁷ Отрезком некоторой цепочки называется любая ее часть, состоящая из непосредственно следующих друг за другом букв. Отрезок может быть также пустым (т. е. не содержать ни одной буквы).

⁸ Пустой отрезок стоит между любыми двумя соседними буквами, а также по внешней стороне от крайних букв цепочки. Какой или какие именно из этих пустых отрезков принадлежат изменяемой части, можно точно установить. Мы условимся, однако, не устанавливать этого в том случае, когда основы всех словоформ парадигмы одинаковы. Таким образом, в парадигмах с неизменяемой основой нулевая изменяемая часть считается «не локализованной» внутри основы.

3) Словоформы *ведр|ó*, *вѣдр|а*, *вѣдер|*. После п. 6 получаем запись:

$$\begin{array}{c} \overset{*}{e}d \\ | \\ \overset{*}{e}d \\ | \\ \overset{*}{e}de \end{array}$$

По п. 9 изменяемые части основ здесь соответственно: $e - \emptyset$, $\overset{*}{e} - \emptyset$, $\overset{*}{e} - e$. Основы делятся на части так: *ведр*, *вѣдр*, *вѣдер*.

4) Словоформы *дешѣ|и́и*, *дѣшев|*, *дешев|á*. Получаем запись:

После п. 3	После п. 4
$\overset{*}{e}ше$	$eше$
$eш\overset{*}{e}$	$eш\overset{*}{e}$
$eше$	$eше$

После п. 8 начинается второй цикл. После п. 6 получаем:

$$\begin{array}{c} \overset{*}{e}ше \\ | \\ eш\overset{*}{e} \\ | \\ eше \end{array}$$

По п. 9 изменяемые части основ здесь соответственно: $e - \overset{*}{e}$, $\overset{*}{e} - e$, $e - e$. Основы делятся на части так: *дешѣв*, *дѣшев*, *дешев*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют подобные наборы основ, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одинаковую изменяемую часть основы. Например, подобные наборы основ имеют парадигмы слов *стол* и *голова́*, *живо́й* и *сурово́й*, *лев* и *владѣлец*, *ведрб* и *метла́*. Напротив, наборы основ не подобны, например, в парадигмах слов *вол* и *лев* (так, в II. ед. изменяемые части основ соответственно \emptyset и e), *пáлец* и *шпíлька* (так, в II. ед. изменяемые части основ соответственно e и \emptyset , в Р. мн. — \emptyset и e).

Требования к акцентуации сравниваемых парадигм

§ 5. 5. Вопрос о том, какова роль ударения в восприятии двух слов как однотипных или разнотипных, представляет большую трудность. Положение ударения в отдельной словоформе и в парадигме в целом можно учитывать разными способами. Необходимо найти такой способ учета ударения в парадигме, чтобы результаты этого учета были одинаковыми для парадигм, имеющих с интуитивной точки зрения однотипное ударение, и различными для парадигм, имеющих разнотипное ударение.

Возможны два основных принципа учета: 1) положение ударения учитывается в каждой словоформе парадигмы по отдельности в виде некоторой абсолютной (т. е. независимой от сравнения с другими словоформами) характеристики, например в виде номера ударного слога (по счету от начала или от конца слово-

формы); 2) абсолютных характеристик для отдельной словоформы не строится; учитывается (каким-либо способом) только то, как сдвигается ударение в ходе склонения. Первый принцип («абсолютные характеристики») был использован выше для сравнения окончаний разных парадигм, второй («характер изменения») — для сравнения основ. Рассмотрим вначале самые простые способы учета ударения, соответствующие каждому из этих двух принципов.

Простейший вид независимой акцентной характеристики словоформы — номер ударного слога по счету от начала⁹. Предположим, что в основе интуитивного представления об однотипности двух парадигм по ударению лежит совпадение номера ударного слога (по счету от начала) в каждой паре соответствующих друг другу словоформ этих парадигм. Это предположение, однако, не подтверждается. Возьмем, например, такие группы слов: 1) *спор*, *анализ*, *чемпионат*; 2) *вина* (мн. *вины*), *глубина* (мн. *глубины*), *величина* (мн. *величины*); 3) *сорт* (мн. *сорта*), *город* (мн. *городов*), *колокол* (мн. *колокола*). Внутри каждой группы все слова интуитивно воспринимаются как склоняющиеся одинаково (следовательно, однотипные, в частности, и по ударению); между тем никакая пара из них не удовлетворяет указанному выше условию. С другой стороны, есть и обратные случаи. Например, слова *довесок* и *кусок* воспринимаются как разнотипные по ударению (во всех прочих отношениях они однотипны); между тем указанное условие здесь соблюдается. Таким образом, поставленное выше условие не является ни необходимым, ни достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению¹⁰.

⁹ Легко убедиться, что для русского языка счет от начала словоформы естественнее, чем счет от конца. В самом деле, в русском языке в большинстве парадигм ударение выступает как постоянная принадлежность одной и той же звуковой (соответственно буквенной) цепочки в основе слова, например цепочки *ро* в парадигме слова *короба*, *на* в парадигме слова *анализ* и т. д. Отсюда возникает интуитивное представление о «неподвижном» ударении, т. е. о таком, которое падает на один и тот же (не по счету, а по составу) слог. В условиях, когда словоизменение выражается прежде всего в изменении окончаний, этому представлению соответствует постоянство номера ударного слога по счету от начала. Напротив, при счете от конца словоформы слова с неподвижным (с интуитивной точки зрения) ударением, например *короба*, *анализ* и т. п., выглядят как имеющие разноместное ударение (ср. *короба*, *коробами*, *коробе*). Счет от начала позволяет просто описать и те парадигмы, где ударение выступает как принадлежность первого слога окончания (независимо от его звукового состава), например парадигмы слов *ступни* (ср. *ступни*, *ступней*, *ступнями*), *морской* (ср. *морская*, *морские*, *морских*, *морскими*); при счете от конца ударение и в этих случаях выглядело бы как разноместное.

¹⁰ Заметим, что, если, несмотря на сказанное выше (см. предыдущую сноску), использовать счет слогов от конца, некоторые из выдвинутых возражений отпадут; однако удовлетворительного результата в целом и в этом случае не достигается.

Обратимся ко второму принципу учета ударения в парадигме. Наиболее простой способ сравнивать сдвиги ударения в двух парадигмах состоит, по-видимому, в следующем: две парадигмы считаются имеющими одинаковый характер сдвигов ударения, если разность между номерами ударных слогов (по счету от начала) любых двух словоформ одной парадигмы такая же, как у соответствующих словоформ другой парадигмы. Предположим, что в основе интуитивного представления об однотипности двух парадигм по ударению лежит одинаковый характер сдвигов ударения (в указанном здесь смысле). Это предположение позволяет объяснить некоторые факты, которых предшествующее предположение объяснить не могло, а именно — интуитивную однотипность таких слов, как *спор*, *анализ*, *чемпионат*, а также таких, как *вина*, *глубина*, *величина*. Однако в целом это предположение также не подтверждается. В самом деле, например, интуитивно однотипные слова *сорт*, *гброд*, *кблокол* не удовлетворяют сформулированному выше условию. Напротив, интуитивно неоднотипные (по ударению) слова *довёсок* и *кусок* ему удовлетворяют (поскольку вообще любые два слова, удовлетворявшие прежнему условию, удовлетворяют и данному). Таким образом, и в этом случае предложенное условие не является ни необходимым, ни достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению.

Итак, «прямолинейные» способы учета ударения не приводят к успеху и даже не дают оснований решительно предпочесть какой-либо из двух возможных принципов учета.

Анализ фактов, противоречащих обоим выдвинутым выше предположениям (*сорт—гброд—кблокол*, *довёсок—кусок*), приводит к мысли, что для интуитивных оценок существен прежде всего не подсчет слогов, а выбор между ударением на основе и ударением на окончании. Так, слова *сорт*, *гброд*, *кблокол* сходны в том, что у них во всем единственном числе ударение на основе, а во всем множественном числе — на окончаниях, и мы видим, что эти слова воспринимаются как однотипные по ударению, хотя оно и сдвигается здесь на разное число слогов. Напротив, слова *довёсок* и *кусок* в этом смысле различаются (у первого ударение всегда на основе, у второго во всех словоформах с ненулевым окончанием — на окончании), и мы видим, что они воспринимаются как разнотипные по ударению.

Таким образом, описывая ударение в парадигме, необходимо прежде всего учитывать, на каком из двух главных морфологических компонентов — основе или окончании — находится ударение в каждой словоформе парадигмы. (Легко видеть, что такой способ учета ударения отражает первый из рассмотренных выше принципов.) Иначе говоря, мы предполагаем, что две парадигмы могут удовлетворять интуитивному представлению об одинаковости склонения только в том случае, если в каждой паре соответ-

ствующих друг другу словоформ этих парадигм ударение падает на один и тот же компонент (основу или окончание). Примеров, явно противоречащих этому предположению, мы не обнаружили.

Было бы, однако, неправильно предполагать, что указанное условие является не только необходимым, но и достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению. Так, например, следующие пары слов, удовлетворяющие этому условию, воспринимаются как разнотипные по ударению: *правило* (мн. *правила*)—*озеро* (мн. *озёра*); *брус* (мн. *брусья*)—*колбос* (мн. *колбсыя*); *южанин* (мн. *южәне*)—*славянин* (мн. *славяне*); *славянин* (мн. *славяне*)—*гражданин* (мн. *граждане*); *гора* (И. мн. *горы*, Р. мн. *гор*)—*голова* (И. мн. *головы*, Р. мн. *голове*); *письмо* (Р. мн. *писем*)—*кольцо* (Р. мн. *колец*); *шахматы* (Р. *шахмат*)—*хлопоты* (Р. *хлопот*); *берег* (Р. ед. *берега*)—*перёд* (Р. ед. *пéреда*); *чехол* (Р. ед. *чехла́*)—*угол* (Р. ед. *угла́*). Как показывает наблюдение, во всех этих случаях различие между двумя сравниваемыми парадигмами состоит в том, что в некоторых парах соответствующих друг другу словоформ этих парадигм ударение по-разному расположено внутри основы. Наиболее адекватным способом учета этих различий оказывается сравнение места ударения в каждой словоформе, имеющей ударение на основе, с местом ударения в исходной словоформе. (Тем самым здесь применяется второй возможный принцип учета ударения.) В результате такого сравнения устанавливаем, например, что словоформа *правила* имеет «нулевой» сдвиг ударения (ср. исходную словоформу *правило*), а словоформа *озёра* — сдвиг на один слог вправо (ср. *озеро*); что словоформа *горы* имеет сдвиг на один слог влево (ср. *гора́*), а словоформа *головы* — на два слога влево (ср. *голова́*) и т. д.¹¹ Точные правила определения этих сдвигов даются ниже (в целях общности эти правила строятся так, что ими обрабатываются все словоформы парадигмы, а не только словоформы с ударением на основе). Мы предполагаем, что две парадигмы могут удовлетворять интуитивному представлению об одинаковости склонения только в том случае, если в каждой паре соответствующих друг другу словоформ этих парадигм сдвиг ударения (определённый по данным правилам) одинаков. Примеров, противоречащих этому предположению, не обнаружено.

Выдвинутое условие, как и предыдущее, не является, правда, достаточным для того, чтобы две парадигмы воспринимались как однотипные по ударению. Так, например, явно неоднотипные по ударению слова *спор*, *стол*, *сорт*, *волк* удовлетворяют этому условию. Для нас существенно, однако, что оба этих условия вместе, по-видимому, уже достаточны для данной цели. Действи-

¹¹ Особый случай составляет лишь последний пример (*чехол*—*угол*). Здесь указанный прием не даст желаемого результата; вместо этого придется оценивать положение ударения в исходной словоформе по отношению к ее конечному слогу.

тельно, не удастся найти таких двух слов, которые удовлетворяли бы обоим этим условиям одновременно и все же воспринимались бы как разнотипные по ударению.

Итак, принимаемый способ учета ударения в парадигме опирается одновременно на оба рассмотренных выше принципа и состоит в том, что каждая словоформа парадигмы оценивается с двух независимых точек зрения: 1) на какой компонент — основу или окончание — падает ударение в этой словоформе; 2) каков в этой словоформе так называемый сдвиг ударения (подразумевается: «по отношению к некоторой условной точке этой словоформы»).

Признак «сдвиг ударения» может принимать целые числовые значения от -3 до $+2$ (минус означает сдвиг влево, плюс — сдвиг вправо, цифры — число слогов). Значение этого признака приписывается словоформе по следующим правилам:

1. Если ударение на окончании — значение 0.

2. Если ударение на основе, то:

а) в неисходной словоформе — значение, равное разности между номером ударного слога (по счету от начала) в этой словоформе и номером ударного слога в исходной словоформе;

б) в исходной словоформе: если в парадигме все окончания, содержащие гласные, ударны — значение, равное разности между номером ударного слога в этой словоформе и числом ее слогов; в прочих случаях — значение 0.

Примеры: *величина* 0, *числом* 0; *правила* 0, *озера* $+1$; *брусья* 0, *колбья* $+1$; *южане* 0, *славяне* -1 , *граждане* -2 ; *горы* -1 , *глобы* -2 , *сквороды* -3 ; *гор* -1 , *голуб* -1 , *сковорбд* -1 ; *писем* -1 , *колéц* 0; *шахмат* 0, *хлопéт* $+1$; *бéрег* 0, *бéрега* 0, *перёд* 0, *пéреда* -1 ; *чехóл* 0, *угол* -1 .

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковое распределение ударения, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие ударение на одном и том же компоненте (основе или окончании). Например, одинаковое распределение ударения имеют парадигмы слов *тигр* и *рыба*, *вещество* и *конура́*, *правило* и *озеро*, *рука́* и *голова́*, *кисть* и *дбля́*, *живо́й* и *тупо́й*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковое распределение сдвигов ударения, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одно и то же значение признака «сдвиг ударения». Например, одинаковое распределение сдвигов ударения имеют парадигмы слов *тигр* и *рыба*, *вещество* и *конура́*, *спор* и *стол*, *довéсок* и *кусо́к*, *кисть* и *дбля́*, *живо́й* и *тупо́й*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства одинаковы акцентуированы, если

они имеют одинаковое распределение ударения и одинаковое распределение сдвигов ударения.

Например, одинаково акцентуированы парадигмы слов *тигр* и *рыба*, *вещество* и *конура*, *кисть* и *дбля*, *живой* и *тупой*.

Определение эквивалентности двух парадигм

§ 5. 6. Две парадигмы называются эквивалентными, если они 1) имеют одинаковое внутреннее устройство, 2) имеют одинаковый набор окончаний, 3) имеют подобные наборы основ и 4) одинаково акцентуированы. Например, эквивалентны парадигмы слов *стол* и *топёр*, *спор* и *чемпионат*, *гусёнок* и *козлёнок*, *голова* и *борода*, *свинья* и *судья*, *наш* и *ваш*, *такой* и *городской*, *живой* и *тупой*. Напротив, не эквивалентны, например, парадигмы слов *часовой* (существительное) и *часовой* (прилагательное) (неодинаковое внутреннее устройство парадигмы); *дар* и *сорт* (неодинаковые наборы окончаний, ср. *дары* и *сорта*); *стол* и *чехол* (неподобные наборы основ, ср. *столы* и *чехлы*); *беда* и *спина* (неодинаковая акцентуация, ср. *беду* и *спину*).

Отношение эквивалентности между парадигмами, вводимое данным определением, обладает свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности (см. § 5. 1, сн. 1). Это значит, что оно определяет разбиение всего множества парадигм на непересекающиеся классы эквивалентных между собой парадигм. Совокупность всех эквивалентных между собой парадигм мы будем называть элементарным классом парадигм.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ ПО СПОСОБУ ВНЕШНЕГО ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

РАЗДЕЛ I

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Требование достаточной детальности классификации

§ 6.1. Понятие эквивалентности двух парадигм, выработанное в предшествующей главе, дает возможность продолжить классификацию именных парадигм, начатую в гл. 3¹, а именно, перейти к классификации парадигм по способу внешнего выражения грамматических противопоставлений.

Как указано в § 0.3, в настоящей работе принята классификация универсального типа, т. е. такая, при которой каждой парадигме приписано некоторое значение каждого различительного признака, участвующего в классификации. Назовем *полной характеристикой* некоторой парадигмы запись, показывающую, какое значение принимает у этой парадигмы каждый из участвующих в классификации различительных признаков.

Основное формальное требование, которое предъявляется к строящейся ниже классификации, состоит в следующем: любые две неэквивалентные парадигмы должны иметь разные полные характеристики. Мы будем называть его далее требованием *достаточной детальности* классификации. С содержательной точки зрения это требование можно пояснить так: классификация должна быть достаточно детально для того, чтобы с ее помощью можно было для каждой пары неэквивалентных парадигм указать, какие именно различия между этими парадигмами являются причиной их неэквивалентности. Очевидно, что если выполнено требование достаточной детальности, то совокупность всех парадигм с одинаковой полной характеристикой всегда образует подкласс некоторого элементарного класса парадигм (в частном случае она равна некоторому элементарному классу). В связи с этим мы будем далее называть совокупность всех пара-

¹ Для той части классификации, которая дана в гл. 3, понятие эквивалентности двух парадигм еще не требуется.

дигм с одинаковой полной характеристикой элементарным подклассом парадигм.

Следует ли требовать также и обратного соотношения, т. е. того, чтобы любые две эквивалентные парадигмы имели одинаковые полные характеристики (иначе говоря, чтобы всякий элементарный класс совпадал с некоторым элементарным подклассом)? Опыт показывает, что соблюдение этого требования в некоторых случаях затруднило бы классификацию и даже привело бы к затемнению действительных отношений между парадигмами. Дело в том, что одно и то же по своей природе различие между парадигмами может в одних случаях служить причиной неэквивалентности парадигм, а в других по каким-либо посторонним причинам оставаться как бы скрытым. Так, например, парадигмы *бок* и *борт* различаются между собой явно тем же, чем парадигмы *ток* (электрический) и *торт*; однако парадигмы *ток* и *торт* неэквивалентны (ср. И. мн. *тбки* и *тбрты*), а парадигмы *бок* и *борт* — эквивалентны (поскольку в И. мн. выступает окончание *-а*, перед которым различие конечных согласных основы никак не проявляется: *бокá*, *бортá*). В подобных случаях естественно приписать парадигмам разные полные характеристики, несмотря на их эквивалентность, т. е. допустить избыточную детальность классификации. Практически в нашей классификации избыточная детальность невелика: подавляющее большинство элементарных классов состоит из одного элементарного подкласса.

Общая схема описания отдельного различительного признака

§ 6.2. Все различительные признаки, участвующие в классификации именных парадигм (включая те, которые уже введены в главе 3), описываются в настоящей работе по единой схеме, а именно, о различительном признаке даются следующие сведения.

1. *Полный список возможных значений различительного признака.* Одно из значений может быть названо нулевым (и, соответственно, занумеровано нулем). Это делается в тех случаях, когда данное значение представляет собой своего рода норму, характерную для большинства парадигм, а все остальные («ненулевые») значения — отклонение от этой нормы.

2. *Указания о том, каким образом произвольной полностью известной парадигме приписывается значение данного различительного признака.* Чаще всего такие указания содержатся в неявном виде в самой формулировке значений различительного признака. (В ряде случаев однозначность этих формулировок достигается введением одного или нескольких предварительных операционных определений; ср. § 6.15, 6.23—6.26.)

В меньшинстве случаев указания такого рода даются в виде явно сформулированных правил (ср. § 6.7, 6.9, 6.27).

3. *Указания, позволяющие установить, какое значение принимает данный признак у произвольной парадигмы, по некоторой ограниченной информации об этой парадигме* (в минимальном случае — по одной лишь ее исходной словоформе). В тех случаях, когда такие указания сравнительно просты (например, сводятся к спискам слов), они даются непосредственно при перечислении значений различительного признака. В более сложных случаях они выделяются в самостоятельные правила. Перед такими правилами обязательно указывается, какова используемая исходная информация о парадигме. Эта исходная информация может состоять только из формальных характеристик слова (как правило это либо некоторые внешние особенности исходной словоформы, либо значения других признаков, используемых в нашей классификации). Тем самым исключается обращение к семантическим, словообразовательным, этимологическим и т. п. характеристикам слова (сведения, связанные с такими характеристиками, могут быть даны в замечаниях или в сносках). Подобные неформальные характеристики могут, однако, учитываться при группировке слов в тех или иных списках. В самом деле, например, может оказаться удобным разделить список исключений из некоторого правила на семантические группы: это позволит видеть, что часть отклонений от правила фактически определяется значением слова. В то же время с формальной точки зрения это отнюдь не значит, что для выполнения правила необходимо обращаться к значению, поскольку состав каждой из выделенных семантических групп тут же полностью перечисляется. На таких же основаниях допускается обращение к формальным характеристикам, не указанным в числе необходимых исходных сведений о парадигме. Любой список слов может быть заменен отсылкой к некоторому другому месту книги (в том числе находящемуся ниже), где этот список содержится.

Специально отметим, что в качестве исходной информации о парадигме могут использоваться значения различительных признаков, рассматриваемых лишь позднее. Вообще в настоящей работе не предполагается, что правила установления значений отдельных различительных признаков должны применяться в том порядке, в котором рассматриваются сами эти признаки. Порядок, в котором эти правила должны применяться для получения полной характеристики парадигмы, специально указывается в § 7.2. Разумеется, было бы все же желательно избежать подобного «забегания вперед»; оказывается, однако, что при таком порядке изложения, когда каждому различительному признаку посвящен единый связный раздел, полностью избежать этого нельзя ни при какой последовательности различительных признаков.

Следует обратить внимание на то, что описанные здесь правила установления значений некоторого различительного признака и правила приписывания значений, о которых сказано выше, в пункте 2, внешне могут быть отчасти сходны (ср., например, § 6.9 и 6.10). Тем не менее по своей функции они совершенно различны: правила приписывания значений служат лишь для того, чтобы сообщить читателю, как именно производилась классификация; правила установления значений представляют собой уже часть процедуры синтеза парадигм.

4. *Статистические сведения* (факультативно). Это сведения о численности классов парадигм, образуемых при разбиении всего исходного материала по рассматриваемому признаку. При этом может быть учтено также деление парадигм по каким-либо другим признакам, имеющим отношение к данному. Статистические сведения могут быть даны непосредственно в тексте или в виде таблиц. В отдельной клетке таблицы помещается слово-образец, принадлежащее соответствующей группе слов (изредка дается более одного образца). При нем в квадратных скобках указывается численность этой группы². Если, однако, состав группы исчерпывается приведенным образцом (или образцами), в квадратные скобки заключаются сами эти образцы, а численность группы не указывается. До 20 число парадигм, входящих в группу, указывается точно; выше 20 оно как правило округляется (от 20 до 100 — в пределах 5, от 100 до 1000 в пределах 20, выше 1000 — в пределах 50). Кроме того, для наглядности численность группы символизируется шрифтом слова-образца, а именно:

строчной светлый, например,	житьё	— до 10 парадигм
строчной полужирный, например,	область	— от 11 до 100 парадигм
прописной светлый, например,	ЖИТЕЛЬ	— от 101 до 1000 парадигм
прописной полужирный, например,	КАРТА	— свыше 1000 парадигм.

Все подсчеты произведены строго в пределах исходного материала. Специально подчеркнем, что всякое слово с колебаниями учитывается в этих подсчетах столько раз, на сколько вариантов «расщеплена», в соответствии с § 4.3, его парадигма. Иначе говоря, единицей подсчета является не лексема, а вариант парадигмы, не имеющий индивидуальных колебаний (см. § 4.3).

В таблицах могут быть даны также образцы слов, не входящих в исходный материал. Они заключаются в угловые скобки, например: <Попóв>. Количественных характеристик при таких образцах не дается. Образец в угловых скобках может быть дан как в клетке, где нет обычного образца, так и наряду с обычным образцом (см., например, таблицу в § 6.28).

Примечание. При необходимости получить какие-либо дополнительные сведения о численности тех или иных группировок именных парадигм следует обращаться непосредственно к «Приложению».

² В редких случаях, когда образцы вообще не приводятся, численность групп указывается без скобок.

5. *Комментарии* (факультативно). В комментариях указываются содержательные мотивы наиболее важных формальных решений, принятых в соответствующем разделе.

Первичные и вторичные словоформы

§ 6.3. Введем некоторые вспомогательные понятия, необходимые для последующей классификации парадигм.

Назовем *вторичной*:

- 1) всякую словоформу 2-го родительного падежа;
- 2) всякую словоформу 2-го предложного падежа;
- 3) всякую счетную словоформу;
- 4) всякую припредложную словоформу, кроме словоформ предложного падежа;
- 5) всякую словоформу предложного падежа слов *он, она, оно, они, некого, нечего, никто, ничто, никак-б, никто-б, ничей*;
- 6) всякую словоформу винительного падежа (кроме словоформы её слова *она*), омонимичную соответствующей³ словоформе именительного или родительного падежа;
- 7) всякую словоформу единственного числа (кроме словоформ неизменяемых слов), омонимичную соответствующей⁴ словоформе множественного числа.

Замечание. На основании пункта 6 вторичными оказываются, в частности, все словоформы винительного падежа множественного числа.

Всякую полную словоформу именной парадигмы назовем *первичной*⁵.

Суженная парадигма

§ 6.4. Назовем совокупность всех первичных словоформ некоторого слова *суженной парадигмой* этого слова. В тех случаях, когда необходимо противопоставить суженную парадигму и парадигму в обычном смысле, последняя может быть названа *полной*.

Суженная парадигма любого слова представляет собой объект, устроенный с принципиальной точки зрения так же, как и обычная (полная) парадигма, а именно, она состоит из некоторого числа клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое словоизменительное грамматическое значение и содержит одну или несколько словоформ. Это значит, что к суженным парадигмам применимы определения и операции, введенные выше для полных парадигм. В частности, две суженные парадигмы

³ Т. е. такой словоформе той же парадигмы, грамматическое значение которой отличается от грамматического значения данной словоформы только падежом.

⁴ Т. е. такой словоформе той же парадигмы, грамматическое значение которой отличается от грамматического значения данной словоформы только числом.

⁵ Относительно названий «первичные» и «вторичные» см. § 6.50.

могут иметь одинаковое или различное внутреннее устройство, одинаковый или неодинаковый набор окончаний, подобные или неподобные наборы основ, могут быть одинаково или неодинаково акцентуированы, наконец, в целом могут быть эквивалентными или неэквивалентными.

Заметим, что эквивалентными могут оказаться суженные парадигмы двух слов, полные парадигмы которых неэквивалентны. Такие пары образуют, например, слова *кбшка* и *лбжка*, *мышь* и *ночь*, *горб* и *герб*; дело в том, что словоформы, являющиеся здесь причиной неэквивалентности полных парадигм (а именно, В. мн. *кбшек* и *лбжки*, *мышей* и *ночи*, П₂ ед. *мышьи* и *ночи*, *горбу* и *гербе*), не входят в соответствующие суженные парадигмы.

Эталон, позволяющий сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства

§ 6.5. По самому смыслу введенных выше определений одинаковости набора окончаний, подобия наборов основ и одинаковой акцентуации, классифицировать по этим признакам можно только парадигмы одинакового внутреннего устройства. Но в этом случае нельзя осуществить сформулированный в § 0.3 принцип универсальности различительных признаков парадигм. Следовательно, необходимо найти способ сравнивать парадигмы разного устройства по окончаниям, основе и ударению.

Основная трудность при сравнении двух парадигм разного внутреннего устройства состоит в том, что неизвестно, каким образом соответствуют друг другу их словоформы. Возьмем, например, парадигмы слов *пбчсть* и *двенáдцать*. Сходство парадигмы слова *двенáдцать* с ед. числом парадигмы слова *пбчсть* очевидно. Однако с формальной точки зрения здесь имеется следующее препятствие для прямого сравнения: словоизменительные грамматические значения словоформ слова *пбчсть* состоят из грамем числа и падежа (например, И. ед., Т. мн.), тогда как словоизменительные грамматические значения словоформы слова *двенáдцать* состоят только из грамем падежа (например, И., Т.). Поэтому, даже если условиться, что сравниваемые словоформы должны стоять в одном и том же падеже, все же остается неизвестным, следует ли сравнивать, например, словоформе *двенáдцатью* со словоформой Т. ед. *пбчстью* или Т. мн. *пбчстями*.

Чтобы преодолеть эту основную трудность, необходимо условиться о том, каким образом словоформы из парадигм разного внутреннего устройства соответствуют друг другу. Практически нам потребуется устанавливать соответствия только между первичными словоформами (поскольку вторичные словоформы отражаются при классификации различительными признаками особого строения, см. § 6.50). Предлагаемый ниже способ установления такого соответствия основан на соотнесении каждой

Эталон

		Согласовательные классы						
		1 (муж. неод.)	2 (муж. одуш.)	3 (жен. неод.)	4 (жен. одуш.)	5 (сред. неод.)	6 (сред. одуш.)	7 (парн. неод.)
Ед. число	Неатрибутивные формы							
	Атрибутивные формы	И.						
		В.						
		Р.						
		П.						
		Т.						
Мн. число	Неатрибутивные формы							
	Атрибутивные формы	И.						
		В.						
		Р.						
		П.						
		Т.						

первичной словоформы каждой именной парадигмы с некоторым единым эталоном (см. стр. 135). Эталон представляет собой набор клеток, каждая из которых имеет свое обозначение. (Вообще говоря, таким обозначением может служить просто номер; практически клетки эталона обозначены определенными грамматическими значениями.) Даются правила, позволяющие установить для любой первичной словоформы любой именной парадигмы, какой клетке эталона она соответствует. Две словоформы из парадигм разного внутреннего устройства⁶ считаются соответствующими друг другу, если и только если они соответствуют одной и той же клетке эталона. Таким образом, эталон служит посредником между парадигмами разного внутреннего устройства.

Эталон состоит из 98 клеток — по числу словоизменительных грамматических значений, представленных у первичных словоформ (а также у вторичных словоформ ед. ч. 7-го класса и В. мн.) парадигмы расширенного адъективного разряда. Эти грамматические значения и служат обозначениями (или, как мы будем говорить ниже, названиями) его клеток. При этом граммему «атрибутивность» в названиях клеток эталона условимся опускать, поскольку она однозначно предсказывается наличием грамем падежа. В соответствии с § 2.10, символ «П.» обозначает «предложный припредложный», остальные символы падежей — соответствующие самостоятельные формы. Заметим, что порядок падежей в эталоне нетрадиционный; такой порядок более удобен для описания наборов окончаний и ударения.

Соотнесение первичных словоформ с эталоном

§ 6.6. Рассмотрим теперь, как устанавливаются соответствия первичных словоформ именных парадигм с клетками эталона. Представим соотнесение первичной словоформы с некоторой клеткой эталона как наложение ее на эту клетку; будем говорить, что она «покрывает» эту клетку эталона. Всякая суженная парадигма покрывает, таким образом, либо весь эталон, либо некоторую его часть.

Основное требование, которое должно соблюдаться при соотнесении некоторой первичной словоформы F с эталоном, состоит в следующем: все грамемы, образующие словоизменительное грамматическое значение словоформы F , должны содержаться

⁶ Можно было бы сделать это определение более общим, распространив его на любые две различные парадигмы (а не только на парадигмы разного внутреннего устройства). Однако определенное таким образом соответствие между первичными словоформами из парадигм одинакового внутреннего устройства на практике не потребовалось бы, поскольку для этой цели уже используется более простое понятие одноименности. (Заметим, что критерии одноименности и соответствия через эталон, вообще говоря, могут дать разные результаты.)

в названии покрываемой ею клетки эталона ⁷. В соответствии с этим требованием, например, словоформа *пóбчествью* (словоизменительное грамматическое значение «Т. ед.») может покрывать клетку «Т. ед. жен. неод.» или «Т. ед. муж. одуш.» и т. д., но не клетку «И. ед.» или «Т. мн.» (какого угодно согласовательного класса); словоформа *двенáдцатью* (словоизменительное грамматическое значение «Т.») может покрывать любую клетку творительного падежа, но никаких других.

Очевидно, что это основное требование обеспечивает однозначное соотнесение с эталоном только для первичных словоформ прилагательных; для первичных словоформ прочих слов остается несколько возможностей: ср. приведенные выше примеры. Для достижения однозначности при соотнесении с эталоном любой первичной словоформы любой именной парадигмы вводятся два вспомогательных различительных признака парадигм: 1) морфологическое число; 2) морфологический класс.

Различительный признак: «морфологическое число»

§ 6.7. Эталон состоит из двух половин (верхней и нижней), соответствующих единственному и множественному числам. Различительный признак «морфологическое число» показывает, с клетками какой из этих половин эталона соотносятся первичные словоформы взятой парадигмы. Он может принимать следующие значения:

0. «Фиксированного морфологического числа парадигма не имеет»: не все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками одной и той же половины эталона. (Это же значение получают парадигмы с дефектами № 5, 6, 7, 11, 12.)

1. «Единственное морфологическое число»: все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками той половины эталона, которая соответствует единственному числу.

2. «Множественное морфологическое число»: все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками той половины эталона, которая соответствует множественному числу.

Правила, позволяющие приписать полностью известной парадигме значение признака «морфологическое число»

I. Прилагательные и существительные имеют нулевое значение данного признака.

II. У слов бесчисловых разрядов одна из словоформ берется в качестве контрольной, а именно: в согласуемо-бесчисловом разряде — словоформа Д. падежа 2-го согласоват. класса, в несогласуемо-бесчисловом разряде — словоформа Д. падежа. Если эта словоформа оканчивается на *м* — морфологическое число множественное; если она оканчивается иначе (а также если она отсутствует) — морфологическое число единственное.

⁷ В соответствии со сказанным выше, в названиях клеток эталона, содержащих грамему падежа, считается присутствующей также грамма «атрибутивность».

Примеры: *новый, этот, стены, ночь* — фиксированного морфологического числа нет (нулевое значение); *три, пятьсот, столько, мы* — множественное морфологическое число (ср. *трём, пятистам, стольком, нам*); *пять, сто, полтора, я, ты* — единственное морфологическое число (ср. *пяти, ста, полтора, мне, тебе*).

§ 6.8. Приведенные правила исходят из того, что взятая парадигма полностью известна (ср. § 6.2, пункт 2); с логической точки зрения они представляют собой просто определения терминов «единственное морфологическое число» и «множественное морфологическое число» (а также выражения «фиксированного морфологического числа нет»).

В соответствии с § 6.2 (пункт 3), помимо таких правил необходимы также правила иного логического строения, а именно, правила, позволяющие установить морфологическое число произвольной парадигмы на основании ее исходной словоформы и минимального количества дополнительных сведений. Такие правила приводятся ниже. В качестве дополнительной информации о парадигме они используют только грамматический разряд.

**Правила, позволяющие установить
(по минимальной информации о парадигме)
значение признака «морфологическое число»**

I. Прилагательные и существительные имеют нулевое значение данного признака.

II. Из слов бесчисловых разрядов: слова *я, ты, он, она, оно, себя, друг друга, кто, что, никто, ничто, некто, нечто, некого, нечего, каждый, любой, всё, многое, немногое, всякое, прочее, остальные, мало, немало, пол* (половина), *один* (числительное), *полтора, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сбор, девяносто, сто, полтора, тысяча* (числительное) и все слова на *дцать* и *десять* — единственного морфологического числа;

слова *мы, вы, они, все, некоторые, многие, немногие, оба, два, три, четыре, двести, триста, четыреста, две, три, столько, сколько, несколько, много, немного* и все слова на *сот* и *еро* — множественного морфологического числа.

Различительный признак «морфологический класс»

§ 6.9. Эталон состоит из семи частей, соответствующих согласовательным классам; каждую из этих частей можно назвать столбцом эталона. Различительный признак «морфологический класс» показывает, с клетками какого из столбцов эталона соотносятся первичные словоформы взятой парадигмы. Он может принимать следующие значения:

0. «Фиксированного морфологического класса парадигма не имеет»: не все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками одного и того же столбца эталона.

Кроме того, имеется шесть ненулевых значений следующего общего вида: «морфологический класс . . .» (следует номер от 1 до 6) — все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками того столбца эталона, который соответствует согласовательному классу с тем же номером.

Замечание. Как показывает опыт описания, вводить значение «морфологический класс 7» нет необходимости.

Рассматриваемый различительный признак может быть представлен также как результат объединения двух самостоятельных различительных признаков, а именно:

а) признак «морфологический род», принимающий следующие значения: нулевое («фиксированного морфологического рода нет») и ненулевые — мужской, женский и средний морфологические роды;

б) признак «морфологическая одушевленность—неодушевленность», принимающий следующие значения: нулевое («морфологическая одушевленность—неодушевленность не фиксирована») и ненулевые — морфологическая одушевленность и морфологическая неодушевленность.

Значения этих признаков соотносятся со значениями признака «морфологический класс» следующим образом (прочерк показывает, что соответствующая комбинация значений невозможна):

Морф. одушевленность—неодушевленность	Морфологический род			
	мужской	женский	средний	не фиксирован
Морф. неодушевленность	морф. класс 1	морф. класс 3	морф. класс 5	—
Морф. одушевленность	морф. класс 2	морф. класс 4	морф. класс 6	—
Не фиксирована	—	—	—	морф. класс не фиксирован

Замечание. Как можно видеть, отношения между тремя рассматриваемыми признаками аналогичны отношениям между грамматическими категориями согласовательного класса, рода и одушевленности—неодушевленности (см. § 2.17).

Правила, позволяющие приписать полностью известной парадигме значение признака «морфологический класс»⁸

1. Прилагательные и слова согласуемо-бесчислового разряда имеют нулевое значение данного признака.

⁸ В этих правилах, естественно, могут быть использованы сведения, которые для любой полностью известной парадигмы устанавливаются по данным ранее правилам, в частности, разделение любой словоформы на основу и окончание (§ 4.4), деление словоформ на первичные и вторичные (§ 6.3), морф. число (§ 6.7).

II. У существительных и слов несогласуемо-бесчислового разряда морфологический класс возникает как совокупность отдельно приписываемых значений признака «морфологический род» и признака «морфологическая одушевленность — неодушевленность».

Морфологический род приписывается существительным и словам несогласуемо-бесчислового разряда по следующим правилам:

1. Слова *огнь, пламень, пол* (половина), *друг друга* — мужского морф. рода; слова *я, ты, себя* — женского морф. рода; слова *дитя, поросё, полтора́ста, сот* (сотен) — среднего морф. рода. Для прочих слов — перейти к 2.

2. Если все словоформы парадигмы одинаковы — морф. род средний. Если это не так, то: для существительных, не имеющих первичных словоформ ед. числа, и для слов множественного морф. числа — перейти к 3; для прочих слов — перейти к 4.

3. Если окончание Р. мн. (у бесчисловых — Р.)⁹ содержит гласную — морф. род мужской. Если это не так, то: у слов с окончанием И. мн. (у бесчисловых — И.) -а или -я морф. род средний, у прочих слов морф. род женский.

4. У слов на *о, е, ё, мя* и *еёя* морф. род средний.

У слов на *а, я* (кроме слов на *мя, еёя* и *и́цяя*) морф. род женский.

У слов на *ь*: если Т. ед. (у бесчисловых — Т.) оканчивается на *и* — морф. род мужской; в прочих случаях морфологический род женский.

У всех прочих слов морф. род мужской.

Значение признака «морфологическая одушевленность — неодушевленность» приписывается существительным и словам несогласуемо-бесчислового разряда по следующим правилам:

Если все словоформы парадигмы одинаковы — слово морфологически неодушевленное.

В прочих случаях: если словоформа В. мн. (у бесчисловых — В.) омонимична словоформе Р. мн. (у бесчисловых — Р.) — слово морфологически одушевленное; если не омонимична (или если хотя бы одна из этих словоформ отсутствует) — слово морфологически неодушевленное.

Примеры: *новый, этот, один, два* — фиксированного морфологического класса нет (нулевое значение); *стал, дождь, бой, анналы, джунгли, щи, сборок* — морф. класс 1; *слон, муравей, вожатый, он* — морф. класс 2; *стенá, ночь, столбая, и́жницы, двадцать* — морф. класс 3; *сестра, мышь, сиротá, судья, мальчишка, я, себя* — морф. класс 4; *окно, имя, домишко, домике, ворота, сто, триста, что, шоссе* — морф. класс 5; *лицо, животное, подмастерье, волчице, оно* — морф. класс 6.

§ 6.10. Аналогично правилам приписывания морфологического числа, приведенные правила, исходящие из того, что парадигма полностью известна, по существу представляют собой просто определения терминов «морфологический класс 1», «морфологический класс 2» и т. д. Так же, как и в случае с морфологическим числом, здесь необходимы, кроме того, правила, позволяющие установить морфологический класс произвольной парадигмы на основании ее исходной словоформы и минимального количества дополнительных сведений.

При попытке построить такие правила обнаруживается следующее. Морфологический род можно установить с помощью

⁹ Здесь и ниже перед скобками указано грамматическое значение словоформ существительных, а в скобках — грамматическое значение словоформ из парадигм несогласуемо-бесчислового разряда.

формальных правил (правда, довольно сложных), опирающихся, помимо исходной словоформы, на сведения о грамматическом разряде и о том, является ли слово неизменяемым и относится ли к *pluralia tantum*. Иначе обстоит дело с признаком «морфологическая одушевленность—неодушевленность» (у существительных). У значительного большинства существительных не удается обнаружить никаких зависимостей между этим признаком и какими-либо иными внешними признаками парадигмы¹⁰. Очевидной и регулярной связью этот признак связан только со значением слова: слова, обозначающие одушевленные предметы, являются также морфологически одушевленными, слова, обозначающие неодушевленные предметы, — морфологически неодушевленными (почти без отклонений)¹¹. Однако, как указано в § 6.2, мы не можем обращаться к значению при составлении формальных правил. Разумеется, при строго ограниченном объеме материала всегда возможно составить полный список, например, морфологически одушевленных существительных, входящих в этот объем. Далее можно построить формальное правило установления морфологической одушевленности—неодушевленности, включающее этот список. Очевидно, однако, что такое решение не представляет практической ценности, поскольку, во-первых, само это правило будет безмерно громоздким, во-вторых, за пределами первоначального объема материала оно окажется совершенно бесполезным. Таким образом, в условиях, когда к значению слова обращаться нельзя, мы вынуждены считать морфологическую одушевленность—неодушевленность характеристикой существительного, невыводимой (в общем случае) ни из каких других его характеристик.

Ниже приводятся правила установления морфологического класса произвольного слова, опирающиеся на следующие сведения об этом слове: 1) исходная словоформа (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд парадигмы; 3) сведение о том, относится ли слово к числу неизменяемых слов, не имеющих дефектов (для существительных); 4) сведение о том, относится ли слово к числу *pluralia tantum* (для существительных); 5) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных).

¹⁰ Укажем наиболее важные из тех случаев, когда такие зависимости все же обнаруживаются: 1) слова среднего морфологического рода в подавляющем большинстве случаев являются морфологически неодушевленными; исключения составляют лишь несколько небольших групп слов (которые, к сожалению, не удается охарактеризовать формально): а) *лицо* (человек), *дитя*, *детище*, *дитяtko*, *чадо*, *чудовище*, *чудище*, *существо*, *божество* и некоторые другие, б) группа отадективных существительных типа *животное*, *насекомое*, *млекопитающее*, *пресмыкающееся*, в) группа слов мужского рода на *ище* (например, *бычище*) и на *ко* (например, *гнездо*), а также *подмастерье*, *полудурье* (простореч.); 2) *pluralia tantum* (в смысле, указанном в § 2.12) — морфологически неодушевленные.

¹¹ См., в частности, АГ, § 175; относительно словосочетаний типа *пойти в солдаты* см. также выше, § 2.9.

**Правила, позволяющие установить
(по ограниченной информации о парадигме)
значение признака «морфологический класс»**

I. Прилагательные и слова согласуемо-бесчислового разряда имеют нулевое значение данного признака.

II. Слова несогласуемо-бесчислового разряда имеют следующие значения:

пол (половина), *сорок*, *много*, *немного*, *столько*, *сколько*, *несколько* (три последних — в варианте, где В.=И.) — морф. класс 1;

он, *каждый*, *любой*, *друг друга*, *мы*, *вы*, *они*, *все*, *некоторые*, *много*, *немного* — морф. класс 2;

пять, *шесть*, *семь*, *восьмь*, *девять*, *десять*, *двести*, *тысяча* (числительное) и все слова на *дцать*, *десять* и *сот* — морф. класс 3;

я, *ты*, *она*, *себя* — морф. класс 4;

что, *ничто*, *нечто*, *некто*, *нечего*, *мало*, *немало*, *всё*, *много*, *немного*, *всякое*, *прочее*, *остальное*, *десятью*, *сто*, *подорожа*, *триста*, *четыреста* — морф. класс 5;

онб, *кто*, *никто*, *некого* — морф. класс 6.

III. У существительных морфологический класс возникает как совокупность отдельно приписываемых значений признаков «морфологический род» и «морфологическая одушевленность—неодушевленность».

Морфологический род существительных устанавливается по следующим правилам:

1. Непременяемые существительные, не имеющие дефектов, а также слова *сот* (сотен), *дровец*, *щец* — среднего морф. рода. Прочие существительные: для *pluralia tantum* и для слов, перечисленных в пункте 6 параграфа 3.4, — перейти к 2; для прочих слов — перейти к 3.

2. Слова на *е* — мужского морф. рода.

Слова на *а* и *я*: слова на *ья*, на *шея*, а также *бега*, *леся*, *потроха*, *торожа*, *зелены* — мужского морф. рода; прочие слова — среднего морф. рода.

Слова на *ы* и *и* (возможны только мужской и женский морф. роды, поэтому слово «исключенне» означает ниже противоположный из этих морф. родов):

а) Слова на *ы* и *и* — мужского морф. рода. Исключения: *брыльы*, *ножны* (вариант *нбжны*)¹².

б) Слова на безударное *ы*:

Слова на *сы*, *оы*, *уары* и на согласную (или *ь*) + *ты* или + *цы* — мужского морф. рода. Исключения: *балаясы*, *бусы*, *волосы*, *пяльцы*¹³.

Прочие слова на безударное *ы* — женского морф. рода. Исключения: 1) *абразивы*, *анналы*, *авиалёны*, *глазеняны*, *дебаты*, *кадры*, *клавирбды*, *консервы*, *лэры*, *пенаты*, *перуны*, *причиндалы*, *сбты*, *счёты*, *хбры*; 2) *всбды*, *вйборы* (также *довйборы*, *перевйборы*), *огнеупбры*, *переговбры*, *перекбры*, *пересуды*, *прбводы*, *разбды*, *растабры*, *рбды*; также слова на *товары*, *материалы* (например, *промтовары*, *стройматериалы*).

в) Слова на безударное *и*:

Слова на *ки* (кроме слов на безударное *ики*), на *ги*, на *ици* и на *ии* — женского морф. рода. Исключения: 1) *пэстриги*, *прелиминариги*; 2) *огрбдки*, *вйгребки*, *оскрбдки*, *поскрбдки*, *вйскребки*, *овадки*, *последки*, *объедки*, *заморожки*, *вйморожки*, *тблки*, *перетблки*, *кривотблки*, *помылки*, *смылки*, *останки*, *подбнки*, *стишбнки*, *вйгарки*, *вёрки*, *прбски*, *рбспуски*, *начатки*, *ошметки*, *пожйтки*, *очистки*, *подмбстки*, *барашки*, *подблануики*; 3) следующие слова допускают как женский, так и мужской морф. роды¹⁴: *пасевки*,

¹² Для слова *портки* Орф. и Уш. дают Р. *портбк* и *порткбв* (в АО только *порткбв*).

¹³ Для слова *пяльцы* Уш. даёт Р. *пяльцео* (в АО и Орф. — *пялец*).

¹⁴ По данным Уш. (в АО этих слов нет).

отсѣвки, высевки, опѣвки, смѣвки, обжѣмки, вѣжимки, снѣмки, складѣнки, перѣтѣвки, выварки, выжарки, вычески, смѣтки, вымолотки.

Прочие слова на безударное *и* — мужского морф. рода. Исключения: *кѣлики, грабли* (наряду с мужским морф. родом), *пантѣфли; бабуши, ладѣши.*

3. Слова на *о, е, ѣ, мя, еся, а* также *дитѣ, поросѣ* — среднего морф. рода.

Слова на *а* и на *я* (кроме слов на *мя, еся, ися* и слов *дитѣ, поросѣ*) — женского морф. рода.

Прочие слова, кроме слов на *ь*, — мужского морф. рода.

Слова на *ь* (возможны только мужской и женский морф. роды, поэтому слово «исключение» означает ниже противоположный из этих морф. родов):

а) Слова на шипящую *ѣ* — женского морф. рода ¹⁵.

б) Слова на губную согласную (*б, п, в, ф, м*) *ѣ* — женского морф. рода.

Исключения: *зблѣбѣ, червь.*

в) Слова на *т, д, с* или *з ѣ* — женского морф. рода. Исключения ¹⁶:

1) следующие названия лиц мужского пола: *вѣтязь, вождь, госбѣдь, гость, гридь* (член княжеской дружины), *зять, князь, нѣхристь, тать, тесць;*

2) следующие названия животных, рыб и птиц: *гусь, карась, лебедь, лосось, лось, медвѣдь, язь;* 3) *дѣготь, кѣготь, лѣиоть, лѣкоть, лѣмѣть, нѣготь, путь, ять; гвоздь, груздь, дождь, жѣлудь, пѣдруздь; клѣдезь, колѣдезь, пѣнязь, фѣрвь.*

г) Слова на *нь*:

Слова на *ень* — мужского морф. рода. Исключения: 1) *лень, сень, тень* (также *полутень, светотень, обл. стень*); 2) *зблень, зблѣнь, кѣпень, ѳень, пѣчень, плѣсень, прѣзелень, прѣзелень, рѣмень* (обл.: лес у края поля), *стѣпень, тѣмень;* 3) *древѣдѣнь, межѣнь, мизрѣнь, мишѣнь, пядѣнь, сѣжень, сирѣнь, ступѣнь, сухмѣнь, шагрѣнь.*

Прочие слова на *нь* — женского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц мужского пола: *зубнь, дубнь* (должностные лица в старом Китае); 2) следующие названия животных, птиц и рыб: *конь, лись, лунь, бкунь;* 3) название месяца ¹⁷: *июнь;* 4) *огонь* (также устар. *огнь*), *шампунь, шпинь* (шпиль), *финьшампунь, юбнь* и все слова на *линь*.

д) Слова на *ль*:

Односложные слова на *ль* и *ель* и неодносложные слова на *ѣль* — женского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц мужского пола: *волоствѣль, враль, менестрѣль, метрдотѣль, полишинѣль;* 2) следующие названия животных, птиц и насекомых: *журавѣль, кобѣль, коростѣль, свирнѣль, спаниѣль, шмель;* 3) название месяца: *апрѣль;* 4) *гель, сель, хмель; бордѣль, гидрѣль, жавѣль, картѣль, кошѣль, мотѣль, мускатѣль, отѣль, портфѣль, рубѣль, сапропѣль, скарпѣль, туннѣль (тоннѣль), щавѣль.*

¹⁵ Перечислим эти слова: *блажь, молодѣжь, зѣлежь, холостѣжь, ложь, рожь, дрожь, ѣхоть, ѣпряжь, прѣстяжь; печь, речь, збречь, течь, картѣчь, дичь, мѣлочь, щѣлочь, жѣльч, дочь, свѣлочь, бѣстолочь, мочь, нѣмочь, ночь, пѣлочь, полѣночь; гудиль, плѣшь, флѣшь, брѣшь, тишь, вошь, брибиль, рѣскошь, брошь, вѣтошь, пѣтошь, глушь, пѣдпушь, сушь, тушь, рѣтушь, чушь, мышь, фальшь; вець, пѣць, толиць, моцць, нѣмоцць, лѣмоцць.* Данный пункт правил не имеет исключений, поскольку, согласно действующей орфографии, слова мужского (морф.) рода с основой на шипящую пишутся без *ь*, например: *чертѣжь, гри, светоч, клец.* Отметим, что таких слов около 370, т. е. примерно в семь раз больше, чем слов женского (морф.) рода (см. приведенный список).

¹⁶ Относительно группировки слов-исключений по значению или по другим неформальным признакам см. § 6.2, пункт 3.

¹⁷ Вообще в русском языке названия месяцев (любого календаря), оканчивающиеся на согласную или на *ь*, относятся к мужскому морф. роду (и к мужскому роду), например: *январь, февраль, апрель, июнь, жерминьяль, прерьяль, флорѣаль, таваяль.*

Слова на *сь, соль, фоль* — женского морф. рода. Исключения: *недо-росль, парасоль*.

Прочие слова на *ль* — мужского морф. рода. Исключения: 1) односложные: *боль, былль, гиль, гниль, гошь, моль, пыль, свиль, смошь, роль*; 2) неодносложные с ударными приставками: *заваль, небьль, невидаль, нетель, блухоль, бтмель, бттепель, подьмьль, прыбьль, прббель, рбзваль, рбстепель, убьль, удадь, ұсталль*; 3) прочие неодносложные: на *аль* — *падьль, шүшваль*; антиклиналь, *вешеталь, вертикаль, вуаль, газваль* (устар. вариант к *газёлла*), *горизонталь, деталь, диагональ, капитал¹⁸, кефаль, магистраль, мараль* (простореч.), *медаль, мораль, нормаль, пастораль, педаль, перкаль* (наряду с мужским морф. родом), *печаль, пицаль, поталь, синклиналь, скрижаль, спираль, сусаль, централь, эмаль, атуаль*; на безударное *ель* — *гибель, добродетель, каломель, мёбель, обитель, погибель, табель* (о рангах); на *иль* — *ваниль, эпиграфийль, кадрийль, кошениль, москотийль* (устар. вариант к *москатель*); на *оль* — *бандерль, вакуль, гастроль, желтофобль, лакфибль, мовль, трибль, юбль¹⁹*; на *ыль* — *бутыль, черныль*; на *эль* — *дуэль*; на согласную + *ль* — *рокайль²⁰*.

с) Слова на *рь*:

Слова на *урь* и односложные слова на гласную + *рь* — женского морф. рода. Исключения: *ерь, зверь, ларь, царь, хорь, царь, штырь*.

Прочие слова на *рь* — мужского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц женского пола: *матьерь, богоматьерь, праматьерь*; 2) *бездарь, йзгарь, киноарь, пригарь, псалтырь* (наряду с мужским морф. родом), *ўтварь, цифырь*.

Морфологическая одушевленность или неодушевленность существительных, как уже указано выше, считается заданной.

З а м е ч а н и е

Приведенные правила определения морфологического рода в целом верны также для топонимов; процент исключений здесь даже меньше, чем у нарицательных имен. При применении этих правил к совокупности всех топонимов, входящих в Был. (с добавлением слов *Платёи, Помпёи, Сибирь, Турёи*), обнаруживается, что им не подчиняются только следующие группы слов:

1) из числа *pluralia tantum*:

а) к женскому морф. роду относятся топонимы на *иты* (например, *Флорёиты*) и на безударное *сы* (*Миусы, Чаусы, Черкассы, Яссы*) и топонимы *Амираджаны, Абрүццы, Люберцы, Платёи, Помпёи, Ромны, Салёники* (заметьте, что редкий вариант *Салоніки*, принятый, например, в БСЭ², подчиняется общим правилам)²¹.

б) к мужскому морф. роду относятся топонимы *Балханы, Бескіды, Брёды, Бүчманы, Вогёзы, Күмы, Кундрёвы, Нидерланды, Россны, Оайнки, Оайнки, Оайнки, Ясинь* (сюда же название созвездия *Стожырь*), а также топонимы, непосредственно связанные с нарицательными именами мужского морф. рода (*Апатыты, Аўлы, Красные Стрүги, Северные Уёалы, Нёволоки, Палбги, Промысла*);

¹⁸ Дано по Орф.; по Уш. это слово мужского (морф.) рода; в АО нет.

¹⁹ Слово *выухоль* наряду с мужским (морф.) родом иногда допускает женский; см., в частности, указания ССРЛЯ.

²⁰ Дано на основании литературных источников, вопреки Орф. и Уш., дающих это слово как неизменяемое; в АО нет.

²¹ Кроме того, Был. даёт Р. с нулевым окончанием для части топонимов на *ичи*, например *Барановичи, Ляговичи, Сужиничи*, и для топонима *Нижние Серёи*, однако в этих случаях рекомендации Был., по-видимому, должны быть отвергнуты.

2) из числа топонимов на ь:

а) к женскому морф. роду относятся топонимы: *Перль, Оббль, Сибёрь, Суёрь; Ирёнъ, Мезёнъ, Пльаенъ, Ссень, Турёнъ, Тюмёнъ, Усёнъ;*

б) к мужскому морф. роду относятся топонимы на ёль, ёль (кроме *Вель, Гжель, Ла-Рошёлъ, Парабёлъ*), топонимы *Аллах-Юнь, Ильхури-Алинь, Сихотэ-Алинь, Кбрсунь-Шевчénковскый*, а также все китайские топонимы на нь (кроме названий китайских провинций и топонима *Ухань*), например *Тянь-Шань, Тайвань, Тяньцзинь*.

В количественном отношении существительные распределяются по морфологическим классам следующим образом:

	Муж. морф. род	Жен. морф. род	Сред. морф. род	Всего
Морф. неод.	9300	12000	5630	26930 (77,6%)
Морф. одуш.	4750	2900	120	7770 (22,4%)
Всего	14050 (40,5%)	14900 (43%)	5750 (16,5%)	34700 (100%)

Эталонное грамматическое значение

§ 6.11. Теперь уже можно сформулировать общее правило соотнесения первичных словоформ с эталоном. Всякая первичная словоформа *F* некоторой именной парадигмы *A* покрывает клетку эталона, обладающую следующими свойствами:

а) в название этой клетки входят все граммемы, образующие словоизменительное грамматическое значение (грамматическую форму) словоформы *F*;

б) если парадигма *A* имеет ненулевое значение признака «морфологическое число» — в название клетки эталона входит граммема числа, одноименная с морфологическим числом парадигмы *A*;

в) если парадигма *A* имеет ненулевое значение признака «морфологический класс» — в название клетки эталона входит граммема того же по номеру согласовательного класса, что и морфологический класс парадигмы *A*.

Клетка эталона, обладающая этими свойствами, всегда имеется и притом ровно одна. Таким образом, с помощью введенных вспомогательных признаков соотнесение первичных словоформ с эталоном производится однозначно.

Назовем эталонным грамматическим значением первичной словоформы название покрываемой ею клетки эталона. Приведем в качестве примеров несколько словоформ с указанием их словоизменительного грамматического

значения (грамматической формы) и эталонного грамматического значения (при омонимичных словоформах даны индексы):

Словоформа	Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма)	Эталонное грамматическое значение
<i>волк</i>	И. ед.	И. ед. муж. одуш.
<i>юношу</i>	В. ед.	В. ед. жен. одуш.
<i>пбчестью</i>	Т. ед.	Т. ед. жен. неод.
<i>пбчестями</i>	Т. мн.	Т. мн. жен. неод.
<i>нашу₁</i>	В. ед. жен. неод.	В. ед. жен. неод.
<i>нашу₂</i>	В. ед. жен. одуш.	В. ед. жен. одуш.
<i>две₁</i>	И. жен. неод.	И. мн. жен. неод.
<i>две₂</i>	И. жен. одуш.	И. мн. жен. одуш.
<i>две₃</i>	В. жен. неод.	В. мн. жен. неод.
<i>двенáдцатью</i>	Т.	Т. ед. жен. неод.
<i>чемú</i>	Д.	Д. ед. сред. неод.

При сравнении двух парадигм разного устройства соответствующими друг другу считаются словоформы с одинаковыми эталонными грамматическими значениями²². Так, в примере с парадигмами *пбчесть* и *двенáдцать*, предложенном в § 6.5, соответствуют друг другу, в частности, словоформы *пбчестью* и *двенáдцатью* (эталонное грамматическое значение обеих словоформ — Т. ед. жен. неод.), но не словоформы *пбчестями* и *двенáдцатью*. Соответствуют друг другу также словоформы *юношу* и *нашу₂* (см. примеры выше) и т. п.

Комментарии к вспомогательным понятиям, включающим эпитет «морфологический»

§ 6.12. Лингвистический смысл введенной выше серии вспомогательных понятий, включающих эпитет «морфологический», удобнее всего пояснить на примере морфологического рода. Как известно, у подавляющего большинства существительных одного и того же грамматического рода наборы окончаний сходны или просто совпадают. Так, для мужского рода характерны И. ед. с окончанием нуль, -й или -ь, Р. ед. на -а или -я и т. д.; для среднего рода — И. ед. на -о, -ё или -е, Р. ед. на -а или -я и т. д.; для женского рода — И. ед. на -а или -я, Р. ед. на -ы или -и и т. д. (впрочем, здесь достаточно широко представлен также другой набор окончаний — с И. ед. на -ь, Р. ед. на -и и т. д.). Таким образом, каждому грамматическому роду соответствует своя морфологическая характеристика — определенный тип набора окончаний (или несколько таких типов). Это соответствие достаточно устойчиво, однако в некоторых случаях оно все же мо-

²² Заметим, что таких словоформ может и не оказаться.

жет нарушаться: например, морфологические характеристики слов *мужчина*, *подмастерье* не соответствуют их роду. Очевидно, таким образом, что рассматриваемую морфологическую характеристику необходимо отличать от рода. Для этого прежде всего ей дается самостоятельное название — «морфологический род»²³. Мы говорим, например, что слово *дом* — мужского рода и мужского морфологического рода, а слово *мужчина* — мужского рода, но женского морфологического рода. Итак, морфологический род — это характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы.

Тот или иной морфологический род естественно приписать не только существительным, но и словам несогласуемо-бесчислового разряда: например, слово *пять* — женского морфологического рода, *что* — среднего морфологического рода и т. д. Напротив, прилагательным и словам согласуемо-бесчислового разряда определенного морфологического рода, разумеется, приписать нельзя, поскольку их парадигмы содержат словоформы, соответствующие всем морфологическим родам. (Отсюда необходимость в нулевом значении признака «морфологический род».)

Заметим, что в отличие от рода, морфологический род представляет собой в известной мере условную характеристику слова, частично зависящую от принятой системы описания. Так, например, неочевидно, какой морфологический род следует приписать словам *дитя*, *я*, *ты*, *полтора́ста*, а также всем неизменяемым словам (иначе говоря, решения, принятые для таких слов в § 6.9, условны). Тем не менее с практической точки зрения понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным. В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода. В самом деле, например, слова *акю́ла*, *балери́на* и т. п. и *мужчи́на*, *воевба́* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как «существительные женского морф. рода». Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно (ср. § 3.1) и может просто никак не отмечаться. Заметим, что именно отсутствием понятия морфологического рода (а вследствие этого и частым смешением рода и морфологического рода) объясняются многие некорректные формулировки традиционных описаний.

Остальные вспомогательные понятия, введенные в §§ 6.7 и 6.9, по своему построению и лингвистическому смыслу вполне аналогичны морфологическому роду.

²³ Термин «морфологический род» в таком значении заимствован из работы: М. И. Откупщикова и С. Я. Фитиалов. Система морфологического синтеза для русского языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 1, стр. 41.

§ 6.13. Представляет интерес специально рассмотреть возможные расхождения между родом и морфологическим родом одного и того же существительного²⁴. Такие расхождения представлены в следующих группах существительных:

1. Все изменяемые существительные мужского, а также так называемого общего рода на *-а* и *-я* относятся к женскому морф. роду, например: одушевленные мужского рода — *юноша, мужчина, слуга, парнишка, зайчишка, купчина, бычина*, одушевленные общего рода — *сирота, калека, ханжа, урбина, молодина*; неодушевленные мужского рода — *доми́на, мости́на, кувси́на*.

2. Все изменяемые существительные мужского рода на *-о* и *-е* относятся к среднему морф. роду, например: одушевленные — *подмасте́рье, воронко́б, волчи́ще, челове́чище*; неодушевленные — *горо́дишко, доми́шко, голо́сище, доми́ще*.

3. Все существительные парного рода относятся к мужскому (например, *часы́, джунгли́*), женскому (например, *но́жницы, брѐжки*) или среднему (например, *воро́та, дрова́*) морф. роду.

4. Все неизменяемые существительные мужского и женского родов относятся к среднему морф. роду, например: *буржуа́, аташе́, мадам*. (Здесь, однако, морф. род носит явно условный характер.)

З а м е ч а л п е. Для части слов мужского рода с суффиксами *-ишк-*, *-иц-* и *-иш-* литературная норма (отраженная выше в пунктах 1 и 2) не вполне соответствует современной разговорной практике. Рассмотрим шесть основных образцов: три одушевленных, например *бычи́шка, бычи́ще, бычина́*, и три неодушевленных, например *доми́шко, доми́ще, доми́на*. По нормативной грамматике склонение здесь таково: 1) женский морф. род (*бычи́шка, бычина́, доми́на*) — Р. ед. на *-ы, -и*, Д. ед. *-е, -я*, В. ед. *-у, -я*, Т. ед. *-ой* и т. д.; 2) средний морф. род (*доми́шко, доми́ще, бычи́ще*) — В. ед. *доми́шко, доми́ще, бычи́ща*, Р. ед. на *-а, -я*, Д. ед. *-у, -я*, Т. ед. *-ом* и т. д. Тенденция разговорного языка состоит в том, чтобы, вопреки этой норме, создать единую модель склонения для всех одушевленных слов данной группы и другую единую модель — для всех неодушевленных. Для одушевленных такой моделью является женский морфологический род (точнее — морф. класс 4). Именно так уже склоняются образцы *бычи́шка, бычи́на*, и они «притягивают» к себе также образец *бычи́ще*, который в разговорной речи склоняется чаще всего так: И. ед. *бычи́ца* или *бычи́це* (в большинстве типов произношения это фонетически одно и то же), Р. ед. *бычи́цы, бычи́на*, Д. ед. *бычи́ще, бычи́ща*, Т. ед. *бычи́щей*. Возможны, конечно, колебания и смешанные наборы окончаний; характерно, что «слабее» всего оказывается нормативное окончание В. ед. — оно замещается новым окончанием в первую очередь. Неодушевленные существительные данной группы стремятся к смешанной модели склонения: окончания женского морф. рода (точнее — морф. класса 3) везде, кроме И. ед. и В. ед., а в этих двух формах — окончания среднего морф. рода. Так, для образца *доми́шко* эта модель склонения выглядит так: И. ед. *доми́шко*, Р. ед. *доми́шки*, Д. ед. *доми́шке*, В. ед. *доми́шко*, Т. ед. *доми́шкой*. Встречающееся написание И. ед. *доми́шка* представляет собой, разумеется, чисто гра-

²⁴ Что касается слов несогласуемо-бесчислового разряда, то здесь достаточно сложен вопрос о роде (неясно, можно ли вообще приписывать род числительным типа *десять*; у местоимений-существительных род часто не фиксирован, ср. § 2.20); поэтому вопрос о соответствии рода и морфологического рода у этих слов мы здесь рассматривать не будем.

фический вариант. В. ед. *домішку* возможен, но-видимому, только в случае перевода всего слова из мужского рода в женский (пельзя свазать я *сидел этот домішку*). Образец *доміще* несколько устойчивее сохраняет нормативное склонение, однако и здесь возможны Р. ед. *доміщи*, Д. ед. *доміще*, Т. ед. *доміщей*. Наконец, образец *доміна* фактически стоит ближе всего к указанной модели склонения: И. ед. [дам'и́нг] можно с равным успехом записать как *доміно*; В. ед. *доміну*, как и *домішку*, *домішу*, по-видимому, возможен только в случае перевода слова в женский род (можно услышать *увидел огромную доміну*, но не *увидел огромный доміну*; в то же время можно услышать *увидел огромный* [дам'и́нг]). Несомненно, что источник перестройки здесь именно в форме В. ед., где при нормативном формообразовании должно получиться *вижу этот доміну*, что противоречит не нарушаемому более нигде принципу: «В. муж. неод. = И.». Это противоречие разрешается либо заменой *доміну* на [дам'и́нг], либо изменением рода, ср. *«мою краснокожую паспортіну»* (Маяковский), *огромная куртична* и т. п. Отметим, наконец, что описанной модели соответствуют также разговорные словоформы И. мн.: *быи́щи*, *доміщи*, вместо *быи́ща*, *доміща* (словоформа *домішки* в этом смысле неопознательна).

В отличие от морфологического рода, морфологическая одушевленность—неодушевленность почти всегда соответствует той одушевленности—неодушевленности, которая проявляется в согласовании. Единственное существенное отклонение образуют слова *он*, *оно́* и *они́*: они всегда являются морфологически одушевленными, независимо от согласования (ср., например, фразы: *Вот этот забор — мы его весь покрасили*; *Было много сукна, но всё его изъела моль*; *Появилось солнце — наведите объектив на него само*). Чисто условный характер носит аналогичное отклонение у одушевленных неизменяемых существительных, например *кенгурú*, *атташе́* (в силу § 6.9 они считаются морфологически неодушевленными).

РАЗДЕЛ II

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПЕРВИЧНЫМ СЛОВОФОРМАМ

КЛАССИФИКАЦИЯ СУЖЕННЫХ ПАРАДИГМ УСЛОВНОГО УРОВНЯ

Условный способ представления внешней стороны словоформ

§ 6.14. Как указано в § 0.4, в настоящей работе внешняя сторона словоформ берется в обычной орфографической записи (с обозначением места ударения). Ниже, однако, нам потребуется, кроме того, некоторый вспомогательный способ представления внешней стороны словоформы, который мы будем называть *у с л о в н ы м*. Условный способ представления применяется ко всем первичным словоформам и только к ним. Переход от орфографического представления к условному складывается из следующих двух операций.

1. Вводится особый акцентуационный признак отдельной словоформы — условное ударение. Он может принимать два значения: «условное ударение на основе» и «условное ударение на окончании»²⁵. По правилам, данным в § 6.15, каждой первичной словоформе приписывается одно из двух значений этого признака. В связи с введением термина «условное ударение» ударение в обычном смысле слова мы будем далее называть действительным.

2. По правилам, данным в § 6.26, каждой первичной словоформе ставится в соответствие некоторая цепочка из русских букв и вспомогательных символов, называемая условным видом этой словоформы. (При этом, однако, знак ударения ' , стоящий над одной из букв, не считается частью этой цепочки.) Практически условный вид возникает как результат обработки орфографического представления внешней стороны словоформы по определенным правилам преобразования. В связи с введением термина «условный вид словоформы» обычное, т. е. орфографическое, представление внешнего вида словоформы мы будем называть ее действительным видом. (При этом знак ' не считается частью действительного вида словоформы.) Условный вид всякой словоформы содержит (в силу правил параграфа 6.26) знак |, разделяющий основу и окончание. Мы будем называть часть условного вида некоторой словоформы, стоящую слева от знака |, условной основой этой словоформы, а часть, стоящую справа от этого знака, — ее условным окончанием. Соответственно, части действительного вида словоформы (выделенные по правилам параграфа 4.4) мы будем называть действительной основой и действительным окончанием.

И действительный и условный вид словоформы допускают обозначение как действительного, так и условного ударения. (Условное ударение можно обозначать, например, подчеркиванием условно ударного компонента; место знака действительного ударения ' в условном виде словоформы определяется правилами параграфа 6.26.) В принципе возможно даже обозначение обоих видов ударения одновременно.

Чтобы избежать частого повторения громоздких формулировок, для дальнейшего принимаются следующие соглашения:

1. При выражениях «действительный вид словоформы» и «условный вид словоформы» уточнение «с действительным ударением» (или «с условным ударением») означает: «с обозначенным действительным (соответственно, условным) ударением и необозначенным противоположным ударением». Если же такого уточнения нет

²⁵ В отличие от ударения в обычном смысле слова, условное ударение не приписывается какой-либо определенной букве или определенному слогу словоформы; оно считается принадлежащим морфологическому компоненту (основе или окончанию) в целом.

(и нет специального указания о том, что не обозначено никакое ударение), это означает, что обозначено действительное ударение²⁶.

2. Везде, где не уточняется, о каком ударении (виде словоформы, основе, окончании) идет речь, будет иметься в виду действительное ударение (соответственно, действительный вид словоформы, действительная основа, действительное окончание)²⁷. Таким образом, в частности, выражения «слова на . . .» и «слова с основой на . . .» (см. § 0.5) означают соответственно: «слова, у которых действительный вид исходной словоформы оканчивается на . . .» и «слова, у которых действительная основа исходной словоформы оканчивается на . . .».

Назовем совокупность всех первичных словоформ некоторой парадигмы, взятых в условном виде с условным ударением, суженной парадигмой условного уровня. Соответственно, суженная парадигма в смысле § 6.4 (т. е. совокупность всех первичных словоформ в их действительном виде с действительным ударением) может при необходимости быть названа суженной парадигмой действительного уровня.

При попытке применить к суженным парадигмам условного уровня определение эквивалентности, данное в главе 5, мы сталкиваемся со следующей формальной трудностью: определение одинаковой акцентуации (§ 5.5) требует знания не только ударного компонента, но и ударного слога. В связи с этим естественно доопределить введенное в § 5.5 понятие одинаковой акцентуации следующим образом: если в словоформе известен только ударный компонент, а ударный слог неизвестен, то такой словоформе приписывается нулевое значение признака «сдвиг ударения» (см. § 5.5, стр. 127). После принятия этого соглашения к суженным парадигмам условного уровня можно применять все определения и операции, введенные выше для обычных парадигм (ср. также § 6.4).

Содержательные лингвистические соображения, на основании которых был принят условный способ представления словоформ, изложены в § 6.18—6.22 («комментарии к понятию условного ударения») и § 6.35—6.36 («комментарии к понятию условного вида словоформ»).

УДАРЕНИЕ

Условное ударение

§ 6.15. Как указано в § 6.14, каждой первичной словоформе каждой именной парадигмы приписывается одно из двух значений признака «условное ударение»; а именно: «условное ударение на

²⁶ С практической точки зрения это соглашение дает возможность строить формулировки так, как если бы знак ' принадлежал соответствующей буквенной цепочке.

²⁷ Исключение составляет только термин «схема ударения» (см. сноску 29).

основе» или «условное ударение на окончании». Выбор приписываемого значения производится по следующим правилам (предполагающим, что взятая парадигма полностью известна):

1. Если оба главных компонента словоформы (основа и окончание) являются слоговыми (т. е. содержат хотя бы одну гласную) — условное ударение в этой словоформе падает на тот же компонент, что и действительное.

2. Если один из главных компонентов словоформы неслоговой — условное ударение в этой словоформе такое же (т. е. на том же компоненте), как действительное ударение в некоторой словоформе того же слова, которую мы назовем «контрольной» для данной словоформы. Контрольной словоформой является: а) для словоформы *два* — словоформа *двѣ*, для словоформы *три* — словоформа *трѣ*; б) для всякой неатрибутивной словоформы муж. рода ед. числа — неатрибутивная словоформа сред. рода ед. числа; в) для всякой другой словоформы — словоформа дательного падежа (того же числа, если парадигма имеет словоизменятельную категорию числа; того же согласоват. класса, если парадигма имеет словоизменятельную категорию согласоват. класса). Если контрольная словоформа, определенная по этому правилу, в парадигме отсутствует (в силу дефектности парадигмы), контрольной считается исходная словоформа парадигмы.

Примеры: 1) словоформы *озѣро*, *соба́ки*, *бе́лая* — условное ударение на основе; словоформы *величи́на*, *сто́лы*, *жива́я* — условное ударение на окончании; 2) словоформы *оле́нь*, *корб́в*, *шоссѣ́*, *ваш*, *стра́шен* — условное ударение на основе (ср. *оле́ню*, *корб́вам*, *шоссѣ́*, *ва́шему*, *стра́шно*); словоформы *ячме́нь*, *го́лов*, *дня́м*, *весь*, *сме́шн* — условное ударение на окончании (ср. *ячменю́*, *голова́м*, *дня́м*, *всему́*, *смешно́*).

Различительный признак: «схема ударения»

§ 6.16. Назовем собственной схемой условного ударения некоторой парадигмы запись, показывающую, на каком компоненте (основе или окончании) находится условное ударение в каждой первичной словоформе этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) Например, парадигма слова *глаз* имеет следующую собственную схему условного ударения: И., Р., Д., Т., П. падежи ед. числа — условное ударение на основе; И., Р., Д., Т., П. падежи мн. числа — условное ударение на окончании²⁸.

Назовем эталонной схемой условного ударения запись, ставящую в соответствие каждой клетке эта-

²⁸ Заметим, что словоформа И. ед. *глаз* имеет условное ударение на основе (ср. Д. ед. *гла́зу*), а омонимичная ей словоформа Р. мн. *глаз* — условное ударение на окончании (ср. Д. мн. *глаза́м*).

лона (см. § 6.5) некоторое значение признака «условное ударение». Мы будем говорить, что собственная схема условного ударения некоторой парадигмы совместима с некоторой эталонной схемой условного ударения, если в части эталона, покрываемой данной парадигмой, эти схемы совпадают.

Собственная схема условного ударения любой рассматриваемой в настоящей работе именной парадигмы русского языка совместима хотя бы с одной из приводимых ниже 17 эталонных схем условного ударения. Plusом обозначено условное ударение на основе, минусом — условное ударение на окончании. Эталонные схемы условного ударения разделены на основные и второстепенные (пояснения см. ниже, примечание 1).

Эталонные схемы условного ударения

I. Неподвижное ударение

Неподвижное ударение встречается в парадигмах всех типов устройства. Обе относящиеся сюда схемы являются основными.

Клетки эталона Схемы		Все клетки
	<i>a</i> <i>b</i>	

II. Подвижное ударение

*Группа I. Схемы, не встречающиеся в парадигмах расширенного адъективного разряда**

Основные схемы

Клетки эталона Схемы	Ед. число	Мн. число	
		И.	Р. Д. Т. П.
<i>c</i>	+	—	—
<i>d</i>	—	+	+
<i>e</i>	+	+	—
<i>f</i>	—	+	—

* Поскольку неатрибутивные словоформы имеются только у парадигм расширенного адъективного разряда, в схемах группы 1 условное ударение неатрибутивных форм не указывается. Не указывается также условное ударение в В. мн., поскольку все словоформы В. мн. — вторичные. С формальной точки зрения, не упомянутым в таблицах клеткам эталона можно приписать любое условное ударение.

Второстепенные схемы

Клетки эталона Схемы	Ед. число				Мн. число		
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р. Т.	Д. П.
<i>d'</i>	—	+	—	—	+	+	+
<i>f'</i>	—	+	—	—	+	—	—
<i>b'</i>	—	—	—	+	—	—	—
<i>e'</i>	+	+	+	+	+	—	+
<i>e''</i>	—	—	+	+	+	—	+

Группа 2. Схемы, встречающиеся только в парадигмах расширенного адъективного разряда

Основные схемы

Клетки эталона Схемы	Атрибутивные формы	Неатрибутивные формы		
		муж. ед.	жен. ед.	сред. ед., парн. ед., мн. ч.
<i>a/b</i>	+	—	—	—
<i>a/c</i>	+	+	—	+
<i>b/c</i>	—	+	—	+

Второстепенные схемы

Клетки эталона Схемы	Атрибутивные формы	Неатрибутивные формы			
		муж. ед.	жен. ед.	сред. ед.	парн. ед., мн. ч.
<i>a/b'</i>	+	—	—	—	+
<i>a/c'</i>	+	+	—	+	—
<i>b/c'</i>	—	+	—	+	—

Мы будем говорить, что парадигма относится к первой по порядку из тех эталонных схем условного ударения, с которыми совместима ее собственная схема условного ударения. Порядком эталонных схем условного ударения считается тот, в котором они здесь перечислены. Например, слова *удббный, парохбд, нбжницы, рад, нёкто, одиннадцать* относятся к эталонной схеме условного ударения *a*, слова *смешнбй, весь, топбр, двояб, себъя, пять* — к схеме *b*, слова *ночь, ўхо, сани, двести* — к схеме *e*, слова *гвоздь, губа, сам* — к схеме *f*, слово *живбй* — к схеме *b/c* и т. д.

Основным различительным признаком парадигмы, связанным с ударением, признается то, к какой эталонной схеме условного ударения эта парадигма относится. Различительный признак «эталонная схема условного ударения» может принимать 17 значений — соответственно приведенному перечню. В дальнейшем мы будем называть эталонную схему условного ударения сокращенно: *с х е м а у д а р е н и я*²⁹. Вместо формулировок типа «данное слово относится к схеме ударения *a*» может быть сказано также: «данное слово имеет схему ударения *a*»; словосочетание типа «схема ударения *a*» может, в свою очередь, быть сокращено до «схема *a*».

П р и м е ч а н и е 1. Разделение схем ударения на основные и второстепенные основано прежде всего на статистическом критерии: к второстепенным схемам ударения относятся в общей сложности лишь несколько десятков парадигм. Второстепенные схемы ударения *a/b'*, *a/c'* и *b/c'* отличаются, кроме того, тем, что они не представлены в чистом виде ни одним примером: любая из относящихся к ним парадигм имеет параллельный вариант, относящийся соответственно к схеме ударения *a/b*, *a/c* или *b/c*. Принятая здесь система обозначений такова, что каждая второстепенная схема ударения представлена как бы как результат отклонения от одной из основных схем (на наличие отклонения указывают штрихи).

П р и м е ч а н и е 2. Последние шесть схем ударения имеют составное обозначение: первая буква символизирует распределение условного ударения в атрибутивных словоформах, вторая — в неатрибутивных словоформах. В связи с этим, когда речь идет о парадигмах расширенного адъективного разряда, для схем неподвижного условного ударения вместо обычных обозначений *a* и *b* могут быть использованы также «развернутые» обозначения: *a/a* и *b/b*. Составное обозначение схемы ударения для слов расширенного адъективного разряда связано с тем, что у этих слов условное ударение в неатрибутивных словоформах сравнительно мало зависит от условного ударения в атрибутивных словоформах. Как можно видеть из приведенных таблиц, у слов этого разряда условное ударение в атрибутивных словоформах всегда неподвижно, а в неатрибутивных словоформах распределяется одним из следующих 5 способов:

	Муж. ед.	Жен. ед.	Сред. ед.	Парн. ед., мн. ч.
/a	+	+	+	-
/b	-	-	-	-
/c	+	-	-	+
/b'	-	-	-	+
/c'	-	-	+	-

Как явствует из предыдущего примечания, распределения */b'* и */c'* выступают только как параллельные варианты распределений */b* и */c* (соответственно).

²⁹ Пропуск эпитета «условное» противоречит общему соглашению (§ 6.14) о том, что «ударение» (без эпитета) — это действительное ударение. Такое отступление объясняется тем, что введенный здесь термин встречается в дальнейшем чрезвычайно часто и потому должен быть как можно короче; напротив, термин «схема действительного ударения» используется редко.

З а м е ч а н и е. Следует учитывать, что для установления приведенного здесь списка схем ударения существенны соглашения относительно ряда словоформ и словосочетаний, принятые ранее. В частности, *полчасá* и *полчасá* рассматриваются, вопреки написанию, не как единые словоформы, а как словосочетания. При отсутствии этого специального соглашения *полчасá* и *полчасá* пришлось бы отнести к особой схеме ударения³⁰. Далее, в § 4.2 исключены из рассмотрения некоторые словосочетания, ударение которых трактуется как аномальное. Из случаев этого типа особый интерес представляет колебание ударения в Р., Р₂, Д. и П. надеждах ед. числа слов *грудь*, *ось*, *печь*, *стель*, *цепь*. Существующие описания отмечают в этих словоформах действительное ударение на окончании исключительно (АО) или преимущественно (АГ) в сочетаниях с предлогами, например: *из груди*, *по стели*. В этих условиях, если только мы не хотим признавать по два надежа в каждом из названных надежей, такое ударение должно рассматриваться как аномалия, свойственная нескольким устойчивым словосочетаниям (что и сделано в § 4.2). Однако в современном разговорном языке имеется явная тенденция к распространению такого ударения и на беспредложные сочетания, например: *ширина груди*, *длина цепи*. Таким образом, возникают (по крайней мере, в качестве допустимых вариантов) парадигмы, например, следующего вида: ед. ч. — И. В. *грудь*, Т. *грудью*, прочие падежи — *грудí*; мн. ч. *грудí*, *грудéи*, *грудя́м*, *грудя́ми*, *грудя́х* (заметим, что именно такое ударение дает для этого слова Был.). Такие парадигмы пришлось бы отнести к особой схеме ударения (ее можно было бы обозначить *f'*). Заметим, что к этой же схеме можно было бы отнести также *singulare tantum глушь* (в настоящей работе оно отнесено к схеме *b'*). Можно полагать, что со временем схема ударения *f'* станет узкокопной.

§ 6.17. Распределение русских имен (в особенности существительных) по схемам ударения очень сложно. В части случаев оно подчиняется определенным закономерностям (иногда более строгим, иногда носящим скорее статистический характер); во многих случаях, однако, обнаружить какую-либо закономерность не удается и приходится прибегать к составлению списков (иногда довольно длинных).

Ниже приводятся правила, позволяющие определить схему ударения произвольной именной парадигмы на основании некоторой ограниченной информации об этой парадигме. В качестве такой исходной информации о рассматриваемой парадигме в этих правилах используются прежде всего: 1) исходная словоформа парадигмы (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) морфологический род (для существительных); 4) сведения о том, относится ли слово к числу *pluralia tantum* (для существительных); 5) сведения о том, является ли слово причастием (см. § 3.2). Кроме того, используются две характеристики парадигмы, которые специально рассматриваются в настоящей работе лишь позднее³¹, а именно: 1) так называемый

³⁰ Так и сделано в работах: А. А. З а л и з н я к. Ударение в современном русском склонении. «Русский язык в нач. школе», 1963, № 2; О н ж е. «Условное ударение» в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1; эта особая схема ударения обозначена там как *c'*.

³¹ Относительно обращения к характеристикам, которые рассматриваются лишь позднее, см. § 6.2, пункт 3.

тип склонения ³² (см. § 6.27—6.28) и 2) сведение о том, является ли последняя гласная основы исходной словоформы беглой (см. § 6.24, 6.44) (только для существительных мужского морф. рода).

В приводимых правилах под основой слова везде понимается основа исходной словоформы. По числу слогов различаются основы неслоговые (*зл|о, тл|я*) и слоговые (*дом|; голов|á*); последние делятся на односложные (*дом|, вин|ó*) и неодносложные (*топóр|, сковород|á*). С точки зрения действительного ударения исходной словоформы различаются слова с безударной основой (*зл|о, голов|á*) и слова с ударной основой (*дом|, болóт|о*); последние делятся на слова с начальным ударением (*кóлок|л, дом|*) и слова с нена начальным ударением (*топóр|, царáпин|а*). (Отметим, что слова с ударной односложной основой всегда рассматриваются, таким образом, как слова с начальным ударением.) Слова с нена начальным ударением делятся на слова с конечным (с точки зрения основы) ударением (*топóр|, болóт|о*) и слова со средним ударением (*харáктер|, царáпин|а*).

Правила, позволяющие установить схему ударения произвольной парадигмы

СЛОВА БЕСЧИСЛОВЫХ РАЗРЯДОВ

К схеме *b* относятся: 1) *я, ты, он, она, онó, мы, вы, онí, себя, кто, что, никто, ничто, все, всё, любóй, остальнóе*; 2) *один, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать, тридцать, сорок, сто, пятьсо́т, шестьсо́т, семьсо́т, восемьсо́т, девятьсо́т*.

К схеме *e* относятся: *два, три, четы́ре, двéсти, трё́ста, четы́реста, двé, трё́е* и все на *еро* (*чётверо, пя́теро* и т. д.).

К схеме *e'* относится слово *полто́ра*.

Прочие слова относятся к схеме *a*, например: *о́диннадцать, пятьдеся́т, девяно́сто, полто́роста, óба, сто́лько, нёсколько*.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительные несубстантивных типов склонения

Существительные нулевого типа склонения относятся к схеме *a*, например: *шо́ссе, ра́дио*.

Из существительных других несубстантивных типов склонения к схеме *b* относятся все слова на *о́й, о́я, о́е, о́е, о́е, о́н, о́н* и на ударную гласную, например: *часово́й, мостово́я, жарко́е, позывно́е, Ильи́н, Ильи́нá, Люблино́, ничьё*. Прочие слова относятся к схеме *a*, например: *рабо́чий, столова́я, насе́бное, су́точные, Никити́н, Петро́в, Никити́на, Петро́ва, Ма́рфино, Ива́ново*.

³² Практически упоминаются только так называемый нулевой тип склонения, который включает неизменяемые слова, не имеющие дефектов (например, *шо́ссе, ко́ми*), и субстантивные типы склонения (I и II). Для ориентировки укажем, что I субстантивный тип склонения (включающий, например, слова *сто́л, крэ́сло, кáрта*) соответствует традиционным I и II склонениям, а II субстантивный тип склонения (включающий, например, слова *сте́ль, пу́ть, о́мя*) в основном соответствует традиционному III склонению.

Существительные субстантивных типов склонения

Группа первая. Существительные мужского морфологического рода (кроме *pluralia tantum*)

1. Из слов этой группы подвижное ударение имеют следующие:

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы схемам *d*, *f* и *e'*:

схема *d* — 1) следующие слова с И. мн. на *ья*³³: *клок* (вариант с мн. *клябья*), *кол* (в основном значении, мн. *кляля*), *конья*, *крюк* (вариант с мн. *крябья*), *лист* (дерева), *лоскут* (вариант с мн. *лоскутья*), *прут* (в основном значении, мн. *прутья*; // *a*), *сук* (вариант с мн. *сучья*); 2) следующие слова с И. мн. на *-и*: *глазёк*, *зубёк*, *рожёк* (все три только в уменьшительном значении), *сапожёк* (// *b*); *казёк* (// *b*); 3) слово с И. мн. на *-а* *ценёк* (вариант с мн. *ценята*);

схема *f* — *гвоздь*, *груздь*, *копь*, *уголь* (// *a*, *e*), *червь*³⁴;

схема *e'* — *ребёнок* (мн. *дети*), *человек* (мн. *люди*).

2. Следующие слова относятся к схеме *e*:

а) с односложной основой:

<i>зуб</i> (в основном значении)	<i>ход</i> (вариант с мн. <i>хобы</i>)	<i>лом</i> <i>гром</i>	<i>чёрт</i> <i>порт</i>
<i>бог</i>	<i>волк</i>	<i>тон</i> (звук; // <i>c</i>)	<i>зверь</i>
<i>слог</i>	<i>ток</i> (гумно)	<i>вор</i>	<i>лось</i>
<i>год</i> (вариант с мн. <i>годы</i>)	<i>дол</i>	<i>фронт</i>	<i>гусь</i>
	<i>пол</i> (биол.)	<i>флот</i> (// <i>a</i>)	<i>гость</i>

б) с неодносложной основой, содержащей беглую гласную³⁵ (все они имеют начальное ударение):

<i>вѣтер</i> (// <i>a</i>)	<i>камень</i>	<i>коготь</i>	<i>ломоть</i> (разг. вариант к <i>ломоть</i>)
<i>стебель</i>	<i>парень</i>	<i>ноготь</i>	
<i>уголь</i> (// <i>a</i> , <i>f</i>)	<i>корень</i>	<i>локоть</i>	<i>лапоть</i>

в) с неодносложной основой без беглой гласной (все они имеют начальное ударение):

<i>бров</i> (кабан)	<i>голубь</i>	<i>крефель</i> (в прям. знач.)	<i>бмуть</i>
<i>вблос</i>	<i>лѣбедь</i>	<i>футель</i>	<i>бмунь</i>
<i>обруч</i>	<i>жѣлудь</i>	<i>трюфель</i>	<i>лѣкарь</i>
<i>бвош</i>	<i>гоститель</i>	<i>сбобль</i> (животное)	<i>кобырь</i> ³⁶

3. Следующие слова относятся к схеме *c*:

а) слова с И. мн. на *-а*, *-я*, перечисленные в § 6.30, рубрика «нестандартное условное окончание 1, мужской морф. род», пункты 4, 5 и 6, а также слова *господин*, *кокиль*, *перёд*, *постѣв* (ср. там же, пункты 3 и 7);

б) следующие слова с И. мн. на *ья*: *дѣверь*, *друг*, *зять*, *князь*, *кум*, *муж*

³³ О группировке перечисляемых слов по признакам, которые не предполагаются заранее известными, см. § 6.2, пункт 3.

³⁴ Нелитературной признается схема *f* у слов *вор*, *гусь*, *локоть* (для которых норма — схема *e*).

³⁵ Иначе говоря, с неодносложной основой исходной словоформы и неодносложной основой прочих первичных словоформ.

³⁶ АГ относит к схеме *e* слова *пѣрстень* и *юс* (по АО схема *a*), к схемам *e* и *c* — слово *клуб* (дыма) (по АО только *c*). Был. (а также Упц.) относит к схеме *e* слово *кон* (по АО схема *c*). Относителыцо слов *дол* и *вѣтер* см. § 4.2.

(супруг, мн. *мужья́*), *сы́н* (в прямом значении, мн. *сыновья́*), *шу́рин* (вариант с мн. *шурья́*)³⁷;
в) следующие слова с И. мн. на *-ы, -и* (все они имеют односложную основу):

<i>штаб</i>	<i>ряд</i>	<i>гол</i>	<i>бас</i>
<i>зоб</i>	<i>муж</i> ('мужчина', мн. <i>мужи́</i>)	<i>пол</i> ('настил')	<i>квас</i>
<i>гроб</i>		<i>тыл</i>	<i>влас</i> (устар.)
<i>дуб</i>	<i>биз</i>	<i>пил</i>	<i>час</i>
<i>куб</i> (сосуд)	<i>паз</i>	<i>дым</i>	<i>нос</i>
<i>клуб</i> (дым)	<i>раз</i>	<i>пин</i>	<i>ус</i>
<i>чуб</i>	<i>паз</i>	<i>чан</i>	<i>кус</i>
<i>шкив</i>	<i>низ</i>	<i>чин</i>	<i>флюс</i> (техн.)
<i>шаг</i>	<i>приз</i>	<i>кон</i>	<i>зрунт</i> (в професс. речи)
<i>мозг</i>	<i>воз</i>	<i>сын</i> (в перен. знач., мн. <i>сыны́</i>)	<i>пот</i>
<i>долг</i>	<i>пай</i>	<i>суп</i>	<i>спирт</i>
<i>плуг</i>	<i>чай</i>	<i>дар</i>	<i>форт</i>
<i>круг</i>	<i>бой</i>	<i>пар</i>	<i>мост</i> (// <i>b</i>)
<i>зад</i>	<i>сбой</i>	<i>шар</i>	<i>шрифт</i> (// <i>a</i>)
<i>лад</i>	<i>слой</i>	<i>жир</i>	<i>шкаф</i>
<i>склад</i> (слог)	<i>рой</i>	<i>мир</i> (свет)	<i>мех</i> (кузнечный, винный)
<i>сад</i>	<i>строй</i> (воинский)	<i>пир</i>	<i>верх</i> (в основном знач., мн. <i>вер-</i>
<i>след</i>	<i>буй</i>	<i>бор</i> (лес)	<i>хй</i>)
<i>мёд</i>	<i>зуй</i> (обл.)	<i>гор</i> (// <i>a</i>)	<i>сыр</i>
<i>род</i>	<i>цук</i>	<i>смотр</i> (военный)	<i>харч</i>
<i>ход</i> (// <i>e</i>)	<i>блв</i>		
<i>пуд</i>	<i>вил</i>		
	<i>пал</i> (пожар)		

З а м е ч а н и е. АГ относится к схеме с слова *мыс, торг* (действие), *шлях, шпиль* (по АО схема *a*; слово *торгй* дается в АО как *plurale tantum*), *тыю* (по АО схема *b*), к схемам с *n b* — слово *пруд* (по АО только *b*). Был. относится к схеме с слова *бунт* (мятеж), *жар, тын* (по АО схема *a*), *клок* (мн. *клокй*) (по АО схема *b*), к схемам с *n b* — слово *кий* (по АО только *b*). В нелитературной речи схема с с И. мн. на *-ы, -и* представлена еще у целого ряда слов: *шум, кран, нас, трус, сват, бант, кант, фунт, ласт, тост, шприц* (при всех этих словах АО дает предупредительные пометы); кроме того, также *под, мел, сквер, рант, вист, лифт, тиф*. Слово *след* дано по Орф. (по АО оно аномально: Р. ед. *следа́* или *сле́ду*).

Отметим, что почти все слова, перечисленные в пункте *e*, — неодушевленные. Средн них только два оканчиваются на шипящую (*муж, харч*), нет оканчивающихся на *ь* (относительно слова *шпиль* см. выше), заметно выделяется группа слов на *й*.

II. Все прочие слова группы первой имеют н е п о д в и ж н о е ударение (схемы *a* и *b*). Из них к схеме *b* относятся следующие:

A. Из слов с о д н о с л о ж н о й основой:

1. Все слова с беглой гласной, например: *лёд, сон*. (В последующих пунктах слова с беглой гласной не учитываются.)

³⁷ В этот список входят все одушевленные существительные с И. мн. на *ья*, кроме *брат* и *собрать*. Все они — наименования лиц по признаку родственной или социальной связи. Влиянием этой группы слов объясняется существование уникальной парадигмы женского морф. рода *дядя* (как термин родства) — мн. *дядья́* (наряду с *дяди*), а также просторечное мн. число *братья́* от *брат*.

2. Следующие слова па пишущую и ц:

- а) все слова на *ц*;
 б) слова на *ец*, кроме *спец*, *флец*;
 в) слова на гласную + *ч*, кроме *клич*, *плач*, *спич*³⁸;
 г) следующие слова на *ж* и *ш*:

<i>паж</i>	<i>чиж</i>	<i>уж</i>	<i>крыж</i>	<i>грози</i>
<i>саж</i>	<i>нож</i>	<i>буж</i>	<i>тяж</i>	<i>ёри</i> ³⁹
<i>ёж</i>	<i>корж</i>	<i>гуж</i>	<i>кови</i>	
<i>стриж</i>	<i>морж</i>	<i>тыж</i>	<i>шин</i>	

3. Следующие слова на *ь*:

<i>вождь</i>	<i>рубль</i>	<i>руль</i>	<i>лунь</i>	<i>штырь</i>
<i>дождь</i>	<i>шмель</i>	<i>лунь</i> (рыба)	<i>ларь</i>	<i>путь</i> ⁴⁰
<i>ферзь</i>	<i>кремль</i>	<i>лунь</i> (веревка)	<i>псарь</i>	
<i>язь</i>	<i>ноль</i> (нуль)	<i>шпиль</i> (шпелъ)	<i>царь</i>	
<i>враць</i>	<i>куль</i>	<i>шпынь</i>	<i>горь</i>	

4. Одно слово на *й* — *кий*.

5. Следующие слова, оканчивающиеся иначе:

- а) слова на *уи* и *юи*, кроме *куи*, *туи* (а именно: *агуи*, *вруи*, *жруи*, *вьюи*);
 б) следующие слова:

<i>раб</i>	<i>труд</i>	<i>бык</i>	<i>холм</i>	<i>бобр</i>
<i>гриб</i>	<i>суд</i>	<i>клык</i>	<i>сом</i>	<i>обр</i>
<i>столб</i>	<i>стыд</i>	<i>шлык</i>	<i>ум</i>	<i>двор</i>
<i>боб</i>	<i>аз</i>	<i>штык</i>	<i>блин</i>	<i>шнур</i>
<i>герб</i>	<i>кёндз</i>	<i>крюк</i> (вари- ант с мн. крюкí)	<i>чёлн</i> (по Был.)	<i>щур</i> (птица)
<i>горб</i>	<i>туз</i>	<i>ант</i> с мн.	<i>слои</i>	<i>кныр</i>
<i>волгв</i>	<i>шпик</i> (сы- пник)	<i>тюк</i>	<i>цеп</i>	<i>кит</i>
<i>враг</i>		<i>тряк</i>	<i>шил</i> (выступ)	<i>скит</i>
<i>сиг</i>	<i>полк</i>	<i>дьяк</i>	<i>столп</i>	<i>щит</i>
<i>вред</i>	<i>клок</i> (вари- ант с мн. клокí)	<i>желез</i>	<i>клоп</i>	<i>болт</i>
<i>дрозд</i>		<i>вол</i>	<i>сноп</i>	<i>битт</i>
<i>жид</i>	<i>жук</i>	<i>ствол</i>	<i>поп</i>	<i>винт</i> (все значения)
<i>плод</i>	<i>сук</i> (вариант с мн. сукí)	<i>кол</i> (отметка)	<i>серп</i>	
<i>скирд</i>		<i>стол</i>	<i>шурп</i>	<i>блинт</i>
<i>пруд</i>			<i>пуп</i>	<i>шплинт</i> (// а)

³⁸ Для наглядности перечислим слова, относящиеся к схеме *b* в силу подпунктов *a*, *b* и *c* настоящего пункта: а) *плац*, *прац*, *лец*, *клец*, *свиц*, *хвоц*, *борц*, *хриц*, *хлыц*, *прыц*, *плюц*, *хряц*; б) *швец*, *лжец*, *жнец*, *жрец*, *льстец*, *ттец* (под влиянием этих слов в просторечии схему *b* получило также слово *спец*, ныне устаревающее); в) *рвач*, *ткач*, *срач*, *грач*, *драч*, *меч*, *бич*, *лун*, *сныч*, *сыч*, *хрыч*, *клоч*, *мяч*.

³⁹ Для сравнения перечислим односложные слова на *ж* и *ш*, относящиеся к схеме *a*: *лаж*, *раж*, *страж*, *стаж*, *задж*, *бридж*, *цеж*, *дож*, *шарж*, *пляж*, *ряж*, *кряж*; *клёш*, *чинш*, *пуни*, *бош*, *кош*, *марш*, *фарш*, *перш*, *буриш*, *душ*, *куш*, *туш*, *плюш*, *рош*.

⁴⁰ Для сравнения перечислим односложные слова мужского морф. рода на *ь*, относящиеся к схеме *a*: *кегель*, *мангель*, *гель*, *хмель*, *сель*, *киль*, *шпиль*, *стиль*, *штиль*, *билль*, *тролль*, *золь*, *моль* (бревна, не связанные в плот), *кроль*, *толь*, *вопль*, *эль*, *мюль*, *тюль*, *ерь*, *вейрь*, *вихрь*, *тать*, *тесть*, *ять*. (С формальной точки зрения, к схеме *a* относится также устар. слово *огнь*, не имеющее словоформ косвенных падежей, кроме В.) Отметим, что в этом списке нет слов на *дь*, *зь*, *нь*, *уль*, *арь* (тогда как в списке слов схемы *b* они составляют большинство).

зонт	крот	глист	куст	штифт
унт	гурт	голт	злыст	альт
бунт (связ- ка)	пласт	твост	злюст	грех
шпунт	клёст	жост (/ / с)	жгут	штрих
кот	пест	пост (воен.)	плут	стих
скот	крест	пост (рели- гиозн.)	кнул	жмыг ⁴¹
плот	лист (бумаги)	пювн.	прут (техн.)	
		шут		

Б. Из слов с не од но сл о ж но й основой и ко н е ч н ы м ударе-
нием:

1. Слова с беглой гласной, за исключением слов *заём, наём, перенаём, поднаём* (которые относятся к схеме *a*), например: *ремень, молоток*. (В последующих пунктах слова с беглой гласной не учитываются.)

2. Следующие слова на шипящую и *ц*:

а) все слова на *ц* (а именно, только *подлец*) и на *ёц*;

б) слова на гласную + *ч*, кроме *карач*;

в) все слова на *ёж*, а также слова *мятеж, падеж, рубеж*⁴²,

г) следующие слова на *аж* и *яж*: *багаж, бандаж, блиндаж, вираж* (поворот), *виграж, вольтаж, гараж, кураж, листаж, литраж, метраж, монтаж, муляж, стеллаж, тираж, тираж, фураж, шантаж, этаж*⁴³;

д) все слова на *ыш*;

е) двусложные слова на *аи* и *яи* (кроме *апаи, гуляи, чардаи, ягдтаи*), а также слово *карандаи*; слово *чуваи* допускает схемы *a* и *b*;

ж) слова *инегуи, кишимйи, кулечи, кунтуи, фетийи* (последнее наряду со схемой *a*).

3. Следующие слова на *ь*:

а) слова на *рь*, кроме *визирь, господарь, гсударь, осокбрь, планширь, плугатарь, стихирарь*;

б) все слова на *уль, биль*⁴⁴, а также следующие слова на *ль*:

коваль	февраль	рубель	кошель
рогаль	хрусталь	жавель	кизил
строгаль	корабль	щавель	фитиль
миндаль	голавль (гольвель)	скарпель	корбль
москаль	журавль	кисель	
миткаль	кобель	коростель	

в) следующие слова на *ень*: *ильмень* (обл.), *кетмень, кистень, курень, ревьень, уздёнень, чекмень, ячмень*⁴⁵;

г) слово *караць*.

⁴¹ Орф. и Был. относят к схеме *b* слово *пим* (по Уш. схемы *c* и *b*, по АО схема *c*). К схеме *b* относятся также имена собственные: *Днепр, Днестр; Пётр, Фрол* (/ / *a*).

⁴² Для сравнения укажем слова на *ёж*, относящиеся к схеме *a*: *барёж, кортеж, манёж*.

⁴³ Отметим, что все эти слова на *аж, яж* имеют двусложную основу. Для сравнения перечислим слова на *аж, яж* с двусложной основой, относящиеся к схеме *a*: *вираж* (фотохимикат), *воляж, грильяж, дренаж, каптаж, корсаж, купаж, куртаж, марьяж, массаж, мираж* (в разговорной речи из этого слова возможна также схема *b*), *пассаж, пейзаж, плантаж, плюмаж, примаж, стаффаж, тоннаж, трельяж, тренаж, увраж, фиксаж*. Орф. относит к схеме *a* слово *вольтаж* (по АО схема *b*).

⁴⁴ А именно: *куркуль, патруль, бобиль, горбиль, ковьиль, костиль, мотиль*.

⁴⁵ Перечислим для сравнения слова на *ень*, принадлежащие к схеме *a* (все они имеют небеглое *e*): *бюлетень, женишень, олень, пельмень, таймень, тюлень*.

4. Следующие слова на *й*: *бузай, валуй, лишай, холуй*.

5. Следующие слова на *к, г, х*:

а) слова на *як* (и шипящую + *як*), на *юк* (и шипящую + *юк*) и на *ык*, за исключением следующих: *австрияк, кайк, коряк, краковяк, мастьяк, поляк, санджак, чувяк, шапокалк; волонюк, каучук, куншюк, мамелюк (мамлюк), сельджук, укрюк, урюк; антик, селямлык, сердолик, таджик, черевик;*

б) двусложные слова на *ак, ук* (не после шипящей) и на *ык*, за исключением следующих: *арак, барак, баскак, бивак, дашняк, крапак, опак, подсок, просак (обл.), сайбак, словак, триктрак, шеллак, шерлак, юнак, а также педфак, рабфак⁴⁶; бамбук, латук, самбук; арык, кумык, притык, ястык; слово калмык допускает схемы а и б⁴⁷;*

в) слова *бурундук, кавардак, порттабак, праязык, четвертак;*

г) следующие слова на *ок*: *едок, ездок, знаток, игрок, седок, смотрок (обл.), ходок; челнок, чеснок;*

д) все слова на *юг* (а именно: *битюг, вертлюг, овсюг, утюг*), а также следующие слова на *г*: *обчлаг, очаг, боцаг, рыбаг, подог (обл.), сапог, пирог, творог (//творог, схема а), батог, четверг, терпуг, хребтуг (обл.), сычуг;*

е) следующие слова на *х*: *лемех (вариант к лёмех), жених, болтух, кожух, лопух, обух (//бух, схема а), овчух, пастух, петух, питух*.

6. Следующие слова, оканчивающиеся иначе:

а) слова на *юн* и *юн*, кроме слов *гальюн, дашнякцютюн, драгюн, канюн, рагюн, таймюн, тайфюн, тиюн (тियюн), трибюн;*

б) следующие слова:

<i>рукав</i>	<i>кабан</i>	<i>комар</i>	<i>Христос</i>
<i>бурав</i>	<i>чабан</i>	<i>гончар</i>	<i>живот</i>
<i>покрыв (церковный праздник)</i>	<i>табан</i>	<i>бочар</i>	<i>лоскут (вариант с мн. лоскуты)</i>
<i>черёд</i>	<i>жиган (обл.; // а)</i>	<i>топор</i>	<i>якут (// а)</i>
<i>картыз</i>	<i>кожан</i>	<i>осётр</i>	<i>хомят⁴⁸</i>
<i>сокбл₁₋₂ (варианты к сокбл 'птица' и сокбл 'орудие')</i>	<i>казан</i>	<i>маляр</i>	
	<i>пузан</i>	<i>школяр</i>	
	<i>кочан</i>	<i>столяр</i>	
	<i>топчан</i>	<i>гусляр (// а)</i>	

В. Из слов с неодносложной основой и неконечным ударением — только слова *угол, угорь, узел* (все три с беглой гласной).

Прочие слова группы первой относятся к схеме *а*, например: *спор, стиль, персонаж, фестиваль, гайдамак, акведук, анализ, родственник, стержень, переулок*.

⁴⁶ Вообще все сложносокращенные слова данного типа (т. е. такие, у которых конечная часть основы представляет собой сокращение) относятся к схеме *а*, независимо от исхода основы. В списки настоящего параграфа включены только те из них, которые входят в исходный материал (см. § 4.1); вне этого материала можно указать, например, *филфак, фивфак, истфак* и т. д., *физрук, помнчн, помбук* и т. д.

⁴⁷ Отметим, что, кроме сложносокращенных слов и слова *притык*, исключения из подпунктов *а* и *б* — это заимствованные слова. Значительную их часть составляют названия лиц по национальности или по социальному положению: *австрияк, калмык, коряк, кумык, поляк, сельджук, словак, таджик, баскак, дашняк, мамелюк, юнак*.

⁴⁸ Уш. допускает схему *б* для слов *брюхан* и *копыл* (для слова *копыл* АО дает только схему *д* с мн. *копылья*; слова *брюхан* в АО нет, Орф. дает схему *а*). В разговорной речи схему *б* может иметь слово *подбл* (АО дает предупредительную помету против этого).

Группа вторая. Существительные среднего морфологического рода (кроме *pluralia tantum*)

I. Слова с ударной основой.

1. К нехарактерной для данной группы слов схеме *e* относятся слова *уго* и *бо*. Кроме того, дефектное слово *сот* (сотен) относится к схеме *b*.

2. Следующие слова относятся к схеме *c*:

а) слова на *мя*, кроме слова *знамя* (мн. *знамёна*) и дефектного слова *поблымя*⁴⁹;

б) следующие слова с односложной основой:

<i>пбле</i>	<i>дрéво</i> (мн. <i>дре-</i>	<i>вбйско</i>	<i>сúдно</i> (мн. <i>судá</i>)
<i>мбре</i>	<i>весá</i>)	<i>дéло</i>	<i>плéсо</i> (обл.)
<i>сёрдце</i>	<i>слóво</i>	<i>тéло</i>	<i>мéсто</i>
<i>небо</i> (мн. <i>небесá</i>)	<i>стадо</i>	<i>масло</i>	
<i>право</i>	<i>чúдо</i> (мн. <i>чудесá</i>)	<i>мыло</i>	

в) следующие слова с неодносложной основой (все они имеют начальное ударение): *дéревце* (/дересцб, схема *b*)⁵⁰, *зёркало*, *крёхесе*, *облако*, *облачко*.

3. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *крéсло*, *здáние*, *домйшко*, *госудáрство*.

З а м е ч а н и е. Уш. указывает для слова *удила* (по АО — *pluralia tantum*) ед. число *удило*; парадигма такого вида относится к схеме *c* (но имеет необычное нена начальное ударение в ед. числе). Для слова *крёсо* Уш. дает мн. ч. *крёсна*, *крёсен*, *крёснам*, т. е. схему *c/la* (по АО схема *a*). За пределами литературной нормы схема *c* возможна у некоторых *singularia tantum* (при окказиональном образовании от них мн. числа), например: *сéно* (см. Уш.), *мáсо* (см. АГ, § 264). Словоформа *летá* в значении мн. числа от *лéто* 'жаркое время года' признается нелитературной в связи с существованием омонимичного *pluralia tantum* *летá* 'годы, возраст'. В качестве просторечного отклонения от нормы схема *c* встречается также у нескольких слов, часто употребляющихся в обоих числах (*бáго*, *бáюдо*, *чúсло*); ср. также профессиональное *ситá*.

II. Слова с безударной основой.

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы схемам *f* и *e*⁵¹:

схема *f* — *крыльцб*, *плечб*, *тагрб*⁵¹;

схема *e* — *дитя* (мн. *дети*).

2. Следующие слова относятся к схеме *d*:

а) слова: *дно* (мн. *дбня*); *меньшинствб*; *уикб* (вариант к *ушко*); *берцб*, *лицб*, *кольцб*, *озерцб*, *яйцб*; *жививё*, *копё*, *ружвё*;

б) все слова со слоговой основой, оканчивающиеся иначе, чем на *твб*, на согласную + *кб*, на *цб*, *ьб*, *иб* или *иб*, за исключением слов *мазлб* (простореч.), *трелб* (муж. род), *порося*, *нитб* (существительное)⁵².

⁴⁹ Часто употребляемое мн. число имеют только слова *время*, *имя*, *плёмя*, *семя*, *стрёмя*. При словах *брёмя*, *вьмя*, *плáмя* Уш. дает помету «мн. редко», при словах *берёмя*, *тёмя* — помету «мн. нет».

⁵⁰ Ср.: *Дёревце*, *дересцб*, *к засухе зацело* (Лорка, «Деревцо», перев. А. Гелескула).

⁵¹ Уш. относит к схеме *f* слово *сельцб* (по АО схема *b*).

⁵² Для следующих из этих слов АО, Орф. или Уш. приводит словоформы мн. числа: *гнездб*, *скреблб*, *стеслб* (обл.), *седлб*, *помелб* (мн. *помелья*), *селб*, *челб*, *силб* (обл.; мн. *си́ла* и *си́лья*), *кайлб*, *хайлб*, *стеклб*, *соплб*, *дуплб*, *сверлб*, *жерлб*, *вселб*, *ремеслб*, *рукомеслб* (простореч.), *теслб*, *числб*, *путлб* (обл.), *крылб* (мн. *крьля*), *клеймб*, *ярмб*, *бельмб*, *письмб*, *бренб*, *ряднб*,

3. Остальные слова относятся к схеме *b*, например: *всещество*, *очкб*, *словоцб*, *остригѣ*⁵³.

**Группа третья. Существительные женского
морфологического рода
I субстантивного склонения (кроме *pluralia tantum*)**

I. Слова с ударной основой.

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы слов схемам *с* и *е*:

схема *с* — *дядя* (как термин родства) (вариант с мн. *дядьи*);
схема *е* — *дербяня*, *дбля*.

2. Все прочие слова относятся к схеме *a*, например: *буря*, *берёза*, *царяпина*, *наволочка*, *стихийя*, *юноша*, *староста*.

II. Слова с безударной основой.

1. Следующие слова относятся к схеме *f*:

а) с односложной основой:

<i>скобá</i>	<i>обжá</i> (// <i>ббжа</i> ,	<i>кошмá</i>	<i>моцá</i> (просто-
<i>губá</i> (все значе-	схема <i>a</i>)	<i>волнá</i> (// <i>d</i>)	реч.)
нил)	<i>дежá</i>	<i>копнá</i>	<i>соплá</i>
<i>судьбá</i> (устар.	<i>межá</i>	<i>щепá</i>	<i>зарá</i> (рассвет;
вариант)	<i>вожжá</i>	<i>тропá</i>	// <i>d</i>)
<i>слегá</i>	<i>слезá</i>	<i>пятá</i>	<i>ноздрá</i>
<i>серьгá</i>	<i>рекá</i> (// <i>f'</i> , <i>d</i> , <i>d'</i>)	<i>стропá</i>	<i>скамьá</i> (// <i>b</i>)
<i>скирдá</i>	<i>строкá</i> (// <i>f'</i>)	<i>блосá</i>	
<i>грядá</i>	<i>килá</i>	<i>свечá</i>	

б) с неодносложной основой: *голосá* (должностное лицо), *бороздá*, *слободá*, *сковородá*, *скородá* (обл.), *железá*, *просфорá* (*просвирá*), *полосá* (// *f'*), *простыни*.

2. Следующие слова относятся к схеме *f'*:

а) с односложной основой: *погá*, *средá* (день недели), *рекá* (// *f*, *d*, *d'*), *щекá*, *строкá* (// *f*), *доскá*, *рукá*, *стенá*, *горá*, *порá*, *крожá*;

б) с неодносложной основой: *голосá* (в обычном значении), *средá* (простореч. вариант к *средá*), *бородá*, *болонá*, *боронá*, *сторонá*, *полосá* (// *f*).

3. Следующие слова относятся к схеме *d*:

а) следующие слова с односложной основой, для которых ЛО, Орф., Уш. или АГ приводит словоформы мн. числа:

<i>избá</i> (// <i>d'</i>)	<i>главá</i> (все значе-	<i>дугá</i>	<i>нуждá</i>
<i>арбá</i>	нил)	<i>служá</i>	<i>звездá</i>
<i>трубá</i>	<i>травá</i>	<i>страдá</i>	<i>уздá</i>
<i>судьбá</i>	<i>вдовá</i>	<i>бедá</i>	<i>ордá</i>
<i>стрельбá</i>	<i>совá</i>	<i>средá</i> (окружение)	<i>удá</i>

взениб (мн. *взѣныи*), *веретенб*, *ситиб*, *окниб*, *волокиб*, *лукиб*, *сукиб*, *гукиб*, *зерниб*, *полотиб*, *пятиб*, *руниб*, *ребрб*, *всдрб*, *всдрб*, *ядрб*, *перб* (мн. *пѣрья*), *колесб*, *решетб*, *долотб*. Для прочих слов словоформы мн. числа с ударением по схеме *d* являются лишь потенциальными.

⁵³ Как можно вывести из предшествующих пунктов, к схеме *b* относятся: а) слова с неслоговой основой, кроме *дно*; б) слова со слоговой основой, оканчивающиеся на *тб*, на согласную + *кб*, на *цб*, *ѣб*, *иб* или *иеб*, за исключением слов, указанных в подпункте 2а, и слова *крыльцб*; в) слова *мазлб*, *треплб* (муж. род), *поросяб*, *ничтб* (существительное).

<i>рудá</i>	<i>метáл</i>	<i>стопá</i> (бумаги;	<i>верстá</i> (// <i>d'</i>)
<i>слюдá</i>	<i>скулá</i>	в стихе)	<i>дрофá</i>
<i>козá</i>	<i>басмá</i>	<i>крупá</i>	<i>софá</i>
<i>лозá</i>	<i>тюрьмá</i>	<i>игрá</i>	<i>стрезá</i>
<i>грозá</i>	<i>странá</i>	<i>икрá</i>	<i>дохá</i>
<i>киркá</i>	<i>женá</i>	<i>норá</i>	<i>снозá</i>
<i>лукá</i>	<i>винá</i>	<i>сестрá</i>	<i>созá</i>
<i>рекá</i> (// <i>d'</i> , <i>f</i> , <i>f'</i>)	<i>длинá</i>	<i>дырá</i>	<i>ользá</i>
<i>скалá</i>	<i>войнá</i>	<i>лесá</i> (// <i>лэса</i> ,	<i>овцá</i>
<i>шкálá</i>	<i>волнá</i> (// <i>f</i>)	схема <i>a</i>)	<i>змея́</i>
<i>иглá</i>	<i>веснá</i>	<i>лисá</i>	<i>пеши́я</i>
<i>стрелá</i>	<i>деснá</i>	<i>осá</i>	<i>заря́</i> (рассвет,
<i>пчелá</i>	<i>блеснá</i>	<i>косá</i> (орудие;	// <i>f</i>)
<i>пилá</i>	<i>соснá</i>	// <i>d'</i>)	<i>струя́</i>
<i>золá</i> (по <i>A1'</i>)	<i>плюснá</i>	<i>росá</i>	<i>судья́</i>
<i>смолá</i>	<i>лунá</i>	<i>метá</i> (// <i>мэта</i> ,	<i>семья́</i>
<i>полá</i>	<i>струнá</i>	схема <i>a</i>)	<i>свины́я</i>
<i>ветлá</i>	<i>толнá</i>	<i>плитá</i>	

б) слова (с односложной основой) *едá*, *жарá*, *желнá*, *корá*, *мука́*, *резьбá*, *ухá*, для которых словари не дают словоформ мн. числа;

в) все слова с неодносложной основой, оканчивающиеся на *инá*, *отá*, например: *величинá*, *старшинá*, *высотá*⁵⁴;

г) слова *колбасá*, *пастилá*, *скорлупá*, *стрекозá*, *тавляя́*.

4. Следующие слова относятся к схеме *d'* (все они имеют односложную основу): *избá* (// *d*), *дрозá*, *водá*, *рекá* (// *d*, *f*, *f'*), *зимá*, *ценá*, *спинá*, *косá* (из волос; отмель), *косá* (орудие; // *d*), *верстá* (// *d*), *душá*, *земля́*, *заря́* (сигнал).

5. Остальные слова относятся к схеме *b*, например: *стунья́*, *левшá*, *чертá*, *статья́*, *кишкá*, *западнá*, *колейá*, *госпожá*.

З а м е ч а н и я

В современном языке у многих слов, отнесенных выше к схемам *f*, *f'*, *d* и *d'*, ударение колеблется. Колебания, которые АО признает допустимыми, отражены в приведенных списках (см. слова *верстá*, *волнá*, *заря́*, *избá*, *косá*, *полосá*, *рекá*, *строкá*). Для слова *судьбá* (схема *d*) АО указывает, что параллельная схема *f* устарела. АГ (§ 269—271) отмечает наличие колебаний у более широкого круга слов: *волнá*, *грядá*, *лукá*, *свины́я*, *странá*, *строфá* (*d* и *f*); *водá*, *душá*, *стенá* (*d'* и *f'*); *бороздá*, *железá*, *крожá*, *полосá*, *сковородá*, *слободá*, *сторонá*, *строкá* (*f* и *f'*); *зимá*, *ценá* (*d'* и *d*); *рекá* (*f*, *f'*, *d*, *d'*). Для слов *веснá*, *золá*, *избá*, *норá*, *овцá*, *росá*, *созá* (схема *d*) АГ признает параллельную схему *d'* выходящей из употребления. О колебаниях свидетельствуют также следующие расхождения: для слов *скорлупá*, *снозá*, *стопá* (бумаги) АО указывает схему *d*, АГ — схему *f*; напротив, для слова *межá* АО указывает схему *f*, АГ — схему *d*. В разговорной речи колебания захватывают и многие другие слова; ср. так называемые «предупредительные пометы» в АО: *блужáт* [не *блужат*], *средáт* [не *срédат*] и т. п. Отметим слова, наименее подверженные колебаниям ударения: схема *f* — *губá*, *вожжá*, *ноздри́*, *слезá*, *сопáя*; схема *f'* — *головá* (в обычном значении), *горá*, *ногá*, *рукá*; схема *d'* — *душá*, *земля́*, *спинá* (характерно, что почти все они сходны по значению).

⁵⁴ АО приводит словоформы мн. числа только для следующих слов этого типа: *глубинá*, *сединá*, *быстринá*, *величинá*, *ветчинá*, *старшинá*, *вышинá*; *долготá*, *тяготá* (мн. *тяготы́*), *мерзлотá*, *кислотá*, *длиннотá*, *тошнотá*, *сиротá*, *широтá*, *красотá*, *высотá*, *частотá*, *пустотá*. Прочие слова этого типа имеют парадигму схемы *d* лишь потенциально.

Все эти колебания отражают давно начавшийся и еще не завершённый процесс изменения ударения в словах на *á, á*, который можно описать как стремление к максимальному акцентному противопоставлению чисел, т. е. к схеме *d* (флексивное ударение во всем ед. числе, наосновное ударение во всем мн. числе)⁵⁵. Этот процесс включает переходы двух типов: 1) *b* → *d*, *f* → *d*, *f'* → *d'* (переход к наосновному ударению во всем мн. числе); 2) *f'* → *f*, *d'* → *d* (переход к флексивному ударению в В. ед.). Таким направлением переходов объясняется стилистическая окраска многих словоформ-вариантов — книжная (поэтическая, архаизованная) у словоформ мн. числа с флексивным ударением (например, *судьба́ми*, *тола́ми*, *река́ми*) и В. ед. с наосновным ударением (например, *реку́*, *стро́ку*) и нейтральная или разговорная у словоформ с противоположным ударением (*судьба́ми*, *тола́ми*, *река́ми*, *реку́*, *стро́ку*): см. АГ, §§ 269 и 271.

Обратимся теперь к словам схемы *b*. Если исходить из того, что принадлежность или непринадлежность слова к числу *singularia tantum* известна, то состав слов схемы *b* можно описать так. Во-первых, сюда относятся *singularia tantum*, кроме входящих в подпункты 3б и 3в. Во-вторых, к схеме *b* относятся следующие группы слов, употребляемых в обоих числах (критерием считается отсутствие в Уш. пометы «мн. нет»): 1) все слова с послоговой основой, например *тля́*; 2) слова с односложной основой, оканчивающиеся на *ня́* (кроме *пейня́*) и на *ья́* (кроме *свинья́*, *сельья́*, *судья́*); 3) следующие слова с односложной основой: *раба́*, *мольба́*, *песня́*, *ага́*, *стега́* (обл.), *брюзга́*, *сайга́*, *тамега́*, *карга́*, *брада́*, *чреда́*, *бразда́*, *бада́*, *дуда́*, *зуда́*, *жанжа́*, *баржа́* (// *ба́ржа*, схема *a*), *коба́* (// *ко́баа*, схема *a*), *мирга́*, *мурга́*, *уза́* (// *у́за*, схема *a*; обл.), *чека́*, *башка́*, *нишка́*, *кляка́*, *хвала́*, *кайла́*, *мулла́*, *хула́*, *брыла́*, *юла́*, *дрема́* (дремота; трава), *кайма́*, *чалма́*, *корма́*, *хурма́*, *кума́*, *сума́*, *корчма́*, *плена́*, *княжна́*, *зурна́*, *мошна́*, *стопá* (ноги), *чадра́*, *бора́* (// *бо́ра*, схема *a*), *копра́* (// *ко́пра*, схема *a*), *тура́*, *краса́*, *киса́*, *фата́*, *чета́*, *бита́*, *лапта́*, *черта́*, *киста́*, *газета́*, *тапта́*, *мечта́*, *графя́*, *любя́*, *чохá* (*чу́ха*), *карча́*, *парча́*, *бача́*, *пача́*, *леся́*, *праця́*, *шея́*, *женя́*, *илея́*, *стея́*, *культя́* (почти все эти слова малоупотребительны; значительную их часть составляют старославянизмы и обозначения восточных реалий); укажем также некоторые из слов, имеющих в Уш. помету «мн. нет»: *зурьба́*, *божба́*, *звалы́бá*, *мурга́*, *яга́*, *кава́*, *фитя́*, *пария́*; 4) слова с неодносложной основой, кроме оканчивающихся на *ина́*, *ота́* и перечисленных в подпунктах 1б, 2б и 3г. При этом, однако, в соответствии с общей тенденцией, описанной выше, многие из этих слов (например, *кайла́*, *тура́*, *графя́*, *острова́*, *егоза́*, *пиала́*, *кобура́*, *конура́*) допускают в нелитературной речи схему *d*.

Группа четвертая. Существительные женского морфологического рода II субстантивного склонения (кроме *pluralia tantum*)

1. Следующие слова относятся к схеме *b'*:

- а) с односложной основой — *вошь*, *глушь*, *ложь*, *рожь*⁵⁶;
 б) с неодносложной основой — только слова *любь*, *нелюбь*.

2. Следующие слова относятся к схеме *e*:

⁵⁵ См. в частности: V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 203, 209, 229.

⁵⁶ По данным Был., к схеме *b'* относятся также следующие топонимы: *Кеть*, *Обь*, *Оль*, *Пермь*, *Русь*, *Тверь*, *Томь*.

а) с односложной основой:

<i>дробь</i>	<i>роль</i>	<i>сеть</i>	<i>полюсь</i> (обл.)
<i>скорбь</i>	<i>соль</i>	<i>полюсь</i> (пблоть; обл.)	<i>ость</i>
<i>зыбь</i>	<i>тень</i>	<i>смерть</i>	<i>кость</i>
<i>бровь</i>	<i>стень</i>	<i>борть</i>	<i>трость</i>
<i>кровь</i>	<i>цень</i>	<i>власть</i>	<i>шерсть</i>
<i>ветвь</i>	<i>дверь</i>	<i>славь</i>	<i>горсть</i>
<i>гроздь</i> (вариант с мн. <i>грозди</i>)	<i>рысь</i> (бег)	<i>масть</i>	<i>печь</i>
<i>жердь</i>	<i>мать</i>	<i>снасть</i>	<i>речь</i>
<i>грудь</i>	<i>стать</i>	<i>страсть</i>	<i>дочь</i>
<i>сельдь</i>	<i>клеть</i>	<i>часть</i>	<i>ночь</i>
<i>пядь</i>	<i>плеть</i>	<i>весть</i>	<i>мынь</i>
<i>щель</i>	<i>треть</i>	<i>десть</i>	<i>всць</i>
		<i>кисть</i>	<i>иць</i> (устар.) ⁵⁷

б) с неодносложной основой и начальным ударением:

<i>цёрковь</i>	<i>стёпень</i>	<i>лбпасть</i>	<i>вёдомость</i>
<i>лбшадь</i>	<i>мáтьерь</i>	<i>прбпасть</i>	<i>дблжность</i>
<i>плбщадь</i>	<i>пбдать</i>	<i>пбвесть</i>	<i>крёпость</i>
<i>бчередь</i>	<i>пблоть</i> (пблть; обл.)	<i>пбвость</i>	<i>скбрость</i>
<i>стёрлядь</i>		<i>пблбскость</i> (впри- мом знач.)	<i>мёлочь</i>
<i>пристань</i>	<i>чётверть</i>		<i>цёлочь</i>
<i>сáжень</i> (// са- жёнъ, схема а)	<i>скáтерть</i>	<i>вблость</i>	<i>свблочь</i> ⁵⁸
	<i>бблать</i>	<i>пблбсть</i>	

в) с неодносложной основой и неначальным ударением — только слово *ступёнъ* (в перен. значении)⁵⁹.

3. Остальные слова относятся к схеме а, например: *мысль, ткань, заповедь, глу́пость, тетрадь, осббенность*.

Группа пятая. *Pluralia tantum*

1. Следующие слова с ударной основой относятся к схеме е (все они имеют начальное ударение):

<i>бтруби</i>	<i>сáни</i>	<i>кúдри</i>	<i>мбци</i>
<i>чёрви</i>	<i>дрбвни</i> (// а)	<i>пбмочи</i>	<i>бубны</i>
<i>дёнъги</i> ⁶⁰	<i>сёни</i>	<i>клёци</i> (// клещй, схема б)	<i>пбхороны</i>
<i>дрбжжи</i>	<i>слюни</i>		<i>вблосы</i> ⁶¹

2. Прочие слова с ударной основой относятся к схеме а, например: *нобжницы, ворбта, брjúки*.

3. Слова с безударной основой относятся к схеме б, например: *весы, дрвбá, голубцы, поддавки*.

⁵⁷ В профессиональной речи медиков схему е обычно имеет также слово *боль*. Уш. и АГ дают схему е для слова *честь*.

⁵⁸ Уш. дает схемы а и е для слов *чёлость* и *лётонисъ* (по АО только а). АГ дает схему а для слов *пристань* и *прбпасть* (по АО схема е). Нелитературной признается схема е у слов *бтрасль, прибыль*. Эта схема возможна также у областного слова *рбстань* и устаревшего *дбведь*. Заметим, что в просторечии ряд слов рассматриваемой группы получает И. мн. на -á, -я (см. сноску 121) и, таким образом, переходит в схему с.

⁵⁹ По аналогии со словом *стёпень*.

⁶⁰ Вариант со схемой ударения а (Д. *дёнъгам* и т. д.) признается в АО устаревшим.

⁶¹ Также простореч. *ви́ни, крёсти*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные простого адъективного разряда

Прилагательные нулевого типа склонения относятся к схеме *a*, например *кбли*, *бáнту*.

Из прочих прилагательных к схеме *f* относится слово *сам*, к схеме *b* — следующие слова: 1) слова па *бй* (кроме *кой*), *йн* и *ын*, например: *морскбй*, *вторбй*, *такбй*, *мой*, *свой*, *Ильйн*, *одйн*; 2) *сей*, *чей*, *ничей*, *тот*, *весь*. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *дружеский*, *вблмий*, *третий*, *выб-чщийся*, *некоторый*, *дядин*, *отцбе*, *этот*, *наш*, *кой*.

Прилагательные расширенного адъективного разряда

Предварительное пояснение. В современном языке ударение в неатрибутивных словоформах прилагательных (в особенности с односложной основой) подвержено сильным колебаниям. Типичные колебания таковы: 1) между схемами ударения неатрибут. словоформ /с/ и /а/ (относительно обозначений см. § 6.16, примечание 2), например: *вла́стен*, *вла́стно*, *вла́стно* и *сла́тна*; 2) между схемами /с/ и /с'/, например: *ва́жен*, *ва́жны*, *ва́жно*, но *ва́жны* и *важны́*; *прост*, *проста́*, *просто*, но *просто́* и *проты́*; 3) между схемами /с/ и /b/, например: *бел*, *белá*, но *бело* и *белб*, *бёлы* и *белы́*; 4) между схемами /b/ и /b'/, например: *свеж*, *свежá*, *свежб*, но *свежй* и *свежи*. В приводимых ниже списках эти колебания обозначаются надстрочными цифрами при прилагательных (в соответствии с данной здесь нумерацией), например: *вла́стный*¹, *ва́жный*², *просто́й*², *белы́й*³, *свежий*⁴. Следует учитывать, однако, что нормативные указания АО и других словарей (соблюденные ниже в соответствии с § 4.2) в этом отношении недостаточно полно отражают современное состояние языка. В готовящемся новом издании АО многие из этих указаний предполагается изменить. Новые нормативные рекомендации по ударению прилагательных подготовлены Н. А. Еськовой⁶². Рекомендации Н. А. Еськовой, расходящиеся с АО, приведены ниже при соответствующих прилагательных в квадратных скобках. Так, например, запись *грешный*² [4] означает, что по АО неатрибут. словоформы этого прилагательного колеблются между схемами ударения /с/ и /с', а по Н. А. Еськовой — между /b/ и /b'.

А. Из числа прилагательных с дефектом № 14 (см. § 3.4 и список в § 3.3, II Г) к схеме ударения *a/b* относятся *какбе*, *такбе*, *дблжен*, к схеме *a/c* — *люб*; остальные относятся к схеме *a/a*, например: *рад*, *одинёшенек*.

Б. Из числа причастий к схеме *a/b* относятся *данный*, *сданный*, *пересданный* и все па *ённый*, например *решённый*, *сочинённый*; к схеме *a/c* относятся причастия па *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый* (кроме *выжитый*, *вылитый*), а также причастия *заинный*, *вйтый*, *запертый*, *отпертый*, *взятый*, *проклятый*; между схемами *a/c* и *a/a* колеблются причастия па *данный* (кроме *выданный* и указанных выше), *витый* (кроме *вйтый*) и *питый* (кроме *выпитый*), а также причастие *онёртый*. Прочие причастия относятся к схеме *a/a*, например: *сделанный*, *зашитый*, *рисуемый*.

В. Прочие прилагательные распределяются по схемам ударения так:

⁶² Эти рекомендации основаны на исследовании Н. А. Еськовой «Подвижное ударение в системе имени прилагательного в русском литературном языке XIX — XX веков» (еще не опубликованном). Автор приносит Н. А. Еськовой благодарность за разрешение ознакомиться с этим исследованием и использовать подготовленные ею нормативные рекомендации.

Прилагательные на -ый и -ий

1. Следующие прилагательные относятся к схеме *a/c* или колеблются между этой схемой и схемой *a/c'*, *a/b* или *a/a* (об обозначениях см. выше):
а) с односложной основой:

долгий	крепкий ^[2]	сызый	влажный ^[2]	тошный ^[2]
строгий	цепкий	борзый	нежный ²	звучный ^[2]
рыжий	липкий	дріблый	слабенький ^[2]	скучный ²
дожий	злипкий	наглый	нужный ²	тучный ^[2]
гибкий	топкий	смуглый ^[2]	дружный ²	страшный ²
шибкий	терпкий	кру́глый ^[2]	грбзный ²	грешный ² [4]
знобкий	хрупкий	пбдлый	грүзный ²	тошный
робкий	злюпкий	белый ³	грязный ²	душный ^[2]
зыбкий	варкий	квёлый	стройный ^[2]	слабый ²
зыбкий	жаркий	смелый ^[2]	буйный	пишный ^[2]
кбакый	зоркий	спелый	полный ³	моцный
ловкий	юркий	зрелый	тёмный ³ [4]	земельный
совкий	яркий	целый	скрбмый	целый
мягкий	побский	топый ²	топный	сильный ²
гадкий	лрбский	хилый	умный ³ [a/b]	вольный (сво- бодный) ²
гладкий	броский	түсклый	шумный ^[2]	
слабкий	тряский	голый	странный	пишный
сáдкий	звátкий	тёплый ³ [4]	длинный ³	юный
эдкий	кátкий	хрипый	чинный	п'яный ^[2]
редкий	краткий	сиплый	склонный ^[1]	глухой
жидкий	меткий	цупый	кру́пный	старый ³
хбжий	чёткий	кислый	верный ²	хрáбрый ^[2]
тяжкий	крбткий	светлый ^[4]	скверный	добрый ²
мáзкий	верткий	пу́хлый	чёрный ³ [4]	цедрый ^[2]
резкий	жесткий	түхлый	жирный ^[2]	ббдрый ²
близкий ²	злэсткий	рызлый	смирный	мудрый ^[2]
склизкий	хрүсткий	др'злый	бурный	серый
низкий ²	жүткий	пбшлый	красный ^[3]	сирый
дёрзкий	чүткий	сббный	пресный	мбчрый ^[2]
мёрзкий	прыткий	п'аоный ^[1]	тесный ²	хвбрый
үзкий ²	горький	слáвный	вкусный ²	скбрый
скользкий	синий	гнивный ^[1]	внушний ^[2]	спбрый
влякий	түхий	рбонный ^[2]	знсный ²	хйтрый ^[3]
дикый	ветхий	нёрный	знáтый ^[2]	нестрый ³
ббйкий	ббций	жэдный ²	стáтный	бстрый
стойкий	нищий	лэдный	п'обтмый ^[2]	(прям., знач.)
вáлый	тощий	склáдный	пбтмый	вбстрый ^[3]
жáлый	слабый ² [a/c]	бэдный ²	влáстный ¹	цүстрый
мелкий	грубый	б'эдный ²	стрáстный	ббстрый
кбакый	правый	вердный ²	честный ^[2]	бүрый
гүлкый	резвый	вйдный ²	пбстный	смүрый
мылкый	трэвый	гбдный ²	грустный ²	хмүрый
пылкый	сивый	мбдный	мүтный	м'сыи
лбмкий	новый ²	схбдный ^[1]	смүтный	жёлтый ³
грбмкий	мёртвый	скүдный ^[2]	сытный	частый
звбкий	(прям. знач.)	нүдный ^[2]	смáнный	чбстый ²
гбнкий	чёрствый ²	трүдный ²	мрáчный ^[2]	тблстый ²
тонкий	чүжбый	стбдный	прбчный ²	сытый
цáпкий	твёрдый	вáжный ²	сбчный ^[2]	лютый
	гбрдый ²			

б) с неодносложной основой:

далёкий ³	глуббкий ³	жестбкий ^[1]	удáлый	холодный ²
великий (вы- дающийся)	ширбкий ³	корбткии ³ [2]	весёлый ^[2]	зелёный ^[2]
	высбкий ³	дешёвый	голодный ²	солёный ^[2]

2. Следующие прилагательные относятся к схеме *a/b* или колеблются между этой схемой и схемой *a/b'*:

а) с односложной основой: *свѣжій*⁶⁴, *лёгкий*⁶⁴ [*a/b*], *мёртвый* (в перен. знач.), *малый*, *равный*, *вблнный* (что-л. сделать), *острый* (остроумный); б) с неодносложной основой: *великий* (большой), *маленький* (неатрибут. словоформы *мал*, *мала*, *мало*, *малы*), *горячий*, *хорший*, *здоровый* (большой, сильный; простореч.), *тяжёлый*, *мудрёный*; кроме того, прилагательные на *ённый*, входящие в список, данный в § 6.32, пункт 296, например *врождённый*, *влюблённый*.

3. Прочие прилагательные относятся к схеме *a/a*, например: *суровый*, *торжественный*, *кучый*⁶³.

З а м е ч а н и е. По данным Н. А. Еськовой, к схеме *a/c* относятся также прилагательные *сбликий*, *на́ркий*, *ка́чий*, *лю́бий*, *дв́жлий*, *гла́дный*; прилагательное *оби́ий* в значении 'однаково свойственный' относится к схеме *a/c*, а в значении 'отвлеченный, недостаточно конкретный' — к схеме *a/b'*; прилагательные *мёртвый* и *острый* допускают схемы *a/c* и *a/b* в любом из своих значений.

Прилагательные на -ой

1. Следующие прилагательные относятся к схеме *b/c* или колеблются между этой схемой и схемой *b/c'* или *b/b'*:

а) с односложной основой:

<i>ряб́ой</i>	<i>младб́ой</i>	<i>прямб́ой</i>	<i>сырб́ой</i>	<i>крутб́ой</i>
<i>живб́ой</i>	<i>седб́ой</i>	<i>дряинб́ой</i> ^[3]	<i>босб́ой</i>	<i>свято́й</i>
<i>кривб́ой</i>	<i>худб́ой</i> ^[2]	<i>дуриб́ой</i> ²	<i>косб́ой</i>	<i>лижб́ой</i> ²
<i>благб́ой</i>	<i>гнилб́ой</i>	<i>слепб́ой</i>	<i>простб́ой</i> ²	<i>млохб́ой</i>
<i>назб́ой</i>	<i>немб́ой</i>	<i>скупб́ой</i> ^[2]	<i>густб́ой</i> ²	<i>глухб́ой</i>
<i>тузб́ой</i>	<i>хромб́ой</i>	<i>тупб́ой</i>	<i>пустб́ой</i> ^[2]	<i>сухб́ой</i>

б) с неодносложной основой: *дорогб́ой*, *молодб́ой*, *удалб́ой*, *развитб́ой*, *холостб́ой*.

2. Прочие прилагательные относятся к схеме *b/b*, например: *злой*, *смениб́ой*, *озорнб́ой*⁶⁴.

З а м е ч а н и е. Как можно видеть, у прилагательных расширенного адъективного разряда схема ударения агрибутивных словоформ (т. е. левая часть в составном обозначении схемы ударения) определяется по тем же правилам, что у прилагательных простого адъективного разряда.

⁶³ Перечислим прилагательные схемы *a/a* с односложной основой, при которых АО приводит неатрибут. словоформы: *пѣгий*, *взб́жий*, *схб́жий*, *всхб́жий*, *плѣкый*, *па́кий*, *клейкий*, *ёмкий*, *ма́кий*, *вѣский*, *носский*, *тря́ский*, *ша́ткий*, *дрѣнный*, *пѣнный*, *здравый*, *алый* [!], *блѣкый*, *рослый*, *взрослый*, *чѣхлый*, *зѣхлый*, *жѣхлый*, *дб́шлый*, *вѣлый*, *злб́нный*, *дрб́нный*, *скорб́нный*, *нравный*, *дѣвный* [!], *явный*, *смрад́ный*, *чд́ный*, *прѣзный*, *срб́дный*, *чудный*, *людный*, *смеж́ный*, *снеж́ный*, *лб́жный*, *связ́ный*, *зб́нный*, *чвѣнный*, *тлѣнный*, *брѣнный*, *цѣнный* [!], *сб́нный*, *тб́нный*, *мѣрный*, *ми́рный*, *вздрб́нный*, *сбр́нный*, *гласный*, *касный*, *сноб́ный*, *кратный*, *тицѣнный*, *смѣртный*, *лѣстный*, *злб́стный*, *скрѣтный*, *внѣтный*, *вѣчный*, *алчный*, *жѣлчный*, *склб́чный*, *срб́чный*, *зѣчный*, *спѣшный*, *хищный*, *сѣдный*, *дѣльный*, *стѣльный*, *рдѣный*, *прѣный*, *рѣный*, *ярый*, *ру́сый*, *куч́ый*, *прѣлый*.

⁶⁴ Перечислим все прилагательные схемы *b/b*, для которых АО приводит неатрибутивные словоформы: *злб́й*, *роднб́й*, *чуднб́й*, *блжб́нб́й*, *смешнб́й*, *шалыб́й*, *глѣлыб́й* [3], *болыб́й*. Отметим, что в соответствии с § 4.2 прилагательное *болыб́й* имеет неатрибут. словоформы *велик*, *велика*, *велико*, *велики*.

Со статистической точки зрения у русских имен господствующим является неподвижное ударение: оно представлено у 96% имен (в том числе схема *a* — у 90%, схема *b* — у 6%), а подвижное ударение — только у 4%.

Слова бесчисловых разрядов распределяются по схемам ударения так: схема *a* — 45 слов, *b* — 34, *e* — 15, *e''* — 1. Особенность этих разрядов составляет, таким образом, необычно высокий процент слов схем *b* и *e*.

Распределение существительных и прилагательных по схемам ударения показано в приводимых ниже таблицах. Самостоятельные графы отведены в этих таблицах только для основных схем ударения; данные о второстепенных схемах ударения приведены в сносках. В таблице существительных отражено противопоставление субстантивных и несубстантивных типов склонения, а также деление существительных субстантивных типов склонения на пять групп, использованное выше в настоящем параграфе. Для наглядности существительные разбиты на два класса в зависимости от того, содержит ли гласную окончание исходной словоформы. Учтено также действительное ударение исходной словоформы (в той мере, в какой оно существенно для распределения слов по схемам ударения); для этого выделены следующие пять типов:

- А — слова с ударной односложной основой;
- Б — слова с начальнударной неодносложной основой;
- В — слова со срединноударной неодносложной основой;
- Г — слова с конечнударной неодносложной основой;
- Д — слова с безударной основой.

В таблице прилагательных учтено деление на грамматические разряды; кроме того, особо выделены причастия. Численность той или иной группы слов указывается (как правило, округленно) в квадратных скобках, а также символизируется шрифтом соответствующего слова-образца; см. об этом § 6. 2, пункт 4. В тех клетках таблицы существительных, где содержится несколько образцов, число в квадратных скобках показывает суммарную численность. Перечеркнутая клетка означает, что для слов соответствующей группы данная схема ударения невозможна в принципе. Слова с дефектами № 6 и 7 (см. § 3. 4) в таблицах не учтены.

Таблицы в наглядной форме отражают основные закономерности, лежащие в основе данных выше правил. (Из текста правил эти закономерности усмотреть труднее, поскольку в силу своей полноты эти правила малообозримы.) Так, например, таблица существительных позволяет непосредственно установить, что у существительных группы 2 со срединноударной или конечнударной основой (*болото*, *посмешище*, *государство* и т. п.) возможна только схема ударения *a*; что у существительных группы 1 с конечнударной основой (*студент*, *пароход*, *топор* и т. п.) возможны схемы *a*, *b*, *c* и *d*, однако широко представлены лишь

Таблица распределения существительных по схемам ударения

Группа существительных		Неподвижное ударение		Подвижное ударение				
		a	b	c	d	e	f	
I. Окончание исходной словоформы не содержит гласной								
Существительные типы склонения	гр. 1	А Б В Г	СПОР СПОСОБ ХАРАКТЕР ЗАВОД [11 400]	СТОЛ УГОЛ — КУЛАК [1700]	САД НОМЕР учитель госп о́дьян [250]	КОЛ — — КОПЫЛ [14]	ВОЛК ГЛУБЬ — — [50] *	КОНЬ [УГОЛЬ] — — [5]
	гр. 4	А Б В, Г	МЫСЛЬ ПОЧЕСТЬ ТЕТРАДЬ [3100]	— **	—	—	НОЧЬ ПЛОЩАДЬ [ступень] [80]	—
Несубстантивные типы склонения		А—Г	ШОССЕ [380]	свой [3]	—	—	—	—

II. Окончание исходной словоформы содержит гласную

Существительные типы склонения	гр. 2	А Б В, Г	КРЕСЛО ЗДАНИЕ ЛЕКАРСТВО [4900]	—	море облако — [33]	—	[ухо, око] — —	—
		Д	—	ВЕЩЕСТВО [130]	—	число [70]	—	плечо [3] ***
	гр. 3	А—Г	КАРТА [10 700]	—	[дядя]	—	[доля, де- ревня]	—
		Д	—	ЧЕРТА [340]	—	БЕДА [185] **	—	губа [40] * *
	гр. 5	А Б В, Г	бусы ножницы ворота [390]	—	—	—	сапи отруб — [15]	—
		Д	—	весы [60]	—	—	—	—
	Несубстантив- ные типы склонения	А—Г	лещи [720]	—	—	—	—	—
		Д	—	ПРЯМАЯ [120]	—	—	—	—
Всего (округленно)			31 600	2350	285	270	150	50
То же в % от общего числа существительных			91	6,8	0,8	0,8	0,45	0,15

* Кроме того, два слова (*ребёнок, человек*) относятся к схеме *e'*.

** Имеется, однако, шесть слов схемы *b'*.

*** Кроме того, одно слово (*дитя*) относится к схеме *e''*.

** В том числе около 70 слов (*singularia tantum*), для которых схема *d* является лишь потенциальной. Кроме того, 13 слов относятся к схеме *d'*.

** Кроме того, 18 слов относятся к схеме *f'*.

Таблица распределения прилагательных по схемам ударения

Схема ударения		a (= a/a)	a/b	a/c	b (= b/b)	b/c	f
		Группа прилагательных					
Расширенный адъективный разряд	причастия (на нный и тый)	сделанный [3800]	решенный [1040]	взятый [75]	—	—	—
	прочие прилагательные	суровый [10 750]	хоробный [40] *	целый [255] **	смешной [20]	живой [35] ***	—
Простой адъективный разряд		русский [3100]	 	 	иной [900]	 	[сам]
Всего		17 650	1080	330	920	35	1
То же в % от общего числа прилагательных		88	5,4	1,7	4,6	0,2	—

* В том числе два слова (*лёгкий, свежий*), допускающих также схему a/b'.

** В том числе 40 слов, допускающих также схему a/c'.

*** В том числе четыре слова, допускающих также схему b/c'.

первые две, а две последние насчитывают не более, чем по десятку слов. Из таблицы существительных можно выявить также следующие наиболее общие закономерности: схемы *c* и *e* возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на первый слог; схемы *b*, *d* и *f* возможны (у существительных субстантивных типов склонения) только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на последний слог; схема *a* возможна при ударении в исходной словоформе на любом по счету слоге, но обязательно на основе. (Имеется всего несколько слов, отклоняющихся от этих закономерностей.)

Комментарии к понятию условного ударения

§ 6.18. Почему при построении главной акцентуационной характеристики парадигм использовано сравнительно сложное вспомогательное понятие условного ударения, а не гораздо более простое понятие действительного ударения? Рассмотрим ход рассуждений, приводящий, во-первых, к понятию условного ударения вообще, во-вторых, к выбору именно того правила приписывания условного ударения, которое дано в § 6.15. Поскольку содержание § 6.15 есть не что иное, как конечный результат приводимых ниже рассуждений, в самих этих рассуждениях оно, естественно, не используется.

В соответствии с § 5.5, при построении акцентуационной характеристики словоформы должно учитываться прежде всего то, на какой из двух главных морфологических компонентов словоформы — основу или окончание — падает действительное ударение. Для большинства словоформ (например, *дожд|ь*, *карт|а*, *сурб|ь*) в принципе возможны два ответа на этот вопрос (из которых, разумеется, правилен только один). Иначе обстоит дело с особым классом словоформ, у которых один из компонентов не содержит гласной, например: *дожд|ь*, *карт|*, *сурб|*, *зло*, *всегб*. Очевидно, что здесь ответ на указанный вопрос предопределен буквенным составом компонентов. Можно сказать, что признак «место действительного ударения» в этих словоформах нейтрализован. Лингвистическая практика показывает, что нейтрализованные значения некоторого признака следует отличать от внешне совпадающих с ними «свободно выбранных» значений того же признака. Проверим, насколько полезна особая трактовка нейтрализованных значений в данном случае.

При учете ударения в словоформах с неслоговым компонентом в принципе возможны следующие три типа решений:

1. Учитывается только действительное место ударения (т. е. нейтрализация не принимается во внимание). Так, например, словоформы *дождь*, *карт*, *сурб* получают значение «ударение на основе», словоформы *зло*, *всегб* — «ударение на окончании».

2. В дополнение к двум имеющимся значениям признака «место ударения» вводится значение «ударение нейтрализовано». Оно приписывается всем словоформам с неслоговым компонентом (т. е. и словоформам типа *дождь*, и словоформам типа *зло*). Ударению, учитываемому в соответствии с этим решением, дадим рабочее название «функционального».

3. Каждой словоформе с неслоговым компонентом приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака («ударение на основе» или «ударение на окончании»), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составленному правилу. Ударению, приписанному словоформе по этому правилу, дадим название «условного». Таким образом, у словоформ с двумя слоговыми компонентами будет учитываться действительное ударение, а у словоформ с неслоговым компонентом — условное. Поскольку, однако, такое неединообразие неудобно с формальной точки зрения, будем считать, что условное ударение имеют все без исключения словоформы, но у тех словоформ, где оба компонента слоговые, условное ударение совпадает с действительным.

Заметим, что решение 1-го типа, так же, как и решение 2-го типа, единственно. Напротив, решений 3-го типа может быть много, поскольку возможно много разных правил приписывания условного ударения.

Условимся обозначать ударение (любого типа) на основе знаком +, ударение на окончании знаком —; значение «ударение нейтрализовано» (возможное только при решении 2) будем обозначать нулем. Запись, показывающую, каково действительное (функциональное, условное) ударение в каждой словоформе парадигмы, будем называть с х е м о й д е й с т в и т е л ь н о г о (соответственно ф у н к ц и о н а л ь н о г о, у с л о в н о г о) у д а р е н и я этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) В § 6.18—6.22 мы будем употреблять выражение «схема ударения» (без уточнения) лишь в том случае, если почему-либо необходимо отвлечься от способа учета ударения.

Какое из описанных выше решений следует предпочесть? Попытаемся вначале ответить на этот вопрос с помощью рассуждений неформального или не вполне формального характера (т. е. способом, наиболее обычным для лингвистических работ). Ограничимся здесь рассмотрением существительных (при этом *plurabilia tantum* и существительные с дефектной парадигмой для упрощения исключим). Этого материала достаточно для выяснения вопросов принципиального характера.

Будем исходить из того, что существует (по крайней мере, у лингвистов) интуитивное представление о том, что различие в месте действительного ударения между двумя русскими словоформами (из разных парадигм или из одной и той же парадигмы)

в одних случаях является независимым (т. е. не обусловлено никакими иными различиями между сравниваемыми словоформами), а в других случаях — зависимым (т. е. представляет собой не более, чем автоматическое следствие каких-то иных различий). Так, например, акцентуационные различия в парах словоформ *дождий*—*звзди*, *черть* (И. мн.)—*стрёлы*, *правила* (И. мн.)—*зеркала*, а также *звзди*—*звоздѣй*, *стрелá*—*стрѣлы*, *стрелá*—*стрел*, *зѣркало*—*зеркала*, *зѣркало*—*зерка́л* естественно считать независимыми. Напротив, акцентуационные различия, например, в парах словоформ *ханжѣй*—*госпбж*, *облабѣ*—*зерка́л*, а также *госпожѣй* (И. мн.)—*госпбж*, *черть* (И. мн.)—*черт*, *зеркала́*—*зерка́л* естественно считать простым следствием того, что у одного из членов пары окончание слоговое, а у другого неслоговое (а именно нулевое). Так, рассматривая пары типа *полк*—*полка́*, *местá*—*мест*, *нѣс*—*несла́*, Р. И. Аванесов пишет: «Различие в месте ударения в подобных случаях не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное»⁶⁵.

При построении акцентуационной характеристики отдельных словоформ и целых парадигм естественно стремиться к тому, чтобы эта характеристика учитывала независимые акцентуационные различия и не учитывала зависимых. Только в этом случае можно избежать так называемого «дублирования» одних различительных признаков другими, т. е. учета одного и того же факта одновременно несколькими различительными признаками. Сравним с этой точки зрения перечисленные выше решения.

Решение 1 носит, с этой точки зрения, наиболее «механический» характер: констатируется лишь само положение действительного ударения и никак не учитывается то, какими причинами — собственно акцентуационными или внешними по отношению к акцентуации — определяется это положение. Например, каждое из слов *ханжá*, *госпожá*, *облако*, *зѣркало* имеет особую схему действительного ударения. Таким образом, независимые акцентуационные различия (например, между парадигмами *ханжá* и *облако*) оказываются в одном ряду с зависимыми (например, между парадигмами *ханжá* и *госпожá*, *облако* и *зѣркало*). Различие в паре парадигм *ханжá*—*госпожá* (или в паре *облако*—*зѣркало*) учитывается в этом случае при классификации парадигм дважды: как различие в наборе окончаний и как акцентуационное различие; иначе говоря, различительные признаки частично «дублируют» друг друга.

⁶⁵ Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 73.

Решение 2 менее «механично»: значение 0 служит здесь предупреждением о том, что действительное ударение соответствующей словоформы непоказательно, т. е. может определяться не собственно акцентуационными, а внешними причинами. При данном решении, если одна из двух сравниваемых словоформ имеет значение плюс, а другая минус (например, *звѣзды—дождѣи, стрелѣ—стрѣлы*), это означает, что их акцентуационное различие является независимым. Если же одна из сравниваемых словоформ имеет плюс или минус, а другая нуль (например, *карта—карт, чертѣ—черт, зѣркало—зеркал, стрелѣ—стрел*), то ничего определенного сказать нельзя. Так, в паре *карта—карт* вообще нет различия в месте действительного ударения, в паре *чертѣ—черт* имеется зависимое различие, в парах *зѣркало—зеркал* и *стрелѣ—стрел* имеются независимые различия. Таким образом, решение 2 позволяет лишь частично разграничить зависимые и независимые акцентуационные различия; с другой стороны, по-разному трактуются некоторые словоформы (типа *карта—карт*), между которыми вообще нет акцентуационного различия. Не устранено также взаимное «дублирование» различительных признаков, поскольку, например, каждое из слов *ханжѣ, госпожѣ, облако, зѣркало* получает, как и в решении 1, особую схему ударения.

Наибольшие возможности для достижения поставленной цели дает 3-й тип решений. Так, например, можно следующим образом приписать условное ударение рассмотренным выше словоформам с неслововым компонентом: *дождѣи —, карт +, сурѣи +, зло —, всегѣи —, стрел +, зѣркал —, госпож —, черт —*. Как легко проверить, все отмеченные выше независимые акцентуационные различия (например, *стрелѣ—стрѣлы, стрелѣ—стрел, зѣркало—зеркал, зѣркало—зеркал*) будут отражены в этом случае как противопоставление условного ударения на основе и условного ударения на окончании. С другой стороны, ни одно из отмеченных выше зависимых акцентуационных различий (например, *чертѣ—черт, зеркалѣ—зеркал, зѣркал—облаков*) вообще не будет учтено (поскольку соответствующие пары словоформ получат одинаковое условное ударение). Парадигмы *ханжѣ* и *госпожѣ* (так же, как парадигмы *облако* и *зѣркало*) получат одинаковые схемы условного ударения; иначе говоря, взаимного «дублирования» различительных признаков не будет. Таким образом, для взятой совокупности примеров наша цель достигнута.

Разумеется, из рассмотренных примеров еще нельзя вывести никакого общего правила расстановки условного ударения, которое обеспечивало бы достижение поставленной цели для всех парадигм. Для построения такого правила попытаемся выяснить, на чем основано интуитивное представление о зависимых и независимых акцентуационных различиях. По-видимому, источник этого представления лежит в сравнении (осознанном или неосоз-

нанном) каждой взятой словоформы, во-первых, с другими словоформами той же парадигмы, во-вторых, с соответствующими (по грамматическому значению) словоформами других парадигм. Так, например, мы замечаем, что практически у всякого существительного, имеющего в Р. мн. слоговое окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Д. мн., Т. мн. и П. мн.; ср. *спбров, спбрам, спбрами, спбрах; столбв, столбам, столбами, столбам; коней, коням, конями, конях; мышей, мышам, мышами, мышам* и т. д.⁶⁶ Отсюда представление о некотором «нормальном» (для данного слова) месте действительного ударения во всей указанной группе словоформ. Это представление естественно распространяется и на словоформы Р. мн. с неслоговым окончанием. Реально наблюдаемое ударение таких словоформ может либо соответствовать этому представлению (например: *карт, ср. карма, кармаи, кармах; стрел, ср. стрелам* и т. д.; *корбв, ср. корбам* и т. д.), либо не соответствовать (например: *черт, ср. чертам, чертами, чертам; зеркал, ср. зеркалам* и т. д.; *мест, ср. местам* и т. д.; *голуб, ср. головам* и т. д.). В последнем случае возникает представление о «вынужденном сдвиге» ударения⁶⁷; акцентуационные различия в парах типа *черт—чертам, зеркал—зеркалам, мест—местам, голуб—головам* воспринимаются как зависимые. Аналогичная ситуация наблюдается в И. ед.: у всякого существительного, имеющего в И. ед. слоговое окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Р. ед., Д. ед., Т. ед. и П. ед.; ср. *место, места, месту, местом, месте; стрел, стрелы, стреле, стрелой* и т. д. Отсюда вытекают аналогичные следствия: действительное ударение в словоформах типа *завбд* (ср. *завбда* и т. д.), *тетрадъ* (ср. *тетради* и т. д.) воспринимается как «нормальное», а в словоформах типа *топбр* (ср. *топор* и т. д.), *гвоздь* (ср. *гвоздя* и т. д.) — как «вынужденно сдвинутое»⁶⁸.

Очевидно, что для достижения поставленной выше цели следует словоформам с неслоговым окончанием, имеющим «нормальное» ударение (например, *карт, завбд*), приписывать условное ударение на основе, а имеющим «вынужденно сдвинутое» ударение (например, *черт, топбр*) — условное ударение на окончании. Практи-

⁶⁶ Исключения составляют только ряды: *детей, детям, детьми, детям; людей, людям, людьми, людям*.

⁶⁷ Примечательно, что «скрытое» ударение на окончании в таких словоформах немедленно обнаруживает себя, если только у словоформы почему-либо появляется вариант со слоговым окончанием: ср. просторечные *местве, зеркалве*, ср. также *простыней* наряду с *простынь*, *свечей* наряду с *свечи* и т. п. (в то же время совершенно невозможны словоформы вроде **местов, *зеркалов, *простыней, *свечей*).

⁶⁸ В словоформах И. ед. типа *топбр* «сдвиг ударения» ощущается несколько менее явно, чем в словоформах Р. мн. типа *зеркал*. Причина здесь, по-видимому, в том, что словоформа И. ед., служащая обозначением самого слова, естественно воспринимается как нечто данное изначально, первичное по отношению к остальным словоформам.

чески это значит, что всякой словоформе Р. мн. с неслоговым окончанием должно быть приписано условное ударение, совпадающее с действительным ударением словоформы Д. мн. (или Т. мн., или П. мн.) того же слова; всякой словоформе И. ед. с неслоговым окончанием должно быть приписано условное ударение, совпадающее с действительным ударением Р. ед. (или Д. ед., или Т. ед., или П. ед.) того же слова. Для единообразия можно условиться всегда брать в качестве «контрольной», например, словоформу Д. падежа (соответствующего числа).

Помимо словоформ Р. мн. и И. ед. с неслоговым окончанием, имеются только следующие группы словоформ с неслоговым компонентом: 1) словоформы, омонимичные рассмотренным выше, например В. мн. *рыб, госпбж*; В. ед. *завбд, топбр*; им можно просто приписать то же условное ударение, что и соответствующим словоформам Р. мн. или И. ед.; 2) все словоформы неизменяемых существительных, например *шоссé*; им естественно приписать условное ударение на основе; 3) немногочисленные словоформы с неслоговой основой, например *зло, тля, львы*; им проще всего приписать условное ударение на окончании. Легко убедиться, однако, что предложенное выше правило (об использовании словоформы Д. падежа в качестве «контрольной») дало бы во всех этих случаях те же самые результаты. Таким образом, это правило пригодно для всех словоформ существительных.

Итак, рассмотрев три возможных типа решений, мы пришли к выводу, что наилучшим, с точки зрения выдвинутого выше неформального критерия, является 3-й тип. Далее был произведен выбор среди возможных решений 3-го типа.

§ 6.19. Как уже отмечалось, приведенные рассуждения носят неформальный характер. Представляет интерес попытка их формализовать. Оказывается, что такая формализация действительно возможна. При этом обнаруживается следующий замечательный факт: если при выборе решения стремиться только к тому, чтобы общее число разных схем ударения, представленных в склонении существительных, было минимальным, то мы приходим к решению, которое было предложено выше на основании неформальных лингвистических соображений⁶⁹. Иначе говоря, деятельность лингвиста может быть в данном случае успешно смоделирована с помощью столь простого формального критерия, как м и н и м а л ь н о с т ь о б щ е г о ч и с л а с х е м у д а р е н и я.

⁶⁹ Точнее говоря, критерий минимальности общего числа схем ударения обеспечивает совпадение с предложенным выше решением для 98,7% обследованных существительных; для остальных 1,3% существительных он допускает как совпадение, так и несовпадение. Полное совпадение достигается лишь после наложения дополнительного требования, чтобы эти 1,3% существительных обрабатывались по общим для всех слов, а не по каким-либо особым правилам (см. об этом § 6.21).

Опишем процедуру поиска решения, наилучшего с точки зрения данного формального критерия. Как уже указано, материалом служат все рассматриваемые в настоящей работе существительные, кроме *pluralia tantum* и существительных с дефектами (т. е. около 34 200 слов). При этом все вторичные словоформы, кроме словоформ В. ед., из рассмотрения исключены⁷⁰; иначе говоря, каждая парадигма считается состоящей только из 11 словоформ: ед. ч. — И., Р., Д., В., Т., П.; мн. ч. — И., Р., Д., Т., П. Приняв для всех парадигм указанный порядок словоформ, мы можем представить схему действительного или условного ударения любого существительного просто как некоторую 11-местную строку из плюсов и минусов, схему функционального ударения любого существительного — как 11-местную строку из плюсов, минусов и нулей.

Обследование материала показывает, что число разных схем действительного ударения у русских существительных равно 22, а число разных схем функционального ударения — 39 (см. § 6.21). Таким образом, с точки зрения принятого критерия решение 1 лучше, чем решение 2. Приведем теперь пример решения 3-го типа, при котором общее число схем ударения меньше, чем при решении 1. Назовем «словами типа *черта́*» существительные со следующей схемой действительного ударения: «плюс в Р. мн., минус в остальных словоформах». Примем следующее правило приписывания условного ударения: 1) словоформам Р. мн. с неслоговым окончанием у слов типа *черта́* приписывается условное ударение на окончании; 2) всем прочим словоформам приписывается условное ударение, совпадающее с действительным. Как показывает проверка, слов типа *черта́* со слоговым окончанием в Р. мн. в русском языке нет. Это значит, что при данном решении 3-го типа все слова типа *черта́* получают схему условного ударения «минус во всей парадигме», т. е. такую же, как слова *ступня́*, *башка́*, *очка́* и т. п.; во всем остальном это решение совпадает с решением 1. Следовательно, общее число схем ударения при данном решении 3-го типа на единицу меньше, чем при решении 1.

Таким образом, наилучший результат может дать (при удачном правиле приписывания условного ударения) 3-й тип решений. Остается выбрать наилучшее из решений 3-го типа, т. е. найти такое правило приписывания условного ударения, при котором общее число схем ударения минимально. Как мы знаем, условное ударение может быть приписано произвольно только словоформам с неслоговым компонентом, т. е. тем п только тем, которые при решении 2 получают значение 0. Отсюда вытекает следующая постановка задачи. Выписываются схемы функционального ударения всех рассматриваемых слов, т. е. некоторые 11-местные строки из плюсов, минусов и нулей. (Разумеется, некоторые строки могут оказаться одинаковыми.) Требуется заменить все нули во всех строках на плюсы и минусы. После замены каждому слову будет также соответствовать некоторая 11-местная строка, но уже состоящая только из плюсов и минусов. Это и будет схема условного ударения данного слова. Нужно найти способ замены, при котором среди полученных строк из плюсов и минусов число *разных* строк минимально. Тем самым наша лингвистическая задача сводится к следующей математической задаче.

§ 6.20. **З а д а ч а.** Имеется матрица из *m* строк и *n* столбцов, элементами которой являются знаки +, — и 0. Заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей (на-

⁷⁰ Исключение вторичных словоформ связано с тем, что они описываются в настоящей работе особым образом, при котором им вообще не требуется приписывать условное ударение. Вторичные словоформы В. ед. (типа *завод*, *топёр*) оставлены только потому, что в противном случае парадигмы разных существительных насчитывали бы разное число словоформ. Заметим, что если не исключать вторичные словоформы, то общее число схем условного ударения возрастет (см. об этом § 6.50), однако итоговое правило приписывания условного ударения не изменится.

зовем ее результирующей для данной матрицы) число z разных строк было минимальным.

Ниже приводится частичное решение этой задачи.

Вообще говоря, задача допускает тривиальное решение — путем последовательного перебора всех возможных результирующих матриц. В самом деле, при конечных m и n число возможных результирующих матриц конечно (оно не превышает 2^{mn}); порядок же перебора легко может быть задан. Ясно, однако, что даже при сравнительно небольших m и n перебор может быть чрезвычайно велик, и поэтому необходимо искать менее тривиальные решения.

Введем ряд вспомогательных определений. Назовем образом строки a всякую безнулевую (т. е. содержащую только плюсы и минусы) строку, которую можно получить из a одними лишь заменами нулей на нули. (В частном случае, когда строка a безнулевая, она сама является своим единственным образом.) Будем говорить, что строка a подчиняет строку b , если эти строки различны и всякий образ строки a является также образом строки b . Очевидно, что отношение подчинения транзитивно. Назовем строку матрицы подчиненной, если в матрице имеется хотя бы одна строка, которая ее подчиняет, и неподчиненной, если такой строки в матрице нет.

Назовем совокупность всех одинаковых между собой строк матрицы $п о л о с о й$. К полосам применимы, с небольшими изменениями, все определения, данные выше для строк, а именно: полоса A подчиняет строку b (полосу B), если любая строка из A подчиняет строку b (любую строку из B); образ всех строк полосы называется образом полосы; полоса называется подчиненной (неподчиненной), если любая ее строка является подчиненной (неподчиненной).

Назовем связкой совокупность неподчиненных полос матрицы, имеющих хотя бы один общий образ, которая не входит целиком ни в какую другую совокупность неподчиненных полос этой матрицы, имеющих хотя бы один общий образ. Очевидно, что всякая неподчиненная полоса входит хотя бы в одну связку (в частном случае, состоящую только из самой этой полосы). Общий образ всех членов связки будем называть образом связки. Будем говорить, что подчиненная полоса A (а также любая строка этой полосы) подчинена связке S , если всякий образ S является также образом A . Легко убедиться, что всякая подчиненная полоса подчинена хотя бы одной связке. (В самом деле, в силу транзитивности подчинения для всякой подчиненной полосы найдется хотя бы одна неподчиненная полоса, которая ее подчиняет; эта неподчиненная полоса входит хотя бы в одну связку; любой такой связке и подчинена взятая подчиненная полоса.)

Назовем матрицу простой, если ее связки не пересекаются. Поскольку в нашей лингвистической задаче встречаются только простые матрицы, можно ограничиться решением поставленной задачи только для этого типа матриц ⁷¹.

Укажем следующее свойство простой матрицы: никакие две ее неподчиненные строки, принадлежащие к разным связкам, не имеют общих образов. В самом деле, допустим противное: нашлись такие строки a (из связки S) и b (из некоторой иной связки), которые имеют общий образ. Любые две неподчиненные строки, имеющие общий образ, входят в некоторую связку (в частном случае, состоящую только из соответствующих двух полос). Следовательно, имеется связка, пересекающаяся со связкой S (но не совпадающая с ней, поскольку b не входит в S), что противоречит определению простой матрицы.

⁷¹ В другой работе автора (А. А. З а л и з н я к. «Условное ударение» в русском словозменении) решение было ограничено только так называемыми матрицами 1-го рода. Матрица 1-го рода — это частный случай простой матрицы, когда всякая связка состоит только из одной полосы.

Т е о р е м а 1. Для любой простой матрицы верно, что среди ее результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу связей исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Докажем вначале вторую часть теоремы. Допустим противное: существует результирующая матрица, где $s < k$. Это значит, что хотя бы одна пара неподчиненных строк из разных связей отображена в результирующей матрице одинаково, т. е. заменена одним и тем же образом. Но это невозможно в силу указанного выше свойства простой матрицы.

Докажем первую часть теоремы. Припишем каждую подчиненную полосу матрицы к какой-нибудь из связей, которые ее подчиняют. Выберем для каждой связи какой-нибудь из ее образов; заменим этим образом все строки, входящие в связку, и все строки, подчиненные ей. Мы получим результирующую матрицу, имеющую не более k разных строк. Поскольку, как доказано выше, s не может быть меньше k , в этой результирующей матрице $s = k$.

Таким образом, указан способ построения результирующей матрицы, где величина s принимает наименьшее из возможных для нее значений. Тем самым для простых матриц задача решена.

Уже из самой описанной процедуры видно, однако, что способ замены нулей на не-нули, дающий минимальное s , вообще говоря, не является единственным. Поэтому желательно исследовать условия, при которых решение задачи единственно. Поскольку способ замены нулей однозначно определяется получаемой результирующей матрицей, далее мы будем говорить просто о разных результирующих матрицах. Будем называть результирующую матрицу *минимальной*, если она имеет минимальное s . Мы будем обозначать результирующую матрицу той же буквой, что исходную, но с дополнительным значком. Отображение в данной результирующей матрице некоторой части исходной матрицы будет обозначаться символом этой части с тем же дополнительным значком. Например, строка a , полоса A , связка S матрицы M отображаются в результирующей матрице M' соответственно как a' , A' , S' .

Т е о р е м а 2. Для простой матрицы M минимальная результирующая матрица M' единственна, если и только если каждая связка матрицы M имеет только один образ и каждая подчиненная строка матрицы M подчинена только одной связке.

1. Покажем, что требуемые условия достаточны. Пусть имеется простая матрица M (содержащая k связей), где оба указанных условия выполняются. Докажем, что ее минимальная результирующая матрица единственна.

Построим минимальную результирующую матрицу M' общим способом (см. теорему 1). Заметим, что каждая неподчиненная строка отображена в M' в виде единственного образа единственной связки, содержащей эту строку, а каждая подчиненная строка — в виде единственного образа единственной связки, которой подчинена эта строка.

Пусть имеется другая результирующая матрица M'' . Покажем, что она не минимальна. Матрицы M' и M'' различны; следовательно, в матрице M найдется такая строка a , что ее отображения a' и a'' различны. Строка a может быть либо неподчиненной, либо подчиненной.

Случай 1: строка a — неподчиненная. Рассмотрим связку, содержащую a ; пусть это будет связка S . Строка a'' не является образом S (поскольку она не совпадает с единственным образом S — строкой a'), т. е. не может служить отображением всех строк из S . Следовательно, S'' содержит не менее двух разных строк. В матрице M'' никакая пара строк из отображений разных связей матрицы M не совпадает (поскольку матрица M простая и, следовательно, в ней никакая пара неподчиненных строк из разных связей не имеет общих образов). Таким образом, матрица M'' содержит не менее, чем $k - 1$ разных строк (не менее двух в S'' и по крайней мере по одной в отображении каждой из остальных $k - 1$ связей матрицы M), т. е. не является минимальной.

Случай 2: строка a — подчиненная. Если в матрице M нет ни одной неподчиненной строки, отображение которой в M'' совпадает с a'' , то M'' содержит, во-первых, не менее k разных строк, служащих для отображения

k связок матрицы M , во-вторых, отличную от всех этих k строк строку a'' ; следовательно, M'' не минимальна. Остается рассмотреть противный случай: в матрице M существует такая неподчиненная строка b , что ее отображение в M'' совпадает с a'' . В матрице M' строка b отображена в виде образа содержащей ее связки. Но строка a'' отлична от образа любой связки матрицы M . (В самом деле, строка a'' отлична от единственного образа единственной связки, подчиняющей a , — от строки a' ; кроме того, в силу второго условия теоремы она отлична также от образа любой другой связки матрицы M .) Таким образом, в матрице M имеется неподчиненная строка b , по-разному отображенная в M' и в M'' , т. е. имеет место случай 1, уже рассмотренный выше.

Единственность минимальной результирующей матрицы M' доказана.

2. Покажем, что требуемые условия необходимы. Пусть имеется простая матрица P , для которой хотя бы одно из условий теоремы не выполняется. Докажем, что минимальная результирующая матрица для матрицы P не единственна.

а) Пусть не выполнено первое условие: в матрице P найдется такая связка S , которая имеет более одного образа. Начнем строить минимальную результирующую матрицу для P общим способом. Дойдя до этапа, где требуется выбрать для каждой связки один из ее образов, продолжим построение в двух вариантах: в одном варианте выберем для связки S один из ее образов, в другом — другой. Мы получим две минимальные результирующие матрицы для P ; эти матрицы различны, поскольку связка S и подчиненные ей строки отображены в них по-разному. Неединственность минимальной матрицы доказана.

б) Пусть не выполнено второе условие: в матрице P найдется такая подчиненная строка c , которая подчинена более чем одной связке. Проведем построение результирующей матрицы для P общим способом в двух вариантах: в одном варианте припишем полюсу, содержащую строку c , к одной из подчиняющих ее связок, в другом — к другой. Мы получим две минимальные результирующие матрицы для P ; эти матрицы различны, поскольку полюса, содержащая строку c , отображена в них по-разному: в одной в виде образа одной связки матрицы P , в другой — в виде образа другой связки (а образы разных связок не могут совпадать, иначе эти связки составляли бы одну связку). Неединственность минимальной матрицы доказана.

Т е о р е м а 3. Пусть имеется простая матрица P , некоторая часть строк которой образует простую матрицу M , причем: 1) для M минимальная результирующая матрица M' единственна и 2) ни одна строка из M не имеет общих образов ни с одной неподчиненной строкой матрицы P , не входящей в M . В этом случае в любой минимальной результирующей матрице для P часть, отображающая M , совпадает с M' .

Разделим строки матрицы P , не входящие в M , на две части: 1) неподчиненные строки матрицы P (назовем эту часть матрицей N), 2) подчиненные строки матрицы P (назовем эту часть матрицей Q). По второму условию теоремы ни одна строка из M не имеет общего образа ни с одной строкой из N . Следовательно, для любой результирующей матрицы P^* верно, что никакая строка из M^* не совпадает ни с какой строкой из N^* . Обозначим через $s(P^*)$, $s(M^*)$, $s(N^*)$ число разных строк в соответствующих результирующих матрицах. Из сказанного выше следует, что для любой результирующей матрицы P^* , где часть Q^* не содержит строк, не встречающихся в остальной части P^* , верно следующее: $s(P^*) = s(M^*) + s(N^*)$. Сумма независимых величин принимает минимальное из возможных значений только в том случае, когда каждое слагаемое принимает минимальное из возможных для него значений. Очевидно также, что минимальное возможное значение для $s(M^*)$ — это $s(M')$.

Пусть имеется результирующая матрица P'' , где часть M'' не совпадает с M' . Докажем, что P'' не минимальна. Если Q'' содержит хотя бы одну строку, не встречающуюся ни в M'' , ни в N'' , то матрица P'' содержит, во-первых, не менее k разных строк, служащих для отображения k связок матрицы P ,

во-вторых, еще одну строку, отличную от всех этих k строк (Q состоит только из подчиненных строк матрицы P); следовательно, P'' не минимальна. Остается рассмотреть противный случай: Q'' не содержит строк, не встречающихся ни в M'' , ни в N'' . В этом случае $s(P'') = s(M'') + s(N'')$. Но $s(M'') > s(M')$, поскольку матрицы M'' и M' различны, а M' является единственной минимальной результирующей матрицей для M . Следовательно, $s(P'')$ не является минимальным возможным значением числа разных строк в результирующих матрицах для P , т. е. P'' не минимальна.

§ 6.21. Применим полученные результаты к изучаемым фактам русского склонения. Составим на основании последовательной проверки материала полную матрицу распределения функционального ударения в парадигмах существительных. Привести эту матрицу целиком, разумеется, практически невозможно; но это и не нужно. Достаточно привести сокращенную матрицу, в которой каждая полоса первоначальной матрицы представлена лишь частью своих строк (в частном случае — одной строкой).

Поскольку в дальнейшем потребуются сведения о распределении действительного ударения, произведем сокращение так: каждая полоса первоначальной матрицы будет представлена в сокращенной матрице столькоими строками, сколько разных схем действительного ударения в ней встречается. Оказывается, что каждой полосе полной матрицы, за исключением последней, соответствует всего одна схема действительного ударения. Например, все слова, относящиеся к полосе 12, имеют такую же схему действительного ударения, как слово *тигр*. Таким образом, в нашей сокращенной матрице каждая полоса, кроме последней, представлена всего одной строкой.

Первоначальную матрицу можно без ущерба «сжать» также и по ширине: дело в том, что в ней в точности одинаковы, во-первых, столбцы Р., Д. и П. падежей ед. числа, во-вторых, столбцы Д. и П. падежей мн. числа. Каждая из этих групп столбцов представлена в сокращенной матрице в виде одного столбца.

Неподчиненные и подчиненные полосы матрицы даны раздельно. Для каждой подчиненной полосы указаны подчиняющие ее неподчиненные. Для каждой строки указано, кроме того, какая схема действительного ударения ей соответствует — самостоятельная (т. е. не встречавшаяся ранее в матрице) или такая же, как у одной из предшествующих строк. Таким образом, приводимая ниже матрица содержит сведения не только о всех схемах функционального ударения, но и о всех схемах действительного ударения⁷². Из нее видно, в частности, что общее число разных схем функционального ударения составляет 39, общее число схем действительного ударения — 22.

Опираясь на информацию, содержащуюся в сокращенной матрице, исследуем свойства полной матрицы распределения функционального ударения. Для наших целей этой информации достаточно. Имея хотя бы по одной строке от каждой полосы полной матрицы, можно судить о всех встречающихся в полной матрице строках и о всех существенных для нас отношениях между ее полосами. Понятно также, что «склеивание» одинаковых столбцов не изменило отношений одинаковости или различия между строками.

Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Каждая из 11 неподчиненных полос полной матрицы образует самостоятельную связку. Эти связки не пересекаются, т. е. эта матрица — простая. Следовательно, в силу теоремы 1 минимальное возможное число разных строк в результирующей матрице для полной матрицы равно 11.

⁷² Эта матрица несколько отличается от матрицы, данной в работе: А. А. Зализняка «Условное ударение» в русском словозменении, стр. 23—24; различие объясняется прежде всего тем, что там *полчася* и *полшага* рассматривались как самостоятельные слова, а в настоящей работе они рассматриваются как словосочетания (см. § 2.19, сн. 61).

Сокращенная матрица распределения функционального ударения у существительных

Неподчиненные полосы

№ полосы	Формы								Образцы	Схема действительного ударения
	ед. число				мп. число					
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.		
1	+	+	+	+	+	+	+	+	<i>юноша</i> <i>студия</i> <i>море</i> <i>перв</i> <i>уго</i> <i>ноздря</i>	самост. » » » » »
2	-	-	-	-	-	-	-	-		
3	+	+	+	+	-	-	-	-		
4	-	-	-	-	+	+	+	+		
5	+	+	+	+	+	-	-	-		
6	-	-	-	-	+	-	-	-		
7	-	+	-	-	+	0	+	+	<i>зима</i> <i>рука</i> <i>любовь</i> <i>человек</i> (мп. <i>люди</i>) <i>дети</i> (мп. <i>дети</i>)	самост. » » » »
8	-	+	-	-	+	0	-	-		
9	0	0	-	+	-	-	-	-		
10	0	+	+	+	+	-	+	-		
11	-	-	+	+	+	-	+	-		

Подчиненные полосы

№ полосы	Формы								Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
	ед. число				мп. число						
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.			
12	0	+	+	+	+	+	+	+	<i>тигр</i> <i>карта</i> <i>тетрадь</i> <i>солдат</i> <i>вбленок</i>	как у <i>юноша</i>	1
13	+	+	+	+	+	0	+	+			
14	0	0	+	+	+	+	+	+			
15	0	+	+	+	+	0	+	+			
16	0	0	+	+	+	0	+	+			
17	0	-	-	-	-	-	-	-	<i>царь</i> <i>черта</i> <i>стол</i> <i>сапбг</i>	самост. » » »	2
18	-	-	-	-	-	0	-	-			
19	0	0	-	-	-	-	-	-			
20	0	0	-	-	-	0	-	-			

2. Ни одному из условий теоремы 2 полная матрица не удовлетворяет. Следовательно, минимальная результирующая матрица для полной матрицы не единственна.

Какую же из этих результирующих матриц выбрать? Для обоснованного ответа на этот вопрос потребуются некоторая вспомогательная процедура.

Выделим среди 39 полос полной матрицы следующие 28: 1—6, 12—27 и 29—34. Назовем эти 28 полос m и o i матрицей. Как показывает подсчет, в малую матрицу входит около 98,7% строк полной матрицы. Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Малая матрица имеет шесть неподчиненных полос (1—6), каждая из которых образует самостоятельную связку. Эти связки не пересекаются, т. е. малая матрица — простая и, следовательно, минимальное возможное число строк в результирующей матрице для малой матрицы равно 6.

2. В малой матрице соблюдены оба условия теоремы 2. Следовательно, минимальная результирующая матрица для малой матрицы единственна.

3. Ни одна строка малой матрицы не имеет общих образов ни с одной неподчиненной строкой полной матрицы, не входящей в малую матрицу (т. е. ни с одной строкой из полос 7—11). Таким образом, соотношение между малой и полной матрицами удовлетворяет обоим требованиям теоремы 3. Следовательно, во всех минимальных результирующих матрицах для полной матрицы малая матрица будет отображена одинаково — в виде своей единственной минимальной результирующей⁷³.

Итак, для 98,7% материала способ замены нулей, удовлетворяющий выдвинутому требованию минимальности, является единственным. Все различие между минимальными результирующими матрицами для полной матрицы состоит только в способе отображения 11 полос «остатка», охватывающих 1,3% материала. Отсюда ясно, в каком направлении должен идти поиск наиболее целесообразного решения: необходимо построить алгоритм замены нулей на не-нули, который 1) обращал бы малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую, 2) был бы применим без дополнительных изменений также к «остатку» и обращал бы полную матрицу в одну из ее минимальных результирующих.

Минимальную результирующую матрицу для малой матрицы можно построить общим способом (см. § 6.20, теорема 1). Поскольку малая матрица удовлетворяет обоим условиям теоремы 2 и каждая ее связка состоит всего из одной полосы, этот способ получает форму следующего алгоритма: каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосе. Однако к «остатку» этот алгоритм неприменим (поскольку «остаток» не удовлетворяет требованиям теоремы 2). Поэтому следует искать иной алгоритм отображения малой матрицы, равносильный данному.

Назовем z o i такую группу столбцов, что пересечение любой строки с этой группой столбцов (будем называть его z o i $с$ $т$ $р$ $о$ $к$ $и$) не содержит одновременно плюса и минуса. Простейший пример зоны составляет любой столбец. Малую матрицу можно разбить, в частности, на такие зоны: зона 1 — все ед. число, зона 2 — И. мн., зона 3 — Р., Д., Т., П. мн. Это разбиение на зоны обладает следующими свойствами: 1) оно неукрупняемое, т. е. никакие две зоны этого разбиения нельзя соединить в одну (это устанавливается непосредственной проверкой по сокращенной матрице); 2) оно — единственное неукрупняемое (поскольку, как показывает проверка, никакие два столбца из разных зон нельзя включить в одну зону и, таким образом, любое другое разбиение на зоны может быть только раздроблением нашего).

В неподчиненных строках малой матрицы каждая зона строки состоит либо из одних плюсов, либо из одних минусов (поскольку все ее неподчиненные строки безнулевые). Напротив, в любой подчиненной строке хотя бы одна зона строки содержит хотя бы один нуль; при этом, однако, как показывает

⁷³ В принципе возможно включить в малую матрицу также полосу 11; указанное свойство при этом сохранилось бы; однако это было бы неудобно для последующих построений.

проверка, в малой матрице при нашем разбиении на зоны нет зон строки, состоящих из одних нулей. Предложенный алгоритм состоит в том, что каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосе (т. е. любой строкой из этой полосы). Как легко убедиться, в указанных условиях такая замена равносильна следующей: в каждой зоне строки (при нашем разбиении на зоны), содержащей хотя бы один нуль, все нули заменяются плюсами, если в этой зоне строки есть хотя бы один плюс, и минусами, если там есть хотя бы один минус.

Таким образом, построен другой алгоритм получения минимальной результирующей матрицы для малой матрицы. Он имеет перед первым то преимущество, что позволяет заменить нули в отдельно взятой строке без сопоставления ее с какими бы то ни было другими строками матрицы, т. е. без обращения ко всей матрице. (Вся необходимая информация о матрице заключена в этом случае в задании определенного разбиения на зоны.) Однако и этот алгоритм неприменим к «остатку» (поскольку использованное разбиение на зоны для «остатка» таковым не является).

Обратим внимание на то, что в малой матрице нули встречаются только в трех столбцах: И. ед., В. ед. и Р. мн. Это обстоятельство дает возможность переформулировать второй из полученных алгоритмов, например, так: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в той же строке в столбце Д. падежа того же числа. (Разумеется, вместо Д. падежа можно взять П. или Т. падежи.) В самом деле, 1) в малой матрице в столбцах Д. падежа нули не встречаются, 2) из форм, где возможны нули, И. ед. и В. ед. принадлежат к той же зоне, что и Д. ед., а Р. мн. — к той же зоне, что и Д. мн.

Новый алгоритм, в отличие от предшествующих, уже можно применить к «остатку»; но результат будет все же неудовлетворительным, поскольку к «остатке» есть строки, где в Д. падеже стоит нуль, а такие строки этот алгоритм не превратит в безнулевые. Недостаток этот, однако, легко исправить: для этого нужно учитывать в Д. падеже не функциональное, а действительное ударение. В самом деле, в столбцах Д. падежа малой матрицы эти два вида ударения совпадают; но действительное ударение, в отличие от функционального, всегда (следовательно, и в строках «остатка») имеет определенное значение: + или —. Таким образом, можно предложить следующий алгоритм замены нулей, применимый к любой строке полной матрицы: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в схеме действительного ударения того же слова в столбце Д. падежа ⁷⁴ того же числа. Этот алгоритм, как мы видели, равносильен (для малой матрицы) всем предшествующим, следовательно, он преобразует малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую. Остается лишь проверить, является ли минимальной результирующая матрица, в которую он преобразует полную матрицу. Построим по нашему алгоритму результирующие строки для всех строк сокращенной матрицы. Поскольку в сокращенной матрице представлены все полосы полной матрицы, а для каждой полосы — все схемы действительного ударения, мы получим таким способом все разные строки, встречающиеся в результирующей матрице для полной матрицы. Таких разных строк оказывается 11, следовательно, результирующая матрица минимальна. Таким образом, наша цель достигнута: построен алгоритм, удовлетворяющий обоим поставленным выше требованиям.

Приведем полный список полученных таким способом разных результирующих строк. Этот список одновременно является сокращенной результирующей матрицей для полной матрицы, а также полным списком схем условного ударения у существительных (обозначения для этих схем взяты те же, что в § 6.16). В качестве образцов взяты те же слова, что в исходной сокращенной матрице. Для шести первых строк вертикальными линиями разграничены зоны.

⁷⁴ Результирующая матрица не изменится, если вместо датейного взять предложный; если же взять творительный, она будет отличной (различие будет в полосах 9 и 38; они представляют всего 6 слов).

Сокращенная результирующая матрица

Схема условного ударения	Формы										Образцы	
	ед. число					мп. число						
	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.	И.	Р.	Д.	Т.		П.
<i>a</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	<i>юноша, тигр, карта, тетрадь, солдат, валенок, шоссе</i>
<i>b</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	<i>ступня, царь, черта, стол, саба, лев, сон, тля, тьма</i>
<i>c</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	<i>мбре, мастер, место, сад, господин, глаз</i>
<i>d</i>	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	<i>перо, казан, вино, сук, зубок, дно</i>
<i>e</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	<i>ухо, зверь, деревня, мышь, волос</i>
<i>f</i>	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	<i>ноздри, конь, губа, гвоздь</i>
<i>d'</i>	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	<i>зима</i>
<i>f'</i>	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	<i>рука</i>
<i>b'</i>	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	<i>любовь, вошь</i>
<i>e'</i>	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	<i>человек</i>
<i>e''</i>	-	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+	<i>дитя</i>

Легко убедиться, что полученный в конечном результате алгоритм замены нулей — это не что иное, как формальное выражение того правила расстановки условного ударения, которое было предложено в § 6. 18 на основании содержательных лингвистических соображений. Тем самым доказано утверждение, сделанное в начале параграфа 6. 19.

§ 6. 22. Отметим некоторые свойства условного ударения, которые не рассматривались в предшествующем анализе.

Между условным и действительным ударением одной и той же словоформы существуют определенные зависимости. Они специально рассматриваются в § 6. 38. Здесь мы отметим лишь следующие зависимости, действующие в словоформах с неслоговым окончанием: 1) если условное ударение падает на окончание, то действительное ударение как правило падает на последнюю гласную основы, например: *кишбк, голбв, висбк, топбр* (отклонений очень немного, например *массл, узел*); 2) если действительное ударение падает на беглую гласную основы, то условное ударение как правило падает на окончание, например *кишбк, статей, висбк, ковёр* (отклонений очень немного, например *сестёр, заём*). Таким образом, в особенности тесная связь существует между условным ударением и ударностью или безударностью беглой

гласной основы: ср., например, *спíсок, рáнец, кбшек, вёсен* (условное ударение на основе) и *висо́к, конё́ц, кишбо́к, копе́н* (условное ударение на окончании). Противопоставления этого рода несомненно образуют важный дополнительный источник интуитивного представления о том, что словоформы с неслоговым окончанием делятся на два акцентуационных типа (т. е. именно того представления, на котором основано понятие условного ударения)⁷⁵.

Условное ударение оказывается также связанным с определенными фактами истории языка. С диахронической точки зрения словоформы (русского происхождения) с условным ударением на неслоговом окончании (типа *листе́к, конь, ног*) — это в основном⁷⁶ те словоформы, которые на одном из предшествующих этапов развития языка (до падения редуцированных и до отяжки ударения с конечных *ь* и *ъ*) имели в качестве окончания *ъ* или *ь*. Современным словоформам *листе́к, конь, ног* (с условным ударением на окончании) соответствовали на этом этапе словоформы *листе́къ|ъ, кон'ь|ь, ног'ь|ъ* (с действительным ударением на окончании); с другой стороны, например, современным словоформам *похо́д, рыб* (с условным ударением на основе) соответствовали словоформы *похо́д|ъ, ры́б|ъ* (с действительным ударением на основе). Такого рода соответствия не являются парадоксальными или случайными; наиболее простое описание (особенно в области морфологии), по-видимому, почти всегда будет в той или иной мере сходно с несколько «идеализированной» историей⁷⁷.

Общие принципы установления условного ударения, изложенные выше на примере существительных, были применены также к каждому из остальных грамматических разрядов имен (а также к исключенным выше из рассмотрения группам суще-

⁷⁵ В связи с этим возникает даже вопрос, не следует ли приписать иное условное ударение немногочисленным словоформам типа *ма́сел, у́зел, сестёр, ваём*, где рассматриваемое соотношение нарушено. Однако такое отклонение от общих правил оказывается все же неоправданным: усложняется само понятие условного ударения и правило его приписывания, увеличивается общее число схем ударения и тем не менее устраняются далеко не все случаи противоречия между условным и действительным ударением словоформы (ср. § 6.38).

⁷⁶ Т. е. в отвлечении от случаев, где современная схема ударения есть результат поздних изменений.

⁷⁷ Ср. L. Bloomfield. *Menomini morphophonemics*. — TCLP, 8, 1939; M. Halle. *On the role of simplicity in linguistic descriptions*. «Structure of language and its mathematical aspects». Providence, 1961; Он же. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V-th International congress of slavists». The Hague, 1963; А. А. З а л и з н я к. Синхронное описание и внутренняя реконструкция. «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов». М., 1964.

ствительных — к *pluralia tantum* и существительным с дефектной парадигмой). Здесь нет необходимости комментировать эту операцию подробно ⁷⁸. Результаты, полученные для разных грамматических разрядов, были сведены воедино с помощью эталона. Заметим, что при этом всякая схема условного ударения простого адъективного или бесчисловых разрядов совпала с одной из схем условного ударения существительных ⁷⁹. Итогом всех описанных операций являются правила параграфа 6. 15.

ОКОНЧАНИЯ И ОСНОВЫ

Формальные чередования

§ 6. 23. Пусть имеется парадигма P , в которой представлено n разных основ ($n > 1$). Возьмем от каждой из этих n основ изменяемую часть (см. § 5. 4). Как видно из алгоритма выделения изменяемых частей основы (§ 5. 4), все эти n изменяемых частей состоят из одинакового числа (пусть это будет число k) буквенных цепочек, разделенных тире (некоторые из них могут быть пустыми).

Возьмем в каждой из n изменяемых частей первую по порядку из таких цепочек; получим ряд из n цепочек. Если какие-нибудь из этих цепочек совпадают, произведем операцию «приведения», т. е. заменим каждую совокупность совпадающих цепочек одной из таких цепочек. Получим новый, «приведенный» ряд, состоящий из n или менее членов ⁸⁰. Затем возьмем в каждой изменяемой части вторую по порядку цепочку и сделаем с полученным рядом ту же операцию. Будем действовать таким образом, пока не получим k приведенных рядов.

Рассмотрим некоторый член некоторого приведенного ряда, например первого (по порядку от 1 до k); пусть это будет цепочка a . Найдем все те словоформы парадигмы P , у которых первым из k членов изменяемой части основы является a . Будем говорить, что эти словоформы с о о т в е т с т в у ю т данному члену данного приведенного ряда. Аналогично устанавливаются соответствия для членов любого другого по порядку приведенного ряда. Указание всех словоформ парадигмы, соответствующих каждому

⁷⁸ Отметим лишь, что несколько особый случай составляют неатрибут. словоформы муж. ед. (*бóден, смеиби, сурбе* и т. д.): у них никогда не бывает слогового окончания и поэтому в качестве «контрольной» в принципе можно взять любую словоформу парадигмы. Выбор «контрольной» словоформы проводился здесь таким образом, чтобы указанное выше соотношение между условным ударением и ударностью или безударностью беглой гласной нарушалось в минимальном числе неатрибут. словоформе муж. ед.

⁷⁹ Правда, чтобы обеспечить такое совпадение, словоформам *два* и *три* пришлось в индивидуальном порядке приписать условное ударение на основе.

⁸⁰ Число членов приведенного ряда не может быть, однако, менее двух, в силу условия, что $n > 1$, и свойств алгоритма, данного в § 5.4.

члену некоторого приведенного ряда, будем называть *правил*ом *распределения* членов этого ряда. (Очевидно, что правило распределения членов приведенного ряда всегда дает некоторое разбиение всех словоформ парадигмы.)

Каждый приведенный ряд вместе с правилом распределения его членов мы будем называть *формальным чередованием*, *представленным* в *парадигме* P (или *формальным чередованием парадигмы* P). Члены этого приведенного ряда мы будем называть *ступенями* данного формального чередования, сам приведенный ряд — *составом ступеней* данного формального чередования, а правило распределения членов этого ряда — *правилом распределения ступеней* данного формального чередования. Условимся записывать ступени формального чередования через косую черту, причем их порядок будем считать безразличным. (Так же, как при записи дробей, вместо косой черты может выступать горизонтальная черта; например, формальное чередование a/b можно записать также $\frac{a}{b}$.)

Очевидно, что если некоторая словоформа парадигмы P соответствует (в указанном выше смысле) ступени a некоторого формального чередования парадигмы P , то основа этой словоформы содержит a . При этом, даже если a входит в основу этой словоформы более одного раза, можно однозначно указать, какое из вхождений a должно быть отождествлено со ступеню данного формального чередования. В самом деле, как явствует из § 5. 4 (см. примечание к алгоритму), изменяемая часть любой основы однозначно выделяется внутри этой основы в виде одного или нескольких ее отрезков (в частном случае пустых). Со ступеню некоторого по порядку (от 1 до k) формального чередования парадигмы P во всякой словоформе этой парадигмы отождествляется тот же по порядку из k отрезков, образующих изменяемую часть ее основы. Про отрезок основы некоторой словоформы парадигмы P , отождествляющийся (в указанном здесь смысле) со ступеню некоторого формального чередования парадигмы P мы будем говорить, что он *участвует* в данном формальном чередовании. Отметим, что для любого отрезка основы любой словоформы парадигмы P можно однозначно указать, участвует он в некотором формальном чередовании этой парадигмы или нет.

Укажем в качестве примеров формальные чередования, представленные в парадигмах тех слов, которые рассмотрены в § 5. 4: в парадигме *южанин* — *ин/∅* (ступень *ин* в ед. ч., ступень \emptyset во мн. ч.); в парадигме *ведрѳ* — 1) *e/ě* (ступень *e* в ед. ч., ступень \check{e} во мн. ч.), 2) *e/∅* (ступень *e* в Р. мн., ступень \emptyset в остальных словоформах); в парадигме *дешѳвый* — 1) \check{e}/e (ступень \check{e} в неатрибутивных словоформах, кроме жен. ед., ступень *e* в остальных словоформах), 2) \check{e}/e (ступень \check{e} в атрибутивных словоформах, ступень *e*

в неатрибутивных словоформах). В парадигме *топбр* формальных чередований нет (основы всех словоформ одинаковы).

Формальное чередование может мыслиться и безотносительно к конкретным парадигмам. В этом случае под ним понимается формальное чередование, представленное хотя бы в одной парадигме. Ф о р м а л ь н о е ч е р е д о в а н и е (вообще) представляет собой, таким образом, некоторый набор буквенных цепочек, каждая из которых соотносена с некоторыми грамматическими значениями.

Чередования

§ 6. 24. Понятие формального чередования приносит большую пользу при описании основ. Однако в ряде случаев лингвистическая практика требует расчленения формального чередования на более простые составные части или некоторых иных его преобразований. В связи с этим возникает необходимость в более общем понятии, по отношению к которому понятие формального чередования было бы лишь частным случаем. Таким понятием является «чередование» (без эпитета).

Мы будем называть чередованием, допустимым для парадигмы P : 1) всякое формальное чередование парадигмы P , 2) всякий результат одного или нескольких разрешенных преобразований (см. ниже) некоторого формального чередования парадигмы P . Всякое чередование, как и формальное чередование, состоит из ступеней и имеет свое правило распределения ступеней. Так же, как и в случае с формальным чередованием, для всякого отрезка основы некоторой словоформы парадигмы P можно указать, участвует он в некотором чередовании, допустимом для данной парадигмы, или нет. Иначе говоря, чередования описываются в тех же терминах, что и формальные чередования. При этом, если чередование является в то же время формальным чередованием, то все эти термины сохраняют свое первоначальное значение; в прочих случаях значение этих терминов в применении к чередованиям (без эпитета) устанавливается из описания разрешенных преобразований.

Разрешенными преобразованиями формальных чередований являются:

1. Разложением на два последовательных чередования. Эта операция состоит в следующем. Пусть имеется формальное чередование, состоящее из ступеней a, b, \dots, n . Разделим каким-либо образом каждую из этих ступеней на две последовательные цепочки: $a = a_1 a_2, b = b_1 b_2, \dots, n = n_1 n_2$. Любая из цепочек $a_1, a_2, \dots, n_1, n_2$ может быть пустой; не допускается лишь то, чтобы все первые (или все вторые) цепочки были пустыми одновременно. Возьмем два ряда цепочек: a_1, b_1, \dots, n_1 и a_2, b_2, \dots, n_2 ; произведем над каждым из них операцию «приведения» (см. выше). Полученные «приведенные» ряды и образуют те два чередования⁸¹, на которые можно разложить взятое формальное чередование (обозначим их соответственно

⁸¹ В силу свойств алгоритма, данного в § 5. 4, ни один из полученных приведенных рядов не может оказаться состоящим только из одной цепочки.

как чередование 1 и чередование 2). Из описанной процедуры понятно также, каково, например, правило распределения ступеней чередования 1: если ряд a_1, b_1, \dots, n_1 не содержит одинаковых цепочек, это правило совпадает с правилом распределения ступеней исходного формального чередования; если этот ряд содержал такие цепочки, они были «склеены» при приведении и соответствующим образом изменилось правило распределения ступеней (цепочке, возникшей в результате «склеивания», соответствуют теперь все словоформы, относившиеся прежде к какой-либо из «склеенных» цепочек). Мы будем говорить, что, например, отрезок a_1 некоторой основы участвует в чередовании 1, если и только если он является началом отрезка a той же основы, участвующего в исходном формальном чередовании. Это сказанное применимо также, с соответствующими изменениями, к чередованию 2 и к его ступеням. Заметим, что типичным частным случаем разрешенного преобразования 1 является разложение формального чередования, состоящего всего из двух ступеней (т. е. формального чередования a/b). В этом случае получаются чередования a_1/b_1 и a_2/b_2 , которые всегда имеют то же распределение ступеней, что и формальное чередование a/b .

П р и м е р. Парадигма *суть* (мн. *сутья*) имеет формальное чередование $к/чь$ (ступень $к$ в ед. ч., ступень $чь$ во мн. ч.). Его можно разложить, в частности, на такие два чередования: 1) $к/ч$ ($к$ в ед. ч., $ч$ во мн. ч.); 2) $й/ь$ ($й$ в ед. ч., $ь$ во мн. ч.).

2. **Р а з л о ж е н и е** на два чередования, из которых одно входит в другое. Эта операция состоит в следующем. Пусть имеется формальное чередование, состоящее из трех или более ступеней, в числе которых имеются ступени a и b . Пусть имеются также четыре буквенных цепочки (некоторые из них могут быть пустыми) m, n, a_1, b_1 , такие, что $a = ma_1n, b = mb_1n$ ⁸². Тогда взятое формальное чередование можно разложить на следующие два чередования: 1) чередование a_1/b_1 (назовем его «внутренним») со следующим распределением ступеней: ступень a_1 соответствует тем же словоформам, что ступень a исходного формального чередования, а ступень b_1 — тем же словоформам, что ступень b исходного формального чередования; 2) чередование, отличающееся от исходного формального чередования только тем, что вместо ступеней a и b оно содержит единую

ступень $m \frac{a_1}{b_1} n$, соответствующую всем словоформам, которым соответствовали ступени a и b исходного чередования. При обращении с этой записью

дробь $\frac{a_1}{b_1}$ трактуется как особый единый символ. Поэтому для упрощения записи можно действительно заменить эту дробь любым условным символом, отличным от остальных (указав, разумеется, его значение). Например,

вместо $m \frac{a_1}{b_1} n$ можно написать: ma_1n , где a — внутреннее чередование a_1/b_1 .

Мы будем говорить, что отрезок a_1 некоторой основы участвует во внутреннем чередовании a_1/b_1 , если и только если ему непосредственно предшествует отрезок m , за ним непосредственно следует отрезок n , а весь отрезок ma_1n ($= a$) участвует в исходном формальном чередовании. Аналогично определяется участие в чередовании a_1/b_1 для отрезка b_1 . Во втором из полученных здесь чередований участвуют все те и только те отрезки основ, которые участвуют в исходном формальном чередовании⁸³.

⁸² Заметим, что такую четверку цепочек всегда можно найти, например: $a_1 = a, b_1 = b, m = n = \emptyset$.

⁸³ Таким образом, второе из полученных чередований имеет следующие особенности: 1) одна из его ступеней содержит символ, не встречающийся ни в каких словоформах; 2) отрезок основы, участвующий в этом чередовании, может не совпадать ни с одной ступенью этого чередования (а именно, этим свойством обладают отрезки $ma_1n = a$ и $mb_1n = b$). Обе эти особенности невозможны у формальных чередований.

Пример. Парадигма *солёнок* имеет формальное чередование *онок/онк/ат* (ступень *онок* в II. ед., *онк* в прочих словоформах ед. ч., *ат* во мн. ч.). Его можно разложить, в частности, на такие два чередования: 1) внутреннее чередование *о/ѵ* (*о* в II. ед., *ѵ* в прочих словоформах ед. ч.), 2) $он \frac{o}{ѵ} к' ат \left(он \frac{o}{ѵ} к \text{ в ед. ч., } ат \text{ во мн. ч.} \right)$.

3. Переформулирование правила распределения ступеней. Пусть имеется некоторое формальное чередование парадигмы *P*. Правило распределения ступеней состоит здесь, как и у всякого формального чередования, в указании грамматических значений словоформ, соответствующих каждой ступени. Может оказаться, однако, что распределение ступеней этого формального чередования в парадигме *P* подчиняется в то же время некоторому правилу иного вида, а именно: 1) «первая ступень выступает в тех словоформах, где отрезок, участвующий в данном чередовании, несет действительное ударение, вторая ступень – в словоформах, где это не так» (правило такого вида может быть применено, только если формальное чередование состоит из двух ступеней, каждая из которых содержит гласную) или 2) для каждой ступени указывается следующее: «данная ступень выступает в тех словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует одна из таких-то буквенных цепочек». В этом случае первоначальное правило распределения может быть заменено правилом указанного вида. В полученном таким образом чередовании участвуют все те и только те отрезки основ, которые участвуют в исходном формальном чередовании.

Пример. Парадигма *седрѵ* имеет два формальных чередования: 1) *е/ѣ* (*е* в ед. ч., *ѣ* во мн. ч.), 2) *е/ѵ* (*е* в Р. мн., *ѵ* в остальных словоформах). Для каждого из них можно предложить иное правило распределения ступеней, а именно, для чередования 1: *ѣ* под действительным ударением, *е* без действительного ударения; для чередования 2: *е* непосредственно перед конечным *р*, *ѵ* непосредственно перед *р*+гласная.

Примечание. В качестве исключения для парадигм *человек* (мн. *люди*), *ребѵнок* (мн. *дѣти*) и *дитя* (мн. *дѣти*) разрешенными считаются также некоторые особые преобразования, указанные в § 6.32 (правила выделения чередований, пункт 1).

Формальное чередование может быть подвергнуто либо одному разрешенному преобразованию, либо нескольким таким преобразованиям последовательно. Под последовательным применением к формальному чередованию нескольких преобразований понимается следующее: после того как к формальному чередованию применено некоторое разрешенное преобразование и в результате этого образовалось одно или два обычных чередования, к любому из этих обычных чередований может быть в свою очередь применено любое разрешенное преобразование (в том числе только что произведенное); полученный результат можно снова преобразовать и т. д. Таким образом, в серии преобразований все они, начиная со второго, фактически должны применяться уже не к формальному, а к обычному чередованию. В связи с этим необходимо специально оговорить следующее: хотя выше при описании преобразований предполагается, что их объектом является формальное чередование, в действительности каждое такое преобразование применимо также и к обычному чередованию⁸⁴.

⁸⁴ Некоторую особенность имеет лишь тот случай, когда разрешенное преобразование 3 применяется к внутреннему чередованию, выделенному в результате преобразования 2. В этом случае преобразование 3 считается возможным, если повое правило распределения ступеней верно для всех тех словоформ парадигмы, в основе которых какой-либо отрезок участвует во внутреннем чередовании. Так, например, для внутреннего чередования *о/ѵ*, выделенного в парадигме *солёнок* (см. выше) можно предложить правило

Чередование может мыслиться и безотносительно к конкретным парадигмам. В этом случае под ним понимается чередование, допустимое хотя бы для одной парадигмы. Ч е р е д о в а н и е (вообще) представляет собой, таким образом, некоторый набор цепочек букв и вспомогательных знаков, снабженный правилом распределения этих цепочек по словоформам (причем это правило не обязательно включает указание грамматических значений).

Различаются следующие два типа чередований:

1. П о з и ц и о н н ы е чередования, т. е. такие, у которых правило распределения ступеней имеет следующий вид: 1) «первая ступень выступает в тех словоформах, где отрезок, участвующий в данном чередовании, несет действительное ударение, вторая — в словоформах, где это не так» (такие чередования образуют подтип а к ц е н т н о - п о з и ц и о н н ы х) или 2) для каждой ступени указывается следующее: «данная ступень выступает в тех словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует одна из таких-то буквенных цепочек»⁸⁵ (такие чередования образуют подтип с о б с т в е н н о п о з и ц и о н н ы х).

2. Н е п о з и ц и о н н ы е чередования, т. е. такие, у которых правило распределения ступеней имеет иной вид (а именно, состоит в указании грамматических значений словоформ, держащих каждую ступень).

Примерами позиционных чередований могут служить те, которые получены выше из формальных чередований слова *ведрѣ* путем переформулирования правил распределения ступеней; первое из них является акцентно-позиционным, второе — собственно позиционным. Примером непозиционного чередования может служить любое формальное чередование.

Совокупность всех чередований с одинаковым правилом распределения ступеней мы будем называть к л а с с о м р а в н о р а с п р е д е л е н н ы х ч е р е д о в а н и й (или сокращенно — к л а с с о м ч е р е д о в а н и й)⁸⁶. Понятно, что все члены класса равномерно распределенных чередований состоят из одинакового числа ступеней. Пример класса чередований составляют чередования акцентно-позиционного подтипа: все они имеют единое правило распределения ступеней, указанное в определении этого подтипа. Среди собственно позиционных чередований важнейшим

распределения ступеней: *о* непосредственно перед конечным *к*, *Ѡ* непосредственно перед *к*-гласная; это правило верно для всех словоформ, в основе которых имеется отрезок, участвующий в чередовании *о/Ѡ*, а именно для всех словоформ ед. числа.

⁸⁵ Разумеется, в принципе возможны и другие варианты зависимости от буквенного окружения, но практически нам встретится только этот.

⁸⁶ В другой работе автора (А. З а л и з н я к. Беглые гласные в современном русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5) такая совокупность была названа г р у п п о й чередований.

является класс двучленных чередований, имеющих следующее правило распределения ступеней: одна ступень (так называемая *п о л н а я*) выступает в словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует конечная согласная, сочетание двух согласных или сочетание «согласная + ъ»; другая ступень (так называемая *н у л е в а я*) выступает в словоформах, где за отрезком, участвующим в чередовании, непосредственно следует гласная или сочетание «согласная + гласная». Полная ступень обычно представлена гласной *о, е, ё* или *и*, в редких случаях — гласной *я* или *а* или акцентно-позиционным чередованием *о/е*; нулевая ступень представлена нулем, буквой *ь* или буквой *й*. В дальнейшем, в соответствии с традицией, мы будем называть чередования этого класса *ч е р е д о в а н и я м и б е г л о й г л а с н о й с н у л е м*.

Среди чередований, допустимых для некоторой парадигмы *P*, по определенным правилам выбирается одно или несколько, про которые говорится, что они *п р е д с т а в л е н ы* в парадигме *P* (или что они являются чередованиями парадигмы *P*). Имеется два варианта этих правил: 1) основной — для случая, когда словоформы рассматриваются в действительном виде (см. § 6.14); этот вариант приводится ниже; 2) дополнительный — для случая, когда словоформы рассматриваются в условном виде (см. § 6.14); этот вариант дан в § 6.32. Основной вариант этих правил состоит в следующем.

Во всякой парадигме представлены те и только те чередования, которые образуются в результате поочередной обработки всех формальных чередований этой парадигмы (см. § 6.23) по следующим правилам⁸⁷:

С л у ч а й А: формальное чередование состоит из двух ступеней.

1. Если обе ступени данного формального чередования — гласные, а правило их распределения можно переформулировать таким образом, что чередование станет акцентно-позиционным, применить разрешенное преобразование 3, а именно, произвести указанную переформулировку.

2. Если одна из ступеней данного формального чередования есть гласная, другая — нуль, *ь* или *й*, а правило их распределения может быть переформулировано таким образом, что чередование станет чередованием беглой гласной с нулем, — применить разрешенное преобразование 3, а именно, произвести указанную переформулировку.

3. В прочих случаях оставить формальное чередование без изменений.

С л у ч а й Б: формальное чередование состоит из трех или более ступеней.

1. Если формальное чередование имеет указанный ниже состав ступеней — применить к нему разрешенное преобразование 2 (основное из получасемых при этом чередований выписано; второе, внутреннее, чередование входит и первое в виде дробей): формальное чередование *ѣнок/ѣнк/ят* превратить в чередование $\frac{0}{\emptyset}$ *к/ят*; *онок/онк/ат* — в $\frac{0}{\emptyset}$ *к/ат*; *ок/к/ят* —

⁸⁷ Очевидно, что если в парадигме не представлено формальных чередований, то в ней не представлено и обычных чередований.

в $\frac{o}{\emptyset}$ к/ят; ок/к/0 — в $\frac{o}{\emptyset}$ к 0; бѣнок, бѣнк т — в бѣн $\frac{o}{\emptyset}$ к т; Ѡ, ѡ е — в Ѡ $\frac{b}{e}$; г/зв/зе — в г/з $\frac{b}{e}$; Ѡ, овь/ове — в Ѡ/ов $\frac{b}{e}$; Ѡ, ен, ѣн — в Ѡ $\frac{e}{e}$ н. Далее, ко всем внутренним чередованиям применить разрешенное преобразование 3, а именно, превратить чередование e/\emptyset в акцентно-позиционное, а чередования o/\emptyset и b'/e — в чередования беглой гласной с нулем.

2. В парадигмах *рожок* (мн. *ро́жки*) и *саню́к* (мн. *саню́жки*) применить к формальному чередованию $0/\emptyset, e$ разрешенное преобразование 2, а именно, превратить его в чередование $0/\frac{u}{e}$. Далее, применить разрешенное преобразование 3, а именно, превратить выписанное чередование в чередование беглой гласной с нулем, а внутреннее чередование — в акцентно-позиционное.

3. В прочих случаях оставить формальное чередование без изменений.

Формулы перехода

§ 6.25. В ходе описания во многих случаях возникает необходимость преобразовывать одни цепочки букв (например, словоформы, основы, окончания) в другие. Все такие преобразования осуществляются в дальнейшем единым техническим приемом — с помощью так называемых формул перехода.

Ф о р м у л о й п е р е х о д а мы будем называть правило следующего общего вида: при условии W цепочка графических знаков x заменяется другой цепочкой графических знаков y ⁸⁸; запись: $x \rightarrow y$ при условии W .

В настоящей работе встречаются следующие типы формул перехода, различающиеся между собой характером условия W .

1. Условие W отсутствует или состоит только в том, что x непосредственно соседствует с определенными буквенными цепочками. Различаются три случая:

1. Формула перехода не ограничена никаким условием. Применение такой формулы перехода к некоторой цепочке (например, словоформе) F состоит в следующем: если x не входит⁸⁹ в F , F остается без изменений; если x входит в F один раз, это вхождение x заменяется на y ; если x входит в F более одного раза, вначале заменяется первое (самое левое) вхождение x , затем, если в преобразованной цепочке все еще имеются вхождения x , заменяется снова первое из них и так далее до тех пор, пока не будет получена цепочка, не содержащая x . Например, применяя формулу перехода $о,о \rightarrow л,а$ к цепочкам *холод* и *кляло*, получаем *клад* и *клято* (не *клято*!). Некоторую особенность представляет применение формул перехода вида $x \rightarrow \emptyset$. Поскольку пустая цепочка в соседстве с другими цепочками в нормальном случае никак не обозначается, применение такой формулы перехода (за исключением случая, когда обрабатываемая цепочка равна x) означает не замену цепочки x символом \emptyset , а уничтожение этой цепочки (без оставления пробела).

Необходимо учитывать, что, как указано в § 0.5, знаки ударения не относятся к буквенному составу словоформы. Следовательно, при данном типе

⁸⁸ Цепочка y может быть также пустой.

⁸⁹ При применении формул перехода условимся считать, что пробелы, ограничивающие словоформу, входят в нее; иначе говоря, будем рассматривать всякую словоформу как цепочку, начинающуюся и кончающуюся знаком пробела (#). Это даст нам возможность использовать формулы перехода типа $d\# \rightarrow m\#$ и т. п.

перехода наличие или отсутствие над буквой такого знака не влияет на переход. Так, например, приведенная выше формула перехода распространяется не только на словоформы в неакцентуированной записи (взятой выше для упрощения) или на словоформы с безударным *о* типа *колокол*, но и на такие словоформы со знаками ударения, как *хоббод*, *колбл*, *хоббоды* и т. п. Если в словоформе *F* замене подвергается буква со знаком ударения, то в образованной словоформе этот знак должна получить гласная буква, входящая в заменяющую цепочку (см. также § 6.26 о знаке *); во всех рассматриваемых ниже случаях перехода эта операция возможна и однозначна. Так, в последней группе примеров получаем: *хлэд*, *кдбл*, *дблв*.

2. Условие *W* состоит в том, что непосредственно перед *x* стоит некоторая цепочка *m*, или в том, что непосредственно после *x* стоит некоторая цепочка *n*, или в том и другом сразу. Этот случай очевидным образом сводится к предыдущему, а именно, имеет место не ограниченный какими-либо условиями переход $mx \rightarrow my$ или $xn \rightarrow yn$ или $m \vdash x \rightarrow my$. В этом случае может быть использована следующая запись: $(m \vdash) x \rightarrow y$; $x (\vdash n) \rightarrow y$; $(m \vdash)x (\vdash n) \rightarrow y$.

3. Условие *W* состоит в том, что непосредственно перед *x* стоит цепочка из некоторого списка *M*, или в том, что непосредственно после *x* стоит цепочка из некоторого списка *N* или в том и другом сразу. В этом случае формула перехода применяется к произвольной цепочке *F* так же, как и в случае I, но только в качестве объекта замены выступает не входящее цепочки *x*, а входящие любой цепочки вида Mx (т. е. некоторая цепочка из *M* + цепочка *x*), или вида xN или вида MxN . В этом случае используется следующая запись: $(M \vdash) x \rightarrow y$; $x (\vdash N) \rightarrow y$; $(M \vdash)x (\vdash N) \rightarrow y$; при этом состав списков *M* и *N* должен быть тут же указан (или оговорен предвзвительно). Допускаются также некоторые другие варианты записи. Так, если список *M* состоит, например, из m_1, m_2 и m_3 , можно вместо $(M \vdash)x$ написать: $(m_1, m_2 \text{ или } m_3) x$. Возможны также записи вида $(\text{не } p \vdash) x$ или $(\text{не } P \vdash) x$, где условие перехода охарактеризовано отрицательно.

В дальнейшем и формулах перехода этого типа мы будем без дополнительных пояснений применять следующие обозначения:

C — любая согласная (см. § 0.5).

G — любая гласная (см. § 0.5).

Ш — *ш, ж, ч* или *щ* (т. е. любая шипящая).

K — *к, г* или *х*.

Если в левой части формулы перехода фигурирует более одного представителя какой-либо из этих групп, соответствующий символ получает цифровой индекс. Так, например, символы C_1 и C_2 обозначают любые согласные (в частном случае одинаковые).

II. Условие *W* состоит из требований типа I (см. выше) и, кроме того, требования о том, чтобы определенная буква цепочки *x* несла (или не несла) действительное ударение. Здесь возможны такие же три варианта, как и в типе I. Применение формулы перехода данного типа отличается от типа I тем, что замене подвергаются только те входящие *x*, где требование относительно положения действительного ударения выполнено. Запись отличается от типа I тем, что при той букве цепочки *x*, на которую наложено дополнительное условие, ставится подстрочная помета «уд.» или «безуд.» (соответственно условию); примеры: $e_{\text{уд.}} \rightarrow e$; $(Ш \vdash) e_{\text{уд.}} \rightarrow o$.

Формулы перехода типов I и II мы будем называть *п о з и ц и о н н ы м и*.

III. Условие *W* содержит, помимо требований типа I и II, некоторые иные требования. Такие формулы перехода мы будем называть *н е п о з и ц и о н н ы м и*. Всякую непозиционную формулу перехода можно представить как позиционную, которая применяется к словоформам со следующим ограничением: каждая замена *x* на *y* производится только в том случае, если заменяемое входящее *x* или вся словоформа в целом удовлетворяют некоторому дополнительному требованию, а именно, «непозиционной» части условия *W*. «Позиционная» часть условия *W* записывается как обычно; «непозиционная» часть записывается словами. Если условие сложно, вся формула перехода может быть записана словами.

Несколько формул перехода, расположенных в определенном порядке, образуют цепь формул перехода. Цепь формул перехода применяется к словоформе так: вначале применяется первая формула цепи, после чего она ни в каких дальнейших операциях не используется; затем применяется вторая формула и так далее до конца цепи. Длинные цепи формул перехода могут быть разбиты на этапы, внутри которых ведется своя нумерация формул. Такое разделение служит только для наглядности; применяется такая цепь формул перехода точно так же, как если бы все входящие в нее формулы были занумерованы в том же порядке единой нумерацией.

Условный вид словоформ

§ 6.26. Как указано в § 6.14, для каждой первичной словоформы каждой именной парадигмы строится так называемый условный вид, т. е. некоторая цепочка русских букв и дополнительных символов. Правила построения такой цепочки приводятся ниже.

При построении условного вида некоторой словоформы F используются (в общем случае) следующие исходные данные: 1) действительный вид словоформы F с разделением на основу и окончание (с помощью знака $|$, см. § 4. 4); 2) действительный вид исходной словоформы парадигмы, содержащей F , с разделением на основу и окончание; 3) эталонное грамматическое значение словоформы F ; 4) про любую букву основы словоформы F предполагается известным, участвует ли она в акцентно-позиционном чередовании и в каком именно (практически участвовать в таком чередовании может только гласная); 5) про любой отрезок основы F (в том числе пустой) предполагается известным, участвует ли он в собственно позиционном чередовании и в каком именно (практически участвовать в таком чередовании может только однобуквенный отрезок, а именно, предпоследняя или последняя буква основы⁹⁰, или пустой отрезок, стоящий перед последней буквой основы).

Правила получения условного вида словоформ представляют собой некоторую цепь формул перехода (см. § 6.25), которая должна быть применена к действительному виду этой словоформы. Знак разделения $|$, а также символы j , $*$, σ_2 , δ , $\hat{\delta}$, которые могут появиться в словоформе в ходе преобразований, рассматриваются как особые буквы алфавита, со всеми вытекающими отсюда последствиями для применения формул перехода⁹¹. При этом j считается согласной, σ_2 , δ , $\hat{\delta}$ — гласными; символы $'$ и $*$ не относятся ни к согласным, ни к гласным (однако $*$ может нести знак ударения). Если звездочкой ($*$) заменяется гласная со знаком ударения, этот знак переходит на звездочку. Пояснения относительно знаков $\#$ и \mathbb{B} и их применения, а также относительно знаков C , C_1 , C_2 , F , K , \mathbb{H} см. в § 6.25. В описании ряда формул перехода фигурируют грамматические значения (число + падеж); во всех этих случаях имеются в виду эталонные грамматические значения словоформ.

⁹⁰ Исключение составляют только слова *восемьдесят* и *восемьсот*, где в чередовании беглой гласной с нулем участвуют отрезки δ и e , отстоящие дальше от конца основы.

⁹¹ Следует обратить внимание на то, что особыми буквами объявляются, в частности, символы δ и $\hat{\delta}$, содержащие знак второстепенного ударения (см. § 0.5). Таким образом, добавление знака второстепенного ударения, в отличие от знака главного ударения, создает новую букву.

Правила получения условного вида произвольной словоформы

I. Замена членов акцентно-позиционных чередований и сходные операции:

1. $\acute{e}_{\text{беззв.}} \rightarrow \acute{i}$
2. Всякое e , участвующее в акцентно-позиционном чередовании e/\acute{e} , заменить на \acute{e} .

3. В словоформах слов *заря́, се́мя, стрéмя, сей́*:

$зар| \rightarrow зор|$ $стремен| \rightarrow стремян|$
 $семен| \rightarrow семян|$ $си| \rightarrow се|$

4. В словоформах слова *хозяйн*:

$хозяйев| \rightarrow хозяйёв|$

II. Замена членов собственно позиционных чередований и сходные операции:

1. Всякий однобуквенный или пустой отрезок основы взятой словоформы, участвующий в чередовании беглой гласной с нулем, заменить:

а) если чередование, в котором участвует данный отрезок, есть o/\emptyset — на *;

б) если нулевая ступень чередования, в котором участвует данный отрезок, есть \acute{i} — на $\acute{i}*$;

в) в словоформах слов *ночерга́* и *сýмки* — на *;

г) в прочих случаях — на $\acute{i}*$.

2. $\acute{y}| \rightarrow \acute{i}*$

3. В любой словоформе (кроме словоформ слова *дядя́*), при условии, что действительный вид исходной словоформы данной парадигмы не оканчивается на $|\emptyset$:

$\acute{i}*\acute{y}| \rightarrow \acute{i}*$

4. В любой словоформе (кроме словоформ слов *сб́лице, вóйско, вóйска́*), при условии, что действительный вид исходной словоформы данной парадигмы оканчивается на $|\acute{y}$, $|\acute{u}$, $|\acute{y}$, $|\acute{u}$, $|\acute{o}$, $|\acute{y}$, $|\acute{e}$ или на $|\acute{y}$ или $|\acute{y}$ (по не $с\acute{y}|$, $ц\acute{y}|$) + окончание *ый, ой, ий, ая, яя, ое, ее, ые* или *ие*:

а) $\acute{y}C| \rightarrow \acute{i}*\acute{y}C|$

б) $\acute{u}C| \rightarrow \acute{i}*\acute{u}C|$

в) $\acute{y}C| \rightarrow \acute{i}*\acute{y}C|$

г) $C_1C_2| \rightarrow C_1\acute{i}*\acute{y}C_2|$

5. (*Ш* или \acute{y} +) * \rightarrow *

III. Замена \acute{y} , \acute{y} , \acute{e} , \acute{o} :

1. $\acute{y} \rightarrow \acute{a}$

2. $\acute{y} \rightarrow \acute{y}$

3. $\acute{e} \rightarrow \acute{o}$

4. $\acute{o} \rightarrow \acute{o}$

IV. Замена \acute{u} :

1. ($K|+$) $\acute{u} \rightarrow \acute{y}$

2. В словоформе II. ед. или Д. ед. с окончанием \acute{u} :

$\acute{u}|\text{беззв.} \rightarrow \acute{u}|\acute{e}$

3. $|\acute{u} \rightarrow |\acute{y}$

4. (G или \acute{y} +) $\acute{u} \rightarrow \acute{y}$

5. В словоформах слов *три́ста, пятьдеся́т, пятьсо́т, шестьдеся́т, шестьсо́т, се́мьдесят, се́мьсо́т, вóсемьдесят, вóсемьсо́т, девятьсо́т* непосредственно после начальных цепочек *тр, п'ат, шест, сем, восьм, дев'ат* (соответственно):

$\acute{u} \rightarrow \acute{y}$

V. Замена е:

1. В словоформе II. ед., Д. ед. или И. мн. с окончанием *е* (кроме словоформ *себе́* и *четыре́*) или Р. мн. с окончанием *ей* (имеются в виду окончания на данном этапе обработки), при условии, что действительное окончание исходной словоформы данной парадигмы есть *ь, ѝ, я, е* или *ѐ, а* также в словоформах следующего действительного вида — *детѝй, людѝй, колѝней, сосѝдей, чертѝй, всем, всей, всеѝт, все, всех, всеми*:

$|e \rightarrow |'e$

2. Во всякой словоформе, кроме словоформ II. ед., Д. ед. и II. мн. с окончанием *е* и Р. мн. с окончанием *ей* (имеются в виду окончания на данном этапе обработки), а также в словоформе *четыре́*:

$|e_{\text{беззвх.}} \rightarrow |'o$

3. ($\#$, Γ' или ι +) $e \rightarrow 'e$

4. В словоформах слов *мать, чёрт, сей, восемь, восемьдесят, восемь-сѝт* непосредственно после начальных цепочек *мат, ч, с, вос* (соответственно):

$e \rightarrow 'e$

5. В словоформе *четы́реста* непосредственно после начальной цепочки *четы́р*:

$e \rightarrow 'o$

VI. Замена безударного *о* после шипящих и *ц*:

1. (Ш или Ц +) $o_{\text{беззвх.}} \rightarrow o_2$

VII. Замена *й* и *ь*:

1. $й| \rightarrow й'j|$

2. $й$ (+ не Γ и не j) $\rightarrow j$

3. (не С и не $\text{С}|$ +) $' \rightarrow j$

4. $ь$ (+ не o) $\rightarrow ' \rightarrow j$

5. $|j \rightarrow j|$

6. (Ш или Ц +) $' \rightarrow \emptyset$

7. $' \rightarrow 'j$

VIII. Замена окончания *ого*:

1. $|ого \rightarrow |ово$

Приведем п р и м е р ы условного вида словоформ (слева от стрелки указан действительный вид словоформы, справа — условный). Примеры разбиты на группы, соответствующие восьми разделам (этапам) приведенной цепи формул перехода. В каждую группу входят словоформы, преобразование которых начинается под воздействием формул соответствующего раздела (завершаться оно может уже под воздействием формул последующих разделов).

I. *трѣхсѝт|* \rightarrow *тр'ѡхс*т|*; *селѡ* \rightarrow *с'олѡ*; *звездѡ* \rightarrow *зв'оздѡ*; *пчелѡ* \rightarrow *пч'олѡ*; *дешевѡ* \rightarrow *д'ош'овѡ*; *именѡ* \rightarrow *им'онѡ*; *семенѡ* \rightarrow *сем'анѡ*; *зарѡ* \rightarrow *зор'ѡ*; *хозѡевѡ* \rightarrow *хоз'ѡевоѡ*.

II. *сѡн|* \rightarrow *с*н|*; *сн|ѡ* \rightarrow *с*н|ѡ*; *стрелѡн|* \rightarrow *стрел*н|*; *стрелк|ѡ* \rightarrow *стрел*к|ѡ*; *нѡгот|ь* \rightarrow *нѡг*т'|*; *нѡгт|и* \rightarrow *нѡг*т'|ы*; *чѡйк|а* \rightarrow *чѡй*к|а*; *чѡек|* \rightarrow *чѡй*к|*; *яйц|ѡ* \rightarrow *јај*ц|ѡ*; *яйц* \rightarrow *јај*ц|*; *орѡл|* \rightarrow *ор'л|*; *орлѡ* \rightarrow *ор'л|ѡ*; *числѡ* \rightarrow *чис'л|ѡ*; *чисел|* \rightarrow *чис'ел|*; *ручѡй|ѡ* \rightarrow *руч*й|ѡ*; *ручь|ѡ* \rightarrow *руч*й|ѡ*; *лѡйсн|ѡ* \rightarrow *лѡйс*н|ѡ*; *лѡсьн|ѡ* \rightarrow *лѡйс*н|ѡ*; *уцѡль|е* (II. ед.) \rightarrow *уцѡль*н|ѡ*; *плѡть|е* (II. ед.) \rightarrow *плѡть*н|ѡ*; *ствѡльнѡ* \rightarrow *ствѡльнѡ*; *мужьб|ѡ* \rightarrow *мужж*н|ѡ*; *кнѡзьб|ѡ* \rightarrow *кн'аз'н|ѡ*; *дядьнѡ* \rightarrow *д'ад'н|ѡ*; *грѡздьнѡ* \rightarrow *грѡзд'н|ѡ*; *сѡкнѡ* \rightarrow *сѡк*н|ѡ*; *ясн|и* \rightarrow *јас'н|ѡ*; *западнѡ* \rightarrow *запад'н|ѡ*; *очк|ѡ* \rightarrow *оч*к|ѡ*; *родн|ѡ* \rightarrow *род'н|ѡ*; *дѡнн|ѡ* \rightarrow *дѡн'н|ѡ*.

III. *дѡд|ѡ* \rightarrow *д'ад'н|ѡ*; *тѡтнѡ* \rightarrow *т'ѡт'н|ѡ*; *нѡннѡ* \rightarrow *нѡнн|ѡ*.

IV. *оврѡз|и* \rightarrow *оврѡз|ѡ*; *сух|ѡ* \rightarrow *сух'ѡ*; *звѡрп|и* \rightarrow *звѡр'п|ѡ*; *нѡл|и* \rightarrow *нѡл'п|ѡ*; *музѡн|и* \rightarrow *музѡн|ѡ*; *нѡчн|и* \rightarrow *нѡч'н|ѡ*; *лѡнн|и* (Р. ед., II. мн.) \rightarrow *лѡнн|ѡ*; *лѡнн|и* (Д. ед., II. ед.) \rightarrow *лѡнн|ѡ*; *здѡнн|и* \rightarrow *здѡнн|ѡ*; *вѡнн* \rightarrow *вѡнн|ѡ*; *трѡстнѡ* \rightarrow *трѡстнѡ*.

V. *звѡрп|е* \rightarrow *звѡр'п|ѡ*; *нѡл|е* \rightarrow *нѡл'п|ѡ*; *звѡрлѡ* \rightarrow *звѡр'лѡ*; *детлѡ* \rightarrow *дет'лѡ*; *звѡрлѡм* \rightarrow *звѡр'лѡм*; *музѡнѡ* \rightarrow *музѡнѡ*; *птѡнц|ѡ* \rightarrow *птѡнц|ѡ*; *сѡннѡ* \rightarrow *сѡннѡ*.

- VI. шоко.л[д] → шо.ко.л[д]; жок[э]й → жо.к[э]й; цокот[у]х|а → цо.з.кот[у]х|а.
 VII. севк[в]й| → сев.к[в]й|; муз[э]й| → му.з[э]й|; плац[э]й| → пла.ц[э]й|; з[э]р|б → з[э]р'|.
 VIII. б[э]л|о.о → б[э].л|о.о.

Различительный признак «тип склонения»

§ 6.27. Назовем собственным набором условных окончаний некоторой парадигмы запись, показывающую, каково условное окончание каждой первичной словоформы этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) Например, парадигма слова *тётя* имеет следующий набор условных окончаний: ед. ч. — И. -а, Р. -ы, Д. -е, В. -у, Т. -о₁ и -о₂у, П. -е; мн. ч. — И. -ы, Р. -е₁, Д. -ам, Т. -ами, П. -ах⁹².

Назовем эталонным набором условных окончаний запись, ставящую в соответствие каждой клетке эталона некоторое условное окончание (т. е. некоторую цепочку букв, которая является условным окончанием хотя бы одной словоформы). Мы будем говорить, что собственный набор условных окончаний некоторой парадигмы совместим с некоторым эталонным набором условных окончаний, если в части эталона, покрываемой данной парадигмой, эти наборы совпадают.

Ниже приведено несколько эталонных наборов условных окончаний. Эти наборы мы будем называть стандартными. Стандартные эталонные наборы условных окончаний разделены на следующие 8 классов:

- | | |
|---------------------------|---------------------|
| 1) I субстантивный, | 5) I местоименный, |
| 2) II субстантивный, | 6) II местоименный, |
| 3) адъективный, | 7) притяжательный, |
| 4) адъективно-возвратный, | 8) нулевой. |

Выражение «стандартный эталонный набор условных окончаний» ниже может быть сокращено до выражения «стандартный набор» (в недвусмысленных контекстах даже просто «набор»). Вместо выражения «условное окончание из стандартного эталонного набора такого-то класса» может быть сказано также просто «условное окончание такого-то класса».

В приводимых ниже стандартных наборах (кроме наборов адъективного класса) условные окончания фактически указаны не для всех клеток рабочего эталона. С формальной точки зрения, не указанные в нашей записи клетки можно заполнить любыми условными окончаниями. Практически же это означает, что ни одна из парадигм, у которых собственный набор условных окончаний совместим с данным стандартным набором, не покрывает клеток эталона, не указанных в нашей записи. В некоторых клет-

⁹² Заметим, что словоформе Т. ед. *тётей* соответствует условное окончание -о₁, а словоформе Р. мн. *тётней*, имеющей такой же действительный вид, соответствует другое условное окончание: -е₁.

ках стоит символ (=); он означает, что в парадигмах, у которых собственный набор условных окончаний совместим с данным стандартным набором, этим клеткам всегда соответствует вторичная словоформа⁹³. Записи *-oj* (*-oju*), *-ej* (*-eju*) означают, что само условное окончание имеет два варианта (это так называемое типовое колебание, см. § 4.3). Стандартные наборы одного класса различаются между собой лишь в незначительном меньшинстве клеток, поэтому они записываются обобщенно: в клетках, где есть различия, даны альтернативные условные окончания (с соответствующими пометами), в прочих клетках дано одно условное окончание. Несколько клеток, содержащих одинаковое условное окончание, при записи могут быть объединены⁹⁴.

Следует специально подчеркнуть, что всякое грамматическое значение, указываемое в приведенных ниже таблицах, есть название некоторой клетки (или клеток) эталона (см. § 6.5). Иначе говоря, оно отражает не грамматическое значение словоформ, имеющих соответствующее условное окончание, а их эталонное грамматическое значение (которое может и не совпадать с грамматическим значением; см. об этом § 6.11).

Для классов, содержащих более одного стандартного набора, указывается правило распределения этих наборов (в зависимости от грамматического разряда парадигмы, от последней буквы условной основы соответствующей словоформы или от ее условного ударения). Эти правила будут использованы в последующем изложении (§ 6.30); для настоящего параграфа с формальной точки зрения они не являются необходимыми.

Стандартные эталонные наборы условных окончаний

Стандартные наборы I субстантивного класса

Таких наборов три: 1) набор А, 2) набор Б с условно безударным окончанием Р. мн., 3) набор В с условно ударным окончанием Р. мн.⁹⁵. Они различаются только в Р. мн. Наборы группы В выступают в том случае, если условная основа словоформы Р. мн. оканчивается на ' или на шипящую, набор А — в прочих случаях. В наборах этого класса не заполнена неактивная часть эталона и клетки парного рода.

⁹³ Эта вторичная словоформа всегда бывает омонимична какой-либо из первичных словоформ той же парадигмы; отсюда выбор символа (=).

⁹⁴ Нетрадиционный порядок надежд, принятый в § 6.5, нужен как раз для того, чтобы облегчить такие объединения. Отметим также специально, что в приводимых таблицах объединена всякая пара клеток, различающихся только по признаку одушевленности—неодушевленности (и поэтому при указании грамматических значений одушевленность—неодушевленность просто не упоминается). Это объясняется тем, что различие окончаний внутри такой пары возможно только в В. мн. и В. ед. муж., т. е. в клетках, которым всегда соответствуют вторичные словоформы.

⁹⁵ Здесь и ниже выражение «набор с условно ударным (безударным) окончанием некоторой словоформы» означает: набор, который выступает в том случае, когда в этой словоформе условное ударение на окончании (на основе).

	Ед. число			Мн. число		
	муж. род	сред. род	жен. род	муж. род	сред. род	жен. род
И.	∅	-о	-а	-ы	-а	-ы
В.	(=)		-у	(=)		
Р.	-и		-ы	А: -ои Б: -еј	А: ∅ Б: $\frac{\text{усл. безуд. } \emptyset}{\text{усл. уд. } -еј}$	
П.	-е		-е	-ах		
Д.	-у			-ам		
Т.	-ом		-ој (-оју)	-ами		

Стандартные наборы II субстантивного класса

Таких наборов два: А и Б. Они различаются только в Р. мн. Правило их распределения — то же, что в I субстантивном классе. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эта-лона и клетки парного рода.

	Ед. число			Мн. число		
	муж. род	сред. род	жен. род	муж. род	сред. род	жен. род
И.	∅	-а	∅	-ы	-а	-ы
В.	(=)			(=)		
Р.	-и			А: -ов Б: -еј	А: ∅ Б: -еј	
П.				-ах		
Д.				-ам		
Т.	-ом		-ју	-ами		

Продолжение

№ погов.	Формы								Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
	ед. число				мп. число						
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.			
21	0	+	+	+	-	-	-	-	<i>ма́стер</i>	как у <i>мо́ре</i>	3
22	+	+	+	+	-	0	-	-	<i>ме́сто</i>	самост.	
23	0	0	+	+	-	-	-	-	<i>са́д</i>	как у <i>мо́ре</i>	
24	0	+	+	+	-	0	-	-	<i>госпо́дин</i>	как у <i>ме́сто</i>	
25	0	0	+	+	-	0	-	-	<i>глаз</i>	»	
26	0	-	-	-	+	+	+	+	<i>каза́к</i> (мп. <i>каза́ки</i>)	самост.	4
27	-	-	-	-	+	0	+	+	<i>ви́нó</i>	как у <i>пе́рб</i>	
28	0	0	-	-	+	+	+	+	<i>су́к</i>	самост.	
29	0	+	+	+	+	-	-	-	<i>зверь</i>	как у <i>у́хо</i>	5
30	+	+	+	+	+	0	-	-	<i>дре́вня</i>	самост.	
31	0	0	+	+	+	-	-	-	<i>мышь</i>	как у <i>у́хо</i>	
32	0	0	+	+	+	0	-	-	<i>во́лос</i>	как у <i>дре́вня</i>	
33	0	-	-	-	+	-	-	-	<i>ко́нь</i>	самост.	6
34	-	-	-	-	+	0	-	-	<i>гу́ба</i>	»	
35	0	0	-	-	+	-	-	-	<i>гвоздь</i>	»	
36	0	0	-	-	+	0	+	+	<i>зубо́к</i> (мп. <i>зу́бки</i>)	как у <i>су́к</i>	4, 7
37	0	0	0	0	+	+	+	+	<i>дно</i>	как у <i>пе́рб</i>	1, 4
38	0	0	0	+	0	0	0	0	<i>вошь</i>	как у <i>любо́вь</i>	1, 3, 5, 9—11
39	0	0	0	0	0	0	0	0	<i>шо́ссе</i>	как у <i>юно́ша</i>	1—11
	0	0	0	0	0	0	0	0	<i>ле́в</i>	как у <i>ца́рь</i>	
	0	0	0	0	0	0	0	0	<i>со́н</i>	как у <i>сто́л</i>	
	0	0	0	0	0	0	0	0	<i>тля</i>	как у <i>ступня́</i>	
	0	0	0	0	0	0	0	0	<i>тьма</i> (мно- жество)	как у <i>че́ртá</i>	

З а м е ч а н и е. Как можно видеть, субстантивные классы I и II различаются в большинстве форм ед. числа и, кроме того, в Р. мн. жен. и сред. (в варианте Б). Заметим, что для практических целей записи в клетке Р. мн. муж. можно было бы заменить просто условным окончанием *-eʃ*, поскольку вариант А здесь не представлен ни одной парадигмой.

Стандартные наборы адъективного класса

Таких наборов два: набор с условно безударным окончанием И. ед. муж. и набор с условно ударным окончанием И. ед. муж. Наборы этого класса покрывают весь эталон.

		Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
		муж. род	сред. род	жен. род	
Неатрибутивные формы		∅	-a	-a	-ы
Атрибутивные формы	И.	$\frac{\text{усл. безуд. } -ыʃ}{\text{усл. уд. } -oʃ}$	-oʃe	-aʃa	-ыʃe
	В.	(=)		-yʃy	(=)
	Р.	-ovo		oʃ	-ыx
	И.	-om			
	Д.	-omy			-ым
	Т.	-ым		-oʃ (-oʃy)	-ыми

Стандартный набор адъективно-возвратного класса

Этот набор получается из стандартного набора адъективного класса с условно безударным окончанием И. ед. муж. 1) отбрасыванием неатрибутивной части указанного набора, 2) приписыванием сзади к каждому из остальных его условных окончаний цепочки *с'а*. Таким образом, например, окончание И. ед. муж. в стандартном наборе адъективно-возвратного класса есть *-ыʃe'а*, И. мн. *-ыʃe'а* и т. д.

Стандартные наборы I местоименного класса

Таких наборов два: набор Б выступает в том случае, если условная основа оканчивается на *'* или на *j*, набор А — в прочих случаях. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

	Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
	муж. род	сред. род	жен. род	
И.	∅	-o	-a	-ы
В.	(==)		-y	(==)
Р.	-овo		А: -oj Б: -ej	-ых
П.	-ом			
Д.	-ому			-ым
Т.	-ым		А: -oj (-ojy) Б: -ej (-ejy)	-ыми

З а м е ч а н и е. Стандартный набор А этого класса можно описать как результат смешения условных окончаний I субстантивного и адъективного классов: в И. и В. падежах выступают условные окончания I субстантивного класса, в прочих падежах — условные окончания адъективного класса (при этом в И. мн. сред. выступает то же условное окончание, что в И. мн. муж. и жен.). Набор Б отличается от набора А заменой *-oj* на *-ej*, характерной для местоименных классов.

Стандартные наборы II местоименного класса

Таких наборов два: А и Б. Правило их распределения — то же, что в I местоименном классе. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

З а м е ч а н и е. Стандартные наборы этого класса можно описать как результат замены всякого *ы* на *е* в условных окончаниях соответствующих наборов I местоименного класса.

	Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
	муж. род	сред. род	жен. род	
И.	Ø	-o	-a	-e
В.	(=)		-y	(=)
Р.	-ovo		А: -oj Б: -ej	-eя
П.	-ом			
Д.	-ому			-ем
Т.	-ем		А: -oj (-ojy) Б: -ej (-ejy)	-еми

Стандартные наборы притяжательного класса

Таких наборов два: набор А выступает у существительных, набор Б — у прилагательных. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

	Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
	муж. род	сред. род	жен. род	
И.	Ø	-o	-a	-ы
В.	(=)		-y	(=)
Р.	-a		-oj	-ыя
П.	А: -e Б: -ом			
Д.	-y			-ым
Т.	-ым	А: -ом Б: -ым	-oj (-ojy)	-ыми

З а м е ч а н и е: Стандартные наборы этого класса можно описать как результат смешения условных окончаний I субстантивного и адъективного классов: оба набора имеют условные окончания I субстантивного класса в II и V падежах, в Р. ед. муж. и сред., в Д. ед. муж. и сред., а набор А, кроме того, еще в II. ед. муж. и сред. и Т. ед. сред.; в остальных формах выступают окончания адъективного класса.

Стандартный набор нулевого класса

Этот набор содержит окончание -∅ во всех клетках (нотрибутивная часть эталона не заполнена).

У подавляющей части парадигм собственный набор условных окончаний совместим хотя бы с одним из стандартных эталонных наборов (при этом чаще всего такой стандартный набор ровно один). В большинстве остальных парадигм для того, чтобы собственный набор условных окончаний стал совместимым хотя бы с одним из стандартных эталонных наборов, достаточно было бы заменить условные окончания у незначительной части первичных словоформ (обычно у одной или двух). И лишь у ничтожного меньшинства парадигм собственный набор условных окончаний столь аномален, что для достижения такой совместимости его пришлось бы заменить целиком или почти целиком.

Это дает возможность произвести грубую классификацию парадигм по наборам окончаний (или, как часто говорят, по типам склонения) следующим образом. Припишем каждую парадигму (кроме немногочисленных парадигм «аномальной» группы) к некоторому классу стандартных наборов так, чтобы собственный набор условных окончаний этой парадигмы либо был совместим хотя бы с одним из стандартных наборов, либо нуждался лишь в немногих заменах для достижения такой совместимости. (Точные правила такого приписывания даются ниже.) Подавляющее большинство парадигм разделится на 8 классов. Оставшуюся небольшую группу парадигм отнесем к дополнительному («аномальному») классу.

Итак, вводится различительный признак «тип склонения». Это основной различительный признак парадигм, относящийся к окончаниям. Он может принимать 9 значений, а именно: 8 типов склонения, названия которых совпадают с названиями классов стандартных наборов, и, кроме того, аномальный тип склонения. В дальнейшем вместо выражений «I субстантивный (адъективный, II местоименный и т. д.) тип склонения» может быть сказано также просто «I субстантивное (адъективное, II местоименное и т. д.) склонение».

**Правила, позволяющие приписать полностью
известной парадигме значение признака
«тип склонения»**

1. Парадигмы *лития, паремия, судия, щец, дровец, пол* (половина) приписать к I субстантивному типу склонения, парадигмы *некто* и *нечто* — ко II местоименному типу склонения. Для прочих парадигм — перейти к 2.

2. Найти все стандартные эталонные наборы, с которыми совместим собственный набор условных окончаний взятой парадигмы.

Если таких стандартных наборов нет — перейти к 4.

Если все такие стандартные наборы принадлежат к одному классу — приписать взятую парадигму к типу склонения, одноименному с этим классом.

Если некоторые из таких стандартных наборов принадлежат к разным классам — перейти к 3.

3. Если среди найденных стандартных наборов имеются только наборы I местоименного и притяжательного классов, то: если основа исходной словоформы оканчивается на *ов, ев, ев, им* или *ым* — приписать взятую парадигму к притяжательному типу склонения; в прочих случаях приписать ее к I местоименному типу склонения.

Если среди найденных стандартных наборов имеются какие-либо иные наборы, кроме наборов I местоименного и притяжательного классов — приписать взятую парадигму к I субстантивному типу склонения.

4. Взять в рассматриваемой парадигме все словоформы дательного падежа. Рассматривая совокупность этих словоформ так, как если бы она составляла самостоятельную парадигму, найти все стандартные эталонные наборы, с которыми совместим собственный набор условных окончаний данной совокупности словоформ.

Если таких стандартных наборов нет — приписать взятую парадигму к аномальному типу склонения.

Если все такие стандартные наборы принадлежат к одному классу — приписать взятую парадигму к типу склонения, одноименному с этим классом.

Если некоторые из таких стандартных наборов принадлежат к разным классам, то: если среди найденных стандартных наборов есть набор I местоименного класса — приписать взятую парадигму к I местоименному типу склонения; в прочих случаях приписать ее к I субстантивному типу склонения.

Примеры. Определяются после п. 2: парадигмы *стол, ведрб* — I субстантивный тип склонения; *стель, имя, пать* — II субстантивный; *сэрый, морбженое, мостовя* — адъективный; *этот, чей, ничья* — I местоименный; *Петрба, Кунцево* — притяжательный; *ателье, кбми* — нулевой. Определяются после пункта 3: *дровб, щи* — I субстантивный; *онб* — I местоименный; *Петрба* — притяжательный. Определяются после пункта 4: *дом, солдат, славянин, очкб, платье, я, мы, патьсбт* — I субстантивный; *гродь* — II субстантивный; *онб, бба, двбе, четверо* — I местоименный; *два, полторб, сто* — аномальный.

§ 6.28. В соответствии с § 6.2 (пункт 3), здесь необходимы также правила иного логического строения, а именно, правила, позволяющие установить тип склонения произвольной парадигмы на основании некоторой ограниченной информации об этой парадигме. Такие правила приводятся ниже. (В списках примеров и исключений порядок в большинстве случаев обратный алфавитный.)

Правила, позволяющие установить тип склонения произвольной парадигмы

Исходные сведения о парадигме: 1) действительный вид исходной словоформы (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) морфологический класс (только для существительных па ь).

СЛОВА БЕСЧИСЛОВЫХ РАЗРЯДОВ

Слова па *сот* (например, *пятьсот*) и слова: *я, ты, себя, мы, вы, дру- друзья, пол* (половина), *двести, триста, четыреста, тысяча* (числительное), *мало, немало* — относятся к I субстантивному типу склонения.

Слова па *дцать и десять* (например, *одиннадцать, тридцать, пятьдесят*) и слова: *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* — относятся ко II субстантивному типу склонения.

Слова: *каждый, любой, всякое, прочие, остальные, много, немного, много, немного, некоторые* — относятся к адъективному типу склонения.

Слова па *ero* (например, *четверо*) и слова: *он, она, оно, они, один* (числительное), *оба, двое, трое, столько, сколько, несколько, много, немного* — относятся к I местоименному типу склонения.

Слова: *все, всё, кто, что, никто, ничто, нечто, некого, нечего* — относятся ко II местоименному типу склонения.

Слова: *полтора, два, три, четыре, сорок, девяносто, сто, подорожа* — относятся к аномальному типу склонения.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

I. Прилагательные на *ий* и *ий*

Прилагательные *мой, твой, свой, кой* относятся к I местоименному типу склонения, остальные — к адъективному, например: *победный, котельный, городский*.

II. Прилагательные на *ий*

Все они распределяются между адъективным и I местоименным типами склонения (таким образом, слово «исключенное» означает ниже противоположный из этих двух типов склонения), а именно:

1. Прилагательные на *кий, гий, жий, щий*, на гласную | *ий*, а также на согласную (или ь) | *-жий, чий, ший, ший* или *лий* относятся к адъективному типу склонения, например: *русский, полудный, тихий, цветущий, длинный, швейный, провезжий, певчий, бочный, простынный, патриарший, дрессный, свиной, орлий*. Исключение: *вбачий*.

2. Из прилагательных на гласную | *-жий, чий* или *ший* слова расширенного адъективного разряда, а также *пробчий* относятся к адъективному типу склонения, например: *свежий, провезжий, могучий, бродячий, хоробый* (см. § 3.3, раздел II, пункт А 3); слова простого адъективного разряда (кроме *пробчий*) относятся к I местоименному типу склонения, например: *божий, собачий, черешный*.

3. Прилагательные на гласную | *ний* или *лий* относятся к I местоименному типу склонения, например: *оливный, обильный, актовый*. Исключения: *церемный, ситный*.

4. Прочие прилагательные на *ий* относятся к I местоименному типу склонения, например: *рыбий, корбячий, кблчий, кбрий, лбсий, трбтый*. Исключения: *кбрий, тугосйсий*⁹⁶.

З а м е ч а н и е. Прилагательные I местоименного склонения на *ий* (кроме *трбтый* и устар. *чбтый*) являются производными от названий животных или людей и имеют общее значение «свойственный (или принадлежащий) соответствующему роду животных или людей», например: *рыбий, медвежий, казбчий, мальчишечий* (от *рыба, медведь, казык, мальчишка*). Если допустить, что про любое рассматриваемое прилагательное известно, относится ли оно к данной семантической группе, то можно предложить следующее правило. Из числа прилагательных на *ий* к I местоименному склонению относятся: а) прилагательные указанной семантической группы, кроме тех, у которых перед *ий* стоят две согласных (причем вторая — не *б, н, в, ф, м*); например: *рыбий, олений, акулий, казбчий, мальчишечий* (ср. прилагательные адъективного склонения *мужиний сынбоний, брлий, бтчий, патрибрий*, а также *кайцкчий, мальчишеский* и прочие на *ский, цкий*); б) *вбчий*; в) *трбтый, чбтый*. Прочие прилагательные на *ий* относятся к адъективному склонению.

III. Прилагательные на *ийся*

Все они относятся к адъективно-возвратному типу склонения, например: *выдающийся, вьющийся*.

IV. Прилагательные на *ов, ёв, ев, ин, ён*

Прилагательное *один* относится к I местоименному типу склонения. Из прочих слов прилагательные на *ов, ёв, ев, ин, ён* относятся к притяжательному типу склонения, например: *чёртов, царёв, Ильин*. Прилагательные на безударное *ин* или *ён* имеют по два варианта парадигмы, один из которых относится к притяжательному типу склонения, а другой — к I местоименному, например: *дядин, мужинин*.

V. Прочие прилагательные

Прилагательные *сей, чей, ничей, сам, ётот, наш, ваш* относятся к I местоименному типу склонения; *тот* и *весь* — к II местоименному; *господень* — к притяжательному. Прочие прилагательные относятся к адъективному типу склонения, если они расширенного адъективного разряда (например, *такёв, рад, близёнек*) и к нулевому типу склонения, если они простого адъективного разряда (например, *беж, зйки, кбми*).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

I. Существительные на *ый, ий, ой*⁹⁷

Слова *мой, твой, свой, третий* относятся к I местоименному типу склонения. Из прочих слов следующие относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на согласную (кроме *к, г, х, ж, ш, ч, ц, н*) + *ий* и на гласную + *ний*, например: *рабий, санатбрий, збний*; б) слова: *контбгий, спорбгий, кий, трибрбгий, амфибрбгий, ниррбгий, чий; мбгий, хрёмний, калибрбний, гбфний*; в) слова на *бой, слой, гной, пой, рой, стой* (кроме *люббй, слелбй, простбй* 'человек из непривилегированных классов'), например: *бой, заббй, перенбй, водолбй, гербй, застбй*; г) слова: *вой, навбй, подвбй, развбй, привбй, коневбй, сувбй, извбй, надбй, раадбй, киздбй, свдй*,

⁹⁶ Указания Уш. при этом слове (*тугосйсий, ъя, ъе*) неверны.

⁹⁷ В данном пункте правил учтены только те адъективные существительные (=субстантивпроващие прилагательные), которые зафиксированы в Уш.

лескóй, мокóй, покóй, урокóй, налóй, аналóй, перелóй, зной. Остальные слова относятся к адъективному типу склонения, например: *вожáтый, леснóй, часовóй.*

II. Прочие существительные на согласную

Слова *наш, ваш* относятся к I местоименному типу склонения, слово *кабельто́е* — к притяжательному типу склонения, слова *ма́дам, фрэ́кен, фрэйлейн, а́лма-ма́тер, миссис, мисс,* а также *он* и *они* как названия букв *о* и *н* — к нулевому типу склонения. Прочие слова относятся к I субстантивному типу склонения, например: *дом, верблóд, ручей, мяс.*

III. Существительные на ь

Слова мужского морф. рода (кроме *пу́ть*) относятся к I субстантивному типу склонения, например: *дождь, огонь, житель.* Слова женского морф. рода, а также *пу́ть* относятся ко II субстантивному типу склонения, например: *моркóвь, постéль, мышь.* Слово *соль* (нота; средний морф. род) — нулевого типа склонения.

IV. Существительные на ая, яя, ое, ее, ые, ие с безударной конечной гласной

К I субстантивному типу склонения относятся: а) слова на *ие*, кроме тех, у которых перед *ие* стоит гласная, *к, г, х, щ* или сочетание «огласная + ш или нь», например: *лэ́зие, ору́жие, собрáние, открýтие;* б) *тёрние;* в) *собя́, стáя.* Прочие слова относятся к адъективному типу склонения, например: *столбáя, преислóднáя, зали́тые, подлежа́щее, пользы́е, йсторские.*

V. Существительные на ийся, аяся, еяся, ияся

Все они относятся к адъективно-возвратному типу склонения, например: *трудо́ющийся, убо́ящаяся, пресмыка́ющееся.*

VI. Прочие существительные на гласную

A. Существительные на а, я, ё, ы.

Слова *де́вичья, ничья́, трё́тья* (треть) относятся к I местоименному типу склонения. Слова на *мя* (например, *йма́, стрéмя*), а также *дитя́, поросё* относятся ко II субстантивному типу склонения. Следующие слова относятся к нулевому типу склонения: а) слова на гласную + а, например: *бо́а, буржуа́;* б) *иору́ба, мýнда, хáуса, майя́*⁹⁸; в) *альпага́, какá, альпака́, антра́к, галá, па, баккара́, бра, фа, антрашá, ля; г) ери́, ри́и* (названия букв), *хэ́нты.* Прочие слова относятся к I субстантивному типу склонения, например: *собáка, ступи́я, ружьё́, пóжницы.*

Б. Существительные на у, ю, э.

Все они относятся к нулевому типу склонения, например: *кенгуру́, фри́у, интервью́, алба́.*

В. Существительные на е.

Слово *трё́тье* относится к I местоименному типу склонения. Из прочих слов следующие относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на безударные *ье, ье* и *ье*, например: *уце́лье, се́рдце, жили́ще;* б) *лбже́, по́ле, го́ре, мо́ре, вёче;* в) *жити́е, пити́е, быти́е, пребы́тие, инобы́тие.* (Ср. также выше, пункт IV.) Остальные слова относятся к нулевому типу склонения, например: *шимпанзе́, фройе́, релé, шоссе́, цеце́, ателье́; проми́лле, анда́нте, кафе́, джé.*

⁹⁸ Вообще к нулевому типу склонения относятся все слова на *а, я*, которые обозначают племена или народности, живущие за пределами РСФСР, например: *авта́, га́лла, дýлка.* Подпункт б) включает лишь те из них, которые входят в исходный материал.

ские фамилии на *ых, их* относятся к нулевому типу склонения, например: *Кручёных, Черемных*.

2. Фамилии и личные имена (мужские и женские, любого происхождения) на гласную, кроме *а, я*, а также французские фамилии и имена на *а, я* относятся к нулевому типу склонения, например: *Чапачадзе, Вёрди, Дурнов, Шечёнко, Генри, Сергёв, Мэри, Беатриче; Дюма, Гамарра, Николай*¹⁰¹.

3. Женские фамилии на согласную или *ь* и женские имена на согласную относятся к нулевому типу склонения, например: (Вера) *Засулич*, (Сара) *Верна́р*, *госпожа де Сталь*¹⁰²; *Ирен, Лилиан, Эдит*. Из женских имен на *ь* библейские имена (наиболее известные из них — *Аза́рь, Рахи́ль, Руфь, Сулами́фь, Эсфирь, Юди́фь*), а также *Любевь, Аде́ль, Жизе́ль* относятся ко II субстантивному типу склонения; прочие имена (например, *Люси́ль, Нице́ль, Сеси́ль, Айго́ль, Гюзе́ль*) колеблются между нулевой и II субстантивными типами склонения, причем преобладает нулевой тип (в особенности в разговорной речи).

4. Фамилии и личные имена, не подпадающие ни под один из предшествующих пунктов, подчиняются общим правилам, данным выше. Примеры: *Гёголь, Вальза́к, Ча́плин, Вершиго́ра, Гли́нка, Лёрка, Канва, Пе́тр, Ян, Лукá, Мари́я, Пе́тя* — I субстантивный тип склонения; *Трубецко́й, Хмский* — адъективный; *Гю́ля, Ве́куа* — нулевой.

Следует заметить, однако, что общая тенденция к неизменяемости захватывает также часть иностранных фамилий (реже имен) на *а, я*; например, фамилии *Бурки́я, Зба́ка, Латту́да, Нкру́ма, Оя́ма, Стра́да* и т. п. могут колебаться между I субстантивным и нулевыми типами склонения, в частности, в газетной практике. (Указания Был. в этом отношении непоследовательны.) Характерно, что фамилии этого типа, впервые попадающие на газетную полосу, чаще трактуются как неизменяемые, чем те, которые уже получили известность.

Топонимы

1. Топонимы СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии на *оо, ёо, ео* (с ударением не на последнем слог) и на *ино, ыно* (с ударением не на предпоследнем слог) относятся по литературной норме к притяжательному типу склонения, например: *Ивано́во, Бирюла́во, Сарде́во, Ченстохо́во, Блуди́но, Любли́но, Гоми́чно*. Однако в современной разговорной речи топонимы этой группы обнаруживают явную тенденцию к неизменяемости; ср., например: *живет в Ку́нцево (под Ку́нцево), едет из Любли́но, подвезжаем к Любли́но*. Такие обороты широко проникают и в письменную речь, в особенности газетную.

Топонимы той же территории на согласную + *но* относятся к нулевому типу склонения, например: *Ги́сно, Грба́но, Комба́рно, Рабо́но*¹⁰³.

¹⁰¹ Исключение составляют имена *Нисла́в, Пе́тро* и уменьшительно-ласкательные на *ко*, например, *Василько́, Мишко́*. Фамилии на *ико*, например *Шевче́нко*, вообще говоря, допускают I субстантивный тип склонения (при этом фамилия на *ико* колеблется между средним и женским морф. родами: Р. *Шевче́ника* и *Шевче́нки*; Д. *Шевче́нику* и *Шевче́нке*; В. *Шевче́нко, Шевче́ника* и *Шевче́нку*; Т. *Шевче́нком* и *Шевче́нкой*). Однако для современного литературного языка, в соответствии с общей тенденцией к расширению круга неизменяемых слов, нормой здесь явно следует признать (вопреки Был.) нулевой тип склонения. Склонение показанного здесь типа может быть использовано в настоящее время только для стилистических целей (создание украинского или белорусского колорита); в прочих случаях оно воспринимается как устаревшее.

¹⁰² Таким образом, одна и та же фамилия данного типа, например *Засу́лич*, является изменяемой, если она принадлежит мужчине, и неизменяемой, если она принадлежит женщине.

2. Топонимы РСФСР (кроме Дагестанской АССР), БССР, УССР и Молдавской ССР на *и* относятся к I субстантивному типу склонения, например: *Ессентуки, Жигули, Поньры, Тетюши, Барановичи, Мятлици, Хайки, Черусти*. Исключение составляет ряд топонимов неславянского происхождения, в частности, все на *яри, саари, йоки, лахти*, например *Сюояри, Импилахти*; наиболее важные из прочих — *Соби, Сяки* (в нелитературной речи оба эти топонима изменяемы), *Ай-Петри, Лабытнанги, Рени, Сялми, Тикси, Усуури*.

3. Топонимы античного (римско-греческого) мира на гласную, *й, к, г* или *х*+безударное *и* относятся к I субстантивному типу склонения, например: *Поллеи, Платеи, Вейи, Фессалоники* (также современное название этого города — *Салоники*). Кроме того, к I субстантивному типу склонения относятся топонимы: *Аппалачи, Гималаи, Пиренеи, Гавань; Миссолунги, Суваки*.

4. Топонимы на гласную (кроме топонимов на *а, я*, на безударное *ы*, на *ое* и тех, которые подпадают под пункты 1—3) за пределами территории, указанной в пункте 2, относятся к нулевому типу склонения, например: *Калё, Законане, Либуре, Раьвере, Ахалцихе, Кобице, Тробиё, Нагайки, Хельсинки, Сомаи, Суэми, Кёмери, Тайти, Кёngo, Гороб, Сан-Марино, Килиманджаро, Тарту, Бузовый, Марь, Гуэ, Кюсю*. Кроме того, к нулевому типу склонения относятся французские топонимы на *а, я* (кроме *Юра*), например *Баккарá*, и финские, карельские и эстонские топонимы на *я*, например *Аутинокя, Вяртсиля, Отеня*.

5. Топонимы, не подпадающие ни под один из предшествующих пунктов, подчиняются общим правилам, данным выше. Примеры: *Киев, Дунай, Иран, Марсель, Вала, Анкара, Алма-Ата, Нюцца, Кулай, Швеция, Болонья, Городице, Запорожье, Индерланды, Туимазь, Сумы, Филиппины, Афины, Альпы* — I субстантивный тип склонения; *Обь, Казань, Сибирь, Лбевать, Кервь* — II субстантивный; *Горький, Вешенская, Вологде* — адъективный¹⁰³; *Шальтсмаа, Самтрёдиа, Никаригуа, Вожье, Бодайбó, Нёро, Бештау, Улап-Удэ* — нулевой.

Отметим, что, как и фамилии (см. выше), неславянские топонимы на *а, я* иногда могут колебаться между I субстантивным и нулевым типами склонения. Этими колебаниями объясняется, в частности, непоследовательность указаний Был.: так, Был. дает как неизменяемые, например, *Неньяррбя, Рила-Планинэ, Ряпина, Сортавала, Сьёрра-Невада*. Имена нарицательные, не входящие в исходный материал, в подавляющем большинстве случаев точно подчиняются общим правилам о типе склонения. Из возможных отклонений следует указать имена нарицательные иностранного происхождения на *е, и, о*: все они относятся к нулевому типу склонения (хотя бы это и противоречило общим правилам, данным выше); поэтому часть таких слов, например *мёдьё* (административная единица в Венгрии), *масай* (африканское племя), *грizzly* (серый медведь), *пуэбло* (индейское селение), с формальной точки зрения, отклоняется от правил.

Количественное распределение имен по типам склонения показано в приводимой ниже таблице. В таблице учтен грамматический разряд слова, а для существительных также морфологический род. Относительно значения прифтово и скобок см. § 6.2, пункт 4.

¹⁰³ Был. дает некоторые из таких топонимов как изменяемые, например *Молодёшино, Дубровно*; однако эти рекомендации, по-видимому, следует отвергнуть.

¹⁰⁴ Отметим, однако, что *Джанкый, Понбий, Стрый, Лисная, Яя* — I субстантивного типа склонения.

Таблица распределения имен по типам склонения

Грамматический разряд		Тип склонения								
		I субстан- тивный	II субстан- тивный	адъектив- ный	адъективно- возвратный	I место- именный	II место- именный	притяжа- тельный	нулевой	аномаль- ный
Прилагатель- ные	расширенный адъективный разряд	—	—	НОВЫЙ [16 100]	—	—	—	—	—	—
	простой адъек- тивный разряд	—	—	РУССКИЙ [3700]	выдающийся [20] <делающийся>	ВОЛЧНИЙ [190]	[тот, весь]	дядин [40] <Кб.лин>	кбми [40]	—
Существительные	муж. морф. род	ЗАВОД [13700]	[путь]	ПОРТ- НОЙ [340]	трудящийся [7]	свой [6]	—	[кабель- тов] <Полюв>	—	—
	жен. морф. род	КАРТА [11 500]	ТЕНЬ [3200]	ПРЯМАЯ [290]	учащаяся [2]	шчья [3]	—	<Полюва>	—	—
	сред. морф. род	ЧУВСТВО [5100]	ИМЯ [15]	ЧАСТ- НОЕ [220]	[пресмыкаю- щиеся]	[третье]	—	<Марфи- но>	ШОССЕ [380]	—
Согласуемо-бесчисло- вой разряд		—	—	каждый [4]	—	один [14]	[все]	—	—	два [4]
Несогласуемо-бесчис- ловой разряд		триста [18]	пять [21]	многое [10]	—	он [9]	кто [10]	—	—	сто [4]
Всего (округленно)		30 300	3200	20 700	30	220	13	40	420	8
То же (в %) *		55	6	38	—	0,4	—	—	0,8	—

* К общему количеству именных парадигм. Вместо величин, меньших, чем 0,1%, дан прочерк.

Комментарии

§ 6.29. Различительный признак «тип склонения» заменяет собой сразу несколько разных делений, встречающихся в существующих описаниях, в частности, деление существительных на изменяемые и неизменяемые, на собственно существительные и так называемые субстантивированные прилагательные, деление собственно существительных на традиционные I, II и III склонения, деление прилагательных на обычный и притяжательный типы. Это можно видеть из таблицы в § 6.28.

Следует особо остановиться на вопросе о традиционных I, II и III склонениях. Для традиционной системы из трех склонений характерно объединение типов *завод* и *чувство* (см. таблицу в § 6.28) в одно склонение и противопоставление их вместе типу *карта* (сама нумерация склонений в разных работах различна). В качестве обоснования обычно указывают, что типы *завод* и *чувство* различаются лишь в немногих формах; при этом мн. число часто вообще не учитывается — на том основании, что почти любое окончание мн. числа может встретиться у слова любого рода. Рассмотрим несколько подробнее вопрос о степени различия между тремя морф. родами в пределах I субстантивного склонения (типы *завод*, *чувство*, *карта*). За меру различия между двумя морф. родами естественно принять число грамматических форм, в которых типичные (т. е. самые распространенные) окончания этих морф. родов не совпадают. Если ограничиться шестью «основными» падежами ед. числа, меры различия оказываются такими:

муж./жен. — 5 (И. ед., Р. ед., Д. ед., В. ед., Т. ед.)

сред./жен. — 5 (те же формы)

муж./сред. — 2 (II. ед., В. ед.).

Таким образом, даже при этом, наиболее «выгодном» для традиционного деления, подсчете последнее различие оказывается вполне сопоставимым с первыми двумя. Однако исключение мн. числа нельзя считать оправданным. В русском языке действительно можно найти такие ряды словоформ, как, например: И. мн. — *кони*, *вишни*, *колёни*; *домá*, *местá*; *стúлья*, *пёрья*; Р. мн. — *столóв*, *облако́в*; *коро́н*, *ноздрёй*, *морёй*; *солда́т*, *стен*, *мест*. Тем не менее, несмотря на кажущуюся убедительность таких примеров, отсюда еще не следует, что различия морф. родов во мн. числе в современном языке уже стерты. Дело в том, что в подобных рядах смешаны явления типичные и редкие. В доказательство приведем следующие статистические данные (по принятому в книге исходному материалу): 1) 97,3% существительных мужского морф. рода I субстантивного склонения имеют в И. мн. условное окончание *-ы*, а Р. мн. условное окончание *-ов* или (при условной основе на ' или шипящую) *-ей*; 2) 98,9% существительных женского морф. рода I субстантивного склонения имеют

в И. мн. условное окончание *-ы*, а в Р. мн. нулевое условное окончание; 3) 96,4% существительных среднего морф. рода имеют в И. мн. условное окончание *-а*, а в Р. мн. нулевое условное окончание. Эти данные ясно показывают, что морфологическая связь между формами ед. и мн. чисел все еще вполне устойчива¹⁰⁵. Таким образом, при оценке меры различия между морф. родами следует учитывать также формы И. мн. и Р. мн.; от этого контраст между мерами различия заметно сглаживается¹⁰⁶:

муж./жен. — 6 (то же, что выше, +Р. мн.)

сред./жен. — 6 (то же, что выше, +И. мн.)

муж./сред. — 4 (И. ед., В. ед., И. мн., Р. мн.).

Из приведенных фактов следует, что выделение традиционных трех склонений лишено для современного языка единого логического основания; оно является в конечном счете пережитком деления имен по основообразующим элементам (*-o-, *-ā-, *-i-), оправданным только для общиндоевропейского. Последовательность требует, чтобы слова, относимые к традиционным I и II склонениям (типы *завѣд*, *чѹство*, *карта*) либо были разбиты на три склонения (по морф. родам)¹⁰⁷, либо считались единым («главным субстантивным») склонением, противопоставленным второстепенному субстантивному склонению (тип *тень*)¹⁰⁸; разделение типов *завѣд*, *чѹство*, *карта* именно на два склонения оказывается недостаточным, если признак «морфологический род» не используется, и излишним, если он используется. Из двух указанных решений в настоящей работе принято второе, поскольку

¹⁰⁵ Мы согласны, таким образом, в этом вопросе с А. В. Псаченко (А. В. П с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 150) и не согласны, в частности, с В. Н. Сидоровым (Р. И. А в а н с о в и В. Н. С и д о р о в. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 112), считающим, что окончания мн. числа «почти не связаны с теми, которыми определяется деление существительных в ед. числе». Относительно морфологических связей между разными числами одного существительного см. также: R. J a k o b s o n. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-slavica», v. III, 1957.

¹⁰⁶ Если принять в расчет наличие у части слов мужского морф. рода особых словоформ для Р₂ед. и П₂ед., этот контраст сгладится еще сильнее: муж./жен. — 8, сред./жен. — 7, муж./сред. — 6. Здесь, однако, может быть выдвинуто возражение о том, что количественно преобладают существительные мужского морф. рода, у которых Р₂ед. Р. и П₂ед. II.

¹⁰⁷ Такова классификация С. О. Карцевского, выделяющего следующие типы склонения: 1) *похвалѣ, сромѣла*, 2) *торжествѣ*, 3) *толбр, фонѣръ*, 4) *топь* (S. K a r c e v s k i. Sur la structure du substantif russe. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata». Prague, 1932, стр. 65—73).

¹⁰⁸ Такова классификация В. А. Богородицкого (В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 117). По существу такова же классификация Р. О. Якобсона (Р. О. Я к о б с о н. Морфологические наблюдения над славянским склонением. Состав русских надежных форм. «American contributions to the IV-th International congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958): слова *ночь, лѣшадѣ*, а также *изнь, дѣсати* отнесены здесь к «побочной парадигме женского типа» (стр. 13).

нет смысла дублировать словом «склонение» уже введенный ранее признак «морфологический род». Кроме того, при этом решении в систему без всяких дополнительных усилий укладываются изолированно стоящие слова на *мя* и слово *путь* (см. таблицу в § 6. 28).

Различительный признак «нестандартные условные окончания»

§ 6. 30. Как явствует из § 6. 27, каждому типу склонения, кроме аномального, соответствует свой класс стандартных эталонных наборов. В тех случаях, когда такой класс содержит более одного набора, при описании данного класса (§ 6. 27) для этих наборов указано правило распределения. Это правило может опираться на следующие сведения о парадигме, относящейся к рассматриваемому типу склонения: 1) грамматический разряд; 2) последняя буква условной основы (у словоформы, соответствующей той клетке рабочего эталона, где между стандартными наборами данного класса имеются различия); 3) условное ударение словоформы, соответствующей такой клетке.

Пусть имеется некоторая парадигма *A* (не аномального типа склонения), а в ней некоторая первичная словоформа *F*. Возьмем обобщенную запись стандартных наборов класса, одноименного с типом склонения парадигмы *A*. Найдем в этой записи клетку, соответствующую словоформе *F*. Эта клетка содержит либо одно условное окончание¹⁰⁹, либо несколько условных окончаний, относящихся соответственно к разным стандартным наборам данного класса. Возьмем в первом случае единственное стоящее в клетке условное окончание, во втором — условные окончания того набора, которого требует, в соответствии с правилом распределения наборов данного класса, парадигма *A* или словоформа *F*. Назовем взятое условное окончание *с т а н д а р т н ы м* для словоформы *F*, а всякое другое условное окончание — *н е с т а н д а р т н ы м* для нее.

Таким образом, всякая первичная словоформа парадигмы не аномального типа склонения имеет либо стандартное для себя, либо нестандартное для себя условное окончание. Про всякую первичную словоформу парадигмы аномального типа склонения условимся считать, что она имеет нестандартное для себя условное окончание. (В дальнейшем мы будем опускать в таких формулировках уточнение «для себя».) Примеры: словоформы *столы́*, *столб́в*, *вёдра*, *вёдер*, *стёпью*, *сёрую*, *её́*, *на́ми* имеют стандартные условные окончания; словоформы *домá*, *волб́с*, *яблоки*, *облаб́в*, *тýсьлячю*, *её́*, *нас*, *двух*, *двумя́* имеют нестандартные условные окон-

¹⁰⁹ Как одно условное окончание рассматривается также запись *-oj* (*-uju*) или *-ej* (*-uju*), отражающая наличие вариантов у самого условного окончания.

чания. Заметим, что словоформа парадигмы *A* может иметь нестандартное условное окончание даже и в том случае, если собственный набор условных окончаний парадигмы *A* совместим с некоторым стандартным эталонным набором. Так, например, словоформа Р. мн. *тётей* имеет нестандартное условное окончание *-ej* (для парадигмы женского морф. рода I субстантивного склонения это условное окончание может быть стандартным, только если на него падает условное ударение).

Ниже приводятся все нестандартные условные окончания, встречающиеся в русских именных парадигмах, с указанием эталонных грамматических значений тех словоформ, где они выступают. Одинаковые нестандартные условные окончания, выступающие в разных падежах или в разных числах, занумерованы разными номерами. Два разных нестандартных условных окончания, выступающих в одном и том же падеже и числе, но в разных морф. родах, могут быть занумерованы одним номером, если у них сходен характер отклонения от стандарта. Для каждого нестандартного условного окончания указывается, в каких парадигмах оно представлено. В таких указаниях могут быть использованы следующие сведения о парадигме: 1) действительный вид исходной словоформы; 2) тип склонения; 3) морфологический класс; 4) согласовательный класс (только для существительных на *ище*).

*Нестандартные условные окончания, представленные
в именных парадигмах*

В парадигмах *н е а н о м а л ь н ы х* типов склонения встречаются следующие нестандартные условные окончания ¹¹⁰.

I и II субстантивные типы склонения ¹¹¹

*A. Наиболее распространенные нестандартные
условные окончания*

1. Условное окончание II. мн., заимствованное из другого морфологического рода: в муж. и жен. морф. родах *-а* (вместо стандартного *-м*), в сред. морф. роде *-ы* (вместо стандартного *-а*).

Нестандартное условное окончание II. мн. *-а* представлено в следующих словах мужского морфологического рода:

1) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *й/ж* (см. § 6. 32, чередование № 12), например: *стул, друг, шурья* — II. мн. *стúльа, друзúя, шурúя*;

2) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *онзк/ат* или *жк/ат* (см. § 6. 32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок, волчок, чертёнок* — II. мн. *гусúна, волчúта, чертёнуа*;

¹¹⁰ Разделение нестандартных условных окончаний на группы, а также описательные характеристики отдельных условных окончаний (например, «заимствованное из другого морфологического рода» и т. п.) даны только для наглядности и с формальной точки зрения значения не имеют.

¹¹¹ Нестандартное условное окончание № 7 представлено, помимо слов I субстантивного склонения, также в слове I местоименного склонения *сей*.

3) в словах *господи́и* и *хозя́и* — И. мн. *господя́, хозя́ева*;

4) в следующих словах с односложной основой (все они неодушевленные и относятся к схеме ударения с):

<i>злеб</i> (злаки)	<i>ход</i> (расстояние между осями)	<i>дом</i>	<i>счёт</i> (кроме перен. знач.)
<i>злев</i>	<i>глаз</i>	<i>том</i>	<i>борт</i>
<i>снег</i>	<i>воз</i> (разг.)	<i>корм</i>	<i>сорт</i>
<i>брег</i> (устар.)	<i>крий</i>	<i>тои</i> (цвет)	<i>мех</i> (животных)
<i>лог</i>	<i>век</i>	<i>тои</i> (звук) (//)	<i>чех</i> (//)
<i>рог</i>	<i>ишляк</i>	<i>чс</i> (в професс. речи)	<i>верх</i> (обуви, шапки, экипажа)
<i>стог</i>	<i>бок</i>	<i>лес</i>	
<i>луг</i>	<i>ток</i> (птичий)	<i>цвет</i>	

5) в следующих словах, имеющих односложную основу с начальным ударением (все они относятся к схеме ударения с):

<i>пбгреб</i>	<i>прбмысел</i> (разг.)	<i>ка́тер</i>	<i>пбяс</i>
<i>ястреб</i> (//)	<i>вёртел</i>	<i>вётер</i> (разг.)	<i>пбспорт</i>
<i>желоб</i>	<i>кблокол</i>	<i>пбйнтер</i>	<i>бмут</i> (//)
<i>кблбл</i>	<i>шбмпол</i>	<i>ма́стер</i>	<i>лёмех</i> (// <i>лемех</i>)
<i>кброб</i>	<i>кўпол</i>	<i>сёттер</i> (в професс. речи)	<i>вброк</i> (//)
<i>отруб</i>	<i>тёрел</i>	<i>скўтер</i>	<i>пброк</i>
<i>прїстав</i>	<i>закром</i>	<i>ва́хтер</i> (старинный сторож)	<i>пбтрох</i>
<i>тётерев</i>	<i>штўрман</i> (//)	<i>бўер</i>	<i>та́бель</i> (жетон) (//)
<i>кўзов</i>	<i>мичман</i> (у моряков)	<i>шўфер</i>	<i>штáбель</i>
<i>жёрноа</i>	<i>брден</i> (знак от дымохода)	<i>бўфер</i>	<i>дўбель</i>
<i>ббров</i> (части дымохода)	<i>дья́кон</i>	<i>штўчер</i>	<i>фмїгель</i>
<i>ббтров</i>	<i>чёреп</i>	<i>кўчер</i>	<i>крэндель</i> (зигзаг)
<i>ббрег</i>	<i>а́ткуп</i>	<i>фёльдшер</i>	<i>нўдель</i> (//)
<i>ббкруе</i>	<i>пбвар</i>	<i>дбговор</i> (разг. вариант к <i>дбговор</i>)	<i>вбнзель</i>
<i>жемчуг</i>	<i>клёвер</i>	<i>тёнор</i>	<i>шёнкель</i>
<i>пбезд</i>	<i>кўвер</i>	<i>тра́ктор</i> (//)	<i>вйнкель</i>
<i>нёвод</i>	<i>кльвер</i>	<i>сёктор</i> (//)	<i>ста́пель</i>
<i>бвод</i> (//)	<i>флюгер</i>	<i>дбктор</i>	<i>штёмпель</i>
<i>првод</i>	<i>брдер</i> (документ)	<i>тўтор</i>	<i>нйппель</i>
<i>глод</i>	<i>вёер</i>	<i>тбрбас</i>	<i>дўпель</i>
<i>гброд</i>	<i>лёр</i>	<i>адрес</i>	<i>вёксель</i>
<i>стброж</i>	<i>кльикер</i>	<i>тўс</i>	<i>штёпсель</i>
<i>ббраз</i> (икона)	<i>бўикер</i>	<i>глоос</i>	<i>кйтсель</i>
<i>пбдрез</i>	<i>юнкер</i> (воен.)	<i>прїмус</i> (разг.)	<i>сббол</i> (мех)
<i>тбромоз</i> (в прямом знач.)	<i>шўлер</i>	<i>кбрпус</i> (здание; воен.)	<i>тбпол</i>
<i>бкорок</i>	<i>цбмер</i>	<i>на́рус</i>	<i>пёкарь</i> (//)
<i>прбпуск</i> (документ)	<i>нўмер</i> (устар.)		<i>тбкарь</i> (//)
<i>отпуск</i>	<i>шкїпер</i> (//)		<i>слёсарь</i> (//)
<i>перенес.</i>	<i>кльїпер</i>		<i>нїсарь</i>
	<i>крёйсер</i> (//)		<i>лїгерь</i> (в прямом знач.)
			<i>бгерь</i>
			<i>якорь</i> ¹¹²

6) в следующих словах, имеющих односложную основу со средним ударением (все они относятся к схеме ударения с): *дирёктор*, *инспёктор*, *штруктор* (//), *кондўктор* (человек), *коррёттор*, *прожёттор* (//), *профёссор*, *редáктор* (разг.), *учїтель* (преподаватель); также *полуббтров*;

¹¹² Отметим, что среди перечисленных слов нет оканчивающихся на *й* или *ц* и только одно (*стброж*) оканчивается на шипящую. Только два слова (*вётер* и *прбмысел*) содержат безгласную.

7) в следующих словах, имеющих неодносложную основу с конечным ударением: схема ударения *b* — *лембл* (вариант к *лемех*), *обшлаг*, *рукав*, *сокол* (стенбитное орудие; вариант к *сокол*), *сокол* (птица; устар. вариант к *сокол*); схема ударения *c* — *кокиль*, *перёд*, *постай*;

8) в следующих *pluralia tantum*: схема ударения *a*: *коренья*, *ложмбтя*, *объёдыя*, *стричья*, *хлбня*; схема ударения *b* — *бегб*, *лсб*, *потрохб*, *торокб*.

З а м е ч а н и я

Приведенные списки точно отражают нормативные указания АО и Орф. В действительности, однако, в современном языке границы распределения окончаний *-а*, *-я* в II. мн. муж. морф. рода не столь определены, причем более всего это относится к пунктам 4—6. Рассмотрим вначале слова, приведенные в пунктах 5 и 6. Эти слова можно разделить на ряд групп, которые в разной степени способны «притягивать» новые слова.

Прежде всего, выделяется группа слов, у которых основы всех словоформ¹¹³ содержат так называемые «полногласные сочетания» *оро*, *оло*¹¹⁴, *ере* или *еле*: *бэрег*, *бэров* (часть дымохода), *вэрох*, *бэлог*, *зэрод*, *жэлоб*, *кэлоб*, *кэлокол*, *кэрооб*, *окорок*, *пэренел*, *пэрох*, *стэброж*, *тэрем*, *тэтерев*, *хэлод*, *чэрен*. Упн. допускает II. мн. на *-й* также от слов *вэлог*, *сэрот* (одежды), *пэлог* (словоформа *волосэ* признается при этом разговорной); для заимствованного слова *пэблог* (церковная книга) Упн. дает II. мн. только на *-й*; А. А. Шахматов¹¹⁵ признает II. мн. на *-й* у слова *пэлен*; АО для всех этих слов допускает только II. мн. на *-ы*. Сюда же относится нелитературная парадигма с II. ед. *пэред* (вместо литературного *пэред*). Перечисленные слова составляют большинство среди тех бесприставочных начальнударных слов мужского морфологического рода с полногласными сочетаниями, которые реально употребляются во мн. числе. Укажем другие способы образования мн. числа от таких слов. Слова *кэлог* и *пэлог* (саней) образуют II. мн. на *-ья* (*кэлогья*, *пэлогья*), который и в ряде других случаев выступает как своего рода замена II. мн. на *-й*; ср. также просторечное *волэбья*. Слова *вэлог* и *бэров* (кабан) образуют II. мн. на *-ы* при схеме ударения *e*. Устойчивое и достаточно употребительное стандартное мн. число с ударением по схеме *a* имеет лишь совсем небольшая группа слов: *вэрот*, *сэрот* (механизм), *кэлол*, *шэрог*; из более редких слов таковы *вэлок*, *вэрог*, *пэлог* (змея); по данным словарей, сюда же следует отнести областные слова *вэред*, *жэрех*, *пэрог* (*пэрос*). Все прочие слова указанного строения (а именно: *вэрек*, *зэлод*, *мэрог*, *нэрест*, *сэлод*, *тэброг*, *хэброт*, *шэлест*, *шэлок*, а также поздние заимствования *пэленг*, *хэрес*) неупотребительны во мн. числе. Таким образом, для слов указанного строения II. мн. на *-й* (и схема ударения *c*) представляет собой более естественный словоизменительный образец, чем стандартный II. мн. на *-ы* (и схема ударения *a*). Отсюда вероятность окказионального образования мн. числа по этому образцу от таких слов, как, например, *зэлод*, *нэрест*.

Далее выделяется группа слов с ударной приставкой: *дэговос* (разг. вариант к *дэговэр*), *зэкрэм*, *бткун*, *бтпук*, *бтруб*, *пэгреб*, *пэдрез*, *пэезд*, *пэстас*, *пэвод*, *пэбмвсел*, *пэпук* (документ); сюда же *бэбраз* (икона), *бэрук*. Орф. и АГ дают также II. мн. *пэвод* от *пэвод* (в упряжи); АО даст только *пэбдыя*. Нелитературными признаются встречающиеся в разгово-

¹¹³ Указание относительно основ всех словоформ нужно для того, чтобы отделить от слов рассматриваемого строения слова с беглой гласной типа *пэрец*, *вэброк*.

¹¹⁴ После пишущих при начальном ударении обычно *эло* (*жэлоб*, *цэлок*), без ударения *оло* (*жэлоб*).

¹¹⁵ См.: «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи)». М., 1952, стр. 162.

пой речи словоформы И. мн. на *-á* от слов *сбáрст*, *вы́говор*, *при́говор* (разг. вариант к *приговóр*), а также профессионализмы типа *приискá*, *приводá*, *выходá*; ср. также просторечное *выборá*. «Притягательная сила» данной группы слов относительно невелика.

Среди прочих слов важнейшей является группа, состоящая из слов с дуэльной исходной словоформой, оканчивающейся на небеглое *е*. о или *а + р*, *рь*, *я* или *ь* (с начальным ударением), и слов с трехсложной исходной словоформой, оканчивающейся на *втор* или *свор* (со средним ударением); сюда же относятся слова *в́етер* (с беглым *е*) и *уч́итель*¹¹⁶. Положение со словами указанного строения можно представить так. В условиях, когда носитель языка не чувствует себя обязанным говорить «литературно», т. е. в обиходной разговорной речи и в особенности в профессиональной речи, всякое такое слово тяготеет к словоизменительному образцу с И. мн. на *-á*, *-я* и схемой ударения *с*. Этой тенденции разговорной и профессиональной речи противостоит консервативная тенденция литературной речи, требующая стандартного склонения (И. мн. на *-ы*, *-и* и схема ударения *а*). В связи с этим возникает множество колебаний (см., в частности, АГ, § 219), причем вариант с И. мн. на *-á*, *-я* приобретает разговорную или профессиональную окраску, а вариант с И. мн. на *-ы*, *-и* — литературно-книжную окраску. С другой стороны, происходит естественное расслоение слов данного типа на группы в зависимости от сферы употребления. Во-первых, имеется значительная группа слов «книжного» характера, например: *сáрсар*, *м́етор*, *ц́еброр*, *я́цар*, *ры́царь*, *крат́ер*, *фáктор*, *ж́упел*, *плéвел*, *сáмвол*; сюда же относятся названия лиц и предметов из жизни других стран или других эпох, например: *б́иргер*, *гáнгстер*, *кáнцилар*, *кóкер*, *л́идер*, *л́иктор*, *пáстор*, *п́ретор*, *р́итор*, *сп́йкер*, *ф́ермер*, *кэ́сарь*, *дóллар*, *крéйсер*, *тáлар*, *б́ишель*. Эти слова в разговорной речи не встречаются или встречаются лишь крайне редко, в качестве «чужеродных тел»; поэтому они не попадают в сферу действия описанной разговорной тенденции и сохраняют стандартное склонение. Другую группу составляют общеупотребительные слова указанного строения, т. е. слова, достаточно часто встречающиеся как в разговорной (или профессиональной), так и в литературной речи. Это в основном названия конкретных предметов, например: *в́ер*, *кáтер*, *крéйсер*, *бр́дер* (документ), *прóжéктор*, *т́рактор*, *фáйгер*, *х́утор*, *л́игерь*, *я́корь*, *в́ертел*, *кúпол*, *шб́мпол*, *в́ексель*, *кúтель*, *тб́пол*, *фáйгель*, *штéмпель*, *штéпсель*; названия людей (главным образом по профессии), например: *дирéктор*, *дóктор*, *инспéктор*, *кондúктор*, *кúчер*, *л́астер*, *л́вар*, *прóфэ́ссор*, *редáктор*, *тэ́нор* (певец), *фэ́льдшер*, *шáфтер*, *шкúпер*, *шúлер*, *в́еерь*, *пéкарь*, *пéсарь*, *слéсарь*, *тб́карь*, *уч́итель*; из слов с иным значением отметим *в́етер*, *в́ечер*, *п́бмер*, *сéктор*. В разговорной речи практически все слова этой группы склоняются (или хотя бы могут склоняться) по образцу с И. мн. на *-á*, *-я*¹¹⁷. В большинстве случаев (в частности, во всех приведенных примерах) этот образец склонения признает также в качестве литературной нормы (часто наряду со стандартным склонением). У слов с двумя вариантами литературной нормы вариант с И. мн. на *-ы*, *-и* (например, *крéйсеры*, *т́ракторы*, *тб́кари*, *слéсары*, *шкúперы*) обычно характерен для речи людей, непосредственно не связанных с соответствующим предметом или профессией. В меньшинстве случаев противопоставляются литературный И. мн. на *-ы*, *-и* и нелитературный на *-á*, *-я*; таковы, например, слова *кóнстру́ктор*, *лéкаю́р*, *рéкто́р*, *сп́йц*-

¹¹⁶ Нелитературные словоформы И. мн. на *-á*, *-я*, встречаются также у слов *бухгáлтер*, *вф́рйтор*, *дрéгияль*, *прóбфил*, *ц́иркуль*, строение которых лишь сходно с описанным здесь.

¹¹⁷ Исключение составляют лишь немногие слова, в частности: *áнгел*, *б́уйвол*, *дья́вол*, *идол*, *мáршал*, *фáкел* (слова на *л* вообще меньше тяготеют к образцу с И. мн. на *-á*); *жýтель*, *зрýтель*, *мстýтель* (с суффиксом *-тель*), *цéголь*; *пáсарь*, *сúдарь*, *ухáрь*; *гвóр*, *свóвор*, *тáбор*.

пер, *шницель*; ср. также литературное *шофёры* и пелитературное *шоферá* (которому соответствует ед. число *шофёр*). Впрочем, некоторые из нормативных указаний АО, по-видимому, несколько отстают от современного состояния языка; так, словоформы *грифель*, *вымпелá*, *жемперá*, *рупорá*, *свитерá*, не признаваемые АО, практически представлены очень широко и едва ли должны считаться нелитературными. Часто словоформы И. мн. на *-á*, *-я* имеют более явную разговорную (или даже просторечную) окраску, чем словоформы косвенных падежей мн. числа с флексийным ударением; ср., например, *ветра́*, *госпита́ли*, *кре́нделя́* (в прямом значении), *лекаря́* (разговорная окраска) и *ветро́в*, *госпита́лейи*, *кре́нделейи*, *лекаре́йи* (нейтральная окраска). В связи с этим для нескольких слов рассматриваемого строения АО дает в качестве нормы И. мн. на *-ы*, *-и*, но при этом схему ударения *e*¹¹⁸; таковы слова *кре́ндель* (в прямом значении), *ле́карь*, *сбо́ль* (животное), *тры́фель*, *фу́хтель*, а также слово с трехсложной основой *госпита́ль*. Сюда же мы считаем необходимым отнести слово *вéter* (см. § 4. 2). Третью, весьма многочисленную группу слов рассматриваемого строения составляют слова, встречающиеся только в профессиональной речи (главным образом, названия механизмов и их частей или иных конкретных предметов), например: *а́нкер*, *кля́нкер*, *кля́йпер*, *ко́ллéктор*, *ко́мпрессор*, *лéер*, *реду́ктор*, *скре́пер*, *скру́ббер*, *стри́нгер*, *те́ндер*, *штúцер*, *бúгель*, *винкель*, *дýзель*, *дýбель*, *нйпéль*, *ру́мпель*, *ста́пель*, *трéнзель*, *ше́нкель*. Насколько можно судить по имеющимся неполным материалам, а также по непосредственным наблюдениям, в профессиональной речи господствующим образцом склонения для таких слов является образец с И. мн. на *-á*, *-я*. Вопрос о том, существует ли вообще для склонения таких слов литературная норма и если да, то должна ли она совпадать с практикой профессиональной речи, не вполне ясен. Нормативные указания АО и Орф. в отношении таких слов непоследовательны. В самом деле, если считать, что литературная норма совпадает здесь с практикой профессиональной речи (что представляется более естественным), то следовало бы признать И. мн. на *-á*, *-я* у большого числа слов, для которых АО и Орф. допускают только стандартное склонение (например: *скру́ббер*, *стри́нгер*, *бúгель*, *дýзель*, *трéнзель*). Если же считать литературной нормой для таких слов стандартное склонение (независимо от практики профессиональной речи), то неоправданным окажется «выборочное» признание И. мн. на *-á*, *-я*, например, у слов *кля́нкер*, *кля́йпер*, *штúцер*, *винкель*, *дýбель*, *ше́нкель* и т. п. По-видимому, для решения этих вопросов необходимы более широкие наблюдения над современной профессиональной речью (устной и письменной). Вопрос о способе образования мн. числа, естественно, неактуален для *singularia tantum* (независимо от сферы их употребления), например: *го́нор*, *кле́йстер*, *мýсор*, *са́хар*, *се́вер*, *фосфо́р*, *ю́мор*, *ка́фель*, *нйкель*, *я́гель*. Если, однако, по какой-либо причине мн. число от такого слова начинает употребляться, оно подчиняется описанным выше закономерностям. Так, слово *са́хар* образует в языке химиков И. мн. *сахара́* (приведено в Был.); ср. также аргоизм *мусора́*.

Особую маленькую группу составляют слова с двусложной начально-ударной основой, оканчивающейся на *n*: *ды́acon*, *бóрден* (знак отличия), у моряков также *мйцман*, *штúрман*. Помимо двух последних слов в профессиональной речи моряков И. мн. на *-á*, могут образовываться также слова *бо́цман*, *ло́цман*, *фла́гман*. Профессиональными являются также словоформы И. мн. на *-á* от слов *кля́пан*, *ла́цкан*, *ту́рман*.

Еще одну особую группу составляют слова с двусложной начально-ударной основой, оканчивающейся на *s*: *кóрпус*, *прымус*, *па́рус*; *а́дрес*,

¹¹⁸ Заметим, что тем самым схема ударения *e*, одна из самых архаических в русском склонении, оказывается открытой для пополнения новыми словами.

пбяс, тбрбас, тјес; сюда же примыкает слово *тбрмог*. В этой группе заметной «притягательной силой» обладают слова на *ус* (*јос*): в профессиональной и разговорной речи И. мн. на *-á* часто образуют также слова *кбијус* (деталь), *мйјус, плинтус* и в особенности *пблос*.

После выделения всех перечисленных групп остается лишь весьма незначительный «остаток»: а) три слова на *ов* — *жёрнос, кјзов, бстров* (ср. *ббров, прйстас*); б) *жёмчуг, лёмех, нёвод, бвод, бмут, пбспорт, пбтрох, јстреб*. В профессиональной речи И. мн. на *-á* могут образовываться также слова *дйскант, рáпорт*, в просторечии — также слово *мёслац*.

Рассмотрим теперь слова, приведенные в пункте 4, т. е. слова с односложной основой. Привлекает внимание то, что среди них нет окачивающихся на пишущую или *ь*; однако, в отличие от слов с неодносложной основой, выделить отдельные продуктивные типы здесь довольно трудно. Эта группа слов несомненно обладает определенной «притягательной силой»: в нелитературной речи И. мн. на *-á* встречается, в частности, у слов *взвод, рост, торт, трос, шорм* (литературная норма — схема *а*), *гроб, плуг, раз, род* (норма — схема *с* с И. мн. на *-ы, -й*), *гром, лом, порт, слог, флот, фронт* (норма — схема *е*). Для слова *тож* (гумно) АО дает схему *е*, а Орф. — схему *с* с И. мн. *тока́*. По-видимому, в расширении круга односложных слов с И. мн. на *-á* значительную роль играет прямое созвучие с конкретными словами, уже склоняющимися по этому образцу. Так, почти все приведенные примеры можно объяснить такого рода аналогиями: ср. *слога́* и *рога́, логá, стозá; порта́, торта́ и борта́, сорта́; грома́, лома́ и дома́, тома́; взводá, родá и годá, ходá; тросá и лесá*. В отношении слов *лом, порт, тож* (гумно), *флот, фронт* следует заметить, что признаваемая для них литературной нормой схема *е*, по-видимому, носит такой же «компромиссный» характер (между схемой *а* и схемой *с* с И. мн. на *-á*), как и у слов *гбспиталь, крейдель, лёкарь, соболь, трюфель, фјухтель* (см. выше).

Все слова, приведенные в пункте 7 (т. е. слова с неодносложной конечноударной основой) носят характер редких исключений. При этом у слов *лемёх, сокбл₁₋₂, перёд* И. мн. на *-á* фактически заимствован из другого варианта парадигмы, где в ед. числе выступает начальнoударная основа (*лемех, сокбл, перед*). По-видимому, однако, интенсивное расширение круга слов с И. мн. на *-á, -я́* в разговорной и профессиональной речи постепенно приводит к тому, что в этот круг втягиваются и слова с конечноударной основой. Отсюда, например, такие просторечные словоформы, как *инженера́, офицера́*; ср. также отмеченное в АГ профессиональное *парохода́*.

Нестандартное условное окончание И. мн. *-ы* представлено в следующих словах среднего морфологического рода:

1) в словах с исходной словоформой на *ко*, кроме слов *вбйско, облако, облачко* (т. е. кроме слов схемы ударения *с*), например: *яблоко, личико, пёрышко, домйшко, очко́* — И. мн. *яблоки, личики, пёрышки, домйшки, очкй*; кроме того, в слове *бръхо* — И. мн. *бръхи*;

2) в словах *колёно* (сустав), *плечб, ўхо*¹¹⁹ — И. мн. *колёни, плёчи, ўши*;

3) в слове *дитя́* — И. мн. *дети*;

4) в словах *мазлб, треплб* (муж. род) — И. мн. *мазлы́, треплы́*;

5) параллельно со стандартным условным окончанием *-а* — во всех словах с исходной словоформой на *ице*, принадлежащих к мужскому роду (= к согласователному классу 1 или 2), например: *домйце* — И. мн. *домйца и домйци*; *хвостйце* — И. мн. *хвостйца и хвостйци*; *волчйце* — И. мн. *волчйца и волчйци*¹²⁰.

¹¹⁹ К этой же группе примыкает слово *бко* (И. мн. *бчи*), которое с формальной точки зрения подпадает под действие предыдущего подпункта.

¹²⁰ Все эти слова представляют собой производные с увеличительным значением от слов мужского рода; однотипные или даже омонимичные им

Нестандартное условное окончание И. мн. *-а* представлено в следующих словах женского морфологического рода: *гроздь* (вариант с И. мн. *гробдьа*) и *дядя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядьа*)¹²¹.

2. Особое условное окончание И. мн.: *-е*. Это нестандартное условное окончание представлено (вместо стандартного *-ы*) в следующих словах мужского морфологического рода (все они одушевленные и обозначают людей):

- 1) во всех словах с исходной словоформой на *аши* или *яши*, имеющих в условной основе чередование *и/ѳ* (см. § 6.32, чередование № 6), например: *крестьянин*, *молдавин*, *армяин* — И. мн. *крестьяне*, *молдаване*, *армяне*;
- 2) в словах *бáрин* (вариант с И. мн. *бáре*) и *боáрин* — И. мн. *боáре*;
- 3) в слове *цыгáн* — И. мн. *цыгáнс*.

3. Условное окончание Р. мн., заимствованное из другого рода: в муж. роде *-ѳ* (вместо стандартного *-ов*), в жен. и среднем родах *-ов* (вместо стандартного *-ѳ*).

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-ѳ* представлено в следующих словах мужского морфологического рода:

- 1) в следующих словах, имеющих в условной основе чередование *ѳ/*j*: *дѣверь*, *друг*, *князь*, *муж* (супруг; мн. *мужья*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья*) — Р. мн. *дѣверѳ*, *друѳей*, *князѳ*, *мужѳей*, *сыновѳей*; *собрáт* (вариант с Р. мн. *собрáтий*);
- 2) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *он/*к/ат* или **к/ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусѳнок*, *голубѳнок*, *чертѳенок* — Р. мн. *гусѳт*, *волчѳт*, *чертенѳт*;
- 3) во всех словах, имеющих в И. мн. нестандартное условное окончание *-е* (см. выше), например: *крестьянин*, *боáрин*, *цыгáн* — Р. мн. *крестьян*, *боáр*, *цыгáн*;
- 4) в словах: *болгáрин*, *татáрин*, *хозáрин*, *бáрин* (вариант с И. мн. *бáры*), *господѳн*, *хозяѳн* (т. е. во всех словах с чередованием *и/ѳ*, не вошедших в предшествующий подпункт — Р. мн. *болгáр*, *татáр*, *хозáр*, *бар*, *госпѳд*, *хозяѳев*);

5) в словах а) *абазѳн*, *грузѳн*, *имеретѳн*, *кюрѳн*, *лезѳн*, *осетѳн*, *румын*, *сарацин*; *балкáр*, *башкѳр*, *бурят*, *түрок*, *тйброк* (см. § 4.2); б) *партизán*, *солдáт*, *человек* (вариант с основой мн. ч. *человек*) в) *гардемáрин*, *гренáдѳр*, *гусáр*, *драгун*, *кадѳт*, *кирасѳр*, *улан*, *янычáр* (у всех слов рубрики в нестандартное условное окончание Р. мн. выступает только при собирательном значении; когда речь идет об отдельных людях, выступает стандартное условное окончание *-ов*; ср. пояснения АО при этих словах);

б) в словах а) *алтѳн*, *аршѳн*, *гран*; *ампѳр*, *ватт*, *гектовáтт*, *киловáтт*, *вольт*, *грамм* (//), *килограмм* (//); б) *ботѳнок*, *ваѳенок*, *мокасѳн*, *погѳн*, *сапѳг*, *сапѳжок* (вариант с мн. *сапѳжки*), *чулѳк*; в) *вѳлос*, *глаз*, *глазѳк* (вариант с мн. *глазѳки*), *зубѳк* (вариант с мн. *зубѳки*), *рожѳк* (вариант с мн. *рѳжки*)¹²²; г) *раз*.

производные с другими значениями принадлежат к среднему роду: ср. *топорѳще* 'большой топор' (муж. род) — *топорѳще* 'рукоятка топора' (сред. род), *городѳще* 'большой город' (муж. род) — *городѳще* 'место, где стоял город' (сред. род). Заметим, что с фонетической точки зрения в большинстве типов современного произношения различия между словоформами на *ищи* и на *ища* нет, т. е. вопрос оказывается по существу орфографическим.

¹²¹ У целого ряда слов женского морфологического рода II субстантивного склонения (как правило принадлежащих в литературной речи к схеме ударения *е*) в просторечии встречаются словоформы И. мн. на *-á*, *-я*, в частности: *кровя*, *церквя*, *дочеря*, *матеря*, *областя*, *отрасля*, *очередя*, *площадя*, *пристаня*, *скоростя*. Ср. также «узаконенное» в литературной речи *plurale tantum веленя*. Появление таких словоформ очевидным образом связано с большим распространением И. мн. на *-á*, *-я* у слов мужского морфологического рода.

¹²² Ср. также словоформу *рог* в пословице *бодливой корове бог рог не дает*.

З а м е ч а н и я

Слова, перечисленные в пунктах 1—5, — одушевленные (причем слова пунктов 1, 3, 4, 5 обозначают людей); слова, перечисленные в пункте 6 — неодушевленные. Подразделения в пунктах 5 и 6 соответствуют семантическим группам. У слов из пунктов 1—4 (кроме слова *цыган*) и у слов *вблес*, *глазбк*, *зуббк*, *рожбк*, *сапобжк* (Р. мн. *волбс*, *глазок*, *зубок*, *рожек*, *сапбжес*) словоформы И. ед. и Р. мн. не омонимичны; у прочих перечисленных слов (т. е. у большинства слов из пунктов 5 и 6 и у слова *цыган*) эти словоформы омонимичны.

Приведенные списки составлены в соответствии с принципами, указанными в § 4.2. Отметим, что Орф. дает Р. мн. с нулевым окончанием для слов *микрон* и *миллимикрон* (по АО окончание *-ов*), Уш. — для слова *орочбн* (по Орф. окончание *-ов*; в АО нет). В действительности, однако, границы здесь не столь четки: в современном языке у слов, перечисленных в пунктах 5 и 6, и ряда слов, сходных с ними по значению и морфологическому строению, наблюдаются колебания между Р. мн. с нулевым окончанием и с окончанием *-ов*. Это явление подробно исследовано в двух недавних работах Л. К. Граудиной¹²³. По ее данным, число слов с омонимичными словоформами И. ед. и Р. мн. в современной разговорной и письменной речи достигает 200. Ею установлено также, что за последние 50—70 лет употребительность нулевого окончания Р. мн. возросла. Данные Л. К. Граудиной позволяют критически отнестись к ряду действующих нормативных указаний. Приведем некоторые из требуемых словарем АО словоформ Р. мн. на *-ов*, которые в материалах, обследованных Л. К. Граудиной, представлены гораздо реже, чем соответствующие словоформы с нулевым окончанием, или вообще не представлены: *карéлов*, *мадья́ров*, *туркме́нов* (по материалам письменных источников); *граммов*, *килограммов*, *абрикбсов*, *апельси́нов*, *баклажа́нов*, *манда́ринов*, *пшёнбров* (по материалам устной речи).

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-ов* представлено в следующих словах среднего морфологического рода:

1) во всех словах, имеющих в условной основе чередование $\theta/*$ (см. § 6.32, чередование № 12), например: *дéрево*, *пéрб*, *днó* — Р. мн. *дерéвье*, *пéрьев*, *дбньев*;

2) в следующих словах с исходной словоформой на *ко*: а) во всех словах I субстантивного склонения на согласную (или *ь*) + *кб*, кроме *ушкб* в уменьшительном значении (а именно: *брюшкб*, *озеркб*, *очкб*, *ушкб* 'отверстие'; *гнедкб*, *воронкб*, *карькб*, *серкб*, *сивкб*; также *молочкб*, *пивкб*, практически не употребляющиеся во мн. числе); б) в словах с исходной словоформой на *ико*: *колéсико*, *лйчико*, *плбчико*; в) в словах *дрéвко*, *облакó*, *облакó*;

3) в следующих словах с исходной словоформой на *ье*, *иэ*: *верховье*, *низовье*, *платье*, *подмастерье*, *полудурье* (обл.), *развбье*, *устье*, *остриэ*; *жнвьэ*;

4) в следующих словах с исходной словоформой на *це*: *болбтце*, *волобнице*, *крьжевце*, *окбнице*;

5) в словах: *судно* (корабль): *мазб*, *треплб* (муж. род).

Примеры Р. мн.: *очкбв*, *колéсикóв*, *облакбв*, *платьев*, *остриэв*, *болбтцев*, *судбв*.

З а м е ч а н и е. У слов с исходной словоформой на *це*, *ье*, *ко* в Р. мн. возможны колебания. Так, АГ и Уш. дают словоформы *колéнцев*, *копы́тцев*, *коры́тцев* (наряду с *коры́тец*); АГ дает *поберéжьев* и *поберéжий*, Уш. только *поберéжьев*; Уш. дает *щупалец* и *щупальцев*, *яблок* и *яблоков* (АО во всех этих случаях допускает только словоформы с ну-

¹²³ Л. К. Граудина. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; О н а ж е. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения. — Там же.

левым окончанием: *колёнец, копытец, корытец, побережий, щупалец, яблок*). Словоформы *полёнец, полотёнец, угбёвец* обычно квалифицируются как просторечные.

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-ов* представлено также в словах женского морфологического рода, а именно: *гроздь* (вариант с И. мн. *гроздь*) — Р. мн. *гроздьев; дядя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядья*) — Р. мн. *дядьев*.

З а м е ч а н и е. Это нестандартное условное окончание представлено также в словах мужского и общего рода (но женского морфологического рода) с исходной словоформой на *ья* или *ия*, обозначающих лиц из индийской жизни, например: *вайшья, кшатрия, Маурья, Чалукья* — Р. мн. *вайшьев, кшатриев, Маурьев, Чалукьев*. Все такие слова относятся к числу специальных терминов индологии и в обычные словари не входят. Исключение составляет только слово *пáрия*. Для него в АО и Орф. требуют стандартного Р. мн. *пáрий*; однако в разговорной практике преобладает словоформа *пáриев* — по указанному здесь образцу. Слова на *ия* могут также переходить в мужской морфологический род: *пáрий* (приведено в Уш.), *кшатрий*; для слов на *ья* этой невозможно. Нестандартное условное окончание *-ов* несомненно представляет собой в рассматриваемых случаях перенос из мужского морфологического рода под влиянием значения этих слов. Этот перенос облегчается малой употребительностью словоформ ед. числа. У слов на *ья* дополнительной причиной является стремление сохранить неизменную основу, т. е. избежать словоформ с беглой гласной типа **вайший*.

4. Условное окончание Р. мн. *-ей*, не соответствующее положению условного ударения (вместо стандартного для словоформ с основным условным ударением условного окончания *-й*)¹²⁴. Это нестандартное условное окончание представлено в слове среднего морфологического рода *вече* и в следующих словах женского морф. рода:

- 1) во всех словах на безударное *гья, кья, хья* и на согласную + безударное *ря*, а имено: *кегья, пáкья, сáкья, цыкья, бýкья (пýкья), рбхья, рáспря*;
- 2) в словах: а) *рáджа, магарáджа, чýкча, юноша, дядя* (вариант с И. мн. *дяди*), *эрья, пустомяля, мямяля, рбвя, нербвя, офбья, горшбья* (устар.), *тихбья, растбья (//), бáтя* (простореч.), *тáтя* (простореч.); б) *свбдя, тбтя*;
- в) *ббья* (наряду с *оббья*, схема f), *мрбья* (устар.; //), *кбья, вбья, сембдя (семенобдя), мбья, пбья (//), ходбья, карбья, стбья (//), схбдя, пбья, пбтя, цбья, пббья*¹²⁵.

Примеры Р. мн.: *вечей, сáклей, рáспрей, юношей, мямясей, кбчей, пбтей*.

З а м е ч а н и я

Распространение данного нестандартного условного окончания можно связать с действием нескольких разных факторов. Во-первых, в некоторых случаях стандартное условное окончание *-й* оказывается нежелательным по фонетическим причинам, поскольку оно должно привести либо к редкому в конечном положении стечению согласных, либо

¹²⁴ Это нестандартное условное окончание при желании можно трактовать и как заимствованное из мужского морфологического рода (где условное окончание *-ей* выступает независимо от условного ударения). Для части слов такая трактовка, по-видимому, оправдана и по существу (см. замечания ниже). Предложенная трактовка связана с тем, что встречается и обратное отклонение от стандарта — нестандартное условное окончание *-е*.

¹²⁵ Заметим, что относительно Р. мн. слов *рáджа, магарáджа, эрья, нербвя, офбья, бáтя, тáтя, вбья, карбья, пбья* словари не дают надежных сведений (см. об этом § 4.2). У слов *пáкья* и *мбья* мн. число лишь потенциально.

к появлению беглой гласной в необычном окружении; так, например, должна появиться словоформа *сакаль или *саколь. Нестандартное условное окончание *-ej* оказывается в этих случаях удобным способом избежать как того, так и другого (ср. словоформу *саклей*). Действие этого фактора можно усмотреть в словах подпункта 1 (а также *обжа*, *чужка*).

Во-вторых, данное нестандартное условное окончание может появляться по аналогии со словами мужского морф. рода (ср. выше споску 124). Этот фактор действует на все слова мужского и общего рода, оканчивающиеся на согласную + безударное *я* и на шипящую + безударное *а*. В приведенном списке таковы слова подпункта 2а, а также *рбжля*. За пределами этого списка можно указать, во-первых, несколько нарицательных имен (например, *нюня*, *соня*, *папáня*), во-вторых, уменьшительные собственные имена типа *Вáся*, *Волбáя*, *Пéтя*, *Серёжа*. Р. мн. таких слов, изредка встречающийся в разговорной речи, колеблется: возможно, например, *нюнь* и *нюней*, *Волбдь* и *Волбдей*. Ср.: «Один из Серёжей полез в карман . . .» и «Тогда на него второй из Серёж прищурил глаз, в морщины оправленный» (Маяковский, По городам Союза).

В-третьих, нестандартное условное окончание *-ej* получают слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе и приближающиеся, таким образом, к *pluralia tantum*. Причина здесь в том, что в современном языке для *pluralia tantum* с исходной словоформой на согласную (кроме *к*, *г*, *х*) + *и* нормой является Р. падеж на *-ей*, например: *шáшии* — *шáшией*, *пассатйжи* — *пассатйжей*. Действие этого фактора можно усмотреть в словах: *кб́рча*, *вёршиа*, *ходу́ля*, *кара́куля*, *ста́вня*, *схб́дня*, *пéня*, *плу́тня*, *чу́ня*, а также *кё́ля*, *бу́кля*, *ра́спря* (ср. гораздо чаще употребляемые словоформы *кб́рчи*, *вёрши*, *ходу́ли*, *кара́кули*, *ста́вни*, *схб́дни*, *пéни*, *плу́тни*, *чу́ни*, *кё́ли*, *бу́кли*, *ра́спри*).

Р. мн. *тётей*, по-видимому, объясняется аналогией со словом *дядя*, Р. мн. *свб́ней* — аналогией со словами типа *рбвня*, Р. мн. *семядблэй* (семенодблэй) — прямым влиянием слова *дбля* (Р. мн. *долэй*). Таким образом, указанные факторы позволяют объяснить почти все случаи появления нестандартного условного окончания *-ej*. (Разумеется, разные факторы не исключают друг друга, ср. слова *бу́кля*, *ра́спря*, *рбжля*.) Отметим, что колебания в Р. мн. встречаются не только у слов мужского и общего рода, но и у многих других рассмотренных выше слов, например: *ста́ней* и *ста́вен*, *схб́ней* и *схб́вен*, *тётей* и *тётъ*. Для слов *лутня* и *цáпля* АГ дает Р. мн. *лутней*, *цáплэй* (в АО только *лутен*, *цáпсэл*); напротив, для слова *вёче* АГ дает Р. мн. *веч* (в АО только *вёчей*).

5. Условное окончание Р. мн. *-ѳ*, не соответствующее положению условного ударения (вместо стандартного для словоформ с флексиионным условным ударением условного окончания *-ej*). Это нестандартное условное окончание представлено в слове среднего морфологического рода *плеч* (Р. мн. *плеч*) и в следующих словах женского морфологического рода: *госпо́жá*, *дере́вня*, *заря́* (рассвет) (схема ударения *d/ff*; условное окончание Р. мн. *-ѳ* является нестандартным только при схеме ударения *f*), *ме́жá*, *просты́я*, *шесте́рня* (диск) — Р. мн. *госпо́ж*, *дере́внь*, *зорь*, *меж*, *просты́нь*¹²⁶, *шесте́рнь*; *свечá* (вариант с Р. мн. *свеч*).

6. Особое условное окончание Т. мн.: *-ми*. Это нестандартное условное окончание представлено (вместо стандартного *-ами*) в словах: а) *дитя́* — Т. мн. *деты́м*; *ребёнок* — Т. мн. *деты́м*; *челове́к* (вариант с мн. *лю́ди*) — Т. мн. *люды́м*; б) *дверь* — Т. мн. *дверя́ми* и *дверы́м*; *дочь* — Т. мн. *дочеря́ми* и *дочеры́м* (словоформа *дочеря́ми* признается в АО разговорной); *лошадь* — Т. мн. *лошадя́ми* и *лошады́м*; *зверь* — Т. мн. *зверя́ми* и *зверы́м*¹²⁷.

¹²⁶ В современном языке слова *ме́жá* и *просты́я* стремятся к образованию Р. мн. со стандартным условным окончанием: *меже́й*, *просты́ей*.

¹²⁷ Ср. также устойчивые выражения: *бить пяты́м*, *лечь костью́*.

В. Нестандартные условные окончания, представленные у группы слов книжного характера, сохраняющих элементы старославянского склонения

7. Нестандартное условное окончание II. ед. сред. рода *-с* (вместо стандартного *-о*).

8. Нестандартное условное окончание Т. ед.: в сред. роде *-ем* (вместо стандартного *-ом*), в жен. роде *-еј, -еју* (вместо стандартного *-ој, -оју*).

9. Нестандартное условное окончание II. ед. (всех родов) *-и* (вместо стандартного *-е*).

10. Нестандартное условное окончание Д. ед. жен. рода *-ы* (вместо стандартного *-е*).

Нестандартные условные окончания 7—10 представлены в следующих группах слов:

а) в слове *сей* представлено нестандартное условное окончание № 7: II. ед. сред. *сиѣ*;

б) в словах *бытиѣ, небытиѣ, шлобытиѣ, житиѣ, ниѣ* представлены одновременно нестандартные условные окончания № 7, 8 и 9; например: II. ед. *бытиѣ*, Т. ед. *бытиѣм*, II. ед. *бытий*;

в) в словах *лѣтиѣ, паремѣ, судиѣ* представлены одновременно нестандартные условные окончания № 8, 9 и 10; например: Т. ед. *лѣтиѣи*, Д. ед. и II. ед. *лѣтий*.

В. Нестандартные условные окончания, представленные у количественных числительных неапомального склонения и у слова дитѣ

11. Нестандартное условное окончание Т. ед. сред. рода *-ој*, заимствованное из другого рода и другого типа склонения (вместо стандартного *-ом*). Представлено в слове *дитѣ*: Т. ед. *дитѣиѣ*.

12. Нестандартное условное окончание Т. ед. жен. рода *-ју*, заимствованное из другого типа склонения (вместо стандартного *-ој, -оју*). Представлено в слове *ты́сяча* (числительное): Т. падеж *ты́сячю* (наряду с *ты́сячѣ*).

13. Нестандартное условное окончание II. мн. жен. рода *-ѹ*, заимствованное из другого числа и другого рода (вместо стандартного *-ы*). Представлено в словах *пѣтьсѹт, шестьсѹт, семьсѹт, восемьсѹт, девѣтьсѹт* (в исходной словоформе).

Г. Нестандартные условные окончания, представленные у личных местоимений

14. Нестандартное условное окончание II. ед. жен. рода *-ѹ* (вместо стандартного *-а*). Представлено в словах *я* и *ты* (в исходной словоформе).

15. Нестандартное условное окончание Р. ед. жен. рода *-а* (вместо стандартного *-ы*). Представлено в словах *я, ты* и *себѣ*: Р. падеж *меня, тебѣ, себѣ*.

16—17. Нестандартное условное окончание Р. мн. и II. мн. муж. рода *-ас* (вместо стандартных *-ов* и *-ах*). Представлено в словах *мы* и *вы*: Р. и II. падежи *нас, вас*.

I местоименный тип склонения

18. Нестандартное условное окончание II. мн. (всех родов) *-о*, заимствованное из сред. рода ед. числа (вместо стандартного *-ы*). Представлено в словах *дѣбе, трѣбе, чѣтверо, пѣтеро, шѣтеро, сѣmero, вѣсьmero, дѣвѣтеро, дѣсятеро, стѣбѣкѣ, скѣбѣкѣ, нѣсколькѣ, мнѣбо, немнѣбо* (в исходной словоформе).

19. Нестандартное условное окончание II. мн.: в муж. и сред. родах *-а*, в жен. роде *-е* (вместо стандартного *-ы* во всех родах). Представлено в слове *оба*: II. падеж муж. и сред. родов *оба*, жен. рода *обе*.

20. Нестандартное условное окончание В. ед. жен. рода *-ою* (вместо стандартного *-у*). Представлено в словах: *онѣ* — В. падеж *еѣ*; *сам* — В. ед. жен. *самѣ* (наряду с *саму*).

21. Нестандартное условное окончание Р. ед. жен. рода *-оја* (вместо стандартного *-ој*). Представлено в слове *опаја*: Р. надеж *сеја*.

У слов аномального типа склонения все условные окончания признаются нестандартными. Поэтому проще указать целиком наборы условных окончаний таких слов, чем перечислять все встречающиеся здесь нестандартные условные окончания по отдельности. У слов аномального типа склонения представлены следующие наборы (нестандартных) условных окончаний¹²⁸:

1. II. ед. муж. рода *-Ѡ*, сред. рода *-о*; Р., Д., Т., II. ед. (всех родов) *-а*. Набор представлен у слова мужского морфологического рода *сѠрок* (Р., Д., Т., II. падежи — *сѠрокѠ*) и у слов среднего морфологического рода *сто* и *десяѠсто* (Р., Д., Т., II. падежи — *ста*, *десяѠста*).

2. II. ед. муж. и сред. родов *-а*, жен. рода *-ы*¹²⁹; Р., Д., Т., II. ед. (всех родов) *-а*. Набор представлен у слова согласуемо-бесчислового разряда *полѠторѠ* (II. падеж муж. и сред. *полѠторѠ*, жен. *полѠторѠи*; относительно словоформы парного рода см. § 2.18; Р., Д., Т., II. падежи всех родов — *полѠтора*) и у слова среднего морфологического рода *полѠторѠста* (Р., Д., Т., II. падежи *полѠторѠста*).

3. II. мн. муж. и сред. родов *-а*, жен. рода *-е*¹³⁰, парн. рода *-о*; прочие падежи мн. числа без различия родов: Р. и II. *-ум*, Д. *-умѠ*, Т. *-умѠа*. Набор представлен у слова *два*: соответствующие словоформы — *два*, *две*, *дѠбе*, *дѠухѠ*, *дѠумѠ*, *дѠумѠѠ*.

4. II. мн. муж. и сред. родов *-ы*, парн. рода *-о*; прочие падежи мн. ч. без различия родов: Р. и II. *-ох*, Д. *-ом*, Т. *-омѠа*. Набор представлен у слова *три*: соответствующие словоформы — *три*, *трѠбе*, *трѠхѠ*, *трѠѠм*, *трѠмѠѠ*.

5. Все падежи мн. ч. без различия родов: II. *-о*, Р. и II. *-ох*, Д. *-ом*, Т. *-омѠа*. Набор представлен у слова *четыре*: II. муж. и жен. и сред. *четыре*, парн. *четыреѠ*, Р. и II. *четыреѠхѠ*, Д. *четыреѠмѠ*, Т. *четыреѠмѠѠ*.

§ 6.31. Мы можем теперь ввести еще один различительный признак парадигм, относящийся к окончаниям: «нестандартные условные окончания». Этот признак может принимать нулевое значение и 27 ненулевых значений. Каждое ненулевое значение может иметь один из двух видов: 1) «в парадигме представлено такое-то нестандартное условное окончание (по нумерации, данной в предыдущем параграфе); других нестандартных условных окончаний нет»; 2) «в парадигме представлены одновременно такие-то нестандартные условные окончания; других таких окончаний нет». В первом случае названием данного ненулевого значения служит номер соответствующего нестандартного условного окончания, во втором — пара или тройка таких номеров. Последние пять значений рассматриваемого признака, выступающие у слов аномального типа склонения, называются: «аномальный набор такой-то» (по нумерации, данной в предыдущем параграфе для наборов нестандартных условных окончаний, представленных

¹²⁸ Словоформы V. падежа ни у одного из слов этого типа склонения не входят в число первичных.

¹²⁹ Если учитывать нелитературную словоформу *пѠлѠторѠ* (см. § 2.18), то сюда следует добавить: II. ед. парн. рода *-о*.

¹³⁰ Ср. выше, нестандартное условное окончание № 19.

у слов аномального типа склонения). Чтобы избежать двойной нумерации, сами значения рассматриваемого признака не нумеруются по порядку. При каждом ненулевом значении указывается, какие слова его имеют (в основном с помощью отсылок к предыдущему параграфу).

Значения признака «нестандартные условные окончания»:

0. Нестандартных условных окончаний в парадигме нет (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

№ 1. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 1 (см. § 6.30), за исключением слов, имеющих значение настоящего признака «№ 1 и 3» (см. ниже), и слов *колéно* (сустав), *плечó*, *дитя́*.

№ 3. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 3 (см. § 6.30), за исключением слов, имеющих значение настоящего признака «№ 1 и 3» (см. ниже).

№ 1 и 3. Это значение имеют следующие слова:

Мужской морфологический род: 1) все слова, имеющие в условной основе чередование *он*к/ат* или **к/ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок*, *волчóнок*, *чертёнок*; 2) следующие слова, имеющие в условной основе чередование *в/ж*: *дéверь*, *друг*, *князь*, *муж* (супруг; мн. *мужья́*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья́*), *собрáт* (вариант с Р. мн. *собрáтий*); 3) слова *господи́н* и *хозяи́н*; 4) слово *глаз*.

Средний морфологический род — следующие слова с исходной словоформой на *ко*: а) слова I субстантивного склонения на согласную (или *ь*) + *кó*, кроме уменьшительного *ушкó*; б) слова на *ико*: *колéсико*, *ли́чико*, *плéчико*; в) слово *дрéвко*.

Женский морфологический род — слова *гроздь* (вариант с И. мн. *гроздья́*) и *дядя́* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядья́*).

№ 2 и 3. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 2 (см. § 6.30).

№ 4. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 4 (см. § 6.30), кроме слова *колéно* (сустав).

№ 5. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 5 (см. § 6.30), кроме слова *плечó*.

№ 1 и 4. Слово *колéно* (сустав).

№ 1 и 5. Слово *плечó*.

№ 6. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 6 (см. § 6.30), кроме слова *дитя́*.

№ 7. Слово *сей*.

№ 7, 8 и 9. Слова: *бытиé*, *небытиé*, *илюбытиé*, *житиé*, *питиé*.

№ 8, 9 и 10. Слова: *лужи́я*, *паремия́*, *судия́*.

№ 1, 6 и 11. Слово *дитя́*.

№ 12. Слово *ты́сяча* (числительное) (//).

№ 13. Слова: *пяты́сот*, *шесты́сот*, *семьсо́т*, *восемьсо́т*, *девятьсо́т*.

№ 14. Слово *себя́*.

№ 14 и 15. Слова *я* и *ты*.

№ 16 и 17. Слова *мы* и *вы*.

№ 18. Слова: *двe*, *трéе*, *чéтверо*, *пя́теро*, *шэ́стеро*, *сéмеро*, *восьмеро*, *дéвятeро*, *дéсятeро*, *сто́лько*, *скóлько*, *нэ́сколько*, *мнóго*, *немнóго*.

№ 19. Слово *оба*.

№ 20. Слово *сам* (//).

№ 20 и 21. Слово *о́на*.

Аномальный набор 1. Слова: *сбок*, *сто*, *девя́нство*.

Аномальный набор 2. Слова: *полторá*, *полторáста*.

Аномальный набор 3. Слово *два*.

Аномальный набор 4. Слово *три*.

Аномальный набор 5. Слово *четы́ре*.

Различительный признак «чередования в условной основе»

§ 6.32. Как видно из § 6.26, при переходе от действительного вида словоформ к условному все позиционные чередования исчезают. Так, например, действительные основы словоформ *звездá* и *звёзды* или *стрелбк* и *стрелки* различны (вследствие чего здесь и выделяются чередования *e/ë* и *o/ø*); но на условном уровне эти различия снимаются: в первой паре единая условная основа *зв'озд*, во второй — *стрел*к* (т. е. чередований нет). Непозиционные чередования, однако, сохраняются (хотя сам их вид при этом может измениться): ср., например, пару словоформ *гусёнок*—*гусята* и их условные основы *гус'он*к*—*гус'ат*.

Чередования в условных основах выделяются в принципе так же, как в действительных основах (см. § 6.23—6.24). Основное отличие здесь в том, что вместо обычной парадигмы берется суженная парадигма условного уровня (о возможности обращаться с ней как с обычной парадигмой см. § 6.14). Практически здесь применяется следующая процедура. Если в суженной парадигме условного уровня не все условные основы одинаковы, по правилам § 6.23 выделяются все представленные в ней формальные чередования¹³¹. Далее на основании выделенных формальных чередований устанавливаются обычные чередования, представленные во всей суженной парадигме. Это делается, однако, не по тому варианту правил, который дан в § 6.24, а по специальному дополнительному варианту, предназначенному для условных основ. Этот дополнительный вариант правил таков:

I. В условных основах парадигм *человек* (мн. *люди*), *ребёнок* (мн. *дети*) и *дитя* (мн. *дети*) представлены следующие чередования: *человек*—*человек/л'уд'*; *ребёнок*—*реб'он*к/дет'*; *дитя*—*и.е* и *Ø/ат'*. Относительно распределения ступеней этих чередований и их места внутри условной основы см. список ниже, № 5, 16, 17, 28. (Здесь применяются, таким образом, особые преобразования, которые состоят в замене всех формальных чередований суженной парадигмы указанным чередованием или чередованиями; см. § 6.24; примечание.)

II. В условных основах любой другой парадигмы представлены все те и только те чередования, которые образуются в результате поочередной обработки всех формальных чередований соответствующей суженной парадигмы условного уровня по следующим правилам:

1. Формальные чередования с указанным ниже составом ступеней подвергаются разрешенному преобразованию I (см. § 6.24; ниже сразу же выписан результат этого преобразования; для наглядности в скобках приведены слова, в которых представлено соответствующее формальное чередование): формальное чередование *к/ч*к* (слова *клок*, *крук*, *сук*) «расщепляется» на чередования *к/ч* и *Ø/*к*; *г/з*к* (*друк*) — на *г/з* и *Ø/*к*; *ш/ч*к* (*шурш*) — на *ш/Ø* и *Ø/*к*; *Ø/ов*к* (*сын*, *кум*) — на *Ø/ов* и *Ø/*к*; *ин'/ов*

¹³¹ При этой операции может возникнуть формальное затруднение из-за того, что в пункте 3 алгоритма, данного в § 5.4, не используется алфавитный порядок букв. В связи с этим условимся считать, что в русском алфавите после буквы *я* стоит еще следующий ряд символов: - (см. § 0.5); *j*, ' , * , *o₂*, *ø*, *ë*.

(*хозяйин*) — на $ин/\theta$ и θ/θ ; $'жн'/\theta$ (*выспреший*) — на $'жн'/\theta$ и $'/\theta$; $он'/j$ (*онй*) — на $он'/j$ и $'/\theta$; $'j/\theta$ (*три*) — на $'/\theta$ и θ/θ ; $\theta, он'/он$ (слова на мя, кроме *сёма, стрёма, пблымя*) — на $\theta/он$ и θ' (результат «приведения» чередований $\theta, он'/он$ и $\theta, '/\theta$); $\theta, ан'/ан$ (*сёма, стрёма*) — на $\theta/ан$ и θ' («приведением»); $от'/\theta$ (*этот*) — на $от'/\theta$ и θ' («приведением»).

2. Формальное чередование $\theta/\theta'/e/j$ (слово *оба*) подвергается разрешенному преобразованию 2 (см. § 6.24), а именно, превращается в чередование $\theta, \overset{o}{e}$ (с внутренним чередованием o/e). В парадигмах *я* и *ты* формальные чередования ja, mei, j, mi и ye, b, j, e, b, ob (соответственно) подвергаются разрешенным преобразованиям 1 и 2, что в результате дает: $ja, m, \overset{e}{\theta}$ и (с внутренним чередованием e/θ) и θ, j' ; $ye, \overset{e}{\theta}$ (с внутренним чередованием e/θ) и θ, j' .

3. В прочих случаях формальное чередование остается без изменений.

Ниже приводятся все чередования, представленные в условных основах русских именных парадигм. Чередования разделены на классы (см. § 6.24). Классы выделены в пределах грамматического разряда (при этом, однако, бесчисловые разряды объединены)¹³². Для каждого класса указано правило распределения ступеней.

В настоящем параграфе даются также сведения о месте каждого чередования внутри условной основы. Назовем чередование *к о н ц е в ы м*, если в любой условной основе любой парадигмы, где оно представлено, отрезок, участвующий в этом чередовании, находится правее последней буквы неизменяемой части условной основы (термины см. в § 5.4). Большинство чередований, представленных в условных основах, — *концевые*. Практически в одной парадигме бывает представлено не более двух *концевых* чередований. В приводимом ниже списке место внутри условной основы непосредственно указывается только для *неконцевых* чередований. Таким образом, отсутствие такого указания означает, что чередование является *концевым*. Место *концевого* чередования внутри условной основы определяется следующим общим правилом: 1) если в парадигме только одно *концевое* чередование, участвующий в нем отрезок является *концом* условной основы; 2) если в парадигме два *концевых* чередования, участвующие в них отрезки следуют непосредственно друг за другом, причем левее стоит отрезок, участвующий в чередовании с меньшим номером (по нумерации настоящего параграфа); вместе эти два отрезка образуют *конец* условной основы.

Для каждого чередования указано, в каких парадигмах оно представлено. В таких указаниях могут быть использованы сле-

¹³² Вообще говоря, можно было бы, воспользовавшись эталоном, отожествить распределение ступеней у некоторых чередований, представленных в парадигмах разных разрядов (ср., например, чередования № 18 и 36). Оказалось, однако, что в данном случае это не привело бы к упрощению; в частности, не уменьшилось бы общее число классов.

дующие сведения о парадигме: 1) исходная словоформа (в действительном виде, с разделением на основу и окончание); 2) морфологический класс; 3) сведение о том, является ли слово частью (см. § 3.2).

**Чередования, представленные
в условных основах**

Субстантивный разряд

Класс I: 1-я ступень в ед. числе,
2-я во мн. числе

1. к/ч. Слова: а) *бко*—мн. *бчи*; б) *клок*, *крюк*, *сук* (варианты с мн. *кльчья*, *сўчья*).
2. г/а. Слово *друг*—мн. *друзья*.
3. х/ш. Слово *ўхо*—мн. *ўши*.
4. о/е (место чередования — после первой буквы условной основы). Слово *чёрт*—мн. *чёрти*.
5. и/е (место чередования — после первых двух букв условной основы). Слово *дитя*—мн. *дети*.
6. ип/в. Слова: а) все существительные 2-го морфологического класса (муж. одуш.) на *анин*, *янин*, за исключением слова *семьянин* (мн. *семьянины*), например: *крестьянин*, *молдавинин*, *армянин*—мн. *крестьяне*, *молдаване*, *армяне*; б) *барин*, *богарин*, *господин*, *татарин*, *хогарин*—мн. *баре* (также *бары*), *богары*, *боаре*, *господа*, *татары*, *хогары*; в) *хозяин*—мн. *хозяева*; г) *шўрин* (вариант с мн. *шурья*).
7. и/в. Слово *сўдно* (корабль)—мн. *судá*.
8. жк/в. Слово *цвётóк* (растение)—мн. *цветы*.
9. иц/в. Слово *кўрица*—мн. *кўры*.
10. в/ос. Слова: а) *кум*, *сын* (в прямом знач.)—мн. *кумовья*, *сыновья*; б) *хозяин*—мн. *хозяева*.
11. в/ес. Слова: *дрэво* (книжки. устар.), *небо*, *чўдо*—мн. *древеса*, *небеса*, *чудеса*¹³³.
12. в/ж. Слова: мужской морфологический род — *брат*, *брус*, *грозд* (устар.), *десерь*, *друг*, *зуб* (зубец), *зять*, *камень* (драгоценный и т. п.; вариант с мн. *каменья*), *клин*, *клок* (вариант с мн. *кльчья*), *князь*, *кол* (в прямом знач.), *кблос*, *ком*, *копыл*, *крюк* (вариант с мн. *крючья*), *кум*, *лист* (дерева), *лоскут* (вариант с мн. *лоскутья*), *луб*, *муж* (супруг; мн. *мужья*), *обод*, *повод* (в упряжи), *пблос*, *прут* (хворостина), *собрáт*, *струп*, *стул*, *сук* (вариант с мн. *сўчья*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья*), *ўголь* (древесный; простореч.), *шўрин* (вариант с мн. *шурья*)¹³⁴;
средний морфологический род — *дэрево*, *дно* (бочки), *эвенó*, *колéно* (сочленение), *крылб*, *перб*, *полéно*, *помелб*, *силб* (обл.; вариант с мн. *силья*), *шйло*¹³⁵.
- женский морфологический род — *гроздь* (вариант с мн. *гроздин*), *дядя* (как термин родства) (вариант с мн. *дядья*).

¹³³ Словоформа *небеса* обычно представляет собой *plurale tantum* и лишь очень редко — мн. число от слова *небо* (ср. § 2.12). От слова *чўдо* в разговорной речи можно встретить также мн. число *чўда* (*чуд*, *чўдам* и т. д.).

¹³⁴ В просторечии встречается также словоформа *волбсья*. Слово *корéнья* дается словарями как *plurale tantum*; однако некоторые значения слова *корéнь* довольно близки к его значению.

¹³⁵ Уш. приводит также областную словоформу *долбтья*.

13. *Ѡ/ʹ*. Слова: *колѣно*, *сосѣд*, *чѣрт*—мн. *колѣни*, *сосѣди*, *чѣрти* ¹³⁶.

14. *он*к/ат*. Слова: а) все существительные 2-го морфологического класса (муж. одуш.) на *ѣнок* или на *шипящую* + *онок*, за исключением слов *бесѣнок*, *чертѣнок* (см. № 15), *ребѣнок* (см. № 17), *милѣнок* (мн. *милѣнки*) ¹³⁷; например: *гусѣнок*, *волчѣнок*, *негрѣтѣнок*, *пастушѣнок*—мн. *гусѣта*, *волчѣта*, *негрѣята*, *пастушѣта*; б) существительные 1-го согласовательного класса (муж. неодуш.) *маслѣнок* и *опѣнок*—мн. *маслѣта*, *опѣта* (рядом с *опѣнки*) ¹³⁸.

15. **к/ʹат*. Слова: *бесѣнок*, *чертѣнок*—мн. *бесѣята*, *чertenѣта* ¹³⁹; *щѣно́к*—мн. *щѣнята* (рядом с *щѣнки*).

16. *реб'он*к/дет'*. Слово *ребѣнок*—мн. *дѣти*.

17. *человек/л'юд'*. Слово *человѣк*—мн. *лѣди*.

*Класс II: 1-я ступень в И. ед.,
2-я в остальных первичных словоформах*

18. *ʹ/Ѡ*. Слово *гослѣдъ*—ср. Р. ед. *гбспода*.

19. *ос/Ѡ*. Слово *Христѣс*—ср. Р. ед. *Христѣ*.

20. *Ѡ/он*. Слова: *берѣмя* (обл.), *брѣмя*, *врѣмя*, *вѣмя*, *знѣмя*, *ймѣ*, *плѣмя*, *плѣмя*, *полѣмя* (устар.), *тѣмя*—ср., например, Р. ед. *врѣмени*, *знѣмени*, *ймѣни*, Р. мн. *врѣмѣн*, *знамѣн*, *ймѣн*.

21. *Ѡ/ан*. Слова: *сѣмя*, *стрѣмя*—ср. Р. ед. *сѣмени*, *стрѣмени*, Р. мн. *семѣи*, *стрѣмяи*.

22. *Ѡ/ер'*. Слова: *дочь*, *мать*—ср. Р. ед. *дѣчери*, *мѣтери*.

23. *Ѡ/у* (место чередования внутри условной основы—после начальной цепочки *пол*). Слова: *пѣлень*, *пѣлочь*—ср. Р. ед. *полѣдня*, *полѣночи* (рядом с вариантом парадигм, не имеющим данного чередования: Р. ед. *пѣдня*, *пѣночи*).

*Класс III: 2-я ступень в Р. мн.,
1-я в остальных первичных словоформах*

24. *ʹ/Ѡ*. Слова: а) все слова на согласную (или *ʹ*) + *нѣ*, имеющие в исходной словоформе действительное ударение на основе, за исключением слов *бѣрышня*, *дѣрѣвѣя*, *кѣхнѣя* (Р. мн. *бѣрышень*, *дѣрѣвѣнь*, *кѣхонь*) ¹⁴⁰ и слов, имею-

¹³⁶ В книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (стр. 95) приводится также *слѣно́б*—*слѣбни*.

¹³⁷ Для просторечных слов *ребѣтѣнок* и *мальчѣнок* словари не приводят словоформ мн. числа; но-видимому, однако, эти слова потенциально допускают мн. число на *ята*, *ата* по общему правилу. (Заметим, что словоформу И. мн. *мальчѣтки* следует соотносить с ед. числом *мальчѣнка*.)

¹³⁸ Словоформа *опѣта* фактически утвердилась в современном языке (это констатирует, в частности, АГ, § 221, примеч. 1). Однако большинство словарей (АО, Орф., Ож.) признают только словоформу *опѣнки*, вероятно, под влиянием этимологических соображений (связь со словом *пень*); Уш. считает словоформу *опѣта* просторечной; Был. допускает обе словоформы. Из числа неодушевленных существительных, кроме слов *маслѣнок* и *опѣнок*, исходную словоформу на *ѣнок* или *шипящую* + *онок* имеют только *бочѣнок* и областное *окорѣнок* (кадушка). (Напомним, что слова на *ѣнок*, например *вѣленок*, *вѣно́к* или *оттѣнок*, *расцѣнок*, сюда не относятся). Слово *бочѣнок* в литературном языке имеет устойчивое мн. ч. *бочѣнки*; в арго, однако, известна словоформа *бочѣта* (часы). Таким образом, в современной живой речи тенденция к образованию мн. числа на *ята*, *ата* распространяется на все существительные указанного строения, независимо от одушевленности.

¹³⁹ В книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (см.: Указ. соч., стр. 96) приводится также *лисѣнок*—*лисѣята*. АО дает только *лисѣта*.

¹⁴⁰ Уш. дает для слова *бѣрышня* Р. мн. *бѣрышень*; в АО и Орф. только *бѣрышен*.

щих нестандартное условное окончание № 4 (см. § 6.30); примеры: *пéсня, двéйня, спáльня*—Р. мн. *пéсен, двéен, спáлен*; б) *пеи́ня, шесте́рня* (диск)—Р. мн. *пéшен, шесте́рен*; в) *са́жень* (вариант с Р. мн. *са́жен*).

25. *год/лет*. Слово *год* (вариант с Р. мн. *лет*).

*Класс IV: 2-я ступень в Д., Т., П. мн.,
1-я в остальных первичных словоформах*

26. *'/Ø*. Слово *це́рковь*—Д. мн. *це́рква́м*, Т. мн. *це́рква́ми*, П. мн. *це́рква́х*¹⁴¹.

*Класс V: 1-я ступень в И. ед. и во мн. ч.,
2-я в остальных первичных словоформах*

27. *Ø/'*. Слова — все те, которые имеют чередование № 19 или № 20 (см. выше).

28. *Ø/ат'*. Слово *дитя́*—ср. Р. ед. *дитя́ти*.

Расширенный адъективный разряд

*Класс VI: 1-я ступень в атрибутивных первичных словоформах,
2-я в неатрибутивных словоформах*

29. *'*н/Ø*. Слова: а) все причастия на *нный*, например: *да́нный, решéнный, прове́ренный, воспитанный, пре́данный* (причастия от *дать, решить, проверить, воспитать, предать*); б) следующие обычные прилагательные (управление указано для того, чтобы уточнить, в каком значении прилагательное имеет данное чередование): *раскля́банный, опосре́дствованный, пре́данный* (кому-л., чему-л.), *противопо́казанный* (кому-л.), *обя́занный* (что-л. сделать), *связа́нный* (с чем-л.), *обще́призна́нный, поме́шанный* (на чем-л.), *предубе́ждённый* (против чего-л.), *врожде́нный, иаможе́дненный, обна́женный, по́лбже́нный* (кому-л.), *распо́лбже́нный* (к кому-л., к чему-л.), *предраспо́лбже́нный* (к чему-л.), *благораспо́лбже́нный* (к кому-л., к чему-л.), *иазме́же́нный* (о человеке), *по́дверже́нный* (чему-л.), *приве́рже́нный* (к чему-л.), *со́пряже́нный* (с чем-л.), *раздрóбле́нный, влюбе́нный* (в кого-л., во что-л.), *преду́станбле́нный, осе́домле́нный, за́чумле́нный, вы́мышле́нный, уве́ренный* (в чем-л.), *наме́ренный* (что-л. сделать), *у́гнетё́нный* (о людях), *обре́ченный, расфра́нче́нный, развй́ченный, малоизу́ченный, лишё́нный* (чего-л.), *искуше́нный* (в чем-л.), *рабо́ице́нный, польце́нный*; кроме того, *сма́тённый*¹⁴².

Примеры неатрибут. словоформ: *дан, дана́, дано́, да́ны; уве́рен, уве́рена, уве́рено, уве́рены*.

¹⁴¹ В современном разговорном языке, а также в литературе достаточно часто встречаются и словоформы без этого чередования: *це́рква́м, це́рква́ми, це́рква́х*. Таким образом, принятую сейчас норму можно считать устаревающей.

¹⁴² Список составлен по данным Уш., с некоторыми поправками (данные АО и Орф. в этом отношении ненадежны ввиду их несистематичности). Следует учитывать, что проведенное с помощью этого списка разграничение между прилагательными с чередованием № 29 и прилагательными с чередованием № 33 (см. ниже) является в значительной мере условным, поскольку в самом языке здесь нет четкой границы. Так, например, наряду с *его́ боле́зн врожде́на́* возможно также *его́ боле́зн врожде́нна*. Особенно неустойчиво разграничение в тех случаях, когда противопоставление *нн—н* в неатрибутивных словоформах не поддерживается различием в ударении (т. е. там, где перед *нный* стоит безударная гласная), поскольку на устном уровне (при отсутствии специального выделения) здесь обычно нет различия; ср. примеры из АО: *образова́на комиссия* и *она́ умна́ и образова́нна*. (В связи с этим наблюдаются и орфографические колебания, ср. *мни́сь она́ умна́ и образова́нна*.)

30. '1/0 (место чередования: в слове *искренний* — в конце условной основы, в слове *солёный* — перед последними двумя буквами условной основы). Слова: *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен, искренна, искренно, искренны*; ср. № 35); *солёный* — неатрибут. словоформы *сблон, солонд, солонд, сблono, сблoны*.

31. ен'жк/0. Слово *маленький* — неатрибут. словоформы *мал, малá, малб, малы́*.

32. боа'и/велик. Слово *большой* — неатрибут. словоформы *велик, велика́, великб, великí*.

Класс VII: 2-я ступень в неатрибут. словоформе муж. ед.,
1-я в остальных первичных словоформах

33. 'жн/0. Слова:

1) Слова па ённый и на безударное анный, янный или енный, за исключением следующих: а) тех, которые имеют чередование № 29 (см. выше)¹⁴³; б) прилагательного (не причастия) *определённый*; в) прилагательных на б, п, с, ф, м, д (но не жд), т, а или с + ённый (например, *одноимённый, каённый*), а также *сажённый, пиённый, щённый*; г) прилагательных на б, п, ф, т, з или с + безударное енный (например, *чернощённый*), прилагательных на гласную + в, м или д + безударное енный (кроме *обидённый*; например, *сово-временный*), а также *тамбжённый, башенный, вйшенный, конжённый, бога-делённый, солеаённый, пивоаённый, медоваённый, смоловаённый, мыло-аённый, поваённый, смолокурённый, винокурённый*; д) прилагательного *лбданный*. Примеры: прилагательные (не причастия) *воспитанный, запущенный, отдалённый*; также *восторжённый, неприклянный, самонадёбанный, торжественный, бесмысленный, болёзненный, целомудрённый*.

2) Следующие слова на ённый: *содёбный, забёбный, незабёбный, само-забёбный, благослобёбный, дерзновёбный, прикосновёбный, вдохновёбный, сокровёбный, блажённый, растлёбный, неоценёбный, презрёбный, смирёбный, неаиречённый, свящёбный*.

3) Слово *выспренний*.

Примеры неатрибутивных словоформ: *воспитан, воспитанна, воспитанию, воспитанны; торжествен, торжественна, торжественно, торжественствени; блажен, блаженна, блаженно, блаженны; выспрен, выспренна, выспренне, выспрени*¹⁴⁴.

34. '1/0. Все слова расширенного адъективного разряда на согласную (или ъ) + ный (см. § 3.3, II Б 4), например: *дрёбный, изльиный* — неатрибут. муж. ед. *дрёбен, изльишен*.

Класс VIII: 2-я ступень в неатрибут. словоформах муж. ед.
и жен. ед., 1-я в остальных первичных словоформах

35. '1/0. Слово *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен, искренна, искренне, искренни*; ср. № 30).

¹⁴³ Имеется в виду: в тех значениях, которые указаны в пункте 29. Таким образом, отрицательные прилагательные, не указанные в пункте 29, а также, например, прилагательные *преданный* (о взгляде и т. п.), *уверенный* (о жестах и т. п.), *намеренный* (умышленный) имеют чередование № 33.

¹⁴⁴ У слов из подпункта I возможны колебания в сторону чередования № 29 (см. сноску 142). С другой стороны, наблюдаются колебания в неатрибут. словоформах муж. рода между исходом на и и на нен, например: *неожидан* и *неожиданен, медлен* и *медленен, войствен* и *войственен, священ* и *священен*. При этом словоформы на нен (число которых растёт) имеют более разговорную окраску, а словоформы на н — более книжную (иногда даже архаичную). Указания АО (соблюдённые здесь) ориентированы в этом отношении на книжную норму.

Простой адъективный разряд

Класс IX: 1-я ступень в И. ед. муж.,
2-я в остальных первичных словоформах

36. *от/ѳ*. Слова: *тот, этот* — ср. Р. ед. муж. *тогоб, этого*, И. ед. жен. *та, эта*, И. мн. *те, эти*.

Класс X: 2-я ступень в Т. ед. муж. и сред.,
в ед. числе парн. рода и во всем мн. числе,
1-я в остальных первичных словоформах

37. *ѳ/р*. Слова: *один*¹⁴⁵, *сам, этот* — ср. Т. ед. муж. *одним, самим*, *этим*, И. мн. *одни, сами, эти*.

Класс XI: 1-я ступень во всем И. падеже
и в В. ед. жен.,
2-я в остальных первичных словоформах

38. *ej/ѳ*. Слово *сей* — ср. Р. ед. муж., *себб*, Т. ед. муж. *сим*, Р. мн. *сих*.

39. *ѳ/о/ј*. Слова *некий* и *экий* (варианты парадигм, имеющие, в частности, Р. ед. муж. *некогого, экогого*, Т. ед. муж. *некоюм, экоюм*, Р. ед. жен. *некоюей, экоюей*, Р. мн. *некоюих, экоюих*; ср. № 40).

Класс XII: 2-я ступень в Р., Д.,
П. ед. муж. и сред.,
1-я в остальных первичных словоформах

40. *ѳ/о/ј*. Слова *некий* и *экий* (варианты парадигм, имеющие, в частности, Р. ед., муж. *некогого, экогого*, Т. ед. муж. *неким, эким*, Р. ед. жен. *некоюей, экоюей*, Р. мн. *некоюих, экоюих*; ср. № 39).

Бесчисловые разряды

Класс XIII: 1-я ступень в И. падеже,
2-я в остальных первичных словоформах

41. *т/ѳ*. Слова: *кто, что, никтоб, ничтоб* — ср., например, Р. *когоб, чегоб, никогоб, ничегоб*.

42. *ej/ѳ* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *вос'*). Слова: *всемь, всемьдесят, всемьсот* (варианты парадигм, имеющие Т. падеж соответственно *восьмью, восьмьюдесятью, восьмьюстами*).

43. *ѳ/р*. Слова: *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* — ср., например, Р. *пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, восьмидесяти*.

44. $\frac{\text{ѳ}}{\text{e}}$ (*о/е* — чередование № 54). Слово *оба* — ср., например, Р. *обих, обѣих*.

45. $\frac{\text{ја/м}}{\frac{\text{e}}{\text{ѳ}}}$ (*е/ѳ* — чередование № 55). Слово *я* — Р. *меня*, Д., П. *мне*, Т. *мною, мнѣю*.

¹⁴⁵ Не только прилагательное, но и числительное (тем самым здесь сделано отступление от строгого разделения чередований по грамматическим разрядам содержащих их парадигм).

46. $\frac{e}{\bar{y}}$ б (e/o — чередование № 56). Слово ты — Р. тебя́, Д. Тебе́, Т. тоббю́, тоббй́.

47. м/и. Слово мы — Р. П. нас, Д. нам, Т. на́ми.

48. о/ј. Слова: он, она́, онѡ́, онѣ́ — ср., например, Р. егѡ́, еѣ́, егѡ́, и.х.

49. ъ/Ѹ. Слова: двѣсти, онѣ́ — ср., например, Р. двухѡ́ст, и.х.

50. Ѹ/у (место чередования в условной основе — после начальной цепочки пол). Слова полторá и полторáста — ср., например, Р. полѸтора́, полѸторáста.

*Класс XIV: 2-я ступень в И. падеже 7-го согласоват. класса,
1-я в остальных первичных словоформах*

51. ъ/Ѹ. Слова три и четы́ре — И. падеж 7-го согласоват. класса трѡ́е, чѣтѡ́ро.

52. Ѹ/о/. Слова два и три — И. падеж 7-го согласоват. класса двѡ́е, трѡ́е.

53. Ѹ/е (место чередования — после трех первых букв условной основы). Слово четы́ре — И. падеж 7-го согласоват. класса чѣтѡ́ро.

*Класс XV: 2-я ступень в Р. Д. Т. П. жен. рода,
1-я в Р. Д. Т. П. остальных родов¹⁴⁶*

54. о/е (чередование выступает в качестве внутреннего в чередовании № 44). Слово бба — ср., например, Р. жен. обѡ́их, Р. остальных родов обѡ́их.

Класс XVI: 1-я ступень в Р., 2-я в Д., Т., П.

55. e/Ѹ (чередование выступает в качестве внутреннего в чередовании № 45). Слово я — Р. мя́я, Д., П. мяе́, Т. мяой́.

Класс XVII: 1-я ступень в Р., Д., П., 2-я в Т.

56. e/o (чередование выступает: в слове ты — в качестве внутреннего в чередовании № 46, в слове себ́я — после начального e условной основы). Слова ты и себ́я — Р. теб́я, себ́я, Д., П. тебѣ́, себѣ́, Т. тоббй́, соббй́.

*Класс XVIII: 2-я ступень в Р.,
1-я в остальных первичных словоформах*

57. Ѹ/ʹ. Слова: я, ты, себ́я — ср. Р. мя́я, теб́я, себ́я, Т. мяой́, тоббй́, соббй́.

*Класс XIX: 1-я ступень в И., 2-я в Р., Д., П.,
3-я в Т.*

58. Ѹ/ы/ју (место чередования в условной основе — после начальной цепочки п'ат', шест', сем', вос'м', вос'м', вос'ем'¹⁴⁷ или дев'ат'). Слова: пѣт'дѣсѣ́т, шѣст'дѣсѣ́т, сѣм'дѣсѣ́т, всѣсѣ́мдѣсѣ́т, пѣт'сѡ́ст, шѣст'сѡ́ст, сѣм'сѡ́ст, восѣ́мсѡ́ст, девѣ́тсѡ́ст — ср., например, Р. пѣт'дѣсѣ́ти, пѣт'исѡ́ст, Т. пѣт'дѣсѣ́тью, пѣт'сѡ́стѣми.

¹⁴⁶ На И. падеж чередования классов XV и XVI не распространяются.

¹⁴⁷ Относительно трех вариантов условного вида начальной части слов *всѣсѣ́мдѣсѣ́т* и *восѣ́мсѡ́ст* см. ниже, § 6.33, пункт 2, подпункт 6.

Класс ХХ: 1-я ступень в И., 2-я в Р. и П.,
3-я в Д., 4-я в Т.

59. *e/ux/ym/ym'a* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *de*). Слово *двѣсти* — Р. *двухсот*, П. *двухстах*, Д. *двумстам*, Т. *двумьястами*.

60. *ы/dx/dm/om'a* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *tr'*). Слово *триста* — Р. *трѣхсот*, П. *трѣхстах*, Д. *трѣмстам*, Т. *трѣмьястами*.

61. *o/dx/dm/m'a* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *чeтыр'*). Слово *четыреста* — Р. *четырёхсот*, П. *четырёхстах*, Д. *четыремстам*, Т. *четыремьястами*.

Комментарии к списку чередований

§ 6.33. Помимо разделения на классы, перечисленные выше чередования можно охарактеризовать с нескольких точек зрения, представляющих интерес для описания.

1. Число ступеней чередования. Почти все выделенные чередования состоят из двух ступеней. С формальной точки зрения, двучленными являются также чередования № 44, 45 и 46, у которых одна из ступеней содержит другое, внутреннее чередование. Из трех ступеней состоит чередование № 53, из четырех — чередования № 59, 60, 61.

2. Состав ступеней чередования. Многие из выделенных чередований имеют одинаковый состав ступеней (т. е. различаются только правилом их распределения): на 61 чередование приходится всего 42 разных состава ступеней. Можно предложить следующую неформальную группировку выделенных чередований по составу ступеней (рубрикам дашь содержательные названия, которые с формальной точки зрения должны рассматриваться просто как условные, поскольку используемые в них термпыны в них термпыны в них никак не определяются):

1) Мена твердости и мягкости (т. е. чередования, состоящие из ступеней δ и γ). Таковы чередования № 13 (*сосѣд—сосѣди*), № 18 (*господѣ—господа*), № 30 (*солѣный—солон*), № 34 (*дрѣвний—дрѣвен*), № 35 (*искренний—искренна*), № 37 (*сам—сами*), № 43 (*пятьдесят—пятидесяти*), № 49 (*двѣсти—двухсот*), № 51 (*три—трѣе*), № 57 (*менѣ—мною*).

2) Прочие так называемые исторические чередования. Сюда относятся чередования: № 1 *к/ч* (*сук—сучья*), № 2 *г/з* (*друг—другья*), № 3 *х/ш* (*ухб—уши*), № 4 *о/е* (*чѣрт—чѣрти*), № 5 *и/е* (*дитя—дѣти*), № 53 *и/е* (*четыре—четырео*), № 55 *е/ѳ* (*меня—мене*), № 56 *е/о* (*тебѣ—тобѣю*).

3) Мена суффиксальных элементов с нулем или друг с другом. Сюда относятся: а) чередования так называемых парачиных основы (возникших в большинстве случаев из древних основообразующих элементов) с нулем — № 10 θ/ov (*сын—сыновья*), № 11 $\theta'es$ (*чѣдо—чудеса*), № 20 θ/on (*имя—имѣн*), № 21 θ/ai (*семья—семѣн*), № 22 θ/ep' (*мать—матери*), № 28 θ/at' (*дитя—дитыи*), № 36 *от/та* (*тот—та*), № 41 *т/ѳ* (*что—чегб*); сюда же № 19 *ос/ѳ* (*Христбс—Христа*); б) чередования суффиксов с нулем — № 6 *ин/ѳ* (*армяин—армяне*), № 7 *н/ѳ* (*судно—судѣ*), № 8 **к/ѳ* (*цветбк—цветѣи*), № 9 *иц/ѳ* (*курица—куры*), № 12 $\theta/ж$ (*стул—стѣлья*), № 29 и 33 **н/ѳ* (*преданный—предан*), № 31 *ен'*к/ѳ* (*маленький—мал*), № 38 *ej/ѳ* (*сей—сим*), № 39, 40 и 52 θ/oj (*нѣкий—нѣкоего*, *два—двѣе*), № 44 $\theta/\overset{o}{e}j$ (*оба—обѣих*, *обѣих*); в) мена суффиксов — № 14 *он*к/ат* (*гусѣнок—гусѣта*), № 15 **к'/ат* (*бесѣнок—бесѣнта*); сюда же № 54 *о/е* (*обѣих—обѣих*).

4) Супплетивизм. Сюда относятся чередования № 16 *реб'он*к/дет'*, № 17 *человек/л'уд'*, № 25 *год/лет*, № 32 *бол'ш/велик*, № 45 *ја/м* $\overset{e}{\theta}$ "

(я — *меня, мне*), № 46 $y/\frac{p}{o}$ *б* (*ты — тебя, тобой*), № 47 *м'и* (*мы — нас*), № 48 *он'я* (*он — его*).

5) Так называемое двойное склонение. Это чередования, свойственные почти исключительно составным количественным числительным и являющиеся формальным отражением того факта, что у этих слов склоняются обе составные части, т. е. по существу имеется еще один ряд окончаний, вклинившихся внутрь основы. Поскольку таких слов очень немного, для описания в целом экономнее рассматривать этот дополнительный ряд окончаний как особый вид чередований в основе, а не вводить особый признак «наличие второго ряда окончаний», со всеми вытекающими отсюда формальными осложнениями. Наиболее отчетливо проявляется двойное склонение у слов с чередованиями № 58—61 (см. список); менее явно оно выступает в виде чередований № 23 и 50 *В/у* (*победень — полудня, полтора — полтора*).

6) Особый случай представляет собой чередование № 42 *е/ѵ* (*восьмь — восьмй, восьмью*). По существу здесь представлено чередование беглой гласной с нулем, но с нарушением правила распределения ступеней в Т. падеже: *восьмью* вместо *восьмью* (последнее, впрочем, также существует и входит в другой вариант парадигмы, имеющей обычное чередование беглой гласной с нулем). С формальной точки зрения, однако, рассматриваемое чередование не может быть признано позиционным. Таким образом, два варианта парадигмы слова *восьмь* выглядят на условном уровне так: а) вариант с Т. *восьмью* — П. *вось'жм'я*, Р. Д. П. *вось'жм'я*, Т. *вось'жм'я* (с единой основой); б) вариант с Т. *восьмью* — П. *вось'ем'я*, Р. Д. П. *вось'м'я*, Т. *вось'м'я* (с непозиционным чередованием № 42). Аналогичные варианты имеют парадигмы слов *восьмьдесят* и *восьмьсот*.

3. Место чередования внутри условной основы. Как уже отмечено выше, большинство выделенных чередований — колицевые. Все возможные случаи непосредственного соприкосновения двух конечных чередований внутри одной условной основы (а также слова, в которых это происходит) указаны в § 6.32, в правилах выделения чередований.

4. Степень распространения чередования. Несколько чередований представлены в значительных группах слов, а именно: № 29 *'жн/ѵ* — около 4600 слов (причастия на *нынй*), № 33 *'жн/ѵ* — около 750, № 24 *'ѵ* — около 150, № 6 *ин/ѵ* — около 75, № 14 *он'ж/ат* — около 70. Фактически в этих случаях мы имеем дело с незамкнутыми рядами; в самом деле, за пределами исходного материала имеется или может быть образовано большое число других таких слов. Не вполне замкнут также ряд слов с чередованием № 12 *ѵ/ж'я* (около 45 слов). Остальные чередования представлены в очень маленьких группах слов, часто всего в одном слове; в общей сложности они охватывают всего около 110 слов.

§ 6.34. Введем различительный признак парадигм, относящийся к основе: «чередования в условной основе». Этот признак может принимать нулевое значение и 63 ненулевых значения. Каждое ненулевое значение может иметь один из двух видов: 1) «в условных основах словоформ данной парадигмы представлено такое-то чередование (по нумерации, данной в § 6.32); других чередований нет»; 2) «в условных основах словоформ данной парадигмы представлены одновременно такие-то чередования; других чередований нет». (Ср. выше, § 6.31, признак «наличие нестандартных условных окончаний».) В первом случае названием данного ненулевого значения служит номер соответствующего чередования, во втором — пара или тройка таких номеров. При этом, если одно чередование является внутренним по отно

шению к другому, это оговаривается; в прочих случаях, если два чередования непосредственно соприкасаются, их номера приводятся через знак «+» (см. также § 6.32, правила выделения чередований, пункт II 1), если не соприкасаются — через слово **ИИ**. При каждом ненулевом значении указывается, какие слова его имеют (часто с помощью отсылок к § 6.32).

Значения признака «чередования в условной основе»:

0. Чередовавший в условных основах словоформ данной парадигмы нет (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

№ 1. Слово *око*.

№ 1 + № 12. Слова: *клок, крюк, сук* (варианты с мн. *клябъз, крѣчьз, сѹчьз*).

№ 2 + № 12. Слово *друг*.

№ 3. Слово *ухо*.

№ 4 и № 13. Слово *чѣрт*.

№ 5 и № 28. Слово *дитя*.

№ 6. Слова — те, у которых представлено чередование № 6 (см. § 6.32), кроме слов *хозяин* и *шүрин*.

№ 6 + № 10. Слово *хозяин*.

№ 6 + № 12. Слово *шүрин* (вариант с мн. *шүрьй*).

№ 7. Слово *сүдно* (корабль).

№ 8. Слово *цветѣк* (растение).

№ 9. Слово *күрица*.

№ 10 + № 12. Слова *кум* и *сын* (в прямом знач., мн. *сытовья*).

№ 11. Слова: *дѣво, нѣбо, чүдо*.

№ 12. Слова — те, у которых представлено чередование № 12 (см. § 6.32), кроме слов *клок, крюк, сук, друг, шүрин, кум, сын*.

№ 13. Слова: *колѣно, сосѣд*.

№ 14. Слова — те, у которых представлено чередование № 14 (см. § 6.32).

№ 15. Слова: *бесѣнок, чертѣнок, щепѣк* (вариант с мн. *щепята*).

№ 16. Слово *ребѣнок* (мн. *дѣти*).

№ 17. Слово *человѣк* (мн. *люди*).

№ 18. Слово *госпѣдъ*.

№ 19. Слово *Христѣс*.

№ 20 + № 27. Слова — те, у которых представлено чередование № 20 (см. § 6.32).

№ 21 + № 27. Слова — те, у которых представлено чередование № 21 (см. § 6.32).

№ 22. Слова: *дочь, мать*.

№ 23. Слова: *пблдень, пблночь* (варианты с Р. ед. *полүдня, полүночи*).

№ 24. Слова — те, у которых представлено чередование № 24 (см. § 6.32).

№ 25. Слово *год* (вариант с Р. мн. *лет*).

№ 26. Слово *цѣрковь*.

№ 29. Слова — те, у которых представлено чередование № 29 (см. § 6.32).

№ 30. Слова: *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен, искренна, искренно, искренны, солѣный*).

№ 31. Слово *маленький*.

№ 32. Слово *большій*.

№ 33. Слова — те, у которых представлено чередование № 33 (см. § 6.32), кроме слова *выспренний*.

№ 33 + № 34. Слово *выспренний*.

№ 34. Слова — те, у которых представлено чередование № 34 (см. § 6.32), кроме слова *выспренний*.

№ 35. Слово *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен, искренна, искренне, искренны*).

№ 36. Слово *тот*.

№ 36 + № 37. Слово *этот*.

- № 37. Слова: *одн* (прилагательное и количественное числительное), *сам*.
- № 38. Слово *сей*.
- № 39. Слова: *некий, экий*, (варианты с Р. мн. *неких, эких*),
- № 40. Слова: *некий, экий* (варианты с Р. мн. *неких, эких*).
- № 41. Слова: *кто, что, никто, ничто*.
- № 42. Слово *восьмь* (вариант с Т. *восьмью*).
- № 42, № 43 и № 58. Слово *восемьдесят* (вариант с Т. *восьмьюдесятью*).
- № 42 и № 58. Слово *восемьсот* (вариант с Т. *восьмьюстами*).
- № 43 и № 58. Слова: *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* вариант с Т. *восьмьюдесятью*.
- № 44 (с внутренним чередованием № 54). Слово *оба*.
- № 45 (с внутренним чередованием № 55)+№ 57. Слово *я*.
- № 46 (с внутренним чередованием № 56)+№ 57. Слово *ты*.
- № 47. Слово *мы*.
- № 48. Слова: *он, она, оно*.
- № 48+№ 49. Слово *они*.
- № 49 и № 59. Слово *двести*.
- № 50. Слова: *полтора, полтораста*.
- № 51 и № 52. Слово *три*.
- № 51 и № 53. Слово *четыре*.
- № 52. Слово *два*.
- № 56 и № 57. Слово *себя*.
- № 58. Слова: *пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот* (вариант с Т. *восьмьюстами*), *десятьсот*.
- № 60. Слово *триста*.
- № 61. Слово *четыреста*.

Комментарии к понятию условного вида словформ

§ 6.35. В соответствии с § 0.4 в настоящей книге словоформы берутся в акцентуированной орфографической записи; однако, как мы видели выше, при описании наборов окончаний и чередований в основе фактически используется не эта, а некоторая вспомогательная запись («условный вид»), введенная в § 6.26 и представляющая собой, с формальной точки зрения, нечто производное от обычной орфографии. Рассмотрим, чем это вызвано.

Один из важнейших приемов лингвистического описания (известный на протяжении всей истории языкознания, начиная с древнеиндийских грамматиков, и в особенности широко применяемый в наше время) состоит в том, что реально наблюдаемые объекты мыслятся как результаты некоторых стандартных преобразований ограниченного числа исходных объектов. Эти исходные объекты недоступны наблюдению, т. е. представляют собой так называемые конструируемые. Смысл такого приема состоит в том, что описание отношений между объектами (например, правил распределения и т. п.) заменяется описанием воображаемых преобразований, которые создали бы эти отношения. При достаточно удачном подборе исходных объектов и правил преобразования такой прием, во-первых, делает описание более компактным, во-вторых (что более важно), позволяет разграничить два

рода различий между наблюдаемыми объектами: 1) относительно более глубокие различия (сохраняющиеся даже на уровне постулированных исходных объектов); 2) менее существенные различия, полностью объясняемые действием стандартных правил преобразования.

Рассмотрим, каким образом этот прием применяется к описанию русского склонения. Сравним, например, наборы окончаний следующих слов (взятых в орфографической записи):

<i>заво́д</i>	<i>ка́рта</i>	<i>бо́лото</i>	<i>но́вый</i>
<i>овра́г</i>	<i>кни́га</i>	<i>бла́го</i>	<i>стре́гий</i>
<i>ме́сяц</i>	<i>у́лицы</i>	<i>блю́де</i>	<i>ку́щий</i>

Любые два из этих наборов (кроме пары *болото—благо*) различны между собой. Таким образом, при «прямолинейном» описании здесь пришлось бы выделить 11 самостоятельных наборов окончаний. Очевидно, однако, что различия между наборами окончаний у слов одного столбца управляются весьма простыми закономерностями, притом общими для всех столбцов, а именно: а) если у слова из 1-й строки окончание начинается с *ы*, то у соответствующего слова из 2-й строки (основа на *г*) оно начинается с *и*; б) если у слова из 1-й строки окончание начинается с (безударного) *о*, то у соответствующего слова из 3-й строки (основа на *ц*) оно начинается с *е*. Более привычно эти закономерности выражаются так: а) «после *г* *ы* заменяется на *и*» (или «переходит в *и*»); б) «после *ц* безударное *о* заменяется на *е*». Уже в этих привычных формулировках по существу отражен описанный выше прием: неявно предполагается, что, например, окончание II. мн. слова *овра́г* на некотором исходном уровне есть *-ы*, которое лишь в силу специального правила заменено реально наблюдаемым *-и*. Таким образом, описание взятой совокупности парадигм можно построить так. Каждой словоформе, помимо ее наблюдаемого (т. е. орфографического) вида, по определенным правилам приписывается так называемый «условный вид»; в данном случае всем словам из 2-й и 3-й строк приписываются те же окончания, что у соответствующего слова из 1-й строки (таким образом, например, условный вид словоформы II. мн. от *овра́г* — *овра́гы*, словоформы Т. ед. от *у́лицы* — *у́лицой*). Существуют стандартные правила перехода от условного вида произвольной словоформы к ее реально наблюдаемому виду; в данном случае это сформулированные выше правила замены *ы* и *о*. На 12 рассматриваемых слов теперь приходится только 4 разных набора окончаний.

Легко понять, что указанный принцип описания должен привести к записи, представляющей собой не что иное, как один из вариантов так называемой морфофонематической (или морфофонемной, или морфонологической) транскрипции. В самом деле, условный вид словоформ, принятый в § 6.26, весьма близок,

в частности, к морфофонематической транскрипции Р. И. Аванесова¹⁴⁸.

Наиболее важное различие общего характера между этими двумя видами вспомогательной записи состоит в том, что в морфофонематической транскрипции Р. И. Аванесова наряду с основными символами типа *a*, *o*, *e*, *ɸ* и т. д. выступают также особые символы со значением «безразлично, *a* или *o*» (символ *a*), «безразлично, *e* или *ɸ*» (символ *ɸ₂*) и т. д., тогда как в условном виде словоформ подобных дополнительных символов нет (так, всякому *a* здесь соответствует либо *a*, либо *o*, всякому *ɸ₂* — либо *e*, либо *ɸ*). Например, условный вид словоформ *барáн*, *пожáр*, *са́дба* совпадает с орфографическим, тогда как в указанной морфофонематической транскрипции они выглядят так: *барáн*, *пáжáр*, *са́дбаɸ₂*. Это различие обусловлено прежде всего тем, что эти вспомогательные способы записи предназначены для несколько различных целей. Морфофонематическая транскрипция Р. И. Аванесова призвана отразить некоторый уровень существования русского текста. Этому уровню приписывается самостоятельная значимость, не сводящаяся целиком, например, к тому, что он одновременно обеспечивает относительное единство морфемы и возможность автоматического перехода к фонетической форме. Отсюда, в частности, стремление к единственности получаемой записи и, следовательно, необходимость особой записи (типа *барáн*) в случаях, где равно допустимы несколько вариантов (*барáн* и *борáн*). Вспомогательная запись, введенная в § 6.26, преследует более узкую цель: достичь единого изображения некоторого числа морфем, по-разному записываемых в орфографии (ср., например, *заво́ды* и *овра́ги*, *сто́лб*, *ру́блём* и *звёре́м*, *се́ло* и *се́ла*), сохранив при этом возможность перехода как к фонетической форме, так и к обычной орфографической записи. (Практически этот переход мыслится как операция, начинающаяся с «возврата» к акцентуированной орфографической записи, от которой, в свою очередь, можно перейти к обеим указанным формам, ср. § 0.4.) Очевидно, что эту цель можно достичь многими способами. В частности, с точки зрения перехода к фонетическому уровню такие записи, как *барáн*, *борáн* и *барáн*, совершенно равнозначны. В этих условиях использование символов типа *a* или *ɸ₂* означает лишь ничем не оправданное распыление исходного алфавита символов. Характерно, что русская орфо-

¹⁴⁸ См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, § 77. О типах транскрипции см. также: М. Халле. Фонологическая система русского языка. Лингвистико-акустическое исследование. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 299—307. — Говоря о морфофонематической транскрипции, необходимо учитывать, что многие лингвисты, строящие понятие фонемы на базе морфологии, называют транскрипцию такого типа просто фонологической (или фонемной). Практическое применение такой транскрипции к описанию русского словозменения см. в кн.: L. Dugović. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1964.

графия, которая, как известно, весьма близка к морфофонематической транскрипции, также не использует символов типа α ¹⁴⁹; таким образом, в этом отношении условный вид словоформ сближается с орфографией.

Остается вопрос о выборе между записями типа *барáн* и *бо-ра́н*. Если учесть, однако, что вспомогательная запись должна обеспечивать переход не только к фонетическому уровню, но и к орфографической записи, ответ становится очевидным: из двух равносильных записей в условном виде следует использовать ту, которая соответствует орфографии (т. е. *барáн*)¹⁵⁰. Таким образом, условный вид словоформ представляет собой своего рода промежуточную запись между орфографией и обычной морфофонематической транскрипцией.

Следует подчеркнуть, что используемая вспомогательная запись приспособлена прежде всего для описания именной словоизменения. Это отражается, в частности, в том, что при переходе от орфографии к условному виду изменяемая часть основы и окончания подвергаются более детальной обработке, чем неизменяемая часть основы. Например, сознательно оставлены в стороне и никак не отражаются в условном виде словоформ такие различия, как /т/ — /т'/ в *тест* — *тэ́сто*, *тэ́рция* — *тэ́хника* и т. п., поскольку они никак не касаются словоизменения. Таким образом, при описании других разделов морфологии правила построения условного вида словоформ потребовали бы некоторой детализации (ср. § 6.36, вопрос об условном виде словоформ типа *уголбж*).

Чтобы указать, какой именно условный вид приписывается произвольно выбранной именной словоформе, в § 6.26 даны точные правила перехода от орфографической записи к условному виду.

§ 6.36. Рассмотрим более подробно одну существенную частную особенность условного вида словоформ, отличающую его от имеющихся морфонологических транскрипций. Имеется в виду особая трактовка чередований беглой гласной с нулем (см. § 6.24), а именно изображение как полной, так и нулевой ступени любого такого чередования с помощью знака *. Такая трактовка основана на том же самом принципе, по которому принимаются и другие единицы морфонологической транскрипции (например, *о*, *е*, *т* и т. д.), а именно: при переходе от этой транскрипции к фонетическому уровню любой ее символ должен автоматически

¹⁴⁹ О сходствах и различиях между морфофонематической транскрипцией и орфографией см.: Р. И. А в а н с о в. Указ. соч., § 81.

¹⁵⁰ Разумеется, в части случаев возможны и отклонения от орфографии (ср. § 6.26, пункты I.3, IV.2, VII.6 «Правил получения условного вида»). Характерно, что это как раз те случаи, где проявляется непоследовательность действующей орфографии.

(т. е. на основании одних лишь контекстных условий) превращаться в одну из своих фонетических реализаций (а именно в ту, которая реально выступает в соответствующей словоформе). Так, например, символ σ превращается в [o], [a] или [ɤ] в зависимости от места ударения (ср. первый слог в словоформах *глобу*, *голубе*, *голова*), символ m — в [т], [д], [т']₁, [д']₁ или даже нуль в зависимости от окружения (ср. словоформы *отпítь*, *отбítь*, *оттяnúть*, *отделítь*, *мéstный*) и т. д. Точно так же символ * автоматически превращается либо в некоторую гласную (полная ступень чередования), либо в нуль звука (нулевая ступень). Рассмотрим вначале вопрос о выборе ступени (т. е. выборе между гласной и нулем звука), а затем отдельно вопрос о выборе нужной гласной в полной ступени.

Ответ на первый вопрос таков: символ * превращается в нуль звука, если он стоит в условном виде словоформы непосредственно перед сочетанием «согласная+гласная», и в гласную во всех прочих случаях. Ср., например, словоформы (в скобках дан условный вид): а) *углѝ* (*уг*лѝ*), *пескѝ* (*пес*кѝ*), *льном* (*л'нѝм*), *соловьѝв* (*солов*ѝв*), *лѝйка* (*лѝ*ѝка*), *семьѝй* (*сем*ѝѝ*), *стеклѝ* (*стек*лѝ*), *ядра* (*яд'ѝра*), *цѝркви* (*цѝрк*ѝвы*), *лѝсья* (*лѝс*ѝя*), *вѝ* (*в'с'ѝ*); б) *ѝгол* (*ѝг*л*), *песѝк* (*пес*к*), *лѝн* (*л'н*), *соловѝй* (*солов*ѝ*), *лѝек* (*лѝ*ѝк*), *семѝй* (*сем*ѝ*), *ядер* (*яд'ѝр*), *цѝрковь* (*цѝрк*ѝ*), *цѝрковью* (*цѝрк*ѝ'ю*), *лѝсий* (*лѝс*ѝ*), *весь* (*в'с'ѝ*). Приведенные примеры взяты из области словоизменения; однако, как и в случае с другими символами морфологической транскрипции, указанное правило распределения действует также и в сфере словообразования; ср., например: а) *угловѝй*, *угловѝтый*, *песчѝнка*, *песчѝнный*, *льнянѝй*, *льновѝдство*, *соловьѝнный*, *лѝйковый*, *семьянѝн*, *стеклянѝнный*, *стѝкльшкѝ*, *застеклѝть*, *ядрышкѝ*, *ядрыцѝ*, *цѝрквѝшка*; б) *угѝльнѝк*, *угѝльнѝй*, *песѝчнѝй*, *песѝчницѝ*, *соловѝйчѝк*, *лѝечкѝ*, *семѝйнѝй*, *семѝйство*, *стекѝльнѝй*, *стекѝльщѝк*, *ядернѝй*, *цѝркѝвнѝй*, *цѝркѝвка*.

Специально отметим следующее. Как указано в § 6.26, символ * не относится к числу гласных. Таким образом, символ *, стоящий перед сочетанием «согласная+*» превращается в гласную, а не в нуль, независимо от того, как реализуется второй символ * (стоящий после согласной). Правда, проиллюстрировать это явление можно лишь на примерах из области словообразования (потому для приводимых ниже словоформ указан тот условный вид, который им следовало бы приписать при изучении словообразования; в соответствии с параграфом 6.26, обслуживающим только систему словоизменения, они получают более простой условный вид). Ср., например, словоформы: *угѝлѝк* (*уг*лѝ*к*), *угѝлѝчек* (*уг*лѝ*ч*к*), *песѝчек* (*пес*ч*к*), *лѝнѝк* (*л'н*к*), *денѝк* (*д'н*к*), *денѝчек* (*д'н*ч*к*), *ручѝек* (*руч*ѝ*к*), *ручѝчек* (*руч*ѝ*ч*к*), *кѝолок* (*кѝ*л*к*), *метѝлок* (*м'от'*л*к*), *метѝлочек* (*м'от'*л*ч*к*), *семѝек* (*сем*ѝ*к*), *мальчѝшечѝй* (*мал'чѝш*ч*ѝ*),

старушечий (старуш*ч*), *пёсий* (п' *с*), *овечий* (ов' *ч*), *заячий* (зб' *ч*)).

Существует, правда, небольшое число словоформ, которые не подчиняются указанному выше правилу, например: *камен-стый* (ср. *ка́мни*), *ледоход* (ср. *льды*), *лобовой*, *лобастый* (ср. *лбы*), *пепелище* (ср. *пéпла*), *Любви* (Р. ед. имени собственного, ср. *любви́*), также *лбик*, *рбтик*, *рбвик*, *пёсик*. Однако эти факты отнюдь не разрушают предложенной выше морфонологической трактовки беглых гласных: просто в подобных словоформах на условном уровне выступает обычное *о* или *е* (а не *). Иначе говоря, например, в паре слов *лоб* (Р. ед. *лба*) — *лобовой* мы имеем дело с чередованием */*о* на условном уровне. Ср., например, чередование *о/а* на условном уровне в паре *спросить* (настоящее время *спрósит*) — *спрашивать* (на фонетическом уровне корневые гласные в словоформах *спросить* и *спраши-вать* сходны).

Обратимся теперь к вопросу о том, какая именно гласная выступает в полной ступени. Превращение символа * в гласную можно представить так: 1) * превращается в одну из гласных условного уровня (а именно, *о*, *е* или *и*), причем выбор этой гласной полностью определяется окружением символа * и положением ударения (правила такого превращения образуют отдел А II «Правил перехода от условного вида к действительному», данных в § 6.39); 2) полученная таким образом гласная условного уровня по общим правилам реализуется в виде соответствующей фонетической (или орфографической) единицы. Таким образом, весь переход от символа * к его фонетической (или орфографической) реализации регулируется стандартными правилами, не использующими никакой иной информации, кроме сведений о его окружении и о месте ударения¹⁵¹.

Несколько слов с беглой гласной в основе (например, *одн*, *яйц*, *лев*, *хребт*) отклоняются от общих правил выбора гласной, выступающей в качестве полной ступени. С формальной точки зрения на этом основании в условный вид соответствующих словоформ следовало бы ввести не звездочку, а другие дополнительные символы, означающие свойственные этим словам особые чередования. Практически, однако, это было бы весьма неудобно, поэтому такие слова рассматриваются просто в индивидуальном порядке как исключения (§ 6.47). Кроме того, имеется несколько словоформ с беглой гласной, в которых видимое отклонение от нормы объясняется только непоследовательностью действующей орфографии (*збйц*, *дстбн*, *улей*, *чйрей*, *рўжей* — вместо ожидаемых *збейц*, *дстбен*, *улий*, *чйрий*, *рўжий*).

¹⁵¹ Описание чередований беглых гласных с нулем на орфографическом уровне см. в работе: А. А. З а л з н я к. Беглые гласные в русском словоизменении. «Русский язык в нач. школе», 1963, № 5.

Заметим, наконец, что символ * можно связать также с определенными фактами истории русского языка. Как известно, основным историческим источником чередований беглых гласных с нулем является двойственное развитие древнерусских редуцированных (ъ и ь). Легко убедиться, что символ * в условном виде словоформ обычно соответствует древнему ъ, а сочетание символов '* — древнему ь; ср., например, условные записи *лист*к*, *от*и* и древнерусские словоформы *листъкъ*, *отъць*. Таким образом, здесь, как и в § 6.22, мы сталкиваемся с тем примечательным фактом, что условные единицы синхронического описания могут как бы воссоздавать реальные единицы прошлого.

Итоги классификации суженных парадигм условного уровня

§ 6.37. Различительные признаки «схема ударения», «тип склонения», «нестандартные условные окончания» и «чередования в условной основе» обеспечивают следующее. Пусть даны два слова, имеющих парадигмы одинакового устройства и одинаковые значения признаков «морфологическое число» и «морфологический класс». Для любых двух таких слов верны следующие утверждения: 1) если они имеют одинаковое значение признака «схема ударения», то их суженные парадигмы условного уровня одинаково акцентуированы (о применении понятия одинаковой акцентуации к таким парадигмам см. § 6.14); 2) если они имеют одинаковые значения признаков «тип склонения» и «нестандартные условные окончания», то их суженные парадигмы условного уровня имеют одинаковые наборы окончаний; 3) если они имеют одинаковое значение признака «чередования в условной основе», то их суженные парадигмы условного уровня имеют подобные наборы основ. Это значит, что совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм условного уровня, т. е. что любые два слова, имеющие одинаковое значение всех этих признаков, имеют эквивалентные суженные парадигмы условного уровня.

Заметим, что произведенная классификация суженных парадигм условного уровня почти не имеет избыточной детальности; иначе говоря, почти всякая пара слов, у которых суженные парадигмы условного уровня эквивалентны, получает одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков. (Исключение составляют только такие пары слов, где один член пары имеет дефект № 9, а другой — дефект № 10.)

Введенные выше различительные признаки образуют основу всей классификации русских именных парадигм. В самом деле, они отражают все те и только те свойства парадигм, которые сохраняются после того, как 1) отброшены вторичные словоформы, т. е. сняты особенности, связанные с грамматическими явлениями

второстепенного характера, 2) произведен переход от действительного (орфографического) уровня к условному, т. е. сняты особенности, обусловленные действием определенных автоматических правил современного языка или связанные с некоторыми частными аномалиями. Все остальные различительные признаки предназначены для того, чтобы отразить эти сравнительно менее существенные особенности именных парадигм.

ПЕРЕХОД ОТ УСЛОВНОГО УРОВНЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ

Переход от условного ударения к действительному

§ 6.38. Введенный выше различительный признак «схема ударения» учитывает только условное, а не действительное ударение. Однако эти две характеристики словоформы определенным образом связаны между собой, что дает возможность переходить по некоторым правилам от условного ударения словоформы к действительному.

Пусть имеется некоторая неисходная словоформа F , условное ударение которой известно, а действительное — неизвестно. Ниже приводятся правила, позволяющие установить место действительного ударения этой словоформы; при этом устанавливается не только то, на какой компонент (основу или окончание) падает действительное ударение, но и то, на какой именно слог словоформы F оно падает.

Приводимые правила рассчитаны на то, что словоформа F взята в действительном виде. Однако эти правила применимы (с небольшими изменениями формулировок) также и в том случае, если словоформа F взята в условном виде. Таким образом, можно различать основной вариант этих правил (вариант 1), рассчитанный на действительный вид словоформ, и дополнительный вариант (вариант 2), рассчитанный на условный вид словоформ¹⁵². Основной текст правил отражает вариант 1 (в частности, термины «словоформа», «основа» и «окончание» без уточнений означают, в соответствии с § 6.14, действительный вид этих единиц). Во всех случаях, когда некоторый пункт правил по-разному формулируется в вариантах 1 и 2, текст этого пункта для варианта 2 дается в сноске. Чтобы получить из основного текста полный текст правил для варианта 2, необходимо, таким образом: а) понимать под «словоформой», «основой» и «окончанием», вопреки § 6.14, условный вид этих единиц; б) там, где имеются соответствующие сноски, заменять пункты основного текста этими сносками.

В правилах используются (в общем случае) следующие сведения о словоформе F и о содержащей ее парадигме:

а) буквенный состав словоформы F с разделением на основу и окончание (в варианте 1 — в действительном виде, в варианте 2 — в условном);

¹⁵² Пользуясь терминами, данными в § 6.14, можно сказать, что вариант 1 представляет собой правила перехода от действительного вида с условным ударением к действительному виду с действительным ударением, а вариант 2 — правила перехода от условного вида с условным ударением к условному виду с действительным ударением.

б) исходная словоформа парадигмы, содержащей *F*, с разделением на основу и окончание (в варианте 1 — в действительном виде, в варианте 2 — в условном);

в) схема ударения данной парадигмы (следовательно, в частности, условное ударение в словоформе *F* и в исходной словоформе);

г) наличие или отсутствие в данной парадигме чередования беглой гласной с нулем (см. § 6.24; в варианте 2 этот элемент информации в самостоятельной форме не требуется, поскольку он уже отражен в наличии или отсутствии звездочки в условной основе);

д) тип склонения данной парадигмы (точнее — является ли тип склонения местоименным; см. § 6.27).

Правила делятся на две части: основную и дополнительную. Основная часть является общей для всех неисходных словоформ. Дополнительная часть состоит из отдельных поправок к результатам применения основной части правил; она предназначается для небольшой группы словоформ, которые с точки зрения основной части правил являются исключениями. Таким образом, основная и дополнительная части приводимых правил по существу представляют собой два этапа обработки словоформ, первому из которых подвергается всякая неисходная словоформа, а второму — только словоформы из определенного узкого списка.

Правила нахождения ударного слога в произвольной неисходной словоформе

А. Основная часть правил (общая для всех неисходных словоформ)

С л у ч а й I. Условное ударение в словоформе *F* на основе.

1. Если в исходной словоформе условное ударение также на основе — в словоформе действительное ударение падает на тот же по счету от начала слог основы, что и в исходной словоформе ¹⁵³. Если же это невозможно из-за того, что основа словоформы *F* не насчитывает нужного числа слогов, действительное ударение в этой словоформе падает на последний слог основы.

2. Если в исходной словоформе условное ударение на окончании, то:

а) если парадигма имеет схему ударения *f* или *f'* — действительное ударение в словоформе *F* падает на первый слог основы;

б) ¹⁵⁴ если парадигма имеет иную схему ударения, то:

если окончание словоформы *F* не содержит гласной, а парадигма имеет чередование беглой гласной с нулем — действительное ударение в этой словоформе падает на предпоследний слог основы ¹⁵⁵;

¹⁵³ Если в исходной словоформе действительное ударение не на основе, словоформа *F* имеет действительное ударение на первом слоге (этот случай возможен только в парадигмах слов *два* и *три*).

¹⁵⁴ В варианте 2 пункт б таков: если парадигма имеет иную схему ударения, то действительное ударение в словоформе *F* падает на последнюю гласную основы. (Напомним, что в соответствии с § 6.26, символ * не является гласной, хотя и может нести знак ударения.)

¹⁵⁵ Во всех таких случаях основа содержит не менее двух слогов.

в прочих случаях действительное ударение в словоформе падает на последний слог основы¹⁵⁶.

С л у ч а й II. Условное ударение в словоформе *F* на окончании.

1. Если окончание словоформы двусложно, то:

если тип склонения данной парадигмы местоименный (I или II), а словоформа *F* не есть словоформа творительного падежа — действительное ударение в этой словоформе падает на последний слог окончания;

в прочих случаях действительное ударение в словоформе падает на первый слог окончания.

2. Если окончание словоформы односложно — действительное ударение падает на единственный слог окончания.

3.¹⁵⁷ Если окончание словоформы *F* неслоговое (т. е. не содержит гласной) — действительное ударение падает на последний слог основы.

Примеры (словоформы рассматриваются в действительном виде; в случаях, представляющих специальный интерес, в сносках указан также условный вид рассматриваемых словоформ):

1) Условное ударение во взятой исходной словоформе на основе: мн. ч. *изблж|и, изблж|ам* (действительное ударение падает на тот же по счету слог основы, что и в исходной словоформе *изблж|а*); мн. ч. *славян|е, славян|ам* (действительное ударение не может падать на тот же по счету слог основы, что в исходной словоформе *славянин|и*, поскольку во взятых словоформах основа на один слог короче; поэтому оно падает на последний слог основы); В. ед. *зблов|у*, И. мн. *зблов|ы* (действительное ударение на первом слоге, поскольку в исходной словоформе *голов|а* условное ударение на окончании, а парадигма имеет схему ударения *f'*); Р. мн. *сосн|е, ремёсел|е, сапбжк|е* (действительное ударение на предпоследнем слоге, поскольку условное ударение в исходных словоформах *сосн|а, ремесл|а, сапбжк|а* на окончании, парадигмы не относятся к схемам *f, f'* и имеют чередование беглой гласной с нулем, а окончания взятых словоформ нулевые); И. мн. *сбси|ы, ремёсл|а, сапбжк|и*, Д. мн. *сбси|ам, ремёсл|ам, сапбжк|ам* и т. д. (действительное ударение на последнем слоге основы; отличие от предыдущего случая в том, что окончания здесь содержат гласную)¹⁵⁸.

2) Условное ударение во взятой исходной словоформе на окончании: Р. *еб|о, еб|е, к|овб, все|гб, сам|огб*, Д. *ем|у, ком|у, все|м|у, сам|ом|у*, В. *еб|о, еб|е, сам|оё* (действительное ударение на последнем слоге, поскольку тип склонения местоименный, а взятые словоформы — не творительного падежа); И. *больш|а, больш|оё, больш|ие*, Р. *больш|ого*, Д. *больш|ому*, В. *больш|ую*, Т. *больш|ю, больш|ими*, а также *еб|ю, сам|бю, йми, все|ми, сам|ими*, Т. мн. *киш|ами, зеркал|ами, голов|ами* (действительное ударение на первом слоге окончания, поскольку указанный выше особый случай не имеет места); Д. мн. *киш|ам, зеркал|ам, голов|ам* (действительное ударение на единствен-

¹⁵⁶ Во всех таких случаях основа содержит не менее одного слога.

¹⁵⁷ В варианте 2 пункт 3 таков: если окончание словоформы *F* неслоговое (т. е. не содержит гласной), то действительное ударение падает на последний из имеющихся в основе символов, принадлежащих к классу «гласная или *».

¹⁵⁸ Ср. условный вид последних групп словоформ: Р. мн. *сбс'н|и, рем'бс'н|а, сапбжк|и*; И. мн. *сбс'н|ы, рем'бс'н|а, сапбжк|ы*; Д. мн. *сбс'н|ам, рем'бс'н|ам, сапбжк|ам*.

пом слоге окончания); Р. мн. *кишк|*, *зерк|а*, *голд|а* (действительное ударение на последнем слоге основы)¹⁵⁹.

Во всех приведенных примерах место действительного ударения правильно устанавливается уже на данном этапе (т. е. в результате применения только основной части правил перехода). Приведем также примеры словоформ, где это не так; например, И. мн. *граждани|е*, Р. мн. *кружес|*, неатрибут. муж. ед. *голоден|*, И. мн. *колосья|*, Р. мн. *овец|*, Т. *де|*ума после обработки приведенной выше основной частью правил получают следующие неправильные ударения: *граждани|е*, *кружес|*, *голд|ен|*, *кблос|я*, *бвев|*, *де|ума*.

Б. Дополнительная часть правил (применяемая только к некоторым неисходным словоформам)

1. Перенести знак ударения на один слог влево¹⁶⁰ (к номеру каждого из перечисляемых ниже случаев добавляется символ «л.», обозначающий данный тип переноса ударения):

л. 1 — во всех первичных неисходных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *госп|одь*, *пер|ёд* (ср. *госп|ода*, *госп|оду* и т. д.; *п|еред|а*, *п|еред|у* и т. д.); *тяг|от|а* (мн. ч. *тяг|от|ы*, *тяг|от|и* и т. д.); *пол|тор|а* (ср. *пол|у|тор|а*); *п|ять|д|е|сят|*, *ш|е|сть|д|е|сят|* (ср. *п|яти|д|е|сят|и*, *п|яти|д|е|сят|ю*; *ш|е|сть|д|е|сят|и*, *ш|е|сть|д|е|сят|ью*); *дор|ог|и*, *м|оло|д|ь*, *м|оло|д|ь*, *м|оло|д|ь*; *х|ло|ст|*, *х|ло|ст|о*, *х|ло|ст|ы*; *р|авн|и|т|*, *р|авн|и|т|о*, *р|авн|и|т|ы*)¹⁶¹

л. 2 — во всех первичных неисходных словоформах мн. числа слов *граждани|н* и *сограждани|н* (мн. ч. *гра|ждани|е*, *гра|ждани|н* и т. д.; *согра|ждани|е*, *согра|ждани|н* и т. д.);

л. 3 — в единственной первичной неисходной словоформе, имеющей неслоговое окончание¹⁶², у следующих слов: а) *д|е|ше|в|ы*, *к|ру|ж|е|с|о*, *к|ру|ж|е|с|о*, *м|ас|ло*, *с|а|ж|е|нь* (вариант с Р. мн. *с|а|ж|е|н*), *суд|ия* (Р. мн. *д|е|не|з|*, *к|ру|ж|е|с|о*, *м|ис|е|л|*, *с|а|ж|е|н|*, *суд|и|й|*); б) *бол|ьн|ой*, *в|ольн|ый* (что-л. делать), *л|ё|г|кий*, *р|авн|ый* (неатрибут. муж. ед. *б|о|лен|*, *в|о|лен|*)¹⁶³, *л|ё|г|ок|*, *р|авн|*); у слов *д|л|инн|ый*, *п|л|онн|ый*, *т|ёмн|ый*, *т|ёпл|ый*, *ч|ёрн|ый*, колеблющихся между схемами ударения *a/b* и *a/c*, — только в варианте со схемой *a/b* (неатрибут. муж. ед. *д|л|инн|е|ц|*, *п|л|он|*, *т|ёмн|*, *т|ёпл|*, *ч|ёрн|*); в варианте со схемой *a/c* все эти словоформы получают правильное ударение уже после этапа А);

л. 4 — во всех неатрибутивных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *гол|одн|ый* (ср. *г|оло|ден|*, *г|оло|дн|о*, *г|оло|дн|ы* и *г|оло|дн|ь*), *вес|ёлн|ый* (ср. *в|ес|ел|*, *в|ес|ел|о*, *в|ес|ел|ы*), *д|еш|ёвн|ый* (ср. *д|еш|ев|*, *д|еш|ев|о*, *д|еш|ев|ы*), *зел|ённ|ый* (ср. *з|ел|ен|*, *з|ел|ен|о*, *з|ел|ен|ы*), *к|ор|об|т|к|ий* (варианты с неатрибутивными словоформами *к|ор|от|ок|*, *к|бр|от|к|о* и *к|ор|от|к|б*, *к|бр|от|к|и* и *к|ор|от|к|ь*), *сол|ённ|ый* (ср. *с|бл|он|*, *с|бл|он|о*, *с|бл|он|ы*), *хол|одн|ый* (ср. *х|о|ло|дн|е|ц|*, *х|о|ло|дн|о*, *х|о|ло|дн|ы* и *х|о|ло|дн|ь*); также *с|ча|ст|ли|вн|ый* (вариант с неатрибутивными словоформами *с|ча|ст|лив|*, *с|ча|ст|лив|а*, *с|ча|ст|лив|о*, *с|ча|ст|лив|ы*);

л. 5 — в И. падеже парного рода слова *ч|е|т|ы|ре* (т. е. в словоформе *ч|е|т|вер|о*).

II. Перенести знак ударения на один слог вправо¹⁶⁴ (к номерам случаев добавляется символ «п.», обозначающий данный тип переноса ударения):

¹⁵⁹ Ср. условный вид последней группы словоформ: Р. мн. *киш|к|*, *зерк|а|*, *голд|а|*.

¹⁶⁰ В варианте 2: перенести знак ударения влево на ближайшую гласную.

¹⁶¹ Заметим, что слово *тяг|от|а* можно было бы отнести также в группу л. 2, слова *дор|ог|и*, *м|оло|д|ь*, *х|о|ло|д|ь*, *р|авн|и|т|ь* — также в группу л. 4.

¹⁶² А именно: у существительных — в словоформе Р. мн., у прилагательных — в неатрибутивной словоформе муж. рода ед. числа.

¹⁶³ Ср., однако, просторечное *вол|ён|*.

п. 1 — во всех первичных неисходных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *поблденъ* (вариант с основой неисходных словоформ *полудн*: *полудн|я*, *полудн|ю* и т. д.), *пблнчъ* (вариант с основой неисходных словоформ *полуноч*: *полуноч|и*, *полуноч|ю* и т. д.); *сѣмьдесят*, *всѣмьдесят* (вариант с Т. *восьмьдесят|ю*) (ср. *семьдесят|и*, *семьдесят|ю*; *восьмьдесят|и*, *восьмьдесят|ю*)¹⁶⁵;

п. 2 — во всех первичных неисходных словоформах мн. ч. числа следующих слов: *анамя*, *базро* (мн. ч. *знамѣн|а*, *озѣр|а*); *дѣрево*, *камень* (драгоценный и т. п.), *кблос*, *обод*, *пбвод* (в упряжп), *пблос* (саней) (мн. ч. *дерѣв|я*, *камѣн|я*, *колбс|я*, *оббд|я*, *повбд|я*, *полбз|я*)¹⁶⁶; *бесѣнок*, *чертѣнок* (мн. ч. *бесѣн|а*, *чертѣн|а*);

п. 3 — в единственной первичной неисходной словоформе, имеющей неслоговое окончание¹⁶⁷, у следующих слов: а) *гумнб* (вариант с Р. мн. *гумнѣ|*), *земля*, *колыб*, *овцѣ*, *свинья*, *семья*, *сестрѣ*, *судѣй*, *хлбпты*, *яйцб* (Р. мн. *гумнѣ|*), *земел|ь*, *колѣц|*, *овѣц|*, *свинѣ|и*, *семѣ|и*, *сестѣр|*, *судѣй|*, *хлбпт|*, *яйц|*); б) *вбстрый*, *дурнбй* (разговорный вариант со словоформой *дурѣн*), *силный* (вариант со словоформой *силѣн*), *смйрный* (вариант со словоформой *смйрѣн*) (*хитрѣн*), *хитрѣр|*, *шустѣр|*); у слова *умный*, колеблющегося между схемами ударения *a/b* и *a/c*, — только в варианте со схемой *a/c* (неатрибут. муж. ед. *умѣн*); в варианте со схемой *a/b* эта словоформа получает правильное ударение уже после этапа А);

п. 4 — во всех первичных неисходных словоформах, кроме словоформ И. падежа, у слова *бба* (ср. *обб|их*, *обѣ|их*, *обб|им*, *обѣ|им* и т. д.).

п. 5 — в словоформах Т. падежа слов *два* и *три* (т. е. в словоформах *дв|умя*, *тр|емя*).

III. Перенести знак ударения на два слога вправо в словоформу Т. падежа и на один слог вправо в остальных первичных неисходных словоформах слова *всѣмьдесят* (вариант с Т. *восьмьдесят|ю*)¹⁶⁸; условное обозначение данного случая — III. 1.

З а м е ч а н и е. Как уже указано выше, приведенные правила распространяются только на неисходные словоформы. Действительно, ударение исходной словоформы с их помощью установить нельзя; более того, оно само используется в этих правилах как элемент исходной информации. Естественно возникает вопрос о том, нельзя ли устранить указанное ограничение. Попытки такого рода приводят к констатации следующих зависимостей¹⁶⁹ (ср. также таблицы в конце § 6.17):

1. При схемах ударения *b*, *b'*, *d*, *d'*, *f*, *f'* а также *b/c* и *b/c'* в исходной словоформе действительное ударение падает на первый слог окончания, а если окончание неслоговое — на последний слог основы. Исключения: *угол*, *угорь*, *узел*, *всѣмь*, *дѣвать*, *дѣсать*, *двѣдцать*, *трѣдцать*, *сброк* (схема *b*); *уголь* (вариант со схемой *f*).

¹⁶⁴ В варианте 2: перенести знак ударения вправо на ближайший символ, принадлежащий к классу «гласная или *».

¹⁶⁵ Слова *сѣмьдесят* и *всѣмьдесят* можно было бы отнести также в группу п. 4.

¹⁶⁶ В этот список входят все слова с чередованием № 12 (см. § 6.32), имеющие двусложную основу с начальным ударением, за исключением слова *уголь* (вариант с II. мн. *уголь|я*).

¹⁶⁷ См. сноску 162.

¹⁶⁸ В варианте 2: перенести знак ударения вправо на ближайшую гласную во всех первичных неисходных словоформах слова *всѣмьдесят*.

¹⁶⁹ В приведенных правилах имеется в виду действительный вид исходной словоформы. Слова схем *e'* и *e''* (*человѣк*, *ребѣнок*, *дитѣ*) ввиду их малочисленности в правилах не отражены.

2. При схемах ударения *c* и *e* в исходной словоформе действительное ударение падает на первый слог основы. Исключения: *дирéктор*, *инспéктор*, *инстрóктор*, *кондóктор* (человек), *коррéктор*, *прое́ктор*, *профэ́ссор*, *редáктор*, *учитéль*, *госно́дин*, *коки́ль*, *постáв* (схема *c*); *дере́вня*, *ступéнь*, *четы́ре*, *четы́реста* (схема *e*).

3. При схемах ударения *a/b*, *a/b'*, *a/c* и *a/c'* в исходной словоформе действительное ударение падает на последний слог основы. Исключения: *либелéцкий*, *двáжен* (схема *a/b*); причастия на *житый*, *литый*, *натый*, *чатый* (кроме *сбóжитый*, *сбóлитый*), а также *збóртый*, *бóртый*, *прóклятый* (схема *a/c*).

4. При схеме ударения *a* в исходной словоформе действительное ударение может падать на любой слог основы — правила выбора нет.

Таким образом, искомое правило удается построить для всех схем ударения, кроме схемы *a*. Однако к схеме *a* относятся 90% имен; поэтому ясно, что в общем случае мы вынуждены считать действительное ударение исходной словоформы заранее известным.

Переход от условного вида словоформ к действительному

§ 6.39. Чтобы перейти от условного вида произвольной словоформы к ее действительному виду, нужно применить к условному виду взятой словоформы определенную цепь формул перехода, которая приводится ниже (правила применения цепи формул перехода и условные обозначения см. в § 6.25).

Эта цепь состоит из двух частей: основной и дополнительной. Основная часть цепи формул перехода применяется ко всем словоформам. Для ее применения не требуется никакой другой информации о словоформе, кроме ее условного вида. Для подавляющего большинства словоформ с применением основной части цепи переход к действительному виду заканчивается, т. е. их действительный вид достигается уже на этом этапе.

Дополнительная часть цепи состоит из формул перехода, применяемых только к определенным группам словоформ. (Понятно, что это как раз те группы словоформ, для которых основная часть цепи еще не дает нужного результата; таких словоформ всего несколько десятков.) Для применения дополнительной части цепи может потребоваться информация о грамматическом значении взятой словоформы, о том, какому слову она принадлежит и к какому морфологическому роду относится это слово.

Разделение цепи формул перехода на основную и дополнительную части отражает тот же принцип описания, который был использован при переходе от условного ударения к действительному (см. § 6.38), а именно: «общие правила — индивидуальные поправки». В самом деле, дополнительные формулы перехода представляют собой не что иное, как индивидуальные поправки, производимые в тех случаях, когда словоформа не подчиняется общим правилам, выражаемым основной частью цепи. Эти индивидуальные поправки разделены на две группы: 1) замены гласной, выступающей в качестве полной ступени чередования беглой гласной с нулем (кроме чисто орфографических), например замена *хребёт* на *хребёт*; 2) замены чисто орфографического характера, например замена *чю.м* на *чём*.

З а м е ч а н и е. Сведения о том, что та или иная замена носит чисто орфографический характер, разумеется, фактически извлечены из сопоставления письменной формы языка с устной. В самом деле, одним лишь внутренним анализом письменной формы языка, по-видимому, нельзя бы установить какое-либо качественное различие, например, между

такими отклонениями от ожидаемой словоформы, как *хребёт* (вместо *хребёт*) и *заяц* (вместо *зёцу*). Таким образом, мы опираемся здесь на сведения об устной форме языка, которые специально в настоящей работе не рассматриваются.

Правила перехода от условного вида произвольной словоформы к действительному

А. Основная цепь формул перехода (обязательная для всех словоформ)

1. Переход части звездочек в нуль и сопутствующие изменения

1. * (+СГ, С'Г или С|Г, С'|Г) → ∅
2. (не л+) ' (+н, л, р, ц, с или т) → ∅
3. С (+j или |j) → С'

II. Переход остальных звездочек в гласные ¹⁷⁰

4. *_{безух.} (+j) → и
5. * (+j) → е
6. (j, ', Ш или ц+) * (+ц, л' или н') → е
7. * → о

III. Орфографические замены

8. (uj|+) е_{безух.} → и
9. |ово → |ого

IV. Позиционные изменения ы и о и устранение о₂

10. (К| или Ш|+) ы → и
11. (j, ', Ш, ц или j|, '|, Ш|, ц|+) о_{безух.} → е
12. о₂ → о

V. Устранение j и '

13. ' | → |'
14. j | → |j
15. j или ' + $\begin{cases} a \rightarrow я \\ y \rightarrow ю \\ o \text{ или } \delta \rightarrow ё \\ e \rightarrow е \\ ы \text{ или } u \rightarrow и \end{cases}$
16. j → й
17. ' → ь

¹⁷⁰ По общему правилу (см. § 6.25), если подвергаемая замене звездочка несет знак ударения, этот знак переходит на заменяющую ее гласную. Заметим, что на звездочках, подвергающихся действию формулы перехода 1, знака ударения не бывает.

П р и м е р ы (номер над стрелкой показывает, какая формула перехода превращает запись, стоящую слева от этой стрелки, в запись, стоящую справа от нее):

а) Словоформы, у которых действительный вид достигается уже на данном этапе:

стрел*к| $\xrightarrow{7}$ стрел*к| $\xrightarrow{1}$ стрелк|ы $\xrightarrow{19}$ стрелк|й
 нбг*т'| $\xrightarrow{7}$ нбгот'| $\xrightarrow{14}$ нбгот'| $\xrightarrow{17}$ нбгот|ь
 нбг*т'|ы $\xrightarrow{1}$ нбгт'|ы $\xrightarrow{14}$ нбгт'|ы $\xrightarrow{15}$ нбгт|и
 ор*л| $\xrightarrow{7}$ ор*л| $\xrightarrow{15}$ ор*л|
 ор*л|ы $\xrightarrow{1}$ ор*л|ы $\xrightarrow{2}$ ор|ы
 бор*щ| $\xrightarrow{6}$ бор*щ| $\xrightarrow{15}$ бор*щ|
 бор*щ|ы $\xrightarrow{1}$ бор*щ|ы $\xrightarrow{2}$ борщ|и
 чис*л|б $\xrightarrow{1}$ чис*л|б $\xrightarrow{2}$ числ|б
 чис*л| $\xrightarrow{7}$ чис*л| $\xrightarrow{11}$ чис*л| $\xrightarrow{15}$ чисел|
 кошк|а $\xrightarrow{1}$ кошк|а
 кошк| $\xrightarrow{7}$ кошк| $\xrightarrow{11}$ кошк|
 руч*к| $\xrightarrow{5}$ руч*к| $\xrightarrow{13}$ руч*к| $\xrightarrow{16}$ руч*к|
 руч*к|бм $\xrightarrow{1}$ руч*к|бм $\xrightarrow{3}$ руч*к|бм $\xrightarrow{13}$ руч*к|бм $\xrightarrow{15}$ руч*к|бм $\xrightarrow{17}$ руч*к|бм
 лис*к| $\xrightarrow{4}$ лис*к| $\xrightarrow{13}$ лис*к| $\xrightarrow{16}$ лис*к|
 лис*к|ово $\xrightarrow{1}$ лис*к|ово $\xrightarrow{3}$ лис*к|ово $\xrightarrow{9}$ лис*к|ово $\xrightarrow{11}$ лис*к|ово $\xrightarrow{13}$ лис*к|ово $\xrightarrow{15}$ лис*к|ово $\xrightarrow{17}$ лис*к|ово
 зд*нц|о (И. ед.) $\xrightarrow{11}$ зд*нц|о $\xrightarrow{13}$ зд*нц|о $\xrightarrow{15}$ зд*нц|о
 зд*нц|е (П. ед.) $\xrightarrow{8}$ зд*нц|е $\xrightarrow{13}$ зд*нц|е $\xrightarrow{15}$ зд*нц|е
 овраг|ы $\xrightarrow{19}$ овраг|и
 нбч|ы $\xrightarrow{19}$ нбч|и
 бол*ш|йе $\xrightarrow{10}$ бол*ш|йе $\xrightarrow{15}$ бол*ш|йе $\xrightarrow{17}$ больш|йе
 туч|оф $\xrightarrow{11}$ туч|оф $\xrightarrow{16}$ туч|ей
 мес*яц|ом $\xrightarrow{11}$ мес*яц|ом $\xrightarrow{15}$ мес*яц|ем
 зв*езд|а $\xrightarrow{11}$ зв*езд|а $\xrightarrow{15}$ звезд|а
 шо*кол*д| $\xrightarrow{12}$ шокол*д|

б) Словоформы, у которых действительный вид на данном этапе еще не достигается:

хреб*т| $\xrightarrow{7}$ хреб*т| $\xrightarrow{15}$ хреб*т|
 сүмер*к| $\xrightarrow{7}$ сүмер*к|
 ја*щ| $\xrightarrow{8}$ ја*щ| $\xrightarrow{15}$ я*щ|
 мыш|, нбч|, залез|, ч|бм (никаких изменений)
 секв*ой| $\xrightarrow{13}$ секв*ой| $\xrightarrow{16}$ секв*ой|
 зор*л|а $\xrightarrow{13}$ зор*л|а $\xrightarrow{15}$ зор*л|а
 з*я*щ| $\xrightarrow{6}$ з*я*щ| $\xrightarrow{15}$ з*я*щ|
 ұл*ж| $\xrightarrow{3}$ ұл*ж| $\xrightarrow{13}$ ұл*ж| $\xrightarrow{16}$ ұл*ж|

Б. Дополнительные формулы перехода (распространяющиеся на ограниченные группы словоформ)

1. Замена гласной, выступающей в качестве полной степени чередования беглой гласной с нулем

18. В словоформах слов *одён*, *яйцб*, *ектенья*, *епитимья*, *манатья*, *кочан* (вариант с Р. ед. *кочн*), *хребёт*, *лев*, *тьма* (множество), *корчма*, *судьба*, *кочерга*, *сүмерки*:

одён| → одён|
 яйц| → яйц|
 ектенё|й → ектенё|й
 епитимё|й → епитимё|й

манатѣ|й → манатѣ|й̆
 кочѣи| → кочѣи|̆
 хребѣт| → хребѣт|̆
 лёв| → лёв|̆
 тѣм| → тѣм|̆
 корчѣм| → корчѣм|̆
 судѣб| → судѣб|̆
 кочерѣг| → кочерѣг|̆
 сѹмерек| → сѹмерек|̆

II. Орфографические замены

19. В словоформах И. ед. существительных женского морфологического рода:

Ш| → Ш|̆

20. В словоформах Р. мн. существительных женского морфологического рода:

й|й → |й̆

21. В словоформах слов *заря*, *сѣмя*, *стрѣмя*, *сей*, *заяц*, *достойный*, *улей*, *чирей*, *ружьѣ*, *что*, *ничто*:

зо_{безуд.}р| → зар|̆

сѣмя_{безуд.}и| → семен|̆

стрѣмя_{безуд.}и| → стремени|̆

се_{безуд.}| → си|̆

заяц| → заяц|̆

достоеи| → достоини|̆

ули|й → уле|й̆

чиреи|й → чире|й̆

ружи|й̆ → руже|й̆

ч|ом → ч|ѣм

Примеры: *хребѣт|*¹⁸ *хребѣт|̆*, *мыш|*¹⁹ *мыш|̆*, *ноч|*¹⁹ *ноч|̆*, *залеж|*¹⁹ *залеж|̆*, *секвѣй|̆*²⁰ *секвѣй|̆*, *зор|̆*²¹ *зар|̆*, *сѣмян|̆*²¹ *семен|̆*, *стрѣмя|̆*²¹ *стремени|̆*, *се|̆*²¹ *си|̆*, *заяц|̆*²¹ *заяц|̆*, (*ни о*) *ч|ом*²¹ (*ни о*) *ч|ѣм*.

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ДОСТАТОЧНОЙ ДЕТАЛЬНОСТИ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ СУЖЕННЫХ ПАРАДИГМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО УРОВНЯ

§ 6.40. Как указано в § 6.37, совокупность всех введенных до этого параграфа различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм условного уровня. Однако для суженных парадигм действительного уровня достаточной детальности они еще не дают. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть, например, такие пары, как *славянин*—*гражданин*, *чехол*—*угол*, *музей*—*овраг*, *седок*—*стрелок*, *беда*—*звезда*. Члены каждой из этих пар имеют одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков, однако их суженные парадигмы действительного уровня не эквивалентны.

Одна из возможных причин такой неэквивалентности связана с ударением. Она состоит в том, что условное ударение не отражает некоторых различий между словоформами, существенных

с точки зрения эквивалентности парадигм (а именно тех, которые учитываются признаком «сдвиг ударения», см. § 5.5). Так, например, словоформа *славяне* не отличается по условному ударению от словоформы *граждане*, а словоформа *чехол* — от словоформы *угол*. Для того, чтобы достичь достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня, необходимо так или иначе учесть все акцентуационные различия такого рода. Для этой цели ниже вводятся два различительных признака (один из которых связан с неисходными словоформами, а другой с исходными):

- 1) акцентуационные отклонения в неисходных словоформах;
- 2) акцентуационные особенности исходной словоформы.

Вторая возможная причина неэквивалентности связана с переходом от условного вида словоформы к действительному. Она состоит в том, что одна и та же формула перехода (от условного вида к действительному), будучи применена к разным словоформам, может изменить их в разной степени; в частном случае одна словоформа может измениться, а другая остаться без изменений. Так, например, формулы перехода 11, 13 и 15 оставляют цепочку *овра́г|ом* без изменений, а цепочку *музе́й|ом* последовательно преобразуют в *музе́й|ем*, *музе́й|ем*, *музе́й|ем*. Формулы перехода 1 и 7 оставляют цепочки *седо́к|*, *седо́к|а́* без изменений, а цепочки *стрелáж|*, *стрелáж|а́* преобразуют в *стрелóк|*, *стрелóк|а́*. Формулы перехода 11 и 15 оставляют цепочки *бе́д|а́*, *бе́д|ы* без изменений, а цепочки *зв'озд|а́*, *зв'бзд|ы* преобразуют в *звезд|а́*, *звезд|ы*. В результате в первой паре утрачивается тождество наборов окончаний, во второй и в третьей парах основа одного из членов становится изменяемой.

Очевидно, что степень фактического воздействия некоторой формулы перехода на ту или иную словоформу (например, изменения в нескольких точках словоформы, изменение в одной точке, отсутствие изменений) зависит от того, каков условный вид этой словоформы. Так, в примере со словами *музе́й* и *овра́г* существенным было то, какова последняя буква условной основы, в примере со словами *седо́к* и *стрелóк* — содержит ли условная основа звездочку, и т. д. Для того, чтобы достичь достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня, нужно ввести дополнительные различительные признаки, отражающие те особенности условного вида словоформ парадигмы, от которых зависит степень фактического воздействия формул перехода на эти словоформы. Ниже для этой цели вводятся следующие различительные признаки парадигм:

- 1) морфонологический тип условной основы;
- 2) наличие звездочки в условной основе;
- 3) наличие неустойчивого *о* в условной основе;
- 4) морфонологические особенности неизменяемой части условной основы;

5) аномальные беглые гласные;

6) орфографические аномалии.

Описание каждого из восьми названных в настоящем параграфе различительных признаков начинается с того, что даются примеры, показывающие, для чего вводится этот признак (т. е. какого рода различия между парадигмами он отображает). Каждый пример представляет собой группу (обычно просто пару) слов, у которых: 1) значения всех различительных признаков, введенных до описываемого момента, одинаковы; 2) несмотря на это, суженные парадигмы действительного уровня не эквивалентны. При сравниваемых словах даются словоформы, позволяющие непосредственно убедиться в этой неэквивалентности. В остальном при описании соблюдается общая схема, данная в § 6.2.

Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах»

§ 6.41. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *славянин* и *гражданин* (И. мн. *славяне*, но *граждане*), *брус* и *кблос* (И. мн. *брусья*, но *колбсья*), *зеркало* и *кружево* (Р. мн. *зеркал*, но *кружев*), *шахматы* и *хлопоты* (Р. *шахмат*, но *хлопот*) и т. п. (ср. также § 5.5).

Назовем неисходную словоформу акцентуационно правильной, если положение действительного ударения в этой словоформе подчиняется основной части правил, данных в § 6.38 (т. е. правилам раздела А), и акцентуационно неправильной, если это не так. Например, словоформы *славяне*, *брусья*, *зеркал*, *шахмат*, *осен*, *днями* — акцентуационно правильные, а словоформы *граждане*, *колбсья*, *кружев*, *хлопот*, *овцы*, *двумя* — акцентуационно неправильные. Очевидно, что акцентуационно неправильны те и только те словоформы, для которых предназначена дополнительная часть правил, данных в § 6.38 (т. е. правила раздела Б).

Про акцентуационно неправильную словоформу мы будем говорить также, что она имеет акцентуационное отклонение. Всякое акцентуационное отклонение состоит в том, что действительное ударение падает на то или иное число слогов левее (или правее) того места, куда оно должно падать по правилам раздела А. Таким образом, словоформы, перечисленные в пункте I раздела Б (§ 6.38), имеют акцентуационное отклонение «на один слог левее, чем по общему правилу»; словоформы, перечисленные в пункте II, — акцентуационное отклонение «на один слог правее, чем по общему правилу»; словоформа *восемьдесятя* имеет акцентуационное отклонение «на два слога правее, чем по общему правилу».

Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» учитывает: 1) какие словоформы парадигмы являются акцентуационно неправильными, т. е. имеют акцентуационные отклонения (если такие словоформы вообще есть в парадигме); 2) каково именно акцентуационное отклонение каждой из таких словоформ. Легко видеть, что все парадигмы, имеющие хотя бы одну акцентуационно неправильную словоформу, оказываются разделенными по этому признаку на 11 групп, точно соответствующих подпунктам правил раздела Б (л. 1 — л. 5, п. 1 — п. 5, пп. 1).

Таким образом, различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» может принимать следующие 12 значений:

0. Акцентуационных отклонений нет, т. е. все неисходные словоформы акцентуационно правильны (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

11 ненулевых значений: л. 1, л. 2, л. 3, л. 4, л. 5; п. 1, п. 2, п. 3, п. 4, п. 5; т. п. Каждое из этих значений имеют те и только те слова, которые перечислены в § 6.38 в одноименном подпункте правил раздела Б.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 70.

Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы»

§ 6.42. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *южанин* и *славянин* (И. мн. *южане, славяне*), *чехлы* и *углы* (Р. ед. *чехля, углы*), *горы* и *головы* (И. мн. *горы, головы*, Р. мн. *гор, головы*) и т. п. (ср. также § 5.5).

Полное название данного различительного признака — «акцентуационные особенности парадигмы, связанные с положением действительного ударения в исходной словоформе или с числом слогов ее основы»; поскольку, однако, оно слишком громоздко, в дальнейшем мы будем пользоваться упрощенным названием — «акцентуационные особенности исходной словоформы».

Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы» может принимать следующие пять значений (при каждом ненулевом значении указаны все слова, которые его имеют):

0. Не имеет места ни один из случаев, образующих значения 1—4. Это нулевое значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Парадигма относится к схеме ударения *a*, действительное ударение в исходной словоформе на последнем слоге основы, а хотя бы в одной из исходных словоформ основа на слог короче, чем в исходной словоформе. Слова: 1) все слова на *аийн, айин*, имеющие чередование № 6 *и/й* (см. § 6.32), а именно: *армянин, гражданин, согражданин, дворянин, мещанин, селянин, славянин, христианин, чужакин*; 2) слова *заём, наём, перенаём, поднимаём*.

2. Парадигма относится к схеме *b* или *f*, а действительное ударение в исходной словоформе на предпоследнем слоге. Слова: 1) *угол, уголь* (вариант со схемой *f*), *угорь, узел*; 2) *всёмь, двёцать, десять, даёцать, тридцать, сброк*. Кроме того, это значение приписывается слову *должен*, которое хотя и относится с формальной точки зрения к схеме *a/b*, но фактически имеет только неатрибут. словоформы (т. е. словоформы со схемой ударения */b*).

3. Парадигма относится к схеме *f* или *f'*, а основа исходной словоформы двусложная. Слова: *болоня, борода, борозда, бороня, голова* (во всех значениях), *желез, полоса, простыня, просфоры (просвиря), середя* (простореч. вариант к *середя*), *скорода* (обл.), *слабода, стороня*.

4. Парадигма относится к схеме *f* или *f'*, а основа исходной словоформы трехсложная. Слово *сковорода*.

Различительный признак «морфонологический тип условной основы»

§ 6.43. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *канал, овраг, абзац, музей* и *критерий* (ср. Т. ед., И. ед. и И. мн. этих слов: *каналом, канале, каналы; оврагом, овраге, овраги; абзацем, абзаце, абзацы; музеём, музее, музеи; критерием, критерии, критерии*); *карта, нуля, книга, туча, спйца, стая* и *линия* (ср. Т. ед., И. ед., И. мн. и Р. мн. этих слов: *картой, карте, карты, карт; книгой, книге, книжи, книг; тучей, туче, тучи, туч; спйцей, спйце, спйцы, спйц; стаяй, стае, стаи, стай; линей, линии, линии, линий*); *сурьбой, ползвий, похобжий* и *бледнолицый* (ср. И. ед. сред. *сурьвое, ползвое, похобжее, бледнолицее*) и т. п.

Полное название данного различительного признака — «морфонологический ¹⁷¹ тип условной основы исходной словоформы»; однако ради краткости

¹⁷¹ Как известно, относительно содержания терминов «морфология» и «морфонологический» в лингвистической литературе нет полного единства.

указание о том, что речь идет об исходной словоформе, в дальнейшем опускается.

Различительный признак «морфонологический тип условной основы» может принимать следующие семь значений:

1. «Морфонологический тип 1»: условная основа исходной словоформы оканчивается на согласную, по не *к, г, х, ш, ж, ч, ц, ь* или *й*; кроме того, это значение приписывается всем словам нулевого типа склонения (т. е. неизменяемым), независимо от исхода их условной основы, а также словам *я* и *ты*.

2. «Морфонологический тип 2»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ь*.

3. «Морфонологический тип 3»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *к, г* или *х*.

4. «Морфонологический тип 4»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ш, ж, ч* или *ц*.

5. «Морфонологический тип 5»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ь*.

6. «Морфонологический тип 6»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *й* (но не на *ий*).

7. «Морфонологический тип 7»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ий*.

В дальнейшем мы будем говорить просто: «слово *А* относится к так и му-то морфонологическому типу» (вместо: слово *А* имеет такое-то значение признака «морфонологический тип условной основы»).

З а м е ч а н и е. Можно было бы построить этот различительный признак так, чтобы он учитывал характер условной основы не одной лишь исходной словоформы, а всех словоформ парадигмы. Разумеется, число возможных значений такого признака оказалось бы гораздо больше семии. Так, например, слово *ухо* получило бы значение «морфонологический тип 3 в ед. ч., 4 во мн. ч.» и т. п. Однако для достижения достаточной детальности классификации суженных парадигм действительного уровня этого не требуется. Дело в том, что все случаи, когда условные основы разных словоформ парадигмы оканчиваются различно, уже учитываются различительным признаком «чередования в условной основе» (так, этим признаком уже учтено отличие слова *ухо*, например, от слова *блго*, имеющего неизменяемую условную основу).

Значение, которое принимает данный признак у произвольного слова, легко устанавливается по действительному виду исходной словоформы (с разделением на основу и окончание) и по сведению о том, относится ли слово к нулевому типу склонения, а именно:

1. Всякое слово нулевого типа склонения, а также слова *я* и *ты* относятся к морфонологическому типу 1.

2. У прочих слов морфонологический тип определяется так:

если действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	слово относится к морфонологическому типу:
<i>к, г</i> или <i>х</i>	3
<i>ш, ж, ч</i> или <i>ц</i>	4
<i>ь</i>	5
гласную (кроме <i>и</i>), <i>ь</i> или <i>й</i>	6
<i>и</i>	7
иную букву	2 (если действительное окончание исходной словоформы начинается с <i>ь, я, е, ё</i> или <i>и</i>) или 1 (в прочих случаях).

Не рассматривая этих разногласий, укажем лишь, что в настоящей работе эпитет «морфонологический» прилагается к тем характеристикам парадигмы, которые оказывают влияние на переход от условного вида словоформ к действительному.

Таблица распределения имен по морфологическим типам

Морфологический тип Тип склонения		1	2	3	4	5	6	7
		I субстантивный	мужской морф. род	ЗАВОД [6500]	ОЛЕНЬ [1030]	ЛЕТЧИК [4650]	НОЖ [390]	ОТЕЦ [690]
женский морф. род	КАРТА [2600]		БУРЯ [370]	ТОЧКА [5400]	ТУЧА [320]	ПТИЦА [1200]	СТАЯ [190]	ЛИНИЯ [1380]
средний морф. род	ЧУВСТВО [1200]		[го́ре, мо́ре, по́ле]	ОКОШКО [130]	ЖИЛИЩЕ [140]	сёрдце [80]	УЩЕЛЬЕ [370]	ЗДАНИЕ [3200]
II субстантивный	мужской морф. род	—	[путь]	—	—	—	—	—
	женский морф. род	пятьдесят [4]	РАДОСТЬ [3130]	—	мышь [55]	—	—	—
	средний морф. род	—	и́мя [15]	—	—	—	—	—

Продолжение

Морфологический тип Тип сложения	1	2	3	4	5	6	7
Адъективный	новый [16 950]	синий [140]	длинный [2950]	свежий [570]	куцый [10]	длинно- шёрстный [4]	—
Адъективно-возвратный	—	—	—	выдаб- щийся [30]	—	—	—
I местоименный	этот [30]	[онь]	столько [8]	[ваш, ваш]	—	волчий [175]	—
II местоименный	тот [6]	весь [4]	[некого]	ничего	—	—	—
Притяжательный	дядни [35]	[госибдень]	—	—	—	—	—
Пулевой	шоссе [420]	—	—	—	—	—	—
Аномальный	два [5]	три [2]	[сброк]	—	—	—	—
Всего (округленно)	27 800	4700	13 100	1500	2000	1000	4700
То же в %	50,7	8,6	23,9	2,7	3,6	1,8	8,6

Табл. 6. Классификация именных парадигм.

Количественное распределение имен по морфонологическим типам показано в таблице на стр. 266—267. В таблице учтен тип склонения, а у слов субстантивных типов склонения также морфологический род (любое из этих слов имеет одно из трех ненулевых значений признака «морфологический род»). Относительно значения шрифтов и скобок см. § 6. 2. пункт 4.

Различительный признак «наличие звездочки в условной основе»

§ 6.44. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *седёк* и *стрелёк* (Р. ед. *седо́к*, по *стрелка́*), *просьба* и *свадьба* (Р. мн. *просьб*, по *сва́деб*), *сверло́* и *седло́* (Р. мн. *свёрл*, по *седла́*), *дря́хлый* и *кислый* (неатрибут. муж. ед. *дра́кл.* по *кисе́*) и т. п.

Различительный признак «наличие звездочки в условной основе» может принимать следующие три значения:

0. «Звездочек нет»: условная основа ни одной из словоформ парадигмы не содержит звездочек (нулевое значение). Кроме того, это значение приписывается, независимо от наличия или отсутствия звездочки в условной основе, следующим группам слов: а) словам адъективного типа склонения, не относящимся к расширенному адъективному разряду; б) *pluralia tantum* мужского морф. рода; в) словам с дефектом № 9, 10 или 13.

Ненулевые значения приписываются только словам, не относящимся к указанным группам. Эти значения таковы:

1. «Одна звездочка»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит звездочку (по ни одна из этих условных основ не содержит двух звездочек).

2. «Две звездочки»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит две звездочки.

Как ясно из самого значения символа *, данный признак непосредственно связан с наличием или отсутствием чередования беглой гласной с нулем в действительной основе. В самом деле, отсутствие звездочки в условной основе всегда означает, что в действительной основе нет чередования беглой гласной с нулем. Однако наличие звездочки в условной основе может еще и не означать, что в действительной основе есть такое чередование. Дело в том, что у парадигмы, условная основа которой содержит звездочку, может оказаться такой набор окончаний, при котором во всех словоформах должна выступать одна и та же (а именно, нулевая) ступень чередования беглой гласной с нулем; в этом случае чередования в действительной основе не будет¹⁷². Таковы, например, парадигмы слов *платье*, *древко*, *са́кля* (Р. мн. *платьев*, *древков*, *са́клей*); ср. парадигмы слов, имеющих в Р. мн. окончание без гласной, например *ущелье*, *ведёрко*, *са́бля* (Р. мн. *ущелий*, *ведёрок*, *са́бель*). По несколько иной причине отсутствует чередование беглой гласной с нулем в парадигмах таких слов, как *существенный*, *единственный* и т. п. Здесь в неатрибут. словоформах муж. ед. (*существен*, *единствен*), где нулевое окончание должно вызвать полную ступень чередования беглой гласной с нулем, в силу непозиционного чередования № 33 (*ж/в; см. § 6.32) отсутствует весь элемент *ж (ср. словоформы *существенен*, *единственен*, встречающиеся наряду с приведенными выше нормативными). Таким образом, наличие или отсутствие звездочки в условной основе не совпадает в точности с наличием или отсутствием чередования беглой гласной с нулем в действительной основе, хотя эти характеристики парадигмы и достаточно близки.

¹⁷² Части таких слов приписано нулевое значение рассматриваемого признака (см. выше). Это сделано для того, чтобы несколько уменьшить избыточную детальность классификации (см. § 6.1), создаваемую данным признаком.

**Правила, позволяющие установить,
какое значение принимает
у произвольного слова признак
«наличие звездочки в условной основе»**

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) сведение о том, относится ли слово к числу *pluralia tantum*; 6) значение признака «дефекты парадигмы». Под основой слова в правилах понимается основа исходной словоформы.

Слова адъективного типа склонения, не относящиеся к расширенному адъективному разряду, *pluralia tantum* мужского морф. рода и слова с дефектом № 9, 10 или 13 имеют н у л с в о с значение данного признака. У прочих слов значения таковы:

Значение «две звездочки» имеют следующие слова: а) *семьсот* (вариант с Т. *восемьсто́тами*); б) *камень* (вариант с мн. *каме́нья*), *уголь* (древесный; простореч.; мн. *уго́лья*); *дно* (мн. *до́нья*).

Значение «одна звездочка» имеют следующие группы слов:

I. Слова, имеющие в условной основе чередование № 12 (см. список этих слов в § 6.32), кроме слов *камень* (вариант с мн. *каме́нья*), *уголь* (древесный) и *дно*, которые имеют значение «две звездочки» (см. выше).

II. Из прочих слов:

Группа первая: слова, у которых окончание
исходной словоформы не содержит гласной

A. Следующие слова с односложной исходной словоформой: а) существительные I субстантивного склонения *лоб*, *лев* (животное), *ров*, *шов*, *лёд*, *лён*, *сон*, *пёс*, *рот*, *мох* (вариант с Р. ед. *мха*), *день*, *пень*; б) существительные II субстантивного склонения *ложь*, *рожь*, *вошь*; в) прилагательные *чей*, *весь*.

Б. Следующие группы слов с неодносложной исходной словоформой:

1. Из слов на й: а) существительные *же́ребе́й* (обл.), *вороб́ей*, *мурав́ей*, *солов́ей*, *у́лей*, *реп́ей*, *чир́ей*, *руч́ей*, а также *трéтий* (посторонний); б) все прилагательные I местоименного склонения на *ий*, например *ли́сий*, а также *ни́ей*.

2. Из слов на к — слова на *ок*, *ёк* и на безударное *ек*, за исключением:

а) слов, у которых перед *ок*, *ёк*, *ек* стоит сочетание «согласная+л, р или н», например: *игрек*, *упрёк*, *вбйлок*, *челнок*, *опрёсок*, *игрёк*, *бтрок*, *шлагрёк*; б) слов на гласную+ок, на к, г или х+ок, на согласную+шток, например *манбок*, *васбок*, *флагшток*; в) слов на *пёк*, *тёк* (кроме *зятёк*), *волок*, а также слов *намёк*, *зари́к*, *ббморок*, *порбок*, *проро́к*, *уро́к*, *зати́к*, *подти́к*, *прити́к*, *водоти́к*, *поти́к*, *проти́к*, *исти́к*, *вости́к*, *водости́к*, *оти́к*¹⁷³; г) слов *едбок*, *седбок*, *ездбок*, *ходбок*, *знати́к*; д) слов *эки́бок*, *медбок* (вино из Мёдока), *оподельди́бок*, *брелбок*, *щелок*, *пынок*, *барбок* (вариант к *барбо́кко*), *бкорок*, *артишбок*; е) слова *сбок*. Примеры: *песбок*, *напёрсток*, *паёк*, *зятёк*, *орёшек*; также *радёхонек*, *слабёнек*.

3. Из слов на ц: а) слова на безударное *ец* (кроме *вы́жлец*), например: *пале́ц*, *кита́ец*, *а́гнец*; б) слова на гласную+ёц и на гласную+согласную+ёц (кроме слова *дрове́ц*; например, *боёц*, *реве́ц*, *оте́ц*), а также слова на *лбе́ц*, *сте́ц* (кроме *чисте́ц*) и слово *волче́ц*¹⁷⁴; в) слово *зья́ц*.

¹⁷³ Если исходить из того, что морфемный состав слов нам известен, то рубрику «в» можно было бы сформулировать так: «все слова на к с глагольными корнями *мёк*, *пёк*, *тёк*, *волок*, *рок*, *морок*, *ток*».

¹⁷⁴ Перечислим слова на две согласные+ёц, имеющие беглую гласную: *голубе́ц* (вариант к *го́лубец*), *столбе́ц*, *исти́ец*, *кресте́ец*, *хвосте́ец*, *волче́ец*. Для слова *черве́ц* АО дает Р. ед. *червеца́*, Уш. — *червеца́* и *червца́*, Орф. — *червца́*.

4. Из слов на *ень*: а) существительные I субстантивного склонения на безударное *ень* (кроме *пламень, прбивень, ясень*), например *грёбень, бползень, шёршень*; б) следующие существительные I субстантивного склонения на *ень*: *ремёнъ, кремёнъ, слепёнъ, переступёнъ, плетёнъ*; в) прилагательное *госпóдень*.

5. Из прочих слов: а) существительные I субстантивного склонения *кобѣл* (обл.), *ковѣл, ўвел, пѣвел, орѣл, бкисел, осѣл, а́мысел, дбмысел, пбмысел, промысел, ўмысел, вымысел, котѣл, дятел, щегл, ўгол, мосл, носл* (лицо), *чехбл, зохбл, заѣм, наѣм, поднаѣм, перенаѣм, псалбм, кочан* (вариант с Р. ед. *кочнѣ*), *молѣбен, бубен, тѣрен* (обл. вариант к *тѣрн*), *рожбн, чабѣр, шабѣр* (обл.), *кобѣр, ковѣр, одѣр, копѣр, шатѣр, вѣтер, костѣр, бабѣр, бубѣр, свѣкор, визѣр, оаѣс, хребѣт, бцет* (устар.), *стѣбелъ, журавѣль* (обл. вариант к *журавель*), *тѣгель, кбмель, кашель, ўгол, огбнь, ўгор, вѣхорь* (поэтич.), *дѣготъ, кбготъ, нбготъ, лбкотъ, ломбтъ, лѣпотъ*¹⁷⁶; *сот* (сотен); б) существительные II субстантивного склонения *люббвъ*¹⁷⁶, *нелюббвъ, цѣрковъ*; в) прилагательное *дблжен*; г) числительное и прилагательное *одѣн*, числительные *вбсемъ* (вариант с Т. *восемь*), *вбсемьдѣсят* (вариант с Т. *восемьдѣсятью*), *пятьсѣт, шестъсѣт, семьсѣт, восемьсѣт* (вариант с Т. *восемьюстѣми*).

Г р у п п а в т о р а я : слова, у которых окончание исходной словоформы содержит гласную

1. Все слова с основой на *ь*, например: *статьѣ, гбстьѣ, копьѣ, уцѣльѣ, лохмбтъѣ*.

2. Из слов с основой на *к* — слова с основой на согласную (или *ь*) + *к*, за исключением слов *ласка* (нежность), *вбйско, войска*. Примеры: *ска́зка, чайка, шпѣлька, окбшко, ведѣржо, опѣлки, тбнкий, гбръкий, ббкий*.

3. Из слов с основой на *ц* — существительные среднего морф. рода с основой на согласную — (или *ь*) + *ц* (кроме *сблнце*), например *блѣдце, кольцо, перѣльца; кроме того, существительные женского морф. рода овца, двѣрца, шпбрца, крепостца, пѣльцы*.

4. Из слов с основой на *н* — слова с основой на согласную (или *ь*) + *н*, за исключением существительных женского морф. рода на *дна, ана, йна, лна, нна, рна* (например, *ехидна, война, волна, ванна*), а также *стбгна* (устар.). Примеры: *ббшня, ббйна, спѣльня, сосна, дбмна, окбн, нбжны, смеинбѣи, ехидный, страннѣи, больнѣи, стрбѣинѣи, торжѣственный*.

5. Из слов с основой на *л*: а) существительные I субстантивного склонения на согласную + *ля* или *ли* (например, *капля, крбеля, грабли*), а также *кѣкла, вѣтлѣ, метлѣ, скреблѣ, стѣблѣ* (обл.), *тягло, седлѣ, злѣ, стѣклѣ, дуплѣ, мѣсло, веслѣ, ремѣслѣ, рукомѣслѣ* (простореч.), *крѣсло, тѣслѣ, числѣ, коромѣсло, прѣсло* (обл.), *кбзлы*¹⁷⁷; б) прилагательные *злой, тѣплѣи, кѣслѣи, свѣтлѣи*.

6. Из прочих слов: а) существительные I субстантивного склонения *свѣдѣба, усѣдѣба, судѣба, рбзга, кабарѣа, кочерѣа, шанѣга, серѣа, каймѣа, корчмѣа, тьрма, тьма* (множество), *сестрѣа, дѣньш, письмѣа, ребрѣа, бедрѣа, вѣдрѣа, ядрѣа*¹⁷⁸; б) прилагательные *дблѣи, хѣтрѣи, бстрѣи* (в перен. знач.), *вбстрѣи, шѣстрѣи*; в) числительные *двѣсти, трѣста, четѣрѣста*.

¹⁷⁶ Заметим, что в этот список входят все существительные I субстантивного склонения на *оть*. Укажем также примыкающие к этому списку имена собственные: *Павел, Егѣпет, Хопѣр, Остер, Гостбмелъ, Овен*.

¹⁷⁷ Имя собственное *Люббвъ* имеет небеглое *о* (Р. *Люббви*).

¹⁷⁸ У ряда существительных на согласную + *ло* в Р. мн. наблюдаются колебания. АГ (§ 230) признает колебания, в частности, у слов *тягло, дуплѣ, ремѣслѣ, рѣсло, дьшило* (например, Р. мн. *русл и рѣсел*). Для слов *перѣвѣсло, свѣсло, сѣсло* словари не дают никаких определенных указаний.

¹⁷⁸ Для слова *карѣа* Уш. дает Р. мн. *карбѣ* (в АО только *карѣ*); для слова *обжѣа* — Р. мн. *обжѣи* и *обжѣ* (в Орф. Р. мн. *обжѣи*; в АО нет). У слов *арбѣ, иглѣ, ѣволга* нередко встречаются устаревшие словоформы Р. мн. *арбѣ, ѣгол, ѣволг*.

Таблица распределения имен, имеющих ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»

		Тип склонения						
		I субстантивный			II субстантивный	адъективный	местоименные (I и II)	притяжательный
		мужской морф. род	средний морф. род	женский морф. род				
Действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	ь, и, или е	ручѣй [8]	ущѣлье [370]	статья [105]	—	—	волчий [160]	—
	к	кусок [830]	окошко [110]	точка [4600]	—	тонкий [170]	—	—
	ц	боѣц [610]	сѣрдце [60]	овца [5]	—	—	—	—
	н	камень [85]	окно [14]	башня [220]	—	верный [11500] *	[один]	[господень]
	л	осѣл [27]	число [16]	капля [33]	—	теплый [4]	—	—
	р	ковѣр [15]	ведро [4]	[сестра]	—	хитрый [4]	—	—
	м	заѣм [5]	[письмо]	тюрьма [4]	[всемь]	—	—	—
	прочие буквы	ров [14]	триста [3]	судьба [15]	лоязь [7]	[долгий]	[весь]	—
Всего (округленно)		1600	580	5000	8	11 700	160	1

* В том числе около 5300 слов, которые не имеют чередования безлой гласной с нулем в действительной основе.

Все остальные слова имеют нулевое значение данного признака («звездочек нет»). Примеры (порядок примеров соответствует тому, в котором выше перечислены группы слов со звездочкой): *зов, тон; музей, радио, синий; человек, бойлок, седок, щёлок; кузнёц, белёц; олень, ячмень, ясень; костёл, глагол, экзамен, живодеёр, кагор, совет, кабель, морквь; собака, улица, убийца; полёно, ванна; оббла, игла, чресла, стёбло, сверло, дряхлый, шишлый; вёрба, просьба, пальма, седьма, ира, недра, клеймо, бельмо, утро, добрый, мудрый.*

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 19 000. Распределение этих имен в зависимости от типа склонения, а также от последней буквы действительной основы исходной словоформы показано на стр. 271 в виде таблицы. У слов I субстантивного склонения учтен также морфологический род. Относительно значения шрифтов и скобок см. § 6.2, пункт 4.

Различительный признак «наличие неустойчивого о в условной основе»

§ 6.45. Под «неустойчивым» о понимается безударное о, стоящее в условной основе непосредственно после *j, ' , шипящей или ц, т. е. подверженное действию формулы перехода 11 (см. § 6.39). Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *беда* и *звезда* (И. мн. *беды, но звёзды*), *вино* и *село* (И. мн. *вина, но села*), *чиж* и *ёж* (Р. ед. *чижа, но ежа*) и т. п.*

Различительный признак «наличие неустойчивого о в условной основе» может принимать следующие три значения:

0. «Неустойчивого о нет»: условная основа ни одной из словоформ парадигмы не содержит цепочки «*j, ' , Ш* или *ц+безударное о*» (нулевое значение).

1. «Одно неустойчивое о»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит цепочку «*j, ' , Ш* или *ц+безударное о*» (но ни одна из этих условных основ не содержит, сверх этого, второй такой цепочки или цепочки «*j, ' , Ш* или *ц+ударное о*»).

2. «Два неустойчивых о»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит две цепочки «*j, ' , Ш* или *ц+о*» (одна из них может содержать ударное о или обе могут содержать безударное о).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «наличие неустойчивого о в условной основе»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) схема ударения.

Значение «два неустойчивых о» имеет только слово *дешёвый*.

Значение «одно неустойчивое о» имеют:

А. Из слов, содержащих *ѣ* в действительной основе исходной словоформы: а) все слова, не относящиеся к схеме ударения *а*, кроме слов *дешёвый* (см. выше) и *чёрт*¹⁷⁹, б) слова схемы *а бесёнок, чертёнок*.

¹⁷⁹ Практически под действие этого подпункта подпадают: а) все существительные на *ѣж* (например, *ѣж, платѣж, чертѣж*), а также существительные: *жёлб, жёрнов, мёд, перёд, черёд, ксёнда, шёлк, чёлн, осётр, сёт, клёт, ёри, жёлудь; щёлочь; лёсо* (обл.); б) все прилагательные на *ѣнный*, имеющие чередование № 29 *и/ѣ (в основном это причастия, например, *решиный, сочинённый*), а также прилагательные: *лёгкий, далёкий, чёткий, вёрткий, жёсткий, хлёсткий, мёртвый, чёртовый, твёрдый, коёлый, тяжёлый, всеёлый, тёпый, зелёный, мудрёный, тёмный, чёрный, пёстрый, жёлтый*.

Б. Из слов, у которых действительная основа исходной словоформы безударна, а последняя гласная этой основы есть е:

1. Слова схем ударения d, d', f и f' , за исключением: а) тех, у которых в действительной основе исходной словоформы за последним e непосредственно следует шипящая, $k, g, x, й$ или сочетание «согласная + v » (кроме слов *деж* и *чек*), которые имеют значение «одно неустойчивое о»¹⁸⁰; б) слов *палец*, *звен*, *пер* (т. е. слов с чередованием № 12 $\emptyset/*j$); в) слов *ед*, *бед*, *сред*₁₋₂, *стрел*, *стен*, *цен*, *цен*, *мет*, *жерл*¹⁸¹.

2. Следующие слова схемы ударения b : а) *пелен*, *письмен*; б) слова, для которых словари не приводят словоформ мн. числа: *бечева*, *стег* (обл.), *лебеда*, *череда*, *дерева*, *дрема*, *белен*.

В. Из прочих слов: а) слова на *мя* (кроме *семя*, *стреля*, *побьмя*), например, *йма* (т. е. слова с чередованием № 20 $\emptyset/он$); б) *бэро*; в) *хочин*¹⁸².

Все остальные слова имеют нулевое значение данного признака («неустойчивого о нет»). Примеры: *приём*, *тётя*, *плёнка*, *ёмкость*; *черт*, *чек*, *вещество*, *божество*; *меж*, *стен*, *клейм*, *жерл*.

Различительный признак «морфологические особенности неизменяемой части условной основы»

§ 6.46. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *сказка*, *ложка*, *шпилька* и *гайка* (Р. мн. *сказок*, *ложек*, *шпильек*, *гаек*); *дбмна* и *свадьба* (Р. мн. *дбмен*, *свадеб*); *оки*, *ядро* и *письмо* (Р. мн. *оков*, *ядер*, *писем*); *песок*, *кулак* и *палец* (Р. ед. *песка*, *кулак*, *палец*); *угол* и *узел* (Р. ед. *угла*, *узла*); *гусёнок* и *мышёнок* (II. мн. *гусята* и *мышата*) и т. п.

Различительный признак «морфологические особенности неизменяемой части условной основы» может принимать пять значений (нулевое и четыре ненулевых).

Ненулевые значения приписываются только словам, имеющим ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»:

Значение «о»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку «согласная (но не $ш, ж, ч, ц, й, j$) + * + согласная (но не k, g, x, j)».

Значение «ш»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку «ш, ж, ч, ц или $ч + * + согласная$ (но не j)» или «ш, ж, ч, ц или $ч + он*$ » (кроме слова *бочёнок*, которому приписывается нулевое значение).

Значение «ь»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку $л'$ или цепочку «* + согласная (но не $n, л, р, ц, с, т$)» (кроме слова *восемьсот*, которому приписывается только значение «о», а это значение не приписывается)¹⁸³.

Значение «й»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку $j*$ ¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Таковы слова: *меж*, *свеч*, *плеч*; *слес*, *река*, *стрел*; *касим*; *резьб*, *стрельба*, *серьж*, *белм*, *сельц*.

¹⁸¹ Из числа слов, для которых словари приводят словоформы мн. числа, под действие этого пункта подпадают: *сред* (простореч.), *звезда*, *деж*, *желуд*, *глав*, *чек*, *пчел*, *ветл*, *метл*, *жен*, *весн*, *десн*, *блесн*, *сестр*, *лес*, *верст*; *снедьб*, *скребл*, *стебл* (обл.), *седл*, *сел*, *чел*, *стекл*, *сверл*, *весл*, *ремесл*, *рукомесл* (простореч.), *тесл*, *брыл*, *веретен*, *зерн*, *ребр*, *бедр*, *ведр*, *колес*, *решет*, *берц*, *озерц*.

¹⁸² Это единственное слово, имеющее неустойчивое o в условной основе и не имеющее чередования e/\emptyset в действительной основе.

¹⁸³ Это слово — единственное, для которого имеют место одновременно два из перечисленных особых случаев.

¹⁸⁴ Ненулевые значения обозначены русскими буквами, так или иначе отражающими особенности соответствующих чередований беглых глас-

Нулевое значение: не имеет места ни один из указанных четырех случаев (в частности, оно приписывается всем словам, имеющим нулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) значение признака «наличие звездочки в условной основе»; 3) значение признака «чередования в условной основе» (практически необходимы лишь сведения о том, имеются ли чередования № 12 и № 14).

А. Слова, имеющие нулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе», имеют также нулевое значение данного признака.

Б. Из слов, содержащих в условной основе чередование № 14 *он*к/ат*, слова на *онк* имеют значение «ш», прочие — нулевое значение. Из слов, содержащих в условной основе чередование № 12 *ѳ/*ј*, слова *ѳно* и *ѳголь* (мн. *ѳгольа*) имеют значение «о», прочие — нулевое значение.

В. Слово *восемьсот* имеет значение «о», слово *кочан* (вариант с Р. ед. *кочанъ*) — значение «ш», слово *зблц* — значение «й».

Г. Прочие слова, имеющие ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»:

1. Слова, у которых окончание исходной словоформы содержит гласную:

действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	значение рассматриваемого признака:
к, г или х + согласную	«О»
ш, ж, ч, щ или ц + согласную	«Ш»
ь + согласную	«Ь»
й + согласную	«Й»

любую иную цепочку — слова *зло*, *злой*, *пблный*, *двѣсти*, *трѣста*, *четырѣста* имеют значение «о», прочие слова — нулевое значение.

2. Слова, у которых окончание исходной словоформы не содержит гласной:

действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	значение рассматриваемого признака:
согласную (по не ш, ж, ч, щ, ц) + о + согласную (но не к, г, х)	«О»
ш, ж, ч, щ или ц + е (или о) + согласную	«Ш»
л + е (или ѣ) + согласную	«Ь»
согласную (по не ш, ж, ч, щ, ц) + е (или ѣ) + к или ж	«Ь»
гласную + е (или ѣ) + согласную	«Й»
любую иную цепочку	нулевое

Примеры: нулевое значение — *скѣака*, *песѳк*, *мѣжкий*, *дбмна*, *ядрѳ*, *ѳвел*, *нѣмец*, *пѣс*, *ѳмный*, *свѣтлый*, *ручѣй*, *ѳлей*, *стѣпья*, *уцѣльѳ*, *стул*, *князь*, *гуѣнок*; значение «о» — *окнѳ*, *зло*, *ѳгол*, *сон*, *пблный*; значение «ш» — *лбжка*, *блѳдѣчко*, *мѣшѳк*, *шѳв*, *конькобѣжец*, *клѣцки*, *тѣжкий*, *мышѳнок*; значение «ь» — *шпѣлка*, *тѳрѳма*, *свѣдѣба*, *письмѳ*, *кулѣк*, *сверѣк*, *пѣлец*, *лѣд*, *дѳвѣльный*, *збрѳкий*; значение «й» — *збѣйка*, *каймѣ*, *паѣк*, *китѣец*, *стрѳбный*, *бѳйкий*.

ных с нулем на действительном уровне (так, *ь* и *й* — это просто нулевые ступени соответствующих чередований, *о* — полная ступень).

Различительный признак «аномальные беглые гласные»

§ 6.47. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *попынья* и *ектенья* (Р. мн. *попыньей*, но *ектеней*), *ковёр* и *хребёт* (Р. ед. *ковра́*, *хребта́*), *рожён* и *кочан* (Р. ед. *рожня́*, *кочна́*), *жму́рки* и *сумерки* (Р. *жму́рок*, но *сумерек*) и т. п.

Аномальные беглые гласные выступают в действительной основе. При формулировке значений данного различительного признака это специально не оговаривается.

Различительный признак «аномальные беглые гласные» может принимать следующие пять значений (при каждом ненулевом значении указаны все слова, которые его имеют):

0. Аномальных беглых гласных нет (нулевое значение).

1. Аномальная беглая гласная *и* (вместо *ѣ* или *е*). Слова: *оди́н*, *яйцо́*, *екте́нья*, *епитимья́*, *манатья́*.

2. Аномальная беглая гласная *а* (вместо *о*). Слово *коча́н* (вариант с Р. ед. *кочна́*).

3. Аномальная беглая гласная *е* (вместо *ѣ*). Слова: *хребё́т*, *ле́в*, *тьма́* (множество), *корча́*, *судьба́* (устар. вариант со схемой ударения *ѣ*).

4. Аномальная беглая гласная *ѣ* (под ударением) или *е* (без ударения) (вместо *о*). Слова: *кочерга́*, *сумерки́*.

Различительный признак «орфографические аномалии»

§ 6.48. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова как *стая* и *сековья* (Р. мн. *стай*, *сековьи́*), *китаец* и *зайца* (Р. ед. *кита́йца*, *за́йца*), *споко́бный* и *досто́бный* (неатрибут. муж. ед. *споко́бен*, но *досто́бин*), *копье́* и *ружьё́* (Р. мн. *ко́пий*, но *ру́жей*) и т. п.

Орфографические аномалии выступают в действительном виде словоформ. При формулировке значений данного различительного признака это специально не оговаривается.

Различительный признак «орфографические аномалии» может принимать следующие девять значений (при каждом ненулевом значении указано, какие слова его имеют; в таком указании могут быть использованы сведения о действительной основе исходной словоформы слова и о типе склонения):

0. Орфографических аномалий нет (нулевое значение).

1. В И. ед. окончание *ь* (вместо *ѳ*). Это значение имеют все слова II субстантивного склонения с основой на шипящую, например, *ночи́*, *мышь*, *за́лежь*.

2. Р. мн. оканчивается на гласную +*й* (а не на гласную +*ий*). Это значение имеют все слова на *ия*, например: *сековья́*, *паранбья́*.

3. В основе вместо безударного *о* выступает *а*. Слово *за́ря*.

4. В основе вместо безударного *я* выступает *е*. Слова: *се́мя*, *стре́мя*.

5. В основе вместо безударного *и* выступает *е*. Слова: *же́реbei* (обл.), *у́лей*, *чи́рей*; *ружьё́*.

6. В основе вместо безударного *е* выступает *и*. Слова: *се́й*, *досто́бный*.

7. В основе вместо безударного *е* выступает *я*. Слово *за́яц*.

8. В окончании II. ед. вместо *о* выступает *ѣ*. Слова: *что́*, *ничто́б*.

Итоги классификации суженных парадигм

§ 6.49. Совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм действительного уровня. Иначе говоря,

любые два слова, имеющие одинаковые значения всех введенных различительных признаков, имеют эквивалентные суженные парадигмы действительного уровня.

Заметим, однако, что построенная классификация обладает некоторой избыточной детальностью; иначе говоря, можно найти такую пару слов, у которых суженные парадигмы действительного уровня эквивалентны, а наборы значений различительных признаков неодинаковы. Таковы, например, слова *вол* и *кузнёц*: их суженные парадигмы действительного уровня эквивалентны, между тем они принадлежат к разным морфонологическим типам (слово *вол* к морфонологическому типу 1, слово *кузнёц* — к морфонологическому типу 5). Содержательные мотивы, ведущие к построению избыточно детальной классификации, в общей форме указаны в § 6.1. В построенной классификации источником избыточной детальности почти во всех случаях являются различительные признаки «морфонологический тип условной основы» и «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы».

РАЗДЕЛ III

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВТОРИЧНЫМ СЛОВОФОРМАМ

§ 6.50. Основные особенности вторичных словоформ (см. § 6.3) состоят в следующем: 1) подавляющее их большинство омонимично некоторым первичным словоформам тех же парадигм; 2) те немногие вторичные словоформы, которые не омонимичны никаким первичным словоформам, могут быть построены по некоторым стандартным правилам на основании сведений о первичных словоформах. Таким образом, естественно считать, что парадигма строится как бы в два этапа: вначале строятся все первичные словоформы, а затем как производные от них возникают вторичные словоформы¹⁸⁵. (Отсюда и сам выбор названий для этих двух групп словоформ.)

В связи с этим различительные признаки, относящиеся к вторичным словоформам, строятся особым образом. В отличие от признаков, относящихся к первичным словоформам, они отражают не сами по себе окончание, основу или ударение тех или иных вторичных словоформ, а только способ построения этих словоформ исходя из первичных словоформ той же парадигмы. Рас-

¹⁸⁵ Заметим, что и по своим грамматическим значениям почти все вторичные словоформы занимают как бы второстепенное положение в системе склонения; в большинстве существующих описаний по крайней мере некоторые из них не признаются самостоятельными словоформами (или даже вообще не упоминаются).

смотрим в качестве примеров формы В. мн. и Π_2 ед., которым всегда соответствуют вторичные словоформы. Словоформа В. мн. всегда омонимична либо словоформе И. мн., либо словоформе Р. мн. Словоформа Π_2 ед. в одной части парадигм омонимична словоформе П. ед., в другой части парадигм строится по некоторому стандартному правилу, исходя из словоформ Д. ед. (упрощенно это правило можно представить так: по буквенному составу словоформа Π_2 ед. совпадает со словоформой Д. ед., но действительное ударение всегда на окончании; подробнее см. § 6.54). Очевидно, что у словоформ В. мн. и Π_2 ед. нет необходимости учитывать по отдельности ударение, окончание, особенности основы. Про словоформу В. мн. достаточно знать только то, какой именно словоформе — И. мн. или Р. мн. — она омонимична во взятой парадигме. Про словоформу Π_2 ед. достаточно знать только то, омонимична ли она словоформе П. ед. Именно такая информация и учитывается вводимыми ниже различительными признаками.

Из сказанного видно, что вторичные словоформы можно успешно описывать с помощью различительных признаков указанного строения. Однако само по себе еще не очевидно, имеет ли такое описание преимущество перед логически более простым описанием, при котором все словоформы признаются равноправными (т. е. нет деления на первичные и вторичные) и последовательно изучаются ударение во всех словоформах парадигмы, окончания всех словоформ парадигмы и т. д. Чтобы убедиться в том, что такие преимущества действительно имеются, рассмотрим, например, вопрос об ударении. Возьмем следующие пары слов: *вещь*—*мышь* (схема ударения *e*; В. мн. *вѣщи, мышѣй*), *звездь*—*конь* (схема *f*; В. мн. *звѣзди, конѣй*); *мысль*—*даль* (схема *a*; Π_2 ед. *мысли, дали*), *сорт*—*борт* (схема *c*; Π_2 ед. *сбрте, борту*), *речь*—*печь* (схема *e*; Π_2 ед. *рѣчи, печи*). Представим себе, что различительный признак «схема ударения» учитывал бы все словоформы парадигмы (а не только первичные). Легко видеть, что члены каждой приведенной пары слов были бы отнесены в этом случае к разным схемам ударения; общее число различных схем значительно увеличилось бы. Это увеличение и само по себе является некоторым минусом для описания, однако гораздо важнее другое: при таком описании собственно акцентуационные противопоставления (например: *вещь*, схема *e* — *залежь*, схема *a*; *сорт*, схема *c* — *стол*, схема *b*) попадают в один список с противопоставлениями совсем иной природы (типа *вещь*—*мышь*, *сорт*—*борт*). В самом деле, очевидно, что различие по ударению, например, между В. мн. *вѣщи* и В. мн. *мышѣй* является не более чем одним из следствий общего правила об омонимии В. мн. с И. мн. или Р. мн. и специально к акцентуации отношения не имеет. Таким образом, неразличение первичных и вторичных словоформ привело бы к затемнению объективного членения рус-

ских имен по акцентуационному признаку. Сходные доводы можно было бы привести и в отношении других вторичных словоформ и других аспектов строения парадигмы.

Различительный признак «нестандартная омонимия чисел»

§ 6.51. В соответствии с § 6.3, вторичной признается всякая словоформа ед. числа, омонимичная соответствующей словоформе мн. числа (кроме словоформ неизменяемых слов). Условимся называть этот вид омонимии *о м о н и м и е й ч и с е л*. В § 6.3 предполагается, что рассматриваются полностью известные парадигмы. Если же взята парадигма, известная не полностью, то мы еще не можем сразу установить, имеется ли в данной парадигме омонимия чисел.

Ответ на этот вопрос состоит в следующем. Омонимия чисел бывает двух типов. Омонимия чисел первого типа (назовем ее *с т а н д а р т н о й*) может быть однозначно предсказана по сведениям о грамматическом разряде парадигмы, а именно: стандартную омонимию чисел имеют все прилагательные. Она состоит в том, что омонимичны соответствующие друг другу словоформы разных чисел в 7-м согласовательном классе (= в парном роде), например: И. ед. парн. *нбыве* = И. мн. парн.; Т. ед. парн. *своими* = Т. мн. парн. и т. д. Омонимия чисел второго типа (назовем ее *н е с т а н д а р т н о й*) не может быть предсказана на основании значений каких-либо введенных ранее различительных признаков. Она представлена в парадигмах существительных 7-го согласовательного класса¹⁸⁶ (т. е. *pluralia tantum*). В доказательство того, что наличие омонимии чисел в таких парадигмах нельзя предсказать по значениям других различительных признаков, можно привести, например, парадигмы слов *пéпельница* и *нбжницы*. Эти слова имеют одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков; между тем одно из них (*нбжницы*) имеет омонимию чисел, а другое (*пéпельница*) — нет (и в силу этого данные парадигмы неэквивалентны).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации такие различия между парадигмами, как *пéпельница* — *нбжницы*, нужен дополнительный различительный признак. Для этой цели вводится различительный признак «нестандартная омонимия чисел». Он может принимать следующие два значения:

0. Омонимии чисел в парадигме нет или имеется только стандартная омонимия чисел.

1. В парадигме имеется нестандартная омонимия чисел (или, что то же, слово относится к числу *pluralia tantum*).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «нестандартная омонимия чисел»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) сведения о том, имеет ли парадигма дефект № 6 (см. § 3.4); 4) тип склонения.

Значение 1 имеют следующие группы существительных:

¹⁸⁶ Следует учитывать, что согласовательный класс существительных (как и всякая другая классифицирующая грамматическая категория) сам по себе не входит в число различительных признаков, участвующих в морфологической классификации именных парадигм.

1) существительные адъективного типа склонения на *ые* и *ис*, адъективно-возвратного типа склонения на *иеся* и любого нулевого типа склонения на *ы* и *и*, за исключением существительных с дефектом № 6;

2) следующие существительные (порядок обратный алфавитный): *кружева, дрова, бега, торока, войска, сусала, удила, белила, чернила, перила, чресла, рамена, письмен, румяна, педра, небеса, словеса, леса* (строительные), *телега, чаруа, дельжата, врата, лета, тенета, сорота, уста, потроха, воротца, жуужальца, перильца; прения, зеленя, объеды, кореня, хлбня, ложотья, струча*¹⁸⁷; кроме того, *дровец, щец*.

Все прочие слова имеют нулевое значение данного признака.

Общее количество слов, имеющих значение 1 данного признака (т. е. *pluralia tantum*) — около 470 (в том числе мужского морф. рода 250, женского 190, среднего 30).

Различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа»

§ 6.52. В соответствии с § 6.3, вторичной признается всякая словоформа В. падежа, омонимичная соответствующей словоформе И. или Р. падежей (кроме словоформы *её*). Однако, как уже отмечено в связи с омонимией чисел, в § 6.3 предполагается, что рассматриваются полностью известные парадигмы. Если же взята парадигма, известная не полностью, то в связи с винительным падежом возникают следующие два вопроса: 1) какие из имеющихся в парадигме словоформ В. падежа являются вторичными в силу того, что они омонимичны соответствующей словоформе И. или Р.; 2) если вторичные словоформы В. падежа в парадигме вообще имеются, то какой именно словоформе (И. или Р.) омонимична каждая из них.

Ответ на первый вопрос определяется следующим общим правилом (использующим сведения об эталонном грамматическом значении словоформ парадигмы и о типе склонения).

Вторичной в силу омонимии с И. или Р. является:

1) в парадигме II субстантивного склонения — всякая словоформа В. падежа;

2) в парадигме иного типа склонения — всякая словоформа В. падежа, кроме словоформ с эталонным грамматическим значением «В. ед. жен. (неодуш. или одуш.)» (которые являются первичными).

Примеры: вторичные словоформы В. падежа — *стол, столы, брата, братьев, звезды, жён, окно, окна, ночь, ночи, мышь, мышей, сани, заосё, свой, своеё, своё, своей, своей, два, души, пять, меня, коб, что; первичные словоформы В. падежа — звездю, женю, мостовую, нбвую, свою, дядину*.

Единственное исключение из приведенного правила — словоформа В. ед. жен. *полторы* (она омонимична словоформе И. падежа и поэтому является вторичной, тогда как по правилу должна быть первичной)¹⁸⁸.

Ответ на второй вопрос определяется следующим общим правилом (использующим те же сведения, что и предыдущее):

1) Всякая вторичная словоформа В. падежа, эталонное грамматическое значение которой содержит грамму «средний род» и «ед. число», омонимична словоформе И. падежа.

2) Всякая вторичная словоформа В. падежа, которая, во-первых, принадлежит парадигме II субстантивного склонения, во-вторых, имеет эталонное грамматическое значение, содержащее грамму «ед. число», также омонимична словоформе И. падежа.

¹⁸⁷ Для слов *жабла, стропила, уголья, отрёня, озлонья* АО даёт словоформы ед. числа; относительно слов *кружева, войска, небеса, потроха* см. § 2.12.

¹⁸⁸ Особый случай составляет словоформа В. падежа *её*: она омонимична словоформе Р. падежа, однако, в силу специального указания в § 6.3, является первичной. Таким образом, она не нарушает данное правило.

3) Всякая пная вторичная словоформа В. падежа омонимична словоформе И. падежа, если ее эталонное грамматическое значение содержит грамматику «неодушевленность», и словоформе Р. падежа, если ее эталонное грамматическое значение содержит грамматику «одушевленность».

Примеры: словоформы В. падежа, омонимичные с И. — *окно, имя, лицо, чудовище, животное, своё, новое; мать, мышь, ночь, путь, пять, двадцать; стол, столы, звёзды, бына, нбчи, сани, свой, свои, два, что*; словоформы В. падежа, омонимичные с Р. — *лиц, чудовищ, животных, матерей, мышей, брата, братьев, своего, своих, двух, меня, когб.*

Из этого правила имеется некоторое число исключений:

1) у некоторых слов морфологического класса 6 (а именно, у существительных согласовательного класса 2, например *волчице, гнедкб, подмастерья*, и у слов *онб, кто, никтб, некого*) словоформа В. ед. (при бесчисловом типе устройства — просто В.) омонимична словоформе Р. падежа (а не И., как требует правило), например: *волчица, гнедка, подмастерья, егб, когб, никого*, *некого*;

2) словоформа В. ед. муж. одуш. *полторá* омонимична словоформе И. падежа (а не Р., как требует правило); ср. *он съел полтора гуся* (но не *полтора гусей*).

Будем называть вторичные словоформы В. падежа, подчиняющиеся обобщенным приведенным правилам, выраженным стандартно, а словоформы, отклоняющиеся хотя бы от одного из них, — выраженными нестандартно.

Для того, чтобы учесть при классификации состав и строение вторичных словоформ В. падежа, достаточно ввести дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным В. падежом. Ввести такой признак в то же время необходимо, поскольку предсказать его значения по значениям других различительных признаков в общем случае нельзя. В самом деле, например, парадигмы слов *чудовище* и *волчице* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков¹⁸⁹; между тем у одного из них (*чудовище*) обе словоформы В. падежа выражены стандартно, а у другого (*волчице*) словоформа В. ед. выражена нестандартно (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Таким образом, вводится различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа», который может принимать следующие значения:

0. Все имеющиеся в парадигме вторичные словоформы В. падежа выражены стандартно (нулевое значение).

1. Словоформа В. ед. (в бесчисловом разряде — просто В.) выражена нестандартно: она омонимична соответствующей словоформе Р. падежа.

2. Словоформы В. ед. муж. одуш. и В. ед. жен. (одуш. и неод.) выражены нестандартно: они омонимичны соответствующим словоформам И. падежа.

При построении правила, позволяющего устанавливать значение рассматриваемого признака у произвольной парадигмы, оказывается неизбежным обращение к дополнительной информации о слове, не входящей в число введенных ранее морфологических характеристик, а именно, к сведениям о согласовательном классе существительных на *ице* и *ко* (ср. обращение к этим сведениям в § 6.30). Ниже приводятся эти правила (кроме указанных выше сведений о согласовательном классе, в них используется исходная словоформа, грамматический разряд и тип склонения):

Значение 2 имеет только слово *полторá*.

Значение 1 имеют: 1) все существительные 2-го согласовательного класса (муж. одуш.) на *ице* и *ко* (кроме относящихся к нулевому типу склонения),

¹⁸⁹ Эти два слова относятся, правда, к разным согласовательным классам; но, как уже отмечено выше в связи с омонимией чисел, согласовательный класс (в отличие от морфологического класса) не входит в число морфологических различительных признаков.

а также *подмастерье*, *полудурье* (обл.), *мазл* (простореч.), *трелл* (муж. род. разг.)¹⁹⁰; 2) слова *оиб*, *кто*, *никто*, *некого*.

Все прочие слова имеют нулевое значение данного различительного признака.

Различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа»

§ 6.53. В большинстве именных парадигм (в частности, в парадигмах всех слов, кроме существительных мужского морфологического рода I субстантивного склонения) всякая словоформа 2-го родительного падежа омонимична соответствующей словоформе родительного падежа. Будем называть этот способ выражения P_2 с т а н д а р т н ы м. Примеры стандартного выражения P_2 : парадигма *стакан* — P_2 ед. *стакана*; *вода* — P_2 ед. *воды*; *вино* — P_2 ед. *вина*; *новый* — P_2 ед. *нового, новой*; *два* — P_2 *двух*; *что* — P_2 *чего*.

В меньшинстве парадигм (а именно, у части существительных мужского морфологического рода I субстантивного склонения) положение таково: 1) P_2 мн. омонимичен Р. мн.; 2) в P_2 ед. имеются две словоформы, одна из которых омонимична Р. ед., а вторая омонимична Д. ед.¹⁹¹ Будем называть этот способ выражения P_2 н е с т а н д а р т н ы м. Примеры нестандартного выражения P_2 : парадигма *чай* — P_2 ед. *чаю* и *чая*; *яд* — P_2 ед. *яду* и *яда*; *коньяк* — P_2 ед. *коньяку* и *коньяка*; *шум* — P_2 ед. *шуму* и *шума* (P_2 мн. *чаёв, ядов, коньяков, шумов*).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации строение словоформ 2-го родительного падежа, достаточно ввести всего один различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным P_2 . Как и в случае с винительным падежом, такой различительный признак в то же время необходим: в самом деле, например, парадигмы слов *стакан* и *яд* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков; между тем одно из них (*стакан*) имеет стандартно выраженный P_2 , а другое (*яд*) — нестандартно выраженный P_2 (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Итак, вводится различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа», который может принимать два значения:

0. 2-й родительный падеж выражен стандартно (нулевое значение).

1. 2-й родительный падеж выражен нестандартно.

Вопрос о том, у каких именно существительных мужского морф. рода I субстантивного склонения 2-й родительный падеж выражен нестандартно, представляет большие трудности. На способ выражения P_2 у этой группы существительных влияют несколько факторов неформального характера. Важнейшим из них является значение слова: словоформы P_2 на *-у, -ю* возможны только у слов, означающих предметы, которые не имеют количественной определенности (и поэтому, в частности, не поддаются счету). Таковы обозначения перасчитанных однородных масс (например, веществ, материалов, видов пищи, напитков, денежных сумм) или абстрактных понятий (например, физических эффектов, состояний, качеств). С другой стороны, способ выражения P_2 зависит от сферы употребления слова: словоформы P_2 на *-у, -ю* свойственны преимущественно разговорной речи и поэтому они закрепляются только у слов, которые достаточно часто встречаются в быту, в обиходной практике. Поэтому, например, словоформы P_2 *керосину, гбнору*

¹⁹⁰ Верна была бы также следующая более общая формулировка этого пункта: все существительные ненулевого склонения, относящиеся одновременно к согласовательному классу 2 и морфологическому классу 6.

¹⁹¹ Во всякой парадигме, имеющей словоформу P_2 ед., имеются также соответствующие словоформы Р. ед. и Д. ед.

обычны, а словоформы *стри́цию*, *альтруи́зму* могут быть употреблены в литературной речи только для достижения определенного стилистического эффекта. Наконец, на способ выражения P_2 влияет и такой собственно морфологический фактор, как схема ударения слова: схема ударения *b* является существенным (хотя все же преодолимым) препятствием для образования P_2 на *-у*, *-ю*.

Из сказанного видно, что в современном языке нет четкой границы, отделяющей слова с нестандартно выраженным P_2 от остальных. По-видимому, все слова мужского морф. рода I субстантивного склонения, которые обозначают предметы, не поддающиеся счету, потенциально допускают нестандартное выражение P_2 (хотя для большинства из них такие словоформы оказываются стилистически окрашенными, ср. выше). Очевидно, что в данном случае любые формальные правила будут отражать реальную ситуацию несколько огрубленно. Приводимые ниже правила представляют собой просто списки слов с нестандартно выраженным P_2 (таким образом, с формальной точки зрения, они не требуют никаких сведений и о слове, кроме исходной словоформы). Слова разбиты на семантические группы; порядок слов во всех списках обратный алфавитный. Замысел приводимых правил состоит в том, чтобы приписывать значение 1 рассматриваемого признака только тем словам, у которых словоформы P_2 на *-у*, *-ю* могут считаться стилистически нейтральными. Разумеется, конкретное исполнение этого замысла неизбежно содержит элемент субъективности. Отметим, что приводимые списки включают, в частности, все слова, для которых P_2 на *-у*, *-ю* указан в АО или в АГ (кроме слов, рассматриваемых в замечаниях в конце настоящего параграфа).

Значение 1 (« P_2 выражен нестандартно») имеют следующие существительные мужского морф. рода I субстантивного склонения:

1. Слова с вещественным значением (обозначения веществ, материалов, видов пищи, напитков и т. и.):

а) *плов*, *снег*, *мозг*, *пудинг*, *рислинг*, *эроз*, *таброс*, *жемчуг*, *мармелад*, *шоколад*, *маринад*, *рафинад*, *лимонад*, *град*, *виноград*, *чад*, *лед*, *мед*, *стрептоцид*, *йод*, *солод*, *кислород*, *яд*, *газ*, *навоз*, *топай*, *чай*, *ельи*, *клеи*, *сельдерей*, *шафрей*, *гравий*, *блии*, *цикорий*, *морфий*, *эной*, *перезной*, *настой*, *табак*, *наждак*, *лак*, *шлак*, *мак*, *брак* (бракованная продукция), *припек*, *крыжовник*, *шиповник*, *валёжник*, *ситник*, *шпик* (сало), *сүрик*, *тик* (ткань), *шёлк*, *цинк*, *щёлок*, *вбйлок*, *чеснок*, *сок*, *несок*, *кипяток*, *порошок*, *воск*, *лук*, *балык*, *тадык*, *урюк*, *известняк*, *коныак*, *мышьяк*, *материал*, *кразмал*, *мел*, *пепел*, *кизил*, *сала*, *рассол*, *бальзам*, *мадаполам*, *хлам*, *джем*, *чернозём*, *крем*, *грим*, *богжём*, *ром*, *бром*, *корм*, *хлороформ*, *дым*, *изюм*, *мёдан*, *нарзан*, *туман*, *целлофан*, *лён*, *хрен*, *новокаин*, *кокаин*, *габардин*, *кодеин*, *кофеин*, *кармазин*, *бензин*, *мараскин*, *молескин*, *формалин*, *гуталин*, *нафталин*, *сазелин*, *анилин*, *ванилин*, *пластилин*, *пенициллин*, *газолин*, *ланолин*, *поплин*, *муслин*, *инсулин*, *жасмин*, *тмин*, *хинин*, *сантонин*, *стрихнин*, *уротропин*, *маргарин*, *стеарин*, *ультрамарин*, *сахарин*, *ландрин*, *глицерин*, *аспирин*, *дектрин*, *люстрин*, *фуксин*, *керосин*, *ватин*, *желатин*, *дерматин*, *сатин*, *бenedиктин*, *терпентин*, *брильянтин*, *абрыкотин*, *парафин*, *файденцил*, *креденцил*¹⁹², *рейневейн*, *глицтвейн*, *портвейн*, *самогон*, *пирамидон*, *нейлон*, *одеколон*, *кардамон*, *гудрон*, *капрон*, *бетон*, *ацетон*, *крошбн*, *бульбон*, *дёрн*, *сафьян*, *драп*, *сирон*, *укрон*, *сун*, *вар*, *навар*, *товар*, *отвар*, *нагар*, *нрезгар*, *узгар*, *скинидбар*, *нар*, *гатар*, *сидр*, *клеввер*, *ливер*, *ликёр*, *бисер*, *портер*, *клейстер*, *шйфер*, *жир*, *инжир*, *кашемир*, *зефир* (ткань и кушанье), *кефир*, *эфир*, *растевр*, *кагор*, *коленкор*, *мрамор*, *сор*, *мусор*, *рокфор*, *фосфор*, *алебастр*, *сыр*, *квас*, *атлас*, *лес* (материал), *херес*, *тёс*, *анис*, *ляпис*, *рис*, *сёлос*, *купорос*, *репс*, *гилс*, *ворс*, *морс*, *уксус*, *сбус*, *кумэйт*, *ипагайт*, *мускат*, *салат*, *шпинат*, *бархат*, *панабархат*, *вельвет*, *глазёт*, *маркизёт*, *налёт*, *омлёт*, *помёт*, *винегрёт*, *паш-*

¹⁹² Слова с вещественным значением, оканчивающиеся на *ин*, образуют особую группу: по-видимому, можно было бы признать P_2 на *-у* допустимым для любого такого слова. Мы не делаем этого здесь из-за формальных трудностей (необходимость обращаться к значению слова).

*тёт, динамит, лафит, брезент, цемент, абсент, грунт, тавот, креовот, шевит, коверкот, камлот, пот, компот, спирт, абсент, хвост, мазут, торф, мех, моз, горб, порох, вбодух, пух, смалец, марганец, перец, ситец, пуши, фарш, миндаль, миткаль, хмель, штапель, кисель, кафель, картфель, щёбень, ревьень, ячмень, янтарь, имбирь, нашатырь, дёготь*¹⁹³;

б) уменьшительные: *чаёк, кофеёк, хмельёк, уголёк, огонёк, ситничек, песочек, горбошек, сунчик, перчик, ситчик, медок, ледок, снежок, творожок, мелок, дымок, хренок, сахарок, жирок, сырбок, квасок, деготок, табачок, сочок, чесночок, лучок, балычок, сунец*¹⁹⁴.

2. Слова со значением нерасчлененной множественности: *нарба, сброд*.

3. Слова, обозначающие физические эффекты и характеристики:

а) *визг, крик, треск, писк, гром, шум, звон, трезвон, гбмон, скрип, скрежет, гвалт, гробот, хбхот, свист, смех*;

б) *ток (электрический), ветер*;

в) *хлод, морба (также морбаец), зной, жар*;

г) *смак, блеск, вес, вкус, свет, цвет, рост, запах*;

д) *ход, похби, простор*.

4. Слова, обозначающие абстрактные понятия, связанные с человеческой деятельностью:

а) *долг, доход, расхба, убыток, капитал, штраф*;

б) *шик, лоск, пыл, юмор, гбнор, пафос, форс, аплетит, талбит, азарт, бныт*;

в) *бред, треп, вздор, брех*;

г) *толк, порядок, прок, срок, риск, скандал, срам*.

Все остальные слова имеют нулевое значение рассматриваемого признака (« P_2 выражен стандартно»).

З а м е ч а н и я

Значительное число словоформ P_2 на *-у, -ю* выступает в устойчивых фразеологических сочетаниях (часто наречного характера). Здесь возможны три случая:

1. Соответствующее существительное вообще не встречается вне данного устойчивого сочетания (или сочетаний). Так, например, существительное *умолак* встречается только в форме P_2 в выражении *без умолака*. В соответствии с § 4.1, такие существительные (а именно: *отебл, панталык, прибр, прбсын, слад, спас, терпёж, узомбн, удерж, умолак, упад*) вообще не рассматриваются в настоящей классификации.

2. Соответствующее существительное допускает словоформу P_2 на *-у (-ю)* только в устойчивом сочетании (или сочетаниях); в свободных сочетаниях встречается словоформа P_2 только на *-а (-я)*. Так, например, словоформы P_2 *ответу* и *привету* выступают только в выражении *ни ответу ни привету*. В соответствии с § 4.2, такие сочетания не учитываются при установлении состава парадигмы участвующих в них существитель-

¹⁹³ Перечислим все слова схемы ударения *b*, входящие в этот список: *творба, лёд, табак, наждак, чеснок, песок, кипятк, порошок, балык, известняк, коньяк, мышьк, лён, мох, миндаль, миткаль, кисель, ревьень, ячмень, янтарь, имбирь, нашатырь*.

¹⁹⁴ Как видно, перечисленные слова (кроме *кофеёк, уголёк, огонёк*) образованы от слов предыдущего списка. (Отметим, что для уменьшительных, в отличие от слов основного списка, схема ударения *b* не препятствует образованию P_2 на *-у*.) В настоящем подпункте перечислены только те уменьшительные, которые входят в исходный материал. В действительности нестандартно выраженный P_2 имеют и все прочие уменьшительные, образованные от слов предыдущего списка, например: *виноградик, токийчик, наждачок, порошок, крахмалчик, рассольчик, боржомчик, бензинчик, самогончик, бульбончик, сирбчик, укрбчик, сидрик, клеверк, кефирчик, мбрсик, шпавитик, салатик, компотик, спиртик, кисельк, имбирчик*.

ных и, следовательно, эти существительные получают нулевое значение рассматриваемого признака.

3. Соответствующее существительное допускает словоформу P_2 на *-у (-ю)* не только в устойчивых, но также и в свободных сочетаниях. Так, например, словоформа P_2 *смѣху* встречается как в устойчивом сочетании *не до смеху*, так и в свободных сочетаниях типа *много смеху*, *не слышно смеху*. Такие существительные, естественно, получают значение 1 рассматриваемого признака (т. е. они уже содержатся в приведенных выше списках).

С другой стороны, устойчивые сочетания со словоформами P_2 на *-у, -ю* можно разделить на две группы в зависимости от того, каково в них общее значение 2-го родительного падежа. (При этом одна и та же словоформа P_2 может участвовать в сочетаниях обеих групп.)

Первую группу составляют сочетания, где общее значение 2-го родительного падежа обычное (т. е. партитивное). Это преимущественно сочетания существительных со словами *нет, ни, с* предлогом *без* (реже *до, с*) или непосредственно с глаголом. Большинство существительных — отглагольные. Вот важнейшие из таких сочетаний: а) *нет доступу, нет заносу, дать маху, нет отбою, ни ответу ни привету, ни отдыху ни сроку, нет переводу, нет и помину, нет приступу, ни проходу ни проезду, не давать проходу, и разговору быть не может, нет расчёту, сладу нет, нет сплосу, спасу нет, спору нет, не давать спуска, нет счёту, терпещу нет, не было уговору, угомону нет, удержи нет, удержи не знает, без весу, без зову, без призору, без промаху, без прыску, без разбору, без разговору, без спросу, без счёту, без умоклу; до зарезу, до отвалу, до отказу, до упаду; с бою, с голоду, с испугу, с лёту, с маху, со всего маху, с одного маху, с разбегу, с разгону, с разлѣту, с размаху, со сну, с ходу; б) искать броду; не зная броду, не суйся в воду; не подать виду, для виду; без году неделя; не хватило духу, чтобы духу твоего не было, ни слуху ни духу; с жару, с пылу; с жиру беситься; не до жиру, быть бы живу; конца-краю нет; дать крюку; дать лишку; комар носу не подточит; поддать пару; задать перцу; нашего полку прибыло; ни разу; без роду, без племени; ни складу ни ладу; еду-еду — следу нету; не до смеху; нет ходу, прибавить ходу, дать ходу; не прошло и часу, около часу; ни шагу, прибавить шагу.*

Вторую группу составляют сочетания, где словоформы 2-го родительного падежа выступают в аблятивном значении (т. е. в значении удаления или отделения от чего-либо). Это сочетания с предлогами *с, от, из* (реже *до*). Вот важнейшие из таких сочетаний: *с боку на бок, с правого боку; с самого верху; с виду, скрыться (унустить) из виду; что с возу упало, то пропало; с глазу на глаз; с году на год, год от году, из году в год; с голосу; из дому, до дому; с кону; с краю; из лесу; с миру по нитке; с самого низу, до самого низу; из носу; с полу, до полу; раз от разу, с первого разу; изю рту; жить со свету; сбить со следу; сбить с толку; с тылу; с часу на час, час от часу.*

Заметим, что в большинстве приведенных устойчивых сочетаний словоформы P_2 на *-у, -ю* в современном языке интенсивно вытесняются словоформами на *-а, -я*.

Различительный признак «нестандартное выражение 2-го предложного падежа»

§ 6.54. В подавляющем большинстве именных парадигм (в частности, в парадигмах всех несуществительных) всякая словоформа 2-го предложного падежа омонимична соответствующей словоформе предложного падежа. Будем называть этот способ выражения P_2 стандартным. Примеры стандартного выражения P_2 : парадигма *личик* — P_2 ед. (*в, на*) *личике*; *герб* —

Π_2 ед. (*в, на*) *гербё; тетрадь* — Π_2 ед. (*в, на*) *тетради; водё* — Π_2 ед. (*в, на*) *водё; окнё* — Π_2 ед. (*в, на*) *окнё; ибвый* — Π_2 ед. (*в, на*) *ибвом, ибвоё; двё* — Π_2 ед. (*в, на*) *двух; что* — Π_2 ед. (*в, на*) *чём.*

В меньшинстве именных парадигм (а именно, у небольшой части существительных) положение таково: 1) Π_2 мн. омонимичен Π_1 мн.; 2) Π_2 ед. может быть получен из Π_1 ед. по следующему правилу:

а) взять словоформу Π_1 ед. той же парадигмы¹⁹⁵ (в действительном виде с разделением на основу и окончание);

б) если слово среднего морф. рода, заменить окончание этой словоформы окончанием *-и*;

в) если во взятой словоформе действительное ударение на основе, перенести его на окончание¹⁹⁶;

г) если во взятой парадигме действительное ударение до его переноса падало на *ё*, заменить это *ё* на *е*.

Будем называть этот способ выражения Π_2 нестандартным. Примеры нестандартного выражения Π_2 : парадигма *нос* (Π_1 ед. *носу*) — Π_2 ед. (*в, на*) *носу́; горб* (Π_1 ед. *горбу́*) — Π_2 ед. (*на*) *горбу́; край* (Π_1 ед. *краю́*) — Π_2 ед. (*в, на*) *краю́; мёд* (Π_1 ед. *мёду*) — Π_2 ед. (*в, на*) *меду́; кровь* (Π_1 ед. *крови́*) — Π_2 ед. (*в, на*) *крови́; забытьё* (Π_1 ед. *забытьё*) — Π_2 ед. (*в*) *забыти́и* (Π_2 мн. *носах, горбах, краях, мёдах, кровях, забытых*).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации строгие словоформ 2-го предложного падежа, достаточно ввести всего один различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным Π_2 . Как и в предшествующих случаях, такой признак в то же время необходим: например, парадигмы слов *герб* и *горб* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков; между тем одно из них (*герб*) имеет стандартно выраженный Π_2 , а другое (*горб*) — нестандартно выраженный Π_2 (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Итак, вводится различительный признак «нестандартное выражение Π_2 », который может принимать два значения:

0. 2-й предложный падеж выражен стандартно (нулевое значение).

1. 2-й предложный падеж выражен нестандартно.

Значение, которое принимает различительный признак «нестандартное выражение Π_2 » у взятой парадигмы, может быть установлено по приводимым ниже правилам. Правила состоят из списков и, таким образом, в принципе не требуют никаких других сведений, кроме исходной словоформы. Для наглядности, однако, эти списки составлены с учетом тех характеристик парадигмы, от которых частично зависит значение данного признака (морф. род, тип склонения, схема ударения и др.), и даны в форме таблицы.

Π_2 выражен нестандартно (по крайней мере, в одном из вариантов парадигмы) у существительных, указанных в таблице на стр. 286—287.

У всех остальных слов Π_2 выражен стандартно (нулевое значение рассматриваемого признака).

З а м е ч а н и я

АГ указывает нестандартное выражение Π_2 также для слов *коас, клеть, медь* (в АО указаний о Π_2 нет), ССРЛЯ — для слова *гай* (в АО нет). В качестве разговорных АО приводит сочетания *в гриппу, в зубу*, в качестве устаревшего — *на острову́*. В профессиональной речи нестандартно выраженный Π_2 допускают и некоторые другие существительные (ср., например, *на прессу́, на нефти́*).

¹⁹⁵ Во всякой парадигме, имеющей словоформу Π_2 ед., имеется также словоформа Π_1 ед. (причем у существительных словоформа Π_1 ед. всегда одна).

¹⁹⁶ Это окончание всегда односложно (*-у, -ю* или *-и*); таким образом, данная операция всегда возможна и однозначна.

Схема уда- рения	П ₂ выражен нестандартно (значение 1 рассматриваемого признака)	П ₂ выражен в одном варианте парадигмы нестандартно, а в другом стандартно (значение 1/0)
Существительные мужского морф. рода I субст. склонения а) с односложной основой исходной словоформы		
с	мозг, долг, луг, круг (в нематем. знач.), лад, сад, след, год (/je), род (к/тан), баз, глот, паз, низ, воз, бой, строй (воинский), бок, ток (птичий), бал, вал, пол (настил), тыл, кон, пар, бор, лес, нос, пот, борт, форт, мост (!:b), шкаф, верх	слез, зоб, гроб, дуб, шаг, снег, лог, стог, мёд, ход (/je), ряд, таз, пай, край, чай, слой, рой, шёлк, корм, дым, чан, суп, жир, пир, хор (/ja), смотр (воинский), сыр, час, грунт, спирт, мех, цех
е	ток (гумно), порт	—
а	торг (торговля), ад, чад, бред, под, рай, мел, мол, пыл, плен, жар, мир (общество, люди), яр, цвет (цветение), рант, быт, вольт (поворот), пах, пух, плац, хмель (опьянение) *	газ (горящий), клей, гной, сок, стан, мыс, свет (свечение), тиф, шлях, хмель (растение)
b	1) с беглой гласной: лоб, ров, лёд, рот; 2) прочие: горб, пруд, полк, сук (!/d), скит, плот, пост, (военный), пост (религиозный), штифт	1) с беглой гласной: мох; 2) крок (/d)
d	кол (налка)	—
б) с неодносложной основой исходной словоформы		
с	бéрег	перёд, хбод, отпуск, тёрех
а	пóвод (в упряжи), аэрoпóрт	вéтер (/e)
b	бережбк, бочбк, угол (в нематем. знач.)	уголбк, мысбк

* Сюда же примыкают топонимы Дон, Клин, Крым.

Продолжение

Схема ударения	П ₂ выражен нестандартно (значение 1 рассматриваемого признака)	П ₂ выражен в одном варианте парадигмы нестандартно, а в другом стандартно (значение 1/0)
Существительные женского морф. рода II субст. склонения		
<i>e</i>	<i>бровь, кровь, грудь, щель, тень</i> (также <i>полутень</i>), <i>стень, цень, ось, рысь</i> (бег), <i>часть</i> (поллицейский участок, устар.), <i>горсть, печь, ночь, нець</i> (устар.)	<i>дверь, сеть, кость</i>
<i>a</i>	<i>глубь, грязь, даль, мель, пыль, тишь, сень</i>	<i>связь</i>
Существительные среднего морф. рода I субст. склонения		
<i>б'</i>	<i>забытьё</i> (также <i>полузабытьё</i>)	—

Как видно из таблицы, П₂ на *-й, -ю, -и* характерен преимущественно для слов схемы ударения *c*, П₂ на *-и* — преимущественно для слов схемы *e*. Большинство слов схемы *a*, имеющих нестандартно выраженный П₂, — *singularia tantum* (ср., например, *чад, бред, пыл, пыль, тишь*), т. е. слова, которые, вообще говоря, можно было бы отнести не к схеме *a*, а к схеме *c* или *e*. Показательно, что в разговорной речи слова *мог, мыс, рапи, шлях* (относимые нормативными источниками к схеме *a*), а также слова *жар, клей, тиф* (лишь изредка употребляемые во мн. числе) при образовании мн. числа действительно тяготеют к схеме *c* (см. также § 6.17, группа первая, I Зв, замечание). Заметим, кроме того, что к числу слов схемы *c* теоретически можно было бы отнести также слова с беглой гласной *лёд, лоб, мох, ров, рот* (поскольку в принципе мы можно приписать любую схему ударения). Все это позволяет считать, что внутренняя связь между схемой ударения *c* (в женском морф. роде — схемой *e*) и нестандартным выражением П₂ даже глубже, чем это непосредственно вытекает из приведенной таблицы.

Некоторое число словоформ П₂ на *-й, -ю, -и* выступает в устойчивых фразеологических сочетаниях (обычно наречного характера). С точки зрения того, как рассматривается парадигма соответствующего существительного в настоящей классификации, здесь возможны те же случаи, что и для P₂ (см. § 6.53, замечание). Перечислим наиболее важные из таких сочетаний: *на бегу, на своем веку, держат на весу, в виду неприятеля, иметь в виду, быть на виду, брать на короту не вынет, на дню* (простореч.), *на дому, на духу, на корню, быть в ладу с кем-л., на лету, на плаву, у него это в роду, на роду написано, на всем скаку, на его счету, на хорошем счету, быть в ходу, на юру; дело на мази, ангел со плоти, быть в чести.*

Различительный признак «нестандартная счетная словоформа»

§ 6.55. В подавляющем большинстве парадигм существительных и во всех парадигмах прилагательных счетная словоформа (всякая счетная словоформа, если их несколько) омонимична одной из остальных словоформ (той же парадигмы). Следующее правило позволяет установить, какой именно словоформе парадигмы омонимична счетная словоформа (правило использует сведения о грамматическом разряде, типе склонения и морфологическом роде).

У существительных счетная словоформа омонимична:

если тип склонения субстантивный (I или II) — словоформе Р. ед.;

если тип склонения иной — словоформе Р. мн.; при этом 1) у существительных женского морфологического рода адъективного или местоименного склонения, кроме того, имеется второй вариант счетной словоформы, омонимичный словоформе И. мп.; 2) у существительных мужского и среднего морфологических родов притяжательного склонения имеется, кроме того, второй вариант счетной словоформы, омонимичный словоформе Р. ед.

У прилагательных счетная словоформа (любого рода) омонимична словоформе Р. мн. (словоформа Р. мн. одинакова здесь для всех родов); в женском роде, кроме того, имеется второй вариант счетной словоформы, омонимичный словоформе И. мп.

Будем называть счетную словоформу, выраженную этим способом, **с т а н д а р т н о й**. Примеры: парадигма *стол*—(два) *столá*; *город*—(два) *города*; *женá*—(две) *жены́*; *числó*—(два) *числá*; *часовóй*—(два) *часовóйх*; *столбá*—(две) *столбóв* и *столбóв*; *Ильи́н*—(два) *Ильи́н* и *Ильи́ньх*¹⁹⁷; *Ива́ново* (город)—(два) *Ива́нова* и *Ива́новых*¹⁹⁸; *нóв*ый—(два) *нóв*ых, (две) *нóв*ых и *нóв*ых; *сво́й*—(два) *сво́йх*, (две) *сво́йх* и *сво́й*.

Лично у пяти существительных: *ряд*, *след*, *час*, *шаг*, *шар* (в нематематическом значении) — счетная словоформа не омонимична ни одной из остальных словоформ парадигмы, а получается из словоформы Р. ед. переносом ударения с основы на окончание. Вот эти счетные словоформы: *рядá*, *следá*, *часá*, *шагá*, *шарá* (ср. Р. ед. *ряда*, *следа*, *часа*, *шага*, *шара*). Мы будем называть их **н е с т а н д а р т н ы м и**.

У слов бесчисловых разрядов счетной словоформы нет.

Таким образом, чтобы учесть при классификации строение счетных словоформ, достаточно ввести один дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартной счетной словоформой. Такой признак в то же время необходим, поскольку, например, неэквивалентные друг другу парадигмы слов *сад* и *ряд* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков и различаются только тем, что слово *сад* имеет стандартную счетную словоформу, а слово *ряд* — нестандартную.

Итак, вводится различительный признак «нестандартная счетная словоформа», который может принимать два значения:

0. У существительных и прилагательных: счетная словоформа стандартна. У слов бесчисловых разрядов: счетной словоформы в парадигме нет. Это нулевое значение имеет подавляющее большинство слов.

1. Счетная словоформа нестандартна. Это значение имеют только перечисленные выше пять слов.

¹⁹⁷ Оба варианта малоупотребительны; вместо этого обычно употребляются словосочетания типа *две Илья́ньх*.

¹⁹⁸ Оба варианта малоупотребительны (прежде всего в связи с тем, что на практике такие словосочетания редко бывают нужны). В газетах нередко можно встретить словосочетания типа *два Ива́нова*, *три Ива́нов* (где осуществляется общая разговорная тенденция к переводу таких слов в число неизменяемых).

Различительный признак «нестандартные припредложные словоформы»

§ 6.56. В подавляющем большинстве парадигм всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей) омонимична соответствующей самостоятельной словоформе. Будем называть такие припредложные словоформы *с т а н д а р т н ы м и*. Например, парадигма *я* — Р. припредложный *меня*, Д. припредложный *мене* и т. д. В парадигмах со стандартными припредложными словоформами всех падежей, кроме двух предложных, припредложные словоформы предложных падежей (не имеющие соответствующих самостоятельных словоформ) являются первичными (и следовательно, учитываются при классификации различительными признаками, относящимися к первичным словоформам).

В небольшой группе парадигм припредложные словоформы *н е с т а н д а р т н ы*, а именно, они образуются так:

1) у слов *он, она, оно, они* всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей) получается из соответствующей самостоятельной словоформы добавлением к ней спереди буквы *н*;

2) у слов *никто, ничто, некого, нечего, никакой, никто́рый, ниче́й* всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей, а также словоформ винительного падежа слова *нечего*) получается из соответствующей самостоятельной словоформы вставкой знака *##* (символ разрыва словоформы при соединении с предлогом) между ее второй и третьей буквами.

Примеры: парадигма *он* — Р. припредложный *нео́н* (ср. Р. самостоятельный *его́*), Д. припредложный *нему́* (ср. Д. самостоятельный *ему́*) и т. д.; парадигма *никто* — Р. припредложный *ни##когó* (ср. Р. самостоятельный *никогó*), Д. припредложный *ни##ко́му* (ср. Д. самостоятельный *нико́му*) и т. д.

В особом положении оказываются словоформы предложных падежей перечисленных слов (например, *нём, ней, них, ни##ко́м, ни##че́м, не##ко́м, ни##како́м*), а также припредложная словоформа В. падежа у слова *нечего* (а именно, *не##что*). В соответствии с § 6.3, они признаются вторичными и, следовательно, не учитываются различительными признаками, относящимися к первичным словоформам. Внешнее строение этих словоформ таково, как если бы они были образованы теми же способами, что и остальные припредложные словоформы этих парадигм, от несуществующих самостоятельных словоформ предложных падежей *|ём, *|ей, *|их, *ник|о́м, *нич|ём, *нек|о́м, *никак|о́м (а также от несуществующей самостоятельной словоформы В. падежа *нечт|о¹⁹⁹). Оказывается, что приведенные искусственные словоформы образованы в полном соответствии со всеми уже зафиксированными характеристиками данных парадигм (морф. число, морф. класс, тип склонения, схема ударения и т. д.). Иначе говоря, положение таково, что если бы эти искусственные словоформы выступали в роли первичных словоформ предложных падежей соответствующих слов, то ни одна из имеющихся морфологических характеристик этих слов не изменилась бы.

Сказанное означает, что подобно тому, как, например, словоформа П.ед. *посу́* строится по словоформе Д. ед. *посу́* или словоформа Д. припредложного *нему́* строится по словоформе Д. самостоятельного *ему́*, словоформы *нём, ней, ни##ко́м* и т. д. также могут быть построены на основании уже имеющейся информации о парадигме. Однако здесь процесс построения сложнее; он состоит из двух этапов:

¹⁹⁹ Не смешивать с В. падежом *нечто* 'некоторый предмет' (например: *я увидел нечто удивительное*). Имеется в виду отсутствие самостоятельной словоформы В. падежа, соответствующей припредложной словоформе *не##что*, которая выступает, например, во фразе *мене́ не́ на что́ сесть*.

1) По тем же общим правилам, по которым на основании значений всех различительных признаков, относящихся к первичным словоформам, строится любая первичная словоформа парадигмы (эти правила даются ниже, в главе 7), строятся искусственные первичные словоформы предложных падежей: **эм*, **ей*, **никбм* и т. д.; эти искусственные первичные словоформы считаются самостоятельными словоформами предложных падежей (так же строится искусственная первичная словоформа В. самостоятельного **нэчто*).

2) По общим правилам образования припредложных словоформ от соответствующих самостоятельных, принятым для других падежей рассматриваемых слов, от искусственных самостоятельных словоформ предложных падежей образуются припредложные словоформы; например, от искусственных словоформ **эм*, **ей*, **никбм* образуются словоформы *нэм*, *ней*, *ни* # # *кбм*; точно так же от **нэчто* образуется *нэ* # # *что*. (В дальнейшем искусственные словоформы отбрасываются как промежуточный продукт, не имеющий самостоятельной ценности.)

Таким образом, чтобы учесть при классификации строение припредложных словоформ, достаточно ввести один дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартными припредложными словоформами. Такой признак в то же время необходим, поскольку, например, неэквивалентные друг другу парадигмы слов *некоторый* и *никотбрый* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков и различаются только тем, что слово *некоторый* имеет стандартные припредложные словоформы, а слово *никотбрый* — нестандартные.

Итак, вводится различительный признак «нестандартные припредложные словоформы», который может принимать два значения:

0. Припредложные словоформы стандартны (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Припредложные словоформы нестандартны. Это значение имеют только перечисленные выше 11 слов.

ИТОГИ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ. ПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

§ 6.57. Совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации русских именных парадигм: у любых двух слов, имеющих одинаковую полную характеристику, парадигмы эквивалентны. Построенная классификация обладает некоторой избыточной детальностью, однако эта избыточность сравнительно невелика (точные данные об этом см. в «Приложении»).

Все различительные признаки, участвующие в построенной классификации, можно разделить на главные и второстепенные. Главная в н и й признак показывает, какая из двух или нескольких одинаково регулярных возможностей осуществлена в данной парадигме. Второстепенный признак показывает, не нарушено ли в данной парадигме какое-либо стандартное правило или соотношение. Для второстепенного признака характерно, что подавляющее большинство парадигм получает по этому признаку нулевое значение: «нарушение отсутствует». (У большинства главных признаков нулевого значения вообще нет, поскольку все значения здесь «равноправны».)

Ниже приведен полный перечень всех участвующих в классификации различительных признаков (в виде таблицы). Полная

характеристика парадигмы (см. § 6.1) складывается, таким образом, в настоящей классификации из значений всех тех и только тех различительных признаков, которые перечислены в этой таблице. Признаки разделены на главные и второстепенные и, кроме того, разбиты на группы в зависимости от того, к какому аспекту парадигмы они относятся. Для каждого признака указаны параграфы, в которых он рассматривается.

Различительные признаки русских именных парадигм

Группа признаков	Главные признаки	Второстепенные признаки
Внутреннее устройство парадигмы	Грамматический разряд (§ 3.2—3.3)	Дефекты парадигмы (§ 3.4)
Вспомогательные признаки	Морфологическое число (§ 6.7—6.8) Морфологический класс (§ 6.9—6.10)	—
Ударение в суженной парадигме	Схема ударения (§ 6.16—6.17)	Акцентуационные отклонения в исходных словоформах (§ 6.41) Акцентуационные особенности исходной словоформы (§ 6.42)
Окончания и основы в суженной парадигме	Тип склонения (§ 6.27—6.29) Морфонологический тип условной основы (§ 6.43)	Нестандартные условные окончания (§ 6.30—6.31) Чередования в условной основе (§ 6.32—6.34) Наличие звездочки в условной основе (§ 6.44) Наличие неустойчивого <i>o</i> в условной основе (§ 6.45) Морфонологические особенности неизменяемой части условной основы (§ 6.46) Аномальные беглые гласные (§ 6.47) Орфографические аномалии (§ 6.48)
Особенности вторичных словоформ	—	Нестандартная омонимия чисел (§ 6.51) Нестандартное выражение B . (§ 6.52) Нестандартное выражение P_2 (§ 6.53) Нестандартное выражение Π_2 (§ 6.54) Нестандартная счетная словоформа (§ 6.55) Нестандартные припредложные словоформы (§ 6.56)

СИНТЕЗ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

§ 7.1. Проведенная выше классификация именных парадигм используется в качестве базы для процедуры синтеза, т. е. правил, позволяющих построить парадигму произвольного имени¹. Эта процедура складывается из двух основных частей.

Первая часть процедуры синтеза (§ 7.2) состоит в построении полной характеристики слова (см. § 6.1 и 6.57); в качестве побочного результата достигается разделение исходной словоформы слова на основу и окончание. Эта часть синтеза представляет собой серию алгоритмов, каждый из которых позволяет установить для взятого слова значение одного из различительных признаков. Сами эти алгоритмы содержатся в главах 3 и 6; в настоящей главе указывается лишь порядок их применения (ср. также § 6.2, пункт 3). В качестве исходных данных здесь выступает исходная словоформа (без разделения на основу и окончание) и минимальное количество дополнительных сведений о парадигме (их перечень дан в § 7.2). Это те сведения, которые либо вообще невозможно установить по исходной словоформе, либо можно получить только с помощью чрезвычайно длинных списков и только в пределах исходного материала (т. е. неудовлетворительным с лингвистической точки зрения способом)². При этом существенно, что с точки зрения полного описания русского языка (которое включает не только морфологический, но и более высокие уровни) выводить эти сведения из одних лишь морфологических данных не только трудно, но и нецелесообразно. В самом деле, те характеристики слова, которые при синтезе парадигм считаются заданными, либо вообще не относятся к морфологическому уровню, либо определяются характеристиками других уровней. Так, согласовательный класс — синтаксическая характеристика, различие между причастием и отпричастным прилагательным — семантическая характеристика. Различие во внутреннем устройстве парадигмы между прилагательным *большой* и существитель-

¹ О связи синтеза с классификацией, а также о недостатках прямолинейных процедур синтеза см. § 0.2.

² См. также более подробно § 3.2 (о причастиях), § 3.3 (о прилагательных и отадъективных существительных) и § 6.10 (о морфологической одушевленности — неодушевленности).

ным *больной* определяется различием их синтаксических функций, а также значения. Морфологическая одушевленность—неодушевленность (равно как ее синтаксический эквивалент) определяется значением слова. Таким образом, если при синтезе русского текста принять ту естественную схему, при которой синтаксические, а также некоторые важные семантические характеристики единиц синтезируемого текста появляются прежде, чем строятся реальные словоформы, то для синтеза произвольной именной словоформы достаточно будет знать исходную словоформу соответствующего слова.

Следует учитывать, однако, что при синтезе парадигм фактически используются также сведения еще одного рода (хотя ни в алгоритмах, данных в главах 3 и 6, ни в § 7.2 это специально не оговаривается). Речь идет об указаниях (характер которых зависит от конкретного случая), позволяющих отличить друг от друга парадигмы с омонимичными исходными словоформами, например: *пол* (настил)—*пол* (биологич.)—*пол* (половина); *лев* (животное)—*лев* (денежная единица). В частности, такими указаниями обычно сопровождаются парадигмы-варианты (см. § 4.3), например: *тормоз* (в прямом знач.)—*тормоз* (в перен. знач.); *гроздь* (вариант с И. мн. *гроздьа*)—*гроздь* (вариант с И. мн. *грозди*). Очевидно, что во всех этих случаях обычного набора исходных сведений о слове недостаточно для однозначного построения парадигмы, поэтому те или иные указания (хотя бы неформального характера) необходимы.

З а м е ч а н и е. В соответствии с § 7.2 при синтезе парадигм для пар типа *больной* (прилагательное)—*больной* (отадъективное существительное) и типа *знающий* (причастие)—*знающий* (отричастное прилагательное) считается известным, какая из двух парадигм имеется в виду. Легко видеть, однако, что мы имеем здесь дело с массовыми случаями омонимии рассмотренного типа.

Вторая часть процедуры синтеза (§ 7.3) состоит в построении самой парадигмы слова. В качестве исходных данных здесь выступают результаты первой части синтеза: исходная словоформа с разделением на основу и окончание и полная характеристика парадигмы³. Парадигма строится в несколько этапов. Первый из них носит вспомогательный характер. На втором, наиболее важном этапе строится суженная парадигма условного уровня (с условным ударением). На третьем этапе происходит переход

³ Строго говоря, для построения парадигмы нужна не вся полная характеристика. Признаки «морфонологический тип условной основы» и «акцентуационные особенности исходной словоформы» в синтезе никак не участвуют: они нужны только для достижения достаточной детальности классификации. В § 7.3 не упоминаются также признаки: «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы», «акцентуационные отклонения в исходных словоформах», «аномальные беглые гласные», «орфографические аномалии»; но существу, однако, они используются в синтезе, но только в неявной форме.

от условного ударения к действительному и от условного вида словоформ к действительному. На последнем этапе в парадигму включаются вторичные словоформы.

Описываемая процедура синтеза предполагает, таким образом, построение всей парадигмы целиком. Однако при необходимости она может быть использована и для построения отдельной словоформы. В этом случае процедура отличается от обычной лишь тем, что операции, предписанные параграфом 7.3 (кроме пунктов 1, 3 и 5), выполняются не над всеми словоформами парадигмы, а только над той, которая нам нужна⁴.

Специально отметим, что при построении парадигмы не предусматривается получение граммем классифицирующих грамматических категорий. Допустимость и целесообразность именно такой постановки задачи при собственно морфологическом описании вытекает из положений § 3.1. С формальной точки зрения, это означает, однако, что название настоящей главы и аналогичные формулировки в тексте должны рассматриваться как сокращенные: при слове «парадигма» здесь опущено уточнение «без граммем классифицирующих грамматических категорий».

Описываемая процедура синтеза дает правильный (т. е. соответствующий принципам параграфа 4.2) результат для всех слов из исходного материала. Она применима также к именам, не входящим в исходный материал. Правда, в этом случае результаты могут оказаться и ошибочными⁵, однако по ориентировочной оценке количество таких ошибок должно составить лишь ничтожную долю общего количества строящихся словоформ.

Правила построения полной характеристики произвольной именной парадигмы

§ 7.2. Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в действительном виде без разделения на основу и окончание (далее просто: исходная словоформа); 2) сведения о принадлежности к прилагательным или существительным (для слов на *ий, ой, ийся, ов, ёв, ев, ин, ын* и слов, указанных в § 3.3, I Б 1); 3) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных); 4) сведения о том, является ли слово причастием (для прилагательных); 5) согласовательный класс (для существительных на *ище* и *ко*).

1. Установить грамматический разряд по правилам, данным в § 3.3. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) сведения о принадлежности к прилагательным или существительным (для слов, указанных выше).

2. Установить значение признака «дефекты парадигмы» по спискам и указаниям, данным в § 3.4. Для этого достаточно исходной словоформы.

⁴ Если же при этом окажется, что какая-либо операция требует знания некоторой исходной словоформы *F* (той же парадигмы), то необходимо выполнить § 7.3 снова, строя одновременно нужную нам словоформу и словоформу *F*.

⁵ Наиболее важные из таких отклонений (касающиеся чаще всего имен собственных) указаны в замечаниях к соответствующим параграфам гл. 6.

3. Установить по правилам, данным в § 6.28: для слова на *ь* — тип склонения; для слова на *ь* — тип склонения с точностью до различия между I и II субстантивными типами склонения ⁶. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд.

4. Установить значение признака «нестандартная омонимия чисел» по правилам, данным в § 6.51. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) значение признака «дефекты парадигмы»; 4) тип склонения (с точностью, достигаемой в пункте 3).

5. Установить морфологическое число по правилам, данным в § 6.8. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд.

6. Установить морфологический класс по правилам, данным в § 6.10. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) сведение о том, относится ли слово к нулевому типу склонения (для существительных) ⁷; 4) значение признака «нестандартная омонимия чисел» (для существительных) ⁸; 5) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных).

7. Установить по правилам, данным в § 6.28, тип склонения тех слов на *ь*, у которых он не был окончательно установлен в пункте 3. Для этого достаточно сведения о морфологическом классе.

8. Разделить исходную словоформу взятого слова на основу и окончание, поставив между ними разделительный знак | по следующим правилам (используя сведения о типе склонения и о дефектах парадигмы):

Если тип склонения адъективный — у слов с дефектом № 14 присписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь нулевое); у прочих слов поставить знак | перед двумя последними буквами исходной словоформы.

Если тип склонения адъективно-возвратный — поставить знак | перед четырьмя последними буквами исходной словоформы.

Если тип склонения нулевой — присписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь нулевое).

Если тип склонения любой другой, то: а) у слов *я*, *ты*, *некого*, *нечего* поставить знак | так: *я|*, *ты|*, *не|кого*, *не|чего*; б) у прочих слов: если исходная словоформа оканчивается на гласную, *ь* или *й* — оставить знак | перед ее последней буквой; если это не так — присписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь нулевое).

Кроме того, если исходная словоформа не имеет знака главного ударения, поставить этот знак: в односложной исходной словоформе на ее единственную гласную, в неодносложной словоформе — на последнее из содержащихся в ней *е* (не содержать ни одного *е* такая словоформа не может).

9. Установить значение признака «нестандартные условные окончания» по спискам и указаниям, данным в § 6.31. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) тип склонения; 3) морфологический класс; 4) согласовательный класс (для существительных на *ище*).

10. Установить значение признака «чередования в условной основе» по спискам и указаниям, данным в § 6.34. Для этого достаточно следующих

⁶ Иначе говоря, для всякого слова на *ь* I или II субстантивного склонения на данном этапе построения полной характеристики должен быть получен ответ: «тип склонения субстантивный (известно, I или II)».

⁷ В § 6.10 речь идет о принадлежности слова к числу неизменяемых слов, не имеющих дефектов (поскольку понятие типа склонения вводится позже). Неизменяемые слова, не имеющие дефектов, и слова нулевого типа склонения — это одни и те же слова.

⁸ В § 6.10 речь идет о принадлежности существительного к числу *pluralia tantum*. *Pluralia tantum* — это те и только те существительные, которые имеют значение 1 признака «нестандартная омонимия чисел». (Это следует учитывать и в последующих пунктах настоящего параграфа.)

сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) морфологический класс; 3) сведение о том, является ли слово причастием.

11. Установить значение признака «морфологический тип условной основы» по правилам, данным в § 6.43. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) тип склонения.

12. Установить значение признака «наличие звездочки в условной основе» по правилам, данным в § 6.44. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) значение признака «нестандартная омонимия чисел»; 6) значение признака «дефекты парадигмы».

13. Установить схему ударения по правилам, данным в § 6.17. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) значение признака «нестандартная омонимия чисел»; 6) сведение о том, является ли слово причастием; 7) значение признака «наличие звездочки в условной основе»⁹.

14. Установить значение признака «акцентуационные отклонения в неходных словоформах» по спискам, данным в § 6.41. Для этого достаточно исходной словоформы.

15. Установить значение признака «акцентуационные особенности исходной словоформы» по спискам, данным в § 6.42. Для этого достаточно исходной словоформы.

16. Установить значение признака «наличие неустойчивого *o* в условной основе» по правилам, данным в § 6.45. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) схема ударения.

17. Установить значение признака «морфологические особенности неизменяемой части условной основы» по правилам, данным в § 6.46. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) значение признака «наличие звездочки в условной основе»; 3) значение признака «чередования в условной основе».

18. Установить значение признака «аномальные беглые гласные» по спискам, данным в § 6.47. Для этого достаточно исходной словоформы.

19. Установить значение признака «орфографические аномалии» по спискам и указаниям, данным в § 6.48. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) тип склонения.

20. Установить значение признака «нестандартное выражение В. надежда» по правилам, данным в § 6.52. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) согласовательный класс (для существительных на *ище* и на *ко*).

21. Установить значение признака «нестандартное выражение Р₉» по правилам, данным в § 6.53. Для этого достаточно исходной словоформы.

22. Установить значение признака «нестандартное выражение П₉» по правилам, данным в § 6.54. Для этого достаточно исходной словоформы.

23. Установить значение признака «нестандартная счетная словоформа» по списку, данному в § 6.55. Для этого достаточно исходной словоформы.

24. Установить значение признака «нестандартные припредложные словоформы» по спискам, данным в § 6.56. Для этого достаточно исходной словоформы.

Конечным результатом указанных операций является полная характеристика парадигмы. Кроме того, достигается разделение исходной словоформы на основу и окончание.

⁹ В § 6.17 речь идет о том, является ли последняя гласная основы исходной словоформы беглой. Ответ на этот вопрос положительен при ненулевом значении указанного признака и отрицателен при нулевом (имеется в виду: для всех слов, рассматриваемых с этой точки зрения в § 6.17).

Правила построения произвольной именной парадигмы

§ 7.3. Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в действительном виде с разделением на основу и окончание; 2) полная характеристика парадигмы.

Этап I. Предварительные операции

1. *Подготовить клетки для словоформ.* Выписать все грамматические формы, входящие в парадигматическую схему того грамматического разряда, к которому относится рассматриваемая парадигма (см. § 3.2). При каждой грамматической форме оставить место («клетку») для соответствующей словоформы. В отдельном месте выписать морф. число парадигмы (если оно фиксировано) и ее морф. класс (если он фиксирован); соединение грамматической формы с этими сведениями образует эталонное грамматическое значение соответствующей словоформы.

2. *Отметить дефекты парадигмы.* Если признак «дефекты парадигмы» имеет ненулевое значение — поставить прочерк в клетках для отсутствующих в данной парадигме словоформ.

3. *Пометить исходную словоформу.* Установить по правилу, данному в § 3.2, какая словоформа является исходной, и поставить в соответствующей клетке помету «исходная». Если в найденной таким образом клетке уже стоит прочерк — перенести помету «исходная» в соответствии с дополнительным правилом об исходной словоформе, данным в § 3.4.

4. *Пометить вторичные словоформы.* Поставить помету «вторичная»: а) во все клетки, подпадающие под пункты 1—4 параграфа 6.3; б) в парадигме II субстантивного типа склонения — во все клетки В. падежа; в парадигме иного типа склонения — во все клетки В. падежа, кроме клеток с эталонным грамматическим значением «В. ед. жен. (одуш. или неод.)»; в) в парадигме, имеющей значение 1 признака «нестандартная омонимия чисел», — во все клетки ед. числа; при этом перенести помету «исходная» с клетки ед. числа на соответствующую клетку мн. числа.

Этап II. Построение суженной парадигмы условного уровня (с условным ударением)

5. *Получить условный вид исходной словоформы* (с разделением на основу и окончание и с действительным ударением). Применить к исходной словоформе «Правила получения условного вида» (§ 6.26), заменив в них подпункты I.2 и II.1 (в которых используется отсутствующая в данном случае информация о парадигме) следующим образом:

Правило, заменяющее подпункт I.2. Если парадигма имеет значение 1 признака «наличие неустойчивого о в условной основе», а при этом действительное ударение в исходной словоформе на окончании, или если парадигма имеет значение 2 указанного признака — заменить в основе исходной словоформы последнее (самое правое) *e* на *ĕ*.

Правило, заменяющее подпункт II.1. Если парадигма имеет значение 1 признака «наличие звездочки в условной основе», но не имеет при этом чередования № 12, или если она имеет значение 2 указанного признака — применить к исходной словоформе следующую цепь формул перехода:

$$1) e| \rightarrow *|$$

$$u| \rightarrow *|$$

$$2) bC| \rightarrow b*C|$$

$$C_1C_2| \rightarrow C_1*C_2|$$

3) для всех слов, кроме *дно, лю, мой, обный*:

$$(b, n, v, f, m, d, t, z, s, u \text{ или } p+) * (+n, d, p \text{ или } u) \rightarrow '*$$

4) $oC| \rightarrow *C|$ 5) $ШГC| \rightarrow Ш*С|$ 6) для всех слов, кроме *восьмьдесят*: $ГC| \rightarrow 'С|$ 7) в парадигмах *восьмьдесят* и *восьмьсот* (варианты с Т. *восемьдесятью*, *восемьстами*): *восе* \rightarrow *вос**

6. *Вписать условный вид исходной словоформы и условные основы остальных первичных словоформ.* Вписать результат, полученный в предыдущем пункте (т. е. условный вид исходной словоформы с действительным ударением и с разделением на основу и окончание), в клетку для исходной словоформы. Кроме того, выписать в отдельном месте условную основу исходной словоформы без обозначения ударения; ниже эта цепочка обозначается сокращенно УО.

Если признак «чередования в условной основе» имеет нулевое значение — вписать УО в клетки всех неисходных первичных словоформ (здесь и ниже первичными считаются все словоформы, не имеющие пометы «вторичная»).

Если этот признак имеет ненулевое значение, то:

1) У слов *оба*, *я*, *ты* внести в клетки неисходных первичных словоформ следующие записи: *оба* — И. *об|*, прочие надежи жен. рода. *обе|*, остальные словоформы *обо|*; *я*, *ты* — Р. *мен'|*, *теб'|*, Д. П. *мн|*, *теб|*, Т. *мн|*, *тоб|*;

2) Для прочих слов:

а) Найти для каждого из представленных в парадигме чередований участвующий в нем отрезок УО. Это отрезок, равный 1-й ступени данного чередования и стоящий в том месте условной основы, которое предписано для данного чередования правилами § 6.32. (В частном случае этот отрезок может быть пустым.)

б) Для каждой неисходной первичной словоформы проделать следующее. По указаниям § 6.32 о распределении ступеней чередования установить для каждого представленного в парадигме чередования, какая его ступень должна выступать в данной словоформе. Заменить в УО каждый отрезок, участвующий в некотором чередовании, той ступенью данного чередования, которая должна выступать в рассматриваемой словоформе. (В частном случае заменяющая цепочка равна заменяемой и тогда замены фактически не происходит.) Полученная таким образом цепочка есть условная основа рассматриваемой словоформы. Вписать ее в соответствующую клетку и поставить непосредственно после нее знак |.

7. *Обозначить условное ударение первичных словоформ.* По схеме ударения данной парадигмы и эталонному грамматическому значению словоформ установить (с помощью § 6.16) условное ударение каждой первичной словоформы. Обозначить его каким-либо способом в соответствующей клетке (например, можно подчеркнуть при основном условном ударении условную основу, при флексийном — условное окончание или оставленное для него пустое место).

8. *Вписать условные окончания неисходных первичных словоформ.* Найти в § 6.27 стандартный набор (или наборы) условных окончаний того класса, который одноимен с типом склонения данной парадигмы. Используя эталонные грамматические значения словоформ, найти в этом наборе (или наборах) соответствующее условное окончание (или окончания) для каждой неисходной первичной словоформы. Если таких окончаний несколько, выбрать нужное, применив правило распределения, данное в § 6.27 при рассматриваемых наборах (для этого могут потребоваться сведения о грамматическом разряде парадигмы, о последней букве условной основы рассматриваемой словоформы или об ее условном ударении). Вписать найденное таким образом условное окончание в соответствующую клетку справа от знака |.

Далее, если признак «нестандартные условные окончания» имеет ненулевое значение — в соответствии со значением этого признака в нужных клетках заменить выписанные условные окончания нестандартными.

Этап III. Построение суженной парадигмы действительного уровня (с действительным ударением)

9. *Перейти от условного ударения к действительному.* К условному виду каждой исходной первичной словоформы (т. е. к записи, содержащейся в соответствующей клетке) применить «Правила перехода от условного ударения к действительному», вариант 2 (§ 6.38). После этого у всех первичных словоформ снять обозначение условного ударения.

10. *Перейти от условного вида к действительному.* К условному виду каждой первичной словоформы (т. е. к записи, содержащейся в соответствующей клетке) применить «Правила перехода от условного вида к действительному» (§ 6.39).

Этап IV. Построение полной парадигмы

11. *Вписать вторичные словоформы.* Произвести следующие операции: а) у слов *он, она, они* заменить в словоформах II. падежа нулевую основу основой *н*; у слов *никто, ничто, некого, нечего, никак, никто, ничей* вставить в словоформах II. падежа знак ## после второй буквы основы; б) вписать в соответствующие клетки вторичные словоформы V. падежа, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение V. падежа», по правилам § 6.52; в) вписать словоформы P_2 , построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение P_2 », по правилу § 6.53; г) вписать словоформы Π_2 , построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение Π_2 », по правилу § 6.54; д) вписать счетные словоформы, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартная счетная словоформа», по правилу § 6.55; е) вписать припредложные словоформы P_1 , P_2 , Д., В. и Т. падежей, образовав их, в соответствии со значением признака «нестандартные припредложные словоформы», по правилам § 6.56; ж) если признак «нестандартная омонимия чисел» имеет значение 1, вписать в каждую непрочеркнутую клетку ед. числа словоформу, омонимичную той, которая стоит в соответствующей клетке мн. числа; з) в парадигмах прилагательных вписать в каждую непрочеркнутую клетку ед. числа 7-го согласоват. класса словоформу, омонимичную той, которая стоит в соответствующей клетке мн. числа.

12. *Снять вспомогательные записи.* Снять во всех словоформах знак |; снять пометы («исходная», «вторичная») и записи, сделанные отдельно от парадигмы.

Конечным результатом всех указанных операций является полная парадигма (без граммем классифицирующих грамматических категорий).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ КЛАССОВ И ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПОДКЛАССОВ РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

В приводимом ниже перечне каждый элементарный подкласс (см. § 6.1) русских именных парадигм представлен одной или (реже) несколькими входящими в него парадигмами¹. При представителе (или представителях) каждого элементарного подкласса дается полная характеристика (см. § 6.1, 6.57) этого подкласса (о способе ее записи см. ниже). Каждому элементарному подклассу нормально соответствует одна строка приводимого перечня. Исключение составляют пары элементарных подклассов, различающихся только по признаку морфологической одушевленности—неодушевленности: представители такой пары подклассов и относящиеся к ним записи помещаются на одной и той же строке перечня.

Как отмечено в § 6.1, обычно элементарный подкласс парадигм равен некоторому элементарному классу. Лишь в немногих случаях элементарный класс состоит из нескольких элементарных подклассов. Эти случаи отмечаются в перечне так: при представителе (представителях) всякого элементарного подкласса *A*, члены которого эквивалентны членам некоторого другого элементарного подкласса *B*, уже представленного в перечне, дается отсылка к подклассу *B* в виде следующего указания: «≡ . . .», т. е. «эквивалентно слову . . .» (указывается представитель подкласса *B*). Если в роли *B* могут выступать несколько элементарных подклассов, отсылка дается к первому из них (по порядку в перечне). Благодаря таким отсылкам перечень дает информацию не только обо всех элементарных подклассах, но и обо всех элементарных классах русских именных парадигм.

Значения различительных признаков, образующие полные характеристики элементарных подклассов, указываются следующим образом. Значения главных различительных признаков вынесены частью в подзаголовки рубрик, частью в индекс слева от слов-образцов, а именно: 1) грамматические разряды образуют основные разделы перечня (при этом все прилагательные объединены в один раздел, внутри которого расширенный адъективный и простой адъективный разряды образуют подразделы); 2) разделы (или подразделы) делятся на части по признаку типа склонения; 3) внутри типа склонения проведено деление по признакам морфологического числа и морфологического класса (если они имеют ненулевое значение); при этом у существительных морфологический класс представлен как два отдельных признака — морфоло-

¹ Обозначением парадигмы служит исходная словоформа. Если состав парадигмы определяется ею неоднозначно, в скобках даются необходимые дополнительные указания. Такими указаниями могут служить: 1) уточнение значения; 2) несходная словоформа (или словоформы), характерные для имеющегося в виду варианта парадигмы; 3) схема ударения (для слов, допускающих несколько схем ударения; слова «схема ударения» при этом опускаются). Стилистические пометы. (разг., простореч., устар., обл.) состава парадигмы не уточняют.

Различительный признак	Способ записи его значений
Дефекты парадигмы	<i>деф.</i> + номер значения
Нестандартная омофония чисел	значение 1 — <i>омон.</i>
Чередования в условной основе	<i>чер.</i> { номер значения
Нестандартные условные окончания	<i>ок.</i> + номер значения
Акцентуационные отклонения в исходных словоформах	<i>акц.</i> название значения (например, <i>л. 1, п. 3</i>)
Акцентуационные особенности исходной словоформы	<i>исх.</i> + номер значения
Наличие звездочки в условной основе	значение 1 — *, значение 2 — **
Морфологические особенности неизменяемой части условной основы	название значения (<i>о, ш, ь</i> или <i>й</i>) ставится в скобках после знака * или после записи « <i>чер. 14</i> »
Аномальные беглые гласные	<i>аном.</i> + номер значения
Орфографические аномалии	<i>орф.</i> + номер значения
Наличие неустойчивого <i>о</i> в условной основе	значение 1 — <i>ё</i> , значение 2 — <i>ёё</i>
Нестандартные припредложные словоформы	значение 1 — <i>предл.</i>
Нестандартная счетная словоформа	значение 1 — <i>счети.</i>
Нестандартное выражение В.	значение 1 — <i>В.</i> , значение 2 — <i>В. муж.</i>
Нестандартное выражение P_2	значение 1 — P_2
Нестандартное выражение P_2	значение 1 — P_2

гический род и морфологическая одушевленность—неодушевленность (последний признак отражен в виде указаний над соответствующими столбцами образцов); 4) значения признаков «морфологический тип условной основы» и «схема ударения» представлены в виде индекса слева от образцов (цифра обозначает морфологический тип условной основы, латинская буква или пара букв — схему ударения).

Значение любого второстепенного различительного признака дается только в том случае, если оно ненулевое. Эти ненулевые значения записываются справа от слова или слов, представляющих соответствующий элементарный подкласс. У существительных запись, данная справа от представителей морфологически неодушевленного и морфологически одушевленного элементарных подклассов, относится одновременно к ним обоим. Значение различительного признака обычно записывается в виде сокращенного названия самого признака и номера (или условного обозначения) данного значения; например, запись «ок. 1+3» символизирует значение «№ 1+№ 3» признака «нестандартные условные окончания». У нескольких признаков значения записываются еще короче — одним условным знаком; например, запись «П₂» символизирует значение 1 признака «нестандартное выражение П₂». Способ записи ненулевых значений всех второстепенных различительных признаков указан в таблице на стр. 301.

Значения записываются в указанном на стр. 301 порядке, через запятую; запятая не ставится только перед записями (о), (ш), (ь), (й) и *аном.*

Порядок перечисления элементарных подклассов в перечне таков. Все различительные признаки упорядочены в виде следующей цепочки: 1) главные различительные признаки — грамматический разряд, тип склонения, морф. число, морф. род, схема ударения, морфологический тип условной основы, морф. одушевленность—неодушевленность²; 2) второстепенные различительные признаки в указанном выше порядке. Для каждого признака принимается та последовательность значений, которая дана в соответствующем параграфе гл. 3 или 6. Из любых двух элементарных подклассов А и В первым заносится в перечень тот, который имеет меньшее (по номеру) значение первого (по порядку в указанной здесь цепочке) различительного признака, значения которого у А и В различны.

Перечень содержит также сведения о численности каждого элементарного подкласса (н, следовательно, каждого элементарного класса) русских именных парадигм. Они даются так же, как в таблицах основной части книги, а именно, численность элементарного подкласса указывается непосредственно справа от соответствующего образца (или образцов) и, кроме того, символизируется шрифтом образца; см. об этом § 6.2, пункт 4. Все подсчеты произведены строго в пределах исходного материала. Относительно слов с индивидуальными колебаниями см. § 6.2, пункт 4³.

В перечень включено также несколько элементарных подклассов, не содержащих ни одной парадигмы из исходного материала. Это подклассы, содержащие только имена собственные. В соответствии с § 6.2, представители таких подклассов даны в угловых скобках и без количественных характеристик, например: <Русь>.

Общее количество элементарных классов, представленных в перечне, — 732; общее количество элементарных подклассов — 795. Количество элементарных классов, содержащих более одного элементарного подкласса, — 57. Без количественной характеристики приведено 11 подклассов. Остальные 784 подкласса распределяются по численности следующим образом:

² Для слов несогласуемо-бесчислового разряда морф. род и морф. одушевленность выступают в виде единого признака «морф. класс», который занимает в этой цепочке место морф. рода.

³ От указаний § 6.2 сделано, однако, следующее отступление: значение 1/0 признака «нестандартное выражение П₂» (см. § 6.54) для упрощения приравнено к значению 1.

Количество парадигм в подклассе	Количество подклассов такой численности	Общее количество парадигм в подклассах данной группы (округленно)	То же в %
более 1000	18	39200	71,4
от 101 до 1000	35	9900	18
от 11 до 100	121	4380	8
от 2 до 10	278	1100	2
1	332	332	0,6
Всего	784	54 900	100

Следует подчеркнуть, однако, что точное число элементарных классов и подклассов, представленных в приводимом перечне, нельзя рассматривать как некую абсолютную характеристику русского склонения, поскольку оно зависит от целого ряда частных решений (нередко довольно субъективных), принятых лексикографами и нормализаторами, а также от ограничений, указанных в § 4.1 и 4.2. Объективную значимость имеет, таким образом, лишь порядок этой величины — несколько более 700 элементарных классов.

РАЗДЕЛ I

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

A. Прилагательные расширенного адъективного разряда

Адъективный тип склонения

- 1
- a/a суровый [3700]⁴ *
 удобный [3000] *
 отважный [1500] * (и) (= удобный)
 довольный [1400] * (ь)
 спокойный [200] * (й)
 [достойный] * (й) орф. б
 [счастливый] (неатрибут. акц. л. 4
 счастлив)
 сделанный [3500]⁵ чер. 29, *
 болезненный [750] чер. 33, *
 гротескный [2] деф. 13
 рад [4] деф. 14
- 2 a/a [карий, тугосеиш] *
 [искренний] (неатрибут. мн. чер. 30, *
 искренны)
 [выспренный] чер. 33 + 34, *
 древний [15] чер. 34, *
 [излишний] чер. 34, * (и) (= древний)

⁴ В том числе около 300 причастий (на *мый*). К данному подклассу относятся также причастия на *мый* (не входящие в исходный материал).

⁵ Этот подкласс состоит почти целиком из причастий (на *анный, янный, енный*).

2 a/a	{искренний (неатрибут. мн. <i>искренни</i>)}	чер. 35, *	
	лишний [16]	деф. 13	
3 a/a	упругий [70]		
	громобадкий [30]	*	
	сторожкий [2]	* (ш)	
	полнёхонький [25]	* (б)	
	огнестойкий [8]	* (й)	
	радехонек [22]	деф. 14, * (б)	
4 a/a	похожий [320]		
5 a/a	куцый [9]		
6 a/a	длиношёрный [4]		
1 a/b	мáлый [4]		
	тяжёлый [6]	ё	
	{острый (остроумный), умный (a/b)}	*	
	{равный, длинный (a/b)}	акц. л. 3, *	
	{тёмный (a/b), тёплый (a/b), чёрный (a/b)}	акц. л. 3, *, ё	
	{пóльный (a/b)}	акц. л. 3, * (о)	
	{бóльшой (что-л. делать)}	акц. л. 3, * (б)	
	давный [3]	чер. 29, *	
	РЕШЕННЫЙ [1050] ⁶	чер. 29, *, ё	
	{каков, таков}	деф. 14	
	{дóлжен}	деф. 14, исх. 2, * (ш)	
3 a/b	высбкий (a/b) [4]		
	{далёкий (a/b)}	ё	
	{лёгкий (a/b)}	акц. л. 3, *, ё	
	{корóткий (a/b, неатрибут. <i>кóроток</i>)}	акц. л. 4, *	
	{мáленький}	чер. 31, * (б)	
4 a/b	{горячий, хоро́ший, све́жий (a/b)}		
1 a/c	цЕЛЫЙ [135] ⁷		
	твÉрдый [7]	ё	
	скÉдный [55]	*	
	{тёмный (a/c), тёплый (a/c), чёрный (a/c)}	*, ё	
	пы́шный [20]	* (ш)	(≡ скÉдный)
	{пóльный (a/c)}	* (о)	
	цЕльный [5]	* (б)	
	{буйный, стрóйный}	* (й)	
	{весёлый, зелёный}	акц. л. 4, ё	
	{дешёвый}	акц. л. 4, ёё	
	{голóдный (a/c), холóдный (a/c)}	акц. л. 4, *	
	хИтрый [5]	акц. л. 3, *	
	{сильный (a/c, неатрибут. <i>силён</i>)}	акц. л. 3, * (б)	
	прóданный [13]	чер. 29, *	
	{солёный}	чер. 30, акц. л. 4	
	{люб}	деф. 14	
2 a/c	{сИнный}		

⁶ Этот подкласс состоит почти целиком из причастий (на *ённый*).

⁷ В том числе около 75 причастий (почти исключительно на *тый*).

3 а/с	дѣлкий [9]		
	[далѣкий (а/с)]	ѣ	
	рѣдкий [65]	*	
	жѣсткий [4]	*, ѣ	
	[тяжкий]	* (ш)	
	[гѣркий]	* (б)	
	[бѣйкий, стѣйкий]	* (ѣ)	
	[корѣткий (а/с, неатрибут. кѣроток)]	акц. л. 4, *	
4 а/с	тѣщій [5]		
1 а/с'	пѣвый (а/с') [8]		
	[чѣрствый (а/с')]	ѣ	
	бѣдный (а/с') [15]	*	
	вѣжный (а/с') [9]	* (ш)	(≡ бѣдный)
	[вольный (свободный (а/с'))]	* (б)	
	[голѣдый (а/с'), холѣдый (а/с')]	акц. л. 4, *	
	[сѣльный (а/с', неатрибут. сѣлен)]	акц. п. 3, * (б)	
3 а/с'	ѣзкий (а/с') [3]	*	
3 а/б'	[лѣгкий (а/б')]	акц. л. 3, *, ѣ	
4 а/б'	[слѣжий (а/б')]		
1 б/б	[чуднѣй]	*	
	[злой]	* (о)	
	[смѣшнѣй]	* (ш)	(≡ злой)
	[хмельнѣй]	* (б)	
	[болнѣй]	акц. л. 3, * (б)	
	голубѣй [13]	деф. 13	
4 б/б	[болнѣй]	чер. 32	
1 б/с	скупѣй [22]		
	[дряннѣй, дурнѣй (б/с, неатрибут. дурен)]	*	
	молѣдѣй [3]	акц. л. 1	
	[дурнѣй (б/с, неатрибут. дурен, разг.)]	акц. п. 3, *	
3 б/с	субѣй [7]		
	[дорѣдѣй]	акц. л. 1	
1 б/с'	[прѣстѣй (б/с'), густѣй (б/с')]		
	[дурнѣй (б/с', неатрибут. дурен)]	*	
	[дурнѣй (б/с', неатрибут. дурен)]	акц. п. 3, *	
3 б/с'	[лѣхѣй (б/с')]		

Б. Прилагательные простого адъективного разряда

Адъективный тип склонения

1а	кѣждый [30]	
	[нѣкѣтѣрый]	предл.
2а	брѣтний [90]	

3a	РУССКИЙ [2600] [вѣкий (Р. мн. <i>вѣкоих</i>), ѣкий (Р. мн. <i>ѣкоих</i>)] [вѣкий (Р. мн. <i>вѣкиих</i>), ѣкий (Р. мн. <i>ѣкиих</i>)]	чер. 39 чер. 40
4a	стѣрший [100] ⁸	
1b	ИНОЙ [850]	
3b	морскѣй [40] [никакѣй]	предл.
4b	чужѣй [3]	(≡ морскѣй, 31)

Адъективно-возвратный тип склонения

4a выдающийся [20]⁹

I местоименный тип склонения

1a	дѣдин (Р. ед. муж. <i>дѣди-</i> <i>ного</i> , Д. ед. муж. <i>дѣди-</i> <i>ному</i>) [20] ¹⁰	
	{ѣтот}	чер. 36 + 37
4a	{наш, ваш}	
6a	БОЛЧИЙ [160] [кой (устар.)]	* деф. 17
1b	[один (прилагат.)]	чер. 37, * аном. 1
6b	[мой, твой, свой] [чей]	* *, предл.
	[ничѣй]	чер. 38, ок. 7, орф. 6
	[сеѣ]	
1f	[сам (В. ед. жен. <i>самѣ</i>)] [сам (В. ед. жен. <i>самѣѣ</i>)]	чер. 37 чер. 37, ок. 20

II местоименный тип склонения

1b	{тот}	чер. 36
2b	{весь}	*

Притяжательный тип склонения

1a	отцѣв, дѣдин (Р. ед. муж. <i>дѣдина</i> , Д. ед. муж. <i>дѣ-</i> <i>дину</i>) [35] ¹⁰	
2a	[госпѣдень]	*
1b	[Ильин (прилагат.)]	

Нулевой тип склонения

1a кѣми [40]

⁸ Из числа слов, не входящих в исходный материал, к этому подклассу относятся все прилагательные превосходной степени (на *ейший*, *айший*) и все причастия на (*е*)*ший* и *щий*.

⁹ Из слов, не входящих в исходный материал, к этому подклассу относятся все причастия на *щийся*, (*е*)*шийся*.

¹⁰ В исходный материал входит лишь незначительная часть слов этого подкласса.

РАЗДЕЛ II

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

I субстантивный тип склонения

Мужского рода

Морф. неодуш.	Морф. одуш.	
1а ЗАВОД [3700]	СТУДЕНТ [1900]	P_2
СИРОП [220]	—	Π_2
ад [13]	—	Π_2, P_2
чад [8]	[дятел]	*
бубен [11]	—	*, P_2
[пéпел]	—	*, Π_2, P_2
[вётер (а)]	[свёкор]	* (о)
заём [4]	—	исх. 1, * (ý)
—	[цыгáн]	ок. 2+3
ампéр [15]	солдáт [20]	ок. 3
—	южáнин [60]	чер. 6, ок. 2+3
—	славянин [7]	чер. 6, ок. 2+3, исх. 1
—	[гражданин, со- гражданин]	чер. 6, ок. 2+3, акц. л. 2, исх. 1
—	татáрин [4]	чер. 6, ок. 3
—	[хозяин]	чер. 6+10, ок. 1+3
стул [9]	[брат, собрáт (Р. мн. соб- рáтсьев)]	чер. 12, ок. 1, *
кóлос [3]	—	чер. 12, ок. 1, акц. п. 2, *
[пóвод (в упряжи)]	—	чер. 12, ок. 1, акц. п. 2, *, Π_2
—	[собрáт (Р. мн. собрáтий)]	чер. 12, ок. 1+3, *
—	[сосéд]	чер. 13
аннáлы [60]	—	омон.
—	[молодожéны]	деф. 6
степль [300]	ЖИТЕЛЬ [400]	P_2
картóфель [3]	—	Π_2
[хмель (опьянение)]	—	Π_2, P_2
[хмель (растение)]	—	*
лívень [35]	дúрень [14]	*, P_2
[щéбень]	—	* (о)
вúхорь [2]	—	* (о), P_2
[дéготь]	—	* (ш)
стёржень [12]	шёршень [3]	
—	[úвалень]	* (б)
—	—	чер. 12, ок. 1, ** (о)
[úголь (мн. úголья)]	—	чер. 12, ок. 1, акц. п. 2, **
[кáмень (мн. ка- мёнья)]	—	чер. 18, акц. л. 1
—	[госпóдь]	чер. 23, акц. п. 1, *
пóлдень (Р. ед. полúдня)	—	

(≡ ливень,
дúрень)

дѣбри [40]	—	омон.	
—	[родителя]	деф. 6	
[огнь, пламень]	—	деф. 11	
3а СТОЛИК [1550]	ЛЕТЧИК [1550]		
лак [40]	—	P_2	
пах [3]	—	P_2	
[сок, пух]	—	P_2, P_2	
КУВОВОК [210]	прѣдок [40]	*	
[порядок, убыток]	—	*, P_2	
кусочек [75]	барашек [13]	*(ш)	
песочек [3]	—	*(ш), P_2	
перешеек [6]	—	*(й)	
[ботинок, вале- нок]	[түрок, тиброк]	ок. 3, *	
[маслёнок, опёнок]	гусёнок [50]	чер. 14, ок. 1 + 3, *	
—	мышёнок [20]	чер. 14 (ш), ок. 1 + 3, *	
—	[бесёнок, чер- тёнок]	чер. 15, ок. 1 + 3, акц. п. 2, *	
—	—	омон.	
доспѣхи [60]	[человѣк (Р. мн. <i>человѣк</i>)]	деф. 8, ок. 3	
—	товариц [45]		
4а МАРШ [140]	—	P_2	
[фарш, нунш]	—	омон.	
нассатѣжи [7]	—		
5а мѣсяц [15]	принц [7]	P_2	
[плац]	—	*	
раіец [65]	нѣмец [340]	*, P_2	
пѣрец [5]	—	*(ш)	(≡ раіец, нѣмец)
[ковчѣежц]	норвѣежц [8]		
палец [4]	владѣлец [35]	*(б)	
[смалец]	—	*(б), P_2	
—	китаец [50]	*(й)	
—	[заяц]	*(й), орф. 7	
плоскозубцы [12]	—	омон.	
6а МУЗЕЙ [120]	гербѣй [80]		
токай [8]	—	P_2	
[рай]	—	P_2	
[клей, гвой]	—	P_2, P_2	
[улей, чирей, жѣ- ребей]	—	*, орф. 5	
помѣи [5]	—	омон.	
хлѣбня [5]	—	омон., ок. 1	
7а САНАТОРИИ [130]	гѣннѣй [17]		
мѣрфѣй [4]	—	P_2	
[прелимниарѣи]	—	омон.	(≡ помѣи)
1б стол [100]	вол [120]		
горб [8]	—	P_2	
[черѣд]	осѣтр [3]	ѣ	
ковѣр [8]	осѣл [7]	*	
[хребѣт]	—	*, аном. 3	
бугѣр [8]	щегѣл [3]	*(о)	
[лоб, ров, рот]	—	*(о), P_2	
[рожѣн, шов]	—	*(ш)	(≡ бугѣр)
[кочан (Р. ед. <i>коч- на</i>)]	—	*(ш) аном. 2	

[лѣн]	—	* (b), P_2	
[лѣд]	—	* (b), Π_2, P_2	
—	{лев (живот- ное)}	* (b) <i>омон.</i> 3	
[узел]	—	<i>исх.</i> 2, *	
[угол (в матем. знач.)]	—	<i>исх.</i> 2, * (o)	
[угол (в обычн. знач.)]	—	<i>исх.</i> 2, * (o), Π_2	
[рукав, со- к. 1-2]	—	<i>ок.</i> 1	
весы [15]	[Христос]	<i>чер.</i> 19	
[леса]	—	<i>омон.</i>	
2b дождь [55]	царь [65]	<i>омон., ок.</i> 1	
кисель [8]	—	P_2	
ремень [7]	слепень [2]	*	
[огонь, ломоть]	—	* (o)	
—	[угорь]	<i>исх.</i> 2, * (o)	
<Жингули>	—	<i>омон.</i>	
[зеленя]	—	<i>омон., ок.</i> 1	
3b БАШМАК [280]	УЧЕНИК [250]		
табак [8]	—	P_2	
волк [3]	—	Π_2	
КУСОК [170]	стрелок [20]	*	
песок [12]	—	*, P_2	
[уголок, мысок]	—	*, Π_2	
[мох (Р. ед. мха)]	—	*, Π_2, P_2	
МЕШОК [110]	бычок [30]	* (ш)	(≡ кусок, стрелок)
табачок [8]	—	* (ш), P_2	(≡ песок)
[бочок, березок]	—	* (ш), Π_2	(≡ уголок)
кулёк [20]	хорёк [16]	* (b)	
уголёк [4]	—	* (b), P_2	
наёк [9]	зубёк [2]	* (й)	
[чайёк, кофеёк]	—	* (й) P_2	
[обшлаг, земёх]	—	<i>ок.</i> 1	(≡ рукав, 1b)
[санок]	—	<i>ок.</i> 3	
[чулок]	—	<i>ок.</i> 3, *	
[цветок (мн. цве- ты)]	—	<i>чер.</i> 8, *	
очки [14]	—	<i>омон.</i>	
торока [3]	—	<i>омон., ок.</i> 1	(≡ леса, 1b)
4b гараж [85]	богач [75]		
чертёж [16]	[ёж, ёрш]	ё	
ция [3]	—	<i>омон.</i>	
5b чабрёц [12]	кузнёц [25]		(≡ стол, вол, 1b)
ковёц [45]	купёц [40]	*	(конёц ≡ хреб- ёт, 1b)
[волчёц]	—	* (ш)	(≡ хребёт, 1b)
валёц [2]	жилёц [9]	* (b)	(жилёц ≡ лев, 1b)
—	[боёц]	* (й)	
ципцы [5]	—	<i>омон.</i>	(≡ весы, 1b)
6b [лишай, валу́й]	[бугай, холу́й]		

[репéй, ручéй]	[воробéй, му- равéй, соло- вéй]	*	
7b [кнйй]	—		(≡ <i>лишйй</i> , 6b)
1c дар [20]	пан [3]	P_2	
[квас]	—	$П_2$	
сад [25]	—	$П_2, P_2$	
дым [9]	—	<i>счети.</i>	
[шар]	—	<i>счети., П_2</i>	
[ряд, след, час]	—	<i>ё, П_2, P_2</i>	
[мёд]	—	<i>ок. 1</i>	
нóмер [65]	мáстер [25]	<i>ок. 1, P_2</i>	
[клéвер, цвет]	—	<i>ок. 1, П_2</i>	
борт [4]	—	<i>ок. 1, П_2, P_2</i>	
[корм, хблод]	—	<i>ок. 1, ё</i>	
[жéлоб, жéрнов, счёт]	—	<i>ок. 1, *</i>	
[прóмысел (мн. <i>промысла</i>)]	—	<i>ок. 1, *, П_2, P_2</i>	
[вéтер (мн. <i>ветра</i>)]	—	<i>ок. 1, акц. л. 1,</i>	
[перёд]	—	<i>ё, П_2</i>	
[глаз]	—	<i>ок. 1+3, П_2</i>	
[рав]	—	<i>ок. 3</i>	
—	[господíн]	<i>чер. 6, ок. 1+3</i>	
—	[шúрин (мн. <i>шурья</i>)]	<i>чер. 6+12,</i>	
—	[кум]	<i>ок. 1, *</i>	
—	[сын (мн. <i>сы- новья</i>)]	<i>чер. 10+12,</i>	
[год (И. мн. <i>годá</i> , Р. мн. <i>лет</i>)]	—	<i>ок. 1+3, *</i>	
2c кáтель [20]	éгорь [7]	<i>ок. 1</i>	
—	[зять]	<i>чер. 12, ок. 1, *</i>	
—	[дéверь, князь]	<i>чер. 12, ок. 1+3, *</i>	
3c плуг [3]	—		
верх (мн. <i>верхи</i>)	—	$П_2$	
[2]	—	$П_2, P_2$	
[долг, моаг]	—	<i>счети., П_2</i>	
[шаг]	—	<i>ок. 1</i>	(≡ <i>нбмер</i> , 1c)
округ [8]	—	<i>ок. 1, P_2</i>	(≡ <i>клéвер</i> , 1c)
[пбóрох, жéмчуг]	—	<i>ок. 1, П_2</i>	(≡ <i>борт</i> , 1c)
луг [8]	—	<i>ок. 1, П_2, P_2</i>	(≡ <i>корм</i> , 1c)
снег [3]	—	<i>ок. 1, ё, П_2, P_2</i>	
[шёлк]	—	<i>чер. 2+12,</i>	
—	[друг]	<i>ок. 1+3, *</i>	
4c [харч]	[муж (мн. <i>мужи</i>)]	<i>ок. 1</i>	
—	стбóрож	<i>чер. 12, ок. 1+3, *</i>	
—	[муж (мн. <i>мужья</i>)]		

6с [буй, сбой]	[зуй (обл.)]	
рой [5]	—	P_2
[чай]	—	P_2, P_2
[край]	—	ок. 1, P_2
1d лист (дерева) [4]	—	чер. 12, ок. 1, *
[кол (палка)]	—	чер. 12, ок. 1, *, P_2
3d —	[казак (мн. казѣки)]	
[глазѡк, зубѡк]	—	*
[рожѡк, сапожѡк]	—	* (ш)
[клок (мн. клѡчьѧ)]	—	чер. 1 + 12, ок. 1, *
[крюк (мн. крѹчьѧ), сук (мн. сѹчьѧ)]	—	чер. 1 + 12, ок. 1, *, P_2
—	[щѣнѡк (мн. щѣнѧта)]	чер. 15, ок. 1 + 3, акц. п. 2, *
1e зуб [6]	[вор, бѡров (кабан)]	
[гром]	—	P_2
порт [2]	—	P_2
[ход (e)]	—	P_2, P_2
[вѣтер (e)]	—	*, P_2, P_2
[вѡлос]	—	ок. 3
—	[чѣрт]	чер. 4 + 13
[год (И. мн. гѡды, Р. мн. лет)]	—	чер. 25, P_2
2e кѡзырь [5]	гость [10]	ѣ
[жѣлудь]	[пѧрень]	*
стѣбель [3]	—	* (o)
кѡготь [6]	[зверь (Т. мн. зверьми)]	ок. 6
—	—	омон.
сѧни [7]		
3e [слог]	[бог, волк]	P_2
[ток (гумно)]	—	
4e [ѡбруч, ѡвоц]	—	
дрѡжжи [4]	—	омон.
2f [гвоздь, груздь]	[конь, червь]	
[ѹгѡль (f)]	—	всх. 2, * (o)
3e' —	[ребѣнок]	чер. 16, ок. 6, *
—	[человѣк (мн. людѣи)]	чер. 17, ок. 6

Ж е н с к и й морф. род

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

1а КАРТА [1950]

РѢБА [220]

дѡмна [3]

царѣвна [4]

[кѹкла (В. мн.
кѹкльѧ)]

[кѹкла (В. мн.
кѹколѧ)]

*

* (o)

[свѧдѣба, усѧдѣба]

* (ь)

1а	бусы [60]	—	омон.	
	[кбзлы]	—	омон., *	
	[ножны]	—	омон., * (ш)	(≡ кбзлы)
	[хлопоты]	—	омон., икц. п. 3	
2а	пуля [50]	богиня [40]		
	капля [20]	[цапля]	*	
	[кухня]	—	* (о)	
	—	[барышня]	* (ш)	(≡ капля)
	распря [7]	тётя [10]	ок. 4	
	плутня [4]	свдня [4]	ок. 4, *	(≡ распря, тётя)
	сакля [6]	[рбхля]	ок. 4, * (о)	(≡ распря, тётя)
	[пригоршня]	—	ок. 4, * (ш)	(≡ распря)
	сбтя [70]	—	чер. 24, *	
	тамбжня [10]	[боярпшня]	чер. 24, * (ш)	(тамбжня ≡ сбтя)
	спальня [60]	—	чер. 24 * (б)	
	ббня [11]	—	чер. 24, * (й)	
	грабли (Р. гра- бель) [2]	—	омон., *	
3а	книга [470]	СОБАКА [190]		
	сказка [1680]	ИСПАНКА [700]	*	
	точка [1550]	КОШКА [280]	* (ш)	
	шпилька [90]	нйнька [40]	* (б)	
	лейка [160]	чайка [60]	* (й)	
	брюки [12]	—	омон.	
	санки [70]	—	омон., *	
	[сумерки]	—	омон., * аном. 4	
	штанийшки [20]	—	омон., * (ш)	(≡ сумерки)
	дёнги (а; устар.) [4]	—	омон., * (б)	
	—	ребятки [4]	деф. 6, *	
	—	ребятинки [6]	деф. 6, * (ш)	
4а	туча [140]	КАССИРША [135]		
	кбрча [4]	юноша [4]	ок. 4.	
	ладбши [2]	—	омон.	
5а	таблица [300]	волчица [870]		
	дверца [2]	—	*	
	—	[куряца]	чер. 9	
	[ножницы]	—	омон.	(= бусы, 1а)
	[пьяльцы]	—	омон., * (б)	
6а	стъя [55]	фёя [7]		
	келья [11]	гбствя [75]	*	
	секвойя [4]	<Майя>	орф. 2	
7а	лйния [1350]	нйфия [20]		
	сатурналы [5]	—	омон.	
1б	черта [135]	мулла [14]		
	пелевй [7]	—	й	
	[мошна]	[княжна]	* (ш)	
	[корчмй]	—	* (ш) аном. 3	
	[тъма (множество)]	—	* (б) аном. 3	
	[каймй]	—	* (й)	
	[брыль]	—	омон.	
	[ножны]	—	омон., * (ш)	
	мгла [7]	—	деф. 9	

2b	стезя́ [5]	{фря (простореч.)}		
	ступня́ [50]	гля [2]	*	(≡ стезя́, фря) (≡ стезя́) (≡ стезя́)
	брехня́ [2]	—	* (о)	
	кleshня́ [3]	—	* (ш)	
	{шестерня́ (диск)}	—	чер. 24, ок. 5, *	
3b	кляю́к [20]	брюзга́ [7]		
	{стегá (обл.)}	—	ё	
	{кочерга́}	{кабарга́}	*	
	кышка́ [2]	—	* аном. 4	
	мга [4]	—	* (ш)	
	{треска́}	—	деф. 9	
4b	каланча́ [20]	ханжа́ [3]		
	—	{госпожа́}	ок. 5	(≡ брюзга́, 3b)
5b	маца́ [3]	—		(≡ черта́, 1b)
	{крепостца́}	—	*	(≡ корчма́, 1b)
	ныльця́ [11]	—	деф. 9	(≡ мгла, 1b)
6b	колей [13]	швей [4]		
	статья́ [11]	{попадья́}	*	
	{ектенья́, епи- тимья́, манатья́}	—	* аном. 1	
7b	{литий, паремий}	<Зульфий>	ок. 8 + 9 + 10	
	—	{судий}	ок. 8 + 9 + 10, акц. л. 3	
2c	—	{дяди (мн. дядьё)}	чер. 12, ок. 1 + 3, *	
1d	труба́ [140] ¹¹	лиса́ [7]		
	звезда́ [3]	жена́ [3]	ё	
	сосна́ [3]	—	*	
	весья́ [5]	—	*, ё	
	{тюрьма́, судьба́}	—	* (б)	
	{тяготá}	—	акц. л. 1	
	—	{сестра́}	акц. л. 3, *, ё	
2d	{заря́ (рассвет) (d)}	—	орф. 3	
	{пешня́}	—	чер. 24, * (ш)	
3d	дугá [9]	{сноха́, слугá}		
	{кирка́}	—	*	
5d	—	{овца́}	акц. п. 3, *	
6d	{струя́}	{змея́}		
	{семья́}	{свинья́, судья́}	икц. п. 3, *	
1e	{пóхороны, вóлосы}	—	омон.	
	{бóубны}	—	омон., *	
2e	{дóбля}	—		
	{дерéвня}	—	ок. 5, *	
3e	{дéньги (e)}	—	омон., акц. л. 3	

¹¹ В том числе около 70 singularia tantum на *инá*, *отá* (для которых схема ударения *d* является лишь потенциальной).

1f губа́ [11]	—	ё	
[слеза́]	—	*	
[копна́]	—	*	
[судьба́ (f; устар.)]	—	*	(b) аном. 3
борода́ [5]	[голова́ (чело- век)]	исх. 3	исх. 3
[железа́]	—	исх. 3, ё	
[сковорода́]	—	исх. 4	
2f ноа́дря, сопля́	—		
[заря́ (рассвет) (f)]	—		
[простыня́]	—	ок. 5, орф. 3	
3f слегá [3]	[блота́]	ок. 5, исх. 3	
[серьга́]	—	*	
4f вожжа́ [4]	—	ё	
[дежа́]	—	ок. 5	(≡ слегá, 3f)
[межа́, свеча́ (Р. мн. свеч)]	—		
6f скамья́ (f)	—	*	
1d' зима́ [7]	—		
[верста́ (d')]	—	ё	
2d' [заря́ (сигнал)]	—	орф. 3	
[земля́]	—	акц. п. 3, *	
3d' [дрога́, река́ (d')]	—		
4d' [душа́]	—		(≡ дрога́, 3d')
1f' гора́ [4]	—		
борода́ [6]	—	исх. 3	
[середа́]	—	исх. 3, ё	
3f' нога́ [5]	—	ё	
[щека́]	—	*	
[доска́]	—		

Средний морф. род.

Морф. неодуш.	Морф. одуш.		
1a БОЛОТО [1050]	чадо́ [2]		
крэ́сло [5]	—	*	
[тя́гло]	—	*	(o)
[ба́ро]	—	акц. п. 2, ё	
поле́но [3]	—	чер. 12, ок. 3, *	
[де́рево]	—	чер. 12, ок. 3,	
[коле́но]	—	акц. п. 2, *	
во́рота [10]	—	чер. 13, ок. 1 + 4	
—	девча́та [3]	омон.	
2a [го́ре]	—	деф. 6	
3a блага́ [4]	—		(≡ болото , 1a)
ве́ко [6]	—	ок. 1	
ведёрко [2]	дѣтятко́ [2]	ок. 1, *	
окб́шко [85]	ча́душко [3]	ок. 1, * (ш)	
—	[соловѣ́йко]	ок. 1, * (ш), В.	
ли́чко [3]	—	ок. 1 + 3	
[дрѣвко́]	—	ок. 1 + 3, *	(≡ ли́чко)

4а жилище [105]	чудóвище [4]	ок. 1	
уеище [25]	—	ок. 1, В	
[вече]	бычйще [9]	ок. 4	
5а сблице [15]	—		(≡ жилище, 4а)
блюдце [15]	—	*	
тельце [18]	—	*(b)	
окóнце [4]	—	ок. 3, *	
[ворóтца]	—	омон., *	
перйльца [2]	—	омон., *(b)	
[щец, древец]	—	деф. 5, омон.	
6а ущеелье [300]	—	*	
платье [5]	—	ок. 3, *	
—	{подмастерье, полудурье}	ок. 3, *, В	
7а здание [3200]	{создание (су- щество)}		
[прёвня]	—	омон.	
1b вещество [30]	существо [2]	*	
[ало]	—	*(o)	
—	{мазлó, треплó (муж. род)}	ок. 1 + 3, В.	
уста [10]	—	омон.	
[письменá]	—	омон., ё	
[кружевá]	—	омон., акц. л. 3	
[сот]	—	деф. 7, *(o)	
[скло (сткло)]	—	деф. 9	
[ничтó (сущес- ствит.)]	—	деф. 11	
3в озеркó [2]	—	ок. 1 + 3, *	
очкó [4]	—	ок. 1 + 3, *(ш)	(≡ озеркó)
—	воронкó [4]	ок. 1 + 3, *, В.	
—	[карькó]	ок. 1 + 3, *(b), В.	(≡ воронкó)
[войскá]	—	омон.	(≡ уста, 1b)
5б ружьецó [5]	—		(≡ веще- ствó, 1b)
словцó [11]	—	*	
сельцó [2]	—	*(b)	
6в питьё [60]	—	*	
[забытьё, полу- забытьё]	—	*, П ₂	
7б {остриё}	—	ок. 3	
житиё [5]	—	ок. 7 + 8 + 9	
1с мёсто [8]	—		
[плёсо]	—	ё	
[кружево]	—	акц. л. 3	
[масло]	—	акц. л. 3, *	
[судно]	—	чер. 7, ок. 3, *	
[дрéво, нёбо, чúdo]	—	чер. 11	
2с [мóре, пóле]	—		
3с [вóйско]	—		(≡ мёсто, 1с)
[óблако]	—	ок. 3	
[óблачкó]	—	ок. 3, *	(≡ óблако)
5с [сёрдце, дёрвце]	—	*	

1d	винó [16]	---	---	---
	селó [11]	{треплó (сред. род)}	---	ě
	числó [7]	---	---	*
	веслó [10]	---	---	*, ě
	окнó [5]	---	---	* (o)
	{стеклó}	---	---	* (o), ě
	{письмó}	---	---	* (b)
	{гумнó (Р. мн. гу- мѣн)}	---	---	акц. п. 3, *
	перó [5]	---	---	чер. 12, ок. 3, *
	{дно}	---	---	чер. 12, ок. 3, ** (o)
3d	{моллокó}	---	---	ок. 1
	{ушкó (мн. ушки)}	---	---	ок. 1, * (u)
5d	{лицó (облнк)}	{лицó (чесю- век)}	---	---
	{берцó, озерцó}	---	---	*, ě
	{кольцó}	---	---	акц. п. 3, * (b)
	{яйцó}	---	---	акц. п. 3, * (й) аном. 1
6d	{копъĕ}	---	---	*
	{ружьĕ}	---	---	*, орф. 5
	{живвьĕ}	---	---	ок. 3, *
3e	{óко}	---	---	чер. 1, ок. 1
	{úхо}	---	---	чер. 3, ок. 1
1f	{таврó}	---	---	---
4f	{плечó}	---	---	ок. 1 + 5
5f	{крыльцó}	---	---	* (b)

{лицó 'об-
лик' ≡ ви-
нó, 1d)
(≡ веслó, 1d)

II субстантивный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род.

2b {путь}

Женский морф. род.

2a радóсть [3000]

лани [25]

даль [7]

П₂

{гроздь (мн.
грѣздьĕ)}

чер. 12, ок. 1 + 3, *

4a залѣжь [40]

орф. 1

{тишь}

орф. 1, П₂

{пóлночь (Р. ед.
полночи)}

чер. 23, акц. п. 1,

орф. 1

2e обласť [50]

стѣрлядь [4]

степь [16]

П₂

{лóшадь (Т. мн.
лошадьмѣ)}

ок. 6

2e	{дверь (Т. мн. дверьми)}	—	ок. 6, П ₂
	—	{мать}	чер. 22
	{сажень (Р. мн. сажен)}	—	чер. 24, акц. л. 3
	{церковь}	—	чер. 26, * (о)
4e	вещь [3]	{мышь, संब- лочь}	орф. 1
	печь [3]	—	П ₂
	{щёлочь}	—	орф. 1, ё
	—	{дочь (Т. мн. дочерьми)}	чер. 22, орф. 1
	—	{дочь (Т. мн. дочерьми)}	чер. 22, ок. 6, орф. 1
2b'	{Русь}	—	
	{любовь, нелю- бовь}	—	* (о)
4b'	{глушь}	—	орф. 1
	{ложь, рожь}	{вошь}	* (о), орф. 1

Средний морф. род.

2a	{знамя}	—	чер. 20 + 27, акц. н. 2, ё
	{пблымя}	—	деф. 12
2b	{порося}	—	деф. 11
2c	йма [9]	—	чер. 20 + 27, е
	{семя, стрёмя}	—	чер. 21 + 27, орф. 4
2e''	—	{дитя}	чер. 5 + 28, ок. 1 + 6 + 11

Адъективный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род.

1a	двугривенный [9] сúточные [8]	ВОЖАТЫЙ [140] <белые, чёрные (в шахматах)> [новобрачные]	омон. деф. 6
2a	—	блiжний [4]	деф. 6
	—	{дрéвние, до- мáшные}	деф. 6
3a	{целковенький} {áвторские}	ру́сский [17]	омон.
4a	{толкúчий}	лéший [70]	
5a	—	{кúцый (ваяц)}	
1b	{выходной, золо- тбй}	портнóй [50]	

1a	позывные [3]	—	омон. деф. 6
	—	[молодые, род- ные]	
3b	—	глухой [5]	
4b	—	чужой [2]	(≡ <i>глухой</i> , 3b)

Женский морф. род.

1a	столбовая [85]	горничная [80]	
2a	преисподняя [3]	малолетняя [2]	
3a	парикмахерская [25]	русская [5]	
4a	прихожая [8]	гончая [30]	
1b	запята [20]	борзая [20]	
3b	мастерская [4]	глухая [3]	
4b	—	[чужая]	(≡ <i>глухая</i> , 3b)

Средний морф. род.

1a	сказуемое [100]	животное [60]	
2a	среднее [3]	—	
3a	лёгкое [13]	ластонбное [12]	
4a	подлежащее [12]	млекопитающее [7]	(<i>подлежа-</i> <i>щее</i> ≡ <i>среднее</i> , 2a)
1b	заливное [10]	—	
3b	[жарков]	—	

Адъективно-возвратный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род.

4a	—	трудящийся [6]	
	—	[бращающиеся]	деф. 6

Женский морф. род.

4a	—	учащаяся [2]	
----	---	--------------	--

Средний морф. род.

4a	—	[пресмыкаю- щаяся]	
----	---	-----------------------	--

I местоименный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род

4a	—	[наш, ваш]	
6a	—	[третий]	*
6b	—	[мой, твой, свой]	

Женский морф. род

6a	[третья, деви́чья]	—	*
6b	[ни́чья]	—	*

Средний морф. род

6a	[третье]	—	*
----	----------	---	---

Притяжательный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род

1a	[кабельтов]	⟨Попов, Пуш-кин⟩
1b	—	⟨Шльин⟩

Женский морф. род

1a	—	⟨Попова, Пуш-кина⟩
1b	—	⟨Ильина⟩

Средний морф. род

1a	⟨Кунцево, Марфино⟩	—
1b	⟨Бородино⟩	—

Нулевой тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

1a шоссе [380]

Средний морф. род

РАЗДЕЛ III

СЛОВА СОГЛАСУЕМО-БЕСЧИСЛОВОГО РАЗРЯДА

Адъективный тип склонения

- 1а [каждый] Ед. морф. число
 Ми. морф. число
- 1а [некоторые]
 3а [многие, немногие]

I местоименный тип склонения

- Ед. морф. число
- 1б [одни (числительное)] чер. 37, * аном. 1
 Мн. морф. число
- 3а несколько (вариант, где В. одуш. = Р.) [3] ок. 18
- 1е пятеро [б] деф. 15, ок. 18
 [оба] деф. 16, чер. 44 (+54), ок. 19,
 акц. п. 4
- 6е [двое, трое] деф. 15, ок. 18

II местоименный тип склонения

- Мн. морф. число
- 2б [все]

Аномальный тип склонения

- Ед. морф. число
- 1е" [полтора] деф. 16, чер. 50, ок. аном. 2,
 акц. л. 1, В. муж.
- Мн. морф. число
- 1е [два] чер. 52, ок. аном. 3, акц. п. 5
 2е [три] чер. 51+52, ок. аном. 4, акц. п. 5
 [четыре] чер. 51+53, ок. аном. 5, акц. л. 5

РАЗДЕЛ IV

СЛОВА НЕСОГЛАСУЕМО-БЕСЧИСЛОВОГО РАЗРЯДА

I субстантивный тип склонения

- Ед. морф. число, морф. класс 1
- 1а [пол (половина)] деф. 4
- Ед. морф. число, морф. класс 2
- 3а [друг друга] деф. 1
- Ед. морф. число, морф. класс 3
- 4а [тысяча (числительное)] ок. 12

Ед. морф. число, морф. класс 4

1b [я]	чер. 45 (+ 55) + 57, ок. 14 + 15
[ты]	чер. 46 (+ 56) + 57, ок. 14 + 15
2b [себя]	деф. 1, чер. 56 + 57, ок. 14

Ед. морф. число, морф. класс 6

1a [мáло, немáло]	деф. 4
-------------------	--------

Мн. морф. число, морф. класс 2

1b [вы]	ок. 16 + 17
[мы]	чер. 47, ок. 16 + 17

Мн. морф. число, морф. класс 3

1b [пятьсо́т, шестьсо́т, семьсо́т, девятьсо́т]	чер. 58, ок. 13, * (o)
[восемьсо́т (Т. <i>восемьюста́ми</i>)]	чер. 58, ок. 13, ** (o)
[восемьсо́т (Т. <i>восьмьюста́ми</i>)]	чер. 42 + 58, ок. 13, * (o)
2e [двѣсти]	чер. 49 + 59, * (o)

Мн. морф. число, морф. класс 5

1e [триста]	чер. 60, * (o)
[четы́реста]	чер. 61, * (o)

II субстантивный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 4

1a [пятьдеся́т, шестьдеся́т]	чер. 43 + 58, акц. л. 1
[се́мьдеся́т]	чер. 43 + 58, акц. п. 1
[во́семьдеся́т (Т. <i>восемьюдеся́тью</i>)]	чер. 43 + 58, акц. п. 1, * (b)
[во́семьдеся́т (Т. <i>восьмьюдеся́тью</i>)]	чер. 42 + 43 + 58, акц. пп. 1
2a [о́днана́дцать [9]]	
2b [пять, шесть, семь]	
[дѣвять, де́сять, два́дцать, три́дцать]	исх. 2
[во́семь (Т. <i>восемью́</i>)]	исх. 2, * (b)
[во́семь (Т. <i>восьмью́</i>)]	чер. 42, исх. 2

Адъективный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 2

1a [ка́ждый]
1b [любо́й]

Ед. морф. число, морф. класс 5

3a [мно́гое, немно́гое, вся́кое]
4a [прóчее]
1b [оста́льные]

Мн. морф. число, морф. класс 2

1a [не́которые]
3a [мно́гие, немно́гие]

I местоименный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 2

1b [он] чер. 48, предл.

Ед. морф. число, морф. класс 4

1b [она] чер. 48, ок. 20 + 21, предл.

Ед. морф. число, морф. класс 6

1b [онó] чер. 48, предл., В.

Мн. морф. число, морф. класс 1

3a несколько (вариант, где В. = Р.) [5] ок. 18

Мн. морф. число, морф. класс 2

2b [они] чер. 48 + 49, предл.

II местоименный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 5

1a [не́кто] деф. 3

[ни́что] деф. 4

4a [не́чего] деф. 2, предл.

1b [что] чер. 41, орф. 8

[ни́что] чер. 41, орф. 8, предл.

2b [всѣ]

Ед. морф. число, морф. класс 6

3a [не́кого] деф. 1, предл., В.

1b [кто] чер. 41, В.

[ни́кто] чер. 41, предл., В.

Мн. морф. число, морф. класс 2

2b [все]

Аномальный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 1

3b [сорок] ок. аном. 1, исг. 2

Ед. морф. число, морф. класс 5

1a [девяно́сто] ок. аном. 1

[полтора́ста] чер. 50, ок. аном. 2

1b [сто] ок. аном. 1

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры означают параграфы, где термин определяется или где его значение раскрывается каким-либо иным способом. Пометы типа «для главы 2» (после номера параграфа) показывают границы, в которых термин используется в значении, указанном этим параграфом. Для удобства многие составные термины приведены в указателе дважды (по начальному слову и по ключевому слову). В указатель не включена часть рабочих терминов, используемых только в пределах того параграфа, где они вводятся.

- акцентуационное отклонение 6.41
акцентуированная орфографическая запись 0.4
аналитическая форма слова 1.8
атрибутивная связь 2.14
атрибутивная словоформа 2.22
атрибутивность—неатрибутивность 2.22
беглая гласная 6.24, 6.36
вариант:
 словоформы-варианты (словоформы, являющиеся вариантами друг друга) 1.7, 4.3
 в. парадигмы 4.3
вид словоформы:
 действительный в. с. 6.14
 условный в. с.: а) вообще 6.14, 6.35; б) принятый в настоящей книге 6.26, 6.35
внешняя сторона («выражение») 1.1
внутреннее устройство парадигмы см. парадигма
внутренняя сторона («содержание») 1.1
вторичная словоформа 6.3, 6.50
«выражение» (внешняя сторона) 1.1
гласная [буква] 0.5
грамматическая категория 1.6
 словоизменятельная г. к., классифицирующая г. к. 1.9
 частная г. к., обобщенная г. к. 1.11
 г. к. атрибутивности—неатрибутивности 2.22
 г. к. одушевленности—неодушевленности 2.17, 2.19, 2.21
 г. к. падежа 2.2, 2.10, 2.21
 г. к. рода 2.17, 2.18, 2.19, 2.21
 г. к. согласовательного класса 2.17, 2.18, 2.19, 2.21
 г. к. числа 2.11, 2.12, 2.13, 2.21
грамматическая форма (словоизменятельное грамматическое значение) 1.10
грамматически правильная фраза 2.3
грамматический разряд 1.11, 3.2
грамматическое значение 1.5
 словоизменятельное г. з. (грамматическая форма) 1.10
 эталонное г. з. 6.11
 г. з. представлено у лексемы 1.7
 г. з. представлено в парадигме 1.8
 г. з. дополнительно приписано лексеме 1.7
граммема 1.6
«двойное склонение» 4.1, 6.33
действительный: д. вид словоформы, д. окончание, д. основа, д. ударение 6.14
дефективный набор грамматических значений 1.7
дефекты парадигмы 3.4
достаточная детальность классификации 6.1
значение:
 номинативное з., синтаксическое з. 1.4
 грамматическое з. (см. также *отдельно*), неграмматическое з. 1.5
 собственно номинативное з. 1.5
 з. лексемы, з. слова 1.7
 з. сегмента 2.2
 з. различительного признака 0.3
избыточная детальность классификации 6.1
изменяемая часть основы 5.4
имя 0.1, 2.1, 4.1
исходная словоформа 0.5, 3.2, 3.4
исходный материал 0.1, 4.1
категория см. грамматическая категория

- класс стандартный эталонных наборов условных окончаний 6.27
- класс чередований 6.24
- классификация 0.2
- древовидная к., универсальная к. 0.3
- клетка парадигмы 1.8
- контекст 2.3
- к. допускает сегмент 2.3
- диагностический к. 2.16
- краткие формы прилагательных 2.22
- лексема (парадигматическое слово) 1.2, 1.7
- омонимичные лексемы 1.7
- лингвистическая пропорциональность 5.1
- местоимение-существительное 2.1
- морфологический класс 6.9, 6.12, 6.13
- морфонологический тип 6.43
- набор окончаний *см.* парадигма
- набор условных окончаний: собственный, эталонный, стандартный эталонный 6.27
- неатрибутивная словоформа 2.22
- неизменяемая часть основы 5.4
- неслоговой: н. буквенная цепочка, н. окончание, н. основа 0.5
- пулевой:
- н. окончание, н. основа 4.4
- н. ступень чередования 6.24
- н. тип склонения 6.27
- обратный алфавитный порядок 0.5
- однопадежный ряд 2.4
- одушевленность—неодушевленность 2.17, 2.19, 2.21
- морфологическая о.—н. 6.9
- окончание 4.4
- действительное о., условное о. 6.14
- стандартное условное о., нестандартное условное о. 6.30
- нулевое о. 4.4
- омонимия:
- о. лексем 1.7
- о. словоформ 1.2
- о. чисел 6.51
- основа 4.4
- действительная, о., условная о. 6.14
- пулевая о. 4.4
- падеж 2.2, 2.10, 2.21
- «подчиняющий» п. 1.3, 2.14
- «подчиненный» п. 1.3, 2.2
- именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный падежи 2.5
- 2-й предложный (местный) п. 2.6, 6.54
- 2-й родительный п. (количественно-отделительный п., партитив) 2.7, 6.53
- «ждательный» п., «включительный» п. 2.9
- парадигма 0.1, 1.8, 1.10
- дефектная п. 1.8, 3.4
- полная п. 6.4
- расширенная п. 1.8
- суженная п. 6.4 (*см. также отдельно*)
- п. с колебаниями 4.3
- парадигмы имеют одинаковое внутреннее устройство 3.1
- парадигмы имеют одинаковый набор окончаний 5.3
- парадигмы имеют подобные наборы основ 5.4
- парадигмы имеют одинаковое распределение ударения 5.5
- парадигмы имеют одинаковое распределение сдвигов ударения 5.5
- парадигмы одинаково акцентуированы 5.5
- парадигмы эквивалентны 5.1, 5.6, 6.4, 6.14
- парадигматическая схема 1.11
- парный род 2.19
- партитив (2-й родительный падеж) 2.7
- первичная словоформа 6.3, 6.50
- подобные наборы основ *см.* парадигма
- полная ступень чередования 6.24
- полная характеристика парадигмы: а) вообще 6.1; б) принятая в настоящей книге 6.57
- полные формы прилагательных 2.22
- правило распределения ступеней формального чередования 6.23
- правило распределения ступеней чередования 6.24
- предикативная связь 2.16
- предметное слово 2.1
- признак *см.* различительный признак
- прилагательное 2.1 (*для главы 2*), 3.2 (*для глав 3—7*)
- отрицательное п. 3.2
- припредложный: п. сегмент, п. словоформа, п. форма 2.10
- причастие 2.1, 3.2
- пустая клетка 1.8
- различительный признак 0.3
- главный р. п., второстепенный р. п. 6.57
- разряд (*см. также* грамматический разряд): расширенный адъективный, простой адъективный, субстантивный, согласуемо-бесчисловой, несогласуемо-бесчисловой 3.2

- распределение сдвигов ударения *см.* парадигма
- распределение ударения *см.* парадигма
- «расщепление» парадигмы с колебаниями 4.3
- род 2.17, 2.18, 2.19, 2.21
- мужской, женский, средний, парный роды 2.19
- морфологический р. 6.9, 6.12, 6.13
- ряд однородных элементов значения 1.3
- самостоятельный: с. сегмент, с. словоформа, с. форма 2.10
- связь *см.* синтаксическая связь
- сдвиг ударения 5.5
- сегмент 1.2
- абстрактный с., конкретный с. 1.2
- субстантивный с. 2.2
- с. лексемы 1.7
- синтаксическая связь 2.14
- непосредственная с. с., опосредствованная с. с. 2.14
- атрибутивная с. с. 2.14
- предикативная с. с. 2.16
- согласовательная с. с. 2.16
- синтез 0.2
- с. парадигм 7.1
- склонение: а) 0.1; б) сокращение от «тип склонения» 6.27
- слово (парадигматическое слово, лексема) 1.2
- синтагматическое с. (словоформа) 1.2
- парадигматическое с. (лексема) 1.2
- предметное с. 2.1
- с.-атрибут 2.1, 2.21
- слова типа *сáни* 2.12
- слова типа *черни́ла* 2.12
- словоизменение 0.1, 3.1
- именное с. 0.1
- словоформа 1.2
- абстрактная с., конкретная с. 1.2
- акцентуационно правильная с., акцентуационно неправильная с. 6.41
- атрибутивная.. с неатрибутивная с. 2.22
- главная с. (главная из словоформ-вариантов) 4.3
- исходная с. 0.5, 3.2, 3.4
- омонимичные словоформы 1.2
- первичная с., вторичная с. 6.3, 6.50
- припредложная с., самостоятельная с. 2.10
- словоформы-варианты 1.7, 4.3
- счетная с. 2.8
- слог 0.5
- слоговой: с. буквенная цепочка, с. окончание, с. основа 0.5
- согласная [буква] 0.5
- согласование 2.14, 2.21
- словоизменяемое с., внесловозменяемое с., с. по некоторой частной грамматической категории 2.14
- согласовательная связь 2.16
- согласовательный класс 2.15, 2.16
- «скрещенный» с. к. 2.15, 2.20, 2.21
- «содержание» (внутренняя сторона) 1.1
- соответствие через эталон 6.5, 6.6, 6.11
- состав ступеней формального чередования 6.23
- состав ступеней чередования 6.24
- стандартный набор (стандартный эталонный набор условных окончаний) 6.27
- степени сравнения 2.23
- ступень формального чередования 6.23
- ступень чередования 6.24
- пулевая с. ч., полная с. ч. 6.24
- суженная парадигма 6.4
- с. п. действительного уровня, с. п. условного уровня 6.14
- существительное 2.1 (для главы 2), 3.2 (для глав 3—7)
- отадъективное с. 3.3
- схема действительного ударения 6.18
- схема ударения: а) вообще 6.18 (для § 6.13—6.21); б) сокращение от «эталонная схема условного ударения» 6.16 (для остального текста)
- схема условного ударения: а) вообще 6.18; б) принятая в настоящей книге 6.16
- собственная с. у. у. 6.16
- эталонная с. у. у. (схема ударения) 6.16
- схема функционального ударения 6.18
- счетная словоформа 2.8
- счетная форма 2.8
- тип склонения 6.27, 6.29
- I субстантивный, II субстантивный, адъективный, адъективно-возвратный, I местоименный, II местоименный, притяжательный, пулевой типы склонения 6.27
- требование достаточной детальности классификации 6.1

- требование обязательности 1.5
 требование регулярности 1.5
 требовать: словоформа *A* требует словоформу (сегмент) *B* 2.14
 ударение 0.5, 5.5
 главное у., второстепенное у. 0.5
 действительное у. 6.14, 6.18
 условное у.: а) вообще 6.14, 6.18; б) принятое в настоящей книге 6.15
 функциональное у. 6.18
 условный:
 у. вид словоформы см. вид словоформы
 у. окончание, у. основа 6.14
 у. ударение см. ударение
 форма см. грамматическая форма
 формула перехода 6.25
 цепь формул перехода 6.25
 чередование 6.24
 ч., допустимое для парадигмы, ч., представленное в парадигме 6.24
 позиционное ч., непозиционное ч., акцентно-позиционное ч., собственно позиционное ч. 6.24
 внутреннее ч. 6.24
 конечное ч. 6.32
 формальное ч. 6.23
 формальное ч., представленное в парадигме 6.23
 ч. беглой гласной с нулем 6.24, 6.36
 числительное 2.1, 2.21
 количественное ч. 2.21
 порядковое ч. 2.1
 собирательное ч. 2.21
 число 2.11, 2.12, 2.13
 единственное ч., множественное ч. 2.11
 «ограниченное» ч. 2.8
 морфологическое ч. 6.7
 пишущая [буква] 0.5
 эквивалентность парадигмы 5.1, 5.6, 6.4, 6.14
 элемент значения 1.3
 номинативный э. з., синтаксический э. з. 1.4
 грамматический э. з., неграмматический э. з. 1.5
 собственно номинативный э. з. 1.5
 однородные элементы значения 1.3
 сопряженные элементы значения 1.6
 элементарный класс парадигм 5.6
 элементарный подкласс парадигм 6.1
 эталон для сравнения парадигм различного внутреннего устройства 6.5
 этапы классификации 5.1
 pluralia tantum 2.12, 2.18, 2.19
 singularia tantum 2.12, 2.18

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

В указатель включены только пмена. Порядок — обратный алфавитный. Цифры обозначают страницы. Упоминание некоторого слова на некоторой странице книги отмечается в указателе: 1) обязательно, если это слово упомянуто как таковое (а не в качестве примера); 2) обязательно, если слово выступает как образец в «Приложении» или в обзорной таблице; 3) в выборочном порядке — если слово приведено в качестве примера (отмечаются в основном те случаи, когда представляемая этим примером группа слов сравнительно мала). В указатель не внесены, однако, списки слов, исключаемых из исходного материала (см. § 4. 1), и слов, выступающих в устойчивых выражениях (см. § 4.2, 6.53 и 6.54). Ради краткости часть омонимов в указателе не разграничена.

раба́ 166
 божба́ 166
 изба́ 164, 165
 оба́ 47, 48, 52, 67, 71, 77, 86, 97,
 100, 113, 138, 212, 232, 234, 236,
 241—243, 246, 257, 298, 320
 скоба́ 164
 арба́ 164, 270
 губа́ 164, 165, 173, 187, 190, 314
 иоруба́ 98, 105, 214
 труба́ 164, 313
 рыба́ 127, 128, 191, 311
 свадьба́ 268, 270, 273, 311
 усадьба́ 270, 311
 судьба́ 164, 165, 260, 270, 271, 275,
 313, 314
 резьба́ 165, 273
 стрельба́ 164, 273
 хвальба́ 166
 мольба́ 100, 166
 гурьба́ 166
 просьба́ 268
 глава́ 164
 трава́ 164
 два́ 47, 48, 52, 67, 68, 76, 84—86,
 97, 113, 138, 152, 157, 192, 212,
 218, 233, 234, 242, 243, 246, 254,
 257, 266, 320
 кружева́ 61, 256, 279, 315
 ллева́ 166
 бечева́ 273
 цдова́ 164
 голова́ 123, 126—128, 164, 165, 264,
 314

Попо́ва 218, 319
 дрова́ 148, 279
 сова́ 164
 листьва́ 60
 Льва́ 100
 ага́ 166
 альпага́ 214
 полшага́ 105, 110, 156
 бега́ 142, 224, 279
 слега́ 164, 273, 314
 стега́ 166, 273, 313
 рю́зга 270
 брю́зга 166, 313
 кни́га 49, 264, 312
 сайга́ 166
 иволга́ 270
 мга́ 100, 313
 Мга́ 100
 тамга́ 166
 нога́ 164, 165, 191, 314
 дрога́ 165, 314
 доро́га 119
 острога́ 166
 кабарга́ 270, 313
 карга́ 166, 270
 кочерга́ 202, 260, 270, 275, 315
 пурга́ 166
 дуга́ 164, 313
 слуга́ 148, 164, 313
 друг дру́га 53, 98, 99, 105, 138, 140,
 142, 212, 320
 серья́ 164, 270, 273, 314
 ша́ньга 270
 яга́ 166
 брада́ 166.

- страда́ 164
 еда́ 165, 273
 беда́ 128, 164, 261, 262, 272, 273
 лебеда́ 273
 середá 164, 264, 273, 314
 череда́ 273
 средá (день) 164, 165, 273
 средá (окружение) 164, 273
 чреда́ 166
 нужда́ 164
 бразда́ 166
 звезда́ 164, 235, 261, 262, 272, 273, 313
 мзда 100
 борозда́ 164, 165, 264, 314
 узда́ 164
 балда́ 166
 Мда 100
 му́нда 98, 105, 214
 слобода́ 164, 165, 264
 вода́ 45, 165
 воево́да 93, 147
 борода́ 128, 164, 264, 314
 сковорода́ 127, 164, 165, 264, 314
 скорода́ 164, 264
 скирда́ 164
 орда́ 164
 уда́ 164
 дуда́ 166
 зуда́ 166
 руда́ 165
 слюда́ 108, 165
 грядá 164, 165
 обжа́ 164, 230, 231, 270
 ра́джа 106, 107, 230
 магарáджа 230
 дежа́ 164, 273, 314
 межа́ 164, 165, 231, 273, 314
 Сөрэжа́ 231
 мрежа́ 230
 вожжа́ 164, 165, 314
 ханжа́ 148, 166, 313
 госпожа́ 231, 313
 ба́ржа 166
 ко́бза 166
 железа́ 164, 165, 264, 273, 314
 слезá 164, 165, 273, 313
 дереза́ 273
 егоза́ 166
 коза́ 67, 73, 79, 165
 стрекоза́ 165
 лозá 165
 гроза́ 165
 мирза́ 166
 му́рза 166
 у́за 166
 соба́ка 312
 кака́ 214
 альпакá 214
 массакá 98
 калéка 68, 148
 река́ 164, 165, 273, 314
 чека́ 166
 щекá 164, 273, 314
 ло́жка 134, 273
 скáзка 270, 273, 312
 развя́зка 49
 га́йка 273
 ча́йка 119, 270, 312
 индéйка 119
 ле́йка 312
 камка́ 100
 испáнка 312
 дýнка 214
 мальчо́нка 238
 торока́ 112, 223, 279, 309
 строкá 164, 165
 кирка́ 165, 313
 лáска 270
 треска́ 100, 312
 войска́ 61, 105, 179, 202, 270, 315
 доска́ 164, 314
 тоска́ 60, 100
 лука́ 165
 мука́ 165
 рука́ 61, 127, 164, 165, 186, 190
 анту́ка 98, 214
 штука́ 61
 дево́чка 49
 то́чка 266, 271, 312
 башка́ 100, 166
 кишкá 119, 166, 313
 доми́шка 148
 парни́шка 148
 зайчи́шка 148
 бычи́шка 148
 ко́шка 134, 312
 шпýлька 123, 270, 273, 312
 пенькá 100
 нянька́ 312
 клюкá 166, 313
 жва́ла 60, 279
 хва́ла 166
 гала́ 214
 пиала́ 166
 скала́ 165
 шка́ла 165
 сусáла 279
 игла́ 165, 270
 мгла́ 100, 312
 полумгла́ 100, 104
 стрелá 165, 273
 пчелá 165, 273
 уди́ла 163, 279
 кила́ 164
 белы́ла 279

- черніла 60, 77, 279
 пи́ла 165
 стропі́ла 60, 279
 пері́ла 279
 пасти́ла 165
 кайла́ 166
 кукла́ 270, 311
 га́лла 214
 мулла́ 166, 312
 зола́ 165
 смола́ 165
 по́ла 165
 чре́сла 279
 Про́мысла́ 144
 ветла́ 165, 270, 273
 метла́ 123, 165, 270, 273
 аку́ла 93, 147
 скула́ 165
 хула́ 166
 брыла́ 166
 юла́ 166
 дрема́ 166, 273
 зима́ 165, 186, 190, 314
 кайма́ 166, 270, 312
 чалма́ 166
 корма́ 166
 хурма́ 166
 басма́ 165
 кума́ 166
 сума́ 166
 корчма́ 166, 260, 270, 275, 312, 313
 кошма́ 164
 тюрма́ 165, 270, 271, 313
 тьма (*жрак*) 100
 тьма (*множество*) 187, 190, 260, 270,
 275, 312
 полутьма́ 100, 104
 страна́ 165
 царевна́ 311
 сто́гна 270
 ехíдна 270
 жена́ 42—44, 46, 47, 53, 165, 273,
 313
 белена́ 273
 пелена́ 273, 312
 плена́ 166
 рамена́ 279
 письмена́ 273, 279, 315
 стена́ 48, 67, 73, 79, 164, 165, 273
 цена́ 165, 273
 княжна́ 166, 312
 казна́ 100, 166
 глубина́ 124, 125, 165
 вина́ 124, 125, 165
 седи́на 165
 уро́дина 148
 Пу́шкина 319
 дли́на 165
 цели́на 107
 до́йна 148, 149
 бара́нина 60
 спи́на 128, 165
 балери́на 147
 быстри́на 165
 куси́на 148
 паспорти́на 149
 мости́на 148
 молодчи́на 148
 мужчи́на 92, 93, 147, 148
 величина́ 107, 124, 125, 127, 165
 кирпи́чина 149
 купчи́на 148
 ветчи́на 165
 бычи́на 148
 старшина́ 107, 165
 выши́на 165
 Ильи́на 319
 война́ 165, 270
 волна́ 164, 165, 270
 желна́ 165
 до́мна 270, 273, 311
 ва́нна 270
 она́ 52, 53, 61, 98, 105, 112, 113, 133,
 138, 142, 157, 212, 232—234, 242,
 246, 289, 290, 299, 322
 болонá 164, 264
 боронá 164, 264
 сторонá 164, 165, 264
 ко́пна 164, 314
 зурна́ 166
 весна́ 165, 273, 313
 десна́ 165, 273
 блесна́ 165, 273
 сосна́ 165, 270, 313
 плюсна́ 165
 луна́ 165
 струна́ 165
 хна 100, 270
 Цна 100
 мошна́ 166, 312
 слюна́ 238
 румя́на 279
 па 214
 щепá 164, 273
 толпа́ 51, 165
 тропá 164
 стопá 165, 166
 скорлупá 165
 крупá 165
 жарá 165
 баккара́ 214, 217
 мошкара́ 60
 па́ра 61
 бра 214
 игра́ 165
 ча́дра 166

- полведра́ 78
 не́дра 279
 икра́ 165
 бо́ра 166
 го́ра 126, 127, 164, 165, 264, 314
 ко́ра 165
 но́ра 165
 по́ра 164
 полго́ра 47, 48, 67, 77, 85, 97, 100,
 112, 138, 157, 212, 233, 234, 242,
 244, 246, 256, 279, 280, 320
 просфо́ра (просвира́) 164, 262
 Пра́ 100
 копра́ 166
 полме́тра 78
 сестра́ 49, 165, 190, 191, 257, 270,
 271, 273, 313
 кобура́ 166
 конура́ 127, 128, 166
 тура́ 166
 дыра́ 165
 Юра́ 217
 колбаса́ 165
 краса́ 166
 полчасá 78, 85, 105, 108, 156
 небеса́ 61, 105, 237, 279
 словеса́ 279
 леса́ (*удочки*) 108, 165, 273
 леса́ (*строительные*) 142, 224, 279, 309
 телеса́ 285
 киса́ 166
 лиса́ 165, 313
 оса́ 165
 коса́ 165
 полоса́ 164, 165, 264
 роса́ 165
 хауса́ 98, 105, 214
 чаруса́ 279
 деньжа́та 279
 врата́ 279
 фата́ 166
 девча́та 59, 77, 99, 314
 внуча́та 99
 лета́ 163, 279
 ме́та 165, 273
 тенёта 279
 четá 166
 битá 166
 плитá 165
 фитá 166
 долготá 165
 тяготá 165, 256, 313
 мерзлотá 165
 кислотá 165
 длиннотá 165
 тошнотá 165
 сиротá 67, 68, 69, 148, 165
 широтá 165
 во́рота 58, 59, 77, 148, 173, 279, 314
 красотá 165
 высотá 165
 частотá 165
 пустотá 165
 лаптá 166
 карта́ 173, 186, 190, 218, 264, 266, 311
 черта́ 168, 173, 186, 190, 312, 313
 полтора́ста 97, 113, 138, 140, 142,
 147, 149, 212, 233, 234, 242, 246, 322
 четы́реста 97, 113, 138, 142, 157,
 203, 212, 243, 245, 258, 270, 274, 321
 кистá 166
 глиста́ 166
 три́ста 97, 113, 138, 142, 157, 202,
 212, 218, 243, 246, 270, 271, 274, 321
 Мста́ 100
 ста́роста 49
 верста́ 165, 273, 314
 полуверста́ 78
 уста́ 279, 315
 тахта́ 166
 мечта́ 100, 166
 ребята́ 59, 78, 99, 108
 пята́ 164
 а́ста 214
 буржуа́ 148
 фа́ 214
 графа́ 166
 дрофа́ 165
 строфа́ 164, 165
 софа́ 165
 люфа́ 166
 стреха́ 165, 273
 доха́ 165
 блоха́ 164, 165, 314
 сноха́ 165, 313
 кроха́ 164, 165
 потроха́ 61, 142, 224, 279
 соха́ 165
 чохá (*чухá*) 166
 уха́ 165
 ольха́ 165
 маца́ 313
 овца́ 165, 257, 270, 313
 грязца́ 100
 таблица́ 312
 ку́рица 237, 243, 245, 312
 пепельница́ 278
 спи́ца 264
 пти́ца 266
 волчи́ца 314
 ленца́ 100
 двёрца 270, 312
 шпо́рца 270
 сырца́ 100
 трусца́ 100
 рысца́ 100

грязотца́ 100
 красотца́ 100
 хрипотца́ 100
 воротца́ 279, 315
 крепостца́ 100, 270, 313
 жужжальца́ 279
 гнильца́ 100
 перильца́ 270, 279, 315
 сольца́ 100
 пыльца́ 100, 313
 свеча́ 164, 231, 273, 314
 чу́кча 230, 231
 каланча́ 313
 нарча́ 166
 парча́ 166
 ко́рча 230, 231, 312
 ту́ча 264, 266, 312
 бахча́ 107, 166
 паша́ 166
 папáша 231
 антраша́ 214
 левша́ 166
 юноша́ 148, 189, 190, 230, 312
 парша́ 166
 ве́рша 230, 231
 касси́рша 312
 душа́ 165, 314
 праца́ 166
 дома́ща 148
 бычи́ща 148
 мо́ща 164
 ты́сяча 97, 138, 142, 212, 232, 234, 320

раб 160
 штаб 159
 хлеб 223
 по́греб 223, 224
 я́стреб 223, 227
 гриб 160
 столб 160
 боб 160
 зоб 159, 286
 лоб 269, 286, 287, 308
 же́лоб 223, 224, 272, 310
 ко́лоб 223, 224
 спосо́б 172
 гроб 159, 227, 286
 ко́роб 223, 224
 герб 134, 160, 285
 горб 111, 134, 160, 285, 286, 308
 дуб 159, 286
 зуб 158, 237, 285, 311
 куб 159
 луб 237
 клуб 158, 159
 о́труб 223, 224
 зуб 159
 люб 98, 99, 168, 304

рука́в 162, 224, 309
 бура́в 162
 при́став 223, 224, 258
 поста́в 158, 224
 лев 123, 187, 190, 260, 269, 275, 309
 хле́в 223, 286
 ца́рѣв 213
 те́терев 223, 224
 шки́в 159
 ку́зов 223, 227
 како́в 98, 99, 168, 304
 тако́в 98, 99, 168, 213, 304
 пло́в 282
 же́рнов 223, 227, 272, 310
 Попо́в 218, 319
 ров 269, 271, 286, 287, 308
 покрóв 162
 бо́ров (часть дымохода) 223, 224
 бо́ров (кабан) 158, 224, 311
 но́ров 224
 о́стров 223, 227, 285
 полуо́стров 104, 223
 че́ртов 213
 ка́бельтов 214, 218, 319
 отцо́в 306
 шов 269, 308
 волхв 160

обшла́г 162, 224, 309
 овра́г 160, 261, 262, 264
 оча́г 162
 боча́г 162
 рыча́г 162
 шаг 46, 47, 108, 159, 286, 288, 310
 снег 223, 282, 286, 310
 брег 223
 бе́рег 44, 126, 127, 223, 224, 286
 визг 283
 мозг 159, 282, 286, 310
 сиг 160
 долг 159, 283, 286, 310
 пѣленг 224
 пудинг 282
 ри́слинг 282
 бог 158, 311
 подо́г 162
 лог 223, 286
 по́лог 224
 прóлог 224
 сло́г 158, 227, 311
 сапо́г 60, 61, 162, 186, 190, 228, 309
 ро́г 223
 гро́г 282
 пирóг 45, 162
 во́рог 224
 тво́рог 162, 224, 282, 283
 батóг 162

- стог 223, 286
 четвёрг 162
 торг 159, 286
 луг 223, 286, 310
 плуг 159, 227, 310
 терпуг 162
 друг 114, 159, 222, 228, 234, 235,
 237, 243, 245, 310
 круг 159, 286
 округ 223, 224, 310
 полукруг 104
 хребтуг 162
 жёмчуг 223, 227, 282, 310
 сычуг 162
 вертлюг 162
 овсюг 162
 бятюг 162
 утюг 162
- ад 44, 286, 307
 зад 159, 286
 лад 159
 мармелад 282
 склад 159
 шоколад 282
 маринад 282
 рафинад 282
 лимонад 282
 рад 90, 98, 99, 213, 303
 град 282
 виноград 282
 сад 46, 110, 159, 172, 187, 190, 286,
 288, 310
 чад 282, 286, 307
 лёд 159, 269, 282, 283, 286, 287, 309
 след 46, 47, 159, 286, 288, 310
 мед 43, 44, 159, 272, 282, 286, 310
 бред 283, 286
 вред 160
 веред 224
 перёд 126, 127, 158, 224, 227, 256,
 272, 286, 310
 черёд 162, 272, 308
 сосед 203, 238, 243, 245, 307
 горазд 98, 99
 поезд 49, 223, 224
 грозд 237
 дрозд 160
 жид 160
 стрептоцид 282
 обод 237, 257
 завод 172, 218, 266, 307
 невод 223, 227
 взвод 227
 привод 225
 овод 223, 227
 повод 224, 237, 257, 286, 307
 првод 223, 224
- год 108, 158, 223, 239, 245, 286, 310, 311
 йод 282
 глод 224
 солод 224, 282
 холод 223, 224, 283, 286, 310
 плод 160
 под 159, 286
 род 159, 227, 286
 народ 283
 сброд 283
 город 124, 125, 224, 225
 кислород 282
 ход 158, 159, 223, 283, 286, 311
 доход 283
 поход 191
 пароход 227
 расхóд 283
 выхóд 225
 скирд 160
 пуд 159
 пруд 159, 160, 286
 труд 160
 суд 160
 стыд 160
 яд 281, 282
 ряд 46—48, 159, 286, 288, 310
 отряд 51
- её 98, 105
 среднее 318
 прочее 98, 105, 138, 142, 212, 321
 подлежащее 318
 млекопитающее 318
 неглиже 98
 ложе 214
 шимпанзе 67, 214
 морзе 98
 многие 86, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 320, 321
 немногие 86, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 320, 321
 авторские 317
 здание 173, 266, 315
 создание 315
 древние 100, 317
 терние 214
 домашние 100, 317
 острие 229, 315
 житие 214, 232, 234, 315
 питье 214, 232, 234
 бытие 214, 232, 234
 небытие 214, 232, 234
 инобытие 214, 232, 234
 фойе 214
 аплике 98
 реле 214
 промилле 214
 поле 163, 214, 266, 315

- двое 67—69, 86, 97, 100, 138, 157,
 212, 232, 234, 320
 многое 98, 105, 138, 142, 212, 218, 321
 немногое 98, 105, 138, 142, 212, 321
 ластоговое 318
 лёгкое 318
 жаркое 318
 всякое 98, 105, 138, 142, 321
 сказуемое 46, 318
 заливное 96, 318
 животное 70, 318
 частное 218
 остальные 98, 105, 138, 142, 157, 212, 321
 трое 67—69, 97, 100, 138, 157, 212,
 232, 234, 320
 горе 214, 266, 314
 море 163, 173, 186, 190, 216, 266, 315
 чегыре 47, 48, 52, 68, 76, 85, 97, 113,
 138, 157, 203, 212, 233, 234, 242,
 243, 246, 256, 258, 320
 все 86, 97, 98, 105, 138, 142, 157,
 203, 212, 218, 320, 322
 всё 62, 97, 98, 105, 138, 142, 157, 212,
 322
 шоссе 172, 187, 190, 214, 218, 266, 319
 анданте 214
 кофе 214
 кружевце 229
 деревце (деревцо) 163, 315
 сердце 163, 266, 271, 317
 блюдо 270, 315
 цецэ 214
 колёнце 229, 230
 полёнце 230
 полотёнце 230
 солнце 202, 270, 315
 оконце 229, 315
 волоконце 108, 229
 болотце 229
 копытце 229, 230
 корытце 229, 230
 щупальце 229, 230
 тельце 315
 вёче 214, 230, 315
 дўче 214
 атташе 148
 чудовище 67, 73, 79, 141, 280, 315
 городище 228
 чўдище 141
 жилище 266, 315
 домище 148, 149, 227
 топорище 228
 хвостище 227
 голосище 148
 усище 315
 детище 141
 волчище 148, 227, 280
 человечище 148
 бычище 148, 315
 молодые 100, 318
 бёлые 60, 78, 317
 позывные 318
 родные 100, 318
 подъёмные 96
 чёрные 60, 78, 317
 новобрачные 100, 317
 суточные 317
 некоторые 86, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 320, 321
 живые 163, 229, 316
 низовье 229
 верховье 229
 медье 217
 разводье 229
 угодье 230
 побережье 229, 230
 ружьё 163, 251, 261, 275, 316
 ательё 214
 ущельё 266, 268, 270, 271, 315
 копьё 163, 270, 275, 316
 тряпьё 60
 зверьё 60
 подмастерье 141, 147, 148, 229, 280,
 281, 315
 полудурье 141, 229, 281, 315
 платье 229, 268, 315
 третье 214, 218, 319
 пятое 315
 устье 229
 забытьё 287, 315
 полузабытьё 104, 287, 315
 мытьё 75
 багаж 161
 бандаж 161
 блиндаж 161
 пейзаж 161
 лаж 160
 стеллаж 161
 примаж 161
 плюмаж 161
 дренаж 161
 тренаж 161
 тоннаж 161
 паж 160
 тираж 161
 купаж 161
 раж 161
 гараж 161, 309
 увраж 161
 вираж (*жимикат*) 163
 вираж (*поворот*) 163
 мираж 161
 тираж 161
 метраж 161
 витраж 161

- литра́ж 161
 страж 160
 кура́ж 161
 фура́ж 161
 саж 160
 фикса́ж 161
 корса́ж 161
 масса́ж 161
 пасса́ж 161
 планта́ж 161
 шанта́ж 161
 монта́ж 161
 капта́ж 161
 курта́ж 161
 стаж 160
 листа́ж 161
 вольта́ж 161
 этаж 161
 штаффа́ж 161
 хадж 160
 бридж 160
 ёж 160, 272, 309
 беж 98, 213
 рубёж 161
 паде́ж 161
 мане́ж 161
 баре́ж 161
 платёж 272
 чертёж 272, 309
 корте́ж 161
 мяте́ж 161
 цеж 160
 стри́ж 160
 чи́ж 160, 272
 дож 160
 нож 160, 266
 сто́рож 223, 224, 310
 шарж 160
 корж 160
 морж 160
 уж 160
 буж 160
 гуж 160
 муж 114, 158, 159, 228, 234, 237, 310
 пыж 160
 крыж 160
 пляж 160
 муля́ж 161
 воя́ж 161
 ряж 160
 кряж 161
 тяж 160
 трелья́ж 161
 грилья́ж 161
 марья́ж 161
 аз 160
 баз 159, 286
 газ 282, 286
 глаз 152, 187, 190, 223, 229, 234, 286, 310
 паз 159, 286
 раз 159, 227, 228, 310
 обра́з 223, 224
 таз 159, 286
 ксе́ндз 160, 272
 подре́з 223, 224
 ана́лиз 124, 125
 низ 159, 286
 воз 159, 223, 286
 навóз 282
 по́лоз 224, 237, 257
 то́рмоз 110, 111, 223
 моро́з 227, 283
 поро́з (пóрос) 224
 туз 160
 карта́з 162
 Гава́и 217
 Гима́лаи 217
 маса́и 217
 али́би 215
 о́труби 167, 173, 215
 че́рви 61, 167, 215
 Суоярви 217
 спаги́ 105, 215
 па́стриги 142
 Лабы́тна́нги 217
 Миссолу́нги 217
 Поло́ги 144
 Ни́жние Серге́ 144
 торго́ 159
 бу́ги-ву́ги 215
 Кра́сные Стру́ги 144
 де́ньги 167, 215, 256, 270, 312, 313
 ле́ди 215
 хи́нди 98
 лю́ди 178, 203, 215
 лю́ди (бу́ква) 215
 Пирене́и 217
 Помпе́и 144, 217
 Плате́и 144, 217
 хаджи́ 215
 дро́жжи 167, 215, 311
 пасса́тжи 231, 308
 фанта́зи 98
 жало́зи 215
 гра́зи 61, 214
 сатурна́лии 215, 312
 prelimина́рии 142, 308
 Ве́и 217
 маки́ 215
 Са́ки 217
 ха́ки 98, 213
 о́грёбки 142
 вы́грёбки 142

- оскрѣбки 142
 поскрѣбки 142
 висирѣбки 142
 пасевки 142
 отсѣвки 143
 висевки 143
 слявки 60
 опѣвки 143
 смѣвки 143
 озадки 142
 послѣдки 142
 обѣдѣки 142
 заморозки 142
 вѣморозки 142
 коблики 143
 Салонѣйки 144, 217
 Фессалонѣйки 217
 Сува́лки 217
 опѣлки 270
 носѣлки 215
 то́лки 142
 перетѣлки 142
 кривотѣлки 142
 су́лки 215
 помѣлки 142
 смѣлки 142
 обжѣмки 143
 вѣжимки 143
 снѣмки 143
 Хѣмки 217
 сѣнки 312
 оста́нки 142
 скла́денки 143
 гренѣи 60
 Оза́нки 144
 подѣнки 142
 Оло́нки 144
 стишо́нки 142
 я́нки 215
 экиво́ки 60
 На́волоки 144
 кро́ки 215
 перетѣпки 143
 вѣварки 143
 вѣгарки 142
 вѣжарки 143
 вѣрки 142
 сѣмерки 119, 202, 260, 275, 312
 жму́рки 119, 275
 вѣчески 143
 вѣски 215
 прѣиски 142
 роспуски 142
 начѣтки 142
 дѣтки 59, 99
 смѣтки 143
 опшѣтки 142
 пошѣтки 142
 вѣмо́лотки 143
 портѣки 142
 очѣстки 142
 подмо́стки 142
 сѣтки 58, 59, 76, 77
 ребѣтки 100, 312
 телѣтки 100
 зверѣтки 99
 бѣки 215
 Эссенту́ки 217
 очѣи 61, 309
 бара́шки 142
 людо́шки 99
 штанѣшки 312
 дѣтѣшки 59, 99
 ребѣтѣшки 100, 312
 подсолнушки 142
 солда́тушки 100
 дѣтушки 99
 ребѣтушки 100
 брѣюки 77, 148, 312
 бенга́ли 98, 105
 па́ли 98, 105
 та́ли 215
 гра́бли 143, 312
 джѣнгли 60, 148
 бе́ли 215
 родѣтели 99, 215, 308
 те́фтели 215
 качѣли 215
 грѣзли 217
 суахѣли 98, 105
 бѣкли 60
 антрѣсо́ли 215
 консо́ли 215
 Жигу́ли 217, 309
 ку́ли 215
 пѣкули 215
 пачу́ли 215
 панту́фли 143
 Сѣлми 217
 ко́ми 98, 213, 218, 306
 па́ни 215
 са́ни 58—60, 76, 77, 79, 167, 173,
 215, 311
 дрѣвни 165
 зе́лени 215
 Рѣни 217
 се́ни 167, 215
 вѣни 167, 215
 пе́нни 215
 о́ни 52, 53, 61, 62, 81, 98, 112, 113,
 133, 138, 142, 149, 157, 212, 236,
 242, 246, 266, 289, 299, 322
 ша́шки 231
 слѣ́пни 167, 215
 иѣ́пни 215
 обѣи 215

- побѣи 60
 помѣи 60, 308
 кѣпи 215
 кѣпи 215
 мари 98
 дѣбри 215, 308
 колыбри 215
 кудри 167, 215
 прѣтори 215
 три 46—48, 52, 68, 76, 85, 97, 113,
 138, 152, 157, 192, 212, 233, 234,
 242, 243, 246, 254, 257, 266, 320
 Поньри 217
 жюри 215
 такси 215
 манси 215
 травести 98
 двѣсти 97, 138, 142, 157, 212, 242,
 243, 270, 274, 321
 Ай-Петри 217
 Уссурі 217
 пачеси 215
 Тикси 217
 манси 98
 перси 215
 полати 215
 дѣти 108, 179, 203, 215
 нѣти 215
 либерти 98
 ўжасті 215
 крѣсти 167, 215
 подмости 215
 Чѣрусти 217
 конфетти 215
 Импилахти 217
 деспѣхи 308
 духи 215
 Аппалачи 217
 Барановичи 144, 217
 Ляховичи 144
 Сухиничи 144
 помочи 167
 Сѣчи 217
 виши 215
 ладѣши 104, 143, 312
 жирши 105, 215
 бабѣши 143
 бахши 105, 215
 Тетюши 217
 пчи 60, 215, 309
 клѣщи 167
 Мытищи 217
 мѣщи 167
 трамвай 49
 гай 285
 бугай 162, 309
 токай 282, 308
 лай 57, 58, 60, 75
 пай 159, 286
 рай 286, 308
 край 223, 286, 311
 чай 42—45, 58, 159, 282, 286, 311
 лишай 162, 308, 310
 жеребей 269, 275, 308
 воробей 269, 310
 муравей 269, 310
 соловей 269, 310
 музей 261, 262, 264, 266, 308
 елей 282
 клей 43, 159, 282, 286, 287, 308
 ўлей 251, 261, 269, 275, 308
 репей 269, 310
 сельдерей 282
 чирей 251, 261, 269, 275, 308
 сей 98, 113, 168, 202, 203, 213, 222,
 231, 234, 241, 243, 246, 261, 275, 306
 шалфей 282
 чей 98, 119, 168, 213, 269, 306
 ничей 52, 54, 98, 133, 168, 213, 269,
 289, 299, 305
 ручей 269, 271, 310
 рыбий 213
 гравий 282
 коровий 213
 контагий 213
 пегий 170
 долгий 169, 270, 271
 спорангий 213
 пологий 212, 264
 многий 105
 немногий 105
 строгий 169
 упругий 98, 304
 радий 213
 длинношей 98, 212, 266, 304
 ражий 99
 медвежий 213
 свежий 99, 170, 174, 212, 266, 304,
 305
 проезжий 212
 божий 212
 пригожий 99, 212
 вхожий 99, 170
 похожий 264, 304
 схожий 170
 всхожий 170
 досужий 99
 рыжий 99, 169
 бесстыжий 99
 дубжий 99
 уклбужий 99
 неуклбужий 99, 104
 козий 213
 кий 159, 160, 213, 310
 здакий 98

- давний 99
 стародавний 99
 древний 99, 170, 212, 240, 243, 303
 сыновний 212, 213
 ма́гний 213
 сре́дний 99, 100
 по́здний 99, 100
 ге́ний 213, 266, 308
 оле́ний 212, 213
 игре́ний 212
 пре́жний 99, 100
 бли́жний 317
 поро́жний 99, 100
 пусто́поро́жний 99, 100
 му́жний 213
 син́ий 99, 169, 212, 266, 304
 кра́йний 99, 100
 бескра́йний 99, 100
 кре́мний 213
 ра́нный 99, 100
 и́скренний 99, 240, 243, 245, 303, 304
 выспре́нный 99, 236, 240, 245, 303
 внутре́нный 99, 100
 сторо́нный 99, 100
 много́сторо́нный 99
 посторо́нный 100
 калифо́рний 213
 бра́тний 305
 соверше́нноле́тний 99, 100
 га́фний 213
 дома́шний 99, 100
 внешне́й 99, 100
 лиш́ний 99, 100, 304
 изли́шний 240, 303
 да́льний 99, 100
 обезья́ний 212
 о́бий 282
 ка́рий 99, 213, 303
 крите́рий 264
 цика́рий 282
 санато́рий 213, 308
 ку́рий 213
 лис́ий 213, 269
 тугоси́сий 99, 213, 303
 тре́тий 213, 269, 319
 че́ттый 213
 мо́рфий 282, 308
 трибра́хий 213
 амфибра́хий 213
 пирри́хий 213
 ти́хий 169, 212
 ве́тхий 98, 169
 стро́нный 282
 чий 213
 соба́чий 212
 лежа́чий 99
 каза́чий 213
 пе́вчий 212
- широкоплече́й 99
 ма́льчи́щечий 213
 лесни́чий 214
 во́лчий 212, 213, 218, 266, 271, 306
 рабо́чий 99
 про́чий 107, 212
 охо́чий 99
 о́тчий 212, 213
 пау́чий 98
 сиву́чий 98
 могу́чий 99, 212
 толку́чий 317
 вну́чий 98
 су́чий 98
 барсу́чий 98
 щу́чий 98
 гадю́чий 98
 колю́чий 99
 би́рючий 98
 сидя́чий 99
 бродя́чий 99, 212
 ходя́чий 99
 стоя́чий 99
 спя́чий 99
 зря́чий 99
 горя́чий 99, 170, 304
 вися́чий 99
 черепа́ший 212
 ле́ший 173, 317
 пе́ший 99, 170
 просте́йший 212
 хоро́ший 99, 170, 174, 212, 304
 патриар́ший 212, 213
 ста́рший 306
 о́бщий 98, 169, 170
 ни́щий 169
 то́щий 169, 305
 цвету́щий 98, 212
 зна́ющий 96, 293
 бой 44, 159, 213, 286
 забой 213
 сбой 311
 голу́бой 99, 100, 305
 любой 98, 99, 105, 138, 142, 157,
 212, 321
 рябой 99, 170
 вой 213
 навой 213
 подвой 213
 развой 213
 живо́й 123, 127, 128, 170, 174
 криво́й 170
 привой 213
 конво́й 213
 ходо́вой 99, 100
 делово́й 99, 100
 часово́й 46—48, 128, 214
 сво́й 107, 172, 212, 213, 218, 304, 319

- твой 105, 212, 213, 306, 319
сувѣй 213
благѣй 170
нагѣй 170
драгѣй 99
изгѣй 213
дорогѣй 99, 172, 256, 307
другѣй 99
тугѣй 99, 170
младѣй 170
надѣй 213
седѣй 170
раздѣй 213
ководѣй 213
молодѣй 99, 170, 256, 305
сдой 213
рудѣй 99
худѣй 170
чужѣй 99, 105, 306, 318
борзѣй 99
кой 100, 168, 212, 306
никакѣй 52, 54, 133, 289, 299,
306
такѣй 128
левкѣй 213
Джанкѣй 217
мокѣй 213
покѣй 214, 283
упокѣй 214
городскѣй 128
морскѣй 306
удалѣй 99, 170
налѣй 214
аналѣй 214
перелѣй 214
злой 99, 170, 270, 274, 298, 305
гнилѣй 99, 170
слой 159, 286
мой 107, 119, 212, 213, 308, 319
немѣй 104, 170
хромѣй 170
прямѣй 99, 170
заливнѣй 96
гной 282, 286, 308
перегнѣй 213, 282
родиѣй 99, 100, 170
выходнѣй 317
чуднѣй 99, 170, 305
блажнѣй 99, 100, 170
эной 213, 283
сквознѣй 99, 100
иной 174, 306
срамнѣй 99, 100
земнѣй 99, 100
дряниѣй 99, 170, 305
Понѣй 217
озорнѣй 99, 100
дурнѣй 99, 170, 257, 305
цветнѣй 99, 100
портнѣй 218, 317
ручнѣй 99, 100
смѣшнѣй 99, 170, 174, 270, 305
остальнѣй 105
шальной 99, 100, 170
хмельнѣй 99, 170, 305
большѣй 96, 97, 99, 170, 256, 270,
293, 305
слѣпѣй 170
водопѣй 213
скупѣй 170, 305
тупѣй 127, 128, 170
рой 159, 286, 311
герѣй 213, 308
вторѣй 99
строй 158, 286
сырѣй 99, 170
босѣй 170
косѣй 170
развитѣй 99, 170, 256
золотѣй 99, 100, 317
застѣй 213
настѣй 282
холостѣй 99, 170, 256
простѣй 99, 119, 170, 305
густѣй 99, 170, 305
пустѣй 99, 170
крутѣй 99, 119, 170
святѣй 99, 170
лихѣй 170, 305
плохѣй 170
глухѣй 170, 318
сухѣй 170, 305
старшѣй 99
большѣй 108, 170, 240, 245, 305
меньшѣй 99
буй 158, 310
зуй 159, 311
валуй 162, 309
холуй 162, 309
слабѣй 169
грубѣй 169
любѣй 170
здравѣй 170
правѣй 169
дешѣвѣй 123, 169, 193, 256, 272,
297, 304
рѣзвѣй 169
трѣзвѣй 169
счастливый 256, 303
сивѣй 169
новѣй 93, 169, 218, 266, 305
адорбовѣй 170
суровѣй 123, 174, 264, 303
первый 98
мѣртвый 169, 170, 272
чѣрствый 169, 272, 305

- каждый 71, 84, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 218, 305, 320, 321
 чуждый 169
 твердый 169, 272, 304
 гордый 169
 сизый 169
 борзый 169
 алы 170
 удалый 169
 малый 170, 304
 дряблый 169
 наглый 169
 смуглый 169
 круглый 169
 подлый 169
 бёлый 169
 квёлый 169, 272
 тяжёлый 170, 272, 304
 смёлый 169
 спёлый 169
 зрёлый 169; прёлый 170
 весёлый 169, 256, 272, 304
 целый 169, 174, 304
 мильный 169
 хильный 169
 блёклый 170
 тусклый 169
 голый 169
 тёпый 169, 256, 270—272, 304
 хриплый 169
 сильный 169
 щуплый 169
 кислый 169, 268, 272
 рёслый 170
 варёслый 170
 светлый 169, 270
 чахлый 170
 дохлый 170
 затхлый 170
 жухлый 170
 пухлый 169
 тухлый 169
 рыхлый 169
 дряхлый 169, 268
 дошлый 170
 пошлый 169
 вялый 170
 самый 98
 сдобный 169
 удобный 303
 злобный 170
 дробный 170
 скорбный 170
 плавный 169
 славный 169
 равный 170, 256, 304
 нравный 170
 гневный 169
 дивный 170
 ровный 169
 нервный 169
 явный 170
 суягный 100
 жадный 169
 ладный 169
 складный 169
 хладный 170
 смрадный 170
 чадный 170
 бедный 169, 305
 бледный 169
 вредный 169
 праздный 170
 видный 169
 ехидный 270
 годный 169
 голодный 169, 256, 304, 305
 холодный 169, 256, 304, 305
 модный 169
 сродный 170
 сходный 169
 скудный 169, 304
 нудный 169
 трудный 169
 чудный 170
 стыдный 169
 людный 170
 ненаглядный 104
 зелёный 169, 256, 272, 304
 солёный 169, 240, 243, 256, 304
 мудрёный 170, 272
 важный 169, 305
 отважный 303
 влажный 169
 смежный 170
 нежный 169
 свежий 170
 должный 87
 ложный 170
 сложный 169
 нужный 169
 дружный 169
 грозный 169
 грузный 169
 связный 170
 грязный 169
 спокойный 275, 303
 злойный 170
 стройный 169, 270, 304
 достойный 251, 261, 275, 303
 буйный 169, 304
 бурлескный 105
 гротескный 100, 303
 полный 169, 256, 274, 298, 304
 тёмный 169, 256, 272, 304
 подъёмный 96

- скрѡмный 169
 томный 169
 умный 169, 257, 304
 шумный 169
 расхлябанный 239
 званный 168
 опосредствованный 239
 чванный 170
 даный 168, 239, 304
 ладанный 240
 преданный 239, 240, 243
 неожиданный 240
 проданный 304
 сданный 168
 пересданный 168
 противопоставленный 239
 обязанный 239
 связанный 239
 сделанный 174, 303
 общепризнанный 239
 страный 169, 270
 воспитанный 96, 239, 240
 помѣшанный 239
 согбенный 240
 забвенный 240
 незабвенный 104, 240
 самозабвенный 240
 двугривенный 317
 благословенный 240
 дерзновенный 240
 прикосновенный 240
 неприкосновенный 104
 вдохновенный 240
 торжественный 240, 270
 существенный 268
 единственный 268
 воинственный 240
 сокровенный 240
 предубежденный 239
 изможденный 239
 врожденный 239
 обыденный 240
 блаженный 240
 обнаженный 239
 саженный 240
 таможенный 240
 положенный 240
 расположенный 239
 предрасположенный 240
 благорасположенный 239
 изнеможенный 239
 подверженный 239
 приверженный 239
 восторженный 240
 сопряженный 239
 казенный 240
 отдаленный 240
 раздробленный 239
 влюбленный 239
 предустановленный 239
 медленный 240
 богаделенный 239
 определенный 96, 239
 осведомленный 239
 зачумленный 239
 бессмысленный 240
 тленный 170
 растленный 240
 вымышленный 239
 своевременный 240
 одноименный 240
 нецененный 240
 болезненный 240, 301
 солеваренный 240
 пивоваренный 240
 медоваренный 240
 смолотоваренный 240
 мыловаренный 240
 поваренный 240
 бренный 170
 проверенный 239
 уверенный 239
 намеренный 239, 240
 презренный 240
 смиренный 240
 смолочуренный 240
 виночуренный 240
 угнетенный 239
 чернокотенный 240
 смятенный 239
 ценный 170
 обреченный 239
 неизреченный 240
 расфранченный 239
 развѣщенный 239
 малоизученный 239
 башенный 240
 решенный 174, 239, 304
 вишенный 240
 лишенный 239
 пшѣнный 240
 искусенный 239
 конюшенный 240
 щенный 240
 разобщенный 239
 запущенный 240
 польщенный 239
 священный 240
 невинный 104
 длинный 169, 256, 304
 чинный 169
 непреклонный 104
 неуклонный 104
 склонный 169
 сонный 170
 тонный 170

- неприкаянный 240
 самонадеянный 240
 óный 98
 крупный 169
 верный 169, 271
 сквёрный 169
 мёрный 170
 чёрный 169, 256, 272, 304
 жирный 169
 мирный 170
 смиренный 169, 257
 вздорный 170
 спорный 170
 бúrный 169
 гласный 170
 красны́й 169
 прёсный 169
 тесный 169
 косный 170
 сносный 170
 вку́сный 169
 гну́сный 169
 ясны́й 169
 знáтный 169
 кратный 170
 стáтный 169
 несметный 104
 тщётный 170
 плóтный 169
 потный 169
 смёртны́й 170
 вла́стный 169
 стра́стный 169
 лёстны́й 170
 че́стный 169
 зло́стный 170
 по́стный 169
 гру́стный 169
 му́тны́й 169
 сму́тны́й 169
 скрýтны́й 170
 сы́тны́й 169
 вня́тны́й 170
 смáчны́й 169
 мрáчны́й 169
 вечны́й 170
 алчны́й 170
 жёлчны́й 170
 склóчны́й 170
 прóчны́й 169
 срóчны́й 170
 сочны́й 169
 то́чны́й 169
 звúчны́й 169
 ску́чны́й 169
 тучны́й 169
 зы́чны́й 170
 ты́сячны́й 98
 стра́шный 169
 спéшный 170
 грéшный 169
 то́шный 169
 ду́шный 169
 слы́шный 169
 пы́шный 169, 304
 хи́шный 170
 мо́щны́й 169
 са́льный 170
 де́льный 170
 хме́льный 169
 це́льный 169, 304
 си́льный 93, 169, 257, 304, 305
 сти́льный 170
 во́льный 169, 170, 256, 304, 305
 дово́льный 303
 пы́льный 169
 ю́ный 169
 рдя́ный 170
 пря́ный 170
 пья́ный 169
 ря́ный 170
 глúпы́й 169
 ста́рый 169
 хра́бры́й 169
 до́бры́й 169
 ще́дрый 169
 бо́дрый 169
 му́дрый 169
 се́рый 169
 си́рый 169
 мо́кры́й 169
 хво́рый 169
 ско́рый 169
 спо́рый 169
 кото́рый 93, 98
 не́который 98, 105, 290
 никото́рый 52, 54, 86, 98, 133, 289,
 290, 299, 305
 хи́тры́й 169, 257, 270, 271, 304
 Стры́й 217
 пёстры́й 169, 272
 о́стры́й 169, 170, 270, 304
 во́стры́й 169, 257, 270
 шу́стры́й 169, 257, 270
 бы́стры́й 169
 бу́ры́й 169
 смúры́й 169
 хму́ры́й 169
 я́ры́й 170
 ру́сы́й 170
 лы́сы́й 169
 вожа́тый 214, 317
 ви́тты́й 168
 ви́жпты́й 168, 258
 ви́литы́й 168, 258
 ви́питы́й 168

- жёлтый 169, 272
 четвёртый 98
 запертый 168, 258
 опёртый 168
 отпертый 168, 258
 частый 169
 чистый 169
 толстый 169
 девяностый 98
 сытый 169
 лбтый 169
 девятый 98
 взятый 168, 174
 проклятый 168, 258
 пятый 98
 десятый 98
 бледнолицый 264
 кучый 170, 266, 304, 317
- табак 283, 285, 309
 порттабак 162
 бивак 162
 словак 162
 сайгак 162
 наждак 282, 283
 кавардак 162
 санджак 162
 казак 50, 158, 187, 190, 311
 баскак 162
 лак 282, 308
 шеллак 162
 краплак 162
 шерлак 162
 кулак 172
 шлак 282
 мак 282
 смак 283
 башмак 309
 дашмак 162
 юнак 162
 опак 162
 арак 162
 барак 162
 брак 282
 триктрак 162
 подсак 162
 просак 162
 четвертак 162
 рабфак 162
 педфак 162
 паек 269, 273, 309
 чайк 283, 309
 век 223
 человек 61, 100, 158, 173, 178, 186,
 190, 197, 203, 215, 228, 231, 235,
 238, 245, 257, 308, 311
 кофек 283, 309
 перешбек 308
- хмелёк 283
 уголёк 283, 309
 кулёк 273, 309
 намёк 269
 слабёнок 269
 близёнок 99, 213
 радёшенек 98, 99
 одинёшенек 98, 99
 огонёк 283
 строгонек 99
 радёхонек 98, 99, 269, 304
 одинёхонек 98, 99
 припёк 282
 игрек 269
 хорёк 309
 упрёк 269
 зятёк 269
 зуёк 309
 ситничек 283
 песочек 283, 308
 кусочек 308
 барашек 308
 орёшек 269
 горошек 283
 черевик 162
 таджик 162
 селямлик 162
 сердолик 162
 столик 308
 крыжовник 282
 шиповник 282
 валёжник 282
 начальник 50
 ученик 309
 ситник 282
 шпик (*сало*) 282
 шпик (*сыщик*) 160
 крик 283
 электрик 98
 сурик 282
 тик 282
 антик 162
 супчик 283
 перчик 283
 лётчик 50, 51, 266, 308
 ситчик 283
 шик 283
 шёлк 223, 272, 282, 286, 310
 волк 58, 70, 126, 160, 172, 313
 полк 160, 286, 309
 толк 283
 цинк 282
 бок 43, 132, 223, 286
 зубок 187, 158, 190, 228, 229, 311
 кубок 308
 эживок 269
 едок 162, 269
 ледок 283

- медо́к (*вино*) 269
 медо́к (*уменьшит. к мёд*) 283
 пре́док 308
 се́док 162, 261, 262, 268, 269
 ездо́к 162, 269
 ходо́к 162, 269
 ошодельдо́к 269
 поря́док 283, 308
 снежо́к 283
 бережо́к 286, 309
 сапожо́к 158, 199, 228, 239, 311
 ро́жок 158, 199, 228, 229, 311
 глазо́к 158, 228, 229, 311
 творо́жок 283
 мани́ок 269
 заско́к 269
 мело́к 283
 брело́к 269
 стрело́к 235, 261, 262, 268, 309
 ще́лок 224, 269, 282
 войло́к 269, 282
 кло́к 158, 159, 160, 235, 237, 245, 311
 во́лок 224, 269
 уголо́к 286, 309
 чуло́к 61, 228, 309
 дымо́к 283
 ребёно́к 108, 158, 173, 179, 196, 203,
 215, 231, 235, 238, 245, 257, 311
 ва́ленок 186, 190, 228, 308
 козлёно́к 119, 128
 милёно́к 238
 опе́нок 238, 308
 гусе́нок 119, 128, 222, 228, 235, 238,
 243, 273, 308
 окоре́нок 238
 хрене́к 283
 бе́сенок 238, 243, 245, 257, 272, 308
 лисёно́к 238
 негрите́нок 238
 черте́нок 222, 228, 238, 245, 257,
 272, 308
 ребяте́нок 238
 щено́к 158, 238, 245, 311
 ино́к 269
 боти́нок 228, 308
 чело́к 162, 269
 волчо́нок 196, 222, 228, 238
 бочо́нок 238, 273
 мальчо́нок 238
 пастушо́нок 238
 мышо́нок 273, 308
 опресе́нок 269
 чесно́к 119, 162, 282, 283
 баро́к 269
 заро́к 269
 сахаро́к 283
 игро́к 162, 269
 жиро́к 283
 о́корок 223, 224, 269
 мо́рок 224
 о́бморок 269
 поро́к 269
 проро́к 269
 со́рок 87, 97, 138, 142, 157, 212, 233,
 234, 257, 264, 266, 269, 322
 про́к 283
 сро́к 283
 о́трок 269
 смотре́к 162
 уро́к 269
 ту́рок 228, 308
 шлафро́к 269
 сыро́к 283
 со́к 282, 286, 308
 квасо́к 283
 до́весок 124, 125, 127
 песо́к 119, 269, 273, 282, 283, 309
 кусо́к 119, 124, 125, 127, 271, 309
 мысо́к 286, 308
 то́к (*гумно*) 158, 227, 286, 311
 то́к (*птичий*) 223, 286
 то́к (*электр.*) 130, 132, 283
 зато́к 269
 знато́к 162, 269
 подто́к 269
 цвето́к 237, 243, 245, 308
 прито́к 269
 дегото́к 283
 водото́к 269
 молото́к 161
 пото́к 269
 прото́к 269
 исто́к 269
 листо́к 191, 252
 восто́к 269
 водосто́к 269
 напе́рсток 269
 отто́к 269
 флагшто́к 269
 убы́ток 283, 308
 кипято́к 282, 283
 табачо́к 283, 308
 бочо́к 286, 309
 чесночо́к 283
 сочо́к 283
 лучо́к 283
 бычо́к 309
 бальчо́к 283
 мешо́к 309
 артишо́к 271
 порошо́к 282, 283
 тю́рк (тү́рок) 108, 238, 308
 блеск 283
 ве́реск 224
 треск 283
 при́иск 225

- писк 283
 риск 283
 воск 282
 лоск 283
 про́пуск 223, 224
 о́тпуск 223, 224, 286
 бамбу́к 162
 самбу́к 162
 бурунду́к 162
 жу́к 160
 сельджу́к 162
 лу́к 282
 пу́к 159
 су́к 158, 160, 187, 190, 195, 235,
 237, 243, 245, 286, 311
 лату́к 162
 каучу́к 162
 бык 42—44, 160
 праязы́к 162
 ба́лык 282, 283
 клы́к 160
 калмы́к 162
 кумы́к 162
 ары́к 162
 приты́к 162
 ясты́к 162
 тальк 282
 мамелю́к (мамлю́к) 162
 волапо́к 162
 крю́к 158, 160, 235, 237, 245, 286, 311
 укря́к 162
 уря́к 162, 282
 тю́к 159, 160
 кунштю́к 162
 кая́к 105, 162
 краковя́к 162
 чувя́к 162
 австрия́к 162
 шапо́кляк 162
 поля́к 162
 известня́к 282, 283
 коря́к 162
 хря́к 160
 остя́к 108
 дя́к 160
 ма́ньяк 162
 ко́ньяк 282, 283
 мышья́к 282, 283

 ба́л 159, 286
 ва́л 159, 286
 сканда́л 283
 материа́л 282
 крахма́л 282
 кана́л 264
 капита́л 283
 ма́ршал 225
 кобе́л 270

 Па́вел 270
 а́нгел 225
 козе́л 270
 у́зел 162, 190, 191, 257, 264, 270,
 273, 309
 фа́кел 225
 мел 159, 282, 286
 পে́лел 270, 282, 307
 পে́ренел 223, 224
 вы́мпел 226
 каре́л 229
 оре́л 270
 о́кисел 270
 осе́л 119, 270, 271, 308
 за́мысел 270
 до́мысел 270
 по́мысел 270
 про́мысел 223, 224, 270, 310
 у́мысел 270
 вы́мысел 270
 коте́л 270
 ве́ртел 223, 225
 дя́тел 270, 307
 же́зл 160
 кизы́л 282
 вол 123, 160, 308, 309
 буйво́л 225
 ство́л 160
 дя́воль 225
 гол 159
 щего́л 270, 308
 у́гол 126, 127, 162, 172, 257, 261,
 262, 264, 270, 273, 286, 309
 до́л 108, 158
 идо́л 225
 подо́л 162
 ко́л 158, 160, 172, 237, 286, 311
 ко́локол 124, 125, 223, 224
 со́бо́л (*птица; орудие*) 162, 224, 229, 309
 сало́л 282
 мол 286, 287
 по́л (*половина*) 78, 97, 99, 103, 138,
 140, 142, 211, 212, 320
 по́л (*настил*) 111, 159, 286
 по́л (*биол.*) 111, 158
 шомпо́л 223, 225
 ку́пол 223, 225
 сто́л 43, 48, 58, 93, 119, 123, 126,
 127, 128, 160, 172, 186, 190, 309
 чехо́л 126—128, 261, 262, 264, 270
 хохо́л 270
 сту́л 222, 237, 243, 307
 пы́л 283, 286
 копы́л 158, 162, 172, 237
 ты́л 159, 286

 мада́м 148, 214
 ба́льза́м 282

- мадаполѣм 282
 хлам 282
 срам 283
 сам 98, 105, 168, 174, 213, 232, 234, 241, 243, 246, 306
 заѣм 161, 190, 191, 264, 270, 271, 307
 наѣм 161, 264, 270
 поднаѣм 161, 264, 270
 перепаѣм 161, 264, 270
 джем 282
 чернозѣм 282
 тѣрем 223, 224, 286
 крем 282
 альтруїзм 282
 пим 159, 161
 грим 282
 холм 160
 грамм 228, 229
 килограмм 228, 229
 дом 58, 67, 73, 79, 147, 223
 боржом 282
 ком 237
 лом 158, 227
 псалом 270
 ром 282
 бром 282
 гром 158, 227, 283, 311
 загром 223, 224
 сом 160
 том 223
 корм 223, 282, 286, 310
 шторм 227
 хлороформ 282
 ум 160
 кум 159, 235, 237, 245, 310
 шум 44, 159, 283
 дым 159, 282, 286, 310
 Крым 286
 изюм 282
- кабан 162
 чабан 162
 таган 162
 жиган 162
 цыган 228, 229, 307
 ладан 282
 баклажан 229
 кожан 162
 казан 162
 партизан 228
 назан 282
 пузан 162
 стакан 281
 лацкап 226
 улан 228
 флагман 226
 турман 226
 штурман 223, 226
- туман 282
 боцман 226
 лоцман 226
 мичман 223, 226
 пан 159, 310
 клапан 226
 гран 228
 кран 159
 ресторан 47
 стан 286
 целлофан 282
 брюхан 162
 чай 159, 286
 кочан 162, 260, 261, 270, 274, 275, 308
 топчан 162
 молѣбен 270
 бѣбен 270, 307
 орден 223, 226
 должеп 87, 98, 99, 168, 258, 264, 270, 304
 фрѣкен 214
 лѣн 269, 282, 309
 плен 286
 член 50
 туркмен 229
 тѣрен 270
 хрен 282
 новокаин 282
 кокаин 282
 лезгин 228
 один 71, 76, 84, 86, 97, 105, 113, 138, 157, 212, 213, 218, 241, 246, 260, 270, 271, 275, 306, 320
 господин 158, 172, 187, 190, 225, 228, 234, 237, 258, 310
 габардин 282
 дядин 213, 218, 266, 306
 кодейн 282
 кофейн 282
 абазин 228
 кармазин 282
 бензин 282
 грузин 228
 мараскин 282
 молескин 282
 Пушкин 319
 формалин 282
 гуталин 282
 нафталин 282
 блин 160
 вазелин 282
 анилин 282
 ванилин 282
 пластилин 282
 клин 237
 Клин 286
 пенициллин 282
 газалин 282

- Кóлин 218
 ланолíн 282
 поплíн 282
 муслíн 282
 инсулíн 282
 жасмíн 282
 тмин 282
 молдавáнин 228, 237
 граждáнин 126, 127, 256, 261—264, 307
 сограждáнин 256, 264, 307
 чужáнин 264
 южáнин 120, 122, 126, 127, 193, 264, 307
 христиáнин 264
 мещáнин 264
 мўжнин 213
 хинíн 282
 савтонíн 282
 стрихнíн 282
 славянин 119, 126, 127, 263, 264, 307
 селянин 264
 армянíн 119, 228, 237, 243, 264
 дворянин 264
 семьянин 237
 крестьянин 228, 237
 уротропíн 282
 бáрин 228, 237
 болгарин 228, 237
 маргарíн 282
 маңдарíн 229
 стеарíн 282
 хозáрин 228, 237
 ульгмарин 282
 гардемарíн 228
 татарин 228, 237, 307
 сахарíн 282
 ландри́н 282
 глицерíн 282
 аспири́н 282
 декстри́н 282
 люстри́н 282
 шўрин 159, 222, 235, 237, 245, 310
 кюрíн 228
 боярин 228
 мокаси́н 228
 фукси́н 282
 кероси́н 282
 апельси́н 229
 вати́н 282
 желати́н 282
 дермати́н 282
 сати́н 282
 пмерети́н 228
 осети́н 228
 бенедикти́н 282
 терпенти́н 282
 брильянти́н 282
 абрикоти́н 282
 парафин 282
 сарацiн 108, 228
 чин 159
 файдешíн 282
 крепдешíн 282
 арши́н 228
 Ильи́н (*фамилия*) 319
 Пльи́н (*прилагат.*) 105, 213, 306
 хозяи́н 202, 223, 228, 234, 236, 237, 245, 273, 307
 рейшвейн 282
 глинтвейн 282
 портвейн 282
 фрэйлейн 214
 чёлн 160, 272
 он 52—54, 61, 62, 81, 98, 112, 113, 133, 138, 149, 157, 212, 218, 242, 244, 248, 289, 290, 299, 322
 он (*буква*) 214
 звои́н 283
 трезво́н 283
 самогóн 282
 погóн 228
 Дон 286
 пирамидóн 282
 рожóн 270, 275, 308
 кон 158, 159, 286
 дьякóн 223, 226
 нейло́н 282
 одеколóн 282
 слон 67, 73, 160
 кардамóн 282
 гóмон 283
 гудрóн 282
 микрóн 229
 миллимикрóн 229
 вóрон 224
 капрóн 282
 сон 159, 187, 190, 269
 тон 158, 223
 бетóн 282
 ацетóн 282
 орочóн 229
 крющóн 282
 бульóн 282
 дёрн 282
 модёрн 98
 трибўн 162
 драгўн 162, 228
 лгун 160
 тиўн (*тивўн*) 162
 кун 160
 раку́н 162
 тайму́н 162
 канўн 162
 вруп 160
 жрун 160

- тун 160
 тайфун 162
 румын 228
 сын 159, 228, 235, 237, 243, 245, 310
 тын 159
 алтын 228
 дашнакцутюн 162
 вьюн 160
 гальюн 162
 сафьян 282
- какáo 215
 небо 163, 215, 237, 245, 315
 нёбо 215
 право 163, 215
 ин-октаво 215
 кру́жево 163, 256, 263, 315
 древо 163, 237, 245, 315
 дерево 215, 229, 237, 257, 314
 превó 105, 215
 Кунцево 319
 слóво 163
 чувство 218, 266
 божество 141
 казачество 50
 вещество 127, 128, 173, 215, 315
 существо 141, 315
 меньшинство 163
 лекарство 173
 начальство 50
 благо 163, 215, 265, 314
 егó 98, 105
 нечего 52, 80, 98, 99, 113, 133, 138, 142, 212, 266, 289, 290, 295, 299, 322
 ýго 215
 танго 215
 марэнго 98
 некого 52, 98, 99, 113, 133, 138, 142, 212, 266, 280, 281, 289, 295, 299, 320
 мно́го 98, 108, 138, 142, 212, 232, 234
 немно́го 98, 108, 138, 142, 212, 232, 234
 ладо 215
 стадо 163, 215
 чадо 141, 215, 314
 гнездо 163, 215, 273
 бе́рдо 215
 твёрдо 105, 215
 бордо 98
 чу́до 119, 163, 215, 237, 243, 245, 315
 юдо 215
 блюдо 163, 215
 банджо 215
 желе́зо 215
 ари́озо 215
 пу́зо 215
 радио 215
 облако 163, 173, 215, 227, 229, 315
- гуана́ко 105, 215
 дре́во 229, 234, 268, 314
 пивко́ 229
 сивко́ 229
 гнедко́ 229, 280
 ве́ко 314
 колёсико 229, 234
 плéчко 229, 234
 ли́чко 227, 229, 234, 314, 315
 соловейко́ 314
 мо́кко 98
 баро́кко 98, 215
 манко 215
 франко́ 215
 порто-фра́нко 215
 Шевче́нко 216
 воронко́ 148, 229, 315
 о́ко 163, 173, 227, 237, 245, 316
 рококо́ 98, 215
 я́блоко 227, 229, 230
 молоко́ 45, 57, 215, 316
 веде́рko 268, 270, 314
 озерко́ 229, 315
 серко́ 229
 фи́аско 215
 ка́ско 105, 215
 альфре́ско 105, 215
 войско 163, 202, 227, 270, 315
 дитя́тко 141, 314
 о́блачко 163, 227, 229, 315
 очко́ 61, 215, 227, 229, 315
 молочко́ 229
 городи́шко 148
 Ми́шко 216
 доми́шко 148, 149, 215, 227
 око́шко 266, 270, 271, 314
 у́шко 163, 229, 234, 316
 ча́душко 314
 пёрышко́ 227
 брюшко́ 215, 239
 Василько́ 216
 ско́лько 88, 97, 108, 138, 142, 212, 232, 234
 не́сколько 88, 97, 108, 138, 142, 212, 232, 234, 320, 324
 сто́лько 88, 97, 108, 138, 142, 232, 234, 266
 карько́ 229, 315
 гало́ 105, 215
 зе́ркало 163, 215, 263
 ма́ло 98, 99, 108, 113, 138, 142, 212, 321
 нема́ло 98, 99, 108, 113, 138, 142, 212, 321
 нача́ло 49
 таблó 215
 скреблó 163, 270, 273
 стеблó 163, 270, 273

- пузбло 217
 Павло 216
 тiягло 270, 314
 седло 163, 268, 270, 273
 дбло 163
 помелo 163, 237, 273
 селo 163, 272, 273, 316
 телo 163
 челo 163, 273
 чучело 163
 зло 270, 274, 298, 315
 мазло 163, 164, 227, 229, 281, 315
 правило 126, 127
 кило 215
 силo 163, 237
 стилo 215
 шило 237
 кайло 163
 хайло 163
 стекло 163, 270, 273, 316
 скло (сткло) 100, 315
 собо 98, 215
 трепло 108, 163, 164, 227, 229, 281, 315, 316
 сопло 163
 дуplo 163, 270
 сверло 163, 268, 273
 жерло 163, 273
 масло 60, 163, 190, 191, 256, 270, 315
 весло 163, 270, 273, 316
 ремесло 163, 270, 273
 рукомесло 163, 270, 273
 кресло 173, 270, 314
 тесло 163, 270, 273
 число 127, 163, 173, 215, 270, 271, 316
 русло 170
 сусло 270
 коромысло 270
 свясло 270
 перевясло 270
 прясло 270
 путло 163
 руло 215
 дышло 270
 мыло 60, 163, 215
 крыло 163, 237
 клеймо 163, 215, 273
 бонмо 214
 ярмо 163
 бельмо 163, 273
 письмо 49, 126, 127, 163, 215, 270, 271, 273, 316
 трюмо 215
 бревно 163, 273
 Ровно 216
 Дубровно 217
 дно 163, 164, 187, 190, 215, 229, 237, 269, 274, 298, 316
- Грoдно 216
 судно 163, 215, 229, 237, 243, 247, 315
 рядно 163
 вoно 215
 звено 164, 213, 237, 273
 колeно 203, 215, 227, 234, 237, 238, 245, 314
 полeно 215, 237, 314
 сeно 60, 163, 215
 веретенo 164, 215, 273
 пшено 215
 Гнезно 216
 вино 164, 187, 190, 215, 272, 316
 Бородинo 319
 кино 215
 Мaрфино 218, 319
 окно 46, 67, 73, 79, 164, 270, 271, 273, 316
 волокно 164, 215
 лукно 105, 164
 сукно 164
 гумно 164, 257, 316
 оно 52, 61, 98, 112, 113, 133, 138, 142, 149, 157, 212, 242, 246, 280, 281, 289, 299, 322
 лoно 215
 Комaрно 216
 зерно 164, 273
 красно 163
 полотно 164
 пяно 164
 рунo 164, 215
 Молодeчно 217
 фортепьяно 215
 депo 215
 ребро 164, 215, 270, 273
 серебро 215
 добро 215
 тавро 163, 215, 316
 бедро 164, 215, 270, 273
 ведро 42—44, 48, 120, 122, 164, 193, 196, 197, 215, 270, 271, 273
 ведро 215
 полуведро 78
 ядро 164, 215, 270, 273
 четверо 68, 97, 232, 234
 oзеро 126, 127, 215, 257, 273, 314
 перo 164, 186, 190, 215, 229, 237, 273, 316
 семерo 97, 100, 232, 234
 восьмерo 97, 100, 232, 234
 шестерo 97, 100, 232, 234
 девятерo 97, 100, 232, 234
 пятерo 86, 97, 100, 232, 234, 320
 десятерo 97, 100, 232, 234
 миро 215
 метрo 215

- Петро́ 216
 утро́ 215
 ну́тро 215
 колесо́ 164, 215, 273
 плесо́ 163, 215, 272, 315
 про́со 215
 мя́со 163, 215
 зла́то 215
 ле́то 215
 решето́ 164, 215, 273
 жи́то 215
 сито́ 163, 215
 кто́ 52, 61, 82, 93, 98, 138, 142, 157,
 212, 218, 241, 246, 280, 281, 322
 не́кто 37, 61, 80, 98, 99, 113, 138,
 142, 211, 212, 322
 ни́кто 52, 53, 98, 113, 133, 138, 142,
 157, 212, 241, 248, 280, 281, 289,
 290, 299, 322
 боло́то 215, 314
 долото́ 164, 215, 237
 збо́лото 60, 75, 215
 сто́ 87, 97, 138, 142, 157, 212, 218,
 233, 234, 322
 ме́сто 119, 163, 187, 190, 315
 те́сто 215
 мони́сто 215
 девяно́сто 97, 138, 212, 233, 234, 322
 не́то 98
 либрето́ 215
 бру́то 98
 что́ 61, 62, 93, 98, 138, 142, 147,
 149, 157, 212, 241, 243, 246, 258,
 261, 275, 322
 не́что 61, 62, 98, 99, 138, 142, 211,
 212, 322
 ни́что 52, 53, 61, 62, 81, 85, 98, 100,
 113, 133, 138, 142, 157, 163, 164,
 212, 241, 246, 261, 275, 289, 299,
 315, 322
 мы́то 215
 копы́то 215
 коры́то 215
 пальто́ 42, 43, 44, 46, 215
 компльфо́ 98
 у́хо 163, 173, 186, 190, 215, 227, 237,
 243, 245, 265, 316
 брю́хо 227
 о́хо 215
 словцо́ 315
 ружьецо́ 215, 315
 ли́цо 70, 143, 163, 215, 316
 яи́цо 163, 257, 260, 275, 316
 берцо́ 163, 273, 316
 озерцо́ 163, 273, 316
 пала́ццо 215
 сельцо́ 163, 273, 315
 кольцо́ 126, 127, 163, 257, 270, 316
- крыльцо́ 163, 164, 316
 плечо́ 163, 173, 215, 227, 231, 234,
 273, 316
 харчо́ 215
- драп 282
 ше́леп 224
 че́реп 223, 224
 цеп 160
 тре́п 283
 скрип 283
 шип 160
 столп 160
 клоп 160
 сно́п 160
 поп 160
 сироп 282
 укро́п 282
 гри́пп 285
 серп 160
 шу́рп 105, 160
 о́ткуп 223, 224
 пуп 160
 стру́п 237
 суп 159, 282, 286
- вар 282
 нава́р 282
 по́вар 223, 225
 това́р 282
 отвáр 282
 нага́р 282
 перега́р 282
 угáр 282
 дар 128, 159, 309
 ски́пидáр 282
 жа́р 159, 283, 286, 287
 балка́р 228
 кома́р 162
 па́р 159, 282, 286
 гуса́р 228
 са́хар 44, 45, 226, 282
 гонча́р 162
 бо́ча́р 162
 яныча́р 228
 ша́р 46, 47, 159, 288, 310
 бо́бр 160
 тигра́ 119, 127, 128, 186, 190
 сидр 282
 одр 160
 ер 105
 чабе́р 270
 шабе́р 270
 скру́ббер 226
 бобе́р 270
 кле́вер 223, 282, 310
 се́вер 226
 киве́р 223

- лйвер 282
 кльйвер 223
 сквер 159
 ковёр 270, 271, 275, 308
 стрйнгер 226
 фльйгер 223, 225
 гренадёр 228
 тёндер 226
 одёр 270
 ордер 223, 225
 вёр 223, 225
 лёер 223, 226
 ликёр 282
 аякер 226
 кльйкер 223, 226
 бункер 223
 юнкер 223
 шўлер 223, 225
 нўмер 172, 223, 225, 310
 нўмер 223
 ияженёр 50, 51, 68, 227
 скрёрпер 226
 шкйпер 223, 225
 кльйпер 223, 226
 снайпер 225
 ампёр 228, 307
 джёмпер 226
 копёр 270
 Хопёр 270
 бйсер 282
 крёрсер 223, 225
 катер 223, 225
 альма-матер 105, 214
 шатёр 270
 вётер 108, 158, 223, 225, 226, 270, 283, 286, 307, 310, 311
 свйтер 226
 характер 172
 бухгалтер 225
 пўйнттер 223
 пўрттер 282
 мастер 187, 190, 223, 225, 310
 кльйстер 226, 282
 Остёр 270
 костёр 270
 сёттер 223
 скўтер 223
 вяхтер 223
 бўер 223
 шафер 223, 225
 шўфер 282
 шофёр 226
 бўфер 223
 офицер 227
 штўцер 223, 225
 вётчер 223, 225
 кўчтер 223, 225
 фельдшер 223, 225
 жкпр 159, 282, 286
 ияжйр 282
 башкйр 228
 мпр (общество) 286
 мпр (счет) 159
 кашемйр 282
 шир 159, 286
 кирасйр 228
 эсфйр 282
 кефйр 282
 эфйр 282
 бор 159, 286
 табор 225
 сбор 61
 вор 158, 311
 двор 160
 говор 225
 приговор 225
 договор 223, 224
 створ 225
 выговор 225
 раствор 282
 багор 270
 кагор 282
 бугор 270, 308
 вздор 283
 помидор 229
 свёкор 270, 307
 коленкор 282
 мрамор 282
 юмор 226, 283
 тенор 223, 225
 гонор 226, 282, 283
 топор 122, 128, 164, 194
 спор 124—128, 172
 рўпор 226
 сор 282
 компрессор 226
 профессор 223, 225, 258
 мўсор 226, 282
 ефрёттор 225
 редактор 223, 225, 258
 трактор 223, 225
 прожёттор 223, 225, 258
 лёттор 225
 коллектор 226
 инспектор 223, 225, 258
 рёттор 225
 дйрёттор 68, 223, 225, 258
 коррёттор 223, 258
 сёттор 223, 225
 дёттор 223, 225
 редўтор 226
 кондўтор 223, 225, 258
 иястрўтор 223, 258
 констрўтор 225
 простор 283
 хўтор 223, 225

- рокфóр 282
 фóсфор 226, 282
 хор 159, 286
 вихóр 270
 Днепр 161
 Пётр 161
 осётр 162, 272, 308
 смотр 43, 44, 159, 286
 алебастр 282
 Днестр 161
 шнур 160
 щур 160
 кныр 105, 160
 сыр 159, 282, 286
 яр 186
 маляр 162
 школяр 162
 столяр 162
 гусляр 162
 мадьяр 229
- бас 158
 тóрбас 223, 227
 квас 159, 282, 285, 310
 влас 159
 атлас 282
 пас 159
 час 46, 47, 60, 108, 159, 286, 288, 310
 получас 78, 85
 вес 223, 283
 овёс 270
 лес 223, 282, 286
 пёс 269
 áдрес 223, 226
 хёрес 224, 282
 тёс 282
 тўес 223, 227
 аніс 282
 лянис 282
 рис 282
 миссис 214
 абрикóс 229
 сýлос 282
 вóлос 158, 187, 190, 224, 228, 229,
 237, 311
 гóлос 223, 224
 кóлос 126, 127, 224, 237, 257, 263, 307
 нос 159, 286
 пóрос 224
 купорóс 282
 трос 227
 Христóс 162, 238, 243, 245, 309
 пафóс 283
 репс 282
 гипс 282
 ворс 282
 морс 282
 фóрс 283
- пресс 285
 мисс 214
 ус 159
 кус 159
 прímус 223, 226
 кóнус 227
 мíнус 227
 сóус 282
 кóрпус 223, 226
 брус 126, 127, 237, 263
 пáрус 223, 226
 трус 159
 ўксус 282
 плiнтус 227
 мыс 159, 286, 287
 кумыс 282
 юс 158
 флюс 159
 пóлюс 227
 пóяс 223, 227
- великовáт 98, 99
 маловáт 98, 99
 сват 159
 шпагáт 282
 солдáт 46—48, 50, 51, 186, 190, 228, 307
 мускáт 282
 салáт 282
 шпинáт 282
 чемпионáт 124, 125, 128
 брат 49, 159, 237, 307
 собрáт 159, 228, 234, 237, 307
 депутáт 50
 результáт 49
 бáрхат 282
 панбáрхат 282
 хребét 258—261, 270, 275, 308, 309
 свет (*мир*) 283
 свет (*свечение*) 43, 44, 286
 отвét 49
 цвет 223, 283, 286, 310
 вельвét 282
 кадét 228
 скрeжет 283
 глазét 282
 маркизét 282
 налét 282
 омлét 282
 помét 282
 самолét 49
 Егiпет 270
 винегрét 282
 тет-á-тét 98
 наштét 282
 óцет 270, 307
 счét 61, 223, 272, 310
 кит 160
 скит 160, 286

- динамит 283
 аппетит 283
 лафит 283
 щит 160
 гвалт 283
 болт 160
 бант 159
 кант 159
 дискант 227
 талант 283
 рант 159, 286, 287
 студент 307
 брезент 283
 цемент 283
 абсент 283
 бинт 160
 винт 160
 блинт 160
 шплинт 160
 зонт 160
 фронт 158, 227
 унт 161
 бунт (*связка*) 161
 бунт (*мятеж*) 159
 шцунт 161
 грунт 159, 283, 286
 фунт 159
 тавот 283
 живот 162
 креозот 283
 шевиот 283
 кот 161
 коверкот 283
 скот 161
 камлот 283
 молот 224
 плот 161, 286
 флот 158, 227
 пот 159, 283, 286
 компот 283
 рот 269, 286, 287, 308
 крот 161
 ворот 224
 сот 59, 100, 140, 142, 163, 270, 315
 семьсот 97, 108, 157, 202, 232, 234, 242, 246, 270, 274, 321
 восемьсот 97, 108, 157, 201—203, 232, 234, 241, 242, 246, 269, 270, 298, 321
 шестьсот 97, 108, 157, 202, 232, 234, 242, 246, 270, 321
 девятьсот 97, 108, 157, 202, 246, 321
 пятьсот 87, 97, 108, 157, 202, 221, 232, 236, 242, 246, 270
 тот 93, 98, 105, 113, 168, 213, 218, 241, 243, 245, 266, 306
 этот 97, 105, 113, 213, 236, 241, 245, 266, 305
- грóхот 283
 хóхот 283
 азарт 283
 чёрт 158, 203, 237, 238, 243, 245, 272, 311
 спирт 43, 159, 283, 286
 борт 130, 223, 277, 286, 310
 порт 158, 227, 286, 311
 рапорт 227
 аэропорт 286
 паспорт 223, 227
 сорт 124—126, 128, 223, 277
 торт 130, 227
 форт 159
 гурт 161
 ласт 159
 пласт 161
 возраст 225
 асбест 283
 шёлест 224
 клёст 161, 272
 пест 161
 нёрест 224
 крест 161
 шест 161
 вист 159
 свист 283
 лист 158, 161, 237, 311
 глист 161
 холст 161
 хвост 161
 мост 110, 112, 159, 161, 286
 пост (*религиозн.*) 161, 286
 пост (*воен.*) 161, 286
 рост 227, 283
 хворост 60, 75, 224, 283
 тост 159
 перст 161
 куст 161
 хлыст 161
 хлюст 161
 ватт 228
 киловатт 228
 гектоватт 228
 жгут 161
 мазут 283
 лоскут 158, 237
 якут 162
 плут 161
 омут 223, 227
 хомут 162
 кнут 161
 прут 158, 161, 237
 шут 161
 лифт 159
 прифт 159
 штифт 161, 286

- быт 286
 опыт 283
 альт 160
 вольт (*поворот*) 286
 вольт (*электр.*) 228
 бурят 228
 семьдесят 97, 202, 241, 242, 246, 257, 321
 восемьдесят 97, 201—203, 241, 242, 244, 246, 257, 270, 298, 321
 шестьдесят 97, 202, 241, 242, 246, 256, 321
 пятьдесят 97, 202, 241, 242, 243, 246, 256, 266, 321
 ф́рау 214
 урдú 98
 кенгуру́ 214
 банту 98
 пушту́ 98
 шкаф 42—44, 53, 159, 286
 штраф 283
 тиф 159, 286, 287
 торф 283
 пах 286, 308
 запах 283
 мех (*животных*) 223, 283, 286
 мех (*кузнечный*) 159
 лёмех 162, 223, 224, 227, 309
 смех 60, 283
 брех 283
 жéрех 224
 грех 162
 цех 114, 112, 223, 286
 их 98, 105
 цёрлих-манёрлих 98
 жени́х 162
 штрих 161
 стих 161
 мох 269, 283, 286, 287, 309
 во́рох 223, 224
 горóх 283
 поро́х 223, 224, 283, 310
 шóрох 224
 по́трох 223, 227
 верх 159, 223, 286, 310
 обух 112, 162
 во́здух 283
 кожúх 162
 пух 283, 286, 308
 лопúх 162
 болтúх 162
 петúх 162
 питúх 162
 настúх 162
 овчúх 162
 жмых 161
 шлях 159, 286, 287
 плац 286, 308
 кита́ец 269, 275, 308
 го́лбец 269
 столбе́ц 269
 дрове́ц 99, 142, 211, 269, 279, 315
 черве́ц 269
 швец 160
 норве́жец 308
 ковче́жец 308
 лжец 160
 резе́ц 269
 морбо́ец 283
 вале́ц 309
 сма́лец 283, 308
 па́лец 123, 269, 308
 владе́лец 123, 308
 вы́жлец 269
 жиле́ц 309
 ф́лец 160
 не́мец 308
 ма́рганец 283
 ра́нец 308
 жне́ц 160
 а́гнец 269
 кузне́ц 309
 коне́ц 49, 309
 бо́ец 269, 271, 309
 спе́ц 160
 купе́ц 309
 супе́ц 283
 чабре́ц 309
 пере́ц 283, 308
 жре́ц 160
 сяте́ц 283
 оте́ц 252, 266, 269
 кресте́ц 269
 исте́ц 269
 чисте́ц 269
 хвосте́ц 269
 льсте́ц 160
 чте́ц 160
 волче́д 269, 309
 ще́ц 99, 142, 211, 279, 315
 шпри́ц 159
 принц 308
 заяц 251, 261, 269, 274, 275, 308
 меся́ц 49, 227, 308
 рвач 160
 карага́ч 161
 богáч 309
 ткач 160
 плач 160
 врач 48, 53, 68—70, 79, 160
 грач 160
 драч 160
 меч 160

- бич 160
 кляч 160
 спич 160
 харч 159, 310
 луч 160
 обруч 158, 311
 свич 160
 хрыч 160
 сыч 160
 ключ 160
 мяч 160
 ваш 98, 105, 128, 213, 214, 266, 306, 319
 чуваш 161
 карандаш 161
 чардаш 161
 наш 98, 105, 128, 213, 214, 266, 306, 319
 наш (бука) 214
 апаш 98, 161
 ягдташ 161
 кош 160
 клеш 161
 кулеш 161
 кипмяш 161
 фетяш 161
 шич 160
 чинш 160
 пунш 160, 283, 308
 бош 160
 кош 160
 грош 160
 марш 160, 308
 фарш 160, 283, 308
 ёрш 160, 272, 309
 перш 160
 бурш 160
 ингүш 161
 душ 160
 куш 160
 гуш 160
 кунтуш 161
 плюш 160
 рюш 160
 гуляш 161
 плац 160
 прац 160
 лец 160
 подлеш 161
 клец 160
 свич 160
 товарич 308
 овоц 158, 311
 хвоц 160
 борц 160
 хруц 160
 хлыц 160
 прыц 160
 плющ 160
 хряц 160
 катакомбы 60
 вы 53, 62, 98, 113, 138, 142, 157, 211, 232, 234, 321
 Кундравы 144
 абразивы 142
 консервы 142
 мириады 60
 велады 60
 Бреды 146
 Бескиды 144
 Нидерланды 144
 разводы 142
 проводы 142
 роды 142
 всходы 60, 142
 клавиорды 142
 пересуды 142
 Вогёмы 144
 Северные Увалы 144
 причиндалы 142
 стройматериалы 142
 инициалы 60
 аниалы 142, 307
 шпалы 60
 козлы 270, 312
 Аулы 144
 брылы 61, 142, 312
 мы 52, 62, 98, 113, 138, 142, 157, 212, 232, 234, 242, 244, 246, 321
 Кумы 144
 Амираджаны 144
 Бучманы 144
 Балханы 144
 бубны 167, 313
 молодожены 99, 105, 307
 вожны 142, 270, 312
 Ромны 144
 вавилоны 142
 похороны 167, 313
 Россоны 144
 перуны 142
 глазеняпы 142
 растабары 142
 промтовары 142
 лары 142
 Стожары 144
 хозары 60
 еры 105, 214
 кадры 142
 сборы 60, 61
 выборы 142, 225
 перевыборы 142
 довыборы 142
 переговоры 142
 переборы 142

- огнеупоры 142
 хоры 142
 часы 59, 60, 77, 148
 весы 173, 319
 волосы 61, 105, 142, 167, 313
 финансы 60
 Черкассы 144
 Исы 144
 Чаусы 144
 бусы 142, 173, 312
 Миусы 144
 балясы 142
 ты 62, 81, 98, 113, 138, 140, 142,
 147, 157, 212, 232, 234, 242, 243,
 244, 246, 265, 295, 298, 321
 дебаты 142
 пенаты 142
 шахматы 126, 127, 263
 счёты 61, 142
 хамиты 60
 Апатиты 144
 ханты 214
 медикаменты 60
 хлопоты 60, 126, 127, 257, 263, 312
 соты 142
 полверсты 78
 плоскозубцы 308
 близнецы 60
 ножницы 58, 59, 77, 148, 173, 278, 312
 щипцы 309
 рцы 105, 214
 Люберцы 144
 Абрюцы 144
 пяльцы 142, 270, 312

 Обь 166
 дробь 167
 скорь 167
 глубь 287
 голубь 143, 158, 172
 зыбь 167
 любовь 166, 186, 190, 270, 317
 Любость 216, 270
 нелюбовь 166, 270, 317
 церковь 167, 228, 239, 245, 270, 317
 бровь 167, 287
 кровь 108, 167, 228, 287
 червь 61, 143, 158, 311
 ветвь 167
 тетрадь 172, 186, 190
 лошадь 167, 231, 316
 площадь 167, 172, 228
 лебедь 143, 158
 медведь 143
 доведь 167
 медь 57, 58, 60, 75, 285
 очередь 167, 228
 вождь 143, 160

 дождь 143, 160, 308
 гвоздь 143, 158, 187, 190, 277, 311
 гроздь 167, 228, 230, 234, 237, 316
 груздь 143, 158, 311
 подгруздь 143
 гридь 143
 господь 143, 238, 243, 245, 256, 307
 жердь 167
 жёлудь 143, 158, 272, 311
 грудь 156, 167, 287
 сельдь 167
 стёрлядь 167, 316
 пядь 167
 блажь 143
 молодёжь 143
 залежь 144, 275, 277, 316
 холостёжь 144
 ложка 144, 166, 269, 271, 317
 рожь 143, 166, 269, 317
 дрожь 143
 ухожь 143
 упряжь 143
 прятяжь 143
 кладёзь 143
 колодёзь 143
 ферзь 143, 160
 язь 143, 160
 связь 287
 пёнызь 105, 143
 князь 143, 159, 228, 234, 237, 310
 грязь 61, 282
 витязь 143
 заваль 144
 шавваль 143
 рёзваль 144
 коваль 161
 шувваль 144
 рогаль 161
 строгаль 161
 даль 277, 287, 316
 падаль 144
 медаль 144
 педаль 144
 невидаль 144
 миндаль 161, 283
 ўдаль 144
 флорёаль 143
 скрижаль 144
 газаль 144
 прериаль 143
 вертикаль 144
 перкаль 144
 москаль 161
 миткаль 161, 283
 эмаль 144
 нормаль 144
 антиклиналь 105, 144
 синклиналь 105, 144

- жерминаль 143
диагональ 144
мараль 144
враль 143, 160
февраль 143, 161
спираль 144
мораль 144
пастораль 144
централь 144
магистраль 144
сусаль 144
деталь 144
вежеталь 144
капиталь 144
госпиталь 158, 226
горизонталь 144
поталь 144
усталь 144
хрусталь 161
вуаль 144
этуаль 144
кефаль 144
печаль 144
пищаль 144
корабль 161
рубль 160
голавль (головль) 161
журавль 161
кегель 160
мангель 160
Парабель 145
табель 144, 223
штабель 223
мебель 144
стебель 158, 270, 311
гибель 144
погибель 144
кобель 143, 161
пробель 105, 144
рубель 143, 161
дубель 223, 226
Вель 145
жавель 143, 161
журавель 143, 270
щавель 143, 161
гель 105, 143, 160
флигель 223, 225
тигель 270
гидрогель 105, 143
бугель 226
ягель 226
Адель 216
крэндель 158, 223, 226
бордель 143
пудель 223
Гжель 145
дизель 226
Жизель 216
вэнзель 223
трэвзель 226
Гюзель 216
спаниель 105, 143
никель 226
пéнкель 223, 226
винкель 105, 223, 226
мель 44, 287
кóмель 270
каломель 144
Гостомель 270
óмель 144
хмель 143, 160, 283, 286, 307
шмель 143, 160
Нинель 216
полишинель 143
туннель (тоннель) 143
стапель 223, 226
штáпель 283
рóстепель 144
óттепель 144
штéмпель 223, 225
рúмпель 226
сапропель 143
нищепель 223, 226
скарпель 143, 161
дúпель 223
апрель 143
менестрель 143
сель 105, 143, 160
кисель 161, 283, 309
вэксель 223, 225
штéпсель 223, 225
мускатель 105, 143
добродетель 144
нётель 144
обитель 144
житель 225, 307
китель 223, 225, 310
зритель 225
мститель 225
учитель 93, 172, 223, 225, 258
отель 143
метрдопель 143
мотель 105, 143
карпель 143
свиристель 143
волостель 105, 143
коростель 143, 161
фúхтель 158, 226
кафель 226, 283
грифель 226
картофель 283, 307
портфель 143
трифель 160, 228
пнищель 226
кашель 270
кошель 143, 161

- Ла-Рошэль 145
 щель 167, 287
 свиль 144
 гиль 144
 дрягиль 225
 киэйль 161
 киль 160
 кокйль 158, 258
 ванйль 144
 гниль 144
 кошениль 144
 шпиль 159, 160
 кадрийль 144
 Сесйль 216
 Люсийль 216
 фитйль 161
 москотйль 144
 стиль 160, 307
 штиль 159, 160
 прѳиль 225
 Рахйль 216
 епитрахйль 144
 рокайль 143
 билль 160
 тролль 160
 кремль 160
 боль 144, 167
 Оболь 145
 сбоболь 158, 223, 226
 голь 144
 щёголь 225
 уголь 158, 172, 237, 257, 264, 269,
 270, 274, 307, 311
 юдѳоль 144
 золь 105, 160
 мозѳоль 144
 триѳоль 144
 лакфиѳоль 144
 желтофиѳоль 144
 моль (*насекомое*) 144
 моль (*бревна*) 160
 смоль 144
 поль (нуль) 160
 тополь 223, 225
 роль 144, 167
 бандерѳоль 144
 кроль 105, 160
 корѳоль 161
 гастрѳоль 144
 соль 167
 соль (*нота*) 214
 парасѳоль 144
 толь 160
 вакуѳоль 105, 144
 опухоль 144
 выхухоль 144
 воплъ 160
 Нерль 145
- отрасль 167, 228
 недоросль 144
 мысль 172, 277
 куль 160
 циркуль 225
 куркуль 161
 омуль 158
 руль 160
 патруль 161
 былль 144
 нѳбыль 144
 прибыль 144, 167
 бобыйль 161
 чернобыль 144
 горбыль 161
 ўбыль 144
 ковыль 161
 подмыль 144
 пыль 144, 287
 мотыль 161
 костыль 161
 бутыль 144
 эль 160
 дуэль 144
 Айгыль 216
 мяль 160
 тюль 160
 семь 97, 138, 142, 212, 321
 восемь 97, 113, 138, 142, 203, 212,
 241, 246, 257, 264, 270, 271, 321
 Омь 166
 Томь 166
 Пермь 166
 дубань 143
 Тайвань 145
 лань 316
 финшамань 143
 пристань 167, 228
 росстань 167
 гуань 143
 Ухань 145
 Тянь-Шань 145
 юань 105, 143
 огонь 100, 113, 140, 143, 160, 308
 грѳень 270
 щѳень 283, 307
 ревьень 161, 283
 ливень 307
 Свись 145
 ирѳивень 270
 день 269
 дребодень 143
 уздѳень 161
 полдень 238, 244, 245, 257, 307
 господень 98, 213, 266, 270, 271, 306
 пядѳень 143
 сажень 143, 167, 239, 256, 317
 межень 143

- стёржень 307
 Мезень 145
 оползень 270
 Пльзень 145
 лень 143
 ўвалень 307
 зѣлень 143
 празелень 105, 143
 прѳзелень 105, 143
 олёнь 161, 266
 голенъ 143
 тюлёнь 161
 камень 108, 158, 237, 257, 269, 271, 307
 пламень 100, 113, 138, 270, 308
 рамень 105, 143
 ремёнъ 161, 270, 309
 кремёнъ 270
 темень 143
 таймёнъ 161
 чекмёнъ 161
 кетмёнъ 161
 сухмёнъ 143
 ячмёнъ 161, 283
 пельмёнъ 161
 ильмёнъ 161
 Тюмёнъ 143
 пень 269
 слепёнъ 270, 309
 степенъ 143, 167
 кипень 143
 ступёнъ 143, 167, 172, 258
 переступёнъ 270
 парёнъ 158, 311
 шагрёнь 143
 мигрёнь 143
 Ирёнъ 145
 сирёнъ 143
 корёнъ 158, 237
 дурёнъ 307
 курёнъ 161
 Турёнъ 145
 сень 143
 плёсень 143
 осень 143
 Усень 145
 ясень 270
 тень 143, 167, 218, 287
 светотёнъ 143
 бюллетёнъ 161
 плетёнъ 270
 стень 143
 кистёнъ 161
 пёрстенъ 158
 полутёнъ 104, 143, 287
 пёчень 143
 мишёнъ 143
 шёршеиъ 270, 307
 жепьшёнъ 161
 Тяшцзэйль 145
 липъ 143, 160
 Ильхури-Алинь 145
 Сихотэ-Алинь 145
 шпинь (шпень, шпынь) 143, 160
 огонъ 143, 270, 309
 конь 143, 158, 172, 187, 190, 191, 277, 311
 ёкунъ 143, 158
 лунъ 143, 160
 шампунъ 143
 ибонъ 143
 Алла́х-Юнь 145
 степъ 156, 167, 287, 316
 цепъ 156, 167, 287
 янв́аръ 143
 ќиноваръ 144
 ўтваръ 144
 Ага́рь 216
 изга́рь 105, 144
 при́гарь 144
 безда́рь 144
 господа́рь 161
 су́даръ 225
 госуда́рь 161
 ле́карь 158, 226
 пе́карь 223, 225
 то́карь 223, 225
 ла́рь 144, 160
 слёса́рь 223, 225
 пи́саръ 223, 225
 синакса́рь 161
 пса́рь 144, 160
 янта́рь 283
 па́харъ 225
 ўха́рь 225
 ца́рь 146, 160, 186, 190, 309
 е́рь 105, 144, 160
 две́рь 43, 167, 317
 де́вь 159, 228, 231, 234, 237, 287, 310
 зве́рь 144, 158, 187, 190, 231, 311
 Тверъ 166
 ла́геръ 223, 225
 ё́геръ 223, 225, 310
 ма́теръ 144, 167
 прама́теръ 144
 богома́теръ 144
 Суэ́рь 145
 Сиби́рь 145
 имби́рь 283
 визи́рь 161
 цифи́рь 144
 Эсфи́рь 216
 планши́рь 161
 ўго́рь 162, 257, 264, 270, 309
 осоко́рь 161

- икорь 223, 225
 хорь 144, 160
 вихорь 270, 307
 вебрь 160
 вихрь 160
 козырь 158, 311
 ясырь 161
 нашатырь 283
 псалтырь 144
 штырь 144, 160
 карась 143, 162
 весь 86, 98, 105, 168, 213, 218, 226,
 269, 271, 306
 летопись 167
 ось 156, 167, 287
 лось 143, 158
 лосось 143
 гусь 143, 159
 Русь 166, 317
 рысь 167, 287
 подать 167
 мать 49, 167, 203, 228, 238, 243,
 245, 317
 тать 143, 160
 стать 167
 двáдцать 87, 97, 157, 257, 264, 321
 двенáдцать 97, 119, 134, 137
 тринáдцать 97
 семнáдцать 97
 восемнáдцать 97
 оди́ннадцáть 87, 97, 321
 четы́рнадцáть 97
 шестнáдцать 97
 девятнáдцать 97
 пятнáдцать 97
 три́дцать 97, 157, 257, 264, 321
 Кеть 166
 клеть 167, 283
 илеть 167, 231
 треть 167
 сеть 167, 287
 дёготь 143, 270, 283, 307
 коготь 143, 158, 270, 311
 ноготь 143, 158, 270
 локоть 143, 158, 270
 полоть (полть) 167
 ломоть 143, 158, 270, 309
 лапоть 145, 158, 270
 четверть 167
 смерть 167
 скáтерть 167
 борть 108, 167
 область 167, 228, 316
 власть 167
 сласть 167
 масть 167
 снасть 167
 лопасть 167
 про́насть 167
 страсть 167
 часть 167, 287
 весть 167
 повесть 167
 дeсть 167
 тeсть 143, 160
 чeсть 167
 пóчeсть 134, 137, 172
 шeсть 97, 138, 142, 212, 321
 кисть 127, 128, 167
 нéхристь 143
 подeсть 167
 ость 167
 пóвeсть 167
 гость 143, 158, 311
 рáдoсть 266, 316
 гóрдoсть 57
 кoсть 167, 231, 287
 плóскoсть 167
 вóлoсть 167
 пóлoсть 167
 вéдoмoсть 167
 дóлжнoсть 167
 крéпoсть 167
 хрáбрoсть 58
 скóрoсть 167, 228
 трoсть 167
 шерсть 167
 горeть 167, 287
 чéлюсть 167
 путь 143, 160, 214, 218, 221, 266, 316
 нефть 60, 285
 ять 143, 160
 дéвять 97, 138, 142, 157, 212, 257,
 264, 321
 зять 143, 159, 237, 310
 пять 77, 84, 86, 97, 119, 138, 142,
 147, 157, 212, 218, 321
 дéсять 97, 138, 142, 148, 157, 212,
 257, 264, 321
 Юдифь 216
 Суламифь 216
 Руфь 216
 печь 42—44, 143, 156, 167, 277, 287,
 317
 рeчь 143, 167, 277
 гóрeчь 143
 тeчь 143
 картéчь 143
 дичь 143
 жёлчь 143
 дочь 143, 167, 228, 231, 238, 245, 317
 мéлoчь 143, 167
 щéлoчь 143, 167, 272, 317
 свóлoчь 143, 167, 317
 бéстoлoчь 143
 мoчь 143

- нѣмочь 143
 ночь 46, 49, 134, 143, 167, 172, 275, 287
 полночь 143, 238, 245, 257, 316
 полуночь 143
 гуашь 143
 плешь 143
 флешь 143
 брешь 143
 тишь 44, 143, 287, 316
 вошь 143, 166, 187, 190, 269, 317
 бриошь 143
 роскошь 143
 брошь 143
 вѣгошь 143
 пúстошь 143
 глушь 143, 166, 317
 подпушь 143
 сушь 143
 тушь 143
 рѣтушь 143
 чушь 143
 мышь 134, 143, 167, 187, 190, 266, 275, 277, 317
 фальшь 143
 вещь 143, 167, 277, 317
 печь 143, 167, 287
 толщъ 143
 мошь 143
 нѣмошь 143
 помошь 143

 алóз 214

 интервью 214

 я 52—54, 62, 80, 81, 98, 113, 138, 140, 142, 147, 157, 212, 232, 234, 241—244, 246, 265, 295, 298, 321
 столовая 46—48, 318
 свáя 214
 прихожая 318
 чужáя 318
 борзáя 318
 мастерскáя 46, 47, 318
 парикмáхерская 318
 русская 318
 прямáя 173, 218
 горничная 318
 больнáя 96
 Лiнепáя 217
 стáя 214, 264, 266, 275, 312
 запятáя 318
 глухáя 318
 гóйчáя 318
 себя 52, 61, 80—82, 85, 97, 98, 113, 138, 140, 142, 157, 203, 212, 232, 234, 242, 246, 321
 Волóдя 231
 дýдя 159, 164, 173, 202, 228, 230, 231, 234, 237, 313
 швей 166, 313
 тавлея 108, 165
 колея 313
 шлея 166
 змея 165, 313
 жнея 166
 фея 312
 стезя 166, 313
 эрзя 230
 судия 211, 232, 234, 313
 паремия 211, 232, 234, 313
 армия 50, 51, 93
 прения 279, 315
 линия 264, 266, 312
 пария 230
 кшатрия 230
 лития 211, 232, 234, 313
 пифия 312
 Зульфий 313
 майя 98, 105, 214
 Майя 312
 секвóя 105, 275, 312
 паранóя 275
 ля 214
 сабля 268
 кегля 230, 231
 пустомеля 230
 Вяртсила 217
 пакля 230
 сáкля 230, 231, 268, 312
 цикля 230
 бúкля (пúкля) 230, 231
 земля 165, 257, 314
 мямля 230
 доля 127, 128, 164, 173, 231, 313
 семядоля (семенодоля) 230, 231
 капля 271, 312
 цапля 231, 312
 сопля 164, 165, 314
 марля 230
 тля 166, 187, 190, 312
 пúтля 230
 ходúля 230, 231
 каракуля 230, 231
 пúля 264, 312
 рóхля 230, 231, 312
 Аутинкюля 217
 плáмя 163, 238
 знáмя 163, 238, 257, 317
 плéмя 163, 238
 брéмя 163, 238
 врéмя 163, 238
 берéмя 163, 238
 стрéмя 163, 202, 214, 236, 238, 261, 273, 275, 317

- сѣмя 163, 202, 236, 238, 243, 261, 273, 275, 317
 тѣмя 163, 238
 ѣмя 163, 214, 218, 238, 243, 266, 317
 полуѣмя 104, 158, 238
 вѣмя 163, 238
 поѣмя 100, 163, 236, 273, 317
 папѣмя 231
 ставня 230, 231
 дѣрѣвня 164, 173, 187, 190, 231, 238, 258, 313
 ровня 108, 230, 231
 неровня 230
 сводня 230, 231, 312
 сходня 230, 231
 зеленя 142, 228, 279, 309
 пѣня 230, 231
 офѣня 230
 горшѣня 230
 тамбѣня 312
 возня 75
 богиня 312
 бѣиня 270, 312
 двѣиня 239
 сѣня 231
 тихѣня 230
 ступня 107, 186, 190, 313
 шестерня 231, 239, 313
 пѣсня 239
 беготня 60
 сотня 312
 плѣтня 230, 231, 312
 лѣтня 231
 чѣня 230, 231
 брѣхня 313
 кѣхня 238, 312
 башня 270, 271
 пешня 165, 166, 239, 313
 прѣгоршня 230, 312
 барышня 312
 боярышня 238, 312
 простыня 164, 231, 264, 314
 спальня 239, 270, 312
 ѣбня 231
 Отепя 217
 заря 164, 165, 202, 231, 261, 275, 313, 314
 ноздря 164, 165, 186, 190, 316
 растѣря 230
 распря 230, 231, 312
 бѣря 266
 фрѣя 312
 Вѣся 231
 пресмыкающѣся 214, 218, 318
 брачанинѣся 100, 318
 выдабѣющийся 213, 218, 266, 306
 дѣлающѣющийся 218
 вѣбѣющийся 213
 трудящѣющийся 214, 218, 318
 поросѣя 100, 113, 140, 143, 163, 164, 214, 317
 учащѣяся 214, 218, 318
 бѣтя 230
 Пѣтя 231
 тѣтя 204, 230, 312
 дѣтя 108, 140, 141, 143, 147, 163, 173, 179, 186, 190, 196, 203, 214, 227, 231, 232, 234, 235, 237, 239, 243, 257, 317
 кулѣтя 166
 тѣтя 230
 струя 165, 313
 попадѣя 313
 обѣдѣя 224, 279
 судѣя 128, 165, 166, 257, 313
 кѣля 312
 уголья 279
 Чалѣкѣя 230
 скамѣя 164, 314
 семья 165, 166, 257, 313
 ешпѣмѣя 260, 275, 313
 корѣня 224, 237, 279
 ектѣня 260, 275, 313
 свинѣя 128, 165, 166, 257, 313
 полынѣя 275
 отрѣпя 279
 хлѣпя 224, 279, 308
 охлѣпя 279
 Маурѣя 230
 манатѣя 260, 261, 275, 313
 статѣя 270, 271, 313
 трѣтѣя 214, 319
 лохмѣтѣя 224, 270, 279
 гѣстѣя 270, 312
 дѣвнѣчѣя 214, 319
 нпчѣя 214, 218, 319
 стручѣя 224, 279
 вѣпшѣя 230
 Яя 217
 малолѣтнѣя 318
 прѣспѣднѣя 318

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.
- Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М., 1935.
- Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4. М., 1939.
- Борковский В. И. и Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Виноградов В. В. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1.
- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
- Винокур Г. О. Форма слова и части речи в русском языке. — «Избр. работы по русскому языку». М., 1959.
- Востоков А. X. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 10. СПб., 1859.
- Грамматика русского языка, т. I. Морфология. М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Добрушин Р. Л. Математические методы в лингвистике. «Математическое просвещение», вып. 6, М., 1961.
- Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924.
- Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. 1. М., 1924.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954.
- Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.—Л., 1928.
- Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Курлович Е. Система русского ударения. — В кн.: Е. Курлович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Мельчук И. А. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева и Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961.
- Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927; вып. 2, Л., 1931.
- Откупщикова М. И. и Фиталов С. Я. Система морфологического синтеза для русского языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 1.
- Петерсон М. Н. Русский язык. М.—Л., 1925.

- Петерсон М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.
- Петковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
- Реформатский А. А. Число и грамматика. «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.-Л., 1960.
- Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1954.
- Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
- Толковый словарь русского языка, т. I. Под ред. Д. П. Ушакова. М., 1935 (вступит. статья «Как пользоваться словарем»).
- Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 1957, № 5.
- Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5. М., 1929.
- Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. — Избр. труды, т. I. М., 1956.
- Халле М. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V-th International congress of slavists». The Hague, 1963.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. «Избр. работы по русскому языку». М., 1957.
- Юшманов Н. В. Грамматика иностранных слов. — В кн.: «Словарь иностранных слов». ОГИЗ, 1933.
- Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American contributions to the IV-th International congress of slavists». 's-Gravenhague, 1958.
- Bloomfield L. Menomini morphophonemics. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 8, 1939.
- Dauidoff G., Pauliat P. Précis d'accentuation russe. Paris, 1959.
- Durnovo N. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», 1922, t. II.
- Durnovo N. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, t. IV.
- Đurovič L'. Paradigmatika spisovneje ruštiny. Bratislava, 1964.
- Halle M. The sound pattern of Russian (a linguistic and acoustic investigation). 's-Gravenhage, 1959.
- Hjelmstedt L. Animé et inanimé, personnel et non-personnel. «Travaux de l'Institut de Linguistique», I. Paris, 1956.
- Išačenko A. V. Die Russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. Halle, 1962.
- Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 6, 1936.
- Jakobson R. Russian conjugation. «Words», 1948, 4, № 3.
- Jakobson R. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-slavica», 1957, v. III.
- Karcevskij S. Sur la structure du substantif russe. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata». Prague, 1932.
- Kiparsky V. Der Wortakzent der Russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Tesnière L. Petite grammaire russe. Paris, 1945.
- Trager G. L. Russian declensional morphemes. «Language», v. 29, 1953.
- Trubetzkoy N. S. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 5, 1934, № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АГ — Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
- Бильф. — Н. Н. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.
- Был. — Словарь ударений для работников радио и телевидения. Под ред. К. И. Былинского. М., 1960.
- Ож. — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 5. М., 1963.
- Орф. — Орфографический словарь русского языка. Изд. 5. М., 1963.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
- Уш. — Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

И. — именительный падеж

Р. — родительный падеж

Д. — дательный падеж

В. — винительный падеж

Т. — творительный падеж

П. — предложный падеж

P_2 — 2-й родительный (количественно-отделительный) падеж (см. § 2.7)

P_2 — 2-й предложный (местный) падеж (см. § 2.6)

ед. (ч.) — единственное число

мн. (ч.) — множественное число

муж. — мужской род

жен. — женский род

сред. — средний род

парн. — парный род (см. § 2.19)

одуш. — одушевленный

неод. — неодушевленный

атрибут. — атрибутивный (см. § 2.23)

неатрибут. — неатрибутивный (см. § 2.23)

знач. — значение

морф. — морфологический

обл. — областной

перен. — переносный
 простореч. — просторечный
 согласоват. — согласовательный
 устар. — устаревший

C — согласная (буква)

Г — гласная (буква)

Ш — ш, ж, ч или щ

К — к, г или х

| — знак, отделяющий основу от окончания

/ — знак, разделяющий ступени чередования; может заменяться горизонтальной чертой (—)

// — «наряду с, параллельно» (указывает на то, что слово обладает рассматриваемым свойством лишь в одном из вариантов парадигмы) (см. § 4.3)

∅ — пустая цепочка («нулевой элемент»); может заменяться записью «нуль»

— пробел между словами; граница слова

→ — «заменяется на», «переходит в»

* — 1) над строкой перед некоторой буквенной цепочкой — знак гипотетичности или реконструкции; 2) на строке — знак чередования беглой гласной с нулем (см. § 6.24 и 6.26).

Значение любого другого вспомогательного символа разъясняется в том же параграфе, где этот символ использован.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Общее (§ 0.1) — 3*. Синтез и классификация (§ 0.2) — 4. Различительные признаки и их значения. Типы классификации (§ 0.3) — 6. Описываемая форма языка (§ 0.4) — 9. Вспомогательные указания (§ 0.5) — 11. Стрoение книги (§ 0.6) — 13.	

Часть первая.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ

Глава 1. Исходные положения	19
--	----

Общее (§ 1.1) — 19. Различные смыслы слова «слово»: сегмент, словоформа, лексема (§ 1.2) — 19. Элементы значения (§ 1.3) — 22. Номинативные и синтаксические элементы значения (§ 1.4) — 23. Грамматические и неграмматические элементы значения (§ 1.5) — 24. Граммемы и грамматические категории (§ 1.6) — 26. Лексема (§ 1.7) — 27. Парадигма (§ 1.8) — 30. Словоизменительные и классифицирующие грамматические категории (§ 1.9) — 31. Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма) (§ 1.10) — 32. Грамматический разряд слов (§ 1.11) — 33.

Глава 2. Грамматические категории русских имен	35
---	----

Общее (§ 2.1) — 35.

<i>Грамматические категории предметных слов</i>	36
---	----

Грамматическая категория падежа. Общее (§ 2.2—2.4) — 36. Шесть основных падежей (§ 2.5) — 42. 2-й предложный (местный) падеж (§ 2.6) — 43. 2-й родительный (количественно-отделительный) падеж (§ 2.7) — 44. Счетная форма (§ 2.8) — 46. Вопрос о существовании других падежей (§ 2.9) — 49. Падежи у местоимений-существительных. Увеличение числа падежей (§ 2.10) — 52.

Грамматическая категория числа. Число у существительных (кроме *singularia et pluralia tantum*) (§ 2.11) — 53. Число у *singularia et pluralia tantum* (§ 2.12) — 57. Вопрос о числе у местоимений-существительных (§ 2.13) — 61.

Грамматическая категория согласовательного класса (= категория рода + категория одушевленности — неодушевленности). Понятие согласования (§ 2.14) — 62. Согласовательные классы

* Цифры после тире означают страницы. Словом «общее» обозначены начальные рубрики глав и разделов, не имеющие заголовков в тексте книги.

(§ 2.15—2.16) — 66. Грамматическая категория «согласовательный класс» как соединение грамматических категорий рода и одушевленности—неодушевленности (§ 2.17) — 73. Существование 7-го согласовательного класса (§ 2.18) — 75. Место 7-го согласовательного класса среди остальных (§ 2.19) — 78. Вопрос о согласовательных классах у местоимений-существительных (§ 2.20) — 80.

Грамматические категории слов-атрибутов 82

Грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса (§ 2.21) — 82. Грамматическая категория атрибутивности—неатрибутивности (§ 2.22) — 88. Вопрос о степенях сравнения (§ 2.23) — 91.

Глава 3. Классификация именных парадигм с точки зрения выраженных в них грамматических противопоставлений 92

Общее (§ 3.1) — 92. Различительный признак «грамматический разряд» (§ 3.2—3.3) — 94. Различительный признак «дефекты парадигмы» (§ 3.4) — 99.

Часть вторая

ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ

Глава 4. Общие сведения об исходном материале 103

Уточнение объема исходного материала (§ 4.1) — 103. Источники сведений о внешнем виде словоформ (§ 4.2) — 106. Трактова словоформ-вариантов (§ 4.3) — 108. Вопрос об основе и окончании (§ 4.4) — 112.

Глава 5. Понятие эквивалентности парадигм 115

Общее (§ 5.1) — 115. Требования к внутреннему устройству сравниваемых парадигм (§ 5.2) — 118. Требования к наборам окончаний сравниваемых парадигм (§ 5.3) — 118. Требования к основам сравниваемых парадигм (§ 5.4) — 119. Требования к акцентуации сравниваемых парадигм (§ 5.5) — 123. Определение эквивалентности двух парадигм (§ 5.6) — 128.

Глава 6. Классификация именных парадигм по способу внешнего выражения грамматических противопоставлений 129

Раздел I. Вспомогательные понятия и вспомогательные различительные признаки 129

Требование достаточной детальности классификации (§ 6.1) — 129. Общая схема описания отдельного различительного признака (§ 6.2) — 130. Первичные и вторичные словоформы (§ 6.3) — 133. Суженная парадигма (§ 6.4) — 133. Эталон, позволяющий сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства (§ 6.5) — 134. Соотнесение первичных словоформ с эталоном (§ 6.6) — 136. Различительный признак «морфологическое число» (§ 6.7—6.8) — 137. Различительный признак «морфологический класс» (§ 6.9—6.10) — 138. Эталонное грамматическое значение (§ 6.11) — 145. Комментарий к вспомогательным понятиям, включающим эпитет «морфологический» (§ 6.12—6.13) — 146.

Раздел II. Различительные признаки, относящиеся к первичным словоформам	149
<i>Классификация суженных парадигм условного уровня</i>	149
Условный способ представления внешней стороны словоформ (§ 6.14) — 149.	
<i>Ударение.</i> Условное ударение (§ 6.15) — 151. Различительный признак «схема ударения» (§ 6.16—6.17) — 152. Комментарии к понятию условного ударения (§ 6.18—6.22) — 175.	
<i>Окончания и основы.</i> Формальные чередования (§ 6.23) — 192. Чередования (§ 6.24) — 194. Формулы перехода (§ 6.25) — 199. Условный вид словоформ (§ 6.26) — 201. Различительный признак «тип склонения» (§ 6.27—6.29) — 204. Различительный признак «нестандартные условные окончания» (§ 6.30—6.31) — 221. Различительный признак «чередования в условной основе» (§ 6.32—6.34) — 235. Комментарии к понятию условного вида словоформ (§ 6.35—6.36) — 246. Итоги классификации суженных парадигм условного уровня (§ 6.37) — 252.	
<i>Переход от условного уровня к действительному</i>	253
Переход от условного ударения к действительному (§ 6.38) — 253. Переход от условного вида словоформы к действительному (§ 6.39) — 258.	
<i>Различительные признаки, необходимые для достижения достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня</i>	261
Общее (§ 6.40) — 261. Различительный признак «акцентуационные отклонения в исходных словоформах» (§ 6.41) — 263. Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы» (§ 6.42) — 264. Различительный признак «морфнологический тип условной основы» (§ 6.43) — 264. Различительный признак «наличие звездочки в условной основе» (§ 6.44) — 268. Различительный признак «наличие неустойчивого <i>o</i> в условной основе» (§ 6.45) — 272. Различительный признак «морфнологические особенности неизменяемой части условной основы» (§ 6.46) — 273. Различительный признак «аномальные беглые гласные» (§ 6.47) — 275. Различительный признак «орфографические аномалии» (§ 6.48) — 275. Итоги классификации суженных парадигм (§ 6.49) — 275.	
Раздел III. Различительные признаки, относящиеся к вторичным словоформам	276
Общее (§ 6.50) — 276. Различительный признак «нестандартная омонимия чисел» (§ 6.51) — 278. Различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа» (§ 6.52) — 279. Различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа» (§ 6.53) — 281. Различительный признак «нестандартное выражение 2-го предложного падежа» (§ 6.54) — 284. Различительный признак «нестандартная счетная словоформа» (§ 6.55) — 288. Различительный признак «нестандартные припредложные словоформы» (§ 6.56) — 289.	
<i>Итоги классификации именных парадигм. Полный перечень различительных признаков</i> (§ 6.57).	290

Глава 7. Синтез именных парадигм	292
Общее (§ 7.1) — 292. Правила построения полной характеристики произвольной именной парадигмы (§ 7.2) — 294. Правила построения произвольной именной парадигмы (§ 7.3) — 297.	
Приложение. Перечень элементарных классов и элементарных подклассов русских именных парадигм . .	300
Предметный указатель	323
Указатель слов	327
Избранная библиография	363
Список сокращений и условных обозначений	365

СТАТЬИ

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Ударение в современном русском языке представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ). Физической природы этого выделения мы в настоящей работе не касаемся; для нас достаточно исходить из того, что носитель русского языка без всякого труда улавливает (при нормальных условиях коммуникации) место ударения в услышанной им словоформе (даже если он не обучен самому понятию «ударения») и может повторить эту словоформу с тем же ударением. Русское ударение при всех возможных вариациях своего физического выражения с функциональной точки зрения едино, т. е. не существует двух (или более) разных типов ударения, противопоставление которых служило бы для различения словоформ.

Примечание. В некоторых словах (преимущественно сложных), помимо основного, или главного, ударения, имеется еще так наз. второстепенное (обычно несколько более слабое, чем основное; оно обозначается '), например: *нефтепереработка*, *контрразведчик*; возможно даже более одного второстепенного ударения: *автомобоклуб*. При этом, однако, главное и второстепенное ударения все же не могут рассматриваться как функционально противопоставленные друг другу, поскольку это различие никогда не выступает в качестве единственного средства различения двух словоформ.

Ударение отдельной словоформы в нормальном случае постоянно т. е. оно одинаково во всех вхождениях этой словоформы в речевую цепь. Отклонения от этой нормы составляют: 1) сравнительно немногочисленные случаи, когда полнозначная словоформа в сочетании с определенными служебными словами выступает без ударения, а служебное слово (в других случаях безударное) несет ударение, например, *на голову*, *по морю*; 2) словоформы с колеблющимся ударением, т. е. неодинаковым у разных носителей языка¹ или даже в разных точках речи одного и того же носителя языка; число таких словоформ довольно значительно, ср., например, *пробал* и *продал*, *слесарей* и *слесарей*, *сильных* и *сильных* и т. п.; 3) аномальные случаи (очень редкие), например, Р. ед. *утра* (*свежесть утра* и т. п.), но *до утра*, *до самого утра*.

¹ Имеются в виду носители литературного языка; если включить в рассмотрение также местные говоры и другие формы нелитературной речи, сфера колебаний окажется гораздо шире.

Русское ударение свободно (т. е. не существует никаких общих ограничений на место ударения внутри словоформы по счету от конца или от начала) и подвижно (т. е. разные словоформы одной лексемы, а также разные производные от одного корня, могут иметь ударение на разных слогах [по счету как от конца, так и от начала]).

Русское ударение существенным образом связано с морфологическим членением; в частности, оно может быть закреплено за определенной морфемой (или отсчитываться от нее влево или вправо). Соответственно, можно говорить о корневом, префиксальном, суффиксальном, флексийном ударении. Выделим, кроме того: на основном ударение — на основе; предфлексийное — на последнем слоге основы.

Из неморфологических характеристик ударения выделим понятие колонности: колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1.2. Основная задача, которую должно решать описание русской акцентной системы, состоит, очевидно, в том, чтобы тем или иным способом указать для каждой русской словоформы ее акцентуацию. Наиболее прямолинейное решение здесь — списочное. Заметим, что как одно из возможных решений данной задачи (для массива в 100 000 слов) можно рассматривать Грамм.: ударение в исходных словоформах слов указывается здесь списочным способом, ударение в прочих словоформах «вычисляется» далее по соответствующим индексам и таблицам. Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации.

В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего).

Как можно видеть из этого перечня, многие из тех свойств слова, от которых зависит его ударение, определяются нестрогим; в их оценке в части случаев возможны сомнения и разногласия. Это значит, что неизбежно окажутся нестрогими и все те правила об акцентуации, которые основаны на учете таких свойств. Очевидно также, что в рамках акцентологического исследования было бы совершенно нереально и неуместно пытаться предварительно довести до формаль-

ной строгости все относящиеся к делу морфологические, семантические и иные разграничения.

Соответственно, если бы требовалось обязательно достичь полной формальной строгости, пришлось бы вообще отказаться от правил, опирающихся, например, на значение слова, и заменить все такие правила списками (как это сделано, например, в РИС). В настоящей работе мы ставим перед собою, однако, несколько иную цель: по возможности выявить и отобразить факторы, реально влияющие на современную акцентуацию (в том числе действующие не абсолютно, а лишь «статистически»), и показать иерархию этих факторов и их взаимодействие. В этой ситуации мы вынуждены мириться с частичной потерей строгости. Ряд уточнений, даваемых ниже по ходу изложения, помогает несколько уменьшить этого рода потери.

В дальнейшем предполагается, что о любой словоформе мы знаем, помимо ее фонемного (и буквенного) состава, принадлежности к определенной лексеме, лексического и грамматического значения, также ее морфологический состав (т. е. членение на морфы) и отношения морфологической и семантической производности, в которых она участвует (а в части случаев еще и некоторые другие неформальные характеристики, см., в частности, § 1.4, 1.5).

Остановимся несколько подробнее на некоторых необходимых для дальнейшего неформальных характеристиках.

Непроизводные и производные слова

§ 1.3. Большое значение имеет противопоставление непроизводных и производных слов; к сожалению, граница между этими двумя классами, как известно, недостаточно строга.

Для акцентологического анализа целесообразно провести это разграничение таким образом, чтобы в категорию непроизводных были включены, во-первых, слова, не являющиеся семантически производными ни от какого реально существующего слова языка (например, *вода́, бага́ж, ма́стер, живо́й, блéдный, крéпкий, сурбо́вый, бра́ть, копа́ть, ходи́ть, брэзговать*), во-вторых, все вообще слова с одноморфной² основой, даже если с семантической точки зрения такое слово производно (как в случае *бег, лай*). В число непроизводных попадают также все опротивившиеся слова.

Из числа непроизводных выделяется подгруппа «членимых непроизводных», т. е. таких, у которых конечный элемент основы может быть отождествлен с некоторым суффиксом (например, *блéдный, крéпкий, сурбо́вый, бага́ж, саботи́ровать* и т. п.).

В категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов), например: *колокбля́чик, крéпость, прохóд, тупоголóвый*.

² Нулевые словообразовательные морфемы (если таковые признаются) не в счет (однако морфема '-', выражаемая смягчением [§ 1.43], учитывается как отдельная).

Плотное и неплотное присоединение морфем

§ 1.4. Для акцентологического описания необходимо отличать от обычного («плотного») способа присоединения морфем друг к другу в составе словоформы особые случаи, когда морфема присоединена к остальной части словоформы более свободно («неплотно») — примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой. Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы; ср., например, *непроходной* и *проходной*, *двухвинтовой* и *винтовой*, *нефтепереработка* и *переработка* и т. п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Различие между плотным и неплотным присоединением можно проиллюстрировать с помощью скобок.

Плотное присоединение	Неплотное присоединение
(<i>неотвяз</i>)-ный	<i>не</i> -(<i>проходной</i>)
(<i>межзуб</i>)-ный	<i>меж</i> -(<i>племенной</i>)
(<i>двуруч</i>)-ный	<i>двух</i> -(<i>винтовой</i>)
(<i>водослив</i>)-ный	<i>нефте</i> -(<i>наливной</i>)

Как легко видеть, одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно. Возможно даже прямое варьирование, например, (*первоочеред*)-ный и *перво*-(*очередной*). Существенно то, что выбор плотного или неплотного присоединения далеко не всегда соответствует семантической деривационной истории слова. Например, *двухвинтовой* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуручный* — к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочередный* и *первоочередной*.

Таким образом, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему. В настоящей работе мы не ставим себе целью ее решить; формально мы будем исходить далее из того, что способ присоединения (плотный или неплотный) заранее задан; практически нас почти везде будет интересовать только плотное присоединение (поскольку случай с неплотным присоединением с акцентологической точки зрения тривиален). Отметим здесь лишь некоторые наиболее важные факты. Как правило, присоединяются неплотно, в частности:

- 1) приставка *не*-, например, *неживой*, *непроходной*, *неспециалист*;
- 2) элемент *полу*-, например, *полуживой*, *полуподвал*, *полусидеть*;
- 3) приставка *пре*- со значением «в высшей степени» (у прилагательных

и наречий), например, *препротівный, пренеприятно*; 4) элементы *вне-, внутри-, до-, меж-, после-, пред-, против-* в прилагательных и существительных, производных, с семантической точки зрения, от сочетаний «предлог + существительное», например, *видземной, внутрйчерепной, дородовой, мёжплеменной, послеродовой, предпосевной, противоболевой*.

Помимо неплотного присоединения слева, примеры которого рассмотрены выше, возможно также неплотное присоединение справа. Так присоединяются частицы, пишущиеся через дефис (*-то, -либо, -нибудь, -ка, -таки*), и глагольные постфиксы *-ся (-сь)* (кроме некоторых особых случаев, см. § 1.12) и *-те* (в императиве).

Освоенные и неосвоенные слова

§ 1.5. В акцентологическом описании оказывается необходимым учитывать также то обстоятельство, что для конкретного носителя языка некоторое слово может быть освоенным («своим», привычным) или неосвоенным (чуждым, непривычным, ранее не слышанным или слышанным редко). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом различии. Соответственно, мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию (или на иные характеристики слова) прагматическим фактором.

Для взрослого носителя языка освоенными являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды. Неосвоенными являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Неосвоенным для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал; однако через некоторое время, иногда довольно короткое, он может вполне освоить это слово.

Таким образом, разделение слов на освоенные и неосвоенные индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Между полной освоенностью и полной неосвоенностью слова возможны, конечно, и промежуточные случаи. К сожалению, мы не имеем средств для объективной оценки этой градации, и поэтому в основном ограничиваемся выявлением тех акцентных эффектов, которые рассматриваемое противопоставление дает в несомненных, ярко выраженных случаях. Подробнее об этом противопоставлении см. Однослож., § 5, 21.

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ

§ 1.6. Описание русской акцентной системы строится ниже так.

За основную единицу рассмотрения принимается слово (лексема), а не отдельная словоформа. Соответственно, чтобы узнать место ударения в некоторой словоформе, необходимо вначале установить (по определенным правилам) акцентные характеристики соответствующего слова, а затем по этим характеристикам установить ударение интересующей нас словоформы.

Акцентных характеристик слова две: 1) так наз. схема ударения; 2) место ударения внутри основы. Для аномальных слов в качестве особой дополнительной характеристики выступают сведения о наличии и характере акцентной аномалии. Указанные акцентные характеристики однозначно определяют место ударения во всех словоформах слова. Заметим, что акцентная характеристика 2 реально необходима лишь при одном из возможных значений характеристики 1 (а именно, при схеме ударения *a*, см. ниже). В прочих случаях ударение во всех словоформах слова однозначно устанавливается по одной лишь схеме ударения.

Соответственно, с формальной точки зрения, все дальнейшие правила предназначены для того, чтобы в конечном счете позволить указать для произвольного слова его схему ударения и место ударения внутри основы. Вначале вводятся необходимые рабочие понятия и указываются наиболее общие закономерности русской акцентной системы (§ 1.7—13). Далее рассматривается вопрос о распределении непроектируемых слов по схемам ударения; однако списки слов здесь, как правило, не приводятся, поскольку они могут быть найдены в ряде других работ. Наконец, разбирается акцентуация производных слов; этот разбор проведен подробно, поскольку существующие изложения данного вопроса недостаточно полны.

§ 1.7. Набор словоформ одного слова, рассматриваемый в акцентологии, не всегда в точности совпадает с морфологической парадигмой слова. Отличия здесь таковы.

У существительных форма В. мн. (которая у одушевленных совпадает с Р. мн., у неодушевленных с И. мн.) в акцентном описании самостоятельно не рассматривается и в схему ударения не включается. Кроме того, некоторые парадигмы с разными основами ед. и мн. чисел с акцентологической точки зрения целесообразно трактовать не как единые парадигмы, а как пары неполных (а именно, одночисловых) парадигм. Сюда относятся: 1) случаи супплетивизма — *человек*, *ребёнок* (мн. *люди*, *дети*); сюда же примыкает *дитя* (мн. *дети*); 2) слова на *-ин*, утрачивающие это *-ин* во мн. числе (*армянин*, *господин* и т.д.); 3) слова на *-ёнок*, *-бнок* (мн. *-ята*, *-ата*); слова с дополнительным морфом *-j-* (*-ej-*) во мн. числе (*дерево*—*дерёвья*, *клок*—*клочья* и т.п.). Во всех случаях образование мн. числа рассматривается с акцентологической точки зрения как словообразовательная, а не словоизменительная операция.

У прилагательных не считаются частью парадигмы сравнительная и превосходная степени; они трактуются как производные слова (заметим, что такое решение возможно и для собственно морфологического описания, ср. РИС, § 2.23). Как и у существительных, выведены из сферы словоизменения супплетивно образуемые словоформы (*велик* и т. д. при *большой*, *мал* при *маленький*).

Не рассматриваются как единые словоформы составные числительные, у которых склоняются обе части (*пятьдесят*, *пятьсот* и т. д.); каждая из этих частей учитывается по отдельности.

У глаголов в акцентологическом описании не включаются в парадигму (а рассматриваются вместе с производными) причастия и деепричастия.

Далее, с акцентологической точки зрения целесообразно разделять многие морфологические парадигмы на части, которые можно обозначить как субпарадигмы.

Так, у прилагательных парадигма делится на атрибутивную субпарадигму (включающие полные [атрибутивные] формы) и неатрибутивную субпарадигму (включающую краткие [неатрибутивные] формы). Одна из двух субпарадигм может в частном случае отсутствовать. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-(и)я* и у местоимений-прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам* и т. д.) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме.

У глаголов парадигма делится на презентную субпарадигму (презенс и императив) и претеритную субпарадигму (прошедшее время и инфинитив).

У существительных отдельно от остальной части парадигмы рассматривается так наз. 2-й предложный падеж (II₂) единственного числа. Ради единообразия последующих формулировок эти две неравные части субстантивной парадигмы формально тоже признаются субпарадигмами.

З а м е ч а н и е. В принципе допустимо также делить парадигму существительного на субпарадигмы ед. и мн. числа (как это делается в ряде описаний русского ударения); но для решения задач настоящей работы прямой необходимости в этом не оказалось.

СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 1.8. Важнейшим понятием для описания словоизменительного ударения является схема ударения (или, что то же, акцентная кривая³). Формальное определение данного понятия см. в РИС, § 6.15 — 16. Несколько менее строгое определение таково: схема ударения некоторой парадигмы — это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы; при этом, однако, для словоформ, у кото-

³ Практически мы используем в настоящей работе термин «схема ударения» в применении к современному языку, а термин «акцентная кривая» — в применении к древнерусскому и старорусскому.

рых один из двух основных компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение данной словоформы (которое вынужденным образом стоит на слоговом компоненте), а ударение некоторой другой, так наз. «контрольной», словоформы той же парадигмы⁴. Понятие схемы ударения можно использовать применительно как к целым парадигмам, так и к субпарадигмам.

Необходимо отметить, что разделение на основу и окончание, представляющее собой для именных словоформ достаточно простую и естественную операцию, для глагольных словоформ иногда сопряжено с трудностями. Основная из них состоит в том, что в роли «окончаний» здесь оказываются морфемы или морфемные последовательности более сложной природы, чем в случае с именами, и нередко квалифицируемые в морфологии не как окончания, а как иные категории морфем. Так обстоит дело, в частности, с показателями инфинитива *-ть, -ти, -чи* и с исходами *-л, -ла, -ло, -ли* в прош. времени. Глагольные постфиксы *-ся (-сь), -те* обычно присоединяются к основной части словоформы неплотно (§ 1.4) и, соответственно, оказываются вне сферы действия акцентных правил; об одном исключении, когда *-ся (-сь)* функционирует как полноценная часть окончания, см. § 1.12.

§ 1.9. Ниже перечисляются схемы ударения, встречающиеся в разных типах субпарадигм. Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения:

a — ударение всегда на основе;

b — ударение всегда на окончании⁵.

Прочие схемы ударения, хотя и обозначаются символами из одного и того же набора, определяются по-разному для разных субпарадигм.

У существительных (в их основной субпарадигме):

c — ударение на основе в ед. числе, на окончании во мн. числе;

d — на окончании в ед. числе, на основе во мн. числе;

e — на основе в ед. числе и в И. мн., на окончании в косвенных падежах мн. числа;

f — на окончаниях везде, кроме И. мн.;

b' — как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;

d' — как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;

f' — как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;

f'' — как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

См. образцы в Грамм., с. 31—32.

Ударение в П₂ ед. оценивается особым образом, а именно, различаются два случая: 1) П₂ ед. совпадает с П. ед.; 2) эти две словоформы

⁴ «Контрольной» словоформой является: у существительных и в атрибутивной субпарадигме прилагательных — дательный падеж того же числа (и рода), что у рассматриваемой словоформы; в неатрибутивной субпарадигме прилагательных и в претеритной субпарадигме глаголов — словоформа ед. сред. (если в этой словоформе ударение колеблется, учитывается только вариант с наосновным ударением); в презентной субпарадигме глаголов — словоформа 1 ед.

⁵ Здесь и далее в формулировке «ударение на окончании» подразумевается: кроме случая, когда окончание неслоговое (подробнее см. РИС, § 6.15, 6.18).

не совпадают (в этом случае ударение в Π_2 ед. всегда флекссионное). Первый случай рассматривается как стандартный и никак специально не отмечается; во втором случае к символу схемы ударения (рассматриваемого слова) добавляется «+ Π_2 ». Например, схема ударения слова *бе́рег* обозначается как $c + \Pi_2$.

В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем *a* и *b*, представлена (только у слова *сам*) схема *f*: ударение на основе в И. мн., в прочих формах на окончании.

В адъективных неатрибутивных субпарадигмах:

c — ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред. и во мн. числе.

Кроме того, здесь в качестве особых схем оказывается целесообразным выделить ряд схем с колебаниями (поскольку колебания представляют собой в этой части акцентной системы не исключения, а массовое явление). Эти схемы ударения таковы:

a' — колеблющееся ударение в ед. жен., ударение на основе в ед. сред. и во мн. числе (= колебание между схемами *a* и *c*);

b' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. числе;

c' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред.;

c'' — колеблющееся ударение во мн. числе и ед. сред., ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы в Грамм., с. 33.

В презентных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в 1 ед. презенса и в императиве, на основе в прочих формах презенса:

c' (только глагол *хотеть*) — ударение на основе в *хóчешь*, *хóчет*, в прочих случаях на окончании.

См. образцы в Грамм., с. 80.

В претеритных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в ед. жен. прош. времени, на основе в прочих формах;

c' (схема с колебаниями; только у глаголов *дать*, *взять*) — колеблющееся ударение в ед. сред. прош. времени, ударение на окончании в ед. жен., на основе в прочих формах;

c'' (схема с колебаниями; возможна только для возвратных глаголов) — колеблющееся ударение во мн. числе, в ед. сред., а также в ед. муж. (см. § 1.12), ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы (для прош. времени) в Грамм., с. 81. В инфинитиве слоговое *-ти* возможно (если не считать глаголов с *вы-*) только при схеме ударения *b* (например, *нести́*, ср. *несла́*, *-б*, *-и*); инфинитивы на *-ть*, *-чь* имеют вынужденное наосновное ударение.

Схема ударения слова в целом складывается из схем составляющих его субпарадигм. Обозначения при этом таковы. У существительных к символу схемы ударения основной субпарадигмы в определенном

случае добавляется «+ Π_2 », см. выше. У прилагательных и глаголов символы схем ударения двух субпарадигм пишутся через косую черту (первыми отражаются соответственно атрибутивная и презентная субпарадигмы), например: a/a , a/c , b/c ".

Для сокращения записи у прилагательных разрешается заменять a/a на a , a/a' на a' , b/b на b ; у глаголов разрешается опускать a , стоящее во второй части (т. е. заменять, например, a/a на a , b/a на b).

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

§ 1.10. Наряду с классификацией субпарадигм по схемам ударения, для акцентного описания оказывается полезной также несколько иная (хотя и тесно связанная с нею) классификация — по так наз. акцентным типам. Эта классификация возникает в результате следующих трех последовательных дихотомий.

1. Различаются субпарадигмы с тривиальным и с нетривиальным ударением. К первым относятся субпарадигмы с ударением во всех словоформах на основе, причем на одном и том же (по счету от начала) ее слоге; ко вторым — все остальные.

Примечание. В рамках тривиального ударения особо стоят существительные группы *singularia tantum*, например, *лай*, *гробот*. Поскольку их мн. число существует лишь потенциально, а реально почти никогда не употребляется, его ударение в сущности неизвестно. Между тем некоторые из таких *singularia tantum* проявляют себя при словообразовании как слова с нетривиальным ударением. Таким образом, мы иногда сталкиваемся со своего рода «латентным» нетривиальным ударением. Учитывая такую возможность, мы будем называть тривиальное ударение у *singularia tantum* непоказательным (в отличие от показательного тривиального ударения у прочих слов).

2. Нетривиальное ударение распадается на флексийное и подвижное. Флексийное ударение означает ударение на окончании во всех словоформах субпарадигмы, имеющих слоговое окончание; в прочих случаях нетривиальное ударение является подвижным.

3. В подвижном ударении выделяются два основных типа: смежно-подвижный и маргинально-подвижный. Для субпарадигм, где хотя бы одна словоформа со слоговым окончанием имеет неодносложную основу, эти типы определяются так. Если в субпарадигме в словоформах со слоговым окончанием ударение бывает: 1) только на окончании или на последнем слоге основы (например, *величинá*, *величѣны*; *собралá*, *собрáли*) — это смежно-подвижный тип; 2) только на окончании или на начальном слоге основы (например, *кболоку*, *колоколáм*; *голова́*, *гло́ву*; *молода́*, *мблоды́*) — это маргинально-подвижный тип.

В принципе возможно подвижное ударение, не соответствующее ни одному из двух типов. Оказывается, однако, что таких случаев ничтожно мало, а именно, таковы: *бэ́ро*, *зна́мя* (мн. *оэ́ра*, *знаме́на*); существительные схемы с на *-тор*, *-ссор* со срединным ударением (*ди́ректор*, *профѣ́ссор* и т. п.), а также *учѣ́тель*. Кроме того, формально в эту категорию попадают слова, полученные путем неплотного при-

соединения (§ 1.4) различных морфем к существительным с маргинально-подвижным ударением (например, *полубстров*, *спецпробус* и т. п.). Слова этих групп именуется ниже «примыкающими к маргинально-подвижному типу» (и обычно рассматриваются при этом типе).

Для субпарадигм с односложной основой разграничение смежно-подвижного и маргинально-подвижного ударения проводится по иному принципу (поскольку изложенный выше принцип здесь неприменим), см. § 1.11.

Основные акцентные типы, существенные для дальнейшего, — это конечные звенья приведенных дихотомий: 1) тривиальный (наосновный) акцентный тип; 2) флексийный; 3) смежно-подвижный; 4) маргинально-подвижный (ср. выделение этих же типов, при несколько иной терминологии, в работе: Курилович 1946). При необходимости могут быть использованы также «суммарные» типы: нетривиальный, подвижный.

Из акцентных типов субпарадигм выводится акцентный тип слова в целом. Для существительных правило таково: существительные со схемой ударения « $a + \Pi_2$ » относятся к маргинально-подвижному типу; в прочих случаях акцентный тип определяется просто по основной субпарадигме (т. е. наличие или отсутствие символа Π_2 несущественно). Для прилагательных и глаголов нам в дальнейшем потребуются различать всего два акцентных типа слов: тривиальный и нетривиальный. К тривиальному акцентному типу относятся прилагательные и глаголы, у которых обе субпарадигмы имеют тривиальное ударение, к нетривиальному — те, у которых это не так.

§ 1.11. Между схемами ударения и акцентными типами имеются некоторые регулярные соотношения (в одних случаях просто вытекающие из соответствующих определений, в других — не вытекающие).

Исключим временно из рассмотрения субпарадигмы подвижного акцентного типа с односложной (во всех словоформах со слоговым окончанием) основой. Для оставшейся совокупности субпарадигм верно (если отвлечься от нескольких исключений) следующее: любые две субпарадигмы, относящиеся к одной части речи и к одной схеме ударения, принадлежат к одному и тому же акцентному типу. Иначе говоря, зная часть речи и схему ударения, мы можем однозначно предсказать акцентный тип. Приводим эти соответствия (на уровне субпарадигм): 1) схема ударения a — тривиальный акцентный тип; 2) схема b — флексийный тип; 3) схемы d , a' , b' , c'' (в именах), c , c'' (в глаголах) — смежно-подвижный тип; 4) схемы e , f , c' , f' (в именах) — маргинально-подвижный тип.

Исключения: 1) *бзеро*, *зна́мя* (мн. *озёра*, *знамёна*) — схема ударения a , однако они входят в число примыкающих к маргинально-подвижному типу (см. выше); 2) *ступе́нь* (в переносном значении), *дерёвня*, *четы́ре*, *поста́в*, *коки́ль* — схема ударения e (*ступе́нь*, *дерёвня*, *четы́ре*) и c (*поста́в*, *коки́ль*), но смежно-подвижный тип; 3) *удалбо́й* (*//удба́лый*) — в неатрибутивной субпарадигме схема ударения c , но смежно-подвижный тип; 4) глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть*, *дать*, *-чать*, *-нять*, *жить*, *лечь*, *пить*, *клясть*, *мере́ть*, а также глаголы *переда́ть*, *перене́ть*, *пережи́ть*, *пере-*

мереть, запереть, отпереть, пробить (о часах), *создать* — в претеритной субпарадигме схема ударения *c*, но маргинально-подвижный тип (правда, почти во всех случаях [конкретно см. по Грамм.] лишь наряду со смежно-подвижным).

Что касается субпарадигм с односложной основой, то у них различить смежную и маргинальную подвижность в прямом смысле этих терминов, разумеется, нельзя. Однако для акцентного описания оказывается все же целесообразным не отказываться в этом случае от данного разделения, но провести его здесь по другому, косвенному признаку, экстраполировав на случай с односложной основой установленное выше соответствие между схемами ударения и типами подвижности. Иначе говоря, в данном классе субпарадигм принадлежность к смежно-подвижному или к маргинально-подвижному типу определяется через схему ударения. Такое решение упрощает акцентные правила, касающиеся словообразования (в один и тот же акцентный тип попадают слова, дающие один и тот же акцентный эффект при словообразовании).

В особом положении остались лишь те субпарадигмы (весьма немногочисленные), которые принадлежат к схемам ударения, вообще не представленным у слов с неодносложной основой. Так обстоит дело, например, со схемой ударения *d'* у существительных. Для достижения полной общности в разделении подвижного типа на смежный и маргинальный, условимся и такие субпарадигмы отнести к одному из этих двух типов (основанием для выбора здесь служит акцентный эффект, проявляющийся в словообразовании).

В результате получаем уточненное правило соответствия между схемами ударения и акцентными типами (на уровне субпарадигм), которое приводится ниже в виде таблицы. Символы в клетках таблицы означают схемы ударения; квадратными скобками отмечены схемы, представленные лишь 1 — 3 словами.

Таблица 1

Соотношение между схемами ударения и акцентными типами

Типы субпарадигм	Акцентные типы			
	Тривиальный	Нетривиальный		
		Флексивный	Смежно-подвижный	Маргинально-подвижный
Субстантивная (основная)	a	b	d, [b']	c, e, d' f*, f', [f*]
Адъективная атрибутивная	a	b	—	[f]
Адъективная неатрибутивная	a	b	a', c'', [b']	c, c'
Глагольная презентная	a	b	c, [c']	—
Глагольная претеритная	a	b	c, c'', [c']	—

* Однако существительные мужского рода схемы *f* (а именно, *кожа, гвоздь, груздь, червь*) относятся к смежно-подвижному типу.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ ПО СХЕМЕ УДАРЕНИЯ СЛОВА

§ 1.12. Опираясь на введенные выше понятия и соотношения, мы можем теперь сформулировать правила, позволяющие указать место ударения в любой словоформе слова, если известна схема ударения этого слова (а для слов схемы *a* — также место ударения внутри основы). В некоторых случаях в этих правилах используется также дополнительная информация — морфологическая (тип склонения) или морфонологическая (наличие беглой гласной).

Предварительные операции: 1) установить по табл. 1 (с учетом исключений, указанных в § 1.11) акцентный тип той субпарадигмы, в которую входит рассматриваемая словоформа; 2) установить из § 1.9, куда (на основу или на окончание) должно падать, в соответствии со схемой ударения данного слова, ударение в рассматриваемой словоформе.

Далее, если в составе словоформы имеется неплотно присоединенная часть (§ 1.4), на время работы акцентных правил ее следует просто отбросить. При этом необходимо учитывать, что глагольный постфикс *-ся (-сь)*, обычно присоединяемый неплотно, в качестве исключения присоединяется плотно в прош. времени при претеритной схеме ударения *с''* (а также в словоформах *начал-ся, -ась, -бсь, -ись, занял-ся, -ась, -бсь, -ись*); здесь он трактуется как часть окончания.

После этого правила таковы.

I. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на окончание, то оно фактически падает:

1) при слоговом окончании — на первый слог окончания (кроме окончаний *-ого, -ому* [а также *-ое* в *её, самоё*] в местоименном склонении, где ударение падает на последний слог);

2) при неслоговом окончании — на последний слог основы.

Примеры: *колоколáми* (от *кóлокол*, схема *c*), *молодá, молодбе, молодúю* (от *молодбй*, схема *b/c*), *всегб, всемú*, (от *весь*, схема *b*, местоименное склонение), *берегú, бережёте, бережётся, берегй, берегите, берёгль* (от *беречь*, схема *b/b*); *го́лбв* (от *голова́*, схема *f'*), *берёг, берёгся* (от *беречь*).

Исключения: *угол, уголь* (вариант со схемой *b* или *f*), *у́горь, у́зел; вóсемь, де́вять, де́сять, два́дцать, три́дцать, сбóрок; де́нег, ма́сел, кру́жев, са́жен, су́дий* (от *судия́*); *бóлен, лёгок, тёплá, рáзэн, тёмнá, чёрнá, се́тел, вóлен* (вариант со схемой *a/b*), *дбáжен*. Во всех этих случаях ударение падает на предпоследний слог основы вместо последнего.

II. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на основу, то фактическое положение ударения таково:

1) при тривиальном акцентном типе (соответствующей субпарадигмы) оно определяется признаком «место ударения внутри основы»;

2) при смежно-подвижном акцентном типе ударение падает: если окончание неслоговое, а основа содержит беглую гласную — на пред-

последний слог основы; в прочих случаях на последний слог основы;

3) при маргинально-подвижном акцентном типе — на начальный слог основы⁶.

Примеры: *пароходы* (от *пароход*, схема *a*), *полотен* (от *полотно*, схема *d*; *e* — беглая гласная), *величины* И. мн., *величин*, *величинами* (от *величина*, схема *d*), *голову*, *головы* И. мн. (от *голова*, схема *f'*), *весело*, *веселы* (от *весёлый*, схема *a/c'*).

Исключения: И. ед. *заём*, *наём*; Р. мн. *гумён*, *земель*, *колёц*, *овёц*, *свиней*, *семей*, *сестёр*, *судей*, *хлопот*, *яиц*; ед. муж. *хитёр*, *остёр*, *шустёр*, *силён*, *дурён*. Во всех этих случаях ударение падает на последний слог основы вместо предпоследнего; в части случаев (см. Грамм.) такое ударение неправильно только при одной из двух допускаемых схем ударения.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГ ИЛИ ЧАСТИЦУ

§ 1.13. Особое акцентное явление, представленное в современном русском языке у ограниченной группы существительных и числительных, — перенос ударения на предлог с именной словоформы, например: *за год*, *на голову*, *по два*. Этот эффект проявляется, за очень немногими исключениями, лишь у слов маргинально-подвижного акцентного типа (но далеко не у всех из них). Словоформы, дающие этот эффект, в самостоятельном виде имеют (или хотя бы допускают) начальное ударение (исключения: *по двору*, *по столу*). Следует различать два основных типа сочетаний с ударением на предлоге.

К первому типу (наиболее важному с точки зрения синхронического функционирования акцентной системы) принадлежат нелексикализованные или слабо лексикализованные сочетания. Ударение на предлоге выступает здесь (в меньшинстве случаев обязательно, в большинстве — факультативно) при многих возможных значениях данного сочетания — обычно при всех часто встречающихся; ср., например, *надел шляпу на голову*, *штукатурка свалилась ему на голову*, *ребенок упал на голову*, *на голову выше* и т. д. Лишь при редко встречающихся значениях (обычно абстрактных, а не пространственных или временных, ср. *обратите внимание на голову*, *надеюсь на голову* и т. п.) или в составе синтаксических конструкций, ослабляющих связь имени с предлогом (ср. *несмотря на голову*, *на голову и плечи*), обязательно выступает ударение на имени. Подробнее о первом типе сочетаний с ударением на предлоге см. Грамм., с. 72 — 73.

Ко второму типу (менее существенному для характеристики системы) относятся сочетания с высокой степенью лексикализации, например: *о бок* (в *бок о бок*), *о смерти* 'очень сильно'. С ударением на предлоге они выступают только в составе определенного более

⁶ Но у существительных, лишь примыкающих к маргинально-подвижному типу (§ 1.10), ударение иное: мн. от *озеро*, *знамя* имеет основы *озёр-*, *знамён-*; у прочих слов ударение как в исходной форме.

крупного сочетания (иногда целого предложения) или в строго определенном значении. Как правило, они в той или иной мере адвербиализованы; в предельном случае это чистые наречия (*набок, замуж* и т. п.).

Списки сочетаний с ударением на предлоге можно найти, в частности, в работах: Редькин, Федянина, АГ-70 (с. 433—444), АГ-80 (§ 1269). Сведения о степени лексикализации каждого из этих сочетаний содержатся в АО и Грамм.

Перенос ударения на частицы (не превратившиеся в приставки) представляет собой в современном языке исключительное явление: он сохранился только в сочетаниях *не был, ни был, не дал, не жил* (то же при соответствующих словоформах ед. сред. и мн. — *не было, не были* и т. д.)

УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.14. Данные выше правила сводят задачу дальнейшего описания к вопросу о том, как установить для произвольного слова его схему ударения и (в случае схемы *a*) место ударения внутри основы. Непроизводные и производные слова оказываются в этом отношении в разном положении.

Для производных слов указанная задача решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик.

В отличие от производных слов, для производных нет каких-либо общих ограничений на набор возможных схем ударения. Все те многочисленные схемы ударения, которые входят в подвижный тип, обслуживают в русском языке, за немногими исключениями (§ 1.18), именно производные слова.

В качестве источника, где схема ударения дана (для обширного массива слов) в явной форме, можно указать Грамм.; разумеется, из этого источника извлекается также и информация о месте ударения внутри основы.

В настоящей работе мы не считаем необходимым приводить списки слов каждой схемы ударения, поскольку эти списки (или эквивалентную им информацию) можно найти в ряде других работ, в частности: РИС (по именам), Редькин, Федянина, АГ-70, АГ-80.

Следует учитывать, однако, что тезис о списочном характере акцентного распределения производных слов верен именно в общем случае. В ряде частных случаев обнаруживается некоторая связь этого распределения со структурой основы, со значением слова или с прагматическим фактором (§ 1.5). Обычно эта связь носит не вполне строгий характер: влияние указанных факторов создает лишь некоторые сдвиги в традиционном акцентном распределении, но не перестраивает

его до конца. Соответственно, на уровне непосредственного наблюдения картина оказывается непоследовательной.

Акцентный эффект, создаваемый морфонологическим (число слогов основы, характер ее исхода) или семантическим фактором, всегда носит локальный характер, т. е. ограничен определенным морфологическим классом слов. За рамками данного класса тот же самый фактор в одних случаях вообще не влияет на акцентуацию, в других дает какой-то иной акцентный эффект.

Более универсальный характер носит влияние прагматического фактора. У непроезводных слов везде, где он вообще действует, его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному.

З а м е ч а н и е. Данный акцентный эффект фактически наблюдается не только у непроезводных, но и в ряде классов производных слов. Однако у производных картина оказывается сложнее: 1) воздействие прагматического фактора здесь возможно лишь в тех узких пределах, которые оставляют ему акцентные свойства аффикса (если аффикс однозначно определяет акцентуацию производного, прагматический фактор не имеет силы); 2) у производных различие освоенного и неосвоенного в определенных случаях отражается в виде оппозиции «ударение на суффиксе — ударение на корне», например *мускулистый* — *мускулистый* (а не в виде оппозиции нетривиального и тривиального акцентных типов), ср., в частности, § 1.50.

Ниже рассматриваются некоторые важные группы непроезводных слов, где ударение частично подчиняется правилам несписочного характера.

§ 1.15. Одной из таких групп являются непроезводные существительные мужского рода с односложной исходной словоформой. Их акцентуация подробно рассмотрена нами в работе: Односложж. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией основных закономерностей, действующих в этой сфере. Не учитываются существительные с неслоговой основой (*лёд*, *льда* и т. п.), поскольку их ударение носит вынужденный характер.

В данной группе ярко проявляется действие прагматического фактора: неосвоенные слова обнаруживают тенденцию к тривиальному ударению (т. е. к схеме ударения *a*), освоенные — к нетривиальному. Нетривиальный акцентный тип может реализоваться в виде различных схем ударения, но продуктивны среди них только две — *b* и *c*. Общим для схем ударения *b* и *c* является флексийное ударение во мн. числе. Соответственно, главным внешним различием между освоенными и неосвоенными существительными данной группы оказывается противопоставление флексийного и наосновного ударения во мн. числе. Ср., например, *бык*, *стол*, *блин*, *суп*, *меха*, *долг* и т. п. (освоенные) и *дбжи*, *смёрды*, *скунсы*, *яки*, *бриги*, *гнейсы*, *пўтчи*, *жандр*, *пэнсы*, *гїмны* и т. п. (для большинства носителей языка являющиеся неосвоенными). У большого числа слов ударение колеблется, причем в профессиональной или просто в разговорной речи выступает нетривиальное ударение (например, *бант*, *зонд*,

крань, тросá, шарфб́, лифтб́, шлюзб́, штормá и т. п.), тогда как литературная норма требует тривиального ударения (*ба́нты, зб́нды* и т. д.).

Далее, для слов рассматриваемой группы, имеющих во мн. числе флексийное (или подвижное) ударение, а также для *singularia tantum*, действует семантический принцип, который может быть огрубленно сформулирован так: названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе наосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флексийное. Таким образом, для освоенных неисчисляемых нормой является схема ударения *c* (например, *суп, супа, супы́*), для освоенных исчисляемых — схема *b* (например, *бык, быкá, быкú*).

Большей точностью обладает более расчлененная формулировка данного принципа:

1. «Сильно склонны к схеме *c*» (т. е. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к такой акцентовке) названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий (т. е. действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения и т. п.), пространств, поверхностей, направлений; примеры: *суп, шёлк, дым, долг, цвет, час, пуд, луг, мир, край, верх, низ*.

2. «Умеренно склонны к схеме *c*» названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; примеры: *хор, тын, порт, дом, цех, шкаф*. Кроме того, без прямой связи с основным принципом в эту категорию попадают также термины родства, например: *муж, сын*.

3. «Сильно склонны к схеме *b*» названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные; примеры: *болт, нож, крюк, бык, кит, поп, шут, злыщ*.

4. «Умеренно склонны к схеме *b*» названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет; примеры: *холм, крест, штрих, грош*.

5. Вне сферы действия данного принципа остаются несколько маленьких групп, устойчиво сохраняющих традиционную акцентовку (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Списки исключений, а также слов, у которых данный принцип реализован только в профессиональной или разговорной речи, но не в литературной норме, см. в Однослож.

Дополнительное воздействие на акцентуацию рассматриваемой группы оказывает, в частности, морфонологический фактор: исход основы на согласную (не взрывную) + *m* способствует переходу слова к схеме *b*. Правда, при конфликте этого фактора с семантическим последний обычно побеждает, ср., например, Р. ед. *спёрта, дýста, гвáлта*; но в просторечии возможен и противоположный результат, например, Р. ед. *финтá, лифтá, портá*.

Описанные закономерности реализуются (с небольшими отклоне-

ниями) также у слов с односложной основой, содержащей беглую гласную, например: *пéпел, пéпла — орéл, орлá* (см. Однослож. § 43).

§ 1.16. Другой фрагмент акцентной системы, где действуют особые правила, составляет акцентуация неатрибутивных субпарадигм (т. е. кратких форм) непронизводных прилагательных (а также производных с суффиксами *-н-, -к-, -л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение). Эта акцентуация лишь в очень малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм. Прежде всего здесь действует следующее морфонологическое правило: при односложной основе (беглая гласная не в счет) в кратких формах возможно как тривиальное, так и нетривиальное ударение, при неодносложной — только тривиальное. Отклоняются только: а) *хорóший, здорóвый* 'большой, сильный' (простореч.), *вели́кий* 'большой'; их краткие формы акцентуированы по схеме *b*; б) *дешё́вый, доро́гой, молодóй, холостóй, вели́кий* 'выдающийся' — краткие формы по схеме *c*; в) *весё́лый, зелё́ный, голо́дный, холо́дный, корóткий, уда́льный* — краткие формы по схеме *c'* (сюда можно добавить ещё *солё́ный, со́лон, солонá, со́лоно, со́лонь*).

При односложной основе распределение, с формальной точки зрения, задается списками (см. РИС, с. 169—170). На неформальном уровне здесь можно, однако, отметить некоторые общие закономерности.

Прежде всего, действует прагматический фактор, а именно, неосвоенность (непривычность, редкость) соответствующих кратких форм влечет за собой тривиальное ударение. В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски. Примеры тривиального ударения, обусловленного данным фактором: *áла, -ы, áра, -ы, тлénна, -ы, прáздна, -ы, скóрбна, -ы, кóсна, -ы, крáтна, -ы, клáссна, -ы, дрéвня, -и, ё́мка, -и* и т. п. Сюда же относятся и «потенциальные» словоформы, которые реализуются лишь как окказиональные образования, например: *мédны, крóвны* и т. п.

Нетривиальное ударение возможно лишь для освоенных (относительно более частых, привычных) неатрибутивных субпарадигм. Каждая из трех кратких форм с ненулевым окончанием (ед. жен., ед. сред. и мн.) имеет свои акцентные особенности.

Форма ед. жен. у освоенных слов всегда имеет флексивное ударение: *честнá, крепкá, чистá* и т. д. Колебания типа *властнá || властна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова.

В форме мн. числа в настоящее время наблюдается интенсифицированное распространение флексивного ударения вместо более раннего наосновного, например: *честнý, вернý, сильнý, страшнý, крепкý, чистý, милý, пьянý* и т. п. Такие ударения свойственны прежде всего разговорной речи, но они все шире проникают также и в литературный язык.

Более сложный вопрос составляет акцентуация форм на -о (-е). Здесь необходимо различать синтаксические функции: 1) именной части сказуемого, согласованной в роде и числе с подлежащим (например, *мое слово крепко*); 2) так наз. предикатива, или «предикативного наречия» (*легко сказать, мне тепло*); 3) обычного наречия (*крепко держать, легко одет*). Следует подчеркнуть, что формы на -о только в 1-й функции входят в один парадигматический ряд с краткими формами других родов и чисел (например, *крепко, крепка, крепки*). Между тем именно в этой функции они встречаются в живой речи реже всего (а некоторые из них практически вообще не встречаются, ср. нереальность фраз типа *это молоко тепло*).

Акцентные свойства форм на -о в этих трех функциях близки, но не тождественны.

Для обычных наречий нормой является наосновное ударение (например, *ведет себя вольно, больно ударился, полно описан, мало тренируется, слабо знаком*). В немногочисленных случаях типа *легко одет, хитро придумано, нестро раскрашено*, как правило, мы имеем дело просто с сохранением старого ударения (в большинстве таких случаев уже возможен также и новый вариант, например: *хитро придумано, нестро раскрашено*).

Для предикативов нет единой нормы; выделяется, однако, значительная группа с устойчивым ударением на -о: *тепло, свежо, светло, темно, легко, полно* (чего-либо, кого-либо), *грешно, вольно* (кому-либо что-либо делать); ср. еще просторечн. *слабо*. Сюда же попадают цветообозначения (ср. ниже) в контекстах типа *кругом черно* (также в усилительной модели *черным-черно, белым-бело* и т. п.).

В собственно адъективной функции формы на -о в литературном языке преимущественно выступают с наосновным ударением. Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексивное ударение.

Таковы, во-первых, краткие формы, в значение которых входит семантический элемент «слишком», отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам мало (узко, длинно)*⁷, ср. также *эти броуки вам малы (узкий, длинный)*; *это уже старо*. Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях.

Далее, таковы цветообозначения: *бело, черно, красно, желто, нестро* (наряду с *бело, черно, красно, желто, нестро*); ср. ненормативные *серо, синё*. Близки по значению также *светло, темно*.

Помимо этого, краткие формы на -о выступают у нескольких прилагательных на -ной (*больно, грешно, смешно, чудно*), а также в отдельных случаях, где просто сохраняется традиционное ударение:

⁷ Аналогичный эффект при неодносложной основе: *это платье вам велико (широко)*; ударение *велико, широко*, в других случаях допустимо, здесь невозможное.

мертвó, острó, равнó, свежó, умнó, хитрó (наряду с *мёртво, остро, равно, свежо, умно, хитро*); малоупотребительны в данной функции *легкó, теплó*. Однако в разговорной речи и тем более в просторечии флексийное ударение может встретиться и у других прилагательных, ср. нелитер. *мое слово крепкó, это дело не так уж страшнó* и т. п.

Таким образом, если неосвоенности отвечает схема ударения кратких форм *a*, то освоенность выражается в первую очередь схемами *c'* (*вернá, вёрно, вернý || вёрны*) и *b* (*умнá, -ó, ý*). Схемы *a'* (*властнá || властна, властнó, -ы*) и *c* (*славнá, слáвно, -ы*) — это лишь этапы перехода от неосвоенности к освоенности.

Хотя нормативные словари (например, АО, Грамм.), в соответствии со своей основной установкой, указывают для одной части рассматриваемых неатрибутивных субпарадигм схему ударения *a'*, для другой — *c*, для третьей — *c'*, необходимо признать, что в живой речи носителей русского литературного языка (не говоря уже о нелитературной речи) четких границ здесь нет. Неслучайно в этом вопросе имеется множество частных расхождений между разными словарями.

Картину акцентной неустойчивости, наблюдаемую в настоящее время в кратких формах с односложной основой, по-видимому, следует истолковывать как этап движения к последовательной акцентной оппозиции полных и кратких форм (по модели *умный — умнá, -ó, -ý*, поскольку подавляющее большинство качественных прилагательных, в особенности производных, имеет основное ударение в полных формах, ср. § 1.56). В кратких формах мн. числа акцентная перестройка совершается на наших глазах. «Отставание» кратких форм ед. сред., вероятно, связано с их относительной редкостью (ср. выше) и с влиянием омонимичных им наречий на *-о* (у которых основное ударение вполне устойчиво).

§ 1.17. Еще один особый фрагмент акцентной системы составляет акцентуация презенса *i*- и *é*-глаголов с ударением на тематическом элементе в инфинитиве. Производные и производные в данном случае целесообразно рассматривать вместе (хотя это различие и играет определенную роль для акцентуации, см. ниже).

В презенсе здесь конкурируют флексийное (*говорю́, говорит, лежý, лежит*) и смежно-подвижное ударение (*варю́, варит, держý, держит*). С формальной точки зрения их распределение задается просто списками (см., в частности, Редькин, с. 127—130, Федина, с. 225—230, АГ-80, I, § 1611). На неформальном уровне, однако, можно указать ряд факторов, оказывающих влияние (хотя и не всегда решающее) на их акцентуацию.

Прежде всего на акцентуацию влияет стилистическая характеристика глагола: глаголы с книжной или возвышенно-архаической окраской почти всегда имеют в презенсе флексийное ударение, например: *обличит, умертвит, упразднит, осквернит, осенит, утолит, хулит, предварит, согрешит, водрузит, сокрушит, воскресит, уничтожит, сотворит*. Имеются также некоторые внешние признаки, которые

почти безошибочно указывают на то, что глагол принадлежит именно к данной группе: неполногласие в корне (ср. *омрачѣйт*, *наслаждѣтсѣя*, *устранѣйт*, *возвратѣйт*, *сохранѣйт* и т. п.), наличие чередования *т/ц* или *д/жд* (а не *т/ч*, *д/ж*) в парадигме (*посетѣйт*, *воплотѣйт*, *убедѣйт* и т. п., ср. *посещѣу*, *воплощѣу*, *убеждѣнный*). Показательно различие ударения в таких парах, как, например, *возбудѣйт* — *разбѣудѣйт*, *погрудѣйт* (в жидкость) — *погрудѣйт* (на транспорт), *одарѣйт* — *подарѣйт*, *вкусѣйт* — *укѣсит*, *насадѣйт* (учение) — *насадѣйт* (картошки), *учинѣйт* — *починѣйт*, *влачѣйт* — *волѣчит*, *хранѣйт* — *хорѣнит*, *заградѣйт* — *загорѣдит*, *превратѣйт* — *переворѣтит* и т. п. (ср. Грот, с. 328, Воронцова, с. 228).

Имеется также следующее морфологическое ограничение на смежно-подвижное ударение в презенсе: такое ударение невозможно, если слог перед *-ѣйт* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро*, *оло*). Пример: *тормошѣйт*, *потрошѣйт*, *кипятѣйт*, *говорѣйт*, *лебезѣйт*, *нагромоздѣйт*, *окровенѣйт*, *освободѣйт*; с другой стороны, *польстѣйт*, *отомстѣйт*, *почтѣйт* и т. п. Исключениями являются только *шевѣлѣйт(сѣя)*, *станѣвит(сѣя)*, *облобѣтѣйт(сѣя)*.

Далее действует правило, согласно которому глаголы на *-ѣйт*, имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменный характер, получают в презенсе флексивное ударение. Это правило реализуется тем последовательнее, чем стандартнее семантическое соотношение между исходным именем и глаголом. Укажем наиболее типичные модели для переходных глаголов: отадективная модель 'делать таким-то' (ср., например, *грядѣйт*, *оздоровѣйт*, *укоротѣйт*, *смягчѣйт*, *молодѣйт*, *освежѣйт*, *чернѣйт*); отсубстантивные модели — 'обрабатывать с помощью X', 'покрывать X-ом' (*бомбѣйт*, *когѣйт*, *обдерѣйт*, *серебрѣйт*, *осмольтѣйт*, *застеклѣйт*, *зачерлѣйт*), 'делать X-ом' (*удочерѣйт*, *осиротѣйт*, *копнѣйт*, *изрешетѣйт*), 'вызывать X' (*гневѣйт*, *смышлѣйт*, *страшѣйт*). Кроме того, имеется ряд моделей для непереходных глаголов, например, 'вести себя таким-то образом', 'выступать в качестве X' (*грудѣйт*, *ловчѣйт*, *хитрѣйт*; *гостѣйт*, *шоферѣйт*, *хамѣйт*, *ганжѣйт*) и другие. При менее стандартных семантических отношениях между именем и глаголом становится возможным также и смежно-подвижное ударение, например: *бѣлит* (исходное значение 'делать белым' сузились, ср. семантически стандартные *желтѣйт*, *синѣйт*, *зачернѣйт*); *дарѣйт*, *свѣтит*, *лѣнитсѣя* (семантические отношения с именами *дар*, *свет*, *лень* нестандартны, нечетко выявляется даже само направление словопроизводства); такие глаголы, как *сѣрдѣйтсѣя*, *порѣчит*, уже по существу утратили синхроническую связь с *сѣрдце*, *рука* (ср. также § 1.18).

Наконец, там, где указанные выше факторы еще не определили акцентуацию презенса, для *i*- и *ѣ*-глаголов действует следующее семантическое правило: переходные глаголы (и глаголы движения кратного подvida, хотя бы и непереходные) получают в презенсе смежно-подвижное ударение, непереходные глаголы (и глаголы речи, хотя бы

и переходные) — флексивное ударение. Примеры: 1) *бúдит, вáрит, горбúдит, дéлит, лóвит, полбóжит, полúчит, лéчит, замéнит, пóит, пúстит, посáдит, застрéлит, úчит, почúнит*; *брóдит, хбóдит; вéритит, дёржит, тёрнит*; 2) *бурлúит, угóдит, грустúит, норóвит, следúит, спешúит, шалúит; бранúит, вопúит, корúит; бежúит, дрожúит, лежúит, сидúит, стоúит, кричúит, молчúит, хранúит*. Показательны такие противопоставления, как *вáлит* 'опрокидывает' — *валúит* (дым, народ), *кóсит* (траву) — *косúит* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: *(по)сáдит*, но *садúится*, *полбóжит*, но *ложúится*, ср. еще *полúчит* и *случúится*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например: *дéлится*, *лéчится*, *úчится* как *дéлит*, *лéчит*, *úчит*.

Отклонения от совокупности приведенных правил немногочисленны. Это главным образом сохраняющиеся по традиции старые ударения, в частности: а) *жéнится, слúжит, мóлит, прóсит* (по-видимому, сюда же *тéлится, очúтится, шúтит*); б) *прóстит, растúит, родúит*. В ряде случаев литературное ударение еще отклоняется от этих правил (например, *включúит, сорúит, долбúит, накалúит* и др.), но в разговорной речи уже представлено новое ударение. С другой стороны, преобладающая тенденция к смежно-подвижному ударению иногда преодолевает барьеры, создаваемые приведенными правилами, например: *предъявúит, явúится* (книжные слова), *сбóлит* (отыменный глагол), *лénится, дру́жит*, разговорное *звóнит* (непереходные глаголы).

Разобранными в § 1.15—17 группами слов не ограничиваются случаи, когда акцентуация непроизводных слов фактически управляется несписочными правилами. Так, например, среди существительных на *-а, -я* схем ударения *f'* и *d'* (т. е. с В. ед. типа *ру́ку*) значительную часть составляют названия частей тела: *голова́, борода́, нога́, рука́, щека́, спина́, коса́*, сюда же *душа́*. Показательно, что при выводе слова из указанной семантической группы оно переводится в более простую схему ударения — с колонным ударением в ед. числе, например: *городского́ голову́, сорви́голову́*. Однако подобные группы сравнительно малочисленны, и, соответственно, выигрыш от несписочного описания здесь не столь ощутим.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1.18. У производных слов, в отличие от непроизводных, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе выводятся по определенным правилам из морфологического состава слова (в части случаев также из его значения и некоторых других характеристик). Лишь в меньшинстве случаев фактические акцентные характеристики

производного слова не соответствуют этим правилам и должны быть указаны в списочном порядке.

Важнейшая черта, отличающая в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов⁸) от акцентуации непродвижных, — почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа (ср. Курилович 1946, с. 438). Для производных слов нормальными являются (на уровне субпарадигм) лишь две схемы ударения: *a* и *b*; все прочие носят характер исключений. Если для производного слова (кроме приставочных глаголов) установлено, что оно относится к нетривиальному акцентному типу, это в принципе означает, что оно относится к схеме ударения *b* (т. е. у существительных *b*, у прилагательных *b/b*, у глаголов *b/a*, см. § 1.9).

Исключения составляют следующие группы производных слов (списки даны в рамках литературной нормы)⁹.

Существительные:

1) *бтpуб*, *пpистав*, *бкpуг*, *пбезд*, *пpвод*, *пбдрез*, *пpбпyск* (документ), *бтпyск*, *пpббел* (в иконописи), *пpбмысел*, *бткyп*, *дбговор*, *вбварит*, также *постбв* — схема *c* (см. также в § 1.28 [А II, замеч. 1] список опростившихся слов, однотипных с приведенными здесь);

2) *дирбктор*, *инспбктор*, *инстpуктop*, *кoндyктop*, *кoppбктop*, *пpожбктop*, *пpofбссop*, *pедбктop*, *учитбль*, также *пбкарь*, *тбкарь*, *пйсарь* — схема *c*;

3) *глазбк*, *зуббк*, *рожбк*, *сапoжбг* (уменьшительные) — схема *d*;

4) *мбло*, *дбревце*, *бблaчкo* — схема *c*;

5) *мeньшинствб*, *ушбв*, *скрeблб*, *тeслб*, *бeльмб*, *письмб*, *oзepцб*, *жнивьб* — схема *d*;

6) существительные с суффиксами *-от-б*, *-ин-б*, *-изн-б* (например, *высотб*, *старшинб*), а также *судьбб*, *резьбб*, *стрельбб* — схема *d*;

7) *пpистань*, *пбдать*, *чбтверть*, *пpбпасть*, *пбвeсть*, *нбвoсть*, *плбскoсть*, *пблoсть*, *вбдомoсть*, *дблжнoсть*, *кpбпoсть*, *скбpoсть*, *жблoчь*, *свблoчь* — схема *e*;

8) *бтpуби*, *пбмoчи*, *пбхoрoны* — схема *e*.

Прилагательные:

1) прилагательные с односложной основой, содержащей суффикс *-н-*, *-к-* или *-л-*, получившие в кратких формах нетривиальное ударение в силу § 1.16 (например, *вбрный*, *збнкий*, *смблый*);

2) *жестбкий* — схема *a/a'*, *вeлйкий* 'большой', *горбчий*, *тяжблый*, *мудрбный* — *a/b*, *вeлйкий* 'выдающийся', *удблый* — *a/c*, *кoрбткий*, *гoлбдный*, *гoлбдный*, *coлбный* — *a/c'*, *далбкий*, *глyбкий*, *шиpбкий*, *высбкий* — *a/c''*.

3) причастия на *-енный* (и отпричастные прилагательные типа *влюббнный*, см. РИС, с. 239), также *данный*, *сданный*, *пересданный* — схема *a/b*; причастия (но не с приставкой *вб-*) на *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый*, также *збнкий*, *вйтый*, *пйтый*, *збптертый*, *бтптертый*, *взйтый*, *пpбклятый* — схема *a/c*; причастия (но не с *вб-*) на *данный*, *вйтый*, *пйтый* (кроме указанных выше) — схема *a/a'*.

Глаголы: отыменные *бeлйть*, *бесйть*, *винтить*, *глушить*, *дружить*, *жeнить*, *кocйть* (траву), *кpестйть*, *кpoшить*, *кpужйть*, *oблoкoтитьcя*, *лyдить*, *пилйть*, *служйть*, *coлить*, *стoронйтьcя*, *стpочйть*, *сушить*, *тeлитьcя*, *тyпить*, *удйть*, *цeнить*, *чepтить* и соответствующие приставочные (правда, не все, см. Грамм.) — схема *c/a* (у части глаголов наряду с *b/a*). Заметим, что у многих

⁸ Точнее говоря, кроме глаголов, производность которых состоит только в наличии у них приставки.

⁹ Производный характер некоторых из приводимых слов неочевиден (т. е. они могут, вообще говоря, расцениваться и как опростившиеся). У некоторых слов нетривиальное ударение представлено лишь как акцентный вариант или лишь при определенном значении; эти детали см. в Грамм. и РИС.

слов этого списка словообразовательные связи уже в той или иной мере затемнены (ср. заведомо опростившиеся *поручить, сесть, сердиться, застрелить*). Имеется, кроме того, ряд глаголов схемы *с/а*, для которых направление словообразовательной связи между именем и глаголом устанавливается, с синхронической точки зрения, недостаточно определенно: *грузить, дарить, кормить, лентиться, мутить, платить, светить, судить, трудиться, тужить, звалить*.

Помимо всех перечисленных групп, подвижное ударение имеют также слова, полученные из приведенных здесь неплотным присоединением каких-либо морфем, например, *электробряд*.

Что касается присоединения приставок к глаголам, то этот тип словообразования не создает ограничений на подвижность ударения. В нормальном случае приставочный глагол просто сохраняет акцентные свойства бесприставочного (если не считать страдательного причастия прош. времени, где иногда только приставка дает возможность ударению отступить влево, ср. *гну́тый — согну́тый*). Особые случаи, когда это не так, должны рассматриваться в списочном порядке вместе с вопросом об ударении непроезженных слов. Соответственно, в настоящем разделе приставочное словообразование глаголов не рассматривается.

Приведенные списки позволяют нам свести дальнейший разбор акцентуации производных слов к вопросу о выборе между тривиальным и нетривиальным акцентными типами и о месте ударения внутри основы при тривиальном типе. Для производных слов эти два признака целесообразно объединить в понятие акцентуации основы: для слов тривиального акцентного типа речь идет о месте ударения внутри основы (у таких слов оно постоянно); у производных слов нетривиального акцентного типа ударение нормально находится на окончаниях, т. е. основа безударна, если только за ней не следует неслоговое окончание (отклонения от этого принципа имеются только у слов, входящих в приведенные выше списки).

§ 1.19. Для дальнейшего разбора необходимо условиться о терминах, связанных со словообразованием. Простейший случай суффиксального словообразования выглядит так. Имеется слово *A* (скажем, *доро́га*) с основой *a* (*до́рог-*). От основы *a* с помощью суффикса *s* (скажем, *-н-*) получена основа *b* (*до́рожн-*) слова *B* (*до́рожный*). При соединении *a* и *s* возможны какие-то морфонологические эффекты (в частности, чередования, как *г/ж* во взятом примере), несколько изменяющие фонемный состав *a* и/или *s*; таким образом, *b* не всегда в точности равно *as*.

Мы будем говорить в этом случае, что *A* — исходное, или производящее, слово, *B* — производное слово, *a* — производящая основа, *b* — производная основа. Кроме того, нам потребуется термин «базовый компонент» для обозначения той части (*a'*) производной основы *b*, которая остается после вычета суффикса *s* (в данном случае *до́рож-*) (ср. Устинова 1974, с. 245, Поливанова 1976, с. 10). Понятно, что базовый компонент в большинстве случаев просто совпадает с производящей основой. Однако иметь здесь особый термин все же целесообразно — не только потому, что сочетание «производящая

основа данной производной основы» слишком тяжеловесно и что *a'* не всегда равно *a*, но главным образом потому, что понятие базового компонента полезно и в тех случаях, когда самостоятельного слова *A* вообще не существует (такой базовый компонент называется ниже остаточным, или связанным; ср., например, *сморóд-ин-а*, *мал-и́н-а*, *бессердэч-н-ый*, *быстрóд-н-ый*).

Помимо понятия основы словоформы, необходимо также понятие основы слова и основы субпарадигмы (некоторого слова). Если во всех словоформах слова (или субпарадигмы) основа одинакова, она же и является основой слова (субпарадигмы). Если различие сводится только к наличию или отсутствию беглой гласной (например, *остáток—остáтка*, *сестрá—сестёр*, *вёрный—вёрен*), то основой слова (субпарадигмы) считается вариант без беглой гласной (например, *остатк-*, *сестр-*, *верн-*). В прочих случаях признается наличие у слова (субпарадигмы) более чем одной основы. Внутри субпарадигмы после принятия соглашений, указанных в § 1.7, таких случаев практически не бывает. Внутри парадигмы в целом такая ситуация характерна только для глаголов, а именно, у глаголов систематически различаются основа инфинитива (которая у всех глаголов, кроме *С*-корневых, оканчивается на гласную) и основа презенса (которая всегда оканчивается на согласную).

В состав глагольной основы в большинстве случаев входит так наз. тематический (или основообразующий) элемент, см. § 0.3. С морфологической точки зрения, тематический элемент отличается от обычного (полноценного) суффикса тем, что не имеет отчетливого и постоянного самостоятельного значения (если не считать таковым общее значение глагольности [«процессуальности»], которое тем самым оказывается одинаковым у всех тематических элементов). Важная для нашего разбора проблема состоит в том, что один и тот же внешне аффикс, например, *-a(j)-*, может в одних глаголах (например, *копáть*, *штóпать*) играть роль основообразующего элемента, а в других (например, *разрубáть*, *решáть*) — роль полноценного суффикса. Этим двум функциям могут соответствовать разные акцентные свойства; так, тематический элемент *-a(j)-* может быть как ударным, так и безударным (ср. примеры выше), тогда как суффикс вторичных имперфективов *-a(j)-* обязательно несет ударение. Поскольку, однако, описание во многих отношениях усложнится, если считать, в частности, что одни глаголы на *-ать*, *-аю* (*копáть*, *штóпать*) имеют тематический элемент, а другие (*разрубáть*, *решáть*) нет, мы будем в дальнейшем исходить из того, что в глаголах типа *разрубáть* аффикс *-a(j)-* выполняет одновременно две функции: полноценного суффикса и тематического элемента; разумеется, то же верно для *-e(j)-*, *-и-*, *-ю/-н-* и т. д. (подробнее см. Лопатин, с. 63—74).

При отглагольном словообразовании тематический элемент в одних случаях сохраняется (*рэза-ние*, *рэза-тельный*, *рэза-лка*), в других отбрасывается (*рез-ной*, *рез-ба*, *рез-ка*, *отрез-ок*). Соответственно, можно говорить о полной и усеченной глагольной основе.

Из сферы морфологии нам потребуется разделение морфем на: 1) полновокальные, т. е. содержащие хотя бы одну небеглую гласную; 2) неполновокальные, т. е. не содержащие гласных вообще («безгласные») или содержащие только беглую гласную¹⁰. Морфемы с беглой гласной имеют не менее двух разных морфов: один с гласной (например, *гон-ец*, *яр-ок*) и один «безгласный» (*гон-ц-а*, *яр-к-ий*).

Как известно из русской морфологии, глагольные корни (или основы), оканчивающиеся на гласные, могут при словообразовании получать дополнительный элемент *в*, *ј*, *л*, *т* или *н*¹¹, функция которого состоит лишь в том, что он дает корню возможность участвовать в сочетаниях, где требуется морф, оканчивающийся на согласную. Ср. *про-ход* и *про-ли-в*, *при-твор-ств-о* и *у-би-й-ств-о*, *греб-ец* и *жи-л-ец*, *о-грыз-ок* и *о-ста-т-ок*, *объ-ед-к-и* и *о-ста-н-к-и*. Мы будем называть такое *в*, *ј*, *л*, *т* или *н* консонизатором корня (основы); уточнение «корня (основы)» может быть опущено. С акцентологической точки зрения основная особенность консонизаторов состоит в том, что в отличие от суффиксов они не имеют самостоятельной акцентной характеристики, т. е. морф с консонизатором (например, *лив-*, *бий-*, *жил-*, *стат-*, *стан-*) обладает ровно теми же акцентными свойствами, что и без консонизатора (*ли-*, *би-*, *жи-*, *ста-*).

§ 1.20. Существующие описания акцентуации производных в русском языке, как правило, построены в виде акцентологических сведений о каждом из выделяемых в морфологическом описании суффиксов (аналогично и для несуффиксальных способов словообразования). В частности, в Академических грамматиках (АГ-52, АГ-70, АГ-80) такие сведения даются по отдельности при каждом алломорфе каждого суффикса в каждом из обслуживаемых им словообразовательных значений. Такое описание полезно для получения справки об отдельном суффиксе, но общие закономерности словообразовательной акцентуации из него не видны или видны очень неполно.

Оказывается, что для выявления этих закономерностей необходимо прежде всего отказаться от постулата (на который в неявной форме опираются существующие описания) о том, что все акцентные правила должны применяться именно к тому членению словоформ и к тому представлению деривационной истории слов, которые оптимальны для морфологического описания. В действительности же в этих вопросах потребности акцентологического и морфологического описания могут в некоторых частностях расходиться.

¹⁰ Беглой считается гласная, которая чередуется с нулем при вхождении данной морфемы в разные окружения. Отметим специально, что частным случаем беглой гласной является *е* в суффиксальных морфах *-еск-*, *-еств-о* (например, *княжеский*, *княжество*), ср. отсутствие этого *е*, например, в *зверский*, *зверство*, где суффикс стоит в ином окружении (не после шипящей).

¹¹ Не смешивать с морфемами *-в-*, *-ј-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*, выступающими в образовании глагольных времен и причастий.

Прежде всего, в акцентологическом описании обычно оказывается ненужной та степень «раздробления» внешне единого суффикса по словообразовательным значениям, которая естественна для морфологического описания. Подавляющее большинство суффиксов (в том числе такие многозначные, как, например, *-ок*, *-иц-а*) обладает постоянными акцентными свойствами, не зависящими от того, в каком словообразовательном значении используется суффикс.

Далее, большинство составных (многоморфных) суффиксов с акцентологической точки зрения не являются самостоятельными единицами, а функционируют как свободная последовательность простых суффиксов, в которой каждый член последовательности проявляет свои обычные акцентные свойства. Например, в акцентологическом описании не должны фигурировать суффиксы *-итель*, *-ительн-*, *-ил-а*, *-ил-о*, *-илк-а*, *-ильн-*, *ильн-я*, *-ильщик*, выделяемые в морфологическом описании. Все они должны рассматриваться здесь как последовательности морфов, начинающиеся с морфа *-и-*, акцентными свойствами которого (см. ниже) и определяется ударение всех производных этой группы. Возможны и другие, более сложные расхождения между морфологическим и акцентологическим анализом производных; см., в частности, § 1.32 о способах представления деривационной истории производных типа *безмошáдный*, *обесáзарить*, *разноязýчный* в акцентологии и в морфологии.

В настоящей главе морфологическое членение словоформ, отождествление морфов и представление деривационной истории производных проводятся с теми коррективами (оговариваемыми по ходу изложения), которых требует собственно акцентологическое описание. Понятно, что согласование полученных при этом результатов с данными обычного морфологического описания потребует некоторой дополнительной процедуры (впрочем, довольно несложной). Но этот небольшой технический проигрыш безусловно перевешивается очевидным выигрышем в понимании акцентологических механизмов как таковых.

В частности, с акцентологической точки зрения целесообразны следующие соглашения. Если в состав отглагольного производного входит оканчивающаяся на гласную инфинитивная основа исходного глагола, то такое производное в нормальном случае считается образованным от данной основы как от единого целого. Если при этом в составе производного за такой основой следует *в*, *й*, *л*, *н* или *т* (кроме *т*, входящего в суффикс *-тель*), то это *в*, *й*, *л*, *н* или *т* трактуется как консонизатор и, соответственно, входит в базовый компонент (а не в состав суффикса). Примеры (базовый компонент отделен): *лив-ень*, *убий-ца*, *жил-ь-йó*, *жил-йще*, *остáн-ки*, *знáн-ие*, *выть-йó*, *поня́т-ливый*, *забáт-ок*; *умéл-ец*, *сéял-ка*, *плакаль-щик*, *оборва́н-ец*, *посла́н-ец*, *рван-ь-йó*, *владéн-ие*, *собира́н-ие*, *собира-тель*; слова *прилив*, *помóж-и* и т. п. попадают в категорию бессуффиксальных производных.

Данный принцип не распространяется, однако: 1) на образование неличных форм исходного глагола, а также отпричастных прилага-

тельных (*чѣсаный, вѣльный* и т. п.)¹²; 2) на случаи, когда основа производного равна основе глагола + л, например, *устáлый, былбѣй, пожилбѣй, покрывáло, мерѣло, обира́ла* (-л- считается здесь суффиксом, а не консонизатором).

Особенность *i*-глаголов: здесь производное, сохраняющее *-и-* (например, *гладѣльщик, правѣтель, верѣтельный*), считается образованным не прямо от основы инфинитива, а с заменой в ней тематического *-и-* на омонимичный ему особый словообразовательный морф *-и-*, имеющий другую акцентную характеристику (а именно, требующий постановки ударения на самом этом морфе, подробнее см. § 1. 41). В остальном соблюдаются изложенные выше правила; в частности, *л* в *гладѣльщик, морозѣлка* и т. п. трактуется как консонизатор.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Система маркировок

§ 1.21. Как уже указано в § 0.2, в настоящей работе акцентологическая классификация морфем проводится с использованием техники маркировок.

Маркировка отдельной морфемы складывается из нескольких самостоятельных акцентных характеристик. При этом обязательно представлена одним из символов (\downarrow , \leftarrow , \rightarrow) только характеристика «позиция ударения». Все прочие характеристики строятся по принципу: «есть ли у морфемы такая-то особенность?». Если да, то в маркировку включается соответствующий символ (буквенный), если нет, то это никак не отмечается.

Наиболее важными являются две характеристики: «позиция ударения» и «доминантность—недоминантность». Они вместе образуют основную маркировку морфемы. У подавляющего большинства морфем маркировка этим и ограничивается. Лишь у совсем немногих морфем (а именно, у некоторых суффиксов) помимо основной маркировки имеется еще и дополнительная.

Ниже перечислены все символы, используемые в маркировках. Приводимые при этом пояснения носят нестрогий, содержательный характер. Формальный смысл каждого символа состоит в способе его использования в правилах, которые даются в последующих параграфах.

1. Акцентная характеристика «позиция ударения» (более точно: «позиция ударения в случае, если ударение привязано к данной морфеме»; о выражении «привязано» см. § 1.22). Символы:

¹² Такое же членение, как для причастий, необходимо принять и для слов, которые с синхронической (не с исторической) точки зрения произведены от причастий или от отрицательных прилагательных, например, *кѣтанки, чѣсанки, вѣленки* (= **вѣлянки*): ср. сохранение такими словами ударения соответствующих причастий. Поскольку отличать такие производные от *оборвѣнец, послабѣец* и т. п., не обращаясь заранее к их ударению, затруднительно, с формальной точки зрения для разграничения здесь необходимы списки.

- ↓ («самоударность») — ударение падает на саму данную морфему;
 ← («левоударность») — ударение падает левее данной морфемы;
 → («правоударность») — ударение падает правее данной морфемы.

2. Акцентная характеристика «доминантность—недоминантность» (т. е. наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимущества в «конкуренции» морфем за ударение). Символ доминантности: D.

3. Символы, используемые в дополнительной части маркировки, таковы (они возможны только у суффиксов):

Init — «пачальное ударение»;

Моноsyll — «ударение требует поправки при односложности базового компонента»;

Polysyll — «ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»;

Marg — «суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове»;

Triv — «маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»;

Deox — «флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное».

Выписанные здесь ярлыки, разумеется, не раскрывают точного смысла перечисленных символов (этому посвящен § 1.34).

Отметим, что разделение суффиксов на 6 групп по их основной маркировке (←, ↓, →, ←D, ↓D, →D) в целом соответствует разделению на группы I 1, I 2, I 3, II 1, II 2, II 3, принятому в работе: Редькин.

Для упрощения ряда последующих формулировок маркировка считается приписанной к определенной фонеме внутри морфемы (морфа). Маркировка с ↓ приписывается к некоторой небеглой гласной в составе морфемы (а именно, к той, которая фактически несет ударение в словоформах, где оно привязано [§ 1.22] к данной морфеме); например, маркировка приписана к гласной первого слога в морфеме *ягод-*, второго — в *мороз-*. Маркировки с → и ← (а также с ↓ у неполновокальных морфем) приписываются к последней фонеме в составе морфемы.

Допустимо также говорить о маркировке морфа (а не только морфемы в целом). В принципе все морфы одной морфемы имеют единую маркировку; но в некоторых исключительных случаях этот принцип может нарушаться.

В настоящей работе в описании современной русской акцентуации (в отличие от раннедревнерусской) маркировка используется только для морфем, входящих в состав основы (корней, приставок, суффиксов), но не для окончаний. Информация об акцентных свойствах окончаний дана в другой форме — в виде описания схем ударения в парадигмах словоизменения (§ 1.8—9). Иначе говоря, предлагаемая здесь система маркировок предназначена для акцентологического опи-

сания словообразования, а не словоизменения (точнее, этой системой не может быть полностью отражено словоизменение производных слов). Такое решение обусловлено тем, что в современном языке, в отличие от древнерусского, для словообразования и для словоизменения актуальны разные разбиения корневых морфем на акцентные классы. В самом деле, в современном русском языке при одном и том же наборе окончаний могут противопоставляться до семи разных схем ударения, например: *вѣра* — схема *a*, *чѣртá* — *b*, *бѣдá* — *d*, *губá* — *f*, *спинá* — *d'*, *ногá* — *f'* (ср. еще единичное *дбля* — схема *e*). Чтобы отобразить эти различия с помощью маркировок, нужно в идеале ввести семь различных маркировок корня. Если допустить некоторое количество индивидуальных исключений, инвентарь маркировок можно сократить; однако попытка обойтись менее чем четырьмя маркировками уже приводит к непомерно длинным спискам исключений или к иным модификациям техники маркировок, которые в сущности компрометируют саму эту технику¹³. Между тем для современного русского словообразования в подавляющем большинстве случаев актуально противопоставление всего двух акцентных классов корней: \downarrow и \rightarrow (соответствующих тривиальному и нетривиальному типам в словоизменении). Лишь в немногих случаях в качестве реликта более ранней системы обнаруживается особый акцентный эффект при словообразовании у корней, соответствующих маргинально-подвижному типу.

Базисное правило

§ 1.22. Если выписать последовательно маркировки всех морфем, входящих в некоторую основу, мы получим цепь маркировок этой основы. Точно так же можно построить цепь маркировок для той или иной части основы, скажем, для ее базового компонента¹⁴.

Имеется следующее, так наз. базисное правило о связи ударения с цепью маркировок произвольной основы.

А. 1. Ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей *D*; но если таковой окажется маркировка $\rightarrow D$, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке.

2. Если маркировка с *D* нет, ударение привязано к самой левой маркировке, содержащей \downarrow или \leftarrow .

3. Если маркировок с \downarrow или \leftarrow нет, ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей \rightarrow .

Б. Формула «ударение привязано к некоторой маркировке» означает:

¹³ Именно в такое положение попадает П. Гард (Гард 1978, с. 369—376), который постулирует для корней всего три маркировки, но, чтобы справиться, например, с различием между *чѣртá* и *бѣдá*, вынужден приписать окончанию *-а* (и другим подобным) неустойчивую маркировку (без строгих правил, регламентирующих эту неустойчивость).

¹⁴ Однако для целой словоформы этого сделать нельзя, поскольку, как отмечено выше, в нашем описании окончания не получают маркировок.

если маркировка содержит ↓, то ударение падает на самую соответствующую гласную¹⁵;

если ←, то ударение падает на ближайшую гласную слева¹⁶;

если →, то ударение падает на ближайшую гласную справа; если таковой в пределах основы уже нет, основа безударна (точнее: слово относится к нетривиальному акцентному типу, см. § 1.18).

Примеры действия базисного правила (морфема, к которой привязано ударение, подчеркнута):

банд-ит-изм-	—	бандит <u>и</u> зм-
↓ ↓D ↓D		
черт-ёж-ик-	—	черт <u>ё</u> жик-
→ →D ←		
горош-ин-к-(а)	—	гор <u>о</u> шинк-(а)
↓ ↓ ←		
слеп-ыш-	—	слеп <u>ы</u> ш- (безударная основа,
→ →		ср. слеп <u>ы</u> шá, -ú и т. д.).

Необходимо сразу же подчеркнуть, однако, что фактическое ударение значительного количества основ не соответствует базисному правилу; оно определяется серией более частных правил, представляющих собой различного рода поправки к базисному правилу. В частности, как легко видеть, в базисном правиле вообще не фигурируют элементы дополнительной части маркировок; это значит, что акцентный эффект, который порождают эти элементы, всегда носит характер поправки к базисному правилу. Таким образом, базисное правило отражает закономерности русской словообразовательной акцентуации в сильно идеализированном виде. В ряде случаев оно используется как эталон, сравнение с которым позволяет выявить и точно охарактеризовать некоторое акцентное отклонение.

Перемаркировка

§ 1.23. Когда две или более морфемы соединяются в процессе образования производной основы (или какой-то ее части), с акцентной точки зрения имеется две возможности: акцентуация полученной основы либо соответствует базисному правилу, либо не соответствует. В первом случае мы будем говорить о «простом акцентном суммировании» морфем, во втором — об отклонении от такового.

Часть таких отклонений описывается ниже через прямое указание того, как отличается фактическое ударение от ожидаемого по базисному правилу. Но в некоторых случаях наиболее целесообразной оказывается несколько иная техника — описание через так наз. пере~~маркировку~~; иначе говоря, акцентное отклонение представ-

¹⁵ Если же такая маркировка приписана к согласной, ударение падает на ближайшую гласную слева.

¹⁶ Если влево гласных больше нет, ударение падает на начальный слог основы.

ляется как результат замены первоначальной цепи маркировок на некоторую другую (которая уже дает по базисному правилу действительную акцентуацию основы).

Соответственно, необходимо различать первоначальную (или исходную) маркировку некоторой морфемы и ее реальную маркировку в составе определенной словоформы (которая из-за перемаркировок иногда не совпадает с первоначальной).

Заметим, что у корней и приставок вся первоначальная маркировка состоит только из символа ↓ или →; любая более сложная первоначальная маркировка (равно как символ ←) возможна только для суффиксов. Но в результате перемаркировок корень может получить также символ D.

При перемаркировке может происходить также «акцентное склеивание» морфов (т. е. своего рода «акцентное опрощение»), когда два соседних морфа объединяются в единый элемент, имеющий уже не две отдельные маркировки, а одну общую.

МОРФЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 1.24. В современном русском языке некоторые последовательности морфем обладают особыми акцентными свойствами, не вытекающими (в общем случае) из свойств составляющих их морфем; мы называем их ниже морфемными комплексами. Как будет видно из дальнейшего, значение морфемных комплексов для русской акцентологии очень велико (в существующих описаниях оно сильно недооценено).

Приставочно-корневые комплексы

Из всех типов морфемных комплексов наибольшее значение для русской акцентологии имеют приставочно-корневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок) + корень» (причем только такие, в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу, см. § 1.4). Примеры: *при-ход*, *при-ход-(ить)*, *у-гроб-(а)*, *раз-бёр-(чивый)*, *за-на-вёс-(ка)*, *не-от-вяз-(ный)*, *бес-стыд-(ство)*, *без-дел-(ье)*, *без-ног-(ий)*; однако, скажем, *неживой* не содержит приставочно-корневого комплекса, так как *не* здесь неплотно присоединено к корню; по той же причине в слове *непроходной* представлен лишь комплекс *про-ход*, но не *не-про-ход*.

Корень, имеющий при себе консонизатор (§ 1.19), входит в состав приставочно-корневого комплекса вместе со своим консонизатором; примеры: *про-лив*, *о-стат-(ок)*.

Различаются простые приставочно-корневые комплексы (где приставка одна) и сложные (где приставок две или больше).

Приставочно-корневые комплексы представлены в русском языке в основном в следующих категориях слов: 1) глаголы, например, *приходить*, *победить*, *разбирать*, *украшать*, *пролётать*; 2) бессуф-

фиксальные имена, например, отглагольные *приход*, *победа*, *разбор*, *пролаза*, *покатый*, неотглагольные *подпол*, *безногий*; 3) суффиксальные имена, производные от слов групп 1 и 2, например, *приходский*, *победитель*, *разборчивый*, *подполье*, *пролазничество*.

Между группами 1 и 2 обнаруживаются существенные различия в акцентуации приставочно-корневых комплексов, а в части случаев также и в выборе корневых морфов. Для группы 1 наиболее характерно ударение правее приставочно-корневого комплекса, ср. примеры выше (реже встречается иное ударение — обычно корневое, ср. *пролёт*, *пролёт*, *приходит*, *укра́сить* и т. п.). Напротив, в группе 2 господствует корневое ударение, ср. примеры выше (и лишь в незначительном меньшинстве случаев находим иное ударение — обычно префиксальное, ср. *выход*, *подпол*, *отпуск*, *прóволока* и т. п.).

Различия в выборе корневого морфа между группами 1 и 2 возможны лишь для немногих (но очень употребительных) корней. Единых для всех этих корней правил выбора морфов нет; для наших целей достаточно привести ряд характерных примеров: *зарек-а́ться* — *заро́к*; *задр-а́ть*, *задер-у́*, *задир-а́ть* — *задр*, *зади́р-а*; *подня-ть*, *подним-а́ть* (*подым-а́ть*) — *подъём*; *привез-ти́*, *привоз-и́ть* — *приво́з*; *отби́-ть*, *отобь-ю́*, *отбив-а́ть* — *отбо́й*, *отби́в*. Как видно из приведенных примеров, даже и у этой группы корней нет полного разграничения между «глагольными» и «именными» алломорфами: так, неоднозначны в этом отношении, например, алломорфы *-дир-*, *-воз-*, *-бив-* (с консонизатором *в*).

Что касается группы 3, т. е. суффиксальных производных, то здесь прежде всего встает вопрос о том, от имени или от глагола произведено соответствующее слово, например, *разборчивый* (ср. *разбор* и *разбира́ть*), *входной* (ср. *вход* и *входи́ть*), *привязной* (ср. *привяз* и *привязáть*) и т. п.

В этой проблеме необходимо различать два аспекта: 1) семантический; 2) морфонологический (т. е. связанный с выбором морфов и акцентуацией); ср. Земская, с. 69 и далее.

Семантическая производность выражается в сохранении у производного (с модификацией, привносимой суффиксом) всех или хотя бы некоторых значений производящего. При установлении семантической производности особенно показательным является «наследование» производным словом специфических (не вытекающих с необходимостью из его морфемного состава) значений производящего. Например, слово *походный* явно семантически производно от *поход* «особый вид военного или туристического передвижения», а не от глагола *походить* (не имеющего этого специфического значения); *заливный* семантически производно от *залив* «определенная часть моря», а *заливной* — от *залива́ть*.

Следует учитывать, однако, что существуют все же случаи, где не удается однозначно установить семантическую производность, поскольку семантические связи производного с глаголом и с от-

глагольным именем примерно одинаковы; примеры: *входной* (*входить* и *вход*), *объездчик* (*объезжать* и *объезд*) и т. п.

Морфонологическая производность выражается в том, что производное либо просто сохраняет основу производящего слова и ее акцентуацию, либо трансформирует их по некоторым стандартным правилам. Например, *разборчивый* морфонологически производно от *разбор* (а не от *разбирать* или *разобрать*); напротив, *разбирательство* морфонологически производно от *разбирать* (а не от *разбор*).

Может оказаться, однако, что некоторое слово по своим морфонологическим свойствам (акцентуация, выбор морфов) должно быть признано, скажем, отменным производным, а соответствующее исходное имя в языке отсутствует. Например, слово *выбоина*, судя по морфу *-бой-* (ср. *отбой*, *прибой* и т. п.), должно квалифицироваться как морфонологически производное от **выбой* (а не от *выбить*; *выбивать*); между тем слова **выбой* нет. В связи с этим имеет смысл говорить просто о морфонологически глагольных и морфонологически именных приставочно-корневых комплексах в составе производных слов — в соответствии с их акцентуацией и выбором морфов и вне зависимости от того, существует ли соответствующее исходное слово реально.

Нормальным для русского языка является такое положение, при котором слова, семантически производные от глаголов, содержат морфонологически глагольный приставочно-корневой комплекс, а от имен — морфонологически именной. Однако в некоторых случаях это соответствие все же оказывается нарушенным. Так, в парах *догадаться*—*догадливый*, *введаться*—*ведливый*, *удушить*—*удушливый*, *запаса́ть*—*запасли́вый* семантические отношения практически такие же, как, например, в парах *бодать*—*бодливый*, *болтать*—*болтливый*, *хвастать*—*хвастливый*, *говорить*—*говорливый*. Во всех этих случаях прилагательное семантически производно от глагола (заметим, что соответствующих существительных — **догад*, **вед*, **бод* и т. п. — для большинства примеров здесь просто нет). Между тем в группе *догадливый*, *ведливый*, *удушливый*, *запасливый* приставочно-корневой комплекс, судя по ударению, — морфонологически именной, а не глагольный. (Объяснить здесь корневое ударение просто тем, что суффикс *-лив-* требует ударения слева от себя, нельзя из-за акцентовки слов *бодливый*, *болтливый* и т. д.). Ср. сходную ситуацию у производных на *-чив-* (*бранчивый*, но *изменчивый*, *уступчивый* и т. п.), *-ист-* (*некажистый*, но *заливистый*, *перывистый* и т. п.) и ряда других. Таким образом, необходимо признать, что некоторые суффиксы отглагольного (с семантической точки зрения) словообразования требуют замены морфонологически глагольного приставочно-корневого комплекса морфонологически именным.

§ 1.25. Изложенные факты дают основания для следующего общего решения вопроса о приставочно-корневых комплексах.

Всякий приставочно-корневой комплекс, входящий в состав основы определенной словоформы, является либо морфонологически глагольным,

либо морфонологически именованным. В общем случае это различие проявляется в ударении и/или в выборе морфов, но в частных случаях оно может и никак внешне не проявляться. В дальнейшем для упрощения терминологии мы будем говорить просто о глагольных и именных приставочно-корневых комплексах (считая, что уточнение «морфонологически» подразумевается).

По своей способности непосредственно присоединяться к глагольным приставочно-корневым комплексам суффиксы делятся на две группы: так наз. первичные способны к этому, так наз. вторичные — неспособны. Первичные суффиксы фактически всегда универсальны, т. е. могут присоединяться к любому приставочно-корневному комплексу — как глагольному, так и именованному. Из вторичных суффиксов большинство способно присоединяться к именованному комплексу, но некоторые (например, *-ач*) вообще неспособны присоединяться ни к какому приставочно-корневому комплексу.

Если в процессе словообразования предстоит присоединить вторичный суффикс (например, *-чив-*) к приставочно-корневому комплексу, входящему в основу некоторого глагола (например, *сговориться*, *разбирать*), этот комплекс должен быть предварительно превращен в именной. Практически это обычно означает определенные изменения в акцентуации и иногда в выборе морфов; так, в данном случае получаем *сговóрчивый*, *разбóрчивый* (а не **сговóрчйвый*, **разбóрчйвый*).

Для дальнейшего необходимо уметь решать следующую практическую задачу: установить, является ли приставочно-корневой комплекс в составе некоторой словоформы глагольным или именованным, не обращая при этом к сведениям об акцентуации данной словоформы¹⁷ (при том что разделение суффиксов на первичные и вторичные, напротив, предполагается уже известным). Правила здесь таковы.

Случай 1: приставочно-корневой комплекс завершает основу (в частности, равен основе) в словоформе любой части речи, кроме глагола. Такой комплекс — именной. Примеры: *прихóд*, *не-прихóд*, *побéд-а*, *пéревяз-ь*, *зáнавес*, *бездóг-ий*, *пока́т-ый*.

Случай 2: приставочно-корневой комплекс входит в основу глагольной словоформы (личной или неличной) и либо равен этой основе, либо отличается от нее только на тематический элемент¹⁸. Такой комплекс — глагольный (например, *пролéз-ть*, *приход-и-ть*, *улет-а-ющий*), за исключением тех немногочисленных случаев, когда глагол (на *-ить*, *-овать* или *-ать*) является производным от имени, содержащего приставку (например, *прока́з-и-ть*, *расхóд-ова-ть* от *прока́за* 'шалость', *расхóд*; в этих случаях комплекс именной).

Случай 3: в составе основы за приставочно-корневым комплексом непосредственно следует словообразовательный суффикс.

¹⁷ Указанное ограничение обусловлено тем, что ответ на поставленный вопрос сам должен служить одним из шагов в процедуре установления места ударения в произвольной словоформе.

¹⁸ Аффиксы неличных форм, если они есть, не принимаются во внимание.

Если этот суффикс вторичный — комплекс именной. Примеры: *сговóр-чив-ый, придíр-чив-ый, изворóт-лив-ый, подéл-к-а, вьíдел-к-а*.

Если этот суффикс первичный, то комплекс именной, если слово семантически производно от имени (например, *нарóд-н-ый, поезд-н-ой, прóволоч-н-ый, прокáз-и-ть* — от *нарóд, пбезд, прóволока, прокáза* 'шалость') или от сочетания предлога с именем¹⁹ (например, *безлошáд-н-ый, безнадзóр-н-ый, подрúч-н-ый, бесчéст-и-ть*), и глагольный, если слово семантически производно от глагола или семантически двусмысленно (т. е. связано одновременно с глаголом и с отглагольным именем), например, *залив-н-ой, выхóд-н-ой, привяз-н-ой*.

Кроме того, специально для суффикса *-н-*, с которым связано наибольшее число трудностей в решении данной проблемы, имеется ряд вспомогательных правил (см. § 1.60).

Другие типы комплексов

§ 1.26. Помимо приставочно-корневых, для акцентологии существены также некоторые другие типы морфемных комплексов. Таковы прежде всего дву корневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «корень + соединительная гласная + корень» (причем такие, где все морфемы соединены между собой плотно), например, *землéкóп, машинóпис-ь, светóнóс-ный*. Возможны также и другие типы комплексов, получаемые усложнением основных типов за счет замены корней на целые основы или за счет увеличения числа корней. Таковы, в частности, приставочно-основные комплексы, например, *безрáдост-ный*. С акцентологической точки зрения подавляющее большинство комплексов всех этих типов аналогично именным приставочно-корневым комплексам. К глагольному типу относятся только комплексы в *руководíть, путеводíтель, благословíть, благовоlíть, благодарíть, животворíть, благотворíтельный, боготворíть*; они представляют собой архаизмы, ср. более новые образования типа *вертовóдить, пустослóвить* (с обычным именным комплексом).

В дальнейшем под общим названием именных комплексов объединяются именные приставочно-корневые комплексы и все прочие морфемные комплексы, кроме перечисленных выше исключений.

«Опорное» -ов-

§ 1.27. Хотя именные комплексы практически никогда не передают ударения присоединяемому к ним полноценным суффиксам, они в некоторых случаях передают его «пустому» морфу *-ов-*. Примеры: *Поднепрóвье, безотцóвщина, поножóвщина* (ср. *Повóлжье, подéнщина* и т. п.). Мы будем называть такое *-ов-* «опорным». С акцентологической точки зрения опорное *-ов-* ведет себя как составная часть имен-

¹⁹ Комплекс с *без-* — всегда именной, даже если его вторая часть не соответствует никакому реальному имени, например, *беспробúд-н-ый, безопáс-н-ый*.

ного комплекса (а не как внешний по отношению к нему морф); именно так оно и рассматривается ниже. С формальной стороны комплексы *по-днепрóв-*, *без-отцóв-*, *по-ножóв-* вполне аналогичны приставочно-основным типа *без-радóст-*, *пред-вершín-*. Разница лишь в том, что замена основ *днепр-*, *отц-*, *нож-* на *днепрóв-*, *отцóв-*, *ножóв-* не связана здесь ни с каким изменением смысла; *днепров-*, *отцов-*, *ножов-* выступают просто как своего рода «удлиненные» (и более удобные для соединения с суффиксами) варианты основы слов *Днепр*, *отец*, *нож*. Эта замена, в частности, позволяет избежать сложных сочетаний согласных, которые должны были получиться в **Поднепрёвье*, **безотёщицина*, **пониожщицина*. В ряде случаев (например, *приднепрóвский*, *беспонóвский*, *безгрехóвный*) равно допустимы интерпретация через опорное *-ов-* и через неплотное присоединение морфемы слева. Относительно возможного совмещения функций опорного *-ов-* и суффикса *-ов-* см. § 1.62.

Теоретически возможно также безударное опорное *-ов-* (скажем, *приарáковский*); практически, однако, подобные примеры (все они довольно искусственны) проще интерпретировать иначе (через суффикс типа *-овск-* или через неплотное присоединение).

Перемаркировка морфем в составе комплексов

§ 1.28. Особые акцентные свойства, имеющиеся у части морфемных комплексов, на техническом уровне проще всего отобразить с помощью перемаркировок (§ 1.23), т. е. указать, каким изменениям подвергается первоначальная маркировка морфемы в том случае, когда морфема вступает в морфемный комплекс. Правила здесь таковы.

А. В именном комплексе (но не с приставками *вы-*, *на-*²⁰) второй член взамен своей первоначальной маркировки получает новую, а именно ↓ D²¹. Например, в словах *злóд*, *нлóдчивый*, *безлóдный*, *скóроход*, *лукомóрье* корни *ход-*, *люд-*, *мор-* получают маркировку ↓ D; особо отметим *прóрва*, *подбóшва*, *бéзднл* и т. п., где ↓ D появляется при безгласном морфеме. Если в качестве второго члена выступает целая основа, а не просто корень, маркировку ↓ D получает та морфема, которая несет ударение в исходной форме слова с такой основой (если же основа в этой форме безударна или если такого слова вообще нет, то последняя морфема основы); при наличии опорного *-ов-* (§ 1.27) маркировку ↓ D получает это *-ов-*. Примеры: в словах *безрадóстный*, *предвершínный*, *низкочастóтный*, *безотцóвщицина* ↓ D появляется при морфемах *рад-*, *-ин-*, *-от-*, *-ов-*.

²⁰ Именные комплексы с приставками *вы-* и *на-* (которые имеют маркировку ↓) перемаркировке не подвергаются. Исключения: *вынóсливый*, *выбóтие* (где *вы-* ведет себя как обычная приставка); в слове *пáскóда* приставка уже невыделима. Фактически не подчиняется данному правилу также приставка *пра-*, см. ниже, пункт I.

²¹ Это практически означает, что все остальные маркировки внутри комплекса уже несущественны; ничто не изменится, если считать, что они просто сняты.

При замене маркировок место приписки маркировки внутри морфемы в нормальном случае не меняется. Соответственно, например, в словах *обмолот*, *безголовый*, *длиннобордый*, *безлошадный* маркировка ↓ D приписывается к последней фонеме морфем *молот-*, *голов-*, *бород-*, *лошад-* (поскольку эти морфемы ранее имели маркировку →, ср. *молотить*, *голова*, *борода*, *лошадёй*). Имеются, однако, следующие особые случаи. 1. Если второй член комплекса — это неодносложная²² основа существительного маргинально-подвижного типа с наосновным ударением в исходной форме (кроме слов с полногласным сочетанием в корне, слов на *-мя* и *вечер*, *козырь*, *ноготь*, *локоть*, *лёмех*, *лбишадь*, *степень*, *зёркало*, *озеро*), то маркировка ↓ D ставится при гласной первого слога такой основы. Отсюда такие ударения, как, например, *белокáменный*, *безоблачный*, *безъякорный*, *беспáрусный*, *двупóлостный*, *двухлóбастный*, *обесцёлочить*. Сверх того, такую акцентовку имеют комплексы с *-времен-* (кроме *со-*, *по-*, *одно-*, *разно-времéнный*), например, *своеврéменный*, *безврéменный*. Исключения: *подмáстерье*, *Лосинострóвская*, *Белоцёрковский*; колеблются *великовóзрастный*, *каменноу́гольный*. 2. Индивидуальные отклонения: комплексы с *-образ-* (кроме *безобразный* 'лишенный образа, образности'), например, *безобразный*, *-ие*, *крестообразный*, *дикобраз*; *беспринципный*, *безвоздушный* (↓ D при конце комплекса).

З а м е ч а н и е. При окказиональном образовании подобных комплексов (в т. ч. образовании заново реально существующих слов) здесь может наступить эффект неосвоенности, состоящий в том, что любое существительное с начальным ударением в исходной форме трактуется как относящееся к тривиальному акцентному типу (ср. действие пометы Triv, § 1.34). Отсюда возможность таких окказиональных ударений, как *бескблòкòльный*, *беззёркальный* и т. п. В слове *безобразный* (см. выше) этот эффект закреплен нормой для отличия от традиционного *безобразный*.

Из приведенного общего правила о перемаркировке внутри именного комплекса в пользу ↓ D при втором члене имеется, однако, несколько групп исключений (объем приводимых ниже списков определяется теми же принципами, что в описании суффиксов, см. § 1.39).

1. Приставки *пра-* и *су-* в значительной части случаев удерживают ударение на себе (что является следом древнего состояния, ср. § 2.22); технически это означает, что приставка получает маркировку ↓. Таковы: *пáрдед*, *пáвнук*, *пáщур*, *пáотец*, *пáвнучка*; *сýмрак*, *сýпесок*, *сýтолока*, *сýкровица*, *сýпрядки*, *сýмерки* (ср. также опростившиеся *сýдорога*, *сýтки*; в словах *пáзелень*, *сýтедь*, *сýпесь*, *сýтолочь* начальное ударение можно объяснить эффектом суффикса ⁻³⁻, § 1.43). Чаще, однако, приставка *су-* ведет себя по общему правилу, например, *сустáв*, *сумáнок*, *сумáтыца*, *супорóсая*, а приставка *пра-* неплотно присоединяется к имени, например, *празы́к* (с сохранением флексивного ударения), *пáрáдина*, *пáредушка*.

²² Неодносложная в том виде, в котором она входит в состав комплекса; таким образом, сюда относятся и случаи типа *подлокóтник*, *белокáменный*.

II. Наиболее многочисленная группа исключений — существительные мужского рода с основой, равной приставочно-корневому комплексу, обнаруживающие не корневое, а начальное ударение (типа *за́пуск*). Строгих правил распределения слов данной структуры между моделями *загóд* (по основному правилу) и *за́пуск* нет. Обнаруживается, однако, некоторая связь этого распределения с фонологическим составом корня (ср. Устинова 1980); соответственно, ниже слова модели *за́пуск* указаны с разделением по данному признаку.

1. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на *к* (кроме односложных корней на /ок/, /ок/ — графически *ок*, *эк*, *ек*). Примеры²³: *признак*, *при́зрак*, *облик*, *отклик*, *бкрик*, *наволок*, *обморок*, *у́молк* (без *у́молку*), *ро́счерк*, *на́сморк*, *прóблеск*, *на́плеск*, *по́иск*, *ро́зыск*, *на́тиск*, *за́пуск*, *прóпуск*, *по́рыск*, *отпрыск*, *при́звук*, *при́стук*, *на́вык*, *прóмельк*; также *не́ук*. Отклонения: *при́лик*, *упу́ск*, *нары́ск*, *приты́к* (все эти слова очень редкие); они идут по общему правилу.

2. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на сочетание /и/, /у/ + шумная глухая согласная (за которой может также следовать еще одна согласная). Фактически это прежде всего корни *куп*, *ступ*, *сып*, *дых*, *дух*, *слух*, *кус*, *свист*, *кис(е)л*, *мыс(е)л* (для конечного *к* см. пункт 1). Примеры: *по́дкуп*, *о́ткуп*, *до́ступ*, *при́ступ*, *прóсьип* (без *прóсьипу*), *о́тдых*, *прóдух*, *на́вис*, *при́кус*, *и́скýс*, *по́свист*, *при́свист*, *на́хлыст*, *о́кисел*, *прóмысел*, *у́мысел*; также *не́слух*, *не́уч*; особо отметим *привку́с* (с двумя приставками). Отклонения: *усту́п*, *заку́т* (но также и *закут*), *уку́с*, *надку́с*, *проку́с*, *отку́с*, *по́кюж*; они идут по общему правилу (см. также выше примеры с колебанием).

3. Следующие существительные такой же структуры, как в пункте 2, но со звонкой, а не глухой согласной: *по́гиб*, *по́шиб* (в иконописи), *о́труб* (земельный участок), *привизг*, *о́бжиг*, *ро́зжиг*, *о́тжиг*, *на́стриг*, *по́стриг*, *о́круг*, *за́струг*, *на́струг*, *по́дгрудь* (ср. еще разг. *ра́струб*); также *не́друг* и сокращение *не́уд*. Ср. идущие по общему правилу *ушиб*, *разру́б*, *испу́г* и т. п.

4. Прочие: *на́дóлб*, *при́став* (должностное лицо), *о́тзыв* (мнение, документ), *за́берег* (от *бе́рег*), *о́берег* (от *о́берега́ть*), *по́тяг*, *пропа́д* (*пропа́ди про́падом*), *по́езд*, *приво́д* (в технике), *до́вод*, *по́вод*₁₋₂, *прóвод*, *при́город*, *у́держ* (*у́держу не́т*), *по́дрез* (у полоза), *прóсек*, *прóбел* (в иконописи), *ра́зум*, *по́дпол*, *за́говор* (тайное соглашение), *до́говор*, *сго́вор*, *во́зглас*, *за́навес*, *о́тсвёт*, *за́ворот* (*кишок*), *во́зраст*, *прóмах*, *за́пах*, *при́порох*, *по́длинь* (ср. еще разг. *ро́злив*, *при́говор*); также *не́клен*, *не́чет*.

З а м е ч а н и е 1. Исторически относились сюда же, но к настоящему времени опростились (хотя степень забывания первоначальной структуры у них и различна) слова: *по́греб*, *спóсоб*, *бóтов*, *бóстров*, *по́двиг*, *по́лог*, *ца́верг*, *за́пад*, *бво́д*, *ббраз*, *за́мок*, *бкорок*, *бтрок*, *за́кром*, *бцеп*, *по́вар*, *у́жас*, *по́яс*, *при́чет*, *бмут*,

²³ В списке отражены почти все реально встретившиеся корни.

блѣт, спѣлѣх, пѣтрох, пѣсох, бѣѹх, вѣздѹх, бѣруч. Возможно, следует считать опростившимися также и *пѣшиб, ѡкруг, пѣезд, прѣзрак, ѡблик, ѡчерк, пѣчерк, рѣзѹж*, включенные выше в общие списки.

З а м е ч а н и е 2. В некоторой части случаев между словами основной акцентной модели (*прѣѣзд*) и акцентной модели *пѣезд* обнаруживается следующее семантическое различие: для модели *прѣѣзд* более характерно значение собственно действия (или места действия), для модели *пѣезд* — значение объекта (возникающего в результате действия, служащего для действия или как-то иначе с ним связанного). Этому часто сопутствует еще одно различие: значение существительного связано со значением глагола в модели *прѣѣзд* более прямо и прозрачно, в модели *пѣезд* — более отдаленно и нередко даже идиоматично. Приведем характерные примеры: *прѣѣд* (действие) — *прѣѣд* (электрический), *прѣѣд* (действие) — *прѣѣд* (элемент технического устройства), *ѡтзѣв* (посла) — *ѡтзѣв* (мнение, документ), *ѡтруб* (место, по которому отрублено) — *ѡтруб* (земельный участок), *пѣдрѣз* (место, по которому подрезано) — *пѣдрѣз* (железная полоска на полозе); ср. также, например, *прѣѣзд* — *пѣезд, испѹг* — *ѡзверг* и др.

С технической точки зрения, у слов *ѡтруб, прѣѣстав, ѡкруг, пѣезд, прѣѣвод, пѣдрез, прѣѣпуск* (документ), *ѡтпуск, прѣѣбел, ѡткуп, ѡѡговор* (факультативно также у *прѣѣмысел, ѡѡзраст*) основа вместо своей прежней двучленной маркировки получает единую маркировку → при последнем слоге. Соответственно, эти слова имеют нетривиальное ударение (а именно, схему с, см. § 1.18). Такую же маркировку из числа опростившихся имеют *пѣгрѣб, ѡстров, ѡбраз* 'икона', *ѡкорѡк, зѣкрѡм, пѣвар, пѣяс, пѣтрох, ѡбруч* (факультативно также *ѡѡвод, ѡмут*). У всех прочих приведенных выше (включая замеч. 1) слов основа вместо прежней двучленной маркировки получает единую маркировку ↓ при первом слоге. Пример:

до-вод-	заменяется на	довод-
→ →		↓
с-говор-	» »	сговор-
→ →		↓

III. Исключениями из общего правила являются также следующие существительные и прилагательные: 1) *замѡк, пѡсѡл* (лицо) (ср. также опростившееся *утѡк* 'поперечные нити ткани'); 2) *блѡгѡвест*; 3) *нѡдолба, зѣберега, прѡжига, зѡдруга, зѡструга, зѡсѣка, прѡсека, зѡволока, нѡволока, пѡдѡлѡка, прѡволока, зѡсуха* (ср. также опростившееся *прѣѡлока*); *прѡводы, прѡбиски, пѡхороны*²⁴; 4) *пѡслушник, зѡработѡк, прѣѡработѡк, зѡрѡсток, нѡигрыш, прѡигрыш, рѡзыгрыш, ѡтыгрыш; нѡѡлочка, прѣѡбѡршнѡ; зѡговеньѡ, рѡзговеньѡ, зѡѡлочьѡ; зѡморѡзки, зѡговеньѡ, рѡзговеньѡ; зѡгороднѡй, нѡбережнѡя, нѡѡжнѡй, зѡработнѡй, нѡрѡчнѡй, прѣѡстальнѡй* (ср. также опростившиеся *зѡпѡнка, прѣѡторнѡй*). В словах *замѡк, пѡсѡл, пѡхороны* приставочно-корневой комплекс получает единую (вместо прежней двучленной) маркировку → при корне; в прочих словах он получает единую маркировку ↓ при начальном слоге.

²⁴ В словах *ѡтрубѡи, пѡдѡмѡсти, пѡбручи* и т. п. начальное ударение объясняется эффектом суффикса '-ѡ'.

З а м е ч а н и е 3. Для комплексов с неслоговым корнем действие общего правила (пункт А) в принципе приводит к результату, представленному в словах *заём* (Р. ед. *займа*), *наём* (Р. ед. *найма*). Однако в современном языке такое ударение резко отклоняется от синхронического стандарта, требующего для существительных с беглой гласной колонного ударения (по крайней мере, в рамках одного числа) — либо типа *котёл*, *котла́*, либо типа *дятел*, *дята́*. Отсюда два типа выравниваний: 1) *замо́к*, *посо́л*, *уто́к* акцентируются по модели *котёл*, *котла́*, ср. Р. ед. *замка́*, *посо́ла*, *уто́ка*; 2) в *побя́ня*, *при́тча*, *при́чт* (*при́чет*) обобщилось начальное ударение (уже не переходящее на беглую гласную, ср. *побя́ен*, *при́точник*, *при́чет*); формально сюда же относятся *су́тки*, *су́ток* (фактически здесь сохраняется древняя ударность *су-*), *за́мок*, *за́мка* (заимствование из польского). Еще шире представлена перестройка, устранившая чередование беглой гласной с нулем: ср., с одной стороны, *проб́ра*, *подб́ива*, *бе́здна*, *при́тча*, *у́йма*, *прóйма* и т. п. (Р. мн. *проре*, *подбше*, *беадн*, *притч*, *уйм*, *прóйм*), также *пош́лый*, *пош́л*, *сон́м*, *со́йма*, *при́чт*, *при́чта*, с другой стороны, *подъём*, *приём*, *учёт*, *расчёт* и т. п. (Р. ед. *подъёма*, *приёма*, *учёта*, *расчёта*). В значительной части приведенных примеров перестройке способствовало опрожнение слова (выводившее его за рамки синхронических словообразовательных закономерностей).

В связи с исключениями, указанными выше (пункты I—III), необходимо дополнительно указать следующее. Слова, семантически производные непосредственно от существительных, указанных в этих пунктах (например, *запа́дный*, *при́городный*, *при́зрачный*, *су́мрачный*, *на́сморо́чный*, *прóволочка*, *бла́говестить*, *поезднóй*, *о́кружнóй*, *поводóк*), акцентируются на базе этих существительных (т. е. сохраняют их ударение или трансформируют его по общим правилам словообразования). Исключения: *безо́бразный* и прочие с *-образ-* (см. выше), *разу́мный*, *заговóрный* (от *за́говор* 'заклинание, колдовство'), *по́горбнный*; для опростившихся слов можно указать еще *подви́жник*, *ужа́сный*, *возду́шный*. Если же производное семантически связано с глаголом (или одновременно с именем и глаголом), действует общее правило пункта А; примеры: *сговóрчивый*, *отзы́чивый*, *заслу́шливый*, *послу́шный*, *неподку́пный*, *досту́пный*, *по́ездка*, *довод́ка*, *промáшка*, *проволóчка*. То же и в случаях, когда производное имеет какую-то иную деривационную историю, но произведено не от рассматриваемого существительного, например: *способ́ный*, *подпóбный*, *обли́ще*.

IV. Совершенно особую группу слов, образованную с помощью приставок, составляют наречия типа *на́сухо*, *по́суху*, *слегка́*, *налегке́* (в Обр. их около 180). Их акцентуация не подпадает под действие общего правила пункта А; в то же время она лишь в малой степени зависит и от акцентуации соответствующих прилагательных. У рассматриваемых наречий встречается три типа акцентовки: 1) ударение на приставке (*на́сухо*); 2) конечное ударение (*налегке́*); 3) ударение на базовом компоненте (*помнб́гу*); если базовый компонент неодносложен, в этом типе акцентовки сохраняется ударение краткой формы ед. сред. соответствующего прилагательного (*понапрáсну*). При неслоговой приставке противопоставление типов 1 и 3 нейтрализуется (*вскóбре*). Принадлежность наречия к тому или иному типу

акцентовки в значительной мере зависит от морфологической модели.

1. Для моделей *из—а*, *сыз—а*, *на—о*, *за—о* нормой является ударение на приставке, например, *и́зредка*, *и́здавна*, *и́скося*, *и́счерна*, *и́скрасна*, *и́ззелена*, *и́зжелта*; *сызнова*, *сызмала* (также *сызмалу*), *сыздавна*; *на́криво*, *на́ново*, *на́мертво*, *на́коротко*, *на́бело*, *на́черно*, *на́скоро*, *на́чисто*, *на́глухо*, *на́сухо*, *на́двое* (также *пе́рво-на́перво*, *стро́го-на́стро́го* и т. п.); *за́дешево*, *за́живо*, *за́мертво*, *за́светло*, *за́темно*, *за́просто*. Отклонения: *издалека́* (и *издале́ка*), *издале́ча* (*издале́че*); *напра́во*, *нале́во*, *надблго*, *намнбго*, *наскблько*, *настблько*, *наве́рно*, *наве́чно*; *задблго* (ср. нелитер. *задолго*), *заеди́но*. Колеблются *назлб*, *наго́лб* (ср. также устаревшие варианты *набелб*, *начернб*).

2. Группа наречий с приставочным ударением представлена в модели *по—у*: *пбровну*, *пбпросту*, *пбпусту*, *пбсуху* (ср. также редкие и устаревшие *пблюбу*, *пброзну*, *пбтежну*, *пбчасту*). Однако чаще здесь выступает ударение на базовом компоненте, например, *подблгу*, *помнбгу*, *непода́лэку*, *постб́лку*, *помáлу*, *понапра́сну*, также *потибл́нку* и т. п.; особо стоит *подобру́-поздорбву*.

Специально отметим, что приставочное ударение представлено в современном языке отнюдь не только у тех наречий, которые образованы от прилагательных маргинально-подвижного типа; ср., в частности, *и́счерна*, *на́мертво*, *на́бело*, *на́черно* и др.

3. В модели *на—е* представлено конечное ударение: *налегкэ́*, *накороткэ́*, *навеселэ́*, *наравнэ́*, *наединэ́*; ср. также *насторожэ́*. Отклонение: *наготбве́* (ср. нелитер. *наготове́*).

4. Модель *до—а* колеблется между конечным и приставочным ударением: *донага́*, *допозднá*, *дополнá*, *дотемнá*; *дбчиста*, *дбсыта* (устар. *досы́та*), *дбсуха*; *дббелá*, *дбкраснá*, *дбчернá*, *дбпьянá*.

5. Значительные группы наречий с конечным ударением представлены в моделях *в—е* и *с—а*: *вдалекэ́*, *вдвойнэ́*, *втройнэ́*, *вполнэ́*, *вчернэ́* (также *вообщэ́*, *вотщэ́*); *спервá*, *слегкá*, *сполнá*, *сглупá*, *неспроста́*, *сгорячá*. Однако чаще здесь выступает начальное ударение, например, *внбве*, *втáйне*, *вскбре*, *вкратце*, *спра́ва*, *сле́ва*, *спья́на*; только такое ударение в модели *с—у*, например, *смблodu*, *спья́ну*, также *сбслепу*. Особый случай: *во́все*.

6. В прочих случаях (их сравнительно немного) выступает ударение на базовом компоненте, например, *пода́вно*, *воеди́но*, *впра́во*, *вче́тверо*, *впя́теро*, *издрéвле*. Особо отметим *неда́вно*, с плотно присоединенным *не* (ср. *давнб*).

Б. Если в составе основы имеется глагольный приставочно-корневой комплекс с *вы-*, то везде, кроме словоформ с грамматическим значением совершенного вида²⁵, у приставки *вы-* маркировка ↓ меняется на → (практически это значит, что *вы-* здесь будет безудар-

²⁵ Грамматическим значением вида обладают только личные формы, причастия, дееспричастия и инфинитивы.

ным). Например, в *выбирать*, *выезжает*, *вынесение*, *выпрямитель*, *выразительный вы-* получает → . Исключение: в глаголе *выглядеть* 'иметь вид' *вы-* сохраняет ↓, несмотря на несовершенный вид.

Замечание 4. В силу индивидуальных особенностей приставки *вы-* противопоставление именных и глагольных приставочно-корневых комплексов выступает здесь в составе имен (но не глаголов) особенно наглядно: первые имеют ударение на *вы-* (кроме слов *вынсливый*, *выбытие*), вторые — не на *вы-*. Примеры: 1) *выход*, *выпуск*, *выжиг*, *видирка*, *вышивка*, *выбоина*, *выводок*, *высевки*, *выгонщик*, *выкидыш*; 2) *выгребной*, *вышивной*, *выпяток*, *вынесение*, *выпрямитель*, *вырезыватель*, *выразительный*, *вычислительный*. Это свойство приставки *вы-* особенно ценно при анализе суффиксов с маркировкой ← (например, *-к-а*): регулярное ударение на *вы-* (*видирка*, *выкладка*, *выставка* и т. д.) сразу показывает, что суффикс требует именного комплекса, т. е. относится к числу вторичных, тогда как по примерам типа *обдирка*, *раскладка*, *подставка* этого еще непосредственно не видно (поскольку корневое ударение могло бы объясняться здесь и маркировкой суффикса).

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВ

§ 1.29. Базисное правило (§ 1.22) предназначено для непосредственного перехода от цепи маркировок произвольной основы к ее акцентуации. Если бы это правило сразу давало правильный результат для любой основы, оно было бы, конечно, самым простым средством определения акцентуации производных слов. Однако, как уже было отмечено, на самом деле действие базисного правила отягощено большим числом разнообразных поправок, из-за которых во многих случаях вычисление акцентуации по базисному правилу превращается в слишком громоздкую операцию.

Кроме того, в ряде случаев требуется определить акцентный результат присоединения некоторого аффикса к целой основе (в частности, многоморфемной). В принципе базисное правило может дать ответ и на этот вопрос, но довольно сложным путем — через обращение ко всей цепи маркировок данной основы. При этом существенно следующее: если некоторое производное слово является исключением из акцентных правил, т. е. имеет аномальное ударение, дальнейшие производные «наследуют» (т. е. сохраняют или закономерно преобразуют) именно это аномальное ударение; его аномальность несколько не мешает тому, чтобы в последующем словопроизводстве к нему применялись стандартные общие правила. Например, ударение *беспринципный* аномально (ср. *принцип*); но оно без всяких затруднений «наследуется» словом *беспринципность*. В подобных случаях обращение к базисному правилу означает, что мы вновь должны пройти все формальные трудности, связанные с наличием аномалии в производящей основе, при том что интересующий нас шаг (присоединение суффикса) сам по себе акцентно регулярен.

Таким образом, с практической точки зрения полезно иметь, помимо базисного правила, также поэтапные правила, отражающие акцентный эффект каждого из последовательных шагов деривационной истории слова. Понятно, что для таких правил требуется не-

которая акцентологическая классификация целых основ (а не только отдельных морфем).

Используемая ниже классификация такова. Основы слов (как непроизводных, так и производных) делятся на так наз. сильные, слабые²⁶ и промежуточные. Далее, сильные основы делятся на доминантные и недоминантные.

Этой классификации в подавляющем большинстве случаев достаточно для того, чтобы правильно установить акцентуацию производных; лишь в нескольких исключительных случаях (а именно, когда суффикс имеет акцентную особенность Marg, Triv или Deox, см. § 1.21), необходима дополнительная информация — о принадлежности производящего слова к маргинально-подвижному или флекссионному акцентному типу.

§ 1.30. Сила или слабость основы определяются в первую очередь акцентным типом соответствующего слова. Основой принцип состоит в том, что у слова с тривиальным ударением основа сильная, а с нетривиальным — слабая²⁷.

От этого принципа имеются, однако, некоторые отклонения.

А. В определенных случаях основа является, вопреки основному принципу, слабой, а не сильной.

1. Часть существительных с непоказательным тривиальным ударением (§ 1.10, примеч.), т. е. *singularia tantum*, ведет себя при словообразовании как слова маргинально-подвижного акцентного типа. Это как бы латентная (с точки зрения словоизменения) маргинальная подвижность, которая становится явной в словообразовании. Таковы, во-первых, следующие *singularia tantum*²⁸: а) все непроизводные, содержащие (в исходной словоформе) полногласные сочетания *бло*, *бро*, *эле*, *эре* в корне, например, *глобод*, *хворост*, *нёрест*, *мбрось*, *зблото*; б) слова (условно обозначенные в дальнейшем как «группа воск») *клад*, *блуд*, *мрак*, *рок*, *риск*, *воск*, *лоск*, *шлам*, *срам*, *шум*, *крен*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *сап*, *мир* 'рах', *сор*, *тёс*, *ворс*, *форс*, *гнус*, *блат*, *фарт*, *бут*, *страх*, *смех*; *дйво*, *пйво*, *сёно*, *прбсо*, *мясо*, *тёсто*, *брёхо*; *сталь*, *гниль*, *лень*, *дрянь*, *дурь*, *лесть*, *грусть*. Во-вторых, следующие существительные с И. мн. на -ья (которые в силу § 1.7 оказываются в таком же положении, как *singularia tantum*): *пблос*, *кблос*, *дерево*; *обод*, *пбвод*; *друг*, *муж*, *кум*, *сын*, *князь*, *зять*. Наконец, сюда же примыкают неизменяемые слова *сквозь* и *сплошь*. Все эти слова имеют слабую основу; более того, везде, где это может быть существенно для словообразования, эти слова в дальнейшем

²⁶ В основе наименования лежит образ силы или слабости в «борьбе» за сохранение за собой ударения.

²⁷ Если ударение слова колеблется между тривиальным и нетривиальным типом, основа оценивается (кроме особо оговариваемых случаев) по нетривиальному варианту, т. е. как слабая.

²⁸ Помимо «чистых» *singularia tantum*, в список включены также слова *шум*, *страх*, *сёно*, *мясо*, *брёхо*, *сталь*, у которых мн. число относительно более реально, чем у остальных.

считаются принадлежащими именно к маргинально-подвижному типу.

2. В особом положении находятся глаголы с односложным корнем, имеющие тривиальное ударение, например: *ма́зать*, *сма́зать*, *ре́зать*, *разре́зать*, *ста́вить*, *подста́вить*. Их полная основа, включающая тематический элемент, — сильная (в соответствии с основным принципом); отсюда такие ударения у производных, как *ре́зательный*, *ре́за-лка* и т. п. Но их усеченная основа (§ 1.19), т. е. оканчивающаяся корнем, — слабая; отсюда такие ударения у производных, как *смаз-но́й*, *рез-но́й*, *подстав-но́й* и т. п. Таким образом, всякая глагольная основа, оканчивающаяся односложным корнем, — слабая, независимо от акцентуации глагола. Следует учитывать только, что акцентный эффект этого правила может проявиться лишь там, где не возникло именного приставочно-корневого комплекса (в противном случае ударение производного уже определяется правилами о таких комплексах); в частности, он никогда не может проявиться перед вторичным суффиксом.

Б. У слов мужского рода со срединноударной (в И. ед.) трехсложной основой, примыкающих к маргинально-подвижному типу, например, *проже́ктор*, *профе́ссор*, *учи́тель* (условное обозначение — «группа *прожектор*»), основа сильная.

В. Следующие группы слов имеют так наз. промежуточную по силе основу (об акцентных свойствах таких основ см. § 1.33). В приводимых ниже определениях группы везде подразумевается оговорка «кроме слов, указанных в А».

1. «Группа *рак*»: непроеизводные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием (графически нуль, -ь) в И. ед., имеющие односложную²⁹ основу и тривиальное ударение. Примеры: *рак*, *тигр*, *заяц*, *хам*, *трус*, *гнев*, *нить*, *мысль*.

2. «Группа *буйвол*»: существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием в И. ед. (не оканчивающиеся на *ий*, *ик*, *ук* и не содержащие приставок *вы-*, *на-*, *сү-*), имеющие двусложную основу и тривиальное ударение на начальном слоге. Примеры: *буйвол*, *дьявол*, *вброн*, *мүскул*, *хбзот*, *мүсор*, *запаз*, *мебель*, *руждадь*, *прихоть*.

3. «Группа *якорь*»: существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. ед., имеющие двусложную основу (но без полногласного сочетания *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), оканчивающуюся на сонант (/л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /р/, /р'/) или *с*, и маргинально-подвижное ударение, кроме слов *сбболь*, *пбвар*, *вечер*, *кбзырь*. Примеры: *якорь*, *бкунь*, *бүффер*, *күпол*, *брден*, *прус*, *адрес*. Сверх того, в «группу *якорь*» входят: *камень*, *үголь*, *лапоть* (где основа содержит беглую гласную) и *паспорт*.

Г. Инфинитивная основа (неусеченная) некорневых глаголов (например, *писа́-*, *ста́-*, *сиде́-*) в словообразовании всегда выступает как сильная.

²⁹ Беглая гласная здесь и в последующих пунктах в счете слогов не участвует.

З а м е ч а н и е. У небольшого числа слов имеется та индивидуальная особенность, что все закрепленные узусом производные от них как бы образованы от основы с иной, чем в исходном слове, акцентуацией. Таковы, прежде всего: *колокол*, *госпиталь*, *похороны*; *жемчуг*, *разум*, *ужас*, *вблудх*, *осень*, *печень*, *посконь*, *прелесть*, *зависть*, *ненависть*, *рбкснсь*; также *против*. Все они ведут себя при словообразовании так, как если бы имели неподвижное ударение на последнем слоге основы, ср. *колокольный*, *жемчужина*, *воздушный*, *печенка*, *завистник* и т. д. Близки к этой группе также *лбкарь*, *пéкарь*, *тóкарь*, *слéсарь*. Далее, слова *сóгол*, *свёй ла* (схема а) проявляют себя как **соклá*, **свеклá* (схема б); *мыло* (схема с), *дéнги* (схема е//а) — как слова схемы а. Производные, опирающиеся на реальное ударение исходного слова, возможны здесь лишь в сфере окказионального словообразования по продуктивным моделям (скажем, *волоколóк*, *жемчужéк*, *свёжолка*). Как показывает история, в большинстве указанных здесь случаев аномалия возникла за счет изменения акцентуации исходного слова (тогда как в производных изменения не было).

Доминантной является сильная основа, в которой корень получил свойство доминантности. Практически это возможно только в силу правила о именных комплексах (§ 1.28, А). Таким образом, деление сильных основ на доминантные и недоминантные должно производиться после действия правил об именных комплексах. Примеры доминантных основ: *нарóд-*, *нарóдн-ый*, *нарóдничеств-о*, *обнарóдова-ть*, *безврёдн-ый*, *обезврёди-ть*, *унавзби-ть*, *напрóкази-ть*.

Классификация основ непосредственно применима также и к базовым компонентам, образованным этими основами. В целях общности целесообразно распространить предложенную классификацию также на остаточные базовые компоненты. Поскольку в этом случае нет реального слова с интересующей нас основой, при классификации нельзя использовать акцентный тип слова. Вместо этого приходится обращаться к цепи маркировок и базисному правилу. Если по базисному правилу (с необходимыми поправками там, где в маркировках есть дополнительные части) цепь маркировок рассматриваемого базового компонента дает ударение на нем самом — этот компонент считается сильным, если правее него — он считается слабым. Что касается доминантности, то она устанавливается на основе общих правил об именных комплексах (эти правила не зависят от наличия или отсутствия самостоятельного слова с рассматриваемой основой). Пример: в *бездéл-иц-а* остаточный базовый компонент *бездéл-* — сильный доминантный (он равен именному приставочно-корневому комплексу).

Разумеется, указанные приемы в принципе можно применить и к реальным основам (а не только к остаточным базовым компонентам). Теоретически при этом должен получиться тот же результат, что и при учете акцентного типа соответствующего слова. [Практически, однако, возможно и расхождение: реальное слово может оказаться исключением из тех или иных акцентных правил. Поскольку, как уже отмечено выше, в словопроизводстве «наследуются» реальное (хотя бы и аномальное) ударение производящей основы, акцентологическая классификация основ строится (везде, где это возможно) на учете реального ударения слова, а не теоретически ожидаемого.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ

§ 1.31. В современном русском языке действует следующее важное ограничение на сочетаемость морфем внутри словоформы: доминантный базовый компонент не может сочетаться с доминантным суффиксом, требующим постановки ударения правее базового компонента (т. е. с основной маркировкой $\downarrow D$ или $\rightarrow D$). По этой причине невозможны, например, слова: **народ-ист*, **двоебор-ист*, **беспутн-оват-ый*, **унавож-а-ть* (хотя возможны *службист*, *значкист*, *шахматист*, *цеголеватый*, *унижать* и т. п.); ср. свободную сочетаемость тех же базовых компонентов с недоминантными суффиксами: *нарбдник*, *двоеборец*, *беспутненький*, *унавбживать* и т. п.

Прямых исключений из данного правила ничтожно мало. Таковы: *подслеповатый*, *подуздоватый*, *придурковатый*, *продолговатый*; *безделушка*; *простолюдин*. При этом в *подслеповатый* явно произошло переосмысление структуры слова: из *подслеп-ый* (почти забытое ныне слово) + *-оват-ый* оно превратилось в *под- + слеповатый*, т. е. 'немного слеповатый' (где *под-* неплотно присоединено к *слеповатый*); нечто похожее можно предполагать и для других слов на *-оватый*. Слово *безделушка* образовано под влиянием семантически сходных *погремушка*, *побрякушка* (где приставочно-корневой комплекс глагольный, следовательно, недоминантный). Относительно соединения доминантных основ с суффиксом *-анин* (обладающим неустойчивой доминантностью) см. § 1.69.

Принцип несовместимости доминантного базового компонента с доминантным суффиксом имеет большое значение для всей русской словообразовательной системы. Этот принцип делает необходимым существование в языке большого числа недоминантных суффиксов, поскольку именные морфемные комплексы, представленные в русской лексике очень широко, могут сочетаться только с такими суффиксами. Тем самым создается сильный противовес общей тенденции к приобретению суффиксами доминантности, наблюдаемой в истории русского языка (ср. § 4.6). В результате складывается характерная для современного русского языка специфическая ситуация, когда практически для каждого доминантного суффикса имеется по меньшей мере один синонимичный ему недоминантный. Так, например, при доминантном суффиксе вторичных имперфективов *-а-ть* (*унижать* от *унизить*, *повреждать* от *повредить* и т. д.) имеется синонимичный недоминантный суффикс *-ыва-ть*, который дает возможные образовать аналогичные производные (*унавбживать*, *обезверэживать*) также от *унавбзить*, *обезверэдить* и т. п., где основа доминантна. Ср. еще, например: *правдист*, но *сменовеховец*; *велосипедист*, но *пулеметчик*; *расист*, но *нарбдник*; *бандитизм*, но *злодейство*; *цветастый*, но *порбдистый*; *глухота*, но *беззубость*, *косоглазие*. Разумеется, в приведенных парах выбор суффикса определяется не только акцентными свойствами базового компонента; правила

выбора везде более сложны. Для нас существенно лишь то, что во всех этих случаях язык обеспечивает возможность выражения соответствующего значения как при обычном, так и при доминантном базовом компоненте.

Таким образом, в современном русском языке совершенно избыточная на первый взгляд множественность суффиксов, передающих одно и то же словообразовательное значение, по крайней мере в части случаев оправдывается потребностями акцентной системы.

ПОЭТАПНЫЕ ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТУАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.32. Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа³⁰). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошадный*, *обессахарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязычный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41—42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений³¹. Практически мы исходим из того, что первым по порядку шагом, как правило, является соединение приставки с именной основой (или соединение двух именных основ), например, *без- + лошад-*, *без- + сахар-*, *разно- + язык-*; лишь на следующем шагу (или шагах) присоединяются прочие аффиксы. Иначе обстоит дело лишь в глаголах со структурой типа *о-слав-и-ть*, *о-чист-и-ть*: здесь на первом шагу образуется основа отыменного глагола (*слави-*, *чисти-*), а приставка присоединяется позже. Таким образом, основы слов *обесчестить*, *обессахарить*, имеют, с акцентологической точки зрения, структуру *о-((бес-чест-и)-)*, *о-((бес-сахар-и)-)*.

Между соединяемыми морфемами иногда могут выступать так наз. соединительные (или вставные) элементы; их включение не рассматривается как отдельный шаг деривации. В некоторых случаях конечная часть производящей основы (иногда равная отдельному морфему, иногда морфологически невыделимая) в производном отсутствует (так наз. усечение). С акцентологической точки зрения некоторые регулярные случаи этого типа оказываются целесообразным

³⁰ Главной основой при этом считается правая, а присоединяемой — левая.

³¹ Это, разумеется, не означает, что нужно менять трактовку этих типов производных слов в собственно морфологическом описании.

описывать в терминах замены одного суффикса другим (см. § 1.38). Акцентологическое описание через замену одной морфемы на другую применяется также для большинства неличных форм глагола.

Используемая на отдельном шагу деривации основа обычно является основой некоторого реального слова. Но возможен также случай, когда такого слова не существует; в частности, это нередко бывает с приставочно-корневыми комплексами. Например, основа слова *безлошадный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге (см. § 1.28, А), но соответствующего реального слова нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*.

При неплотном присоединении (§ 1.4) аффикса или дополнительной основы никаких изменений в акцентных свойствах главной основы не происходит; присоединенная часть может получать второстепенное ударение (но вопрос о том, когда именно это происходит, в настоящей работе не рассматривается и должен решаться обращением к словарю; см., в частности, АО и Грамм.). В дальнейшем мы рассматриваем уже только плотное присоединение.

Излагаемые ниже поэтапные правила состоят в том, что для каждого из возможных типов единичных шагов деривации указывается, как из акцентных свойств двух соединяющихся компонентов вытекают акцентные свойства полученной на этом шагу деривации основы. Исходными данными являются: для аффиксов — их маркировки; для основ — их разделение на сильные, слабые и промежуточные, для сильных также на доминантные или недоминантные (§ 1.29—30); в особых случаях используются также некоторые дополнительные сведения о производящем слове. Результатом действия правил является указание акцентного типа полученной основы (по той же классификации), для сильных основ — также места ударения внутри основы. О том, как на основании этих данных восстанавливается акцентуация всей парадигмы слова, см. § 1.18.

§ 1.33. При присоединении с л е в а образуется морфемный комплекс; его акцентуация подчиняется правилам § 1.28.

При присоединении с п р а в а, т. е. суффиксации, правила таковы. При соединении базового компонента (который, в частности, может быть равным корню) с суффиксом ударение может оказаться привязанным либо к первому, либо ко второму; выбор определяется по табл. 2.

Промежуточные по силе основы (не упомянутые в табл. 2) обладают следующими свойствами. Если суффикс содержит ←, то они ведут себя как сильные недоминантные. Если суффикс содержит ↓ или →, то их поведение определяется прагматическим фактором (§ 1.5), а именно: если производное является освоенным, они ведут себя как слабые, если неосвоенным — как сильные недоминантные (примеры см. в § 1.50).

Таблица 2
Ударение суффиксальных производных

Базовый компонент		Основная маркировка суффикса		
		с D		без D
		↓ D, → D	← D	
сильный	доминант- ный	такое соединение невозможно (§ 1.31)	ударение привязано к суффиксу	ударение привязано к базовому компоненту
	недоминант- ный			
слабый		ударение привязано к суффиксу		ударение привязано к суффиксу

Если ударение привязано к базовому компоненту, полученная производная основа сильная (ее доминантность или недоминантность такая же, как у базового компонента); место ударения внутри основы — такое же, как в базовом компоненте. Иначе говоря, в этом случае присоединение суффикса не меняет ни места ударения, ни акцентного типа производящей основы.

Если ударение привязано к суффиксу, акцентуация производной основы определяется наличием ↓, ← или → в маркировке суффикса, а именно:

при ↓ ударение падает на сам суффикс³²; производная основа сильная недоминантная;

при ← ударение падает на ближайшую к суффиксу гласную слева³³; производная основа сильная недоминантная;

при → производная основа слабая; производное слово имеет нетривиальное ударение (подробнее см. § 1.18).

§ 1.34. Если в маркировке суффикса, кроме основной части, имеется еще и дополнительная, то в полученный по общему правилу результат вносятся определенные поправки. Ниже указано, какую поправку вызывает каждый из дополнительных символов.

Init («начальное ударение»). Символ встречается только при основной маркировке ← D и вызывает ударение на начальной слоговой производной основы (вместо ближайшей к суффиксу гласной слева). Пример: суффикс *-ень* ← D Init от комплекса *пере-верт-* дает *пéревертень* (а не **перевёртень*).

Monosyll («ударение требует поправки при односложности базового компонента»): всякий недоминантный односложный базовый

³² Если суффикс двусложный — на место, куда приписана маркировка, если неполновокальный — на ближайшую к точке маркировки гласную слева.

³³ Если таковой нет — на первый слог производной основы.

компонент (не остаточный) трактуется как слабый. Пример: суффикс *-арь* (отыменный) → Monosyll от слова *пúшка* дает *пушкáрь*, *-я́* (а не **пúшкарь*); ср. *аптéкарь* от *аптéка*.

Polysyll («ударение требует поправки при неоднозначности базового компонента»): если ударение привязано к суффиксу, а базовый компонент неоднозначен (кроме случая, когда он двусложен за счет того, что корень или приставка содержит полногласное сочетание *оло, оро, еле, ере*), ударение в производной основе падает на слог левее, чем было бы без данной пометы; в частности, вместо ударения на окончаниях выступает ударение на последнем слоге основы. Пример: суффикс *-о/е* → Polysyll от слова *окно́* дает *окно́це* (а не **око́нцо*); ср. *вино́* от *вино́*.

Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности у производящего слова»): если производящее слово относится, хотя бы факультативно, к маргинально-подвижному акцентному типу, суффикс с маркировкой ↓ или ← ведет себя как при маркировке →. Пример: суффикс *-н-* (в отыменных относительных прилагательных) ← Marg от *лес* дает *лесно́й* (а не **лэ́сный*).

Triv («маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если производящее слово — это существительное маргинально-подвижного акцентного типа, имеющее в исходной словоформе ударение на основе, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при той же исходной словоформе). Одновременно помета Triv требует трактовки всех промежуточных по силе основ как сильных. С практической точки зрения, маркировка ↓ Triv дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-ов* (в притяжательных прилагательных и фамилиях) ↓ Triv от *нос*, *сблудь* дает *Нóсов*, *Гóлубев*.

Deox («флексивное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если в производном слове базовый компонент неоднозначен, а производящее слово — это существительное мужского рода флексивного акцентного типа, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при основе, равной исходной словоформе). С практической точки зрения, маркировка ↓ Deox дает в производном ударение, колонное с И. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-и-ть* ↓ Deox от слова *батра́к*, *-а́* дает *бати́рачить*, от *песóк*, *пескá* — *песóчить*.

МАРКИРОВКИ ПРИСТАВОК

§ 1.35. Приставки *вы-* и *на-* (а также *не-* в составе неопределенных и отрицательных местоимений и наречий) имеют маркировку ↓; все прочие (например, *на-*, *по-*, *пред-*, *пере-*, *не-* [обычное], *недо-*, *в-*, *с-*) имеют →.

З а м е ч а н и е. У приставок *пра-* и *су-* отмечаются следы акцентного поведения, соответствующего маркировке ↓; см. § 1.28, пункт А1.

МАРКИРОВКИ СУФФИКСОВ

§ 1.36. В приводимые ниже перечни включены простые (т. е. одноморфные) суффиксы, кроме самых редких³⁴, а также некоторые составные (многоморфные). Большая часть составных суффиксов с акцентологической точки зрения несамостоятельна, т. е. они дают в точности тот же акцентологический эффект, что и последовательность простых суффиксов, с которой они внешне совпадают. Такие составные суффиксы приравниваются в акцентологическом описании к последовательности простых и, соответственно, в списках маркировок, как правило, отсутствуют.

Омонимичные суффиксы с одинаковой маркировкой могут быть даны без разделения. Там, где омонимичные суффиксы разделены, при них даются краткие уточнения (не претендующие на строгость), предназначенные лишь для того, чтобы различить омонимы, например: «отыменное», «названия женщин» и т. п.; особо отметим, что в числе таких ярлыков возможны также пометы «исконное» и «заимствованное» (ср., например, *свин-ин-а* и *сильбор-ин-а*). Разделение на суффиксы-омонимы в ряде случаев проведено не совсем так, как принято в морфологических описаниях (но в большем соответствии с акцентными свойствами). Условная формула «все значения» охватывает как разные словообразовательные значения, передаваемые одним суффиксом, так и суффиксы-омонимы.

Суффиксы существительных для недвусмысленности приводятся вместе с окончанием И. ед., например: *-иц-а*, *-ств-о* (в мужском роде соответствующим сигналом является отсутствие правого дефиса, например: *-ик*, *-тель*); суффиксы глаголов — с инфинитивным *-ть*, например: *-а-ть*. Суффиксы прилагательных приводятся в чистом виде, например: *-н-*, *-ов-*, *-ин-*; при этом суффиксы притяжательных прилагательных отличаются тем, что не имеют правого дефиса: *-(и)ј*, *-ов*, *-ин*.

Суффиксы, как правило, даются в обычном орфографическом виде (кроме некоторых трудных случаев); при этом варьирование, связанное с твердостью—мягкостью предшествующей согласной, не отражается, например: *-ун*, *-ов-* (без упоминания о *-юн*, *-ев-*). С начальными *и*, *е*, *ѣ*, *я*, *ю* записываются только суффиксы, вызывающие смягчение предшествующей твердой согласной, например, *-иц-а*, *-ѣр*, *-ян-*.

В неодносложном самоударном суффиксе знаком ударения показана та гласная, к которой приписана маркировка суффикса (иначе говоря, гласная, которая несет ударение в случае, когда оно привязано к данному суффиксу).

³⁴ Включать суффиксы, представленные всего в одном или нескольких словах, в общий список нецелесообразно: техника маркировок в этом случае не дает в сущности никакой экономии по сравнению с прямым перечислением производных; между тем список сильно разросся бы.

Сращенные суффиксы

§ 1.37. Особую трудную проблему для акцентологического описания составляет трактовка последовательностей из двух или более суффиксов (или суффиксоподобных морфов). Следует различать морфологический и акцентологический аспекты этой проблемы.

С морфологической точки зрения различаются простой контакт двух суффиксов (например, *-ник* и *-их-а* в *двбрничиха*) и их сращение в особую морфологическую единицу (например, *-овин-а* в *клейковина*). Эта морфологическая единица рассматривается как самостоятельный суффикс, если она обладает своим особым значением, или как алломорф соответствующего простого суффикса, если она не отличается по значению от этого суффикса (ср., например, *волбвина* и *конина*). Главным морфологическим основанием для признания сращений служит невозможность предложить для слова поэтапную деривационную историю из-за отсутствия промежуточного звена (например, прилагательного **клейковбй* или **клейкбвий* для слова *клейковина*) или семантическая неестественность поэтапной деривационной истории (так, значение слов *решёние*, *спасёние* и т. д. неестественно выводить из значения страдательных причастий *решён*, *спасён* и т. д.). К сожалению, вопрос о том, следует ли трактовать некоторую цепочку морфов как сращение, не всегда простой даже применительно к отдельному слову, чрезвычайно усложняется, когда рассматривается сразу вся совокупность слов с данной цепочкой морфов. Следует ли из-за наличия бесспорно сращенного *-овин-а* в *клейковина* признавать такое же сращение также и в *белковина*, хотя здесь имеется прилагательное *белкбвий*? С практической точки зрения, оба возможных решения имеют свои преимущества и свои недостатки, и неслучайно, что практика описания здесь колеблется.

С акцентологической точки зрения тоже необходимо различать простой контакт двух суффиксов и их сращение; однако разграничение этих двух случаев часто оказывается здесь иным, чем в морфологии. Акцентологическое сращение необходимо признать, в частности, в тех случаях, где противоположная (т. е. поэтапная) трактовка предписывала бы для производных не то ударение, которое они фактически имеют. Например, ударение слов *промысловик*, *оптовик*, *порттовик*, *почтовик*, *пузовик*, *стендовик*, *плановик*, *кадровик*, *массовик* и ряда других не объясняется, если исходить из присоединения суффикса *-ик* (маркировка →) к адъективной основе с *-ов-*: в этом случае ожидалось бы **промыслбвик*, **оптбвик*, **стёндовик*, **плáновик* и т. д. Чтобы объяснить фактическое ударение, мы должны признать здесь «сращенный» суффикс *-овик* с маркировкой → *Мопосулл* и исходить из непосредственного присоединения этого суффикса к субстантивной основе (*промысл-*, *опт-* и т. д.). Заметим, что с морфологической точки зрения, напротив, специальных оснований для выделения сращенного суффикса *-овик* нет (по крайней мере, для рассмотренных здесь случаев).

Сращенные (с акцентологической точки зрения) суффиксы делятся на два типа: так наз. поглощающие и так наз. непоглощающие (имеется в виду «поглощение» или «непоглощение» сращенным суффиксом конечного суффикса исходного слова). Пусть имеется сращенный суффикс вида s_1s_2 , где s_1 и s_2 — подвергшиеся сращению суффиксы (например, *-ов-* и *-ик* в составе *-овик*). Для производных с основой вида as_1s_2 (где a — некоторая морфема или цепочка морфем) различаются два случая: 1) существует слово с основой as_1 ³⁵ (скажем, *пуховый* при *пуховик*); 2) такого слова не существует (как, например, для производного *большевик*).

П о г л о щ а ю щ и м называется такой суффикс вида s_1s_2 , который требует (для правильного предсказания акцентуации производных) разложения основ вида as_1s_2 на $a + s_1s_2$ (a не на $as_1 + s_2$, даже если слово с основой as_1 существует). Как видно из предшествующего разбора, суффикс *-овик* является именно поглощающим: он требует, например, для *пуховик* анализа *пух-* + *-овик*, а не *пухбв-* (*ый*) + *-ик*. Сращенный суффикс, не обладающий указанным свойством, называется н е п о г л о щ а ю щ и м. Практически мы будем исходить для всех непоглощающих суффиксов из того, что если слово с основой as_1 существует, то членение основы as_1s_2 на $as_1 + s_2$ является не просто возможным, а обязательным. У некоторых сращенных суффиксов поглощающий эффект есть, но не везде. Такие суффиксы в описании отнесены к тому типу, к которому они ближе, а отклонения от чистого типа отмечены.

П р и м е ч а н и е. У поглощающих сращенных суффиксов с начальным *-ов-* поглощающий эффект не распространяется на опорное *-ов-* (§ 1.27); например, *Поднепрвье* с акцентологической точки зрения представляет собой *Поднепр-ов-* + *-ье*, а не *Поднепр-* + *-ов'-ье* (в последнем случае ожидалось бы ударение **Побнепрвье*).

Заменительные суффиксы

§ 1.38. С акцентологической точки зрения (как, впрочем, и с некоторых других) целесообразно рассматривать некоторые суффиксальные производные не как результат обычного соединения основы исходного слова с суффиксом, а как результат замены одной морфемы на другую (суффикса на суффикс или окончания на суффикс). Словоформу, используемую для такой замены, можно назвать в этом случае «опорной». Примеры: суффикс *-ущ-* в *бегущий* рассматривается как заменитель окончания *-ут* в словоформе *бегут*; *-ик* в *сбчник* — как заменитель окончания *-ый* в *сбчный*; *-ец* в *гбрец* — как заменитель суффикса *-ск-* в *гбрский*.

Указанный способ включения суффикса в основу мы будем называть з а м е н и т е л ь н ы м — в отличие от обычного, или а д-

³⁵ При этом как s_1 , так и a должны быть полноценными (не остаточными); например, *сурвый*, *дешевый* (где *сур-*, *деш-* — остаточные морфы) не подходят.

д и т и в н о г о, способа. Один и тот же суффикс может употребляться в одних производных аддитивно, в других — заменительно. Ни же для краткости мы будем говорить просто об аддитивных и заменительных суффиксах, имея в виду разные способы использования одних и тех же суффиксов.

Смысл описываемой трактовки состоит в том, что она позволяет существенно упростить акцентологическое описание. Так, трактовка причастного суффикса *-ущ-* как заменительного позволяет в сущности свести его акцентологическое описание к простой отсылке (к форме 3 мн. презенса). Между тем, если рассматривать этот суффикс как аддитивный, то для правильного отображения его акцентных свойств пришлось бы усложнить сам аппарат акцентологического описания: введенной выше системы маркировок для этого было бы недостаточно. То же верно и для суффиксов ряда других неличных форм (при этом существенно, что разные суффиксы потребовали бы не одного и того же усложнения исходного аппарата, а разных). Трактовка слова *гбрец* как полученного заменительным способом из *гбрский* позволяет легко объяснить его корневое ударение, тогда как прямое соединение основы слова *горá* и суффикса *-ец* должно было бы дать **горéц* (т. е. ударение *гбрец* пришлось бы считать исключением).

Специально отметим, что для заменительных суффиксов, вообще говоря, не требуется, чтобы на сегментном уровне речь шла о простой подстановке; например, при замене *кручú* на *крутящийся* не совпадают алломорфы корня. Существенно лишь, чтобы соблюдалась акцентологическая сторона замены.

Заменительные суффиксы, как и аддитивные, могут иметь различные маркировки, а именно, ↓, ← или → (доминантных заменительных суффиксов нет). Ударение производного с заменительным суффиксом устанавливается так. Часть опорной словоформы³⁶, стоящая слева от заменяемой морфемы (например, *бег-* в *бегúт*, *гбр-* в *гбрский*), играет роль производящей основы — сильной, если ударение падает на эту часть, слабой — если оно падает правее ее. Акцентный результат ее соединения с суффиксом определяется по общему правилу (§ 1.33). Практически это значит, что если в опорном слове (словоформе) ударение стоит левее заменяемой морфемы, то в результирующем производном это ударение сохраняется (точнее: падает на тот же слог по счету от начала); в противном случае ударение определяется маркировкой суффикса.

Таким образом, заменительные суффиксы отличаются от аддитивных в сущности лишь тем, что они присоединяются не к основе исходного слова, взятой в ее обычном виде и с обычной акцентной характеристикой, а к некоторому отрезку, извлеченному из опорной словоформы, который хотя и похож на основу исходного слова (или

³⁶ Если замене подвергается суффикс, опорной считается исходная словоформа соответствующего слова, например, *гбрский*.

даже совпадает с ней), но может обладать иной акцентной характеристикой. В остальном заменительный суффикс имеет обычные свойства, определяемые его маркировкой.

СПИСКИ СУФФИКСОВ С МАРКИРОВКАМИ

§ 1.39. Суффиксы перечисляются ниже по акцентным классам, т. е. в соответствии с основной маркировкой (но самые сложные в акцентологическом отношении суффиксы выделены в особый раздел: § 1.56—69). Внутри класса отдельно даны суффиксы существительных, прилагательных, глаголов. Порядок перечисления суффиксов внутри группы — в большинстве случаев обратный алфавитный (при установлении порядка обозначения мягкости — *ь* или *'* — в расчет не принимаются).

Первичные суффиксы специально отмечены; все неотмеченные суффиксы являются вторичными. Специально отмечены также все сращенные поглощающие суффиксы (поскольку это непосредственно важно для применения акцентных правил); напротив, сращенные непоглощающие суффиксы могут никак специально не отмечаться.

Заменительное употребление суффикса вводится формулой «заменительное, вместо *X*», т. е. как замена морфемы *X*. Если не оговорено иное, то верно, что данный суффикс выступает как заменительный везде, где имеется соответствующее слово с морфемой *X*.

Ради краткости в примерах обычно не указывается производящее слово и его акцентные характеристики; предполагается, что читатель сам восстановит эту информацию. В различных списках бесприставочные глаголы представляют (если не оговорено иное) также соответствующие приставочные. В списках исключений не принимаются в расчет слова, полученные неплотным присоединением каких-либо элементов (например, *не-*, *само-*, *авто-* и т. п.) к другому слову (§ 1.4).

Маркировка суффикса непосредственно обеспечивает установление акцентуации: у существительных — во всей парадигме, у прилагательных — в полных формах, у глаголов — в инфинитиве и в прочих формах претеритной субпарадигмы. Ударение кратких форм прилагательных и презенса глаголов выводится из этих данных по общим правилам об ударении в словоизменении (см. также § 1.16—18).

Списки различного рода составлены в объеме Обр. (иногда с небольшими добавлениями из Грамм.); при этом, однако, могут быть опущены слова, зафиксированные только в БАС и/или у Ушакова, а также любые слова, имеющие во всех словарях, где они содержатся, пометы «устаревшее», «областное» или «просторечное». Сведения о степени нормативности тех или иных вариантов, как правило, даются в соответствии с Грамм.

При распределении суффиксов по акцентным классам особую трудность составляют суффиксы, для которых в зафиксированной

словарями лексике нет материала, позволяющего отличить доминантность от недоминантности. В этом случае для решения вопроса использовались потенциальные слова, т. е. проводился эксперимент по окказиональному словообразованию. Так, например, для суффикса *-оньк-а* словари дают только производные со слабым (*гольвоенька, травонька*) или с сильным конечнударным (*берёзонька, мамонька*) базовым компонентом; соответственно, маркировка здесь может быть ← или ← D. Однако эксперимент с производящими словами типа *ягода, староста* дает совершенно однозначный результат: носители русского языка либо отказываются произвести нужное слово, либо дают ударение *ягодонька, старостонька* (хотя и называют получившееся слово «искусственным», «вычурным» и т. п.); в то же время все они категорически отрицают возможность ударения **ягбдонька, *старбстонька*. Таким образом, суффикс *-оньк-а* обнаруживает свой недоминантный характер. Рассмотренный пример показывает также, что выяснение «истинной» маркировки суффикса отнюдь не является чисто формальным занятием: очевидно, что одинаковая реакция носителей русского языка отражает здесь одинаковость соответствующего морфонологического механизма, входящего в состав общего владения русским языком.

В тех случаях, когда подобный эксперимент не дает результата (например, в связи с полной непродуктивностью суффикса), двусмысленный суффикс такого рода оценивается ниже как недоминантный. Иначе говоря, мы исходим из того, что маркированным свойством, наличие которого должно быть специально доказано, является доминантность.

Доминантные суффиксы

§ 1.40. С акцентологической точки зрения, доминантные суффиксы — самые простые. Поэтому ниже мы ограничиваемся немногими примерами (даже не для всех суффиксов; слово «например» для краткости опущено); в основном даются примеры с сильным базовым компонентом, чтобы был непосредственно виден доминантный характер суффикса.

Среди доминантных суффиксов значительную часть составляют заимствованные. Они перечисляются ниже отдельно от исконных, поскольку они обладают специфическими морфонологическими свойствами, главные из которых — высокая частота соединения с остаточными базовыми компонентами (ср. *лок-а́ция, аг-энт, фен-бл* и т. п.) и особая система чередований. Соответственно, в этой сфере затруднительно провести четкую границу между полноценными суффиксами и суффиксоподобными элементами, не имеющими четкого самостоятельного значения (например, *-ус, -инг*); не вполне ясен также морфологический статус таких единиц, как *-лог, -олог, -метр, -ометр*. С точки зрения основных задач настоящей книги эта проблематика является периферийной; поэтому ниже мы не занимаемся

разбором этих сложных вопросов, а в списки заимствованных суффиксов включаем лишь бесспорные (и притом не слишком редкие) суффиксы.

Основная маркировка ↓ D

§ 1.41. Суффиксы существительных. Исконные: 1) обширная группа первичных³⁷ суффиксов экспрессивного характера, образующих существительные общего или женского рода, с общей структурой «гласная + к, г, х, ш, л' или н'»: -аг-а, -ыг-а, -яг-а, -ак-а, як-а, -ык-а, -юк-а, -ул-я, -юл-я, -ан-я, -он-я, -ун-я, -ах-а, -ох-а, -ёх-а, -ух-а, -уш-а (шапúга, работяга, забияка, капризуля, мамáня, прóйдба, нескладёта, потаскуха); сюда же -ашк-а (замарáшка, ромáшка); 2) сращенные поглощающие суффиксы -изирова-ть (первичный; идеализировать), -ирóвка (первичный; регулiróвка, перебаллотирóвка), -ирóвщик (регулiróвщик, прóектирóвщик), -овн-я (названия помещений; кожéвня, харчéвня, часóвня), -ировáл- (копирóвальный, копирóвальныйщик), -бвич (в фамилиях: Абрамóвич, Григорóвич); 3) -ей (богатéй, грамотéй), -ик-а (в названиях ягод; клубнiка, ежевiйка), неласкательное -ушк-а (первичный суффикс; погрéмушка, пóбрякúшка, кадúшка, кормúшка) и ласкательно-пренебрежительное -ушк-а (речúшка, горúшка, собачúшка, комнатúшка, сарайúшка); ср. ласкательно-почтительное -ушк-а с маркировкой ← (§ 1.53; речушка, збрушка, собáчушка, мáтушка, лебедушка); 4) -ан (великán, старикán, политикán, горлán, братán и т. д. — схема а); но отклоняются кожан, пузан (схема в), колеблется бродан (броданá || броданá). Далее, маркировку ↓ D имеют морфы -ён- (в составе -ён-ок, -ён-ыш, -ён-к-а, ср. цыганёнок, утёныш, работёнка), -ят- (в -ят-а, -ят-ин-а, -ят-н-я, -ят-ник и др., ср. страусята, медвежáтина, лягушáтник).

Доминантностью обладает также морф -и- (первичный), выступаящей в -и-л-, -и-тель и более длинных составных суффиксах (об отличии этого -и- от тематического -и- см. § 1.20); ср. мазилá, мерило, морозилка, парилка, парильня, плавильник, плавильщик, грабитель, изготовитель, ограничитель, вытрезвитель, сказитель, попечитель, превосходительство. Морф -и- участвует в образовании не только существительных, ср. гладильный, красильный, служильный, растительный, ознакомительный, действительный. Однако в современном языке еще сохраняется некоторое число слов, где данный морф ведет себя как недоминантный (т. е. в соответствии со своим древним статусом): вабильщик, слáвильщик, утюжилы-щик, -ный, пáрильщик, бáгрильщик, мёрильщик, чистильщик (но разг. чистиль-

³⁷ Примеры, доказывающие первичность (задавка, выпивка, втируша и т. п.), реально имеются не для всех суффиксов группы; но эти суффиксы столь однотипы, что естественно признать первичность свойством всей группы.

щик), *пáрилка* (технич.), *чíстилка*, *мнóжи-тель*, *-тельный*, *двi-житель*; кроме того, опростившиеся *пáвило* и *пáвильный* (ср. прозрачные по членимости *пáвило* 'ливейка', 'колодка', 'хвост у борзой' и *пáвильный* — от *пáвило* и от *пáвить*). Отметим, что во всех этих случаях исходный глагол относится к несвершенному виду; тем самым *-и-* отчасти сближается с *-им-* и *-ение* (§ 1.67).

Далее, к классу ↓ D относится большинство заимствованных суффиксов: 1) первичные³⁸ *-áциj-а*, *-йциj-а*, *-изм*, *-ист*; 2) *-ад*, *-ад-а*, *-оз*, *-áрий*, *-брий*, *-éнциj-а*, *-ал*, *-ол*, *-ин* (вещество), *-ибн*, *-онёр*, *-ир*, *-áтор*, *-йтор*, *-ур-а*, *-ис-а*, *-есс-а*, *-ат*, *-ат-а*, *-ет*, *-итёт*, *-ит*, *-ант*, *-ент*, а также ряд более редких; ср. *канализáция*, *бандитiзм*, *пушкинист*, *лимонáд*, *колоннáда*, *сценáрий*, *персона́л*, *метанóл*, *кофеи́н*, *лампи́н*, *бригади́р*, *реформáтор*, *агенту́ра*, *принцéсса*, *чемпионáт*, *генералитёт*, *банди́т*, *квартира́нт*, *рецензёнт*. Значительная часть этих суффиксов может выступать также в соединении с различными дополнительными морфами (*-из-*, *-фик-* и др.), например, *-изáциj-а*, *-фик-áциj-а*, *-из-áтор* и т. п.

Суффиксы прилагательных. Исконные: *-ав-*, *-ляв-*, *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-*³⁹, *-ин-*, *-ени-* (усилительное), *-ат-*, *-овáт-*, *-ит-*, *-ови́т-*, *-аст-*, *-уч-* (первичный суффикс), *-яч-* (отглагольное; первичный суффикс), *-яч-* (отыменное), *-уц-*, *-юц-* (усилительные), ср. *величáвый*, *костля́вый*, *малюсенький*, *здоровёхонький*, *соколи́ный*, *крыси́ный*, *лягуши́ный*, *толсте́нный*, *морда́тый*, *косма́тый*, *виги́евáтый*, *жуликовáтый*, *замысло́ватый* (от *зáмысел*), *трещи́новáтый*, *знамени́тый*, *глянце́выйтый*, *ядови́тый*, *гривáстый*, *горла́стый*, *плакучи́й*, *царапу́чий*, *вися́чий*, *доезжа́чий*, *лягуша́чий*, *здорову́чий*, *хитрю́чий*; ср. еще *сутуло́ватый*, *нарочи́тый* (с опростившимися базовыми компонентами). В случаях типа *клевё́нчатый*, *рисунча́тый*, *клетча́тый*, *весну́чатый* мы имеем дело не с *-ат-*, а с *-чат-* (маркировка ←), поскольку последнее обладает поглощающим эффектом, см. § 1.54.

Суффикс *-ив-* также имеет маркировку ↓ D (*пáвди́вый*, *плакси́вый*, *фа́льши́вый* и т. д.; сюда же *молчали́вый*, *гордели́вый*, *терпели́вый*, ср. § 1.48, о суффиксе *-лив-*); но от нее есть некоторые отступления (где сохраняется прежний недоминантный характер суффикса): *ми́лостивый*, *ю́рбдивый* (ср. нелитер. *юроди́вый*), *незлóбдивый*, также устар. *мно́го-*, *сладоглаго́бливый*. Слова на *-люби́вый* (*человеколюби́вый*, *жизнелюби́вый* и т. п.) с акцентологической точки зре-

³⁸ Заметим, что признаки первичности проявляются здесь лишь в очень слабой форме: *перереги́страция*, *передислока́ция* и т. п. (но другие приставки, кроме *пере-*, в словарях не отмечены); *отзов-йáм*, *-йст*, *уклон-йáм*, *-йст*, *наплеви́áм* (ср. *отзову́*, *уклоню́сь*, *наплеви́ть*).

³⁹ В *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-* маркировка ↓ D в сущности принадлежит морфам *-юс-*, *-ёх-* (*-ёш-*), а *-еньк-*, *-оньк-* здесь то же самое, что в § 1.54 (для полных форм) и § 1.48 (для кратких форм). Заметим, что с сильными основами эти суффиксы соединяются с трудом (ср. потенциальные *суро́вёхонек*, *красивёхонек*).

ния имеют неплотно присоединенную начальную часть. См. также выше об *-и-ль-н-*, *-и-тель-н-*.

Из числа заимствованных маркировку ↓ D имеют первые морфы в составных суффиксах *-ич-еск-*, *-ич-н-*, *-ан-ск-*, *-иан-ск-*, *-ив-н-*, *-оз-н-*, *-аль-н-*, *-абель-н-*, *-он-н-*, *-ар-н-* и некоторых более редких; ср. *мифический*, *дифтонгический*, *дипломатичный*, *республиканский*, *мальтузианский*, *спортивный*, *религиозный*, *колониальный*, *транспортбельный*, *революционный*, *дисциплинарный*. При этом суффиксы *-ич-еск-*, *-ич-н-* обладают поглощающим эффектом по отношению к суффиксам *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное): *лирический*, *лиричный* (ср. *лирик*, *лирика*), *химический* (ср. *химик*), *геральдический* (ср. *геральдика*); однако *собственнический*, *пряничный*, *уличный* (где суффиксы исконные).

Маркировку ↓ D имеют также первые морфы в *-ий-ск-*, *-ей-ск-*, *-ий-н-*, *-ей-н-*, причем они поглощают *-иж-*, *-еж-* (любого происхождения) в конце производящей основы (даже если эти *-иж-*, *-еж-* являются не полноценными суффиксами, а субморфами): *индийский*, *индейский*, *армийский*, *калийный*, *линейный*, *оружейный*, *кофейный* (ср. *Индия*, *армия*, *калий*, *линия*, *оружие*, *кофе* [или *кофей*]). Однако здесь встречаются и некоторые отклонения (только в редких, неосвоенных словах): *гравийный*, *лэзвийный*, *молнийный*, *опийный*, *кбрпийный*, *мантейный*.

Суффикс глаголов: *-а-ть* во вторичных имперфективах (после корня на гласную *-в-а-ть*; но *в* здесь естественно интерпретировать просто как консонизатор корня); ср. *изготовлять*, *осведомлять*, *умилюстивлять*, *выправлять*, *ухудшать*, *приседать*, *открывать*, *выдувать*.

Основная маркировка → D

§ 1.42. Суффиксы существительных (все исконные): *-еж*, *-ёж*, *-ј-о* (собирательное), *-няк*, *-чак*, *-н-я* (собирательное), отглагольные *-н-я*, *-овн-я*, *-отн-я* (имена действия), *-ун* (первичный суффикс), *-от-а* (отадъективное имя качества), *-ач*, *-аиш*; ср. *падёж*, *падёж*, *картёж*, *жулиганьё*, *бабё*, *хамьё*, *березняк*, *известняк*, *стульчак*, *солдатня*, *ребятня*, *мазня*, *болтовня*, *пачкотня*, *потаскун*, *царапун*, *пачкун*, *правотá*, *мерзлотá* (с более конкретным значением), *циркач*, *риф-мáч*, *мордáш*. Отклонение: *двóрня* (ср. нелитер. *дворня*).

Основная маркировка ← D

§ 1.43. Этот класс суффиксов — самый немногочисленный. Маркировку ← D в чистом виде (без пометы Init) имеют только неисконные суффиксы: *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное), *-тор*, *-сор*; ср. *евангелик*, *ишиáтик*, *догмáтик*, *аналитик*, *дистрбфик*, *периб-*

дика, симблика, топонимика, ритбрика, синтетика, архитектор, компрессор (ср. также *-атор, -итор*; слово *мотёр* нечленимо).

Маркировку ← D Init имеют первичные суффиксы (исконные): *-ень* (с беглым *e*; мужской род) и суффиксы женского рода *-'-* (условное обозначение нулевого суффикса, вызывающего смягчение последней согласной основы), *-ть, -ль, -нь*. Таким образом, основы всех производных этой группы оканчиваются на мягкую согласную (заметим, что суффиксы *-ть, -ль, -нь* в принципе можно рассматривать как составные, включающие в качестве второго элемента *-'-*). Примеры: *бивень, сквородень, баловень, колышень 'зыбь', прележень, бползень, сбитень, бборотень, перевертень*, также *pluralia tantum брédни, рбсказни, рбзвальни* и т. п.; *мблочь, пбгань, зéлень, тéмень, гбречь, мéлочь, вéтошь, рéтушь, прбрубрь, зáповедь, изгордь, пéревязь, бторопь, пéрекись, свблочь; чéтверть, пбдать, нéжить, прбпасть, зáвисть, нéнависть; пáдаль, нéвидаль, бтрасль, пбросль; рjúгань, клéпань, пристань*. Особый интерес представляют производные с заведомо именным (следовательно, доминантным) комплексом в качестве базового компонента, например: *призвостень, пбручни, нáледь, прбседь, бтмель, бзимь, бэздарь, ископытть, бэстолочь* (также *нэпогодь, нэчисть* и т. п.); *иноходь, кбновязь, рjúкопись, иконопись, сэромьять, вбдоросль*. Здесь видно, что доминантный базовый компонент совместим с доминантным суффиксом класса ← D (в отличие от суффиксов классов ↓ D и → D, см. § 1.31); при этом по общему правилу «побеждает» суффикс.

Имеются, однако, небольшие отклонения: 1) в сторону маркировки → (без D) у *-ень — слепень, плетень, переступень, копйтень, поддубень, чересседёлень*; 2) в сторону маркировки → (без D) у *-'-, -ть — постель, нашётть, напасть, гололёдь, кругоёрть, благодать, рукоять* (ср. еще опростившееся *супбнь*); 3) особое отклонение: *машинопись*.

Суффиксы с непостоянной маркировкой

§ 1.44. Некоторые доминантные суффиксы колеблются между разными классами.

У суффиксов *-ак, -як* главной является маркировка → D, ср. *рыбáк, большáк, туля́к, сибиря́к* и т. д. — схема *b*. Однако в небольшой группе слов (включающей в основном названия национальностей) мы находим здесь маркировку ↓ D: *австрия́к, поля́к, слова́к, коря́к*, кроме того, *манья́к* и заимствованные *юна́к, краковя́к* — схема *a*.

У суффикса *-аж* главной является маркировка → D Polysyll, ср. *типáж, метрáж, литрáж, монта́ж, листáж* и др. — схема *b*, но *подзалима́ж, шпиона́ж, персонáж, демонта́ж, репорта́ж* и др. — схема *a* (в силу эффекта Polysyll). Однако наряду с этим суффикс *-аж* обнаруживает также маркировку ↓ D; она выступает как

правило при неосвоенности слова. Так, в частности, слова *зондаж*, *дренаж*, *тренаж*, *барраж*, *массаж* в профессиональной речи относятся к схеме *b*, а в непрофессиональной речи (и в литературной норме) — к схеме *a*. Литературная норма закрепляет схему *a* также во словами *квиваж*, *пейзаж*, *лекаж*, *блокаж*, *кулаж*, *примаж*, *гренаж*, *тоннаж*, *увраж*, *вираж* (в фотографии), *фиксаж*, *корсаж*, *пасаж*, *плантаж*, *каптаж*, *куртаж* (во многих из них базовый компонент — остаточный); в слове *мираж* допускаются схемы *a* и *b*. Как легко видеть, в этом списке в основном представлены слова либо книжные, либо малоизвестные основной массе носителей языка, т. е. именно такие, для которых литературная норма обычно предписывает ударение, соответствующее неосвоенности.

У суффикса *-ар*, *-яр* при главной маркировке ↓ D (ср. *коммуна́р*, *эмисса́р*, *гонора́р*, *формуля́р*, *овча́р* — схема *a*) в части слов действует маркировка → D: *боча́р*, *малы́р*, *школы́р*, *стола́р* (также опротившееся *гонча́р*) — схема *b*; колеблется *гуслы́р*.

Усложненные отношения связывают суффиксы *-ёр* и *-ер* в названиях лиц и устройств (трудность в том, что безударное *-ер* в принципе можно идентифицировать как с *-ёр*, так и с *-ёр*). В тех случаях, где *-ёр* (*-ер*) является полноценным суффиксом (а не просто субморфом), имеется тенденция к следующему распределению: *-ёр* ↓ D (первичное) и *-ер* ↓ D в названиях лиц, *-ер* ← D в названиях устройств. Примеры: *улаже́р*, *боксе́р*, *шаше́р*, *билете́р*, *киоске́р*, *парламентё́р*; *костюме́р*, *легионе́р*, *миллионе́р*; *контролле́р* (прибор), *абсорбе́р*, *конверте́р*, *компы́стер*. Имеется, однако, довольно много отклонений: ср. названия устройств *тренаже́р*, *электролизе́р*, *марке́р*, *рафинё́р*, *трассе́р*, *стартё́р*, *меланже́р*, названия лиц *до́кер*, *фейерве́ркер*, *фе́рмер*, *тре́нер*, *комбайне́р* (// *комбайне́р*), *спринте́р*. Ситуация осложняется тем, что субморф (не суффикс) *-ер* (без ударения) представлен в названиях лиц весьма широко: *га́ер*, *ю́нкер*, *ма́клер*, *шу́лер*, *сна́йпер*, *ма́стер*, *ша́фер*, *ку́чер* и т. д.

§ 1.45. Сложна акцентуация суффикса *-и́-а* (не в составе *-аци́-а*, *-ици́-а*, *-ци́-а*, *-си́-а*). Здесь конкурируют две маркировки: ← D и ↓ D. Их распределение определяется несколькими факторами, главный из которых — семантический. Преобладает маркировка ← D, поэтому проще перечислить случаи, где выступает более редкая маркировка, т. е. ↓ D. Эти случаи таковы (производные с обычным и с остаточным базовым компонентом здесь и далее рассматриваются вместе).

1. Названия а) состояний (в частности, биологических, в т. ч. болезней) и свойств, б) областей практической деятельности (в частности, врачебной) — при их употреблении в профессиональной речи. Примеры: а) *невра́гия*, *аллер́гия*, *носталь́гия*, *абу́лия*, *ане́мия*, *гипертон́ия*, *истер́ия*, *эйфо́рия*, *атрофи́я*, *дистро́фия*; *синоним́ия*, *азром́ия*, *изотер́мия*, *эвфон́ия*, *энтропи́я*, *микр́ия*, также *содо́мия*, *симо́ния*, *тирани́я*, *деспоти́я*; колебание — *афа́зия*, *сим-*

*мётрия*⁴⁰, *акри́бия*; б) *хиру́ргия*, *тера́пия*, *рентге́носкопиа́*, *ветери́нария́*, *санита́рия́*, *педиат́рия́*, *фарма́ция́*; *фила́телиа́*, *телефо́нийя́*, *маркшейде́рия́*, *телегра́фия́*; колебание — *ортопе́дия́*, *металлу́ргия́*, *кулинáрия́*, *инду́стрия́*, *полигра́фия́*. Среди редких слов имеются также некоторые отклонения, но не исключено, что лексикографам просто осталось неизвестным соответствующее профессиональное ударение.

В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ← D; ср. такие общеупотребительные слова, как *меланхо́лия*, *ма́ния*, *апа́тия*, *эне́ргия*, *фанта́зия*, *гармо́ния*, *иро́ния*, *мизантро́пия*, *фила́нтро́пия*, *антипа́тия*, *симпа́тия*, *демокра́тия*, *ана́рхия*, *ине́рция*, *гастроно́мия*, *фотогра́фия* (как род занятия). Такое же ударение закреплено литературной нормой и в ряду более специальных, но все же широко известных вне профессиональной сферы слов: *агно́бия*, *эпиле́псия*, *иди́ллия*, *гегемо́ния* (ср. возможность таких ударений, как *аго́ния*, *эпиле́сия* в профессиональной речи). В то же время, например, слова *маля́рия́*, *гипертон́ия́*, *хиру́ргия́*, *тирани́я*, *деспоти́я* закреплены нормой в их профессиональном виде (несмотря на достаточную распространенность).

2. Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) *панаги́я*, *литу́ргия́*, *хирото́ния́*, *мессиа́*, *патриа́рхия́*; сюда же примыкает *вита́я*; поздние заимствования (сохраняющие иноязычное ударение) *остериа́*, *тратто́рия́*, *сенью́рия*, *синью́рия*, *жаке́рия́*. Особо стоят церковнославянизмы *лито́я*, *паремиа́* (с флексивным ударением).

В прочих случаях *-и́-а* ведет себя (за несколькими исключениями) по классу ← D. Приводим примеры по семантическим группам. Живые существа: *бе́стия*, *фу́рия*, *инфузо́рия*, *ну́трия*. Исчисляемые материальные предметы: *санда́лия*, *ма́нтя*, *каме́лия*. Территории, помещения, учреждения: *импе́рия*, *губе́рния*, *Ита́лия*, *студиа́*, *акаде́мия*, *гимна́зия*, *канцеля́рия* (исключение: *перифе́рия*). Литературные, музыкальные, графические произведения: *коме́дия*, *би́блия*, *биогра́фия*, *а́рия*, *симфо́ния*, *фотогра́фия* (предмет). События, единичные акты: *ава́рия*, *церемо́ния*, *амни́стия*, *эпиде́мия* (исключения: *перипетиа́*, *панде́мия*, *энде́мия*). Различные исчисляемые абстрактные объекты: *ли́ния*, *ста́дия*, *категориа́*, *фами́лия*, *калориа́* (исключения: *стихи́я*, *диоптра́я*). Вещества: *магне́зия*, *мате́рия*. Коллективы, собирательные понятия: *а́рмия*, *бра́тия*, *жандарме́рия*, *аристокра́тия*, *бижуте́рия*, *топонимиа́* (исключение: *буржуа́зия*). Науки, учения, теории, формы словесности: *химиа́*, *историа́*, *геоло́гия*, *астроно́мия*, *геоме́трия*, *геогра́фия*, *анато́мия*, *филосо́фия*, *космогно́бия*, *орфоэ́пия*; *рели́гия*, *теб́рия*, *страте́гия*, *поэ́зия*, *мифоло́гия*, *демаго́гия*, также *ма́гия* (исключения: *драматурги́я*, *теу́ргия*).

⁴⁰ Бытующее у математиков ударение *симме́трия* следует объяснять как результат сознательного отталкивания от распространенного в других профессиях (и в непрофессиональной сфере) ударения *симметриа́*.

Заметим, что последняя семантическая группа уже сравнительно близка к названиям областей практической деятельности (которые входят в другой акцентный класс, см. выше), поэтому здесь возможны переходные и семантически нечеткие случаи (где соответственно снижается и действенность правила). Существенно, однако, что в семантически ясных случаях акцентные различия здесь достаточно четки; ср., например, *геомётрия*, *географ́ия*, *анатом́ия* (науки) и *спиромётрия́*, *телеграф́ия*, *телефон́ия* (области практической деятельности).

Недоминантные суффиксы

§ 1.46. Недоминантные суффиксы с акцентологической точки зрения сложнее доминантных; поэтому они разбираются ниже с большей подробностью. При разборе отдельного суффикса вначале даются примеры со слабым базовым компонентом, а после тире — с сильным (если имеется соответствующий материал); доминантные базовые компоненты отличны от прочих тем, что входящий в их состав именной морфемный комплекс (получивший доминантность в силу § 1.28) выделен квадратными скобками. После формулы типа «эффект Деох» даются примеры, иллюстрирующие акцентное действие соответствующей дополнительной пометы. Слова «например», «примеры» для краткости обычно опускаются.

В списки отклонений не включаются те производные, где акцентная неправильность состоит только в нестандартном месте ударения внутри приставочно-корневого комплекса, например, *за́работка*, *рбы́грыш*, *на́бережная*; см. общий список таких слов в § 1.28, А III. Никак специально не отмечаются также производные, относящиеся к иным схемам ударения, чем *a* и *b* (например, *стрельба́*, *высота́* — схема *d*, *нвоость* — схема *e*); см. соответствующие указания в § 1.18.

Примечание. Среди отклонений от ожидаемого ударения особое место занимают случаи, когда неправильность состоит в ударении *би*, *ái*, *éи* вместо *оí*, *аí*, *еí*, например, *трби́ца*, *гнби́ще*, *на́игрыш*, *рб́игрыш*, *кле́ить*, *удв́ить*, *утр́ить*. По крайней мере часть таких отклонений с исторической точки зрения обусловлена чисто фонетическим процессом (см. § 3.2, замеч.).

Основная маркировка ↓

§ 1.47. Ниже даются примеры со слабыми и сильными базовыми компонентами; о промежуточных базовых компонентах при суффиксах класса ↓ см. § 1.50.

Суффиксы существительных.

-ай (первичный суффикс): *растегáй*, *урожа́й*, *нагоня́й*, *негодя́й*, *молочáй*; ср. после морфа *-ат-* ↓ в составе срощенного *-атай* — *соглядáтай*, *ходáтай*. Отклонения: 1) в сторону вторичности — *случáй*, *обы́чай*, *свя́чай*; 2) *полицáй*.

-ов'ј-е (поглощающий сращенный суффикс): *гнездобье, низбье, зимбье, станбье, кочевье* (относительно *Поднепрывье, средневековье* и т. п. см. § 1.37, примеч.).

-овк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53; первичный суффикс): *голодбвка, распиловка, сверловка — забегаловка, обираловка, принудилровка*. Ср. доминантное *-ировк-а*, § 1.41.

-овник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *кочевник, чайвник, солодовник, полковник, храмвник, гербвник, пихтовник, грушовник — горбховник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: 1) *дневник, баловник* (с *-ик* →); 2) *саговник, маковник, туповник* (с *-ник* ←). Прочие отклонения: *духовник, столовник, чаровник; азбуквник*.

-яник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *конопляник, ольшник, дощаник, жестяник, нефтяник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *дровяник, водяник, волосяник, торфяник* (но разг. *торфяник*), *масляник, серебряник* (все с обычным *-ик* →).

-инк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53): *вечеринка, песчинка, тропинка — завалинка*.

-ишк-а, -о: *шалуниска, пиджачишко, мелочишка, городишко, сынишка, ружьишко — [огород]ишко, [доход]ишко, человекшишка, здоровьишко, силшишка, платьишко*. Отклонение: *кафтанишко*. Особый случай: *приготовишка* (получено знаменительным способом из *приготовительный*).

-ин (сингулятивное): *господин — татарин, крестьянин, барин*. Отклонение: *простолудин* (с нарушением правила об акцентуации двукорневых комплексов).

-ин-а (исконое; все значения, кроме отадъективного имени качества), маркировка ↓, но в функции сингулятива (от неисчисляемых) — ↓ Deox. Примеры: *мужичина, осетрина, хворостина, маслина, домина, воцина — [червотбч]ина, [домоткан]ина, [развал]ина, [вмят]ина, [пощеч]ина, [окра]ина, выбоина, царпина, баранина, громадина, горбушина, старейшина, рыбаина, бспина, ягодина, всячина, пёжина*. Эффект Deox у сингулятивов: *кирпичина, чесночина, камышина, миндалина*⁴¹, также *песочина, утбчина* 'отдельная нить утка' (с нерегулярным сохранением беглого о); ср. отсутствие эффекта Deox у увеличительных, например, *кирпичина, чесночина, балычина*. Отклонения: 1) *злббина* 'цветочная пыльца', *жадина, рбдина, старина* 'былина', *лысина, бтчина* (вбтчина), *трёщина*, разг. *ббщина* (при нормативном *община*); ср. еще *рытвина*; 2) *жемчужина, стерляжжина* (последнее получено заменительным способом из *стерляжий*); 3) *старшина, купина* (о *быстринá, сединá, целинá* см. § 1.51). См. также *-овин-а, -цин-а* ниже.

⁴¹ Эффект Deox здесь не совсем устойчив: в сингулятивном значении изредка встречаются также и *камышина, кирпичина* и т. п.

Слова на -овин-а распадаются на две группы. В первую группу входят: а) названия мяса (шкуры) животного, например, *волбвина*, *бобрбвина*, *бáрсовина* (шкура); б) чистые сингулятивы, например, *ма́ковина*, *лу́ковина*; в) экспрессивные (или даже вульгарные), обычно пренебрежительные, слова со значением 'произвольный единичный предмет', например, *фигбвина*, *хренбвина*, *пустякбвина*, *чепухбвина*. В этой группе почти везде есть соответствующее прилагательное с *-ов-* (*волб́вый*, *ма́ковый*, *пустякб́вый* и т. д.); от него и образуется слово на *-овин-а* (с помощью обычного *-ин-а*). Особо стоят только *штукбвина* (слово подгруппы «в») и отчасти близкое к нему по значению слово *дикбвина*. Во вторую группу входят слова на *-овин-а* со всеми прочими значениями, например, *мочевина*, *белковина*, *шелковина*, *мешковина*, *сердцевина*, *седловина*, *котловина*, *крестовина*, *пуповина*, *половина*. Во всех этих случаях выступает поглощающий сращенный суффикс *-овин-а* ↓ Monosyll. Примеры эффекта Monosyll: *клетковина*, *клейковина*. Поглощающий характер виден, например, в словах *белковина*, *шелковина*, *крестовина*.

-цин-а (после *д*, *т* [но не *нт*] — *-чин-а*). 1. Аддитивное: *годовщина*, *дармовщина*, *штурмовщина*, *групповщина* — *митингбвщина*, *небывальщина*, также *поножбвщина*, *безотцбвщина* (с опорным *-ов-*, § 1.27). 2. Заменительное, вместо *-ск-* и *-н-*: *ямщина* — *зёмщина*, *гётманщина*, *дьявольщина*, *солдатчина*, *уголбвщина*, *кустарщина*, *воёнщина* (ср. *ямско́й*, *зёмско́й*, *гётманско́й*, *дьяво́льско́й*, *солда́тско́й*, *уголбвнн́й*, *куста́рнн́й*, *воё́ннн́й*). Особое орфографическое оформление в *немётчина*, *турётчина*. Отметим еще опростившиеся *мужщина*, *жёнщина*. Отклонения: *чертовщина*, *матерщина* (при *чертбвский*, *ма́тернн́й*).

-ын-я: *рабыня*, *богinya*, *пустыня* — *госуда́рыня*, *ба́рыня* (ср. *ба́ры*)
Отклонение: *героиня*.

-от-а (отглагольное; первичный суффикс): *потяго́та*, *ико́та*, *зево́та*. Отклонения: 1) *маета́*, *тошнота́*, *хрипотá*, *сипота́*; 2) *тя́гота*, *па́хота*.

-их-а (первичный суффикс): *облепи́ха*, *неразбери́ха*; *воробьи́ха*, *сторожи́ха*, *купчи́ха*, *портни́ха*, *слони́ха* — [*уро́д*]и́ха, *медведи́ха*, *ста́рости́ха*, *дворничи́ха*, *городничи́ха*.

-иц-а. 1. Аддитивное: *рукави́ца*, *мастери́ца*, *сестри́ца*, *волчи́ца*, *светли́ца*, *темни́ца*, *больни́ца*, *поясни́ца*, *передови́ца*, *власяни́ца* — [*разноголбс*]и́ца, [*безде́л*]и́ца, [*пересбрт*]и́ца, [*разла́д*]и́ца, [*богорбд*]и́ца, *медведи́ца*, *кни́жица*, *лече́бница*, *ко́нница*, *лу́ковица*, *се́лнтра́ница*, *пу́таница*. Слово *петли́ца* соотносится с акцентным вариантом *петля́*. Отклонения: а) *деви́ца* (ср. народно-поэт. *де́вица*), *кобыли́ца*, *стужи́ца* (но профес. *стужи́ца*), *каши́ца* 'полужидкая масса' (ср. ласкательное *ка́шица*); *гробни́ца*, *снежни́ца*, *слезни́ца*, *дойни́ца*, *колесни́ца*; *едини́ца*, *роже́нница*, *сушени́ца*; *шелкови́ца*, *свежлови́ца*, *багряни́ца*; *императри́ца*; б) *игли́ца* (растение), *верте́-*

ница (ящерица), пьяница, старица 'старое русло', ядрица; рбница, жница, вльница; особо стоят двница, трница (§ 1.46, примеч.); в) *ви́селица*.

2. Заменительное (в названиях женщин), вместо *-ец* и *-ик* (в т. ч. в составе суффиксов *-ник*, *-чик*, *-щик*): *жи́лиця*, *прово́дница*, *постави́ця* — *краса́вица*, *пра́ведница*, *зака́зчица* (ср. *жиле́ц*, *прово́дник*, *постави́к*, *краса́вец*, *пра́ведник*, *зака́зчик*).

-ниц-а (не в названиях женщин, соотносенных с производными на *-ник*, и при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-*, ср. выше): *скре́бница*, *мазница*, *возница*, *божница*, *бойница*, *зарница*, *пороховница* — *полё́нница*, *здрáвница*, *пя́тница*. Отклонения: *звбница*, *ва́рница*, *ме́льница*.

-ович ↓ Triv (в апеллятивах и отчествах): *попóвич*, *ца́ревич*, *Пе́трóвич* — *Семёнович*, *Серге́евич*; ср. доминантное *-ович* в фамилиях (§ 1.41).

-иц-а: *бороди́ца*, *ручи́ца* — *соба́чица*, *ла́пица*. Отклонение в сторону доминантности: *скульпи́ца*.

-иц-е: *городи́ще* (два омонима), *костри́ще* (два омонима), *волчи́ще*, *жи́лице* — [*убе́ж*]ище, [*сбо́р*]ище, [*побо́*]ище, [*приста́н*]ище (с консонизатором *н*), [*посме́ш*]ище, [*прбзв*]ище, *морзби́ще*, *храни́ище*. Отклонения: *чу́дище*, *то́ржище*, *кзбли́ще*, *ржа́нище*, *полотни́ще*, *йгри́ще*, *де́тище*, *пблчи́ще* (все в сторону ←); особо стоит *гнби́ще*. См. также *-биц-е*, § 1.53.

-овиц-е: *токови́ще*, *серпови́ще*, *косови́ще*. Отклонения: *чудови́ще*, *зимови́ще* (ср. еще нелитер. *станóвище* при нормативном *станóвище*).

§ 1.48. Суффиксы прилагательных.

-лив- ↓ Monosyll Deox: *бережли́вый*, *торопли́вый*, *говорли́вый*, *сиротли́вый*, *пугли́вый*, *болтли́вый*, *пытли́вый*, *сонли́вый*, *дождли́вый* — [*прожбр*]ливый, [*приверёд*]ливый, [*въёд*]ливый, [*пня́т*]ливый, [*насмеш*]ливый, [*засуш*]ливый, *талантли́вый*, *конфу́зливый*, *соба́чливый*. Эффект Monosyll: *драчли́вый*, *счастли́вый* (ср. ниже), *бури́вый* (если связывать это слово с *бу́ря*). Эффект Deox: *чудачли́вый*. В ряде случаев слово с *-лив-* можно соотносить как с глаголом, так и с существительным. С акцентной точки зрения это безразлично; например, ударение слов *шкодли́вый*, *сварли́вый*, *дура́чливый* (*дура́шливый*), *жура́чливый* регулярно при соотношении их как с глаголами (что предпочтительно), так и с существительными (в последнем случае действуют характеристики Monosyll и Deox). Особые случаи: в нескольких словах произошло опрошение базового компонента, приведшее к потере им доминантности: *счастли́вый* (ср. сохранение старого ударения в кратких формах: *сча́стлив*, *-а*), *скупли́вый*, *сметли́вый* (устар. *сметли́вый*), *смазли́вый*, *спотыкли́вый*; также *особли́вый*, *справедли́вый*, *прозорли́вый* (где вдобавок суффикс *-лив-* ведет себя как доминантный). Прочие особые случаи: *выно́сливый*, *зави́стливый*, *боязли́вый*, *шаловли́вый*; колебание: *вью́жливый*. Отметим еще *вёжли́вый* (с остаточным базовым компонентом). В словах *молчали́вый*, *тер-*

пелёвый, горделивый правильнее усматривать не *-лив-*, а суффикс *-ив-* после консонизатора *л*.

-чив-: *бранчивый* — [сговóр]чивый, [влóб]чивый, [восприím]чивый, [ужíв]чивый.

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): *отцóв, попóв, Петухóв* — *пल्याнников, Семёнов, Солнцев*. Эффект Triv: *чёртов, Гúсев, Гóлубев, Раков, Дьяконов*.

Примечание. В фамилиях на *-иков* это *-иков* в большинстве случаев функционирует как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой ←, например: *Стáриков, Гбликов, Нбвиков, Ббликов, Крúгликов* (однако, например, *Городовикóв*).

-ének (после *к, г, х -óнек*; вторая гласная беглая), производное имеет только краткие формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *тяжелének, слабének, великóнек, строгóнек* — *тяжелётóнек, радёшенек* (после морфов *-ёх-, -ёш-* ↓ D, см. сноску 39). С сильными основами (без дополнительных *-ёх-, -ёш-*) суффикс не соединяется.

-ок-: только *далёкий, глубóкий, высóкий, ширóкий, одинокóй*.

-овск- ↓ Triv (кроме семантической группы «отрицательных действий типа колдовства, плутовства, хвастовства», см. § 1.52): *толстóвский* — *бúндóвский, мэртóвский, августóвский* (ударение *августóвский* устарело).

-ом- (причастия, прилагательные со значением потенциальности; первичный суффикс): *ведóмый, несóмый* — *колéблемый, читáемый, несгорáемый*.

-овн- ↓ Monosyll: *плачéвный, санóвный, духóвный* (относительно *безгребóвный* и т. п. см. § 1.37, примеч.). Отклонение: *дневной*.

-ённ- (причастия; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ит* в 3 ед. презенса (у *i*-глаголов) или вместо *-ла* в ед. жен. прош. времени (у *C*-корневых глаголов)⁴²: *процённый, закалённый* — *зажáренный, избóшенный* (ср. *простít, закалít, зажáрит, избóсит*); *сплетённый, учтённый* — *украдённый, пострíженный* (ср. *сплелá, учлá, укрáла, пострíгла*). У *i*-глаголов имеется, однако, довольно значительное число отклонений. Причастия с «незаконным» ударением *-ённ-ый* имеют глаголы схемы *с*: *делítь, -менítь, ценítь, клонítь, крестítь* и все их приставочные производные; *влóбítь, осадítь* (из раствора), *об-, при-, о-судítь, восхвалítь, умолítь, преломítь, под-, по-дразнítь, пере-, вз-бесítь*; факультативно также глаголы на *-манítь, за-, пере-дразнítь, иссушítь*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *с//b*) имеют *-дружítь, белítь, шевелítь, селítь, -слонítь* и производные, также *осадítь* (город), *вспойтть, поглóтитть*. Примеры: *разделённый, наклонённый, посёлённый* (ср. *раздёлит, наклбнит, посёлит*). Особое отклонение

⁴² У немногочисленных *ё*-глаголов, использующих данный суффикс, ударение корневое, например, *видённый, просíженный, провёрченый*.

составляют причастия *при-*, *по-*нуждѣнный, *осведомлѣнный* (//*освѣдомлѣнный*) от глаголов схемы *а*. Отметим, что существенная часть перечисленных здесь глаголов (например, *умолить*, *преломить*, *иссужить*) имеет книжный оттенок, ср. в этом отношении также *-жд-* и *-щ-* в *осаждѣнный*, *осуждѣнный*, *поглощѣнный*. Противоположные отклонение (причастие с корневым ударением) имеют глаголы схемы *б*: *трубить*, *кроить*, *зубрить* 'делать зазубрины', *трусить* 'сыпать', *цветить*, *торочить* и все их производные, также *за-*, *про-*, *ис-*следить, *раз-*, *с-*жидить, *под-*, *раз-*зудить, *сболтить*, *за-*, *пере-*, *раз-*, *по-*золотить; факультативно также *-редить*, *затвердить*, *раз-*, *по-*громить, *раздвойть*, *строить*, *пере-*, *с-*, *рас-*, *ис-*косить 'искривить', *гатить* (и производные), *изрежетить*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *б*//*с*) имеют *городить*, *скоблить*, *солить*, *дойть*, *зубрить* 'учить', *винтить*, *строчить*, *сучить* и все их производные, *пере-*, *по-*, *от-*лудить, *перетрудить*, *рядить* 'нанимать', *по-*, *про-*кружить, *пойть* (и производные, кроме *на-*, *вс-*), *вз-*, *про-*, *от-*мутить. Примеры: *скрбѣнный*, *позолбѣнный*, *огорбѣженный* (ср. *скроить*, *позолотить*, *огорбѣть*). В этой группе господствуют глаголы, вполне обычные в разговорной речи; значительная их часть имеет технический характер.

-ѣн- (отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Замечательное, вместо тех же форм, что для *-ѣнн-* (см. выше): *процѣнный*, *жалѣнный*, *плетѣнный* — *жабренный*, *нбшѣнный*, *крабѣнный*, *стрижѣнный*. Таким образом, если бы не было отклонений, *-ѣн-* всегда давало бы тот же эффект, что *-ѣнн-*. Однако отклонения от правила для этих двух суффиксов не совпадают; вдобавок, *-ен-* выступает, как правило, при бесприставочных основах, тогда как *-енн-*, напротив, соединяется с ними с большим трудом. Отсюда необходимость раздельного разбора. «Незаконное» ударение *-ѣн-ый* представлено при основах *посаж-*, *цѣж-*, *грузж-*, *хвал-*, *бел-*, *пил-*, *топл-*, *чин-*, *вар-*, *дар-*, *моч-*, *точ-*, *уч-*, *круч-*, *гаш-*, *душ-*, *суш-*, *туш-*, *крещ-*; также *дож-*, *пож-*, *сол-*, *мор-* (где в презенсе колебание), *клеж-*, *смышл-* (в презенсе схема *а*); примеры: *посажѣнный*, *варѣнный*, *солѣнный*. От *хоблить* возможно *хоблѣнный* и *холѣнный*. Противоположного отклонения в чистом виде нет; отметим *прядѣнный*, *сѣчѣнный* (при колебании *прядлѣ*, *сѣклѣ*). Не имеют прямой связи с глаголом *студѣнный*, *червлѣнный*, *рифлѣнный*, *мудрѣнный*, *ядрѣнный*.

-ист- ↓ Деох (кроме терминов со значением 'содержащий соответствующее вещество', см. § 1.54): *волокнуистый*, *голосистый*, *золотистый*, *змеистый*, *лесистый*, *машиистый*, *неказистый* — [*убор*]истый, [*залѣв*]истый, [*извѣл*]истый, [*размѣш*]истый, [*разлѣп*]истый, *болбтистый*, *мозблтистый*, *жѣлистый*, *пѣнистый*. Эффект Деох: *пузыристый*, *пупыристый*, *творбжистый* (от *творбж*, *-ѣ*). Отклонения: 1) *фразистый*, *искристый*, *шелковистый*, также *сноровистый* (но чаще акцентно регулярное *снорбвистый*); 2) *крѣжистый*, *пѣристый*, *ячѣистый*.

-ейш-, -айш-. 1. Заменительное, вместо *-еј(е)* в компаративе (только для алломорфа *-ейш-*): *тяжелѣйший, белѣйший, древнѣйший* — [*разнообráз*]нейший, свирѣпейший, красивейший. 2. Аддитивное: *широча́йший, крѣтча́йший, чистѣйший, малѣйший*. Отклонение: *богате́йший*.

-ущ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ут* в 3 мн. презенса: *сосѹщий, бѣгѹщий, загребѹщий* — *пишущий, чита́ющий*. Отклонение: *могѹщий* (ссюда же *всемогѹщий*); ср. разг. *мбгущий*. Аддитивное употребление в *завидѹщий, плодѹщий, имѹщий*; также *сведѹщий, всеведѹщий* (с формально неправильным корневым ударением).

-ящ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *крутящий, носящий, свистящий* — *пра́вящий, конфѹзѹющий*. В современном языке, однако, наблюдается сильная тенденция к тому, чтобы акцентологически трактовать *-ящ-* так же, как *-ущ-*, т. е. и здесь ориентировать ударение (по крайней мере у невозвратных глаголов) на 3 мн. презенса, а не на 1 ед. Различие затрагивает, естественно, только глаголы схемы *с*. Так, по Грамм., у невозвратных глаголов ударение типа *любящий* (ср. *люблю́, любя́т*) постоянно представлено при основах *губ-, руб-, люб-, служ-, пил-, жен-, цен-, чин-, леп-, луп-, черт-, леч-, моч-, уч-, душ-, суш-, тлуш-, тащ-, терп-, дыш-*, факультативно также при *дав-⁴³, цед-, суд-, друж-, туж-, вал-, хвал-, бел-, дел-, дразн-, коп-, вар-, гас-, бес-*. У возвратных глаголов ударения типа *жѣнящийся* представлены гораздо ѹже (при *руб-, жен-, цен-, леп-, леч-, суш-*, факультативно также *лен-, душ-, тащ-*). Следует учитывать, однако, что приведенный список в значительной мере условен, поскольку в живой речи (в т. ч. литературной) в этом классе причастий колебания наблюдаются очень широко. При колебаниях, как правило, корневое ударение (*гася́щий, ва́рящий* и т. д.) имеет более разговорную окраску, суффиксальное (*гасѹ́щий, ва́рящий* и т. д.) — более книжную. В ряде случаев корневое ударение воспринимается как чисто причастное, суффиксальное — как соответствующее адъективированному употреблению (ср. *да́вящий* и *давѹ́щий*).

К настоящей группе примыкают также суффиксы компаратива и деепричастия презенса.

-еј(е): *тяжелѣе, холоднѣе, белѣе, вернѣе* — [*разнообráз*]нее; *свирѣнее, сурбее, красивее, цветѣстее*. Отклонения: 1) *здоровѣе* (в прямом значении), *розовѣе, лиловѣе* (ср. также нелитер. *красивѣе*); 2) *рослѣе, древнѣе, сноснѣе, срочнѣе, хищнѣе, дельнѣе* (данная группа очерчена нестрого, поскольку у этих и ряда других прилагательных с односложной основой ударение в краткой форме жен. рода фактически неустойчиво).

⁴³ Но только суффиксальное ударение в *давѹ́щий* 'мрачный, тяжелый'.

-я (первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *неся́, бормоча́, свистя́, любя́ — чита́я, ве́ря*. Отклонения: *ле́жа, сто́я, си́дя, гля́дя* (деепричастия и наречия); также чистые наречия *мб́лча, не́хотя, за́годя, пб́ходя*, сложные предлоги *су́дя по, гля́дя по*.

§ 1.49. Суффиксы глаголов.

-а-ть (отыменное; первичный суффикс): *холода́ть, козыря́ть, захо́мута́ть, велича́ть, листа́ть, серча́ть, ветша́ть — за́втрака́ть, обеда́ть, у́жина́ть, ла́пать*. Отклонения: 1) в сторону доминантности — *сквита́ть, фигу́рять, пуля́ть* (*пеня́ть* семантически оторвалось от *пéня*; *петля́ть* соотносено с ударением *петля́*); 2) *опоя́сать*.

-е-ть (первичный суффикс): *голубе́ть, тяжеле́ть, осатане́ть, трезве́ть, темне́ть, вдове́ть, глаза́ть — о[безлю́д]е́ть, о[безголо́с]е́ть, о[полоу́ж]е́ть, о[беспа́мят]е́ть, парши́веть, посерьёзне́ть*. Отклонения: 1) *здорове́ть, свирепе́ть, богате́ть, обревесне́ть, осточерте́ть*, ср. также *запеча́тле́ть*; отметим разг. *ржаве́ть* при нормативном *ржа́веть*; 2) *обе́трать, проясне́ть* (о погоде), *обу́трать*.

-ове́-ть ↓ Monosyll, **-ене́-ть** (**-яне́-ть**) ↓ Monosyll (первичные поглощающие сращенные суффиксы): *розове́ть, багрове́ть, заглянце́веть, столбене́ть, стержене́ть, оцепене́ть, деревяне́ть, багряне́ть, пламене́ть — коры́чневеть, береме́неть*. Отклонения: *ялове́ть, плёсневеть, индеветь* (но разг. *плесне́веть, инде́веть*), *махро́веть*. Отметим еще *лилове́ть*, но *сурове́ть* (слова с остаточными выделяемыми корнями).

-ну-ть (не выпадающее в прош. времени) со значением однократного действия. Заменительное, вместо *-а-ть, -и-ть*. Суффикс выступает как заменительный там, где есть соответствующий бесприставочный глагол на *-ать* или *-ить*, причем с той же, что и при *-нуть*, гласной в корне⁴⁴ (таким образом, в приставочном глаголе на *-нуть* приставка должна не приниматься во внимание). Примеры: *пры́гну-ть* (также *подпры́гну-ть* и т. д.), *де́рнуть, кли́кнуть, трб́нуть, тб́ннуть, хле́бну́ть, пугну́ть, ны́рну́ть, ма́хну́ть, пальну́ть* (ср. *пры́гать, де́ргать, кли́кать, пры́гать, тб́пать, хлеба́ть, пуга́ть, ны́рять, ма́хать, пали́ть*). Отклонения: 1) *ма́зну́ть, ре́зну́ть, вспла́кнү́ть, сы́пнү́ть* (ср. *ма́зать, ре́зать, пла́кать, сы́пать*⁴⁵); 2) *шмы́гну́ть, ю́ркнү́ть, черпну́ть* (*при*)*хва́стнү́ть, ню́жнү́ть, стру́жнү́ть* (ср. *шмы́гать, ю́ркать, че́рпать* [но разг. *черпа́ть*], *хва́стать, ню́хать, тру́сить*); 3) *ки́нуть* (ср. *кида́ть*).

Примечание. Глаголы на *-нуть*, образованные от *ѣ*-глаголов, в отличие от рассмотренных выше, обычно не сохраняют ударения исходного глагола, а именно, при *ѣ*-глаголах на *-е́ть, -а́ть* глагол на *-нуть* имеет корневое ударение, например: *сту́кнуть, бу́ркнуть, ви́знуть, дро́гнуть, кри́кнуть, пис́кнуть, скри́пнуть, хри́стнуть, сви́стнуть* (при *стуча́ть, бур-*

⁴⁴ Соответственно, пары *су́нуть—сова́ть, кля́нуть—клева́ть, плб́нуть—плева́ть, разй́нуть—разева́ть* сюда не относятся.

⁴⁵ Эта группа отклонений охватывает все производные на *-нуть* от *а*-глаголов с ударным корнем, не имеющих параллельных вариантов по *а**1*-типу; ср. еще окказиональные *лайну́ть, влайну́ть* от *ла́ять*.

чатъ, визжатъ, дрожатъ, кричатъ, пищатъ, скрипѣтъ, хрустѣтъ, свистѣтъ). Иначе акцентованы только *блестнѣтъ, шумнѣтъ, гуднѣтъ, всхрапнѣтъ, дыжнѣтъ* (при *блестѣтъ, шумѣтъ, гудѣтъ, храпѣтъ, дышатъ*); более отдаленно связаны *вернѣтъ* и *вертѣтъ*. В части приведенных случаев глагол на *-нѣтъ* соотносен одновременно с *ѣ*-глаголом и *а*-глаголом, ср. *стѣкнутъ* — *стучатъ* и *стукать*.

§ 1.50. При промежуточном по силе базовом компоненте у слов с суффиксом класса ↓ ударение, как указано в § 1.33, определяется прагматическим фактором ⁴⁶.

В освоенных словах промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый. Примеры ⁴⁷: 1) «группа *рак*» — *перчѣнка; бра-тѣшка, трусѣшка, зайчѣшка, фрачѣшка, мыслѣшка; плешѣна; гра-фѣйна* (с нерегулярным смягчением ф); *трусѣа, франтѣша, рысѣа, зайчѣа, крольчѣа* ⁴⁸; *гранѣца, тигрѣца; воинѣца, тигрѣце, рачѣце; статѣистѣй; заштилѣтъ, хамѣтъ*; 2) «группы *буйвол, якорь*» — *са-харѣнка; кофейшко, месячѣшко, жебелѣшка; пестрядѣна, лососѣна* (в соответствии с вариантом *лбсось*), *парусѣна, образѣна; герцогѣня; цеголѣа, соколѣа; цесарѣвич; пепелѣце, голенѣце; молотовѣце; прихотлѣивѣй, похотлѣивѣй; студенѣистѣй, каменѣистѣй; пуделѣтъ, цеголѣтъ* (заметим, впрочем, что для части приведенных слов такое ударение является достаточно старым).

Прямыми исключениями (где, несмотря на достоячую освоенность, сохраняется традиционное ударение на базовом компоненте) здесь можно считать: 1) *гѣдина, гѣд-ина, -инка, крѣп-ина, -инка, рѣс-ина, -инка, шкѣблѣистѣй, ѣлистѣй, ѣнистѣй, гнѣватьсѣя*; 2) *бѣсер-ина, -инка, мѣлостѣня, ѣщерица, лбговице, тѣловице, свѣстлѣивѣй, жѣлостлѣивѣй, пѣмѣтлѣивѣй*. В ряде случаев конкурируют два акцентных варианта, причем ударение, соответствующее освоенности, носит более разговорный (или даже просторечный) характер. Примеры: разговорные *буйволѣца, дяволѣца, мускулѣистѣй, сахарѣистѣй*, нелитературные *месячѣна, инокѣня*, при нормативных *бѣволица, дяволица, мѣскулѣистѣй, сахарѣистѣй, мѣсячина, инокѣня*, ср. также разг. *плѣснѣвѣтъ, индѣвѣтъ*, отмеченные в § 1.49. Просторечное суффиксальное ударение иногда встречается даже в некоторых словах, отнесенных выше к исключениям (например, просторечн. *пѣмѣтлѣивѣй*).

При неосвоенности промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный. Такое ударение достаточно прочно удерживается за устаревшими, книжными и т. п. словами (например, *дѣдина, хрѣ-мина, дяконѣца, сбнмице, ѣдолице*); оно зафиксировано литературной нормой также за большинством редких и узкоспециальных слов

⁴⁶ Кроме случаев, когда промежуточный базовый компонент подпадает под действие пометы *МоросуII* или *Тгив* при суффиксе (а именно, *МоросуII* превращает основы «группы *рак*» в слабые, *Тгив* превращает все промежуточные основы в сильные). Такие случаи вошли выше в основную часть разбора.

⁴⁷ В списки примеров здесь и ниже включено большинство реально употребительных слов соответствующих категорий.

⁴⁸ Ввиду односложности базового компонента *крольч-* это слово акцентно правильно, хотя оно и нерегулярно соотносится с основной *кролик-*.

(например, *палтусина*, *членистый*, *шрамистый*, *лаистый*). Характерно, что книжное слово *благостыня*, для которого нормой является древнее ударение, люди, недостаточно знакомые с этим словом, произносят как *благостыня*.

Основная маркировка →

§ 1.51. Суффиксы существительных.

-ба: *городьба*, *ворожьба*, *мольба*, *резьба* — [*уцадь*]ба, *женитьба*, *семитьба* (два последних с консонизатором основы *т*). Отклонения: 1) в сторону первичности — *похвальба*; 2) *служба*, *дружба*, *тяжба*, *свадьба*, *пробьба*.

-je⁴⁹ → Monosyll (не собирательное), в т. ч. в составе имен действия на *-тье*, *-нье* (кроме *-енье*, о котором см. § 1.67); *косьё* 'косовище', *бильё*, *мытьё*, *жильё* — [*богомбл*]ье, [*челобйт*]ье, [*двоеббр*]ье, [*отрбд*]ье, [*раздум*]ье, [*изгоблв*]ье, [*взббр*]ье, [*перепут*]ье, *купанье*, *здоровье*. Эффект Monosyll: *жнивье*, *спанье*, *вранье*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *забытьё*, устар. *прожитьё*; 2) *суровё* 'суровая ткань', *колотьё* и *кблотье* (наряду с *колбтьё*); 3) *веселье*, *устье* (ср. также опростившиеся *платье*, *зелье*). См. также *-ов'j-е*, § 1.47.

-ик (отадъективное). Заменительное, вместо окончания (*-ый*, *-ий*, *-ой*) в исходной форме соответствующего прилагательного (или причастия): *коренник*, *крепостник*, *штрафник*, *тупик* — [*толстолб*]ик, [*подснэж*]ник, *волосатик*, *головастик*, *дымник*, *ымник*, *сбчник*, *пильник*, *рйжик*, *чйстик*, *воспнтанник*, *отпущенник*, *пўтаник*, *мўченик*, *варёник* (от *варёный*), *вечёрник*, *зймник*. Слова *временник*, *мелочник*, *материк* соотносятся с ударениями *временной*, *мелочной*, *матерой*. Особый случай составляют производные от числительных на *-еро*: *четверик*, *пятерик* и т. д.; здесь опорными являются словоформы косвенных падежей исходных слов (*четверьх*, *пятерьх*), поскольку И. ед. на *-ый* нет. Отклонения: 1) *новик*, *малик*, *целик*, *голик*, *старик*, *частик*; *кравик* (||*кравик*), *ученик*; 2) *посланнык*, *изгнанник*, *избранник*. Кроме того, см. список слов с «незаконным» ударением *-ник* в разборе суффикса *-ник* (§ 1.53). См. также *-овик* ниже, *-ник* (§ 1.53), *-овник* (§ 1.47), *-яник* (§ 1.47), *-чик* (§ 1.53), *-щик*, *-овщик* (§ 1.68).

-овик → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *передовик*, *промысловик*, *фронтовик*, *портовик*, *пуховик*, *змеевик* — [*подосин*]овик, *горбховик* (см. об этом суффиксе также § 1.37). Эффект Monosyll: *биржевик*, *гиревик*, *массовик*, *почтовик*, *плановик*, *стендовик*, *большевик*, *меньшевик*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *рублёвик*, *целкбвик*, *грэчневик*, *ячневик*, *настовик*.

⁴⁹ Не смешивать с алломорфом *-иj-е* (§ 1.53).

-ок (с беглым *о*; все значения): *кулачо́к, узело́к, голу́бок, повребо́к, ды́мок, желто́к, бросо́к, плевко́к, витко́к* — [*первопу́т*]о́к, [*саморбо́д*]о́к, [*набрсо́*]о́к, [*сви́т*]о́к, [*зада́т*]о́к, [*напи́т*]о́к, [*сни́м*]о́к, [*недоу́м*]о́к, [*отго́лос*]о́к, [*перелёс*]о́к, *фа́ртучек, овра́жек, оре́шек, бара́шек*. Если, однако, суффикс **-ок** присоединяется к слову, уже оканчивающемуся на **-ок** (с беглым *о*), происходит эффект Деох: *кусо́чек, зво́нбoчек, мо́лобoчек* (от *кусо́к, кусо́к* и т. д.). Отклонения в сторону первичности: *попла́вок, помазо́к, погребо́к, позвонко́к, завитко́к, подда́вки* (ср. также опростившееся *смычо́к*).

П р и м е ч а н и е. В уменьшительном значении суффикс **-ок** несоединим с сильным базовым компонентом, кроме случая, когда он оканчивается на шипящую (что практически возможно только при исходном слове на *к, г, х*, а также *н*, см. примеры выше). В других значениях этого ограничения нет.

Уменьшительное **-ок** часто выступает при промежуточном базовом компоненте. В силу особенности, указанной в примечании, у слов не на *к, г, х* такое производное, если оно вообще образуется, имеет ударение **-о́к**: *клено́к, свато́к, брато́к, сахаро́к, юморо́к, швото́к, запашо́к, адресо́к, якорё́к, флигелё́к* и т. п.; также *рачо́к, слушо́к*, но *вну́чек* или *внучо́к*.

-изн-а → Polysyll (первичный суффикс): *новизна́, белизна́, прямизна́*. Эффект Polysyll: *дешевизна́, дороговизна́, укоризна́*. Отклонения: 1) *головизна́, отчизна́*, 2) *голубизна́*.

-ин-а (отадъективное имя качества): *величина́, тишина́, ширина́, желти́на — суту́лина*. Акцентологически сюда же относятся *седина́, быстри́на, цели́на*, имеющие более конкретные значения.

-арь → Monosyll (отыменное): *золота́рь, глава́рь, дика́рь, суха́рь* — [*виногра́д*]а́рь, *библиотéкарь, апте́карь*. Эффект Monosyll: *буква́рь, волга́рь, штука́рь, пушка́рь, почта́рь*. Отклонения: *мы́тарь, кю́харь* (эти слова примкнули к отглагольным производным с **-арь**, § 1.53); *ры́барь*. Слова *календа́рь, секрета́рь* синхронически уже не связаны с *календы́, секрет*.

-ц-а (после сочетания «согласная + л или р» — *еу-а*): *хрипо́тица́, крепосто́ца, зелено́ца, пы́льца, трусо́ца, нагле́ца, хитре́ца* (ср. *памя́тица́*, при промежуточном базовом компоненте) — [*уби́й*]и́ца, [*пропо́й*]и́ца, [*прохла́д*]и́ца, *ехи́ца, шпёрца*. Отклонение: *двёрца* (ср. также опростившееся *мы́шца*).

-ц-о/е → Polysyll: *слово́ц, мясо́ц, дряно́ц, вино́ц, сельцо́ — одея́льце, колен́це, болото́це, са́льце*. Эффект Polysyll: *веретёнце, волоко́бце, око́бце, седельце*. Отклонения: 1) *дёлце, тёлце, дбнце*; 2) эффект Polysyll неустойчив в *реши́тце* // *решето́ц, долото́це* // *долото́ц*; 3) *зёркальце, зóлотце* (т. е. эффект Triv), также *дере́вце* // *дерево́ц, кру́жевце* // *кружево́ц*; 4) *озерцо́*.

-еу-о/и-ц-е (алломорф предыдущего суффикса, выступающий после сочетания согласных; различие *еу/иц* — чисто орфографическое):

письмецо́, ружьецо́, пальтецо́, серебрецо́ — строёныице, назва́ныице, пла́тыице, кресли́це. Отклонение: *ма́слице.*

*-ец*⁵⁰ (не уменьшительное). 1. Аддитивное (маркировка → Monosyll): *плаву́нец, холоде́ц, образе́ц, погребе́ц, дворе́ц, юне́ц, лове́ц, резе́ц, жиле́ц, певе́ц — [песнопев]ец, [заимодав]ец, [честолюб]ец, [голодрán]ец, [оборван]ец, [повстан]ец, [прише́л]ец, лука́вец, скита́лец, корми́лец, румя́нец.* Эффект Monosyll: *рыбе́ц, стерже́ц, шельме́ц, бегле́ц, исте́ц.* Отклонения: 1) в сторону первичности — *продаве́ц* (при правильных *книгопродáвец, христопродáвец*), *поставе́ц, изразе́ц, сорване́ц, остане́ц*, устар. *пришле́ц*; 2) *студене́ц, варене́ц, ме́чкладене́ц*; 3) *ли́пец* (мед), *ста́рец, ма́лец, шпобре́ц*, народно-поэт. *молоде́ц* (слова *па́лец, нёмец, сла́нец, а́гнец* и т. п. синхронически уже не являются производными).

2. Заменительное (маркировка →), вместо *-ск-* и вместо *-иј-* в составе *-ениј-е*; *-ец* используется заменительно везде, где есть хотя бы одно из указанных опорных производных (между собой они акцентно не расходятся), кроме слов *са́женец, варене́ц, отверже́нец*, которые образованы от причастий. Примеры: *доне́ц — гбре́ц, думе́ц, толстове́ц, кантиа́нец* (ср. *донско́й, го́рский* и т. д.); *иждиве́нец, выдвиге́нец, ополче́нец* (ср. *иждиве́ние* и т. д.); также *парті́ец* (заменительно от *парті́йный*).

-ич: *костромі́ч, москвѣ́ч, тверѣ́ч* (ср. *в Тверѣ́*), *Фомі́ч — [сорбд]ич, [собтч]ич, шля́хтич, ба́рич* (ср. *ба́ры, вяза́мич, Никі́тич*). Ср. также *псковѣ́ч, довоѣ́ч* (промежуточный базовый компонент). Отклонения: *робѣ́ч, кня́жич*. См. также *-ович*, § 1.47.

-ыш: *короты́ш, малы́ш, голы́ш, глупы́ш, крепы́ш — [зарбд]ыш, [екла́д]ыш, [оборв]ыш, вы́кидыш, вы́игрыш, пога́ныш, несмышле́ныш, ду́тыш.* Отклонения: *ка́тыш, гла́дыш, найдёныш* (отпричастное).

§ 1.52. Суффиксы прилагательных.

-ин (фамилии; в число прилагательных помещены условно): *Кочерги́н, Боро́дин, Ильи́н, Зимѣ́н, Ногѣ́н — Коровѣ́н, Ла́пин, Воло́дин* (ср. *-ин* в притяжательных прилагательных, § 1.54). Имеется, однако, довольно много отклонений в сторону маркировки ←. Помимо *Губѣ́н, Стру́нин, Сы́тин*, где с исторической точки зрения просто сохраняется старое ударение, таковы, например: *Вдобѣ́н, Дудѣ́н, Кобѣ́н, Сжбы́н, Стрѣ́лин, Тра́вин, Старѣ́нин* (исчерпывающий список здесь нереален).

-овск- → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс). С такой маркировкой *-овск-* выступает только в семантической группе «отрицательных действий (или качеств) типа колдовства, плутовства, хвастовства» (ср. обычное *-овск-*, § 1.48). Перечислим все входящие в эту группу слова с *-овск-* (а также с *-овств-о*, которое связано

⁵⁰ После сочетания согласных *е* устойчивое (*мудре́ц, мудреца́*), в прочих случаях беглое.

с *-овск-* отношениями замены): *колдов-скбй, -ствб, ведьмов-скбй, -ствб, ведов-скбй, -ствб, воров-скбй, -ствб, плутов-скбй, -ствб, шельмов-скбй, -ствб, бунтовскбй, баловствб* (ср. также акцентно сходное *баловнбй*), *шуттов-скбй, -ствб, хвостов-скбй, -ствб, мотов-скбй, -ствб, фатов-скбй, -ствб, франтов-скбй, -ствб*. В современном языке имеет отрицательную окраску и тем самым примыкает к данной группе также *кумов-скбй, -ствб*. Обособленно стоит *сватов-скбй, -ствб* (не имеющее отрицательной окраски), но оно семантически связано с *кумовствб*. Акцентные исключения: *чертовский, бесовский*. Характерно, что примерно при половине слов данной группы имеются также глаголы на *-овать*: *колдовать, ведьмовать, воровать, плутовать, бунтовать, баловать*. Других слов на суффиксальные *-овск-бй, -овств-б*, кроме перечисленных выше, в русском языке нет. Таким образом, единая акцентная структура всех слов данной группы отчетливо ассоциируется с указанным кругом значений (ср. в этом отношении окказиональные образования вроде *куроовствб*). Примечательно, что у нескольких слов со сходным значением, имеющих неодносложный базовый компонент, требуемая акцентная структура достигается за счет отсутствия морфа *-ов-*: *волшебствб, озорствб* (ср. *озорнбй*), *удальствб* (ср. *удалбй*), *щеголь-скбй, -ствб*. Сюда же примыкали устаревшие акцентные варианты *ханже-скбй, -ствб*, вытесненные ныне акцентологически стандартными *хánже-ский, -ство*.

Основная маркировка ←

§ 1.53. Для суффиксов класса ← свидетельства их недоминантности часто лежат в сфере потенциальных слов (см. § 1.39); некоторые из таких слов приводятся ниже. При суффиксах данного класса промежуточные базовые компоненты ведут себя как сильные (§ 1.33). Особенность данного класса суффиксов состоит также в том, что при неосвоенности производного эти суффиксы могут вести себя в соответствии с маркировкой ← Tiv. Например, при окказиональном словообразовании могут появиться такие уменьшительные, как *ббровчик, приставчик, стёрлядка* и т. п. Ниже этот факт уже более не отмечается.

Суффиксы существительных.

-ов-о, -ив-о: *хлёбово, ва́рево, [пóжн]иво, мэсиво*. Отклонение: *огни́во* (но разг. *огниво*). В словах *жни́во, чти́во* суффиксальное ударение вынужденное.

-тв-а: *би́тва, жа́тва, кля́тва, моли́тва*. Отклонение: *жратва́* (простореч.).

-ств-о (после шипящих *-ств-о*). 1. Аддитивное: *се́мейство, бе́гство, высóбчество, ббщество* — [*уби́й*]ство, [*изли́ш*]ество, *ла́комство, и́мущество, де́вство*; ср. также *нбвщество, пи́ршество* (с морфом *-ш*). Отклонения: 1) *вдовствб, родствб, сродствб, свойствб* 'родство' (ср. *сво́йство* 'качество'), *мастерствб, божествб, рождествб, есте-*

ствб, веществб, существб; кроме того, *волшебствб, озорствб, удалствб*, о которых см. при *-овск-*, § 1.52; отметим также *старшинствб, большинствб, меньшинствб* (с морфом *-ин-*); 2) *лекарствб, роскбствб*; 3) *таинствб*.

2. Заменительное, вместо *-ск-* (*-еск-*); используется заменительно везде, где есть прилагательное с *-(е)ск-*, кроме слов *свойствб, мастерствб, божествб, лекарствб* (см. выше). Примеры: *щегольствб, плутовствб* — *дѣтствб, звѣрствб, толствбство, иночествб* (ср. *щегольскбй, плутовскбй, дѣтскй, звѣрскй* и т. д.).

-j-a (названия женщин; множ. число [у неодушевленных] и собирательные *pluralia tantum*): *колдунья* (и прочие на *-унья*), *збствья; лоскуствья, деревья, колбсья, коренья, пѣрья, листьа, дреколья, лохмотья* — *изуменья, свѣтья; клнья, брусья, поленья, [отрѣп]ья, [объѣд]ья*. Особые случаи: *поводья, каменья*.

Примечание. Для современного языка уже являются устаревшими собирательные на *-ье*, параллельные формам мн. числа на *-ья* (Р. *-ьев* и т. д.), например, *листвье, лохмотье* при обычных *листвья, -ьев, лохмотья, -ьев*. Ударение этих устаревших собирательных — такое же, как во мн. числе на *-ья* (тогда как у живых собирательных с данным суффиксом акцентовка иная, см. § 1.42).

-и-е (в т. ч. в составе имен действия на *-тие, -ние*, кроме *-ение*, о котором см. § 1.67): *величье, тѣрние, звѣние, знѣние* — [*работѣн]ье, [полушѣр]ье, [бессѣл]ье, [довѣр]ье, [унын]ье, [признѣн]ье, [собрѣн]ье, [снѣт]ье, [вскрѣит]ье, бросѣние, дѣлание, отбрасывание*. Исключения: *остриѣ, бытиѣ, небытиѣ, житиѣ, питиѣ; знѣмение*.

-к-а. 1. Аддитивное: *сковорѣдка, кочерѣжка, чудѣчка, лошаѣдка, перепѣлка, игѣлка, дѣрка* — [*набѣй]ка, [загорѣд]ка, яѣгодка, капѣлька, пѣговичка, качѣлка, прыгалка, морозѣлка* (морф *-и-* ↓ D). Отклонения: 1) *дѣнежка, цѣркѣвка, сбсѣнка* (/[*сосѣнка*]); 2) *линѣйка* (ср. *-ейн-, -ейск-*, § 1.41), *черпѣлка, невидѣмка, гребѣнка, щѣбѣнка, кухѣрка, венгѣрка*.

2. Заменительное: а) в названиях женщин, вместо *-ец, -ин*; б) в производных, служащих сокращением для сочетания «прилагательное + существительное», вместо *-н-, -н', -ск-*. Примеры: *бѣженка, торговка, сѣмка, афѣнянка, татѣрка, армѣнка* (ср. *бѣженец, торговец, самѣц, афѣнянин, татѣрин, армѣнин*); *вечѣрка, «Комсомѣлка», мѣчманка*, разг. *слесѣрка* (ср. *вечѣрняя газета, «Комсомѣльская правда», мѣчманская фуражка, слесѣрные работы*). См. также *-очк-а* ниже, *-овк-а, -инк-а, -ишк-а* (§ 1.47).

-к-о: *ведѣрко, сердѣчко, колѣчко* — *яблочко, окѣшечко*. Отклонения: 1) *пѣвѣкб, мяскб, ушкб* 'отверстие', *ушкб* (уменьшительное), *брюшкб, озеркб* (следы более старой маркировки с Marg), также *молочкб*; 2) *зблотко, облѣчко, дѣтятко*. Особо стоят названия лошадиных мастей: здесь *-к-о* ведет себя по классу →: *воронкб, гнедкб, серкб, буланкб*. См. также *-очк-о* ниже.

-ик (уменьшительное [отсубстантивное]): *карандѣшик, комѣрик, волбси́к, козы́рик, слб́ник, дб́мик* — [*расскѣз]ик, сквѣ́рик, автѣбусик,*

ср. также свободно образуемые окказиональные *ми́нусик*, *што́порик*, *ла́русик*, *ко́мпасик* и т. п.

-ник. С акцентологической точки зрения, основная сложность здесь в различении случаев типа *наста́в-ник* (где выступает суффикс **-ник** ←, который действует как поглощающий, т. е. несмотря на существование слова *наставно́й*) и типа *отставн-и́к* (где выступает просто **-ик** →, т. е. **-ник** не дает поглощающего эффекта). После приставочно-корневого комплекса **-ник** обычно бывает поглощающим, ср. *наста́вник*, *отхо́дник*, *зака́зник*, *запа́сник*, *отсту́пник*, *уго́дник*, также при отсутствии прилагательного — *вса́дник*, *нае́здник* и т. п.; особо отметим *помощник*, *подви́жник*. Исключения составляют слова, семантически эквивалентные субстантивированному прилагательному (*отставни́к* = *отставно́й военнoслужащий*, также *выходни́к*, *отпускни́к*, *выпускни́к*, *приписни́к*, ср. еще *озорни́к*); кроме того, *подрывни́к*, *взрывни́к*, *проводни́к*, *связни́к*, *пропуски́к*. Этому образцу следует также *истопни́к*. Не после приставочно-корневого комплекса **-ник**, как правило, бывает непоглощающим, ср. *коренн-и́к*, *мясн-и́к*, *капу́стн-ик*, *со́чн-ик* и т. п. Единое **-ник** выступает здесь лишь при отсутствии соответствующего прилагательного с **-н-** (**-н'**): *оси́нник*, *рабóтник*, *лоша́дник* *сло́вник*. Имеется, однако, значительная группа слов, где выступает «незаконное», с точки зрения современных правил, ударение **-ни́к** (в приводимом списке соединены случаи, где прилагательное с **-н-** есть, но имеет иное ударение, и где его просто нет): *бечевни́к* (||бечёвник), *ледни́к* (в горах; ср. *ле́дник* 'погреб'), *холодни́к*, *блудни́к*, *рудни́к*, *межни́к*, *должни́к*, *острожни́к* (от *острога́*), *плужни́к*, *пазни́к*, *слезни́к*, *лозни́к*, *тайни́к*, *гнояни́к*, *ройни́к*, *денни́к*, *голосни́к*, *колосни́к*, *росни́к*, *клеветни́к*, *локотни́к*, *золотни́к*, *потни́к*, *воротни́к*, *похотни́к*, *тростни́к*, *мутни́к*, *шутни́к*, *колошни́к*, *сош-ни́к*, *душни́к*, *пальни́к*, *тальни́к*. Большая часть этих слов отражает более старую маркировку суффикса **-ник**: ← *Magr*. В *ви́сельник* (от *ви́селица*) суффикс **-ник** действует как заместительный.

-чик (все значения): *каба́нчик*, *рука́вчик*, *колоко́льчик*, *су́пчик*, *вбэ́чик*, *но́счик*, *да́тчик* — *дива́нчик*, *а́нгельчик*, *кла́панчик*, [*нала́д*]-*чик*, [*захва́т*]-*чик*, [*со́ат*]-*чик*. Отклонение: *метчи́к* (инструмент).

-очк-а, **-оньк-а**: *звёздочка*, *ко́сточка*, *голо́вонька*, *но́ченька* — *се-кундо́чка*, *ба́мочка*, *берёзонька*, *тётьенька*; ср. также потенциальные *кафе́дрочка*, *ягодонька* и т. п. Отклонения: *цепб́чка*, *доще́чка*.

-очк-о, **-ечк-о**: практически только *вре́мечко*, *се́мечко* (и прочие от слов на **-мя**), *у́тречко*, *си́течко*, *не́щечко*, *ча́дочко*; отклонение: *ме-сте́чко*. В прочих внешне сходных словах (*словéчко*, *ведё́рочко*) выступает простое **-к-о**.

-ушк-а (ласкательно-почтительное, в частности, народно-поэтическое) *го́лбвушка*, *лебёдушка*, *жёнушка* — [*сосéд*]-*ушка*, *свекрбушка*; ср. также потенциальные слова вроде *ста́ростушка*. Относительно **-ушк-а** в других значениях см. § 1.41.

-ушк-о, -ышк-о, -ушек, -ышек: *пóлюшко, зёрнышко, пупырышек, колышек* — *гóрлышко, клíнышек*; ср. также потенциальные слова вроде *лóконышек*.

-л-а (первичный суффикс): *хнйкала, запевáла, заправíла* (морф -и- ↓ D).

-л-о (первичный суффикс): *начáло, бíло, пéкло, стóило* — *брызгáло, хрjóкало, покрывáло, мерíло* (морф -и- ↓ D). Ударение черпáло соотносено с разг. *черпáть*. Отклонения: 1) в сторону класса →: *помелб, греблб, скреблб, седлб, мазлб, треплб, теслб, пуглб* (ср. также опростившиеся *соплб, жерлб* и др.); 2) *пúгáло, дýжáло*.

-тель (первичный суффикс): *издáтель, жítель* — *двúгáтель, дéлáтель, исслéдовáтель, правúтель* (морф -и- ↓ D).

-н-я (все значения, кроме отглагольных имен действия и отыменных собирательных, ср. § 1.42): *вечёрнjá, повáрнjá, гончáрнjá, скворчénнjá, двóйнjá, ббóйнjá, пáшнjá* — [*каменолóб*]нjá, [*шерстомóй*]нjá, [*сплёт*]нjá, *штóпáльнjá, красíльнjá* (морф -и- ↓ D), *голубя́тнjá, карау́льнjá, печáтнjá*. Отклонения: 1) в сторону первичности и класса →: *западнjá, размазнjá, ступнjá, мотнjá* ('часть невода' и др.), *квашнjá; четвёрнjá, пятернjá* и т. д. (от числительных); также *лыжнjá* (с эффектом *Мопосул* или D), *рбвнjá, нербвнjá* (ср. еще *головнjá, пешнjá, клешнjá*, с остаточными базовыми компонентами); ударению -нjá здесь способствует взаимодействие с теми группами слов на -нjá, где такое ударение регулярно (§ 1.42); 2) *кофбéйнjá, пекарнjá, токарнjá, слесарнjá* (в соответствии с прилагательными на -нýй), *коню́шнjá, исповедáльнjá*. См. также *овн-я* (§ 1.41, 42), *отн-я* (§ 1.42).

-арь (отглагольное): только *лéкарь, пéкарь, тóкарь, пúсарь, пáхарь*, также *знáхарь*. Сюда же примкнуло непроизводное *слесарь*, а также отыменные производные *мытарь, кúхарь*. Отклонение: *секáрь*; кроме того, *бунтáрь, косáрь, звонáрь* в акцентном отношении ведут себя как производные от *бунт, косá, звон*, хотя семантически они теснее связаны с соответствующими глаголами.

-ость: *жívость, свyтость, весёлость, мудрénность, вёрность* — *сурбвость, кáверзность, [порыв]истость*. Вынужденное суффиксальное ударение: *злость*. Отклонения: *мблодость, хблдность*.

Примечание. Суффикс *-ость* несоединим с неодносложными (а также с производными односложными) основами прилагательных на -бý, кроме *мблодость* от *молодбý*. Слова *рзвúтость, удáлость, очерёдность* соотносятся с акцентными вариантами *рзвúтýй, удáлýй* и ненормативным *очерёднýй*.

-ец ← Triv (уменьшительное): *счётец, хлéбец, сýпец* — *морóзец, билéтец, [нарбд]ец, брáтец*. Производные с ударным -ец (*столбéц, ларéц* и др.) в современном литературном языке уменьшительное значение, как правило, уже утратили. В разговорной речи и просторечии возможны, однако, экспрессивные образования на (-е)цý в Р. ед.: *спиртецý, овсецý* и т. п.

-ш-а ← Triv (названия женщин): *опекунша, секретарша, пристава* — *генеральша, фермерша, докторша, слесарша, ханша*.

-бищ-е (поглощающий сращенный суффикс): *кладбище, стойбище, стрельбище, гильбище*.

§ 1.54. Суффиксы прилагательных.

-(и)j (притяжательные прилагательные): *соболый, лебяжий, стерляжий, казачий, козий, божий* — *кроличий, чиновничий, старушечий, олений*.

-к-: *громоздкий, сторбжкий, ломкий, бойкий* — [*трудоём*]кий, [*дальнoзoр*]кий, обл. *сiверкий*. Отклоняется только обл. *тoрoпкий*.

-ск-, -еск-: *январский, посольский, женский, свойский, зверский, горский, детский, отеческий, пастушеский, дружеский, княжеский* — [*посад*]ский, *бандитский, товарищеский, ангельский, докторский, мастерский, брденский, хамский*. Отклонения: *островской, слободской, городской, людской, рядской, мужской, ямской, поварской, писарской* (//*писарский*), *кучерской, мирской, морской, хуторской, день-деньской*, также *мастерская*; в этих случаях отразилась более старая маркировка данного суффикса (← Marg). О словах *цегольской, ханжеской* (//*ханжеский*) см. при *-овск-*, § 1.52. В словах *заводской* и *складской* аномальным образом приставочно-корневые комплексы трактуются как глагольные (по модели *заводной, складной*). Особую группу слов на *-ской* образуют географические наименования: *псковской* (но чаще *псковский*), *серпуховской, чудской, чухломской, костромской, сумской, двинской* (//*двинский*), *донской*. Другой тип отклонения: *венгерский*. См. также *-овск-* (§ 1.48, 52), *-ийск-, -ейск-* (§ 1.41).

-еньк- (также *-оньк-* после *к, г, х*); производное имеет только полные формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *молоденький, голубенький, холдненький, прбстенький, красивенький, коричневенький*.

-л- (первичный суффикс): *усталый, унылый, спелый, палый, вялый, чалый, рбслый, приптый* — *лежалый, очумелый, заплесневелый*. Отклонения: *удалой* (//*удалый*), *жилой, пожилой, гнилой, быллой, прибылой, убылой*; фактически это производные от глаголов с подвижным ударением в прош. времени (но с синхронической точки зрения данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан никаким регулярным способом).

-н'-: *дочерний, осенний, сторонний* — [*иногород*]ний, [*многосторон*]ний, [*замуж*]ний, *братний*. Отклонение: *матерний*.

-ин (притяжательные прилагательные) ← Triv: *женин, сестрин, дочерин, материн* — *папин, тетин, Володин* (ср. *-ин* в фамилиях, § 1.52). Отклонение: *Ильин* (схема *b*) в сочетании *Ильин день*.

Примечание. Продуктивно здесь только соединение с сильными основами; соединение со слабыми основами в литературном языке исчерпывается словами *женин, сестрин, дочерин, материн, Ильин*.

-нн- (причастия и отпричастные прилагательные), -н- (отпричастные прилагательные); первичные суффиксы с маркировкой ← Poly-

сулл: *данный, званный, прбданный, переверанный*⁵¹, *раскбпанный, разрисованный, тканный, трёпанный — продёланный, помлованный, выработанный, штбпанный*. Отклонения: 1) причастия *венчанный* (царским венцом), *обуянный*; прилагательные *несказанный, желанный, недреманный, окаянный, покаянный, постойанный, названный* (однако в *беспрестанный, неустанный, благоуханный, бездыханный* следует усматривать просто суффикс *-н-* после основы на *н*); 2) *пéреданный*.

З а м е ч а н и е. Хотя формально помета Polysyll действует здесь совершенно так же, как обычно, в сущности мы имеем здесь дело с особой ситуацией, нормой фактически является ударение типа *разрисованный, прбданный* (на второй гласной слева от суффикса), а ударение типа *данный* выступает как вынужденное. Дело в том, что здесь (как и в причастиях с *-т-*, ср. ниже) в действительности представлена техника акцентовки, характерная для словоизменения, а не для словообразования: акцентная опозиция типа *разрисовал — разрисован* выражает противопоставление залогов внутри претеритной субпарадигмы (ср. § 4.4).

-енн- (отыменное): *торжéственный, рóдственный — солóбменный, фíрменный, колíчественный*. Отклонения: *тайнственный, войнственный*.

-ин-: *вчерáшний, внéшний, нынешний, сегóдняшний*.

-т- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). 1. Заменительное (с маркировкой ←), вместо *-ли* в мн. прош. (у корневых глаголов, кроме глаголов на *-олоть*): *надúтый, разби́тый, за́пертый, на́чатый, пéрежитый* (ср. *надúли, разби́ли, за́перли, на́чали, пéрежи́ли*); при этом, однако, для глаголов на *-нять* с неодносложной основой литературная норма не допускает ударения *-ня́тый*, даже если допустимо *-ня́ли*, ср., например, *обня́тый* при *обня́ли // обня́ли*. Отклоняется ряд отпричастных прилагательных: 1) *витóй, завитóй, развítóй* (// *рáзвítый*), *обжитóй, литóй, налитóй, разлитóй, пропитóй, спитóй, испитóй, занятóй, снятóй*, также субстантивированное *понятóй*; 2) *прокля́тый* (ср. еще *завзя́тый, предвзя́тый*, для которых нет глаголов). 2. Аддитивное, с маркировкой ← Polysyll (у *по-*глаголов и глаголов на *-олоть*): *гну́тый, изогну́тый, стúкну́тый, кóлотый, вы́колотый*.

-чат- (поглощающий сращенный суффикс): *желóбчатый, бахрómчатый, бресéнчатый, игóльчатый, сётчатый — [взрýв]чатый, [в́ем]чатый, реснítчатый*. Поглощающий эффект ясно виден, например, в *прóбчатый, клеёнчатый, рисúнчатый, пáльчатый, ко́льчатый* и т. п. (от *прóбка, клеёнка, рисúнок, пáлец, ко́льцо*): делению типа *крубч-ат-ый, ко́льч-ат-ый* соответствовало бы ударение на *-ат-*,

⁵¹ Как видно из этих примеров, обычная приставка образует часть глагольной основы (т. е. плотно присоединена к корню); ср. неплотное присоединение приставки *не*, например, в *незвáнный, нежедáнный*. Ударение не переходит также на первую основу в сложениях: *домóпáнный, первоэдáнный* и т. п. (это можно интерпретировать как эффект неплотного присоединения или как эффект именного комплекса).

поскольку *-ат-* относится к классу ↓ D. Поглощающий эффект распространяется только на суффиксальное *-ч-* (*-ц-*, *-к-*), поэтому его нет в *камчатый*, *внучатый*, *доцатый* (*досчатый*). Отклонения: сравнительно устойчивые — *тройчатый*, *крупчатый*, *брусчатый*, *крестчатый*; неустойчивые — *стблчатый*, *звездчатый*, *глазчатый*; ср. также нормативные *зубчатый*, *хлопчатый* и разговорные *зубчатый*, *хлопчатый*. Отклонения представляют собой акцентные архаизмы, которые в разговорной речи имеют тенденцию устраняться.

-ист- ← Triv (в химических и технических терминах со значением 'содержащий соответствующее вещество'): *слюдистый*, *углистый*, *сталистый*, *йбдистый*, *хрбмистый*, *професс. сёрнистый* (при нормативном *сернистый*) — [*кремнезём*]истый, *фбсфористый*, *никелистый*, сюда же примыкает *слизистый*. Специально отметим, что близкие по значению прилагательные нетерминологического характера (качественные), например: *золистый*, *смолистый*, *йлистый*, сюда не относятся; они входят в основную группу слов с *-ист-* (§ 1.48).

-ви-, *-ш-* (причастия), также *-в-*, *-вши-*, *-ши* (деепричастия): *растёр-ший*, *-ши*, *растерёв*, *сберёз-ший*, *-ши*, *сделав-ший*, *-ши*, *сделав*. Отклонения: *заперший*, *запершись*, *отперший*, *отпершись*, *замер-ший*, *-ши* (аналогично с *об-*, *по-*), *пёрмер-ший*, *-ши*, *опершись*.

В данную группу входят также показатели компаратива *-е*, *-ше*: *молбже*, *чище*, *ста́рше*, *дбльше*.]

§ 1.55. Суффиксы глаголов.

-(е)ствова-ть (поглощающий сращенный суффикс): *вдбвствовать*, *бёдствовать*, *звёрствовать*, *купёчествовать* — *здравствовать*, *ораторствовать*. Отклонения: 1) *благовествовать*, *повествовать*, *торжествовать*, *вспомоществовать*, *существовать*, *долженствовать*; 2) *войнествовать*.

-ыва-ть (первичный суффикс): *завязывать*, *пошевеливать*, *та́живать* — *раскúпоривать*, *заса́харивать*, *о[безвре́ж]ивать*.

-ича-ть, *-нича-ть*: *на́гличать*, *по́дмичать*, *жа́дничать* — [*рото-зёй*]ничать, *бродя́жничать*, *я́бедничать*, *попроша́йничать* (от *попроша́йка*), *сúмерничать* (от *сúмерки*). Отклонение: *домовни́чать*. Слово *озорни́чать* акцентно правильно при разложении *озорнич-а-ть*. В прочих случаях между разложением типа *я́бед-нича-ть* и типа *я́беднич-а-ть* акцентной разницы нет.

-ну-ть (выпадающее в прош. времени [хотя бы в части форм]; первичный суффикс): *осла́бнуть*, *окре́пнуть*, *прого́ркнуть*, *о́зри-нуть*, *сти́хнуть*. Такая акцентовка представлена и в тех случаях (довольно многочисленных), когда глагол не может рассматриваться как производный от какого-либо морфологически более простого слова, например: *за́бнуть*, *насти́гнуть*, *пове́рнуть*, *ме́ркнуть*, *па́хнуть*, *вя́нуть*, *ста́нуть* и т. п.

СУФФИКСЫ С УСЛОЖНЕННОЙ АКЦЕНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных

§ 1.56. В современном русском языке у производных прилагательных обнаруживается следующая закономерность: качественные прилагательные за очень немногими исключениями имеют в полных формах наосновное ударение (тогда как у непроизводных этого ограничения нет, ср. *сузбй, молодбй* и т. п.). Так, суффиксы, с помощью которых образуются именно качественные прилагательные, никогда не имеют → в своей маркировке; ср., в частности, -к ← (например, *жъркий*), -еньк- ← (*молбдънький*), -лив- ↓ (*звастливый*), -ист- ↓ (*цветистый*), -аст- ↓ D (*цветастый*), -ав- ↓ D (*величавый*), -ив- ↓ D (*красивый*), -ит- ↓ D (*маститый*), -ущ- ↓ D (*длинущий*) и др. Что же касается суффиксов, дающих как качественные, так и относительные прилагательные, то здесь может произойти акцентное «расщепление» суффикса; а именно, оно обязательно происходит там, где относительные прилагательные образуются в соответствии с маркировкой →: для качественных прилагательных в этом случае используется другая маркировка (← или ↓). В таком положении находятся прежде всего суффиксы -н- и -ов-: ср., например, *дверной, подвесной, путевой* и *дружный, протяжный, путевый* (в менее яркой форме эти соотношения выступают при суффиксе -ян-, см. § 1.64).

Общеизвестно, однако, что противопоставление качественных и относительных прилагательных нестрогое: во-первых, потому, что нестроги сами понятия качественного и относительного значений, во-вторых, потому, что во многих случаях у одного и того же прилагательного имеются как относительные, так и качественные значения. Тем самым использование в акцентологических правилах понятий качественного и относительного прилагательного неизбежно означает потерю формальной строгости. Однако, сколь бы ни была огорчительной такая потеря, анализ материала все же заставляет признать, что современное русское ударение фактически реагирует именно на это различие. В «чистых» случаях эта зависимость проявляется совершенно отчетливо; более размытая картина, наблюдаемая в различного рода промежуточных и нечетких случаях, не может поставить под сомнение наличие самой зависимости.

Таким образом, при описании акцентуации прилагательных с -н- и -ов- полная формальная строгость может быть достигнута лишь с помощью списков; как сводный список такого рода можно рассматривать, например, Грамм. С другой стороны, полезные обобщения (позволяющие, в частности, делать предсказания о новом материале) здесь можно достичь лишь на уровне неполной строгости (по крайней мере, при современном уровне точности в описании

значений). Во всяком случае, совершенно иллюзорны встречающиеся иногда попытки повысить в этом пункте строгость акцентологического описания, подменив противопоставление «качественные—относительные» противопоставлением «имеющие краткие формы — не имеющие их» (см., в частности, Редькин, с. 189). В самом деле, наличие или отсутствие кратких форм фактически само определяется, во-первых, качественным или относительным значением прилагательного, во-вторых, ударением полных форм (ср., например, отсутствие кратких форм у *пробиивнбй, роковбй*). Главное же в том, что в сознании носителей русского языка нет четкого разграничения между прилагательными, имеющими краткие формы и не имеющими их; тем самым опора на этот признак никак не повышает строгости изложения.

Таким образом, практически мы будем исходить из традиционного нестрогого представления о качественных и относительных прилагательных; см., в частности, АГ-80, т. I, с. 541. Отметим здесь лишь некоторые детали, существенные для дальнейшего. Прилагательные со значением цвета, в соответствии с традицией, рассматриваются как качественные (хотя они несколько отличаются от основного массива качественных прилагательных в том, что касается возможных вариаций интенсивности признака). У отглагольных прилагательных относительные значения носят несколько специфический характер. Наиболее типичны здесь значения: 1) 'получаемый в результате соответствующего действия' (например, *нашивнбй, заказнбй*); 2) 'предназначенный (приспособленный) для того, чтобы быть объектом соответствующего действия' (например, *откиднбй, раздвижнбй, складнбй*). Заметим, что последнее значение иногда сближается с качественными; в прилагательных *слышнбй, неслышнбй, виднбй* 'visibilis', семантически близких к этой группе, мы имеем дело уже просто с качественным значением.

Для акцентологического описания суффикса *-ов-* оказывается необходимым также подразделение относительных прилагательных на: 1) прилагательные, которым мы даем рабочее обозначение «полукачественные», и 2) чисто относительные, т. е. остальные. К категории «полукачественных» принадлежат прилагательные со следующим значениями (символ *X* заменяет исходное имя): а) 'мерой в одну единицу *X*' (или 'в несколько единиц *X*' — при сложной основе), например, *пудбвй, двухметрбвй* (это значение близко к качественным);

б) 'масти *X*', 'из категории, отмеченной знаком *X*', например, *бубнбвй, гэрббвй* (это значение близко к цветовому);

в) 'изготовленный из мяса (шкуры, костей и т. д.) животного *X*, из древесины (ветвей, листьев) растения *X*, из ткани (нити, шерсти) *X*, из твердого стройматериала *X*', например, *бобрбвй, дуббвй, шёлковбй, тесбвй*;

г) 'приготовленный из *X* или с *X* в качестве определяющего компонента' (о кушанье), например, *медбвй, фруктбвй*.

Прочие значения являются чисто относительными. Таковы, в частности, значения 'свойственный X', 'касающийся X', 'предназначенный для X', 'происходящий от (из-за) X', 'снабженный X-ом', 'расположенный в (около) X', 'имеющий вид X', 'являющийся частью X', 'являющийся X-ом' и др.

Большая практическая трудность связана с тем, что производные прилагательные, как правило, многозначны и нередко совмещают качественные значения с относительными (или полукачественные с чисто относительными). При таком совмещении может оказаться, что одно значение требует по правилу одной акцентовки, а другое — другой. Фактически, однако, акцентное единство лексемы в таких случаях почти никогда не нарушается, а именно, одно из значений выступает как главное и определяет акцентовку слова в целом (во всех значениях). Например, у слова *дубовый* акцентуация определяется значением «сделанный из древесины дуба» (ср. *дубовый стол*), но она выступает и при других значениях (например, в *дубовый лист*, *дубовая роца*), которые сами по себе требовали бы иной акцентуации.

Как правило, акцентуация определяется тем значением, в котором слово выступает чаще всего. Трудные случаи совмещения разнотипных значений отмечены ниже индивидуально. Здесь укажем лишь следующий более общий факт: для производных с *-ов-* от названий животных, деревьев (и иных растений) и тканей акцентологически главным является полукачественное значение (см. выше, пункт «в»). Лишь у нескольких слов это не так, поскольку здесь полукачественное значение неактуально или даже вовсе отсутствует: *трутневой*, *шершневой*, *зверовой*, *хмелевой*, *плющевой*.

Суффикс *-н-*

§ 1.57. Суффикс *-н-* (первичный) — самый сложный в акцентологическом отношении из всех русских суффиксов. На его акцентное поведение влияют: 1) несколько собственно лингвистических факторов — качественное или относительное значение производного прилагательного, его отыменный или отглагольный характер, акцентный тип производящего слова; 2) прагматический фактор (§ 1.5).

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: неосвоенное (непривычное, редкое) прилагательное с *-н-* стремится получить тривиальное ударение, совпадающее по месту с И. ед. производящего слова (если только ударение здесь не флексийное). Формально это значит, что суффикс *-н-* ведет себя в данном случае в соответствии с маркировкой ← Triv. Так, в индивидуальной речи при неосвоенности соответствующего слова могут встретиться, например, такие ударения, как *тѐрежный*, *скѳростный*, *плѳскостный*, *кѳзовный*, *штѳбный*, *зѳркальный*, *вѳтошный*. В сущности речь здесь идет о построении этих слов в акте речи заново по простейшим моделям. Существенно, однако, что для части слов тривиальное ударение,

вызванное прагматическим фактором, включено в литературную норму. Сюда относятся, во-первых, слова устаревшие или имеющие возвышенно-книжную окраску, например, *чёрмный*, *хладный*, *гробный*, во-вторых, многие редкие слова, которые для подавляющего большинства носителей языка в сущности относятся к категории потенциальных слов (конструируемых заново в случае необходимости), например, *збный*, *брбный*, *обрбный*. Действие прагматического фактора накладывается на действие собственно лингвистических факторов, создавая в сфере редких слов ряд отклонений от основных правил.

Отвлекаясь от индивидуальных отклонений, акцентные свойства суффикса *-н-* в терминах маркировок можно представить так ⁵².

I. При неосвоенности: ← Triv.

II. При освоённости.

1. В качественном значении: ←.

2. В относительном значении

а) у отыменных: ← Marg;

б) у отглагольных: →.

Примечание. Имеется несколько особых случаев, когда при соединении производящей основы с суффиксом *-н-* в ней происходит сдвиг ударения на конечный слог (не связанный с акцентными свойствами суффикса *-н-* как такового). Сюда относятся: 1) прилагательные на *-ийный*, *-ейный*, например, *линейный*, *гарантийный* (подробнее см. § 1.41), а также *случайный*, *необычайный*; 2) *бондар-ный*⁵³, *пекар-*, *токар-*, *слесар-*; *служеб-*, *смокве-*, *полёз-*, *разум-*, *поскоб-*, *характер-*, *пурпур-*, *ужас-*, *прелест-*, *завист-*, *ненавист-*, *роскобш-*, *ветби-*, *пустобш-*, *воздуш-*, *свеколь-* (ср. § 1.30, замеч.); также *атбмный вес* (отметник еще велитер. *свадебный*, *кухонный*)⁵⁴. В дальнейшем разборе эти слова в списках исключений уже не упоминаются.

Рассмотрим действие приведенных правил более конкретно.

Качественные прилагательные

§ 1.58. Маркировка ← реализуется в этом классе прилагательных (насчитывающем несколько тысяч слов) с высокой степенью последовательности. Примеры: *бёд-ный*, *голд-*, *холд-*, *друж-*, *гряз-*, *страст-*, *страш-*; *гбд-*, *тбм-*, *спеш-*, *нешад-*, *развяз-*, *опас-*, *зауныв-*, *бесперрыв-*, *неперрыв-*⁵⁵; также для слов с промежуточной по силе

⁵² Напомним, что маркировки непосредственно предназначены для установления акцентуации полных форм производного прилагательного; акцентуация кратких форм (если они есть) устанавливается затем по общим правилам (см. § 1.16).

⁵³ Общая часть *-ный* для сокращения записи опущена; аналогично и в ряде последующих списков.

⁵⁴ Слова (*не*)*доступный*, *неприступный*, *способный* образованы не от *дступ.*, *приступ.*, *способ.*, а по общей модели отглагольных производных (§ 1.60).

⁵⁵ Приставка *не-* в словах типа *неперывный*, *неотвязный* и т. п. присоединена плотно; она практически синонимична здесь приставке *без-* и создает значение 'неспособный (непригодный) к соответствующему действию'.

основой (§ 1.30, В): *гнев-ный, стáт-, образ-, пла́мен-, трéпет-, гбрест-, ярост-, мелоч-.* Отметим, что наосновное ударение имеют и те качественные прилагательные с *-н-*, где исходного слова в современном языке уже нет, например: *блédный, ко́сный, тéсный.* Особенно наглядны случаи, где прямо противопоставлены качественное и относительное прилагательное с одинаковой основой, в частности: *степéнный — степенно́й* (в математике); *вре́менный — временно́й* (например, интервал); *образный — образно́й* 'иконный'; *мелочный человек — мелочна́я лавка; стра́стная любовь — страстна́я неделя; кислый 'квашеный, кислый' — кисно́й* (чан и т. п.); *плавный переход — плавна́я сеть; связный рассказ — связно́й офицер; складная речь — складно́й стул; неотложное дело — отложно́й воротник; протяжный звук — протяжно́й механизм.*

Поскольку граница между качественными и относительными прилагательными нестрога, понятие исключения в данном случае тоже оказывается нестрогим. Явными исключениями можно считать: а) *чудно́й, блаж-, срам-, дрян-, дур-, цвет-, смеш-, шаль-, хмель-* (/ / *хмельный*), *боль-*; *корен-, сволоч-*⁵⁶; б) *балов-, пробив-, пролив-, показ-, озор-, разбит-*. Здесь сохранено ударение, свойственное: в группе «а» — относительным прилагательным (§ 1.59; флексивное ударение определяется здесь эффектом Marg, в группе «б» — отглагольным прилагательным (§ 1.60). Кроме того, качественные значения занимают существенное место в семантической структуре прилагательных: *родно́й, зем-, руч-, сплош-, основ-, продув-, потай-* (данный список, вообще говоря, можно несколько расширить). Неправильное место ударения внутри основы: *бéрежный, вре́менный.* См. также § 1.57, примеч.

Относительные прилагательные

§ 1.59. У отыменных относительных прилагательных с *-н-* действует, хотя и не совсем последовательно, архаичный принцип акцентовки, отражаемый маркировкой ← Marg. Примеры с сильными производящими основами: *ры́б-ный, лёж-, сёр-, жйт-, глаго́ль-, канáт-, троллéйбус-, настоль-, безлошáд-, левобере́ж-, подьéзд-* (от *подьéзд* 'часть здания'); со слабыми (но не маргинально-подвижными): *тру́б-ный, звёзд-, бли́н-, ко́н-, ство́ль-, колба́с-, ширóт-, бага́ж-, кула́ч-*⁵⁷; с промежуточными (которые в силу основной маркировки ← у суффикса ведут себя как сильные, см. § 1.33): *пляж-ный, юж-, штáт-, мýскуль-, ко́мпас-, га́лстуч-, фáкель-, мебе́ль-*. Специально отметим, что в числе прочих промежуточных основ как сильные ведут себя и основы слов «группы якорь» (т. е. они не под-

⁵⁶ Отметим еще устаревшие *честно́й, мирно́й*, также *мелочно́й* (о человеке); ср. обычные *честный, мирный, мелочный.*

⁵⁷ Сюда же прилагательные на *-есный*, например, *небесный, словесный*: в современном языке они должны рассматриваться как производные от отдельных лексем *небеса́, слова́* и т. д. (а не от *небо, слово*).

падают под действие пометы Marg); примеры: *якор-ный, буфер-, лагерь-, вéксель-, адрес-, парус-, паспорт-, камен-, уголь-, лапот-* и т. п.

Примеры эффекта Marg: *штаб-ной, губ-, зуб-, нож-, глаз-, двой-, зем-, стен-, спин-, степ-, дверь-, лес-, спирт-, свеч-, печ-, ноч-, руч-, уш-, пуш-; кружев-, голов-, остров-, площад-, тормоз-, зелен-, племен-, имен-, череп-, четвер-, номер-, четверт-, област-, должност-, крепост-, целоч-, овош-; очередь-, поезд-, окруж-, подат-, возраст-.* То же для «группы воск»: *сап-ной, блат-, пив-, сен-* (от *сéно*), *мяс-, брюш-, сталь-*; ср. также *сквозной, сплошной*. Эффект Marg наступает даже при факультативной маргинальной подвижности у производящего слова, ср., например, *изной, речной, челюстной*. В нескольких случаях ударение производного соответствует ненормативной акцентровке исходного слова: *штрафной, гребенной, хоботной, прочностной* (ср. простореч. *штрафный, професс. гребенный, хоботок, прочностей*).

Отметим еще несколько слов с остаточным базовым компонентом: *порт-ной, тряп-, треф-*.

Важнейшее отклонение от маркировки ← Marg состоит в отсутствии эффекта Marg. Из слов с односложной основой сюда относятся⁵⁸: *хлеб-ный, збб-, бров-, стад-, вод-, снеж-, чай-, сан-, гбр-, сбр-, флюс-, мест-, кост-, шерст-, бч-, вец-, баль-, дбль-, тель-, миль-, тиль-* (ударение колеблется при базовых компонентах *сет-* [от *сеть*], *шкаф-, строч-*). Из этих слов часто встречаются следующие (в скобках указана их частота по Частотн.): *местный* (135), *гбрный* (94), *снежный* (38), *водный* (31), *хлебный* (22), *чайный* (17). Остальные слова — относительно редкие (у *бальный, мильный* частота 6, *тильный* 3, *тельный* 1, прочие вообще не попали в Частотн.). По крайней мере для части этих слов (*вечный, баль-, дбль-, также узкие термины збб-ный, бров-, шерст-, флюс-, сет-, шкаф-*) следует предполагать действие прагматического фактора. В нескольких случаях на основном ударению, по-видимому, способствует наличие у прилагательного качественных значений (*стад-ный, вец-, дбль-, тель-, миль-*; то же верно для *снежный, хлебный*). В слове *бчный* ударение равномерно по антониму *забчный*.

Из слов с неодносложной основой сюда относятся: а) *бтруб-ный* (от *бтруби*), *денеж-, пристан-, знамен-, скатерт-, лопасть-, блбач-, бкороч-, ббруч-* (//устар. *обруч-*); ср. также *матерный*; б) *сковорд-ный, госпиталь-, колоколь-* (ср. *позорбн-, договбр-,* которые можно отнести также к § 1.60); *церкбв-, жемчуж-, сажэн-, простын-, стремян-* (//*стремениной*), *озёр-,* устар. *козыр-* (//*козырной*), *волбс-* (//*волосной*), *полбс-* (но *полоснке железо*), *лемеш-, зеркаль-, земель-*. В группе «а» представлено (если не считать архаизмов *денеж-ный, знамен-, матер-*) ударение по модели ← Triv, определяемое прагматическим фактором (для *блбачный* существенно также наличие качественных значений). В группе «б» у трехсложных основ, по-види-

⁵⁸ В списке включены только слова, представленные в МАС и/или у Ожегова.

тому, представлен эффект, отчасти сходный с Polysyll (но не последовательный, ср. *очередной*, разг. *договорной*); прочие случаи носят характер индивидуальных отклонений. См. также § 1.57, примеч.

Обратное отклонение, т. е. «незаконное» флексийное ударение, представлено существенно реже. Из приставочных сюда относятся прежде всего: *грибной*, *чуж-*, *сып-*, *лич-* (*личбе полотенце* и т. п.), *муч-*, *белен-*, *курен-*; из редких слов можно отметить еще *штанный*, *рапный*, устар. *дворной*.

Из приставочных сюда с определенностью следует отнести *уставной* (/устáвный), *суставной*, *основной* (от *устáв*, *сустáв*, *оснóва*); по-видимому, сюда же *обувной*, *упряжной*, *прописной* (от *ббувь*, *ўпряжь*, *прóпись*). Во всех этих случаях выступает акцентовка, свойственная отглагольным производным. Прочие внешне сходные примеры (*посевной*, *запасной*, *выхлопной* и т. п.) обнаруживают семантическую связь не только с именем, но и с глаголом; они относятся к следующему параграфу.

§ 1.60. В отглагольных относительных прилагательных суффикс *-н-* выступает с маркировкой →.

В приставочных производных эта маркировка реализуется без каких-либо осложнений. Примеры: *гребной*, *лепной*, *курной*, *строчной* (о воротнике и т. п.)⁵⁹ — *печатный*, *купальный*, *спальный*, *тягильный* (ср. также качественное *баловный*, построенное по этой же модели). Поскольку базовый компонент, равный односложному глагольному корню, всегда слабый (§ 1.30, A2), флексийное ударение представлено, например, в *главной* (о сети, лесе), *ставной* (о сети), *резной*. Отклонения: *дойный*, *мойный*, *лётный*.

Гораздо сложнее тот случай, когда базовый компонент содержит приставку: во-первых, здесь возникает проблема разграничения отглагольных и отыменных производных, которая далеко не всегда решается с достаточной определенностью; во-вторых, в современном языке суффикс *-н-* еще не полностью закрепил за собой статус первичного суффикса; в части производных он ведет себя в соответствии со своим более старым статусом вторичного суффикса.

Что касается вопроса о семантической производности прилагательного с *-н-* от существительного или от глагола, то ниже практически достаточно различать: 1) случаи, где прилагательное определено произведено не от глагола, т. е. оно обнаруживает прямую семантическую связь с существительным при отсутствии столь же прямой связи с глаголом (например, *отпускной* от *отпуск*, *подъездный* от *подъезд* 'часть здания', *помойный* от *помой* и т. п., ср. § 1.24) или подходящего глагола вообще нет (например, *безлошадный*, *распутный*); 2) случаи, где прилагательное либо определено произведено от глагола (например, *раздвижной*), либо обнаруживает семантическую связь одновременно с глаголом и отглагольным су-

⁵⁹ Ср. наосновное ударение в качественных прилагательных, например, *гбный*, *тáйный*, *тбный*, *спéшный*, *бéрежный* (также *слýшный*, *вйдный*, ср. § 1.56).

ществительным (например, *связнбй, подъезднбй, заказнбй*). В первом случае мы будем говорить об отыменном, во втором — об отглагольном производном.

Напомним, что в соответствии с правилами, изложенными ранее, из приставочных производных с *-н-*: 1) качественные прилагательные имеют наосновное ударение (например, *исправ-ный, протяж-, развяз-, достун-, опас-, занят-, неотрыв-, беспросын-, необъят-, бездър-, безопас-, раснйт-*); 2) отыменные относительные прилагательные имеют ударение, определяемое исходным существительным (т. е. обычно наосновное, например, *пригород-ный, насмороч-, уезд-, расхбд-, снаряд-, предлж-, окбп-, пожър-,* но в определенных случаях флекссионное, например, *погребнбй, поезднбй* от *пбгреб, пбезд*).

После вычета этих двух групп остаются отглагольные относительные прилагательные. Поскольку суффикс *-н-* первичный, для них маркировка суффикса → должна означать (в случае освоенности) флекссионное ударение, в частности, при любом односложном корне (§ 1.30, А2), причем даже приставка *вы-* должна быть безударна (§ 1.28, Б). Именно такую картину дают более 300 прилагательных данного класса, например: *сплав-нбй, отпра-, подстав-, посев-, набив-, пришив-, надув-, взрыв-, отжид-, проезд-, вход-, разрез-, запас-, еколот-, пропаш-; выгреб-, вышив-, выезд-, вытяж-, выхлоп-, вынос-*. В ряде случаев имеется прямое акцентное противопоставление отглагольного и отыменного производных, например: *заливнбй* (от *заливать*) — *заливнй* (от *залив* 'часть моря'), *подъезднбй* (от *подъезжать*) — *подъезднй* (от *подъезд* 'часть здания'), *разводнбй* (ключ; от *разводить*) — *разводнй* (от *развод* 'расторжение брака'), *взводнбй* (от *взводить*) — *взводнй* (от *взвод*) и др.

Однако имеются также значительные группы отглагольных относительных прилагательных, где ударение наосновное. Эти группы таковы.

1. При определенных корнях суффикс *-н-* ведет себя как вторичный, а не первичный (с исторической точки зрения мы имеем здесь дело с частичным сохранением его прежнего статуса). Это значит, что стоящий перед ним приставочно-корневой комплекс трактуется как именнбй (независимо от характера семантической производности); соответственно, ударение здесь наосновное (а именно, приставочное в случае приставки *вы-*, в прочих случаях корневое). К этой категории относятся корни: 1) оканчивающиеся на сонант (реально /j/, /л'/, /м/, /н/, /р/), кроме корней *жим-, вар-, пар-*; ср., например, *уббй-нй, перестбй-, отбёл-, пересёл-, подтём-, смен-, перегбн-, оборбн-, похорбн-, обдър-, разббр-, въгуль-, въбор-*; 2) *ряд-, чёс-, кос-, прос-, сос-, хват-, лёт-, мёт-, чёт-, мот-, ворот-, сеч-, тёт-, роч-, точ-*; ср., например, *заряд-нй, опрбс-, захват-, взлёт-, пережбт-, приворбт-, натёт-, протбч-, въворот-*. Отклонения: *потайнбй, наклейнбй*, также разг. *договорнбй* (при литер. *договбрнй*).

2. Даже от корней, допускающих производные на *-нбй*, наряду с таковыми могут быть и производные на *-нй*. Возможны также пря-

мые колебания, например, *обводной* и *обводный*, аналогично с базовыми компонентами *отвод-*, *обход-*, *привоз-*, *провоз-*, *зажим-*, *нажим-*, *обжим-*, *разжим-*, *прижим-*, *отжим-*, *уступ-*, *запар-*, *провес-*, *унос-*, *сброс-*, *обкат-* и некоторыми другими. В живой речи таких колебаний больше, чем отмечается в словарях. При этом вариант с *-ной*, как правило, носит более профессиональный оттенок, чем вариант с *-ный*. Факторы, способствующие здесь наосновному ударению, таковы: 1) фактор традиции (наосновное ударение всегда является в этом классе слов более старым), ср., например, *исходный*, *отходный*; 2) неосвоенность; 3) наличие у прилагательного побочных качественных значений, ср., например, *набсный*, *перекатный*; 4) высокая употребительность соответствующего отглагольного существительного (которое может оказывать прямое акцентное влияние на прилагательное), ср., например, *отравный*, *прокатный*. Строго очертить круг прилагательных данного класса с нормативным наосновным ударением невозможно, поскольку нестроги границы между относительными и качественными, отглагольными и отыменными прилагательными. Из достаточно употребительных сюда можно отнести: *отравный*, *ввод-*, *свод-*, *исход-*, *отход-*, *завоз-*, *ввоз-*, *подвоз-*, *занос-*, *нанос-*, *разнос-*, *принос-*, *накат-*, *обкат-*, *перекат-*, *прокат-*, *скат-*, *уплат-* (у части из них имеются нелитературные варианты с *-ной*).

Суффикс *-ов-*

§ 1.61. На акцентное поведение суффикса *-ов-*⁶⁰ (не смешивать с притяжательным *-ов*, § 1.48) в современном языке влияют: 1) собственно лингвистические факторы — качественное, «полукачественное» (§ 1.56) или чисто относительное значение производного прилагательного, число слогов базового компонента и наличие в нем определенных суффиксов; 2) прагматический фактор.

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: при неосвоенности суффикс *-ов-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓ Triv (ср. § 1.57 о суффиксе *-н-*); при освоенности ударение определяется прочими факторами. Подробнее о действии данного фактора см. в разборе материала. Здесь специально отметим лишь тот факт, что термины зоологической и ботанической классификации (*вброновые*, *карповые* и т. п.) акцентно всегда оформляются как неосвоенные.

Акцентные свойства суффикса *-ов-* могут быть представлены так.

I. При неосвоенности: ↓ Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном или полукачественном значении: ↓.

2. В чисто относительном значении: → Polysyll Monosyll.

⁶⁰ В описании данного суффикса существенным образом использованы работы: Устинова 1974, 1977. Списки составлены в объеме Грамм. (иногда с небольшими добавлениями).

З а м е ч а н и е. Наличие пометы Polysyll в том случае, где *-ов-* имеет основную маркировку → (при основной маркировке ↓ в прочих случаях), в принципе (т. е. если пренебречь исключениями) означает, что при неоднословном базовом компоненте, не содержащем полногласного сочетания, не бывает ударения *-овбй* (т. е. при таком базовом компоненте, вообще говоря, нет необходимости учитывать тип значения прилагательного).

Приведенная схема отражает основное правило акцентировки производных с *-ов-* в современном русском языке. Однако наряду с ним существует и другое, более старое правило, ныне для большей части системы уже неактуальное; оно выражается единой маркировкой ↓ Magg для всех случаев. Там, где старое правило вступает в конфликт с новым, обычно побеждает новое правило. Есть лишь одна небольшая зона, где старое правило пока еще сильнее нового: чисто относительные прилагательные, образованные от существительных с суффиксом *-ок* или *-ец* (с беглыми *о, е*). При этом, однако, в данной зоне нет случаев, где могла бы проявиться помета Magg, т. е. архаичная маркировка ↓ Magg здесь фактически сводится к простейшей маркировке ↓. За пределами этой зоны старое правило создает лишь некоторое число исключений из основного синхронического правила.

Ниже разбирается материал; действие прагматического фактора рассматривается по ходу разбора собственно лингвистических факторов.

Качественные и «полукачественные» прилагательные

§ 1.62. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку ↓.

Примеры производных со слабым базовым компонентом. Качественные: *путёвбый, бед-бвбый, бред-, махр-, ерунд-, чепух-, борд-, багр-, бас-, альт-*⁶¹. Заметим что значительная часть приведенных слов имеет отчетливую разговорную окраску⁶². Особенно характерны такие прилагательные для просторечия, ср. *рисковбый, фартбвбый, шельмбвбый*, а также многочисленные прилагательные с общим значением «плохой» (*дерьмбвбый, хренбвбый* и т. д.). Качественные прилагательные на *-бвбый* широко представлены также в различных арго (например, студенческом).

«Полукачественные» (примеры даются по группам, указанным в § 1.56): а) *рублёвбый, пуд-бвбый, грош-*; б) *черв-бвбый, бубн-, крест-, очк-* (змея); в) *лос-ёвбый, собол-, морж-бвбый, треск-, слон-, бобр-, кит-, осетр-; боб-, дуб-, хрен-, терн-, сосн-, пеньк-, пух-, свищу-, холщ-, дерн-, тес-, окорок-, язык-* (колбаса), *чесуч-, кремн-ёвбый, миткал-* (об акцентологически главном значении в этой группе производных см. § 1.56); г) *мед-бвбый, солод-, плод-, вереск-* (мёд), *желу-*

⁶¹ Отметим также прилагательные с остаточным базовым компонентом: *кондбвбый, сурбвбый, готбвбый, лилбвбый, пунцбвбый*.

⁶² Ср. также такие областные слова, как *игрбвбый* 'игривый, веселый', *квасбвбый* 'кислый, кислотатый', *слезбвбый* 'плачевный', *чудбвбый* 'чудный', *пратбвбый* 'мягкий, легкомысленный' и др.

дѣвый (желудбвый) ⁶³. У некоторых из этих прилагательных (грошбвый, хренбвый, медбвый) имеются и собственно качественные значения.

Отклонения: 1) определяемые действием старого правила (т. е. ↓ Marg, см. § 1.61) — рок-овбй, год-, век-, час-, рог-, воск-, мел-, мех- ⁶⁴; также громовбй // громбвый (о голосе; но только громовбй в чисто относительных значениях); 2) в сторону Deox — гѣрбо-вый (при более редком герббый), миндѣлевый, цавѣлевый, томпѣ-ковый, голѣвлевый // голѣвлѣвый; ср. также бузѣновый; 3) шѣлковый (ср. народно-поэт. шелкбвый), брбсовый, кѣзовый.

Для редкого слова сѣльдевый литературной нормой закреплено ударение, определяемое неосвоенностью. У слов волевбй, ходовбй, деловбй ударение соответствует их относительным, а не качественным значениям (ср. также наличие чисто относительных значений у слова часовбй). Ударение броневбй, гонтовбй соответствует значению 'снабженный, покрытый чем-либо' (а не 'изготовленный из чего-либо'). Только чисто относительные значения имеют (и потому акцентологически правильны): верстовбй (практически только столб; в значении 'длинной в версту' было бы *верствбый), трутн-евбй, шершн-, хмел-, плющ-, зверовбй (см. § 1.56).

Примеры с сильным базовым компонентом: рбз-овый, лѣск-; крблик-, нбрк-; мѣрл-евый, зѣмш-, грѣш-, ѣв-овый, смѣв-, брбнз-, бѣйк-, мѣп-, берѣз-, корѣл-. Колебания кѣтбый, фбльгбый, кѣрзбый, лѣфбый, жмѣлбый непосредственно соответствуют колебаниям кѣтѣ, фбльгѣ, кѣрзѣ, лѣфѣ, жмѣлѣ. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): вишнѣвый, трѣфбый (// трѣфовый); солодж-бый, известк-, семестр-, триместр- (относительно километрбый и т. п. см. ниже); за рамками литературной нормы также пик-бый (масть), джннс-, груш-, вяз-, гротеск- и некоторые другие.

Акцентный эффект освоенности проявляется у качественных и «полукачественных» прилагательных сравнительно слабо. Так, промежуточный по силе базовый компонент ведет себя как слабый лишь в следующих случаях: тенор-бый, дискант-; дюйм-, грамм-, метр-, литр-, фунт-; омул-ѣвый, лосос-, тигр-бый; клен-, лавр- (лист, венок), ел-, перц-, перл- (крупа), фрукт-, марганц-, пестря-дѣвый; отметим также простореч. фигбый 'плохой' (ср. выше об этой группе), нелитер. истбый, бланкбый (при литер. ѣстовый, блѣн-ковый). Колебания в окупѣвый // окупевый, тополѣвый // тополевый. В прочих случаях промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный, даже в освоенных словах, например: крѣб-овый, рѣк-, зѣбр-, бѣрс-, бѣйвол-; бѣз-евый, тѣл-, плѣш-, вяз-овый, мѣк-, цѣнк-, лѣк-, хрбм-, дрѣп-, фѣтр-, рѣс-, гѣпс-, ѣхонт-, нѣкелевый, не говоря уже о редких словах вроде скѣнсовый, тѣнговый.

⁶³ Отметим, что из «группы воск» производные на -бый имеют толк, рѣст, хрен, дѣрн, тѣрн, тѣс, фарн.

⁶⁴ Еще в нескольких случаях ударение -овбй сохраняется лишь в виде устаревшего варианта, например, бредовбй, пудовбй, медовбй, пуговбй.

Особый вопрос составляет ударение *-бвый* при сложной основе⁶⁵. Разумеется, примеры типа *двухметровый, трёхлитровый, стодраммовый, многопудбовый* ничто не мешает считать результатом неплотного присоединения второй основы к готовым *метровый, литровый* и т. д.; ср. *двухчасовый, трёхгодовой* и т. п. от *часовой, годовой*. Однако в некоторых случаях ударение *-бвый* появляется вопреки ударению соответствующего простого прилагательного: *средневековый* (ср. *вековой*), *многовековый* (/многовековой), *одноцилиндровый*, *двухцилиндровый* (ср. *цилиндровый*), *двухходовый* (ср. *ходовый*), *однояйцовый* (ср. *яйцевой*), также ненормативные *двухмачтовый, восьмилучевый, коротковолновый* и др.⁶⁶ Особое акцентное поведение морфа *-ов-* в этих случаях следует связывать с аналогичными свойствами «опорного» *-ов-* (§ 1.27), ср. *Поднепробье, безотцовщина, поножбвщина* и т. п. В самом деле, на фоне таких примеров, как *одноглазый, двухголовый*, прилагательные типа *двухцилиндровый* выглядят как имеющие «лишнее» *-ов-*. В слове *понижбвый* переход ударения с именного приставочно-корневого комплекса *по-низ-* на *-ов-* легко объясняется, если допустить, что *-ов-* здесь «опорное», тогда как при любой иной трактовке он должен быть признан редкой аномалией; слово *бестолкбвый* можно трактовать либо так же, как *понижбвый*, либо через неплотное соединение *без* и *толкбвый*. По-видимому, допустимо также (по крайней мере, в таких случаях, как *однояйцовый* 'происходящий из одного яйца', где в значении явно есть элемент, свойственный суффиксу *-ов-*) интерпретировать морф *-ов-* как совмещающий в себе «опорный» элемент и суффикс (т. е. как результат «наложения»); ср. двойную функцию *-ов-* в словах типа *розоватый* (*розов- + -оват-*).

Производные *килограммовый, километровый, сантиметровый, миллиметровый* в акцентном отношении уподобились таким, как *стодраммовый, многометровый* и т. п., т. е. основа трактуется здесь как сложная.

Чисто относительные прилагательные

§ 1.63. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку → Polysyll Mono-syll. Оставив временно в стороне производные от существительных с суффиксами *-ок-, -ец-*, рассмотрим остальной материал.

Примеры производных со слабым базовым компонентом: *дождевой, пол-, руд-, огн-, корн-, гост-, пут-, лиц-, плеч-, луч-, бель-, пить-, резб-овой, угл-, числ-, зерн-, нос-, щит-, лист-, хвост-, берег-, колос-, полос-, порох-*, также *перечневой*; из отлагательных и отагъективных производных — *раневой* (от *ранить*), *грыз-овой, скак-, смотр-, пляс-; легк-, бел-, черн-, чист-*; отметим также *сороковой*.

⁶⁵ Этот вопрос рассматривается здесь для прилагательных любых семантических классов.

⁶⁶ Сюда же *право-, левофланговый* (ударение *фланговый*, по-видимому, само заимствовано у этих слов, см. § 1.63).

Отклонение: *ра́зовый* (относительно редких слов *ла́довый*, *па́зовый* и др. см. отдельно ниже).

Примеры эффекта Monosyll в чистом виде (т. е. при сильном базовом компоненте): *бирж-евб́й*, *пул-*, *гир-*, *бур-*, *веч-*, *куч-*, *туч-*, *пищ-*, *сил-овб́й*, *горл-*, *сумм-*, *форм-*, *мен-*, *групп-*, *искр-*, *цифр-*. То же при промежуточном базовом компоненте: *слиз-евб́й*, *цел-*, *кил-*, *стил-*, *штил-*, *бол-*, *гребн-*, *стержн-*, *плесн-*, *кор-*, *визр-*, *душ-* (от *душ*); *град-овб́й* (туча), *груз-*, *шлюз-*, *цирк-*, *пуск-*, *звук-*, *шторм-*, *штурм-*, *шум-*, *горн-*, *тип-*, *мор-*, *центр-*, *бур-*, *курс-*, *свист-*, *текст-*. В словах *спуск-овб́й*, *стык-*, *смысл-*, *вкус-*, *сбыт-* приставочно-корневой комплекс опрошен и потому утратил доминантность. Случаи с наложением морфов: *жерновб́й*, *бечевб́й*, *кочевб́й* (однако *швартовб́й*; в принципе сюда можно отнести также и *торговб́й*).

Эффект Polysyll: при слабом базовом компоненте — *головнёвб́й*, *очаговб́й*, *промыслб́й* и др.; при промежуточном — *митинг-бвб́й*, *лозунг-*, *обод-*, *очерк-*, *поиск-*, *прииск-*, *дебет-* (также ненормативные *обжигб́й*, *минусб́й*); ср. «законное» отсутствие данного эффекта в *береговб́й* и т. п., а также в *волоковб́й*, *молотовб́й*. Эффект Polysyll «незаконно» отсутствует в словах: *отраслевб́й*, *языковб́й* (от язык 'средство общения'), *мастеровб́й*.

Примеры с неодносложным сильным базовым компонентом: *комбайн-овб́й*, *балáнс-*, *балла́ст-*, *ко́сточк-*, *подшипник-*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *маневр-бвб́й*, *оркестр-*, *продукт-*, *мальчик-⁸⁷*, *бороздк-*, *местечк-*; также от имен с *-ок* — *поселк-бвб́й*, *участк-*, нелитер. *подростк-* (в последней группе приставочно-корневой комплекс опростился и утратил доминантность).

При неосвоенности суффикс безударен, даже если это противоречит помете Monosyll. Примеры: при односложном сильном базовом компоненте — *лётневб́й*, *фуг-овб́й*, *хорд-*, *бáз-*, *фрáз-*, *лйнз-фрэск-*, *спёр-*, *рáс-*, *кáсс-*, *кáст-*; при промежуточном базовом компоненте — *шáрж-евб́й*, *лívн-*, *рáнг-овб́й*, *рéйд-*, *стéнд-*, *фб́нд-*, *ко́д-*, *джáз-*, *знáк-*, *трéк-*, *чéк-*, *бáнк-*, *фíльм-*, *клáн-*, *тёмбр-*, *жáнр-*, *клáсс-*, *áкт-*, *кúльт-*, *шéльф-*, при слабом базовом компоненте (исходное слово относится к маргинально-подвижному типу) — *ла́д-овб́й*, *па́з-*, *та́з-*, *ко́н-*, *то́н-*, *прíз-*, *во́рс-* (ср. также предостережения АО против таких ударений, как *ча́новый*, *ша́говый*). Отклонение в сторону Deox: *фёрзевб́й* (наряду с акцентно правильным *ферзевб́й*).

Как и в других частях системы, где активно проявляется прагматический фактор, мы сталкиваемся здесь с очень большим количеством колебаний, поскольку степень освоенности одних и тех же слов у разных носителей языка различна. Основной моделью здесь является соотношение типа *пульт-овб́й* в речи профессионалов — *пúльт-овб́й* в речи остальных носителей языка. Литературная норма, как и в других подобных ситуациях, отражает здесь в одних слу-

⁸⁷ В разговорной речи акцентно anomальное *мальчик-бвб́й* часто заменяется теперь па *мальчуб́й* (акцентно совершенно правильное, ср. *барчúк*, *барчубá* и т. п.).

чаях непрофессиональное ударение (например, *чёрневый, рѹмб-овый, стѣньг-, дѣск-, бѣчк-, тѣгл-, прѣсс-, стѣрт-*; оценка степени нормативности здесь и ниже дана по Грамм), в других профессиональное (например, *слиз-евѣй, гряз-, итил-, цебн-, клубн-, трутн-, шерин-, порин-, приз-овѣй, шлюз-, стѣк-, храм-, сумм-, мен-, искр-, текст-, шрифт-*), в третьих признает допустимыми оба ударения (например, *сѣлевый и сѣлѣвѣй*, аналогично при базовых компонентах *гряж-, усть-, бомб-, трюк-, русл-, дышл-, скип-, ворс-, плюс-, флюс-, сит-, лифт-, шихт-, пульт-*).

Иначе выглядит эффект неосвоенности там, где исходное слово относится к флексивному или смежно-подвижному типу: маркировка ↓ Triv, соответствующая неосвоенности, дает в этом случае ударение *-ѣвѣй*. Примеры: *плетнѣвѣй, тайг-ѣвѣй, тяж-, кирк-, кайл-, сноп-, тавр-, ядр-, пест-, хлыст-, жгут-, кнут-*. Разумеется, эти ударения можно было бы объяснить и действием старого правила (т. е. маркировкой ↓ Marg). Существовало, однако, что все эти слова — очень редкие, а подавляющее большинство более употребительных слов уже подчиняются новому правилу, а не старому (см. примеры выше). Поэтому естественно связывать ударение *-ѣвѣй* в приведенных словах именно с неосвоенностью, а не просто со старым правилом. Ср. колебания в относительно более частых словах: *ножѣвѣй* и *ножевѣй*, *стволѣвѣй* и *стволовѣй*, *котлѣвѣй* и *котловѣй*. Наряду с прилагательными *ковшѣвѣй, копрѣвѣй, кострѣвѣй* (от *костѣр*), которые фиксируются словарями именно с таким ударением (соответствующим неосвоенности), имеются субстантивированные прилагательные (более употребительные) *ковшѣвѣй, копрѣвѣй, кострѣвѣй*.

З а м е ч а н и е. Как отметил Б. О. Унбегаун, в русском языке субстантивированные прилагательные (*рулевѣй, марсовѣй* и т. п.) имеют тенденцию к ударению *-ѣвѣй*, независимо от акцентуации исходного слова (см. Кипарский 1962, с. 16). Учитывая разобранный выше материал, можно утверждать, что это не отдельная закономерность, а лишь специфическое частное проявление общего правила об ударении *-ѣвѣй* у освоенных чисто относительных прилагательных с односложным базовым компонентом. В самом деле, субстантивируются обычно лишь чисто относительные прилагательные (с общим значением 'связанный с таким-то предметом'), например: *рул-евѣй, ковш-, кош-, звень-, город-ѣвѣй, корд-, люк-, стрел-, дом-, стан-, чай-, горн-, костр-, марс-, лот-, вест-* и др.; ср. также *часѣвѣй* (от [стѣять] на *часѣх*). При этом субстантивация (т. е. по сути дела сокращение полного сочетания типа *рулевой матрос*), как правило, наступает лишь в той среде (обычно профессиональной), где соответствующее понятие привычно; отсюда акцентный эффект освоенности. В оппозиции типа *мѣрсовѣй* (прилагательное) — *марсовѣй* (существительное) акцентологически существенно не различие частей речи, а различие по употребительности: *мѣрсовѣй* (*марсовѣй*) в собственно адъективном качестве встречается гораздо реже, чем в субстантивированном. Поэтому для первого литературная норма фиксирует ударение, соответствующее неосвоенности, для второго — соответствующее освоенности. То же верно и для пар типа *кострѣвѣй* — *костровѣй* (см. выше); особенность лишь в том, что здесь неосвоенность отражается суффиксальным ударением, а не корневым. Иначе обстоит дело в парах *коерѣвѣй* — *ковровѣй* (в цирке), *домѣвѣй* — *домовѣй* (демон); здесь разницы по степени освоенности нет, но сильно разошлись значения членов пары. Акцентно регулярны в этих парах именно субстантивированные члены (имеющие чисто относительное значение), тогда как прилагательные по индивидуальным причинам получили особое ударение.

Исключениями из основного правила (которые нельзя отнести за счет неосвоенности) являются: а) *стол-бвѣй, двор-, ковр-, шатр-*; здесь ударение *-бвѣй* соответствует старому правилу; б) *фланг-бвѣй, торг-, сад-, лед-, под-, дом-, опт-, порт-, фракт-, почт-*; здесь ударение не соответствует ни новому, ни старому правилу; сюда же *сѣтбвѣй, верхбвѣй // верховбѣй* (о ветре, о городах на реке; ср. *верховбѣй* от [ездить] *верхом*), *стеблѣвѣй // стеблевбѣй* (ненормативные варианты с *-овбѣй* есть еще и для *лед-, под-, порт-, почт-, сот-*; см. также выше о субстантивированных *ковровбѣй, домовбѣй*). У части этих слов ударению *-бвѣй* способствует наличие качественных или «полукачественных» значений; ср., в частности, *коврбвѣя ткань (дорожка, сани, обои), ледбвѣя дорога, оптбвѣе закупки*. Слово *флангбвѣй*, по-видимому, восприняло ударение слов *право-, левоблангбвѣй* (см. сноску 66). Ударения *торгбвѣй, подбвѣй, верхбвѣй* представляют собой просто архаизмы. Ударение *почтбвѣй*, по предположению А. В. Исаченко, пришло из польского. В прочих случаях пункта «б» источник ударения *-бвѣй* менее ясен.

Вернемся теперь к тому особому случаю, когда прилагательное образовано от существительного с суффиксом *-ок* или *-ец*. В этом случае действует маркировка ↓ (равносильная здесь маркировке ↓ Mag, см. § 1.61). Примеры: *стрелк-бвѣй, станк-, звонк-, щипк-, лепестк-, дворц-, писц-, крестц-, солонц-, ср. слѣтк-овѣй, порядк-, рѣнцевѣй*. Основному правилу подчинились только: *куск-овбѣй, кружк-, крючк-; конц-евбѣй, пальц-, торц- (// торцбвѣй), вальц- (// вальцбвѣй)*; ср. также регулярные *яйц-евбѣй, кольц-, пыльц-*, образованные от существительных среднего и женского рода. Об отклонениях в сторону доминантности (*поселк-бвѣй, участк-, подростк-*) см. выше.

Суффикс *-ян-*

§ 1.64. Суффикс *-ян-* с акцентологической точки зрения обнаруживает значительное сходство с *-ов-*; но материал здесь существенно меньше и акцентные закономерности выявляются менее отчетливо. Основные акцентные свойства суффикса *-ян-* таковы: 1) в качественном значении ↓; 2) в относительном (в т. ч. «полукачественном») значении → Polysyll Monosyll. Для выявления возможного действия прагматического фактора здесь нет подходящих условий.

Качественных прилагательных с *-ян-* совсем немного: *багрѣный, духмяный, медвѣяный, рдѣяный, пьяный*; также *охрѣяный* 'цвета охры', с эффектом Monosyll (//*охрѣябѣй*); ср. еще обл. *водѣяный* 'водянистый'. Кроме того, с остаточным базовым компонентом: *румѣяный, ѣрѣяный, рѣяный*.

Относительные прилагательные. Примеры: *щанбѣй, ржанбѣй, лѣнянбѣй, трав-янбѣй, лед-, гвозд-, круп-, мездр-, нутр-, прос-, холст-, шерст-, солод-, волос-, хворост-* — *селѣтрянѣй, финѣфтѣяный*. Эффект Monosyll: *полб-янбѣй, луб-, ив-, плат-, жест-, нефт-, верф-*,

торф-. Эффект Polysyll: *конопля́ный*; также *очере́тный*, *таволжа́ный* (где суффикс отклоняется в сторону доминантности). Ударение *берестяно́й* соотносится с распространенным ненормативным ударением *береста́* (ср. редкое *береста́ный* в соответствии с *береста́*).

Имеется, однако, значительное число отклонений разного типа. Нет эффекта Monosyll: *кожа́ный*, *па́кля́ный*, *су́сл-*, *гли́н-*, *ни́т-*. Прочие случаи неправильного корневого ударения: *се́ребря́ный*, *ма́сля́ный*, *ве́тряна́я о́спа*. Нарушены правила эффекта Polysyll: *моло́жн-я́ный*, *полотн-*, *чере́п-* (наряду с правильным *черепа́ной*); с другой стороны, *отруба́ной*. Прочие случаи неправильного суффиксального ударения: *песча́ный*, *миша́ный*, *дресва́ный*, *соля́ная кислота́* (при обычном *соляно́й*); колебание *овся́ный* // *овсяно́й*, аналогично при *сурьм-*, *рос-*, *полст-*, ср. еще разг. *жестя́ный* при литер. *жестяно́й* (см. также выше об *очере́тный*, *таволжа́ный*). Большинство указанных прилагательных просто сохраняет свое древнее ударение.

Алломорф *-яни-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓: *сте́кла́нный*, *оло́вя́нный*, *дре́вя́нный*.

Суффиксы *-ова-ть* и *-ирова-ть*

§ 1.65. Суффикс *-ова-ть* (первичный) характеризуется двояким акцентным поведением. Более старая (непродуктивная) модель здесь *-ова́-ть* ↓, более новая (продуктивная) — *-ова́-ть* ↓ D. Только старой моделью объясняется ударение следующих слов: [доса́д]-*овать*, об[на́рбад]-, [у́рбад]-, [при́бад]-, [расха́д]-, (об)[ору́д]-, [наси́л]-, [со́болэ́н]-, [со́баб]-, [со́вет]-; *же́ртва́*, *ра́д*-, *бесе́д*-, *кома́нд*-, *трапе́з*-, (ис)побльз-, (из)обил-, *пра́здн*-, *па́мят*-, *коры́стоваться*. Отметим, кроме того, не отыменные (по крайней мере, с синхронической точки зрения) глаголы с таким же ударением: *тре́б-овать*, *проб*-, *бре́зг*-, *заве́д*- (*пропове́д*- и т. д.), *сле́д*-, *зави́д*-, *жа́л*-, *ве́р*-, *ра́т*-, *се́т*-, *пе́ст*-, *по́тчевать*; ср. также простореч. *ба́ловать(ся)*. Нерегулярно (даже с точки зрения старой модели) *ми́ловать*; ср. акцентно регулярное *милова́ть* 'ласкать'. Следует отметить, что большая часть слов данной группы носит книжный характер.

Все прочие слова с *-ова-ть* (но не *-ирова-ть*) имеют ударение на суффиксе, например: *страх-ова́ть*, *титу́л*-, *пси́х*-, *ши́фр*-, *воева́ть*. При этом для значительной части из них такое ударение может быть объяснено только моделью ↓ D, например: *известк-ова́ть*, *кварти́р*-, *интри́г*-, *интерес*-, *пасья́н*-, *пани́к*-, *рифм*-, *мышк*-.

Некоторые слова первой группы в нелицературной речи переходят во вторую, ср., например, *памяту́я*, *покрысту́ются*, *соболезну́ют*.

Суффикс *-ировать*⁶⁸ (первичный) имеет маркировку ↓ D, но с двумя вариантами акцентовки: *-и́рова-ть* и *-ирова́-ть*. Выбор между

⁶⁸ При описании акцентных свойств данного суффикса использована курсовая работа К. К. Богатырева на эту тему; см. также Воронцова, с. 237–248.

этим вариантами подчиняется не вполне строгим правилам; имеется значительное количество колебаний. Вариант *-ировать* выступает в следующих случаях. 1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) 'покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) X', 'насыщать, пропитывать X-ом' (*лак-ировать, бронз-, глаз-, брон-, мат-, также плак-, пол-, пан-, блиндировать; грим-ировать, марк-, лесс-, грав-, гофр-, плисс-; фарш-, мебл-, ср. газирбанный*); б) 'покрывать, укрывать предметом (одеждой) X' (*маск-ировать, драп-, плюмб-*); в) 'организовывать, подразделять в соответствии с X', 'упражнять, улучшать способом X' (*групп-ировать, сорт-, план- [об участках земли]; норм-, форм-, трен-, дресс-, юстировать*). 2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ировать, никел-, костюм-, экип-, татуировать*. 3. В изолированных случаях: *марш-ировать, рок-* (непереходные глаголы); *серв-, прем-* (ср. ненормативное *премировать*), *пик-* (о сеянцах), *кол-, крок-, плас-, декатировать*. Глаголы *квартировать, обмундировать, брошировать (брошуровать)* относятся не сюда: это *квартир-(а) + -овать* ↓ D и т. д. Возможность подобного разложения существует также для *командировать, бомбардировать, ранжировать, буксировать*; она поддерживает в этих словах конечное ударение.

Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-ировать*; это глаголы с базовым компонентом на *р* (*хлор-ировать, нитр-, вир-*), а также *газ-ировать* (но *газирбанный*), *хром-* (но обычно *хромируемый*), *арм-, гумм-, сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при неодносложном базовом компоненте *-ировать* является нормой (ср. *бетон-ировать, цемент-, асфальт-* и т. д.).

Во всех прочих случаях представлено только *-ировать* (*поз-ировать, шок-, форс-, транспорт-* и т. п.); оно же всегда выступает в составе *-изировать*.

Суффикс *-ить*

§ 1.66. Суффикс *-ить* (первичный) имеет маркировку ↓ Deox. Его особенностью является то, что промежуточные базовые компоненты здесь почти всегда ведут себя как сильные (даже при освоенности). Кроме того, имеется довольно много индивидуальных отклонений (заметим, что большую часть из них составляют акцентные архаизмы; их синхроническая неправильность обусловлена лишь тем, что в ходе истории изменилась акцентовка производящего слова). Относительно случаев, где трудно выявить направление словопроизводства (от имени к глаголу или наоборот), см. § 1.18; специально отметим, что ниже трактуются как непроездовые, в частности, глаголы *править, значить, -члнить, мблнить*.

Примеры правильного ударения: *серебрить, бороздить, веселить, солить, застолбить, грубить, уточнить* — [*проказ*]ить, у[*навб-*

з]ить, [вздр]ить, у[достó]ить, о[безерéd]ить, о[бессáхар]ить, морóзить, усíлить, сáлить, мнóжить, вя́лить, осчастлívить, пáкостить; эффект Деох: мая́чить, батра́чить, утю́жить, раскоше́литься, кура́житься, напузы́рить, также песóчить (с нерегулярным сохранением беглого о). Отметим, что перед -и-ть иногда встречаются нехарактерные для русского языка в целом глагольные двукорневые комплексы, например, руково́дить, благосло́вить (см. § 1.26). Правильное ударение имеют также производные от «группы воск» (§ 1.30, А1), а именно: охлад-и́ть⁶⁹, омрач-, воц-, лоц-, захлам-, срам-, крен-, обдерн-, мир-, сор-, ворс-, форс-, гнус-, фарт-, бут-, страш-, смеш-; див-; лени́ться, дур-и́ть, улест-, груст-; дружи́ть, покуми́ться (ср. также усынов-и́ть); просквози́ть.

Промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый только в словах гнев-и́ть, хам-, бубн-, расчлен-, бур-, бес-, франт-; вразум-, щепен-, грохот-, опустош- (ср. еще обрус-и́ть, от русский); колеблется гáти-ть, ср. также нелитер. перчи́ть (при литер. нёрчить). Во всех прочих случаях такой компонент ведет себя как сильный, например: нра́виться, проштра́фиться, гáд-и-ть, тра́л-, цéл-, зайл-, трýс-, озвóуч-, сáхар-, мýсор-, пáрус-, совест-; как можно видеть, сюда попадают и весьма употребительные (т. е. вполне освоенные) слова.

Производные с неправильным ударением. Направильное наосновное ударение: 1) отсубстантивные производные — грóб-и-ть, корóб-, гóрб-, голóб-, зéб-, мура́в-, лáд-, чýдиться (ср. правильное чуди́ть), ёжиться, пýжиться, княж-, обýгл-, мáсл-, чéсл-, хóхл-, мýл-, жáр-, пáр-, бáгр-, похёр-, прожёр-, проветр-, посестр-и-ться, квáс-и-ть, крáс-, вéс-, чудéс-, пýт-и-ться, кóнч-и-ть, жýч-, крýч-, вьóч-; особо стоит кле́ить (§ 1.46, примеч.); колебание в пристру-ни́ть, взви́хри-ть, обрешéти-ть; 2) отадективные производные — осла́б-, глáд-, продблж-, тýжиться, сдóуж-, прибли́з-, понíз-, сýз-, опбдл-, осмéлиться, тéплиться, затéпл-и-ть (ср. утепл-и́ть), опбшл-, напбшл- (ср. полни́ть 'делать более толстым на вид'), проясн- (о погоде; ср. проясн-и́ть), одббр-, расцédри-ться, расшёр-, ускóр-, втбр- (ср. повтор-и́ть), змýр-, повýс-, чéст-, насýт-, увел-и-ч-⁷⁰; особо стоят удвб-и-ть, утрб-и-ть, усвб-и-ть (однако двои́ть, трои́ть), ср. кле́ить выше; колебание в окисл-и-ть.

Неправильное ударение внутри основы: образóжить (ср. вразум-и́ть), слесáрить, кухар-и-ть, онемéчить, отурéчить.

Неправильное ударение на суффиксе: бомб-и́ть, язв-, отож-деств-, обобществ-, оздоров- (ср. поздорóвиться), освобод-, обрам-, изум-, удревн-, усредн-, упраздн-, наводн-, соедин-, брежен-, внедр-, яр-, торос-, обогат-, поработ-, обвеш-; также табуни́ться, пузы-

⁶⁹ Приставочные глаголы здесь и в дальнейших списках представляют также и соответствующие глаголы с другими приставками.

⁷⁰ Но устрб-и-ть — это правильное производное от стрбже (ср. улúчить, умéньшить).

рѣчься, петушѣться (без эффекта Деох); колебание в *услугѣть, сгрудѣть, опорѣжить, багрѣнить, искрѣться*, ср. еще устар. *уменьшѣть* при обычном *уменьшить*.

Суффиксы *-им-* и *-ениј-е (-ен'ј-е)*

§ 1.67. Первичные суффиксы *-им-* (как в причастном, так и в адъективных значениях) и *-ениј-е (-ен'ј-е)* обладают общей особенностью, состоящей в том, что их акцентные свойства различны при соединении с глаголами разных видов.

При соединении с глаголами совершенного вида *-им-* (дающее в этом случае только прилагательные, не причастия) имеет маркировку ↓ D, *-ениј-е, -ен'ј-е* — маркировку ↓. Примеры: а) *неудержѣмый, поправѣмый, сопоставѣмый, выполнѣмый, неисповедѣмый, неопровержѣмый, неунитожѣмый, неоспорѣмый* (с опростившимся *спор-*); с доминантными базовыми компонентами по общему принципу (§ 1.31) соединение здесь невозможно (например, нет никакого приемлемого ударения для **неупорядочѣмый, *необесцветѣмый* и т. п., что и делает эти слова невозможными); б) *рождѣние (рождѣнье), явлѣние*, далее, в силу односложности корня в глаголе (§ 1.30, A2), также *умножѣние, заверѣние, украшѣние, прославѣние, улучшѣние, расширѣние, привидѣние*, также *приобрѣтение*; с другой стороны, *у[вековѣч]ение, о[благорѣж]ение, о[бесцвѣч]ение, о[бесцѣн]ение, у[закѣн]ение, у[порѣд]очение, очеловѣчение, одомашнение, онемѣчение, одурѣчение, возвелѣчение*.

При этом, однако, имеется заметная тенденция (особенно в разговорной речи) трактовать при суффиксе *-ениј-е (-ен'ј-е)* все недоминантные базовые компоненты как слабые. Эта тенденция уже победила в случаях: *приготовлѣние (за-, под-, из- и др.), уничтожѣние, сопротивлѣние, осведомлѣние, уведомлѣние, ознакомлѣние, ограниченѣние (раз-), увеличѣние, преувеличѣние*; в нескольких случаях опростился и потерял доминантность базовый компонент, раньше бывший доминантным: *уподоблѣние (рас-), обособлѣние, приспособлѣние, успокоѣние, упокоѣние*. Широко распространились также ударения: *обморожѣние, отморожѣние, обнаружѣние, обеспечѣние* (последнее с опрощением и потерей прежней доминантности у базового компонента). Данная тенденция действует тем сильнее, чем чаще употребляется слово; в самом деле, перечисленные здесь слова высокоупотребительны, тогда как в группу *очеловѣчение, одомашнение* и т. д. входят лишь редкие слова (притом книжного характера).

Обратное отклонение (сохранение традиционного ударения) представлено лишь в словах: *воздвѣженье, срѣтенье* (названия церковных праздников), *свѣдение* (ср. квазиомоним *сведѣние* от *свестѣи*), *намѣрение* (ср. простореч. *намерѣние*), *упрѣчение* (нелитер. *упрѣчѣние*), *обрушѣние* (наряду с *обрушѣние*), *благоприобрѣтение* (нелитер. *-ѣние*), также *повѣщение, озвѣчение* (слова, отсутствующие в разго-

ворной речи). Аномальное ударение *опрóщение* (для лингвистического термина) носит искусственный характер (это результат «отталкивания» от нетерминологического *опрощéние*); это ударение поддерживается как своего рода знак причастности к определенной традиции, но скорее всего не удержится в борьбе с акцентологически правильным *опрощéние*.

При соединении с глаголами несовершенного вида картина иная: суффиксы *-им-* и *-éни'j-е* (*-ен'j-е*) используются заменительно (с маркировкой ↓), вместо окончания *-у* в 1 ед. презенса. Примеры: а) *гонимый, терпимый — видимый, слышимый, мыслимый, движимый, зависимый* (ср. *гоню, терплю, вижу* и т. д.); характер значения (причастный или адъективный) для акцентуации несуществен; ср. также производное второго ранга *стбимость*; б) *сидение, сидéнье, печéние, печéнье, молéние, ведéние — гла́jenje, жа́рение, видéние* (процесс), *тра́ление, вяление, квáшение, кра́шение, ут́южение, кразмáление, фoрдыбáчение* (ср. *сижú* и т. д., *гла́жу* и т. д.). Особо стоит *вéдение* (от *вéдаю*).

От этого правила отклоняются, однако, производные с *-ени'j-е*, *-ен'j-е*, утратившие первоначальное значение процесса и развившие другие значения (например, результата), а именно: *видéние* 'призрак, сон', *значéние, стрóение*; здесь суффикс ведет себя как при глаголах совершенного вида. Прочие отклонения: *княжéние, правлéние, мышлéние* (устар. *мышление*), *мучéние* (заметим, что все эти слова имеют не только процессуальное значение); *движéние, плавлéние*, также (*не*)*противлéние*. Аналогичное отклонение с *-им-*: *недви́жимый* 'неподвижный' (ср. *недви́жимое имущество*). Изолированно стоит архаизм *ря́жение* (обряд), с обратным отклонением.

Слова *ранимый, ранéние* (от двувидового глагола *ра́нить*) акцентно регулярны: они соотносятся с совершенным видом, что подтверждается и их значением (прилагательному *ранимый* 'уязвимый, чувствительный', вообще говоря, можно даже противопоставить потенциальное причастие *ранимый* 'тот, которому наносят рану'; во всяком случае, слово *ранимый* этого значения передавать не может).

Действие изложенных правил создает в русском языке многочисленные акцентные противопоставления типа *ру́шимый — неразруши́мый, гла́димый — неизглади́мый, ру́шение — разруше́ние, кра́шение — украше́ние, морб́жение — обморобе́ние, видéние — видéние*.

Суффиксы *-щик-* и *-овщик*

§ 1.68. Акцентные свойства этих суффиксов различны в отглагольном, и в отыменном словообразовании.

В отглагольном словообразовании *-щик* выступает как вторичный суффикс с маркировкой ←, например: *ру́бщик, мойщик, гонщик, лепщик, [сва́р]щик, [ску́п]щик, [доста́в]щик, [натя́р]щик, вьдумщик,*

плакальщик, гладильщик (морф -и- ↓ D). Суффикс *-овщик* выступает здесь как первичный (непоглощающий) с маркировкой ↓⁷¹: *сверло́вщик, распило́вщик, потоко́вщик* (от *сверли́ть, распи́ливать, пото́кать*). Однако *-овщик* как единый суффикс здесь весьма редок: подавляющее большинство отглагольных слов на *-овщик* соотносено с глаголом на *-овать* (т. е. содержит просто суффикс *-щик*), ср. *зимовщик, калибровщик, упаковщик, забастовщик* и т. п. Отклонения: 1) в словах *продавщи́к, поставщи́к, покупщи́к, откупи́щи́к* *-щик* ведет себя как первичный суффикс класса →; 2) в ряде слов на *-овщик* (бесприставочных), несмотря на наличие глагола на *-овать*, акцентуация такая, как у отыменных производных (см. ниже), — *пемз-овщи́к, бронз-, дерн-, пресс-, плюс-, бунт-, грунт-, борт-, межсеви́щи́к*; во всех этих случаях слово на *-овщик* можно семантически связать и с соответствующим существительным, т. е. мы имеем дело с двусмысленной словообразовательной связью.

В отыменном словообразовании *-щик* и *-овщик* находятся в почти строгом дополнительном распределении: *-овщик* используется при односложных базовых компонентах (кроме сильных, оканчивающихся на одиночную согласную), *-щик* — в прочих случаях, ср. *гробовщи́к, крановщи́к, ламповщи́к* и *жалобщи́к, веретёнщи́к, фона́рщи́к* (но также, например, *ба́нщи́к*); при наличии беглой гласной в производящей основе используется модель *тюре́мщи́к, стекло́вщи́к* и т. п., т. е. без *-ов-*. Таким образом, здесь представлен яркий пример выравнивания слоговой структуры производных путем добавления «пустого» *-ов-* там, где недостает слога.

С акцентной точки зрения, отыменное *-щик* используется: 1) заменительно (с маркировкой →), вместо прилагательного с *-н-*, например, *погребщи́к, кузовщи́к, обувщи́к, гребенщи́к, зеленщи́к, померщи́к, тюре́мщи́к, корабельщи́к, аварийщи́к, подёнщи́к, ка́менщи́к, уго́лщи́к, та́бельщи́к* (ср. *погребно́й* и т. д., *тюре́мный* и т. д.); 2) аддитивно (с маркировкой ←) — в тех немногих случаях, когда нет соответствующего прилагательного с *-н-*, например, *жестя́нщи́к, па́йщи́к*. Отклонения: 1) *ящи́к, денщи́к, стерженщи́к*; слово *временщи́к* формально соотносено с *временно́й*; 2) *коко́бщи́к*.

Отыменное *-овщик* выступает как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой → Monosyll, например: *гроб-овщи́к, час-, резьб-, слон-, плот-, гурт-, газ-, рост-, бронз-, пемз-*; ср. также *кладовщи́к, мостовщи́к* (от *кладова́я, мостова́я*). Отклонения: 1) *ламповщи́к, нёрповщи́к*; 2) *старёвщи́к, клеймо́вщи́к, ковровщи́к*.

⁷¹ Ср. также *-ирвщи́к* ↓ D (§ 1.41).

Суффиксы *-ян-е (-ан-е)*, *-чан-е*

§ 1.69. Суффиксы названий жителей *-ян-е (-ан-е)*, *-чан-е* выступают в чистом виде во мн. числе производных (*римляне, молдаване, ростовчане*), а в ед. числе сопровождаются сингулятивным суффиксом *-ин* ↓ (*римлянин, молдаванин, ростовчанин*). Акцентные свойства этих суффиксов сложны и отчасти аномальны. Нормальной маркировкой этих суффиксов является ↓ D; ср., например, *волжанин, парижанин, киевлянин, вологжанин, россиянин, персиянин, молдаванин, магометанин, ростовчанин, харьковчанин* (не говоря уже о случаях со слабым базовым компонентом вроде *горожанин, поезжанин*). Однако наряду с этим суффикс *-ян-е (-ан-е)* обнаруживает еще два типа акцентного поведения: 1) в названиях жителей древнего мира этот суффикс ведет себя по классу ↓ (без доминантности) — *римлянин, афин-, карфагэн-, латин-, македон-, вавилон-, финикийнин* и др. (см. Грамм.), также *вольнянин*; в *ассириянин* такой же сдвиг ударения, как в *-ийск-, -ийн-*; 2) в замкнутой группе старых слов этот суффикс, сохраняя перед окончаниями (т. е. во множ. числе) обычные свойства класса ↓ (или ↓ D), перед сингулятивным суффиксом *-ин* аномальным образом ведет себя по классу → (т. е. передает этому *-ин* свое ударение): *славянин* (мн. *славяне*), аналогично *селянин, арм-, двор-, мещанин, чуж-, христи-, ср. семьянин* (мн. *семьянины*); слова *гражданин, согражданин* дважды аномальны, поскольку во мн. числе здесь выступает (*со*)*граждане*. В нелитературной речи некоторые слова из этих особых групп могут следовать основной модели (например, возможны ударения *римляне, афиняне, вавилоняне, селянин, христианин*); для слова *египтяне* такое ударение уже закреплено литературной нормой.

Аномальной акцентной особенностью суффиксов *-ян-е, -чан-е* является также то, что они могут перетягивать на себя ударение с доминантного базового компонента, например, *поморянин*; в самом деле, при *-ян-* ↓ ожидалось бы **помбрянин*, а при *-ян-* ↓ D соединение здесь должно быть вообще невозможным (см. § 1.31). Правда, общелитературных слов с таким эффектом совсем мало: *прихожанин, поселянин, соборянин, поморянин* (в *однополчанин, односельчанин* естественнее видеть неплотное присоединенное *одно-*). Прочие слова такого рода имеют узкое (часто сугубо местное) распространение, например ⁷² *поречанин, подольнин, пятигорчанин, днепрпетровчанин*; сюда же *посельчанин*. Часть подобных производных явно опирается на соответствующие более простые, ср. *заволжанин, поволжанин, приволжанин* и акцентно правильное *волжанин, старорушский и рушанин, великоустюжанин и устюжанин* и т. п. (т. е. здесь применяется техника неплотного присоединения). Было бы неосторожно, однако, рассматривать местные названия рассматриваемого типа

⁷² Основной источник примеров: Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

в одном ряду с общелитературными словами: морфологические механизмы здесь могут быть несколько особыми, к тому же разными в разных частях русской территории; ср., например, недоминантное *-ян-е* в ряде северных названий (*ки́жанин*, *верхова́жанин*, устар. *белозе́рянин*, *завблжанин*, *повблжанин*, *новгорбдчанин*).

В целом для суффиксов *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е* следует констатировать преобладание маркировки ↓ D при значительных следах других, более старых маркировок, а также тенденцию к нарушению правила о несовместимости доминантного базового компонента и доминантного суффикса; по-видимому, это нарушение связано с особым способом функционирования собственных имен, при котором их морфемная членимость становится несущественной и перестает осознаваться (откуда эффект, характерный для случаев опрощения).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ РУССКИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

РАЗДЕЛ I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1. Распространено представление, что в современном русском языке в распределении односложных¹ существительных по акцентуационным типам нет почти никаких синхронических закономерностей² и единственно возможное практическое решение состоит в приведении полных списков. В настоящей работе мы пытаемся показать, что это представление неверно, т. е. что в действительности в данной сфере имеются довольно четкие закономерности и лишь в силу того, что они разнородны и образуют сложную иерархию, наблюдаемая внешняя картина кажется беспорядочной³.

§ 2. Мы будем различать⁴ следующие схемы ударения (или, что то же, акцентные кривые), возможные для слов рассматриваемого класса:

a — ударение на основе⁵ во всей парадигме (например *знак, зна́ка, зна́ки, зна́ков*);

b — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол, столá, столы́, столов*);

c — как *a* в ед. числе, как *b* во мн. числе (*дар, да́ра, дары́, даро́в*);

¹ Под односложными понимаются, в соответствии с традиционным словоупотреблением, существительные с односложной исходной словоформой.

² Так, В. Кипарский пишет: «Как известно, ...ни для исконно русских, ни для заимствованных односложных слов никаких «правил ударения» пока что не существует...» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950, с. 20; ср. также: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 24).

³ Из-за ограниченного объема настоящей статьи в ней представлен не весь проанализированный материал (но все общие положения изложены); подробнее см. § 14, конец.

⁴ В соответствии с кн.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 153.

⁵ Наличие или отсутствие у слова так называемого 2-го предложного падежа ед. числа (далее сокращенно — П₂) на *-ý, -ю* схемой ударения не учитывается; это отдельный признак слова. Таким образом, под основным ударением ед. числа в настоящей работе понимается ударение на основе во всех словоформах ед. числа, кроме П₂ на *-ý, -ю* (если таковой имеется).

d — как *b* в ед. числе, как *a* во мн. числе (*кол, колá, кóлья, кóльев*);

e — то же, что *c*, но с наосновным ударением в И. мн.⁶ (*бог, бóга, бóги, богóв*);

f — то же, что *b*, но с наосновным ударением в И. мн. (*звóздя, звóзди, звóздéй*).

Singularia tantum (т. е. слова, у которых мн. число никогда или почти никогда не употребляется, например *пух, быт, юг*) причисляются к схеме *a* или *b* в соответствии с их ударением в ед. числе⁷.

Класс односложных существительных мужского рода в современном русском языке открыт для пополнения за счет заимствований и новообразований (аббревиатур, отглагольных имен и др.), поэтому точно указать его численность невозможно. В «Обратный словарь русского языка»⁸ входит около 1500 таких слов; в этом объеме данный класс и рассматривается ниже (везде, где не оговорено обратное).

Из этих 1500 слов по литературной норме к схеме *b* относится около 200, *c* — около 120, *d* — 6, *e* — 21, *f* — 4. Прочие относятся к схеме *a*.

Продуктивными, т. е. способными принимать новые слова, являются (для рассматриваемого класса слов) только три схемы ударения: *a*, *b* и *c* (иначе говоря, любые акцентуационные правила неспичного характера могут требовать только одной из этих трех схем).

§ 3. В некоторых случаях возникает необходимость рассмотреть древнерусскую акцентуацию того или иного слова. Как установлено современной сравнительно-исторической акцентологией, в древнерусском имена делились с акцентуационной точки зрения на три класса⁹:

1) имена с неподвижным ударением на определенном слоге основы во всех словоформах — так называемая акцентная парадигма *a* (= «баритонированная»);

2) имена с ударением на флексии во всех словоформах (за некоторыми, строго определенными для каждого типа склонения исключениями) — так называемая акцентная парадигма *b* (= «оксигтонированная»);

3) имена с подвижным ударением, которое в каждом типе склонения было представлено особым (но единым для всего этого типа) распределением наосновного и флексийного ударения в парадигме склонения — так называемая акцентная парадигма *c* (= «подвиж-

⁶ Здесь и далее таким способом обозначаются формы именной парадигмы: большая буква (И., Р., Д., В., Т., П.) обозначает падеж, сокращения «ед.», «мн.» — число.

⁷ Заметим, что количество *singularia tantum* схемы *b* ничтожно мало: это только *скот* (в основном, собирательном значении), *вред, стыд, плюш* (как будет видно ниже, § 10, это обстоятельство не случайно).

⁸ Обратный словарь русского языка. М., 1974.

⁹ См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1983, с. 4; Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, p. 56—94.

ная»); характерной дополнительной особенностью этой акцентной парадигмы был перенос ударения со словоформ с наосновным ударением на проклитики и энклитики¹⁰.

В настоящей работе мы исходим из того, что для существительных мужского рода нормальными (т. е. не требующими индивидуальных объяснений для отдельного слова) являются следующие соответствия:

акцентная парадигма в древнерусском		схема ударения в современном русском
<i>a</i>	—	<i>a</i>
<i>b</i>	—	<i>b</i>
<i>c</i>	—	<i>c</i> или <i>e</i> ¹¹

Таким образом, например, для слова *нос* (схема *c*, др.-русс. акцентная парадигма *c*) мы будем говорить просто о сохранении старой акцентуации (хотя фактически ударение некоторых словоформ здесь изменилось). Соответственно под индивидуальными изменениями прежней акцентуации понимаются только отклонения от указанного системного соотношения.

§ 4. Для дальнейшего изложения нам потребуется несколько вспомогательных рабочих терминов.

Тривиальное и нетривиальное склонения

Противопоставление тривиального и нетривиального склонений, вообще говоря, актуально для всех русских существительных; но здесь мы, в соответствии с задачей настоящей работы, ограничимся его определением для слов мужского рода.

Тривиальным склонением для слов мужского рода¹² (не только односложных) мы будем называть образование неисходных словоформ, обладающее одновременно следующими свойствами: 1) отсутствие чередований в основе (не считая, разумеется, автоматических смягчений перед *-e*); 2) схема ударения *a*; 3) отсутствие Π_2 на *-ý*, *-ю*; 4) мн. число с именительным на *-ы*, *-и*. Примеры: *огорóд*, *спор*, *нерн*.

Соответственно склонение, у которого отсутствует хотя бы одно из этих четырех свойств, мы будем называть нетривиальным. Примеры: *побáрок*, *кáшель* (чередование в основе); *стол*, *дар* (схема ударения не *a*); *сок*, *быт* (Π_2 в *соку́*, *в быту́*); *брат*, *клин* (И. мн. не

¹⁰ См.: Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — «Советское славяноведение», 1971, № 6, с. 77—80.

¹¹ Норму здесь составляет схема *c*; схема *e* представлена лишь в замкнутой группе слов, задаваемых списком (см., например: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 158).

¹² Здесь и везде далее подразумевается: «кроме слов мужского рода, склоняющихся по образцу других родов (например *мужчина*, *городишко*), а также неизменяемых».

на *-ы, -и*); *сон, кусо́к, сад, кол, снег* (несколько указанных свойств одновременно).

Противопоставление «тривиального» и «нетривиального» может быть применено также к ударению: тривиальное ударение — схема *a*, нетривиальное ударение — любая другая схема.

Помимо слов определенно тривиального и определенно нетривиального склонений, существует, однако, группа неопределенных слов: это *singularia tantum* без чередований и без Π_2 на *-ý, -ю*, имеющие наосновное ударение в ед. числе. Примеры: *сор, лай, благ* (неопределенность возникает здесь из-за отсутствия мн. числа, которое могло бы быть как тривиального, так и нетривиального типа).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов мужского рода к нетривиальному склонению относится по литературной норме около 380, а с учетом ненормативного ударения — около 450. Неопределенных *singularia tantum* — около 250. Остальные слова относятся к тривиальному склонению.

Противопоставление привычного и чуждого

§ 5. Это противопоставление носит не общеязыковой, а индивидуальный характер: для данного носителя языка некоторое слово может быть привычным (освоенным, «своим») или чуждым (ранее не слышанным или слышанным редко, непривычным, неосвоенным). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом (а не собственно языковом) различии. Соответственно мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию или на иные характеристики слова прагматическим фактором.

Привычными для взрослого носителя языка являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды (прозвища, «семейные слова» и т. п. и в максимальной степени — слова жаргона или аргю). Чуждыми являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Чуждым для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал. Однако период «освоения» слова может быть весьма различным по длительности; в частности, в тех случаях, когда привычность некоторого слова (например профессионального, арготического, «элитного») связана в глазах человека с престижем, он обычно стремится (бессознательно или даже сознательно) сократить до минимума период «освоения» такого слова.

Разумеется, между полной чуждостью и полной привычностью имеются различные промежуточные случаи. Поскольку, однако, едва ли возможно объективно оценить эту градацию, мы удовлетворимся констатацией данного противопоставления в ярко выраженных, полярных случаях. Существенно прежде всего то, чтобы данное праг-

матическое противопоставление было вообще учтено в лингвистическом анализе (хотя бы и с вынужденно приблизительными оценками), поскольку оно играет очень важную роль при выборе акцентуации слова.

Таким образом, разделение слов на привычные и чуждые индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

З а м е ч а н и е. Близкую проблему составляет рост числа освоенных слов у ребенка. Поскольку, однако, в этой проблеме есть ряд специфических аспектов, которые нас здесь не интересуют, мы исключаем ее из рассмотрения. Далее имеются в виду только люди, которые уже вполне овладели языком (в частности усвоили всю лексику, требуемую обычными условиями их жизни).

Слова языка можно делить (по крайней мере, теоретически, поскольку практически это чрезвычайно трудная задача) на группы в зависимости от того, для сколь большей части носителей языка они являются привычными. Так называемые общеупотребительные слова привычны почти для всех взрослых носителей языка. Большинство составляют, однако, слова, каждое из которых привычно только для какой-то части носителей языка (иногда весьма незначительной).

Среди этих общеупотребительных слов можно выделить некоторое количество таких, которые известны почти всем взрослым носителям языка (хотя и не являются для большинства из них привычными). Таким образом, теоретически можно различать следующие концентры слов: 1) общеупотребительные (например *хлеб, глаз, гром*); 2) общеизвестные (из общеупотребительных сюда входят, например, *болт, тёс, фрак*); 3) весь лексический состав (из общеизвестных сюда входят, например, *шлих, хорт, гарт*).

Второму концентру (т. е. совокупности общеизвестных слов) приблизительно соответствует словарь Ожегова. Из рассматриваемых односложных слов в него входит около 900¹³. Удовлетворительного приближения к первому концентру в русской лексикографии, по-видимому, нет.

Старые и поздние слова

§ 6. Для рассматриваемой проблемы существенно также различать старые слова (т. е. исконные слова и древние заимствования) и поздние (т. е. заимствования более поздней эпохи и новообразования). Разумеется, хронологическая граница между ними может быть только условной и должна выбираться по-разному в зависимости от цели исследования. Для настоящей работы оказалось целесообразным принять за условный рубеж начало XVII в., т. е. время, когда становится достаточно интенсивным приток заимствований из

¹³ Данные по «Обратному словарю русского языка» (в котором отражено 4-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. М., 1960).

западноевропейских языков (в допетровское время еще преимущественно через польское посредство).

З а м е ч а н и е. Все отглагольные имена (например *ви́за, топ, жим; жом, свал*) ведут себя в интересующем нас отношении как старые слова (хотя в действительности некоторую небольшую их часть, по-видимому, составляют новообразования). Условимся поэтому все такие слова относить к числу старых (тем более, что точно установить, какие из них являются новообразованиями, почти невозможно).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов бесспорно поздних около 700. У некоторого (сравнительно небольшого) числа слов «возраст» неизвестен.

РАЗДЕЛ II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 7. Настоящая работа содержит некоторую гипотезу о языковом механизме, приписываемом в современном русском языке определенную акцентуацию односложным словам мужского рода (или, что по существу то же самое, представляет собой модель такого механизма). В настоящем разделе (§7—14) излагаются основные положения этой гипотезы. Разбор материала, подтверждающего эти положения, и совокупность всех правил в полной форме содержатся в дальнейших частях работы.

Факторы, влияющие на акцентуацию (как, впрочем, и на любую другую характеристику) конкретного слова, прежде всего можно разделить на следующие два класса: 1) синхронические закономерности, действующие в настоящее время в языке; 2) фактор исторической преемственности (требующий сохранения той акцентуации, которая была в речи предшествующего поколения). Рассмотрим последовательно эти два класса факторов.

ИЕРАРХИЯ СИНХРОНИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Как уже указано выше (§ 2), синхронические закономерности могут требовать для слова рассматриваемой группы только одной из трех схем ударения: *a, b, c*. На выбор между этими схемами ударения влияют следующие типы факторов: 1) собственно языковые факторы — морфонологический (число слогов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфонологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический; 2) прагматический фактор — привычность или чуждость слова для данного носителя языка.

Соответствующие конкретные правила образуют довольно сложную иерархию. Ниже указан общий характер этих правил (правила перечисляются в порядке их применения). Только три самых общих и важных правила (условно названных «принципами») приведены непосредственно.

ПРАВИЛА, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА

Действие собственно языковых факторов

§ 8. Принцип I («исходный акцентно-слоговой принцип»). У существительных мужского рода:

а) схема ударения *a* возможна при любом месте ударения в исходной словоформе (например *ка́торжник, авто́бус, парово́з, спор*);

б) схема ударения *b* возможна только при конечном ударении в исходной словоформе¹⁴ (например *каранда́ш, чугу́н, стол*);

в) схема ударения *c* возможна только при начальном ударении в исходной словоформе¹⁵ (например *ко́локол, ма́стер, бал*).

Далее действует несколько более частных правил: морфонологическое (о беглой гласной в основе), морфологическое (о наличии определенных суффиксов, о сложных словах, об отглагольных именах с приставками, об аббревиатурах), семантическое (о названиях национальностей). Они предписывают определенной части слов схему ударения *a* или *b* (или, по крайней мере, ограничивают выбор схемы ударения).

Действие прагматического фактора

§ 9. Дальнейшие правила относятся только к словам, акцентуация которых еще не определена однозначно правилами § 8.

Принцип II. Противопоставление чуждого и привычного внешне выражается противопоставлением тривиального и нетривиального склонений:

а) чуждому соответствует тривиальное склонение;

б) привычному соответствует нетривиальное склонение¹⁶.

Поскольку противопоставление чуждого и привычного индивидуально, его эффект также индивидуален. Так, для многих слов возникает противопоставление: нетривиальное склонение в речи профессионалов (например *шпри́цы, массажи́, трюма́, боцманá*) — тривиальное склонение в речи остальных носителей языка (*шпри́цы, масса́жи, трю́мы, боцмань*).

Основным продуктивным способом реализации принципа II⁶ является нетривиальное ударение, точнее, две его схемы: *b* и *c*¹⁷. Об-

¹⁴ У двусложных слов (не на *-ок, -ец*) с беглой гласной также при начальном ударении (например *у́горь*).

¹⁵ У трехсложных слов на *-ор, -ер, -ель* также при срединном ударении (например *профе́ссор*).

¹⁶ В дальнейшем первая часть этого утверждения может быть также названа «принципом II^a», вторая — «принципом II^b»; аналогично и с принципом III, приводимым ниже.

¹⁷ Дело в том, что почти все слова с беглой гласной, а также слова на *-анин, -янин* получают однозначную акцентуацию уже в силу § 8; мн. число на *-ья* непродуктивно (равно как схемы ударения *d, e, f*); мн. число на *-я́, -я́* хотя и продуктивно, но выступает только в сочетании с нетривиальным ударением (схемой *c*); как факультативный сопутствующий эффект схемы *c* обычно выступает и II₂ на *-я́, -ю́*.

щей особенностью, отличающей их от тривиального ударения, является флексивное ударение во множественном числе: *сто́лы, шпри́цы, каранда́ш, ба́лы, трюма́, боцманá* и т. д. Таким образом, у существительных мужского рода именно эта акцентуационная особенность оказывается основным и наиболее универсальным способом выражения привычности слова.

Что касается ударения в ед. числе, то здесь между односложными и неодносложными имеется существенное различие. Из принципа I вытекает, что у неодносложного слова¹⁸ в принципе возможно не более одной нетривиальной акцентуации (из числа продуктивных схем ударения), а именно, схема *b* для конечноударных, схема *c* для начальнударных. Таким образом, если неодносложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе однозначно предопределено: Р. ед. *каранда́ш, чугуна́, массажа́* (если у данного говорящего это слово перешло в нетривиальное склонение), но *коло́кола, ма́стера, боцманá*.

Иначе у односложных слов: здесь в принципе возможны две различные нетривиальные акцентуации (схемы *b* и *c*), поскольку такое слово является одновременно конечноударным и начальнударным. Таким образом, если односложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе самим этим фактом еще однозначно не предопределено: ср., например, *болта́*, но *ба́ла* (при одинаковом *болты́, балы́*). Односложные слова нетривиального склонения имеют, таким образом, как бы одну лишнюю «степень свободы» по сравнению с неодносложными: свободу выбора основного или флексивного ударения в ед. числе. Этот выбор совершается по правилам, излагаемым ниже.

ПРАВИЛА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

§ 10. Приводимые правила относятся только к тому, что еще не определилось однозначно в § 8—9, а именно, к ударению ед. числа подавляющего большинства односложных слов нетривиального склонения¹⁹ (а также неопределенных *singularia tantum*).

Принцип III. Ударение в ед. числе у таких односложных слов зависит от значения слова. Опуская частности, основной принцип этой зависимости можно выразить так:

а) названия предметов, не поддающихся счету («нечисляемых»), имеют в ед. числе основное ударение; ср. Р. ед. *ча́я, люда́, бе́га, гне́ва*;

б) названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), имеют в ед. числе флексивное ударение; ср. Р. ед. *ножа́, кита́, пона́*.

¹⁸ Кроме двусложных начальнударных слов с беглой гласной (типа *каше́ль, ве́тер, уго́рь*).

¹⁹ Для небольшой части односложных слов нетривиального склонения (например *день, ткач*) схема ударения уже установлена правилами § 8.

Слова второй группы предполагают как качественную, так и количественную определенность соответствующих предметов (так, несколько ножей — это уже «ножи», а не «нож»; часть ножа не есть «нож»), слова первой группы — только качественную определенность (так, часть чая или большее количество чая есть тоже «чай»²⁰). Соответственно у слов второй группы мн. число употребляется совершенно свободно и не требует каких-либо изменений основного значения слова (*ножи́, киты́, попы́*), тогда как у слов первой группы мн. число, если оно вообще употребляется, требует того или иного сдвига основного значения слова в сторону конкретизации (как, например, при обозначении сортов вещества, отдельных актов какой-либо деятельности, проявлений некоторого состояния и т. п.).

У слов второй группы со словами *много, мало* сочетается только словоформа Р. мн.: *много (мало) ноже́й* (невозможно **много ножа́*, если не пытаться «переосмыслить» нож, например, как материал). У слов первой группы со словами *много, мало* может сочетаться и Р. ед.: *много (мало) ча́я*. Это свойство можно использовать для проверки слова на «исчисляемость» (к сожалению, неформальной и потому не всегда однозначной).

Следует подчеркнуть, что принадлежность слова к первой или второй группе не полностью определяется характером соответствующего предмета. Во многих случаях один и тот же по существу предмет действительности может быть назван словом первой или второй группы; ср., например, *люд* и *люди*. Часты также межъязыковые различия подобного рода; так, русское слово *фасоль* относится к неисчисляемым, а его французский эквивалент *haricot* — к исчисляемым (например, *haricots cuits = варёная фасоль*); русское слово *боб* относится к исчисляемым, а белорусское *боб* — к неисчисляемым (например, белор. *градá бóбу = грядка бобов*). Поэтому, строго говоря, термины «исчисляемый» и «неисчисляемый» следует применять не к предметам, а к словам (или отдельным значениям слова).

Замечание. Поскольку слова тривиального склонения независимо от их значения имеют основное ударение, принцип III^a фактически действителен для всех односложных слов (кроме имеющих схему *b* по правилам § 8, типа *день, гкач*). По той же причине принцип III^b, напротив, действителен только для односложных слов нетривиального склонения (что касается *singularia tantum*, то понятно, что все они относятся к неисчисляемым и поэтому к принципу III^b отношения не имеют²¹).

§ 11. Трудность составляют слова (довольно многочисленные), у которых имеются как исчисляемое, так и неисчисляемое значения. Акцентуация таких слов, как правило, едина при всех значениях, а именно она определяется основным значением слова. В связи с этим для некоторых групп многозначных слов возникают свои частные правила, касающиеся ударения (равносильные правилам о том,

²⁰ Ср.: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 58.

²¹ Немногочисленные *singularia tantum* схемы *b* (см. § 2, сноска 7) представляют собой не что иное, как исключения из принципа III^a.

какое из нескольких значений слова считать основным). Важнейшие из них — правила о наосновном ударении в ед. числе у названий абстрактных понятий²², пространств, помещений, больших вместилищ. Подобные частные правила обычно не противоречат принципу III (а лишь указывают, к какому из значений многозначного слова он должен быть применен), но в отдельных случаях они все же могут вступать с ним в конфликт (что обычно приводит к непоследовательной или неустойчивой акцентуации, см. § 24).

Таким образом, с практической точки зрения для акцентуации оказывается существенной семантическая классификация, несколько более детальная, чем исходное «грубое» разделение на исчисляемые и неисчисляемые. Эта классификация такова.

1. Семантические группы, которые можно условно обозначить как «сильно склонные к *c*»: названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий, пространств, поверностей, направлений.

2. Семантические группы, «умеренно склонные к *c*» (т. е. такие, где тенденция к наосновному ударению в ед. числе выражена несколько слабее): названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; сюда же попадают термины родства.

3. Семантические группы, «сильно склонные к *b*»: названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные.

4. Семантические группы, «умеренно склонные к *b*»: названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет.

5. «Семантически нейтральные» — несколько маленьких групп старых слов, которые в силу своей большой употребительности устойчиво сохраняют древнее ударение и тем самым оказываются как бы вне сферы действия принципа III (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Группы 1 и 2 могут быть вместе названы «склонными к *c*», группы 3 и 4 — «склонными к *b*».

Замечание. Наше изложение построено здесь дедуктивно — от общего принципа III к тому, как он реализуется в частных семантических группах. Разумеется, с точки зрения исследователя картина предстает в обратном порядке: непосредственно наблюдаемый факт состоит лишь в том, что в одних семантических группах существительных имеется тенденция к схеме *c*, в других — к схеме *b* (точнее, что они делятся в этом отношении на указанные выше 5 классов). Принцип III — это гипотеза относительно того, что является основным семантическим «стержнем» данного разделения.

Итак, в русском языке та лишняя «степень свободы» (в акцентуационном отношении), которой обладают односложные существительные мужского рода по сравнению с неодносложными, оказалась

²² Здесь и далее мы используем этот довольно расплывчатый термин как обобщенное обозначение для названий действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения, частей целого.

использованной для выражения некоторого семантического противопоставления (а именно противопоставления по исчисляемости — неисчисляемости). У односложных существительных нет возможности свободного противопоставления схем *b* и *c* при одинаковой морфонологической структуре²³. Соответственно семантическое противопоставление здесь не могло развиться; ср., например, одинаковость ударения в паре *ма́стер* и *кле́вер* (Р. ед. *ма́стера*, *кле́вера*, И. мн. *масте́ра*, *клевере́*) или в паре *коше́ль* и *кисе́ль* (Р. ед. *коше́ля*, *кисе́ля*) и т. п.

§ 12. Помимо семантического фактора, на ударение некоторой части односложных слов оказывают влияние также морфологический и морфонологический факторы.

Морфологическое правило состоит в том, что бессуффиксальные отглагольные имена мужского рода почти всегда имеют наосновное ударение в ед. числе.

Морфонологическое правило состоит в том, что односложные слова мужского рода, оканчивающиеся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», обнаруживают склонность к схеме ударения *b*.

Оба эти фактора играют, однако, лишь второстепенную роль: во-первых, каждый из них затрагивает лишь меньшинство односложных слов мужского рода; во-вторых, приведенные правила реализуются, за очень немногими исключениями, только там, где это не приводит к прямому конфликту с принципом III, т. е. в сфере слов, «склонных к *b*» и «семантически нейтральных».

СИНХРОНИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

§ 13. Для каждого односложного слова²⁴, для которого заданы внешний вид, морфологическая структура и значение, а также степень привычности для рассматриваемого носителя языка, описанные выше синхронические правила требуют вполне определенной схемы ударения (в речи данного человека). У слова, свободного от фактора исторической преемственности, это требование реализуется беспрепятственно. Например, жаргонное слово *хип*, возникшее всего несколько лет назад (как результат морфологической русификации слова *хиппи*, заимствованного тоже очень недавно), сразу же получило в речи тех, кто его часто употребляет, схему ударения *b* (требуемую правилами): *хипа́*, *хипы́*.

У старого слова акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, может совпадать или не совпадать с традиционной. Для русского языка сама возможность такого несовпадения

²³ Исключение составляют только двусложные начальнударные существительные с беглой гласной (типа *каше́ль*, *ве́тер*, *у́горь*); у них такая возможность есть и соответственно обнаруживается тенденция к тому же семантическому противопоставлению, что у односложных (см. § 43).

²⁴ Если не считать небольшой группы «семантически нейтральных».

обусловлена тем, что ныне действующие синхронические закономерности сформировались, с исторической точки зрения, относительно поздно: во всяком случае в древнерусском языке они еще отсутствуют (или, по крайней мере, находятся лишь в зачаточном состоянии).

Если акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, совпадает с традиционной, разумеется, никаких изменений не происходит. Если же такого совпадения нет, возникает конфликт, результаты которого (в некоторый момент истории языка) могут быть различными: сохранение старого ударения, колебания ударения (компромиссный вариант) или победа нового ударения.

С диахронической точки зрения, у многих слов эти три результата составляют три разные фазы акцентуационной эволюции слова (сменяющие друг друга именно в указанной здесь последовательности). Таким образом, с течением времени число слов, сменивших старое ударение на новое, постепенно возрастает. Наиболее употребительные слова, как правило, наиболее устойчиво сохраняют старое ударение (как и любые другие архаичные черты); ср. выше об акцентуации названий частей тела.

Сравнение современной акцентуации односложных слов мужского рода с их прежней акцентуацией (в тех рамках, в которых это допускает современное состояние наших знаний о прежней акцентуации русских слов) дает чрезвычайно показательные результаты, а именно: 1) почти все исключения из нынешних синхронических правил акцентуации — это старые слова, сохранившие свое древнее ударение; поздние слова подчиняются этим правилам почти без исключений (поскольку в этом случае нет традиционной акцентуации, которая могла бы оказывать этим правилам сопротивление); 2) почти во всех надежно установленных случаях индивидуальной смены ударения при переходе от древнерусского состояния к современному изменение направлено от ударения, противоречащего нынешним синхроническим правилам, к тому, которое ему соответствует.

Для иллюстрации этих положений приведем здесь некоторую часть материала, относящегося к вопросу об ударении ед. числа.

Наиболее показательные исключения из нынешних синхронических правил об ударении ед. числа — это слова, которые противоречат одновременно семантическим и морфонологическим правилам. Таковы: а) слова, «сильно склонные к *с*», причем не оканчивающиеся на *щ* или на согласную + *т*, которые тем не менее имеют устойчивое флексивное ударение (таковы только *скот*, *вред*, *грех*, *стыд*, *суд*, *труд*, *ум*, *путь*); б) слова, «сильно склонные к *в*», которые тем не менее имеют устойчивое наосновное ударение в ед. числе (таковы только *плуг*, *стул*, *зверь*); ср. § 42, комментарии к таблице 1. Проверка показывает, что, во-первых, все эти 11 слов — старые, во-вторых, все они имели в прошлом (а именно в древнерусском или, по крайней мере, в так называемом «старорусском», т. е. в XVI — XVII вв.) такое же ударение ед. числа, как и теперь. Например, слово *скот* относилось к акцентной парадигме *в*, *плуг* — *а*, *зверь* — *с*.

Таким образом, мы просто имеем здесь дело со словами, которые в силу своей большой употребительности пока еще сохраняют свое старое ударение в борьбе с новыми принципами акцентуации.

Укажем теперь важнейшие случаи индивидуальной смены акцентуации в ходе истории. Значительная группа старых слов, «склонных к *с*» и имеющих теперь, в полном соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, наосновное ударение в ед. числе (при нетривиальном склонении), в прошлом имела в ед. числе флексивное или, по крайней мере, колеблющееся ударение. Так, флексивное ударение было единственным или основным, в частности, для слов *блуд*²⁵, *бой*, *верх*, *зад*, *пай*, *рай*, *Рим*, *рой*, *сад*, *таз*, *торг*, *харч*, *хлев*, *час*. Флексивное ударение в ед. числе (наряду с более частым наосновным) встречалось также у слов *гон*, *гроб*, *гром*, *край*, *пол* «половина», *пол* «настил», *смех*, *стог*, *страх*, *ход*. На основании косвенных данных к числу слов, когда-то имевших хотя бы факультативное флексивное ударение, по-видимому, можно отнести также *воск*, *дёрн*, *корм*, *кров*, *лов*, *под*, *слои*, *тёрн*, *хмель*.

С другой стороны, группа старых слов, «склонных к *в*» и имеющих теперь, в соответствии с нынешними правилами, флексивное ударение в ед. числе, в прошлом имела наосновное ударение в ед. числе. Сюда относятся слова *аз*, *гвоздь*, *жук*, *кит*, *куст*, *лист*, *прут*, *сук*, *цеп*, *чёлн*, *червь*, *шар* (бильярдный), *шут*, вероятно, также *линь*, *лунь*, *хорь*, *шмель*, *язь*. У слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *пук* переход от наосновного ударения ед. числа к флексивному не совсем закончился и сейчас, а у слов *вор*, *волк*, *гусь*, *лось* он происходит на наших глазах.

Между тем противоположно направленным переходам среди старых слов нетривиального склонения, «сильно склонных» к *в* или *с* (т. е. прямо подпадающих под действие принципа III), нет совсем; и даже среди «умеренно склонных» к *в* или *с* имеется всего один такой пример: *скит*, *скита́* (хотя изредка также и *ски́та*) при древней акцентной парадигме *а*.

Приведем также наиболее показательные примеры из числа поздних слов, успевших перейти (хотя бы в разговорной или профессиональной речи) в нетривиальное склонение. В соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, слова, «склонные к *в*», получили здесь флексивное ударение в ед. числе; примеры: *бант*, *болт*, *буж*, *бунт* «связка, кипа», *винт*, *герб*, *грош*, *зонт*, *ксёндз*, *линь* «веревка», *паж*, *туз*, *шарф*, *шнур*, *шпур*, *штрих*, *штык*, *штырь*. Напротив, слова, «склонные к *с*», сохраняют наосновное ударение ед. числа даже после того, как их мн. число получило (в силу принципа II) флексивное ударение; примеры: *бал*, *бас*, *бунт* «мятеж», *шпирт*, *сорт*, *суп*, *тон*, *торф*, *трюм*, *флот*, *флос*, *фронт*, *хор*, *цех*, *шкаф*, *штаб*, *шторм*, *штраф*. Более полные списки слов см. в § 30—40.

²⁵ У этого слова в XVI—XVII веках представлено последовательное флексивное ударение, однако в Чудовском Новом Завете (XIV век) — подвижное ударение. Характер соотношения между этими двумя акцентуациями не совсем ясен.

Современная картина акцентуации односложных существительных мужского рода представляет собой, таким образом, результат взаимного наложения двух разных систем: старой — древнерусской, восходящей, в свою очередь, к общеславянской (где акцентные парадигмы были определенным образом соотнесены с интонационной системой), и новой — характеризуемой синхроническими закономерностями, описанными выше. Каждая из них внутренне последовательна; но результат их наложения, разумеется, не может быть последовательным: он содержит ряд исключений как с точки зрения первой, так и с точки зрения второй системы.

§ 14. Из сформулированных выше трех основных принципов, определяющих акцентуацию русских существительных мужского рода, принцип I общезвестен.

Принцип II представляет собой попытку обобщения ряда частных синхронических и диахронических фактов (в большинстве случаев достаточно известных), относящихся к склонению и акцентуации русских существительных. Заметим, что сама идея связи между акцентуацией некоторых групп слов и их стилистической окраской, степенью «профессиональности» и другими подобными факторами уже высказывалась в той или иной форме в различных работах²⁶. Принцип II можно рассматривать как результат развития и конкретизации этой идеи и ее последовательного применения к более широкой совокупности слов.

Принцип III, несмотря на его важность, в литературе по русской акцентологии остался почти незамеченным. О нем нет никакого упоминания ни в книге Р. Нахтигала²⁷, ни в монографиях последнего времени²⁸. Весьма показателен в этом отношении основной тезис

²⁶ В частности, В. Кипарский связывает переход слов *бес, дух, клад, стан, тать* и ряда других к неподвижному ударению на основе с тем, что они «употребляются теперь сравнительно редко и только в современном «высоком штиле»» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 109). С другой стороны, переход к флексionному и подвижному ударению «соответствует в огромном большинстве случаев понижению стилистического достоинства слова, и поэтому следует предполагать, что он происходил сперва в т. н. «просторечии»» (там же, с. 110); ср. также цитаты из Н. С. Трубецкого и из В. Кипарского, приведенные в § 21. В синхроническом аспекте из явлений рассматриваемого типа наиболее полно изучено распространение подвижного ударения (схема с) с И. мн. на -á (Beaulieux L. L'extension du pluriel masculin en -á, -я en russe moderne. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», 1913, vol. 18, № 3; Фидровская А. С. Имена существительные с формами на -á в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961; Иванов в Т. А. Именительный множественного на -á (*родá, тенорá, госпиталá*) в современном русском языке.— В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Зализняк А. А. Указ. соч., с. 225—226.

²⁷ Nachtigall R. Akzentbewegung in russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

²⁸ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I; Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache;

В. Кипарского, который в терминах, принятых в настоящей работе, можно сформулировать как тенденцию к следующей смене схем ударения в ходе истории: $a \rightarrow e \rightarrow c \rightarrow b \rightarrow f$ ²⁹. Схема b стоит здесь на один шаг дальше в цепи изменений, чем схема c ; в действительности же схемы b и c представляют собой конечные этапы развития соответственно для исчисляемых и неисчисляемых.

Вообще, если не считать общепризнанного тезиса о тенденции русских существительных к акцентному противопоставлению чисел (*вино — вина, место — места, игра — игры, мастер — мастера* и т. п.), сам факт наличия какой бы то ни было регулярной связи между акцентуацией и семантикой признается лишь в очень немногих работах по акцентологии. Так, важное (хотя и беглое) замечание на эту тему есть у А. А. Шахматова: «Отмечу еще, что все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*)»³⁰. Идею связи между акцентуацией словоформ и их грамматическим значением последовательно проводит в своих работах Т. Г. Хазагеров. В своем диахроническом анализе русской именной акцентуации он отмечает ряд фактов, являющихся, с на-

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ужгород, 1962; Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971; Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л. 1972; Olechnowicz M. Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Łódź, 1974. Заметим, что ссылки на семантику в связи с акцентуацией отдельных слов встречаются в различных работах довольно часто; они не соотносятся, однако, с принципом III, а иногда и прямо ему противоречат. Например, С. П. Обнорский приводит следующий пример семантической дифференциации ударения (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927, с. 247): Р. ед. *дуба* в обычном, единичном значении, но *дубá* (диалектное) в собирательном значении. (В действительности, если этот пример вообще надежен, мы имеем здесь дело с диалектной системой, резко отличной от литературного языка). Особо следует отметить гипотезу Р. Нахтигала (Op. cit., S. 256) о древнем противопоставлении *pošina ašti* типа *плог, стол* (окситонированных) и *pošina agentis* типа *вор, мот, трус* (с подвижным ударением). Даже если эта гипотеза верна (что в настоящее время, конечно, никак нельзя считать доказанным), это противопоставление может быть хронологически отнесено только к праславянскому периоду; сам Р. Нахтигаль говорит о том, что впоследствии оно перестало быть живым и затемнилось.

²⁹ Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, S. 92.

³⁰ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд. М., 1941, с. 129. Впрочем, существо дела отражено здесь несколько неточно: во-первых, как видно по примеру *таба́к*, неисчисляемые названия веществ отнесены в один класс со словами типа *столб, поп*, во-вторых, все утверждение необходимо ограничить лишь односложными существительными, иначе оно слишком сильно расходится с фактами, ср., например, *кава́рдáк, кура́дж, шанга́ж* и т. п. (схема b), не говоря уже о суффиксальных существительных типа *смеши́к, столбня́к, багрё́ц* (ср. также неодносложные названия веществ и материалов типа *кума́ч, минда́ль, мышья́к, потáш, ячме́нь* и т. п.).

шей точки зрения, частным проявлением принципа III, но дает им несколько иную интерпретацию³¹. Отметим, кроме того, одну работу, посвященную не русскому, а белорусскому языку (который в рассматриваемом отношении в главных чертах сходен с русским), а именно статью Н. П. Лобана³²; в этой статье в разделе о словах мужского рода мы находим прямую констатацию синхронической связи между акцентуацией слова и семантическим противопоставлением «конкретные единичные предметы — вещества, собирательные и абстрактные понятия».

К сожалению, в настоящей статье мы не имеем возможности представить весь тот материал, на котором основаны утверждения, изложенные в § 8—13. Поэтому ниже подробно разобран только материал, относящийся к действию принципа III, причем лишь в синхроническом аспекте, т. е. в рамках современного русского языка. Из материала, относящегося к действию принципов II и I, приведены только примеры. Диахронический аспект проблемы не разбирается вообще.

РАЗДЕЛ III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Особые группы односложных слов мужского рода

§ 15. Для того чтобы правильно оценить действие принципов II и III, которые интересуют нас более всего, необходимо вначале отделить те группы односложных слов, акцентуация которых опреде-

³¹ По Т. Г. Хазагерову, слова, перешедшие в ходе истории к наосновному ударению в ед. числе, — это в основном обозначения отвлеченных понятий (названы только *блуд, час, рай, верх* — см.: Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 87); с другой стороны, среди слов, получивших флексивное ударение, «подавляющее большинство... составляют nomina agentis, а также названия орудий или инструментов (орудие может легко рассматриваться как «одушевленный исполнитель действия»...). Для таких имен, по-видимому, актуально противопоставление словоформы именительного падежа словоформе винительного и словоформам косвенных падежей (как средство противопоставления субъекта — несубъекту)» (там же, с. 86; ср. также: Хазагеров Т. Г. Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 104). Это объяснение содержит, с нашей точки зрения, существенные натяжки. Прежде всего то, что Т. Г. Хазагеров называет nomina agentis, как видно из его же списков, фактически на 2/3 состоит из названий животных, т. е. правильное здесь говорить просто об одушевленных. Но, как известно, в русском языке важнейшим и очень «чувствительным» выразителем одушевленности является форма винительного падежа. Если бы названия орудий в самом деле семантически прикнули в русском языке к одушевленному, это прежде всего выразилось бы у них в совпадении винительного падежа с родительным (**взял книгу* и т. п.), чего в действительности нет. Кроме того, уж никак нельзя подвести под рубрику орудий и инструментов, например, такие слова, перешедшие в ходе истории в схему *b*, как *аз, бант, герб, грош, куст, лист, сук, тюк*. В то же время эти слова очевидным образом объединяются с названиями лиц, животных, орудий и инструментов по признаку исчисляемости.

³² См.: Лобан Н. П. Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове. — «Працы Інстытута мовазнаўства», вып. IV. Мінск, 1957.

ляется другими факторами, действующими в иерархии факторов прежде принципов II и III. Таковы односложные существительные, подпадающие под правила, общие для всех существительных мужского рода (кроме принципа II).

Ниже излагаются сами эти правила. Поскольку они касаются не только односложных слов, мы коротко рассматриваем здесь и неодносложные слова (чтобы не исказить общую картину). Эффект этих правил именно для односложных слов описан в § 19.

Набор принципиально возможных для данного слова продуктивных схем ударения определяется принципом I (§ 8). Кроме того, имеется ряд более частных правил, которые для определенных групп слов предписывают какую-то одну из схем ударения, входящих в этот набор. Эти правила применяются в указанном ниже порядке.

Правила для слов с беглой гласной

§ 16. Из слов с беглой гласной:

- 1) слова с конечным ударением³³ относятся к схеме *b*, например *моло́ток, ковёр, сон* (исключения: *заём, наём* — схема *a*);
- 2) слова с безударными суффиксами *-ок, -ец* (а также любые слова со средним ударением) относятся к схеме *a*, например *ку́бок, подáрок, го́рец, моле́бен*.

Замечание. Таким образом, из слов с беглой гласной не покрываются данным правилом только начальнударные слова без суффиксов *-ок, -ец*, например *вётёр, ýгорь, стéбель, грéбень, про́мысел*. У них выбор схемы ударения не предопределен однозначно ударением в исходной словоформе.

Правила для прочих слов

Морфологические правила

§ 17. Правила о словах, содержащих суффикс³⁴:

- 1) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-йк, -оайк, -ник, -щик, (-чик), -ак, -няк, -чак, -ук, -чук, -уг, -ух, -ук, -ач, -ич, -аш, -иш, -ож, -ец; -ун, -арь, -ирь, -аль,* — относятся к схеме *b*, например *старйк, рыба́к, торго́ш, чтец, лгун, бунта́рь* (исключения: *поля́к, прусса́к, австрия́к, краковя́к, сайга́к, юна́к, господáрь* — схема *a*; о первых трех из них см. также ниже, § 18);
- 2) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-ист, -ант, (-энт), -ор, -ёр, -ионер, -ат, -ит, -ин* (в названиях веществ), *-ол, -ад, -изм, -итет, -ал, -оз; -ин* (в названиях национальностей),

³³ Здесь и далее в подобных случаях имеется в виду: в исходной словоформе.

³⁴ В списках суффиксов орфографическое варьирование, соответствующее твердости-мягкости предсуффиксальной согласной, не отмечается.

-ай, -т'ай, -ей — относятся к схеме *a*, например *тури́ст*, *лимо́на́д*, *гру́зин*, *лентя́й*;

3) слова с неконечным ударением, содержащие любые суффиксы, кроме *-арь*, *-ор*, *-ер*, относятся к схеме *a*, например *до́мик*, *мучи́тель*, *ри́млянин* (исключение: *учи́тель* — схема *c*).

Замечание. Как известно, в русском языке сходно с суффиксами могут влиять на акцентуацию и так называемые финали, т. е. лишённые самостоятельного значения конечные отрезки основы, внешне совпадающие (или хотя бы сходные) с суффиксами, ср., например, принадлежность к схеме *b* таких слов, как *пари́ж*, *башма́к*, *мунди́т'ук*, *утю́г*, *лопу́х*, *кума́ч*, *каранда́ш*, *галу́н*, *янга́рь*, *имби́рь*, *хруста́ль*. Но все же влияние финали на акцентуацию далеко не так безусловно, как влияние настоящего суффикса; ср., например, такие слова, как *сердо́лик*, *ара́к*, *бамбу́к*, *патронта́ш*, *кану́н*, *госуда́рь*, *фестива́ль*, которые относятся (по крайней мере, по литературной норме) к схеме *a*. Таким образом, приведенные здесь правила обязательны только для слов с настоящим суффиксом; наличие сходной финали создает лишь благоприятные условия для появления соответствующей схемы ударения, но окончательный выбор схемы ударения происходит в соответствии с § 9.

Правило о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку: все такие существительные, имеющие конечное ударение (следовательно, в частности, все односложные), относятся к схеме *a*, например *перецо́с*, *прихо́д*, *сдви́г*, *взгля́д* (исключения: в литературном языке *поста́в*, *сбой*, *склад* «слог», в просторечии также *склад* «помещение» и *взвод* «воинское подразделение» относятся к схеме *c*).

Замечание. По мере утраты морфологической разложимости слово выходит из сферы действия данного синхронического правила. В частности, ему уже не подлежат слова *смотр*, *сро́к* *сче́т*, *сло́г*, *спо́р*, *сонм*, *причт* (с исторической точки зрения, содержащие приставки *с-*, *при-*, но синхронически уже неразложимые).

Правило об аббревиатурах: аббревиатуры всех типов (кроме сохраняющих полностью последнее слово) относятся к схеме *a*, например *ву́з*, *загс*, *МХАТ*, *зам*, *псих*, *колхо́з*, *партбо́рг*, *филфа́к*, *прора́б*.

Не подчиняются этому правилу аббревиатуры, омонимичные уже существующим словам с нетривиальным ударением (например *куб* «кубометр» — в просторечии схема *c* или *b*, простореч. *винт* «винтовка» — схема *b*). Близкий случай составляет также слово *спе́ц* (схема *b*, устаревш. *a*), в котором финаль *-ец* почти достигла статуса суффикса (поскольку это слово однотипно со словами *твец*, *лжец* и т. д. не только морфологически, но и семантически). В просторечии встречаются и некоторые другие случаи, когда аббревиатурный характер слова оказывается «забытым» и оно подчиняется общим закономерностям (например слова *политру́к*, *военру́к*, *физру́к* и т. п. в просторечии переходят в схему *b* под влиянием финали *-ук*).

Замечание. Имеется еще одно существенное морфологическое правило, которое, однако, реально применимо только к неодносложным словам, — это правило о принадлежности к схеме *a* большинства типов сложных слов

(например *землекоп, вертолёт, толстосум, гололёд, носорог, лисохвост, златокрот, красноклён*), а также некоторых слов особой структуры (*растрёб, распёл*). В настоящей работе нет необходимости вникать в детали этого довольно сложного правила.

Семантическое правило

§ 18. Названия людей по национальной или географической принадлежности (не содержащие суффиксов, требующих схемы *b*) относятся к схеме *a*, например *каза́х, киргíз, монго́л, цыга́н, серб, чех, швед*. Заметим, что этому правилу не противоречат и такие суффиксальные слова, как *армя́нин, тата́рин, литове́ц* и т. п. (которые получили схему *a* уже в силу § 17).

Вопреки влиянию суффикса, данному правилу подчинились также *поля́к, прусса́к, австрия́к* (схема *a*); ср. обычный эффект суффикса, например, в *сибиря́к, пермя́к, москв́ич, латы́ш* (схема *b*).

Слова с финалью, благоприятствующей схеме *b* (см. § 17, замечание), в принципе подчиняются данному правилу, например *слова́к, каракалпа́к, ко́ряк, таджи́к, кумы́к, сельджу́к, талы́ш* (схема *a*). Имеются, однако, исключения и колебания: *ингу́ш* (схема *b*); *гилля́к, остя́к, вога́к, кипча́к* (у этой группы слов обычно представлена схема *b*, но иногда встречается и *a*); *калмы́к, чуваш́, яку́т* (все три с колебанием *a//b*); слово *каза́к* колеблется между схемами *b* и *d*: Р. ед. *казака́*, но мн. *казаки́* и *каза́ки*.

Из односложных не подчиняется данному правилу только слово *жид* (схема *b*); заметим, однако, что это слово несколько оторвалось от данной семантической группы и, по-видимому, оказалось в зоне притяжения оценочных слов (для которых характерна схема *b*, см. § 39).

Приведенное семантическое правило в действительности представляет собой лишь наиболее четкий частный случай более общей (но зато и менее строгой) тенденции к наосновному ударению во мн. числе (или, по крайней мере, в И. мн.) у исчисляемых предметов, если это мн. число имеет собирательный оттенок, т. е. выражает нерасчлененную совокупность.

Эта тенденция выступает наиболее наглядно там, где прямо противопоставлены словоформы с разным ударением. Так, собирательное мн. число на *-ья* у неодушевленных всегда имеет наосновное ударение, например *ли́стья, су́чья, ко́лья, пру́тья, крю́чья, кло́чья, лоску́тья* (ср. оттенок расчлененности в *ли́сты, суки́, колы́, пру́тьи, кроу́ки, клоу́ки, лоскуты́*). Ср. также названия парных (или комплектных) объектов *гла́зки, ро́жки, зу́бки, сапо́жки* и расчлененное мн. число *глазкí, рожкí, зубкí, сапожкí* (с несколько иными лексическими значениями). В некоторых случаях противопоставление оттенков смысла едва заметно, но все же может быть уловлено. Так, *каза́ки* более естественно при обозначении казачества вообще, эскадрона, массы и т. п.; при обозначении, например, двух лиц уместнее *казаки́*. Словоформа *во́ры* естественна, например, во фразах *в кварти́ру залезли во́ры, кругом все во́ры* и т. п.; ср. *они во́ры*, как ответ

на вопрос о роде занятий конкретных преступников-профессионалов; тот же оттенок значения в примере: *В такие ночи, / в такие дни, / в часы такой порбы / на улицах разве что / одни / поэты и воры* (В. Маяковский. «Хорошо!»).

В силу данной тенденции большинство слов, выступающих преимущественно во мн. числе, имеет во мн. числе наосновное ударение; ср., кроме уже приведенных примеров, *бóты, кéды, гóльфты, чувя́ки, черевíки, ба́ки, пéйсы, рéльсы, стрóпы, со́ты* (вместо устаревшего *соты́*) и т. д. Заметим, что в *чувя́ки, черевíки* наосновное ударение выступает вопреки влиянию финали, а в *сапо́жки, гла́зки, ро́жки, зу́бки* — даже вопреки влиянию суффикса. Правда, обязательности здесь все же нет (ср. *у́нты* и *унты́, пéмы* и *пимы́, ла́сты* и разговорное *ласты́, панты́* и разговорное *панты́*).

Поскольку для существительных мужского рода продуктивны только схемы ударения *a, b* и *c* (но не *d*), наосновное ударение во мн. числе автоматически создает стремление к наосновному ударению также и в ед. числе (чтобы не получилось схемы *d*, для которой среди слов мужского рода нет образца), даже если по другим причинам в ед. числе ожидалось бы флексийное ударение. Тем самым слово попадает в схему *a*. «Нетипичная» схема *d* оказывается возможной лишь в тех особых случаях, когда ед. и мн. число связаны между собой слабее, чем обычно, а именно при морфологическом (у слов с мн. на *-ья*) или семантическом (*гла́зки, ро́жки* и т. д.) обособлении множественного числа от единственного. Остро конфликтная ситуация возникает для слов *казáк, гуля́к, остя́к, вотя́к, калмы́к* и др., где исход основы благоприятствует флексийному ударению. Результатом является тот разнобой в акцентуации, который описан выше. В литературном языке ближе всего к ожидаемой схеме *d* оказывается слово *казáк* (колебания между *b* и *d*); к такой же акцентуации в действительности стремится и ряд других слов из этого списка.

§ 19. Резюмируем тот эффект, который правила § 16—18 дают в сфере односложных слов.

В силу правила о беглой гласной схему *b* имеют: *лоб, лев* (животное), *ров, шов, лёд, лён, сон, пёс, рот, мох* (в варианте с Р. ед. *мха*), *день, пень*.

В силу правила о суффиксах схему *b* имеют: *швец, лжец, жнец, льстец, чтец* и (с неполной выделительностью суффикса) *жрец; врач, ткач, драч* и (с неполной выделительностью суффикса) *врач, грач; враль; псарь; лгун, врун, журн, вьюн*. Ударение двух слов с неполной выделительностью суффикса колеблется между схемами *b* и *a*: *спец* (см. § 17), *жмых* (см. § 30).

В силу правила о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку, к схеме *a* относится значительное число односложных слов (с приставками *в-, вз-, с-*), например *вход, вклад, вдох, взрыв, взгляд, всплеск, внос, сдвиг, срез, спуск, слёт*.

Их список в принципе открыт; в «Обратном словаре русского языка» их около 100.

В силу правила об аббревиатурах к схеме *a* относится большая группа односложных слов, численность которой очень трудно оценить, поскольку слова этой группы легко образуются и часто так же легко исчезают; лишь немногие из них попадают в обычные словари (в «Обратном словаре русского языка» их всего около 20). Примеры: *вуз, дот, дзот, загс, жакт* (или *ЖАКТ*), *гост* (или *ГОСТ*), *ЖЭК, ВАК, МХАТ, ЗИС, ЗИМ, ЗИЛ, МАЗ; главк, зав, зам, пред, псих.*

В силу семантического правила о названиях национальностей к схеме *a* относятся около 50 (по «Обратному словарю русского языка») слов, например *грек, серб, чех, лях, швед, перс, мавр, скиф.*

Все указанные здесь особые группы односложных слов (около 200 слов по «Обратному словарю русского языка») из дальнейшего рассмотрения исключаются. Последующие правила относятся только к основному массиву», т. е. к совокупности всех остальных односложных слов мужского рода.

Основной массив односложных слов мужского рода

§ 20. Вопрос об акцентуации основного массива односложных слов мужского рода целесообразно рассматривать в следующем порядке: а) противопоставление тривиального и нетривиального склонений; б) противопоставление наосновного и флексивного ударения в ед. числе у слов нетривиального склонения.

Поскольку наиболее характерным признаком нетривиального склонения является флексивное или подвижное ударение во мн. числе, первый из этих двух пунктов в основном сводится к вопросу об акцентуации мн. числа. Второй из них, напротив, касается только ед. числа. Соответственно с практической точки зрения удобно разделить рассматриваемую проблему на: а) вопрос об ударении во мн. числе; б) вопрос об ударении в ед. числе.

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 21. Распределение слов мужского рода (не подпадающих под § 16—18) между тривиальным и нетривиальным склонениями (в индивидуальной речи и опосредствованно в языке в целом) определяется двумя факторами, которые в значительной части случаев противостоят друг другу: а) принципом II (§ 9), согласно которому привычные для данного индивида слова стремятся в его речи к нетривиальному склонению, а чуждые — к тривиальному; б) общей консервативной тенденцией литературного языка, требующей сохранения той акцентуации (тривиальной или нетривиальной), которая уже принята в качестве нормы.

Какой из этих двух факторов победит (в индивидуальной речи) в случае конфликта, определяется в каждом конкретном случае рядом внеязыковых факторов, прежде всего характером ситуации, в ко-

торой происходит общение, степенью знакомства говорящего с литературным языком и наличием или отсутствием у него субъективной установки на «правильность» речи. Понятно, что основная сфера, где, как правило, побеждает принцип П, — это разговорная и в особенности профессиональная речь, поскольку для нее характерна минимальная установка на «правильность». Более того, в арготической, демонстративно профессиональной и т. п. речи возможно даже «отталкивание» от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем. Сходный по существу эффект иногда используют поэты: например, нетривиальное ударение *маёв* (Р. мн. от *май*) у В. Маяковского («Хорошо!») как бы подчеркивает фамильярность, интимность отношений между поэтом и словом.

Вот как описывает один из эффектов такого рода Н. С. Трубецкой: «Я заметил, что односложные иностранные слова (имена собственные или, реже, нарицательные) иногда проявляют тенденцию склоняться с ударением на окончании с *ироническим оттенком*, — особенно во мн. ч. Так, фамилии наших знакомых Шмидт, Кинц, Турн мы произносим во мн. ч. Шмиты́, Кинцы́ и Турны́, но делаем это как бы «несерьезно», а в шутку или с пренебрежением. В московском земстве также употреблялась форма Шлипы́. Русские эмигранты, занимающиеся торговлей в странах немецкой языковой области, часто называют своих клиентов *кунды́* (Kunden), — опять-таки с оттенком шутки и пренебрежения» (письмо Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону от 5 января 1934 г.³⁵).

Основной, самый распространенный тип конфликта между индивидуальной и нормативной акцентуацией состоит в том, что тривиальной нормативной акцентуации противостоит нетривиальная акцентуация в речи индивида или группы (профессиональной или иной); ср., например, общелитературные *штурма́ны, боцма́ны, реда́кторы, те́ндеры, ко́нусы, го́спитали, ки́ли, шпри́цы, зонды́, трю́мы, прессы́*, Р. ед. *аммиа́ка, каучу́ка, масса́жа, дубля́жа* и профессиональные *штурма́на, боцма́на, реда́ктора, тенде́ра, кону́са, госпи́талья, кили́, шпри́цы, зонды́, трюма́, пресса́*, Р. ед. *аммиака́, каучука́, массажа́, дубляжа́*.

Не следует думать, что тенденция к нетривиальной акцентуации (для привычных слов) характерна только для речи людей, недостаточно владеющих литературным языком. Большое число профессионализмов с нетривиальной акцентуацией обнаруживается и в сфере «интеллигентных» профессий, например в речи художников, музыкантов, артистов, искусствоведов, научных работников, издательских работников и т. д. Таковы по своему происхождению, например, словоформы *колерá, грунты́, тенора́, альты́, витражи́, типажи́, монтажи́, профессора́, учителя́, реда́ктора* и многие другие (большая часть приведенных словоформ уже воспринята современной литературной нор-

³⁵ «N. S. Trubetzkoy's letters and notes, prepared for publication by R. Jakobson». Paris, 1975, p. 296.

мой). Отличие состоит лишь в том, что люди таких профессий в большей степени склонны ограничивать в своей речи эту тенденцию, сознательно стремясь к «правильности» речи.

Таким образом, тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение представляет собой, образно выражаясь, мощную «морфонологическую пружину» в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры.

Возможно и обратное соотношение между нормативной и индивидуальной акцентуацией: тривиальное ударение в индивидуальной речи при нетривиальном нормативном. Такое соотношение естественно в том случае, когда говорящий только что познакомился с новым для него словом, имеющим в литературном языке нетривиальное ударение, и вообще когда такое слово является для него чуждым, непривычным. В этой ситуации возникают, например, такие ударения, как *па́жи, ксе́нды, о́дры* «ложа», *же́злы, си́ги, я́зи, хря́ки, ча́ны, шкíвы, шри́фты, ве́ртели, ко́робы, пи́сары* (по литературной норме здесь предписывается или, по крайней мере, рекомендуется флексийное ударение). По этой же причине естественная судьба устаревших, потерявших актуальность слов — постепенный переход к тривиальной акцентуации; таково, например, положение со словами *ды́ак, па́ж, пи́сарь, ле́карь, при́став, ге́тман, стру́г*.

В сознании носителей русского языка описанные соотношения отражаются как ощущение пониженного стилистического оттенка у словоформ с нетривиальным ударением и повышенного у словоформ с тривиальным. Этот факт в той или иной форме отмечается многими исследователями; так, В. Кипарский пишет (в скобках указаны принятые в настоящей работе обозначения схем ударения): «С IV-м (схема *b*) и отчасти с III (схема *c*) типом ударения связывается в настоящее время у говорящих представление о чем-то фамильярном, ухарском, во всяком случае, «чисто русском», с I-м (схема *a*) и особенно со II (схема *e*) типом, наоборот, представление о чем-то возвышенном, торжественно-чуждом, иностранном или церковном, древнем»³⁶.

Новое слово, в частности заимствованное, обычно начинает свою жизнь в языке с тривиального ударения (если только оно не противоречит его морфологической структуре). В процессе освоения, интеграции такое слово может получить нетривиальное ударение. Если такое ударение распространяется достаточно широко, оно рано или поздно воспринимается и литературной нормой, отражаемой словарями (которая, как известно, лишь с большим сопротивлением и потому с отставанием следует за изменениями языковой практики).

§ 22. Принцип II^a (тривиальное склонение для чуждых слов) соблюдается у всех слов мужского рода, не подпадающих под § 16—18, вполне регулярно. Принцип II^b (нетривиальное склонение для привычных слов) реализуется у односложных и у неодносложных

³⁶ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 110.

слов несколько по-разному. У односложных слов он действует активно почти во всех случаях; у неодносложных слов эффективность действия этого принципа зависит от морфонологической (в некоторых случаях также от морфологической) структуры слова: при благоприятной структуре принцип II⁶ так же эффективен, как у односложных; при иной структуре он реализуется существенно реже.

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть весь относящийся к данной проблеме материал. Ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями (причем только из числа односложных слов).

Так, к тривиальному склонению относится подавляющее большинство слов, обозначающих малоизвестные или непривычные для основной части носителей языка реалии, например: *гном, дождь, маж, смерд, сфинкс, ган; барс, скунс, тур, як; лавр, мирт; бриг, плед, трут, шлейф; гнейс, кварц, мусс, пуши; бриз, культ, пакт, путч, транс; жанр, код, ранг, ритм, шифр; дюйм, пенс; гимн, миф, фарс, шарж, ямб*. Сюда же относятся слова возвышенно-книжного стиля и устаревшие, например: *вепрь, град* «город», *клик, клич, сонм, страж, стая, тать, уд, храм*³⁷.

В частности, восприятие слова как «иностранныго» регулярно ведет к тривиальному склонению; ср. многие из приведенных выше примеров. Ощущение «иностранныости» часто поддерживается несвойственной исконным русским словам фонологической структурой. Наиболее характерные признаки здесь таковы: твердые согласные перед /e/ или начальное /e/ (например *мэр, темп, тест, эльф*); мягкие шумные согласные перед /y/ (например *гюйс, дюйм, мюль, бюст*); исход на сложное сочетание согласных, особенно с конечным сонантом (например *монстр, спектр, цикл, ритм, пункт*); срединное /й/ (например *тайм, гнейс, сейф*).

Из односложных слов, достаточно употребительных (в обоих числах) в обычной разговорной речи, к тривиальному склонению относится по литературной норме³⁸ лишь несколько десятков. Характерные примеры: *дед, внук, сват; рак, тигр; клён, мак; бант, кран, флаг, шарф, шприц; газ, торт, яд; пляж, сквер; зал, клуб, лифт; груз, знак, курс, план, срок, гост, факт, шанс, штраф*. Слова этой группы сохраняют (в литературном языке) тривиальное ударение, унаследованное от предшествующих поколений, несмотря на то, что они подпадают под действие принципа II⁶, т. е. в этой зоне фактор исторической преемственности пока еще оказывается сильнее, чем синхронические правила.

Однако за рамками литературной нормы более чем у половины слов этой группы обнаруживается нетривиальное ударение. Так,

³⁷ Прямых исключений, т. е. слов с возвышенно-книжной и т. п. окраской, относящихся к нетривиальному склонению, очень немного: *волга, одр, столп, перст* (все схемы *b*). Еще несколько слов, близких к данной группе, обнаруживает колебание ударения: *дык (b//a), жезл* (обычно *b*, но нередко также *a*), *чёлн (b, но изредка также a), струя* «судно» (*c//a*).

³⁸ Относительно литературной нормы и ненормативного ударения см. также § 29, сноска 50.

флексивное ударение во мн. числе встречается в разговорной речи или в просторечии, в частности, у слов: *дед, сват; мул, спрут, клён; бант, бот, горы* «печь», *зонд, кант, киль, клёш, кран, рант, трос, фант, флаг, шарф, шприц, щуп, кекс, крем, сок, торт, яд; брод, лаз, плац, пляж, сквер; клуб, лифт, прёсс, тир, трюм, шлюз; бис, груз, срок, тост, трюк, шторм, штраф* — и у ряда других, относящихся по литературной норме к схеме *a*. Таким образом, в живой разговорной речи число слов, устойчиво сохраняющих тривиальное склонение вопреки принципу III^б, гораздо меньше, чем по литературной норме.

Состав слов, относящихся к нетривиальному склонению (а также неопределённых *singularia tantum*), разбирается в следующем разделе (§ 23—41).

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 23. Вопрос об ударении в ед. числе уже решен для слов, у которых схема ударения устанавливается правилами § 16—18, и для всех слов тривиального склонения. Остается рассмотреть, таким образом, слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределённые *singularia tantum*. В нашем материале таких слов нетривиального склонения около 350 (а с учетом ненормативного ударения — около 420), неопределённых *singularia tantum* — около 250.

Предметом разбора является распределение этих слов по признаку «наосновное или флексивное ударение в ед. числе». Оно определяется прежде всего семантическим фактором, в некоторых частных случаях — также морфологическим и морфонологическим факторами.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 24. Как указано в § 10, в основе рассматриваемого распределения лежит принцип III: наосновное ударение в ед. числе у исчисляемых, флексивное у исчисляемых.

Прямой линией к осуществлению этого принципа препятствует, однако, то, что у многих слов имеются одновременно значения обоих классов; ср., например, *шаг* «ходьба» и «единичное движение», *дуб* «отдельное дерево» (а также «тупой человек») и «вид древесины» (а также собирательно в значении «дубы»), *верх* «часть пространства, направление» и «материальный предмет» (например «верх экипажа»). В языке встречаются два способа разрешения этой трудности:

1) исчисляемому и неисчисляемому значениям слова соответствует разная акцентуация. Этот способ встречается очень редко, поскольку ему препятствует свойственная едва ли не всем языкам тенденция к единству внешней стороны слова во всех его значениях. Все случаи этого типа собраны в § 27;

2) акцентуация слова определяется его основным значением. Это нормальный, господствующий способ. Например, слова *стол, ёрш* со-

храняют флексийное ударение и в значениях неисчисляемого типа (соответственно «диета», «определенный напиток»); слово *сыр* сохраняет наосновное ударение ед. числа и в значении «определенного вида кусок сыра».

К сожалению, далеко не всегда очевидно, какое из значений слова является основным, и это, конечно, осложняет реализацию принципа III. Укажем, как практически разрешается эта трудность в некоторых типовых случаях многозначности.

Названия растений (кроме деревьев) довольно четко распадаются на исчисляемые (например *боб, гриб, груздь*) и неисчисляемые (их большинство, например *хрен, лук, рис, тёрн*); три совмещения значений обоего типа (например *мак*) основным обычно оказывается неисчисляемое. Особую группу составляют названия деревьев: у них регулярно совмещаются исчисляемое значение («отдельное дерево») и, по крайней мере, два неисчисляемых («сорт древесины» и собирательное), ср. выше *дуб*. С акцентуационной точки зрения все они ведут себя как слова неисчисляемого класса.

Названия абстрактных понятий (действий, событий, состояний, качеств и т. д., ср. сноску 22), пространств, поверхностей, направлений, которые совмещают неисчисляемое значение с исчисляемым, ведут себя (в акцентуационном отношении) как слова неисчисляемого класса. Примеры: *шаг, ход, бал, цвет, верх, край*.

Поскольку неисчисляемое значение имеется (как единственное или наряду с исчисляемым) у подавляющего большинства слов этих семантических групп, характерной особенностью всех этих групп оказывается наосновное ударение в ед. числе. Эта особенность имеет тенденции распространиться и на те немногочисленные слова из данной семантической сферы, которые имеют только исчисляемое значение, например *год, луд* (что уже противоречит принципу III).

Итак, для современного языка можно констатировать существование следующего частного правила: односложные названия абстрактных понятий, а также пространств, поверхностей, направлений имеют наосновное ударение в ед. числе. Это правило беспрепятственно выполняется везде, где оно не приходит в прямое противоречие с принципом III⁶; в тех весьма редких случаях, где такое противоречие возникает, данное частное правило обычно тоже побеждает, однако возможны некоторые колебания и отклонения.

Особую семантическую группу составляют названия оград, четко ограниченных территорий, помещений и больших вместилищ, например *тын, баз, дом, хлев, трюм, шкаф, гроб*. С одной стороны, это отдельные материальные предметы (разумеется, исчисляемые); но в то же время они чаще всего выступают как обозначение места, пространства, внутри которого что-то находится или происходит. Тем самым они семантически сближаются с названиями пространств (типа *мир, рай, верх, лес*, ср. общее для тех и других частое употребление П₂, например *в рай, в лесу, в хлеву, в шкафу, в гробу*), а эти названия, как указано выше, примкнули к неисчисляемому классу. В результате слова данной группы обнаруживают (вопреки принципу

III^б) тенденцию к наосновному ударению в ед. числе, реализуемую, однако, ввиду двойственности их семантической природы, не вполне последовательно.

Принцип III практически не действует у названий частей тела и терминов родства, т. е. в двух древнейших, максимально устойчивых и практически закрытых для пополнения новыми словами семантических группах. Названия частей тела сохраняют почти без изменений свое древнее ударение (у одних наосновное, у других флексивное); термины родства, унаследовав древнее наосновное ударение в ед. числе, обобщили схему с (часто с мн. на -*ы́*) в качестве характерной приметы данной семантической микрогруппы. Отметим, что наосновное ударение (хотя и по другой причине, см. § 18) имеют также названия пациональностей. Принцип III, естественно, действует слабо также в тех случаях, когда значение слова почему-либо с трудом поддается классификации.

В итоге получается то разделение односложных слов на семантические группы (более сложное, чем просто в соответствии с принципом III), которое описано в § 11.

Замечание. Это разделение актуально в первую очередь для литературной речи. В просторечии обнаруживается тенденция к более последовательному соблюдению основного принципа III (в ущерб частным правилам); см., например, в § 32 о просторечном ударении слов *гол*, *трук*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 25. Подавляющее большинство бессуффиксальных отглагольных имен мужского рода (не только односложных) имеет наосновное ударение в ед. числе (хотя причины этого у разных групп этих имен различны). Так, для слов с неконечным ударением, например *выход*, *отпуск*, *подкуп*, это вытекает просто из принципа I (§ 8). Для приставочных слов с конечным ударением, например *перенос*, *сдвиг*, *взгляд*, это вытекает из правила, данного в § 17. Для большинства бесприставочных односложных слов это связано с неисчисляемым характером их значения (т. е. определяется принципом III^а), ср., например, *бег*, *бой*, *вид*, *нюх*, *треск*, *корм*³⁹.

Поскольку данное утверждение верно для очень большого числа слов, оно само приобретает характер статистического правила, которое в принципе может экстраполироваться на слова, не входящие в перечисленные частные группы. Практически, однако, случаев, где можно предполагать самостоятельное действие данного морфологического правила, очень немного.

Так, вопреки принципу III^б, наосновное ударение в ед. числе имеют названия инструментов *лом*, *щуп*, *жом* («тиски», В. Даль⁴⁰),

³⁹ Такое слово, как *суд* (схема *b*), разумеется, нарушает описываемое соотношение, но оно является исключением и из принципа III^а.

⁴⁰ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., тт. I—IV. Спб.—М., 1879—1882.

струг (а также *струг* «судно»), названия лиц *хват*, *мот*, *глот* «обжора, мироед», *жом* («скряга, жмот», В. Даль). Однако слово *хлыст* относится к схеме *b* (см. об этом слове также § 27)⁴¹.

Замечание. Почти у всех этих слов имеется (по крайней мере, потенциально) также омоним с неисчисляемым значением (для которого наосновное ударение ед. числа совершенно нормально), например *лом* (собирает.), *лом* «ломота», *жом* (собирает.); ср. также потенциальное использование слов *струг*, *хват*, *мот* в значениях «строгание», «хватание», «мотание» (отмечено у В. Даля). Семантическая связь между тремя омонимами *лом*, между тремя омонимами *жом* и т. п. достаточно отчетлива; таким образом, рассматриваемое морфологическое правило поддержано в подобных случаях тенденцией к одинаковому ударению в совокупности омонимов, особенно семантически связанных (ср. § 27—28). Заметим, что тем самым бесспорных случаев самостоятельного действия данного морфологического правила почти не остается.

Возможно также, что данное морфологическое правило способствовало сохранению старого наосновного ударения в ед. числе и у ряда других слов, в частности *кус*, *дар*, *груз*, *воз*, *вал* «волна».

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 26. Независимо от семантического и морфологического факторов, у части односложных слов на выбор схемы ударения влияет также исход основы, а именно: исход на *щ* и на согласную (не взрывную) + *т* благоприятствует схеме ударения *b*. Характер этого влияния несколько различен при разных исходах основы.

1. Стремление односложных слов на согласную (не взрывную) + *т* к схеме ударения *b* представляет собой активную морфонологическую закономерность современного языка. В семантических группах, «склонных к *b*», эта закономерность просто усиливает эффект принципа III⁶ (в частности, убыстряет переход к схеме *b* новых слов). В семантических группах, «склонных к *c*», она, напротив, вступает в конфликт с семантическими правилами. В литературном языке этот конфликт обычно разрешается в пользу семантических правил: ср., например, Р. ед. *спёрта*, *дўста*, *гв́алта*, *фр́онта*, *б́орга*, *п́орга* и т. д. Но в профессиональной речи и в просторечии данная морфонологическая закономерность действует значительно сильнее, а именно она довольно часто побеждает в конфликте с семантическими правилами (особенно если речь идет об исчисляемых словах): ср., например, просторечные Р. ед. *борта́*, *портá*, *лифта́*, *финта́*, *твис-та́*; см. также § 42, табл. 2.

2. Слова на *щ* (а также слово *дождь*, в основе которого представлен звонкий коррелят *щ*) относятся к схеме *b* все без исключения (при этом у слов *борщ*, *плющ*, *хрящ* «крупный песок», *дождь* это прямо

⁴¹ У слова *кол* (схема *b*) связь с глаголом *колоть*, по-видимому, уже утрачена (это тем более верно для пары *стол* — *стать*).

противоречит семантическим правилам). Они образуют, однако, закрытый список (из 14 слов): новых слов на *щ* в языке не появляется. Поэтому данное правило, несмотря на отсутствие исключений, не относится к числу продуктивных; оно только поддерживает старое ударение данной группы слов.

З а м е ч а н и е. К схеме *b* относится также значительная часть односложных слов на *ш, ж, ч, ц* и на мягкую согласную: бессуффиксальных слов нетривиального склонения и неопределенных *singularia tantum* здесь в сумме около 80, из них около 50 относится к схеме *b* (и еще 4 к схеме *f*). Однако почти во всех этих случаях флексийное ударение в ед. числе ожидается также и по семантическим правилам или, по крайней мере, им не противоречит. У слов, «склонных к *с*», находим наосновное ударение, например: *плюша, жмеля, плача, дюша, пляжа, плаца* (исключение составляют только старые слова *путь* и *кремль*; у слова *смерч* ударение колеблется). Таким образом, нет оснований говорить о самостоятельном морфологическом правиле, предписывающем схему *b* односложным словам с таким исходом.

В целом морфонологический фактор, как и морфологический, играет подчиненную, второстепенную роль: он действует лишь у меньшинства односложных слов и обычно (по крайней мере в литературной речи) лишь в тех пределах, которые ему оставляет действие семантического фактора.

СЛУЧАИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УДАРЕНИЯ ПО ЗНАЧЕНИЯМ

§ 27. Имеется лишь очень немного случаев, когда в соответствии с принципом III наблюдается различное ударение при разных значениях слова или у двух омонимов, еще не утративших прямой семантической связи друг с другом. Понятно, однако, что эти случаи представляют большой интерес ввиду их наглядности.

Слово *лист* в основных, конкретных значениях имеет в современном русском языке устойчивое флексийное ударение (Р. ед. *листа́*), но в собирательном значении (чаще всего в сочетании *лавро́вый лист*) оно встречается в разговорной речи с двумя ударениями: *листа́* и *листа*. В украинском и белорусском это различие более последовательно и закреплено литературной нормой: ср. укр. *лист*, *листа́* в конкретных значениях, но *лист*, *листу́* в собирательном («листва»).

Слово *хлыст* «гибкий прут» относится к схеме *b*: *хлыста́, хлысто́м*. Между тем *хлыст* «хлестание» (то же, что *хлест*, т. е. обычное корневое имя действия от *хлыста́ть* = *хлеста́ть*) относится, как и другие подобные слова (например *хруст*, *чих*, *пляс*, *скок*), к схеме *a*: *хлыста́, хлысто́м*; ср. у В. Даля: *не всё хлысто́м, ино и свисто́м* (ударение отмечено В. Далем)⁴², т. е. «не все действовать битьем, иной раз лучше и словами».

⁴² В. Даль совершенно справедливо приводит эту поговорку не при *хлыст* «гибкий, хлесткий прут», а при *хлестанье, хлест, хлестка* «действие по глаголу» (исходя из эквивалентности слов с *хлыст*- и с *хлест*-, *хлест*-). К сожалению, ни Р. Нахтигаль, ни В. Кипарский (цитирующие из В. Даля эту поговорку и предлагающие различные объяснения якобы аномальному

Замечание. Этот случай, впрочем, сложнее, чем представляется на первый взгляд: помимо принципа III^б, требующего для слова *хлыст* «прут» схемы *b*, на акцентуацию этого слова влияют также морфологическое правило из § 25 (в пользу схемы *a* или *c*) и морфонологическое правило из § 26 (в пользу схемы *b*). Последние два влияния как бы уравниваются друг друга (тогда как у морфонологически нейтральных слов *лож* «кирка», *щуп* и других акцентуация определяется правилом из § 25: Р. ед. *лѡма*, *щѹпа*)⁴³.

Для слова *плод* современные словари признают в качестве нормы только схему *b* (Р. ед. *плод́а*), но в живой речи нередко встречается и *плѡда* (Ушаков приводит это ударение с пометой «устар.»). Распределение этих двух акцентуаций лишь отчасти связано со значением (отчасти же мы имеем дело просто с колебаниями). Так, только ударение *плѡда* (в точном соответствии с принципом III^а) возможно для просторечного и областного *плод* «положение, размноженне», также «приплод» (пример В. Даля: *Этот скот на мясо пойдѣт, а этот для плѡду оставим*); ср. также *плод*, *плѡду* «урожай, приплод» в Деулине⁴⁴, а также в белорусском и украинском. При более обычных значениях («часть растения; фрукт; эмбрион; результат») жесткой связи между ударением и значением нет, однако ударение *плѡда* относительно чаще встречается при значениях «результат» и «эмбрион» (по Р. Нахтигалю, в последнем значении *плѡда* является даже нормой⁴⁵), а также в сочетании *запрѣтный плѡд*.

Слово *шар* обнаруживает отчетливую тенденцию к следующему абстрактному разграничению: схема *c* в обычных (относительно более абстрактных) значениях, схема *b* в значении «круглый предмет (на-пример для игры)». Так, например: *объѣм шар́а*, *со всего земного шар́а* (возможно только такое ударение), но в бильярде обычно *шар́а*, *шарѡм* и т. д. (причем не только в сочетаниях типа *загнать шар́а*, *загнуть шар́а*, *два шар́а*, которые часто приводятся в этой связи, но и в других контекстах); ср. также выражение *хѡть шарѡм покаѓи*.

Д. Н. Ушаков дает для слова *дуб* Р. ед. *дѹба* в значении «дерево», но *дуб́а* в значении «тупой человек» (там же приводится выражение *дѹб-дубѡм* «как круглый дурак») ⁴⁶. Это распределение действительно соответствует фактам разговорной речи (с той поправкой, что в значении «тупой человек» может встретиться как *дуб́а*, так и *дѹба*). Еще в нескольких случаях (например *бас*, *кряж*) аналогичная дифференциация как бы едва намечена.

ударению *хлы́стом* — Nachtigall R. Op. cit., S. 53; Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 76) не обратили внимания на это существенное обстоятельство.

⁴³ Вполне аналогично слову *хлыст* «прут» слово *хруст* в арголическом значении «купюра, денежный знак», а также в разговорном значении «печеное изделие типа хвороста». Правда, в обоих этих случаях употребляется почти исключительно мн. число — *хрусты́*; ед. число *хруста́*, *хрусту́* и т. д. здесь как бы потенциально.

⁴⁴ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 404.

⁴⁵ Nachtigall R. Op. cit., S. 191.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV. М., 1935—1940.

Приведем также некоторые наглядные примеры с привлечением материала из белорусского языка (такие сравнения лингвистически допустимы, поскольку, как уже отмечено в § 14, белорусский язык в целом сходен в рассматриваемом отношении с русским).

Интересный пример межъязыковой дифференциации одновременно по значению и по ударению представляет собой соответствие: русск. *боб*, *бобá* (слово исчисляемого класса) — белор. *боб*, *бóбу* (слово неисчисляемого класса), ср. *градá* *бóбу* = *грядка* *бобов* (см. § 10). Заметим, что и в русском языке слово *боб* раньше могло употребляться как неисчисляемое; так, в словаре Поликарпова (1704) находим *пирóгъ с бóбомъ*, что очень показательно, поскольку здесь, как и в белорусском, представлено одновременно неисчисляемое значение и наосновное ударение.

В русском языке *звон*, *звóна* имеет только неисчисляемое значение. В белорусском также находим *звон*, *звóну* «звон»; но наряду с этим существует белор. *звон*, *званá* «колокол» — с ударением, соответствующим исчисляемому характеру этого значения.

В литературном русском языке слово *суд* во всех значениях имеет Р. ед. *судá*. В белорусском находим *суд*, *судá* «орган власти», но *суд*, *сúду* «мнение, суждение и т. п.», например *на нямá i сúду нямá* «на нет и суда нет». Ударение *суд*, *сúда* (*сúду*) отмечено и в русских говорах⁴⁷

Замечание. По-видимому, имеется некоторая синхроническая связь между принципом III и аномальным ударением существительных в сочетаниях *два́* (*три́*, *четыре́*) *шага́*, *ряда́*, *часá*, *следá*, *шарá* (что, впрочем, совсем не обязательно означает, что именно таково происхождение этого ударения). Очевидно, что в сочетании с числительными слова выступают в своих исчисляемых значениях. Например, из двух значений слова *шаг* («процесс ходьбы» и «единичное движение») с числительными в нормальном случае сочетается только второе; ср. *не замедляя шага́* и *два́ шага́* или *для цéлого ря́да собитий* и *два́ ря́да* и т. п. Разумеется, в этих случаях нет последовательного акцентного различия исчисляемого и неисчисляемого значений (например, ударение одинаково в *не замедляя ша́га* и *пóсле пéрвого ша́га*; с другой стороны, в принципе возможны, хотя и непривычны, сочетания типа *два́ ша́га*, *четыре́ ря́да* и т. п.). Верно, однако, то, что в позиции, максимально благоприятствующей использованию исчисляемого значения слова, в этих случаях выступает именно то ударение, которое свойственно словам исчисляемого класса. Показательно, что ни одного случая противоположного акцентного соотношения между Р. ед. и счетной формой нет; нет также ни одного случая подобного различия у односложных существительных (а это естественно сопоставить с тем фактом, что принцип III распространяется только на односложные существительные).

§ 28. Как уже указано, приведенные выше примеры представляют собой исключительные случаи; в нормальном случае при разных значениях одного слова или в паре омонимов, связанных прямой семантической связью, выступает одна и та же акцентуация. Нечто подобное, хотя и с гораздо меньшей последовательностью, наблюдается также в парах омонимов, семантически не связанных между со-

⁴⁷ Словарь современного русского народного говора, с. 547.

бой (или связанных очень слабо), а именно, даже такие омонимы часто получают одинаковую акцентуацию. Примерами могут служить четыре омонима *губá*, три омонима *вал*, два омонима *пост* и многие другие.

Заметим, что в лингвистических работах мы нередко находим, напротив, утверждения об акцентуационном «отталкивании» в той или иной паре омонимов. Например, В. Кипарский полагает, что неподвижное ударение на основе у слова *туз* (шлюпка) «вызвано стремлением отличать это слово от карточного термина»⁴⁸. Однако в «Орфографическом морском словаре» дано: *туз*, *тузá* (шлюпка)⁴⁹. Если учесть, что другие семантически близкие слова (например *шлюп*, *скиф*, *ял*) показаны в этом словаре со схемой *a*, то в данном случае придется признать как раз «притяжение», а не «отталкивание» омонимов. По-видимому, практическая потребность в акцентуационном или ином дифференцировании омонимов обычно очень невелика; например *туз* (карта) и *туз* (шлюпка) не могут реально конкурировать ни в каком естественном контексте. В подобных случаях попытки дифференциации характерны скорее для подчеркнуто литературного языка (нередко это сознательные попытки сторонников языкового пуризма). Между тем в просторечии, напротив, внешнее сходство слов, даже неполное, часто приводит к их вторичному семантическому сближению (хотя бы совершенно произвольному; ср. такое хорошо известное проявление этой особенности просторечия, как народные этимологии), т. е. здесь происходит сближение, а не дифференциация омонимов.

В связи с этим следует оценивать как показательные те сравнительно немногочисленные пары омонимов, где различие в акцентуации явно обусловлено действующим принципа III: *шпик*, *шпикá* «сыщик», но *шпик*, *шпика* «сало»; *бунт*, *бунтá* «связка, кипа», но *бунт*, *бунта* «мятеж»; *винт*, *винтá* «металлическая деталь», но *винт*, *винтá* или *винта* «игра».

РАЗБОР ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ НЕТРИВИАЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

§ 29. Приводимые ниже списки охватывают все односложные слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18); учтены также случаи, когда нетривиальное склонение проявляется за рамками литературной нормы⁵⁰. Из неопределенных *singularia*

⁴⁸ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 21. При этом в другом месте (там же, с. 72) он же говорит об акцентуационном удоблении слова *пост* «стража, должность» его омониму *пост* «воздержание».

⁴⁹ См.: Порецкая Р. Э. Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника. М., 1974.

⁵⁰ Практически мы принимаем за литературную норму указания словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) и толковых словарей (прежде всего С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова), причем в случаях расхождений пред-

tantum приведены только характерные примеры. В списках слов пояснения в скобках относятся (если специально не оговорено обратное) только к непосредственно предшествующему слову.

Семантические группы с господствующим наосновным ударением в ед. числе

Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема с. В тех случаях, когда значение слова этому способствует, в качестве сопутствующего явления обычно выступает Π_2 на *-ý, -jó* (это обстоятельство специально не отмечается, кроме случаев, когда оно оказывается единственным проявлением нетривиальности склонения). Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют наосновное ударение в ед. числе. Слова с И. мн. на *-á, -я́* специально отмечаются (кроме случаев, когда такое окончание выступает лишь как просторечный вариант к литературному *-ы́, -и́*).

Названия нерасчлененных однородных масс

§ 30. 1. Названия веществ, материалов, кушаний, запахов и т. п., неисчисляемые названия растений (не деревьев). Схема с: *дым, жир, квас, мёд, мозг, пар, пот, спирт, суп, сыр, харч, чай*; то же с мн. на *-á* — *корм, мех, снег, хлеб*⁵¹, *шёлк*; в профессиональной речи также *гипс* (мн. *-á*), *грунт, клей, мел, сок* (мн. *-á*), *торф* (мн. *-á*), *флюс* «добавка к руде», *яд*; в просторечии также *кекс, крем, торг* (все с мн. на *-á*, см. работы А. С. Фидровской, Т. А. Ивановой; у *торг* мн. *торга́* и *торгы́*)⁵². Мн. число на *-ья*: *луб*. Singularia tantum с Π_2 на *-ý*: *газ* (горящий, ср. на *газу́*), *гной, пух, чад*.

Примеры неопределенных singularia tantum: *вар, ворс, воск, дёрн, дуст, жом, ил, кал, кокс, лес* (материал), *лом* (собират.), *лук* (растение), *мак* (растение, пищевой продукт), *мох* (вариант с Р. ед. *мо́ха*), *наст, прах, плюш, рис, скарб, смрад, сор, тальк, тёрн, тёс, тмин, толь, тюль, хлам, хмель* (растение), *хрен, шпик* (сало).

почтение отдается книге «Русское литературное произношение и ударение». Источниками сведений о ненормативном ударении служили предупредительные пометы в этой книге и аналогичные указания толковых словарей, данные «Орфографического морского словаря», работы А. С. Фидровской и Т. А. Ивановой по мн. числу на *-á* и непосредственные наблюдения над разговорной речью, а также опросы специалистов относительно профессионального ударения. Неоценимую услугу в исследовании ненормативного ударения нам оказала Н. А. Еськова, щедро предоставившая для настоящей работы собранный ею за долгое время материал по ударению в поэзии XX (а также XIX) века и в устной речи. Автор приносит ей глубокую благодарность.

⁵¹ Мн. *хлеба́* по литературной норме только в значении «злаки», но в разговорной речи также и в прочих значениях.

⁵² О словах *харч, грунт, торг* см. также ниже.

Исключения: *холст, борщ, плющ*⁵³, *хряц* «крупный песок» относятся к схеме *b*. Все эти слова — старые, и во всех случаях схема *b* поддержана морфологическим фактором, см. § 26 (редкое слово *хряц* «крупный песок», кроме того, находится под влиянием своего исчисляемого омонима *хряц* «элемент скелета», ср. § 28).

В просторечии и профессиональной речи под влиянием исхода на согласную + *t* могут получать схему *b* *грунт* и *торт* (для слова *торт*, возможно, играет определенную роль также то, что оно часто употребляется в исчисляемом значении). Для слова *харч*, ныне в ед. числе почти не употребляющегося, современные словари дают только ударение *хárча*; но иногда может встретиться и более старое ударение *харчá* (которое в работах XIX и начала XX века еще считается нормой⁵⁴).

Интересный случай составляет слово *жмых*, Р. ед. *жмычá* и *жмб́ха*. Оно содержит суффикс *-их, -ых*, требующий схемы *b* (§ 17, ср. *женíх, женичá*); отсюда ударение *жмычá*. Поскольку, однако, данный суффикс представлен только в этих двух словах, он выделяется недостаточно отчетливо, т. е. слово *жмых* может восприниматься и как непроеизводное. В последнем случае автоматически вступает в действие принцип III^a, который и порождает параллельное ударение *жмы́ха*.

Не совсем ясно ударение *шлих, шлйчá*, засвидетельствованное в профессиональной речи геологов (*шлих* — тяжелая фракция, остающаяся после последовательных промывок породы; по данным словарей — только *шлих, шлй́ха*). Возможно, акцентуация по модели исчисляемых слов возникает в данном случае лишь в той среде, где этот термин практически всегда означает отдельную пробу (для микроскопического исследования), ср. регулярное словоупотребление типа *дéсять (сбóрок и т. п.) шлйчóв*.

2. Названия деревьев. Схема *c* представлена в литературном языке только у слова *дуб*, но само правило о том, что такие слова ведут себя как неисчисляемые (§ 24), т. е. имеют в ед. числе основное ударение, соблюдается без исключений, ср., например, *вяз, клён, кедр, бук*.

3. Собирательные обозначения живых существ. Сюда относятся лишь неопределенные *singularia tantum*, например: *лю́д, гнус, клир*.

Исключения: слово *скот* (старое) относится к схеме *b*⁵⁵.

§ 31. Особую маленькую группу, отличную от собирательных (и не являющуюся частным случаем названий нерасчлененных однородных масс), образуют названия коллективов и объединений. В отличие от собирательных, они являются исчисляемыми (и поэтому легко образу-

⁵³ Слово *плющ* — неисчисляемое: *мнóго плющá, увй́тый плющóм*. Заметим, что в таком же качестве может выступать и слово *хвощ* (*мнóго хвощá*), но преобладает все же употребление его как исчисляемого: *мнóго хвощéй*.

⁵⁴ Nachtigall R. Op. cit., S. 199.

⁵⁵ В выражении *нашего полкú прй́было собирательное значение* выступает также у слова схемы *b* *полк* (относящегося к § 31).

ют мн. число), однако из-за тесной семантической связи с собирательными они все же тяготеют к классу слов с наосновным ударением в ед. числе. Сюда относятся: *род* «клан» (схема *c*), *рой* (*c*), *хор* (*a // c*), *флот* (*a // e // c*).

Однако *полк* (старое слово) и *гурт* (позднее слово, оканчивающееся на согласную + *r*) относятся к схеме *b*.

Названия абстрактных понятий

§ 32. 1. Названия действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации. Почти все они имеют неисчисляемое значение (в качестве единственного или наряду с исчисляемым); лишь очень немногие слова (преимущественно поздние), имеют только исчисляемое значение. Схема *c* (случай, где возможны и другие схемы, отмечены): *бал, бас* (голос), *бой, бунт* «мятеж», *вес* (мн. -*á*), *гол, гром* (*e // c*, мн. *грóмы* и *грóмá*), *долг, жар, лад, пал* «пожар», *пир, пол* (биологический; обычно *e*, но в разговорной речи также *c*), *род* (*e // c*, мн. *рóды* и *родá*), *сорт* (мн. -*á*), *тон* (*a // e // c*, мн. *тóны* и *тонá*), *ход* (*c // e*), *цвет* «окраска» (мн. -*á*), *чин, шаг, шрифт* (*a // c*); в профессиональной речи также *бис, вист, грип, люфт, пас, рост* «размер» (мн. -*á*), *сбой, смотр, строй, тиф, шторм* (мн. -*á*), *шум*; в разговорной речи и просторечии *блиц* (в шахматах), *вид, плюс* «преимущество», *твист, тост, трюк, финт, штраф*⁵⁶. Singularia tantum с Π_2 на -*ý*, -*ю*: *бег, бред, быт, лёт, плав, плен, пыл, свет* «освещенность», *скак, торг* «торговля», *хмель* «опьянение», *цвет* «цветение»; сюда же *вольт* «поворот» (схема *a* с Π_2 на -*ý*).

К этой же группе примыкают слова схемы *c* со значением результата действия (в том числе материального); *счёт* (в спорте, документ), *дар, приз*, возможно, также *кус*; сюда же *груз* (мн. *грúзы*, но в профессиональной речи *грузá*). У всех этих слов, кроме *приз*, наосновное ударение в ед. числе поддерживается также их отглагольностью (см. § 25).

Примеры неопределенных singularia tantum: *блеск, блуд, бокс, визг, вой, гвалт, гнев, гнёт, звон, зуд, крен, лай, лов, лоск, мир* «спокойствие», *мор, мрак, нюх, плач, пляс, прок, пуск, раж, рёв, риск, рок, рост* (процесс), *рыск, свист, сев, смак, смех, спорт, срам, флирт, фразг, шик*.

Исключения: слова *вред, грех, дождь, пост* (религиозный), *пост* (военный, общественный), *стыд, суд, труд, ум* относятся к схеме *b*⁵⁷. Кроме того, слово *винт* (игра) колеблется между схемами *a* и *b*. Все эти слова — старые, за исключением *пост* (военный и т. п.) и *винт*. На ударение этих двух поздних слов повлияли, во-первых,

⁵⁶ Относительно слов на согласную + *r* и слов *гол, трюк* см. также ниже.

⁵⁷ У слова *вред* в разговорной речи иногда встречается и наосновное ударение; кн. «Русское литературное произношение и ударение» дает предупредительную помету против ударения *о вре́де* (которое встретилось даже у некоторых современных поэтов).

ударение соответствующих омонимов (ср. § 28), во-вторых, исход на согласную + т.

З а м е ч а н и е. К данной семантической группе приближается также слово *смерч* (обычно схема *a*, но изредка также *b*), но оно все же заметно отличается от названий событий (типа *дождь*, *шторм*): это слово безусловно исчисляемое, и его основным значением, по-видимому, следует считать не «определенный вид движения воздуха», а конкретный зримый объект — «движущийся столб (вращающейся пыли, брызг)»; ср. такие слова, как *облако*, *туча*, *волна* и т. п. Соответственно мы рассматриваем слово *смерч* не здесь, а в числе слов, плохо поддающихся семантической классификации (см. § 41). Туда же отнесено отдаленно сходное с разбираемой здесь семантической группой исчисляемое слово *стих* (схема *b*).

В просторечии схему *b* иногда получают также некоторые другие слова данной семантической группы. Во-первых, это слова с исходом на согласную + т: *финт*, *гвист*, *шриффт*, реже *вист*, *гост*, *бунт* «мятеж», *люфт*. Во-вторых, это поздние слова с ярко выраженным исчисляемым значением «единичного мгновенного события (или действия)»: *гол*, *трюк* (таким образом, здесь противоречие между правилом об абстрактных понятиях и общим принципом III^b разрешается в пользу последнего; возможно, определенную роль играет также экспрессивный характер этих слов). Заметим, что слово *финт*, в котором оба фактора действуют одновременно, выступает с флексийным ударением чаще всех прочих.

2. Названия единиц измерения (но не денежных) и частей целого. Все они исчисляемые. Схема *c* или *e* (последнее отмечено): *час*, *год* (*e* // *c*, мн. *годы* и *годá*), *век* (мн. -á), *фунт* (обычно *a*, но в разговорной речи также *c*), *пуд*; *раз*, *кон* «этап игры», *пай*, *слог* (*e*), *склад* «слог»; возможно, сюда же *кус* (ср. § 25 и 37). В просторечии также *срок* (мн. -á), *куш*. По-видимому, к этой же группе примыкает *том* (мн. -á) — в соответствии со своим основным (непредметным) значением «часть печатного издания».

О слове *нуль* (схема *b*) см.: § 40. Об абстрактных понятиях, связанных с пространством (*верх*, *низ*, *зад*), см. § 33, п. 2.

Названия пространств, поверхностей, направлений

§ 33. Почти для всех объектов, обозначаемых словами данной группы, характерна неполная определенность границ. Слова данной группы обычно совмещают исчисляемое и неисчисляемое значения. Однако у значительной их части (например *верх*, *тыл*, *край*, *лес*, *рай*) первичное значение — неисчисляемое.

1. Названия сторон, направлений, элементов пространственной организации, а также названия поверхностей, ограничивающих определенные предметы. Схема *c*: *верх* (мн. -ú и á), *низ*, *зад*, *тыл*, *фронт* (*a* // *e* // *c*), *бок* (мн. -á), *край* (мн. *крайá*); *ряд*, *слой*; *борт* (мн. -á), *пол* «настил», *под* (печи).

Неопределенные *singularia tantum*: *юг*, *норд*, *зюйд*, *ост*, *вест*.

Исключение: *пласт* (схема *b*).

В просторечии слово *борт* под влиянием исхода на согласную + т (§ 26) допускает схему *b*. Сочетание *за бортом* стало даже практически узаконенным (наряду с *за бортом*).

2. Названия пространств и участков земной поверхности, границы которых не вполне определены. Схема *c*: *мир* «вселенная», *лес* (мн. -á), *бор, гай, сад, луг* (мн. -á), *лан* (поле), *плёс* (*a* // *c*, мн. *плёсы* и *плёса*), *дол* (*e* // *c* // *a*), *лог* (мн. -á), *юр, яр, кон* «особое место при игре»; по-видимому, сюда же *мыс* (*a* // *c*). Singularia tantum с Π_2 на -ý, -jó: *ад, рай*. Схема *a* (в просторечии также *c*) с Π_2 на -ý: *плац*. В просторечии схему *c* с Π_2 на -ý могут получать также *пляж, сквер*⁵⁸.

Неопределенное singularia tantum: *свет* «мир, земной шар».

Замечание. К этой же семантической группе по существу относятся и имена собственные — названия стран, городов, рек и т. п., например *Крым* (ср. в *Крым*), *Клин* (ср. в *Клин*), *Дон* (ср. на *Дону*), *Буг, Прут, Рим* — все с основным ударением (исключения: *Днепр, Днестр* — схема *b*). Впрочем, общее количество бессуффиксальных односложных географических названий мужского рода (из числа достаточно известных русскому населению) довольно невелико.

3. К указанным здесь группам примыкают также слова, обозначающие пути: *шлях, брод, лаз* (у всех обычно схема *a*, но возможна также схема *c*).

Исключение: *путь* (схема *b*).

Названия оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ

§ 34. Эта небольшая группа слов явно присоединилась к названиям пространств. Несмотря на исчисляемость, эти слова обнаруживают тенденцию к основному ударению в ед. числе (хотя и не столь резко выраженную, как в предшествующих группах). Схема *c*: *тын, вал* «насыпь»; *баз, ток* «гумно» (*c* // *e*, мн. *тока* и *токи*), *форт, порт* (*e* // *c*); *дом* (мн. -á), *хлев* (мн. -á), *цех* (*c* // *a*, мн. *цеха* и *цехи*), *штаб* (*c* // *a*); *гроб, шкаф, куб* «сосуд», *чан, таз*; в профессиональной речи и просторечии также *клуб* «учреждение», *тир, лифт, жбан, трюм* (мн. -á); *шлюз* (мн. -á).

По-видимому, к этой же семантической группе примкнули слова *воз* (схема *c*; см. также § 25), *стог* (схема *c*, мн. -á)⁵⁹, *пресс* (схема *a*, но в профессиональной речи схема *c* с мн. -á)⁶⁰. В их значении мо-

⁵⁸ Значения этого же типа имеются также у слов *тыл, фронт, край* (см. пункт 1) и *круг* (см. § 40). Семантически близки также некоторые слова из § 34 (*ток* «гумно», *порт*).

⁵⁹ Ср. также Π_2 в *стогу*, сближающее это слово с названиями вместилищ. Интересно, что слово *скирд*, близкое по значению, относится к схеме *b* и не имеет Π_2 на -ý. Возможно, что здесь было существенно различие внешнего вида (см. у В. Даля): стог «домообразен», а скирд растянут в длину, «простерт» (ср. вероятную этимологию лит. *stirta*, являющегося первоисточником славянского слова, от **ster* «простира́ть»).

⁶⁰ Ср. также профессиональное Π_2 на *прессу*.

жет быть усмотрен семантический элемент «вместилище» (правда, слабо выраженный).

Исключения: *двор* (схема *b*), *кремль* (*b*), *скит* (*b*, но изредка также *c*), *пруд* (колебание *b* // *c*).

В разговорной речи флекссионное ударение в ед. числе иногда встречается у слова *газ*; в просторечии оно засвидетельствовано также для слов *порт*, *форт*, *лифт*, *шлюз*. У областных слов *саж* «загон для откорма свиней» и *кош* «корзина, рыболовная снасть» ударение, по-видимому, колеблется (данные словарей противоречивы). Слово *горн* «печь», относящееся по литературной норме к схеме *a*, допускает в профессиональной речи схему *b* (по-видимому, наряду с *c*).

Не входят в рассматриваемую группу названия мелких вместилищ, например *ковш*, *марь* (оба схемы *b*); они относятся просто к § 37.

Таким образом, в целом слова данной группы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *c*».

Термины родства

§ 35. Эта маленькая замкнутая группа слов имеет наосновное ударение в ед. числе без связи с принципом III. В сущности это результат прямого наследования древнего ударения, однако в современном языке здесь явно установилась синхроническая связь между значением и акцентуацией (а именно схемой *c*, получающейся из наосновного ударения в ед. числе и естественного для таких употребительных слов нетривиального ударения во мн. числе). Эта связь выражается, с одной стороны, в тенденции к переходу в схему с нескольких терминов родства с иной первоначальной акцентуацией (*брат*, *дед*, *сват*, также *шурин*, *дядя*), с другой стороны, в устранении схемы *c* у одушевленных слов других семантических групп (ср. § 38, 39).

Схема *c*: *муж*, *сын*, *зять*, *кум* (мн. число, по крайней мере в прямом значении, у всех этих слов на -ья); ср. также нелитературное мн. число у слов *брат*, *дед*, *сват* — *браты* (и *братья*), *деды*, *сваты*. Сюда же примыкают *шурин* — *шурья*, *дядя* — *дядья*.

Устойчивое тривиальное склонение имеет по существу только одно слово — *внук*; у слова *тесть* (Р. ед. *тестя*) мн. число встречается слишком редко, чтобы можно было определенно судить о его ударении.

О словах *друг* и *князь*, примкнувших к данной группе, см. § 41.

Семантические группы с господствующим флекссионным ударением в ед. числе

§ 36. Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *b*. Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют флекссионное ударение в ед. числе. Напомним, что разбираются только слова нетривиального склонения; соот-

ответственно под исключениями ниже понимаются только те слова с наосновным ударением в ед. числе, которые относятся к нетривиальному склонению.

Небольшое число слов (главным образом старых, например *мост*, *пруд*) колеблется между схемами *b* и *c*: в ед. числе *моста́*, *пруда́* и *мо́ста*, *пру́да*, но во мн. числе только *мо́сты*, *пру́ды* (**мо́сты*, **пру́ды* решительно невозможно). С этими случаями не следует смешивать ситуацию другого рода (довольно распространенную): у некоторого слова (чаще всего позднего, например *альт*, *пим*) ударение в ед. числе неустойчиво, тогда как во мн. числе явно преобладает флексийное ударение (хотя изредка может встретиться и наосновное). Такая ситуация, как правило, означает, что перед нами слово, «склонное к *b*», находящееся в процессе перехода от тривиального склонения (т. е. схемы *a*) к нетривиальному (а именно к схеме *b*). Дело в том, что, как показывает наблюдение, флексийное ударение появляется во множественном числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном⁶¹ (по всей вероятности, потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексийное ударение в ед. числе есть примета только половины таких слов). Так, ударение *ша́рфы*, *ба́нты*, *шпри́цы* и т. п. появляется раньше, распространяется быстрее и воспринимается как менее одиозное с точки зрения литературной нормы, чем *ша́рфа́*, *ба́нта́*, *шпри́ца́* и т. п. в ед. числе.

Учитывая это обстоятельство, мы помещаем ниже слова, колеблющиеся между тривиальным ударением и схемой *b*, в общие списки (с соответствующей пометой). Описанная выше переходная ситуация с «асимметричностью» двух чисел условно отмечается «*b // c // a*».

Названия материальных предметов (кроме входящих в § 34)

§ 37. Более точно, в эту группу входят названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами. Перечислим эти слова, подразделив их для большей наглядности по морфонологическому признаку (слова, при которых нет особых указаний, относятся к схеме *b*). Слова на согласную + *t*: *альт* («инструмент», но также и в других значениях; *b // c // a*), *бинт*⁶², *болт*, *бунт* «связка, кипа», *винт*, *зонт*, *куст*, *лист* (мн. *ли́сты* и *ли́стья*⁶³), *пест*, *унт* (*b // a*), *хлыст*, *шест*, *шпалит*, *шпунт*, *штифт*. Слова на *ц*: *плац*, *прац*, *хвоц* (ср. сноску

⁶¹ Ср. в этом отношении также цитату из Н. С. Трубецкого, приведенную в § 21.

⁶² Основное значение — исчисляемое: «кусочек марли», «лента» (именно так начинаются толкования этого слова в словарях).

⁶³ Здесь и далее различие значений у подобных вариантов мн. числа не отмечается.

53). Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *бич*, *буж*, *бэвоздь* (*f*), *груздь* (*f*), *гуж*, *ключ*, *ковш*, *корж*, *кряж* «бревно» (*b // a*), *куль*, *ларь*, *линь* «веревка», *меч*, *мяч*, *нож*, *пыж*, *руль*, *сныч*, *тяж*, *шпень* (*шпинь*), *штырь*. Прочие слова: *блин*, *боб*, *буй* (по данным словарей *s*, но в разговорной речи чаще *b*), *вьюк* (*b // c // a*), *гриб*, *жгут*, *жезл* (обычно *b*, но иногда *a*), *кий* (*b // c // a*), *клок* (мн. *клоки* и *кло́чья*), *кнут*, *кол* (мн. *ко́лья*), *крюк* (мн. *крюки* и *крю́чья*), *одр*, *пим* (*b // c // a*), *плод* (см. также § 27), *плот*, *прут* (мн. *пруты* и *пру́тья*), *пук* (по данным словарей *s*, но в разговорной речи часто *b*), *сerp*, *сноп*, *ствол*, *стол*, *столб*, *столп*, *сух* (мн. *суки* и *су́чья*), *тук*, *цеп*, *чёлн* (*b // a*), *шип* «колючка», *шкив* (по данным словарей *s*, но в профессиональной речи также *b*), *шлык*, *шнур*, *штык*, *щит*.

В просторечии и профессиональной речи в схему *b* перешли или стремятся перейти также многие другие слова данной семантической группы. Перечислим известные нам случаи (бесспорно, этот список неполон): *бант* (в разговорной речи часто схема *b*; отмечено у А. А. Шахматова⁶⁴), *барс* «тип подводной лодки» (*b // c*, «Орфографический морской словарь»), *брус* (в разговорной речи встретилось Р. ед. *брусá*), *буль* «специальный выступ на борту корабля» (*b* по «Орфографическому морскому словарю»), *диск* (при жаргонном употреблении в значении «пластинка» встречается схема *b*), *зонд* (в профессиональной речи *b*⁶⁵), *киль* (по «Орфографическому морскому словарю» морское разговорное — *b*; схема *b* неоднократно встречается также в поэзии), *клин* (в разговорной речи встречается Р. ед. *клинá* и т. д., ср. предупредительную помету против такого ударения в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), *ком* (в разговорной речи изредка встречается *комá*, *комóм*⁶⁶), *пульт* (в профессиональном жаргоне встретилось *c пультá*, *на пультé*), *рант* «полоска кожи по краю обуви» (в профессиональной речи *b*, реже *c*), *руст* «необтесанный камень для облицовки» (исчисляемое слово; в профессиональной речи *b*), *стан* (ткацкий, прокатный и т. п.; в профессиональной речи явно возможна схема *c*, но, по-видимому, также и *b*; ср. данные Р. Нахтигалю информантом словоформы *станы́*, *станóв* [в этом значении], *на ткацком стану́* и в особенности за *станóм сидела*⁶⁷), *трут* (редкое слово; в разговорной речи возможно колебание *a // b*⁶⁸), *туз* (шлюпка; *b* по «Орфографическому морскому словарю», см. также § 28, замечание), *шарф*, (в разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шарфá*, *шарфóй*, *шарфóв*» в кн. «Рус-

⁶⁴ См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 135.

⁶⁵ Флекссионное ударение в этом слове (правда, в форме мн. числа) встретилось также у С. Михалкова: *Ей-ей, такие есть, что завистью исходят, Когда при них другим зонды и шприцы вводят* («Завистливый больной»).

⁶⁶ Ср. два *комá*, встреченное в стихотворном тексте (Тряпкин Н. журн. «Москва», 1964, № 8, с. 133).

⁶⁷ Nachtigall R. Op. cit., S. 265.

⁶⁸ Ср. на *трутé* (рифма: *в темноте*), встреченное в стихотворном тексте (Дмитриев О. журн. «Юность», 1964, № 9, с. 57).

ское литературное произношение и ударение»), *шлиф* «тонкая пластинка горной породы, подготовленная для микроскопического исследования» (у геологов схема *b*), *шиш* «выступ на валу» (в профессиональной речи *b*), *шпиль* (в разговорной речи возможна схема *b*; она неоднократно встречается также в поэзии), *шприц* (в профессиональной и разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шприца́*, *шприцы́*, *шприцо́в*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»). О слове *шар* в бильярдном значении см. § 27.

Для слова *лук* (оружие), у которого в XIX веке неоднократно встречается схема *b*, Р. Нахтигалем засвидетельствовано Р. ед. *лука́* (в устной речи⁶⁹); не вполне ясно, однако, идет ли здесь речь о живом (например профессиональном) ударении или только о реликте ударения прошлого века.

Исключения. Безусловными исключениями можно считать только два старых слова: *плуг* (схема *c*)⁷⁰ и *стул* (схема *a*, мн. *сту́лья*)⁷¹.

Еще несколько слов являются исключениями при их нормативном ударении, но фактически колеблются: *брус*, *клин*, *ком*, также *пук*, *буй*, *шкив* (см. о них выше в общем списке).

Названия инструментов *лом* (*c//e*, мн. *ло́мы* и *лома́*), *струг* (*c//a*, мн. *стру́ги* и *струга́*), *щуп* (*a*, в профессиональной речи *c*) имеют основное ударение в ед. числе в силу морфологического фактора (отглагольности), см. § 25⁷².

У нескольких слов (названий материальных предметов) в просторечии или в профессиональной речи флексивное ударение засвидетельствовано только во множественном числе, но не в единственном; таковы, в частности, *бур*, *кран* (в разных значениях), *флаг*. Если учесть, однако, что и у многих названных выше слов (например *буй*, *вьюк*, *кйй*, *пим*, *пук*, *шкив*, *бант*, *брус*, *зонд*, *клин*, *шарф*, *шпиль*) флексивное ударение во мн. числе встречается чаще, чем в единственном (см. § 36), то понятно, что нет достаточных оснований считать слова *бур*, *кран*, *флаг* нарушениями принципа III^b. Тенденцию к такому нарушению, по-видимому, можно признать только у двух

⁶⁹ Nachtigall R. Op. cit., S. 189.

⁷⁰ Ожидаемое флексивное ударение в ед. числе представлено в белорусском (Сивяков И. Ударение в русском языке. Вильна, 1908, с. 120 — Р. ед. *плу́га*; Лобан Н. П. Указ. соч., с. 207 — *плу́га* или *плу́га́*).

⁷¹ В случае со словом *стул* определенную роль, по-видимому, сыграло противопоставление в рамках тесно связанной ассоциативной пары *стол* — *стул* (в этой паре *стол* — исконное слово с древней схемой *b*, *стул* — старое заимствование). Так, во мн. числе вместо неизбежного для употребительного слова нетривиального ударения (**стулы́* [или **стула́*], **стуло́в*) находим *сту́лья*, *сту́льев* (словоформы, резко отличные от *стола́*, *стола́в*); в ед. числе, вопреки принципу III^b, находим *сту́ла* (ср. *стола́*). Существенно также, что в старом языке и в говорах у слова *стул* есть варианты среднего (ср. *сту́ло* у В. Даля) и женского (ср. *сту́ла* — «Словарь современного русского народного говора», с. 546) родов, в обоих случаях с основным ударением.

⁷² См., кроме того, § 32 о слове *том*, § 25 и 32 о слове *кус*. Слово *зуб* (§ 41) имеет в ед. числе единое ударение во всех значениях, в том числе и «зубец» (мн. *зу́бья*).

слов этого типа: *трос* и *бот*; в профессиональной речи у них представлено мн. *тросá*, *ботá* (см., в частности, «Орфографический морской словарь»), притом что в ед. числе, насколько можно судить, сохраняется наосновное ударение.

Названия животных

§ 38. Следующие из них относятся к схемам *b* и *j* (последнее отмечено). Слова на *ст* и на *щ*: *глист*, *клёст*; *клец*, *лец*, *хрущ*. Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *грач*, *ёж*, *ёрш*, *конь* (*f*), *лунь* (рыба), *лунь*, *морж*, *стриж*, *сыч*, *уж*, *хорь*, *червь* (*f*), *чиж*, *шмель*, *язь*. Прочие: *бобр*, *бык*, *вол*, *дрозд*, *жук*, *кит*, *клоп*, *кнур* (*кнур*), *кот*, *крот*, *сиг*, *слон*, *сом*, *хряк*, *шип* (рыба), *щур* (птица).

В разговорной речи к этому списку присоединяется ряд других слов. Во-первых, слова схемы *e* *волк*, *гусь*, *лось* обнаруживают сильную тенденцию к переходу в схему *j*: вместо нормативных *во́лка*, *гу́ся*, *ло́ся* часто выступают *во́лка*, *гу́ся*, *ло́ся*; такое ударение неоднократно встречается и в стихах. Во-вторых, вместо нормативной схемы *a* у слов *мул*, *спрут*, *шприц* иногда выступает схема *b*. Такое ударение может проникать и в стихи; так, на *му́ле*, *худо́го му́ла*, *му́лы*, *му́лов* неоднократно встречается в стихах XIX и XX веков; пример со словом *спрут*: *Он привез мне глаз кита / Зуб акулы / И спрутá*⁷³.

Исключением является единственным относительно устойчивым исключением является *зверь* (схема *e*)⁷⁴. Слова *волк*, *гусь*, *лось*, относящиеся по литературной норме к схеме *e*, фактически колеблются (см. выше).

Отметим, что среди названий животных полностью отсутствует схема *c* (ср. § 35)⁷⁵.

Названия лиц по занятию и оценочные

§ 39. Это единственная группа среди названий лиц, в которой осуществляется принцип III^b (и то не вполне последовательно); о прочих группах названий лиц см. § 35 и 41.

К схеме *b* относятся: *вождь*, *волхв*, *дьяк* (*b // a*), *ксёндз* (*b*, изредка *a*), *паж* (*b*, изредка *a*), *плут* (*b // a*), *поп*, *раб*, *хлыст* «хлыстовец»;

⁷³ Волгина Т. По тропинкам бродит лето. Киев, 1968, с. 47. В псковских, пинежских (а также некоторых белорусских) говорах схему *b* получило слово *рак* (см.: Колесов В. В. История русского ударения, с. 109). Ударение *раки́*, *рако́в* засвидетельствовано нами, кроме того, в Кирилловском районе Вологодской области.

⁷⁴ Даже и у этого слова в говорах и в просторечии встречается ударение *зверя́*, *зверю́* и т. д. (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, с. 246), однако в обычную разговорную речь оно все же почти не проникает.

⁷⁵ В связи с этим нельзя считать надежной схему *c*, которую дает Д. Н. Ушаков для областного (очень редкого) слова *зуй* (обычное название — *зуйк*).

фат», *хлыщ*, *хлюст* «нахал, проныра», *хрыч*, *шиш* «бродяга, разбойник», *шпик* «сыщик», *шпынь* «насмешник», *шуг*; в просторечии *жлоб*, *хмырь*. Сюда же слова с неполной выделительностью суффикса *врач* и *спец* ($b // a$), ср. § 19. О слове *дуб* «тупой человек» см. § 27. В эту же группу попадают жаргонные новообразования, например *хип* (схема b), *битл* ($b // a$) и т. п.

К этой группе примыкают также названия карт и фигур (в играх): *туз*, *ферзь* (оба схемы b); просторечные и арготические *пант* «валет» (b), *кинг* «король» ($b // a$).

Сильную тенденцию к переходу в схему f и далее в схему b обнаруживает слово *вор* (по литературной норме схема e); ср. также выше, § 18.

Замечание. К этой же семантической группе относятся почти все односложные слова с суффиксами, например *ткач*, *льстец*, *лгун*, *враль*, *псарь* (схема b , см. § 19). Возможно, что они оказали определенное влияние на то, что именно эта семантическая группа бессуффиксальных односложных слов обнаруживает (в отличие, например, от терминов родства, титулов, названий национальностей и др.) тенденцию к схеме b .

Прямых исключений в данной группе практически нет: единственное слово нетривиального склонения с нормативным наосновным ударением ед. числа — *вор* — фактически колеблется (см. выше).

Трудность состоит здесь в другом: несколько вполне употребительных слов данной семантической группы (иногда даже близких к просторечным), вопреки принципу II⁶, относятся к тривиальному склонению. Таковы *мот*, *хват*, *трус*, *глот*, *жом*, *жмот*, *жох*, *хам*, *гад*, *кат*, *шкет*. Наиболее объяснимо ударение отглагольных слов *мот*, *хват*, *глот*, *жом*: под действием морфологического фактора (§ 25) они сохраняют свое прежнее наосновное ударение ед. числа. Но нетривиальное ударение во мн. числе в этом случае означало бы схему c , которая, как отмечено в § 35, стала теперь признаком терминов родства. Поскольку *мот*, *хват*, *глот*, *жом* к терминам родства не относятся, они получают иное ударение — тривиальное.

Сравнительно близко (в морфологическом отношении) к этим словам стоят *трус* и *жмот*. Что касается прочих слов, то у них тривиальное ударение остается неясным. Возможно, что наличие слов *мот*, *хват*, *глот*, *жом* (также *трус*, *жмот*) создает допустимый для данной семантической группы второстепенный акцентуационный образец (схему a), которому и следуют слова *хам*, *жох* и т. д.⁷⁶ (притом что главный акцентуационный образец здесь все же схема b , см. выше). Так или иначе, ситуация с ударением в данной семантической группе не такая определенная, как, например, у названий животных.

⁷⁶ С наличием этого образца, быть может, связано и колебание слова *плут* между схемами b и a , а также изредка встречающееся ударение по схеме a у слова *враль* (с морфологической точки зрения необъяснимое).

Различные мелкие группы исчисляемых

§ 40. 1. Названия гор, груд, сооружений (не полых). Схема *b*: *холм, кряж* «хребет» (*b // a*), *скирд, бург, ряж* (*b // a*). У слова *мост* (*b // c*) старое ударение по схеме *c* все чаще заменяется новым по схеме *b*.

Слово *мол* относится по литературной норме к схеме *a*, но имеет P_2 на *молу́*; в профессиональной речи у этого слова возможна схема *c* (см. «Орфографический морской словарь»), в разговорной речи заведительствована также схема *b* (*прыгали с молá*). О слове *стог* см. § 34.

2. Названия отверстий, шахт. Схема *b* (*// a*): *шурф, шпур*. Слово *паз*, относящееся по литературной норме к схеме *c*, в профессиональной речи и в просторечии допускает схему *b*.

3. Названия фигур, начертательных знаков (в частности, букв, цифр), монет. Схема *b*: *крест, кряж, луч, штрих, герб, блинт* «особым образом вытисненная надпись или орнамент»; *аз, нуль (ноль)*⁷⁷; *рубель, грош*. Заметим, что многие из этих слов (например *крест, рубль, грош*) часто обозначают конкретные материальные предметы, что сближает их со словами из § 37.

Широко представлена в профессиональном просторечии схема *b* для слова *икс* (ср. помету «не *икса́*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), в несколько меньшей степени — для названий букв *хер, ер, юс* (в более литературном варианте здесь выступает «компромиссная» схема *c*, в подчеркнуто литературном — *a*). Нами отмечено даже *жёрного плюса́* (где *плюс* употреблен в значении графического знака).

Слово *круг* (схема *c*) едва ли следует считать просто исключением: у него имеются явно выраженные значения «пространственного» типа (часть плоскости; среда, сфера — в переносном смысле), которые сближают его со словами из § 33 (например *мир, луг, плац*).

Названные семантические микрогруппы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *b*».

Семантические группы, в которых не действуют синхронические акцентуационные правила

§ 41. Синхронические акцентуационные правила, касающиеся ударения в ед. числе, не действуют прежде всего у названий частей тела (*a* также *язв* и т. п.). Из них к схеме *b* относятся *горб, клык, перст, прыщ, свищ, хвост, хрящ*, к схеме *c* — *глаз, зоб, нос, рог, чуб*, к схеме *e* — *зуб*, к схеме *a* с мн. -ья — *струн*. Слова *пуп* и *ус* колеблются между схемами *b* и *c* (причем по литературной норме для *пуп* предпочтительна схема *b*, для *ус* — схема *c*).

⁷⁷ Таким образом, это слово выступает здесь как обозначение графического знака, цифры (*a* не в абстрактном значении «ничто» и т. п.).

В таком же положении находятся названия лиц, не относящихся ни к терминам родства (§ 35), ни к названиям по занятию или оценочным (§ 39). Из них к схеме *b* относятся *враг*, *царь*, а также *жид* (см. об этом слове § 18), к схеме *c* — *друг* (мн. *друзья*), *князь* (мн. *князья*)⁷⁸, а также *пан* (*c*, реже *a*), к схеме *e* — *бог*, *чёрт*, *гость*.

Кроме того, имеется небольшое число слов, значение которых с трудом поддается классификации. Эти слова не ассоциируются (без существенных натяжек) ни с одной из частных семантических групп, рассмотренных в § 29—40. Поэтому естественно, что принцип III (в основе которого лежит акцентуационное уподобление семантически сходных слов) здесь действовать не может. Сюда мы относим: из слов схемы *b* — *стих*, *ялюст* «набор карт одной масти», *шиш*, областное *кут* «угол в избе и др.», а также *смерч* (*a // b*, см. § 32); из слов схемы *c* — *шар* (в основном, более абстрактном значении, ср. § 27), *клуб* (дыма и т. п.), *вал* «волна», *вал* «ось», *след* (схема *c* с некоторыми отклонениями в сторону *b*, см. кн. «Русское литературное произношение и ударение»).

Замечание. К числу слов, значение которых трудно поддается классификации, вообще говоря, можно было бы отнести и некоторые из включенных выше (с некоторой долей условности) в основные семантические группы, в частности из слов схемы *b* — *луч*, *пласт*, *нуль* (*ноль*), из слов схемы *c* — *кус*, *том*, *мыс*, *воз*, *стог*, *круг*.

ИТОВЫЕ ТАБЛИЦЫ

§ 42. Ниже приводятся сводные таблицы по односложным словам нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенным *singularia tantum*. Таблицы показывают количественные соотношения слов с основным и с флексийным ударением ед. числа в различных семантических и морфонологических группах. В соответствии с § 36 колеблющееся ударение объединено в таблицах с флексийным.

При подсчетах учтены факты как литературной, так и нелитературной речи. Во-первых, в совокупность отражаемых таблицами слов включены, помимо слов, относящихся к нетривиальному склонению по литературной норме, также слова, относящиеся к нетривиальному склонению только в нелитературной речи, например слова *штраф*, *бант* (нелитературное мн. *штрафы*, *банты* при литературном *штрафы*, *банты*)⁷⁹. Во-вторых, учитывалось как литературное, так и нелитературное ударение ед. числа каждого отражаемого таблицами слова, а именно: если эти два ударения совпадают (это нормальный случай), в таблицах отражено единое ударение; если же они расходятся

⁷⁸ Слова *друг* и *князь* с морфологической и акцентуационной точек зрения примкнули, таким образом, к терминам родства.

⁷⁹ При таком принципе отбора общее число отражаемых сейчас таблицами слов составляет около 670. Если бы учитывалась только литературная норма, соответствующая совокупность составила бы около 600 слов.

(ср., например нелитературное *лося* при литературном *лбся*), то ударение такого слова квалифицируется как колеблющееся⁸⁰.

Нелитературное ударение отражено в том объеме, в котором оно рассмотрено в § 30—41⁸¹. В качестве исключения, чтобы не затемнять общей картины фактами, недостаточно надежно засвидетельствованными или вызванными какими-то побочными причинами, в таблицах не отражена возможность появления в нелитературной речи схемы *c* у слов *бур, кран, флаг, трос, бот* (см. § 37, конец) и схемы *b* у слов *шлех, харч, гол, трюк, таз, шлюз, горн*.

Чтобы уменьшить влияние побочных обстоятельств на числовые данные таблиц, в таблицы не включены: а) слова *лом, струг, щуп* (ударение которых определяется морфологическим фактором, § 25) и *жмыл* (см. § 30); б) слова, отмеченные выше в списках как областные (поскольку их ударение непоказательно); кроме того, слово *зуб* в значении «зубец» не отделено от *зуб* в основном значении.

Таблица 1 отражает ударение «морфонологически нейтральных» слов, т. е. оканчивающихся не на *щ* и не на сочетание «согласная (не взрывная) + т»; это основной массив односложных слов. Таблица 2 отражает ударение слов, оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + т», т. е. тех, которые подпадают под действие морфонологического фактора (§ 26), обуславливающего склонность таких слов к схеме *b*.

Если в клетке таблицы дано два числа, соединенных знаком + (например 156 + около 220), первое число относится к словам нетривиального склонения, второе — к неопределенным *singularia tantum*. В прочих случаях числа обозначают количество слов нетривиального склонения.

Таблица 1

Ударение ед. числа у морфонологически нейтральных односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных *singularia tantum*)

	Основное ударение в ед. числе	Флексивное (или колеблющееся) ударение в ед. числе
Семантические группы, «склонные к <i>c</i> » (§ 30—35)	156 + около 220	13
Семантические группы, «склонные к <i>b</i> » (§ 36—40)	4	155
«Семантически нейтральные» (§ 41)	18	10

⁸⁰ Некоторые сведения о том, как изменились бы числовые данные таблиц, если бы учитывалось только литературное ударение, приведены в комментариях к таблицам.

⁸¹ Как уже отмечалось, этот объем сведений не может считаться исчерпывающим. Понятно, что если его удастся расширить, числовые данные таблиц несколько изменятся.

Из этой таблицы видно, что подавляющее большинство слов из рассматриваемой совокупности подчиняется современным семантическим правилам об ударении и лишь 17 слов (13 с флексийным или колеблющимся ударением и 4 с наосновным) представляют собой исключения. Эти исключения можно разделить на два типа. Первый тип образуют слова из семантических групп, «сильно склонных» к *b* или к *c*; исключения этого типа прямо противоречат принципу III. Сюда относятся 8 слов, «сильно склонных к *c*» и тем не менее имеющих флексийное ударение (*скот, вред, грех, стыд, суд, труд, ум, путь*), и 3 слова, «сильно склонных к *b*» и тем не менее имеющих наосновное ударение ед. числа (*плуг, стул, зверь*); см. комментарии по поводу этих слов в § 13. Второй тип образуют слова из семантических групп, «умеренно склонных» к *b* или *c*; это, так сказать, «слабые» исключения (сюда относятся *полк, двор, кремль, скит* — с флексийным ударением ед. числа, *пруд* — с колеблющимся, *круг* — с наосновным).

Общий характер картины, представленной в табл. 1, не изменился бы и в том случае, если бы подсчеты производились только для нормативного литературного ударения; однако в силу консервативности литературной нормы эффект семантических правил был бы несколько меньшим. Так, в двух основных рубриках таблицы вместо 156 слов нетривиального склонения с наосновным ударением и 155 с флексийным или колеблющимся в этом случае соответственно 130 и 110, главным образом за счет того, что значительная группа слов типа *штраф, байт* относится по литературной норме к тривиальному склонению. С другой стороны, группа слов-исключений, «склонных к *b*» и тем не менее имеющих наосновное ударение ед. числа, в этом случае более многочисленна (16 слов), поскольку для слов *вор, волк, гусь, лось, клин, пук* и ряда других литературная норма пока еще

Таблица 2

Ударение ед. числа у односложных слов нетривиального склонения
(и неопределенных *singularia tantum*),
оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывающая) + *т*»

	Наосновное ударение в ед. числе	Флексийное (или колеблющееся) ударение в ед. числе	
	только слова на согл. + <i>т</i>	слова на согл. + <i>т</i>	слова на <i>щ</i> (и <i>дождь</i>)
«Склонные к <i>c</i> »	5 + около 25	19	4
«Склонные к <i>b</i> »	0	27	7
«Семантически нейтральные»	1	3	3

запрещает встречающиеся в разговорной речи ударения типа *ворá*, *волкá*, *гуся́* и т. д.

Из табл. 2 видно, что морфологический фактор способен успешно противодействовать семантическому (кроме сферы *singularia tantum*): из 24 слов нетривиального склонения на согласную + *т*, «склонных к с», лишь 5 подчиняются семантическому правилу, а 19 — морфологическому. Оказывается, однако, что такое положение характерно в основном для нелитературной речи. Так, по литературной норме имеется 17 слов нетривиального склонения на согласную + *т*, «склонных к с»; из них 11 подчиняются семантическому правилу и только 6 (*лоаст*, *пост₁*, *пост₂*, *винт* «игра», *пласт*, *гурт*) — морфологическому. Таким образом, в литературной речи роль морфологического фактора существенно меньше, чем в нелитературной.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА С БЕГЛОЙ ГЛАСНОЙ

§ 43. В акцентуационном отношении двусложные слова мужского рода с беглой гласной образуют промежуточную группу, обнаруживающую частичное сходство как с односложными, так и с многосложными.

Выделяются три подгруппы таких слов: 1) слова на *-ок* (*-ек*) и *-ец* (сюда же *заяц*); 2) слова на *-ень*; 3) все прочие.

Как вытекает из § 16, при конечном ударении в исходной словоформе все такие слова (кроме *заём*, *наём*) относятся к схеме *b*, например *кусок*, *конёц*, *слепень*, *котёл*. При начальном ударении все слова 1-й подгруппы (например *ку́бок*, *го́рец*) относятся к схеме *a*, но для слов 2-й и 3-й подгрупп схема ударения еще не predetermined исходной словоформой: ср., например, *ми́вень* — схема *a*, *ко́готь* — схема *e*, *у́зел* — схема *b*.

В распределении начальноударных слов 2-й и 3-й подгрупп по схемам ударения, по-видимому, действуют (хотя и не вполне последовательно) те же акцентуационные закономерности, что и у односложных.

Рассмотрим ударение в ед. числе у начальноударных слов 3-й подгруппы (вопрос о мн. числе оставляем в стороне). В семантических группах, «склонных к с», мы находим устойчивое наосновное ударение: *ветер*, *ви́кторь*, *де́готь*, *ка́шель*, *бце́т*, *пéгел* — Р. ед. *вётра*, *вётря* и т. д.; сюда же термин родства *свёкор*; только слово *у́голь* колеблется: Р. ед. *у́гля* и *угля́*. Остальные слова — это семантически «склонные к *b*» и еще несколько исчисляемых (названия частей тела и слово *угол*), которые в данном случае, по-видимому, присоединились к ним. С акцентуационной точки зрения эти слова распределяются так: а) схема *b* — слова *у́зел*, *у́горь*, *у́гол* (Р. ед. *у́зла́*, *у́гря́*, *у́гла́*); б) наосновное ударение в ед. числе по литературной норме, при большем или меньшем распространении флексивного ударения в разговорной речи или в просторечии — слова *ко́готь*, *ко́мель*, *ло́поть*, *ло́коть*, *но́готь*, *сте́бель*, *ти́гель*, *у́лей*, *чи́рей* (например, Р. ед.

в литературном языке *ко́гтя*, но в просторечии часто *когтя́* и т. д.); сюда же колеблющееся слово *ло́моть*, *ломóть* (Р. ед. *ло́мтя*, *ломтя́*); в) устойчивая схема *a* — только *бу́бен*, *ды́тел*.

У слов 2-й подгруппы данная тенденция выражена гораздо слабее: она проявляется лишь в том, что в просторечии у слов *gréбень*, *кймень*, *пóршень*, *стёржень* и некоторых других иногда встречается флексийное ударение в ед. числе (тогда как, например, для слов *ли́вень*, *сб́итень*, *цвётень*, *щэ́бень* это невозможно).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди конечноударных слов 2-й и 3-й подгруппы (их около 40) решительно преобладают исчисляемые, например: *бобёр*, *козёл*, *орёл*, *осёл*, *щегёл*, *слепень*, *багёр*, *ковёр*, *копёр*, *котёл*, *кочёл*, *чехёл*, *ремень*, *вихёр*, *мосёл*, *тохёл*, *хребёт*, *бугёр*, *костёр*, *ручэй*. К неисчисляемым относятся только: *огóнь*, *овёс*, областное *чабёр* (растение), *заём*, *наём*; слово *кремён* может выступать и как исчисляемое, и как неисчисляемое. Таким образом, со статистической точки зрения, принцип III довольно хорошо соблюдается и у этой категории слов. Более того, слова *заём* и *наём* относятся, вопреки правилам из § 16, к схеме *a*: Р. ед. *за́йма*, *на́йма* (что в разговорной речи обычно ведет к замене исходных словоформ на *займ*, *найм*). Эту аномалию естественно связать с действием принципа III^a и правила о приставочных отглагольных именах из § 17. Возможно, что колебания между литературным *кремён*, *кремня́* и разговорным *кремён*, *кремня́* тоже связаны с действием принципа III.

Таким образом, акцентуационные закономерности односложных слов имеют тенденцию распространиться на совокупность всех слов мужского рода с односложной основой косвенных словоформ.

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И УДАРЕНИЕМ У РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. Наблюдениями целого ряда исследователей установлено, что среди русских прилагательных имеются группы, ударение которых обнаруживает некоторую связь с их значением. Самой важной зависимостью такого рода является принцип, согласно которому в современном литературном русском языке прилагательные с качественным значением (по крайней мере производные) обычно имеют в полных формах ударение на основе (см. об этом, в частности, Зализняк 1985, § 1.56). В ряде других случаев группы, в рамках которых проявляется влияние семантического фактора, не столь обширны.

В настоящей работе делается попытка несколько расширить круг наблюдений такого рода. Практически мы будем ниже рассматривать только ударение полных форм (кроме случаев, где специально оговорено иное); такой подход оправдан тем, что в современном русском языке ударение полных и кратких форм связано между собой довольно слабо (т. е. тут обычно действуют разные закономерности).

Основным предметом разбора являются синхронические соотношения, обнаруживаемые в современном литературном русском языке; но в дополнение к этому кратко разбирается также (без документации) характер исторической эволюции, которая привела к таким соотношениям.

При анализе связи ударения полных форм со значением целесообразно учитывать, во-первых, противопоставление полных форм с наосновным ударением (схема ударения *a*) и с флексийным (схема ударения *b*), во-вторых, в рамках схемы *a* — различие по числу слогов основы и по месту ударения внутри основы. Назовем акцентным контуром (данного прилагательного) совокупность сведений обоого рода, т. е. акцентную характеристику, включающую схему ударения полных форм и (при схеме *a*) число слогов основы и номер ударного слога. Условимся для большей наглядности обозначать акцентные контуры словами-образцами: *пустой* (для всех прилагательных на *-ой*, например, *дурной*, *злой*, *молодой* и т. д.) и *частый*, *высокий*, *медленный*, *виноватый*, *одинаковый* (для прилагательных на *-ый*, *-ий* с соответствующим числом слогов и местом ударе-

ния). Как показывает наблюдение, в одних случаях для нашего разбора оказывается существенной только схема ударения рассматриваемых прилагательных, в других — весь акцентный контур в целом.

§ 2. В основе рассматриваемых нами явлений лежит следующий общий принцип: прилагательные со сходной морфологической структурой и/или со сходным значением могут обнаруживать тенденцию к унификации акцентных контуров (или хотя бы схем ударения). Подчеркнем, что речь идет лишь о возможности, а не об обязательности; в разных группах прилагательных данная тенденция может проявляться в весьма различной степени.

Хорошо известным частным случаем является унификация ударения у прилагательных с определенным суффиксом. Так, например, в ходе истории все прилагательные с суффиксами *-к-*, *-н-*, *-ав-*, *-ок-* получили в полных формах наосновное ударение (при том, что первоначально здесь были представлены обе возможных акцентовки), см. Зализняк 1985, § 1.56, 2.25. Важнейшим примером связи ударения со значением является уже упомянутая выше тенденция прилагательных с качественным значением к наосновному ударению в полных формах.

В ряде случаев акцентная унификация затрагивает совсем маленькие группы семантически тесно ассоциированных прилагательных (в предельном случае — просто пары). Приведем несколько примеров.

Так, в истории русского языка первоначальное ударение *левый* сменилось на *лѣвый* под влиянием слова *пѣвый* (где наосновное ударение исконно), см. Булаховский, с. 367. Заметим, что в украинском языке данная семантическая пара представлена в виде *лівий* и *десний* — тоже с одинаковым ударением, но только флексивным (в обоих случаях исконным).

В литературном русском языке слово *босой* имеет флексивное ударение; однако в парном сочетании (семантического типа *hendia-duoip*) *голый* и *босый* выступает наосновное ударение *бóсий*, которое очевидным образом повторяет акцентуацию слова *голый*. Во многих говорах (а также в белорусском и украинском языках) ударение *бóсий*, возникшее таким путем, обобщилось (Булаховский, с. 371).

Слово *другой* в одном из своих значений ('следующий по порядку') практически синонимично слову *второй*, в другом значении ('отличный', 'не тождественный') — слову *иной*. В современном русском языке все три слова акцентно сходны. Между тем только у слова *другой* такое ударение исконно; два других слова первоначально акцентуировались *втóрый*, *и́ный*. Есть все основания предполагать, что смена ударения у обоих этих слов произошла под влиянием слова *другой*. Интересно отметить, что в украинском языке акцентная эволюция рассматриваемых слов была иной, но и здесь имело место выравнивание: *втóрий* и *и́ний* сохраняли здесь наосновное ударение до самого конца своего существования в языке (в XVII—

XVIII вв. оба эти слова вышли из употребления, вытесненные соответственно словами *дру́гий* и *и́иший*); напротив, древнее *дру́гий* сменило ударение на *дру́гий*.

Значительное акцентное влияние оказали друг на друга порядковые (как, впрочем, и количественные) числительные, соседствующие в натуральном ряду. Так, замена старых *се́мый* (*се́дмый*) и *ос́мый* (*вос́мый*) на *се́дмóй*, *восемьóй*, отразившаяся в современном литературном русском языке (а также в большинстве говоров), по-видимому, связана с влиянием предшествующего члена *шестóй* (где такое ударение исконно). В то же время известно и противоположное направление выравнивания в этой тройке: *шóбтый*, *се́мый*, *вос́мый*. Оно характерно для многих западновеликорусских говоров и для белорусского и украинского языков.

Во многих великорусских говорах известно ударение *первóй*, которое возникло под влиянием слова *вторóй* (разумеется, уже после того, как *вторóй* вытеснило более древнее *втóрый*); в литературном языке такое ударение отразилось в наречии *впервóе*.

В семантической группе важнейших вкусообозначений мы находим сейчас наосновное ударение: *гóрький*, *сла́дкий*, *кисе́лый*, *солёный* (при этом три из этих четырех слов имеют даже одинаковый акцентный контур). Между тем исходное состояние здесь было иным как по ударению, так отчасти и по морфологической структуре: *горькóй*, *сла́дкóй*, *кисе́лый* (и *кисе́лый*), *солонóй*. Смена ударения в *горький* и *сла́дкий* объясняется прежде всего принадлежностью этих прилагательных к группе с суффиксом *-к-* (см. выше). Но для замены *солонóй* на *солóный* (впоследствии вытесненное в полных формах [но не в кратких!] акцентно сходным причастием *солёный*) подобной морфологической причины не было; ударение здесь просто выровнялось по другим членам ряда. Для слова *кисе́лый* (*кисе́лый*) выравнивание выразилось в смене морфологического оформления — замене суффикса *-ел-* (*-ёл-*) на *-л-*; в результате по акцентному контуру это слово совпало с *гóрький*, *сла́дкий*.

В семантической группе пространственных оценок, блестяще проанализированных Р. О. Якобсоном (Jakobson), прилагательные, обозначающие большую степень рассматриваемого качества, образуют ряд с суффиксом *-ок-* и акцентным контуром *высо́кий* (*высо́кий*, *глубо́кий*, *широ́кий*, *дале́кий*), обозначающие меньшую степень — ряд с суффиксом *-к-* и акцентным контуром *ча́стый* (*ни́зкий*, *ме́лкий*, *узкий*, *близкий*). С исторической точки зрения столь четкое единообразие, по-видимому, является здесь результатом постепенной эволюции. Так, для *высо́кий* (возможно, также для *широ́кий*) следует предполагать исходное начальное ударение, см. Зализняк 1985, § 2.25, 3.56. С другой стороны, у древнерусского *близькыи* существовал также вариант *близокыи*, отразившийся в субстантивированных *близокъ* 'свойственник', *близока* 'свойственница', см. ЭССЯ, вып. 2, с. 120–121. Со временем, однако, этот вариант, не соответствующий акцентному контуру серии *ни́зкий*, *ме́лкий*, *узкий*, *близкий*, был устранен.

Приведенные примеры иллюстрируют возможность акцентного сближения в рамках малых семантических групп. Можно указать, однако, по меньшей мере два случая, когда такое явление наблюдается в несколько более широких семантических группах.

Обозначения физических и психологических недостатков

§ 3. Прилагательные непроеизводные (с односложной [или двусложной полногласной] основой) или с суффиксом *-н-*, обозначающие физические недостатки или отрицательные психологические характеристики (особенно связанные с буйным или ненормальным поведением), обычно имеют в полных формах флексийное ударение. "Семантическое ядро" данной группы образуют слова: *глухой, немой, слепой, хромой, кривой* 'одноглазый', *косой* 'косоглазый', *худой, больной, шальной, блаженный*¹. Далее, сюда относятся: *рябой, седой; злой, скупой, лихой, озорной, разбитной, хмельной, чудной* (о человеке), *смешной* (о человеке), ср. еще *чумной* (в переносном смысле); сюда же разговорные и просторечные *баловной, сволочной, продувной* (отчасти также *пробивной*). Примыкает к данной группе также слово *холостой*². Особую маленькую подгруппу составляют прилагательные с более широким отрицательным значением (включающие, однако, среди прочих также значение физического или психологического недостатка): *плохой* (ср. значение 'тяжело больной'), *дурной* (ср. значение 'шаловой, сумасбродный'), *дрянной, срамной*. Отметим еще просторечные *благой* 'блажной', 'дурной', *смурной, заводной* 'драчливый', 'вспыльчивый', жаргонное *бухой* 'пьяный'.

З а м е ч а н и е 1. Значения рассматриваемого типа возможны также у ряда других прилагательных на *-ой*, но здесь они занимают более периферийное место в совокупности значений слова: ср. *тупой* 'глупый, бездарный', *простой* 'глуповатый', *пустой* 'легкомысленный', *крутой* (нравом), *сырой* 'тучный и слабосильный', *сухой* 'сухопарый', 'иссохший, сморщенный'.

Поскольку границы данной семантической группы недостаточно четки, понятие акцентного исключения здесь тоже не вполне определено. С наибольшим основанием можно считать такими исключениями слова *лысый, тощий, хворый, пьяный, лютый, буйный*. Прочие слова подобного рода (*квельный, хилый, глупый, дикий* и др.) по своей семантике относятся скорее к периферии этой группы.

З а м е ч а н и е 2. В говорах часть названных здесь слов может выступать с флексийным ударением, например: *тощой, хворой, лютый, глупый, дикий* и др. Следует подчеркнуть, однако, что с этими данными нужно обращаться весьма осторожно. Без анализа всей системы говора их нельзя рассматривать в том же

¹ Особо стоит *босой*, которое лишь отчасти сближается с данной семантической группой.

² С учетом исторической ретроспективы, вероятно, можно было бы присоединить сюда еще и слово *молодой*, которое первоначально явно имело коннотацию неполноценности.

ряду, что данные литературного языка: в конкретном говоре появление таких ударений может определяться совсем иными правилами. Например, ударение *тощóй* в каком-нибудь северновеликорусском говоре, где выступают также, скажем, *пеи́бой*, *ти́хбой*, *толсто́й*, *ча́стой*, *черсто́й*, *дешевóй*, *суровóй*, *пресно́й*, *тесно́й*, *бурно́й*, *грязно́й*, *жирно́й*, *смирно́й*, *горько́й*, *жарко́й*, *крепко́й*, *ловко́й*, *мелко́й*, *прятко́й*, *редко́й*, *робко́й*, *сонко́й* и т. п. (т. е. где практически не действует правило о наосновном ударении у качественных прилагательных), разумеется, нельзя объяснять правилом о флексийном ударении у обозначений недостатков. Поэтому единичные факты из слабо обследованного говора часто бывают крайне малоинформативны (а для решения многих задач, встающих перед лингвистом, даже просто бесполезны). К сожалению, достаточно полных описаний отдельного говора существует очень мало. Используя одно из таких описаний (Деулин. сл.), приведем пример говора, представляющего интерес для нашего разбора. В деулинском говоре (Рязанская область) акцентуация полных форм, по-видимому, регулируется принципами, в целом довольно близкими к действующим в литературном языке. Круг слов на *-ой* со значением физического или психологического недостатка здесь несколько шире, чем в литературном языке, ср., в частности: *благóй* 'озорной', 'своевольный', *борзо́й* 'буйный', 'буйный сумасшедший', *глупо́й*, *ди́кой*, *ми́лостно́й* 'злойный', 'злопамятный', *мудро́й* 'капризный', *ненави́сто́й* 'злойный', 'ненавидящий', *си́лой* 'сиплый', *страши́лой* 'плохо выглядящий', *тощóй*, *хворо́й*, *хри́лой* 'хриплый' и даже *благóй* 'озорной', 'своевольный' (с нехарактерным для данного говора флексийным ударением при суффиксе *-к*).

Акцентный эффект, наблюдаемый в группе обозначений недостатков, очевидным образом противоречит общему принципу акцентуации качественных прилагательных. Таким образом, мы явно имеем здесь дело с более частным семантическим правилом, независимым от этого общего принципа.

Заметим, что с типологической точки зрения наличие у семантической группы физических и психологических недостатков какого-то общего внешнего признака не представляет собой чего-либо исключительного. Так, например, в арабском языке слова данной семантической группы строятся по единой морфологической модели (*'af'alu*): *'atrašu* 'глухой', *'abkamu* 'немой' и т. п.

Замечание 3. В работе Зализняк 1985, § 1.52 отмечено, что при суффиксе *-овск-* флексийное ударение наблюдается только в семантической группе отрицательных качеств, связанных с колдовством, плутовством, хвастовством и т. п.: *колдовско́й*, *ведьмовско́й*, *ведовско́й*, *воровско́й*, *плутовско́й*, *шельмовско́й*, *бунтовско́й*, *шутовско́й*, *хвастовско́й*, *мотовско́й*, *фатовско́й*, *франтовско́й*. Поскольку этот круг значений явно близок к значению психологического недостатка, можно предполагать, что сходство ударения этих прилагательных на *-овско́й* и рассмотренных выше прилагательных типа *глупо́й*, *ми́лой*, *шалю́й* не случайно.

С диахронической точки зрения для большинства рассмотренных выше прилагательных на *-ой* мы имеем дело просто с сохранением первоначального ударения.

Важнейшим исключением является слово *хромо́й*: здесь исконным было ударение *хро́мый* (по акцентной парадигме *b*), которое сменилось на *хромо́й* под влиянием исконных *слепóй*, *глухо́й*, *немо́й* и т. д. (см. Булаховский, с. 371; Л. А. Булаховский указывает в качестве гипотетического источника акцентного влияния только слово

слепой [укр. *сліпий*], но более вероятно, что соответствующее “давление” здесь оказывала уже вся группа обозначений физических недостатков). Первый пример нового ударения зафиксирован уже в Чудовском Новом Завете XIV в. (*хромáго* В. ед. 80в) — на фоне еще господствующей старой акцентовки (*хрómьи, хрómьи, хрómья* и др.). В памятниках XVI в. ударение *хромой* (*хромый*) встречается все чаще и в ряде микросистем уже полностью побеждает.

Возможно, такую же акцентную эволюцию проделало слово *скупой*. Исходная (для восточнославянского) акцентная парадигма здесь не вполне ясна: *b* или *c*. Если исходной была акцентная парадигма *b* (как в западнославянском, ср. чешск. *skouřij*, словацк. *skúry*, польск. *skąry*), то ударение *скупой* следует признать вторичным, возникшим под влиянием других слов рассматриваемой семантической группы.

Неисконным является ударение слов *чудной* и *чумной*.

Приведенные слова (прежде всего *хромой*) сами по себе показательны. И все же самым явным свидетельством формирования частного морфонологического правила о флексийном ударении у названий недостатков является то, что эта группа слов не подчинилась в ходе истории общему правилу о наосновном ударении у качественных прилагательных. С этой точки зрения показательны не только приобретение нового ударения словом *хромой*, но и сохранение старого ударения словами *глухой, немой, слепой, больной* и т. д., т. е. основной массой прилагательных данной группы. Существенно также, что нынешние исключения (*лысый, пьяный, лютый* и др., см. выше) — это слова, просто сохраняющие свое старое ударение.

Обозначения цветов

§ 4. Прилагательные, обозначающие цвета (а также степени освещенности), независимо от своей морфологической структуры имеют в полных формах ударение на основе. Примеры: *белый, чёрный, красный, зелёный, розовый, лиловый, коричневый, белёсый, пёстрый, светлый, тёмный*.

Явное исключение только одно: *голубой*. В нескольких других случаях, на первый взгляд сходных, мы в действительности имеем дело со словами несколько иного значения.

а) Названия лошадиных мастей не подчиняются (в общем случае) приведенному правилу, ср. *гнедой, вороной*. Они стоят семантически ближе, чем обычные цветообозначения, к относительным прилагательным: качественный аспект (допускающий, в частности, градацию по степени проявления качества) здесь в значительной мере уступает место чисто классификационному.

б) Сходной семантической особенностью обладает также слово *цветной* (ср. недопустимость градации этого качества, в отличие, скажем, от *пёстрый*).

в) Слова *рябой* и *седой* ведут себя в рассматриваемом отношении не как цветообозначения, а как термины из группы физических недостатков (§ 3).

Дополнительная особенность состоит в том, что непроемные слова данной группы с односложной основой (а также опростившиеся *красный, светлый, темный*) имеют в кратких формах (хотя бы факультативно) флекссионное ударение, например: *белá, белó, белы́* (ср. *черно́, красно́, желто́, пестро́, светло́, темно́* и т. п.; подробнее см. Зализняк 1985, § 1.17).

Может возникнуть вопрос, нужно ли выделять цветообозначения в особую группу, коль скоро ударение их полных форм можно объяснить непосредственно общим принципом о наосновном ударении у качественных прилагательных. В действительности такое выделение все же целесообразно — по следующим причинам. Во-первых, у цветообозначений наосновное ударение полных форм выступает независимо от морфологической структуры, тогда как указанный общий принцип, согласно Зализняк 1985, § 1.56 и 4.3, хорошо “работает” в основном лишь в сфере производных прилагательных. Иначе говоря, у цветообозначений наосновное ударение реализуется более последовательно, чем у качественных прилагательных в целом. Во-вторых, правило о наосновном ударении у цветообозначений в определенных случаях оказывается “сильнее”, чем некоторые другие частные правила акцентуации прилагательных (см. ниже, § 5, об акцентуации антонимов). В-третьих, как уже отмечено, цветообозначения имеют некоторые общие особенности в акцентуации не только полных форм, но и кратких.

Как и в случае с обозначениями физических недостатков, можно привести типологические параллели для унификации цветообозначений по тому или иному внешнему признаку. Так, в арабском языке, уже использованном выше для сравнения, слова данной семантической группы образуются по единой морфологической модели (в отличие от русского языка, той же самой, что для обозначений недостатков, — *'af'alu*), например: *'ahmaru* ‘красный’, *'aswadu* ‘черный’.

С диахронической точки зрения почти все русские цветообозначения просто сохраняют в полных формах первоначальное место ударения.

Акцентуация антонимических пар

§ 5. Выше были рассмотрены различные случаи акцентного сближения семантически сходных слов. Наряду с этим явлением существует, однако, и другое, менее известное: противопоставление двух прилагательных по значению (т. е. антонимия) может приводить к их акцентному “отталкиванию” (“поляризации”), т. е. к возникновению различия между их акцентными контурами.

Данное явление представлено, правда, не столь широко, как акцентное сближение семантически сходных слов, и выражается менее ярко и менее последовательно. Это обстоятельство легко объяснить. Дело в том, что значения антонимов противопоставлены всегда лишь по одному признаку (типа “наличие или отсутствие чего-то” или

“большая или малая степень чего-то”), тогда как во всем остальном они как раз одинаковы, т. е. связаны ассоциацией типа сходства, а не типа различия. Между тем, как мы уже видели, ассоциация типа сходства в принципе стимулирует акцентное сближение. Иначе говоря, тенденция к акцентному отталкиванию всегда действует в некотором противоборстве с прямо противоположной тенденцией³ (тогда как тенденция к сближению в большинстве случаев свободна от подобного противодействия).

Соответственно, фактор акцентного отталкивания антонимов занимает довольно низкое место в иерархии факторов, воздействующих на акцентуацию слова. Прежде всего, он безусловно уступает морфологическому фактору, т. е. требованиям, вытекающим из акцентных свойств суффикса. Так, например, невозможность флексивного ударения полных форм при суффиксах *-к-* или *-н'* исключает какое бы то ни было акцентное противопоставление таких антонимов, как *жёсткий—мягкий* или *ранний—поздний*. Далее, вхождение обоих антонимов в некоторую более широкую отчетливо выделяющуюся семантическую группу обычно обеспечивает перевес тенденции к сближению над тенденцией к отталкиванию; например, антонимы *белый* и *чёрный*, входящие в семантическую группу цветообозначений, имеют одинаковое ударение, а именно, такое, которое характерно для всей этой группы.

Необходимо также учитывать, что тенденция к отталкиванию действует слабее, чем принцип акцентного единства лексемы, т. е. если прилагательное имеет в разных значениях разные антонимы (с различными акцентными контурами), это не приводит к акцентному “расщеплению” данного прилагательного. Ср., например, *ста́рый—молодо́й* (с противопоставлением акцентных контуров) и *ста́рый—ново́й* (с одинаковыми акцентными контурами). Этот принцип распространяется не только на разные значения, но и на омонимы, при условии, что оба омонима являются качественными прилагательными⁴. Соответственно, ниже при разборе качественных прилагательных мы для упрощения не разграничиваем случаи полисемии и омонимии.

Как показывает наблюдение, тенденция к акцентному отталкиванию антонимов проявляется (в случаях, когда ей не препятствуют указанные выше факторы) тем заметнее, чем четче антонимическая связь между членами пары (т. е. чем теснее они ассоциируются друг с другом в сознании носителей языка) и чем употребительнее сами эти прилагательные.

³ Неслучайно для некоторых пар антонимов иногда предполагают даже акцентное сближение; так, Л. А. Булаховский допускает возможность такого сближения (в украинском языке) для *пря́мий* и *криві́й* и для *товсти́й* и *худі́й* (Булаховский, с. 367, 370).

⁴ Если это условие не соблюдено, акцентная дифференциация возможна, ср. *связа́ный* и *связа́ный*, *вре́менный* и *временно́й* и т. п., см. Зализняк 1985, § 1.57.

Наиболее известный пример семантический группы прилагательных, где антонимам соответствуют разные акцентные контуры, — уже упомянутая выше (§ 2) восьмерка прилагательных пространственной оценки: *высо́кий—ни́зкий, глубо́кий—ме́лкий, широ́кий—узкий, далё́кий—близкий*. В данном случае внешнее выражение антонимии в известной мере обладает даже свойством иконичности: прилагательные, обозначающие большую степень проявления рассматриваемого качества, на один слог длиннее, чем их антонимы.

Данная группа наиболее наглядна; имеется, однако, и ряд других пар сходного типа (правда, свойства иконичности в них может уже и не быть — существенно прежде всего само противопоставление акцентных контуров).

§ 6. Ниже приводится список важнейших антонимических пар (из числа качественных прилагательных), отчетливо осознаваемых носителями языка. В список не включались, однако, антонимы, образованные с помощью приставки *не-*, а также антонимические пары, полученные с помощью различных модифицирующих суффиксов от более простых пар (например, *толсте́нький—худе́нький, длинове́тый—короткова́тый* и т. п.).

Разумеется, в любой из приводимых ниже пар антонимия в действительности существует не при всех значениях взятых прилагательных (обычно лишь при одном-двух главных значениях). Для нашей проблемы существенно, однако, что наиболее прочные ассоциации между словами в сознании носителей языка формируются именно на основе их главных значений. Отсюда легкость и быстрота, с которой носитель языка отвечает на вопрос типа: «Какое слово противоположно слову *живо́й*?» Он сразу же дает ответ: *ме́ртвый* (а не *вя́лый, скучный* и т. п., хотя в определенных условиях именно эти слова антонимичны слову *живо́й*). По-видимому, лишь в немногих случаях такого рода существует не одна главная ассоциация, а две различных, сопоставимых по прочности (типа *ста́рый—молодо́й* и *ста́рый—ново́й* или *ле́гкий—тяже́лый* и *ле́гкий—трудный*). Параллели этого типа включены в наш список; они записываются друг под другом, причем первым приводится слово, противопоставленное своему антониму по акцентному контуру (если таковое имеется).

Поскольку прочность ассоциативных связей зависит также от употребительности слов, при каждом слове указана его частота (по «Частотному словарю» — Частот. сл.). Внутри пары первым приводится член, встречающийся чаще, а весь список построен в порядке убывания частоты первых членов пар.

Там, где акцентное отталкивание невозможно из-за наличия более сильных противодействующих факторов (суффикс *-к-* или *-н'* в обоих членах пары, принадлежность пары к группе цветообозначений), антонимическая пара заключена в квадратные скобки (в тройке *твёрдо́й, же́сткий — мя́гкий* в таком положении оказывается только член *же́сткий*).

Пары (не стоящие в квадратных скобках), где акцентный контур обоих членов одинаков, отмечены слева знаком "!". Там, где такое совпадение наблюдается лишь для одного из двух параллельных антонимов, при таком антониме ставится помета NB.

<i>большой</i> 2066	– <i>маленький</i> 487	<i>весёлый</i> 183	– <i>грустный</i> 36
	<i>малый</i> 224	<i>смешной</i> 52	
<i>молодой</i> 608	– <i>старый</i> 468	<i>быстрый</i> 157	– <i>медленный</i> 36
<i>новый</i> 1722 (NB)		! <i>умный</i> 151	– <i>глупый</i> 99
		! <i>прямой</i> 142	– <i>кривой</i> 28
<i>высокий</i> 549	– <i>низкий</i> 116	<i>больной</i> 134	– <i>здоровый</i> 89
<i>хороший</i> 535	– <i>плохой</i> 128	! <i>тихий</i> 120	– <i>громкий</i> 39
<i>полный</i> 515	– <i>пустой</i> 123	! <i>твёрдый</i> 117	– <i>мягкий</i> 91
[<i>чёрный</i> 473	– <i>белый</i> 471]	[<i>жёсткий</i> 22]	
<i>разный</i> 341	– <i>одинаковый</i> 51	<i>виноватый</i> 113	– <i>правый</i> ⁵
<i>различный</i> 291		<i>полезный</i> 93	– <i>вредный</i> 48
<i>широкий</i> 312	– <i>узкий</i> 102	! <i>пьяный</i> 88	– <i>трезвый</i> 12
<i>тяжёлый</i> 296	– <i>лёгкий</i> 152	<i>сухой</i> 87	– <i>мокрый</i> 66
<i>трудный</i> 143 (NB)		! <i>редкий</i> 80	– <i>частый</i> 25
<i>простой</i> 287	– <i>сложный</i> 239	<i>острый</i> 77	– <i>тупой</i> 18
<i>живой</i> 282	– <i>мёртвый</i> 102	<i>голый</i> 73	– <i>одетый</i> 53
<i>добрый</i> 277	– <i>злой</i> 87	<i>тесный</i> 71	– <i>просторный</i> 36
<i>холодный</i> 241	– <i>тёплый</i> 145	<i>толстый</i> 69	– <i>худой</i> 32
	<i>горячий</i> 163 (NB)	<i>тонкий</i> 162 (NB)	
<i>богатый</i> 238	– <i>бедный</i> 112	<i>густой</i> 62	– <i>жидкий</i> 27
! <i>сильный</i> 237	– <i>слабый</i> 98	<i>крутой</i> 52	– <i>пологий</i> 13
[<i>тёмный</i> 228	– <i>светлый</i> 116]	[<i>ранний</i> 46	– <i>поздний</i> 45]
! <i>чистый</i> 225	– <i>грязный</i> 59	[<i>горький</i> 43	– <i>сладкий</i> 33]
<i>дорогой</i> 224	– <i>дешёвый</i> 43	<i>голодный</i> 39	– <i>сытый</i> 25
<i>глубокий</i> 216	– <i>мелкий</i> 201	<i>сырой</i> 37	– <i>варёный</i> 5
<i>крупный</i> 349 (NB)		<i>слепой</i> 31	– <i>зрячий</i> 5
<i>близкий</i> 215	– <i>далёкий</i> 107	<i>босой</i> 25	– <i>обутый</i> 2
<i>свободный</i> 198	– <i>зипятый</i>	<i>скупой</i> 17	– <i>щедрый</i> 12
	(и <i>зипятой</i>) 48	<i>женатый</i> 16	– <i>холостой</i> 14

⁵ *Правый* имеет общую частоту 204, но из этого числа большая часть несомненно приходится на долю прилагательного *правый* 'dexter', которое здесь не рассматривается, так как является относительным.

Напомним, что в связи с нестрогой постановкой самой задачи данный список не может претендовать на полноту и строгую точность. В частности, для некоторых пар (особенно в конце списка) можно было бы предложить в качестве вторых вариантов дополнительные члены (скажем, *вла́жный* и *сыро́й* в дополнение к *мо́крый*, *ре́дкий* в дополнение к *жа́дкий* и т. п.). Можно было бы добавить несколько пар с менее четким семантическим противопоставлением (например, *я́ркий*—*ту́склый* или *я́ркий*—*бле́дный* и т. п.) или, наоборот, забраковать некоторые пары из конечной части списка (скажем, *сыро́й*—*варе́ный*).

Ясно, однако, что существенный для нашего разбора общий вывод от этих модификаций уже не изменился бы. Он состоит в том, что из числа антонимических пар, свободных от действия особых факторов (т. е. не заключенных в квадратные скобки), пары с совпадением акцентных контуров (помета “!”) составляют в полученном списке лишь незначительное меньшинство (8 из 43), а главное — самая частая из таких пар (*си́льный*—*сла́бый*) занимает лишь 14-е место по частоте.

Что касается случаев, когда совпадение акцентных контуров реализуется лишь при части значений одного из антонимов (помета NB), то, как уже было отмечено, они малопоказательны ввиду принципа единства акцентуации лексемы. Правда, судя по частотам, вариант с совпадением акцентных контуров в части случаев можно было бы считать основным. Так, в частности, *но́вый* встречается чаще, чем *молодо́й*, *то́нкий* — чаще, чем *худо́й*. Можно думать, однако, что, несмотря на статистику, вариант, связанный с описанием человека (*молодо́й*, *худо́й*), оказывается здесь более весомым при формировании акцентной оппозиции антонимов, чем вариант с более абстрактным значением (*новый*, *тонкий*). Что касается пары *глубо́кий*—*ме́лкий*, то она прочно включена в блок оппозиций пространственных прилагательных на *-окий* и *-кий* (§ 5); поэтому она оказывается более весомой, чем пара *крупный*—*ме́лкий*, хотя *крупный* встречается чаще, чем *глубо́кий*.

§ 7. Зададимся теперь следующим вопросом: не может ли наблюдаемое в нашем списке соотношение антонимических пар с одинаковыми и с разными контурами быть результатом простой случайности? Иначе говоря — сильно ли отличается это соотношение от того, которое ожидалось бы при случайном выборе пар из общего массива русских качественных прилагательных?

В нашем списке антонимов фигурирует 104 слова (каждая многозначная единица типа *ста́рый* учитывается один раз). В акцентном отношении они делятся так: акцентный контур *пусто́й* (т. е. все прилагательные с флексийным ударением) — 23 слова (считая вариант *занято́й*); контур *ча́стый* — 54; контуры *высо́кий* и *ме́дленный* (т. е. с двусложной основой) — 25; контуры *винова́тый*, *оди́наковый* — 2.

Попытаемся теперь количественно оценить тот фонд качественных прилагательных, из которого эти слова были выбраны (оценка может быть только приблизительной, поскольку нестрога граница, отделяющая качественные прилагательные от относительных). Что касается прилагательных с контурами *пустой* и *частый*, то здесь для наших целей можно воспользоваться, в частности, содержащимися в работе Зализняк 1967, с. 169—170 списками прилагательных, для которых словари приводят краткие формы. Прилагательных с акцентным контуром *пустой* в этих списках содержится 44, с контуром *частый* — 330 (слова, “расщепленные” по значениям, сочитаны по одному разу). Гораздо труднее оценить число качественных прилагательных с более длинной ударной основой; ясно лишь, что их несколько тысяч (напомним, что в их число входят, в частности, прилагательные на *-истый*, *-астый*, *-атый*, *-оватый*, *-ивый*, *-чивый*, *-ливый*, *-имый*, *-енький*, очень многие на *-ный* и др.).

Из сопоставления приведенных цифр совершенно ясно, что количественное соотношение разных акцентных контуров в группе “хороших антонимов” решительно не соответствует их соотношению в классе качественных прилагательных в целом: из слов с контуром *пустой* в класс “хороших антонимов” вошла половина, из слов с контуром *частый* — менее одной шестой, из слов с контурами *высокий*, *медленный* и более длинными — совершенно ничтожная часть.

Здесь необходимо, правда, учесть, что прилагательные последней категории, т. е. с относительно длинными основами, почти всегда многоморфемны. Соответственно, их значение складывается из целой серии компонентов, а для слов со сложным значением гораздо менее вероятно существование точного антонима, образованного иначе, чем с помощью приставки *не-*. Вдобавок, выше мы исключили из разбора антонимические пары типа *толстый*—*худенький* и т. п., что дополнительно сокращает для длинных слов шансы попасть в наш список антонимов. По этим причинам непропорционально малое число прилагательных с длинными ударными основами в списке “хороших антонимов” можно считать непоказательным.

Между тем соотношение прилагательных с контуром *пустой* и с контуром *частый* в нашем списке вполне показательны: первые представлены здесь примерно в три раза чаще, чем ожидалось бы при случайной выборке (из общего фонда качественных прилагательных с этими двумя контурами)⁶.

⁶ Чтобы освободиться от подозрения, что такой эффект возникает целиком за счет влияния суффиксов, можно проделать аналогичные подсчеты для одних лишь неизменяемых прилагательных с контурами *пустой* и *частый*. Поскольку граница между производными прилагательными и опростившимися (типа *молрый*, *рыхлаый*, *красный*) не совсем четка, цифры здесь не вполне строгие. Но в целом результат получается сходный с указанным выше: контур *пустой* и здесь представлен гораздо чаще (примерно в два раза), чем ожидалось бы при случайной выборке.

Таким образом, качественные прилагательные на *-ой* явно обна- руживают повышенную способность участвовать в формировании антонимических пар. При этом противоположные члены таких пар обычно оказываются принадлежащими к другим акцентным конту- рам (единственное исключение: *прямо́й*—*криво́й*); но это обстоятель- ство само по себе уже неудивительно, если учесть указанные выше количественные соотношения прилагательных разных акцентных контуров.

Итак, на синхроническом уровне мы должны констатировать су- ществование гораздо большего, чем ожидалось бы на основании об- щей статистики прилагательных, числа антонимических пар с про- тивопоставлением акцентных контуров.

Заметим, что указанный вывод получен даже без учета частот входящих в антонимические пары прилагательных. Как легко ви- деть из приведенного выше списка, если бы учитывались лишь са- мые высокочастотные пары, этот вывод только усилился бы.

Кроме того, при подсчетах мы ради упрощения пренебрегли осо- быми отношениями, которые возникают в тройках типа *молодóй* (но также *но́вый*)—*ста́рый*, т. е. рассматривали все три члена таких троек как равноправные. В действительности же, как мы видели, часть случаев, когда оба члена антонимической пары принадлежат к од- ному и тому же контуру типа *ча́стый*, относится именно к таким тройкам, т. е. не вполне показательна.

§ 8. С диахронической точки зрения в рассмотренной группе прилагательных картина такова.

Большая часть этих прилагательных (более 60) исторически при- надлежит к акцентным парадигмам *a* и *b* и, соответственно, уже в древнерусском имела в полных формах ударение на основе. Почти все они сохранили такое ударение до нашего времени.

Важнейшим исключением здесь является самое высокочастотное слово — *большо́й*: оно получило в ходе истории новое ударение — флексийное. Точнее, исходное слово “расщепилось” на два слова с разным ударением: слово *больш́ий* сохранило как старое значение (а именно, значение сравнительной степени), так и старое ударение, а слово *большо́й* отделилось от него как по значению (заменив собою прежнее *вели́кий*), так и по ударению. Этой дифференциации (кото- рая утвердилась не ранее XVII века) предшествовал значительный период, когда в обоих значениях могли выступать (в разных гово- рах, а нередко и в одном и том же) оба ударения. По-видимому, за- креплению акцентовки *больш́ий* именно за сравнительной степенью способствовала аналогичная акцентовка у *мэньший*, *мр́чий*, *хр́дший*, *гóриший* и т. п. С другой стороны, закреплению акцентовки *большо́й* за значением ‘*magnus*’ могло способствовать противопоставление со словом *мáлый* (где наосновное ударение исконно). Небезынтересно отметить в этой связи, что в украинском языке, где значение ‘*magn-*

pus' передается, как и в древнерусском, словом *великий*, в данной семантической паре тоже развилась (или, точнее, усилилась) акцентная оппозиция, но уже за счет изменения в противоположном члене: исконное ударение *мáлый* сменилось на современное украинское *малій*⁷.

У слова *сырôй* флексивное ударение, по-видимому, неисконно; но утрата прежнего корневого ударения относится здесь к очень раннему времени (вероятно, до XVI в.). Причина этой индивидуальной замены неясна. О слове *скупо́й* см. § 3, о словах *высо́кий*, *широ́кий*, *близкий* — § 2.

Около 40 прилагательных нашего списка исторически принадлежат к акцентной парадигме с, т. е. имели в древнерусском флексивное ударение в полных формах. Из них лишь около половины сохранили это ударение до нашего времени; у остальных оно сменилось наосновным.

Часть случаев такой замены относится к очень раннему времени. Так, у отпричастных *горя́чий*, *зря́чий*, *варёный* наосновное ударение установилось (по причинам морфологического характера) еще в древнерусскую эпоху.

Весьма рано (в большинстве говоров до XVI в.) получили наосновное ударение прилагательные *свётлый*, *твёрдый*, *трезвый* (церковнославянизм), *свободный*; кроме того, *новый* и *тёмный* (у которых вариант с наосновным ударением, по-видимому, существовал уже в праславянском).

В дальнейшем в говорах центра, легших в основу русского литературного языка, получили наосновное ударение: 1) все прилагательные с суффиксом -к-, например, *то́нкий*, *го́рький*, *сла́дкий*, *жидкий*, *гро́мкий*, *жё́ткий* (иначе говоря, у таких прилагательных в этих говорах наосновное ударение было морфологизовано, т. е. стало обязательной сопутствующей характеристикой самого суффикса -к-); 2) прилагательные *ча́стый*, *весёлый*, *дешёвый*, *тёсный*, *холодный*, *голо́дный*, *грязный* (возможно, сюда же нужно отнести еще слова *толстый*, *гру́стный*, *вредный*, но для них не вполне надежно восстанавливается первоначальная акцентовка). Очевидно, мы имеем здесь дело с проявлением общей тенденции к переводу всех качественных прилагательных в модель с наосновным ударением полных форм, развившейся в центральных (и южных) великорусских говорах; см. Зализняк 1985, § 3.58—59.

Обратимся теперь к прилагательным, сохранившим свое древнее флексивное ударение. Некоторая часть из них — это обозначения физических и психологических недостатков: *слепой*, *кривой*, *худой*, *больной*, *смешной*, *голостой*, *плохой*, также *злой* (прилагательное ак-

⁷ Вероятно, изменение исконного ударения *слабый* на украинское *слабий* объясняется сходным образом: ср. его антонимы *сильный*, *дужий*; отметим, что Л. А. Булаховский именно ударения *слабий* и *малій* выделяет как неясные (Булаховский, с. 368).

центной парадигмы *b*, имеющее, однако, флекссионное ударение из-за неслоговой основы). Для этих слов одним из факторов сохранения старого ударения (вероятно, даже основным) было частное семантическое правило, разобранный в § 3.

С другой стороны, почти все рассматриваемые здесь прилагательные на *-ой* (как обозначения недостатков, так и прочие) входят в антонимические пары, где противоположный член имеет наосновное ударение. Таковы: 1) *молодой, плохой, пустой, простой, живой, злой, больной, сухой, тупой, крутой, босой, холостой* — здесь наосновное ударение противоположного члена пары исконно; 2) *дорогой, слепой, занятый, густой* — здесь противоположный член пары некогда тоже имел флекссионное ударение, но утратил его в ходе истории (остаются еще *худой* и *смешной*, принадлежность которых к группе 1 или 2 неясна из-за неясности исходной акцентировки слов *толстый* и *грустный*, см. выше). Допустимо предполагать, что в группе 1 по крайней мере одним из факторов, позволивших этим прилагательным не подчиниться общему правилу о переходе качественных прилагательных к наосновному ударению, была тенденция сохранить акцентное противопоставление внутри антонимической пары. Что касается группы 2, то здесь в принципе можно было бы даже предполагать прямую акцентную поляризацию членов пары; в действительности, однако, такое предположение до известной степени вероятно лишь для пары *дорогой—дешёвый* (слова *зрячий, свободный, жидкий*, по-видимому, изменили ударение по другим причинам). Но в любом случае верно, что после перехода слов *дешёвый, зрячий, свободный, жидкий* к наосновному ударению здесь сложилась такая же ситуация, как в парах группы 1.

Не укладывается в эту схему всего одна пара: *прямой—кривой*.

Легко заметить, разумеется, что предполагаемое воздействие фактора антонимии в ряде случаев не смогло воспрепятствовать общей тенденции качественных прилагательных к наосновному ударению. Так, например, *грязной, частой* сменились на *грязный, частый*, несмотря на то, что они образуют антонимические пары с *чистый, редкий*. В условиях противоборства двух тенденций наличию подобных случаев не приходится удивляться; более показательно как раз то, что в достаточно большом числе случаев фактор антонимии получил перевес. Существенно также, что для самых частотных слов (т. е. стоящих во главе нашего списка) этот фактор более эффективен, чем для остальных.

Чтобы яснее представить себе вероятную картину формирования семантических факторов акцентуации прилагательных, необходимо учитывать, что уже в XVI—XVII вв. мы застаем на великорусской территории чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных. Речь идет как о различиях в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах, так и о многочисленных колебаниях внутри одного и того же говора (ср., в частно-

сти, Зализняк 1985, § 3.58—59). Так, практически для всех упоминаемых в настоящей работе прилагательных с односложной основой (из числа тех, которые вообще зафиксированы в старых текстах) в памятниках XVI—XVII вв. можно найти примеры как с наосновным, так и с флексийным ударением (хотя, разумеется, в далеко не одинаковых количественных соотношениях для разных слов). При подобных массовых колебаниях создаются благоприятные условия для перераспределения акцентов по новым основаниям — особенно в центре, где наиболее активен контакт носителей разных говоров. Процесс выработки литературной нормы (в данном случае в области акцентуации) дает дополнительные стимулы для такого перераспределения.

З а м е ч а н и е. Нельзя согласиться с нередко встречающимся (преимущественно в неявной форме) взглядом на формирующуюся в центре норму как на результат своего рода “чересполосного” соединения разнодиалектных явлений: скажем, такие-то слова или словоформы входят в норму с “северновеликорусским” ударением, а какие-то другие — с “южновеликорусским”. Подобный упрощенно-механистический взгляд — остаток устаревших воззрений, согласно которым лингвистически последовательными системами являются лишь говоры, тогда как междиалектные койне и литературные языки представляют собой не последовательные (и тем самым лингвистически менее интересные) конгломераты. В действительности в междиалектных койне и в литературных языках (если только последние не отделены от живой речи непреходимой гранью) часто создаются более благоприятные условия для реализации новых тенденций, например, в сфере акцентуации, чем в большинстве говоров. Междиалектное общение порождает широкую зону вариативности, и тенденция к новому распределению тех или иных элементов (окончаний, ударений и т. д.), т. е. к созданию какого-то достаточно прозрачного правила взамен прежнего, чисто традиционного (немотивированного) распределения, в этих условиях реализуется более беспрепятственно: речь идет лишь о выборе среди и без того бытующих вариантов, а не о прямой замене традиционного элемента нетрадиционным. Разумеется, не следует впадать в обратную крайность: нельзя отрицать специфики литературного языка, допускающей искусственные нормы, требующей некоторого “торможения” тенденций разговорной речи и т. д. Важно лишь подчеркнуть, что литературный язык (если только он не является привилегией совсем узкой элиты) представляет собой полноценный лингвистический объект, развитие которого — по крайней мере, в кардинальных моментах, а не в деталях — определяется в первую очередь собственно языковыми механизмами.

Можно думать, таким образом, что как общая тенденция к переходу качественных прилагательных в тип с наосновным ударением, так и более частные тенденции, например, к флексийному ударению у названий недостатков или к акцентному противопоставлению в антонимических парах, фактически реализовались в центре великорусской территории в основном через выбор из сосуществующих акцентных вариантов.

§ 9. Итоги проведенного разбора таковы. На синхроническом уровне современного литературного русского языка оказывается возможным уточнить формулировку правила о качественных прилагательных, данную в работе Зализняк 1985, § 1.56. Основной принцип, согласно которому качественные прилагательные имеют в полных формах ударение на основе, должен быть признан всеобщим (не имеющим морфологических ограничений); иначе говоря, он распространяется не только на производные, но и на непроизводные прилагательные. С другой стороны, он должен быть дополнен несколькими частными семантическими правилами: 1) названия физических и психологических недостатков обычно имеют флексийное ударение в полных формах; 2) цветообозначения имеют наосновное ударение в полных формах; 3) при наличии антонима с наосновным ударением прилагательное может иметь флексийное ударение вопреки сформулированному выше основному принципу.

После принятия этих уточненных формулировок, во-первых, следующие прилагательные, квалифицированные в работе Зализняк 1985, § 1.58, как прямые исключения из правил, перестают быть исключениями: *чудной, блажной, срамной, дрянной, дурной, смешной, шальной, хмельной, больной, сволочной, баловной, пробивной, озорной, разбитной* (из приведенного в указанном параграфе списка статус исключений сохраняют лишь слова *цветной, коренной, проливной, показательной*).

Во-вторых, распределение непроизводных качественных прилагательных по схемам ударения (полных форм) перестает быть чисто списочным: оно переходит в ведение тех же правил, что и для производных прилагательных. Подавляющее большинство из них подчиняется просто основному принципу, например: *строгий, тихий, твердый, милый, бодрый, частый* и т. п.; по существу сюда же примыкают цветообозначения — *белый, синий, желтый* и т. д. Названия физических и психологических недостатков, например, *глухой, хромой, рябой, лихой* и т. п., подчиняются соответствующему более частному правилу (специально отметим, что прилагательные *кривой* и *косой* при любых значениях сохраняют ударение, полученное в силу данного правила). Далее идут случаи, где отклонение от основного принципа может быть объяснено фактором акцентного отталкивания при антонимии. Сюда можно отнести: *большой, молодой, пустой, простой, живой, дорогой, сухой, тупой, густой, крутой, сырой, босой, холостой*. В словах *плохой, худой, скупой* (отчасти также *босой, холостой*) одновременно действуют правило об ударении в обозначениях недостатков и фактор антонимии. Поскольку принцип акцентного отталкивания при антонимии действует без полной обязательности, приведенный перечень с формальной точки зрения необходим; однако наличие единого основания, по которому выделена эта группа прилагательных, существенно отличает данный перечень

от обыкновенного списка исключений. Особо стоит небольшая группа прилагательных, где действию общих правил препятствует книжный (или даже церковный) характер слова: *благбѣй*, *святбѣй*, *нагбѣй*, *младбѣй*. После всего этого прямыми исключениями (где не усматривается каких-либо иных причин для отклонения, кроме простого наследования традиционного ударения) остаются лишь *тугбѣй* и *прямбѣй*.

С диахронической точки зрения, основной выигрыш от предложенной выше схемы состоит в том, что главное направление акцентной эволюции качественных прилагательных в говорах, легших в основу русского литературного языка, объясняется одной и той же тенденцией для прилагательных любой морфологической структуры, т. е. как производных, так и непроизводных.

ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский — Л. А. *Булаховский*. Избр. тр. В 5-ти томах. К., 1977. Т. 2.
Деулин. сл. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Зализняк 1967 — А. А. *Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967.
Зализняк 1985 — А. А. *Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
Частот. сл. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12.
Jakobson — R. *Jakobson*. Spatial relationships in Slavic adjectives // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1977. Vol. 1.

О ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОМ СКЛОНЕНИИ

В своих замечательных «Морфологических наблюдениях над славянским склонением»¹ Р. О. Якобсон предложил удивительный по смелости и новизне анализ структуры русских именных окончаний, в результате которого было разрушено казавшееся незыблемым представление о морфологической нерасчленимости этих окончаний. Излагаемые ниже наблюдения представляют собой попытку продолжить анализ такого типа.

Изучение русских именных парадигм дает основания для следующего предположения: в современном русском склонении существуют формальные элементы, которые функционируют как самостоятельные показатели множественного числа, не зависящие от падежа². Такими показателями являются: *i* в адъективном склонении³ и *a* в субстантивном склонении. Ср. *toj-i*, *toj-i-x*, *toj-i-m*, *toj-i-m'i*; *dom-á*, *dom-á-x*, *dom-á-m*, *dom-á-m'i* (Р. мн. субстантивного склонения стоит особо, см. ниже).

Трактовка элементов *i* и *a* в окончаниях мн. числа как показателей мн. числа дает возможность установить следующие естественные с типологической точки зрения соответствия между содержанием и формой в области грамматических значений имени: (1) немаркированное число (единственное) выражается нулевым показателем, а маркированное (множественное) — ненулевым; (2) немаркированный (по всем различительным признакам) падеж (именительный) выражается нулевым показателем в обоих числах, ср. *toj* — *toj-i*, *dom* — *dom-á*, где *i* и *a* выражают только число, но не падеж. (Заметим, что *a* и *o* в словоформах типа *toj-á*, *toj-ó*, *vod-á*, *okn-ó*, очевидно

¹ Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) // American Contributions to the IVth International Congress of Slavists ('s-Gravenhage, 1958).

² При несколько ином взгляде на соотношение между самим языком и его грамматическим описанием (или описаниями) ту же мысль можно выразить иначе: в описании современного русского склонения целесообразно оперировать самостоятельными показателями мн. числа.

³ Слова *тот* и *весь* имеют *e* вместо *i*.

но, следует рассматривать как показатели рода.) Кроме того, как будет видно ниже, такая трактовка позволяет предложить простое объяснение одному известному явлению современного русского языка, а именно активной тенденции к замене *i* на *a* в И. мн. существительных.

Рассмотрим теперь, по крайней мере, часть возможных возражений против указанной трактовки. (При этом мы будем отвлекаться от некоторых деталей, требующих тех или иных частных поправок к излагаемой общей схеме.)

Прежде всего, в адъективном склонении господствующим окончанием И. мн. является *iji*⁴ (а не просто *i*, как в приведенном выше примере), например, *živ-iji*. Если элемент *ji* выражает здесь именительный падеж, то нарушается указанное выше правило, по которому этот падеж всегда имеет нулевой показатель. Сравним, однако, обычные (так наз. “полные”) формы именительного падежа прилагательных с так наз. “краткими” (т. е., такими, которые могут выступать только в предикативной, но не в атрибутивной функции)

<i>živ-ój</i>	<i>živ-ája</i>	<i>živ-ójo</i>	<i>živ-iji</i>
<i>živ</i>	<i>živ-á</i>	<i>živ-o</i>	<i>živ-i</i>

Такое сравнение позволяет выделить в “полных” формах особый морфологический элемент, который можно назвать показателем допустимости атрибутивной функции. Его структура такова: *j* + гласная, повторяющая ту, которая стоит непосредственно перед данным элементом. Это верно и для формы мужского рода, где *o* (или *i*) перед *j* представляет собой просто вокалическую вставку, вызванную недопустимостью конечного сочетания “согласная + *j*” (ср. И. ед. *solovéj* при основе прочих словоформ *solovj-* и т. п.), и, таким образом, отсутствие гласной после *j* повторяет отсутствие гласной перед всем этим элементом. Из сказанного видно, что *ji* в И. мн. не является показателем именительного падежа, т. е., правило о том, что этот падеж имеет нулевой показатель, в парадигмах прилагательных в действительности не нарушается.

В субстантивном склонении вызывают трудности именительный и родительный падежи мн. числа.

В И. мн. фактически лишь меньшая часть существительных имеет окончание *a* (ср. *местá, болóта, домá*), большинство же имеет *i* (ср. *столы́, жител́и, стéны, óбластьи*). Однако, как хорошо известно, именно в этой форме обнаруживается сильная тенденция к замене этого *i* на *a*. Результаты этой тенденции уже узаконены современной литературной нормой примерно для 250 слов мужского рода; в разговорной и в особенности в профессиональной речи эта тенден-

⁴ Для изображения этого окончания из нескольких равно допустимых морфонологических записей здесь взята та, которая применяется, в частности, в указанной работе Р. О. Якобсона; она наилучшим образом соответствует предлагаемой ниже схеме.

ция охватывает гораздо более широкий круг слов (причем не только мужского, но и женского рода). В соответствии с предложенной выше трактовкой элементов *i* и *a* естественно предположить, что по крайней мере одна из причин этого явления состоит в стремлении распространить элемент *a*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа. Подчеркнем, что под причинами данного явления здесь подразумеваются не его исторические истоки (связь с двойственным числом, с собирательными существительными и т. д.)⁵, а факторы, обуславливающие интенсивное распространение окончания *И. мн. a* в современном языке. (В самом деле, факторы первого и второго рода могут быть совершенно различными, поскольку само появление первых парадигм типа *глаз — глаzá, рог — рога́* т. п. еще не объясняет притягательной силы этой модели.) Соответственно, говоря о замене *i* на *a*, мы будем далее иметь в виду именно поздние формы *И. мн. на a* (*a* не такие, как, например, *глаза́, рога́, рукава́, господа́*).

Рассмотрим это явление несколько подробнее. Будем пользоваться следующими обозначениями схем ударения (т. е., типов распределения наосновного и флексийного ударения в парадигме): *a* — постоянное ударение на основе (образцы *спор, рыба, кресло, тетрадь*); *b* — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*топо́р, черта́, веществó*); *c* — ударение на основе в ед. числе и на окончаниях во мн. числе (*сад, номер, место*); *d* — ударение на окончаниях в ед. числе и на основе во мн. числе (*лиса́, вино́*); *e* — ударение на основе в ед. числе и в *И. мн.*, на окончаниях в косвенных падежах мн. числа (*слог, лебедь, кровь, область*); *f* — ударение на окончаниях везде, кроме *И. мн. (зуба́)*⁶.

Как показывает наблюдение, процесс замены *i* на *a* во мн. числе охватывает прежде всего существительные, обладающие одновременно следующими характеристиками:

(1) окончания косвенных падежей мн. числа либо уже ударны (по литературной норме), либо стремятся стать таковыми (вопреки норме) в силу акцентуационной тенденции к противоположному ударению в разных числах (в данном случае по модели: начальное ударение в ед. числе, конечное — во мн. числе);

(2) окончание *И. мн.* безударно (по литературной норме);

(3) окончание *И. ед.* — не *á* (т. е., новый *И. мн. на á* не совпадет с *И. ед.*).

Практически таковы, во-первых, все слова схемы ударения *e*, во-вторых, начальнударные слова схемы *a* с нулевым окончанием в *И. ед.* (которые в силу указанной акцентуационной тенденции стре-

⁵ См., в частности: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 330; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 198.

⁶ Ударение в винительном и 2-м предложном падежах здесь для упрощения не учитывается.

мятся к переходу в схему с). Примеры новых словоформ И. мн. для слов мужского рода: *годá, громá* (допустимые и в литературной речи), *слогá, ломá, ходá, портá, козырьá, обручá, овоцá* (по норме схема е); *омутá, оводá, тракторá, слесаря́, цехá* (допустимые и в литературной речи), *месяцá, примусá, выборá, рапортá, клапанá, полусá, тортá, тросá, штормá* (по норме схема а). Особую группу составляют срединноударные на *ктор, ссор* и некоторые сходные с ними слова, ср. *кондукторá, прожекторá, компрессорá, ефрейторá, бухгалтерá*. Примеры новых словоформ И. мн. для слов женского рода: *кровя́, церквя́, дочеря́, матеря́, областя́, отрасля́, очередьá, площадьá, пристаня́, скоростя́, мелочá, скорые помощá*. Все они просторечны; узаконено литературной нормой только *plurale tantum зеленя́*. Отметим, что в указанных группах слов И. мн. на ударное *i* не встречается (т. е., при изменении прежнего ударения замена окончания И. мн. обязательна).

У существительных, не обладающих хотя бы одной из указанных характеристик, рассматриваемый процесс очень слаб или вообще не наблюдается.

Отмеченные ограничения, по-видимому, могут быть по крайней мере частично объяснены. Первое ограничение естественно связать с тем, что безударные *a* и *i* фонетически реализуются в современном языке в виде весьма близких редуцированных звуков (имеется в виду литературная фонетическая норма и близкие к ней по вокализму диалектные системы). В некоторых типах произношения эти звуки просто совпадают, но даже в тех случаях, где совпадения не происходит, разница столь мала, что она не мешает воспринимать, например, окончания словоформ *спóры, спóрам, спóрами, спóрах* (а также *спóров*) как имеющие единообразное гласное начало — звук типа [ъ]. Иначе говоря, при безударных окончаниях желаемое единство показателя мн. числа можно считать уже достигнутым. Отметим, что безударные окончания мн. числа имеют более 90% всех существительных (это слова схем *a* и *d*).

Второе из отмеченных ограничений, возможно, объясняется тем, что замена безударного *i* на ударное *a* (например, *козырьá* вместо *козыри*), в силу близости безударных *i* и *a*, может восприниматься просто как перенос ударения (тогда как замена ударного *i* на *a* представляет собой несомненную морфологическую подстановку). Это ограничение слабее, чем предыдущее. Так, отдельные слова мужского рода схемы *c* с И. мн. на ударное *i* допускают также И. мн. на *a* (ср. *гробá, родá, возá, сунá*). В то же время у слов мужского рода схемы *b* такие словоформы почти не встречаются. По-видимому, эта разница связана с тем, что при схеме *b* (в отличие от схемы *c*) возникла бы омонимия И. мн. с Р. ед.⁷

⁷ Вероятно, по этой же причине И. мн. на *a* отсутствует у немногочисленных слов мужского рода схемы *f* (типа *конь*).

Третье ограничение вполне очевидно. Оно препятствует образованию нового И. мн., например, у слов типа *ноздря́, губа́* (схема *f*), *статья́, черта́* (схема *b*).

Итак, процесс замены *i* на *a* в И. мн. существительных, происходящий в современном языке, можно представить как обобщение показателя мн. числа, сдерживаемое лишь некоторыми фонетическими и морфологическими препятствиями.

Что касается Р. мн., то здесь переноса элемента *a* не наблюдается; устойчиво сохраняются окончания *ov, ej* и нуль. Дело в том, что для такого переноса здесь исторически не сложилось ни одного готового образца (т. е., не было ни одного слова, у которого окончание Р. мн. содержало бы *a*)⁸; ср. И. мн., где распространение элемента *a* опиралось на готовые образцы типа *места́* (средний род) и *рога́* (исторически двойственное число). Особое положение Р. мн. русских существительных в системе падежей мн. числа можно сравнить, например, с положением эстонского партитива, который во мн. числе может не иметь общего для всех прочих падежей числового показателя *d(e), te*.

Мы не рассматриваем здесь вопросов, связанных с внутренним анализом окончаний ед. числа. Отметим лишь, что в соответствии с предложенной трактовкой, например, словоформа Р. ед. *до́ма* должна рассматриваться как содержащая нулевой показатель ед. числа и показатель родительного падежа *a*, а словоформа И. мн. *дома́* — как содержащая показатель мн. числа *á* и нулевой показатель именительного падежа, и т. д.

В целом русское склонение может быть представлено, таким образом, в виде полуагглютинативной системы, где мн. число выражается одним из двух постоянных показателей, однако показатели падежей в разных числах сходны лишь отчасти⁹ (полностью совпадая лишь в максимально немаркированном падеже — именительном).

⁸ Р. О. Якобсон указал, что особое положение окончаний Р. мн. (*ov, ej*) определяется также их связью с близкими к ним по значению суффиксами принадлежности, ср. *отцов, лисий*.

⁹ См. Р. О. Якобсон. Указ. соч. Раздел IV.

ПРАВИЛО ОТПАДЕНИЯ КОНЕЧНЫХ ГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Игорю Мельцуку к шестидесятилетию

Общеизвестно, что в русском языке в период после падения редуцированных в некоторых группах словоформ отпали конечные гласные. Обширный перечень таких случаев содержится уже в «Лекциях» А. И. Соболевского (1907, с. 93—97). Здесь указаны, в частности: для конечного *-ѣ* — Р. ед. *добрѣй* и т. д., *вѣдѣ*, *доколѣ*, *отколѣ*, *доселѣ*, *сквозѣ* (из *добрѣѣ*, *вѣдѣѣ*, *доколѣѣ* и т. д., *сквозѣѣ*); для *-у* — Т. ед. *женой*, *добрѣй* и т. д., *нѣт*, *чай*, *благодарствуй*, *пожалуй* (из *женою*, *доброю*, *нѣту*, *чаю* и т. д.); для *-е* — *скорѣй* и т. д., *лишь*, *авось*, *здѣсь*, *уж*, *ж* (из *скорѣе*, *лише*, *а вѣсе*, *сѣдѣсе*, *уже*, *же*), *дѣ* или *де* (из *дѣи* < *дѣе*); для *-а* — *-сь*, *хоть*, *покажѣст* (из *-ся*, *хотя*, *по ка мѣста*); для *-о* — *тут*, *вот*, *вон*, *как*, *так*, *кам*, *сѣм* (из *тутѣ*, *вотѣ* и т. д.); для *-и*, *-ы* — *ль*, *б*, *обапол*, *нѣтуть* (из *ли*, *бы*, *обаполы*, *нѣтутѣ*), *-м* из *-ми* в Д. мн. в северновеликорусском, *мь*, *ть* из *ми*, *ти* в галицко-вольнских памятниках и некоторые другие (списка случаев, когда конечная гласная, напротив, сохраняется, Соболевский не дает).

Наиболее подробный анализ данного явления содержится в специально посвященной этой проблеме статье Н. Н. Дурново (Дурново 1928; кроме русского языка здесь рассматривается также украинский). Дурново перечисляет все классы случаев, где отпадение происходило, и все те, где не происходило. Как показывает Дурново, для отпадения конечной гласной необходимо (в нормальном случае), чтобы она была безударна и не стояла после группы согласных. В то же время он констатирует, что отпадение происходит или не происходит в зависимости не только от фонетических условий. Общий принцип состоит в том, что «конечная гласная устойчивее всего сохраняется там, где она является носителем определенного синтаксического значения» (Дурново 1928, с. 34). Дурново показывает, в частности, как в соответствии с действием этого принципа конечные гласные теряются у различных групп неизменяемых или утративших внутреннюю форму слов. Но для форм склонения и спряжения он все же *de facto* дает разграничение списком. Так, согласно Дурново, конечная гласная сохраняется:

- 1) в падежных окончаниях (за несколькими исключениями, см. ниже);
- 2) в родовых и числовых окончаниях;
- 3) в окончаниях личных форм индикатива (окончание *-ши* Дурново вслед за Соболевским оценивает как церковнославянское и предполагает, что в древнерусском издревле было *-шь*);
- 4) в окончаниях отадъективных наречий;
- 5) в окончаниях деепричастий.

С другой стороны, список категорий, где конечная гласная утрачивается (в той мере, в которой этому не препятствуют фонетические условия), таков:

- 1) инфинитив;
- 2) императив;
- 3) новый вокатив типа *мам, Вань, тётк, ребят*;
- 4) компаратив на *-ее*;
- 5) некоторые падежные окончания — *-и* в И. ед. *мати, дочи, -ою* в Т. ед., *-оѣ* в Р. ед., *-ами, -ыми* в Т. мн. в северновеликорусском (эти падежные окончания составляют исключения из предыдущего списка, объясняющиеся, по мнению Дурново, морфологическими причинами).

Из других исследователей, занимавшихся данной проблемой, следует выделить П. С. Кузнецова, который писал (Борковский, Кузнецов 1963, § 113): «В определенных условиях на протяжении истории русского языка имела место не связанная с аканьем редукция до нуля безударных гласных на конце слова. Она наблюдается и в окающих говорах, причем охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм). Редуцироваться могут любые конечные гласные в окончаниях, состоящих не из одного соответствующего гласного, так что в результате его редукции окончание вообще не теряется, и в некоторых словах служебного и полуслужебного характера, произносимых без ударения или с ослабленным ударением».

Мы полагаем, однако, что рассматриваемое явление было более единым и последовательным процессом, чем это представляется на основании формулировок, содержащихся в излагаемых работах.

В настоящей статье мы пытаемся построить обобщающую формулировку правила отпадения конечных гласных и показать, что исключений из этого правила в действительности очень мало, т. е. соотношение нормы и исключения здесь обратное тому, что явно или неявно предполагают составители курсов истории русского языка.

С нашей точки зрения, основные идеи, на которых можно построить такую формулировку, в сущности уже содержатся в работах Н. Н. Дурново и П. С. Кузнецова. Необходимо лишь преодолеть тезис о принципиальной неполноте рассматриваемого процесса, т. е. о том, что он, говоря словами П. С. Кузнецова, «охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм)».

Ниже предлагается некоторое решение указанной задачи. Поскольку в действительности на рассматриваемый процесс влияет довольно много факторов, формулировка правила, учитывающая их все, была бы недопустимо громоздкой. Поэтому мы даем здесь так наз. основное правило, учитывающее главные факторы, и ряд примечаний к нему, которые представляют собой не что иное как поправки на действие дополнительных факторов.

Основное правило таково.

В истории русского языка со времени падения редуцированных (XII век) в течение нескольких веков (по крайней мере до конца XVI века) действовала следующая закономерность: безударная конечная гласная фонетического слова, не составляющая самостоятельного морфа, факультативно (а в части случаев и окончательно) исчезала, если ей предшествовала одиночная согласная (или сочетание *ст*).

Примечания к основному правилу.

1. В императиве и вокативе ограничение «не составляющая самостоятельного морфа» не действует. В этих формах нестрого соблюдается также ограничение «если гласной предшествовала одиночная согласная или *ст*»: отпадение гласной возможно и после некоторых других сочетаний согласных (например, в императивах *портъ, намориць*, в новых вокативах *тётк, Ваньк*; см. Дурново 1928, с. 25—26). Эта особенность явно связана с тем типологическим обстоятельством, что именно императив и вокатив обнаруживают в громадном большинстве языков мира нулевое выражение (см. об этом Дурново 1928, с. 34). Соответственно, в этих двух случаях морфологическое сопротивление переходу флексийного морфа в нуль минимально.

2. Правилу о падении конечных гласных обычно не подчинялось (или подчинялось лишь в очень ограниченной степени) традиционное церковнославянское книжное чтение. Поэтому слова или словоформы, вошедшие в литературный русский язык именно из этого источника, обычно сохраняют конечную гласную. Важнейший пример — *ся* в причастиях: *являющаяся, борющегося, взявшиеся* и т. п. (где, в отличие от других категорий словоформ, даже и после гласной выступает *ся*, а не *сь*). Сюда же относятся такие церковнославянизмы, как *иже, понеже, дондеже, втуне, паки, восвояси* и т. п., далее термины *буки, веди, мыслете* и т. п. (заметим, что конечная гласная не отпадает также и в прочих неизменяемых существительных, ср. *леди, зебу* и т. п., но все они относятся к позднему слою русской лексики и уже по одной этой причине оказываются за рамками рассматриваемого процесса).

3. Основное правило относится к русскому языку в целом. Современный литературный русский язык в силу свойственного любому литературному языку нормативного регламентирования во многих случаях из двух возможностей, предоставляемых основным пра-

вилом, зафиксировал только одну (оставив за другой лишь статус диалектного варианта), например: *там, здесь* (при диалектных *тáмо, тáма, здéсе, здéся*), с другой стороны, *ныне, иначе, откуда, оттуда, отсюда, всюду, отовсюду, около, мимо, либо* (при диалектных *нынь, инáчь, откúд* и т. п., *отовсю́д, бкол, мим, либ*). Иногда второй из двух вариантов известен из старовеликорусских источников, как, например, *даж* (при современном литературном *даже*). Литературное регламентирование может выражаться также в том, что варианты с конечной гласной и без нее дифференцируются стилистически (ср., например, *водой* и *водою*, *тоже* и *тож*, *неужели* и *неужель*, *или* и *иль*) или даже семантически (*нет* и *нету*, *хоть* и *хотя*, *уж* и *уже* и т. п.). Важной частной особенностью литературной нормы является тенденция снять варьирование (т. е. алломорфизм) в энклитиках, не сросшихся со знаменательной словоформой. Поскольку после согласной возможен только вариант с гласной (*он же, он ли, он бы, он-то, дай-ка*), а после гласной возможны оба варианта (например, *она же* и *она ж*), то выравнивание всегда происходит в сторону более полного варианта. В результате, при сохранении таких сросшихся единиц, как *взялась, чтоб, уж, аж, тут* и т. п., в свободном соединении, например, *она ли* безусловно преобладает над *она ль*, а для ряда энклитик, в частности, *-то, -ка*, литературная норма исключила краткий вариант вообще. В свободном соединении краткий вариант (*б, ж*) сейчас полноценно сохраняется только у энклитик *бы* и *же*.

Иллюстрацией действия основного правила могут служить те же примеры, которые уже упомянуты выше.

Как показал материал берестяных грамот, древнерусский язык XI—XII вв. имел во 2 ед. презенса окончание *-ши* (не *-шь*). Постепенная замена *-ши* на *-шь* в XIII—XIV вв. прослеживается по берестяным грамотам вполне наглядно. Таким образом, в этой точке системы мы тоже имеем дело с фактом отпадения конечной гласной.

В круг примеров, относящихся к рассматриваемой проблеме, следует включить случаи замены *-ша* на *-шь* в 3 мн. аориста, в частности, *възашь, послашь* вместо *възаша, послаша* в Синодальном списке I Новгородской летописи, под 1204, 1215, 1224 гг. (между прочим, эти примеры свидетельствуют о том, что аорист не был в это время мертвой формой: облик мертвых форм книжная традиция сохраняла в неприкосновенности).

Обратим внимание также на некоторые частности, требующие комментариев.

Проклитики, разумеется, не подпадают под действие основного правила, поскольку они не могут стоять на конце фонетического слова. Но следует иметь в виду, что многие союзы и предлоги не были проклитиками — они составляли отдельное фонетическое слово и, соответственно, могли терять конечную гласную; например, *али* (из *а ли*), *или*, *аже*, *ано*, *ати*, *оти*, *кабы*, *коли* могли превращаться в *аль*, *иль*, *аж*, *ан* и т. д.

Облик слова не менялся от того, что к нему добавлялась энклитика (устойчивые сочетания с энклитиками не в счет). Например, словоформа *ставь* сохраняет свой облик и в сочетаниях *ставь-ка*, *ставь же*; *рукой* — в *рукой-то*, *рукой ли*, *рукой бы*.

Некоторые слова, еще обладавшие в раннем древнерусском языке морфологической членимостью, в дальнейшем опростились, еще успев после этого попасть под действие основного правила; например, деепричастие *хот-я* превратилось в нечленную частицу *хотя*, откуда *хоть*; аналогично *сквоз-ѣ* > *сквозѣ* > *сквозь*.

Далее. Согласно основному правилу, для того, чтобы отпасть, гласная должна была быть безударной. Имеются, однако, и такие случаи, когда отпала гласная, которая в древности была под ударением, например: Т. ед. *своѣй рукой* (из первоначального *своѣю рукойю*), *взять* (из *възятїи*), *беречь* (из *беречїи*), диалектное *принѣсть* (ср. *принести*), диалектное *положь* (ср. *положи*). Во всех таких случаях необходимо предполагать перенос ударения на слог влево как предварительное условие для отпадения конечной гласной. Этот перенос произошел раньше, чем закончился процесс отпадения конечных гласных. Правда, некоторые из таких переносов (например, в *положь*), может быть, сами были стимулированы начавшимся в других группах словоформ процессом устранения гласной в окончании (но разбирать этот сложный вопрос в рамках настоящей работы нет необходимости).

Внешне сходные примеры есть и среди служебных слов, в частности, *коль*, *иль*, *сквозь* из *колий*, *илий*, *сквозѣ*; но в действительности здесь отпадение гласной, по-видимому, произошло на базе вариантов, вообще лишенных ударения (например, безударного *коли*; см. об этом Дурново 1928, с. 21—22). В случаях *хотя*, *ужѣ* (ср. *хоть*, *уж*) первоначальное ударение было иным: *хотя* было энклиноменом, *ужѣ* — начальнударной словоформой.

В связи с вопросами ударения следует особо отметить форму 2 мн. презенса: *несѣте*, *говоритѣ* и т. д. Сохранение *е* здесь выглядит как исключение из рассматриваемого правила, но обращение к истории показывает, что это не так. До сих пор на всем северо-востоке русской территории сохраняется ударение типа *несетѣ*, *говоритѣ* (или *несетѣ*, *говоритѣ*) в акцентной парадигме *ѣ*; распространено также ударение типа *знаетѣ*, *ходитѣ* в двух других акцентных парадигмах — *а* и *ѵ* (развившееся, по-видимому, из второстепенного ударения на *-те*, засвидетельствованного многими старовеликорусскими источниками). Первоначально такая акцентуация была повсеместной; еще в XVI—XVII вв. она господствовала на большей половине великорусской территории, включая центр (а именно, во всей ее восточной и средней части, см. Зализняк 1985, § 3.60, карта 12). Таким образом, в ту эпоху, когда происходило отпадение конечных гласных, в данной форме еще не было для этого необходимых акцентуационных условий.

Отметим также частицу *-таки*: сохранение конечного *и* здесь можно связывать с тем, что оно довольно часто произносится с второстепенным ударением.

Особого рассмотрения требуют некоторые вопросы, связанные с членением словоформ на морфемы.

Следует отметить, в частности, что безусловно морфологически членимы наречия, производные от прилагательных: *кос-о, скор-о, в-лево, с-прав-а, за-жи-во, по-пуст-у* и т. д. Соответственно для отпадения конечных гласных в этих случаях нет оснований. То же верно для таких наречий, как *с-низ-у, с-зад-и, дом-а* и т. п., а также для компаративов (*жрич-е, суши-е* и т. д.).

Наиболее важен, однако, с этой точки зрения вопрос о морфологической структуре членных форм прилагательных. Сравнивая окончания адъективного и именного склонения, мы наблюдаем следующие типы соответствий.

1. Там, где в именном склонении окончание состоит более чем из одной фонемы, адъективное окончание в нормальном случае отличается от именного только своей начальной гласной (для форм, не различающих в адъективном склонении роды, берем в именном склонении мужской род): *пуст-ым двор-ом, пуст-ым двор-ам, пуст-ых двор-ах, пуст-ыми двор-ами*; этой же общей схеме следуют, хотя уже не вполне строго, с одной стороны, *пуст-ых двор-ов*, с другой — *пуст-ой изб-ой* (или *пуст-ою изб-ою*). В этой группе падежно-родо-числовое значение оказывается связанным с конечной частью флексии: *-м, -м, -х, -ми, -х/-в, -j (-ju)*, — а начальные гласные *-ы-* и *-а-* (*-о-*) играют роль показателей адъективности и субстантивности.

2. Там, где в именном склонении окончание состоит из одной фонемы (или равно нулю), имеются следующие группы:

а) *пуст-ая изб-а, пуст-ое* (морфонологически *-ою*) *зерн-о, пуст-ые* (морфонологически *-ици*) *двор-ы, пуст-ую изб-у*; здесь адъективные окончания отчетливо распадаются на три части (*-а-j-а, -о-j-о, -и-j-и, -у-j-у*), где первая и третья часть равны соответствующему именному окончанию;

б) *пуст-ой∅ двор-∅*; эта форма в сущности примыкает к предыдущей группе, поскольку *о* в *-ой∅* можно рассматривать как беглую гласную, т. е. как позиционный вариант нуля;

в) *пуст-ому двор-у*; здесь *-у* в *-ому* явно тождественно именному окончанию, а элемент *-ом-* играет роль показателя адъективности; сравнение с «в» позволяет заключить, что и в группах «а» и «б» падежно-родо-числовое значение связывается в первую очередь с конечным элементом адъективной флексии;

г) *пуст-ого* (т. е. *-ово*) *двор-а*; отличие от «в» в том, что конечные элементы здесь лишь сходны, но не совпадают: *-ов-о — -а*;

д) *пуст-ом двор-е, пуст-ой изб-ы, пуст-ой изб-е* (Д. и М.); это особые случаи, не соответствующие основной схеме.

Таким образом, во флексиях адъективного склонения (кроме пункта 2д) могут быть выделены конечные элементы, которые в си-

лу полного или частичного совпадения с соответствующими именными окончаниями получают функцию носителей падежно-родо-числовых значений.

О том, что это рассуждение не является чисто умозрительной выкладкой, а соответствует реальным ассоциациям в сознании носителей языка, убедительнее всего говорят аналогические перестройки, ведущие к более последовательной реализации описанной схемы.

Главная из них — замена *-о* на *-а* в окончании *-ог-о* (*-ов-о*). Замена *-ого* на *-ога* наблюдается в берестяных грамотах уже с XII в. В современных севернорусских говорах формы типа *большова, молодова, старова* распространены очень широко (см. Атлас 1989, карта 45). Ср. также белорусские диалектные *майга, твайга* и т. п. За пределами восточнославянской области такая замена, как известно, произошла в сербском и словенском языках.

Другая подобная замена известна, правда, не в русском, а в украинском, белорусском и сербском языках, но тем не менее достаточно показательна для рассматриваемой здесь проблемы. Речь идет о добавлении гласной *-у* или *-е* к окончанию М. ед. *-ом*, ср. укр. *у великому місті* (наряду с *у великім*), белор. диал. *на крутому берагу* (литерат. *на крутом*), серб. *у зеленоме* (у *зеленому*, у *зеленом*) *гају*. После добавления *-у* или *-е* окончание М. ед. *-ом-у*, *-ом-е* получает такую же структуру, как Д. ед. *-ом-у*, Р. ед. *-ог-а* и т. д.

Таким образом, яacobсоновская идея отдельной соотнесенности элементов русских флексий с элементами значения (Яacobсон 1958) в данном случае наглядно подтверждается, так как оказывается, что она обладает объяснительной силой в вопросе об отпадении или сохранении конечных гласных.

Мы не беремся здесь решать вопрос о том, должны ли в связи с рассмотренными фактами конечные элементы адъективных окончаний (*-у* в *пустому*, *-а* в *пустага* и т. д.) оцениваться просто как отдельные морфы или как субформы (т. е. единицы, обладающие лишь частью свойств морфа). Для наших целей достаточно констатировать тот факт, что в вопросе об отпадении конечных гласных они ведут себя в русском языке так же, как обычные морфы.

Замечание. Некоторое отличие таких единиц от полноценных морфов, по-видимому, в каких-то случаях все же может сказываться. Так, в сербском языке положение не совсем такое же, как в русском: конечные элементы некоторых адъективных флексий здесь стали факультативными, ср. Р. ед. *зеленога* и *зеленог*, Д. ед. *зеленому* и *зеленом*. В том же ряду оказывается и М. ед. (хотя направление морфологической эволюции здесь было противоположным, ср. выше): *зеленоме* (или *зеленому*) и *зеленом*.

С учетом всего сказанного исключениями из сформулированного выше правила можно считать (и то лишь с существенными оговорками) только следующие случаи.

1. Сохранение гласной в *-те* в 2 мн. императива: *несіте, говоріте* и т. д. (ср. «правильное» развитие в украинском: *несіть, сидіть* и т. д.). В отличие от индикатива, в императиве *-те* всегда было безу-

дарным. Существенно, однако, что, как показал Р. О. Якобсон (см., в частности, 1965, с. 192), императивное *-те* развило такие морфонологические свойства, которые отделяют его от обычных (внутрисловных) морфем и сближают с энклитическими служебными словами, а именно, перед *-те* происходит не внутренние, а внешние сандхи (в частности, стоящая перед *-те* гласная ведет себя как конечная: *сядите* > *сядьте*, как *сяди* > *сядь*). Таким образом, *-те* оказывается в сходном положении, например, с энклитиками *-ка* или *-то* (см. выше, примечание 3): по общему правилу ожидалась бы вариантность *-те/-ть*, типа *дайте*, *поставьте*, *сядьте* — **несить*, **скажить*, **пойдоть*, реально же всегда представлено *-те*, подобно постоянному *-ка* или *-то*.

Сохранению постоянного *-те* в императиве, возможно, способствовало также *-те* индикатива. Здесь, разумеется, возникает вопрос: почему же подобное влияние не предохранило конечную гласную в украинских императивах типа *несить*, *сидить*? Дело в том, однако, что в русском языке характер связи между императивом и индикативом существенно иной, чем в украинском. В русском языке императив множественного числа довольно тесно сближается с индикативом: в 1 мн. он просто всегда с ним совпадает (*пойдём*, *бежим* и т. п.), у части глаголов такое же совпадение наблюдается и во 2 мн. (*говорите*, *помните* и т. п.). Между тем в украинском языке императив четко противопоставлен индикативу (ср. Якобсон 1965): *несім* — *несемь*, *сидить* — *сидите* и т. д.; ни в 1 мн., ни во 2 мн. совпадения между ними не бывает никогда; симметричны также противопоставления окончаний: *-м* — *-мо*, *-ть* — *-те*.

2. Сохранение гласной в *-ми* в Т. мн.: *лесами*, *пустыми*, *теми* и т. д. Фактически, правда, русский язык знает в этом пункте оба решения: в литературной норме и в большинстве говоров *-ми* сохраняется, но в большей части северновеликорусских говоров оно перешло в *-м*: Т. мн. *лесам*, *пустым*, *тем* и т. д. По-видимому, двойственность решения определяется тем, что это точка конфликта двух сил: 1) правила об отпадении конечной гласной; 2) тенденции избежать опасной омонимии. В самом деле, отпадение *и* в *-ами*, *-ыми* приводит к двойной омонимии, а именно, новый Т. мн. типа *солдатам*, *со старым* совпадает, во-первых, с Д. мн., во-вторых (у значительной части слов) с Т. ед. Оба эти соотношения создают новые для русского языка модели омонимии. Особенно важно второе из них, поскольку русскому языку почти неизвестна полная (т. е. без различия в падеже) омонимия словоформ единственного и множественного числа; ср. также указанный Р. О. Якобсоном (1958, с. 173) параллелизм *star-im*#: *star-im'i* = *star*#: *star-i* = *star-ij*#: *star-iji*.

Сверх этих двух случаев на статус исключений из правила отпадения гласных могли бы претендовать лишь некоторые неизменяемые слова типа *ныне*, *откуда*, *неужели*, но в действительности практически все они подпадают под действие примечания 3 (см. выше),

т. е. это лишь один вариант из двух реально существующих в языке, закрепившийся в качестве литературной нормы. Для считанного числа слов (*однако, кроме, ради, еле*) вариант без конечной гласной, как кажется, не отмечен, но едва ли они действительно отделены какой-то резкой чертой от *ныне, откуда* и т. п. (ср., между прочим, в этой связи украинские *одна́к, крі́м*).

С точки зрения типологии языковых изменений данное явление из истории русского языка может рассматриваться как образцовый случай взаимодействия фонетического и морфологического факторов, а именно, как пример собственно фонетического изменения с наложенным морфологическим ограничением.

Особенностью данного изменения следует считать также его значительную растянутость во времени. Вероятно, она определенным образом связана с участием в данном процессе морфологического фактора (ср. длительный характер морфологических процессов типа выравнивания парадигм).

Рассмотренное здесь явление, как известно, в той или иной степени свойственно также и другим славянским языкам. Но в русском языке его реализация оказалась одной из наиболее последовательных.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас 1989 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Дурново 1928 — N. Durnovo. Der Schwund von Endvokalen im Russischen // Zeitschrift für slavische Philologie, V, 1928, 1/2, 17—36.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Якобсон 1958 — Р. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением // R. Jakobson. Selected Writings. The Hague — Paris, 1971. V. II. P. 154—183.
- Якобсон 1965 — Р. Якобсон. Строй украинского императива // R. Jakobson. Selected Writings. The Hague — Paris, 1971. V. II. P. 190—197.

О ПОНЯТИИ ГРАФЕМЫ

§ 1. В настоящей статье обсуждается вопрос о содержании термина “графема” и, в частности, анализируются черты сходства и различия между графемами и фонемами и между методами изучения тех и других. Разбор ограничен системами письма, основанными на фонографическом (не идеографическом или пиктографическом) принципе; фактически основным материалом служит русская система письма (в настоящее время и в прошлом). Работа не претендует на формальную строгость¹.

§ 2. Термин “графема” (предложенный еще И. А. Бодуэном де Куртене²) в его современном употреблении и противопоставленный ему термин “аллограф” очевидным образом входят в ряд терминов общего вида “X-ема” — “алло-X”; ср. прежде всего пару “фонема” — “аллофон”.

Противопоставление понятий типа “X-ема” и “алло-X” отражает одну из фундаментальных особенностей знаковых систем. Как известно, звуки, начертания, жесты и прочие материальные элементы, которые могут использоваться для формирования знаков, сами по себе обычно не имеют дискретной шкалы различий; например, между любыми двумя звуками, хотя бы и близкими, возможны также промежуточные по своим физическим характеристикам звуки. Если эти элементы действительно используются для построения внешней стороны знаков, они непременно должны быть разбиты на непересекающиеся классы по некоторой дискретной шкале³. Все различия внутри каждого такого класса рассматриваются как несущественные; с семиотической точки зрения (т. е. с точки зрения знаковой

¹ По крайней мере часть излагаемых положений может быть сравнительно легко доведена до формальной строгости, однако, с нашей точки зрения, эта операция составляет особую самостоятельную задачу, которую уместнее отделить от содержательного изложения; в рамках настоящей статьи мы ею не занимаемся.

² И. А. Бодуэн де Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

³ Эта шкала может быть откровенно условной, как, например, в знаковых системах, принятых особым соглашением (типа световой сигнализации на улицах), или складываться бессознательно в течение длительного времени, как, например, в системе фонем языка.

системы) внутри класса нет просто никаких различий. Напротив, любое различие между членами двух разных классов существенно: это различие между двумя разными семиотическими единицами. Таким образом, всякое реальное различие между двумя материальными элементами проходит своего рода “семиотический фильтр” по принципу “все или ничего”: одни различия оказываются семиотически полноценными, другие — семиотически нулевыми.

Термин вида “X-ема” обозначает отдельный класс описанного выше разбиения; “алло-X-ами” данной “X-емы” называются все члены соответствующего класса. В частности, фонема означает некоторый класс звуков⁴, аллофоны (данной фонемы) — звуки, входящие в этот класс. Указанная схема является общей для разных пар терминов, имеющих вид “X-ема” — “алло-X”. Различия касаются, во-первых, конкретной природы соответствующих объектов, во-вторых, “критериев существенности”, т. е. тех критериев, по которым одни различия признаются существенными, а другие нет.

Так, при выделении фонем критерий существенности, грубо говоря⁵, состоит в том, что существенно такое и только такое различие между двумя звуками, которое хотя бы для одной пары словоформ (разных слов или одного слова) является единственным источником различия внешних оболочек этих словоформ⁶.

§ 3. Применительно к графическому уровню указанная общая схема означает следующее: выделение графем должно производиться так, чтобы различие между любыми двумя графемами было существенным, а всякое различие между аллографами одной графемы — несущественным. Разумеется, эта формулировка сама по себе еще никак не решает вопроса о том, в чем конкретно здесь должен состоять критерий существенности. Разбору этого вопроса и посвящена основная часть настоящей работы.

Графические единицы, реально встречающиеся в письменных и печатных текстах и представляющие собой исходный материал для последующего разбиения их на графемы, мы будем ниже называть *начертаниями*⁷ (ср. аналогичный по своему логическому статусу-

⁴ Здесь и далее мы имеем в виду только те понимания фонемы, при которых каждый звук относится ровно к одной фонеме; ср.: В. А. Успенский. Одна модель для понятия фонемы // ВЯ. 1964. № 6. С. 39.

⁵ Здесь нет необходимости углубляться в разбор особых случаев, которые потребовали бы некоторых уточнений к приводимой огрубленной формулировке.

⁶ Отметим, что наличие подобного критерия само по себе еще не обеспечивает однозначного разбиения звуков на фонемы (ср. известную проблему неединственности фонологических решений). Для разрешения этой неоднозначности в принципе необходимы какие-то вспомогательные критерии или процедуры.

⁷ В принципе следует различать конкретное начертание (находящееся на определенном месте, скажем, конкретного листа бумаги) и абстрактное начертание, представляющее собой продукт абстракции отождествления всех конкретных начертаний, признаваемых нами одинаковыми. В нашем изложении, однако, это различие в явной форме не проводится; какой из этих двух смыслов слова “начертание” имеется в виду, надлежит устанавливать из контекста.

су термин “звук” в фонологии). Речь идет, таким образом, о том, какие различия между начертаниями следует считать существенными.

Простейший с логической точки зрения путь состоит в том, чтобы при решении вопроса о графемах по возможности скопировать все процедуры и определения с тех, которые выработаны в фонологии. Ср. предложение такого пути в работе В. А. Успенского “Одна модель для понятия фонемы”: “Изложенная модель прилагается без всяких изменений (за исключением терминологических) и в качестве модели для понятия графемы в языках с линейным письмом (т. е. письмом, допускающим линейную сегментацию)”⁸.

Искомый критерий существенности, по-видимому, должен в этом случае выглядеть так: существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ.

Действительно, этого критерия в большинстве случаев достаточно для получения таких решений, которые хорошо соответствуют практике описания графических систем и не противоречат каким-либо устойчивым интуитивным представлениям. Не углубляясь в вопрос о конкретных процедурах выделения графем, отметим лишь некоторые наиболее важные моменты. Прежде всего, очевидно, что два начертания, передающие (всегда или хотя бы в части случаев) разные фонемы, скажем, *a* или *y*, должны рассматриваться как разные графемы. Далее, как разные графемы должны рассматриваться строчное *a* и прописное (заглавное) *A*, *b* и *B*, *v* и *V* и т. д.; ср., например, *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автомобильный завод), *орел* и *Орел* (город, фамилия) и т. п.⁹

С другой стороны, разнообразнейшие способы написания (или печати), скажем, строчного *a*, различающиеся размером, наклоном, пропорциями, стилем, конфигурацией каких-то деталей, особенностями индивидуального почерка и т. д., образуют лишь аллографы данной графемы. Все такие различия можно назвать каллиграфическими и (используя слово “каллиграфия” в несколько расширенном смысле).

⁸ В. А. Успенский. Указ. соч. С. 53.

⁹ В некоторых работах пары *a* и *A*, *b* и *B* и т. д. рассматриваются как единые графемы. Мы имеем здесь дело, таким образом, с иным употреблением термина “графема”: вместо стремления к тому, чтобы понятия “графема” и “фонема” имели по возможности сходный логический статус, здесь на первое место, по-видимому, выступает просто стремление к тому, чтобы отношение графем и фонем оказалось как можно ближе к взаимно-однозначному. При таком употреблении “графема” означает примерно то же, что традиционный термин “буква” (ср. ниже, § 4 и 9). Между прочим, из такого словоупотребления с необходимостью следует, что орфография (см. § 12) может предписывать не только выбор графемы, но и выбор аллографа (ведь орфографические своды заведомо содержат некоторое число правил об употреблении прописных букв), а это явно нарушает некоторое естественное представление о том, что орфография (в отличие от каллиграфии) занимается только существенным.

Выбор графемы — дискретная операция: между двумя разными графемами, хотя бы и похожими (скажем, *n* и *и*), нет “промежуточных” графем. Напротив, каллиграфия недискретна: между двумя аллографами возможны все переходные степени наклона, жирности, четкости и т. п.

В дополнение к тому, что достигается непосредственным применением указанного выше критерия, явно следует признать существенными также отличия знаков препинания от знаков, служащих для записи словоформ, равно как и различия знаков препинания между собой. Иначе говоря, точка, запятая, тире и т. д. образуют особые самостоятельные графемы.

§ 4. Того представления о графеме, которое возникает на основе указанного в § 3 критерия существенности, уже достаточно, чтобы ввести ряд обозначений, необходимых для дальнейшего разбора.

В европейских системах письма графемы довольно отчетливо распадаются на основные (используемые для записи словоформ и при этом стоящие в строке) и вспомогательные (все прочие, а именно, надстрочные и подстрочные знаки, а также знаки препинания и подобные им символы).

С другой стороны, графемы, реально используемые в письменных и печатных текстах, можно разделить на общеобязательные и специальные. Первые образуют некоторый минимальный инвентарь графем, необходимый для записи (в соответствии с действующими орфографическими правилами) внешней оболочкой любой словоформы данного языка, а также для пунктуации предложения. Специальные графемы — это самые различные дополнительные символы, например, математические и т. п. знаки, буквы чужих алфавитов, символы идеографического характера (т. е. соотносенные непосредственно со значением, а не с внешней оболочкой каких-либо слов; таковы, например, цифры) и т. д. Все они так или иначе служат для сокращения записи или для передачи того, что затруднительно передать обычными словесными средствами данного языка.

В отличие от общеобязательных графем, имеющих постоянные значения, специальным графемам (кроме самых известных, например, цифр) автор может приписывать те значения, которые считает удобным. Соответственно, значения специальных графем (кроме самых известных) обычно специально разъясняются автором. Список специальных графем в принципе открыт: автор может изобрести совершенно новую специальную графему или объявить особой специальной графемой то, что в обычных условиях функционирует лишь как аллограф какой-то графемы.

Общеобязательная основная графема в нормальном случае представляет собой средство передачи на письме некоторой фонемы или нескольких разных фонем (от более сложных случаев мы здесь отвлекаемся). Две разные графемы могут служить для передачи одной и той же фонемы (одного и того же набора фонем); такие графемы

можно назвать омофоничными (подробнее см. § 11). Пример: *ф* и *ѳ* в дореволюционной русской орфографии.

Термин “графическая система”, который может встретиться в последующем изложении, пока что достаточно понимать как обозначение инвентаря общеобязательных графем вместе с основными правилами их использования; более подробно этот термин обсуждается в § 11.

В связи с вопросом о различии между графемами и аллографами необходимо отметить один существенный момент, характерный в особенности для печатных текстов. Пусть имеется некоторый инвентарь графем, и для каждой из них выбран (например, для создания печатного шрифта) некоторый аллограф, считающийся образцовым. Далее, полученный инвентарь образцовых аллографов может быть продублирован путем изменения всех этих аллографов по какому-то одному признаку (размер, наклон, степень жирности и др.); эту операцию можно назвать транспозицией. Понятно, что транспозицию можно применять многократно и получать все новые наборы аллографов; так, в типографском деле один и тот же инвентарь графем может быть реализован в разных гарнитурах (т. е. типах рисунка печатных знаков), в разных кеглях (т. е. размерах), в прямой или курсивной форме, в светлом или жирном варианте и т. д.

Сами по себе транспозиция (например, когда она вызвана лишь эстетическими соображениями, заботой об удобстве чтения или, напротив, об экономии места), разумеется, никаких новых графем не создает. Пишущий может, однако, объявить, что он приписывает тем или иным транспонированным аллографам какую-то особую функцию, противопоставляющую их исходным аллографам. Например, автор решил выделять ударную гласную жирным шрифтом: *каша*, *солома* и т. д. Очевидно, что в этом случае *а* и *а* (*о* и *о* и т. д.) уже противопоставлены друг другу как разные графемы; при этом *а*, *о* и т. д. должны быть отнесены к числу специальных графем.

С исторической точки зрения, продуктами транспозиции являются также прописные буквы. Однако, как было показано выше, в современных графических системах прописные *А*, *Б* и т. д. представляют собой уже не дополнительные аллографы, а самостоятельные графемы. Более того, эти графемы уже не могут считаться специальными, поскольку их употребление регулируется общеобязательными орфографическими правилами¹⁰.

Разумеется, однако, графемы *А* и *а* (равно как *Б* и *б* и т. д.) связаны между собой гораздо теснее, чем произвольная пара графем (скажем, *а* и *б*), а именно: 1) они омофоничны; 2) в ряде ситуаций (позиция начала предложения; заголовки или целые тексты, напечатанные

¹⁰ Статус самостоятельных (и притом общеобязательных) графем, достигнутый теперь прописными буквами, подчеркивается также тем, что для многих из них выработались особые начертания, нередко сильно отличающиеся от соответствующих строчных (тогда как исходным пунктом этой дифференциации было простое различие по размеру).

с использованием одних лишь прописных графем или, реже, одних лишь строчных графем) их противопоставление нейтрализуется¹¹.

Соответственно, пара графем типа *A* и *a* воспринимается как некое особое единство. В русской традиции именно оно обычно и обозначается словом “буква”¹². Это легко усматривается из обычного словоупотребления, например: “Русский алфавит состоит из 33 букв”, “Слово *Анапа* начинается и кончается на одну и ту же букву”, “Ты написал букву *a*, а теперь напиши ту же букву, но только прописную”. Не соответствует обиходному словоупотреблению (и воспринимается как излишне педантичная) фраза типа: “Ты написал букву *a*, а теперь напиши другую букву — *A* прописное”. Подробнее об употреблении слова “буква” см. § 9.

Совокупность всех букв, расположенных в некотором условном порядке, носит название алфавита; ср. приведенную выше фразу.

§ 5. Хотя, как уже отмечено, критерий существенности, предложенный в § 3, дает в основном хорошие результаты, существуют всё же случаи, когда он приводит к решениям, которые явно противоречат интуитивным представлениям. Например, в дореволюционной русской графике (если пренебречь аномальной парой *миръ* “рах” — *миръ* “mundus”) омофоничные буквы *и* и *і* употреблялись в дополнительном распределении: *і* перед гласными буквами и *й*, *и* — в прочих случаях. По критерию, предложенному в § 3, эти буквы должны быть признаны аллографами¹³, то есть единицами, различающимися столь же несущественно, как, например, и прямое и *и* наклонное и т. п.; однако это явно не соответствует интуитивным представлениям о степенях важности различий.

Чтобы понять источник подобных несоответствий, необходимо более подробно рассмотреть различия между графемами и фонемами, не сводящиеся просто к различию материальной природы начертаний и звуков. Заметим сразу же, что эти различия более серьезны, чем представляется на первый взгляд.

Очевидное различие состоит здесь уже в том, что фонема — односторонняя единица, тогда как графема фактически функционирует как знак, т. е. как двусторонняя единица, а именно, определенный класс начертаний выступает здесь как символ некоторой фонемы (или фонем). Соответственно, между двумя графемами возможны отношения, определяющиеся одинаковостью или различием переда-

¹¹ Ср. также предложение Г. Глисона рассматривать *A* как сочетание графемы *a* с суперсегментной “графемой заглавности”, см.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 399.

¹² То же можно сказать об англ. *letter*, франц. *lettre*, нем. *Buchstabe* и др., а также о слове “буква” в русских описаниях графики соответствующих языков.

¹³ Разумеется, если не отбросить пару *миръ* — *миръ*, решение будет иное. Ясно, однако, что существо дела здесь не меняется от наличия или отсутствия этой особой пары. В действительности именно тот факт, что *и* и *і* уже воспринимаются как различные самостоятельные единицы, создает принципиальную возможность написаний типа *миръ*, а использована ли реально эта возможность, несущественно.

ваемых ими фонем (например, отношение омофоничности), тогда как в системах фонем никаких аналогов этих отношений нет.

С практической точки зрения, важнейшее различие между графемами и фонемами состоит в том, что фонологическая система в нормальном случае усваивается человеком бессознательно (и обычно не осознается и впоследствии), тогда как графическая система усваивается путем обучения, т. е. сознательно. Обучаемому обязательно в явном виде сообщаются алфавит букв и список вспомогательных графем и указываются наименования графем¹⁴.

Таким образом, носитель фонологической системы, владеет ею в действии, но не имеет о ней (в общем случае) никаких знаний; у него нет даже слова для понятия фонемы. Между тем носитель графической системы непременно имеет о ней некоторые знания, притом как раз те, которые с семиотической точки зрения являются важнейшими. Так, он владеет понятием буквы и имеет соответствующее слово; он понимает дискретную природу букв и четкую ограниченность их числа; например, он без труда ответит на вопрос, из каких букв состоит сделанная им запись¹⁵.

Важно подчеркнуть, что имеющееся у грамотного человека представление о числе букв (и, соответственно, умение видеть в любом используемом на письме начертании воплощение какой-то определенной буквы из этого числа) не есть продукт его индивидуальных наблюдений, осознанных или неосознанных¹⁶, над практикой письма; оно непосредственно дается ему при обучении. Поэтому даже весьма несовершенные (с точки зрения своего основного назначения) системы письма могут сохраняться без всяких изменений в течение веков. В частности, омофоничность двух букв (скажем, *ф* и *ф*) ничуть не меняет, с точки зрения пишущего, того факта, что это две разные буквы. Даже если две омофоничные буквы находятся в простейшем и очевидном дополнительном распределении (как в случае с *и* и *і*, см. выше), это вовсе не приводит к слиянию их в единую букву в сознании пишущего.

Отметим также некоторые различия между соотношением “графема — аллограф” и соотношением “фонема — аллофон”. Как известно, самый характерный вид отношения между аллофонами одной фонемы — дополнительное распределение; другое возможное отношение — свободное варьирование — встречается реже. Между тем

¹⁴ Будучи самостоятельным семиотическим объектом, каждая графема непременно имеет особое имя (слово или словосочетание); именно это обеспечивает возможность какого бы то ни было общения на тему о письме и его правилах. Показательно, что аллографы, в отличие от графем, в подавляющем большинстве случаев самостоятельных имен не имеют.

¹⁵ Ср. совершенно иное положение с фонемами: неясно даже, как сформулировать для информанта просьбу разделить произнесенное им слово на фонемы. Даже если это как-то удалось объяснить, далеко не всякий информант и далеко не со всяким словом сможет выполнить такую просьбу.

¹⁶ Между тем представление о фонемах, если оно вообще в какой-то форме имеется у лингвистически необученного носителя языка, возникает именно таким путем.

для аллографов одной графемы наиболее характерно именно отношение свободного варьирования¹⁷. Что касается дополнительного распределения, то здесь между фонетикой и графикой есть заметное различие. Автоматическое, неосознаваемое дополнительное распределение аллографов в зависимости от контекста (сходное с тем, что наблюдается в фонетике) встречается почти исключительно в связном письме, например, в скорописи (где на конфигурацию буквы может влиять конфигурация ее соседей). В несвязном письме без лигатур (устав, полуустав, печатный шрифт) это явление почти отсутствует.

Что касается дополнительного распределения типа “*i* перед гласной буквой и *й*, *и* в прочих случаях”, то оно, конечно, отнюдь не является автоматическим¹⁸ и неосознанным, а достигается обучением. Этому соответствует и субъективное осознание таких начертаний как различных самостоятельных единиц. Таким образом, эти начертания представляют собой аллографы только с точки зрения критерия существенности, указанного в § 3, но не с субъективной точки зрения носителей графической системы. Вообще, как это ни парадоксально в глазах фонолога, дополнительное распределение двух начертаний, если его нельзя объяснить простым влиянием конфигурации соседних начертаний, указывает именно на то, что перед нами две разные, с точки зрения пишущих, единицы (причем правила их применения были составной частью обучения грамоте).

§ 6. Различие между фонологическими и графическими системами по степени осознанности отражается и на выборе способа их описания.

Обычное фонологическое описание можно охарактеризовать как модель объективного функционирования соответствующей фонологической системы. Составитель описания стремится оптимальным образом (с точки зрения принятых им критериев) выделить фонемы и отобразить их функционирование. Он не считает себя связанным в этих операциях теми представлениями, которые могут иметь о своих фонемах сами носители языка (тем более, что у подавляющего их большинства сколько-нибудь ясных, допускающих словесное выражение, представлений о собственной фонологической системе нет).

Данный тип описания в принципе возможен и для графических систем, т. е. можно строить модель объективного функционирования графической системы, безотносительную к субъективному осознанию этой системы. Именно такому подходу соответствует, в частности, критерий существенности, предложенный в § 3.

¹⁷ Свободное варьирование не исключает эстетических предпочтений. Например, пишущий может использовать более нравящийся ему аллограф, когда он хочет, чтобы текст выглядел красивее, и т. п.

¹⁸ Мы отвлекаемся здесь от той ситуации, когда у опытного человека весь процесс письма достигает высокой степени автоматизма. Заметим, что и в этой ситуации выбор между *i* и *и* и т. п. является не более автоматическим, чем выбор заведомо самостоятельных графем.

Однако для графического уровня возможен и другой тип описания. Поскольку графическая система, в отличие от фонологической, не только функционирует, но и осознается (и даже преподается), здесь вполне осмысленна задача отразить субъективное представление об этой системе, имеющееся у ее носителей.

Итак, можно различать два рода описания графических систем: I — не принимающий в расчет субъективных представлений носителей графической системы; II — ориентированный на отражение именно этих представлений.

Понятно, что анализ одной и той же графической системы с этих двух разных точек зрения может дать разные результаты; в частности, могут получиться разные инвентари графем. Ср. расхождение такого рода в примере с *и* и *і*, разобранным в § 5.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Так, В. А. Успенский¹⁹, отмечая, что в настоящее время буквы *ъ* и *ь* в письменном литературном русском языке (в варианте с обязательным употреблением буквы *ѣ*), по-видимому, находятся в дополнительном распределении²⁰, констатирует, что в соответствии с предложенной им моделью для понятия фонемы и одновременно для понятия графемы (ср. выше, § 3) *ъ* и *ь* оказываются аллографами одной графемы. Между тем в субъективном представлении пишущих *ъ* и *ь* — это несомненно две различные самостоятельные единицы.

В дополнительном распределении в современном (равно как и дореволюционном) русском письме находятся также буквы *ь* и *ѣ*, причем здесь, в отличие от пары *ь* — *ъ*, правило распределения очень просто: *ь* встречается только после согласных букв, *ѣ* — только после гласных (изредка также в начале слова)²¹. Поскольку *ъ* встречается, как и *ь*, только после согласных букв, для современного языка критерий существенности, указанный в § 3, позволяет объединить в одну графему уже целых три буквы: *ъ*, *ь*, *ѣ*. Опять-таки ясно, что это не соответствует субъективным представлениям пишущих.

В дополнительном распределении находятся также, например: *с* и *ς* в греческом, *і* и *у* в большинстве орфографических школ в среднеанглийском (в обоих случаях второй член пары выступает на конце словоформы, первый в прочих позициях), *ω* и *о* в тех орфографических школах средневековой Руси, которые предписывали употреблять *ω* в начале словоформы и после гласной буквы, *о* — после согласной. Во всех этих случаях мы имеем дело с аллографами с точки зрения описания I рода, но с разными графемами с точки зрения описания II рода (ср. § 5).

¹⁹ В. А. Успенский. Указ. соч. С. 53.

²⁰ Функциональная неполноценность противопоставления *ъ* и *ь* была причиной того, что, Ф. Ф. Фортунатов уже в 1904 г. высказался за полную отмену буквы *ъ*: см. *Р. Якобсон. Избыточные буквы в русском письме // R. Jakobson. Selected writings, v. I. The Hague—Paris, 1971, p. 564.*

²¹ Как известно, этот факт был обнаружен в середине XVII в. Ю. Крижаничем, который на этом основании считал правильным писать (и действительно сам писал) *ь* вместо *ѣ*, например, *равь*, *мовь*; см.: *Р. Якобсон. Указ. соч. С. 563.*

§ 7. С нашей точки зрения, при изучении конкретных графических систем первостепенное практическое значение имеет описание II рода, т. е. такое, которое отражает субъективное осознание системы ее носителями. Знание этого аспекта представляется безусловно необходимым для того, чтобы правильно судить о степени соответствия системы ее основному назначению, о характере ее фактического применения, о природе и источниках ошибок и т. д. Без знания этого аспекта невозможно даже воспроизводить без искажений тексты, записанные в этой системе (т. е. невозможно сохранить все отношения тождества и различия знаков, представленные в оригинале).

В частности, очевидно, сколь необходим такой анализ при изучении графических систем прошлого. Трудно представить себе, как можно установить, например, какие начертания являются ошибками писца, если предварительно не выявлено, какие различия между начертаниями он сам считал существенными²².

Заметим, что, в соответствии с указанной потребностью, едва ли не все реально существующие описания графических систем (по крайней мере, современных) по сути дела представляют собой именно описания II рода. При этом, однако, то обстоятельство, что в описании тождеств и различий графических элементов исследователь фактически исходит из субъективного восприятия этих элементов носителями графической системы, им обычно не отмечается: оно либо представляется исследователю очевидным, либо даже не осознается.

Что касается описаний I рода, то наиболее значительные результаты, достигнутые к настоящему моменту на этом пути (отличные от тех, которые получаются при описании II рода), были сформулированы не в виде синхронических констатаций, а в виде практических предложений по усовершенствованию существующей графической системы. Примечательно, что ни Крижанич (см. сноску 21), ни Фортунатов (см. сноску 20) не предлагали считать *ь* и *й* (соответственно *ь* и *ѣ*) одной и той же буквой, а требовали изъятия одной из двух букв при сохранении другой²³. Иначе говоря, они безусловно признавали рассматриваемые ими единицы разными буквами, т. е. существующую ситуацию рассматривали с позиций описания II рода.

Можно предполагать, таким образом, что описание I рода должно строиться как своего рода “дополнительный этаж” над описанием II рода. Представляется сомнительной ценность “чистого” описания I рода, т. е. такого, при котором полностью игнорируются различия, существенные с точки зрения пишущих, если эти различия не удо-

²² Говоря о необходимости такого анализа, мы не касаемся здесь вопроса о том, как его осуществить. Это особая задача, в каких-то случаях, быть может, и весьма сложная.

²³ Ср. в этом отношении также реформу 1917 г., которая именно отменила определенные буквы (а отнюдь не объявила, скажем, *и* и *і* единой буквой).

влетворяют избранным формальным критериям. Так, может оказаться целесообразным объединить, например, *u* и *i* в какую-то единицу высшего ранга (скажем, “гиперграфему”), однако едва ли можно оправдать признание этой пары просто единой графемой, точно такой же, как *a* или *b* (ср. выше, § 5).

В дальнейшем изложении везде, где не оговорено обратное, предполагается, что речь идет об описании II рода.

§ 8. В чем же состоит критерий существенности при описании II рода? Для ответа на этот вопрос обратимся к ситуации школьного диктанта: учитель читает (допустим, из книги) отрывок, ученики его записывают²⁴. При проверке любой из этих записей учитель в сущности должен сравнить два графических изображения одного и того же текста — в книге и в ученической тетради. Ясно, что эти два изображения внешне очень различны. Между тем учитель лишь в некоторых местах объявляет ученическую запись неправильной (а может и всю ее признать целиком правильной). Естественно считать, что ошибками учитель объявляет именно те случаи, где разница между ученическим и книжным написаниями с его точки зрения существенна, а правильными написаниями — те, где она несущественна²⁵.

Заметим, что точка зрения учителя и точка зрения обученных им учеников в этом вопросе совпадают. Правда, ученик может, например, настаивать на том, что учитель напрасно счел некоторое конкретное начертание в его тетради за букву *o*, тогда как оно в действительности воплощало букву *a*, однако он не станет утверждать, что сама разница между буквами *o* и *a* несущественна.

Итак, при описании II рода мы можем непосредственно использовать тот факт, что сами носители графической системы отчетливо различают два рода отклонений некоторого конкретного начертания от того, которое требуется. В одном случае они говорят: “Эта буква (эта запятая и т. п.) плохо (некрасиво, неразборчиво) написана”; в другом — “Здесь ошибка”, “Здесь написана не та буква, которая нужна”, “Здесь написано *a* вместо *o* (запятая вместо точки, строчная *a* вместо прописного и т. п.)”.

Критерий существенности при описании II рода состоит, таким образом, в том, что существенно такое и только такое различие между начертаниями, которое сами носители графической системы оценивают вторым из указанных способов. Иначе говоря, при ответах первого типа мы имеем дело с каллиграфическими вариациями, при ответах второго типа — с разными графемами.

В соответствии с общей схемой значения терминов вида “X-ема” — “алло-X” (§ 2), этим критерием существенности и определяется

²⁴ Можно представить себе и просто упражнение по списыванию текста с книги.

²⁵ Следует исходить из того, что перед нами учитель, не признающий права учеников на какое бы то ни было пунктуационное или орфографическое варьирование, но в то же время не обращающий внимание на дефекты почерка.

понимание графемы. Графемой при описании II рода оказывается, таким образом, совокупность всех начертаний, которые самими носителями графической системы воспринимаются как “то же самое” (тогда как всякая замена в тексте одной графемы на другую воспринимается ими как переход от одной цепочки символов к другой и, следовательно, со “школьной” точки зрения, как потенциальная ошибка). Понятно, что при таком подходе в примерах, разобранных в §§ 5—6, *и* и *і*, *ь* и *ѣ*, *ь* и *й* и т. д. будут признаны разными графемами.

§ 9. Рассмотрим некоторые более частные вопросы, связанные с описанием II рода.

Как уже было указано в § 4, слово “буква” в русской традиции и его эквиваленты в западноевропейских традициях означает пару графем, состоящую из строчной графемы и соответствующей прописной. Однако в некоторых традициях слово, которое принято переводить на русский язык как “буква”, фактически используется несколько иначе, а именно, как одна и та же буква рассматриваются омофоничные графемы, дополнительно распределенные относительно графического контекста (или границ словоформы). Так, в арабской графике единой буквой считаются начальное (т. е. применяемое в начале словоформы), срединное, конечное и изолированное начертания, передающие одну и ту же согласную фонему (различия строчных и прописных графем здесь нет).

В греческой графике как единую букву принято рассматривать графемы σ и ς (вторая применяется на конце словоформы, первая в прочих случаях). При этом в современной греческой графике (в отличие от древней) имеется также и противопоставление строчных и прописных графем, например, α и Α . Здесь понимание слова “буква” определяется взаимным наложением обоих рассмотренных принципов: графемы σ , ς и Σ считаются одной и той же буквой (“сигма”).

Заметим, что для всех обсуждавшихся графических систем (русской, западноевропейских, арабской, греческой) исторически первоначальным было состояние, которое огрубленно можно представить так: каждой нынешней букве здесь соответствовала ровно одна графема (иначе говоря, буквой называлась просто графема). В ходе истории число графем выросло из-за дифференциации по признаку “строчные — прописные” и/или по позиции в словоформе, а традиционное представление о числе и составе букв в основном сохранилось. В результате слово “буква” перестало означать графему и получило свое нынешнее содержание (несколько различное в разных традициях).

Итак, традиционный термин “буква” фактически означает некоторую совокупность омофоничных графем (в частном случае всего одну графему); какие именно омофоничные графемы объединяются в одну букву, а какие нет, определяется соответствующей культурно-исторической традицией. Например, σ и ς , находящиеся в до-

полнительном распределении, считаются одной буквой, а *u* и *i*, находящиеся в таком же соотношении, не считаются²⁶.

§ 10. При обучении грамоте обучаемому прежде всего сообщают алфавит и учат различать между собой все буквы, из которых он состоит. Поэтому различие между двумя разными буквами для пишущего всегда существенно, т. е. разные буквы — это всегда разные графемы (обратное же, как мы видели, неверно).

Таким образом, простейший способ установить минимальный список графем, различаемых некоторым лицом, — это познакомиться с тем алфавитом, по которому его учили грамоте. (Для установления полного инвентаря графем необходимо, кроме того, выявить, какие различия внутри букв являются для него существенными и какие используются вспомогательные графемы.)

При анализе графической системы часто приходится сталкиваться с проблемой “единая графема или сочетание графем?”. Она возникает в связи с тем, что графема не обязательно должна быть графически связной и, с другой стороны, две стоящие рядом (или одна над другой) графемы не обязательно должны быть графически раздельны. Таким образом, по одному лишь внешнему виду, например, русского *ы*, чешского *č* или французского *é* еще никак нельзя установить, сколько здесь графем.

Для описаний II рода основным источником ответов на такие вопросы служит алфавит²⁷. Практически можно исходить из того, что всякое начертание, занимающее отдельное место в алфавите, представляет собой единую букву, за исключением того особого случая, когда это начертание состоит из двух или более несвязных частей, каждая из которых занимает, кроме того, свое отдельное место в алфавите. Подобное особое начертание всегда представляет собой диграф или триграф (см. ниже § 11); его можно назвать алфавитными диграфом (триграфом).

Рассматривая записи алфавитов (разных языков), содержащиеся в разных современных изданиях, можно, например, заключить, что: 1) русск. *ы*, *й*, чеш. *č*, *š*, *ž*, польск. *ą*, *ę*, *ó*, *ź*, *ż* и др., швед. *ä*, *ö* трактуются как единые буквы; 2) русск. *á*, *ó*, *é* и т. д. (со знаками

²⁶ К сожалению, в лингвистической литературе о графемах слово “буква” иногда используется в совершенно другом значении, а именно, для обозначения того, что выше названо начертанием. Источником такого словоупотребления является предложенная И. А. Бодуэном де Куртеном терминологическая пропорция “фонема : звук = графема : буква” (ср. Указ. соч., с. 16). С нашей точки зрения, эта пропорция неудачна, поскольку, в отличие от слова “звук”, которое в обиходном языке не имеет какого-либо строгого значения, слово “буква” уже в течение многих веков фактически используется как термин (причем передающий не более узкое понятие, чем “графема”, а более широкое или равное ему).

²⁷ При описаниях I рода приходится привлекать сведения об уникальности или повторяемости спорного графического элемента (например, гачека) и о возможности или невозможности приписать ему самостоятельную функцию (одинаковую во всех случаях его появления); впрочем, принципы такого анализа недостаточно разработаны. Результаты такого анализа могут сильно расходиться с описаниями II рода.

ударения), франц. *ç, é, è, ê, ô* и т. п., нем. *ä, ö, ü* трактуются как сочетания “буква + вспомогательная графема”; 3) чеш. и словацк. *ch*, венг. *gy, ly, ny, ty, cs, sz, zs*, сербскохорв. (в латинице) *lj, nj*, испан. *ll* трактуются как алфавитные диграфы. Заметим, что в алфавитах большинства языков алфавитных диграфов нет; например, такие диграфы, как нем., англ., франц., польск. *ch*, англ. *sh, th, ea, au* т. д., не являются алфавитными.

Необходимо учитывать, однако, что вопрос о том, составляет ли, например, *й* единую букву или букву *и* со вспомогательной графемой, не имеет для пишущего той прямой практической значимости, как вопрос о существенных и несущественных различиях между начертаниями. В самом деле, пишущий прежде всего понимает, что *й* существенно отличается от *и* (например, нельзя писать *стои* вместо *стой* и т. п.); это главное обстоятельство никак не меняется от того, сколько графем усматривается в *й*.

Соответственно, в вопросе “единая графема или сочетание графем” традиционные представления могут быть менее устойчивы, чем в вопросе “разные графемы или аллографы”. Так, например, русское *ё* в одних источниках включено в алфавит (и, следовательно, расценивается как единая буква), а в других нет.

Следует особо отметить сферу, для которой состав алфавита (со всеми подробностями, включая проблему “единая графема или сочетание графем”) имеет прямое практическое значение: это алфавитные словари. При определении места слова в словаре всякая единая буква и всякий алфавитный диграф выступают как особое неделимое целое, а вспомогательные графемы игнорируются²⁸. Важно учитывать, однако, что словари иногда трактуют две разные буквы традиционного алфавита как занимающие одно и то же место в алфавитном порядке (что равносильно изменению традиционного способа выделения букв). Например, литовские словари трактуют таким образом буквы *i* и *y*. Все русские словари так же трактуют *e* и *ë* (при этом что *ë* по крайней мере в части источников включается в алфавит, т. е. выступает как особая буква). Таким образом, строго говоря, необходимо различать основной алфавит (употребляемый, в частности, при обучении грамоте) и словарные алфавиты, которые могут в некоторых деталях отклоняться от основного.

§ 11. В заключение коротко рассмотрим тесно связанный с основной темой настоящей статьи вопрос о графике и орфографии. Наше изложение этого вопроса в принципиальных моментах строго следует классической схеме разграничения графики и орфографии, принадлежащей И. А. Бодуэну де Куртене²⁹.

²⁸ Они могут быть приняты во внимание лишь при размещении двух слов, которые по общим правилам должны были бы занять в словаре одно и то же место (например, франц. *sale* и *salé*).

²⁹ См.: И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., с. 41, 66, 76.

Термин “графическая система” может употребляться в узком и в широком смысле. В узком смысле он означает просто инвентарь общеобязательных графем, в широком смысле — этот же инвентарь и так наз. базисное соответствие между графемами и фонемами.

Базисное соответствие в принципе может быть описано различными способами. Практически чаще всего используется³⁰ способ, состоящий в указании так наз. базисного правила чтения для каждой графической единицы, т. е. графемы³¹ или графемного комплекса. Под графемным комплексом понимается такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисных правил чтения его компонентов (например, франц. *ch*, *au*, нем. *sch* и т. п.).

Две графические единицы с одинаковым базисным правилом чтения называются омофоничными (ср. упрощенную форму этого определения в § 4). Поскольку все графемы, образующие одну и ту же букву (см. § 4 и 9), омофоничны, базисные правила чтения могут формулироваться также непосредственно для букв. Соответственно, по аналогии с графемными комплексами можно выделять буквенные комплексы. Буквенный комплекс из двух букв называется диграфом, из трех — триграфом.

Базисное правило чтения графической единицы может представлять собой: 1) указание одной или нескольких фонем (или фонемосочетаний), передаваемых данной графической единицей, или 2) указание каких-то модификаций, которые данная графическая единица привносит в чтение соседних графических единиц. (Возможны также различные комбинации указаний первого и второго типа.)

Первый тип базисного правила чтения характерен для основных графем и для графемных комплексов, второй — для вспомогательных графем. Однако это распределение не строго: например, русск. *ъ* и *ь*, итал. *h* имеют базисные правила чтения второго типа.

Когда базисное правило чтения предусматривает для некоторой графической единицы более одного чтения, возможны два случая: а) в правиле указано также дополнительное распределение этих чтений относительно графического контекста³², б) такого указания в правиле нет. Пример случая “а”: англ. *c* читается как /s/ перед *e*, *i*, *y*, как /k/ в прочих случаях. Примеры случая “б”: латинские *a*, *e*, *i*,

³⁰ Например, в учебниках, кратких описаниях языка, приложениях к словарям и т. п. (в разделе, посвященном графике).

³¹ Однако функция знаков препинания описывается не базисными правилами чтения, а правилами иной структуры.

³² Никакие иные сведения о распределении чтений (например, списки морфем или слов) в базисных правилах чтения не допускаются. Правда, в практических руководствах правила чтения нередко сопровождаются так наз. “списками исключений”. Однако эти списки не должны квалифицироваться как составная часть базисного правила; в действительности они принадлежат к сфере орфографии (см. § 12). Таким образом, например, в базисное правило чтения русского *г* не может войти /в/ (поскольку это чтение ограничено лишь морфемой *-ого*, *-его*), в базисное правило чтения французского *ol* не может войти /э/ (которое представлено только в слове *monsieur*) и т. п.

о, и передают по две фонемы (одна из которых краткая, а другая долгая); итал. о передает /ɔ/ и /ò/, итал. z — /ts/ и /dz/ и т. п.

Из изложенного ясно, что базисные правила чтения, вообще говоря, могут быть составлены для одной и той же системы письма по-разному. Помимо того, что одни и те же факты могут быть отображены многими эквивалентными формулировками³³, возможны и некоторые расхождения по существу. Например, базисное правило чтения может отражать или не отражать некоторые относительно более редкие способы чтения данной графической единицы. Соответственно, и само понятие базисного соответствия между графемами и фонемами оказывается не столь жестко определенным, как понятие инвентаря графем.

Эта неопределенность существенно снижается, впрочем, следующим дополнительным требованием: если различное чтение некоторой графической единицы в разных положениях (даже если эти положения, с формальной точки зрения, можно описать в терминах графического контекста) фактически обусловлено синхронными фонетическими закономерностями языка, базисное правило чтения не должно отражать такого варьирования. Например, для русского ж в базисное правило всегда включается только чтение /ж/ (а не /ж/ и /ш/). Иначе говоря, базисные правила чтения не дублируют той информации, которая относится к сфере фонетической автоматки.

Пусть имеется некоторое “графическое слово”, т. е. цепочка идущих без пробелов основных графем, при которых могут быть также какие-то вспомогательные графемы. По базисным правилам чтения построим для этого графического слова соответствующую цепочку фонем³⁴; если в каких-либо местах базисное правило предписывает несколько фонем без указания их распределения, то возникает несколько альтернативных фонемных цепочек. Далее каждая из полученных фонемных цепочек преобразуется (по синхроническим правилам перехода от фонем к звукам³⁵) в соответствующую звуковую цепочку³⁶.

Назовем графическое слово *A* графически правильной записью³⁷ звуковой цепочки *a*, если при описанной выше обра-

³³ Например, можно отдельно описывать функции русской графемы *ь* или же рассматривать *бь*, *вь*, *дь* и т. д. как графические комплексы, и т. п.

³⁴ Разумеется, для однозначного осуществления этой операции нужны более детальные формальные указания (например, графемные комплексы должны обрабатываться раньше, чем одиночные графемы, и т. п.); однако здесь мы позволяем себе отвлечься от этой технической стороны дела.

³⁵ Предполагается, что в нашем распоряжении имеется описание языка, содержащее такие правила в явном виде.

³⁶ Заметим, что некоторые фонемные цепочки могут оказаться недопустимыми для данного языка; они не подлежат переводу в звуки. Графическое слово, которому отвечают только такие фонемные цепочки, выбывает из рассмотрения (оно “непроизносимо”). Имеются и другие частности, в которые мы здесь не вдаемся (например, в русском языке фонемная цепочка с необозначенным местом ударения должна быть преобразована в несколько альтернативных звуковых цепочек с разными ударениями и т. п.).

³⁷ Вместо “запись” может быть сказано также “написание”.

ботке из этого *A* получается (быть может, в числе прочих) цепочка *a*. Например, любое из русских графических слов *мороз*, *мароз*, *морос*, *марос* является графически правильной записью звуковой цепочки [млрós].

§ 12. Орфография — это принятая в некотором обществе или коллективе³⁸ совокупность правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание (или написания). Нормой является такое положение, когда орфографически правильное написание входит в число графически правильных записей соответствующего звучания. Например, для русской словоформы со значением 'gelu' и звучанием [млрós] орфография предписывает написание *мороз* (одно из графически правильных; ср. выше). Однако в части случаев эта норма может нарушаться, т. е. орфографически правильное написание может и не быть графически правильным³⁹; примеры: русск. *того* (где *g* = /в/), франц. *monsieur* (*on* = /э/) и т. п., ср. сноску 32. Особенно много нарушений такого рода в орфографиях, "застывших" в том виде, как они сложились столетия назад (например, английской и французской).

В предельно "жесткой" орфографии для каждой словоформы предписано ровно одно орфографически правильное написание; к этому идеалу приближаются орфографии ряда современных языков. Менее "жесткая" орфография допускает то или иное количество орфографических вариантов. В принципе возможна система письма вообще без орфографии⁴⁰ (или, если угодно, с "нулевой" орфографией), т. е. такая, где всякую словоформу разрешается передавать любой из ее графически правильных записей (и никак иначе). Если при этом базисное соответствие между графемами и фонемами устроено так удачно, что всякая звуковая цепочка имеет ровно одну графически правильную запись, то перед нами "идеальная" система письма, где нет ни орфографии, ни вариативности.

Понятно, что основная масса орфографических правил — это в сущности правила распределения: а) для омофоничных графических единиц; б) для единиц, которые омофоничны в части графических позиций (ср., например, англ. *k* и *s*, которые в позиции не перед *e*, *i*, *y* читаются одинаково как /k/); в) наконец, для графических единиц, которые в определенных условиях конкурируют друг с другом из-за того, что противопоставление соответствующих фонем может нейтрализоваться (ср. русские *o* и *a*, *c* и *з* и т. п.). Так, в дореволюционной русской орфографии имелись, в частности, определенные

³⁸ Изредка встречается также индивидуальная (т. е. соблюдаемая всего одним лицом) орфография.

³⁹ Ср.: Щерба Л. В. Теория русского письма // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 147.

⁴⁰ Ср.: Щерба Л. В. Указ. соч. С. 149.

правила выбора между *и* и *і*, между *ѣ* и *ѣ* и т. д.; как прежняя, так и нынешняя русская орфография предписывает определенные принципы выбора между буквами *о* и *а*, *с* и *з* и т. п. для тех случаев, когда их реальные чтения совпадают.

Образно выражаясь, орфография — это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней свободы в передаче звучания, которые предоставляет графическая система. Приемы, используемые в этой “борьбе”, могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, орфографические правила могут требовать учета самых различных аспектов слова или передаваемого им понятия (графика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис, семантика; происхождение слова; степень уважения пишущего к соответствующему понятию и многое другое). Разнообразна также форма орфографических правил. Так, одни из них сформулированы в общем виде (т. е. применимы к целым классам слов), другие касаются только слов или морфем, заданных списком. Одни прямо указывают графему, которую следует писать в рассматриваемых случаях, другие указывают лишь путь к ее нахождению (ср. тест с проверкой родственных слов и т. п.).

Орфография в значительной мере открыта для новшеств, вводимых отдельными лицами или их группами. Соответственно, она может быть сознательно ориентирована на простоту, последовательность и общедоступность или, в другой социальной ситуации или среде, напротив, на усложненность, труднодоступность, элитарность. Как известно, во всех странах средневековой Европы существовало множество орфографических школ; унификация и даже государственная регламентация орфографии представляет собой исторически позднее явление. Отметим, что отсутствие полной стабильности и единообразия свойственны не только орфографии, но и графике, однако в этой сфере масштабы вариаций существенно меньше.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГРАФИКА СО СМЕШЕНИЕМ Ъ — О И Ь — Е

§ 1. В работах В. Н. Сидорова по современной и исторической русистике мы находим замечательные образцы того, как конкретные языковые факты получают смысл и порядок в свете фонологической и грамматической теории. Стараясь следовать таким образцам, мы разбираем ниже одну частную проблему древнерусского письма, где для решения спорных вопросов, как представляется, необходимо включение наблюдаемых фактов в рамки более широкого анализа закономерностей графики и орфографии.

Давно известно, что во многих древнерусских памятниках XI—XIV вв. (но также и позднее) имеются случаи употребления буквы *о* вместо требуемого нормой *ѡ* или наоборот, равно как случаи употребления буквы *е* вместо требуемого нормой *ь* или наоборот. Смешение *ь* с *е* нередко сопровождается также смешением их обоих с *ѣ*, что дает тройное смешение *ь — е — ѣ*.

У этих смешений имеются лишь следующие ограничения (почти никогда не нарушаемые): 1) в начале графического слога (т. е. не после согласной буквы) буквы *ѡ* и *ь* невозможны; 2) в составе диграфа *оу* невозможна замена *о* на *ѡ*; в составе диграфа *ѣи* (= буквы *ѣ*) невозможна замена *ѣ* на *о*. В остальном указанные смешения в принципе возможны в любой позиции.

Самый известный памятник этой категории — список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. Такое же явление отмечается, хотя и в ограниченной степени, также во многих книжных памятниках. Особенно широко это явление представлено в берестяных грамотах, а также во многих надписях — на стенах церквей, на иконах и др.

Данное явление традиционно обозначается как смешение *ѡ* с *о* (соответственно *ь* с *е*). Это название — не вполне удачное. Дело в том, что слово “смешение” в обычном употреблении предполагает элемент ошибочности и хаотичности. Между тем в данном случае явно не следует предрешать вопрос о том, являются ли рассматриваемые написания простыми ошибками или нет. Соответственно, более уместным здесь было бы нейтральное название типа “взаимозамена”.

Мы предпочитаем, однако, не отказываться от удобного своей краткостью и привычностью традиционного термина “смешение”, но принять его лишь в качестве условного обозначения, за которым стоит только простая констатация факта нестандартного употребления указанных букв, никак не предвосхищающая решения вопроса о механизме такого употребления.

Приведем здесь цитируемую (см., в частности, Страхов 1995, с. 252) в связи с данным вопросом выдержку из А. И. Соболевского (1900, с. 189): «... позволим себе попенять ему (Б. М. Ляпунову. — А. З.) за то, что он принял грамоту 1229 года с ее смешением ъ и о, ъ и е, ѓ за нечто в своем роде единственное. Подобная орфография не редкость в XII—XIV веках в разных местах тогдашней Руси; с нею мы встречаемся даже в XV и XVI веках. Одни памятники пользуются ею так же, как грамота 1229 года; в других она проведена более или менее слабо. (...) Эти данные показывают, что смешение ъ, ъ с о, е, ѓ не имеет никакого фонетического основания». Нефонетическая природа данного явления констатирована здесь совершенно четко. К сожалению, не вполне однозначен используемый А. И. Соболевским термин “орфография”: он может означать как орфографическую (или даже графическую) систему, так и просто реальное состояние написаний в конкретном памятнике¹.

В статье Зализняк 1982 был выдвинут тезис, что смешение ъ — о и ъ — е (равно как и ѓ — е) является элементом особой графической системы, отличавшейся от наиболее распространенной древнерусской графической системы (“стандартной”) иными правилами употребления некоторых букв — в первую очередь ъ, ъ, о, е². Эта система была обозначена как “бытовая”.

Было обнаружено, что в рамках данной системы подавляющее большинство берестяных грамот написано без ошибок или почти без ошибок. Главным практическим следствием этого стал отказ от господствовавшего в то время взгляда на берестяные грамоты как на записи, кишашие ошибками, и принятие гораздо более строгих, чем прежде, критериев того, какие интерпретации текста берестяных грамот могут считаться приемлемыми. Соответственно, возникла необходимость пересмотра многочисленных произвольных прочтений, порожденных указанным взглядом, и, действительно, большое число грамот получило уточненное чтение, нередко сильно отличающееся от первоначального. При этом обнаружилось, что также и в синтаксическом отношении и с точки зрения точности выражения мысли тексты берестяных грамот гораздо более строгие и совершенные, чем предполагалось вначале. Отпали те интерпретации, при которых

¹ Считал ли А. И. Соболевский, что указанные смешения представляли собой ошибки, из его текста неясно. Возможно, что в соответствии с духом времени сама постановка такого вопроса не представляла в его глазах научного интереса.

² См. также НГБ 1977—83, с. 94—95, 103—105.

текст грамот предстал как беспомощное нагромождение слов или даже их фрагментов. С лингвистической точки зрения главным результатом пересмотра прежних интерпретаций оказалось выявление ряда важных фонетических и морфологических особенностей древненовгородского диалекта, проявления которых первоначально истолковывались как ошибки записи или вообще исчезали из поля зрения в силу ошибочного словоделения и т. п.

За последние 15–20 лет интерес к изучению берестяных грамот резко возрос. Посвященные им статьи и книги появляются во многих странах мира. Безусловное большинство этих работ *de facto* построено на принятии (обычно даже специально не декларируемом) указанного тезиса и вытекающих из него следствий. В частности, истолкования тех или иных пассажей в берестяных грамотах как простых ошибок записи предлагаются ныне уже довольно редко и не с легкостью, характерной для интерпретаторов 50-х — 60-х годов, а обычно лишь после исчерпания других возможностей интерпретации.

Но в некоторых работах выдвигаются и возражения против указанного тезиса. Их можно, по-видимому, свести к двум основным утверждениям (не согласующимся между собой): 1) перед нами не бытовая, а книжная графическая система; 2) перед нами не система, а просто ошибки письма. Первое утверждение выдвигает А. Б. Страхов (1995, с. 252–270). Второе утверждение есть не что иное, как позиция большинства авторов, писавших о берестяных грамотах в 50-е и 60-е годы³. Но оно повторено и в совсем недавнее время — В. Б. Крысько (1998, с. 74) пишет: «Впрочем, в смешении букв ъ и ь, присущем отнюдь не только “бытовой системе письма”, но и многим книжным текстам ..., трудно усматривать особый орфографический прием, но кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков».

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы разобрать проблему древнерусской графики со смещением ъ — о и ь — е более подробно, чем это было сделано в краткой статье 1982 г., уделив внимание также выдвинутым критиками возражениям. (Заметим, что для логики изложения мы должны будем при этом в части случаев повторить аргументы, уже приводившиеся в указанной статье; но они будут развиты более полно). Попутно затрагиваются также связанные с данной проблематикой вопросы о смешении ѣ с е (и ь) и ц с ч.

Бытовая или книжная графика

§ 2. В вопросе о бытовом или книжном характере графики со смещением ъ — о, ь — е следует различать два аспекта: 1) степень реальной употребительности данного типа графики в разных жан-

³ На этой же позиции стоял В. Кипарский (1960), который объяснял смешение ъ с о и ь с е, ѣ в списке А договора 1229 г. тем, что его писал не русский, а иностранец.

рах древнерусской письменности XII—XV вв.; 2) происхождение данного типа графики.

Называя графику данного типа “бытовой”, я имел в виду первый из этих аспектов. Вопросы о том, в какой социальной сфере она первоначально возникла, я практически не касался.⁴ Таким образом, термин “бытовой” должен пониматься как наименование по функции, причем именно по той функции, в которой мы реально застаем эту систему в XII—XV вв. (а не по гипотетической первоначальной функции).

А. Б. Страхов (1995) собрал обширный материал с целью показать, что графика такого типа была распространена в книжной письменности XII—XVI вв., и тем самым опровергнуть квалификацию ее как бытовой. Но в действительности его материал оказывается превосходным свидетельством как раз против его тезиса (если иметь в виду первый из указанных выше аспектов), а именно, этот материал с чрезвычайной ясностью показывает, что в XII—XV вв. графика со смешением ъ — о, ъ — е играла в книжной письменности неизмеримо более скромную роль, чем в бытовой.

Дело в том, что А. Б. Страхов строит все свои рассуждения в полном отвлечении от количественного фактора. Он не замечает никакой разницы между памятником, где замена ъ на о встречается в 25, 50 или 100% случаев, и памятником, где она встречается один раз на одну-две или целый десяток страниц текста.

Так, например, в Евсевиевом евангелии А. Б. Страхов указывает около 160 случаев мены ъ — о и ъ — е. Длина памятника — 140 листов, порядка 33 тысяч слов. Общее количество точек, где должны выступать буквы ъ, ъ, о, е (кроме тех, где мена невозможна в силу указанных выше общих ограничений), здесь, исходя из обычных средних соотношений, должно составлять порядка 24 тысяч. Это значит, что писец Евсевий допускает указанные мены примерно в 0,7% случаев (или чуть больше одного раза на две страницы). Мы взяли здесь один из самых насыщенных менами книжных памятников, указанных А. Б. Страховым⁵. Для большинства прочих памятников из его списка эти показатели будут еще намного ниже (нередко речь идет лишь просто о том, что в данном памятнике замечено 3—4 примера мены).

Нужно ли говорить, что сам этот список составляет лишь малую крупницу общего фонда книжной письменности, т. е. господствуют в этом фонде рукописи, где указанных смешений просто нет.

⁴ Было высказано лишь общее предположение (НГБ 1977—83, с. 104), что графическая эквивалентность ъ, ъ и о, е “исторически связана прежде всего с представленной, как показал Н. Н. Дурново, по крайней мере в части древнерусских школ церковного чтения манерой читать ъ как о, а ъ как е”. Конкретные пути и детали формирования этой особой графической системы не обсуждались.

⁵ По оценке В. М. Живова (1984, с. 262), коэффициент таких замен может доходить в отдельных случаях до 2%.

§ 3. Сравним эти данные с берестяными грамотами. В корпусе берестяных грамот доля таких, где указанное смешение вообще есть, очень велика. В разные периоды она различна. На протяжении двух с половиной веков — с середины XII по конец XIV в. — она превышает 50%, а в середине XIII в. достигает 95% (подробнее см. ниже, § 21–22).

В берестяных грамотах, смешивающих τ , ψ с o , e , частота таких смешений может быть различной. В некоторой их части (небольшой) смешения отмечаются лишь изредка, т. е. картина здесь в какой-то степени сходна с обсужденными выше книжными памятниками. Но гораздо больше таких грамот, где смешение встречается очень часто.

Следует различать грамоты с двусторонним и с односторонним смешением двух букв, например, τ и o . В первом случае (который мы обозначаем $\tau = o$) встречаются замены как в ту, так и в другую сторону по сравнению с обычными написаниями. Во втором случае наблюдаются замены только в каком-то одном направлении, например, от τ к o (обязательную замену мы в этом случае обозначаем $\tau \rightarrow o$, факультативную — $\tau \rightarrow \tau/o$ или $\tau \rightarrow o/\tau$).

Условимся отмечать обычное (“стандартное”) древнерусское написание угловыми скобками. Так, например, нестандартные написания *домо*, *сьло* соответствуют стандартным (*домъ*), (*село*) (можно записать это и так: *дом(ъ)*, (*с(ело)*). Соответственно, мы можем говорить о точках с $\langle \tau \rangle$ или точках с $\langle o \rangle$ в той или иной словоформе, независимо от того, какие буквы реально стоят в этих точках в интересующем нас памятнике, например, о точках с $\langle \tau \rangle$ в словоформе, записанной как *присолало* (поскольку в стандартной записи этому соответствует $\langle \text{присълалъ} \rangle$).

Примечание. Слово “стандартный” в данном случае нужно понимать просто как условное обозначение наиболее распространенного в книжной письменности древней Руси типа написаний (ср. НГБ 1977–83, с. 93–94). Не следует приписывать ему значения “нормативно-обязательный” и в особенности значений, свойственных английскому слову *standard* (“образцовый”, “наилучший”).

При одностороннем смешении, например, замене τ на o , но не наоборот, частота замен в классе точек с $\langle \tau \rangle$ может варьировать от значений, близких к нулю, до 100%. При 100% мы имеем дело с эффектом $\tau \rightarrow o$, при меньших значениях — с эффектом $\tau \rightarrow \tau/o$.

Приведем примеры относительно больших берестяных грамот со 100%-ной заменой. Эффект $\tau \rightarrow o$: № 644 (10-е — 20-е гг. XII в.) — слабый $\langle \tau \rangle$, последовательно заменяемый на o , встретился 17 раз⁶; № 630 (2 четв. XII в.) — 12 раз; № 227 (3 четв. XII в.) — 20 раз; № 531 (рубеж XII/XIII вв.) — 47 раз; № 601 (то же время) — 14 раз; № 439 (то

⁶ Разумеется, такой же замене подвергся и всякий сильный $\langle \tau \rangle$. Но для полной надежности мы здесь и во всех последующих примерах сильные редуцированные из подсчетов исключаем, чтобы снять подозрение, что мы имеем дело просто с записью “просившейся” гласной.

же время) — 13 раз; блок 390 (конец XIII в.) — 34 раза; № 622 (2 пол. XIV в.) — 12 раз. Эффект $\text{ь} \rightarrow \text{е}$ (сопровождается, вдобавок, эффектом $\text{ѣ} \rightarrow \text{е}$): № 624 (2 пол. XII в.) — слабый (ѣ) встретился 6 раз (и еще 4 раза встретился (ѣ)); № 705 (нач. XIII в.) — 9 раз (и 10 раз (ѣ)); № 439 (см. выше) — 5 раз (и 7 раз (ѣ)).

Заметим, что эффект $\text{ъ} \rightarrow \text{о}$ означает отсутствие буквы ѣ в практическом инвентаре букв пишущего (ѣ как составная часть буквы ѓ не в счет); при эффекте $\text{ь} \rightarrow \text{е}$ то же верно для буквы ѣ. Такая ситуация книжным памятникам неизвестна вообще.

При заменах, направленных в сторону ѣ, буква о в инвентаре букв всё же сохраняется, поскольку, как уже указано, она не подлежит замене на ѣ в начале графического слога и в составе *оу*. Буква е может выпасть из инвентаря букв только в том случае, если все постконсонантные е заменяются на ѣ, а в начале графического слога последовательно пишется к. Формулы $\text{о} \rightarrow \text{ѣ}$, $\text{е} \rightarrow \text{ѣ}$ ниже означают последовательную замену во всех позициях, не подпадающих под указанные выше общие ограничения.

Примеры эффекта $\text{е} \rightarrow \text{ѣ}$: № 630 (2 четв. XII в.) — (е) после согласной встретилось 9 раз (вдобавок здесь еще эффект $\text{ѣ} \rightarrow \text{ѣ}$; (ѣ) встретился 9 раз); № 510 (1 пол. XIII в.) — (е) 20 раз. Чистого эффекта $\text{о} \rightarrow \text{ѣ}$ в сколько-нибудь длинных грамотах пока не отмечено.

Приведем также некоторые примеры не вполне последовательных односторонних замен.

Эффект $\text{ъ} \rightarrow \text{о}/\text{ѣ}$: № 705 (нач. XIII в.) — в 19 случаях (ѣ) записан в виде о, но один раз (*азъ*) — в виде ѣ; блок⁷ грамот Григория (2 пол. XIV в.) — в 42 случаях (ѣ) записан в виде о, один раз (*тогодѣ*) — в виде ѣ. Эффект $\text{о} \rightarrow \text{ѣ}/\text{о}$: блок 685 (3 четв. XII в.) — в 11 случаях (о) записано в виде ѣ, один раз (*полѣ*) — в виде о. Эффект $\text{е} \rightarrow \text{ѣ}/\text{е}$: № 752 (рубеж XI/XII вв.) — в 11 случаях (е) записано в виде ѣ, один раз (*аже*) — в виде е. Можно говорить, таким образом, в этих случаях соответственно о 95%, 98%, 92%, 92% замен. Здесь взяты примеры, где процент замен весьма высок. Можно указать множество других берестяных грамот того же типа, где процент замен ниже, но все равно во много раз превосходит тот уровень, который мыслим для книжных памятников.

Рассмотрим теперь случаи двустороннего смешения. Здесь возможны разнообразные варианты, но они в общем тяготеют к одной из двух типовых ситуаций, которые на примере пары ѣ — о могут быть представлены так: 1) как (ѣ), так и (о) в большинстве случаев записывается стандартно; 2) в классе точек с (ѣ) и в классе точек с (о) распределение записей через ѣ и через о примерно одинаково (допустим, и там и там примерно в трех четвертях случаев пишется о).

Ярким примером ситуации первого рода служит список А смоленского договора 1229 г. Картина здесь такова (для (о) и (е) не учитываются точки, где замена на ѣ, ѣ запрещена):

⁷ Т. е. совокупность грамот, написанных единым почерком.

Класс точек и его численность	Запись через:				
	τ	o	υ	e	ѣ
слабые $\langle\tau\rangle$ (ок. 140)	91%	9%	—	—	—
$\langle o\rangle$ (ок. 530)	13%	87%	—	—	—
слабые $\langle\upsilon\rangle$ (ок. 240)	—	—	60%	34%	6%
$\langle e\rangle$ (ок. 360)	—	—	17%	67%	16%
$\langle\text{ѣ}\rangle$ (ок. 140)	—	—	14%	27%	59%

Как можно видеть, во всех строках отчетливо преобладает стандартная запись. Но процент замен (особенно в группе $\upsilon - e - \text{ѣ}$) при этом весьма значителен. Подобные примеры (конечно, при гораздо меньшем объеме материала) имеются и среди берестяных грамот.

Ситуация второго рода наблюдается во многих берестяных грамотах. Ограничимся наиболее наглядными примерами.

Грамота № 831 (сер. XII в.). Из τ и o автор предпочитает o , из υ и $e - \text{ѣ}$. Записей через o в классе $\langle\tau\rangle$ 72%, в классе $\langle o\rangle$ — 89%. Записей через υ в классе $\langle\upsilon\rangle$ 87%, в классе $\langle e\rangle$ 82%. Поскольку даже в относительно больших берестяных грамотах материала для серьезной статистики недостаточно, точному количеству процентов здесь, разумеется, не следует придавать большого значения; существенна лишь общая картина.

Грамота № 419 (берестяная книжечка с церковным текстом; рубеж XIII/XIV вв.). У этого писца такие же предпочтения, как у предыдущего. Записей через o в классе $\langle\tau\rangle$ 92%, в классе $\langle o\rangle$ 96%. Записей через υ в классе $\langle\upsilon\rangle$ 80%, в классе $\langle e\rangle$ 71%, в классе $\langle\text{ѣ}\rangle$ — 86%.

Грамота № 531 (рубеж XII/XIII вв.). Из υ и e автор предпочитает e : записей через e в классе $\langle\upsilon\rangle$ 92%, в классе $\langle e\rangle$ 91% (кроме того, в грамоте представлен эффект $\text{ѣ} \rightarrow e$, т. е. в классе $\langle\text{ѣ}\rangle$ таких записей 100%).

Смоленская берестяная грамота № 12 (сер. XII в.). Из τ и o автор предпочитает τ : записей через τ в классе $\langle\tau\rangle$ 90%, в классе $\langle o\rangle$ 83%.

Понятно, что в ситуации первого рода писец в какой-то степени ориентирован на соблюдение норм стандартной записи. В ситуации второго рода такой ориентации нет; преобладание той или иной из двух букв определяется просто индивидуальным предпочтением пишущего, а на различие между $\langle\tau\rangle$ и $\langle o\rangle$ он не обращает внимания.

В книжных памятниках известны только примеры ситуации первого рода, причем с чрезвычайно низким процентом замен (ср. выше о Евсевиевом евангелии). Ситуация второго рода в книжных памятниках вообще не встречается.

Сравнивая смещение $\tau - o$, $\upsilon - e$ в книжной письменности и в бытовой, нужно также учитывать следующее. Способ записи, реализуемый в одном проценте случаев или того реже, никак не может рассматриваться как норма. Почти все примеры, собранные А. Б. Страховым, отражают не что иное, как случаи отклонения писцов от той системы записи, которую они сами расценивали как правильную и престижную. Многочисленные примеры исправлений подобных на-

писаний в книжных памятниках (см. Успенский 1988, с. 154–158) ясно свидетельствуют о том, что книжные писцы сами воспринимали их как оплошность, как проскользнувшее по недосмотру проявление не принятой для книг манеры письма.

Напротив, для бытовой письменности, где процент смешений может быть сколь угодно высок, естественно предполагать, что большинство писавших относилось к записям типа *ихъ* и типа *ихо* как к одинаково правильным. Как известно, авторы берестяных грамот тоже иногда вносили исправления в свой текст. При этом, однако, в грамотах со смешениями исправлений в сторону стандартного написания практически нет. Можно указать, например, написание *коуно*, переправленное в *коунъ*, в грамоте № 526 (сер. XI в.); но сама эта грамота написана по стандартной системе, т. е. ее автор имел ту же установку, что и книжные писцы.

§ 4. Итак, проведенное сравнение показывает:

1) доля памятников, где обнаруживается (хотя бы в слабой форме) смешение ъ — о, ъ — е, в классе книжных памятников незначительна, тогда как в классе берестяных грамот в интервале с середины XII по конец XIV в. она составляет (в разные периоды) от 50 до 95%;

2) интенсивность такого смешения (в памятниках, где оно вообще имеется) составляет в книжных памятниках даже в самых ярких случаях один–два процента (обычно же малые доли процента), тогда как в берестяных грамотах она может достигать высших показателей: 100% при одностороннем смешении, одинакового соотношения числа записей с о и с ъ в классе ⟨о⟩ и в классе ⟨ъ⟩ при двустороннем смешении;

3) книжные писцы, судя по редкости замен данного типа в их записи и по многочисленным исправлениям, относились к ним как к погрешностям, тогда как для большинства авторов берестяных грамот следует предполагать, что они не видели в таких заменах ничего неправильного.

Нет сомнений, таким образом, что в рассматриваемую эпоху основной сферой применения того способа записи, который характеризовался смешением ъ с о и ъ с е, была именно бытовая, а не книжная письменность. Это значит, что квалификация данной системы как “бытовой” в целом удовлетворительно отражает реальный узус XII–XV вв.

Следует, впрочем, признать, что само слово “бытовой” лишь довольно приблизительно очерчивает основную сферу употребления этой системы, поскольку эта сфера реально включает не только частную переписку по вопросам повседневной жизни и записи для собственного пользования, но и юридические документы (обычно касающиеся частных лиц, но иногда и государственные), а также различные надписи (не только на бытовых предметах, но и на стенах церквей и на иконах). Однако более точные наименования оказыва-

ются слишком громоздкими для практического употребления в качестве термина.

Иной вопрос — как и в какой сфере сложилась графическая система со смешениями ъ — о, ь — е; см. об этом отдельно ниже (§ 20).

Графическая система или просто ошибки

§ 5. Для серьезного разбора данной проблемы необходимо вначале обсудить основные термины и общие положения из области изучения графики, орфографии⁸ и ошибок письма. (Оговоримся, что речь пойдет только о буквенной графике; специфику графических систем других типов нам здесь разбирать нет нужды).

Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем.

Под графемами понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными (и, соответственно, имеют разные наименования). Так, в древнерусском письме различными графемами являются, например, *a* и *o*, но также *ѡ* и *Ѡ*, *o* и *ω*, *и* и *і*, *o* и *o* (широкое), *e* и *κ*. Различие графем не исключает возможности таких ситуаций, когда какие-то две из них употребляются (в некоторой позиции или даже вообще) безразлично, скажем, *кси* и *еси*, *Тимоѡѣти* и *Тимоѡѣти*. В подобных случаях грамотный человек древней Руси несомненно понимал, что *кси* и *еси* — это два разных написания, хотя оба позволительны.

Графемы делятся на основные (используемые для записи словоформ) и вспомогательные (надстрочные знаки, кроме тех, которые являются частью буквы, знаки препинания и т. п.). Понятие основной графемы представляет собой важнейшее звено на пути к уточнению традиционного понятия буквы; подробнее см. Зализняк 1979, § 4 и 9. В настоящей работе мы будем практически иметь дело именно с буквами.

Основные правила употребления букв — это то же, что основные правила чтения. Их главная составная часть — указание основного чтения для каждой буквы алфавита и для всех диграфов и триграфов. В простейшем случае основное чтение — это одна конкретная фонема, например: /a/, /y/, /ш/, /j/ для русских букв *a*, *y*, *ш*, *й*; /ʃ/ для французского диграфа *ch*; /ʒ/ для польской буквы *ż*. Возможны также различные сопутствующие указания, например:

⁸ В вопросе разграничения графики и орфографии нет терминологического единства. Поэтому предлагаемое краткое изложение этого вопроса можно рассматривать как сообщение о том, как именно будут использоваться соответствующие термины в настоящей работе. В принципиальных вопросах мы следуем работе Бодуэна де Куртенэ (1912); подробнее см. Зализняк 1979. Специально отметим, что мы не претендуем здесь на введение "правильной" терминологии, в отличие от прочих, "неправильных". Любая терминология условна. Важно само различие выделяемых сущностей, какими бы ярлыками они ни были обозначены.

/и/ со смягчением предшествующей согласной — для русского *и*. В особых случаях фонем может быть две или более, с указанием правила распределения (не списочного) или без такого указания, например: /б/ (в общем случае) и /б'/ (перед *ь, е, и, ю, я, ё*) — для русского *б*; /к/ (в общем случае) и /с/ (перед *і, е, у*) — для французского *с*; /с/ или /з/ (без простого правила распределения) — для итальянского *з*. Более сложный особый случай состоит в том, что в роли основного чтения выступает не фонема, а только внесение определенного изменения в чтение соседней буквы; таково положение с русскими *ь* и *ъ*.

Назовем графически правильной запись некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась⁹. Например, для словоформы [слпѡк] графически правильны записи *сапог, сапок, сопог, сопок*.

Орфография — это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, *сегодня*. Предписанная орфографией запись называется орфографически правильной. При жесткой орфографии для любой словоформы орфографически правильная запись единственна, при менее жесткой в каких-то категориях случаев допускаются варианты.

Примечание. Орфография — необязательный элемент письменной системы. Там, где графика такова, что любой фонетической последовательности соответствует лишь одна графически правильная запись, орфография вообще не нужна.

Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написание единичного слова (или даже словоформы), скажем, *баран, собака*. В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов; например, индивидуальное правило, требующее писать *заря*, сильнее общего принципа, который требует для И. ед. *заря* такого же написания корня, как, в частности, в И. мн. *зѡри*.

⁹ Предполагается, что при этом будет соблюдена действующая в языке фонетическая автоматика, например, русское безударное /о/ реализуется в виде [а] или [э], конечное /д/ в виде [т] и т. п. (Сказанное нетрудно перифразировать на языке фонологии, но для наших целей нет нужды углубляться в возникающие при этом дополнительные терминологические проблемы).

Ввиду этой иерархии положение в орфографии несколько утрированно можно представить так: высшей инстанцией здесь является орфографический словарь, а все более общие правила получают статус более или менее эффективных приемов, позволяющих предсказать (но всё же без полной гарантии), какое написание даст орфографический словарь. В средневековом обществе, где орфографического словаря нет, в традиционных (не новаторских) школах письма в его роли обычно выступает некоторый корпус рукописей, который признается в данной школе орфографически авторитетным.

Для нас представляет специальный интерес тот факт, что в числе подобных приемов может быть и обращение к данным другого диалекта или языка. Например, носитель окающего говора при записи безударных гласных может опираться на свое произношение (хотя иногда он при этом и ошибется — например, напишет, в соответствии со своим произношением, *пором, рости, боран, стокан*).

§ 6. Необходимо также более подробно рассмотреть вопрос об ошибках письма и их видах.

Условимся называть ошибкой любое отклонение последовательности графем, образующей запись некоторого отрезка речи, от той, которая предписывается для такого отрезка речи действующими правилами графики и орфографии.

Ошибки можно подразделять с точки зрения: а) типа правил, которые они нарушают; б) породившей их причины.

С первой точки зрения различаются:

1) графические ошибки (= ошибки против графики = ошибки против звучания);

2) орфографические ошибки (= ошибки против орфографии).

Графическая ошибка — это запись, не входящая в число графически правильных, иначе говоря, такая, которая, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), дает, причем не в качестве одного из вариантов, а обязательно, не ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Примеры: *парохо, парход, паророход, паруход, пароход* вместо *пароход*.

Примечание. Имеется в виду произношение самого пишущего (а не нормативное). Если, например, он произносит [парухот], то в его записи *паруход* нет графической ошибки.

Орфографическая ошибка — это запись, не входящая в число орфографически правильных, но при этом графически правильная. Примеры: *параход, парохот*. Специально отметим, что в рамках предлагаемой терминологии запись вроде *сима* вместо *зима* (если автор произносит, как и прочие русские, [з'имá]) не относится к числу орфографических ошибок: это ошибка более низкого уровня — графического.

Со второй точки зрения различаются: 1) описки (т. е. ошибки, вызванные психофизиологическими причинами, связанными с меха-

никой письма); 2) собственно ошибки (вызванные другими причинами, в частности, незнанием или несоблюдением каких-то правил).

Заметим, что это разграничение — не стопроцентно четкое. Существенно также, что одна и та же ошибка в одних случаях может быть собственно ошибкой, а в других опiskeй. К счастью, для наших целей эти обстоятельства не имеют большого значения.

Среди описок необходимо выделить типовые описки, а именно:

1) пропуски (в частности, недописки) части слова, например, *парход, парохо*;

2) перестановка букв (или их последовательностей), например, *рапоход*;

3) повторение буквы или слога — в чистом виде или вместо того, что следовало написать, например, *паароход, паророход, папоход, параход*;

4) предвосхищение буквы или слога — вместо того, что следовало написать, или (реже) в чистом виде, например, *пороход, рароход*.

Ошибки, не входящие ни в одну из этих четырех групп, т. е. такие, которые не могут быть интерпретированы как типовые описки, мы будем называть немеханическими.

§ 7. Основной эмпирический факт, выявляющийся при наблюдении над записями со значительным числом ошибок (в ситуациях, где мы достоверно знаем как графическую систему, используемую пишущими, так и их произношение, т. е. в первую очередь в современных языках) состоит в следующем: подавляющее большинство ошибок против звучания составляют типовые описки.

Но у большинства пишущих, уже вышедших из начальной стадии обучения, количество типовых описок сравнительно невелико; лишь при крайней небрежности, спешке и т. п. их число может сильно возрасти. Подавляющее большинство так называемых вопиюще безграмотных записей, с которыми реально приходится сталкиваться, — это записи с массовыми ошибками не против звучания, а против орфографии. Например, в таких записях может встречаться бесчисленное количество примеров типа *сабака, пашол, приехол, сопогл*, но при этом отсутствуют примеры типа *намер* вместо *номер* или *спол* вместо *спал*. Другую категорию записей, производящих впечатление безграмотных, составляют записи носителей диалекта (или иностранцев), чья фонетика отличается от стандартной. В таких записях могут встретиться, например, *хвос, кось* вместо *хвост, кость*, *сем, восем* вместо *семь, восемь* и т. п.; но как уже указано выше, это не ошибки против звучания, если эти люди так и произносят.

Иную картину обнаруживают лишь записи детей (но также и взрослых), находящихся на самом начальном этапе обучения грамоте, — когда ученик еще нетвердо запомнил начертания букв и их основные чтения. На этой стадии, например, *н* может путаться с *и, б* с *в, у* с *х* и вообще что угодно с чем угодно. Но эта категория запи-

сей составляет лишь ничтожную долю в совокупном фонде записей, в том числе и бытовых. Главное же в том, что она легко может быть опознана — именно по признаку смешения букв, внешне похожих, равно как по многим другим признакам, выдающим отсутствие у автора всякого опыта письма. Среди берестяных грамот к этой категории, по-видимому, можно отнести лишь несколько каракулеобразных записей, где не читается вообще никаких целых слов. Все остальные находятся выше этого уровня. И уж заведомо не может быть и речи о том, что на таком уровне находился, например, писец списка А смоленского договора 1229 г.

Примечание. При обучении кириллице повышенную трудность для обучаемых составляет передача мягкости согласных, поскольку в этом случае различие согласных фонем отражается на письме не прямо, а косвенно — через выбор буквы для последующей гласной. Соответственно, ошибки типа *та* вместо *тя* и наоборот могут сохраняться и на более продвинутом этапе освоения графики. Однако и этот барьер подавляющим большинством пишущих преодолевается вполне успешно. В частности, в берестяных грамотах ошибки этого рода, которые нельзя было бы отнести за счет особенностей диалектной фонетики, встречаются чрезвычайно редко.

Немеханические ошибки против звучания, во-первых, встречаются в записях (кроме отмеченной категории, связанной с начальной стадией обучения) вообще очень редко, во-вторых, не образуют никаких однородных групп. Человек может, например, написать *кароход* вместо *пароход* по какой-то единичной случайной причине — скажем, потому, что у него мелькнуло в сознании слово *корабль*, и т. п., но эта ошибка в нормальном случае ни у него, ни тем более у других людей уже не повторится.

Указанный выше эмпирический факт означает, что, хотя имеется очень много пишущих, плохо владеющих (или даже совсем не владеющих) орфографией, практически всякий пишущий, уже вышедший из начальной стадии обучения, владеет основными правилами чтения (или, что равносильно, владеет графикой). Это утверждение можно обозначить как принцип графической компетенции нормального (т. е. вышедшего из начальной стадии обучения) пишущего.

Данный принцип *de facto* превосходно известен любому историку языка, работающему с письменными памятниками (хотя он обычно и не формулируется в явном виде). Именно он служит логическим фундаментом для всех умозаключений типа: «В памятниках такого-то языка (или диалекта) с такого-то века вместо *ѣ* в значительном количестве случаев встречается написание *и*; следовательно, не позднее этого века здесь произошел, хотя бы в некоторых говорах и хотя бы в некоторых позициях, переход [ѣ] > [и]». При этом во всех аккуратных рассуждениях такого рода непременно показывается, что приводимые примеры *и* вместо *ѣ* не могут быть объяснены как типовые описки, что их достаточно много, чтобы исключить версию о чистой случайности и что нет каких-то индивидуальных причин, по

которым именно те слова, где встретилась запись с *и* вместо *ѣ*, непоказательны. Если бы можно было допустить, что все отмеченные написания *и* вместо *ѣ* — это просто ошибки против звучания, простекающие лишь из нетвердости навыков письма у соответствующих писцов, умозаключения указанного классического типа потеряли бы всякую силу.

Каков характер ошибки, которую допускает писец, уже произносящий [с'іно] вместо прежнего [с'ѣно], когда он пишет *сино*, а не *сѣно*? Это, конечно, ошибка против орфографии, если орфографическая норма той эпохи требовала традиционного написания. Но против звучания (= против графики) здесь ошибки нет: буква *и* несомненно имела основное значение [и], следовательно, запись нашего писца графически правильна. Иначе говоря, этот писец никак не нарушил сформулированного выше основного принципа.

Историк языка пользуется здесь для своих заключений орфографической нетвердостью такого писца; но при этом он существенным образом опирается (как мы видели, с полным основанием) на презумпцию его графической компетенции.

§ 8. Можно ли заключить, что во всех случаях, когда мы наблюдаем то, что выглядит как массовые немеханические ошибки против звучания, мы имеем в действительности дело с отражением некоторого фонетического изменения?

Некоторые примеры показывают, что такое заключение было бы поспешным.

Рассмотрим вопрос о так наз. одноеровом письме в древней Руси. Уже давно установлено, что некоторые памятники XI—XII вв., писанные на Руси, используют лишь одну букву (обычно *ѣ*) на месте обоих этимологических редуцированных — **ѣ* и **ь* (см., в частности, Тот 1978), причем в числе этих памятников есть не только списки со старославянских оригиналов (где хотя бы в принципе можно предположить слепое копирование этих оригиналов), но и тексты, созданные на Руси, — прежде всего берестяные грамоты № 109, 380, 527, 586, 745 (а также свинцовая грамота № 1), к которым ныне добавился еще ряд грамот из недавних находок — № 821, 877, 900, 907.

Одноеровая графика на южнославянской территории может быть прямо или косвенно связана с тем, что в значительной части южнославянских диалектов **ѣ* и **ь* совпали. Но на восточнославянской территории нет никаких признаков такого совпадения — ни в каком из диалектов (частные явления, касающиеся лишь некоторых позиций, в данном случае в счет не идут).

Коль скоро это так, мы не можем объяснить написания типа *Пльскове* (вместо *Пль-*) в грамоте № 109 или *татѣбѣ* (вместо *татѣ-бѣ*) в грамоте № 907 как отражение перехода [ь] > [ѣ] в говоре соответствующих писцов. Поскольку версия о простом нагромождении ошибок ввиду систематического характера данного явления в рас-

смаатриваемом классе памятников тоже исключается, остается только одна возможность объяснения, не противоречащая сформулированным выше общим закономерностям. Она состоит в том, что писцы данного класса памятников были носителями несколько иной графической системы, чем та основная, которая представлена в большинстве древнерусских памятников. В этой графической системе буквы ъ просто не было, а у буквы ѣ было не одно, а два основных чтения — [ѣ] и [ь] (без каких-либо простых правил распределения).

Заметим, что системный характер одноеровой графики никто, собственно, и не оспаривает; никто не пытается объяснить одноеровые документы как продукты недостаточной грамотности писавших. Нам этот пример важен для того, чтобы он помог в дальнейшем разобратся с другими, уже не столь единодушно решаемыми графическими проблемами.

Пример одноеровой системы побуждает нас несколько шире рассмотреть вопрос о возможных “непрямых” (неидеальных) соответствиях между буквами и фонемами.

Одноеровая система есть пример системы, где двум разным фонемам соответствует лишь одна буква. В графических системах разных языков и разных эпох можно указать немало других примеров такого же рода. Так, в итальянской графике буквам *e*, *o*, *s*, *z* соответствует по две фонемы (/ε/ и /e/; /ɔ/ и /o/; /s/ и /z/; /c/ и /z/). В английской графике *th* передает /θ/ и /ð/. В словенской графике *e* передает три разных фонемы, *o* — две. В истории русского языка в подавляющем большинстве систем одинаково передавались на письме /ɔ/ и /δ/, /и/ и /j/ (после гласной). В современной русской графике (а именно, в ее обычном варианте, не использующем букву *ѣ*) *e* = /je/ и /jo/ (после согласной — /e/ и /o/).

И уж совсем обычная вещь (как в средневековых системах, так и в современных) — передача одной и той же фонемы двумя, тремя и более способами. Так, в древнерусском такое соотношение представлено в группах: *ou* ~ *y* ~ *ж* ~ *ѣ*; *ѣ* ~ *ѣ*; *o* ~ *ω*; *u* ~ *i*; *ч* ~ *ч* (в цокающих говорах). В новогреческом: *ι* ~ *η* ~ *ει* ~ *υ* ~ *οι* ~ *υι*; *ο* ~ *ω* и др.

Существенно то, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность такой ситуации, оба типа асимметрии (“две буквы — одна фонема” и “две фонемы — одна буква”) могут совмещаться в одном и том же фрагменте графической системы. Яркие примеры здесь могут быть приведены из истории русского языка. Так, буквы *и* и *і* передают фонемы /и/ и /j/, но без закрепления одной буквы за одной фонемой. Буквы *о* и *ω* передают фонемы /ɔ/ и /δ/, опять-таки без закрепления одной буквы за одной фонемой (если не считать некоторых редкостных школ письма). См. об этом подробнее НГБ 1977—83, с. 95.

§ 9. Рассмотрим теперь, с учетом выявленных общих закономерностей, вопрос о смещении ѣ с о и ь с е.

Это явление наблюдается как в ранне-, так и в позднедревнерусскую эпоху, т. е. до, во время и после падения (и “прояснения”) ре-

дуцированных. Во все эти периоды основная (“стандартная”) древнерусская графическая система четко различает эти буквы. В раннедревнерусский период в данной системе основные значения этих букв таковы: ъ — /ъ/, о — /о/, ь — /ъ̣/, е — /е/ (после согласной буквы) и /je/ (в начале слога). В позднедревнерусский период: ъ, ь — нуль звука (с указанием соответственно на твердость или мягкость предшествующей согласной), о — /о/ или /ѵ/, е — то же, что в раннедревнерусском.

Единственный класс случаев, где между буквами ъ и о (соответственно между ь и е) были возможны фонетически обусловленные колебания, — это этимологические *ѡ, *ѣ в сильной позиции¹⁰ (обозначим эту совокупность точек как “зону прояснения еров”) в эпоху, когда шел процесс падения и прояснения редуцированных. Во все другие периоды и во всех других случаях фонологическое различие между единицами, выражаемыми (в стандартной графической системе) буквами о, е и буквами ъ, ь, было совершенно четко. Оно было ничуть не менее реально, чем, скажем, различие между /о/ и /у/ или /е/ и /и/, причем это одинаково верно как для раннего противопоставления /о/ ~ /ъ/ (/е/ ~ /ь/), так и для позднего /о/ ~ /ѵ/ (/е/ ~ /ѵ/).

Иначе говоря, написания типа *домо* (вместо *домъ*), *чѣтъ* (вместо *чьто*), *коне* (вместо *конь*), *сѣло* (вместо *село*) являются с точки зрения стандартной древнерусской графической системы (как ранней, так и поздней) ошибками против звучания.

Эти написания имеют, как мы знаем, в соответствующем классе документов массовый характер, который сохраняется и после того, как исключить из рассмотрения те частные случаи, когда они в принципе могли бы быть типовыми описками.

Как мы видели выше, в такой ситуации имеется лишь два возможных объяснения:

- 1) в говоре пишущих произошло некоторое фонетическое изменение, которое привело к смешению соответствующих фонем;
- 2) авторы таких документов имели другое представление об основном чтении букв ъ и о (соответственно ь и е), чем в стандартной древнерусской графической системе.

Рассмотрим вопрос о возможном фонетическом изменении. Как уже указано, в одном частном случае — в зоне прояснения еров — фонетическое изменение интересующего нас типа действительно произошло. Вполне естественно, что в период протекания процесса прояснения еров параллельно употреблялись написания *възми* и *возми*, *мълви* и *молви*, *гривнѣ* и *гривень*, *чьсть* и *честь*, *първыи* и *первыи* и т. п., то есть в этой зоне действительно было возможно безразличное употребление ъ и о, ь и е. Однако все другие известные примеры аналогичных ситуаций однозначно указывают на то, что

¹⁰ Для точности к ним следует присоединить также слабые *ѡ, *ѣ в составе сочетаний типа *ТръТ* и других сложных сочетаний, где слабые редуцированные не падали, а сохранялись в виде гласной.

подобное безразличное употребление двух букв, ограниченное определенной позицией (или определенным классом словоформ), никоим образом не вызывает всеобщего (не зависящего от позиции) смещения этих букв; иначе говоря, отнюдь не происходит забвения того факта, что они соотносятся с разными фонемами. Так, например, в “безграмотном” (т. е. не соблюдающем правил орфографии) русском письме: в безударной позиции постоянно смешиваются *о* и *а*, *е* и *и*; на конце слова смешиваются *д* и *т*, *з* и *с* и т. д.; после шипящих смешиваются *у* и *ю*, *а* и *я*. Однако ни ныне, ни в средневековой письменности нет даже намеков на формирование всеобщего (не зависящего от позиции) безразличного употребления *о* и *а*, или *е* и *и*, или *д* и *т*, или *у* и *ю*.

Л. Л. Касаткин (1996) высказал гипотезу, что в севернорусских говорах в некоторых фразовых условиях в /о/ мог развиваться также конечный слабый /ъ/. Но даже если отвлечься от того, что это отнюдь не единственное возможное объяснение разбираемых им диалектных фактов, речь здесь идет лишь об еще одной, причем достаточно специальной, позиции (конец слова, находящегося в определенных фразовых условиях). Никаких оснований предполагать всеобщее (т. е. возможное во всех позициях) смешение /ъ/ с /о/ или /ь/ с /е/ данные современных говоров не дают.

Здесь следует, правда, принять во внимание обстоятельство совсем иного рода. Как показали А. А. Шахматов (1915) и Н. Н. Дурново (1924–27), на Руси в XI в. и позднее существовала манера чтения церковных текстов, при которой ъ и ь читались соответственно как /о/ и /е/ (см. об этом в первую очередь Успенский 1988/1997). С интересующей нас точки зрения это искусственное произношение равносильно такой воображаемой форме древнерусского языка, в которой произошло всеобщее фонетическое изменение /ъ/ > /о/, /ь/ > /е/. Для такой его формы эквивалентность букв ъ и о, ь и е оказывается фонетически оправданной. Однако те тексты, в которых смешение ъ — о, ь — е представлено наиболее широко, т. е. бытовые (и отчасти официальные), несомненно соотносятся не с искусственным церковным, а с живым произношением, где различие /ъ/ и /о/, /ь/ и /е/ прекрасно сохранялось. Это значит, что в бытовой письменности смешение ъ и о, ь и е (за пределами зоны прояснения еров) не может объясняться совпадением соответствующих фонем в речи авторов таких записей.

Добавим к этому, что за рамками смешений ъ — о, ь — е, а также е (и ь) с ѣ в рассматриваемом классе текстов практически нет немеханических ошибок против звучания. Почти все другие немеханические отклонения (неморфологического характера) от стандартного вида записи успешно могут быть объяснены фонетическими причинами (как, например, написания типа *лотка* вместо *лодка*, *церковъ* вместо *церковь* и т. п.; относительно смешения *ц* и *ч* см. отдельно § 19).

Существенно также то, что писцы берестяных грамот или смоленского договора 1229 г. безусловно владеют целым рядом чисто

орфографических правил. Прежде всего, они соблюдают правила, ограничивающие саму сферу смещения ъ с o и ь с e , а именно, правила, запрещающие писать ъ , ь вместо o , e в *опать, есть* и т. п. (в отличие, скажем, от *конь, село*). Уже одно это несовместимо с версией о том, что эти писцы просто путали по малограмотности буквы ъ и o (или ь и e). Кроме того, эти писцы обычно обнаруживают также хорошее владение такими орфографическими правилами, как, например, распределение *ou* и *y, i* и *u, ω* и *o*, *o* широкого и *o* узкого и др. (конкретный набор действующих орфографических правил в разных памятниках различен). При названной версии пришлось бы признать, что научиться всем этим правилам (опирающимся, между прочим, на отнюдь не очевидное для профана понятие начала графического слога) им вполне удалось, а вот правило «слышишь /o/ — пиши *o*, слышишь /ъ/ — пиши ъ » оказалось для них слишком трудным.

Итак, версия о том, что написания типа *домо, коне, чьтъ, сьло* — это просто ошибки, не выдерживает критики. Принять эту версию — значит допустить, что в древнерусском письме существовала уникальная ситуация, не наблюдаемая более ни в какой другой письменности, т. е. что на процесс письма в древней Руси не распространялись общие закономерности функционирования графических систем (в частности, закономерности возникновения ошибок). Более того — пришлось бы допустить, что эта уникальная аномалия древнерусского письма касается только смещения $\text{ъ} - \text{o}$, $\text{ь} - \text{e}$ (и ѣ), поскольку в отношении всех остальных букв древнерусское письмо ведет себя в полном соответствии с общими закономерностями.

Из всего сказанного следует, что остается лишь одно возможное объяснение записей с систематическим смещением $\text{ъ} - \text{o}$, $\text{ь} - \text{e}$: авторы таких записей имели иное представление об основном чтении букв ъ и o (равно как ь и e), чем в стандартной графической системе. Это представление должно было состоять в том, что буквы ъ и o (соответственно ь и e) омофоничны, т. е. их основные чтения одинаковы. Так, *у о* было два основных чтения: /o/ и /ъ/; и те же основные чтения были у ъ .

Сосуществование графических систем

§ 10. Вывод о том, что авторы записей с массовым смещением $\text{ъ} - \text{o}$, $\text{ь} - \text{e}$ пользовались особой графической системой, отличной от стандартной древнерусской, означает, что в древнерусском обществе сосуществовали по крайней мере две графические системы: стандартная и система со смещением $\text{ъ} - \text{o}$ и/или $\text{ь} - \text{e}$.

Что сосуществование такого рода вообще возможно, не вызывает сомнений. Достаточно указать хотя бы на уже рассмотренную выше одноуровневую графику, которая бесспорно сосуществовала с обычной (двууровневой).

Графическую систему, сосуществующую с основной и отличающуюся от нее тем, что некоторые фонемы, различно передаваемые в

основной системе, здесь передаются (всегда или в значительной части случаев) одинаково, можно назвать неполноразличительной.

Древнерусская система со смещением ъ — о и/или ъ — е с точки зрения ее структуры должна быть охарактеризована именно как неполноразличительная (тогда как обозначение “бытовая” есть ее характеристика с совершенно иной точки зрения — по социальной функции). Неполноразличительной была и одноеровая система.

Примеры сосуществования графических систем обнаруживаются не только в средневековье. Для нас представляет значительный интерес пример такого рода в современном русском письме, а именно, сосуществование графической системы с *ѣ* и графической системы без *ѣ* (неполноразличительной). Общераспространенной, как известно, является вторая. Система с *ѣ* применяется лишь в словарях, в части учебных текстов и в некоторых особых случаях.

Тот факт, что мы имеем здесь дело именно с разными системами (а не с ошибками или вольностями в пределах единой системы), ясно виден, в частности, из понятия об ошибках: написание *тетка* в заглавном слове словаря есть прямая ошибка, тогда как в обычном тексте это не только не ошибка, но даже и не вольность, а безусловная норма.

Примечание. Не следует думать, что особый статус буквы *ѣ* (а именно, ее невхождение в общераспространенную графическую систему) определяется просто тем, что она отличается от обычного *е* лишь надстрочным знаком. Точно в такой же степени буква *ѣ* отличается от *и*; между тем графической системы без *ѣ* в современной письменной практике не существует. Таким образом, дело здесь не в форме буквы *ѣ*, а в силе традиции: графическая система, сложившаяся до появления буквы *ѣ*, оказалась в данном случае высокоустойчивой. Существенную роль здесь сыграло то, что буква *ѣ* была введена лишь для позиции под ударением (что не соответствует общему принципу русской орфографии, согласно которому запись морфемы от места ударения не зависит). Тем самым буква *ѣ* приобрела сопутствующую функцию знака ударения. Соответственно, графическая система, в которой ударения не обозначаются, получила естественный импульс к неприятию этой буквы.

Аналогию между тремя упомянутыми примерами сосуществования графических систем можно показать наглядно (для удобства система со смещением ъ — о взята здесь в своем предельном варианте — с эффектом ъ → о, т. е. вообще без буквы ъ):

	Пример 1 (др.-русск.)	Пример 2 (др.-русск.)	Пример 3 (соврем. русск.)
Система I (с более полным различением)	<i>конь, конъ</i> (обычная система)	<i>далъ, дало</i> (обычная система)	<i>сѣл, сел</i> (система с <i>ѣ</i>)
Система II (неполноразличительная)	<i>конъ, конъ</i> (одноеровая система)	<i>дало, дало</i> (система с эффектом ъ → о)	<i>сел, сел</i> (обычная система)

Бросающееся в глаза различие между примером 3 и примерами 1, 2 состоит в том, какая графическая система (I или II) выступает в качестве обычной, общераспространенной и какая оказывается периферийной. Но это различие касается только способа социального использования соответствующих систем; с точки зрения строения этих систем все три примера вполне сходны.

Что касается систем со смещением τ — o , ψ — e , то здесь ситуация фактически сложнее, чем в примерах 1 и 3, поскольку имеется не только вариант с эффектом $\tau \rightarrow o$ (соответственно $\psi \rightarrow e$), но и варианты с эффектами типа $\tau = o$ или $\tau \rightarrow \tau/o$, где используется как буква o , так и буква τ . Но это усложнение не меняет ситуации в принципе. Просто вместо единого o (передающего как /o/, так и / τ /), с которым мы имеем дело в варианте с эффектом $\tau \rightarrow o$, здесь используются две омофоничные буквы (o и τ) — подобно тому, как вместо единого u (передающего две фонемы — /и/ и /j/) в системе, где есть также i , используются две омофоничные буквы (u и i).

Сосуществование двух графических систем в одном и том же обществе неизбежно должно приводить к некоторому их взаимодействию и взаимовлиянию.

Поскольку все грамотные люди сталкиваются (по крайней мере в своем опыте чтения) с обеими системами, каждый из них если и не овладевает обеими системами, то во всяком случае имеет некоторое представление о второй системе, отличной от той, которой он был обучен. Так, любой грамотный русский нашего времени знает о существовании (и звуковом значении) буквы \dot{e} , даже если он никогда в жизни сам ее на письме не употреблял. Точно так же носители графической системы без буквы τ в действительности знали о существовании этой буквы, так как встречали ее при чтении.

§ 11. Рассмотрим подробнее функционирование сосуществующих графических систем, различающихся по трактовке букв τ и o , ψ и e , а также соответствующие им формы обучения. Начнем с анализа каждой из этих систем изнутри, в идеализированном независимом виде, временно отвлекаясь от вопросов их взаимодействия. Чтобы упростить изложение, все принципиальные вопросы разбираются на материале одной пары букв: τ и o . Ситуация с парой ψ — e во всех существенных моментах аналогична.

В основу нашего разбора положены следующие три дихотомии:

1. В способе чтения письменного текста: письменный текст читается в естественном древнерусском произношении (с различием / τ / и / o /, / ψ / и / e /) или в искусственном церковном (книжном) произношении, лишенном фонем / τ / и / ψ /, которые заменяются соответственно на / o / и / e /.

2. В способе распределения букв τ и o (ψ и e) на письме: в письменном тексте соблюдается стандартное (соответствующее этимоло-

гии и живому древнерусскому произношению) распределение букв ъ и о (ь и е) или представлено их смещение, т. е. те или иные неединичные отклонения от стандартного распределения.

3. В способе обучения грамоте: происходит двустороннее обучение (как чтению, так и письму) или одностороннее — только чтению (о существовании и важной роли подобного одностороннего обучения см. Успенский 1988/1997, с. 150). Общим для обоих вариантов является обучение графической системе, т. е. начертаниям букв и их основным чтениям. Обучение орфографии происходит только в первом варианте, но не во втором.

Примечание. Как будет видно ниже, выделение только этих двух крайних вариантов обучения представляет собой некоторую идеализацию (поскольку существовали также переходные формы между ними); но для упрощения разбора эта идеализация удобна.

§ 12. Начнем с ситуации, где предполагается естественное произношение при чтении письменного текста.

Стандартная графическая система. Основные чтения букв ъ и о здесь таковы: о — /о/, ъ — /ъ/ (в позднерусский период уже не /ъ/, а нуль звука с указанием на твердость предшествующей согласной).

При данной графической системе в части, относящейся к буквам ъ и о, в ранний период орфографические правила просто отсутствуют (они не нужны), в поздний они ограничены вопросом о том, нужно ли писать ъ в середине слова.

Если учитель был носителем данной системы, то, обучая чтению по складам, он должен был среди прочего сообщить ученикам: «бо — это /бо/, бѣ — это /бѣ/» (в позднерусский период он должен был так или иначе довести до их сведения, что бѣ — это /б/; о возможных различиях дидактических форм, в которых это делалось, см. Успенский 1970/1997, с. 266).

Ученик, прошедший такое обучение, писал по стандартной системе — как при двустороннем, так и при одностороннем обучении (разве что в поздний период в случае одностороннего обучения он мог по своему произволу выбирать между написаниями типа *столъ* и типа *сѣтолѣ*).

§ 13. Неполноразличительная графическая система. Основные чтения букв о и ъ в этом случае одинаковы, а именно, и та и другая передает /о/ или /ъ/ (в поздний период вместо /ъ/ мы уже имеем дело с нулем звука; далее мы этого уже больше не оговариваем). Двумя буквами передаются две фонемы, но без закрепления одной из букв за одной из фонем. В частности, буква ъ не ассоциируется специально именно с фонемой /ъ/.

Орфографическая регламентация минимальна: в том, что касается ъ и њ, она практически состоит лишь в том, что эти буквы запре-

щается употреблять в начале графического слога¹¹. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с записью графически правильной, но почти без орфографии.

Каким образом могла в данном случае происходить передача графической системы и соответствующих навыков от старших поколений к младшим? Нет необходимости предполагать, что существовали специальные школы, руководимые учителями-профессионалами, где обучали именно неполноразличительной системе, а не стандартной. Однако трудно сомневаться в том, что какие-то из носителей именно такой системы иногда оказывались в роли обучающихся — например, знакомили с начатками грамоты своих или соседских детей.

Как мог поступать такой обучающий? Следует предполагать, что, как и при обучении церковному чтению, он должен был, знакомя учеников со складами, сообщить им, что *бо* — это /бо/ и *бъ* — это то же /бо/.

Рассмотрим вначале тот вариант, когда обучали только читать.

Осознание того, что записям с *бо* или *бъ* в их собственной речи может соответствовать не только /бо/, но иногда и /бъ/, могло приходиться к ученикам различными путями. Вдумчивый учитель мог и прямо указать им на это. Но многие обучающие такого рода, вероятно, и сами этого ясно не осознавали и ничего об этом не говорили. Их ученики должны были усваивать это просто из опыта чтения. Для сравнения: двузначность буквы *о*, которая в позднеревнерусский период передавала фонемы /о/ и /Ѡ/, при обучении обычно никак не отмечалась; соответственно, ученики привыкали к тому, что на это различие не нужно обращать внимания (хотя, конечно, они в принципе могли бы прекрасно его осознать, как хорошо известно из опыта диалектологов).

Вполне вероятно, впрочем, что при обучении чтению даже и такой обучающий требовал от учеников не живого произношения читаемых слов, скажем, /лѣтъ/, /чѣто/, а искусственного, особенно при начальном чтении по складам: /ло-бо/, /че-то/. Но это не снимает интересующей нас проблемы, а лишь передвигает ее на следующий уровень. Ученик и в этом случае должен был усвоить из опыта, что подобные искусственные /ло-бо/, /до-мо/, /со-то/, /ко-ло/ соответствуют в его собственной речи разному: /лѣтъ/, /домъ/, /сѣто/, /коло/.

Существенно то, что отсутствие специальной ассоциативной связи между фонемой /ѣ/ и буквой ѣ, характерное для такого учителя, переходило и к его ученикам.

¹¹ Что касается ѣ в составе *ѣ* и *о* в составе *оу*, то здесь со временем произошло сращение двух отдельных букв (устойчивое в случае *ѣ*, менее устойчивое в случае *оу*) в самостоятельную графическую единицу. В церковных памятниках изредка всё же встречается смещение ѣ и *о* в составе *ѣ* и *оу*, т. е. написания *оѣ*, *ѣу* (см. Успенский 1988/1997, с. 154, 158, 193–194); но в берестяных грамотах таких случаев нет. После образования самостоятельных графических единиц *ѣ* и *оу* элементы ѣ и *о* в их составе уже более не отождествляются с обычными буквами ѣ и *о* и тем самым не участвуют в буквенных заменах.

Как должен был в этом случае писать ученик, которого обучали только чтению? Для записи своего /о/ он располагал двумя возможностями: о и ъ. Выбирать между ними он мог по своему произволу.

Что касается записи /ъ/, то при такой форме обучения он неизбежно приходил к представлению о том, что для письма разница между /ъ/ и /о/ несущественна. Тем самым для записи /ъ/ он располагал теми же двумя возможностями: о и ъ.

Разумеется, при письме он мог опираться на то, что какое-то число орфограмм он просто запомнил из опыта чтения. Но никакой записанный текст не состоит целиком из запомненных орфограмм; хотя бы часть слов записывается по слуху. Записывая по слуху, такой ученик мог безразлично употреблять то о, то ъ (как для /о/, так и для /ъ/) или выработать свое индивидуальное предпочтение к какой-то одной из этих букв — умеренное или даже абсолютное. В результате получалась запись одного из тех типов, которые продемонстрированы в § 3 на примере различных берестяных грамот.

В варианте, когда обучали не только читать, но и писать, учитель в какой-то момент должен был прямо указать ученикам на то, что для записи разница между /ъ/ и /о/ несущественна, или как минимум молчаливо приучить их к этой мысли, никогда не исправляя в этом пункте их учебные записи.

Учитель мог также непосредственно влиять на формирование у учеников общего предпочтения к о или к ъ. В частности, у учителя, который сам всегда писал о (а не ъ), этот навык скорее всего переняли и его ученики¹². Однако ныне мы должны признать чрезмерно категоричным утверждение (содержащееся в Зализняк 1982, с. 83), что эффект ъ → о мог сформироваться у ученика только под влиянием именно такого учителя: это могла быть и просто крайняя форма индивидуального предпочтения.

При обучении письму учитель сообщал также орфографическое правило, запрещающее писать ъ и ь в начале графического слога.

Заметим, что последнее правило в письме на бересте почти никогда не нарушается¹³. Из этого можно заключить, что чистое обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктором, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению (как, например, запрет писать *ѡпльть* или *ѡсть*). Например, Онфим мог всё же показывать иногда свои упраж-

¹² В принципе можно было бы даже представить себе фигуру учителя, который вообще ничего не сообщал ученикам о самом существовании буквы ъ. Но такая ситуация всё же маловероятна: во всех дошедших до нас учебных азбуках на бересте буква ъ есть. И, конечно, ученик (как и учитель) должен был сталкиваться с этой буквой при чтении.

¹³ Нам известно в настоящее время лишь два примера нарушения этого правила: *Паньтельъ* в берестяной грамоте № 561 и *приими ь* в № 737.

нения учителю, и, если тот делал ему какие-то замечания, то это был уже элемент обучения письму как таковому.

Итак, если обучающий был носителем неполноразличительной системы, то независимо от способа обучения ученик начинал писать тоже по неполноразличительной системе.

§ 14. Рассмотрим теперь ту особую ситуацию, когда для письменного текста предполагается искусственное церковное чтение.

Начнем с того случая, когда для текста предполагается правильным стандартное распределение букв ъ и о. Как известно, подавляющее большинство церковных текстов записано именно так.

Поскольку в данной ситуации фонемы /ъ/ вообще нет, основные чтения букв о и ъ одинаковы: о — /о/, ъ — тоже /о/. Разумеется, и в составе учебных складов в этом случае бо читается /бо/ и бѣ — тоже /бо/ (ср. Успенский 1988/1997, с. 145).

Примечание. Несмотря на омофонию о и ъ, такая запись всё же не может квалифицироваться как неполноразличительная, поскольку при отсутствии фонемы /ъ/ здесь нечего различать.

Чтобы в этой ситуации достичь на письме стандартного распределения букв ъ и о (или вообще какого бы то ни было неслучайного распределения этих букв), необходимы орфографические правила (ср. Живов 1984, с. 261). Перед нами обычное соотношение «одна фонема — две буквы»; ср. проблему выбора между *u* и *i*, или *ω* и *o*, или *ϕ* и *θ*, или *ou* и *ж* и т. п. Общий принцип состоял здесь в том, чтобы писать так же, как в некотором наборе рукописей, признаваемых авторитетными (в разных школах письма такие наборы могли несколько различаться). Но в том, что касается именно о и ъ, в раннедревнерусскую эпоху наряду с этим принципом в ранге полезного практического приема, очевидно, существовало также правило, использующее живое древнерусское произношение пишущих: писать о там, где в этом произношении /о/, и ъ там, где /ъ/.

Профессиональные церковные писцы, т. е. люди, для которых была естественной также роль учителей, обладали навыками письма, соответствующими именно этой ситуации. Каков был результат обучения грамоте, когда его вел такой учитель?

Если он учил только чтению, то ученик усваивал принцип омофонии букв о и ъ, но не знал никаких орфографических правил. По мысли Б. А. Успенского (1988/1997, с. 159–160), ученик сам, «обобщая свои наблюдения, ... легко мог прийти к выводу, что буква ъ должна писаться тогда, когда в живом произношении слышится звук [ъ], а буква о — тогда, когда в живом произношении слышится звук [о]». Нет сомнений, однако, что самостоятельно приходили к такому выводу далеко не все, а лишь наиболее наблюдательные и вдумчивые. Основная масса учеников не задумывалась над распределением букв ъ и о и не искала для этого никаких правил. При письме они употребляли для записи фонемы /о/ ту или другую из

них произвольно. И точно так же они поступали при записи фонемы /ъ/ — ситуация тут ничем не отличается от разобранный в предыдущем параграфе. Это значит, что в тех случаях, когда такой ученик брался записывать уже не церковный текст, а свою обычную древнерусскую речь, он писал уже по неполноразличительной системе.

Таким образом, в данном случае одностороннее обучение грамоте при переходе от записи церковных текстов к записи живой речи порождает неполноразличительную систему.

Если такой учитель обучал не только чтению, но и письму, результат был иным. В этом случае ученика обучали также практическому приему «слышишь (в своей живой речи) /о/ — пиши о, слышишь /ъ/ — пиши ъ». Если при записи искусственного церковного произношения этот прием принадлежал лишь к сфере орфографии, то при записи обычной древнерусской речи он неминуемо должен был переосмысляться как элемент графической системы, т. е. как простой и прямолинейный принцип «о — это /о/, а ъ — это /ъ/». Правда, такой ученик скорее всего сохранял в памяти чтение склада бѣ как /бо/ и, возможно, при чтении по складам (или скандировании) всё еще произносил лѣбѣ как /ло-бо/, но для него это была уже традиционная условность. На практике он писал уже по стандартной системе.

Как мы видим, применение церковной системы записи к обычному древнерусскому языку ведет в практике мирских людей к неполноразличительной системе у тех, кто учился только читать, и к стандартной у тех, кто учился также и писать.

§ 15. Остается рассмотреть тот редкий случай, когда текст, предполагающий искусственное церковное чтение, записывается со смешением ъ — о. Примерами здесь могут служить берестяные грамоты № 419 (берестяная книжечка со стихирами, см. § 3) и № 727 (краткая запись чина службы на Фоминой неделе).

Понятно, что и в данном случае основное чтение о есть /о/, ъ — тоже /о/.

Чем отличается писец берестяной грамоты № 419 от книжного писца, который при записи такого же текста не смешивает ъ и о? Грубо говоря, тем, что в выборе между ъ и о он не руководствуется орфографическими правилами, а употребляет эти буквы произвольно. (Точнее, орфографическая регламентация здесь всё же есть, но она сведена к минимуму — к запрету употреблять ъ и ѣ в начале графического слога, см. § 13).

В документах этого рода к церковному тексту применен тот же принцип записи, что в обычной неполноразличительной системе. Их авторы, конечно, так же записывали и мирские тексты; ср. написанные по неполноразличительной системе записки духовных лиц (попов, игуменьи) — берестяные грамоты № 87, 549, 558, 717.

Духовные лица этой категории несомненно могли участвовать наряду с другими в обучении грамоте. Нетрудно убедиться в том, что такое обучение всегда должно было давать тот же самый результат, что в § 13, т. е. обычную неполноразличительную систему.

Резюмируем проведенный в § 12–15 разбор. В нормальном случае ученик начинал писать по стандартной системе, если его учитель был носителем стандартной системы, и по неполноразличительной — если тот был носителем неполноразличительной системы. Но в одном частном случае это было не так: если учитель был носитель стандартной системы, читавший тексты в церковном произношении, и обучал только чтению, но не письму, то ученик начинал писать по неполноразличительной системе.

§ 16. Выше каждая из графических систем рассматривалась так, как если бы она была единственной. В действительности, однако, ситуация была сложнее, поскольку все или почти все пишущие были фактически знакомы (хотя бы немного) не с одной, а с обеими конкурирующими системами. Для конкретного человека одна из них была более привычной, но знание второй могло в той или иной мере влиять на его практику письма, создавая элементы непоследовательности.

Так, редкие смещения τ — o , ψ — e , отмечаемые в большом количестве книжных памятников, представляют собой не что иное, как отклонение от норм стандартной системы в сторону неполноразличительной системы (ср. Живов 1984, с. 261).

Есть свидетельства того, что один и тот же человек мог писать по-разному в зависимости от характера ситуации: в более ответственных ситуациях он писал по стандартной системе, в менее ответственных — по неполноразличительной. Весьма показательна в этом отношении берестяная грамота № 724, где в основном тексте в том, что касается букв τ , o , ψ , e , допущено всего три отклонения от стандартных написаний, тогда как в приписке на обороте, носящей менее формальный характер, в классе $\langle \tau \rangle$ и $\langle \psi \rangle$ доля нестандартных написаний, т. е. o , e , достигает 24% (см. ДНД, с. 297). Другой такой пример — запись писца Евсевия (цитируемая в этой связи в Успенский 1988, с. 152). В ней представлены эффекты $\tau \rightarrow o/\tau$ и $\psi \rightarrow e$; записей через o в классе $\langle \tau \rangle$ 67%, записей через e в классе $\langle \psi \rangle$ 71%, в классе $\langle e \rangle$ — 67%. Между тем в самом тексте Евсевиева евангелия доля отклонений от стандартной системы составляет лишь 0,7% (см. § 2). Это значит, что, закончив сам текст евангелия и перейдя к тексту от себя, Евсевий уже позволил себе “расслабиться” и писать по той менее строго регламентированной системе, которой он привык пользоваться в быту.

С другой стороны, типовая картина, показанная выше (§ 3) на примере смоленского договора 1229 г., — относительно высокий про-

цент смещений на фоне преобладания стандартных написаний — возникает в результате наложения элементов стандартной системы на неполноразличительную. Основной для писца в таких случаях является неполноразличительная система. Но он несомненно знаком и со стандартной системой тоже. Помимо того, что многие орфограммы он запомнил в их стандартном виде (например, писец списка А договора 1229 г. совершенно последовательно пишет *не, же, аже, кто, гость* и др.), он знаком и с самим принципом « $o - /o/$, $\tau -$ нуль звука», хотя и применяет его без обязательности, свободно отступая от него в сторону более привычного для него безразличия в употреблении τ и o . Понятно, что это должно порождать статистические соотношения именно того типа, который реально наблюдается в списке А договора 1229 г. и подобных ему документах.

§ 17. Проведенный разбор показывает, в частности, что не следует приписывать выбор между эффектами $\tau = o$ и $\tau \rightarrow \tau/o$ самой системе (т. е. усматривать здесь разные подсистемы), и, соответственно, связывать это различие непосредственно с тем, чему именно учил в этом пункте учитель. Различие такого рода могло развиваться и в индивидуальном порядке. Весьма вероятно также, что если бы мы имели возможность наблюдать писца с эффектом $\tau \rightarrow \tau/o$ не на протяжении текста одной берестяной грамоты, а на дистанции в десятки раз большей, то мы столкнулись бы также с некоторым (хотя бы небольшим) числом случаев замены o на τ , т. е. реальностью оказался бы всё же эффект $\tau = o$ (хотя и с предпочтением к o). Во всяком случае в самых длинных текстах со смещением τ и o фиксируется именно эффект $\tau = o$ (а не односторонняя замена).

Более того, даже эффект $\tau \rightarrow o$ едва ли выдержал бы испытание подобной длинной дистанцией. Примеры типа блока Григория (§ 3) показывают, что даже на фоне очень устойчивой замены τ на o может всё же появиться единичный пример с τ . В самом деле, в условиях постоянной циркуляции текстов, использующих в числе прочих букву τ , трудно представить себе пишущего, для которого принципиально исключена возможность хотя бы раз употребить эту букву.

Таким образом, существенной характеристикой системы является сам факт эквивалентности букв τ и o , а варианты его реализации ($\tau = o$, $\tau \rightarrow \tau/o$ и даже $\tau \rightarrow o$) могут определяться просто индивидуальным узором¹⁴.

С другой стороны, реальное наличие подсистем в рамках неполноразличительной системы определяется тем, захватывает ли смещение обе пары ($\tau - o$ и $\tau - e$) или только какую-то одну из них. В безусловном большинстве случаев, когда смешение вообще есть, оно наблюдается в обеих парах сразу. При этом, однако, формы его ре-

¹⁴ Соответственно, мы полагаем ныне, что целесообразнее говорить о бытовой графической системе (в ед. числе), а не о бытовых системах (во множ. числе).

лизации могут быть в разных парах различны; например, в одной паре может проявляться явное предпочтение к о, а в другой — к ъ; в разных парах может быть весьма различна интенсивность смешения и т. п.; ср. с этой точки зрения примеры, приводимые в § 3. Встречаются, наконец (хотя и весьма редко), такие тексты, где в одной из этих пар смешение представлено (причем достаточно ярко), а в другой отсутствует. Таким образом, коррелятивная связь между буквами ѣ и ъ весьма сильна, но всё же не абсолютна.

Замечания о смешении ѣ с е и ѡ с ѡ

§ 18. Наряду со смешением ѣ — о, ѡ — е в берестяных грамотах и подобных им документах широко распространено смешение ѣ с е и ѡ (которого мы иногда попутно касались и выше). Основное различие между смешением ѣ — е и, например, ѡ — е состоит в том, что несовпадение фонем /ъ/ и /е/ (во всех позициях, кроме одной) несомненно, тогда как в отношении фонем /е/ и /ѡ/ вопрос об их совпадении или несовпадении решается для каждой эпохи, каждого диалекта и каждой позиции отдельно, причем лишь на основе трудоемкого анализа и не всегда надежно. Поэтому смешение ѣ с е есть более сложный объект для анализа, чем смешение ѡ с о или ѡ с е: написание типа *вѣсть* (вместо *ѡвѣсть*) в принципе может быть результатом как чисто графического смешения ѣ и е, так и фонетического перехода /ѡ/ > /е/. Здесь, однако, нам нет необходимости рассматривать связанные с этим непростые проблемы. Достаточно констатировать, что по крайней мере в части случаев смешение букв ѣ с е (и ѡ) имеет чисто графическую, а не фонетическую природу.

В частности, практически ни в каких говорах не совпадали гласные фонемы, представленные, например, в *слѣдѣ* и в *медѣ* (даже если гласные в *слѣдѣ* и в *семѣ* в тех же говорах совпали). Соответственно, по крайней мере в той части, которая касается противопоставления слов типа *слѣдѣ* и типа *медѣ*, данное смешение оказывается вполне сходно с уже разобранным смешением ѣ — о или ѡ — е.

Заметим, что различие между графикой с ѣ и графикой без ѣ (с эффектом ѣ → е) совсем уже похоже на различие между графикой с ѡ и графикой без ѡ (иначе говоря, с эффектом ѡ → о); к тому же речь здесь идет просто об одном и том же корпусе словоформ. Ср., с одной стороны, противопоставление записей *слѣдѣ*, *семѣ*, *медѣ* (система с ѣ) и *следѣ*, *семѣ*, *медѣ* (система без ѣ), с другой — противопоставление записей *след*, *семѣ*, *мѣд* (система с ѡ) и *след*, *семѣ*, *мед* (система без ѡ).

Примечание. От обычного смешения ѣ с е и ѡ следует отличать тот особый случай, когда ѣ смешивается только с ѡ, а смешения ѡ с е (и ѡ с о) в памятнике нет. Такой особенностью обладают, например, берестяные грамоты № 509, 789, 818, 892. Можно предполагать, что такие писцы воспринимали ѣ как букву ѡ с дополнительным штрихом, причем используемым без полной обязательности (подобно, например, правой части буквы ѡ, которая тоже во многих памятниках может опускаться).

Как и в случае со смешением τ — o , υ — e , запись с неразличением τ и e (часто с эффектом $\tau \rightarrow e$ или $\tau \rightarrow e/\upsilon$, т. е. вообще без буквы τ в практическом инвентаре пишущего) имеет очень старую традицию. Она наблюдается уже в XI в., причем в таких зонах (Киев, Новгород), где и позднее фонемы $/e/$ и $/\hat{e}/$ не смешиваются. Не занимаясь здесь вопросом о происхождении этой традиции, мы должны лишь констатировать, что перед нами еще один важный элемент неполноразличительной графической системы.

§ 19. Иную природу, нежели все рассмотренные выше смешения, имеет распространенное в новгородских, псковских, смоленских, полоцких и др. памятниках смешение букв υ и τ . Оно очевидным образом связано с фонетическим явлением — совпадением фонем $/\upsilon/$ и $/\tau/$. Для грамотных людей этой зоны буквы υ и τ находились в другом соотношении, чем на юге. На юге их различие было просто частью графической системы и для них не требовалось никаких орфографических правил; на севере и северо-западе это были омофоничные буквы, различие которых целиком относилось к ведению орфографии.

Этот пример в силу своей прозрачности весьма полезен для понимания более сложных случаев функционирования графических систем. Так, совершенно очевидно, что новгородские книжные писцы обычно осваивали (благодаря специальному обучению в сочетании с опытом чтения) орфографические правила распределения букв υ и τ (см. Живов 1984, 1986). Высококвалифицированный новгородский писец мог писать в этом отношении почти без ошибок. С другой стороны, в новгородской бытовой письменности (как, впрочем, также и в некоторых книжных памятниках) мы видим иную картину: буквы υ и τ употребляются безотносительно (или почти безотносительно) к этимологии; они свободно смешиваются — иногда примерно в равных пропорциях, иногда с явным предпочтением к какой-то одной букве; возможно, наконец, и последовательное употребление лишь одной из этих букв (преимущественно υ).

Всё это разительным образом напоминает картину распределения τ и o в разных категориях памятников. Между тем, как мы знаем, на фонетическом уровне ситуации тут совершенно различны: буквами τ и o обслуживаются две разные фонемы, а буквами υ и τ — единая древненовгородская фонема $/\upsilon\tau/$. Чем же объяснить отмеченное сходство? Очевидно, тем, что уже было констатировано выше: буквы τ и o носителями неполноразличительной системы осознавались как омофоничные, т. е. совершенно так же, как буквы υ и τ . Разница, состоящая в том, что υ (как и τ) было средством передачи всего одной фонемы $(/\upsilon\tau/)$, а τ (как и o) — средством передачи двух разных фонем, в данном случае совершенно непринципиальна.

Произвольное распределение омофоничных букв (как υ — τ , так и τ — o) отражает свободу от правил орфографии, характерную для тех, кого учили только читать.

Проблема происхождения неполноразличительной графической системы

§ 20. Как мы видели, при любом из вариантов процесса обучения те, кого учил грамоте носитель неполноразличительной графической системы, писали по этой же системе (хотя и необязательно с теми же самыми предпочтениями в выборе между *ъ* и *о*, что у учителя).

Но особенно существенно другое: если исходить из естественного древнерусского произношения (§ 12–13), то невозможно, чтобы те, кого обучал грамоте носитель стандартной системы (даже если это было обучение только чтению), начали писать по неполноразличительной системе. В самом деле, раз усвоив основные чтения «*о — /о/, ъ — /ъ/*», ученик уже не мог вдруг забыть, что буквы *о* и *ъ* передают разные звуки; точнее говоря, вероятность этого не больше и не меньше, чем того, что он забыл бы разницу между *о* и *у* или *и* и *ы* и т. п. Иначе говоря, в таких условиях неполноразличительная система не могла родиться просто из плохого освоения стандартной системы.

В качестве вероятной причины формирования графической системы со смещением *ъ — о*, *ь — е* часто указывают прояснение древнерусских сильных редуцированных. Однако, как уже было показано выше (§ 9), параллельное употребление *ъ* и *о* в случаях типа *възьми* или *возьми*, *мълови* или *молви* и т. п., естественное для зоны прояснения еров в период протекания этого процесса, не могло само по себе превратиться во всеобщее безразличное употребление *ъ* и *о* во всех позициях.

Кроме того, попытка объяснить возникновение неполноразличительной системы с *ъ = о*, *ь = е* через прояснение древнерусских сильных редуцированных наталкивается на непреодолимое хронологическое препятствие. Самый ранний ныне известный древнерусский памятник со смещением *ъ* и *о* — найденный в 1999 г. при раскопках в Новгороде деревянный цилиндр (играющий роль замка на мешке) с надписью *мѣщничъ лазорево мѣхо* 'мешок мечника Лазоря'; он датируется первой половиной XI в. Следующий по времени памятник этой категории — берестяная грамота № 613 — относится к 30-м — 50-м годам XI в. Относить к столь раннему времени прояснение древнерусских сильных редуцированных (причем массовое, поскольку единичные случаи заведомо не могут повлиять на систему) не решатся даже сторонники самых ранних датировок этого процесса.

Наиболее правдоподобной оказывается уже существующая гипотеза о наследовании принципа омофонии *ъ* и *о*, сложившегося в соответствии с тем типом церковного чтения, где вместо */ъ/* и */ь/* произносились */о/* и */е/*. Как мы видели выше (§ 14), для формирования неполноразличительной системы достаточно: 1) перенести систему с омофонией букв *ъ* и *о* из сферы естественного церковного произношения в сферу древнерусского языка в его естественном произношении; 2) лишить эту систему сопровождающего ее комплекса орфографических правил. Первое — вполне правдоподобный культур-

но-исторический шаг. Второе происходит автоматически, если обучают только чтению, но не письму.

Фундаментальный принцип неполноразличительной системы — омофония букв τ и o — имеет, таким образом, церковное, а не бытовое происхождение. Но сама неполноразличительная система как таковая, предполагающая неразличение фонем $/\tau/$ и $/o/$, образуется лишь после применения указанного принципа к языку, где имеются обе эти фонемы, и освобождения данного типа письма от орфографии. Последнее же определяется особенностями именно бытового узуса — в первую очередь спецификой обучения грамоте в бытовой среде. Таким образом, “погружение” системы с омофонией τ и o в более низкую социальную сферу, где широко практикуется одностороннее (т. е. лишь начальное) обучение грамоте, оказалось определяющим фактором формирования неполноразличительной графической системы.

Это значит, между прочим, что даже с точки зрения формирования неполноразличительной системы обозначение “бытовая” не лишено некоторого основания: хотя первоисток этой системы церковные, она приобретает свои определяющие качества лишь в результате “погружения” в бытовую среду.

Контурсы эволюции неполноразличительной системы

§ 21. Неполноразличительная система активно применялась в бытовой сфере в течение ряда веков. Рассмотренные в § 12–15 механизмы наследования и трансформации графических систем позволяют понять причины такой устойчивости. Неполноразличительная система сохранялась за счет двух основных факторов.

Во-первых, значительная часть детей из средних и нижних социальных слоев, которые вообще учились грамоте, учились ей у носителей неполноразличительной системы. Часто это были не профессиональные учителя, а просто старшие из членов семьи или соседей и различные церковные люди из приходской церкви. При этом традиция неполноразличительного письма явно обладала определенным ценностным статусом. В глазах ее носителей (многие из которых несомненно знали о существовании стандартной системы) она стояла иерархически ниже, чем стандартная, но отнюдь не была ошибочной или зазорной; в бытовых ситуациях она могла даже расцениваться как более уместная.

Во-вторых, традиция употребления неполноразличительной системы подпитывалась механизмом, разобранным в § 14: те, кто учился у церковных учителей только чтению, но не письму, обычно “впадали” — не только в начальный момент письменной эпохи, но и в последующие века — в неполноразличительную систему.

Как уже было отмечено, степень употребительности графической системы со смещением $\tau - o$, $\psi - e$ в разные периоды весьма различна. Соответствующая кривая круто возрастает в XII в., достигает

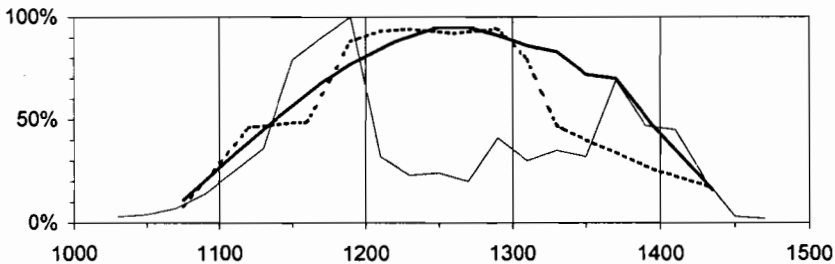
максимума в XIII в., после чего начинает падать и в XV в. опускается уже весьма низко.

Как объяснить возрастающую часть этой кривой?

Попытка связать резкое увеличение доли грамот, смешивающих ъ и о, ь и е, с начавшимся в XII в. прояснением сильных редуцированных наталкивается на слишком большие трудности. Помимо того, что неясен сам механизм этого гипотетического влияния, серьезнейшее препятствие на пути такого объяснения составляет тот факт, что почти такую же кривую, как для смешения ъ — о, ь — е, образует смешение ѓ с е (и ь). Между тем ни в начале XII в., ни в XIII в. никакого смешения фонем /ѣ/ и /е/ в Новгороде не происходило: эти фонемы прекрасно различались здесь и позже. Это значит, что степень употребительности графической системы со смешением определялась не фонетическими процессами, а какими-то другими причинами.

Поиск таких причин привел нас к весьма неожиданному сопоставлению: обнаружилось, что в интервале с начала XI по конец XII в. с кривыми степени распространенности неполноразличительных систем близко сходна кривая совершенно иного рода, а именно, кривая изменения во времени общего количества берестяных грамот, относящихся к периодам равной длины (допустим, 20-летним).

Ниже приводится диаграмма, содержащая графики изменения во времени следующих трех параметров: 1) доля берестяных грамот со смешением ъ — о и/или ь — е; 2) доля берестяных грамот со смешением ѓ — е (или ѓ — е — ь); 3) относительное количество грамот, принадлежащих к каждому из двадцатилетий рассматриваемого хронологического интервала (в процентах от максимального известного ныне количества¹⁵).



- Процент берестяных грамот со смешением ъ — о и/или ь — е
- Процент берестяных грамот со смешением ѓ — е (или ѓ — е — ь)
- Количество берестяных грамот, относящихся к соответствующему 20-летию (в процентах от максимума)

¹⁵ Этим максимумом являются 111 грамот, относящиеся к последнему 20-летию XII в.

Пояснения к диаграмме. Все цифры приводятся для корпуса берестяных грамот, известных к концу 1999 г. (для Новгорода это № 1—915). Блок грамот рассматривается как единство, т. е. приравнивается при подсчетах к единой грамоте (тем самым подсчеты отражают фактически не число грамот, а число людей, которые их писали). Всякая грамота (или блок) соотносена (в части случаев с некоторой долей условности) с одним из 20-летних отрезков, на которые разделен рассматриваемый хронологический интервал (а именно, с тем отрезком, к которому вероятнее всего относится дата ее написания). Доля грамот со смешением ъ — о или ь — е исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где <ѣ>, <ѥ> представлены не менее двух раз; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смешения ъ с о и/или ь с е¹⁶. Доля грамот со смешением ѣ — е (или ѣ — е — ь) исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где <ѣ> представлен не менее двух раз, кроме грамот с эффектом ѣ → и; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смешения ѣ с е¹⁷. В графиках смешений в нескольких случаях использованы усредненные показатели по двум соседним двадцатилетиям (чтобы устранить или уменьшить эффект случайного разброса показателей, связанный с ограниченностью имеющегося материала). Графики смешений не доведены до самых краев рассматриваемого хронологического интервала, поскольку для его крайних отрезков слишком мало материала.

§ 22. Диаграмма прежде всего наглядно подтверждает то, что уже было сказано выше: степень распространенности смешения ъ, ь с о, е и смешения ѣ с е (и ь) изменяется во времени почти одинаковым образом¹⁸ (если не считать некоторого различия темпов отступления в XIV в.). Это говорит о существенном единстве разных аспектов неполноразличительной системы.

Другой важный факт, демонстрируемый этой диаграммой, состоит в том, что на протяжении XI и XII вв. обе эти кривые довольно похожи также на кривую изменения общего количества берестяных грамот.

В связи с последней кривой необходимо прежде всего заметить, что она не имеет никакого отношения к тому, сколько времени долж-

¹⁶ Такая методика подсчета не безупречна, но всё же риск ошибки здесь существенно меньше, чем если бы мы включали в число написанных стандартно также и фрагменты, где встретился всего один случай стандартной записи для <ѣ> или <ѥ>, а никаких других <ѣ> или <ѥ> нет.

¹⁷ Особый случай составляет смешение только ѣ с ь, при отсутствии смешения ь с е и ѣ с о (см. примечание в § 18). Такое смешение в расчет не принимается, т. е. грамоты с этой особенностью (весьма немногочисленные) приравниваются к написанным стандартно.

¹⁸ Несколько бо́льшая плавность кривой для ъ, ь — о, е, чем для ѣ — е, определяется в основном просто тем, что общее число грамот, содержащих удовлетворительное количество материала, в первом случае в полтора раза больше, чем во втором.

ны были пролежать в земле грамоты соответствующего века: чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить общее количество грамот в XIII и в XII в. Таким образом, если от XII в. до нас дошло примерно в 12 раз больше берестяных грамот, чем от XI в., то это значит просто то, что в XI в. писали меньше.

Какую же связь можно представить себе между экспансией неполноразличительной (бытовой) графической системы и общим ростом интенсивности письменной деятельности?

Уже сам вид соответствующей кривой подводит нас к предположению о том, что в XI в. письмо еще было в основном элитарным занятием, тогда как в XII в. социальный состав пишущих резко расширился. По-видимому, для Новгорода это допустимо связывать, хотя бы отчасти, с формированием республиканского строя. Состав авторов дошедших до нас берестяных грамот XI в. вполне согласуется с таким предположением: насколько можно судить, едва ли не все они принадлежат к привилегированному слою общества; в основном это административные лица, в нескольких случаях также церковные.

Можно представить себе, что такие люди имели возможность пройти полное обучение грамоте — как чтению, так и письму. Как уже показано, в этом случае естественным результатом оказывается письмо по стандартной системе — как при учителе-церковнике, ориентированном на церковное чтение, так и при светском учителе, который сам пишет по стандартной системе.

Наряду с этим существует также и суженное (одностороннее) обучение грамоте, которое порождает неполноразличительную систему. Но степень ее распространения в XI в. еще весьма незначительна: узок круг людей, которых обучали именно так.

С резким расширением этого круга, которое наступает в начале XII в., выходит на простор и неполноразличительная (бытовая) графическая система. Вдобавок в этом кругу в число обучающихся всё чаще входят просто старшие, которые сами пишут по этой системе. Соответственно, расширение круга грамотных людей и расширение числа людей, пишущих по-бытовому, в значительной мере оказываются просто двумя сторонами одного и того же процесса. Если предлагаемая схема верна, то в результате должна возникнуть картина именно того типа, что мы видим на нашей диаграмме.

К началу XIII в. процесс уже почти достигает своего логического завершения: в бытовой сфере господствует неполноразличительная система. Резкое уменьшение общего объема письменной деятельности в XIII в., связанное с новой политической и экономической ситуацией, уже никак не может изменить этого обстоятельства.

Лишь в XIV в. установившаяся традиция бытового письма начинает отступать, постепенно уступая место господствующей в книжной и официальной письменности стандартной системе. В XIV — 1 пол. XV в. это отступление идет сравнительно быстро; но в реликтовой форме данная система продолжает существовать еще довольно долго.

Вероятно, по крайней мере, одной из причин, определивших существенное отступление бытовой системы письма в XIV в., была описанная Б. А. Успенским (1988/1997, с. 162–163, 180) трансформация церковного (книжного) произношения, состоявшая в замене прежнего искусственного произношения реальным и, соответственно, прежнего чтения склада *бъ* (и т. п.) как */бо/* новым чтением */б^э/*. Тем самым был устранен один из двух источников устойчивости неполноразличительной системы (см. § 21). Дальнейшее ее существование могло опираться уже только на традицию. Заметим, что сама реконструкция указанной трансформации, опирающаяся лишь на косвенные данные, получает тем самым некоторое дополнительное подтверждение.

Благодарю А. А. Гиппиуса за сделанные им при чтении предварительного варианта настоящей статьи конструктивные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртене 1912 — *И. А. Бодуэн де Куртене*. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
- ДНД — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Дурново 1924–27 — *И. И. Дурново*. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // *Лужнослоненски филолог*, IV, с. 72–95; V, с. 93–117; VI, с. 11–64.
- Живов 1984 — *В. М. Живов*. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII вв. // *Russian Linguistics*, vol. 8 (1984), № 3, p. 251–253.
- Живов 1986 — *В. М. Живов*. Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древних новгородских рукописях // *Russian Linguistics*, vol. 10 (1986), p. 291–306.
- Зализняк 1979 — *А. А. Зализняк*. О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 134–152.
- Зализняк 1982 — *А. А. Зализняк*. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // *Finitis duodecim lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982, с. 82–85.
- Касаткин 1996 — *Л. Л. Касаткин*. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // *Русистика*. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996, с. 243–255.
- Кипарский 1960 — *V. Kiparsky*. Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // *“Neuphilologische Mitteilungen”*, LXI, № 2. Helsinki, 1960, S. 244–248.
- Крысько 1998 — *В. Б. Крысько*. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // *Вопросы языкознания*, 1998, № 3, с. 74–93.
- НГБ 1977–83 — *В. Л. Яшиц, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

- Сидоров 1953 — *В.Н. Сидоров*. Редуцированные гласные в древнерусском языке // Труды Института языкознания, т. 2, 1958.
- Соболевский 1900 — *А.И. Соболевский* (рец.). Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова ... СПб, 1899 // ЖМНП, т. 327, январь, с. 185–193.
- Страхов 1995 — *А.Б. Страхов*. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. VI–IX // *Palaeoslavica*, III (1995). P. 231–279.
- Тот 1978 — *И.Х. Тот*. К изучению одноеровых памятников XI в. // *Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIV, 1978, p. 229–258.
- Шахматов 1915 — *А.А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Успенский 1970/1997 — *Б.А. Успенский*. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Вопросы языкознания, 1970, № 5, с. 80–100. Цит. по изд.: *Б.А. Успенский*. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 246–288.
- Успенский 1988/1997 — *Б.А. Успенский*. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988, с. 99–156. Цит. по изд.: *Б.А. Успенский*. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 143–208.

О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ПАДЕЖ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

§ 1

Постановка задачи

В современной лингвистике значительное внимание уделяется уточнению традиционных грамматических понятий. Одним из способов такого уточнения является построение формализованных аналогов этих понятий, т. е. их моделирование. От моделей такого рода требуется, чтобы в применении к конкретным языкам они давали результаты, по возможности близкие к традиционному описанию. Например, модель грамматической категории падежа должна давать традиционные списки падежей по крайней мере для наиболее известных языков, имеющих падежи.

Практически, однако, результаты такого моделирования обычно не полностью совпадают с традиционными описаниями. Например, если речь идет о падежах, модель может выделить в том или ином языке дополнительные падежи, не признаваемые традицией, или, наоборот, не выделить какого-то из традиционных падежей. Расхождения между моделью и традиционными описаниями могут определяться различными причинами: с одной стороны, просто несовершенством модели, с другой стороны — особенностями самого моделируемого объекта. В самом деле, поскольку традиционное грамматическое представление строго не сфор-

мулировано и допускает некоторый элемент неопределенности, традиционное описание может содержать скрытое внутреннее противоречие; очевидно, что любая последовательная модель в чем-то разоидется с таким описанием. Кроме того, возможно, что традиционное грамматическое представление в действительности не едино, а допускает несколько вариантов понимания (хотя, быть может, это различие никем явно не сформулировано); особенно вероятны такие различия между грамматическими традициями разных языков. В этом случае модель, даже если она адекватно отражает одно из таких пониманий, непременно придет в противоречие с описаниями, основанными на других пониманиях.

Таким образом, для правильной оценки моделей традиционного грамматического понятия существенно установить, последовательно ли применяется это понятие в имеющихся описаниях и не допускает ли оно разных пониманий. Понятно, что такой анализ представляет и самостоятельный интерес (независимо от задач моделирования), поскольку он углубляет наши знания о рассматриваемом грамматическом понятии.

В настоящей работе делается попытка проанализировать с указанной точки зрения традиционное грамматическое понятие «падеж». Поскольку строгого определения падежа в традиционных лингвистических сочинениях нет, мы не можем установить, что имеется в виду под падежом, иначе как анализируя употребление данного термина в этих сочинениях. Соответственно, ниже исследуются имеющиеся описания падежных систем разных языков (в особенности те, которые освящены соответствующей грамматической традицией). Предлагается некоторая общая схема, облегчающая сравнение этих описаний между собой. На основании такого сравнения решается вопрос о том, единообразно ли представление о падеже, лежащее в основе разных конкретных описаний, а также о том, нет ли внутренних противоречий хотя бы в некоторых вариантах этого традиционного представления.

Ниже публикуется первая часть этой работы. Она содержит общие положения и разбор основных трудных случаев выделения падежей. Во второй части работы будут рассмотрены некоторые другие трудные случаи такого рода и будет описано значение выявленных расхождений для грамматического моделирования.

Следует оговориться, однако, что в настоящей работе рассматриваются не все возможные расхождения в понимании термина «падеж». Дело в том, что существуют некоторые общеизвестные двусмысленности в понимании этого термина, для установления которых нет нужды в специальном исследовании; о них нужно лишь так или иначе заранее условиться.

Прежде всего, как и названия других грамматических категорий, термин «падеж» может употребляться в двух смыслах: а) конкретный падеж (например, именительный, родительный и т. д.), которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (= грамматическая категория

падежа), т. е. грамматическое явление, состоящее в том, что в данном языке противопоставляются два или более конкретных падежа. Ниже речь идет практически везде о конкретных падежах; там, где грозит двусмысленность, даются необходимые уточнения.

Далее, различаются два понимания термина «падеж», которые можно (несколько условно) обозначить как «семантическое» и «формальное». Основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых никак не выражается внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос положителен, при формальном — отрицателен.

Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например: «быть субъектом действия», «быть орудием действия», «принадлежать кому-либо (чему-либо)», «быть внутри чего-либо» и т. п. Такое понимание падежа представлено, например, в известном тезисе А. А. Потебни о том, что в русском языке не один творительный падеж, а «несколько падежей, обозначаемых именем творительного»; имеются в виду значения орудия (*пишу пером*), деятеля (*создано человеком*), эталона сравнения (*летит стрелой*), места движения (*шел лесом*) и т. д. Падежи в семантическом понимании можно так или иначе выразить в любом языке, поэтому, если их рассматривать безотносительно к способу выражения, они выступают как элементы некоторой универсальной системы единиц смысла.

В рамках формального понимания падежа возможны вариации в зависимости от того, какие формальные различия считаются достаточными для признания двух падежей различными. В частности, порядок слов может признаваться или не признаваться достаточным формальным средством для различения двух падежей. Далее, возможны расхождения в том, допустимо ли рассматривать в качестве падежной формы сочетание имени с предлогом или послелогом (например, допустимо ли считать сочетание *to Peter* дательным падежом от *Peter*)¹. Можно назвать «узко формальным» такое понимание падежа, при котором в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы и два падежа признаются различными только в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы.

Конкретный падеж в узко формальном понимании (у существительных) в первом приближении можно описать так: это некоторый набор словоформ (или, если угодно, то общее, что имеют все словоформы такого набора), каждая из которых способна выражать, помимо своего основного, предметного значения, один или несколько падежей в семантическом понимании. Например, в русском языке творительному падежу соответствует ряд слово-

¹ См., в частности, известный разбор этого круга вопросов у Есперсена: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, гл. XIII.

форм, включающий, среди многих других, словоформы *пером, человеком, стрелой, лесом, мыслью, перьями, детьми* и т. д. Каждая из них способна выражать серию падежей в семантическом понимании (значения орудия, деятеля, эталона сравнения, места движения и т. д., ср. выше). Таким образом, падежи в узко формальном понимании — это одно из возможных средств (наряду с предлогами, послелогоми, порядком слов и др.) для выражения падежей в семантическом понимании². Для признания падежей (в узко формальном понимании) их в данном языке должно быть не менее двух; в противном случае говорят, что в данном языке падежей нет вообще. Очевидно, что падежи в формальном (и, в частности, узко формальном) понимании не носят универсального характера, а всегда составляют элемент грамматического строя конкретного языка: в одном языке, например, 6 падежей (в формальном понимании), в другом 15, в третьем их нет вообще.

В современной лингвистической литературе, в особенности в конкретных описаниях, безусловно преобладает узко формальное понимание падежа, и именно оно будет интересовать нас ниже. Соответственно, в настоящей работе рассматриваются только такие описания падежных систем, которые в явной или неявной форме опираются на узко формальное понимание падежа³. В дальнейшем «падеж» (без уточнения) означает падеж в узко формальном понимании⁴.

Еще одно существенное ответвление в понимании термина «падеж» возникло сравнительно недавно в связи с работами Ч. Филлмора, который предложил использовать этот термин для обозначения определенных элементов глубокой синтактико-семантической структуры фразы⁵. «Глубинные» падежи носят, согласно Филлмору, универсальный характер и могут выражаться на поверхностном уровне различными средствами (аффиксами, служебными словами, порядком слов и др.) или даже никак не выражаться — в зависимости от конкретного языка. Вообще говоря, идея «глубинных» падежей может рассматриваться как продукт специфического развития (в русле идей порождающей грамматики) семантического понимания падежа. С формальной точ-

² Соотношение между падежами в узко формальном и семантическом понимании наглядно демонстрируется традиционными для латинских грамматик названиями типа *genetivus possessivus, genetivus partitivus, genetivus subjectivus, genetivus objectivus, dativus commodi, dativus possessivus, dativus finalis* и т. д.: здесь первая часть названия соответствует падежу в узко формальном понимании, а вторая — падежу в семантическом понимании.

³ Специально отметим, что узко формальное понимание падежа не нарушается тем, что, например, в традиционных русских грамматиках словоформы предложного падежа приводятся с предлогом *о* (*о доме, о доме* и т. п.). Здесь в действительности не имеется в виду, что предложный падеж от *дом* есть словосочетание *о доме*, поскольку предполагается, что в словосочетаниях *на доме, при доме* и т. д. выступает тот же самый падеж от *дом*. Иначе говоря, предложным падежом от *дом* фактически признается словоформа *доме* а выписывание предлога *о* — это лишь традиционный условный прием, несущественный для нашего анализа.

⁴ Падежу в семантическом понимании соответствует вводимое ниже (стр. 63) понятие «семантическая роль».

⁵ Ch. J. Fillmore. The case for case. «Universals in linguistic theory». N. Y., etc., 1968.

ки зрения, однако, мы имеем здесь дело с еще одним противопоставлением в понимании падежа — противопоставлением «глубинных» и «поверхностных» падежей. Очевидно, что практически все рассматриваемые в существующих лингвистических описаниях падежи следует охарактеризовать как поверхностные. Таким образом, в настоящей работе речь будет идти только о поверхностных падежах.

Особой оговорки требуют также: а) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные морфемы аффиксами или служебными словами (т. е. в вопросе о синтагматической границе словоформы); б) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные словоформы частью именной парадигмы или образуют самостоятельное слово (т. е. в вопросе о парадигматической границе слова). Очевидно, что от решения этих вопросов непосредственно зависит число и состав выделяемых в описании падежей. Например, от оценки грузинских единиц типа *magida-ze* 'на столе', *saxl-ši* 'в доме' как единых словоформ или как сочетаний именной словоформы с послелогом может зависеть признание или непризнание двух местных падежей; от оценки санскритских единиц типа *ċirṣa-taḥ* 'от головы, спереди', *viṣva-taḥ* 'отовсюду' как именных словоформ или как наречий зависит признание или непризнание особого падежа на *-taḥ*. Однако подобные расхождения сами по себе не затрагивают принятого в описании принципа выделения падежей, т. е. способа отличать единый падеж от противопоставленной пары падежей. В зависимости от того или иного решения этих спорных вопросов перед грамматистом, описывающим падежную систему, предстает тот или иной объем подлежащего описанию материала; например, в одном случае словоформы типа *ċirṣataḥ*, *viṣvataḥ* входят в этот объем, в другом нет. Но сам принцип выделения падежей, используемый грамматистом, может оставаться совершенно неизменным при всех вариациях описываемого материала (и наоборот, можно применить разные принципы выделения падежей к одному и тому же материалу).

В настоящей работе изучаются именно различия в принципах выделения падежей. Таким образом, рассматривая некоторое описание падежной системы того или иного языка, мы можем не интересоваться тем, хорошо ли решены в этом описании вопросы, связанные с границами словоформы и с границами парадигмы, поскольку они носят внешний характер по отношению к изучаемой нами проблеме. Соответственно, ниже мы ведем будем исходить из того решения этих вопросов, которое принято в самом рассматриваемом описании.

Итак, ниже исследуются не все имеющиеся описания падежных систем, а только те, которые опираются на узко формальное понимание падежа и относятся к поверхностному уровню языка. Лишь после такого сужения первоначальной темы осуществляется описанная выше схема исследования. Иначе говоря, решается вопрос о том, окажется ли единообразным представление о падеже после того, как на него наложены указанные ограничения.

§ 2

**Способ представления
существующих описаний падежных систем
в удобном для сравнения виде**

Как видно из постановки задачи, отдельным объектом нашего исследования является не падежная система некоторого языка как таковая, а одно из существующих ее описаний. Чтобы получить возможность непосредственно сравнивать такие описания друг с другом, необходимо предварительно представить их в какой-то унифицированной форме. Ниже излагается один из возможных способов такого представления. Этот способ достаточно близок к традиционному (отличаясь от него главным образом большей четкостью), поэтому большинство существующих описаний может быть представлено в предлагаемой унифицированной форме без существенной перестройки.

В предлагаемой унифицированной форме описание падежной системы должно состоять из двух групп правил: 1) *м о р ф о л о г и ч е с к и е* правила, описывающие само склонение, т. е. то, как образуются словоформы каждого падежа от разных категорий склоняемых слов; 2) *с е м а н т и к о - с и н т а к с и ч е с к и е* правила, указывающие для каждого падежа, в каких случаях он употребляется. Заметим, что в большинстве существующих описаний достаточно последовательно и компактно излагаются только правила первой группы; правила второй группы нередко предстают лишь в виде разнородных и обычно неполных сведений, к тому же рассеянных по разным разделам описания.

Морфологические правила

Вспомогательные понятия

Для описания морфологических правил нам потребуются некоторые вспомогательные понятия.

Назовем *н о м и н а т е м о й* единицу, получаемую абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Для практических целей можно также несколько упрощенно рассматривать номинатему просто как совокупность всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Под номинативным значением словоформы понимается совокупность элементов ее значения, отражающая непосредственно те или иные элементы действительности (в отличие от синтаксического значения, отражающего способность данной словоформы вступать при построении фразы в определенные связи с другими словоформами). У словоформ существительных среди номинативных элементов значения можно выделить основной, указывающий на предмет определенного вида, и дополнительные, выступающие в роли «семантических модификаторов» основного элемента значения. На-

пример, в номинативном значении словоформы *домики* основным элементом является «дом» (обозначение предмета определенного вида), а его семантическими модификаторами — множественность и уменьшительность. Перечислим важнейшие из семантических модификаторов, которые практически необходимо учитывать в последующем изложении:

а) количественные характеристики — единичность, множественность, двойственность, собирательность, частичность и т. п. (ср. *студент, студенты, студенчество*);

б) оценочные характеристики — уменьшительность, увеличительность, ласкательность, пренебрежительность и т. п. (ср. *ручка, ручища, рученька, ручонка*);

в) характеристика по определенности — неопределенности (ср. противопоставление неопределенной и определенной словоформ слова со значением «дом», например, в швед. *hus—huset*, румын. *casă—casa*, болгар. *дом—домът*, албан. *shtëpi—shtëpia*, араб. *baytun—'albaytu*, др.-евр. *bayiṯ—habbayiṯ*);

г) характеристика по принадлежности (ср. противопоставление словоформ со значением «дом» и «мой дом», например, в венг. *ház—házam*, фин. *talo—taloni*, араб. *baytun—bayti*, др.-евр. *bayiṯ—bēḇī*, таджик. *хона—хонаам*, азерб. *ев—евим*);

д) характеристика по полу (только для названий живых существ, ср. *волк—волчица* и т. п.).

Таким образом, к одной номинатема относятся только такие словоформы, у которых совпадает как основной элемент номинативного значения, так и все его семантические модификаторы, например: *студенты, студентов* (род. падеж), *студентам, студентов* (вин. падеж) и т. д. Напротив, например, словоформы *студент и студентки, рука и ручка, hus и huset, ház и házam, волк и волчица* относятся соответственно к разным номинатамам. В качестве обозначения номинатема может быть использована одна из ее словоформ, например: номинатема *студенты*.

Номинатема обычно составляет часть некоторой лексемы⁶; в частном случае она может быть равна лексеме. Например, лексема *студент* состоит из номинатем *студент* (ед. число) и *студенты* (мн. число); шведская лексема *student* состоит из номинатем *student* (ед. число, неопред.), *studenten* (ед. число, опред.), *studenter* (мн. число, неопред.), *studenterna* (мн. число, опред.); лексема

⁶ Под лексемой понимается единица, получаемая абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (см. также: А. А. З а л и н я к. Русское именное словоизменение, М., 1967, § 1.7; далее эта работа обозначается сокращенно: РИС) или, упрощенно, совокупность всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (в настоящем изложении мы практически исходим именно из упрощенных определений номинатема и лексемы). Таким образом, грамматические элементы номинативного значения (например,) единичность или множественность, определенность или неопределенность у лексемы не фиксированы, тогда как у номинатема фиксированы все элементы номинативного значения.

кто состоит из одной номинатемы. Оказывается, что для выявления и описания падежной системы языка существенно только распределение словоформ по номинатамам, а их распределение по лексемам — несущественно. Например, на падежную систему никак не влияет тот факт, что пары словоформ типа *студент—студенты*, *hus—huset*, *ház—házam* обычно относят в соответствующих грамматиках к одной лексеме, а пары типа *студент—студенчество*, *рука—ручка*, *волк—волчица* относят к разным лексемам⁷. Именно поэтому в данном вопросе оказалось невозможным опереться на общеизвестное понятие лексемы и пришлось ввести новое вспомогательное понятие номинатемы.

В дальнейшем изложении потребуется также понятие с е г м е н т а, т. е. внешней стороны словоформы. Приводимый ниже языковой материал рассматривается в письменной (орфографической) форме; соответственно, сегмент предстает как последовательность букв от пробела до пробела. Для языков со свободным ударением, типа русского, сегмент, вообще говоря, должен быть снабжен знаком ударения. (В настоящей работе русские сегменты приводятся со знаком ударения в таблицах и в тех случаях, где возможна двусмысленность; в прочих случаях в соответствии с традицией знак ударения опускается.) Выражение «сегмент та-ной-то номинатемы» означает сегмент, служащий внешней стороной какой-либо словоформы из этой номинатемы.

Таблица склонения

Основное требование, предъявляемое к морфологической части описания падежной системы, состоит в том, что она должна обеспечить для любой номинатемы и для любого падежа указание сегмента (или сегментов), которыми представлена данная номинатема в данном падеже⁸ (или указание о том, что такого сегмента не существует).

Логически (но, конечно, не практически) самой простой формой таких правил является таблица с двумя входами, где каждая строка соответствует некоторому падежу, а столбец — номинатеме и где таким образом представлены все падежи и все номинатемы. В отдельной клетке таблицы может содержаться один или несколько сегментов или стоять прочерк (как символ того, что нужного сегмента не существует)⁹. Разумеется, действительно выписать

⁷ Между прочим, это означает, что на описание падежной системы никак не влияют разногласия по поводу границ лексемы, например, разногласия по поводу того, следует ли относить в русском языке единственное и множественное число существительного к одной лексеме. Ср. также: А. В. Г л а д к и й. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного. — Наст. сборник, стр. 49 (§ 4, пункт 7).

⁸ Т. е. сегментов, являющихся внешней стороной словоформ, относящихся одновременно к данной номинатеме и к данному падежу.

⁹ Заметим, что если не считать разницы в числе столбцов, то такая таблица вполне сходна с обычными таблицами склонения, приводимыми в грамматиках.

всю такую таблицу практически невозможно, хотя бы потому, что номинатем слишком много. Любые реальные правила склонения строятся гораздо компактнее; существенно, однако, что если они удовлетворяют указанному выше основному требованию, то результат их действия в принципе можно представить в виде такой таблицы. Поэтому мы будем в дальнейшем считать унифицированной формой записи морфологических правил склонения именно такую таблицу.

Временно исключим из рассмотрения ту часть этой мысленной таблицы, которая отражает склонение слов-атрибутов (прилагательных, местоимений-прилагательных, числительных)¹⁰. Оставшаяся ее часть отражает склонение существительных и местоимений-существительных (далее называемых для краткости просто местоимениями). Она будет именоваться ниже просто т а б л и ц е й с к л о н е н и я.

Перевод правил склонения, содержащихся в конкретном описании, в указанную унифицированную форму в принципе несложен. Правда, в связи с тем, что традиционные описания недостаточно строгие, при таком переводе может потребоваться некоторое редактирование: нужно довести нечеткие или подразумеваемые утверждения до явной формы¹¹, так или иначе устранить очевидные противоречия¹² и т. п. Таким образом, к сожалению, некоторый элемент толкования тут оказывается неизбежным.

Особый случай составляют описания, в которых одному классу номинатем приписан один набор падежей, а другому — другой (обычно один из таких наборов вкладывается в другой, но в принципе это не обязательно). Чтобы перевести такое описание в унифицированную форму, нужно для каждого упоминаемого в описании падежа отвести отдельную строку таблицы, а в столбце всякой номинатемы, которой этот падеж не приписан, поставить в данной строке прочерк. Ниже мы не делаем, однако, этой операции в том частном случае, когда один набор падежей приписан существительным, а другой — местоимениям. В этом случае таблица склонения состоит из двух отдельных частей: субстантивной и местоименной, различающихся между собой числом и (или) наи-

¹⁰ Вопросы, связанные со склонением слов-атрибутов, будут рассматриваться лишь во второй части настоящей работы.

¹¹ Например, нужно один раз для всего описания установить, является ли, скажем, название «именительно-винительный» обозначением особого падежа, отличного от именительного и винительного, или обозначением омонимии этих падежей, и т. п. (это реальная проблема, например, для понимания ряда румынских грамматик).

¹² Так, например, в «Грамматике латинского языка» С. И. Соболевского в § 22 сказано, что в латинском склонении различаются шесть падежей (приводится список, в который местный падеж не входит) и соответственно строятся все таблицы склонения, а в § 524 говорится: «Названия городов и небольших островов на вопрос «где?» ставятся в местном падеже (без предлога), который в ед. числе 1-го и 2-го склонения одинаков с родительным падежом, а в ед. числе 3-го склонения и во множ. числе всех склонений одинаков с творительным падежом».

менованиями строк (т. е. падежей)¹³. Дело в том, что по своим синтаксическим свойствам местоимения могут очень сильно отличаться от существительных и поэтому, как показывает практика описаний, для них в большей мере, чем для какой-либо другой группы склоняемых слов, может быть оправдано признание особой падежной системы, отличной от падежной системы остальных слов.

Разумеется, если правила склонения, содержащиеся в рассматриваемом описании, неполны (т. е. не удовлетворяют основному требованию), то эта неполнота отразится и в таблице склонения: в некоторые клетки не будет внесено никаких сведений (ни сегментов, ни прочерка). Однако для рассматриваемых ниже вопросов подобная неполнота (в той мере, в какой она реально встречается) оказывается несущественной; иначе говоря, решение этих вопросов не меняется, если исключить из рассмотрения все те столбцы таблицы склонения, где есть хотя бы одна такая клетка, не содержащая никаких сведений. Поэтому ниже мы будем исходить из того, что такие столбцы уже исключены и, следовательно, всякая клетка таблицы склонения содержит либо сегмент (сегменты), либо прочерк.

Отметим следующие формальные свойства таблицы склонения, обусловленные тем что рассматриваются только описания, опирающиеся на узко формальное понимание падежа:

- а) всякая таблица склонения содержит не менее двух строк;
- б) любые две ее строки различны между собой (т. е. хотя бы в одном столбце клетки этих строк заполнены по-разному).

Отметим также следующее эмпирически наблюдаемое свойство таких таблиц: никакая строка такой таблицы не равна сумме двух других (строка C_1 равна сумме строк C_2 и C_3 , если в любом столбце клетка из C_1 содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток из C_2 и C_3). Содержательно это означает, что ни одна грамматика не признает особым падежом возможность безразличного использования (в определенных случаях) любого из некоторой пары падежей. Например, никакая грамматика русского языка не признает особым падежом («именительно-творительным») форму, в которой выступает именная часть сказуемого во фразах типа *он был солдат* = *он был солдатом*, или другим особым падежом («родительно-винительным») форму, в которой выступает прямое дополнение при наличии отрицания (например, *он не видел этой книги* = *он не видел эту книгу*).

Семантико-синтаксические правила

Вспомогательные понятия

Для описания семантико-синтаксических правил, связанных с падежами, требуется ряд вспомогательных понятий, в том числе несколько уже использовавшихся при моделировании грамматической категории падежа¹⁴.

¹³ Возможен также случай, когда падежи признаются только у местоимений (а у существительных вообще не признаются). Тогда в сфере нашего рассмотрения остается только местоименная таблица склонения.

¹⁴ См.: В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М.,

Мы будем называть к о н т е к с т о м совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определенном порядке.

Будет использоваться также неопределяемое понятие «с е м а н т и ч е с к а я р о л ь», содержательно соответствующее тому, что выше было названо падежом в семантическом понимании. С этим понятием связано следующее словоупотребление. Пусть имеется фраза *он послал родителям книгу своего друга*. Мы будем говорить, что сегмент *родителям* выражает¹⁵ в данной фразе семантическую роль «адресат действия» для номинатемы *родители*; сегмент *книгу* выражает в данной фразе семантическую роль «объект действия» для номинатемы *книга*; сегмент *друга* может выражать в данной фразе семантическую роль «владелец чего-либо» или семантическую роль «автор чего-либо» для номинатемы *друг*. Семантические роли могут выражаться сегментами не только во фразах, но и в словосочетаниях. Например, в словосочетании *послать родителям книгу своего друга* сегменты *родителям, книгу, друга* выражают (для соответствующих номинатем) те же семантические роли, что в разобранный выше фразе.

В дальнейшем будет часто встречаться пара следующего вида: некоторый контекст + некоторая семантическая роль. Ради сокращения последующих формулировок примем для такой пары рабочее название «с и т у а ц и я». Пример ситуации: контекст «*братъ ...*» + семантическая роль «объект действия».

Будем говорить, что ситуация S (контекст K , семантическая роль R) д о п у с к а е т сегмент n для номинатемы N , если этот сегмент, будучи подставлен в контекст K на место многоточия, даст фразу или словосочетание, где он может выражать семантическую роль R для номинатемы N . Так, ситуация, где $K =$ «*братъ...*» и $R =$ «объект действия», допускает сегмент *вилку* для номинатемы *вилка*, сегмент *лошадей* для номинатемы *лошади* и т. д. Напротив, она не допускает для номинатемы *вилка*, например, сегмента *вилка* (словосочетание *братъ вилка* не имеет смысла) или сегмента *вилкой* (в словосочетании *братъ вилкой* сегмент *вилкой* выражает не ту семантическую роль, которая входит в заданную ситуацию).

З а м е ч а н и е. Поскольку понятию семантической роли определения не дается, можно по-разному отвечать на вопрос о том, в каких случаях мы имеем дело с одной и той же семантической ролью. Так, при более широком понимании семантической роли можно считать, что в *братъ вилку* и *описать вилку* представлена одна и та же семантическая роль «объект действия», при более узком — что здесь две разных: например, «объект физического воздействия» и «объект описания». Не имея средств для формального разграничения

1957.— Используемому ниже термину «контекст» соответствует в этой работе «набор слов с пропуском», термину «семантическая роль» — «состояние», термину «ситуация» — «согласованная пара»; ср. также РИС, § 2.3.
¹⁵ Эту формулировку надлежит рассматривать как эллиптическую, вместо более строгой: «сегмент *родителям* является внешней стороной некоторой словоформы, которая выражает ...».

этих двух пониманий, отметим лишь, что практически ниже обычно используется более широкое понимание семантической роли. К счастью, для большинства интересующих нас вопросов выбор более узкого или более широкого понимания семантической роли оказывается несущественным. Дело в том, что в настоящей работе семантические роли почти везде рассматриваются не в чистом виде, а в составе ситуаций, т. е. при некотором фиксированном контексте. Так, если задан контекст «*брать ...*», то по существу безразлично, как обозначить семантическую роль, выражаемую в этом контексте сегментами *вилку, овцу, лошадей* и т. д. — как «объект действия», «объект физического воздействия» или даже «объект взятия»; достаточно лишь отличить эту семантическую роль от таких, как «орудие действия» или «адресат действия». Утверждение о том, что, например, ситуация, где $K = \text{«брать ...»}$ и $R = \text{«объект действия»}$, допускает для номинатемы *вилка* сегмент *вилку*, в сущности сводится к нашему интуитивному представлению о том, что в данном контексте сегмент *вилку* выражает ту же самую семантическую роль (как бы она ни была обозначена), что и определенный ряд других сегментов — в частности, *овцу, лошадей, лампу, корабль, слова* и т. д. Это интуитивное представление, по-видимому, достаточно единообразно у носителей русского языка.

Будем говорить, что ситуация S и номинатема N с о в м е с т и м ы, если имеется хотя бы один сегмент, который ситуация S допускает для N . Пример несовместимости: ситуация, где $K = \text{«идет...»}$ и $R = \text{«субъект действия»}$, и любая номинатема мн. числа, например, *люди, корабли, столбы*.

Предположим, что для рассматриваемого языка уже некоторым образом задана таблица склонения. Тогда мы будем говорить, что ситуация S д о п у с к а е т для номинатемы N падеж C , если она допускает для N любой сегмент, содержащийся в той клетке таблицы склонения, которая принадлежит столбцу N и строке C . Например, ситуация, где $K = \text{«брать...»}$ и $R = \text{«орудие действия»}$, допускает для номинатемы *вилка* творительный падеж, поскольку она допускает оба сегмента (*вилкой* и *вилкою*), которые содержатся в соответствующей клетке таблицы склонения. Будем говорить, что ситуация S в с е г д а д о п у с к а е т падеж C , если она его допускает для всякой совместимой с ней номинатемы, не имеющей прочерка в клетке падежа C . Например, только что рассмотренная ситуация всегда допускает творительный падеж.

Как легко видеть, введенные определения опираются на предположение о том, что мы можем непосредственно обращаться к смыслу любой фразы или словосочетания. Тем самым мы сталкиваемся здесь с пресловутой проблемой грамматической правильности, поскольку смыслом обладают только грамматически правильные фразы (или словосочетания)¹⁶. В связи с этим необходимы некоторые разъяснения неформального характера.

В настоящее время признано, что грамматическая правильность допускает градацию. Различают по меньшей мере две степени — так называемую «реальную» грамматическую правильность и грамматическую правильность,

¹⁶ Вообще, по-видимому, допустимо считать, что грамматически правильная фраза — это такая фраза, которой можно приписать некоторый смысл, не производя в ней мысленных исправлений (иначе говоря, это такая фраза, что можно найти некоторый смысл, для которого она окажется правильным внешним выражением). Оговорка об отсутствии исправлений нужна для того, чтобы в число грамматически правильных не попали фразы с ошибками в согласовании и т. п., которые тем не менее можно понять, т. е. осмыслить.

возникающую лишь на основе определенных аналогий с реально правильными фразами¹⁷. К сожалению, строгого и эффективного способа разграничивать эти степени грамматической правильности не найдено. По-видимому, целесообразно интерпретировать различие двух степеней грамматической правильности в семантических терминах, а именно, как различие между «семантически стандартными» и «семантически нестандартными» фразами. Основная идея такого разделения состоит в следующем: для осмысления (понимания) семантически стандартной фразы достаточно использовать словарные значения каждого входящего в нее слова; для осмысления семантически нестандартной фразы хотя бы одному слову должно быть приписано не одно из его словарных значений, а особое значение, полученное из словарного путем некоторого семантического сдвига, направленного на «семантическое приспособление» слова к необычному контексту. Этот сдвиг чаще всего состоит в метонимии, позволяющей приписать слову общие свойства «чужого» семантического класса слов, который обычно выступает в данном контексте. Разумеется, предлагаемое разграничение не претендует на строгость и может служить для практических целей лишь в достаточно явных случаях.

Рассмотрим некоторые характерные примеры «семантического приспособления», имеющие непосредственное отношение к проблеме падежа. Русские существительные довольно четко делятся на два семантических класса, которые можно условно обозначить как класс поддающихся счету и класс не поддающихся счету. Существительные, поддающиеся счету, например, *дом, стена, корова, врач*, характеризуются как качественной, так и количественной определенностью: *дом* означает предмет с определенными свойствами и в определенном количестве (а именно, один; в большем количестве это уже называется *домá*). Существительные, не поддающиеся счету, например, *чай, вода, холод, воображение*, характеризуются только качественной, но не количественной определенностью: *чай* означает предмет с определенными свойствами, но в любом количестве; в частности, любая часть чая есть тоже чай. Для каждого из этих семантических классов характерна особая сочетаемость с другими словами. Например, в сочетании «немного + родительный падеж ед. числа» нормально могут выступать только слова, не поддающиеся счету: *немного чаю, воды, воображения* и т. д. Возможны ли вообще сочетания вроде *немного стены, коровы, врача*? Сначала слушатель воспринимает их как бессмысленные, однако затем он быстро обнаруживает возможность их осмыслить: нужно лишь приспособить значения существительных к необычному контексту, изменить эти значения так, чтобы они приобрели основное свойство противоположного семантического класса — качественную тождественность части и целого. Конкретные пути к этому могут быть различными: например, под «стеной» в силу метонимии можно понимать материал, из которого она сделана; особенно легко совершается семантический сдвиг, в результате которого любой предмет представляется как пицца. Таким образом, фразы типа *дайте мне немного стены* грамматически правильны, но семантически нестандартны.

Другой подобный пример составляет противопоставление одушевленных и неодушевленных существительных. Можно сказать, например: *зайца убила молнией (деревом, камнем, градом)*; но не говорят: *зайца убило охотником (медведем, собакой)*. Тем не менее фразы второй группы не являются грамматически неправильными; они лишь семантически нестандартны. Чтобы их понять, нужно осмыслить охотника, медведя, собаку и т. д. просто как физические тела (которые могут, например, падать сверху).

Особенно известный пример составляют слова со значением отрезка времени. Только эти слова входят в нормальных условиях в сочетания типа *спал час (минуту, целый день, всю неделю), час тому назад, часом позже* и

¹⁷ Ср.: Н. Хомск и й. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Ревзин. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8; Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, § 0.3 (ср. также РИС, § 2.3).

т. п. Если в этих сочетаниях употребить существительные других семантических групп, то для осмысления таких текстов потребуются произвести довольно сложное «семантическое приспособление». Например, чтобы осмыслить сочетание *спал целый лес, лес тому назад, лесом позже*, можно представить себе поезд, который идет мимо лесов, перемеженных полями; при этом слову *лес* путем метонимического переноса будет приписано значение «отрезок времени, в течение которого проезжается лес», т. е. ему будет придано основное общее свойство нужной семантической группы.

Как видно из примеров, неопределяемые понятия грамматической правильности и семантической стандартности приложимы как к фразам, так и к словосочетаниям. При изучении падежа в большинстве случаев достаточно анализа словосочетаний (ср. в этом отношении практику традиционных грамматик).

Существующие модели грамматической категории падежа опираются на уровень грамматической правильности; на уровне семантической стандартности почти все они оказались бы недействительными. Между тем представляется вероятным, что традиционное понятие падежа формировалось на базе семантически стандартных фраз. Поэтому для оценки тех или иных схем, связанных с падежом, существенно установить, какого уровня правильности фраз (словосочетаний) они требуют. Понятно, что в зависимости от выбранного уровня правильности изменяется реальное содержание понятия «допустить (некоторый сегмент)» и всех тех, которые на него опираются. Ниже, если специально не оговорено обратное, эти понятия используются применительно к уровню грамматической правильности.

Правила управления

Назовем **правилом управления** для некоторой ситуации указание о том, какой сегмент (или сегменты) допускает эта ситуация для каждой совместимой с ней номинатемы. Поскольку предполагается, что таблица склонения известна, правило управления для некоторой ситуации может иметь, в частности, следующий вид: «данная ситуация всегда допускает такой-то падеж (или такие-то падежи)». Такое правило управления мы будем называть **простым**. В другом частном случае правило управления может быть таково: «все совместимые с данной ситуацией номинатемы делятся на классы A_1, A_2, \dots, A_n ; для всего класса A_1 данная ситуация допускает такой-то падеж (или падежи); для всего класса A_2 она допускает такой-то падеж (или падежи) ... и т. д. до A_n ». Такое правило управления мы будем называть **расчлененным**. Простые и расчлененные правила управления объединяются под названием **стандартных**; соответственно, правила управления любой иной структуры называются **нестандартными**.

Общий вид задач, решаемых с помощью правил управления, таков. Представим себе, что в процессе синтеза фразы с заданным смыслом возник некоторый контекст; уже известно, кроме того, какую номинатему следует употребить в этом контексте и какая семантическая роль должна быть при этом выражена. Требуется найти сегмент (или сегменты) данной номинатемы, которые удовлетворяют заданию. (Разумеется, мы не считаем, что синтез любой фразы непременно должен проходить через такой этап; нам достаточно показать здесь, что описанная задача вполне реальна.)

Правила управления для всех возможных ситуаций и образуют в нашей унифицированной схеме семантико-синтаксическую часть правил, связанных с падежной системой. Разумеется, непосредственно написать правила управления для всех возможных ситуаций нельзя, поскольку число ситуаций, по-видимому, даже не конечно. Известно, однако, что на выбор падежа у существительного фактически влияет не все его окружение во фразе, а обычно лишь то слово, которому оно синтаксически подчинено¹⁸. Это значит, что если не менять заданной семантической роли, то, например, контекст «*послал ... книгу своего друга*» можно свести к «*послал...*» или даже «*послать...*» и правило управления от этого не изменится. Возможны и иные типы перехода от одной ситуации к другой без изменения правила управления. Благодаря этим обстоятельствам в принципе возможно выбрать ограниченное число «ключевых» ситуаций, для которых указываются правила управления, а для всех остальных ситуаций построить правила сведения их к какой-либо из ключевых. В грамматиках и словарях в качестве таких ключевых ситуаций обычно выступают ситуации, где контекст состоит из предлога, из глагола или из глагола плюс предлог (при этом семантическая роль уточняется лишь в том случае, если сам по себе контекст еще не предопределяет выбора падежа). Примеры соответствующих формулировок из традиционных описаний: «предлог *без* требует родительного падежа (= управляет родительным падежом)»; «глагол *руководить* управляет творительным падежом»; «в латинском языке при глаголах с общим значением 'лишать, лишаться, нуждаться' существительное, обозначающее отнимаемый или недостающий предмет, ставится в отложительном падеже». Типовые случаи глагольного управления, когда выбор падежа определяется прежде всего семантической ролью, рассматриваются в традиционных грамматиках в разделе «значения падежей» (или «употребление падежей»); ср., например, правило о том, что название объекта действия ставится в винительном падеже. Более индивидуальные случаи управления, когда выбор падежа тесно связан с конкретным глаголом, обычно относят к ведению словарей.

Как уже отмечено выше, семантико-синтаксические правила, связанные с падежной системой, в традиционных описаниях обычно гораздо менее последовательны и полны, чем морфологические. Ни в одном описании нет явного перечня ключевых ситуаций (или каких-то их аналогов), и нет никакой уверенности в том, что соответствующая информация содержится в каком-либо описании хотя бы в неявном или раскрытом виде; нет также и явно сформулированных правил перехода от произвольных ситуаций к ключевым или наоборот. Таким образом, при переводе любого суще-

¹⁸ Случаи, когда падеж существительного определяется серией подчиняющих слов, встречаются существенно реже: *стремится в город, живет в городе, не имеет смысла, не мог разглядеть пятны*.

ствующего описания в унифицированную форму в семантико-синтаксической части должны обнаружиться значительные лакуны. К счастью, для целей настоящей работы о правилах управления, содержащихся в том или ином описании, требуется знать лишь очень немногое, а именно, только их структуру, т. е. принадлежность к числу простых, расчлененных или нестандартных.

Очень существенно здесь также то, что структура правил управления оказывается непосредственно связанной с устройством таблицы склонения. Покажем эту связь на примере. Если при описании русского языка принята классическая 6-падежная схема (и, следовательно, например, у номинатемы *сад* в клетке предложного падежа находятся сегменты *са́де* и *саду́*), то невозможно дать никаких стандартных правил управления, в частности, для ситуации S_1 (контекст «говорить о...»; семантическая роль «предмет разговора») или ситуации S_2 (контекст «находиться в...»; семантическая роль «место, где нечто находится»). В самом деле, нельзя сказать *говорить о саду́* или *находиться в саде*. Это значит, что ситуации S_1 и S_2 , совместимые с номинатемой *сад*, не допускают для нее предложного падежа (поскольку каждая из них допускает лишь один сегмент из соответствующей клетки). S_1 и S_2 не допускают для номинатемы *сад* также никакого другого падежа. Следовательно, никакие стандартные правила управления для этих ситуаций невозможны. Если же признать существование двух предложных падежей, то для S_1 и S_2 становятся возможными простые правила управления: S_1 всегда допускает обычный (1-й) предложный падеж; S_2 всегда допускает 2-й предложный падеж.

Таким образом, зная устройство таблицы склонения в некотором описании, мы фактически можем предсказать структуру правил управления (разумеется, при условии, что мы знаем рассматриваемый язык, конкретнее — что мы знаем, какие сегменты фактически допускает та или иная ситуация). Поэтому ниже, оценивая то или иное описание, мы учитываем не только те правила управления, которые в нем реально содержатся, но и те, которые с неизбежностью вытекают из принятого в этом описании устройства таблицы склонения. Более того, в случае каких-либо расхождений правилам последнего рода отдается предпочтение.

§ 3

Трудные случаи выделения падежей

Рассмотрим основные типы случаев, когда некоторый падеж конкретного языка в одних описаниях признается, а в других нет или когда сходные явления разных языков, имеющие отношение к проблеме падежа, по-разному трактуются в соответствующих грамматиках.

Морфологически несамостоятельные падежи

Назовем падеж морфологически несамостоятельным, если соответствующая строка таблицы склонения не содержит ни одного сегмента, который бы не встречался (в пределах того же столбца) в какой-нибудь другой строке. Простейший тип морфологически несамостоятельного падежа таков: все номинатемы делятся на два класса; у номинатем одного класса морфологически несамостоятельный падеж C совпадает по форме с некоторым падежом C_1 , у номинатем другого класса — с падежом C_2 .

Как легко понять, любой морфологически несамостоятельный падеж можно устранить из таблицы склонения (т. е. отказаться от признания его особым падежом), переформулировав соответствующим образом правила управления. Так, в указанном простейшем случае для этого достаточно заменить в правилах управления формулировку «всегда допускает падеж C » (везде, где она встречается) формулировкой «допускает падеж C_1 для номинатем первого класса, падеж C_2 для номинатем второго класса». Заметим, что простые правила управления превратятся при этом в расчлененные.

Таким образом, одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчлененных правил управления для некоторых ситуаций). В существующих лингвистических описаниях мы находим примеры как первого, так и второго из этих решений. Оказывается, что отношение к морфологически несамостоятельным падежам — это самый существенный пункт расхождения в практике выделения падежей.

З а м е ч а н и е. Разумеется, для описания языка в целом выбор первого или второго из этих решений существенного значения не имеет: разница лишь в том, каким способом в описании зафиксирована определенная грамматическая информация (а именно, информация о том, какие сегменты допускает определенная серия ситуаций). При одном из решений для записи этой информации служит дополнительная строка в таблице склонения, при другом — условленные правила управления. Непринципиальный характер этого различия не меняет, однако, того факта, что признание или непризнание морфологически несамостоятельных падежей воплощает два различных понимания термина «падеж».

Рассмотрим примеры признаваемых и не признаваемых грамматиками морфологически несамостоятельных падежей.

В традиционных грамматиках современного армянского языка в числе прочих падежей указывается также винительный, про который говорится, что у названий лиц (и у соответствующих местоимений) он совпадает с дательным, а у прочих слов — с именительным (у некоторых слов винительный падеж имеет две фор-

мы, одна из которых совпадает с дательным, а другая с именительным)¹⁹.

Морфологически несамостоятельный винительный падеж признается также в описаниях древнеармянского языка: в ед. числе (кроме слов «я», «ты») этот падеж совпадает с именительным, во мн. числе (а также у слов «я», «ты») — с местным.

Сложную картину представляет собой выражение прямого дополнения в эстонском языке. Здесь различается так называемое полное и так называемое частичное прямое дополнение. Правила их распределения, взятые в полном объеме, довольно сложны; здесь достаточно указать следующее основное различие: полное дополнение выступает в том случае, когда действие распространяется на весь предмет или на вполне определенную его часть (ср. русск. *принеси воду, чай*), частичное — когда действие распространяется на неопределенную часть предмета (ср. русск. *принеси воды, чаю*). Частичное прямое дополнение всегда ставится в особом падеже — паритиве. Полное прямое дополнение выражается менее единообразно, а именно: а) если глагол стоит в повелительном наклонении или в неопределенно-личной форме (а также в некоторых других, более сложно характеризующихся случаях), оно ставится в именительном падеже; б) в прочих случаях правило (в том виде, как оно дается в грамматиках) таково: в ед. числе полное дополнение ставится в родительном падеже, во мн. числе — в именительном. Для иллюстрации приведем фрагмент традиционной таблицы склонения и несколько фраз.

	«вода»	«пирого»
именительный	vesi	pirukad
родительный	vee	pirukate
паритив	vett	pirukaid

Частичное прямое дополнение: too vett (pirukaid) «принеси воды (пирогов)». Полное прямое дополнение: а) too vesi (pirukad) «принеси воду (пирого)»; б) tðin vee (pirukad) «я принес воду (пирого)» [ср. обычный родительный падеж в vee (pirukate) maitse «вкус воды (пирогов)»]. Очевидно, что в случае «б» в принципе можно было бы усмотреть и особый морфологически несамостоятельный падеж («винительный»), избавившись тем самым от приведенного выше расчлененного правила управления²⁰.

Особенно замечательный случай составляет традиционная латышская грамматика: она содержит одновременно пример при-

¹⁹ В то же время в некоторых нетрадиционных описаниях существование винительного падежа в современном армянском языке отрицается; ср., в частности: Э. Б. Агамян. Склонение и спряжение в современном армянском языке (структурный анализ). Ереван, 1967 (на арм. языке).

²⁰ Именно такое решение мы находим, например, в описании вепсского языка, близко родственного эстонскому и вполне сходного с ним в рассматриваемом здесь отношении; см.: М. М. Хьямяляйн и др. Вепсский язык. «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

знания и пример непризнания морфологически несамостоятельного падежа. С одной стороны, в ней признается существование особого творительного падежа, который в ед. числе всегда совпадает с винительным, а во мн. числе — с дательным; ср. следующий фрагмент традиционной таблицы склонения:

	«стол»	«столы»
родительный	galda	galdu
дательный	galdam	galdiem
винительный	galdu	galdu
творительный	(ar) ²¹ galdu	(ar) galdiem

С другой стороны, дается следующее синтаксическое правило: при ед. числе существительного или местоимения одна группа предлогов требует родительного падежа (например, *iz galda* 'из стола', *bez galda* 'без стола'), другая — винительного (например, *pār galdu* 'через стол', *ap galdu* 'вокруг стола'), третья — дательного (например, *līdz galdam* 'до стола'); при мн. числе существительного или местоимения все предлоги требуют дательного падежа: *iz galdiem* 'из столов', *bez galdiem* 'без столов', *pār galdiem* 'через столы', *ap galdiem* 'вокруг столов', *līdz galdiem* 'до столов'. Непоследовательность такого описания очевидна. Чтобы ее устранить, нужно либо вообще отказаться от признания морфологически несамостоятельных падежей и, следовательно, не признавать особого творительного падежа²², либо, напротив, признать еще один морфологически несамостоятельный падеж (совпадающий в ед. числе с родительным, а во мн. числе с дательным, ср. *iz galda*, *iz galdiem*). В последнем случае правила управления станут простыми: например, предлог *līdz* требует дательного падежа, предлоги *pār*, *ap* (и, конечно, также *ar*) — творительного, предлоги *iz*, *bez* — указанного выше дополнительного падежа.

Еще один пример подобного рода составляет беспредложное обозначение места действия в латыни. В классической латыни оно возможно лишь у ограниченного круга слов (практически только у имен собственных — названий городов и островов), например: *vivō Rōmae* (*Corinthī*, *Cyprī*, *Athēnīs*, *Carthāgine*) 'живу в Риме (в Коринфе, на Кипре, в Афинах, в Карфагене)'. При этом у одной части номинатем (например, *Rōma*, *Corinthus*, *Cyprus*) сегменты, выступающие в таких фразах, совпадают с родительным падежом, у другой (например, *Athēnae*, *Carthāgō*) — с отложительным (подробнее см. цитату из С. И. Соболевского в сноске 12; отложитель-

²¹ Словоформы творительного падежа в таблицах принято приводить с предлогом *ar* 'с, посредством', поскольку они почти никогда не употребляются без предлога (ср. русскую традицию приводить словоформы предложного падежа с предлогом *о*).

²² Именно такое решение принято в некоторых менее традиционных описаниях, в частности, в грамматическом очерке Я. В. Лоя, включенном в его «Латышско-русский словарь» (М., 1946).

ный падеж назван там творительным). Несколько отклоняются от этого принципа словоформы *domī* 'в доме, дома' (обычный родительный падеж чаще *domūs*, чем *domī*) и *rūrī* (наряду с *rūre*) 'в деревне, за городом' (обычный отложительный падеж *rūre*); однако, по признанию большинства грамматиков, *domī* и *rūrī* в классический период функционируют уже не как именные словоформы, а как наречия (ср. русск. *дома*); сочетания типа *domī meae* 'в моем доме' сохраняются лишь в качестве застывших архаических оборотов.

Некоторые латинские грамматики выделяют на основании этих фактов особый местный падеж (образующийся не от всех слов); понятно, что этот падеж морфологически несамостоятелен. Большинство грамматиков не признает, здесь, однако, особого падежа, а вместо этого дает в соответствующем разделе расчлененное правило управления²³. (В цитированной выше грамматике С. И. Соболевского противоречиво соединены оба возможных подхода.)

Заметим, что описанное состояние складывалось в латыни постепенно и этапы его формирования можно проследить по памятникам²⁴. Так в доклассический период встречаются словоформы местного падежа, не совпадающие ни с родительным, ни с отложительным, но совпадающие с дательным, например *Carthāginī* 'в Карфагене' у Плавта (понятно, что и в этом случае местный падеж выступает как морфологически несамостоятельный). Но еще раньше, в древнелатинский период, существовали словоформы местного падежа, отличные от всех прочих падежей, например, *Dēlei* 'на Делосе' (ср. родительный *Dēlt*); таким образом, для этого периода местный падеж должен быть признан морфологически самостоятельным и не может быть устранен из списка падежей.

По-видимому, в разных языках можно обнаружить немало случаев подобного рода, которые просто не привлекли внимания составителей традиционных грамматик. Например, словари русского языка отмечают, что глагол *ждать* может иметь дополнение как в родительном, так и в винительном падеже (не указывая, как эти падежи распределяются). Фактически в современном языке здесь действует следующее расчлененное правило управления: у одушевленных существительных употребляется винительный падеж, у неодушевленных — родительный (у некоторых неодушевленных возможны оба эти падежа); ср. *жду мать, сестру, конца, ночи, поезда* или *поезд* (подробнее см. РИС, § 2.9). Понятно, что этот факт можно было бы также описать как существование особого морфологически несамостоятельного падежа.

Другой пример. Подставляя в контекст «*это произошло в...*» названия отрезков времени, получаем: а) *это произошло в четверг, в субботу, в ночь, в каникулы, в день (час, минуту) отъезда, в наше время, в ту пору, в ту весну, в великий пост* и т. д.; б) *это произошло в мае, в ноябре, в конце недели, в середине зимы* и т. д.; в) *это*

²³ Такое решение восходит к античным латинским грамматикам; см. об этом: В. М. Л и н д с е й. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 41—42.

²⁴ См.: А. Эрн у. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 23—25.

произошло в тот год (= в том году), в первый месяц года (= в первом месяце года) и т. д. Таким образом, здесь при желании также можно выделить особый морфологически несамостоятельный падеж («временной»). Нечто сходное мы находим также, например, в эстонском языке: *asi juhtus novembris (laupäeval)* 'дело случилось в ноябре (в субботу)', где *novembris* — инессив (букв. 'в ноябре') а *laupäeval* — адессив (букв. 'на субботе')²⁵.

Итак, в конкретных описаниях мы фактически сталкиваемся с двумя несколько различными пониманиями термина «падеж»: допускающим и не допускающим существование морфологически несамостоятельных падежей. Первое понимание по существу определяется требованием о том, чтобы для всякой ситуации правила управления были простыми; при втором понимании данное требование подлжит соблюдению лишь в тех пределах, где это не ведет к появлению морфологически несамостоятельных падежей; соответственно, в принципе допускаются расчлененные правила управления.

Разумеется, было бы неправильно полагать, что составлению всякого конкретного описания падежной системы предшествовал сознательный выбор одной из этих двух концепций падежа. В ряде случаев признание или непризнание конкретного морфологически несамостоятельного падежа явно определялось побочными факторами. Чаще всего таким фактором является давление грамматической традиции другого языка, например, влияние латинской падежной схемы. Это влияние можно усмотреть, например, в некоторых случаях признания морфологически несамостоятельного винительного падежа. Сходное влияние может оказывать также падежная схема, свойственная предшествующим этапам развития данного языка. Например, признание особого творительного падежа в традиционной латышской грамматике несомненно связано с тем, что в общепалтийском (так же, как в современном литовском) этот падеж был морфологически самостоятельным. Напротив, другой морфологически несамостоятельный падеж латышского языка (выступающий после *iz, bez*) не соответствует какому-либо особому общепалтийскому падежу и потому не отражен в традиционной схеме (отсюда внутренняя противоречивость этой схемы).

Можно предполагать, что на выбор одной из этих двух концепций падежа в какой-то степени влияют также некоторые внутриязыковые факторы. Так, по-видимому, агглютинативный характер языка благоприятствует концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, поскольку для грамматик агглютинативных языков характерно представление об однозначном соответствии между падежом и выражающим его

²⁵ Заметим, что на уровне сочетаний существительного с предлогом (который в настоящей работе не рассматривается) мы находим аналогичные соотношения также в парах типа *англ. in November* — *он Saturday* или *русс. в Белоруссии, в Крыму* — *на Украине, на Таймyre* и т. п.

аффиксом. Этой же концепции, по-видимому, благоприятствует семантическая прозрачность того деления номинатем на классы, которое необходимо использовать в расчлененном правиле упорядочения (например, ед. число — мн. число, одушевленные — неодушевленные, личные — неличные, определенные — неопределенные); и наоборот, несвязанность этого деления со смыслом (например, в случае, где деление проходит по типам склонения) благоприятствует признанию морфологически самостоятельного падежа.

В целом в лингвистической практике, по-видимому, шире представлена концепция, не допускающая морфологически самостоятельных падежей. Заметим, что установить полный список представленных в языке падежей при этой концепции гораздо легче, чем при противоположной, поскольку многие потенциальные морфологически самостоятельные падежи могут долго оставаться незамеченными, пока синтаксис данного языка изучен недостаточно полно.

Различие указанных двух концепций падежа не было учтено в существующих работах по моделированию грамматической категории падежа; все эти работы (в том числе РИС, § 2.3—2.10) в неявной форме исходят из концепции, допускающей морфологически самостоятельные падежи (т. е. из той, которая менее распространена в лингвистической практике).

Падежи, близкие к морфологической несамостоятельности

Иногда падеж представлен специфическими (не встречающимися в других падежах) сегментами лишь у меньшинства номинатем, а для совокупности всех остальных номинатем выступает как морфологически самостоятельный. Например, винительный падеж в русском языке представлен специфическими сегментами (*воду, юношу*) только в ед. числе слов на *-а, -я*, а в остальных случаях совпадает либо с именительным (*вижу сад, поле, стёны, лошадь, чудовище*), либо с родительным (*вижу слона, собак, чудовищ*). Дательный падеж в латыни представлен специфическими сегментами (*patrī 'отцу', fructuī 'плоду'*) только в ед. числе части слов III и IV склонений, а в остальных случаях совпадает либо с отложительным, либо с родительным. Падежи с этой особенностью, как правило, признаются грамматиками наравне с обычными падежами.

Имеется, правда, пример, когда падеж с такой особенностью трактуется (в части описаний) не вполне обычно. В старославянском языке в роли прямого дополнения, например при *обрѣтъ 'я нашёл', сътвори хъ 'я создал', поимѣ 'я возьму', зна хъ 'я знал'* и т. д. возможны: а) сегменты, не совпадающие ни с именительным, ни с родительным, например *женж 'женщину', рабы 'рабов', грады 'города'*; б) сегменты, совпадающие с именительным, например *градъ 'город', село 'поле', дань 'дань', жены 'женщин'*; в) сег-

мёнты, совпадающие с родительным, например *врача* 'врача', *Петра* 'Петра'. Для ряда номинатем возможны колебания, например: *обрѣтъ сына* (или *сынѣ*), *рабѣ* (или *раба*), *львѣ* (или *льва*) 'я нашел сына, раба, льва'.

В менее традиционных грамматиках эти факты описываются в принципе так же, как сходные факты русского языка, а именно, таблица склонения выглядит так (приводим характерный фрагмент):

	«женщина»	«рабы»	«город»	«врач»	«раб»
именительный	<i>жена</i>	<i>раби</i>	<i>градѣ</i>	<i>врачь</i>	<i>рабѣ</i>
родительный	<i>жены</i>	<i>рабѣ</i>	<i>града</i>	<i>врача</i>	<i>раба</i>
винительный	<i>женѣ</i>	<i>рабы</i>	<i>градѣ</i>	<i>врача</i>	<i>раба</i>

Соответственно правила управления здесь простые.

В более традиционных грамматиках таблица склонения выглядит иначе, а именно, в качестве винительного падежа, например для «врач», «раб» приводятся *врачь*, *рабѣ*. Соответственно считает, ся, что в *обрѣтъ врача*, *раба* существительные стоят в родительном (а не винительном) падеже, в отличие от *обрѣтъ рабы*, где *рабы* — винительный падеж; иначе говоря, выражение прямого дополнения описывается с помощью расчлененных правил управления. Примечательно, что при этом *градѣ* в *обрѣтъ градѣ* считается словоформой винительного (а не именительного) падежа. Заметим,¹ что словоформа винительного падежа *врачь* выступает в таком описании как чистая грамматическая фикция, поскольку сегмент *врачь* не употребляется в старославянском не только в качестве прямого дополнения к *обрѣтъ*, *сѣтворихѣ*, *поймѣ* и т. д., но и ни в какой другой ситуации, допускающей *женѣ*, *рабы* и прочие сегменты, специфические для винительного падежа. (Иначе говоря, в клетке винительного падежа для номинатемы «врач» при таком описании можно было бы поставить и прочерк.)

Едва ли, однако, это традиционное описание можно рассматривать как отражение какого-то особого понимания падежа; по-видимому, это просто непоследовательное с синхронической точки зрения решение, явно продиктованное диахроническими соображениями, а именно, тем, что *женѣ* и *градѣ* (в *обрѣтъ градѣ*) восходят к праславянскому винительному падежу, а *врача* — к родительному.

Особый частный случай составляют падежи, которые представлены специфическими сегментами только в сфере местоимений, а в сфере существительных выступают как морфологически несамостоятельные.

Так, в современном немецком языке винительный падеж представлен специфическими сегментами (*mich* 'меня', *ihn* 'его', *wen* 'кого') только у части местоимений (и артиклей), а у существительных совпадает либо с именительным, либо с родительным. Совершенно такое же положение в древнеанглийском языке.

Грамматики обоих этих языков признают винительный падеж наравне с прочими.

В финском языке прямое дополнение выражается так же, как в эстонском (см. выше), с тем отличием, однако, что у личных местоимений в функции полного прямого дополнения выступает особая словоформа, например *minut* 'меня', *heidät* 'их'. Так, при именительном падеже *vesi* 'вода', *piirakat* 'пироги', *he* 'они' и родительном падеже *veden*, *piirakoiden*, *heidän* находим в качестве полного прямого дополнения: а) *tuo vesi (piirakat, heidät)* 'принеси воду (пироги, их)'; б) *toin veden (piirakat, heidät)* 'я принес воду (пироги, их)'. В финских грамматиках эти факты описываются двумя разными способами. Первый способ понятен из следующего фрагмента таблицы склонения:

	«вода»	«пироги»	«они»
именительный	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	<i>he</i>
родительный	<i>veden</i>	<i>piirakoiden</i>	<i>heidän</i>
винительный I	<i>veden</i>	<i>piirakat</i>	<i>heidät</i>
винительный II	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	<i>heidät</i>

При втором способе описания у местоимений признается иной набор падежей, чем у существительных; ср. фрагменты соответствующих таблиц склонения:

	«вода»	«пироги»	«они»
именительный	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	именительный <i>he</i>
родительный	<i>veden</i>	<i>piirakoiden</i>	родительный <i>heidän</i>
			винительный <i>heidät</i>

Соответственно вводятся расчлененные правила управления; например, признается, что после *toin* выступает, в зависимости от номинатемы, именительный (*piirakat*), родительный (*veden*) или винительный (*heidät*) падеж.

Таким образом, падежи, представленные специфическими сегментами только в сфере местоимений, в принципе могут трактоваться существенно иначе, чем обычные.

Слабо дифференцированные пары падежей

Иногда две строки таблицы склонения различаются между собой лишь в незначительной части столбцов. В этом случае соответствующую пару падежей можно назвать *слабо дифференцированной*. Поскольку нельзя указать никакого естественного порога (ни в виде фиксированного числа столбцов, где падежи не совпадают, ни в виде фиксированного процента таких столбцов), ниже которого два падежа уже следует считать слабо дифференцированными, нет смысла пытаться построить формальное определение данного понятия.

Слабая дифференциация двух падежей обычно не расценивается в грамматиках как основание для объединения их в один падеж. Например, в сербском языке выделяют, среди прочих,

дательный и местный падежи, словоформы которых различаются лишь у незначительной части слов, притом только в ед. числе. (Заметим, что внешне это различие, как правило, выражается лишь в разнице интонаций при тождестве фонемного состава, ср. дательный *ствѣри* и местный *ствѣри* от *ствѣр* 'вещь').

Существует, правда, и обратный пример: так называемые 1-й и 2-й предложные падежи русского языка (признаваемые во многих современных описаниях), которые различаются лишь примерно у 150 слов, притом только в ед. числе, в традиционных русских грамматиках рассматриваются как единый предложный падеж. Как уже показано выше (стр. 68), при таком решении для ряда ситуаций возможны лишь нестандартные правила управления. Как же реально должны строиться эти нестандартные правила? Обозначим через *P* совокупность всех ситуаций, которые, с традиционной точки зрения, допускают предложный падеж. Разделим все номинатемы на два неравных класса: упомянутые выше 150 номинатем («особый» класс) и все остальные («основной» класс). Вполне эффективно следующее правило: любая ситуация из *P* допускает для номинатем основного класса предложный падеж. Остается обеспечить построение правильных фраз с номинатемами особого класса: нужно как-то предотвратить появление фраз вроде *нахожусь в саде, у него на носе очки* или *говорю о садѹ, заинтересован в этом шкафу*. Оказывается, что этой цели можно достичь следующими операциями: 1) сегменты предложного падежа номинатем особого класса разделяются на два ряда (так, что в одном ряду оказываются, например, сегменты *саде, носе, тени*, в другом — *садѹ, носѹ, тенѹ*); 2) все ситуации из *P* делятся на две группы, в соответствии с тем, какой из этих двух рядов сегментов они фактически допускают; 3) дается правило о том, что если ситуация принадлежит *P*, а номинатема — особому классу, то следует учитывать, к какой из двух групп относится ситуация, и брать сегмент предложного падежа из соответствующего ряда. Разумеется, описание можно построить и как-то иначе, но оно должно быть равносильно данному.

Очевидно, однако, что указанные операции — лишь неявная форма признания двух разных предложных падежей, по крайней мере у номинатем особого класса. Коль скоро это так, рассмотрим, каким образом этот факт может быть отражен в таблице склонения. В принципе здесь возможны два типа решения: 1) допускаются только простые правила управления; 2) допускаются как простые, так и расчлененные правила управления.

При решении типа 1 у всех номинатем основного класса должна быть признана омонимия двух предложных падежей; ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

«сад» «тень» «стол» «вода» «сады»

1-й предложный *саде тени столѣ водѣ садах.*

2-й предложный *садѹ тенѹ столѣ водѣ садах*

При решении типа 2 у номинатем основного класса признается существование лишь одного предложного падежа. (Для простоты мы отвлекаемся от возможности «смешанных» решений, при которых у части номинатем основного класса все же признается омонимия двух предложных падежей, а также некоторых других теоретически мыслимых, но не представляющих практического интереса решений.) Этот единый предложный падеж может быть отождествлен с одним из двух предложных падежей, выступающих в особом классе (обозначим такой вариант решения как 2^а). Например, если он отождествлен с 1-м предложным, то 2-й предложный считается существующим только у номинатем особого класса; так, считается, что во фразах *нахожусь в городе (в саду)* представлен 1-й предложный падеж от *город*, но 2-й предложный от *сад* (т. е. используются расчлененные правила управления). Ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

	«сад»	«тень»	«стол»	«вода»	«сады»
1-й предложный	<i>саде</i>	<i>тѣни</i>	<i>столѣ</i>	<i>водѣ</i>	<i>садах</i>
2-й предложный	<i>саду</i>	<i>тени</i>	—	—	—

В варианте 2^б предложный падеж, выступающий в основном классе, рассматривается как отличный от обоих предложных падежей, выступающих в особом классе. В этом случае в описании должны фигурировать три разных падежа.

При любом из рассмотренных решений, однако, в общем списке русских падежей оказывается не один, а по крайней мере два предложных. Таким образом, в объявлении двух слабо дифференцированных падежей одним и тем же падежом (в данном языке вообще, а не применительно к некоторому классу слов) не удастся усмотреть проявления какой-то особой, внутренне последовательной концепции падежа.

Заметим, что разница в традиционной трактовке дательного и местного в сербском, с одной стороны, и двух предложных в русском, с другой—несомненно в значительной мере определялась тем обстоятельством, что в первом случае речь идет о двух древних падежах, которые в ходе истории сблизились, а во втором — о сравнительно позднем «расщеплении» единого древнего падежа.

Обратимся теперь к вопросу о выборе между решением типа 1 (с простыми правилами управления) и типа 2 (с расчлененными правилами управления). В общем случае, по-видимому, предпочитается решение 1 (во многих описаниях изложение недостаточно четко для того, чтобы можно было установить тип принятого автором решения). Решение 1 принято, в частности, в сербских грамматиках, а также (насколько об этом можно судить) в тех описаниях русского языка, где признается существование двух предложных падежей.

Особый частный случай составляют, однако, такие два падежа, которые различаются только у местоимений. В этом случае представлены решения как первого, так и второго типа.

Так, в древнеармянском языке родительный и дательный падежи различаются только в ед. числе местоимений (а также у слов «мы», «вы») ²⁶. Оба эти падежа признаются тем не менее также и у всех остальных склоняемых слов.

Аналогично положение в современном армянском языке, где родительный и дательный падежи (признаваемые в грамматиках для всех склоняемых слов) фактически различаются только участи местоимений. Правда, в грамматиках обычно утверждается, что эти два падежа различны также и у существительных: имеется в виду тот факт, что в родительном падеже, в отличие от дательного, не может появляться постпозитивный определенный артикль; ср. дат. *gīnu* 'вину' (без артикля) или *gīnun* (с артиклем), но род. — только *gīnu*. Однако само по себе это ограничение можно было бы с тем же успехом связывать не с различием падежей, а с тем, в какой синтаксической роли выступает словоформа. Таким образом, противопоставление этих двух падежей опирается здесь, как и в древнеармянском, только на немногочисленные пары типа дат. *inj* 'мне' — род. *im* 'мой'.

Пару рассматриваемого типа образуют также именительный и так называемый винительный II в финском языке (см. выше): они различаются лишь у нескольких местоимений. В этом случае, как уже было показано, в грамматиках конкурируют оба возможных решения.

По-разному решается также вопрос об именительном и объектном падежах в английском языке, различающихся только у личных местоимений, ср. I 'я' — me 'меня'. Более распространено решение типа 2 (а именно, вариант 2⁶): именительный и объектный падежи признаются только у местоимений, а у существительных им обоим вместе соответствует так называемый общий падеж (*common case*); существительные и местоимения имеют, таким образом, разные системы склонения ²⁷. Конкурирующее решение типа 1 (с признанием омонимии именительного и объектного падежей у существительных) представлено реже (мы не принимаем здесь во внимание те грамматики, где английскому языку приписываются вообще все латинские падежи: *the boy, of the boy, to the boy* и т. д. ²⁸).

Двусмысленно обычное для румынских грамматик обозначение «именительно-винительный», применяемое к единой форме су-

²⁶ Отметим, что при этом дательный падеж выражен специфическим сегментом (*inj* 'мне') только у одного слова «я»; у остальных местоимений, если он отличен от родительного, то совпадает с местным.

²⁷ См. об этом, в частности: А. И. С м и р н и ц к и й. Морфология английского языка. М., 1959, § 61.

²⁸ О таких грамматиках см.: Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 182.

существительных, которой у личных местоимений соответствуют две разных формы, например, им. ед. «я» — вин. (ре) *mine* «меня». За таким обозначением может скрываться как решение 1, так и решение 2⁶ (ср. сноску 11).

Во французской, итальянской, испанской, португальской грамматиках существительные признаются не имеющими падежей, тогда как у личных местоимений различаются субъектная и одна или две объектных формы; ср., например, франц. *elle* «она», *la* «ее», *lui* «ей». Такое описание есть частный случай решения второго типа, поскольку существительным и местоимениям приписываются разные падежные системы; особенность здесь в том, что после такого разъединения падежная система существительных оказывается состоящей всего из одного падежа, а это, как известно, равносильно отсутствию падежей.

Факультативные падежи

Два падежа (C_1 и C_2) могут соотноситься друг с другом следующим особым образом: всякая ситуация, допускающая для каких-либо номинатем падеж C_2 , допускает для них также падеж C_1 (тогда как обратное неверно). Иначе говоря, в любой фразе всякая словоформа падежа C_2 может быть заменена без изменения смысла фразы словоформой падежа C_1 (той же номинатемы). Имея в виду эту особенность, назовем такой падеж C_2 ф а к у л ь т а т и в н ы м. Будем говорить также, что факультативный падеж C_2 п р и м ы к а е т к падежу C_1 ²⁹.

В таком соотношении находятся, по-видимому, два родительных падежа русского языка (признаваемые во многих описаниях). В роли C_1 выступает «обычный» (1-й) родительный, представленный, например, во фразе *таково свойство чая, снега, хлеба, воды, вина, книг*, в роли C_2 — так называемый 2-й родительный, представленный во фразах типа *у них мало чая, снегу* (но также *хлеба, воды, вина, книг*). В современном языке словоформы 2-го родительного падежа, по-видимому, всегда можно заменить соответствующими словоформами 1-го родительного (ср. *у них мало чая, снега*)³⁰, тогда как обратное неверно.

Факультативный падеж обладает следующей формальной особенностью: соответствующая строка в таблице склонения может быть устроена несколькими разными способами при одних и тех же правилах управления. Среди этих способов практический

²⁹ Вообще говоря, может быть и несколько падежей, к которым примыкает факультативный падеж; однако реальные случаи такого рода нам неизвестны.

³⁰ Некоторый элемент сомнения возникает здесь только из-за нескольких уменьшительных существительных на *-ок*, *-ек*, у которых употребление 2-го родительного относительно более устойчиво; ср. *хочется чайкѹ, кофейкѹ, сахаркѹ*. Наше изложение верно лишь при условии, что признаются грамматически правильными также фразы типа *хочется чайкѹ, кофейкѹ, сахаркѹ* (несмотря на их непривычность).

Интерес представляют два; покажем их на примере русских родительных падежей с помощью соответствующих фрагментов таблицы склонения.

I

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	<i>ча́я</i>	<i>сне́га</i>	<i>хле́ба</i>	<i>води́</i>	<i>книг</i>
2-й родительный (C_2)	<i>ча́ю</i> ,	<i>сне́гу</i> ,	<i>хле́ба</i>	<i>води́</i>	<i>книг</i>
	<i>ча́я</i>	<i>сне́га</i>			

II

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	<i>ча́я</i>	<i>сне́га</i>	<i>хле́ба</i>	<i>води́</i>	<i>книг</i>
2-й родительный (C_2)	<i>ча́ю</i>	<i>сне́гу</i>	<i>хле́ба</i>	<i>води́</i>	<i>книг</i>

При представлении I строка C_2 включает строку C_1 (т. е. в любом столбце содержимое клетки из C_2 включает содержимое клетки из C_1). Представление II получается из I так: в тех столбцах, где C_1 и C_2 различаются, во всякой клетке строки C_2 вычеркивается всякий сегмент, который содержится также в соответствующей клетке строки C_1 .

Как нетрудно убедиться, разница между этими способами представления не влияет на правила управления. Пусть дано, например, такое правило управления: ситуация, образованная контекстом «у них мало ...» и семантической ролью «недостающий предмет», всегда допускает оба родительных падежа. При обоих способах представления это правило дает фразы *у них мало ча́ю* (или *ча́я*), *сне́гу* (или *сне́га*), *хле́ба*, *води́*, *книг* и т. д.

Представление II внешне проще; правда, оно маскирует факультативный характер падежа, тогда как представление I позволяет установить этот факт уже из самой таблицы склонения. Большинство авторов, признающих само существование 2-го родительного падежа в русском языке, по-видимому, предпочитают представление II (насколько это удастся установить из их изложения); в РИС, § 2.7, в соответствии с принятой там формальной процедурой выделения падежей использовано представление I.

Другой пример факультативного падежа — отложительный падеж в албанском языке: по-видимому, любая его словоформа может быть заменена соответствующей словоформой родительного падежа. В описаниях обычно предпочитается представление II, хотя встречается также и представление I.

З а м е ч а н и е. Как известно, вопрос о месте так называемого звательного падежа (или звательной формы) в системе форм имени является спорным. Поэтому в настоящей работе мы избегаем использования этой формы для иллюстрации каких-либо утверждений о падежах. Все же в некоторых формальных отношениях так называемый звательный падеж может рассматриваться наряду с обычными падежами. В частности, следует отметить, что звательная форма во многих языках имеет тенденцию к факультативности, а именно в

большей или меньшей степени допускается замена звательных словоформ словоформами именительного падежа. Наличие факультативной звательной формы, по-видимому, следует признать для разговорного стиля современного русского языка, где в функции обращения всегда может быть использована словоформа именительного падежа (например, *мама!*, *Ваня!*, *Маша!*, *товарищ!*, *гражданин!*), но наряду с ней у части номинатив возможна и особая «усеченная» звательная словоформа (например, *мам!*, *Вань!*, *Маш!*); литературная норма таких словоформ в настоящее время еще не признает.

Факультативный падеж чаще всего образует слабо дифференцированную пару с тем падежом, к которому он примыкает (хотя из самого определения факультативного падежа это обстоятельство никак не вытекает). Такую пару образуют, например, два родительных падежа русского языка. В связи с этим можно встретить еще один способ представления 2-го родительного падежа, совмещающий свойства представления II и второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированных падежей (см. выше, стр. 78):

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	<i>ча́я</i>	<i>сне́га</i>	<i>хле́ба</i>	<i>води́</i>	<i>книг</i>
2-й родительный (C_2)	<i>ча́ю</i>	<i>сне́гу</i>	—	—	—

Замечательно, что и в этом случае действительны те же правила управления, что при представлениях I и II; например, для ситуации, образованной контекстом «*у них мало ...*» и семантической ролью «недостающий предмет», верно, что она всегда допускает оба родительных падежа.

Факультативный падеж может быть также морфологически несамостоятельным. Именно таков 2-й родительный в русском языке: всякая его словоформа совпадает либо с 1-м родительным (*ча́я*, *води́*, *книг*), либо с дательным (*ча́ю*, *сне́гу*). Таким образом, если придерживаться концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, то словоформы *ча́ю*, *сне́гу* и т. п. во фразах типа *у них мало ча́ю* нужно отнести к дательному падежу. Разумеется, при этом появятся расчлененные правила управления следующего вида: некоторая ситуация допускает родительный и дательный падежи для номинатив *чай*, *снег*, *свет* и т. д. (следует перечень), но только родительный для прочих. Любопытно, что такая трактовка действительно предлагалась: Н. Н. Дурново считал возможным относить словоформы типа *ча́ю*, *сне́гу* во фразах рассматриваемого типа к дательному падежу³¹ (о соответствующих правилах управления Н. Н. Дурново, правда, ничего не говорит). Этот его тезис вызвал, однако, критику Н. С. Трубецкого, который объявил его неприемлемым на том основании, что словоформы дательного падежа других типов склонения (например, *воде*, *книгам*) не могут использоваться в данной функции³². Нетрудно видеть, что по существу этот спор — лишь несколько специфический частный случай уже обнаруженных выше разногласий относительно допустимости морфологически несамостоятельных падежей.

³¹ Н. Дурново. О склонении в современном великорусском литературном языке. — ВЯ, 1971, № 4, стр. 100 (перевод статьи 1922 г.)

³² N. S. T r u b e t z k o y. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1934, v. 5.N 2, стр. 10.

Мы рассмотрели разные способы, которыми можно представить факультативный падеж в таблице склонения в том случае, если он вообще признается отдельным падежом. Существуют, однако, описания, где факультативный падеж не считается отличным от того падежа, к которому он примыкает. Так, традиционная русская грамматика признает единый родительный падеж, к которому отнесены как словоформы типа *чая, снега*, так и словоформы типа *чаю, снегу*. Правда, поскольку 2-й родительный падеж является одновременно факультативным, морфологически несамостоятельным и слабо дифференцированным от обычного родительного, довольно затруднительно установить, в какой мере его непризнание традиционной грамматикой определяется именно его факультативным характером.

С формальной точки зрения, признание факультативного падежа и того, к которому он примыкает, единым падежом приводит (как и в случае слабо дифференцированной пары падежей) к тому, что для некоторых ситуаций становятся невозможными стандартные правила управления. Например, если для номинатива *снег* в клетке единого родительного падежа приводятся сегменты *снега* и *снегу*, то ни при каких стандартных правилах управления невозможно избежать появления таких сочетаний, как **для снегу*, **внутри снегу*, **цвет снегу*, **таяние снегу* и т. п.

Можно, правда, вообще не включать в строку родительного падежа словоформы типа *снегу* (как обычно и делается в таблицах склонения, приводимых в традиционных описаниях). Тогда указанная трудность снимается, но зато теряется возможность порождать сочетания типа *немного снегу, стакан чаю* и т. п. (порождаются только *немного снега, стакан чая*). Заметим, что при таком описании не порождается никаких неправильных фраз и ни один смысл не остается невыразимым. Таким образом, с точки зрения системы синтеза, не ставящей своей целью построить для каждого смысла все выражающие его фразы, факультативный падеж оказывается, в соответствии со своим названием, действительно факультативным. Как известно, однако, такое суженное понимание синтеза не соответствует современным представлениям о задачах грамматического описания. Кроме того, очевидно, что подобное описание совершенно неудовлетворительно с точки зрения анализа, поскольку, встретив в тексте сочетание типа *стакан чаю*, мы не сможем его проанализировать и должны будем считать грамматически неправильным.

По-видимому, факультативность можно рассматривать как некоторое отклонение от нормального функционирования падежей; не случайно факультативные падежи встречаются редко. Опыт грамматического моделирования частично подтверждает этот взгляд: оказывается, что построить формальный аналог падежа, не учитывающий существования факультативных падежей, принципиально проще, чем такой, который моделировал бы одновремен-

но и обычные, и факультативные падежи³³. Таким образом, в характерном для многих описаний отказе от признания факультативного падежа полноправным членом падежной системы можно усматривать тенденцию (быть может, неосознанную) к такому пониманию падежа, которое исключает факультативные падежи (или при котором они должны расцениваться как аномалия).

Неполные падежи

Назовем падеж неполным, если в соответствующей строке таблицы склонения есть хотя бы один прочерк. На первый взгляд, на уровне грамматической правильности (в отличие от уровня семантической стандартности) неполных падежей не должно быть вообще. Однако в действительности лингвистическая практика знает неполные падежи. Можно выделить несколько типов таких падежей.

Прежде всего, падеж может оказаться неполным из-за того, что в соответствующей строке имеется некоторое (обычно весьма небольшое) число прочерков, объясняющихся чисто морфологическими затруднениями при построении соответствующих словоформ. Например, в русском языке для номинатемы *мглы* (мн. число) не удастся построить словоформу родительного падежа. В таких случаях говорят о дефектности соответствующей номинатемы (или лексемы, или парадигмы)³⁴. Неполнота, обусловленная дефектностью определенных номинатем, не является сколько-нибудь важной характеристикой соответствующего падежа³⁵; мы будем называть такую неполноту несущественной. (Отметим, что формального разграничения существенной и несущественной неполноты здесь не дается.) Далее мы будем рассматривать только существенно неполные падежи (т. е. неполные не из-за дефектности или не только из-за дефектности каких-либо номинатем).

З а м е ч а н и е. При описании языка можно с помощью сравнительно простых приемов избавиться от несущественной неполноты падежей. Во-первых,

³³ См.: А. А. З а л и з н я к. Формальный аналог понятия падежа. «Межвузовская конференция по порождающим грамматикам (Кяэрику, 15—25 сентября 1967. Тезисы докладов)». Тарту, 1967, стр. 34; А. В. Г л а д к и й. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного.— Наст. сборник, § 3, пункт 3.

³⁴ Изредка встречается дефектность, обусловленная не морфологическими затруднениями, а другими причинами. Например, отсутствие словоформ косвенных падежей у слова *некто*, вероятно, связано с тем, что словоформы *нѣкско*, *нѣкскому* и т. д. «заняты» другими значениями.

³⁵ С формальной точки зрения, из-за нескольких дефектных слов могут оказаться неполными все или почти все падежи языка; так, в русском языке неполны все падежи, поскольку, например, слово *некто* имеет только именительный падеж, а слово *себя* не имеет как раз этого падежа.

можно чаще, чем обычно принято, признавать супплетивизм основ; например как родительный от *мечты* можно рассматривать словоформу *мечтаний*, как именительный от *себя* — *сам* и т. п. Во-вторых, допустимо введение небольшого числа полугипотетических словоформ вроде *мечт*, *тоск*, *мгол* (родительный мн. числа от *мечта*, *тоска*, *мгла*). Таким образом, отказ от рассмотрения несущественной полноты падежей можно расценивать и как то, что мы ограничиваемся лишь такими описаниями, где проведены указанные здесь операции.

Существенно неполные падежи можно разделить на два типа. Пусть имеется неполный падеж *C*, представленный какими-то сегментами у определенного класса номинатом (обозначим его *A*) и не представленный у прочих номинатом. Если всякая ситуация, допускающая для номинатом класса *A* падеж *C*, допускает в то же время некоторый другой падеж (или падежи) для прочих номинатом, неполный падеж относится к типу II; в противном случае он относится к типу I.

Неполные падежи типа I чаще всего встречаются среди местных и иных «обстоятельственных» падежей. Основной причиной неполноты является здесь то, что соответствующие семантические роли естественны лишь для части предметов. Например, семантическая роль «место, где что-то происходит» естественна только для неодушевленных предметов, имеющих пространственные границы; семантическая роль «время, когда что-то происходит» естественна только для отрезков времени или событий, протяженных во времени. Поэтому специальные словоформы для выражения данных семантических ролей возникают только у соответствующих классов номинатом (что означает появление неполных падежей).

Так, например, в аварском языке местные падежи так называемой 5-й серии (передающие пространственное отношение «внутри полого предмета») образуются только от названий полых предметов (в отличие от местных падежей 3-й серии, передающих пространственное отношение «в сплошной среде» и образующихся даже от названий одушевленных предметов). В удмуртском языке все шесть местных падежей образуются только от неодушевленных существительных. В венгерском языке временной падеж (темпоралис) образуется только от названий событий или отрезков времени.

Несколько иной вариант того же явления представлен, например, так называемым инессивом II в бацбийском языке: этот падеж передает значение «среди, в числе» и образуется только от существительных во мн. числе (ср. русск. *среди людей*, *в числе книг*, но не **среди человека*, **в числе книги*).

В ряде случаев, однако, граница между номинатемами, образующими и не образующими словоформы неполного падежа, проходит более сложно и не может быть полностью объяснена одними лишь семантическими причинами. Так, местный падеж в латыни (если он вообще признается, ср. выше) образуется только

от части имен собственных (от названий городов и небольших островов, но не стран, гор, больших островов) и от единичных нарицательных. В современном армянском языке местный падеж имеет особую словоформу (на *-um*) только у части неодушевленных существительных, например, *daštum* 'в поле'. При этом наличие или отсутствие такой словоформы определяется не только семантическими, но и морфологическими причинами; это особенно очевидно в тех случаях, когда у одного и того же слова в одном из двух чисел словоформа на *-um* образуется, а в другом нет: ср. *d'negum* 'в дверях' при невозможности формы на *-um* в ед. числе ('в двери' можно выразить только сочетанием *d'ran mej*). В финском языке комитатив, передающий значение «вместе с», образуется только от существительных с притяжательным аффиксом (т. е. от номинатива, содержащих указание на владельца): можно сказать, например, *tuli lapsinensa* 'пришел со своим ребенком (со своими детьми)' (*-nsa* — притяжательный аффикс), но нельзя сказать **tuli lapsine* 'пришел с ребенком (с детьми)'.

В тех случаях, когда наличие или отсутствие словоформы непостоянного падежа определяется не чисто семантически, в языке обычно вырабатывается единый описательный прием для передачи соответствующего смысла при тех номинативах, которые данного падежа не имеют. Как правило, для этого используется сочетание словоформы какого-то другого падежа с предлогом или послелогом. Заметим, что подобный описательный оборот обычно приобретает универсальный характер, т. е. может использоваться (в качестве параллельного способа выражения) даже там, где словоформа неполного падежа существует. Так, в латыни универсальный способ выражения места состоит в сочетании предлога *in* с отложительным падежом, например: *in homine* 'в человеке', *in miseriā* 'в несчастье', *in insulā* 'на острове', *in Aegyptō* 'в Египте', а также *in Lemnō* (наряду с *Lemnī*) 'на Лемносе' и т. д. В современном армянском языке соответствующий способ состоит в сочетании родительного падежа с послелогом *mej*, например: *mardu mej* 'в человеке', *d'ran mej* 'в двери', *dašti mej* (наряду с *daštum*) 'в поле' и т. д. В финском языке вместо комитатива может использоваться сочетание родительного падежа с послелогом *kanssa*, например: *lapsen kanssa* 'с ребенком', *lapsien kanssa* 'с детьми', *lapsensa kanssa* 'со своим ребенком', *lapsiensä kanssa* 'со своими детьми' (последние два — наряду с *lapsinensa*).

Среди неполных падежей следует особо выделить те, которые образуются у каждой лексемы только от части входящих в нее номинатива. Из упомянутых выше падежей таковы бацбийский инессив II и финский комитатив. Изучая случаи такого рода, нужно учитывать, правда, что за неполный падеж легко принять, например, омонимию чисел. Так, финский комитатив, помимо того, что он невозможен без притяжательного аффикса, имеет еще одну особенность: в отличие от всех остальных финских паде-

жей, он не допускает противопоставления по числу. С морфологической точки зрения, всякая словоформа комитатива образуется от основы мн. числа, но при этом она может обозначать как множественность, так и единичность соответствующих предметов; ср. примеры выше. Таким образом, финский комитатив является неполным падежом только из-за того, что он невозможен без притяжательного аффикса (но не из-за неразличения чисел). Описанное явление еще более характерно, например, для мокшамордовского языка: здесь в 9 падежах из 12 единственное и множественное числа внешне никогда не различаются.

Все рассмотренные здесь примеры неполных падежей относятся к типу I. Неполные падежи типа II представляют собой существенно иное явление: они появляются в описании при принятии второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированной пары падежей (см. выше, стр. 78). Примерами здесь могут служить, таким образом, падежи, рассматривавшиеся в предшествующих разделах, — в частности, русские 2-й предложный и 2-й родительный в той трактовке, при которой они признаются лишь там, где они отличаются соответственно от обычного предложного и обычного родительного. Понятно, что неполнота II типа (в отличие от I типа) носит в сущности формальный характер: она легко может быть устранена признанием падежной омонимии, например, омонимии двух предложных падежей у большинства русских номинатов (тогда как при неполноте I типа такая операция невозможна)³⁶.

³⁶ Автор приносит благодарность В. А. Успенскому за дружескую критику и помощь.

К ТИПОЛОГИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Э. Бенвенист в своей известной статье «Относительное предложение как проблема общего синтаксиса»* показывает, что во многих языках средства, служащие для оформления относительного предложения, в сущности тождественны тем, которые используются для построения именных групп в составе простого предложения. Этот вывод представляется возможным использовать для дальнейшего изучения типологии относительного предложения.

Как отмечает Бенвенист, одна из основных трудностей типологических исследований состоит в нахождении такого способа описания синтаксических конструкций разных языков, при котором они были бы сопоставимы друг с другом. Метод анализа, применяемый Бенвенистом, указывает один из возможных путей преодоления этой трудности. Он состоит в сопоставлении функций структурно значимых элементов в составе относительного предложения с функциями тех же элементов в составе именных групп более общего вида. В результате этого анализа оказывается, что относительные местоимения следует рассматривать в непосредственной связи с арти-

* См. E. Benveniste. La phrase relative, problème de syntaxe générale. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 53, f. 1, 1957—1958 (русский перевод в кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.)

клями, указательными местоимениями и другими средствами выражения анафорических связей в предложении.

Один из возможных подходов к типологическому исследованию синтаксических структур можно схематически представить так. Допустим, изучается некоторый тип предложений. На основании предварительного сопоставления предложений этого типа, например, в европейских языках с их эквивалентами в некоторых других языках выделяются, с определенным огрублением, основные синтаксические функции, которые должны выполняться (какими-то элементами) при построении данного типа предложений.

Если бы в каждом языке каждая функция выражалась каким-то однозначным способом, то предложения данного типа в разных языках отличались бы друг от друга только планом выражения, а по существу были бы одинаковы. В этом случае задачи синтаксической типологии сводились бы только к установлению для каждого языка подмножества синтаксических функций, которые он выбирает из выделенного общего набора. В действительности, однако, в большинстве случаев одно и то же служебное слово способно выполнять в языке несколько функций; тем самым различие между языками обусловлено не только наличием или отсутствием той или иной функции, но и тем, какие разные функции объединены в них общим материальным выражением*. Соответственно, в задачи синтаксической типологии входит также выявление разных типов объединения функций — «пучков функций», возникающих в том или ином языке. Иначе говоря, после выделения основных функций должен быть проведен анализ материальных носителей этих функций в разных языках по методу, использованному Бенвенистом.

Ниже делается попытка составить инвентарь синтаксических функций, существенных для структуры так называемых относительных предложений. Материалом исследования служит ограниченное число языков — в ос-

* При этом с синхронной точки зрения в рассматриваемом языке возможны разные степени единства: а) неразличимость этих функций с точки зрения данного языка; б) полисемия (в рамках одного элемента); в) омонимия (элементов, признаваемых различными). В детальном типологическом исследовании эти различия должны приниматься во внимание; в более общем допустимо от них отвлекаться.

новном самые известные. Соответственно, полученный результат не претендует на полную универсальность: для каких-то языков, возможно, окажутся существенными факты, не отраженные в настоящей работе, или окажутся недействительными какие-либо из установленных ограничений. Однако предлагаемая схема может, видимо, служить исходной базой для дальнейших исследований.

В заключительном разделе статьи кратко рассматривается вопрос о том, с какими функциями может совмещаться выполнение функций, существенных для структуры относительных предложений.

§ 2. О ТЕРМИНЕ «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Термин «относительное предложение» может употребляться в лингвистических работах как сокращение двух разных более полных терминов: а) относительное придаточное предложение; б) сложноподчиненное предложение с относительным придаточным (ср. аналогичную двойственность, например, таких терминов как «условное предложение», «уступительное предложение» и др.). В настоящей работе мы будем, во избежание недоразумений, употреблять в первом из этих значений только термин «придаточное относительное», оставив название «относительное предложение» для второго значения.

Под относительным придаточным предложением, как известно, понимается придаточное, вводимое не союзом, а союзным словом, т. е. словом, которое совмещает функцию союза (связывание предложений) с функцией члена предложения (а именно, члена придаточного предложения), например: *Вот книга, которую я купил; Вот дом, где мы жили.*

Союзные слова, вводящие придаточное относительное, делятся на относительные местоимения (т. е. слова с синтаксической функцией существительных или прилагательных) и относительные наречия. Предложения с относительным наречием (типа *Вот дом, где мы жили*) представляют собой менее распространенный вариант и могут быть сведены к предложению с относительным местоимением (например, *Вот дом, в котором мы жили*). Ниже мы практически ограничиваемся рассмотрением относительных предложений с местоимением.

Особый тип придаточных относительных составляют предложения, где союзное слово (обычно *что*) соотносится со всем предшествующим предложением: *Он опоздал, что было замечено*. Такие предложения в настоящей статье не рассматриваются.

При типологическом исследовании всегда нужно считаться с возможностью (или даже необходимостью) некоторого расширения круга рассматриваемых грамматических явлений по сравнению с тем, который послужил начальной точкой исследования.

Во-первых, в некоторых языках могут оказаться недостаточно четкими те различия, которые используются в определении интересующего нас понятия. В данном случае таковы, в частности: 1) различие между сложноподчиненным предложением и иными синтаксическими комплексами, а именно, сложносочиненным предложением и бессоюзным сложным предложением*; 2) различие между главным и придаточным предложениями в составе сложноподчиненного; 3) различие между союзным словом и союзом. В связи с этим естественно привлечь к рассмотрению не только примеры, бесспорно подпадающие под наше первоначальное определение, но также и те, которые допускают двойное истолкование или представляют собой промежуточные явления.

Приведем для иллюстрации два примера. В арабском языке синтаксические комплексы определенного типа могут пониматься и как сложноподчиненное предложение и как последовательность двух независимых предложений**:

*Мы пользуемся здесь той терминологией, в которой «бессоюзное сложное предложение» выступает как название особого типа сложных предложений, отличного от сложноподчиненных и от сложносочиненных и представляющего собой соположение самостоятельных предложений без каких-либо показателей связи (кроме, быть может, интонации). Заметим, что сложные предложения с относительным придаточным приходится в этом случае особым терминологическим соглашением не считать частным случаем «бессоюзных сложных». Несколько упрощая истинное положение вещей, мы не проводим в настоящей статье различия между бессоюзным сложным предложением и простой последовательностью двух отдельных предложений.

** См. разбор этой проблемы в кн.: Б. М. Гранде, Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, §§ 184, 290.

- (1) ḡā'a fallahun yaskunu fi l'wadi 'Пришел (какой-то) крестьянин, который живет в долине' или 'Пришел какой-то крестьянин. Он живет в долине' (буквальный состав — в соответствии со вторым переводом).

В древнерусском языке в структуру сложного предложения определенного типа входят одновременно относительное местоимение и сочинительный союз:

- (2) *а что княже братъ твои александръ дѣялъ насилие на новѣгородѣ, а того ся княже отступи** 'А от насилия, которое брат твой Александр творил в Новгороде, ты, князь, отступись'.

Во-вторых, в некоторых языках мы можем столкнуться с явлением, безусловно близким к рассматриваемому, но все же не предусмотренным в первоначальном определении. В этом случае естественно расширить первоначальное определение. Рассмотрим здесь важнейший для настоящей статьи случай такого рода. В арабской фразе:

- (3) ḡā'a lfallāhāni llaḡāni ra'aytuhumā bil'amsi 'Пришли два крестьянина, которых я видел вчера' — связь частей сложного предложения обеспечивается наличием слова llaḡāni (из 'allaḡāni; именит. падеж. двойств. числа муж. рода от местоимения 'allaḡi), которое можно приблизительно передать как «такие-что»**. Таким образом, буквальный перевод здесь: «Пришли два-крестьянина такие-что: я-видел-их вчера»***. Без ('a)llaḡāni эта фраза может быть понята только как последовательность двух несвязанных предложений ('Пришли два крестьянина. Я видел их вчера'). Слово ('a)llaḡāni согласовано (в роде, числе и, что принципиально важно, в падеже) с ('a)lfallāhāni «два-крестьянина», следовательно, оно является здесь членом главного предложения — в отличие от слова *которых* в русском переводе, являющегося чле-

* Здесь и далее орфография древнерусских текстов по типогрфским соображениям несколько упрощена.

** В простом предложении (и вообще вне данной конструкции) слово 'allaḡi не употребляется, поэтому его значение может быть выведено только из данной конструкции.

*** Здесь и далее переводы даются только в марровских кавычках (' '), буквальные переводы — в обычных кавычках (« »). Часть буквального перевода, соответствующая единому слову оригинала, пишется через дефисы.

ном придаточного предложения (чем и определяется его винительный падеж). Таким образом, 'alladī — это союзное слово, используемое в общем так же, как русское *который*, с тем отличием, однако, что оно входит не в придаточное предложение, а в главное*. Обычное понимание относительного предложения не предусматривает такой возможности, но очевидно, что допустить ее (и, следовательно, включить арабские фразы в наше рассмотрение) необходимо. Соответственно, мы будем в дальнейшем понимать под относительным предложением любое сложноподчиненное предложение, части которого связаны союзным словом (без ограничений на то, в какую именно часть должно входить это слово).

В-третьих, после выделения типологически важных признаков рассмотренной синтаксической структуры может оказаться, что некоторые комбинации значений этих признаков соответствуют в каких-то языках реальным синтаксическим явлениям, которые не входили в первоначальное рассмотрение. Такие явления тоже естественно включить в получаемую классификацию.

В нашем случае в роли таких дополнительно включенных в классификацию явлений оказываются некоторые виды сложносочиненных и бессоюзных предложений (см. об этом § 5). Тем самым, строго говоря, мы получаем классификацию уже не одних лишь относительных предложений, а совокупности, включающей как относительные предложения, так и некоторые частично сходные с ними синтаксические комплексы другого характера. Поскольку, однако, в центре нашего внимания все же остаются именно относительные предложения, мы позволим себе, ограничившись настоящей оговоркой, далее говорить просто о классификации относительных предложений (без обязательного упоминания о том, что она охватывает и некоторые другие синтаксические комплексы).

Отметим специально, что даже в указанном выше расширенном понимании термин «относительное предложе-

* Заметим, что по ритмико-интонационному членению союзное слово типа 'alladī может все же примыкать к придаточному, а не к главному. Таким образом, здесь и в дальнейшем, говоря о вхождении слов типа 'alladī в главное предложение, мы будем иметь в виду именно тот факт, что падеж такого слова определяется синтаксической структурой главного, а не придаточного предложения.

ние» охватывает все же далеко не все сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, а именно, он не охватывает те из них, где подчинение обеспечивается не союзным словом, а другими средствами (союзом, особыми формами каких-либо членов предложения, порядком слов и др.). Краткий обзор сложных предложений такой структуры дается ниже в отдельном параграфе (§ 8); основная часть настоящей статьи посвящена только относительным предложениям.

§ 3. ИСХОДНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В дальнейшем, рассматривая то или иное предложение или тип предложений, мы исходим из того, что нам известны ответы на определенные стандартные вопросы в отношении этого предложения. Для формальной классификации такой ответ всегда должен быть из числа заранее предусмотренных, например: да, нет; случай 1, случай 2 и т. п. Разумеется, в действительности при ответе на эти вопросы возможны большие трудности: см., например, фразы (1), (2) из § 2, соединяющие элементы подчинения с элементами сочинения. Эти трудности могут быть обсуждены в комментариях к примеру, но для классификации берется наиболее близкий к истине огрубленный ответ; например, фраза (2) рассматривается как сложноподчиненная. В наиболее двусмысленных случаях по отдельности рассматриваются оба возможных решения; тогда одна и та же синтаксическая конструкция может при одном решении попасть в одну рубрику классификации, при другом — в другую.

Основной вопрос такого рода состоит в том, является ли предложение сложноподчиненным, и если да, то где главное и где придаточное предложение. Практически ответ на этот вопрос складывается на основании учета целого ряда признаков, которые мы не можем охарактеризовать формально.

Ни в коей мере не пытаясь дать операционное определение соответствующих понятий, отметим некоторые (далеко не все!) признаки, полезные для ориентировки в данной проблеме (заметим, что приводимые правила

для некоторых частных типов предложений могут и не соблюдаться)*.

1) В сложноподчиненном предложении главное предложение обычно может разрываться придаточным (которое оказывается в этом случае внутри главного, например, *Ослов, которых ты взял, верни*), тогда как придаточное разрываться не может; в сложносочиненном предложении неразрывны обе части.

2) Если сложноподчиненное предложение, состоящее из главного Г и придаточного П, входит целиком в качестве придаточного в более крупный комплекс Г'(ГП), где Г' — главное, и если при этом Г' требует от сказуемого подчиненного ему предложения некоторого автوماتического изменения (например, постановки в определенном наклонении), то данное изменение происходит со сказуемым предложения Г, но не П. Например: *Он покупает книги (Г), которые ему приносят (П) — Я хочу (Г'), чтобы он покупал книги, которые ему приносят*. В сложносочиненном предложении подобные эффекты распространяются на сказуемые обеих частей.

3) С точки зрения смысла сокращение («свертывание») комплексов типа Г'(ГП) до Г'Г (*Я хочу, чтобы он покупал книги*) представляет собой обеднение прежнего сообщения, но не сообщение о чем-то другом, тогда как переход (с требуемыми сопутствующими изменениями) от Г'(ГП) к Г'П дал бы новое сообщение (*Я хочу, чтобы ему приносили [книги]*). Ср. свертывание *цвет крыши дома* ⇒ *цвет крыши* (но не *цвет дома*).

При рассмотрении местоимений, принимающих участие в построении относительных предложений, предполагается известной их принадлежность к одной из

* Речь идет о признаках, общих если не для всех, то для большинства языков. Следует учитывать, однако, что в конкретном языке обычно существуют, кроме того, свойственные именно данному языку особенности, отличающие сложные и, в частности, сложноподчиненные предложения от последовательности простых предложений. Будучи индивидуальными для данного языка, они могут быть в то же время общими, например, для всех типов сложноподчиненных предложений, а это позволяет, опираясь на бесспорные случаи, судить о более трудных. Чаще всего такие особенности касаются порядка слов и про-содических явлений (например, в немецком языке во всех придаточных предложениях представлен особый порядок слов; в ведийском личные формы глагола в простом и главном предложении безударны, а в придаточном имеют ударение).

следующих двух групп: а) подчинительные, б) синтаксически нейтральные. Дать полное формальное определение этих понятий мы не можем (как и для понятий главного и придаточного предложений); поэтому ограничимся содержательными пояснениями и указанием лишь некоторых формальных признаков этих двух групп местоимений.

С содержательной точки зрения, различие состоит здесь в следующем: подчинительное местоимение само по себе служит средством синтаксической (а не только смысловой) связи между предложениями, тогда как синтаксически нейтральное местоимение само по себе таким средством не служит (хотя может связывать предложения по смыслу). В простых случаях (которых большинство) это содержательное различие внешне проявляется так. Предложение (одно из двух, образующих сложноподчиненное), где имеется подчинительное местоимение, не может выступать в качестве самостоятельного утвердительного высказывания. Например, простое предложение *Кто пришел?* (ср. *Позови того, кто пришел*) возможно только в качестве вопроса; простые предложения с арабским 'allaḏī вообще невозможны. Напротив, предложение, где имеется синтаксически нейтральное местоимение (а подчинительного нет), как правило, способно без каких-либо изменений (кроме, быть может, интонации) выступать в качестве самостоятельного утвердительного высказывания. Примеры: *Вот та книга* (ср. *Вот та книга, которую я купил*); араб. *ga'aytuḥuma bil'amsi* 'Я видел их (двоих) вчера' (-ḥuma «их-двоих»), ср. пример (3).

Трудные случаи могут возникать в тех языках, где придаточные предложения отличаются от простых какими-то общими грамматическими признаками, например, особым порядком слов, наклонением сказуемого и т. п. Здесь для установления подчинительного или синтаксически нейтрального характера местоимения могут потребоваться дополнительные приемы анализа, которые трудно описать формально. Случай такого рода составляет, например, нем. *der*. Возьмем фразу *Hier ist ein Mann, der aus dem Dorfe gekommen ist* 'Вот человек, который пришел из деревни'. Часть *der aus dem Dorfe gekommen ist* не может выступать в качестве самостоятельного высказывания; однако возможно предложение

Der ist aus dem Dorfe gekommen 'Он (тот) пришел из деревни'. Разница в порядке слов здесь вытекает просто из действующих в немецком языке общих правил расстановки слов соответственно в простом и в придаточном предложении. Таким образом, если исходить лишь из этого примера, мы вполне можем считать, что подчинение обеспечивается здесь только порядком слов, а характер местоимения при превращении простого предложения в придаточное не изменился, иначе говоря, что *der* синтаксически нейтрально. Чтобы убедиться, что это не так, нужно рассмотреть, например, такую фразу, как *Hier ist ein Mann, dem Sie vertrauen können* 'Вот человек, которому вы можете доверять'; ср. простое предложение *Sie können dem vertrauen* 'Вы можете ему доверять'. Здесь при превращении простого предложения в придаточное слово *dem* перешло на первое место, т. е. в точку стыка главного и придаточного предложений. Это место закреплено в немецком языке за средствами связи между предложениями (союзами или союзными словами); ср. синонимичную фразу с бесспорно подчинительным местоимением *welcher*: *Hier ist ein Mann, welcher Sie vertrauen können*. С другой стороны, с местоимениями *er* или *dieser*, которые бесспорно являются синтаксически нейтральными, подобная конструкция невозможна: нельзя сказать **Hier ist ein Mann, ihm (или diesem) Sie vertrauen können*. Таким образом, в немецком языке имеется подчинительное местоимение *der* 'который', нетождественное (с синхронической точки зрения) синтаксически нейтральному местоимению *der* 'тот, он' (не говоря уже о безударном *der* — определенном артикле).

Из этого примера видно, в частности, что подчинительный или синтаксически нейтральный характер местоимения устанавливается не «локально», т. е. не для данной фразы, а по крайней мере для определенного типа фраз в целом. Ср. другой подобный пример: подчинительный характер англ. *that* легко выявляется во фразах типа *Here is the boy that I met, Here are the vegetables that are good for you* (самостоятельные предложения **That I met, *That are good for you* невозможны), но не очевиден во фразе *Here is the soup that is good for you* (ср. *That is good for you* 'Это вам полезно').

Подчинительное местоимение, входящее в состав придаточного предложения, мы будем, в соответствии с

традицией, называть относительным. Примеры: русск. *который, какой, каковой, кто, что*, лат. *qui, quis, quid*, нем. *der* и т. д.

Подчинительное местоимение, входящее в состав главного предложения, мы будем называть вводящим. Пример: араб. 'allaḏī. (Относительные местоимения «относят» придаточное предложение к определенному слову в главном, а вводящие «вводят» придаточное в главное.)

В качестве синтаксически нейтральных в относительных предложениях обычно выступают анафорические (т. е. указательные и личные) местоимения, например: русск. *тот, этот, такой, он, то*, лат. *is, hic, ille* и т. д.; возможны, однако, и другие типы местоимений, например: *какой-то, всякий, нечто, все* и др.

З а м е ч а н и е. Для некоторых языков (в частности, для семитских) признается существование так называемых «скрытых» личных местоимений, т. е. местоимений, включенных в глагольную словоформу (хотя и не представленных в ее морфологическом составе специфически местоименными морфемами); см. § 6, пример (37). Признание «скрытых» местоимений позволяет более единообразно описать ряд синтаксических явлений этих языков (в том числе явлений, связанных с относительным предложением).

В составе конкретной фразы местоимение может выступать в а д ъ е к т и в н о м употреблении (т. е. добавляться к имени объекта, например: *Этот человек пришел; Какую рыбу вы хотите?*) или в с у б с т а н т и в н о м употреблении (т. е. заменять имя объекта, например: *Он пришел; Вот рыба, которую купили; Бери то, что дают*). Большинство рассматриваемых в настоящей работе местоимений (любого типа, например, русск. *тот, этот, такой, какой, каковой, который*) допускает оба употребления. Меньшая их часть допускает только одно употребление (обычно только субстантивное, ср. русск. *он, кто, что*). В дальнейшем для краткости может быть сказано «субстантивное местоимение», «адъективное местоимение»; это везде следует понимать как местоимение, выступающее в рассматриваемом контексте в таком употреблении.

§ 4. ИСЧИСЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ниже строится исчисление синтаксических структур относительных предложений (а также некоторых родственных им синтаксических комплексов, см. § 2).

Мы исходим из того, что относительное предложение получается в результате серии преобразований его глубинной структуры*. В глубинной структуре различаются 1-ое исходное предложение и 2-ое исходное предложение. Связь между 1-ым и 2-ым предложениями — типа соединительной. В 1-ом предложении выделено существительное (или, в общем случае, именная группа) C_1 , для которого во 2-ом имеется «дублер» C_2 , т. е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительным или именной группой из первого предложения**. Содержание анафорической связи — либо тождество объектов, обозначаемых именными группами, либо лексическое тождество самих именных групп. Пример глубинной структуры (он будет использоваться и в дальнейшем): 1-ое исходное предложение *Осёл (C_1) убежал*, 2-ое исходное предложение *Осла (C_2) мы любили*.

1-ое исходное предложение интерпретируется как глубинная структура линейно первого предложения (в составе получаемого сложного предложения), 2-ое исходное предложение — как глубинная структура линейно второго. В том случае, если в результате преобразований получится сложноподчиненное предложение и если при порождении не применено преобразование IV («инверсия подчинения»), то 1-ое предложение будет главным, 2-ое — придаточным.

Используемая глубинная структура не задает некоторых деталей смысла получаемых из нее предложений. Например, она не отражает деления определительных предложений на ограничительные и описательные и др. Для языков, не имеющих артиклей, не учитывается также различие между определенными и неопределенными именами; но для языков с артиклями предполагается,

* О построении сложных предложений путем последовательных преобразований соответствующих простых предложений см., в частности: Е. В. Падучева. Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка. «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», М., 1961; В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, с. 174—175; А. К. Жолковский. Синтаксис сомали. М., 1971, с. 33—41.

** Как уже отмечено в § 2, фразы типа *Он опоздал, что было замечено* (где характер анафорической связи иной) в настоящей работе не рассматриваются.

что определенность или неопределенность C_1 и C_2 в глубинной структуре указана.

Преобразования рассматриваются как способ описания синтаксической структуры получаемых предложений, а не как трансформации, сохраняющие смысл. Обратим внимание, с этой точки зрения, на преобразование «инверсия подчинения», которое по существу означает переход от смыслов, передаваемых, например, фразами *Убежал осёл, которого мы любили, Он принес те книги, которые мы купили*, к смыслам, передаваемым фразами *Мы любили осла, который убежал, Мы купили те книги, которые он принес* (здесь нет необходимости выяснять, в чем именно состоит подобное изменение смысла, тем более, что оно может быть различным в разных фразах).

Ниже приводится перечень преобразований (каждому преобразованию дано условное обозначение, чтобы сделать последующие ссылки непосредственно понятными).

I. Преобразования в 1-ом исходном предложении:

1. Добавление адъективного местоимения к C_1 , например: *осёл убежал* \Rightarrow *тот осёл убежал*; *осёл убежал* \Rightarrow *какой осёл убежал*. Обозначение: ТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), M_1 подч. (если местоимение подчинительное).

2. Замена C_1 на субстантивное местоимение, например: *взяли предмет* \Rightarrow *взяли то*; *предмет лежит* \Rightarrow *что лежит*; *человек пришел* \Rightarrow *тот пришел*; *человек спит* \Rightarrow *некто спит*. Обозначение: ТО (если местоимение синтаксически нейтральное), ЧТО (если местоимение подчинительное).

3. Уничтожение C_1 (без какой-либо замены), например: *осёл убежал* \Rightarrow *убежал*; *взяли предмет* \Rightarrow *взяли*. Обозначение: эллипсис — 1.

II. Преобразования во 2-ом исходном предложении:

1. Добавление адъективного местоимения к C_2 , например: *осла мы любили* \Rightarrow *этого осла мы любили*; *осла мы любили* \Rightarrow *какового осла мы любили*. Обозначение: ЭТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), КАКОВОЙ (если местоимение подчинительное).

2. Замена C_2 на субстантивное местоимение, например: *осла мы любили* \Rightarrow *его мы любили*; *осла мы любили* \Rightarrow *которого мы любили*. Обозначение: ОН (если

местоимение синтаксически нейтральное), КОТОРЫЙ (если местоимение подчинительное).

3. Уничтожение C_2 (без какой-либо замены), например: *осла мы любили* \Rightarrow *мы любили*. Обозначение: *эллипсис* — 2.

III. Добавление сочинительного союза (или частицы). Обозначение: *соч. союз*.

IV. Инверсия подчинения: интерпретация 1-го предложения как главного, а 2-го как придаточного меняется на противоположную. Обозначение: *инверсия подчинения*.

Любое преобразование из этого списка является факультативным, т. е. может и не применяться. Предполагается, однако, что для конкретной фразы каждое преобразование используется не более одного раза и из групп I и II берется не более, чем по одному преобразованию.

Для того чтобы получилось относительное предложение, нужно применить хотя бы одно преобразование, вводящее подчинительное местоимение (т. е. M_1 *подч.*, ЧТО, КАКОВОЙ или КОТОРЫЙ). Если ни одно из этих преобразований не применялось, получится не сложноподчиненное предложение, а сложносочиненное или бессоюзное.

В реальных языках при построении относительных предложений возможны также некоторые дополнительные изменения, которых данное исчисление не отражает. Чаще всего они касаются наклонения сказуемого придаточного предложения, порядка слов и интонации (или других просодических характеристик). Как правило, эти изменения не являются специфическими для данного типа сложных предложений, а характеризуют более широкий класс синтаксических комплексов, например, все сложноподчиненные предложения. При построении относительных предложений такие явления лишь сопутствуют более специфическим изменениям, отраженным в исчислении. О случаях, когда эти явления оказываются единственным средством, обеспечивающим синтаксическую связь предложений, см. § 8.

Специально отметим, что в настоящей классификации не принимаются во внимание перестановки слов внутри каждого из двух предложений. В сложноподчиненном предложении не учитывается также возможный перенос

по другую сторону от придаточного любой части главного предложения, кроме имени, входящего в анафорическую связь (т. е. C_1 или C_2), или заменяющего его местоимения*. Таким образом, например, различие между *Верни ослов, которых ты взял* и *Ослов, которых ты взял, верни* для характеристики типа относительного предложения несущественно, поскольку оно не затрагивает взаимного расположения придаточного и элемента C в главном предложении (*ослов*). Соответственно, разорванное главное предложение *Ослов... верни* рассматривается в настоящей работе как предшествующее своему придаточному; ср., с другой стороны, пример (17) в § 6, где разорванное главное предложение равносильно такому, которое следует за своим придаточным.

Приведенное исчисление служит средством классификации относительных предложений: классификационной характеристикой такого предложения является набор преобразований, участвовавших в получении данного предложения из его глубинной структуры (иначе говоря, способ его порождения данным исчислением). Типологическая характеристика языка с интересующей нас точки зрения состоит в указании типа (или типов) относительных предложений, господствующих в данном языке.

§ 5. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРУКТУРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Данное исчисление порождает некоторую совокупность теоретически возможных структурных моделей относительного предложения. Разумеется, оно еще ничего не сообщает о том, какие из них фактически встречаются и с какой относительной частотой. Ниже рассматриваются те модели, которые реально представлены в языках мира. Выделяются основные типы относитель-

* В том случае, когда в главном предложении при элементе C имеется адъективное местоимение M , придаточное предложение может оказаться между M и C , например: *Это написано в той, что ты любишь, книге*. С интересующих нас точек зрения сложные предложения этого типа ведут себя как такие, где главное предшествует придаточному; именно так они и рассматриваются ниже.

ных предложений и указываются важнейшие общие закономерности их структуры.

Прежде всего, все относительные предложения, порождаемые данным исчислением, могут быть разделены на два класса: а) основной — сложные предложения, где хотя бы один член пары C_1 — C_2 сохранен; б) особый, так называемый бессубстантивный — сложные предложения, где и C_1 , и C_2 подверглись устранению (т. е. заменены местоимениями или просто уничтожены). Примеры предложений основного класса: *Вот дом (C_1), в котором мы жили; Беру у тебя осла (C_1), какового осла (C_2) обещаю вернуть*. Примеры предложений бессубстантивного класса: *Я не знаю того, о ком вы говорите; Что посеешь, то и пожнешь; Бери, что понравится*.

Относительное предложение основного класса может быть построено из любой глубинной структуры описанного в § 4 вида. Предложение бессубстантивного класса может быть построено только в том частном случае, когда в глубинной структуре в качестве C_1 и C_2 выступают слова со столь обобщенным значением (*предмет, человек, место, время, способ* и т. д.), что существуют особые субстантивные местоимения (или местоименные наречия), равнозначные сочетаниям таких слов с различными адъективными местоимениями, например: *тот предмет — то; какой человек — кто; некоторый человек — некто; в том месте — там; во всякое время — всегда* и т. д.*

Рассмотрим относительные предложения основного класса.

Важнейшая закономерность структуры относительных предложений основного класса такова: C_1 практически всегда сохраняется, напротив, C_2 в большинстве случаев устраняется.

Устранение C_1 встречается в основном классе относительных предложений чрезвычайно редко — лишь в качестве особого стилистического приема; см. § 6, при-

* Для краткости мы не будем далее рассматривать предложения с местоименными наречиями (а также предложения с *каков — таков, сколько — столько*, которые являются результатом свертывания фраз с сочетаниями *какого качества — такого качества, какое количество — такое количество*). Для выяснения принципиальных моментов достаточно фраз с собственно местоимениями.

меры (14)—(15), (31)—(33). C_2 сохраняется только в случае преобразования II.1, которое применяется очень редко; полное отсутствие преобразований группы II, т. е. сохранение 2-го исходного предложения без каких-либо изменений, практически не встречается.

С содержательной точки зрения эта закономерность (сохранение C_1 и устранение C_2) означает следующий примечательный факт: выбор того, какой из двух анафорически связанных элементов сохранить, а какой заменить местоимением, не зависит от противопоставления «главное — придаточное» (поскольку встречаются оба возможных порядка главного и придаточного), а определяется только линейным порядком предложений*. По-видимому, это объясняется просто общим принципом анафории: нормой является анафорическая отсылка к предшествующему, а не к последующему упоминанию объекта**.

Подавляющее большинство относительных предложений основного класса (во всей совокупности обследованных языков) принадлежит к очень небольшому числу моделей, порождаемому всего тремя преобразованиями: I.1 (факультативно); II.2; IV (факультативно).

Воспользуемся примером глубинной структуры, данным в § 4. Обозначим через M_1 и M_2 местоимения, выступающие в соответствующих предложениях. Тогда основная схема сложного предложения с относительным компонентом может быть представлена так (порядок слов внутри каждого из предложений несуществен):

1-ое предложение	2-ое предложение
<i>убежал</i> ОСЁЛ M_1 (адъективное)	M_2 (субстантивное) <i>мы любим</i>

* Именно с этим обстоятельством связано то, что в избранном нами представлении глубинных структур фиксирован (и в дальнейшем не меняется) линейный порядок предложений, тогда как отношение подчинения может меняться.

** Отсылка к последующему упоминанию (например, в англ. *When he comes to London John visits his aunt*) является очень редким исключением.

У этой схемы два варианта:

А. 1-ое предложение — главное, 2-ое — придаточное.

Б. 1-ое предложение — придаточное, 2-ое — главное.

Далее, местоимения M_1 и M_2 могут быть синтаксически нейтральными или подчинительными. Если они оба синтаксически нейтральны, получается простое соположение предложений, поскольку никаких показателей связи в этом случае нет: *Этот осёл убежал, мы его любили*. Таким образом, при рассмотрении сложноподчиненных предложений этот случай исключается. Случай, когда M_1 и M_2 оба подчиняющие, реально не встречается; это легко объяснить тем, что в двойном выражении одной и той же связи нет необходимости. Тем самым остаются только те два случая, когда одно местоимение подчиняющее, а другое синтаксически нейтральное.

С учетом вариантов А и Б получаются следующие четыре модели:

A1	1-ое предложение главное	M_1 синтаксически нейтральное	2-ое пред- ложение придаточное	M_2 подчинитель- ное
A2	1-ое пред- ложение главное	M_1 подчинитель- ное	2-ое пред- ложение придаточное	M_2 синтаксически нейтральное
B1	1-ое пред- ложение придаточное	M_1 синтаксически нейтральное	2-ое пред- ложение главное	M_2 подчинитель- ное
B2	1-ое пред- ложение придаточное	M_1 подчинитель- ное	2-ое пред- ложение главное	M_2 синтаксически нейтральное

Исходя из этой таблицы, можно ожидать, что синтаксически нейтральное адъективное местоимение M_1 (в А1 и Б1) окажется факультативным, поскольку связь предложений осуществляется здесь подчинительным местоимением M_2 . В то же время синтаксически нейтральное субстантивное местоимение M_2 (в А2 и Б2) должно присутствовать обязательно (хотя оно и не тре-

буется для связи предложений), поскольку если его опустить, то останется необозначенной синтаксическая роль (а именно — падеж) глубинного C_2 во 2-ом исходном предложении.

Из этих четырех теоретически возможных моделей реально засвидетельствованы в конкретных языках три (нет только модели Б1). В модели А1 адъективное местоимение M_1 действительно факультативно; в прочих случаях местоимения обязательны (если не считать редких случаев эллипсиса).

Модель А1 представлена исключительно широко, в частности, почти во всех индоевропейских языках. Модель А2 характерна для семитских языков. Модель Б2 является основной, в частности, для древнеиндийского, авестийского, хеттского, древнерусского (но не старославянского!); в русской диалектной речи и в просторечии она существует и в настоящее время. В ряде языков, например, в латыни и греческом, эта модель встречается, но не имеет широкого распространения.

Эти три модели демонстрируются следующими фразами-формулами (для Б2 взято русское просторечие, для А2 — арабский в русской передаче, но с сохранением «ключевого слова» 'allaḏī; в модели А1 факультативное слово *тот* дано в квадратных скобках):

А1. *Убежал [тот] осёл, которого мы любили.*

А2. *Убежал осёл 'allaḏī («такой-что»), мы его любили.*

Б2. *Который осёл убежал, того мы любили.*

В одном и том же языке могут быть представлены одновременно две из этих моделей, в редких случаях — даже все три. Чаще всего сосуществуют модели А1 и Б2. Связь этих двух моделей объясняется следующим. Из-за преобразования «инверсия подчинения» между ними возникает та разница смыслов, о которой говорилось выше, в § 4; ее можно упрощенно обозначить так: во фразе А1 говорится о бегстве, во фразе Б2 — о любви. Если же мы захотим сказать об одном и том же, например, в обоих случаях о бегстве, то для языка с моделью Б2 нужно иметь обратный порядок предложений в глубинной структуре. Тогда получится:

А1. *Убежал [тот] осёл, которого мы любили.*

Б2. *Которого осла мы любили, тот убежал.*

При таком представлении видно, что разница здесь в значительной мере сводится к тому, о чем говорится раньше и о чем позже. То, что слово *осёл* в одном случае оказывается в главном предложении, а в другом — в придаточном, определяется, как уже показано выше, не синтаксическими отношениями между частями сложного предложения, а универсальным принципом, требующим сохранения такого слова в линейно первом предложении. Таким образом, понятно, что если в языке строго фиксировано положение придаточного по отношению к главному, то в нем представлена только одна из моделей А1 и Б2 (например, только А1 в западноевропейских языках, только Б2 в хеттском). Если же допускаются оба возможных порядка, то эти модели могут сосуществовать. Например, в древнеиндийском и в древнерусском господствует модель Б2, но в тех более редких случаях, когда в этих языках придаточное стоит позади главного, представлена модель А1.

Каждая из трех описанных моделей является основным представителем целой группы моделей. Определяющим свойством группы моделей с основной моделью А1 является наличие подчинительного местоимения во 2-ом предложении. Для группы с основными моделями А2 и Б2 таким свойством является наличие подчинительного местоимения в 1-ом предложении (с инверсией подчинения в случае Б2, без такой инверсии — в случае А2).

Соответственно, выделяются три типа относительных предложений; мы будем обозначать их следующими условными названиями: классический тип (основная модель А1), архаический (основная модель Б2) и семитский (основная модель А2).

Разумеется, порождаемые нашим исчислением сложные предложения, где вообще нет подчинительного местоимения (т. е. сложносочиненные и бессоюзные), не входят ни в один из этих трех типов.

Об относительных предложениях бессубстантивного класса см. § 7. О сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными иной структуры (не относительными) см. § 8.

Приводимая ниже таблица показывает отличительные признаки основных типов относительных предложений (в скобках указаны номера примеров, относящихся к соответствующему типу).

		M_2 подчинительное	M_2 синтаксически нейтральное или отсутствует
M_1 подчинительное	С инверсией подчинения	нет	Архаический тип: (2), (16)—(33), (41), (42), (53)—(60), (67)—(71)
	Без инверсии подчинения		Семитский тип: (3), (34)—(39), (61), (62), (72), (73)
M_1 синтаксически нейтральное или отсутствует	Без инверсии подчинения	Классический тип: (4)—(15), (48)—(52), (63)—(66)	Отсутствие подчинения: (43)—(47)

§ 6. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОСНОВНОГО КЛАССА

Ниже приводятся примеры относительных предложений основного класса (а также ряда других синтаксических комплексов, порождаемых данным выше исчислением). Они распределены по типам и моделям. Для каждой модели указывается (в угловых скобках) характеризующий ее набор преобразований. В ряде случаев отмечаются варианты структуры в рамках одной модели, представляющие по тем или иным причинам типологический интерес. В частности, могут быть по отдельности продемонстрированы обычные (содержащие глагол) и безглагольные придаточные, варианты с определенным и с неопределенным S_1 , с особым порядком слов и др.

Классический тип

< КОТОРЫЙ >

- (4) *Убежал осёл, которого мы любили.*
 (5) франц. *Voici le livre que vous m'avez donné.*
 (6) нем. *Rufe den Mann, der gekommen ist.*

Для большого числа языков, в частности, для современных европейских и классических (латинского и греческого) эта модель является основной. В языках с артиклями в этой модели при S_1 практически чаще встре-

чается определенный артикль, но вполне возможен и неопределенный, ср. франц. *Voici un livre qui a fait beaucoup de bruit* и т. п.

В русском языке к этой же основной модели относятся фразы типа:

(7) *Дойдите до киоска, что стоит на углу.*

(8) *Приходил Иван, что без руки.*

(9) *Вот домá, что недавно построили.*

Употребления *что* в такой роли (т. е. вместо *который*) строго ограничено именительным и винительным падежами. Заметим, что это может создать ложное восприятие такого *что* как несклоняемого слова (или даже как союза), тогда как в действительности оно просто не употребляется в падежах, где внешнее выражение не такое, как в исходной форме.

⟨ ТОТ, КОТОРЫЙ ⟩

(10) *Убежал тот осёл, которого мы любили.*

Эта модель тоже широко распространена; при этом, однако, в языках с артиклями она используется реже, чем в языках без артиклей, поскольку в случае определенности обычно достаточно артикля, см. примеры (5), (6).

Пример с придаточным, стоящим между M_1 и C_1 (см. сноску на стр. 65):

(11) *Это написано в той, что ты любишь, книге.*

Такая структура встречается сравнительно редко, преимущественно во фразах с коротким придаточным; ср., например, лат. *is, quem dico, Decius...* 'этот Деций, о котором я говорю...'

⟨ КАКОВОЙ ⟩

(12) *Беру у тебя осла, какового осла обещаю вернуть.*

(13) лат. (Цезарь) *In castris Helvetiorum tabulae repertae sunt... quibus in tabulis nominatim ratio confecta erat...* 'В лагере гельветов были найдены таблички, в каковых табличках были поименно перечислены...'

Эта модель, по-видимому, приспособлена только для передачи описательных (не ограничительных) определений; по этой причине здесь не встречается преобразование ТОТ. С синтаксической точки зрения данная конструкция представляет собой в сущности переходное яв-

ление между подчинением и сочинением*; например, здесь практически невозможно вклинивание 2-го предложения в 1-ое. В латинских грамматиках *qui* в такой конструкции обычно описывается как эквивалент сочетания *et is* 'и этот'.

Приведем также примеры аномальных относительных предложений классического типа, где нарушено правило о сохранении C_1 (см. § 5).

⟨ ТО, КАКОВОЙ ⟩

- (14) лат. (Овидий) ... *illo iugulet, quem non bene tradidit ense* 'Пусть заколет тем мечом, который он не к добру передал', *букв.* «Тем пусть-заколет, который нехорошо он-передал меч».
- (15) лат. (Цицерон) ... *ut ea ipsa mihi nota essent, quibus me nunc exemplis uti videtis* 'Чтобы мне были известны те самые примеры, которыми, как вы видите, я сейчас пользуюсь', *букв.* «Чтобы те самые мне известны были, которыми меня сейчас примерами пользоваться (=пользующегося) видите».

В этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «тот», стоит справа от него. Подобная конструкция встречается чрезвычайно редко; см. пояснения после примера (33).

Архаический тип

⟨ M_1 подч., ОН, инверсия подчинения ⟩

- (16) русск. простореч. и диалектн. *Которых ребят увидишь, тем передай привет.*
- (17) русский язык XVII века *И видя царь тѣхъ людей злой умыслъ, которыхъ они боярѣ у него спрашивали, велѣлъ имъ сохранитися у царицы и у царевенъ* 'Царь же, видя злой умысел тех людей, велел боярам, которых они у него просили [для расправы], укрыться у царицы и царевен'.
- (18) лат. (Цицерон) *Neque enim metuo, ne hoc cuiquam persuadeatur, ut, ad quod facinus nemo praeter te*

* Ср. утверждение Куайна о том, что сложные предложения с описательными определениями представляют собой «стилистическую разновидность сложносочиненного предложения»; см.: W. O. Quine, *Word and object*. Cambridge, Mass., 1960, с. 110.

ulla pecunia adduci potuerit, id tu gratis suscipere conatus sis 'И я не боюсь, что кому-нибудь покажется, будто то преступление, на которое никто, кроме тебя, не мог бы быть склонён никакими деньгами, ты взялся совершить задаром', *букв.* «... на которое преступление никто... склонён не мог бы быть, то ты задаром совершить взялся».

- (19) др.-инд. (Ригведа) *Ágne, yám yañám...paribhūr ási, sá id devésu gachati* 'Жертва, которую ты, о Агни (т. е. огонь), охватываешь кругом, идет к богам', *букв.* «Агни, которую жертву охватываешь ты, та (она) именно к-богам идет».

Пример с безглагольным придаточным:

- (20) др.-инд. *sudughā yā gauṣ, tam na vinayanti* 'Корову, которая хорошо доится, не наказывают', *букв.* «Хорошодойная которая корова, ту не наказывают».

Пример с редкой для архаического типа постановкой M_1 после C_1 :

- (21) др.-инд. (Ригведа) *sómani yám brahmano vidúr, ná tásyāṣṇati káṣṣaná* '[От] Сомы, которого знают брахманы, не вкушает никто', *букв.* «Сому которого брахманы знают» + *na* («не», «неверно, что») + *tasya* (родит. падеж: «его», «от него») + «вкушает кто-либо».

⟨ M_1 подч., ЭТОТ, инверсия подчинения ⟩

- (22) др.-инд. (Ригведа) *yé te pánthāh, Savitah, pūrvyāśah, arenāvah súkrtā antárikse, tébhir no adyá pathibhih... gáksā* 'О Савитар, [идя] своими древними беспыльными прекрасными небесными путями, сегодня нас защищай', *букв.* «Которые твои пути, Савитар, древние, беспыльные, хорошопроложенные в-небе, теми нас сегодня путями [идя] защищай»; *придаточное безглагольное.*

⟨ M_1 подч., эллипсис—2, инверсия подчинения ⟩

- (23) русск. простореч. и диалектн. *Которые деньги останутся, положи в кошелек.*
 (24) лат. (Овидий) *Quae tamen ex illis aliquo pars umida suco et terrena fuit, versa est in corporis usum*

‘А та их (камней) составная часть, которая была влажной от какого-нибудь сока и землистой, пошла для использования в качестве тела’, *букв.* «Которая же их часть ... влажной и землистой была, пошла ...».

- (25) греч. Επ̄ ἡὸ γὰρ κριματι κρινετε, κριθεσестη ‘Ибо каким судом судите, будете судимы’.

< M₁ подч., ОН, соч. союз, инверсия подчинения >

- (26) др.-русск. *а которыхъ трии дворць въпросили ваща братья послы, а тѣхъ ся есмы отступили по своей воли* ‘Три двора, которые просили ваши послы, мы уступили по своей воле’, *букв.* «А которых трех дворов запросили ваши соотечественники послы, а [от] тех мы отступились по своей воле».

Пример с безглагольным придаточным:

- (27) др.-русск. *а что золото княгини моее олено, а то есмь далъ дщери моеи фетиньи* ‘Золото княгини моей Алёны я отдал дочери моей Фетинье’. Слово *что* выступает здесь в адъективной функции; ср. также (2) и (30). Как известно, современное русское *что* во фразах типа (7)—(9) является реликтом именно такого древнерусского *что* (с точностью до различия между архаическим и классическим типами).

- (28) хетт. *ki-kan turri kuiš DUB.SAR-aš halzai n-an* ‘UTU-uš rahšatagu ‘Бог солнца да охранит того писца, который читает эту табличку’, *букв.* «Эту табличку который писец читает, а*-его бог-солнца да-охранит».

Пример с безглагольным придаточным:

- (29) хетт. *ni kuiš fan pedaš DUMU ni LUGAL-uš araš kišagu* ‘Пусть станет царем сын второго ранга (от наложницы)’, *букв.* «А который второго ранга сын, а царь он да-станет».

< M₁ подч., ЭТОТ, соч. союз, инверсия подчинения >

- (30) русский язык XVI века *А что человекъ мой Истомка Суворовъ сынъ Граборуковъ бѣгаетъ, и тотъ человекъ женѣ моей Соломанидѣ, а которые мои иные*

* Хетт. *ни* (n-) передано в буквальном переводе как «а» по образцу древнерусского языка, ср. выше; вообще др.-русск. *а* и хетт. *ни*, по-видимому, типологически очень близки.

люди, и тѣхъ всѣхъ людей отпустить на свободу, а женѣ моей и сыну до нихъ дѣла нѣтъ 'Мой человек Истомка Суворов сын Грабуруков, который в бегах, [достается] жене моей Соломаниде, а всех прочих моих людей отпустить на свободу; жене же моей и сыну до них дела нет'. Первое придаточное вводится адъективным *что*, ср. выше, (27). Второе придаточное безглагольное.

Модели с сочинительным союзом [примеры (26) — (30)] могут быть отнесены к числу сложноподчиненных предложений лишь в силу некоторого упрощения (ср. § 3). В действительности мы имеем здесь дело с явлением, переходным между сочинением и подчинением. В древнерусском эти модели, кроме того, очень слабо отграничены от сложных предложений, выражающих условие (например, *а едеша по корову, а вези три гривны* 'Если едешь за коровой, то вези три гривны'); ср. фразу (58), которую можно истолковать и как относительную, и как условную.

Как и в классическом типе, возможны также аномальные предложения, где устранено C_1 (тогда как C_2 сохранено):

〈 ЧТО, ЭТОТ 〉

(31) др.-инд. (Бхагавадгита) *yān eva hatva na jīvisāmas, te 'vasthitaḥ pramukhe dhārtaraśtrāḥ* 'Ведь напротив [нас] выстроились члены рода Дхритараштры, убив которых мы не захотели бы жить', букв. «Которых ведь убив не хотим-жить, те выстроились напротив Дхритараштровичи».

(32) лат. (Овидий) *Quem vix incolumi cuiquam salvoque daretis, is datus a vobis est mihi nuper honor* 'Мне оказано теперь вами уважение, какое вы едва ли оказали бы [даже] кому-нибудь незапятнанному и благополучному', букв. «Которое едва-ли невредимому кому-нибудь и-целому вы-оказали-бы, то оказано вами было мне недавно уважение».

〈 ЧТО 〉

(33) лат. (Овидий) ... *altera, quas oriens habuit, praelata puellis* 'Другая (Фисба) — лучшая из девушек Востока', букв. «Другая, которых Восток имел, предпочтена девушкам».

Во всех этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «который», стоит справа от него. Такая конструкция, как и конструкция (14)—(15), встречается крайне редко — только в текстах, написанных изощренным литературным языком. Она используется в качестве особой стилистической фигуры, эффект которой определяется именно тем, что здесь нарушается норма обычной речи. Так, например, у Овидия подобная конструкция выступает лишь как частное проявление известной синтаксической особенности его индивидуального поэтического стиля, состоящей в том, что определяемое существительное часто помещается правее всех его определений и всех отсылающих к нему местоимений.

Семитский тип

(M_1 подч., ОН)

(34) араб. ḡā'a lfallāhu lladī 'a'rifuhu 'Пришел крестьянин, которого я знаю', букв. «Пришел крестьянин такой-что: я-знаю-его»; ср. также (3).

Примеры с безглагольным придаточным:

(35) араб. ḡā'a lfallāhu lladī huwa ṭanīyūn 'Пришел крестьянин, который богат', букв. «... такой-что: он богатый».

(36) араб. ḡā'a lfallāhu lladī 'alayhi burdun 'Пришел крестьянин, на котором был плащ', букв. «... такой-что: на-нем плащ».

Пример, где местоимение «он» придаточного предложения «скрыто» в глагольной словоформе:

(37) араб. ḡā'a lfallāhu lladī yaskunu fī lwadī 'Пришел крестьянин, который живет в долине', букв. «... такой-что: он-живет в долине».

Отличие от (3) и (34), где в буквальном переводе значения «их», «его» тоже присоединены к глагольной словоформе, в том, что показатель объекта в арабском языке — единая четко выделяющаяся морфема, та же, которая выступает после предлогов, и сходная с местоимением в независимом употреблении. Между тем показатели субъекта (например, у- в yaskunu) различны в разных частях глагольной парадигмы и вообще не всегда могут быть однозначно выделены.

〈 M_1 подч., эллипсис — 2 〉

- (38) араб. $\bar{g}a'a$ $\bar{l}fallāhu$ $\bar{l}lābī$ 'a'rifu 'Пришел крестьянин, которого я знаю', букв. «... такой-то: я-знаю». Отличие от (34) — в отсутствии конечного $\bar{h}u$ «его». Эллипсис этого типа возможен лишь там, где C_2 было прямым дополнением. Модель более редкая, чем (34)

Все виды конструкций с 'allaḃī ограничены в арабском языке случаем, когда C_1 определенное, т. е. имеет артикль ('a)l-. Если C_1 неопределенное, используется модель (1); см. также пояснения после примера (90).

По-видимому, в тот же тип, что арабское 'allaḃī, попадают рассмотренные Бенвенистом показатели относительности в языках эве и туника (см. указанную статью Бенвениста). Особенность здесь в том, что эти показатели состоят из двух частей, которые обрамляют придаточное относительное.

С формальной точки зрения, такую же структуру, как (38), имеют греческие сложные предложения с так называемой аттракцией. Под аттракцией в греческой грамматике понимается замена «тому, которого» ⇒ «которому», «теми, которых» ⇒ «которыми» и т. п. (где «который» получает падеж слова «тот»), например:

- (39) греч. $\bar{S}un$ $\bar{h}oīs$ $\bar{e}ikhe$ $\bar{s}tratiōtais$ $\bar{e}ēi$ $\bar{p}rōs$ $\bar{t}eikhos$ 'С теми воинами, которых он имел, он пошел к крепостной стене', букв. «С которыми имел воинами пошел к стене» (о порядке слов см. сноску на стр. 65).

Обычной для греческого языка здесь была бы структура $\bar{S}un$ $\bar{t}oūtois$ $\bar{s}tratiōtais$, $\bar{h}oūs$ $\bar{e}ikhen$, $\bar{e}ēi$ $\bar{p}rōs$ $\bar{t}eikhos$, по образцу (10), или $\bar{S}un$ $\bar{t}oūtois$, $\bar{h}oūs$ $\bar{e}ikhe$, $\bar{s}tratiōtais$ $\bar{e}ēi$ $\bar{p}rōs$ $\bar{t}eikhos$, по образцу (11). Аттракция встречается обычно при том же условии, что и арабские фразы типа (38), — если глубинное C_2 было прямым дополнением.

Переходные случаи, возникающие в условиях эллипсиса

Некоторые случаи эллипсиса требуют особого разбора, поскольку получаемые структуры оказываются типологически двусмысленными.

Степень допустимости эллипсиса связана по крайней мере со следующими двумя факторами. Прежде всего,

существенно то, какова синтаксическая функция подвергаемого эллипсису слова *C*: благоприятны для эллипсиса функции подлежащего и прямого дополнения*, все остальные — менее благоприятны. Для языков, имеющих падежи, можно говорить просто о падеже слова *C*: *C* в именительном или винительном падеже подвергается эллипсису легче, чем в других падежах.

С другой стороны, для эллипсиса существенно следующее. В результате эллипсиса какого-либо из членов пары C_1 — C_2 в получаемом сложном предложении эта пара оказывается представленной каким-то одним элементом. Для эллипсиса благоприятен тот случай, когда этот элемент имеет такое внешнее выражение, которое допускает как синтаксическую функцию (практически — падеж) глубинного C_1 , так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_2 **.

Случай, когда это не так, для эллипсиса неблагоприятен.

Рассмотрим более подробно эллипсис C_2 в архаическом типе. Возьмем в качестве исходного образца следующее относительное предложение архаического типа (здесь и далее для демонстрации синтаксических структур используется русское просторечие): *Которых имел воинов, тех прислал*. Эта фраза имеет глубинную структуру, максимально благоприятную для эллипсиса: C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже, причем подходящем для эллипсиса (винительном).

Эллипсис C_2 означает здесь снятие слова «тот»: *Которых имел воинов, прислал*. В этой фразе в главном предложении (*прислал*) нет уже ни C_2 , ни M_2 , т. е. остаются только такие элементы, которые можно переносить по другую сторону придаточного без изменения типологической характеристики относительного предложения (см. § 4). Иначе говоря, здесь возможен вариант: *Прислал, которых имел воинов*. Эквивалентность подоб-

* Эллипсис подлежащего находится в несколько особом положении: в тех случаях, когда такой эллипсис является нормой, в описаниях обычно признается не эллипсис, а наличие так называемого «скрытого» местоимения, ср. (37). Поэтому практически среди тех случаев, которые всегда трактуются именно как эллипсис, первое место по частоте занимает эллипсис прямого дополнения, ср. (23), (38), (39), (63)—(65), (67), (68), (73).

** Разумеется, простейший частный случай состоит здесь в том, что C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже; но достаточно и omission разных падежей.

ных вариантов наглядно демонстрируется следующим примером, где одно из двух однородных придаточных стоит слева от главного, а другое — справа:

(40) лат. (Овидий) *Sed neque quas posset terris inducere nubes tunc habuit, nec quos caelo demitteret imbres* 'Но оно (верхнее небо) тогда не имело ни туч, которые он (Зевс) мог бы навести на землю, ни дождей, которые он пролил бы с неба', *букв.* «Но ни которые мог-бы на-земли навести тучи тогда [не] имело, ни которые с-неба ниспослал-бы дожди».

Отсюда следует, однако, что фразу *Которых имел воинов, прислал* (= *Прислал, которых имел воинов*), равно как и пример (40), вообще говоря, можно рассматривать не только как относительные предложения архаического типа, полученные преобразованиями «М₁ подч.» и «эллипсис—2», но и как аномальные относительные предложения классического типа, полученные преобразованиями «эллипсис—1» и КАКОВОЙ, — иначе говоря, как отличающиеся от примеров (14), (15) только отсутствием слова «тот».

Далее, в данной фразе (в обоих ее вариантах) слово *воинов* может рассматриваться не только как дополнение к *имел*, но и как дополнение к *прислал*. В последнем случае запятые будут расставлены иначе: *Которых имел, воинов прислал* (= *Прислал, которых имел, воинов*). Изменится и типологическая характеристика фразы: это будет аномальная модель архаического типа (33), полученная преобразованием ЧТО; впрочем, она отличается от допустимой модели классического типа (11) только отсутствием слова «тот». Так же двусмысленны синтаксические связи, например, слов *имущество* и *утварь* во фразах: *Которое оставалось имуществом растащили, Которая оставалась утварь растащили*, — хотя здесь этим словам при различных интерпретациях должны быть приписаны разные падежи.

Замечание. В подобных случаях слово, представляющее глубинные S_1 и S_2 (*воинов*, *имущество*, *утварь*) оказывается, таким образом, как бы одновременно подчиненным двум разным глаголам. При этом в примерах типа последних двух такое слово (*имущество*, *утварь*) как бы одновременно выступает и в одном и в другом из внешне совпадающих в нем падежей. Эффекты такого рода следует расценивать как важное свидетельство против слишком механического взгляда на сущность падежной омонимии.

Однозначность или неоднозначность синтаксических связей слова типа *воинов* отчасти зависит также от порядка слов. Здесь возможны следующие варианты (ради краткости мы уже более не отмечаем возможных перемещений слова *прислал*):

а) *Которых имел воинов прислал* (*воинов* может быть дополнением как к *имел*, так и к *прислал*);

б) *Которых воинов имел, прислал* (*воинов* однозначно относится к *имел*);

в) *Которых имел, прислал воинов* (*воинов* однозначно относится к *прислал*).

Случай «а» представлен, в частности, примером (40), «б» — примерами (23) — (25). Пример для случая «в»:

(41) лат. (Овидий) *Nec, quae praeteriit, utquam revocabitur unda* 'И никогда не возвратится волна, которая прошла', букв. «Ни, которая прошла, когда-либо возвратится волна».

Возьмем теперь в качестве исходной фразы архаического типа такую, где глубинные S_1 и S_2 внешне различны, например: *Которых имел воинов, те погибли*. В таких фразах, как уже отмечено выше, эллипсис затруднен. Случай «а» (с неоднозначной синтаксической связью оставшегося S) здесь невозможен. Пример случая «б»:

(42) лат. (Овидий) ... *incustoditae diripiuntur opes... et quas divitias incola pauper habet* 'Подвергается разграблению неохраняемое имущество и те [жалкие] богатства, которые имеет бедный земледелец' (синтаксическая структура типа: *Погибли, которых воинов имел*).

Случай «в» (т. е. такой, где слово S переходит в главное предложение) требует здесь, в отличие от (41), изменения падежа у S . Здесь имеются две возможности:

в') *Которых имел, воины погибли* (или *Которых имел, погибли воины*). Таков пример (33).

в'') *Которые имел воины погибли* (или *Которые воины имел погибли*). Это не что иное как аттракция; см. пример (39).

Таким образом, двусмысленные с типологической точки зрения структуры, создаваемые эллипсисом, составляют как бы переходные звенья между структурами разных типов.

Отсутствие подчинения

- (43) Убежал осёл, мы его любили. 〈ОН〉
- (44) Убежал осёл, этого осла мы любили. 〈ЭТОТ〉
- (45) Убежал осёл, а мы его любили. 〈ОН, соч. союз〉
- (46) Убежал осёл, а мы этого осла любили. 〈ЭТОТ, соч. союз〉

Фразы такой структуры — бессоюзные или сложносо-
чиненные.

- (47) *Есть речи — значение темно иль ничтожно...* 〈эллипсис—2〉

Фразы, построенные по этой модели, широко пред-
ставлены в русском просторечии и в говорах, например:
А там живет старик, зовут Федотом. Многочислен-
ные примеры такого рода известны также из истории
русского и других языков. Эта модель в общем слу-
чае дает бессоюзное предложение, которое восприни-
мается как эллиптическое; но в языках с фиксирован-
ным порядком слов она может быть использована для
формирования сложноподчиненных предложений; см.
примеры (91), (92) в § 8.

§ 7. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БЕССУБСТАНТИВНОГО КЛАССА

Для относительных предложений бессубстантивного
класса обязательными являются преобразования, устра-
няющие C_1 (I.2 или I.3) и C_2 (II.2 или II.3). Следует
учитывать, однако, что несмотря на внешнее сходство,
замены существительных на субстантивные местоиме-
ния (т. е. преобразования I.2 и II.2) в основном и в
бессубстантивном классе по существу весьма различны.
В основном классе заменяющее местоимение указывает
на соответствующий объект путем отсылки к прямому
его упоминанию в другом предложении (ср., например,
который как замену слова *осёл*), а в бессубстантивном
классе местоимение само включает в себя значение со-
ответствующего имени (ср., например, *что* как замену
слова *предмет*: *что* есть просто синоним сочетаний *какой*
предмет, каковой предмет). Именно поэтому становит-

ся возможной⁴ основная особенность бессубстантивного класса — устранение *C* в обоих предложениях.

Замечание. По этой причине не являются аномальными, в отличие от (31), (32), фразы основного класса вроде следующей (русский язык XVII века): *А кто не похочет в тяглы быти, и тѣмъ людемъ лавки свои продать государевымъ тяглымъ людемъ* 'А кто не захочет быть в тягле, те должны продать свои лавки государевым тяглым людям'.

В бессубстантивном классе выделяются те же три основных типа, но здесь внешние различия между типами менее значительны из-за отсутствия *C*₁. В частности, фразы классического и архаического типа внешне различаются только порядком частей, ср., например, (48) и (53). Максимальная нейтрализация типов наступает здесь в случае эллипсиса (в связи с чем примеры бессубстантивных предложений с эллипсисом даны ниже отдельно; см. пояснения при этих примерах).

Иным здесь оказывается также распределение структур разных типов по языкам. Наиболее заметную особенность составляет то, что в бессубстантивном классе широко представлены предложения архаического типа: они возможны даже в таких языках, где в основном классе представлен только классический тип (например, в литературном русском) или только семитский (например, в арабском).

Относительные предложения бессубстантивного класса смыкаются со сложноподчиненными других типов (с придаточными дополнительными, субъектными, обстоятельственными); это в особенности справедливо для предложений с эллипсисом. Нас интересуют, однако, именно те аспекты относительных предложений бессубстантивного класса, в которых проявляется их внутренняя связь с основным классом относительных предложений; особенности, которые дают основание выделить их в отдельные типы сложных предложений, здесь не рассматриваются.

Бессубстантивные предложения без эллипсиса

Классический тип

⟨ ТО, КОТОРЫЙ ⟩

(48) *Хорошо смеется тот, кто смеется последним.*

(49) *Скажите ему что-нибудь, что может его утешить.*

- (50) лат. *Mercatores ea, quae ad effeminandos animos pertinent, important* 'Купцы привозят то, что способствует изнеживанию духа'.
- (51) др.-инд. *Indrāya sa graṇamate, namate yo baliyaṣe* 'Поклоняется Индре тот, кто поклоняется сильнейшему'.
- (52) франц. *Prends ce qui te plaira*.

В 1-ом предложении могут выступать самые различные местоимения; например, возможны пары местоимений: *те, кто; некто, кто; кто-либо, кто; все, кто; всякий, кто; нечто, что; всё, что* и т. д.

Арханческий тип

⟨ ЧТО, ОН, инверсия подчинения ⟩

- (53) *Кто ищет, тот найдет*.
- (54) *Чему быть, того не миновать*.
- (55) лат. *Cuius regio, eius religio* 'Чья страна, того и вера'.
- (56) др.-инд. (Ригведа) *yó dyām ástabhnāt, sá janāsa Indrah* 'Именно Индра, о люди, укрепил небо', *букв.* «Кто небо укрепил, он, люди, — Индра».
- (57) араб. *fama taf'alu min ḥaṣṣin, ya'lamhu llahu* 'А что вы сделаете хорошего, то пусть-знает бог'.

⟨ ЧТО, ОН, соч. союз, инверсия подчинения ⟩

- (58) др.-русск. *а кто речеть судъ, а тому судъ* 'А кто потребует суда, тому [дать] суд'.
- (59) др.-русск. *а что с нимъ погыбло, а того ему желъ бти* 'А что с ним пропало, о том ему [остается лишь] сожалеть'.
- (60) араб. *famani 'ada 'alaykum, fa'tadu 'alayhi* 'А кто нападает на вас, и вы на того нападайте', *букв.* «А-кто нападает на-вас, а-нападайте на-него».

Семитский тип

⟨ ЧТО, ОН ⟩

- (61) араб. *ga'a labani 'allamtahuma* 'Пришли те двое, которых ты обучал', *букв.* «Пришли два-такие-что: ты-обучал-их».

- (62) араб. $\bar{l}a$ yantiqū maṅ fī famīhi mā'un 'Не может говорить тот, у кого во рту вода', букв. «Не говорит» + maṅ («кто», но в данной конструкции «тот, что») + «во рту-его вода».

Бессубстантивные предложения с эллипсисом

Нормальным здесь является случай, когда субстантивное местоимение, представляющее в поверхностной структуре глубинные S_1 и S_2 , допускает как синтаксическую функцию (падеж) глубинного S_1 , так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного S_2 ; ср. выше, § 6. Примеры, где это не так, ниже отмечены особо.

В отличие от других групп относительных предложений, для данной группы распределение по типам носит в значительной степени условный характер: большинство фраз, вообще говоря, можно было бы получить из глубинной структуры и другими наборами преобразований; см. об этом ниже.

Классический тип

⟨ эллипсис—1, КОТОРЫЙ ⟩

- (63) *Бери, что понравится.*
 (64) лат. *Age, quod agis* 'Делай то, что делаешь'.
 (65) франц. *Tu peux inviter qui tu voudras.*
 (66) англ. *Think about what you are doing.*

За пределами нормального случая эллипсис в классическом типе, как правило, дает нелитературные фразы, например: *Я сделал, о чем вы просили.*

Арханческий тип

⟨ ЧТО, эллипсис—2, инверсия подчинения ⟩

- (67) *Что понравится, бери.*
 (68) лат. *Quos vult perdere, dementat* 'Кого хочет погубить, лишает разума'.
 (69) франц. *Qui vivra verra.*
 (70) англ. *Whoever does it will be punished.*

Эллипсис за пределами нормального случая в арханческом типе несколько более приемлем, чем в классическом, ср.: *О чем вы просили, я сделал.* Ср. также литературный пример:

- (71) лат. (Овидий) *Dumque rogat, pro qua rogat, occidit* 'Но пока она (Ниоба) просит, [та,] за которую просит, погибает'.

Семитский тип

< ЧТС, эллипсис—2 >

- (72) араб. 'amaḡa bima qalat 'Он приказал [сделать] то, что она сказала', букв. «Он-распорядился о (bi-)» + та [«что», но в данной конструкции «то, что», ср. (62)] + «она-сказала».

Пример эллипсиса за пределами нормального случая в семитском типе составляет аттракция [ср. (39)]:

- (73) греч. *Ḥn hoîs eîkhen eei pròs teîkhos* 'С теми, кого имел, пошел к крепостной стене', букв. «С которыми имел пошел к стене»*.

В приведенных здесь примерах (кроме тех, где эллипсис выступает за пределами нормального случая) в действительности происходит нейтрализация всех трех основных типов относительного предложения. В самом деле, разница, например, между (63) и (67) сводится к переносу слова *бери*, который для типологической характеристики относительного предложения несуществен. С другой стороны, разница, например, между (66) и (72) теоретически должна состоять в том, что *what* входит в придаточное предложение (т. е. подчинено слову *doing*), а *mā* — в главное (т. е. подчинено слову *bi-*). Однако, как уже отмечено в § 6, в действительности в подобных фразах у слова, представляющего глубинные C_1 и C_2 (здесь *what*, *mā*), синтаксическая связь устанавливается неоднозначно: такое слово как бы одновременно подчинено двум разным словам (соответственно из главного и из придаточного предложений). Это значит, что интерпретация (66) как структуры классического типа, а (72) — как структуры семитского типа основана в сущности не на анализе самих этих фраз, а лишь на том, какой тип вообще является характерным для соответствующего языка.

* Ср. пример аттракции в русском: ... *хозяин дома, мшивший-ся употребления ног на службе верою и правдою и награжденный за то всем, чем выше упомянуто было* (Достоевский, «Двойник»),

§ 8. ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ, НЕ СОДЕРЖАЩИХ СОЮЗНОГО СЛОВА

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть этот класс сложноподчиненных предложений достаточно подробно и ограничимся лишь некоторыми наблюдениями.

В сложноподчиненных предложениях этого класса *С*, входящее в главное предложение, всегда сохраняется, а *С*, входящее в придаточное, всегда устраняется*. Таким образом, синтаксическая связь устанавливается между элементом *С* главного предложения и всем придаточным предложением. Для установления этой связи могут служить (помимо интонации и других просодических явлений) следующие средства:

1) неизменяемое служебное слово (союз или частица);

2) постановка какого-либо члена придаточного или главного предложения в особую грамматическую форму;

3) порядок слов (это средство обычно выступает как сопутствующее, но при отсутствии обоих предыдущих средств может оказаться и единственным показателем подчинения).

Устранение *С* в придаточном предложении создает две возможности: а) либо это *С* заменяется синтаксически нейтральным** субстантивным местоимением (типа «он»); б) либо *С* устраняется без какой-либо замены. В предложениях рассматриваемого класса операция «б» часто приобретает особое значение: отсутствие *С*

* Это правило само по себе представляется довольно естественным: любые сокращения в подчиненном члене с синтаксической точки зрения проще, чем в подчиняющем (поскольку они требуют меньшей перестройки синтаксической структуры). Но, с другой стороны, оно расходится с правилом о сохранении C_1 и устранении C_2 , которое действует в относительных предложениях. Это расхождение хорошо согласуется, однако, с высказанным выше (§5) предположением о том, что данная особенность относительных предложений вытекает из общих свойств местоимений. В самом деле, рассмотренные здесь сложные предложения отличаются от относительных как раз тем, что подчинение обеспечивается в них не местоимениями, а другими средствами; поэтому нет оснований ожидать, что здесь будут соблюдаться закономерности, вытекающие из свойств местоимений.

** Если *С* заменяется подчинительным местоимением, то получается обычное относительное предложение.

представляет собой уже не эллипсис, как в относительных предложениях, а необходимый признак правильной подчинительной структуры. В относительных предложениях можно восстановить такую эллиптическую структуру до полной; в значительной части определительных предложений данного класса соответствующее место не может быть заполнено без разрушения подчинительной структуры; таким образом, «незаполненная валентность» у сказуемого (или другого члена) придаточного предложения является здесь одним из средств, обеспечивающих подчинение; ср. примеры (86), (87), (91), (92).

В некоторых сложных предложениях данного класса при *С* главного предложения может выступать синтаксически нейтральное адъективное местоимение (типа «тот») — как в относительных предложениях классического типа.

В отличие от придаточных относительных, определительные придаточные других классов обычно не имеют специфической, свойственной только им, структуры. Как правило, они совпадают по структуре либо с придаточными других типов, либо с простыми определениями, выраженными именем.

Подчинение, выраженное неизменяемым служебным словом

Если определительное придаточное вводится с помощью неизменяемого служебного слова (союза или частицы), то это слово — как правило, то же, которое вводит так называемое придаточное изъяснительное (например, *Я знаю, что он болен*); довольно часто такое слово способно вводить и многие другие виды придаточных, т. е. выступает как своего рода универсальный показатель подчинения. Примером такого многофункционального показателя может служить таджикское *ки* (переданное ниже в буквальном переводе как «что»).

(74) тадж. *Китобе, ки онро ман хондам, хуб аст.* 'Книга, которую я прочел, хороша', букв. «Книга, что ее я прочел, хорошая есть». Здесь *С* придаточного предложения (т. е. *С*₂) заменено синтаксически нейтральным местоимением *онро*. Возможен также вариант (с тем же значением), где *С*₂ просто отсутствует:

(75) *Китобе, ки ман хондам, хуб аст.*

Заметим, что русские фразы типа *Он высказал мнение, что нужна операция, Этот материал обладает тем свойством, что его не нужно гладить* не аналогичны таджикским: здесь придаточное имеет изъяснительный, а не определительный характер. На фразу (75) очень похожи по структуре фразы (7)—(9); иная типологическая трактовка фраз (7)—(9) определяется прежде всего тем, что в русском невозможна модель (74), т. е. фразы типа **Вот дома, что их недавно построили*; см. также пояснения после примера (9). Трактовка *что* как союза, по-видимому, возможна только в таких неправильных с точки зрения литературного русского языка фразах, как *Где эта улица, где этот дом, где эта девушка, что я влюблен?*

Среди многофункциональных показателей типа тадж. *ки* выделяются показатели, у которых функция введения придаточных определительных выступает как основная, а прочие функции — как второстепенные. Таково, например, др.-евр. 'āšer:

(76) др.-евр. 'āšahēd kol-bāšar 'āšer bō guah hayūim
 'Истреблю всякую плоть, в которой есть дух жизни',
букв. «Истреблю всякую-плоть» + 'āšer + «в-ней дух жизни». Здесь C_2 заменено синтаксически нейтральным местоимением -ō (b-ō «в ней»).

(77) др.-евр. wayūāšem šam 'eḏ-hā'ādam 'āšer yasar
 'И он поместил там человека, которого создал',
букв. «И-он-поместил там человека» + 'āšer + «он создал». Здесь C_2 просто отсутствует.

Показатель 'āšer может вводить придаточные изъяснительные, обстоятельственные и др., но чаще для этого употребляются другие служебные слова (например, kī «что» и др.); таким образом, специфическая (и самая частая) функция 'āšer состоит именно во введении придаточных определительных. В этой своей функции 'āšer вполне сходно с араб. 'alladī, с тем отличием, однако, что 'āšer неизменяемо: ср., например, (76) и (36), (77) и (38). Типологическое сходство 'āšer с 'alladī и другими подчинительными местоимениями семитского типа особенно ясно выступает в бессубстантивном типе, где 'āšer ведет себя как местоимение (причем являющееся членом главного предложения). Примеры:

- (78) др.-евр. $k\bar{i} m\bar{i} y\bar{u}xal l\bar{e}ḏaqq\bar{e}p 'eḏ 'ašer 'iwwəḏ\bar{o}$ 'Ибо кто может выпрямить то, что он искривил', *букв.* «Ибо кто может выпрямить» + 'eḏ (предлог, вводящий прямое дополнение) + 'ašer + «он-искривил-его». Ср. (61), (62).
- (79) др.-евр. $waуу\bar{o}mer la'ašer 'al-beḏ\bar{o}$ 'И он сказал тому, кто был над домом его (т. е. своему домоправителю)', *букв.* «И-он-сказал» + $la-$ (= англ. *to*) + 'ašer + «над-домом-его». Ср. (72).

Таким образом, сложные предложения со специальным неизменяемым показателем определительной связи типа 'ašer образуют как бы переходную группу между относительными предложениями (семитского типа) и предложениями с универсальным подчинительным союзом типа тадж. *ки*; соответственно, сам такой показатель представляет собой промежуточное явление между союзным словом и союзом.

В некоторых языках показатель типа 'ašer стоит не между главным и придаточным предложениями, а в конце придаточного предложения; по-видимому, таковы показатели определительной связи, например в шумерском и в навахо; см. указанную статью Бенвениста.

Подчинительный союз, используемый для введения определительных предложений, может вступать во взаимодействие с синтаксически нейтральными местоимениями главного или придаточного предложения. В качестве примера здесь можно взять древнеисландский язык. В этом языке придаточные определительные вводятся многофункциональным подчинительным союзом *er* (в наиболее древних текстах *es*) — обычно по модели (75), реже (74). Пример:

- (80) др.-исл. *Egill átti son, er Gunnarr hét* 'У Эгиля был сын, которого звали Гуннар', *букв.* «Эгиль имел сына, что Гуннар звался».

Элемент *S* главного предложения может сопровождаться здесь указательным местоимением *sa* «тот». Это местоимение может ставиться перед *S*, но чаще всего оно стоит перед *er* (*es*), например:

- (81) др.-исл. *á ísi vatns, þess er Vænir heitir* 'на льду озера, которое называется Венерн', *букв.* «на льду озера того (þess, родит. падеж) что Венерн называется»,

- (82) др.-исл. *konung, þann er undir honum eru skatt-konungar* 'короля, которому подчинены короли-данники', букв. «короля того (*þann*, винит. падеж) что под ним есть короли-данники».

В таких случаях формы местоимения *sá* с ритмико-интонационной точки зрения примыкают к *er*, а не к предшествующему существительному (ср. постановку запятой); сочетание *sá es* даже сливается в *sás*. Очевидно, что если бы такое сращение осуществилось полностью, получилось бы союзное слово, в точности эквивалентное арабскому 'allabī, т. е. сложное предложение было бы относительным предложением семитского типа. Таким образом, данная древнеисландская конструкция позволяет проследить один из возможных путей развития относительных предложений из предложений с подчинительным союзом.

Возможен и другой вариант подобного развития: объединение подчинительного союза (или частицы) с синтаксически нейтральным местоимением, входящим в придаточное, а не в главное предложение. Такое объединение произошло, например, в готском: местоимение *sa* 'тот, он' (ср. др.-исл. *sá*), заменяющее *S* придаточного предложения, объединилось с подчинительным союзом *ei* 'что, чтобы' (который в этом случае стоит не в начале придаточного, а после *sa*). Пример:

- (83) гот. *wodan þana saei habaida laigaion* 'бесновавшегося который имел легион [бесов]' букв. «бесновавшегося того что-он (*sa* «он», *ei* «что») имел легион».

Понятно, что в результате такого слияния получается союзное слово типа *который* (именно так и переводят готское *saei*), а само сложное предложение превращается в относительное предложение классического типа. Сходное развитие можно предполагать для старославянского *иже* «который», состоящего из указательного *и и частицы *же* (с тем отличием, однако, что *же* представляет собой не подчинительный, а противительный элемент).

Во многих языках, для которых конструкция (82) нехарактерна, она все же возможна в том частном случае, когда при *S* главного предложения стоит местоимение со значением «такой». Ср., например, в русском:

(84) *Это такой человек, что с ним можно говорить откровенно.*

Эта особенность слова *такой* объясняется тем, что оно равнозначно сочетанию *имеющий то свойство*, а слово *свойство* допускает придаточное изъяснительное (ср. выше). Таким образом, в сущности, мы имеем здесь дело не с придаточным определительным к слову *человек*, а с придаточным изъяснительным к слову *такой*. В математическом языке имеется, однако, тенденция превратить сочетание *такой что* в аналог арабского 'alladī и вводить с его помощью собственно определительные придаточные, например:

(85) *Построим треугольник, такой что радиус вписанной в него окружности равен а* (обратить внимание на место слова *такой* и на постановку запятой).

Подчинение, выраженное особыми грамматическими формами

Особые грамматические формы, служащие для синтаксического оформления придаточного определительного, практически возможны, по-видимому, только у сказуемого придаточного предложения и (реже) у элемента *С* главного предложения. Так, сказуемое придаточного предложения в ряде языков ставится в особом наклонении. Сходный по существу прием используется при построении определительной конструкции в тюркских языках: глагол ставится здесь в форме так называемого причастия, различающей времена, но не различающей лиц и залогов (ниже эта форма в буквальном переводе условно передана деепричастием). Заметим, что сама эта определительная конструкция обычно не рассматривается в грамматиках тюркских языков как придаточное предложение (из-за ее прямого сходства с простым определением). Примеры:

(86) татар. *сез очраткан кеше* 'человек, которого вы встретили', *букв.* «вы встретивши человек»;

(87) татар. *сезне очраткан кеше* 'человек, который вас встретил', *букв.* «вас встретивши человек».

Существенным элементом структуры здесь является «незаполненная валентность»: в *сез очраткан* не хватает прямого дополнения, в *сезне очраткан* — подлежащего;

отсюда явствует, какую роль должно играть при глаголе «встретить» слово «человек».

В аккадском языке наряду с относительными предложениями (семитского типа) возможны также сложные предложения с придаточным определительным, в которых средством подчинения служит постройка элемента *C* главного предложения в так. наз. *status constructus*, т. е. в ту форму, которую в семитских языках принимает подчиняющий член сочетаний типа «дом отца».

(88) аккад. *bīt 'īrušu 'imqut-ma* 'Дом, который он построил, рухнул', *букв.* «Дом (*bīt*—*status constructus* от *bītum*, ср. *bīt 'abija* 'дом моего отца') он-построил он-рухнул».

Заметим, что эта аккадская модель в сущности близка к арабским, например, к (38); *C*₁ в *status constructus* функционально эквивалентно сочетанию *C*₁+*'allaḏī*: и то и другое показывает, что последующая синтаксическая единица определяет *C*₁, а без такого определения нито, ни другое существовать не может. Различие здесь в основном в технике внешнего выражения: *'allaḏī* прибавляется к *C*₁, а *status constructus* есть в сущности результат вычитания из *C*₁ некоторой морфемы.

Подчинение, выраженное порядком слов

В ряде языков личная форма глагола, поставленная не на то место, которое закреплено за сказуемым, а на то, где нормально стоит определяющее имя (например, прилагательное), получает функцию определения, например: араб. *fallāḥun yaḥāḥū* 'спящий крестьянин' (подобно *fallāḥun ḡaniyyūn* 'богатый крестьянин'), ср. предикативную синтагму *yaḥāḥū fallāḥun* 'крестьянин спит'; см. также пример (1) в § 2. То же (но с противоположным порядком слов) в японском: *хон-о ёму хито* 'читающий (ёму) книгу (хон-о) человек (хито)', ср. *хито-ва хон-о ёму* 'человек читает книгу'.

В тех случаях, когда глагольная форма способна функционировать как самостоятельное предложение, комплекс данного типа может оказаться внешне неотличимым от последовательности двух самостоятельных предложений; таков пример (1). Ср. также:

- (89) араб. *hābā kitābun 'anzalnāhu* 'Это книга, которую мы ниспослали' или 'Это книга. Мы ее ниспослали'. Здесь синтаксическая роль, которую должно играть слово «книга» при 'anzalnā «мы-ниспослали», показана синтаксически нейтральным местоимением -hu;
- (90) др.-евр. *wəzārah haššāmeš ūḇā haššāmeš wə'el məqō-
tō šō'ēf zōgēah hū šām* 'И восходит солнце, и заходит солнце, и к месту своему спешит, где оно восходит', *букв.* «... и-к месту-своему спешит, восходит оно там». Здесь в аналогичной функции выступает šām «там».

В арабском языке определения, выраженные личными формами глагола, аналогичны обычным определениям даже в том, что они отражают определенность или неопределенность соответствующего существительного: примеры (1) и (89) аналогичны сочетанию *fallāhun ḡaniyyun* 'a rich peasant', а пример (37) и прочие с 'al-lābī — сочетанию 'alfallāhu ḡaniyyu 'the rich peasant'.

Другой вариант подчинения, достигаемого порядком слов, представлен, например, в английском:

(91) англ. *Here is the boy you met*;

(92) англ. *Here is the boy you spoke about*.

Здесь существенным моментом является «незаполненная валентность» в придаточном: *you met* и *you spoke about* не могут пониматься как независимые простые предложения, поскольку в них не хватает дополнения.

§ 9. ФУНКЦИИ МЕСТОИМИЕНИЯ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Проведенный анализ позволяет выделить ряд стандартных функций, выполняемых местоимениями в структуре относительного предложения. Для двух языков, строящих такие предложения по одинаковой модели, эти функции с той степенью огрубления, которая, по-видимому, допустима в типологии, можно считать одинаковыми. Например, *который* в *Вот книга, которую я принес* и лат. *qui* в *Ecce liber, quem attuli* выполняют с типологической точки зрения одну и ту же функцию, а именно, функцию субстантивного подчинительного M_2 в структуре классического типа.

Таблица подчинительных функций*

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$	$M_1(a)$ —	$M_1(a)$ —
бессубстантивный класс	$M_2(c')$	$M_1(c')$	$M_1(c')$

* Обозначения в скобках: *a*—адъективное, *c* и *c'*—субстантивное (*c* в основном классе относительных предложений, *c'*—в бессубстантивном).

Приведем примеры местоимений, выполняющих подчинительные функции, из нескольких языков (перечни местоимений, разумеется, не претендуют на полноту). В число примеров включены также некоторые словосочетания, эквивалентные подчинительным местоимениям.

Классический тип

	$M_2(a)$ (редко)	$M_2(c)$	$M_2(c')$
русский	<i>каковой</i>	<i>который, каковой, что</i>	<i>кто, что</i>
латынь	<i>qui</i> (сред. <i>quod</i>)	<i>qui</i> (сред. <i>quod</i>)	<i>quis, quid</i> (или <i>quod</i>)
греч.	<i>hós</i>	<i>hós</i>	<i>hós, hó</i>
гот.	—	<i>saei</i>	<i>saei, þafei</i>
ст.-слав.	<i>иже</i>	<i>иже</i>	<i>иже, еже</i>
др.-перс.	—	<i>hya</i>	<i>hya, tyā</i>
франц.	<i>lequel</i>	<i>qui, que, lequel</i>	<i>qui, que</i>
англ.	<i>which</i>	<i>who, which, that</i>	<i>who, what</i>
нем.	<i>welcher</i>	<i>der, welcher</i>	<i>der, was</i>
венг.	—	<i>amely, aki, ami</i>	<i>aki, ami</i>

Архаический тип

	$M_1(a)$	$M_1(c')$
русское просторечие др.-русск.	<i>который</i> <i>чьто, которые;</i> <i>кѣто</i> (редко)	<i>кто, что</i> <i>кѣто, чьто</i>
хетт.	<i>kuiš</i>	<i>kuiš, kuit</i>
др.-инд.	<i>yas</i>	<i>yas, yad</i>
хиндустан	<i>jo</i>	<i>jo</i>

Семитский тип

	$M_1(a)$	$M_1(c')$
араб. аккад. др.-исл. (см. § 8) русские математические тексты (см. § 8)	·allaḏī šū (ša) sā er <i>такой что</i>	man, mā, ·allaḏī mannum, minum, šū (ša) sā er, θai er —

Языки, допускающие два или три типа относительных предложений, указаны в том типе, который у них преобладает. Во всех таких языках сами местоимения, используемые в относительных предложениях (как подчинительные, так и синтаксически нейтральные), при переходе от одного типа к другому не меняются. Например, в греческом $M_1(a)$ архаического и семитского типов — *hōs*.

Привлекает внимание представленное во многих языках различие между местоимениями, выполняющими функции $M(c)$ и $M(c')$ в классическом типе. Это различие, например, между *Пришли гости, которых я ждал* и *Пришли те, кого я ждал*. **Пришли гости, кого я ждал* вообще невозможно; *Пришли те, которых я ждал* в принципе возможно, но лишь в качестве фразы с опущенным существительным (которое восстанавливается из предшествующего текста или из ситуации); ср. еще *Возьми то, которое я принес* (подразумевается, например: *ведро*) и *Возьми то, что я принес*. Впрочем, правила выбора между местоимениями типа *кто, что* и типа *который* не в точности одинаковы в разных языках; ср., например, (64), где выступает *quod* («которое»), а не *quid* («что»).

Таблица нейтральных функций

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	$M_1(a)$ —	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$
бессубстантивный класс	$M_1(c')$	$M_2(c')$	$M_2(c')$

Ограничимся лишь основными примерами. Функции $M_1(a)$ и $M_1(c')$ в классическом типе: русск. *тот* (*то*); лат. *is* (*id*), *ille* (*illud*) и др.; др.-инд. *sa* (*tad*); ст.-слав. *тѣ* (*то*). Функции $M_2(c, c')$ в архаическом типе: др.-русск. *тѣ*, *то*; др.-инд. *sa*, *tad*. Функции $M_2(c, c')$ в семитском типе: араб. *huwa*.

Рассмотрим теперь, как совмещаются выделенные выше функции с другими возможными функциями местоимений. Для подчинительных местоимений, как показал Бенвенист, обычной сопутствующей функцией является функция присоединения простого определения (т. е. роль «связующего артикля»), например, в др.-перс. *Гаумата хуа магуш* 'Гаумата-маг' и т. п.; ср. также приведенные выше примеры безглагольных придаточных: (8), (20), (22), (27), (29). Эта функция, однако, очень близка к рассматриваемой нами подчинительной функции, поскольку в обоих случаях речь идет об определительных конструкциях. Следует рассмотреть также более отдаленные функции, не связанные с определительными конструкциями. С этой точки зрения можно разделить подчинительные местоимения на следующие группы.

Прежде всего, многие из таких местоимений совмещают подчинительную функцию с вопросительной. Таковы, например, все подчинительные местоимения в русском, древнерусском, латыни, хеттском, французском; сюда же относятся все английские подчинительные местоимения, кроме *that*, все немецкие, кроме *der*, арабские *шап*, *та* и многие другие. Таким образом, этот вид соединения функций встречается при всех трех основных типах относительных предложений. Как правило, такие местоимения способны (по крайней мере, в некоторых контекстах, например, в условных предложениях, при косвенных модальностях и т. п.) выступать также в роли неопределенных; ср. русск. *Как бы чего не вышло, А если кто спросит ...* и т. п.

Другая часть местоимений совмещает подчинительную функцию с указательной. Таковы, например, нем. *der*, англ. *that*. У Гомера местоимения с основами *ho-* и *to-* не распределены по функциям: и те и другие могут выступать как в относительной, так и в указательной функции.

Наконец, имеются подчинительные местоимения, у

которых нет (с синхронической точки зрения) никаких параллельных функций за пределами определительных конструкций. Из простых (по морфологической структуре) местоимений в эту группу попадают лишь очень немногие, например, др.-инд. *uas*, греч. *hós* (в классическом языке). Большинство местоимений этой группы — с морфологической точки зрения составные. Часто встречается комбинация «указательное местоимение (или артикль) + вопросительное местоимение», например: итал. *il quale*, франц. *lequel*, венг. *aki, ami* и т. д. (ср. *ki* 'кто?', *mi* 'что?' и *a, az* — определенный артикль); ср. также др.-инд. сочетания *sa uas, asau uas*, выступающие как усиленные формы *uas*. Другая частая комбинация — «указательное местоимение + частица или союз», например: гот. *saei*, др.-исл. *sá er*, ст.-слав. *иже* и т. д. (ср. выше, § 8).

Что касается местоимений, выступающих в относительных предложениях в нейтральных функциях, то они, как правило, имеют также дейктическую функцию. При этом для классического и архаического типов характерно использование указательных местоимений, для семитского типа — личных.

Отмеченные здесь совмещения функций носят синхронический характер. Однако для типологии, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, представляют интерес и некоторые элементы диахронического анализа; ср., например, проведенный Бенвенистом (в указанной статье) анализ функций *qui* в древнелатинском. Как известно, синхронический анализ нелегко полностью отграничить от диахронического (в особенности от внутренней реконструкции); наличие же у некоторого элемента в прошлом иной функции, как правило, отражается в синхронии в виде реликтовых побочных функций.

С помощью подобного диахронического анализа нередко удается выявить совмещения функций, типологически закономерные, но не обнаруженные при первоначальном синхроническом исследовании.

В частности, в отношении подчинительных местоимений такой анализ показывает, что они практически всегда связаны по функции с указательными или вопросительно-неопределенными местоимениями. Так, арабское 'alladī с исторической точки зрения составлено из двух

указательных элементов. Как показал Бенвенист, не является первоначальным также относительное значение др.-инд. *uas* (греч. *hós*). Др.-перс. *hwa* 'который' исторически тождественно др.-инд. сочетанию *sa uas* (см. выше).

Учет более простых (и поэтому, по всей вероятности, первичных) функций подчинительных местоимений позволяет охарактеризовать основные типы относительных предложений следующим образом.

В архаическом типе в подчинительной функции обычно используется вопросительно-неопределенное местоимение (вопрос о первоначальном значении индоиранского *uas* остается не вполне ясным). В качестве синтаксически нейтральных используются указательные или (реже) личные местоимения. Соответственно, предположительная первоначальная схема выглядит здесь примерно так: *А какой-нибудь человек провинился. А тот (он) должен быть наказан* (ср. уже отмеченную близость архаического типа к условным предложениям и его совместимость с сочинительными союзами).

В семитском типе в подчинительной функции выступает элемент с первоначальным указательным значением*. В качестве синтаксически нейтральных используются личные местоимения. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали того (или the) человека. Он украл корову.*

Классический тип, по-видимому, с исторической точки зрения неоднороден. В тех случаях, где в подчинительной функции использовано вопросительно-неопределенное местоимение (например, в латыни, в русском), классический тип обычно является результатом трансформации имевшегося ранее архаического типа. Там, где в подчинительной функции использовано указательное местоимение (например, нем. *der*), классический тип, по-видимому, сложился самостоятельно. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали человека* (определенность или неопределенность не фиксирована). *Тот украл корову.*

Предложенные схемы относятся к случаю, когда первоначальная структура не имела подчинительного сою-

* Бессубстантивные структуры типа (62), содержащие вопросительное местоимение, по-видимому, вторичны, а именно, они возникли из архаических структур типа (57).

за (частицы); о путях формирования относительных предложений из предложений с подчинительным союзом см. выше, § 8.

В заключение заметим следующее. Как убедительно показал (в указанной статье) Бенвенист, относительное предложение синтаксически эквивалентно прилагательному: «относительное предложение, каким бы способом оно ни прикреплялось к antecedенту (при помощи местоимения, частицы и т. д.), ведет себя как определенное «синтаксическое прилагательное», а относительное местоимение играет роль определительного «синтаксического артикля»*. Не вполне очевидно, однако, должна ли эта эквивалентность истолковываться в том смысле, что относительное предложение есть результат «синтаксического усложнения» прилагательного. Трактовка прилагательного как единицы более простой, чем предикативная синтагма (которую представляет собой относительное предложение), очень естественна для таких языков, как латынь или западноевропейские, где прилагательно (или точнее, «имя качества») в функции определителя просто присоединяется к определяемому слову (*la neige blanche*), а в функции сказуемого требует связи, т. е. выступает в более сложной конструкции (*la neige est blanche*). Однако в очень многих языках мира представлено другое соотношение по сложности между предикативной и атрибутивной синтагмами с «именем качества». Можно выделить по крайней мере следующие основные случаи: а) эти синтагмы грамматически не различаются, например, др.-инд. *Nalo bali* 'Наль могуч' и 'могучий Наль'; б) эти синтагмы строятся разными грамматическими средствами примерно одинаковой сложности, например, тадж. *саг-и бад* 'злая (бад) собака (саг)' (-и — показатель атрибутивной связи), *саг бад аст* 'собака зла' (*аст* — глагол-связка); сюда же относятся случаи, когда данные синтагмы различаются только порядком слов; в) атрибутивная синтагма сложнее, чем предикативная, а именно, состоит из большего числа слов или требует более сложной морфологической формы «имени качества»; таково положение в многочисленных языках, где «имя качества» грамматически сближено с глаголом (а не с существительным) и где, например, 'хромой человек' можно передать лишь как

* E. Benveniste, указ. соч., с. 53—54.

что-то вроде «хромающий человек», или «человек, что хромает» или просто «человек, он хромает»; сюда же можно отнести (хотя и с некоторыми оговорками) Русское противопоставление *Снег бел — белый снег, Собака зла — злая собака* (где словоформы *бел-ый, зла-я* морфологически сложнее, чем *бел, зла*).

Прилагательное-определение предстает как единица более сложная, чем предикат, также если стать на точку зрения логико-семантического анализа. Как известно, в логических языках нет самостоятельного эквивалента для прилагательных*: с логической точки зрения прилагательное представляет собой не что иное как результат своего рода свертывания отдельной предикативной единицы (а именно, такой, где соответствующий смысл выступает как предикат). Очевидно, что на лингвистическом уровне такому анализу соответствовало бы представление прилагательного как результата свертывания исходного придаточного относительного**.

Примечательно, что в некоторых индоевропейских языках специальные атрибутивные формы прилагательных развились именно по этой схеме. В частности, русские атрибутивные формы (*белый, белая, белое* и т. п.), как известно, исторически восходят к оборотам той же структуры (только с другим порядком элементов), что, например, др.-перс. *kaḡa hua hamiciya* 'мятежная армия' букв. «армия которая (или the) мятежная». Непосредственным источником балто-славянских форм был поздний вариант этого оборота — с согласованием в падеже (ср. *kaḡam tyam hamiciyam* 'мятежную армию', где все три слова в винит. падеже): но на более раннем этапе такого согласования не было (ср. др.-инд. *Somam bhuvanasya yas patih* 'Сому, владыку мира', букв. «Сому, мира который владыка»), т. е. этот оборот представлял собой не что иное как придаточное относительное с именным сказуемым. Из этого же источника возникли и иранские определительные конструкции типа тадж. *saḡ-u bad*.

* См. Н. Reichenbach. *Elements of symbolic logic*. N. Y., 1948, с. 251.

** Ср. представление в порождающей грамматике сочетания существительного с прилагательным, например, *a wise man*, как имеющего глубинную структуру, в которой оно разлагается на субъект *man* и предикат *be wise*; см., в частности, N. Chomsky. *Language and Mind*. N. Y., 1968, с. 25. О том, что язык без прилагательных ближе по своей структуре к логическим, см. А. К. Жолковский. *Синтаксис сомали*. М., 1971, с. 203.

**«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»
А. А. ЗАЛИЗНЯКА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ РЕЦЕНЗИИ С ПОЗИЦИЙ
НЕОСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ МОРФОЛОГИИ**

*Дорогому Андрею Анатольевичу —
с любовью, благодарностью
и неизменным восхищением.*

°Книга исключительной судьбы
°столь сильно опередила свое время
°выступает в роли исходного пункта интенсивно
развивающегося направления
°справедливо рассматривается как образец, и даже
своего рода символ
°отличается от предшествующих и современных
ему, а также от многих последующих работ (<...> пре-
жде всего убеждением в том, что главной целью (<...>
исследования является не просто накопление фак-
тов, (<...> но восстановление целостных систем.

Из одного научного комментария

0. Введение (700). 0.0. Жанр ретро-рецензии (700). 0.1. Небольшое историографическое уточнение (700). 0.2. Несколько слов о неоструктурализме (701).

1. Общие замечания (702). 1.0. Полнота + эксплицитность = интегральность? (702). 1.1. Классификация и синтез (704). 1.2. Универсальная классификация как средство вскрытия лингвистической пропорциональности (704).

2. Морфология без морфемы: модель «слово — парадигма» (705).

3. Основные единицы описания в РИС (706).

4. Условная vs. действительная запись (707).

5. Эталонное vs. неэталонное грамматическое значение (712).

6. Первичные vs. вторичные словоформы (716).

7. РИС и морфемика: направление концептуальной достройки (718).

8. Экстраморфологический vs. интраморфологический слой внутренней стороны словоформы (722).

9. Специфика неоструктуралистской схемы описания флективной морфологии: морфограмма и морфокатегория (723). 9.1. Морфограм-

мема vs. граммема (723). 9.2. Морфокатегория vs. грамматическая категория (725). 9.3. Морфограммема vs. эталонное грамматическое значение (726). 9.4. Морфокатегория vs. различительные признаки парадигм (726). 9.5. Морфород vs. род (726). 9.6. Морфочисло vs. число (727). 9.7. Морфопадеж vs. падеж (728). 9.8. Морфологическая одушевленность и морфограммема (730).

10. Грамматические разряды в РИС (731).

11. Расширенная система падежей (732).

12. Род существительного vs. пол: фамилии и слова общего рода как особый грамматический разряд? (734).

13. Согласование и согласовательные категории (736).

14. Анафорические местоимения как особый грамматический разряд? (739).

15. Заключение (742).

Литература (744).

0. Введение

0.0. Жанр ретро-рецензии. В 1967 г. вышла в свет книга А. А. Зализняка (далее — ААЗ) «Русское именное словоизменение» (далее — РИС)¹. Однако почти никто из отечественных рецензентов не откликнулся на выход РИС². Попробуем теперь, тридцать лет спустя, восполнить указанную лакуну и сочинить «как бы рецензию», но задним числом — ретро-рецензию, что-то наподобие аналитического комментария. Примем ретроспективную точку зрения и посмотрим, как с позиций сегодняшнего дня видится роль РИС в современной лингвистике.

0.1. Небольшое историографическое уточнение.

В виде диссертации под названием «Классификация и синтез русских именных парадигм» работа РИС могла стать известной читате-

¹Как и другим выпускникам ОСиПЛ, учившимся в МГУ в 1975—1980 гг., автору этих строк посчастливилось начать свое лингвистическое образование с курса «Введение в специальность», читанного ААЗ в 1975—1976 учебном году, а затем учиться у него разным лингвистическим дисциплинам в течение нескольких последовавших лет, определявших наше профессиональное становление (в 1970-е гг. — студентом, в 1980-е — вольнослушателем). Книгу РИС мы прочли вскоре в качестве «программной» книги, входившей в основную литературу по курсам общей (1976) и русской (1977) морфологии. Первое знакомство с книгой ААЗ произвело на меня незабываемое впечатление (почти столь же сильное, какое производит личность самого Андрея Анатольевича). Нет сил скрыть, что с годами чтение этой книги доставляет мне все большее и большее удовольствие — потому что РИС принадлежит к числу тех редких книг, которые с возрастом не теряют, а приобретают.

²Если не считать краткой заметки о ней (в разделе «Советуем познакомиться») журнала «Русский язык за рубежом» (1968, № 2, с. 56).

лям двумя годами ранее книги — в 1965 г., т. е. за 35 лет до подготовки данного переиздания. Соответственно, первые отклики на нее прозвучали уже в 1966—1967 гг. (*Апресян 1966; Плотникова 1966; Ревзин 1967; Редькин 1966*). Вскоре появилось несколько рецензий на РИС в зарубежной научной прессе (*Křížková 1968; Veysel 1968; L'Hermite 1970*); в 1974 г. появилось краткое изложение основных идей РИС в составе обзоров по русской морфологии (*Милославский 1974: 14—18; Воронцова 1974: 42—46*).

В этих откликах отмечается важная роль работ ААЗ в точной формулировке таких базовых понятий морфологии, как лексема, словоформа, парадигма, грамматическое значение, граммема, грамматическая категория, грамматическая форма; в разработке методов дистрибутивного экспериментального исследования грамматических категорий — согласовательного класса, рода, одушевленности; оригинальность подхода к категории числа у *pluralia tantum*; эффективность контекстуального метода при выделении инвентаря падежей и убедительность аргументов в пользу признания как минимум восьми падежной системы в русском языке; новаторство при выделении грамматических разрядов; детальность классификации словоизменятельных парадигм; исчерпывающий характер классификации наборов окончаний, классов чередований, схем ударения; пионерский характер таких вводимых понятий, как «согласовательный класс», «эквивалентность парадигм», «эквивалентность акцентуации», «условное ударение»; эlegantность конкретных решений, обусловленная стремлением к экономии и различительности в описании.

Считая, что все эти черты РИС уже достаточно хорошо освещены в упомянутых обзорах, остановимся лишь на некоторых важных сторонах концепции РИС, недостаточно освещенных ранее.

0.2. Несколько слов о неоструктурализме. Современная лингвистика идеологически неоднородна, тогда как излагаемый ниже взгляд, конечно, мой (а не общепринятый, не генеральный, не единственно возможный). И он соответствует моим идейным установкам, моей общелингвистической концепции. Эту концепцию (которая составляет одно из естественных продолжений структурализма), за неимением лучшего термина, условно будем называть неоструктурализмом³. Что такое «структурализм», или «структурная лингвистика», более или менее известно; см. *Апресян 1966; Ревзин 1977; Булыги-*

³ Как принципиальный момент, важный для дальнейшего изложения, можно рассматривать следующие концептуальные формулировки И. И. Ревзина: «лишь бесконечный ряд последовательных приближений, а также параллельных описаний, отражающих данное понятие с разных сторон, может дать истинную картину, в то время как каждое отдельное описание заведомо не может совпадать с „истинным положением дела“» (*Ревзин 1977: 53*); «одновременное рассмотрение нескольких путей описания — с последующей корректировкой одного из них в свете результатов, полученных на другом пути — представляется наиболее перспективным для избежания слишком больших упрощений» (*Ревзин 1978: 20*).

на 1979; *Виноградов 1990*. А термин «неоструктурализм» не общепринят. Поэтому сделаем два пояснения.

1) Неоструктурализм примерно соответствует «современной структурной лингвистике» в смысле И. И. Ревзина (см.: *Ревзин 1977*, с. 35—72).

2) Следует отметить, что на формирование той версии неоструктурализма, которая является идейной платформой моих рассуждений (в первую очередь в области теоретической морфологии), глубокое воздействие оказала книга РИС.

1. Общие замечания

1.0. Полнота + эксплицитность = интегральность? В РИС было предложено первое полное описание именного словоизменения современного русского литературного языка. Автор строит исчерпывающую классификацию имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) по типам склонения — и формулирует правила синтеза именных парадигм, т. е. правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова, входящего в исходный материал (около 55 тыс. слов). В РИС эта задача была не только впервые решена, но и впервые поставлена.

Эта особенность РИС весьма примечательна: большинство лингвистических работ носят эскизный характер, и намечаемые контуры исследования так и остаются «проектом» незавершенной работы. Похоже, что, кроме работ ААЗ, трудно привести пример описаний живого языка⁴, в которых сколько-нибудь значительный фрагмент грамматики был бы описан целиком, и при этом между словарными данными и системой грамматических правил не оставалось бы «зазора».

Ср. тезис И. А. Мельчука: «описать словоизменение в некотором языке не может означать ничего другого, как дать механически выполнимые правила образования словоформ с заданными словоизменительными характеристиками от любых основ (или наоборот — правила извлечения таких характеристик из текстовых словоформ). Тем не менее, в „обычной“ русистике и до сих пор отсутствуют подобные описания — хотя для других языков они есть» (*Мельчук 1974*, с. 22)⁵.

⁴ Иначе обстоит дело с описаниями замкнутого корпуса текстов (ср. *Зализняк 1986*), где требование полноты описания выполняется в своем «сильном» варианте.

⁵ По мнению И. А. Мельчука, единственными работами такого рода (на 1974 г.) были *Доквадзе 1967* и *Еськова—Мельчук—Санников 1971*; мне думается, однако, что единственной «работой такого рода» была (и остается) РИС (не считая компьютерных продуктов, никогда не публиковавшихся в виде научных текстов).

Первым опытом ААЗ в жанре интегрального (как сейчас принято говорить) описания был русско-французский словарь *Зализняк 1961* — прямой предшественник РИС. Включенный туда (в виде набора «грамматических таблиц») грамматический очерк правил русского словоизменения (как именного, так и глагольного) максимально согласован с грамматической информацией, даваемой в словарных статьях.

Тезис о «строгом ограничении исследуемого материала» (с. 4)⁶ плюс требование давать классификацию «в явной форме» (с. 6) есть, по сути, не что иное, как ранняя формулировка примерно того же приема описания, который позднее получит статус принципа и наименование принципа интегральности⁷. Интегральное описание — это «такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи» (*Апресян 1986*, с. 57). Требование интегральности выступает как методологический десидерат: «очевидно, что всякое описание языка должно в идеале стремиться к интегральности, т. е. к такой картине языка, в которой грамматические правила и словарные статьи настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию» (*там же*).

Сюда же можно отнести словарь *Зализняк 1977*, тесно примыкающий к РИС концептуально. Примечательной особенностью этого словаря (по сравнению с другими лингвистическими сочинениями) является то, что его текст оказалось достаточно всего лишь буквально и без опечаток перенести на машиночитаемые носители, чтобы использовать его в качестве источника сведений о языке, к которым могут обращаться работающие лингвистические процессоры (и действительно, к его компьютерной версии не только могут обращаться, но и действительно на практике обращаются все автоматические лингвистические процессоры, сколько-нибудь широко эксплуатируемые пользователями).

На протяжении всей работы автор уделяет пристальное внимание неединственности решений в морфологическом описании и мотивировке выбора того решения, которое принимает он сам.

⁶ Здесь и далее ссылка на номер страницы без указания библиографического сокращения (по умолчанию) будет означать отсылку к РИС (т. е. на издание 1967 г.).

⁷ Возможны также иные понимания термина «интегральность», но в данном контексте мы сознательно ограничимся здесь формулировкой Ю. Д. Апресяна.

Типичный для ААЗ стиль рассуждения — эксплицитно поставить некоторую проблему, изложить разные логически возможные подходы к ее решению, взвесить все основные аргументы *pro et contra* и принять оптимальное решение — проводится в тексте РИС последовательно и во всех деталях.

11. Классификация и синтез. Описание русского склонения состоит из двух логических компонентов: классификации и синтеза, которые оба изложены в явной форме и при этом отдельно друг от друга (с. 4—6). В большинстве «традиционных» описаний эти компоненты, во-первых, не отделены, а во-вторых, классификация слов и правила образования форм обычно формулируются неявно. В этом, по-видимому, состоит наиболее серьезный недостаток традиционной схемы морфологического описания — так называемой модели «Слово и парадигма»: понятие «склоняться так же, как» обычно не эксплицируется. Примечательным в РИС является:

(а) наличие самого этапа классификации (в отличие от большинства работ, выполненных в рамках задач автоматической переработки текста);

(б) наличие самого этапа синтеза (в отличие от большинства работ, выполненных в русле европейской грамматической традиции);

(в) эксплицитность различения (а) и (б) (в отличие от почти всех известных мне работ);

(г) подчиненность классификации эксплицитно поставленной задаче синтеза (в отличие от большинства известных мне работ);

(д) подчиненность правил синтеза некоторой принципиальной эксплицитно заданной классификации (в отличие от правил, формулируемых *ad hoc* в большинстве генеративистских работ и работ по автоматическому синтезу).

Похоже, что в других областях грамматики (и лексикографии) пока что трудно указать работу, где бы такая двухаспектность была налицо и при этом была бы достигнута такая степень взаимной согласованности этих двух аспектов.

12. Универсальная классификация как средство вскрытия лингвистической пропорциональности. Другой замечательной чертой РИС является переход от «древовидной» классификации типов склонения к их «универсальной» классификации (с. 6—9). При универсальной классификации любой различительный признак разбивает на классы всю совокупность классифицируемых объектов. Существенно здесь то, что «универсальный

подход» дал возможность вскрыть многие нетривиальные аналогии между разными подсистемами русской морфологии. Вскрытие таких аналогий базируется на интуитивном представлении о «лингвистической пропорциональности» (с. 117), т. е. об одинаковости различий в двух парах языковых объектов.

Ниже (§ 5) принцип пропорциональности будет проиллюстрирован на нескольких примерах из РИС, показывающих, сколь нетривиальные пропорции были обнаружены и описаны ААЗ.

2. Морфология без морфемы: модель «слово — парадигма»

Весьма любопытной и примечательной является следующая (не обсуждавшаяся ранее) особенность морфологической концепции, лежащей в основе РИС, — а именно, «безморфемное» описание морфологической системы. С точки зрения структуралистской теории грамматики это весьма экзотический способ описания: в ней морфема является центральным понятием и без нее не обойтись⁸. Но в отличие от большинства структуралистских работ, так или иначе апеллирующих к выделению минимальных значимых единиц языка — «языковых знаков» (Ф. де Соссюр), «морфем» (И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Л. Блумфилд), «монем» (А. Фрей, А. Мартине), — РИС строится иначе — в духе подхода «слово и парадигма»⁹; базовым для описания является отношение морфологической аналогии — «склопаться так же, как» (с. 15).

Нередко РИС рассматривается как образец структуралистского описания (*Булыгина 1979*, с. 338), и это действительно так, если основной чертой структурализма считать стремление к эксплицитности

⁸ В РИС понятие морфемы сугубо периферийно: оно упоминается лишь в сносках (на с. 5, 24, 269), маргинальных с точки зрения основной линии изложения (немудрено, что оно не входит даже в предметный указатель к РИС). NB: в работе *Зализняк 1985*, представляющей собой дальнейшее развитие акцентологической (и тем самым — морфонологической) концепции автора РИС, понятие морфемы является одним из центральных, хотя при этом морфемная членимость словоформ считается заранее данной (с. 10) и не обосновывается какими-либо принципиальными критериями, апеллирующими к дефиниции морфемы. Это вполне естественно, коль скоро речь идет о закономерностях строения морфем в плане выражения, которыми и занимается морфонология.

⁹ В противоположность схемам «единица — процесс» и «единица — аранжировка». О различии этих подходов см. *Hockett 1954/1957; Matthews 1972; Булыгина 1977*, с. 70—72. Книга *Anderson 1992* с характерным названием «A-morphous morphology» стремится вновь обосновать преимущества безморфемного описания.

описания¹⁰. Однако если считать доминирующей чертой структурализма стремление к выделению некоторого базового набора элементарных языковых единиц (ср. *Виноградов 1990*, с. 496—497) (в первую очередь — значимых единиц, т. е. морфем), то РИС оказывается в этом отношении скорее как раз антиподом структуралистского описания: это, по существу, как бы «морфология без морфем».

3. Основные единицы описания в РИС

Что же выступает вместо морфем в качестве структурных единиц грамматического описания в РИС? Нетрудно увидеть, что это, как и в доструктуралистской традиции, неэлементарные значимые единицы, из которых состоит словоформа. А именно, в плане содержания это «лексема» (с. 27—29) и «грамматическая форма» (с. 32—33), сочетание которых составляет «внутреннюю сторону словоформы», а в плане выражения это «основа» и «окончание» (с. 112—114), сочетание которых (снабженное указанием на место ударения) образует «внешнюю сторону словоформы».

В плане выражения словоформы выделяются два уровня транскрибирования, приблизительно соответствующие морфемной и (алло)морфной записям в традиции структуралистской: «условная» и «действительная» запись словоформы (с. 149—151). Аналогами (алло)морф(ов) в РИС выступают «действительная основа», «действительное окончание» и «действительное ударение»; аналогами морфем в РИС являются «условная основа», «условное окончание» и «условное ударение».

При этом подход к лексической и грамматической частям словоформы оказывается различным (см. *Крылов 1982*). Такой разный подход к лексической и грамматической частям словоформы не случаен: вообще говоря, в этом различии заложен глубокий смысл. Дело в том, что морфологию, как правило, не интересуют соотношения формы и смысла внутри лексической части словоформы¹¹, тогда как со-

¹⁰ Структурализм попытался «дать ясную формулировку приемам и принципам анализа, определить сферу их применения, связанные с ними ограничения и степень точности ожидаемых результатов. Структурное языкознание отличается от доструктурного, в частности, своей „сознательностью“» (*Арутюнова 1963*, с. 172).

¹¹ «Как правило» — т. е. отвлекаясь от явлений супплетивизма и омонимии, по определению нерегулярных. И то и другое — исключение из правила, а не правило. Морфология занимается супплетивизмом потому, что он исключителен (именно поэтому Т. В. Булыгина говорит о невозможности такой дисциплины, как «супплетивология», — см. *Булыгина 1977*, с. 213), тогда как в лексикологии понятие супплетивизма неупотребительно. Ведь фор-

отношения формы и смысла внутри грамматической части словоформы составляют как раз основной предмет морфологии (см. *Булыгина—Крылов 1990*, с. 313). Можно предположить, что взаимно однозначное соотношение между лексемами и основами — скорее норма (нарушаемая лишь в резко исключительных случаях — при супплетивизме и омонимии), тогда как взаимно однозначное соотношение между грамматическими формами и окончаниями (для языков флективного строя) — скорее исключение.

4. Условная vs. действительная запись

Основная схема описания в РИС — это модель «слово — парадигма». Однако некоторые по сути структуралистские принципы накладываются на эту схему уже самим ААЗ. Прежде всего, как «внешняя», так и «внутренняя» сторона словоформы подвергаются расщеплению на два слоя, которые можно назвать «интраморфологический» и «экстраморфологический»¹².

Интраморфологические уровни имеют дело непосредственно с означаемым и означающим языкового знака; на них и означающее, и означаемое предстают в «инвариантном» виде, очищенном от разного рода контекстных модификаций. При описании внешней стороны словоформы интраморфологическое описание абстрагируется от тех черт внешнего облика словоформы, которые автоматически навязываются контекстом.

Например, две действительные основы в паре словоформ типа *звезда* и *звёзды*, *стрелок* и *стрелки* записываются в виде одной и той же условной основы (типа *зв'озд*, *стрел*к*); тем самым все позиционные чередования устраняются (и как бы исчезают).

В порядке, подчиненном главной задаче книги, условная запись (вкпе с условным ударением) позволяет уменьшить число выделяемых деклинационных (и акцентуационных) классов.

Интересной особенностью такого подхода оказывается то, что конструируемый при таком подходе инвентарь символов оказывается во многом сходен с инвентарем фонологических единиц более древнего

мально-смысловые отношения в лексике супплетивны (т. е. нерегулярны) по природе, т. е. лексикология по сути — это и есть «супплетивология». Регулярные же формально-смысловые отношения в лексике изучаются словообразованием (а не лексикологией).

¹²Такой терминологии в РИС нет, однако она оказывается удобным инструментом для вскрытия научной логики морфологического описания в РИС. Можно сопоставить различие «интра-»/«экстра-» с такими антиномиями классического структурализма, как «инвариант»/«вариант» (Р. Якобсон), «форма»/«субстанция» (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), «Х-эма»/«алло-Х» (Ч. Хоккет).

состояния описываемого языка, получаемым в результате применения метода «внутренней реконструкции»¹³. В РИС такое представление называется «условным» видом словоформы — в отличие от «действительного» вида, отражающего также контекстно обусловленные характеристики означающего. Если бы речь шла об устной форме языка, то «условную» запись можно было бы отождествить с «мор(фо)фонемным» или «мор(фо)фонологическим» представлением (à la *Чурганова 1973; Ворт 1975; Булыгина 1977*), а «действительную» запись — с «фонемной» («фонологической») или с фонетической транскрипцией.

Однако в РИС предметом описания является **письменная** форма языка. Значит, с точки зрения неоструктурализма, действительная запись (т. е. акцентуированная орфографическая) фактически отражает уровень «графем», а символы «условной» записи должны быть фактически отождествлены с единицами особого уровня. Этот уровень можно было бы назвать «морфографемным», а его единицы — «морфографемами»¹⁴. Таким образом, под морфографемой можно понимать класс графем, занимающих одну и ту же позицию в морфеме и дополнительно распределенных относительно контекста действия заданного набора автоматических правил чередования. Впрочем, фактически набор морфографем русского языка весьма близок к набору его морфофонемам¹⁵. Поэтому бóльшая часть описания

¹³ Из предшественников такого подхода ААЗ упоминает Л. Блумфилда, Р. О. Якобсона, М. Халле. Но именно работы РИС, *Зализняк 1985, Зализняк 1986* подтверждают важный неоструктуралистский тезис о том, что «противопоставление двух аспектов рассмотрения языка — синхронического и диакронического — постепенно сменяется (...) их взаимным обогащением» (*Иванов 1976, с. 439*).

Распространение такого подхода на сферу компаративистики порой приводит некоторых современных авторов к практически полному отождествлению таких понятий, как «морфонология» и «внутренняя реконструкция»; такая терминологическая неточность, однако, несет в себе глубокий смысл.

¹⁴ Термин «морфографемика» применяется при описании халха-монгольского языка в *Street 1963* для обозначения примерно таких правил, которые ААЗ называет правилами «перехода от условного вида словоформ к действительному» (с. 258—261). О понятии графемы см. *Зализняк 1983*.

¹⁵ Именно поэтому «условный вид» словоформы в РИС, как отмечает сам ААЗ, сближается с «морфофонематической транскрипцией» Р. И. Аванесова (с. 246—249), хотя ААЗ указывает и на несовпадения между ними. Так, в морфографемной записи не отражены «слабые» позиции, содержащие единицы типа «гиперфонема» (в смысле Московской фонологической школы). В ней все слабые позиции являются «соотносительными», а не «изолированными» (в терминологии Ю. С. Маслова, см. *Маслов 1975/1987*). Поэтому в словах *барáн, стакáн* в предударной позиции представлена морфографема *а*, а в словах *собáка, ресторáн* — морфографема *о*.

русской морфографемике в РИС допускает почти тождественную переформулировку в терминах морфофонемике¹⁶.

Хотя сам ААЗ настойчиво подчеркивает чисто вспомогательный характер своей «условной записи» (с. 48), ставящей весьма скромные цели, однако в результате конструирования системы символов «условной записи» и принципов их употребления ему удалось фактически обнаружить некоторый реальный (т. е. лингвистически содержательный) объект — особый уровень существования языка, который я бы рискнул назвать морфографемным. Отношение этого уровня к графемному — такое же, как отношение морфофонемного уровня к фонемному.

С точки зрения неструктуралистской морфонологии, экспоненты (означающие) морфем состоят из морфофонем (не просто являющихся конструктами описания, но и претендующими на моделирование некоторого уровня существования языка). Термины «условный» и «действительный» удобны для практического разъяснения методов лингвистического описания, однако в онтологическом плане принципиальной разницы между единицами более поверхностными и более глубинными нет. С точки зрения неструктурализма, «условная запись» в РИС — это не что иное, как «морфографемная запись»¹⁷. Она

¹⁶ Позднее примерно те же принципы легли в основу построения «морфонологической записи» (или «исходной записи») в *Поливанова 1976*. Основная разница состоит в том, что А. К. Поливановой исходная запись нужна для описания основообразовательных, а не словоизменительных механизмов. Поэтому ее инвентарь исходных морфонологических символов (обозначающих морфонемы) оказывается несколько более «глубинным».

Ограничение условной записи в РИС только задачами описания словоизменения приводит к тому, что не только условная запись отдельной словоформы не совпадает с ее морфонологической транскрипцией, но и сам инвентарь символов условной записи оказывается не столь богатым, сколь инвентарь русских морфонем. Однако это нельзя считать недостатком РИС, так как дальнейшая разработка данной проблемы (см. *Поливанова 1976*) позволила продемонстрировать разницу между морфонологическими механизмами словоизменения и основообразования.

¹⁷ Соответственно, «условное ударение» можно было бы считать своего рода супрасегментной морфографемой, а действительное ударение — супрасегментной графемой. По-видимому, плюсы, минусы, стрелки и символ D, применяемые для описания русского ударения в *Зализняк 1985*, с. 35—37, должны трактоваться также не просто как удобные «конструкты» описания, а как запись своего рода супрасегментных морфофонем (хотя и здесь автор с обычной для него скромностью не претендует на реконструкцию каких-либо «реальных» сущностей, относящихся к глубинному, т. е. морфофонемному, уровню языка).

столь же реальна (т. е. «лингвистически содержательна»¹⁸), как запись орфографическая¹⁹, но, в отличие от последней, не является наблюдаемой.

Итак, отношение, лежащее в основе противопоставления «условный» vs. «действительный» (РИС), аналогично отношению между членами таких пар понятий, как «морфографемный» vs. «графемный» = «морфофонемный» vs. «фонемный».

Однако различие между условной записью в РИС и морфофонемным уровнем (в неструктуралистском понимании) проводится по четырем независимым друг от друга параметрам:

(а) условная запись не претендует на то, чтобы отражать какой-либо особый уровень языковой «реальности» (хотя фактически, ду-

¹⁸ Морфографема «реальна» (или «лингвистически содержательна») ровно в том смысле, что отражает объективно (т. е. до и независимо от лингвиста) существующую общность определенных характеристик, свойственных речевым отрезкам письменного текста, в морфографемную транскрипцию которых лингвист записывает ту или иную морфографему-конструкт (символ морфографемы), и не свойственных тем речевым отрезкам письменного текста, в морфографемной транскрипции которых данная морфографема не фиксируется.

¹⁹ Если под «условным» понимать «реально не наблюдаемый», то «условной» надо было бы признать любую запись словоформы в виде сочетания адреса определенной лексемы в словаре с указанием грамматической формы, в которой стоит эта лексема. Но столь же условными следовало бы считать такие понятия, как «синтаксическая связь» (с. 62), «предмет» и «состояние предмета» (с. 38), «единичность» и «множественность» (с. 55): все они могут рассматриваться как самоочевидные лишь при принятии гипотезы формально-семантического изоморфизма или «симметричности» языкового знака (например, «единичность» и «множественность» в условиях родовой вещественной или коллективной референции может скрывать за собой вовсе не «реальную» единичность и множественность, а всего лишь словарный факт сингулярной vs. плюральной ориентированности данного существительного, см. *Полванова 1983*). Однако в этой сфере (так сказать, применительно к плану содержания) термин «условный» в РИС не применяется вообще, т. е. «условной» может быть лишь запись означающего. Кстати, если понимать «условный» как «ненаблюдаемый», то фонемную транскрипцию (при любом понимании фонемы) придется также считать «условной», так как фонемы не наблюдаемы. В отличие от фонем, графемы наблюдаемы, так как в обществе принята некоторая (обычно не оспариваемая) орфографическая норма: «орфографическая запись отличается от всех прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята» (с. 9); «существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно четкую и общеобязательную регламентацию» (с. 10); именно это свойство и имеет в виду ААЗ, называя орфографическую запись «действительной».

мается, все-таки отражает! — но избранная автором в РИС риторическая фигура скромности заставляет автора не говорить об этом ни слова), тогда как морфонологическая запись претендует на отражение особого морфофонемного уровня;

(б) условная запись строится для описания письменной и устной формы языка одновременно²⁰, а морфонологическая ориентирована лишь на устную форму, в отличие от морфографемной, ориентированной на письменную форму;

(в) условная запись устраняет лишь те автоматические чередования, без описания которых невозможно описать словоизменение, тогда как морфонологическая запись устраняет также и те автоматические чередования, без описания которых возможно описание словоизменения, но невозможно описание словообразования (основообразования);

(г) в условной записи акцентологическая информация о словоформе («условное ударение») дана отдельно от сегментного состава основ («условная основа») и окончаний («условное окончание»), тогда как в морфонологической различаются сегментные и супрасегментные морфофонемы, входящие в запись как корневых, так и служебных морфем²¹.

²⁰ NB: не просто для письменной, а именно одновременно для письменной и устной. Именно поэтому адъективное окончание род. ед. *-ого* записывается как *-ово*, а затем при переходе к действительному виду происходит «орфографическая замена» *-ово* → *-ого*. (Кстати, в этом состоит единственное различие между «условной записью» в РИС и морфографемной записью (хотя практически эта мелкая разница почти несущественна).) Заметим, что последовательное применение принципа двойной ориентации условной записи должно было бы привести к введению не только упомянутой «орфографической замены», но и других замен (также являющихся продуктом логической инверсии орфоэпических правил), типа *дэльт* → *дельт*, *модел* → *модел*, *фонэм* → *фонем*, *што* → *что*, *конешно* → *конечно*, *сердешный* → *сердечный*. См. об этом *Журицкий 1983*.

²¹ Примерами супрасегментных морфофонем (естественно, не подводимых АЛЗ под это понятие, так как такого термина у него нет) могут служить сущности, которые стоят за акцентными характеристиками, образующими «основную маркировку» морфемы (*Зализняк 1985: 35–37*), а именно «левоударность» (←), «правоударность» (→), «самоударность» (↓), «доминантность» (D) и «недоминантность». Термин «супрасегментная морфофема», или «суперсегментная морфофема», взят из книги *Чурганова 1973: 39*, где под понятие «суперсегментной морфофемы» подводятся «акцентные контуры». Этот термин мотивированно вводится по аналогии с такими понятиями, как его фонологический коррелят — «суперсегментные фонемы или просодемы» (*Чурганова 1973: 22*) (для русского языка это, напр., ударение) и противопо-

5. Эталонное vs. неэталонное грамматическое значение

Одно из центральных понятий в РИС — понятие эталона, т. е. некоторой искусственной таблицы грамматических форм, служащей для сопоставления парадигм разного внутреннего устройства (с. 134—137). Таблица склонения каждой конкретной лексемы как бы «погружается» в эталонную, и образ ее в этой эталонной таблице определяет значения основных классификационных признаков, различающих типы склонения.

Так, тип склонения слов типа *два, три, четыре* приблизительно теми же чертами отличается от типа склонения слов типа *пять, шесть, семь*, которыми склонение слов типа *ночь* во множественном числе отличается от склонения слов типа *ночь* в единственном числе. Однако числительным не свойственна категория числа в традиционном смысле слова. Поэтому, чтобы вскрыть соответствующую аналогию, ААЗ вводит особый признак «морфологическое число», который у словоформ числительных первого типа принимает значение «множественное», а у словоформ числительных второго типа — «единственное» (с. 136—138). По сути дела, ААЗ обнаружил, что количественные числительные разбиваются на два деклинационных подтипа, которые я бы предложил назвать «сингулярным» и «плюральным» склонением (типом склонения). У слов других грамматических разрядов морфологическое число не фиксировано. Таким образом, создается некий «посредник» для сопоставления субстантивных (двухчисловых) парадигм с бесчисловыми (каковыми характеризуются числительные, местоимения и кванторные слова).

Оказывается возможным установить следующую нетривиальную пропорцию. Склонение слов типа *пбчсть* в единственном числе примерно так же отличается от склонения слов типа *пять*, как склонение слов типа *пбчсть* во множественном числе отличается от склонения слов типа *четыре*, хотя слова типа *четыре* и слова типа *пять* по числу не изменяются. Для иллюстрации пропорционального отношения между числовыми субпарадигмами (в смысле *Зализняк 1985*, с. 14) существительных (каждая из которых репрезентирует особую номинатему [в смысле *Зализняк 1973*]) и соответствующими парадигмами числительных изобразим эту пропорцию в виде таблицы, где для наглядности использованы репрезентативные словоформы, показывающие это соотношение наиболее ярко:

лагающий ему термин «сегментная морфонема» (*Чурганова 1973*: 39). Суперсегментными морфонемами следует считать т. н. «валентности», используемые при описании «парадигматических акцентных систем» (*Дыбо 2000*: 10—14).

	(Sg)	Sg
N.A.	<i>пят=ь</i>	<i>ноч=ь</i>
G.L.D.	<i>пят=и</i>	<i>ноч=и</i>
In	<i>пят=ью</i>	<i>ноч=ью</i>

	(Pl)	Pl
L	<i>дв=ух</i>	<i>ноч=а.х</i>
D	<i>дв=у.м</i>	<i>ноч=а.м</i>
In	<i>дв=у.мя</i>	<i>ноч=а.ми</i>

Другой классификационный признак — «морфологический класс», складывающийся из двух пересекающихся признаков — «морфологический род» (в смысле *Откупщикова—Фитилев 1964*) и «морфологическая одушевленность» (с. 139). Морфологический род — это «характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы» (с. 147). Выделяются три морфологических рода — мужской, женский и средний. К мужскому морфологическому роду относятся, например, слова *стол, дождь, бой, анналы, джунгли, щи, сборок* (морфологически неодушевленные) и *слон, муравей, вожатый, он* (морфологически одушевленные). К женскому морфологическому роду относятся слова типа *стена, ночь, столбовая, ножницы, двадцать* (морфологически неодушевленные) и *сирота, судья, мальчишка, я, себя* (морфологически одушевленные). К среднему морфологическому роду относятся слова типа *окно, имя, домишко, домике, ворота, сто, триста, что, шоссе* (морфологически неодушевленные) и *лицо, животное, подмастерье, волчище, оно* (морфологически одушевленные). У прилагательных и числительных морфологический род не фиксирован.

Путем введения понятий морфологического рода удалось, с одной стороны, зафиксировать нетривиальную устойчивую корреляцию между родом и типом склонения, а с другой — провести между этими двумя понятиями четкое различие. Поэтому понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным не только практически, но и теоретически.

«В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода. В самом деле, например, слова *акула, балерина* и т. п. и *мужчина, воевода* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как „существительные женского морф. рода“. Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно (...) и может просто никак не отмечаться. (...) Именно отсутствием понятия морфологического рода (а вследствие этого и час-

тым смешением рода и морфологического рода) объясняются многие некорректные формулировки традиционных описаний» (с. 147).

То же, *mutatis mutandis*, касается и морфологической одушевленности.

Каноническое соответствие между родом и морфологическим родом нарушается лишь в четырех группах существительных:

«1. Все изменяемые существительные мужского, а также так называемого общего рода на *-а*, *-я* относятся к женскому морф. роду, например: одушевленные мужского рода — *юноша, мужчи́на, слуга, парни́шка, зя́йчи́шка, купчи́на, бычи́на*, одушевленные общего рода — *сирота́, кале́ка, ханжа́, урбидина, молодчи́на*, неодушевленные мужского рода — *доми́на, мости́на, куси́на*.

2. Все изменяемые существительные мужского рода на *-о* и *-е* относятся к среднему морф. роду, например: одушевленные — *подмасте́рье, воронко́, волчи́ще, челове́чище*; неодушевленные — *городи́шко, доми́шко, голоси́ще, доми́ще*.

3. Все существительные парного рода относятся к мужскому (например, *часы́, джунгли*), женскому (например, *ножи́цы, бри́лки*) или среднему (например, *ворота́, дрова́*) морф. роду.

4. Все неизменяемые существительные мужского и женского родов относятся к среднему морф. роду, например: *буржуа́, аташе́, мадам*. (Здесь, однако, морф. род носит явно условный характер.)» (с. 148)²².

²² Несклоняемые существительные ААЗ относит к среднему морфологическому роду. Это решение, по-видимому, мотивированное соображениями «механической универсализации» (с. 8–9) и никак не повлиявшее на нотацию (а значит, и трактовку) несклоняемых слов в «Грамматическом словаре», не кажется оптимальным. Альтернативой здесь могло бы быть следующее:

либо включить в число морфологических родов также «нулевой»;

либо, отступая от принципа универсальной классификации, не приписывать словам «нулевого» типа склонения (ср. нотацию «0» в «Грамматическом словаре») вообще никакого морфологического рода (считая, что на множестве несклоняемых слов этот признак просто не определен);

либо, наконец, не приписывать этим словам вообще никакого типа склонения (в соответствии с буквальным значением термина «несклоняемый»).

Логически возможно также еще более экстремистское («формалистическое») решение в духе фортунатовской «формально-грамматической» школы (точнее, ее радикальных представителей — таких, как М. Н. Петерсон) — а именно, относить «несклоняемые существительные» не к существительным, а к «бесформенным» словам. Впрочем, следует признать, что в этом последнем случае они не попали бы в исходный материал РИС и, более того, не должны были бы включаться в предмет «словоизменения». Недостатком такой трактовки является полный отрыв морфологической классификации слов от описания их синтаксических свойств.

Каноническое соответствие между одушевленностью и морфологической одушевленностью нарушается лишь у слов *он, онб, онй*: эти слова всегда являются морфологически одушевленными независимо от согласования (с. 149), так как их винительный падеж всегда совпадает с родительным, а не с именительным²³.

Феномен расхождения между синтаксическими и морфологическими характеристиками лексемы был известен с давних пор (хотя бы авторам описательных грамматик греческого, латинского, санскрита и т. п.), однако до появления работ ААЗ не предпринималось попыток соответствующего эксплицитного уточнения концептуально-терминологического аппарата, которое бы позволяло описывать одновременно и корреляции между морфологией и синтаксисом, и расхождения между ними.

Понятия морфологического числа, морфологического рода и морфологической одушевленности позволяют «сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства» (с. 134) путем соотнесения их с эталоном склонения, т. е. таблицей, в которой учтены, кроме падежа, также противопоставления по роду, числу и одушевленности, независимо от того, определены ли эти признаки на данной лексеме или нет.

Таким образом устанавливается «посредник» для сравнения субстантивных, адъективных, местоименных и нумеративных парадигм (хотя они и имеют разное строение).

Внимательный анализ, осуществленный ААЗ, обнаруживает нетривиальное сходство различий в «морф. роде» у существительных типа *стол* (мужской морф. род), *судья* (женский морф. род) и *домíшко* (средний морф. род) с различиями между склонением числительных типа *с́рок* (мужской морф. род), типа *два́дцать* (женский морф. род) и типа *сто, три́ста* (средний морф. род) (см. с. 138—145). «Посредником» для сравнения служит различительный признак «морф. род», припемающий у этих слов значения «мужской», «женский» и «средний» соответственно.

Далее, ААЗ обнаружил тот нетривиальный (и как бы не замечавшийся ранее) факт, что различия между главным и второстепенным склонениями в женском морфологическом роде («основной» тип *ка́рта* vs. «побочный» тип *те́нь*) пропорциональны аналогичным

²³ Вследствие «механической универсализации» к морфологически неодушевленным относятся все несклоняемые существительные; но в «Грамматическом словаре» никаких следов от такой трактовки не остается. Ср. выше то же о морфологическом роде (в предыдущей сноске).

различиям в мужском («основной» тип *завбд* vs. «уникальный» тип *путь*) и среднем («основной» тип *чувство* vs. «нерегулярный» тип *время*) морфологическом роде (с. 218—221). Для этого вводится различительный признак «тип склонения», который в вышеуказанных случаях принимает значения «I субстантивное» (для «главного» типа) и «II субстантивное» (для противопоставленного ему «второстепенного») и охватывает все три морфологических рода. Между тем в традиционных описаниях русской морфологии соответствующее различие проводилось лишь для женского морфологического рода, а в других морфологических родах либо игнорировалось, либо описывалось в терминах различия между «правилами» и «исключениями из правил».

6. Первичные vs. вторичные словоформы

Другой механизм морфологического описания, разработанный ААЗ, служит посредником при сравнении склонения слов с регулярной морфологической омонимией разных грамматических форм и склонения слов без такой омонимии. Это противопоставление «вторичных» словоформ «первичным» (с. 133).

У ААЗ «вторичные» словоформы задаются экстенционально (по сути дела, перечнем их типов). Однако в принципе этому понятию можно дать некоторое содержательное (интенциональное) определение, хотя это определение оказывается менее конструктивным и даже слегка психологизованным. А именно, вторичной можно считать такую словоформу, которую удобно описывать не непосредственно, а через отсылку к другим. Так, вторичными можно считать: словоформы вин. п., омонимичные им. (*збород*) или род. п. (*мужика*); словоформы ед. ч., омонимичные соответствующим словоформам мн. ч. (у существительных *pluralia tantum*, например, *очки*), и т. п. Таким образом, переход от внутренней стороны такой словоформы к ее внешней стороне состоит из двух этапов: сначала строится «первичная» словоформа, а затем на основании «первичной» словоформы строится «вторичная».

Лингвистическая ценность предложенного ААЗ различия — в том, что оно позволяет разграничить два существенно различных класса явлений, традиционно подводимых под слишком широкое понятие морфологической (грамматической) омонимии. Первый класс случаев — это морфолого-синтаксическая неоднозначность (омонимия целых словоформ без омонимии флексий); к ней относятся все случаи однозвучности первичной и вторичной словоформы. Второй класс случаев — это собственно парадигматическая омонимия (омонимия словоформ, вызванная омонимией флексий). Но флек-

сия в РИС (как и вообще в схеме «слово — парадигма») не является двусторонней сущностью (в том смысле, что она не описывается как имеющая какое-либо означаемое); поэтому и понятие омонимии в некотором смысле к ней неприменимо. Для последовательного различения этих двух классов неоднозначности следовало бы выйти за рамки подхода «слово — парадигма». Фактически проведенное в РИС различение двух типов омонимии можно рассматривать как первый шаг в направлении усиленной элиминации самого понятия морфологической омонимии. Более радикальное движение в этом направлении предложено ниже, в разделе 10, где вводится понятие морфограммы.

Противопоставление первичных словоформ вторичным, уместное и оправданное в РИС как удобный практический прием (ср. выше предложенное «гносеологическое» определение через понятие «удобства описания»), остается, однако, онтологически немотивированным. С неструктуралистской точки зрения, здесь следовало бы в первую очередь решить вопрос о том, к какому языковому уровню относятся первичные, а к какому — вторичные словоформы. Так как условную запись получают только первичные словоформы, то мы вообще не можем ответить на вопрос, каково поэлементное соотношение компонентов внутренней и внешней сторон словоформы друг с другом. Разумеется, в выбранной ААЗ схеме описания («слово — парадигма») поэлементное соотношение не является необходимым.

Однако в задачи неструктуралистской морфологии входят не только классификация и синтез парадигм, но и другие разделы — в том числе, выделение и классификация морфем²⁴.

²⁴ Для неструктурализма при выборе подхода вообще не стоит вопроса «или — или» (т. е. какой из трех подходов, по Хоккету, следует выбрать), так как предполагается, что эпистемологическая разница между этими подходами обусловлена не просто субъективным предпочтением исследователя, но также и тем, какие именно объективно наличествующие в языке отношения («аспекты» или «стороны» языка) лингвист пытается описывать. А это означает, что «хорошее» или «оптимальное» описание вообще не может быть сведено к одному из упомянутых трех типов, а включает их все в качестве своих составных частей. Таким образом, большая полнота описания достигается не путем отказа от подхода «слово — парадигма» (представленного в РИС) в пользу подхода «единица — процесс» или «единица — аранжировка», но и не путем отказа от понятия морфемы (как это декларируют сторонники «безморфемной морфологии» типа Андерсона), а путем включения описаний того и другого типа в рамки некоторого интегрального описания. С точки зрения такого интегрального описания все предшествующие должны оказываться не столько неверными, сколько неполными (по определению). Само же интегральное описание является более полным (по срав-

Поэтому с позиций неоструктуралистской морфологии описание по схеме «слово — парадигма» в принципе не может считаться полным. Точнее, оно может оказаться относительно полным в рамках выбранной схемы («слово — парадигма»), однако, чтобы считаться еще более полным, оно должно быть дотроено в направлении «морфемики»²⁵. Соответственно, если описание, использующее вторичные словоформы в смысле РИС, будет включаться в неоструктуралистское как его составная часть, то вопрос об отнесении и первичных, и вторичных словоформ к какому-то определенному уровню и об означающем и означаемом вторичных словоформ встанет со всей остротой.

7. РИС и морфемика: направление концептуальной дотройки

Исходя из принципов неоструктуралистской морфологии, можно было бы наложить на схему «слово — парадигма» также схемы «единица — аранжировка» и «единица — процесс» и попытаться переинтерпретировать рассуждения ААЗ о русской морфологии в терминах иной концептуальной системы — так сказать, «морфемики» или, точнее, «морфологии, включающей морфемику»²⁶, в противоположность морфологии «безморфемной».

Так, можно предполагать морфемную членимость большинства субстантивных окончаний мн. ч., содержащих *-а-*, и адъективных окончаний мн. ч., содержащих *-ы-*. О том, что суффикс *-а-* является показателем мн. ч. в субстантивных парадигмах, а *-ы-* (*-и-*) — в адъективных, ААЗ писал еще в 1967 г. (см. *Зализняк 1967b; Zalizniak 1970*). С исторической точки зрения здесь представлен результат аналогической унификации и сопутствующего ей переразложения флексий²⁷.

нению с описаниями-предшественниками, вошедшими в него на правах составных частей), но сама его полнота относительна: ведь по отношению к будущим описаниям, абсорбирующим данное, оно само должно будет считаться по определению неполным. И так ad infinitum (см. выше § 0.1, примечание, цитату из книги *Ревзин 1977*, с. 25).

²⁵ Самые известные попытки совместить некоторые элементы концепции РИС с элементами морфемики представлены в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 г., а также в работах *Милославский 1981a, b*. Определенное влияние идей РИС (скрещенных с идеями морфемики) сказалось также на описаниях русской морфологии, выполненных в русле теории «Смысл ↔ Текст»: ср., напр., *Еськова—Мельчук—Санишков 1971; Еськова—Большаков—Бидер 1978*.

²⁶ Неоструктуралистская морфология — лишь одна из морфологических теорий, включающих морфемику; сама она опирается на ряд предшествующих работ, таких, как *Блумфилд 1968; Matthews 1972; Маслов 1975/1987; 1978; 1979; Мельчук 1975; Бульгина 1977; Mel'čuk 1982; Кузнецова 1986*.

²⁷ Исторические аспекты «а-экспансии» оживленно обсуждались в русистике последних десятилетий; см., например, *Andersen 1969; Марков 1974;*

Соответственно, с неоструктуралистской точки зрения можно говорить о двухморфемности большинства деклинационных окончаний мн. ч. Это, однако, не означает, что в падежных показателях мн. ч. нет синтетосемии²⁸. Синтетосемия (в результате падежно-числовой кумуляции как минимум еще праиндоевропейских времен) в них есть, но одновременно с ней есть и некоторая избыточность морфологической сигнализации, особенно в косвенных падежах. Таким образом, число в русском склонении выражается плеонастически — одновременно и агглютинативно (суффиксами *-а-* и *-ы-*), и флективно (кумулятивными окончаниями *-х*, *-м*, *-ми*). В связи с этим представляется исключительно точным выбранный ААЗ (*Зализняк 1967b: 2332*) для характеристики русского склонения термин «полуагглютинативная система».

Членение словоформы на основу и флексию в РИС задается экстенционально (списком) при помощи определенного алгоритма. Однако этот алгоритм не опирается ни на какие общие представления о том, что такое основа и окончание: фактически границы этих понятий не подлежат обсуждению и принимаются как данные. Между тем с точки зрения морфемики здесь обнаруживаются явления, допускающие разное истолкование.

Так, основа, вообще говоря, не есть морфологически элементарная единица и может состоять из нескольких морфем, даже если эта основа и не является словообразовательно производной. Тем самым речь идет вовсе не о многоморфемности основ производных слов, как это может показаться на первый взгляд (эта проблематика не входит в словоизменение!²⁹), а о проблемах, имеющих самое непосредственное касательство именно к словоизменительной парадигматике.

Шульга 1988; Хабургаев 1990; Живов 1993 и др.; М. В. Шульга считает, что впервые на это явление обратил внимание еще И. В. Ягич.

²⁸ Термин понимается в смысле *Маслов 1975/1987: 296/235* и *Булыгина—Крылов 1990с*.

²⁹ А иногда таки входит. В некоторых нетрадиционных грамматических теориях основу (в том числе производную) и окончание (в том числе комплексное) именуют морфемами. Это делается либо на том основании, что предметом описания является не словообразование, а словоизменение, либо на том основании, что описание ориентировано на задачи автоматического морфологического синтеза или анализа (и потому подобные терминологические сдвиги, по мнению авторов, допустимы), либо без специальной мотивировки. Так, например, в работе *Еськова—Мельчук—Санников 1971* основы таких слов, как *волч-ий=∅*, *лег-к-о-мысл-ен-н=ый*, *жен-ат=ый*, *истор-и-ческ=ий*, *мам-ин=∅*, *раз-говор-ч-ив=ый*, почему-то названы морфемами, хотя в соответствии с традиционной концепцией морфемы как минимального знака (в основных чертах принимаемой, в частности, в *Мельчук 1975* и в неост-

С точки зрения неоструктурализма наличие любых «чередований в условной основе» (с. 235—246) означает, что морфемный состав основ в разных подпарадигмах — разный. Следовательно, здесь наличие, помимо «общей формообразовательной основы», также несколько (обычно не более двух) парциальных формообразовательных основ (в смысле *Маслов 1975/1987*, с. 147), характерных для разных групп форм: ср. такие основы, как *козл-ён(о)к-* и *козл-ят-*. В частности, парциальная основа (если отвлечься от случаев полного супплетивизма) включает, помимо общей формообразовательной основы, также избыточные суффиксальные (*неб-'ес-а*) или симульфиксальные (*у- $\frac{uu}{x}$ -и*) элементы. Избыточные показатели подразделяются (не вполне строго) на «пустые» и «плеонастические». Перечисление всех таких случаев должно стать предметом отдельного описания. Но это описание уже будет выходить за рамки подхода «слово — парадиigma».

Примеры плеонастических агглютинативных показателей ед. и мн. числа — ступени чередований класса I (с. 237—238); атрибутивности/предикативности — ступени чередования класса VI (с. 239—240); им. п. ед. ч. — первая ступень класса II (с. 238); род. п. мн. ч. — вторая ступень класса III (с. 238—239); предикативности муж. ед. — вторая ступень класса VII (с. 240); им. ед. муж. — первая ступень классов XIII (с. 241—242), XIX (с. 242) и XX (с. 243); им. парн. — вторая ступень класса XIV (с. 242); род. — первая ступень класса XVI (с. 242) и вторая ступень класса XVIII (с. 242); твор. — вторая ступень чередований класса XVII (с. 242), третья ступень класса XIX (с. 242) и четвертая ступень класса XX (с. 243); дат. — третья ступень класса XX (с. 243). Ступени остальных чередований можно трактовать как избыточные «пустые» маркеры, имеющие «формально-структурную» функцию (в смысле *Маслов 1975/1987*; *Маслов 1978*), т. е. сигнализирующие о сцеплении определенного класса лексем с определенным классом граммем.

Из этого следует типологический вывод, согласно которому в русском языке есть некоторые элементы агглютинации, которые парадоксальным образом вырастают из некоторых нерегулярных чередований в составе основ или из бывших суффиксов (с собирательным или, наоборот, сингулятивным значением). Так, суффиксы *-ин-* (*татар-ин*) и *-иц-* (*кур-иц-а*) — агглютинативные маркеры ед. ч.; суффиксы — *'*ј-* (*брат-'*ј-а*), *-ов-* (*хозяј-ов-а*), *'ес-* (*чуд-'ес-а*) — агглю-

руктурализме) все эти основы морфологически неэлементарны, т. е. содержат по несколько морфем.

тинативные маркеры мн. ч. Симульффикс *к/ч* (в *очи*), *х/ш* (в *уши*), *Ø/'* (в *колени*, *соседи*, *черти*) — агглютинативный маркер мн. ч. (о понятии симульффикса см. Маслов 1975/1987). Трактовка таких отношений просто как супплетивных (Реформатский 1967: 311—313) несколько огрубляет реальную картину, ибо супплетивизм здесь не полный³⁰ (как в *человек — люди*), а лишь частичный³¹ (затрагивающий лишь суффиксальную часть основы, а не корень), и именно поэтому возможно выделение избыточных агглютинативных маркеров грамматического числа³².

³⁰ Под полным супплетивизмом имеется в виду «супплетивизм корней» (в смысле Реформатский 1967, с. 311—312). Различение полного и частичного супплетивизма фактически предлагалось в Булыгина—Крылов 1990b, где употреблены термины «чисто супплетивное склонение» vs. «частично супплетивное склонение».

³¹ Под частичным супплетивизмом имеется в виду «супплетивизм основ» (в смысле Реформатский 1967, с. 312—313), не сопровождающийся «супплетивизмом корней». И. А. Мельчук не без оснований критикует употребление термина «супплетивизм» применительно к этому случаю (Мельчук 1972: 409), однако элегантная трактовка «супплетивизма» и «нормальности» как градуированных, количественных понятий, допускающих «большую или меньшую степень» нормальности и (квази)супплетивизма, развиваемая в Мельчук 1972: 403—407 и полностью созвучная неоструктуралистским методологическим принципам, должна допускать некоторую степень супплетивности в примерах типа *кум — кумовья* и подобных. Ведь «нормальное» соотношение словоформ одной лексемы есть тождество основ, а их различие следует считать ненормальным. Там, где «различие по смыслу между А и В нормально, а различие по форме между ними не нормально» (Мельчук 1972: 405), имеет место супплетивизм. Отношение между словоформами, имеющими разные парциальные основы, является нормальным по смыслу и ненормальным по форме (так как во флективном языке «нормально» именно отсутствие агглютинативных показателей числа). Но это и означает, что в таких случаях перед нами супплетивизм, хотя и не 100%, а частичный. Иначе говоря: принявши, что «супплетивизм может быть более или менее сильным» (*там же*: 407), следует признать, что «супплетивизм основ» также существует, а именно, здесь перед нами именно «менее сильный» супплетивизм, тогда как при супплетивизме корней — «более сильный». Заметим, что трактовка Реформатского фактически поддержана в работе Т. В. Булыгиной, где, правда, для оценки пар типа *колени — колени* и т. п. употребляется не термин «супплетивизм», а более осторожные термины «нерегулярность» или «уникальность» (Булыгина 1977: 152, 212). Однако супплетивизм в этой работе как раз и трактуется как нечто противоположное регулярности (Булыгина 1977: 139—140), так что по существу трактовка Т. В. Булыгиной вполне созвучна трактовке А. А. Реформатского.

³² Трактовка отрезков *-ов-е-* (в *сын-ов-ья*), *-ес-* (в *неб-ес-а*) как показателей мн. ч., а отрезков *-ин-* (в *болгар-ин*), *-н-* (в *суд-н-о*) — как показателей ед. ч., выдвигалась В. Н. Сидоровым в книге Аванесов—Сидоров 1945, с. 92—97.

8. Экстраморфологический vs. интраморфологический слой внутренней стороны словоформы

До сих пор о том, что такое «экстра-» и «интра-», упоминалось лишь применительно к «формальному» аспекту морфологии, т. е. к «внешней» стороне словоформы. Однако зеркально симметричная картина получится, если мы применим это противопоставление к «внутренней» стороне словоформы. А именно, оказывается, что «экстра-» применительно к внутренней стороне означает как раз «более глубокий», а «интра-» — «более поверхностный» уровень представления. В РИС на экстраморфологическом уровне внутренней стороны словоформы находятся граммы и лексемы. В качестве конструктивного аналога лексемы, по сути дела, выступает попросту адрес этой лексемы в словаре. В качестве конструктивного аналога граммы — результат применения мысленной «процедуры выделения» грамм к представительному, принципиально открытому корпусу речевых фактов, т. е. к множеству речевых произведений, снабженных оценками грамматической правильности и смысловой эквивалентности, даваемыми носителями языка.

На первый взгляд кажется, что никакого подобия различию интра- и экстраморфологического представления внутренней стороны словоформы в РИС вовсе нет³³. В действительности такое различие есть, однако проведено оно настолько нетривиальным способом, что даже может остаться незамеченным.

Риску предположить, что условным (интраморфологическим) представлением «внутренней» словоформы следует считать сочетание адреса лексемы³⁴ в словаре либо с ее «эталонным грамматическим значением» (если перед нами первичная словоформа), либо с «эталонным грамматическим значением» той первичной словоформы, из которой она тождественно выводится (если перед нами вторичная словоформа). «Действительным» же представлением следует считать

³³ Может возникнуть даже такой вопрос: а не являются ли граммы и лексемы как раз единицами интраморфологическими — в отличие от «частных значений граммем» и «лексико-семантических вариантов» лексем, которые как раз и являются экстраморфологическими? Ответ на него — отрицательный: ведь никаких правил перехода от частных значений граммем к граммемам и от значений лексем к лексемам в РИС вообще не описывается. Значит, либо противопоставление экстра- и интраморфологических единиц «внутренней стороны» в РИС отсутствует, либо оно присутствует, но не в той области, в которой мы его пытались найти поначалу.

³⁴ Или, в иных случаях, ее варианта (фонетического либо морфологического).

сочетание адреса лексемы в словаре с ее грамматической формой (словоизменительным грамматическим значением данной лексемы).

Практически это означает, что эталонное грамматическое значение репрезентанта данной словоформы³⁵ выступает в качестве единицы особого уровня представления, хотя в явном виде это в РИС не декларируется. Есть ли в языке такой уровень, единицы которого соответствуют «эталонному грамматическому значению»? Декларируемое в РИС ограничение задач описания исключительно аспектом «слово — парадигма» позволяет оставить этот важный вопрос открытым. А выход за рамки данного аспекта заставляет дать на него эксплицитный ответ. Неоструктурализм дает на него ответ положительный: т. е., признавая наличие обнаруженных ААЗ связей между эталонным и «обыкновенным» грамматическим значением, а также между «первичными» и соответствующими им «вторичными» словоформами, неоструктуралистская морфология пытается отразить эти связи на особом уровне представления словоформы.

9. Специфика неоструктуралистской схемы описания флективной морфологии: морфограмма и морфокатегория

Ниже будет введено несколько понятий, составляющих характерную особенность неоструктуралистского подхода к описанию морфологии языков флективного строя. Изложение ведется в плане сопоставления этих понятий с их наиболее близкими соответствиями в концептуальном аппарате РИС, послужившем главной теоретической базой при выработке этих понятий.

9.1. Морфограмма vs. граммама. Наряду с граммемами в морфологическом описании целесообразно использовать также морфограммы — единицы, по степени глубинности занимающие промежуточное положение между граммемами и флексиями. Десигнатами флексий, с точки зрения неоструктуралистской морфологии, являются, строго говоря, не граммемы или их сочетания, а морфограммы и их сочетания³⁶. Получается, что у флексий есть

³⁵ Под репрезентантом словоформы будем понимать либо ее самое (для первичных словоформ), либо ту первичную словоформу, из которой она тождественно выводится (для вторичных словоформ).

³⁶ Учет буквального значения флексий и тем самым такого фактора, как «внутренняя форма» словоформы (а также и лексемы), оказывается эффективным не только в тех сферах, которые затронуты ниже, но и в некоторых других. В первую очередь это касается классификации частей речи. Элегантное решение проблемы частей речи в духе несколько осовремененного (нео-)фортунатовского формализма на основе учета именно внутренней

как «переносное», так и «буквальное» значение. Буквальные значения флексий состоят из морфограммем, а переносные (состоящие из граммем) в таком случае естественно описывать как их контекстные варианты³⁷, подобно тому, как фразеологически связанные значения слов в составе фразеологизмов описываются на базе внутренней формы словосочетания, состоящей из буквальных значений слов, входящих в этот фразеологизм.

Морфограмма — это результат абстракции отождествления над множеством сходно выражаемых граммем. Введение этого понятия позволяет минимизировать число случаев, описываемых с помощью понятия морфологической омонимии словоформ. Содержательно такое решение мотивировано тем, что значительная часть этих случаев не воспринимается как случайность; между тем омонимия, как правило, всегда «случайна», в отличие от синкретизма граммем в некоторых клетках парадигмы. Можно предположить, что эта разница в синхронном восприятии двух указанных классов явлений есть более или менее прямое отражение различия в историческом происхождении этих явлений. «Настоящая» морфологическая омонимия (то есть омонимия флексий) возникает преимущественно как результат действия определенных звуковых законов, обуславливающих независимое фонетическое развитие словоформ, тогда как морфологический синкретизм есть в первую очередь результат действия разнообразных аналогических процессов унификации парадигм³⁸.

Таким образом, описание идет по трехчленной схеме. При анализе эта схема имеет вид:

флексия	⇒	морфопадеж	⇒	падеж
флексия	⇒	морфород	⇒	род
флексия	⇒	морфочисло	⇒	число

грамматической формы слов предложено в статье *Поливанова 1990*: слова *заятя́дя*, *мостово́я* признаются адъективами в ж. р.; *прохо́жий* — адъективом в м. р.; *кра́йне*, *тепло́*, *хорошо́* — адъективом в кр. ф. ср. р., слова *бегбе́м*, *ша́гом* — субстантивом в тв. п., *молча́* — деепричастной формой глагола и так далее. Неоструктуралистская концепция морфограммем содержательно приходит в значительной степени к тем же выводам (и прибегает к сходным мотивировкам), хотя в слегка иной терминологической упаковке.

³⁷ Как известно, грамме́мы («общие грамматические значения»), в свою очередь, тоже имеют контекстные варианты в виде так называемых «частных грамматических значений». Но эта проблематика выходит за рамки (формальной) морфологии и уводит в область грамматической семантики. Об инвариантах в грамматике см. *Гак 1986*; *Перцов 2001*.

³⁸ Ср. попытку исследования таких процессов с функциональной (телеологической) точки зрения в *Трубецкой 1937/1987*; *Якобсон 1957/1985*.

При синтезе, соответственно:

падеж	⇒	морфopaдеж	⇒	флексия
род	⇒	морфopод	⇒	флексия
число	⇒	морфочисло	⇒	флексия

9.2. Морфокатегория vs. грамматическая категория. Морфокатегория состоит из морфограмм — отчасти подобно тому, как грамматическая категория состоит из граммем. Формально говоря, морфограммемы, входящие в одну морфокатегорию, даже характеризуются свойством «однородности» (с. 23), или теоретико-множественной взаимоисключительности, в том смысле, что любая конкретная словоформа содержит в своей внутренней стороне не более одной морфограммемы любой отдельной грамматической морфокатегории. На этом, однако, сходство между однородностью граммем и однородностью морфограммем заканчивается. Дело в том, что между морфокатегорией и категорией есть два существенных отличия. А именно:

(а) Однородность граммем одной категории (в языках флективного строя³⁹) базируется на их семантической комплементарности в том смысле, что «значения» разных граммем содержательно несовместимы друг с другом. Между тем морфограммемы, составляющие одну морфокатегорию, в общем случае вовсе не обязаны обладать свойством семантической комплементарности. Так, морфограммема 'родительно-винительный морфopaдеж', выраженная в сегменте *мужа*, находится в гиперонимическом отношении к морфограммеме 'винительный падеж', выраженной в сегменте *жену*, т. е. выступает в качестве более широкого понятия, семантически включающего более узкое. Поэтому свойство однородности у морфограммем одной морфокатегории носит чисто формальный характер.

(б) морфограммемы, составляющие одну классифицирующую морфокатегорию, могут быть разными у разных словоформ одной лексемы; т. е. на множестве словоформ одной лексемы классифицирующая морфокатегория может, вообще говоря, принимать разные значения. Так, категория морфopода у лексемы *стол* принимает значение мужского морфopода в форме *стол*, но мужеско-среднего — в *стола*. Более того, иногда (в порядке исключения) она принимает не просто разные, но даже прямо конфликтующие значения (так, в словоформе *путём* выражен 'мужеско-средний морфopод', а в словоформе *пути* — 'женский'; в сегменте *яблоки* выражен 'женско-мужской' морфopод, а в сегменте *яблок* — 'женско-средний').

³⁹ Ср. Булыгина — Крылов 1990с с лит.

9.3. Морфограмма vs. эталонное грамматическое значение. Эти же два свойства отличают морфограммы от элементов, входящих в так называемое «эталонное грамматическое значение» (с. 145). Кроме того, эталонное грамматическое значение имеется только у первичных словоформ, а морфокатегории покрывают все множество словоформ — как первичные, так и вторичные словоформы.

9.4. Морфокатегория vs. различительные признаки парадигм. В некоторых отношениях классифицирующие морфокатегории весьма близки к «различительным признакам» парадигм, названия которых включают эпитет «морфологический»: т. е., иными словами, морфород во многом близок к морфологическому роду, а морфочисло — к морфологическому числу. Однако различительные признаки в РИС

(а') обладают свойством комплементарности;

(б') принимают одно и то же значение у словоформ одной лексемы.

Между тем классифицирующие морфокатегории упомянутыми свойствами, вообще говоря, не обязаны обладать и во флективных языках обычно не обладают.

9.5. Морфород vs. род. Морфород — это результат абстракции отождествления над множеством словоформ, сходным образом флективно выражающим отнесение предмета к одному из крупных таксономических классов предметов, образуемых различиями живого — неживого, своего — чужого, мужского — женского и т. п. (в частности, классов, уподобляемых прототипическим ядерным подклассам на основании грамматической метафоры).

Полного соответствия между морфородом и деклинационным классом нет, так как, например, словоформы *стен-ой* и *двер'-ю* относятся к одному морфороду, но к разным деклинационным классам. В этом отношении морфород, как правило, весьма близок к морфологическому роду по ААЗ, однако здесь имеются и определенные расхождения. А именно:

(а) Морфологический род свойствен только существительным, числительным и местоимениям, а морфород — также и прилагательным (т. е. в этом отношении он скорее соответствует «эталонному грамматическому роду»).

(б) Морфологический род всегда характеризует лексему в целом, и, соответственно, «эталонный» грамматический род характеризует субстантивную или местоименную лексему в целом, а морфород мо-

жет быть разным у разных словоформ одной лексемы: например, сегменты *стол, столов* относятся к мужскому морфороду; сегменты *стола, столу, столом* — к мужеско-среднему морфороду; сегменты *столе, столы, столам, столами, столах* — к мужеско-средне-женскому или «общему» морфороду, хотя, впрочем, эти сигналы морфорода содержательно не конфликтуют друг с другом. В отличие от рода и от морфологического рода, морфород обычно представляет собой, вообще говоря, переменную (относительно лексемы) величину, значение которой зависит (в отличие от значения эталонного грамматического рода!) от степени выраженности деklinационных различий в различных клетках парадигмы (ср. *Дурново 1922/1971*). В истории русского языка последнего тысячелетия интенсивно шел процесс слияния и полного исчезновения морфородов в большинстве клеток плюральных субпарадигм⁴⁰.

(в) Морфологический род и эталонный грамматический род у существительных и местоимений в пределах одной лексемы постоянен (см. выше пункт (б)), а морфород не только может варьироваться по законам синкретизма в пределах одной парадигмы (как это отмечено в пункте (б)), но в исключительных случаях морфород одной или нескольких словоформ внутри одной парадигмы может также конфликтовать с морфородом большинства словоформ этой парадигмы. А именно, это бывает тогда, когда эта словоформа имеет «нестандартное условное окончание» (с. 221–234), заимствованное «из другого морфологического рода» (с. 222). Например, словоформа *гусята* выражает средний морфород, а *гусят* — женско-средний морфород, хотя лексема *гусёнок* относится к мужскому морфологическому роду.

9.6. Морфочисло vs. число. К одному морфочислу относятся числа, выражаемые одинаково в пределах данной лексемы. Например, одно и то же морфочисло — множественное — представлено в сочетаниях *одни сани* и *многие сани*.

Таким образом, формулировка традиционной грамматики, согласно которой «существительные *pluralia tantum* имеют только множественное число», соответствует неструктуралистской формулировке, согласно которой они «имеют только множественное морфочисло». Несмотря на отсутствие морфологической оппозиции по числу у *pluralia tantum*, их «внутренняя форма» достаточно прозрачна: она сигнализирует коннотацию множественности. Неоструктуралистская

⁴⁰ См. об этом *Кузнецов 1959; Марков 1974; Шульга 1988; Крысько 1994*.

формулировка позволяет отразить такую специфику «внутренней формы» соответствующих словоформ.

Отождествить морфочисло с «эталонным грамматическим числом» не всегда возможно, так как эталонное число приписывается лишь «первичным» словоформам, а морфочисло — любым словоформам. В частности, субстантивным сегментам в составе сочетаний *большое пальто* и *большие пальто* приписывается одно и то же морфочисло — «общее» (*morphonumerus communis*).

Введение понятия морфочисла само по себе не означает автоматического вытеснения понятия числа (в том смысле, в котором оно предложено в РИС). Однако попытка совместить понятие морфочисла с понятийным аппаратом РИС, не приводя к логическим противоречиям в теории, вынуждает к отличной от принятой в РИС трактовке фактов. Так, количество случаев, подводимых (в соответствии с концепцией РИС) под понятие омонимии чисел, в такой трактовке минимизируется практически до нуля. Иначе говоря, омонимии морфочисел в русском языке вообще нет, если не считать кумулятивной омонимии, представленной парами типа *лошади*_{ед} vs. *лошади*_{мн}, *пути*_{ед} vs. *пути*_{мн}, *солдат*_{ед} vs. *солдат*_{мн}, *помидор*_{ед} vs. *помидор*_{мн} (счета).

Словоформы, в явном виде (флексивно) выражающие принадлежность к тому или иному «морфологическому числу», относятся и к соответствующему «морфочислу»: например, словоформа *четырёх* выражает множественное морфочисло, а словоформа *пятью* — единственное морфочисло. Однако отождествить морфочисло с «морфологическим числом» не удастся, так как морфологическое число присуще лишь словоформам числительных и местоимений, а морфочисло — также и словоформам других разрядов. Кроме того, в парадигме некоторых собирательных числительных (*двое, трое, четверо, пятеро*) и местоименных числительных (*столько, сколько, несколько, много, немного*) представлено нестандартное условное окончание И. мн. -о, заимствованное из другого числа; поэтому соответствующие словоформы (И. мн.) выражают единственное морфочисло, хотя морфологическое число у этих лексем — множественное, и, таким образом, «эталонное» грамматическое число будет также множественным — даже в словоформах И. мн. Приведенный пример показывает, что морфочисло, вообще говоря, может быть разным у словоформ одной лексемы даже в том случае, если она имеет некоторое фиксированное морфологическое число (хотя такие случаи носят характер исключений).

9.7. Морфопадеж vs. падеж. К одному морфопадежу относятся падежи, выражаемые одинаково в пределах данной родо-числовой подпарадигмы. Иначе говоря, морфопадеж — это результат

применения процедуры выделения падежа, полученный исходя из максимально расчленённых правил управления⁴¹.

Соотношение между падежом и морфопадёжом может быть охарактеризовано следующим образом. Морфопадёж некоторой отдельной словоформы есть обобщённый ярлык для всех клеток парадигмы данной лексемы, в которых может фигурировать окончание нашей словоформы и которые при этом не отличаются от данной словоформы значениями морфограмм морфорода и морфочисла. Морфопадёж приписывается словоформам на основании сопоставления, проводимого в рамках одной лексемы и, более того, в рамках одной номинатемы.

Морфопадёж может состоять либо из ровно одного падежа (обычно так обстоит дело в агглютинативных языках) — тогда это монофункциональный морфопадёж⁴², например, в русском языке творительный морфопадёж (*столом*, *стеной* и т. п.), либо из нескольких падежей, тогда это гиперпадеж, или полифункциональный морфопадёж. Например, сегмент *стол* выражает именительно-винительный морфопадёж, сегмент *стене* — дательно-предложно-местный морфопадёж; здесь перед нами гиперпадежи. Однако не все случаи падежной неоднозначности устраняются таким образом: так, сегмент *двери* омонимичен и скрывает за собой два разных морфопадёжа — именительно-винительный (при прочтении во мн. ч.) и родительно-дательно-предложный (при прочтении в ед. ч.), таким образом, неоднозначность возможна и на уровне морфопадёжей.

Термины типа «именительно-винительный падеж» или «родительно-винительный падеж» широко распространены в славистике, но на метаязыке неструктуралистской морфологии в таких случаях следовало бы говорить не о падежах, а о морфопадёжах; только при этом условии употребление дефисных эпитетов типа «родительно-винительный» будет терминологически корректным.

⁴¹ Правило управления является расчленённым, если оно требует постановки существительных разных деклинационных подклассов в разных словоизменительных формах (Зализняк 1973, с. 77–78).

⁴² С точки зрения телеологической интерпретации языковой эволюции интересен вопрос, почему одни морфопадёжи остаются монофункциональными, а другие превращаются в гиперпадежи; ср. исследование причин такого феномена, как монофункциональность творительного морфопадёжа в славянских языках, проведенное Н. С. Трубецким (*Трубецкой 1937/1987: 217*). Характеризуя общее направление эволюции славянского склонения, Трубецкой усматривает в нём общую для славянских языков тенденцию — «стремление избежать совпадения» (творительного падежа с другими). Однако в настоящей статье мы не будем касаться интригующего вопроса о причинах и тем более целях эволюции деклинационных систем, ограничившись чисто констатирующими сухими формулировками.

Идея морфопадежа в значительной степени восходит к концепции морфологического синкретизма, развитой Р. О. Якобсоном. В терминологии Якобсона можно говорить о «пятипадежной», «четырепадежной», «трехпадежной» и «двухпадежной» системе (*Якобсон 1958/1985*, с. 184—186), имея в виду классификацию именно деклинационных типов слов, а не собственно падежную систему. В неструктуралистской терминологии речь здесь может идти именно о морфопадежах — причем полифункциональных, т. е. о гиперпадежах. Так, те морфологические сущности, которые Якобсон называет «прямой падеж», «косвенный падеж», «определенный падеж», «неопределенный падеж», «объемный падеж», «необъемный падеж», соответствуют морфопадежам (конкретнее, гиперпадежам) в предложенном понимании.

Хотя морфопадежи более прямо соответствуют флексиям, чем падежи, однако между флексиями и морфопадежами также нет изоморфизма. А именно, при омосемии флексии разных деклинационных разрядов (например, *стен-ой* и *лошад'-ю*) выражают один и тот же морфопадеж. Если учесть, что означаемое флексии содержит также морфород и морфочисло, то к фактам, препятствующим отождествлению морфопадежей с флексиями, следует относить явления кумулятивного выражения морфопадежа, морфорода и морфочисла. Флексии *-ом* (*Александр-ом*) и *-ой* (*Александр-ой*) выражают один и тот же морфопадеж, но не омосемичны, так как их десигнаты различаются на морфограммему морфорода: *-ом* выражает мужеско-средний морфород, а *-ой* — женский морфород; именно на этом различии нередко базируется феномен «субкатегориальной» конверсии — конверсии внутри одной части речи (ср. *маркиз* vs. *маркиза*). С другой стороны, возможна омонимия флексий, выражающих разные морфопадежи и одновременно разные морфороды: так, флексия дательного морфопадежа мужеско-среднего морфорода *-у* (*стол-у*, *дел-у*) омонимична флексии винительного морфопадежа женского морфорода *-у* (*стен-у*, *жен-у*), но такая омонимия разрешима в пределах собственно морфологического анализа, если она не сопровождается одновременной лексической омонимией (*вин¹-у* vs. *вин²-у*) или конверсией (*супруг¹-у* vs. *супруг²-у*, *маркиз¹-у* vs. *маркиз²-у*).

9.8. Морфологическая одушевленность и морфограммы. Любопытно, что на морфограммемном уровне представления высказывания нет никакого прямого аналога ни одушевленности, ни морфологической одушевленности. Это связано с тем, что про одушевленность и про морфологическую одушевленность какой бы то ни было словоформы, взятой в отрыве от контекста (и данной нам либо как «сегмент» в смысле РИС, либо как «лексически значимый сегмент» в понимании А. В. Гладкого, см. *Гладкий 1973а*, с. 30; *Гладкий 1973б*, с. 315), вообще нельзя судить на основании ее

флексии. Это означает, что морфограммам «(морфо)одушевленности» и «(морфо)неодушевленности» в русском языке, по-видимому, просто нет⁴³. Соответствующие граммы выражаются определенными комбинациями морфограмм других морфокатегорий — а именно, морфорода, морфопадежа и морфочисла. В терминологии, заимствованной из падежной теории ААЗ (*Зализняк 1973*), можно было бы сказать, что категория одушевленности и различительный признак морфологической одушевленности являются в русском языке «морфологически несамостоятельными»; в терминах неоструктуралистской морфологии здесь можно говорить о стопроцентной степени морфологического паразитизма граммы одушевленности⁴⁴.

10. Грамматические разряды в РИС

В РИС выделено пять грамматических разрядов: «расширенный адъективный» (≈ прилагательные, имеющие предикативную форму), «простой адъективный» (≈ прилагательные, не имеющие предикативной формы), «субстантивный» (существительные), «согласуемо-бесчисловой» (согласуемые числительные и местоимения) и «несогласуемо-бесчисловой» (несогласуемые числительные и местоимения).

Если для простоты пренебречь различиями между расширенным и простым адъективным разрядом, то соотношение между выделенными ААЗ разрядами можно схематически представить в виде таб-

⁴³ Сказанное верно лишь в том смысле, что на уровне морфограмм не получается построить ближайший прямой морфемный аналог одушевленности (как согласовательной категории) и морфологической одушевленности (как тесно скоррелированного с нею различительного морфологического признака парадигм). Однако косвенный аналог неодушевленности все-таки есть: это средний морфород. Можно увидеть определенную одностороннюю статистическую корреляцию между средним морфородом и неодушевленностью, трактуемой во всех ее аспектах: семантическом (ответ на вопрос «что?», а не «кто?»), синтаксическом (наличие граммы неодушевленности в смысле РИС) и морфологическом (различительный признак морфологической одушевленности в смысле РИС принимает значение неодушевленности). А именно: с вероятностью, достаточно близкой к единице, произвольная встреченная в тексте словоформа среднего морфорода является и неодушевленной (во всех трех аспектах). Обратное неверно, так что корреляция носит односторонний характер.

⁴⁴ Может быть, именно полный морфологический паразитизм граммы одушевленности и является основным (или даже единственным) реальным (хотя и не декларируемым) фактором, заставляющим А. В. Бондарко отказывать признаку одушевленности-неодушевленности в праве называться «морфологической категорией» (*Бондарко 1976*, с. 184—189), хотя признаку рода в этом праве не отказано.

лицы (такая таблица отражает пропорциональность различий между прилагательными и существительными различиям между согласуемыми и несогласуемыми бесчисловыми именами):

		категория числа словоизменительна	
		да	нет
категория рода	да	прилагательные	согласуемо-бесчисловые имена
	нет	существительные	несогласуемо-бесчисловые имена

Как отмечает ААЗ, одно из проявлений «объяснительной силы» описания⁴⁵ — его предсказательная способность по отношению к словам, не входящим в «исходный материал» (с. 14).

11. Расширенная система падежей

Замечательной чертой РИС было строгое доказательство того, почему целесообразно при описании русской падежной системы не ограничиваться шестью падежами, но вводить в описание (вслед за Н. Н. Дурново и Р. О. Якобсоном) также:

- (а) II родительный (= частичный падеж = партитив): *немного мёду*;
- (б) II предложный (местный падеж = локатив): *в снегу* (в отличие от I предложного падежа: *в снеге*);
- (в) счётную форму (аднумератив): *два часа* (в отличие от генитива: *в течении часа*).

Доказательство ААЗ базируется на строгой процедуре выделения падежа по А. Н. Колмогорову и В. А. Успенскому (с. 36—42).

С неоструктуралистской точки зрения логически возможно ещё одно решение указанных трёх проблем, при котором и падежная система продолжает оставаться шестичленной (в традиционном духе), и процедура выделения падежей не претерпевает никаких модификаций. Достаточно лишь несколько более дробно расщепить некоторые 'предметы'⁴⁶ на два разных 'предмета'. А именно, для русских

⁴⁵ Нет нужды специально оговаривать, что термин «объяснительная сила» понимается здесь в соответствии с отечественной (а не американской) традицией.

⁴⁶ Понятие 'предмета' (в смысле Успенский 1957) соответствует внутренней стороне «номинатемы» (в смысле Зализняк 1973).

существительных можно постулировать наличие трёх дополнительных словоизменительных категорий:

(а) «квантификации вещества»⁴⁷ с бинарным привативным⁴⁸ противопоставлением 'нейтральности'/'парциальности'; тогда в словосочетаниях *недостаток чая* и *недостаток чаю* будет представлена одна и та же граммема категории падежа — 'генитив', но две разных граммы категории «квантификации» — 'нейтральность' (*недостаток чая*) vs. 'парциальность' (*недостаток чаю*);

(б) «ипостаси» с бинарным эквиполентным противопоставлением 'идеальности' ('психичности')/'материальности' ('физичности'); тогда в словосочетаниях *художники ищут чего-то в снеге* и *воробьи ищут чего-то в снегу* будет представлена одна и та же граммема категории падежа — 'локатив', но две разных граммы категории «ипостаси» — 'идеальность' (*художники ищут чего-то в снеге*) vs. 'материальность' (*воробьи ищут чего-то в снегу*);

(в) «статуса» с бинарным привативным⁴⁹ противопоставлением 'свободного, или нейтрального, статуса' 'связанному статусу' ('аднумеративности'); тогда в словосочетаниях *два часа* и *в течение часа* будет представлена одна и та же граммема категории падежа — 'генитив', но две разных граммы категории «статуса» — 'свободный статус' (*два часа*) vs. 'аднумеративность'/'связанный статус' (*два часа*).

Недостатком такого описания следует считать введение в описание новых грамматических категорий с их (конечно, новыми) граммами, а достоинством — упрощение правил согласования слов-атрибутов (падежная система которых признаётся тоже шестичленной) и минимизация падежной омонимии у словоформ типа *воды* (единая словоформа генитива, а не пара омонимов: на множестве лексем женского типа склонения категория «квантификации» не определена) и *водё* (омонимическая пара, а не тройка: на множестве словоформ женского типа склонения категория «ипостаси» также не определена)⁵⁰.

⁴⁷ «Вещественная квантификация» составляет частный случай категории мензуратива (в смысле *Мельчук 1998: 95*), а 'парциальность' — разновидность 'димиинутива' (в смысле *там же: 95*).

⁴⁸ Привативность оппозиции здесь проявляется в факультативности употребления позитивного члена. О проблеме обязательности/факультативности в грамматике см. *Перцов 2001: 69—90*.

⁴⁹ Привативность оппозиции здесь проявляется в малоупотребительности позитивного члена.

⁵⁰ Следует признать, что трактовка аднумератива не как падежной граммы, а как граммы категории статуса не упрощает описания, но и не слишком усложняет его; во всяком случае, она является логически возможной.

12. Род существительных vs. пол: фамилии и слова общего рода как особый грамматический разряд?

С неоструктуралистской точки зрения, целесообразно применить принцип предсказательной способности (см. выше п. 10) также и в классификации грамматических разрядов. В частности, например, следовало бы признать большую объяснительную силу такой классификации, которая не ограничивается именами нарицательными, а включает также имена собственные. При описании «внешней стороны» словоизменения (т. е. словоизменительной морфонологии) ААЗ так и поступает: ср., например, правила установления морфологического рода топонимов (с. 144—145), схем ударения фамилий (с. 157), типа склонения фамилий и личных имен (с. 215—217) и др.

С неоструктуралистской точки зрения, целесообразно иногда выходить за пределы исходного материала и при описании «внутренней стороны» словоформ. Тогда вопрос о грамматических категориях русских имен должен был бы решаться несколько иначе. А именно, для фамилий следовало бы предусматривать словоизменительную категорию пола, состоящую из граммем «мужской» и «женский», включающих номинативный элемент значения «пол», сопряженный с синтаксическим элементом значения «род». Трактовка пола именно как словоизменительной категории фамилий находит себе поддержку и в практике антропонимической лексикографии⁵¹: в любых словарях фамилий пары типа *Ильин* (муж.) — *Ильина* (жен.) принято относить к одной и той же лексеме. Принятие такой трактовки для фамилий, естественно, влечет за собой комплекс дискуссионных вопросов, связанных с определением статуса категории пола у нарицательных существительных и у местоимений. Например:

(а) Не является ли категория пола словоизменительной для существительных типа *сирота*? Если является (что прямо следует из традиционному принятому в лексикографической практике признанию членов пары типа *сирота*_{муж} vs. *сирота*_{жен} представителями одной лексемы), то перед нами отдельный грамматический разряд «полоизменительных» или, если угодно, «генофлектирующих» существительных, к которым относятся как фамилии, так и существительные «общего рода»⁵².

⁵¹ Ссылка на словарную практику сама по себе не есть внутритеоретический аргумент для построения теории грамматики. Однако использование такого аргумента полностью созвучно внутренней логике РИС, где, по собственному признанию автора, именно традиционная лексикографическая практика является основой для практического решения вопроса об отождествлении и различении лексем.

⁵² Таким образом, появляется еще одна логически возможная трактовка слов общего рода, не рассматривавшаяся в РИС.

(б) Не относятся ли тогда к «генофлектирующим» вообще все существительные, входящие в пары типа «имя лица — имя лица женского пола» типа *хомскианец — хомскианка* (трактуемые обычно как словообразовательные)? Вопрос слишком сложен для обсуждения его здесь.

(в) Не относятся ли к «генофлектирующим» вообще все одушевленные существительные (в таком случае придется значительную их часть описывать как *masculina tantum, feminina tantum*, члены супплетивных пар, члены семантически нерегулярных пар и т. п.)? Этот вопрос также требует отдельного обсуждения⁵³.

Для признания некоторого значения грамматическим необходима его обязательность и регулярность для некоторого класса словоформ. А обязательность, как и регулярность, «вообще говоря, зависит от того, какой класс словоформ рассматривается нами как выделенный» (с. 25). В. М. Алпатов на этом основании считает, что «фактически мы можем любой элемент значения объявить обязательным и регулярным, подобрав подходящий класс»⁵⁴ (Алпатов 1979, с. 36).

⁵³ Применительно к французскому языку трактовка рода как словоизменной категории одушевленных существительных обосновывается в Гак 1986, с. 79—86. Применительно к литовскому языку подобная трактовка не отвергается принципиально, а признается в принципе допустимой, хотя и не оптимальной (по аналогии с трактовкой числа) в статье Булыгина 1970, с. 32—33.

⁵⁴ К сказанному В. М. Алпатовым можно, впрочем, добавить и прямо противоположное соображение, а именно: чем больше круг описываемых фактов, тем больше свидетельств в пользу трактовки некоторой традиционной «словоизменной» категории в качестве «классифицирующей». Так, учет фактов, свидетельствующих о том, что двучисловые русские названия съедобных плодов делятся на сингулярно-ориентированные (типа *свёкла* или *репа*) и плюрално-ориентированные (типа *огурцы*), предпринятый в Полеваева 1983, вполне достаточен для выдвижения гипотезы, согласно которой употребление соответствующих словоформ в «генерическом» референциальном статусе есть словообразовательный факт, так как выбор формального средства для выражения такого референциального статуса зависит от того, является ли существительное сингулярно- или плюрално-ориентированным. А если так, то и числовые соотношения в «неарифметических» контекстах суть отношения словообразовательные. В РИС признается (правда, очень осторожно), что возможна трактовка мн. ч. у некоторых двучисловых существительных в функции обозначения 'пары' (*сапоги, уши*) или 'ансамбля' (*волосы* = 'шевелюра') как словообразовательного средства (с. 61). Но та же ситуация наблюдается и со словами других семантических типов. Так, множественное число таких двучисловых слов, как *огурцы, баклажаны*, или единственное число таких двучисловых слов, как *репа, свёкла*, также носит не столько словоизменительный, сколько словообразовательный ха-

Между тем кажется интуитивно очевидным, что выделенный класс должен быть либо весьма многочислен, либо (если уж он немногочислен) большинство его членов должны быть весьма употребительны в речи (например, если это класс местоимений). Исходя из этого следовало бы признать такие классы, как одушевленные существительные, имена лиц, фамилии, вполне мощными классами слов, представляющими предположить в них особый грамматический разряд.

13. Согласование и согласовательные категории

Одно из важнейших достижений ААЗ в РИС — это глубоко продуманная теория согласования и согласовательных грамматических категорий (с. 62—88)⁵⁵. Если сопоставить ее с неоструктуралистской концепцией согласования, то выявляются следующие расхождения, заслуживающие внимания.

Согласование в РИС трактуется как морфологическая зависимость слова-атрибута (т. е. прилагательного или числительного) от предметного слова, причем о наличии согласования в некотором языке можно говорить в том случае, если эта зависимость имеет место при «атрибутивной связи» (с. 64). Из этого следует, что, например, в соответствии с концепцией РИС, в английском языке нет (внесловоизменяемого) согласования по роду, так как связь анафорических местоимений *he, she, it, they* со своими антецедентами является не атрибутивной, а анафорической. Более того, исходя из этой концепции, следовало бы признать, что в английском языке вообще нет согласования (в том числе и между подлежащим и сказуемым). Ведь зависимость лица и числа сказуемого от лица и числа подлежащего выражает не атрибутивную, а предикативную связь, а при атрибутивной связи выбор грамем у слова-атрибута вообще не контролируется его синтаксическим хозяином.

С неоструктуралистской точки зрения согласование может быть и в таком языке, где атрибутивная связь не оформляется в слове-атрибуте: например, в языках, где глагольное сказуемое включает показа-

актер. И то и другое — операторы образования собирательной лексики с вещественным (недискретным) значением. Только у сингулярно-ориентированных существительных собирательный дериват совпадает с их ед. ч., а у плюрально-ориентированных — с их мн. ч. (в чем как раз и состоит их «числовая ориентированность» в смысле А. К. Поливановой).

⁵⁵ Новизна подхода ААЗ к выделению согласовательных классов была отмечена уже авторами первых откликов на его концепцию (впервые сформулированную в статье 1964 г.). См., например, *Апресян 1966*, с. 162—165; *Плотникова 1966*, с. 125—126; *Ревзин 1967*, с. 90, 141, 161—162, 167.

тели лица, числа или рода подлежащего, можно также усматривать согласование. Согласование в широком смысле есть и в английском языке, где выбор местоимения 3-го лица зависит от числа, одушевленности и пола antecedента.

Независимо от понятия согласования в РИС вводится понятие согласовательной связи, охватывающей не только атрибутивную, но и любую другую «связь (...) между существительным и словом-атрибутом, при которой выбор сегмента слова-атрибута зависит от выбора существительного и (или) от грамматической формы, в которой оно стоит» (с. 69).

Из этой формулировки следует, в частности, что такие связи, как связь между *его* и *весь* в примере *я вижу его весь* (с. 81) или между *его* и *всего* в примере *я вижу его всего* (там же), не являются согласовательными, так как местоимения-существительные не являются разновидностью существительных⁵⁶. А если так, то и само понятие согласовательного класса (в его буквальном виде) к местоимениям-существительным неприменимо.

В отличие от РИС, в неструктуралистской грамматике понятия согласования и согласовательной связи трактуются как синонимичные.

С точки зрения неструктурализма, понятие согласования несколько шире, чем аналогичное понятие в РИС⁵⁷. Так, применительно к русскому языку оно охватывает не только (а) согласование прилагательного или числительного, но также (б) согласование глагола с подлежащим (в роде и числе); (в) согласование анафорического местоимения со своим antecedентом (в роде и числе). Заметим, что в

⁵⁶ Это означает, что для того, чтобы применить понятие согласовательного класса к «местоимениям-существительным», недостаточно всего лишь «заменить в определении II (§ 2.16) слово „существительное“ на „местоимение-существительное“» (с. 80), как предлагает ААЗ, так как это определение (с. 70) базируется на понятии согласовательной связи. Следовательно, необходимо также в определении согласовательной связи в § 2.16 (с. 69) заменить термин «существительное» на «предметное слово». Возможно, для большей общности определения II следовало бы и в нем также заменить термин «существительное» на «предметное слово».

⁵⁷ Приведенное замечание ни в коем случае не следует понимать как упрек по адресу автора РИС за то, что в РИС не описывается согласование глагола и анафорического местоимения (такой упрек был бы нелепостью). Речь идет всего лишь о том, что понятию согласования в РИС дана более узкая дефиниция, чем та, которая требуется для охвата понятием согласования указанных двух явлений.

более поздних работах ААЗ о согласовании (*Зализняк 1976а, Зализняк 1976б*) трактовка согласования шире: она охватывает и случаи типа (а), и случаи типа (б). Проблема трактовки случаев типа (в) остается не совсем решенной. Исходя из формулировки, по которой согласование имеет место «во фразе» (а не «в тексте»), дефиниция 1976 г. охватывает согласование относительных (а также возвратных) местоимений с их антецедентами (это же следует из приводимых примеров на согласование слова *который*). Однако как быть с местоимениями 3-го лица (которые нередко бывают связаны с данным словом не «во фразе», а «в тексте») исходя из этих определений, не вполне ясно⁵⁸.

При неоструктуралистской трактовке согласования отнесение слов типа *он, она, оно, они* к «несогласуемо-бесчисловому разряду» (с. 81, 98) представляется нежелательным. Правда, определенную трудность здесь представляет соотнесение с лексикографической традицией, разбивающей множество местоименных словоформ 3-го лица на 4 лексемы. Именно на эту традицию опирается РИС. Однако не исключена возможность так определить понятие согласования, чтобы выбор местоименных лексем в зависимости от класса и числа антецедента по определению оказывался бы разновидностью согласования. Что же касается разбиения множества местоименных словоформ третьего лица на 4 разных лексемы, то его можно либо при-

⁵⁸ Заслуживает внимания оригинальная трактовка согласования в рамках теории «Смысл \Leftrightarrow Текст», предложенная недавно И. А. Мельчуком. Согласно этой концепции, согласование (имплицитно) подразделяется на два разных понятия, первое из которых несколько шире второго: «согласование (в смысле Определения 4)» (*Мельчук 1993*, с. 49) (определение этого понятия дается в *там же*, с. 31) и «согласование (в широком смысле)» (*там же*, с. 30) (этому понятию дефиниция не дается вообще, но по контексту можно предположить, что имеется в виду некоторое понятие, в дефиницию которого не входит «Условие 1», т. е. условие «словоформа w_1 не является местоимением-заместителем, замещающим некоторое вхождение w_2 в E »). Морфологическую зависимость анафорических местоимений от их антецедентов, которая, понятным образом, не подходит под первое (узкое) понятие, но подходит под второе (широкое), И. А. Мельчук предлагает называть конгруэнтностью. При этом термин «согласование» употребляется то в узком смысле (например, когда говорится о «различиях между согласованием и конгруэнтностью»; см. *там же*, с. 49—50), то в широком смысле (например, когда говорится, что конгруэнтность есть «частный случай согласования»; см. *там же*, с. 30—31, 50). Второе (широкое) понятие согласования по объему приблизительно совпадает с понятием согласования в неоструктуралистской грамматике, однако понятию «конгруэнтности» (в трактовке И. А. Мельчука) здесь соответствует не «конгруэнтность», а «анафорическое согласование».

знать лексикографической условностью⁵⁹ и не учитывать его при решении вопроса о тождестве слова (тогда слово *он* оказывается столь же единым и имеющим столь же богатую парадигму, как слово *который*), либо включить в определение согласовательной связи такую ее разновидность, при которой от выбора существительного может зависеть не только выбор словоформы подчиненного слова, но и выбор самого подчиненного слова из небольшого числа морфолого-синтаксических синонимов, дополнительно распределенных относительно выбора предметного слова (контроллера, antecedента) и его формы. В принципе здесь возможны (непротиворечивы) обе трактовки⁶⁰.

14. Анафорические местоимения как особый грамматический разряд?

Неоструктуралистская трактовка согласования в некоторых отношениях сложнее, чем концепция согласования в РИС. Однако она позволяет дать более естественное объяснение некоторым фактам, традиционно описываемым с помощью понятия согласования.

Так, большое значение для всей теории согласовательных грамматических категорий, разработанной в РИС, имеют диагностические контексты, включающие анафорическую связь слова *который* со своим antecedентом (коррелятом) в главном предложении (с. 71–72). Эта связь вполне убедительно трактуется как «согласовательная» (*там же*).

Заметим, однако, что эта трактовка опирается на молчаливое признание слова *который* прилагательным: иначе во фразах, служащих диагностическими контекстами, не выполнялось бы определение согласовательной связи (с. 69).

Из определений, данных на с. 97 и 98, следует, что про любое слово на *-ый* «известно, является ли оно существительным или прилагательным (или ни тем, ни другим)» (с. 97).

⁵⁹ Такое решение, между прочим, принимается в Грамматике 1970 и Русской грамматике 1980 (*Плотникова 1980*, с. 532), хотя при этом в Грамматике 1970 родовые формы местоимений *он, она, оно, они* почему-то признаются (вслед за РИС) «несогласуемыми» (*Плотникова 1970*, с. 231).

⁶⁰ Хотя логические последствия их для концептуально-терминологического аппарата описания будут, возможно, неодинаковы. Трактовка, при которой категория рода у местоимений признается словоизменительной, кажется более предпочтительной в том отношении, что она не требует внесения изменений в определение понятия согласования, и это удобство достигается сравнительно небольшой ценой — отказом от традиционной лексикографической трактовки четырех местоименных словоформ. Достижимая стройность грамматической концепции, по-видимому, окупает эту затрату.

А теперь зададимся вопросом: откуда грамматист вообще получает сведения о том, что *который* — это прилагательное?

Сведения о частеречной принадлежности слова могут быть теоретически получены из следующих типов источников:

(а) некоторый «заранее известный» толковый словарь с определенной системой грамматических помет. Однако в имеющихся словарях слово *который* трактуется не как прилагательное, а как относительное местоимение;

(б) семантико-синтаксическая интуиция грамматиста. Однако в современной теории относительного предложения, существенный вклад в которую принадлежит ААЗ, местоимение *который* не без основания трактуется как предметное слово (местоимение-существительное), а не как слово-атрибут (местоимение-прилагательное) (*Зализняк—Падучева 1979*). Лишь в «архаическом типе» относительного предложения (*Зализняк—Падучева 1975*, с. 69—70) вроде просторечных *Который осел убежал, того мы любили* или *Которого осла мы любили, тот убежал* местоимение *который* может трактоваться как слово-атрибут⁶¹, однако, во-первых, предметом РИС является литературная норма, а во-вторых, в диагностических контекстах все равно представлены именно примеры на субстантивное употребление слова *который*;

(в) этимологическая интуиция грамматиста. Но с таким же успехом этимолог может трактовать слова *он, она, оно, они* как слова-атрибуты — на основании их этимологии⁶² и т. п.; этимологическая интуиция, вообще говоря, может завести нас далеко;

(г) морфологическая интуиция грамматиста: «раз слово *который* изменяется по родам, то, значит, оно представляет собой слово-атрибут». Но, идя по такому пути, мы совершаем логический круг. О соответствующей «серьезной логической трудности» пишет и ААЗ:

Принимая указанное разделение имен как заранее известное, мы занимаемся ниже выделением грамматических категорий внутри каждого класса. Между тем, как хорошо известно, само это разделение фактически опирается сразу на несколько признаков слова (семантических, морфологических и синтаксических), т. е., в частности, уже как-то учитывает наличие определенных грамматических категорий в каждом из классов. Иначе говоря, изображая это разделение как первичное, а выделение грамматических категорий как вторичное,

⁶¹ В русском языке существует, впрочем, и атрибутивное *который*, но оно употребляется не как относительное, а как вопросительное (*Который час?*) или как эмфатическое (*Который раз я спрашиваю!*).

⁶² Ср. также *оний* (книжн., арх.), выглядящее как полная форма от *он*.

мы идем на сознательное упрощение. В действительности в процессе познания поиск наиболее адекватного разделения слов на классы и наиболее адекватного набора грамматических категорий внутри классов идет одновременно, причем критерием успеха служит только адекватность полученной общей картины (с. 36).

Любопытно, что по внутренней форме (отражающей происхождение слов) оба этих местоименных существительных оказываются субстантивированными местоименными прилагательными. По деklinационному типу первое из них относится к адъективному⁶³ склонению, а второе — к местоименному. Наконец, с точки зрения внутреннего устройства парадигмы (т. е. по набору словоизменительных грамматических категорий) оба этих слова, по-видимому, следовало бы отнести к «анафорическому» (или, иначе, «квазиадъективному») разряду. «Анафорический» разряд (выделяемый при неоструктуралистской трактовке местоимений *он* и *который*, а также, возможно, местоимения *себя*) отличается от «простого адъективного» разряда лишь тем, что категория падежа у анафорических местоимений (в отличие от прилагательных) является не согласуемой, а управляемой категорией (наподобие субстантивного падежа), хотя и одноименной адъективному падежу. Вместе с тем анафорический разряд отличается и от «субстантивного» разряда: ведь анафорическим местоимениям (подобно тому, как словам-атрибутам⁶⁴) свойственны следующие (отнюдь не субстантивные!) черты:

(а) согласовательный класс (род + одушевленность) является словоизменительной (а не классифицирующей) категорией (притом согласуемой, а не только контролирующей согласование сказуемого)⁶⁵;

⁶³ Это и есть, видимо, главная причина соблазна увидеть в слове *который* прилагательное или местоименное прилагательное. Однако в рамках концепции РИС такой аргумент был бы несостоятелен: не считается же, например, слово *запятая* прилагательным на основании его принадлежности к адъективному деklinационному типу!

⁶⁴ NB: при неофортунатовском формальном подходе местоимение *он* действительно трактуется как адъектив (см.: *Поливанова 1990*: 53), несмотря на очевидную синтаксическую близость к существительному, именно на основании того, что категория рода является для этой леммы переменной величиной.

⁶⁵ Следует отметить, что неоструктуралистское понятие «контролирующей» грамматической категории охватывает такие вводимые в РИС понятия, как «род» (с. 22), «синтаксическая неодушевленность» (с. 22), «синтаксическое число» (с. 22), «подчиняющий падеж» (с. 23). Таким образом, попытка строить теорию морфологических категорий вообще без учёта контролирующих категорий (соответствующие признаки при таком подходе предла-

(б) число является согласуемой (а не «номинативной») и не только контролирующей согласование сказуемого) категориями.

Набор словоизменительных грамматических категорий (если принять вышеизложенные неоструктуралистские аргументы) у анафорических местоимений — тот же, что у прилагательных, однако падеж при этом носит реktionный, а не согласовательный характер.

Исходя из этих соображений представляется естественным трактовать *который* и *он* единообразно — а именно, как предметные слова; конкретнее, как местоименные существительные «анафорического» (или «квазиадъективного») грамматического разряда. А при определении согласования целесообразно учитывать такую его разновидность, как согласование анафорических местоимений с antecedентами. Одновременное принятие этих двух принципов позволяет естественным образом разрешить все вышеперечисленные трудности.

15. Заключение

°основы этого учения стали уже не-
пременной составной частью...

°сохраняет, таким образом, свое
значение исходного пункта важного
направления современных (...) исследо-
ваний, и вместе с тем выдающегося об-
разца научного мышления вообще.

Из того же научного комментария

В заключение отметим, что хотя все приведенные в эпиграфах цитаты взяты из статьи Андрея Анатольевича Зализняка о первой книге Ф. де Соссюра — «Мемуаре» (Зализняк 1977b)⁶⁶, мне представ-

гается включать в так наз. признаки синтактики, см. Мельчук 1998: 352), равно как и попытка полностью редуцировать понятие грамматических категорий к понятию словоизменительных категорий ценой полного отказа от анализа проблематики классифицирующих категорий (ср. Мельчук 1997: 247—251), представляется малопродуктивной; во всяком случае, такое кардинальное решение нуждается в хоть какой-нибудь мотивировке, а в тексте опубликованных частей русского перевода работы И. А. Мельчука «Курс общей морфологии» такой мотивировки пока что не появилось.

⁶⁶ В эпиграфах процитированы с. 289, 299, 301.

ляется, что они удивительно удачно подходят и к первой монографии самого Андрея Анатольевича, свой аналитический комментарий к которой я попытался предложить здесь ⁶⁷.

⁶⁷ Приступая к приятной обязанности высказывания благодарностей, первым делом я бы хотел выразить признательность своему отцу, Александру Львовичу Крылову (со слов которого я впервые узнал и о книге РИС, и о её авторе): около 25 лет назад он подсказал мне замысел настоящей статьи, делаясь со мною (устно) своими свежими впечатлениями от книги (увиденной глазами математика) и научными комментариями к ней. Все предварительные версии настоящей статьи были внимательно прочтены и исключительно подробно отрецензированы А. К. Поливановой. При обсуждении важнейших концептуальных моментов ею были найдены важные для меня решения и получены формулировки, принятые мною целиком и вошедшие в статью иногда дословно. Некоторыми проясняющими формулировками, также включенными в текст дословно, я обязан А. С. Касьяну. Кроме того, статья была прочтена также следующими моими коллегами: В. М. Алпатовым, А. В. Гладким, Н. А. Еськовой, И. Б. Иткиным, А. И. Коваль, В. А. Плунгяном, О. Г. Ревзиной, В. З. Санниковым, Я. Г. Тестельцом, М. В. Шульгой. Они взяли на себя труд высказать по моему тексту ряд ценных критических замечаний, которые я в меру своих сил постарался учесть. Существенную помощь при работе над статьей мне оказало также содержательное обсуждение затронутых проблем с В. И. Беликовым, С. Г. Болотовым, †Т. В. Булыгиной, В. А. Виноградовым, А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, А. Е. Кибриком, Е. В. Красильниковой, †В. Г. Чургановой, С. Е. Яхонтовым, а также консультации по некоторым библиографическим деталям, полученные от Т. А. Ганиевой и А. В. Тер-Аванесовой. При макетировании статьи автору оказал неоценимую помощь В. Ф. Борун. Принося искреннюю благодарность всем указанным лицам, за недостатки статьи я, разумеется, несу ответственность сам.

Литература⁶⁸

- *** Рец.: РИС // Русский язык за рубежом, 1968, № 2, с. 56.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. — 236 с.
- Алпатов В. М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 149 с.
- Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. — 302 с.
- Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ, 1986, № 2, с. 57—70.
- Арутюнова Н. Д.* О структурных и традиционных методах в грамматике // НДВШ. Филологические науки, 1963, № 4, с. 164—175.
- Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. — 607 с.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, ЛО, 1976. — 255 с.
- Булыгина Т. В.* Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970, с. 7—70.
- Булыгина Т. В.* Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. — 287 с.
- Булыгина Т. В.* Структурная лингвистика // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 337—339.
- Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Морфология // ЛЭС. М., 1990а, с. 313.
- Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Склонение // ЛЭС. М., 1990б, с. 456—457.

⁶⁸ В библиографии использованы следующие сокращения: БСЭ = Большая советская энциклопедия, 3-е изд.; ВЯ = Вопросы языкознания; ГРВЛ = Главная редакция восточной литературы; ГРФМЛ = Главная редакция физико-математической литературы; ЛО = Ленинградское отделение; ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990; НДВШ = Научные доклады высшей школы; НТИ = Научно-техническая информация; Обзор 1974 = Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Морфология. М.: ИРЯ АН СССР, 1974; Основы 1966 = Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966; ПГЭПЛ = Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: Предварительные публикации; ЯРК = Языки русской культуры; BSLP = Bulletin de la société de linguistique de Paris; WSA = Wiener Slawistischer Almanach.

- Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Флективность // ЛЭС. М., 1990с, с. 552—553.
- Виноградов В. А.* Структурная лингвистика // ЛЭС. М., 1990, с. 496—497.
- Вороцова В. Л.* Ударение. 1, § § 1—14, 16—21 // Обзор 1974, с. 39—59, 61—74.
- Ворт Д. С.* О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975, с. 53—68.
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1986. — 312 с.
- Гладкий А. В.* К формальному определению рода и падежа существительного // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973а, с. 24—53.
- Гладкий А. В.* Формальные грамматики и языки. М.: Наука, ГРФМЛ, 1973b, 368 с.
- Гладкий А. В., Мельчук И. А.* Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969. — 192 с.
- Доквадзе Е. А.* Синтез русских именных форм // Труды Вычислительного Центра АН Грузинской ССР, 1967, т. 7, № 1, с. 165—189.
- Дурново Н. Н.* О склонении в современном великорусском литературном языке // ВЯ, 1971, № 4, с. 90—104.
- Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М.: ЯРК, 2000. — 736 с.
- Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г.* Формальная модель русской морфологии. Часть I—II // ПГЭПЛ, вып. 111—112. М., 1978. — 48+59 с.
- Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З.* Формальная модель русской морфологии. Часть I. Формообразование существительных и прилагательных // ПГЭПЛ. М., 1971. — 71 с.
- Живов В. М.* Унификация склонения существительных в косвенных падежах мн. числа в памятниках XVII в.: характер вариативности и обуславливающие ее факторы // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993, с. 93—110.
- Журицкий А. Н.* [Решения задач] 10 и 11 // Лингвистические задачи. М.: Просвещение, 1983, с. 77—78.
- Зализняк А. А.* Краткий русско-французский учебный словарь. Около 10 000 слов. С приложением очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике. М.: ГИС, 1961. — 632 с.
- Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967а. — 370 с. (См. также наст. изд. С. 1—370.)
- Зализняк А. А.* О показателях множественного числа в русском склонении // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70-th birthday. The Hague — Paris, Mouton, 1967b, p. 2328—2332. (См. также наст. изд. С. 545—549.)
- Зализняк А. А.* О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973, с. 53—88. (См. также наст. изд. С. 613—657.)

- Зализняк А. А. Согласование // БСЭ, т. 24, кн. 1, 1976а, с. 67.
- Зализняк А. А. Согласовательный класс // БСЭ, т. 24, кн. 1, 1976а, с. 68.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь. М.: Русский язык, 1977а. — 880 с.
- Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977б, с. 289—301.
- Зализняк А. А. О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1983, с. 134—152. (См. также наст. изд. С. 559—576.)
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. — 428 с.
- Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М.: Наука, 1986, с. 89—219.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 51—102. (См. также наст. изд. С. 658—698.)
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979, с. 289—329.
- Иванов Вяч. Вс. Синхрония // БСЭ, т. 23, 1976, с. 438—439.
- Крылов С. А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика, вып. 19. М., 1982, с. 118—136.
- Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Лусеум, 1994. — 224 с.
- Кузнецова А. И. Предисловие // Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. — 144 с.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. — 327 с.; 2-е изд., М., 1987. — 272 с.
- Маслов Ю. С. К семантической типологии морфем // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978, с. 5—18.
- Маслов Ю. С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979, с. 195—201.
- Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972, с. 396—438.
- Мельчук И. А. Часть 1 // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Русский язык в исследованиях по автоматическому переводу. М.: ИРЯ АН СССР, 1974, с. 15—55.
- Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 5—51.
- Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность // ВЯ, 1993, № 5, с. 16—58.

- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: слово. М.: ЯРК — WSA. М. — Вена, 1997. — 401 с.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения. М.: ЯРК — WSA. М. — Вена, 1998. — 544 с.
- Милославский И. Г.* Морфология. Глава 1, §§ 1—9 // Обзор 1974, с. 13—20.
- Милославский И. Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981а. — 248 с.
- Милославский И. Г.* Морфология // Современный русский литературный язык. М., 1981b.
- Откупщикова М. И., Фитиалов С. Я.* Система морфологического синтеза для русского языка // НТИ, 1964, № 1.
- Перцов Н. В.* Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯРК, 2001. — 280 с.
- Плотникова В. А.* Построение раздела «Морфология» // Основы 1966, с. 92—127.
- Плотникова В. А.* Местоимение-существительное // Русская грамматика, т. 1. М.: Наука, 1980, с. 531—539.
- Плотникова В. А.* Местоимение-существительное // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
- Поливанова А. К.* Морфонология русского субстантивного основообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 26 с.
- Поливанова А. К.* Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983, с. 130—145.
- Поливанова А. К.* Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сб. ст. к 60-летию проф. В. А. Успенского). М., 1990, с. 41—69.
- Ревзин И. И.* Метод моделирования и типология славянских языков. М.: Наука, 1967. — 299 с.
- Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. М.: Наука, 1977. — 263 с.
- Ревзин И. И.* Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. — 287 с.
- Редькин В. А.* Построение раздела «морфонология» // Основы 1966, с. 7—49.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Прогресс, 1967. — 542 с.
- Трубецкой Н. С.* Мысли о словацком склонении // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987, с. 210—218.
- Успенский В. А.* К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень Объединения по машинному переводу, 1957, № 5, с. 11—18.
- Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 296 с.
- Чурганова В. Г.* Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. — 239 с.
- Шульга М. В.* Развитие морфологической системы имени в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1988. — 38 с.
- Якобсон Р.* Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985, с. 176—197.

- Andersen H.* The Peripheral Plural Desinences in East Slavic // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1969, vol. XII.
- Anderson St. R.* A-morphous morphology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1992. — XIV+434 pp.
- Hockett Ch.* Two models of grammatical description // *Word*, 1954, vol. 10, pp. 210—231. — Reprinted in: *Joos M.* (ed.) *Readings in linguistics. The development of descriptive linguistics in America since 1925.* 2-nd edition. N.Y.: American Council of Learned Societies, 1958, pp. 386—399.
- Křižková H.* Rev.: ПИС // *Československá rusistika*, Praha 1968, № 2, s. 111—114.
- L'Hermitte R.* Rev.: ПИС // *BSLP*, 1970, t. 65, fasc. 2, p. 102—103.
- Matthews P. H.* *Inflectional Morphology.* Cambr., 1972.
- Mel'čuk I. A.* *Towards a language of linguistics.* München: Wilhelm Fink, 1982. — 160 S.
- Street J. C.* *Khalkha Structure.* Bloomington, 1963.
- Veyrenc J.* Rev.: ПИС // *BSLP*, 1968, t. 63, fasc. 2, p. 165.
- Zalizniak A.* À propos de la division des désinences nominales russes en parties significatives // *Greimas A. J.* et al. (eds.) *Sign. Language. Culture.* The Hague — Paris: Mouton, 1970, p. 153—155. (*Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai Van Wijk dedicata.* Edenda cura C. H. van Schooneveld. Indiana Univ. Series maior. 1.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Русское именное словоизменение. — Печатается по изд.: М.: Наука, 1967.
2. Акцентная система современного русского литературного языка // *А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1985. С. 8–112.*
3. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики: Сб. статей / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 71–119.
4. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // *Славянское и балканское языкознание: Просодия. М.: Наука, 1989. С. 148–164.*
5. О показателях множественного числа в русском склонении // *To Honour Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 2328–2332.*
6. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // *Le mot, les mots, les bons mots = Word, words, witty words. Hommage à Igor Mel'čuck à l'occasion de son soixantième anniversaire. Les presses de l'Université de Montréal, 1992. P. 295–303.*
7. О понятии графемы // *Balkanica: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.*
8. Древнерусская графика со смешением ъ-о и ь-е. — Статья написана для сборника в честь В. Н. Сидорова (в печати).
9. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // *Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 53–88.*
10. К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 51–102. (В соавт. с Е. В. Падучевой.)*

Научное издание

Андрей Анатольевич Зализняк
«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Издатель А. Кошелев

Оформление серии Ю. Саевича

В подготовке оригинал-макета участвовали:

М. Толстая, А. Федосеев, А. Охотин

Корректор М. Толстая

Подписано в печать 16.07.2002. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 61,275. Заказ № 6712

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

- В. М. Алпатов.** История лингвистических учений. 368 с. 2001.
- Ю. Д. Апресян.** Избранные труды. Т. I–II.
Т. I. 480 с. 1995.
Т. II. 768 с. 1995.
- Н. Д. Арутюнова.** Язык и мир человека. 914 с. 1998.
- И. М. Богуславский.** Сфера действия лексических единиц. 464 с. 1996.
- А. В. Бондарко.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.
- Н. Н. Дурново.** Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.
- В. А. Дыбо.** Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. 736 с. 2000.
- А. А. Зализняк.** Древненовгородский диалект. 720 с. 1995.
- Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.** Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.
- С. Д. Кацнельсон.** Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.
- И. А. Мельчук.** Курс общей морфологии. Т. I–IV.
Т. I. 416 с. 1997.
Т. II. 544 с. 1998.
Т. III. 368 с. 2000.
Т. IV. 584 с. 2001.
- И. А. Мельчук.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». 2-е изд., доп. 368 с. 1999.
- И. А. Мельчук.** Русский язык в модели «Смысл↔Текст». 684 с. 1995.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.**
Вып. 1. 552 с. 1997.
Вып. 2. 488 с. 2000.
- Е. В. Падучева.** Семантические исследования. 464 с. 1995.
- Н. В. Перцов.** Инварианты в русском словоизменении. 280 с. 2001.
- А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. 544 с. 2001.
- Русский язык в научном освещении.** №№ 1–2. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении.** № 1(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995):** Сб. ст. 480 с. 2000.
- Слово в тексте и в словаре:** Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2001.
- Тань Аошуан.** Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). 896 с. 2002.

- В. Н. Телия.** Русская фразеология. 288 с. 1996.
- Е. А. Хелимский.** Компаративистика, уралистика. 640 с. 2000.
- И. Б. Шатуновский.** Семантика предложения и нерелевантные слова. 400 с. 1997.
- Д. Н. Шмелев.** Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.
Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. 496 с. 2001.
- Т. Е. Янко.** Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.

В «МАЛОЙ СЕРИИ» ВЫШЛИ КНИГИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Вежицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. 288 с. 2001.

Основные положения, развиваемые в книге, заключаются в том, что разные языки существенно разнятся в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. Автор показывает, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом такого анализа может служить «естественный семантический метаязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований.

Вежицкая Анна. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. 288 с. 2001.

Сборник включает ряд статей, посвященных различным аспектам взаимодействия языка и культуры. В них рассматриваются проблемы концептуализации эмоций в различных языках, вопрос о том, как присущие той или иной культуре ценностные установки влияют на использование языка носителями данной культуры, а также делается попытка экспликации смысла учения Иисуса, выраженного в евангельских притчах. Показано, как концепты, специфичные для отдельных языков и культур, могут быть описаны на основе ограниченного набора семантических элементов, составляющих «Естественный Семантический Метаязык».

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.

В книге рассматриваются ключевые идеи русской языковой картины мира, т. е. совокупность представлений об устройстве мира, которые говорящими на русском языке воспринимаются как сами собою разумеющиеся. Делается попытка выявить связь этих представлений с некоторыми специфическими особенностями русской культуры. В частности, рассматривается семантика ряда трудно переводимых русских слов (простор, попрекнуть, вдруг, заодно и т. п.), обсуждается вопрос о том, каков образ человека в русской языковой картине мира, как в ней представлены время и пространство, какие бытовые представления и общие жизненные установки в неявном виде закодированы в значении русских слов, в чем заключаются особенности задаваемых русским языком этических представлений.



А. А. Зализняк
РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ